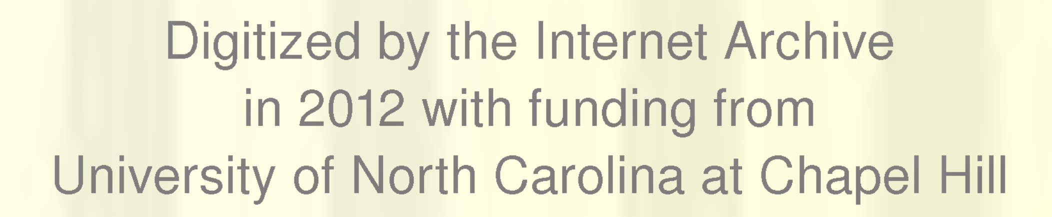


Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

N° 23

МАЙ 1964 года

СОДЕРЖАНИЕ

•

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

ПАРИЖ.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию А. А. Ракович — 10, Seebachergasse, Graz.

АНГЛИЯ. — Е. А. Барачевская — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 5954, Barton Ave, Los Angeles 38, (Calif.).

— Член Об-ва и его представитель на Нью-Йорк — Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57, (N.Y.).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, «Le Jardin», Landevénnec par Argol (Sud-Finistère).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеется еще небольшое количество нижеследующих изданий Об-ва:

1. — **"Записка о службе А. В. Суворова"** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.

2. — Номера **"В. И. Вестника",** начиная с № 8. Цена — 2,50 фр. или 0,80 дол., или 2,85 фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

В настоящее время бронзовые медали: 1. Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2. С. Петербурга (1703-1953), 3. Обороны Севастополя (1855-1955), 4. Полтавской победы (1709-1959) и 5. Отечественной войны (1812-1962) высылаются немедленно по получению заказа с обязательным приложением соответствующей суммы. Прием заказов на серебряные медали прекращен.

Цена Полтавской медали 9.00 фр. или 2,50 доллара или 10.00 фр.; цена Севастопольской — 10.00 фр., 2,50 долл. и 11.00 фр.; цена медали Гвардии или Петербурга или 1812 года 14.00 фр., 3,5 долл. и 15.00 фр.

МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Чтобы отметить это великое историческое событие, Правление выпустит в этом году памятную медаль диаметром в 50 м.м. В настоящее время бронзовые горельефы медали сданы Париж. Монет. Двору для изготовления стальных штемпелей.

Цена бронзовой медали — 16 фр. или 4 америк. доллара или 17 фр., а серебряной — 50 фр. или 12,5 доллара или 51 франк.

Медали, заказанные до 1 июня, будут рассылаться начиная с 15 сентября. Медали, заказанные после 1 июня, но до 15 сентября, будут рассылаться начиная с 1 ноября. После 15 сентября заказы будут приниматься только на бронзовые медали и они будут рассылаться начиная с 1 декабря. Заказы с одновременным переводом соотвествующей суммы надлежит направлять казначею Общества или же представителям Об-ва в С.А.С.Ш. А. Ф. Долгополову и в Нью-Йорке Г. В. Месняеву.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

Необходимое исправление

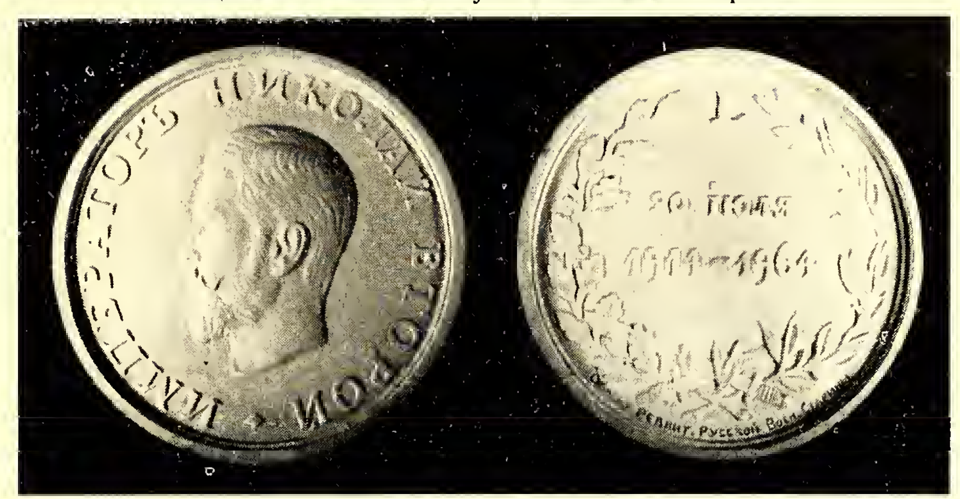
В статье "Лейб-Егеря под Кульмом", напечатанной в № 22 "Воен.-Ист. Вестника", на странице 9-й сказано, что л.-гв. Драгунский полк имел полковой нагрудный знак в виде "Кульмского креста" — это неверно. В этом полку, сформированном в 1814 году в Версали и носившем название л.-гв. Конно-Егерска-полка (л.-гв. Драгунским полком он стал в 1831 г.), не было полкового нагрудного знака. При праздновании 100-летнего юбилея в 1914 году вместо нагрудного знака был учрежден юбилейный жетон в виде медали в память взятия Парижа в 1814 г. на лицевой стороне и юбилейными датами — на обратной: носился он на серебряной цепочке. Кроме того, в л.-гв. Драгунском полку был нагрудный знак (учрежден 14 марта 1912 г.) в память Шефа этого полка. Великого Князя Владимира Александровича. Право ношения этого знака предоставлялось всем генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам, служившим в полку по день учреждения знака, а также всем нижним чинам, вступившим в службу до 1909 года. Знак этот представлял собою серебряный вензель В. К. Владимира Александровича. Вокруг вензеля — эмалевая лента ордена Св. Владимира. На концах ленты даты: на левом — "1847", на правом — "1909" (год назначения и год смерти Шефа полка); знак увенчан серебряной короной. Редакция приносит извинение перед читателями за вкравшуюся ошибку.

Ю. Т.

От Редакции

Ввиду обилия материалов опубликованных в этом номере, связанных с 50-летием начала 1-й Мировой войны, продолжение статей: Б. Н. Геруа — Боевой и мирный календарь Измайловцев 1915-16 гг., А. В. Щитков — Медали Отечественной войны и заграничных походов 1813-14 гг., Я. И. Кефели — Воспоминания морского врача и В. Е. Скальский — Из воспоминаний — будут напечатаны в ближайших номерах.

1914-1964
МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
Общества Ревнителей Русской Военной Старины



Фотография гипсовых моделей медали

Мысли и впечатления

(1914 ГОД)

Ю. Плющевский-Плющик

24 июля 1914 года. Опять наступают исторические моменты, а потому грешно было бы не записать все то, что буду видеть, переживать и те мысли, которые будут роиться в голове.

Война, о возможности которой всегда говорили с оттенком недоверия, нагрянула внезапно. Вся Европа ощетинилась, вооружилась и начала драку в течение нескольких дней. События следовали с поразительной быстротой. 10 июня в Сараеве был убит Франц Фердинанд и около месяца Австрия шумела безрезультатно и о войне никто не помышлял. 7-10-го франко-русские торжества. 12-го внезапное производство офицеров и начало подготовительного к войне периода, как ответ на ноту Австрии Сербии. 17-го — частичная мобилизация, 18-го — общая. 19-го — объявление войны Германией. 23-го — объявление войны Англией... Вот головокружительная быстрота событий.

Германия начала их, ибо ей принадлежала первая скрипка в европейском концерце и, если эта скрипка не дала должной ноты, то и ответственность в этом ее. Англия делала все, чтобы утихомирить народы. Миролюбие России известно. Франция тоже войны не желала. Что будет дальше? Сказать страшно, но, взвешивая беспристрастно обстановку, нельзя не признать, что стратегическое окружение немцев уже закончено: остается теперь перейти к тактическому, в это надо верить, этим жить, к этому стремиться. Теперь или никогда. Господи, помоги Великой России остаться Великой в часы великих испытаний.

23-го я уехал на войну. Академия распущена. Слушатели отправлены в полки, а мы, постоянный состав, в штабы по назначению. Я назначен в штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного форнта, генерала Жилинского. У нас две армии: Ренненкампфа и Самсонова. Оба боевые генералы с великолепной репутацией. Бог им на помощь. К моменту отъезда из Петербурга вести были хорошие. 4-я кавалерийская дивизия действовала лихо и оттеснила немцев на переходе к Лыку и портит дорогу Бяла-Иоганнисбург.

Завтра буду в Варшаве и узнаю подробнее. Воинский эшелон наш идет хорошо. Мирные картины из окна заставляют забывать, что в 200-300 верстах уже идет драка. Разве вот, на полях не всегда убранных совершенно не видно людей, особенно мужчин. Победы нам надо, ибо идем мы за правое дело.

6 августа. События назревают. 31-го была отдана директива по фронту, в которой излагалась предстоящая операция против Восточной Пруссии.

На линии Вержболово-Сувалки развернута 1-я армия в составе 3-го, 4-го и 20-го корпусов с 100 эскадронами гвардейской конницы и 3 кавалерийских дивизий. Армия идет в северном направлении отрезывает Мазурские озера с севера. От Августова на фронте Лык-Арис идет 2-й корпус, выставив заслон к Летцену, а далее к западу развернувшаяся 2-я армия, в составе 13-го, 15-го и 23-го корпусов, идет в обход той же группы озер с запада. Гвардейский и 1-й корпус, сосредоточившись у Варшавы, идут тоже вперед в обхват немцев.

Второй корпус (в составе 2-й армии) — ось операции. Его роль демонстрировать и удерживать немцев. Генерал Шейдеман производит великолепное впечатление. Был у него 4-го. Спокоен и уверен в себе.

Вчера, 5-го, 1-я армия уже заняла Сталупенен и взяла 8 орудий, 12 заряд. ящиков и 2 пулемета, а Шейдеман занял Лык. 2-я армия еще не перешла границу и сделает это 7-го. Господи, пошли нам удачу. После намеченной операции верно и война пойдет на убыль. Первые успехи очень важны. Вчера Жилинский со штабом переезжал границу и мы сами были свидетелями панического бегства немцев. Брошено все. Кофейники с кофе стоят на столе. Пища готовилась на кухне, а населения нет. Пастор забыл свои очки. Из захваченной корреспонденции видно в каком состоянии находятся немцы. Ужас перед казаками, в будущем голод, экономический кризис...

Вчера имел поручение передать 3-й гвардейской дивизии, чтобы она наступала на Августов. Застал дивизию в Домброве, сделавшую только что ночной переход в 35 верст. Удалось, после бешеного летания на автомобиле, догнать главнокомандующего и отменить приказание. Оказывается, что недоразумение произошло из-за шифрования телеграммы не тем ключом, и приказание о переходе из Соколки в Домброво дивизия в результате получила лишь 4-го в 5 час. 15 м. вечера. Пришлось идти ночью, а мы считали, что она отдыхает.

Штаб фронта чрезмерно подвижен. Носимся из пункта в пункт, а за нами вслед летят телеграммы. Верховный главнокомандующий настаивает на необходимости сидеть на месте, но мы этому мало внимаем, и сегодня опять из Гродно едем в Белосток. Не знаю, надолго ли.

28 августа. Трагедию 2-й армии опишу потом, когда будет время и соберусь с духом, а теперь интересно записать назревающие бои у Ренненкампфа. После сражения под Гумбиненом, 1-я армия беспрепятственно продвигалась вперед и, заняв линию Лабиау-Ангербург, оставалась в таком положении до 25 августа. Против Летцена оставался заслон из частей 43-й дивизии, которые наблюдали за этой крепостцой слабыми отрядами, затыкав и выходы от Мазурских озер. Доблестный Ренненкампф рвался вперед. Мечтали мы и об обложении Кенигсберга. Поговаривали и о бомбардировании Летцена. Гипноз Мазурских озер, испортивший нам операцию 2-й армии, продолжал иметь силу. Мы все мечтали кого-то обходить, что-то охватывать и держали 2-ю армию на том же фронте, забывая, что из-за Вислы немцы всегда могут высыпать ей во фланг все, что у них находится за крепостями. Для усиления этого обходящего крыла фронта хотели перетянуть и 2-й корпус, но поражение Самсонова сему помешало.

Так или иначе, но Ранненкампф стоял и усиливался второочередными дивизиями, а 2-я армия приводилась в порядок. Немцы, обломав себе зубы как бы замерли. К 25-му положение было таково: у Ренненкампфа находились 26-й (сведенный из второочередных дивизий) корпус; 20-й, 3-й, 4-й, 2-й корпусы и кроме того 54-я, 57-я и 72-я пехотн. дивизии, кажется, частью входящие третьими дивизиями в корпусы.

Фронт, выдвинутый несколько вперед, левым своим флангом примыкал к линии озер, далеко не находящихся в наших руках. Уступом за флангом, в Граеве высаживался 22-й корпус и 3-й Сибирский, входящие в состав 10-й армии. Западнее, в Ломже, начал сосредоточиваться 1-й Туркестанский корпус и еще западнее от Мышинца до Млавы растянулась 2-я армия, состоящая из неполных уже 1-го, 23-го и 6-го корпусов. 10-я армия была еще в зародыше. Эшелоны шли вперемешку. 3-я Финляндская бригада, заняв Бялу по инициативе генерала Стельницкого, двинулась на Иоганнисбург, была отбита и, отдыхая, стояла на биваке, не приняв мер охранения. Немцы воспользовались этим, наскочили на нее и 25-го она начала отступать к Граеву. Это первое крещение произвело нехорошее впечатление.

Остальные части корпуса, расположенные в районе Лыка, Граево, Райгород как будто бы сдали. Их корпусный командир ген. бар. Бринкен заявил, что ему надо не менее трех дней на приведение себя в порядок. Просьбу его исполнили и ему разрешили отходить и собраться к Августову. Подходившие части Сибиряков расположились в районе Граево-Осовец, но корпус еще далеко не был готов.

К 26-му обстановка была такова, что 1-я армия могла рассчитывать только на себя. 2-я армия была еще на нашей территории. 10-я, еще не родившись на свет, уже была несколько обескуражена частичной неудачей. Расположение армий уже нельзя признать удачным. 2-я, как и прежде, подставляла левый фланг, а 10-я, идя на помощь, могла быть атакована из-за озерных перешейков.

Между тем уже 26-го обнаружилось шевеление немцев. На фронте Гердауен-Бартен-Дренгфуртен была обнаружена кавалерийская завеса, поддержанная пехотой. Движение крупных сил, около корпуса, удалось проследить разновременно в направлении на озера на фронте Летцен-Арис. Чувствовалось, что удар готовился на левый фланг, да притом еще с его обходом.

В штабе забеспокоились. Ген. Орановский сегодня говорил, что он упорно напирал на необходимость тогда же оттянуть Ренненкампфа центром расположения к Инстербургу и с этим намерением привел даже главнокомандующего разговаривать с Ренненкампфом по телефону, но результат получился обратный. Бодрый и уверенный тон этого последнего вселил надежду в Жилинском на успех и дело ограничилось только советом отступить, но не категорическим приказанием. Ренненкампф только просил о поддержке его 22-м корпусом, но ему привели, как причину, его неподготовленность. Одним из мотивов главнокомандующего, неустоявшего в своем первоначальном решении, было (по словам Орановского)

боязнь, как бы перед 1-й армией не оказалось слишком мало немцев и как бы опять не пришлось отступать перед тремя корпусами. В разговоре Ренненкампф напирал на то, что за свое расположение он не боится и что обидно отступать перед немцами, которые в глазах первой армии, повидимому, ценились не высоко.

Наступило 27-е. День критический для 1-й армии. На фронт 3-го корпуса залезли незначительные силы немцев; 4-й корпус уже был атакован более; 26-я дивизия 2-го корпуса — очень сильно; а в проходе 169-й, 170-й полки и другая бригада 43-й дивизии — сильным натиском были смяты и в беспорядке отошли по направлению к Круглипкену. Той же участи последовал и 302-й (Суражский) полк. Сколько было немцев — неизвестно, но фронт охвачен был налицо и надо было спасать положение.

Уверенности в благополучии у Ренненкампфа поубавилось. В разговоре по аппарту он указывал на критическое положение фланга и сообщил, что отдал фронту распоряжение отступать, а на помощь своему левому флангу приказал к утру стянуть 72-ю и 54-ю дивизии. Вопрос ставился остро. Успеют или не успеют? Надо было помочь, и Ренненкампф просил двинуть, хотя бы на переход, Бринкена. Когда же главнокомандующий ему отказал, ссылаясь на потери в одной из бригад 22-го корпуса, то тот, не стесняясь, заявил, что в боях под Гумбинненом его 28-я дивизия несла еще большие потери, но продолжала сражаться и весьма доблестно. На заявление ген. Жилинского, что он даже конницей помочь ему не может, так как в 22-м корпусе пока только третьеочередные казачие полки к бою не годные, Ренненкампф ему ответил, что для этого есть прекрасное средство, которое он всегда практикует, то есть — командира отрешить, а несколько человек предать военно-полевому суду. На это Жилинский ему возразил: "Да, но для этого нужны Ренненкампфы, а не Бринкены..." Вообще фигура Бринкена сразу пошатнулась. Дай Бог, чтобы он исправился, а то смену этого генерала тоже приходится оплачивать дорогой ценой крови.

Вечер и ночь с 27 на 28 были тревожны. Я дежурил на телеграфе и с трепетом ждал утренних донесений. Наконец, в 6 час. 45 утра начали передавать депешу из Инстербурга, а в середине передачи ее видимо подошел сам Ренненкампф и попросил позвать главнокомандующего к аппарату. Я сейчас же сообщил по телефону и через четверть часа Жилинский был уже на телеграфе. Сведения поступили самые хорошие. Оказывается, что получив приказание отступать и видя, что на 26-ю дивизию, находящуюся левее, сильно наседают, а на фронте дело обстоит лучше, молодец Алиев, по своей инициативе, перешел в наступление, помял немцев и тем спас положение. Ослабив энергию противника, это молодецкое решение дало возможность отходящим войскам приободриться, и они вышли из боя молодцами, не оставив немцам ни одного трофея. Ренненкампф наметил армию отвести на линию Ауловен-Бубонин-Домбровнен. К Гольдапу сосредоточить 54-ю и 72-ю дивизии, а 20-й корпус перетянуть к левому флангу. Конница Хана и Рауха действиями на фланге должны были содействовать отступлению.

29 августа. Когда я вчера кончил писать, то и не подозревал, что наша 1-я армия близка к краху. Оказывается вчера вечером случилось что-то невероятное. Гольдап, наш крайний левый фланг, уже загнутый, был занят. Узнали об этом и об создавшемся критическом положении из разговора по телефону с Милеантом. Кто и когда его занял неизвестно. Но очевидно это обстоятельство подействовало на Ренненкампфа ошеломляюще. Придравшись по ничтожному поводу, он отрешил от управления своего начальника штаба Милеанта. Набросился на Смирнова, командира 20-го корпуса, и на начальника конницы Рауха и Хана.

Обстоятельства отрешения первого были таковы. О занятии Гольдапа Милеант узнал от прибывших двух офицеров, кажется, телеграфной роты. Это известие, в связи с занятием города 54-й и 72-й дивизиями, показалось Милеанту столь невероятным, что он тотчас послал этих офицеров лично доложить об этом командующему. Ренненкампф накричал на Милеанта, укорял его в интригах и происках и тут же отрешил от должности начальника штаба. Причина, казалась бы, и малая, но конечно это явилось результатом тех отношений, которые создавались постепенно и исподволь. Грустно это, и грустно потому, что не предвещают ничего хорошего.

Утром сегодня, конечно прежде всего, попытался узнать как прошла ночь. Вот что мне сказали. 43-я, 54-я и 72-я дивизии смяты. Кобринского полка осталась одна рота. 20-й корпус идет на Маркграбово от Августова, а 3-й Сибирский сосредоточивается к Граеву. Ренненкампф считает виновником всего этого 22-й корпус и называет его бездеятельность преступлением. В этом конечно он прав. 20-й корпус вряд ли можно винить, так как достаточно посмотреть на карту и промерить расстояние циркулем, что же касается конницы, то деятельность ее учесть трудно.

Ренненкампф сообщает, что он поставил ультиматум Смирнову и коннице и что сам едет туда, куда велит его долг. Оставшийся в Сталупенене Милеант сообщил, что командующий бросился на автомобиле в Инстербург, но, как будто бы, он доехал только до Гумбинена. Считаю такое летание дурным признаком. Верно человек потерял голову, а на войне голова очень нужна, особенно для командующего.

30 августа. За ночь сведения поступают весьма слабо и когда я, вместе с Хвощинским, нанес на карту положение за 28 и 29, то получилось что-то весьма невероятное. Надо подождать. Ренненкампф телеграфирует, что не может развивать аллюры, указанные ему главнокомандующим, ибо это отражается на порядке и на духе войск. Вчера при отходе дело доходило до штыков, особенно в 4-м корпусе.

Штаб армии переехал в Вержболово. 10-я армия идет сегодня на Маркграбово 22-м корпусом, 3-м

Сибирским на Граево и Лык. 2-я армия займет линию Виленберг-Росог. Что-то будет? Наглые немцы прут без особой осторожности. Хорошо бы им ущемить хвост.

Вечер. 30-го. Сегодня день разнообразных ощущений и переживаний. На южном фронте дело обстоит так хорошо, что, получив телеграмму, мы невольно предались ликованию. Известия эти совпали и со сведениями из Франции о блестящих победах наших союзников. Там немцы бегут, удирая от окончательного окружения. Положение австрийцев и их, на южном фронте, одинаково, но зато у нас продолжает твориться ужас.

Ренненкампф накануне полной гибели. Немцы заходят ему во фланг и колонны их показались уже в Роминтенской пуще немного южнее Гумбиннена. Втянулись в дело 1-й, 2-й и 20-й корпуса, уже третий день ведущие бои. 3-й и 26-й, вероятно, тоже отходят под давлением и где они теперь — Бог знает... Ренненкампф уехал в Вильковишки и почти прервал с нами связь. Ему телеграфировал Жилинский, что ввиду его отъезда от армии, он поручает 3-й и 26-й корпуса генералу Епанчину и приказывает ему перейти в наступление для спасения остатков. Легко сказать, но трудно сделать. Где эти корпуса и в каком виде? Ведь на них тоже верно наседают. 10-я армия не спасет дела. Пресловутые озера висят и у них на фланге и из-за них, как из мешка, немцы будут высыпать всю свою наличность.

Господи, помоги нам. Главное — спаси от позора. Жилинского надо убрать и это, наверное, будет сделано. 26-го, когда ему надо было настоять на отходе Ренненкампфа, он не сумел это сделать и согласился на его доводы, а теперь оправдывается и шлет наивно-недобросовестные телеграммы в Ставку, уверяя, что Ренненкампф не исполнил его приказания и теперь бежал от армии в Вильковишки. Чувствуется, что это судорожное хватание за власть. А ведь кто же виноват в приведении этого плана с Мазурскими озерами? Не он ли, как еще начальник Главного штаба. А кто гнал 2-ю армию, не имея мужества сознаться, что она без хлеба и дневок еще до сражения разбита. Наконец, кто не настоял на правильном решении об отступлении 26-го и поддался гипнозу завоевателя, не желающего отдавать взятое ценою крови? Бог ему судья в будущем, а в настоящем, для блага родины, его надо немедленно сменить. Но кого назначить? Вот вопрос...

31 августа. Армия Ренненкампфа накануне полного краха, если таковой уже не наступил. Штаб переехал в Ковно и за ночь имелось сведение только приблизительно о положении корпусов.

Вчера в час дня 26-й и 3-й корпуса занимали линию Вербен-Тракенен, 1-й, 2-й и 20-й корпуса обходились с фланга и головы. Дивизия пехоты и дивизия конницы уже заняли Сувалки. Ренненкампф донес, что надеется вывести 3-й, 1-й и 26-й корпуса. Утром было сведение, что 26-й в порядке дошел до Владиславова, но что люди вследствие усталости и пятидневного отсутствия хлебной порции представляют вообще мало способный к бою элемент. Направление корпус имеет на Средники на Немане. 3-й корпус направляется на Ковно, но где он и все остальные корпуса неизвестно.

Настроение у нас отчаянное. Все, кто сколько-нибудь понимает обстановку, повесили носы. Пока предположено следующее: 2-ю армию сосредоточить в районе Рожаны-Остроленка-Острог; 1-м Туркестанским занять Ломжу; 3-м Сибирским — линию Бобра; 22-й корпус — на Сопоцкинскую позицию у Августова, а остатки 1-й армии отвести к Вильне. Прибывающий Кавказский корпус займет Гродно. Левый фланг будет базироваться на Брест-Литовск.

По словам Леонтьева, начальник штаба вчера передал ему, что у Жилинского зародилась мысль отказаться от командования. Орановский не возражал ему. Давай-то Бог! Лучше сознать свои ошибки, чем сваливать с больной головы на здоровую. Сегодня списал некоторые характерные телеграммы Жилинского: 1) из телеграммы к Ренненкампфу — "Немедленно поверните 3-й и 26-й корпуса, которые вы бросили..."; 2) из телеграммы Верховному Главнокомандующему — "Бездействие генерала Ренненкампфа 29 августа, когда армия стояла, а должна была спешно отходить, поставило ее в критическое положение. Генерал Ренненкампф положительно потерял самообладание, нарушил с корпусами всякую связь, немедленно бежал в Вильковишки. Он прямо объят паникой".

Все это требует поверки. Связь порвал не Ренненкампф, а противник, и командующий армией, передвигаясь на театре войны, вовсе не бегает панически. Что касается бездействия, то выполнять отступление на быстрых аллюрах вряд ли на войне исполнимо, ибо отступление может перейти и в бегство. Характерно то, что Верховный Главнокомандующий не ответил на эту телеграмму. Жилинский написал Ренненкампфу, чтобы он сообщил ему истинное положение его корпусов и что он расчитывает на его "опытность и самообладание".

Вечер. Сейчас генерал-квартирмейстер показывал мне доклад начальника штаба главнокомандующему, в котором указывалось, что принятый план оказался не вполне удачным, а потому предлагается сосредоточить армии так: 1-ю на фронт Прены-Олита; 10-ю — на Августово-Гродно-Сапоцын и 2-ю — Белосток-Чижев-Радзивилов-Ломжа. Подкрепления подвозить в район Гродно. Таким образом фронт перейдет к обороне. Дал бы Бог спасти 1-ю армию. Оборона здесь давно подсказывалась, немцы на Бобр-Неман не пойдут, не будут тянуться и на Полесье. Здесь мы можем выждать и сосредоточить все, что у нас есть, т. е. корпусы 45-й и 16-й. Не знаю, какая участь постигнет этот доклад. Словесный главнокомандующий не принял, а этот будет по крайней мере документом.

Верховный Главнокомандующий поехал в Ставку Ренненкампфа. Когда утром Жилинский узнал об

этом, то изъявил желание тоже ехать, на что получил категорический ответ, что Великий Князь в Ковну не поедет. Оказывается, что в результате все-таки поездка состоялась, но без Жилинского. Я думаю, что это плохой знак и Ренненкампф не постеснялся наговорить и доложить все, что следует.

1 сентября. Слава Богу, Ренненкампф спасен. Все его корпуса вышли благополучно в район Пильвишки-Мариамполь-Людвинов, а кавалерия заняла Кальварию. Немцы повидимому утомленные параллельным преследованием свернули на Сувалки. Сколько их там — неизвестно, но сегодня обнаружено уже движение их к Кальварии.

О благополучном исходе Ренненкампф непосредственно донес Верховному Главнокомандующему, прибавив, что, получив дневку, войска успели отдохнуть, оправиться и будут вновь способны к бою. Телеграмма эта была перехвачена у нас и породила драму. Жилинский телеграфировал Янушкевичу с просьбой сообщить, сделал ли это Ренненкампф по своей инициативе или это ему было приказано. Если он сам миновал его, то ему это обстоятельство будет поставлено на вид. К телеграмме прибавлено и некоторое некрасивое искажение действительности. Ренненкампф ничего не говорит о предпологаемом переходе в наступлние, но тем не менее Жилинский телеграфирует в Ставку, что он категорически запрещает таковой переход корпусам, "которые м н е с таким трудом удалось вывести из критического положения". Совесть верно замучила старика и слово "мне" он вычеркнул.

Вообще отношения начинают портиться. Флуг, говорят, написал письмо Орановскому, в котором просит доложить Главнокомандующему, чтобы там не вмешивались в его распоряжения и ограничивались бы только постановкой задач. Из указаний даваемых фронтом, прибавляет он, усматривает, что начинается переход к куропаткинской стратегии. Боимся врага и упускаем случая его разбить. Немцы нахалы. Идя в Сувалки, они бросили свой тыл и если бы не были отозваны от Лыка и Маргграбова 3-й Сибирский и 22-й корпуса, то они поплатились бы за это.

Принятое расположение армии приписывают влиянию Ставки. Если это так, то грустно! Фронт 280 верст. От Ковны до Прасныша. Армии опять стоят на стоверстном расстоянии одна от другой и никто не гарантирован, что немцы, воспользовавшись этим, опять лупанут нас по частям.

Сейчас опять получена интересная телеграмма из Ставки в ответ на посланную Орановским относительно нашего растянутого положения. Содержание ее примерно такое. Верховный Главнокомандующий считает, что задачи указанные в директиве поставлены вполне ясно и определнно: удерживать фронт Гродно-Белосток, не подвергая 2-ю и 10-ю армии отдельному поражению. Что касается исполнения, то главнокомандующему фронтом предоставляется полное право и власть распоряжаться по своему усмотрению и Верховный Главнокомандующий не считает возможным что-либо еще прибавить к отданной директиве.

Если после этого Жилинский не уйдет — будет странно.

3 сентября. Ренненкампф отходит на Неман, слабо преследуемый немцами, которые, сосредоточив что-то у Сувалок, идут на фронт Олита-Меречь. Наши армии перешли к обороне, но разбросаны на колоссальный фронт. Повидимому уроки пропали даром и люди до сих пор не могут понять, что сосредоточенный кулак всегда действительнее, чем кордон на 300 верст расстояния. Неужели не ясно, что, сосредоточив армии между Ковно и Гродно, мы этим прикрыли бы и Варшавское направление и тыл Юго-Западного фронта. В пустое пространство немцы не пойдут, а если и пойдут, то подставят свой фланг или тыл. Гоняясь за затыканием всех дыр, мы опять будет подставлять свои армии под удар и толку от этого не будет. Спаси нас, Господь. Одна надежда на успехи французов или на отставку Жилинского. Всякий другой посмотрит на дело конечно иначе и выведет армии из настоящего, к сожалению, дикого положения.

6-10 сентября. 4-го отрешен от должности Жилинский. Оказывается, вопрос об его отрешении в Ставке был решен еще 31-го августа, но вероятно Великому Князю надо было снестись с Петроградом для приведения этого в исполнение. Как бы то ни было, но утром 4-го, Сегеркранц вбежал к нам в комнату и сообщил радостную весть. Телеграмма, подписанная Сухомлиновым, гласила: "Государь Император повелел отчислить вас от занимаемой должности с назначением в мое распоряжение".

Не успели мы как следует воспринять сенсационное известие и придумать, кем будет заменен смещенный, как оказалось, что генерал Рузский, победитель под Львовом, уже прибыл и принимает командование. К этому назначению все отнеслись в полным доверием, а приветливый и спокойный вид генерала Рузского еще более усилили это впечатление. Новый главнокомандующий, первое, что сделал, обошел все помещения, поговорил с каждым и вообще дал понять, что он человек доступный, с которым можно работать, не только исполняя приказания, но и высказывая свое мнение. Дай Бог ему успеха, но тяжелое наследство он принял. Армия Ренненкампфа оказывается совершенно растрепана. При отступлении потеряла около 100 пушек. Есть полки, где остались один офицер да сотня, другая нижних чинов.

Сегодня Ренненкампф отходит на фронт Ковно-Олита за Неман, так как неприятель наседает на него. 10-я армия сосредоточивается на фронт Сопоцкин-Остроленка-Рожаны. Фронт армий огромный и они отдалены друг от друга такими пространствами, что необходимо предпринять что-либо, т. к. иначе противник опять будет бить нас по частям, перейдя с 1-й на 10-ю, а потом и на 2-ю армию.

Мы, молодежь, предлагаем оттянуть 2-ю армию на фланг 10-й, т. е. поставить ее на фронт Гродно-Ковно и здесь сосредоточивать все, что прибудет из

России. Это главнейшее операционное направление с востока на запад и другого быть не может.

. . . .

Сегодня уже была телеграмма из Ставки, где предлагают линию сосредоточения Лида-Белосток. Это решение немного паническое. Конечно, на сегодняшнем совещании (Великий Князь приезжает в 9 часов вечера)оно будет изменно и вероятно выберут середину. Может быть и наше направление возьмет верх. Дал бы Бог.

4-го прощались с Жилинским. Он нам сказал: "Мне приходится вас видеть, господа, в исключительно тяжелую для меня минуту. Если я не признан ценить ваши заслуги, то позвольте же искренне поблагодарить вас за ваши труды. Если кого-нибудь задел и обидел — простите. Не поминайте лихом..."

Тяжелая картина. На панихиде легче. Как больно падать с такой высоты.

(Продолжение следует)

27-я пехотная дивизия в бою под Сталлупененом и в сражении под Гумбиненом

Ген.-лейт. К. М. АДАРИДИ

Ген.-лейт. Карл Михайлович Адариди (1859-1938) был в начале войны 1914 г. начальником 27-й пех. дивизии. Публикуемые здесь записки его о нашем первом наступлении в Вост. Пруссию являются интересным и несомненно важным документом для исследователя 1-й Мировой войны, как важным военно-историческим материалом были воспоминания начальника 29-й пех. дивизии ген. А. П. Розеншильд-Паулина, опубликованные в "Воен.-Ист. Вестнике" в 1955 и 1956 гг. (№№ 6, 7 и 8). Ни один из командиров корпусов армии ген. Ренненкампфа не оставил следа в военной литературе (краткие заметки ген. Епанчина в зарубежном "Русском Инвалиде" в счет не идут). Вот почему свидетельства начальников дивизий являются ценным вкладом в военную литературу по 1-й Мировой войне. Редакция приносит горячую признательность племяннику ген. К. М. Адариди, Николаю Ивановичу Гранбергу, за предоставление настоящих записок для опубликования в "Воен.-Ист. Вестнике".

Летом 1914 года 27-я пехотная дивизия была собрана для обычного лагерного сбора в Алексеевском лагере, близ Вильны, где находилась также вся артиллерия 3-го армейского корпуса, проходившая курс стрельбы на полигоне. Частные сборы близились к концу, предстояли общий и подвижные сборы, которые должны были закончиться маневром, предполагавшемся в Высочайшем присутствии, когда в ночь на 13/26 июля было получено, никем в лагере не ожидавшееся, распоряжение прервать сборы и немедленно возвратиться на зимние квартиры. В тот же день, частью по железной дороге, частью походом, полки и батареи двинулись в свои штаб-квартиры и здесь, в ожидании, ставшей вероятной, мобилизации, приступили к некоторым предварительным работам.

Этот выжидательный период продолжался до 18/31 июля, после чего, в силу полученного повеления об общей мобилизации, в штабе и частях дивизии закипела лихорадочная деятельность по приведению их в составы военного времени и по формированию учреждений, придававшихся им в случае войны. Мобилизация прошла гладко, по заранее разработанным планам, т. к. люди, призванные из запаса, и лошади, поставлявшиеся по конной повинности, прибыли без запозданий, а материальная часть имелась на лицо. В назначенные сроки все части и учреждения дивизии были готовы к выступлению в поход; они производили прекрасное впечатление и вселяли уверенность, что дивизия с честью выйдет из предстоящих ей, несомненно тяжелых, военных испытаний.

Люди прибывшие на укомплектование, были младших сроков, не забывшие еще то, чему их учили, не утратившие выправки и не отвыкшие от дисциплины. В части поступило также довольно значительное число добровольцев — явление, как следствие того подъема духа, который охватил тогда Россию. Лошади, прибывшие по мобилизации, вполне отвечали своему назначению, а материальная часть находилась в полной исправности.

Во главе бригад, полков дивизионов и батарей стояли знающие, опытные и энергичные генералы и штаб-офицеры, а корпус офицеров частей дивизий отличался однородностью, спайкой и вообще находился на должной высоте. Как среди начальствующего состава дивизии, так и его офицерства было довольно много лиц, участвовавших в войне с Японией и следовательно обладавших боевым опытом, причем во время этой войны боевая деятельность некоторых из этих лиц были выдающаяся.

Закрадывалось иногда, правда, сомнение в том, окажется ли работа тыла на должной высоте, сможет ли она правильно и своевременно доставлять на фронт все необходимое, но успокаивали себя тем, что как и в прошлые войны, все в конце концов так или иначе устроится. Являлась также мысль, что противники лучше снабжены техническими средствами, но особенного значения этому не придавали, т. к. тогда не дооценивали всего значения этих средств в современной войне.

Нельзя при этом не упомянуть, что вся дивизия относилась с большим доверием к назначенному командовать 1-й армией генералу Ренненкампфу, сумевшему приобрести популярность, когда он стоял во главе 3-го корпуса, в состав которого входила дивизия и затем поддерживавшего ее в роли командующего войсками округа. Ему приписывали военные дарования, считали его энергичным, способным побороть всякие трудности и верили в его счастливую звезду.

**
*

Закончив мобилизацию, дивизия была переведена в назначенный ей район сосредоточения, куда она прибыла в последних числах июля — 105-й пех. Оренбургский полк и 1-я батарея 27-й артиллерийской бригады в Сувалки, а 106-й п. Уфимский, 107-й п. Троицкий и 108-й п. Саратовский полки с пятью батареями бригады — в окрестности м. Симно. Сюда прибыл и 3-й мортирный артиллерийский дивизион и конвойная полусотня донских казаков. Дивизионной кавалерии не было и только впоследствии, уже на походе, к дивизии присоединилась сотня пограничников, впрочем не долго остававшаяся при дивизии.

Так как наступление немцев и появление более или менее значительных сил считалось не только возможным, но даже вероятным, в районах сосредоточения дивизии были подготовлены оборонительные позиции. Были возведены полевые укрепления, обстрелы расчищены до впереди лежащих рубежей, подготовлены данные для стрельбы артиллерии и отданы необходимые распоряжения. Использовать эти позиции однако не пришлось. Пребывание в Симно протекало совершенно спокойно, т. к. даже немецкие разъезды не появлялись в окрестностях местечка и до него не долетали аэропланы противника. Несколько тревожнее было в Сувалках, над которым появился немецкий аэроплан, по которому батарея открыла огонь после чего он улетел по направлению к границе. К этому городу подходил также слабый немецкий разъезд 10-го Конно-егерского полка, но был отогнан казаами, высланными командиром Оренбургского полка полковником Комаровым, в распоряжении которого находился один взвод. Во время этой стычки сторонами были понесены первые потери: немцы оставили одного убитым, а из казаков один был ранен. Последнего командующий армией наградил солдатским крестом, и таким образом он явился первым георгиевским кавалером за эту войну.

Во время пребывания на пунктах сосредоточения были получены приказы, ознакомившие с обстановкой и с теми задачами, которые возлагались на армию, входившую в состав Северо-Западного фронта. В них говорилось, что противник, направив большую часть своих сил на Францию, оставил в Восточной Пруссии 3-4 корпуса, несколько ландверных бригад, что авангарды его выдвинуты к границе, а главные силы, несомненно, находятся за линией Мазурских озер и что главнокомандующий фронтом намеревается перейти в решительное наступление в обход обоих флангов противника, с целью разбить его, отрезать от Кенигсберга и захватить его пути к Висле.

Для этого 1-й армии предписывалось перейти границу 3/16 августа конницей, а 4/17 — всеми корпусами входившими в ее состав. 2-я армия должна была перейти границу двумя днями позже. Главнокомандующий фронтом, генерал Жилинский, высказывал безусловное требование: "неприятель на всем фронте и во всех случаях должен быть энергично, с упорной настойчивостью, атакован".

Утром 1/14 августа части дивизии выступили из мест сосредоточения и двинулись по направлению к границе. Рано утром в этот день приехал в Симно, совершенно неожиданно, командующий армией генерал Ренненкампф, который объехал собранные войска и напутствовал их несколькими словами, способствовавшими еще усилить то бодрое настроение, какое, вообще, было в дивизии .

Движение к границе протекало совершенно гладко. Во время перехода 2/15 числа до колонн долетали звуки артиллерийской стрельбы с северо--запада, со стороны Вержболова, но что там происходило не было известно. Возникло предположение, что двигавшаяся севернее 27-й дивизии — 25-я столкнулась с противником и что первая, продолжая движение, охватит его правый фланг, но предположение это рассеялось, когда высланный на Вержболово разъезд привез известие, что у этого местечка произошел бой кавалерийских частей и что подвезенной на грузовых автомобилях пехоте удалось совместно с кавалерией заставить немцев отойти, причем ст. Вержболово осталась в наших руках. Впоследствии стало известным, что станции Эйдкунен, Вержболово и местечко Кибарты были заняты двумя батальонами 190-го п. Волжского полка и армейской конницей Хана Нахичеванского и что с утра 2 августа 3-4 батальона 1-й немецкой дивизии с артиллерией атаковали наше расположение, охватив его с обоих флангов. Тогда Хан Нахичеванский послал начальника штаба 2-й калерийской дивизии к начальнику 25-й дивизии ген. Булгакову просить немедленной помощи. Последний выслав к Вержболову 1-й батальон 98-го п. Юрьевского полка на грузовиках, присланных от кавалерии. Бой продолжался до вечера, причем мы удержали Вержболово, а немцы Эйдкунен.

3/16 августа дивизия подошла к границе и расположилась на ночлег в районе Матлавка-Вержины-Шаки-Капсодзе. Части, находившиеся в Симне, заняли северную часть этого района, а 105-й п. Оренбургский полк, с 1-й батареей, — южную, так что последний оказался отделенным от первых более чем на 5 верст. Сторожевое охранение было выставлено по течению пограничной речки Лепоны.

Ближайшими соседями дивизии были: на севере 25-я, входившая вместе с ней в 3-й корпус, расположившаяся вдоль шоссе Кенигсберг-Ковно и южнее его, а на юге — 40-я дивизия 4-го корпуса, разме-

стившаяся вдоль восточного берега Виштынецкого озера и следовательно отделенная от нас пространством в 10-15 верст.

Так как во время движения к границе переходы назначались большие, а части втянуты не были, то уже после второго перехода начало давать себе знать утомление людей. Этому в значительной степени способствовала выданная им по мобилизации новая обувь, "захорусшая" за время хранения в запасах и натиравшая ноги.

По прибытии в указанный выше район части дивизии нуждались в отдыхе, который был также необходим, чтобы подтянуть и учреждения, следовавшие в тылу и наладить связь с соседями, оставлявшую желать очень много. Особенно плоха была связь с южным соседом — 40-ю дивизией. Выступив без дивизионной конницы, дивизия была естественно лишена возможности установить сразу связь с соседями. Когда же затем уже на походе присоединилась к ней сотня пограничников, последняя оказалась недостаточной даже для одной разведки и потому поддержание связи пришлось возложить на конвойных казаков, оказавшихся весьма мало пригодными для этого дела. Воспользоваться отдыхом дивизии не оказалось возможным, т. к. ей, равно как и другим частям 1-й армии, приказом по последней за № 2 от 2/15 августа было приказано на следующий день, 4-го числа, перейти границу и занять в этот день главными силами корпусов линию Вилюнен-Сталлупенен-Герлишинен-Дубенникев-Ковален. О противнике в этом приказе говорилось, что на фронте Пилькален-Шилупенен развертываются части обеих дивизий 1-го армейского корпуса.

В развитие этого приказа последовал такой же по 3-му корпусу, в котором повторялись те же сведения о противнике и дивизии ставилась цель занять линию Гериттен-Доненен-Сайсенгена. Таким образом немедленно после перехода границы дивизии предстоял бой, причем на основании сообщенных сведений о противнике она имела полное основание считать, что будет наступать на правый фланг последнего. Такого же взгляда придерживались и в штабе 3-го корпуса, т. к. командир последнего, ориентируя своего северного соседа, начальника 29-й пехотной дивизии, сообщил ему что 27-я дивизия направляется на правый фланг немцев.

Ночь с 3/16 на 4/17 августа прошла спокойно. Действия ограничивались небольшими перестрелками сторожевого охранения с немецкими патрулями и разъездами. Каких-либо новых, более подробных сведений добыто не было, так что, готовясь вступить в первый бой с противником, приходилось довольствоваться теми общими данными, какие имелись в упомянутых выше приказах. Как будет видно дальше, данные эти были далеки от действительности. Пополнить этот весьма существенный пробел дивизия была лишена возможности вследствие отсутствия достаточного количества дивизионной конницы. Поэтому ей предстояло вступить в бой с серьезным противником как бы вслепую.

Недостаток конницы не давал ей также возможности установить надежную связь с соседями, особенно с левым — 40-й дивизией, отделенной от нас пространством в 10-15 верст. В силу полученных распоряжений дивизия около 8 часов утра 4/17 августа перешла границу и вскоре после этого немцы открыли по ней огонь, сперва из полевых орудий, а затем и из тяжелых, которых, как стало известно теперь, первоначально не было против нас у Гериттена и которые были вызваны командиром 1-го германского корпуса из Гумбинена. Так как в нашей армии в то время тяжелой артиллерии не было, а следовательно войска совершенно не были привычны к действию ее снарядов, то последние, естественно, вначале производили на них сильное впечатление; однако в силу того, что материальные потери не отвечали звуковому эффекту, то они сравнительно скоро с ними освоились.

Между 10 и 11 часами утра дивизия развернулась. Оренбургский, Уфимский и Троицкий полки, под общим начальством генерала Беймельбурга, образовали боевую часть, а Саратовский полк полковника Старусевича — общий резерв за ее центром. Артиллерия расположилась: 1-й дивизион 27-й артил. бригады на линии Будвейтшена-Мацкутшен, а 2-й — севернее Платена, 3-й же мортирный дивизион в районе фольварка Матлавка. Штаб дивизии был недалеко от д. Платен, на дороге в Пельшлаукен.

Охранение левого фланга дивизии и поддержание связи с соседней 40-й дивизией, находившейся, как упомянуто, на расстоянии в 10-15 верст, было возложено на сотню пограничной стражи, оказавшейся совершенно не подготовленной к выполнению этой задачи. Вследствие этого левый фланг оказался не освещенным и связь с 40-й дивизией установлена не была. Впрочем нельзя, к сожалению, не отметить, что в этом первом бою дивизии связь вообще хромала. Поддерживалась она посылкой ординарцев, т. к. телефонное сообщение установлено не было.

Не взирая на сильный огонь развитый немцами, части дивизии хотя и медленно, но успешно продвигались вперед. Около 3 часов дня Уфимский полк не только приблизился к Гериттену, но некоторые его передовые роты даже ворвались в селение, где завязался уличный бой. Троицкий полк овладел Доненом и стал продвигаться вперед в северном направлении к Гериттену. Что касается Оренбургского полка, то направление его наступления вывело его на крайний правый фланг гериттенской группы немцев. Овладев Будвейтшеном, а затем Сайсенгеном Кисельном, он переменил фронт на север и стал продолжать наступление на Погелы и Равенен, с целью охватить правый фланг немцев и зайти им в тыл.

К 4-м часам дня положение на поле боя было таково, что конечный успех казался несомненным. Сопротивление на правом фланге немцев было сломлено; находившийся здесь 41-й немецкий полк начал постепенно отступать, преследуемый Оренбургским

полком, который забрал пленных, а против Уфимского и Троицкого полков огонь начал слабеть. Назревал момент, когда нужно было двинуть вперед общий резерв для штурма неприятельской позиции, но как раз в это время на тыл Оренбуржцев обрушился сильнейший артиллерийский огонь. Так как было известно, что левее Оренбургского полка должно наступать 40-я дивизия, первоначально возникло предположение, что, не встретив противника, эта дивизия двинулась на выстрелы и, не имея связи с Оренбуржцами, приняла их за противника. Навстречу предполагаемой дивизии были посланы офицеры, туда же поскакал командир полка полковник Комаров, вскоре смертельно раненый.

Между тем огонь в тылу усилился; к артиллерийскому присоединились ружейный и пулеметный и стало ясным, что с юга наступает противник. Совершенно неожиданное появление его не могло не вызвать замешательства в полку, к тому же лишившегося своего командира. Продвижение его прекратилось; по почину частных начальников были выдвинуты части в новом направлении, но отступавший противник оправился и стал сам теснить Оренбуржцев. Расстреливаемый с фронта и тыла полк нес ужасающие потери и только жалкие остатки его, без пулеметов, удалось вывести из боя в западном направлении.

Катастрофа, постигшая Оренбургский полк, не могла не отразиться также на Троицком и Уфимском. Первый, поражаемый во фланг и отчасти с тыла, неся большие потери, подался назад, что вынудило и второй сперва приостановиться, а затем так же начать отступление. Для их приема, чтобы задержать противника, если бы он стал преследовать, был развернут Саратовский полк, но вступить в дело ему не пришлось, т. к. противник вперед не двигался. У него раздались звуки сигнала "отбой", после чего всякий огонь прекратился и с наступлением темноты немцы отошли к Гумбинену.

Под охраной выставленного сторожевого охранения, части дивизии спокойно провели ночь на 5 число, почти на тех же местах, с которых выступили для атаки у Геритгена. Кроме Саратовского полка и артиллерии, почти не понесших потерь, остальные части дивизии сильно пострадали, особенно Оренбургский полк, потерявший своего энергичного, доблестного командира, полковника Комарова, 31 офицера и 2959 нижних чинов и все 8 пулеметов, в общем, около 75 процентов своего личного состава. Вследствие такой убыли полк пришлось переформировать в шесть рот. Уфимский и Троицкий полки потеряли вместе 32 офицера, 3705 нижн. чинов и 4 пулемета. Общая убыль дивизии равнялась — 63 офицера, 6842 нижн. чина и 12 пулеметов, т. е. около 46 процента того состава, в котором она находилась во время перехода границы.

Неудачный исход этого первого боевого столкновения дивизии, начавшегося успешно и, как казалось сулившего полную победу, конечно не мог не отразиться на духе ее частей. Первоначальный подъем сменился некоторой подавленностью и нервностью. Только последующая победа под Гумбиненом смогла изгладить следы поражения под Сталлупененом. Томительно отозвалась также полная неизвестность происходившего у соседей, с которыми связи не было, а о их действиях ни штаб корпуса, ни его командир не сочли нужным поставить дивизию в известность. Только много позднее стало известным, что 25-я дивизия, при содействии 29-й, вела бой успешно.

Как видно из изложенного выше, бой под Сталлупененом успешно начатый дивизией окончился для нее серьезной неудачей. Левый фланг ее, на котором должна была наступать соседняя 40-я дивизия, оказался оголенным и противнику удалось проникнуть в тыл Оренбургского полка, победносно продвигавшегося в северном направлении на Геригтен. Поражение этого полка и его почти полная гибель отразились и на остальных частях дивизии. Таким образом, с одной стороны отсутствие 40-й дивизии на том месте, на котором она предполагалась, а с другой неожиданное появление противника в направлении, которое, казалось, могло считаться обеспеченным, повлекли за собой поражение дивизии и потери, доходившие до половины ее состава. Вызвано это было следующим.

В приказе 1-й армии № 2 от 2 августа было сказано: армии перейти 4 августа границу Германии и занять в этот день главными силами корпусов линию Вилюнен - Сталлупенен - Герминкененен - Дубенинкен - Ковален: мер же для урегулирования движения, в смысле его уравнения, указано н было. Вследствие этого дивизии корпусов перешли границу не одновременно: 27-я — около 8 ч. утра, а 40-я после 11, т. е. позднее больше чем на три часа. 40-я дивизия оказалась уступом назад и между нею и 27-й оказался никем не занятый промежуток более чем в 15 верст, в который и проник неприятель. Не располагая подлинными архивными материалами нет возможности установить причину позднего перехода границы 40-й дивизией. но он во всяком случае не может быть объяснен необходимостью для нее совершить значительный переход, т. к. она ночевала в м. Вышнединец, расположенный около самой границы. Выступи она одновременно с 27-й дивизией, головы обеих находились бы на одной высоте и бой 4 августа, вероятно, принял бы совершенно иной оборот.

В том же приказе 1-й армии говорилось, что имеющиеся сведения указывают, что на фронте Пилькален - Пиллутенен развертываются части обеих дивизий 1-го германского корпуса. Эти же данные о противнике вошли целиком в приказ 3-го армейского корпуса для действий 4 августа. Каких-либо дополнительных сведений дивизии сообщено не было и трудно предположить, что таковые вообще имелись, т. к. при отсутствии в армии летательных аппаратов, сведения эти могли собираться исключительно конницей, которая хотя и была в 1-й армии многочисленна, но энергичной разведывательной деятельности не проявила.

Основываясь на приведенных сведениях, дивизия была вправе считать, что правый фланг противника находится в районе Пиллупенена или севернее этого пункта, но никак не значительно южнее. Ход боя, примерно до 4 часов, оправдывал это предположение. Оренбургский полк, казалось, нащупал этот фланг у Будвейтшнена, а затем движением на Сайсенчен охватил его, заставив находящийся здесь 41-й германский полк начать отступление в северном направлении. Вскоре однако оказалось, что охватить удалось не правый фланг всего расположения противника, а лишь одной его группы; другая же поспешила на выручку первой и, ударив в тыл Оренбуржцев, решила участь боя не в пользу дивизии. Короче говоря, сведения о противнике, помещенные в приказах армии и корпуса, были не верны: вовсе не обе дивизии 1-го германского корпуса сосредоточивались на фронте Пилькален - Пиллупенен. На этом фронте была расположена только часть его сил, между тем как другая находилась значительно южнее. В настоящее время известно, что на фронте указанном приказом по армии была расположена только 1-я германская дивизия, правый фланг которой находился южнее Герттена, а 2-я дивизия занимала ряд пунктов значительно южнее Пиллупенена; левый фланг ее был у Тольминкемана, верстах в 20 южнее правого фланга 1-й дивизии.

Когда 1-я германская дивизия вступила в бой с частями 27-й дивизии, начальник 2-й дивизии, генерал Фальк, направился с частями находившимися у Тольминкемана (2 полка пехоты, 1 полк артиллерии и 1 эскадрон) на выстрелы, что и привело его в тыл Оренбуржцев. Сделать это он мог, т. к. вследствие опаздания 40-й дивизии путь для него был свободен. Таким образом главнейшей причиной поражения, понесенного дивизией — недочеты в распоряжениях отданных свыше, а именно неправильные сведения о противнике и в особенности непринятие мер для урегулирования движения корпусов при переходе ими границы.

Кроме указанной выше причины поражения дивизии, оно явилось также следствием отсутствия связи с соседями, в особенности с левым, и плохой разведки на ее левом фланге. Оба эти обстоятельства, оказавшиеся столь чреватыми последствиями, объясняются тем, что состоявшая при дивизии сотня пограничной стражи ни по численному составу, ни по своей подготовке не была в состоянии решать подобные задачи, а потому промежуток между 27-й и 40-й дивизиями оказался совершенно не освещенным и не оберегаемым.

(Продолжение следует)

Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич

Три свидетельства, сообщаемые мною ниже, имеющие историческое значение и непосредственно связанные с жизнью и смертью моего отца, Николая Николаевича Янушкевича, занимавшего в 1914 году должность начальника главного управления генерального штаба, могут заинтересовать историков 1-й Мировой войны.

То, что я пишу, известно мне со слов моего отца, когда мне было 17 лет, а также моей матери и близких родственников. В моем кратком сообщении я хочу подчеркнуть, что всякий раз решения моего отца играли главную роль, поэтому, чтобы понять их, я хотел бы дать объективную характеристику моего отца. С отдалением событий, о которых идет речь, эта характеристика может быть выражена в двух словах.

Мой отец был исключительно честный патриот, преданный всецело Императорскому режиму в России. Будучи долгое время в судебном отделе военного министерства, он отлично знал все правила, прерогативы и ответственность. С другой стороны, он очень критически относился к личностям. Императора Николая II-го он считал честным, но недостаточно уверенным в своих действиях, человеком, нуждавшимся в помощи людей преданных России.

⁂

Весной 1914 года мой отец получил из Швейцарии письмо, адресованное непосредственно ему, написанное на французском языке и подписанное псевдонимом: «Caesar le Vainqueur». В этом письме таинственный автор его предсказывал в недалеком будущем войну России с Германией, последствием которой будет революция и падение существующего в России режима, причем отцу советовалось не противиться этим событиям. Это письмо отец немедленно довел до сведения сыскной полиции для надлежащего расследования, но впоследствии он больше об этом странном предсказании ничего не слышал ни от «Caezar», ни от охраны.

⁂

В качестве начальника главного управления генерального штаба мой отец был ответствен за приведение в исполнение всеобщей мобилизации и в этом отношении только сам Император имел большую и решающую власть.

Как известно, Император Николай II и германский Император Вильгельм перед самой войной вели личные переговоры и наш Государь был убежден, что война может быть предотвращена этими переговорами. Вильгельм старался убедить Государя, что пока общая мобилизация в России не начата — войны не будет.

С другой стороны, мой отец знал благодаря нашей разведки, что германский план войны — внезапное нападение без объявления войны. Этим сведениям Государь не верил и категорически запретил отцу начинать мобилизацию без его личного разрешения.

Отец сознавал опасность создавшегося международного политического положения, а также свою огромную ответственность за успех мобилизации и в связи с этим за удачное начало войны. Он провел эти критические дни почти исключительно в своем кабинете, окруженный телефонами, один из которых был соединен прямым проводом с кабинетом Государя в Царском Селе. За эти несколько дней мой отец буквально поседел, хотя до этого не имел ни одного седого волоса.

Вечером ,накануне мобилизации, отцу доложили, что по известиям нашей разведки германский флот вышел из Киля и на всех парах направляется к русскому балтийскому побережью, с целью высадить войска, как предвидено было по плану для внезапного нападения. Единственным решением для спасения России было — немедленный приказ о всеобщей мобилизации, первый шаг которой предвидел минирование Рижского и Финского заливов и побережья.

Последующие несколько часов были, по словам отца, самые критические в его жизни. Он знал, что убедить Государя в правильности наших информаций невозможно. С другой стороны, если германский флот высадит войска до объявления мобилизации, план ее будет настолько расстроен, что придется импровизировать. Кроме того, после приказа о мобилизации остановить ее нельзя и, если сообщения нашей разведки неправильны, приказ о мобилизации послужит официальным поводом войны и следовательно отец будет зачинщиком войны, если отдаст приказ о мобилизации.

Мой отец взял на себя ответственность и, не доложив Государю, отдал приказ о всеобщей мобилизации. Я хорошо помню, как отец рассказывал мне после, что с этого момента он сидел за своим столом один, имея подле себя револьвер, с намерением покончить с собою, если его решение окажется неправильным. Около 2-х часов ночи ему доложили, что одно германское военное судно взорвалось на только что поставленных минах и германский флот повернул обратно.

Утром отец поехал к Государю и доложил о происшествиях ночи и что мобилизация в полном ходу. Нужно сказать, что Государь немедленно оправдал решение моего отца, расцеловал его, сказал, что он спас Россию и подписал указ о всеобщей мобилизации. Этот инцидент, кажется, остался личным секретом Государя и отца.

Только гораздо позже объяснилась причина решения Государя отправить моего отца с Великим Князем Николаем Николаевичем на Кавказ. Государь объяснял это последствием того, что в будущем он не мог расчитывать на его беспрекословное повиновение. Кавказ был ссылкой для обоих — они не имели права покинуть его без личного разрешения Государя. Мать моего отца умерла в 1916 году и отцу пришлось ждать телеграфного разрешения, чтобы поехать на ее похороны в Псковскую губернию. Оба покинули Кавказ после отречения Государя.

В своих мемуарах о войне Вильгельм, хотя и упоминает об инциденте германского флота, но считает отца зачинщиком войны, вероятно, ссылаясь на его личный приказ о мобилизации.

Ни Германия, ни Россия не имели в то время намерения оглашать этот инцидент, т. к. германский шаг, благодаря решению моего отца, потерпел неудачу а с русской стороны это должно было держаться в секрете, ибо отец мой, превысивший свою власть, подлежал бы суду. Я помню — все это объяснил мне мой отец, взявший с моей матери, меня и моего брата слово строжайшим образом хранить эту тайну и никому о ней не говорить. Только потом, после революции, отец написал об этом в своих мемуарах. К несчастью эти мемуары были зарыты во время большевиков у нас в имении в Черниговской губернии и их приходится теперь считать утраченными.

**
*

После революции мой отец был не у дел и жил сперва в нашем имении в Черниговской губернии, а потом, после захвата имения крестьянами, в самом городе Чернигове. Жил он там с моей матерью, братом и сестрой.

В начале февраля 1918 года за ним приехали на специальном поезде (один только вагон) два комиссара, арестовали его и повезли в штаб тогдашнего главнокомандующего Крыленко. Впоследствии выяснилось, что Крыленко предложил отцу быть его начальником штаба, на что отец категорически отказался. Тогда, с этим же поездом, его отправили в Петроград в Петропавловскую крепость, но по дороге был отдан приказ (не знаю кем), не довозить его живым.

Отец был убит спящим ,выстрелом в упор в голову. Его тело было выдано потом для погребения на Михайловском кладбище его родственникам. Отец был в халате, с обоженным одним усом от выстрела и отрезанным на руке пальцем, на котором он носил кольцо с бриллиантом.

Через некоторое время моя мать получила личную телеграмму от Троцкого, в которой он говорил, что считает убийство моего отца непоправимой ошибкой и большой потерей для России.

Сообщил старший сын генерала Н. Н. Янушкевича
Николай Янушкевич

ОТ РЕДАКЦИИ. Помещая здесь сообщение Н. Н. Янушкевича о своем отце, основанное на его личных воспоминаниях, Редакция одновременно напоминает читателям ту, как бы "официальную", версию обстоятельств мобилизации русской армии в 1914 году, какая существует в нашей военно-исторической литературе.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ВСЕОБЩЕЙ МОБИЛИЗАЦИИ РУССКОЙ АРМИИ И ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ВОЙНЫ РОССИИ ГЕРМАНИЕЙ В 1914 Г.

15 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии и 16-го ген. Янушкевич представил Госуда-

рю на выбор и на подпись два указа: об общей мобилизации и о частной мобилизации четырех округов, войска которых предназначались к действию против Австро-Венгрии: Киевского, Одесского, Московского и Казанского.

Чтобы понять весь драматизм ставшей перед Государем дилеммы: сразу общая мобилизация или сперва частичная — надо иметь в виду, что, произведя частичную мобилизацию, мы уж не могли гладко произвести общей мобилизации. Четыре юго-восточных округа мобилизовались ценой расстройства трех наиболее важных стратегических северо-западных округов. Мобилизационное расписание не предусматривало частичной мобилизации отдельных округов.

Надежда на миролюбие Вильгельма II была столь велика, что Государь, после мучительных колебаний, подписал указ о частичной мобилизации, назначив ее днем 17-е июля.

17-го же июля, издание официозной немецкой газеты "Локаль Анцейгер" сообщило о мобилизации германской армии. Русское посольство в Берлине немедленно же сообщило об этом событии в Петербург. Известие это коренным образом изменило обстановку — и в 7 часов вечера последовал Высочайший указ о всеобщей мобилизации. Первым днем этой общей мобилизации было назначено 18 июля.

Одновременно германское правительство опровергнуло сообщение газеты "Локаль Анцейгер" о мобилизации, но в то же время распорядилось задержать на почте телеграмму нашего посла, сообщавшую об этом опровержении. В Петербурге ничего не узнали и указ мобилизации был разослан в штабы Округов. Тогда, 18 июля Германия в ультимативной форме потребовала от России отмены мобилизации и в случае непринятия этого ультиматума Германия угрожала войной.

Император Николай II предложил Вильгельму II передать конфликт на рассмотрение третейского суда в Гааге. Ответом было объявление Германией войны России 19 июля в 7 часов вечера. (См. А. Керсновский. История русской армии. Т. 3, стр. 631 и 632).

Союзники и враги о Русской Армии в войну 1914-1917 годов

(К 50-летнему юбилею)

С. Андоленко

Война окончилась для России не поражением ее армии, а крушением самого государства. Последовавшие после революции события отвлекли внимание от исторических изысканий, а пришедшим к власти деятелям 3-го Интернационала прошлое России и Императорской армии было не только чуждо, но одиозно. Долгое время, за неимением под рукой русских трудов о войне на русском фронте, Европа пользовалась только немецкими источниками, причем источниками большей частью не серьезными и, мягко сказать, односторонними. В результате в Европе сложилось совершенно ложное впечатление о войне на русском фронте и, можно сказать, нелестное, даже оскорбительное мнение о Русской Армии. Вот почему не лишено интереса, к 50-летнему юбилею войны, привести некоторые свидетельства о русской армии тех иностранцев, которые имели с этой армией, более или менее, прямое общение.

Германский генерал Гофман свидетельствует, что русская армия учла опыт Японской войны: "Многому научились русские во время войны против Японии. Если бы они действовали против нас так же нерешительно, если бы их атаки были бы так же недостаточны, если бы они так же нервничали при малейшей угрозе их флангам и непроизводительно держали столько же войск в резерве, как в Манчжурии, борьба была бы для нас значительно легче. Но в войне против нас их приемы изменились. Ошибки, сделанные против японцев, не были повторены против нас".

Историк германской армии, Бекман, протестует против общепринятого мнения, что война на русском фронте была менее тяжелой, чем на Западе. "Война на Востоке была другой, но она не была легче чем на западе от Рейна. Число полков, отправлявшихся в Россию, непрерывно росло и, как общее правило, все эти переводы сопровождались внезапным и чувствительным увеличением потерь. Побывавшие на русском фронте войска надолго сохраняли память о перенесенных лишениях, выдержанных боях и о невероятном упорстве русского солдата".

Это подтверждает статистика потерь германской армии. Чемпионом ее был 41-й пех. полк, потерявший 6.815 убитых, за ним шел 43-й полк, с 6.072 убитыми, потом 3-й гренадерский, 5.730 и 1-й гренадерский, с 5.479. Все эти четыре полка почти никогда не покидали русский фронт.

После Гумбиненского сражения, германский полковник Франц записал: "20 августа 1914 г. впервые после 150 лет встретились в большом сражении пруссаки и русские. Русские показали себя тяжелым противником. Природные солдаты, они были дисциплинированы и превосходно обучены и снаряжены. Они были храбры и стойки и прекрасно применялись к местности".

Германский генерал ф. Позек отдает должное русской коннице — "русская кавалерия была достойна уважения. И офицеры и солдаты были превосходны. Особенно она отличалась в разведках. Ее дозоры и разъезды появлялись повсюду и умело поль-

зовались местностью. Русская конница никогда не отказывалась от боя. Часто она устремлялась на наши пулеметы и пушки, даже тогда, когда атаки ее были очевидно обречены на неудачу".

Германская официальная история войны отмечает, что "искусство стрельбы русской артиллерии было на высоте, вообще же русская артиллерия ни в чем не уступала германской" и добавляет, что "не надо недооценивать противника, который упорен и храбр".

Особенный интерес представляет мнение о русской армии французского полк. Мелло, посетившего русский фронт в начале 1915 г. в составе миссии ген. По. "Независимо от главнокомандующего, Вел. Кн. Николая Николаевича, блестящая личность которого парит над всеми другими, мы нашли во главе армий, корпусов, дивизий и бригад людей энергичных, молодых, крепких, образованных, блестящих, вполне на высоте предъявленных к ним требований — и физически, и умственно. Их обслуживали штабы, степень подготовки которых и деятельность, мы высоко оценили. Они работали умело, методически и спокойно. Пехотные части, которые мы видели на фронте, имели превосходный вид. Их обмундирование вооружение и снаряжение были в хорошем состоянии. Люди бодры, подтянуты, знающие себе цену. Наблюдая их вне строя, мы отметили их расторопность, дисциплину, почтение к начальникам. Дух их казался превосходным. Пища хорошая и обильная, санитарное состояние безупречное. В русских войсках не было эпидемий. Никого не удивит, что русские кавалеристы имеют очень лихой вид, люди энергичны и выносливы, лошади горячи, но хорошо выезжены, в превосходных телах. Константировали мы и высокий дух артиллерии, искусство их в корректировании и ведении огня, а также и строгий порядок в строю".

Услуги, оказанные в 1914 г. русской армией Франции, маршал Жофф признает в следующих выражениях: "Я пользуюсь всяким случаем, чтобы отдать долг уважения храбрости русских войск и выразить им мою глубокую признательность за действенную помощ., которую они оказали нашей армии в те трагические часы, когда Германия бросила на Запад почти все свои силы. Я никогда не забуду те тяжелые жертвы, которые геройски принесла русская армия, чтобы заставить врага, любой ценой, обратиться на нее".

Гинеденбург считает, что под Танненбергом, русские все-таки спасли честь: "И в этом безнадежном положении много русских героев продолжают все-таки сражаться за Царя. Они спасают честь оружия, но не исход сражения".

Поведение русских войск в Восточной Пруссии, судя по официальной германской истории войны, было совсем не таким предосудительным, как это обыкновенно говорят: "Картина поведения русских войск не будет полной, если мы не упомянем, что они часто выказывали человеколюбие, старались жить в добром согласии с оставшимся на месте населением и что даже, при случае, оказывали ему помощь. Так, например, русские обеспечили продовольствием жителей Белау, Иоганисбурга и Нейденшурга. Русские офицеры всегда всеми силами старались предупредить насилия и иногда, с оружием в руках, энергично выступали против своих собственных людей".

Много указаний о стойкости войск в 1914 г. можно найти в той же истории. Так она ставит в пример бой 2-го русского корпуса под Лодзью. Корпус этот с успехом сопротивлялся превосходным германским силам: 32 русских батальона, при 100 пушках, против 60 германских батальонов при 400 орудиях.

Ген. Гофман отдает справедливость кавказским войскам в боях под Ивангородом: "Кавказские войска форсировали Вислу и навели мост. Несмотря на все наши усилия нам так и не удалось сбросить с левого берега противника, который дрался с совершенно исключительной храбростью".

К началу кампании 1915 г. относится гибель 20-го корпуса, окруженного в Августовских лесах. Вот, что пишет немецкий журналист Брандт: "Одни на других лежали тела, но честь 20-го корпуса была спасена. Цена этой последней атаки были 7.000 убитых, павших в этот день. Попытка прорваться была безумием, но безумием героическим, которое показало русского солдата таким же, каким он был во времена Севастополя, атак Плевны, боев на Кавказе и штурма Варшавы".

В 1915 г. русская армия, ощущавшая большой недостаток в снарядах и патронах, почти голой грудью выдержала напор большей части вооруженных сил Германии и Австрии, добивавшихся решительной победы на русском фронте. Английский военный агент доносил своему правительству: "Мы узнаем, что производство снарядов равняется 35.000 в месяц, а потребности — 45.000 в день".

Английский капитан Нейльсон, находившийся на Юго-Западном фронте, пишет! "Последние бои 3-й армии были просто избиением, т. к. мы атаковали без поддержки артиллерии. Потери колоссальны. В одной дивизии 10-го корпуса осталось 1.000 бойцов, в другой — 900".

В истории 17-го германского артиллерийского полка мы находим такую заметку: "Надо было удивляться храбрости русской пехоты, выдержавшей без поддержки своей артиллерии, массовый, жестокий обстрел наших батарей".

И английский генерал Нокс так характеризует общее положение: "Дух русской армии проходит сейчас через многочисленные и тяжелые испытания, одного из которых было бы вполне достаточно, чтобы совершенно повалить любую другую армию".

Находившийся при австрийском командовании ген. ф. Крамон свидетельствует, что в критических боях под Холмом "русские дрались с храбростью отчаяния. Русский солдат, со своей исключительной стойкостью, и русское командование, со своим умением руководить отступлением, совершали чудеса".

В 1915 г. встретились на поле боя русская и прусская гвардия. Вот, что пишут об этой встрече историки германских полков.

1-й гв. пехотный: "Русские держались упорно. Здесь стояли их отборные войска, гвардия, которая дралась превосходно". 2-й гв. пехотный: "Снова две атаки, разбившиеся об упорство противника. Гвардия натолкнулась на гвардию". 3-й гв. пехотный: "Противник очень беспокойный. Днем обстреливает каждое движение, ночью все время работает его сильная разведка". 3-й гв. гренадерский: "Артиллерийская подготовка оказалась недостаточной, чтобы сломить русскую гвардию". 1-й гв. артиллерийский: "Против нас русская гвардия — доблестный противник". 2-й гв. артиллерийский: "Части русской гвардии держали себя с выдающимся упорством". 4-й гв. артиллерийский: "Русский гвардейский корпус умел драться и умирать". Гв. тяжел. артиллерийский: "Русская гвардия оказалась отборным войском".

Попытка вывести Россию из строя не удалась, что признает Гинденбург: "Окончательный результат операций и боев истекшего года не дал нам удовлетворения. Русский медведь избавился от пут, которыми мы хотели его связать. Правда, он кровоточил не из одной раны, но он не был поражен насмерть. Он распрощался с нами, нанеся нам дикие удары. Говорили, что потери людские и материальные, понесенные русскими, были столь велики, что мы могли быть спокойны за наш фронт, но мы не смогли даже провести в относительном спокойствии зиму, русский думал обо всем, но не о том, чтобы держать себя спокойно".

Действительно, уже в начале 1916 г., желая облегчить положение Вердена, русские атаковали "сквозь болото и кровь" на оз. Нароч. Ген. Гофман отмечает, что "атаки пехоты велись, как всегда, с храбростью и упорством, не считаясь с кровавыми потерями".

В мае же, выручая Италию, началось победоносное наступление Брусилова. По этому поводу французский историк Анри Биду отмечает: "Размеры русского наступления были большим сюрпризом для Германии. Она думала, что Россия была уже практически выведена из строя, и вот она вновь появилась на полях сражений и с удвоенной энергией. Почти все плоды больших усилий 1915 г. были потеряны". То же свидетельствует Жоффр: "Русское наступление сразу дало великолепные результаты. Под его ударами австрийская армия плачевно разваливалась ,несмотря на поддержку германских дивизий".

Интересны записки итальянского полк. Марсенго, во время его поездки на фронт: "Я наблюдаю, что дух русских войск на высоте. 12 часов поезда — 12 часов боевых песен".

"Солдаты 406-го полка, вошедшие сегодня утром в Ставок, вместо отдыха пожелали похоронить своих 400 павших товарищей и подобрать трофеи, раньше всего патроны и ружья, которых им так давно не достает. Войска одушевлены энтузиазмом и рвутся преследовать врага".

Потом была бойня на Стоходе, которую пришлось продолжить и на других фронтах во имя спасения Румынии и опять чрезвычайно тяжелые потери. Должно быть в благодарность за пролитую щедро за них кровь румыны назвали потом русских "предателями". И вот тут свидетельствует враг, Гинденбург: "Пока мы громили Румынию, русские атаки продолжались непрерывно. Если Румыния пала, вина в этом не ее союзников".

Напомним об операциях на турецком фронте, приведя три выписки из воспоминаний ген. Лиман-фон-Сандерс, советника при турецком командовании.

Началась война в 1914 г. Сарыкамышской операцией. "Эта операция, для которой Энвер-паша взял на себя командование 3-й армией, окончилась полным уничтожением этой армии, первой, которую турки выставили на войну".

Взятие штурмом Эрзерума поразило и друзей и врагов: "Потеря Эрзерума держалась в таком секрете, что султан и его окружение долгие месяцы ее игнорировали".

Решительное и последнее крупное сражение на этом фронте имело место в июле 1916 г.: "Уже 7-го июля русские внезапно атаковали центр 3-й армии. 8-го правый фланг этой армии был смят. Отступление центра скоро перешло в бегство. Русская кавалерия прорвала фронт в двух местах, что вызвало панику в тылах. Итак, русские предупредили намерения турецкого командования, разбив наголову 3-ю армию до окончания сосредоточения 2-й".

Верности присяги русского солдата можно посвятить надпись на памятнике, поставленном сербами в Боснии после войны: "Неизвестному унтер-офицеру и трем рядовым русской армии, расстрелянным врагом за любовь к Родине и верность долгу. Взятые в плен австрийцами и, получив приказание грузить снаряды на ст. Меджедже, отказались работать на врага, предпочитая смерть. Имена их знает Бог".

Подготовлялась кампания, которая должна была принести союзникам победу — кампания 1917 года.

"Мы имели все основания предполагать", пишет Гинденбург: "что зимой 1916-17 гг. русские смогут, так же как и в прошлые зомы, заменить потери и восстановить всю наступательную мощь своей армии. Мы не располагали никакими данными о признаках разложения в русской армии".

Наконец, Черчиль отмечает: "Мало эпизодов Великой войны более поразительных, чем восстановление, пополнение и гигантское усилие, совершенное Россией в 1916 году. В предвидении кампании 1917 года Русская империя выставила более многочисленную и лучше снабженную армию, чем ту, с которой она начала войну. В марте 1917 г. Царь был на троне, русский народ держался твердо, фронт крепок и победа обеспечена. В этот момент война уже была выиграна для России".

Но Бог судил иначе.

Во время брест-литовских переговоров, ген. Гофман часто встречался с ген. Скалоном, впоследствии не выдержавшим позора своей родины и застрелявшимся. "Я часто говорил с ним о восхитительной Императорской русской армии и спрашивал, как могло случиться, что революция ее так быстро разложила".

Ответ на это дает нам полковник Мелло: "В описании русской армии, которое мы привели, читатель вероятно заподозрит нас в чрезмерном оптимизме. И все-таки все то, что мы сказали является сущей правдой... Тогда читатель не поймет, как мог такой здоровый организм погибнуть менее чем в два года. Дело в том, что он и не подозревает о могуществе тех темных сил, которые сыграли свою роль во время войны".

Дело у деревни Моравин

(Из записок) *И. Н. Шатилов*

9(22) ноября 1914 г. нашей дивизией было получено приказание штаба корпуса о начале движения 10(23) ноября, к северу от Калиша, для вступления в пределы Германии. Наша дивизия была двинута двумя колоннами. Справа шла 1 бригада ген. Красовского, левее — 2 бригада — Княжевича. Штаб дивизии шел со второй бригадой. Наша разведка, высланная еще накануне вечером, перешла в некоторых местах государственную границу, не встретив серьезного сопротивления. С утра поступило уже несколько донесений с обозначением места отправления — "Германия".

Около полудня наша бригада перешла шоссе Калиш - Турек и небольшую, но очень болотистую речку, протекавшую восточнее и параллельно этому шоссе. Штаб дивизии остановился в селении Моравин, что на шоссе Турек - Калиш. В это время к нам подошел наш разъезд, захвативший австрийского кавалерийского офицера, посланного для связи.

При тщательном просмотре полевой сумки этого офицера в ней было найдено сообщение германского командира корпуса, генерала Фроммеля, — генералу Дихтгофену о предстоящем расположении его конного корпуса на ночь. Таким образом мы узнали, что два кавалерийских корпуса противника собирались ночевать в районе позади нашей дивизии. Перевод этого документа произвел впечатление разорванной бомбы.

Мы не ожидали встретить противника до германской границы. К тому же, справа послышалась сравнительно недалекая артиллерийская стрельба. Повидимому 1 бригада вступила в бой. Начальник дивизии, ген. Зандер, приказал мне отправить приказание нашей 1 бригаде об отходе. Но я ему посоветовал предоставить командиру бригады самостоятельность в его действиях, поставивши только его в известность о захваченном документе. Командир 2 бригады был с нами и знал его содержание. Составивши донесение в штаб корпуса и пославши ему захваченную полевую сумку, я выслал вперед тот разъезд, который захватил австрийского офицера.

В этот день спустившийся туман очень затруднял всякое наблюдение. Стоявший недалеко от нас Лубенский гусарский полк был направлен к селению Желязков, в промежутке между 1 бригадой и 8-м Донским казачьим полком, который занял лес влево и впереди нас.

Часам к 3 дня по всему фронту слышался интенсивный ружейный огонь. Плохая видимость не позволяла ни нашей, ни неприятельской артиллерии открыть огонь. Этого огня уже не было слышно и со стороны 1 бригады. Наша батарея, приданная 2 бригаде, снялась за болотистой речкой позади Моравина. Скоро по расположению штаба дивизии был открыт сильнейший ружейный огонь, со стороны Желязкова, оставленного гусарами. К Моравину стали подходить, теснимые противником, наши разъезды. Подошел также эскадрон Вознесенского уланского полка и полусотня со знаменем 8-го Донского полка, которое командир полка отправил к штабу, опасаясь за его сохранность.

Туман не позволял видеть, что делается далее 400 шагов. Ружейный огонь против нас становился все сильнее. Начальник дивизии решил отходить, поручив мне отдать распоряжение полкам о переходе на линию Варты. Но я решительно ему возразил и настаивал на отходе с боем, чтобы выяснить действительные силы противника, о которых мы знали только по перехваченному сообщению. В конце концов на этом и порешили. Для отхода через болотистую речку позади Моравина надо было пользоваться гатью, проложенной по болоту, и переправляться через самую речку по неиспорченному мосту, позволявшему прохождение только по одному.

Штаб дивизии и знаменная полусотня постепенно стали переходить на другую сторону. Чтобы обеспечить спокойное прохождение этой группы, я задержал у Моравина эскадрон Вознесенских улан и штабной конвой казаков, имевший около 40 всадников. Одновременно я послал приказание батарее, стоявшей на позиции за речкой отходить со штабом дивизии. Ни от гусар, оставивших Желязков, ни от 1 бригады никаких сведений не поступало. Но я их считал еще впереди после Турек - Калиш. Получил только донесение от казачьего полка об оставлении им леса ввиду сильного нажима немцев.

Собранный мною в одну группу — эскадрон Вознесенских улан и казачий конвой — я направил в

сторону от селения, чтобы иметь свободное место для маневрирования и для отхода затем вслед за казаками. В то время, когда эта группа собиралась на перелеске, находившимся к югу от Моравина, шагах в 300 от него, подававший мою лошадь казак был убит ружейной пулей в голову.

Я приказал оставшимся со мною людям положить его на седло, чтобы вывести в тыл. Когда только я после этого сел на коня, как услышал конский топот, шедший с шоссе со стороны Турека. Немного спустя, сквозь туман я увидел скачущих дозорных с флюгерами на пиках. Ясно, что это были немцы. Я тотчас же поскакал к своей собравной группе. Когда я уже подскакивал к ней, то увидел около двух германских эскадронов, шедших полевым галопом по шоссе к Моравину. Поравнявшись с селением, один из эскадронов повернул в него, а другой прошел его и повернул на площадке между селением и нами.

Как только он поравнялся с нами, я повел мою группу в атаку. Мы ударили им во фланг. Для атаки разгона не было; мы ударили с места. Заработали пики и шашчи. Я шел впереди и на меня повернул сначала скакавший справа немец. Я успел только отбить шашкой его пику. Он был проколот уже позади меня. Немцы почти сейчас же повернули обратно от неожиданности и резкости нашего удара. Поручив преследовать их уланскому эскардрону, я с казаками пошел на другой эскадрон, проскочивший селение и сбившийся на гати перед мостом, который немцы, так же как и мы, могли проходить только по одному.

В это время я еще не знал, что зеленая лужайка, между площадью нашего столкновения с первым эскадроном и гатью, была в действительности непроходимым для лошадей болотом. Увидев мое с казаками приближение, немцы стали поворачивать коней, чтобы встретить нас атакой, но лошади, спускавшиеся с гати, вязли в болоте и, несмотря на стремление германских всадников их выслать вперед, не двигались с места. Но мы подошли к болоту на скаку и многие из нас, и я в том числе, при внезапной остановке лошадей, по инерции, скатились с седел и оказались спешенными. Сейчас же спешились и другие казаки, и мы стали обстреливать немцев, отделенных от нас болотом на расстоянии не более 20 шагов. Естественно, что у немцев, не успевших еще спешить ни одного человека, произошло замешательство. Люди и лошади падали и затрудняли всякое движение по узкой гати. Прорвавшиеся через мост всадники возвращались обратно и также попадали под наш огонь. Сам я стреля из револьвера.

Все это дело продолжалось лишь несколько минут. Когда на гати не оказалось почти никого, кроме лежащих, то я сел на коня, которого держал в поводу, как и мои казаки. Со мной оказался офицер-ординарец поручик Ветренко и только что взятый мною вестовой на замену убитого казака. Все остальные уже были отведены командиром конвоя. В азарте боя я не заметил их отхода. Кроме того стало уже сильно темнеть, что при тумане, не перестававшим целый день, ограничивало почти совсем всякую видимость.

Поле нашего столкновения было пусто. Лишь несколько людей лежало на земле. Мы пошли вдоль речки к стороне Калиша в поисках переправы. Но скоро пришлось повернуть прямо в болото, так как недалеко уже находились немцы. Были хорошо слышны даже их разговоры. Переправились мы с большим трудом. Одно время я думал, что придется бросить завязшую лошадь, совершенно терявшую силы. Но с помощью Ветревко и казака вестового мы все же перетянули ее на другую сторону.

Не имея данных о направлении движения нашего штаба, мы двинулись паугад. Подойдя к небольшому селению, верстах в двух от Моравина, мы встретили идущего крестьянина. Он сейчас же подошел к нам и сказал, что выслан вперед немецким эскадроном, чтобы выяснить, не занята ли эта деревня русскими. Он посоветовал немедленно уходить в другую сторону. Я подъехал к северной окраине деревни и увидел действительно подходящий немецкий эскадрон.

Туман к этому времени стал рассеиваться и несмотря на то, что уже темнело, эскадрон достаточно ясно был виден. У нас была только одна винтовка, что не позволяло нам открыть огонь по немцам. Мы повернули на запад и пошли уже не по дорогам, а целиной. Наконец мы услышали шум повозок. Осторожно подойдя к колонне, мы умлышали русскую речь. Оказалось, что это был обоз нашей дивизии. Подойдя к селению Соколов, я увидел бивачные огни, где я нашел штаб корпуса генерала Новикова. Я сейчас же явился командиру корпуса, который решил, что я являюсь с того света.

Оказывается — он получил донесение от начальника дивизии, что я погиб в атаке у Моравина, спасая нашу батарею и знаменвую сотню. По счастию донесения об этом в высшую инстанцию из штаба корпуса еще не последовало. В штабе я узнал, что при переправе через болотистую речку у Моравина штаб дивизии и знаменвая сотня вынуждены были задержаться до тех пор, когда я атаковал первый немецкий эскадрон. Последние из отходивших даже видели мое столкновение с немцами, как им показалось, пронизывающим одним из них меня пикой. Мало того, вслед за отходившим штабом дивизии прорвалось несколько немецких улан, преследовавших отставших, среди которых был наш дивизионный врач Мухин, который едва не погиб. Выслушав благодарность командира корпуса и получив приказание для дивизии на следующий день, я отправился в штаб дивизии, где меня встретили с большой радостью. Начальник дивизии также считал, что я погиб в атаке.

В течение ночи я выяснил всю обстановку нашего отряда. Полки отходили под сильным нажимом немцев, но в полном порядке. Что же касается штаба дивизии, знаменной сотни и батареи, то они отходили в беспорядке.

Начальник дивизии, генерал Зандер, представил меня за атаку к ордену Святого Георгия, который я получил, по постановлению Думы. В Высочайшем

приказе, от 9 июня 1915 г., последовала статья приказа, в которой указано, что по представлению Георгиевской Думы 2-й армии, я награжден: "Орденом Св. Георгия 4-й степени за то, что во время исполнения должности начальника штаба 8-й кавалерийской дивизии, когда на слабую знаменную сотню (30 казаков) и штаб дивизии, находившихся 23 ноября 1914 года в деревне Моравин, была направлена с тыла атака двух германских эскадронов, во главе собранной им конной части, неустрашимым и смелым ударом холодного оружия, и также последующими действиями, вполне отвечавшими выгодно сложившейся обстановке, выручил сотню и штаб дивизии от чрезвычайно тяжелого положения и даже уничтожения".

ОТ РЕДАКЦИИ. Эта статья напечатана по рукописи, переданной супругой покойного генерала, за что Редакция приносит Софии Феодоровне Шатиловой свою глубокую признательность за предоставление ее в распоряжение "Венно-Исторического Вестника".

Воспоминания о Великой войне

1914-й ГОД.

В. А. Каразин

В начале лета я вернулся из Петербурга в именье. Прожив целую зиму в столице, я не чувствовал ничего тревожного — чего-либо такого, что указывало бы на близость или возможность войны. Петербург жил обычной жизнью, газеты тревоги не били и даже такие люди, которым многое дано было знать, войны не предчувствовали. Припоминаю только один случай, когда в университетской канцелярии, где мне надо было получить справку, встретился я с хорошо мне знакомым студентом Тихоновым, который очень озадачил меня, заявив мне вдруг самым решительным тоном: "Бросьте все это, теперь нужно другое, надо готовиться к войне с немцами — это наверное". Слова эти были настолько для меня внезапны и настолько не вязались с окружающей действительностью, что я не обратил на них никакого внимания. Тихонов участвовал уже добровольцем в Японской войне в рядах Дагестанского конного полка, был награжден солдатским Георгием и в университет приходил иногда в черкеске, которая ему очень шла. Несмотря на свою русскую фамилию, он был по типу своему настоящим кавказцем и даже говорил с некоторым акцентом. Часто потом мне вспоминались его слова и я не мог понять, откуда он так правильно учуял надвигающуся войну.

Через некоторое время я должен был по хозяйственным делам тронуться в Тургайскую область, с расчетом пробыть там почти все лето. Хорошо помню, как на железнодорожной станции Кинель я купил газету и первое, что мне бросилось в глаза, было Сараевское убийство австрийского наследного принца Франца-Фердинанда. Сообщалось об этом коротко и никаких выводов из этого не делалось.

Кстати сказать, это была последняя свежая газета, которую я имел возможность прочесть, удаляясь в Тургай, т. к. все новейшие шли за мной следом, а удаляясь в глубь степи я и совсем порывал всякую связь с культурным миром.

Прошло несколько недель с тех пор, как я блуждая по степи, испытывал на себе действие нестерпимой жары, а по ночам не знал как защититься от укусов комаров. В конце концов, мне пришлось отправиться на станцию Эмба и здесь, проспав одну ночь, я проснулся совершенно больным. Меня трясла лихорадка и был сильный жар. Очевидно я получил один из видов туркестанской лихорадки, распространеной в степи. Приглашенный мною железнодорожный врач показал головою и сказал, что мне нужно временно покинуть этот край, переменить климат, иначе лихорадка меня не оставит.

Нечего было делать, приходилось прервать мою работу в степи и ехать к родителям в именье.

Худым, слабым и больным вернулся я в Полибино. Прошло уже с неделю после моего возвращения из Тургая, а я все еще чувствовал большую слабость и большую часть дня проводил на балконе, беседуя с отцом, рассказывая ему подробности своей поездки.

Во время одной из таких бесед, отцу подали письмо от брата Саши, бывшего в то время на кавалерийском сборе около Симбирска. Брат писал письма редко и поэтому его письмо явилось событием необыкновенным. Отец вскрыл письмо и, пробежав его, сказал мне с большим удивлением: "Саша просит приехать повидаться с ним. Не могу понять, в чем дело". Мы делали всевозможные предположения, но так и не смогли понять причины этой просьбы. Но в тот же день внезапно приехал из своего имения мой старший брат и передал отцу телеграмму от Саши, в которой он просил отца и мать приехать в Самару проститься с ним. При этом старший брат, бывший в то время уездным предводителем дворянства, сообщил, что он получил бумагу с предписанием никуда не отлучаться.

"Война", — пронеслось у меня в голове и через несколько минут мы, обсудив все ее признаки, нисколько в этом не сомневались. Решено было, что я отправлюсь в Самару немедленно, а родители поедут туда же утром, чтобы не слишком утомляться ночным переездом.

Быстро собравшись, я вместе с братом покатил на его автомобиле на станцию. На рассвете пассажирский поезд, в котором я ехал, был задержан на ка-

ком-то полустанке и должен был простоять там несколько часов. Оказалось, что производилось изменение расписания поездов согласно мобилизационному плану. Часов через пять наш поезд тронулся и прибыл в Самару уже по новому расписанию. В городе уже знали, что Александрийский гусарский полк прибыл экстренно из Симбирска и теперь грузится в поезда на военной платформе. Это же подтвердили мне встретившиеся в городе офицеры, которые спешно покупали себе необходимое в дорогу. Я поехал на извозчике к военной платформе, находящейся на пустыре близ города и еще издали заметил там необыкновенное движение. Эскадроны вводили в вагоны расседланных коней, подвозили на фурах сено и овес, вкатывали на открытые платформы повозки и двуколки.

Первым грузился весь эскадрон Ее Величества, в котором служил Саша, и половина 2-го эскадрона. Саша очень обрадовался моему приезду. Он уже потерял надежду увидеть кого-нибудь из своих.

Война была у всех на языке, но все было основано на догадках и никто ничего не знал точно. Говорили, что это только демонстрация и что, может быть на этом все дело кончится. Не знали даже в какую сторону полк будет направлен — на запад, или на восток. Некоторые делали предположение, что пошлют на китайскую границу. Погрузка однако производилась быстро и эшелон был готов к отправке гораздо раньше чем требовалось по расписанию. И Саша, и я — мы оба волновались за родителей, которые могли легко опоздать и приехать после отбытия эшелона.

Но вот мы увидели издали их и устремились к ним навстречу. Старики были очень взволнованы. Мы все вошли в офицерский вагон и сели отдельной группой. Тут же сидели и другие провожающие — жены, дети, родственники, хорошие знакомые. Вскоре мать вышла из вагона и пошла вдоль вагонов эшелона. Двери вагонов были открыты, лошади мирно жевали сено, гусары сидели в дверях, свесив ноги, или бродили по платформе. Проходя мимо вагонов мать благословляла их небольшой иконкой, всегда находившейся при ней. Многие гусары, подбегая к ней просили благословить и их: "Барыня, благослови и меня!" слышалось с разных сторон. Она шла тихо вдоль вагонов и тихо шептала: "Господи, спаси и сохрани всех людей и всех лошадей их".

Из офицерского вагона вышли на платформу офицеры и провожавшие их. Приближались последние минуты. Уже появился офицер, заведующий передвижением войск в красной фуражке и передал начальнику эшелона, ротмистру Готгарду Федоровичу Беккеру, пакет, который он должен был распечатать в пути. Подали паровоз и прицепили его на запад. Началось прощанье. Старики крестили, целовали Сашу. Прощались у другие провожающие. Очень тронул меня ротм. Беккер, который подошел к моей матери и сказал: "Уж благословите и меня, Екатерина Васильевна, вместо матери". Мать перекрестила и его. Затрубила "посадку" труба и поезд стал медленно двигаться вдоль платформы. Старики долго глядели ему вслед. А уж подавали следующий эшелон на нагрузку.

Было совсем темно. Я отправил родителей в гостиницу, где они должны были отдохнуть, чтобы завтра же ехать обратно. Сам же я отправился на вокзал, чтобы ехать в деревню с утренним поездом. Я чувствовал, что и сам буду призван из запаса и потому спешил домой. Пришлось долго ждать. Сидя в буфете, я пил чай и наблюдал за окружающей обстановкой, столь резко изменившейся. Внимание мое привлекла группа немцев сидевших за отдельным столиком в буфете. Все они были немецкими подданными и некоторых из них я знал. Тут был владелец макаронной фабрики Кеницер, хозяин спортивного магазина Нейман и кто-то еще. Они были очень взволнованы и, разговаривая, сильно жестикулировали. А мимо вокзала проходили эшелон за эшелонами — на запад двигались все новые и новые части.

Я подошел к немцам и заговорил с ними, как бы не видя ни в чем ничего особенного. В разговоре, как бы успокаивая их, сказал, что это только демонстрация и что войны, Бог даст, не будет. На это Кеницер возразил мне горячась: "Да разве Германия простит такую деомнстрацию, когда на мобилизационных бланках всюду, во всех падежах, склоняется слово весь — всех, все, всем и т. д. Это полная, а не частичная мобилизация... Этого Германия не простит".

— Ого, подумал я, какой тон...

Скоро с грохотом подкатил пассажирский поезд на Уфу и я, забравшись на верхнюю полку 2-го класса, заснул, как убитый.

На моем столе я нашел мобилизационный конверт, где значилось, что я призываюсь из запаса с назначением в распоряжение местного уездного воинского начальника и далее на охрану железнодорожного моста через Волгу около Сызрани. Приходилось доставать из сундука офицерскую форму, чистить ее и готовиться к отъезду в наш уездный город Бугуруслан.

На следующее утро покатил на тройке в город. По дороге приходилось обгонять бесконечные обозы. Везли в воинское присутствие призываемых из запаса солдат, а также вели лошадей для сдачи воинской комиссии. Стоял июль месяц. Всюду в полях поспел хлеб, нужно было убирать его и мобилизация в такое время была особенно тяжела для населения.

Старший брат мой был уже в Бугуруслане. Я застал его у него на квартире при воинском присутствии. Комиссия по приему запасных чинов заседала с утра до ночи. Я явился воинскому начальнику и принял участие тоже в комиссии, где выдавали кормовые деньги лицам освобождаемых от призыва и возвращающимся по домам.

Мне очень не нравилось назначение меня на охрану волжского моста и я просил воинского начальника походатайствовать перед губернским воинским начальником о перемене назначения. Мне хотелось попасть в 5-й гусарский Александрийский Ее Величества полк, где я отбывал повинность, который стал

для меня с тех пор родным. В его рядах хотел я участвовать и на войне. Полковник был очень любезен и тут же написал обо мне в Самару, но оттуда пришел категорический отказ. Тогда мне на помощь пришел один из молодых помощников, корнет запаса Усаковский, который написал своему отцу генералу в Петербург и просил сообщить ответ телеграммой. Генерал Усаковский служил прежде в Главном штабе и потому имел там большие знакомства.

В ожидании ответа, я назначен был в комиссию по приему лошадей от населения. Комиссия эта заседала на площади у пожарной каланчи и состояла из членов земской управы, ветеринарного врача, меня, как представителя от военного ведомства, и обширной канцелярии, взятой временно из земской управы. В помощь комиссии назначены были также опытные барышники, которые должны были предупреждать, если замечали какой-нибудь недостаток в лошади. Это было мне по душе. Прежде всего я любил конное дело и рад был видеть лошадей в таком огромном количестве, а кроме того время, за таким горячим делом, проходило быстро и я чувствовал, что ожидая ответа из Петербурга делаю нужное, полезное дело.

В душном городе жара стояла нестерпимая. Прием лошадей начинался с раннего утра и тянулся без перерыва до семи часов вечера. Члены комиссии тут же под пожарным навесом пили чай и ели бутерброды, а лошади все тянулись и тянулись мимо стола. Мужики чинно подводили своих коней и видимо мало волновались, возьмут их или нет, т. к. цены за лошадей казной были назначены высокие.

Были конечно и разные случаи при этом. Помню, как один сельский батюшка обращал мое внимание на то, что его кобылица хромает на заднюю ногу и не пригодна поэтому для военной службы. "Хорошо", — говорю, — "батюшка, посмотрим, увидим". Статная серая кобыла была принята к большому удовольствию зрителей. Вспоминаю еще и такой случай. Подвели прекрасных лошадей кн. Голицына из имения Поповки. Лошади были удивительные, одна другой краше — темно-гнедые в яблоках. Впереди них шел управляющий кн. Голицына и, подойдя ко мне, подал мне письмо. Я отлично понимал, что за письмом этим смотрели сотни глаз. Я взял письмо и, не распечатывая, передал в комиссию. Ознакомившись с содержанием, председатель комиссии огласил его на всю площадь. Князь Голицын просил комиссию принять двенадцать лучших коней в дар, отказываясь от платы за них. Рабочие повели красавцев мимо комиссии и большинство их было принято в конницу. Это были выездные кони Голицына, особенно легки и изящны были пристяжные. В толпе выслушали это оглашение с большим удовлетворением. Конечно нашлись и такие, которые добавили: "Что ему, князю-то, у него много всего". Я был рад за него, что сделал он хорошо. Да и что за корысть — получить по 250 рублей за этих тысячных красавцев.

Когда подводили наших лошадей, или лошадей наших родственников, я временно устранялся от приемки и просил комиссию принимать без меня. Это видимо особенно нравилось окружавшим площадь мужикам. Уж потом, когда я вернулся к родителям, мать рассказывала, что к ней заходили крестьяне, возвращающиеся из города и говорили: "Твой-то больно хорошо принимает, орет на всю площадь, порядок держит, но все у него по совести, никому не мирволит".

А поорать, действительно, пришлось сильно, иначе беспорядок только бы тормозил дело. Глаз как-то так наметался, что сразу видели недостатки приближающейся лошади и можно было безошибочно кричать "брак" и какой именно или "принята" и куда именно — в кавалерию, артиллерию или обозы. Даже годы удавалось почти верно определять по наружному виду, проверяя себя беглым осмотром зубов. Ветеринар подходил, осматривал лошадь, но почти всегда соглашался со мною.

Мои ассистенты, барышники, были в восторге и говорили: "Вот, если вы вернетесь с войны, надо с вами дело иметь". Вечером я спрашивал их, много ли я ошибся за день и много ли принял дряни. На это они божась уверяли, что осечки не было и все было принято правильно. Не могли они мне только простить принятого мною серого коня и вовсе не потому что он в обоз не годился, а только оттого, что принадлежал он такому же барышнику, да еще нелюбимому ими, Антошке, который сам заплатил за него 60 рублей, а теперь без труда выручил за него 120 рублей — ровно вдвое. Вот этого и не могли они мне простить, что с.... с., Антошка, улыбаясь, положил себе эти денежки в карман.

Приняли мы за этот день много лошадей — около пяти тысяч. Как только ноги выдерживали это стояние на солнцепеке. Вечером же, по моему настоянию, канцелярия до поздней ночи писала квитанции в казначейство для уплаты денег за принятых лошадей. Имея квитанции на руках, крестьяне могли рано утром получать деньги и без задержки ехать домой, где ждала их горячая летняя работа. Канцелярия пекла квитанции, как блины, а я подписывал их и выдавал через окно ожидавшим крестьянам.

Интересно отметить, что во время этой мобилизации, в нашем уездном городе Бугуруслане, работали в комиссиях три брата Карамзина. Старший брат Николай, как предводитель дворянства, председательствовал в воинском присутствии по призыву запасных солдат, мой второй брат, Сергей, по особому назначению от земства, принимал на одной из площадей города телеги и сбрую для военных транспортов. Цены тоже были довольно высокие и брат принимал очень строго. Он даже создал около места приемки своего рода починочные мастерские. Явились городские шорники, которые исправляли за счет владельцев принимаемую сбрую и даже поставляли совершенно новую из своих мастерских. Плотники чинили телеги, а кузнецы подтягивали шины и крепили железо.

После окончания приемки лошадей мне пришлось

отправить их в Самару. В мое распоряжение были присланы все призываемые из запаса кавалеристы и я с ними грузил лошадей в вагоны и направлял к губернскому воинскому начальнику. Среди явившихся кавалеристов мое особое внимание обратил на себя красавец унтер-офицер л.-гв. Гродненского гусарского полка, прибывший на призыв в полной парадной форме. Я назначил его старшим и под его командой отправил лошадей.

Так за этой работой прошло несколько дней. Война была уже объявлена. Как рассказывали мне потом, наш полк узвал об этом в пути, когда эшелоны достигли уже Вязьмы. К этому времени пришел ответ из Петербурга. Главный штаб назначал меня в Александрийский гусарский полк, отменяя мое прежнее назначение в охрану волжского моста. Я был в восторге. Это все чего я хотел — быть с дорогим мне полком во время войны.

Время терять было нечего. Нужно было ехать прощаться с родителями. Я заказал для себя лучшую тройку земскому ямщику Антипову и вечером, когда свалил жар, помчался в Полибино. Отмахав 35 верст, я был уже к ужину дома. Конечно родители были взволнованы предстоящей разлукой, но старались не показать вида и только окружали меня своей нежностью и заботами. После ужина мы долго не расходились и, сидя в большой гостиной, говорили о войне, столь внезапно обрушевшейся и перевернувшей мирное течение жизни. Помню, что большая приподнятость всех чувств не давала возможности предаваться анализу того, что испытывал я, расставаясь с близкими мне людьми и родным домом. Что-то безудержно влекло туда — в эту полную неизвестность, что-то торопило двигаться, как можно скорее, как бы боясь опоздать туда, куда стягиваются все русские люди, куда уже подходит и родной полк.

Утро прошло в быстрых сборах. Старики мои с осторожностью, чтобы не обратить на себя внимание, старались быть как можно больше около меня. Потом все собрались к утреннему чаю и поданному одновременно завтраку, а в это время приказано было уже запрягать лошадей. Потом отец и мать благословили меня, при этом мне была дана небольшая иконка, бывшая на Карамзиных в войне 1812 года. Тут мы крепко поцеловались. Они старались сдержать свои слезы, да и я с трудом их сдерживал. Просили меня беречь младшего брата Сашу и чаще писать им обо всем. Затем вышли в прохожую, куда сошлись не только все наши домашние, но и вся наша дворня. Прощаясь со всеми, вышел я на крыльцо и сел в экипаж. Тихо двинулась тройка, осеняемая крестами, стоявшей на крыльце, матерью.

С ночным поездом двинулся я из Бугуруслана и, прибыв в Самару, явился губернскому воинскому начальнику. Генерал принял меня сурово и недружелюбно. Он был очень недоволен моими хлопотами о назначении в полк и что-то ворчал себе под нос. Выходило так, будто я маменькин сынок, который пользуется протекцией и куда-то лезет, а из-за этого он должен переписывать бланки по сорок раз... В конце концов все было устроено и я, простившись с Самарой, поехал дальше в Москву.

В дороге все та же, взбудораженная войной, Россия. На станциях плач провожающих. Помню как я стоял на площадке вагона и с волнением смотрел, как молодая баба крепко охватила за шею своего мужа, красавца гвардейца. Он сам был очень взволнован и еле удерживался от слез, но старался ее успокоить и вырваться из ее объятий. Она же плакала навзрыд и судорожно за него хваталась. Я стал ее утешать и она начала меня переспрашивать: "Господин офицер, правда он скоро вернется назад?" — Ну, конечно, вернется, уверял я. В то время ведь никто не верил, что война так затянется и все думали, что к Рождеству все кончится. Часто потом мне вспоминался этот чернобровый молодец в форме Варшавской пехотной гвардии, с желтым лацканом...

В Москве начало войны сказывалось во всем и гораздо более чем где-либо. Я спешил закупать все нужное, но это было не легко, т. к. многого уже нельзя было достать. Мне пришлось взять плохонкое офицерское седло, в малоизвестном магазине, которое имело низкопробный вид и было для меня мало. Приказчик советовал взять его, т. к. через несколько часов я мог бы не застать уже и его — так велик был спрос на военное снаряжение. Портные шили все наспех. В магазине офицерских вещей Живаго я купил себе шашку. Сам старик Живаго выбирал ее и, поглаживая синюю сталь, говорил: "Ничего, сталь отличная, у вас таких не было, когда мы со Скобелевым на турку ходили..." К вечеру следующего дня все мною заканное было готово и уложено.

В этот день состоялся торжественный въезд Государя по случаю объявления войны в Москву. Говорят встреча его была очень многолюдная и народ был настроен восторженно. Сам я не смог участвовать в этом из-за моих хлопот. Рассказывали также, как протодиакон Розов читал манифест на Красной площади с Лобного места и как слышно было на всю площадь от слова до слова.

Слышно было, что Государственная Дума громадным большинством проголосовала отпуск кредитов на войну. При этом левые элементы, голосовали за это, уверяя что война есть лучший путь к революции и что поэтому они ее поддерживают.

По просьбе моей матери я поехал навестить ее духовника, старца Аристоклия, который был настоятелем подворья Афонского Пантелеймоновского монастыря и был известен своей святой жизнью и большой одухотворенностью. Она хотела, чтобы старец благословил меня на войну. Когда я вошел в его келью, старец сидел около стола с слегка прикрытыми глазами и тихо перебирал четки. Лицо его и вся его фигура выражали собой торжественную тишину и какой-то великий покой. В углу комнаты, на столе стояли большие иконы и около них много маленьких образков, а перед ними горели лампады.

Я передал ему поклон моей матушки и просил

благословить меня на войну. "Садитесь", сказал он и после некоторого молчания спросил: "ну, что теперь в миру-то говорят?" — Да что, батюшка, говорят что война будет не долгая — может быть и кровопролитная, но, думают, что к Новому году всему будет конец. Старец слушал меня, перебирая четки и тихо вздохнув, сказал: "Так они в миру-то думают, а я вот что тебе скажу. Мир не знал такой кровопролитной войны, как эта; сколько людей-то погибнет. Да и тянуться она будет долго... А и потом-то — что будет..." Затем он благословил меня иконкой, дал мне просфору и, обмакнув кисточку в св. масле, помазал меня им крестообразно от лба до подбородка и от уха до уха. Сашу барата он благословил заочно и дал для него тоже иконку. Я просил его помолиться за нас и простился.

Кроме того, митрополит Московский Владимир прислал мне через мою крестную мать серебряный крестик с вложенной в него частицей Креста Господня. Крест этот я носил, не снимая, всю войну.

Из Москвы на Варшаву я трогался с Александровского вокзала. На нем все особенно носило этот военный характер, которым была в то время насыщена вся обстановка. На перроне было много дам и девиц, которые пришли провожать всех отъезжающих на фронт. Они протягивали офицерам букетики и желали успеха. Получил и я небольшой букетик. В вагоне 2-го класса были одни офицеры. На этот раз я мог быть спокойным зрителем всего того, что творилось вокруг, всех сцен проводов, восторженных криков провожавшей нас Москвы. Наконец, последний звонок и поезд двинулся при громких криках "ура". Москва провожала сердечно и махала вслед нам платочками, а поезд мчал нас вдоль той самой дороги, по которой когда-то двигался в Россию и обратно Наполеон.

Выйдя из вагона на станции Седлец, я мог наблюдать солнечное затмение. Воздух принял какой-то буроватый оттенок и днем наступили сумерки. Одним словом — солнце померкло. Я воспользовался закопченым стеклом, любезно переданным мне начальником станции и наблюдал за ходом затмения. Оно было довольно значительным и стало рассеиваться тогда, когда мы уже были в пути.

(Продолжение следует)

К иконографии современников М. Ю. Лермонтова

(К 150-летию рождения поэта. 1814-1964)

К обширной существующей иконографии современников М. Ю. Лермонтова, появившейся за последние годы в специальной литературе посвященной жизни поэта, будет уместно добавить репродукции трех неопубликованных портретов.

***

Портрет Н. С. Мартынова (1815-1875), имевшего несчастие убить на дуэли Лермонтова. Это акварельный рисунок (размером 16 сант. на 23 сант.), на котором Мартынов изображен в коричневой черкеске, с тем огромным кинжалом, который служил мишенью насмешливых острот Лермонтова, что привело впоследствие к трагическому концу. Интересно отметить, что этот портрет всегда хранился в семье Мартыновых и по семейному преданию сделан М. Ю. Лермонтовым.

Как известно, в марте 1837 года в чине поручика Кавалерардского полка Мартынов был на год командирован на Кавказ. Там он участвовал в экспедиции ген. Вельяминова против натухайцев и шапсугов для заложения укреплений Ново-Троицкого и Михайловского и за этот поход был награжден орденом св. Анны 3-й степени с бантом. С этим орденом он изображен на портрете. В апреле 1838 г. Мартынов вернулся в Кавалергардский полк, но 27 сентября 1839 г. он снова отправился на Кавказ; он был зачислен по армейской кавалерии ротмистром и прикомандирован к Гребенскому казачьему полку. В этом полку он числился до 23 февраля 1841 г., когда был уволен, по домашним обстоятельствам, в отставку с чином майора. После отставки проживал в Пятигорске, где 15 июля 1841 года произошла роковая дуэль.

Если семейное предание Мартыновых верно и портрет сделан Лермонтовым, то время написания портрета предположительно можно отнести к сентябрю-октябрю 1837 года, когда Лермонтов, вернувшись из Тамани, в укреплении Ольгинском встретился с Мартыновым, которому он должен был передать пакет с письмами и деньгами от родителей из Пятигорска.

Известно, что существовал альбом (ныне утраченный) с лермонтовскими карикатурными набросками, среди которых Мартынов играл главную роль. По словам Висковатова, "он (Лермонтов) довел этот тип до такой простоты, что просто рисовал характерную кривую линию, да длинный кинжал, и каждый тотчас узнавал, кого он изображает". Однако, создание этих карикатур относится к 1841 году, когда Мартынов, будучи в отставке, жил в Пятигорске. Ничего карикатурного в изображении Мартынова в публикуемом здесь портрете нет. Следовательно, будет более достоверным считать, что сдалана эта акварель Лермонтовым (если она действительно сделана им) в его первую ссылку на Кавказ в 1837 году, когда между поэтом и Мартыновым существовали еще самые дружеские отношения. Можно также высказать

предположение, что портрет сделан не Лермонтовым, а его знакомым, князем Г. Г. Гагариным. Они встречались на Кавказе и вместе занимались рисованием.

Портрет этот является собственностью Александра Павловича Тучкова, члена нашего Общества.

Н. С. МАРТЫНОВ (1815-1875)
Акварель. Собственность
А. П. Тучкова.
Публикуется впервые.

**
*

К мемуарной литературе, посвященной петербургской жизни Лермонтова в 1835-1837 годах, относятся известные воспоминания гр. А. В. Васильева, записанные П. К. Мартьяновым, в которых рисуются некоторые картины гусарского быта в период пребывания поэта в л.-гв. Гусарском полку. В одном месте этих воспоминаний упомянуто имя полковника Ломоносова.

"— Брось ты свои стихи, — сказал однажды Лермонтову любивший его более других полковник Ломоносов, — Государь узнает и наживешь ты себе беды!

— Что я пишу стихи, — отвечал поэт, — Государю известно было еещ, когда я был в юнкерской школе, через великого князя Михаила Павловича, и вот, как видите, до сих пор никаких бед я к себе не нажил.

— Ну, смотри, смотри, — грозил ему шутя старый гусар, — не зарвись, куда не следует.

— Не беспокойтесь, господин полковник, — отшучивался Михаил Юрьевич, делая серьезную мину, — сын Феба не унизится до самозабвения". (Историч. Вестник. 1892, кн. II, стр. 384-385.

Дополним этот краткий рассказ некоторыми биографическими сведениями об упомянутом выше Ломоносове. Князь А. В. Мещерский, служивший в л.-гв. Гусарском полку с 1843 по 1850 год, пишет: "Из более любимых офицеров в полку был ротмистр Ломоносов. Он был человек серьезный, умный, начитанный, любознательный, весьма приветливый и, как истинно-русский человек, славился в полку своим хлебосольством. Ломоносов был из числа тех старших офицеров, которые никогда не отлучались из Царского Села и жили своею внутреннею полковою жизнью. Он стоически противустоял всем соблазнам и весельям столицы, возводил это воздержание до принципа, группировал вокруг себя союзников из молодежи, на которую он имел большое влияние, и даже недолюбливал тех, которые увлекались соблазнами Петербурга и слишком часто туда отлучались". (Воспоминания. "Русск. Архив", 1900, т. 3, стр. 616-617).

Собирая материалы для истории Александрийского полка, мне пришлось заняться биографическими розысками об Александре Григорьевиче Ломоносове, т. к. с 1848 по 1853 год он был командиром Александрийского гусарского полка. Эти мои розыски установили, что Ломоносов начал службу в Павлоградском гусарском полку, с которым участвовал в турецкой кампании 1828-29 гг. По свидетельству его однополчанина, гр. М. Д. Бутурлина перевод Ломоносова в л.-гв. Русарский полк произошел так. Когда по окончании войны Павлоградский полк получил распоряжение о переводе одного из офицеров полка в гвар-

дию "в роде награждения всего полка за труды кампании", то полковой командир представил к переводу поручика Ломоносова, который "в полку всегда слыл служакою". ("Русск. Архив", 1897, т. 2, стр. 194, 255 и 339 и 1901, т. 3, стр. 465).

В рассказе Мартьянова Ломоносов назван полковником, это не верно. В одновременное пребывание к полку с Лермонтовым Ломоносов был в чине только

А. Г. ЛОМОНОСОВ

Акварель кн. Н. А. Лобанова-Ростовского. Из собрания покойного А. А. Попова. Публикуется впервые.

ротмистра. В Высочайших приказах за 1840-43 гг., где упомянуто его имя, он назван в чине ротмистра ("С. Пб. Ведомости", 1841, № 24 и 1843 № 1). Повидимому и в истории л.-гв. Гусарского полка К. Мансея (ч. 3, стр. 125) в дате производства Ломоносова в полковники — 1837 год — допущена ошибка.

В 1852 году Ломоносов был произведен в генерал-майоры, а в следующем году был зачислен по кавалерии. Умер он в 1854 году. А. Г. Ломоносов был женат на дочери князя Петра Александровича Щербатова и Анны Николаевны, рожденной Горсткиной — княжне... Петровне.

Публикуемый здесь портрет А. Г. Ломоносова находится в альбоме акварельных рисунков кн. Н. А. Лобанова Ростовского, принадлежавшем ныне покойному члену нашего Общества, Александру Александровичу Попову, который в 1940 году любезно передал мне фотографическую пересьемку этого портрета. В журнале "Станица" (Париж, 1940, № 32, стр. 10) была помещена репродукция рисунка "Полковой обед" из того же альбома: на этом рисунке, среди других, изображен и А. Г. Ломоносов. Портрет же его, находившийся в собрании 34-х портретов лейб-гусаров, принадлежавшем некогда В. Д. Бакасеу и переданном в 1883 году М. И. Семевским Лермонтовскому музею при Николаевском кавалерийском училище, — никогда опубликован не был, как и большинство портретов из этого собрания.

***

Сюжет третьего портрета — Павел Иванович Петров, родственник М. Ю. Лермонтова, генерал-майор и начальник штаба войск на Кавказской линии и в Черномории, с которым поэт встречался в Ставрополе и не раз пользовался услугами и покровительством, оказанными ему его "любезным дядюшкой". П. И. Петров был женат на Анне Акимовне Хастатовой, дочери Екатерины Алексеевны Хастатовой, рожденной Столыпиной, сестры Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, бабушки Лермонтова. Это один из "современников" поэта, на которого обратили внимание за последнее время исследователи жизни Лермонтова: П. И. Петрову посвящено несколько специальных статей, опубликовано письмо к нему Лермонтова, опубликован его портрет, напечатаны выдержки из записок его сына. (См., напр. О. Э. Бонданова. Архивные материалы о П. И. Петрове — родственнике М. Ю. Лермонтова в Сборнике статей и материалов М. Ю. Лермонтов. Ставрополь, 1960, стр. 271-287). Биографические сведения о нем, однако, во всех этих сообщениях и "архивных материалах" весьма отрывочны и некоторые этапы его жизни — особенно во время службы на Кавказе — совершенно не освещены. Поэтому здесь будет уместно, наряду с опубликованием неизвестного портрета П. И. Петрова, указать на те материалы, которые не были до сих пор отмечены в лермонтовской литературе, касающейся П. И. Петрова.

П. И. Петров, из костромских дворян, родился в 1790 г. Получив довольно основательное домашнее образование (он изучил языки французский, немецкий, итальянский и латинский), он продолжал свое воспитание в Московском университетском благородном пансионе. Записанный еще при рождении в Кавалергардский полк, он в 1806 г. был произведен в эстандарт-юнкера, в 1807 году переведен корнетом в Александрийский гусарский полк, с которым принял участие в войне с французами в 1807 г. и в походе в Молдавию и Валахию в 1809-11 гг. В кампанию 1812 года он участвовал в делах при Кобрине,

Пружанах, Городечне, Борисове. В 1813 году, отличившись в деле при Калише, он получает чин штаб-ротмистра. Участвовал затем в делах при Вейсенфельсе, Люцене, Дрездене, Кенигсварте, Бауцене, Лигнице (здесь за выказанную храбрость получил чин ротмистра), Кацбахе и во множестве мелких стычек с неприятелем, когда состоял в партизанском отряде полковника кн. Мадатова; при Гросен-Гайме П. И. Петров был ранен саблею в правую руку. В 1814 г. он находился при полку во время похода во Францию и во вторичном туда походе в 1815 году.

П. И. ПЕТРОВ (1790-1871)

Фотографическая пересъемка гравюры, сделанной в 1815 г. в Париже. Из собрания Ю. А. Топоркова. Публикуется впервые.

В Александрийском гусарском полку он прослужил до 1818 года. В этом году генерал А. П. Ермолов берет Петрова к себе в боевые сотрудники на Кавказ. Зная лично Павла Ивановича, как способного, умного и отличного кавалерийского офицера, Ермолов обратился к А. А. Закревскому, занимавшему тогда должность Дежурного генерала главного штаба, с просьбой командировать на Кавказ ротмистра Петрова. "Я посылаю тебе формальную бумагу о необходимости дать здешних казакам хороших полковых командиров регулярной кавалерии, ибо беспорядки достигли до неимоверной степени. Поторопитесь прислать их, потому что во время моего здесь пребывания казаки все сделают что только я хочу, а без меня не так ловко будет. Великая была бы твоя дружба, если бы в числе сих прислан был майор или подполковник Петров, служащий в Александрийском гусарском полку, он мне здесь был бы полезен в целку на границе чеченской. Я знаю его способности и ум..." (Письмо от 13 мая 1818 г. "Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.", т. 73. СПб., 1890, стр. 279-280).

В августе того же года Ермолов снова пишет Закревскому: "Петров точно ротмистр и что странно, что я его отыскал здесь у вод и он в здешнем краю женится на Столыпина родной племяннице, чего до вчерашнего дня я не знал и послал за ним, чтобы он ко мне приехал. Его точно я желаю, но других, право, никого не знаю в кавалерии и даже списка не имею штаб-офицеров кавалерийских, которые бы привели кого-нибудь из знакомых на память. Пришли, сделай дружбу, списки, а между тем, если возможно, из того же Александрийского гусарского полка дай ротмистра Верзилина. Он храбрый офицер и имеет Георгиевский крест..." В том же письме Ермолов пишет: "Я виделся с ротмистром Александрийского гусарского полка Петровым и прошу его определить. Я готовлю ему самый распутный полк казачий и знаю, что он поправит... Если возможно, дайте мне еще из Александрийского гусарского полка ротмистра Ефимовича..." (Тот же источник, стр. 303).

Желание Ермолова было исполнено и 18 сентября 1818 г. ротмистр Петров был назначен командиром Моздокского казачьего полка. Позже, в 1819 г. назначается Е. И. Ефимович командиром Гребенского полка, а в 1820 г. П. С. Верзилин — командиром Волгского каз. полка. Интересно, между прочим, упомянуть, что вызванный на Кавказ Ермоловым ротмистр П. С. Верзилин — это тот самый впоследствии генерал Верзилин, в доме которого в Пятигорске в 1841 г. произошла роковая ссора Лермонтова с Мартыновым.

Уже в феврале 1819 г. П. И. Петров участвует в деле с чеченцами при ущелье Хан-кам; 24 октября того же года он произведен в майоры, 19 декабря участвует в экспедиции к сел. Леваши, где "триста линейных казаков Моздокского полка с храбрым командиром майором Петровым, опрокинув конницу, понеслись далеко вперед, обскакали толпу и рубили бежавших".

12 февраля 1820 г. Петров был произведен в подполковники, а 25 января 1826 г. назначен войсковым атаманом Астраханского казачьего войска. Однако, ввиду вспыхнувшего серьезного восстания в Чечне, Ермолову пришлось на несколько месяцев удержать у себя Петрова. В должности командира Моздокского полка, он продолжает участвовать в экспедициях против чеченцев и только в июне, когда стало на Тереке и Сунже относительно спокойно, П. И.

Петров произведенный в это время в полковники, отправился в Астрахань к исполнению должности войскового атамана Астраханского казачьего войска. Атаманом он был в течение восьми лет и им, между прочим, был основан в Астрахани институт благородных девиц.

Получив в 1833 г. за отличие по службе и за 25 лет службы орден св. Георгия 4-й ст., П. П. Петров в 1834 г. был произведен в генерал-майоры с назначением начальником штаба войск на Кавказской линии и в Черномории, при ген. Вельяминове (г. Ставрополь). Оставался он в этой должности до конца 1837 года. Уволенный в этом году (25 декабря) в годовой отпуск, Петров (25 января 1839 г.) был зачислен по министерству внутренних дел, а 27-го числа назначен губернатором в г. Каменец-Подольск и Подольским генерал-губернатором. Однако расстроенное здоровье не позволило ему продолжать службу и 13 ноября 1840 г. он вышел в отставку, поселившись в Москве.

В 1844 г. П. П. Петров с семьей едет на Кавказ, имея намерение вступить вновь здесь на службу. О нем хлопочет А. П. Ермолов, который пишет кн. М. С. Воронцову: "...Знаю, что у тебя много отличных офицеров и потому, что все хотят иметь честь служить у тебя, и я имею одного желающего это счастие. Некогда выбранныѣй мною из Александрийского гусарского полка Петров, храбрый офицер, умный и хорошо образованный, командовал Моздокским казачьим линейным полком. Впоследствии был начальником штаба войск на Кавказской линии у ген. Вельяминова, до самой его смерти и, наконец, военным губернатором г. Каменец-Подольска, откуда и вышел в отставку. Если бы было у тебя место приличное генерал-майору, ты имел бы в нем отличного исполнителя и способного сотрудника. Вот бы атаман казаков" Напиши мысль твою и если придумаешь что-либо другое сообщи мне". (Письмо — февраль 1846 г. "Акты, собр. кавказск. археогр. ком.". Т. 10. Тифлис, 1885). Ответ кн. Воронцова нам неизвестен, но желание П. П. Петрова служить на Кавказе не осуществилось. В 60-х годах он переехал из Москвы в Кострому и проживал там у в ее уездах. Умер он 13 сентября 1871 года.

***

Почему существовал почти всю их жизнь этот тесный контакт между Ермоловым и Петровым? В царствование Императора Павла I. как известно, Ермолов одно время проживал в ссылке в Костроме, где, "воспользовавшись своим заточением, приобрел большие сведения в военных и исторических науках, а также выучился весьма основательно латинскому языку". (Некоторые выписки из бумаг Д. В. Давыдова. Изд. Э. Каспровича в Лейпциге, стр. 10).

Там же проживала семья родителей П. П. Петрова. Не в это ли длительное пребывание в Костроме Ермолов сблизился с Петровыми и знал своего будущего сослуживца еще с десятилетнего возраста? Есть Есть определенные данные, что П. П. Петров оставил после себя записки. Если они не погибли в хаосе революции и будут обнаружены и опубликованы, то эти записки могут дать много нового материала для исследования взаимоотношений между М. Ю. Лермонтовым, П. П. Петровым и А. П. Ермоловым.

***

Публикуемый здесь портрет П. П. Петрова, в мундире ротмистра Александрийского гусарского полка, репродукция гравюры сделанной с него в Париже в 1815 году. Гравюра эта нигде не описана. По исполнению она очень схожа с гравированным портретом его однополчанина кн. В. Г. Мадатова, сделанным тоже в Париже в 1815 году и опубликованным в альбоме "Русские портреты" А. Морозова.

Сообщил *Ю. Топорков*

Последний бой Императорской Армии

(Отрывок из личных воспоминаний) *П. Гранберг*

(Продолжение)

Спешу к трубе. Телефонисты насторожились, повторяют команды. Огонь! Прямо в спину бьет выстрел и почти одновременно со свистом и ревом пролетает снаряд к австрийской проволоке и сейчас же с треском стелится белое облачко разрыва. "Прекрасно, прямо в лоб", телефонирую я. "Для гранаты дай 56". Черный столб дыма между кольями. "Идеально — это со второго выстрела! Запиши: цель номер один, левый фланг проволоки. Граната 56".

Иду на батарею, мысленно намечая план будущих действий батареи на случай удачи. Солнце высоко. Стало оживленнее — то слева, то справа хлопают винтовки. Немцы чуют, что мы подготовляемся. Теперь близко и далеко бьют пушки. Чувствуется, что готовится что-то серьезное — так много артиллерии еще никогда не было. Уже одна пристрелка, которую ведут батареи, похожа на подготовку.

***

Рассвет 30 июня 1917 года. Кругом нас стоит настоящая какофония стрельбы. Почти без перерыва над батареей проносятся тяжелые снаряды. Они рвутся в лесу, где по предположению находится фланговая оборона противника. Над лесом стоит неопускающийся стометровый столб дыма и пыли. Высоко летели вырванные с корнем деревья и грохот разрывов потрясал землю. Японские батареи стреляли беглым

огнем, они, как бы, захлебывались, не успевая остановиться. Подобного зрелища еще никто никогда на нашем фронте не видел. Наша вторая батарея открыла огонь по проволоке. Быстро пошло разрушение. Вскоре весь косогор затянуло дымом и пылью и корректуру огня вел передовой наблюдатель.

Я был на батарее. Стреляли уже около часа. Вдруг откуда-то справа с треском и свистом хлопнул тяжелый разрыв. На него никто не обратил внимания, но через минуту все невольно нагнули головы: точно поезд шел по воздуху и черный удушливый дым, смешанный с землею, поднялся сзади батареи. Перелет метров 200. Каждая минута была дорога, ибо видно противник обнаружил батарею. Три поезда, нет, целая дюжина с бешенным ревом, треском и шумом. К счастью все разрывы сзади батареи, но теперь до них 10-15 метров. Командую: "Номерам 1-го и 2-го взводов отойти от орудий. Телефоны отнести в сторону". Через минуту у орудий стало пусто: мы отошли от батареи метров на 150. Поручик Бутовский и телефонисты с телефонными аппаратами под мышкой еще копались, подбирая провод. Вот опять шесть разрывов между орудиями. Бутовский и телефонисты целы. Ну, теперь будут долбить. Побьют панорамные оптические прицелы, а запасных панорам только две: нужно их забрать сейчас же. Как быть? На батарею идти нельзя — она "пристрелена". Если послать кого-нибудь, то почти на верную смерть, да могут и отказаться, ведь теперь революция...

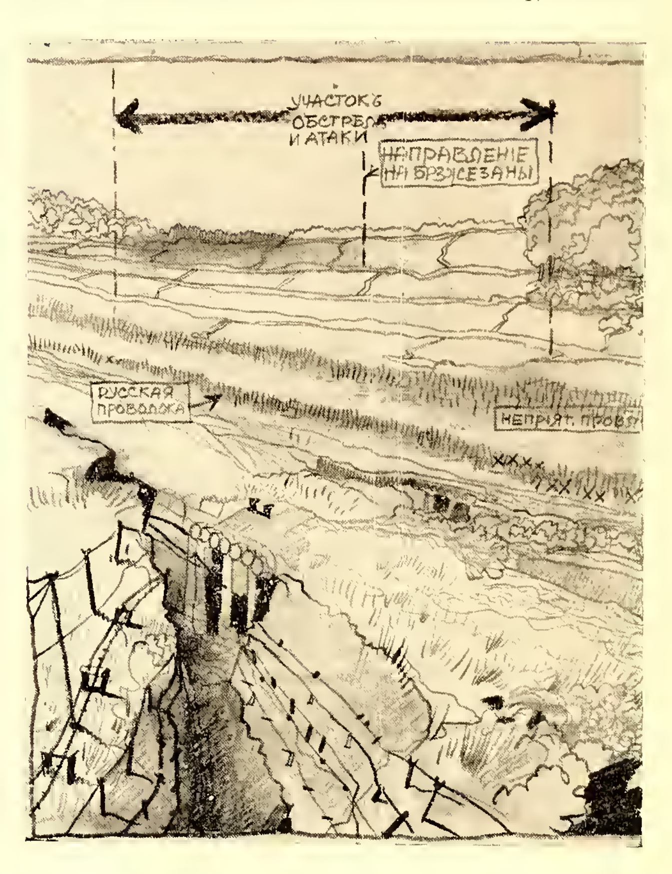
Говорю громко, что надо взять панорамы и, не оборачиваясь, быстрым шагом иду на батарею. Я не прошел и десяти шагов, как еще две гранаты разорвались между орудиями. Соображаю, что следующие будут не сразу, вскакиваю и в это время вижу, что мимо меня бегом, перегоняя один другого, бегут четыре наводчика и два разведчика. Я сам снял панораму крайнего орудия, еще момент и все шесть были в наших руках.

Только что пережитое лишний раз подчеркнуло, что в русском солдате все было: и удаль, и бесстрашие, и порыв к подвигу, и движение души, и воинская доблесть — все что требуется от солдата. Но солдат всегда смотрел на офицера, без офицера, он другой. Не даром был дан приказ № 1. Этим приказом Гучков убрал от солдата офицера.

Уже 9 часов. Через час, ровно в 10, начнется атака. Вторая батарея через двадцать минут после того как прекратился ее обстрел продолжала свою стрельбу. Проволока была разрушена. Вся линия неприятеля была в облаке пыли и дыма. Его окопы казались вымершими, было впечатление, что они брошены. Моральное потрясение противника должно было быть громадным от взрывов гранат крупных калибров, делавших страшные разрушения. Это было форменное артиллерийское торжество, которое теперь возросло до невероятной степени.

Три минуты. Две... Да, сейчас решится судьба России. Вот сейчас! Офицеры, телефонисты — все с вопросом на лицах. Вот стихла стрельба... Последняя очередь, как залп от "японцев"... Атака...

Противник молчит. Вот пошли... Бегут, вот уже у проволоки, где нами пробиты проходы... Телефоны загудели ,как встревоженный улей. "Первые три линии взяты. Противник отходит. Огонь перенести за



Панорама с наблюдательного пункта 2-й батареи л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады у Брзжезан 30 июня 1917 г.

Рисунок автора.

гору. Заградительный огонь вперед... Первый взвод, по коням, ждать приказания".

Далеко, на последней линии неприятельских окопов замелькали фигуры нашей пехоты. Линия обороны была взята почти без потерь.

Телефоны гудели. Тысячи голосов: спокойные и деловые, громкие и далекие — все в общем моральном подъеме победы. Артиллерия сделала свое, теперь дело за пехотой. Еще немного и мы пойдем вперед... Все будет так, как бывает ,когда победа: пленные, орудия...

На наблюдательном пункте дивизионный, командир батареи, я и телефонисты. Командир дивизиона нахмурился и говорит, что правые соседи еще не вышли на линию, нужно ждать...

Ждать теперь? Почему не вышли соседи? Кто там стоит? Ведь перед ними тоже все разбито...

Вдруг правее нас раздался почти общий залп де-

сятка полевых батарей. Раздался и перешел на бешенный беглый огонь, похожий на самую страшную грозу. Это, как передавали, переходит теперь в атаку 49-й корпус. В атаку, через час, после нас... Какая нелепость...

Непосредственно перед нами все было тихо. Ни выстрела, ни звука. Далеко на горизонте выделялась силуэтами наша пехота. Они даже не укрывались в окопах, очевидно перед ними не было противника. Уже прошло три часа с момента атаки. Было ясно, что она захлебнулась — пехота потеряла порыв.

Смотрю на наших солдат. Понимают ли они, что происходит? Конечно понимают. Они видели, как бывало прежде в 1914-16 г.г. Они понимают очень хорошо, что батарея выпустила сотни снарядов, как никогда за всю войну. Они также понимают, что пехота не та, что была. Они все делают свое дело, но они чувствуют, что вместо победы пришло почти что поражение. Хмурые лица неясны, в них скорее видна апатия и безразличие. С вопросительным видом они посматривают на офицеров. А что мы им могли сказать? Действительность не нуждалась в объяснениях. Революционная армия, на которую надеялись революционные оптимисты и демагоги, оказалась небоеспособной — она уже не представляла собой военной силы.

Около 4-х часов дня. Прошло шесть часов после атаки. На фронте тишина. Казалось, что все замерло. Только далеко вправо бушевала канонада. Вдруг неожиданно разорвалась неприятельская граната где-то близко слева. Еще одна и еще. Вот поплыли облачки шрапнелей по гребню. Там, где в австрийских окопах сидела наша пехота, все зашевелилось. Огонь усиливался. Несколько неприятельских батарей беглым огнем стреляли по окопам.

— К бою! Тревога по всей линии. Неприятель идет в контратаку. В трубу виден гребень: горы и отходящие по всей линии цепи нашей дивизии. Несколько минут спустя показались неприятельские разведчики — это были австрийцы. Один рослый австрияк вышел во весь рост. Он машет своим, прикладывается и стрелят туда, где путаются по ходам и окопам русские солдаты. Позор, в него никто не стреляет. Наша пехота идет назад. Она уже проходит проволоку.

По ходу сообщения на наблюдательный пункт бежит командир батареи. "Огонь, скорее огонь! Без очереди беглый!" Никогда батарея не стреляла так быстро, как в этот раз. Из атакующих мы стали обороняющимися. Они, чего доброго, и свои окопы бросят, эти товарищи... Мы уже стреляем, как утром, когда били проволоку. Но нет, остановились...

Вся линия загорелась ружейным огнем и тяжелые разрывы покрывали ту высоту, где был наш передовой наблюдатель. Наша пехота, бывшая перед нами, равно как справа и слева, вернулась в исходное положение. Контратакой противник взял обратно все окопы... Так позорно кончилось наступление "свободной революционной" армии.

Слушаем доклад передового наблюдателя: "Наша пехота не может наступать. У них собрались там, в австрийских окопах, комитеты. Решили вперед не итти. Они за мир или перемирие. Когда же начался обстрел, все, как один, поудирали. Остались лишь офицеры и сигнальщики. Убегая, они сняли все телефонные провода.

***

Теплая беззвездная летняя ночь повисла над полем сражения. Темнота покрыла сотни ненужных теперь орудий и горы привезенных снарядов. Вместо ударных войск на десятки верст стояло теперь в окопах сторожевое охранение от потерявших свое боевое лицо пехотных полков. Противник пока дальше не двигался.

"Мы делали все, чтобы собрать группу для контрудара па Зборов-Брзжезаны, но ввиду того, что русские атаковали, эта группа могла быть собрана только к 19 июля 1917 г.", так говорит генерал Людендорф: "мы собрали все что имелось для этого удара. К счастию успех русского удара 30 июня нигде не был ими использован. Было очевидно, что боеспособность русских пала. Наша контратака имела успех. 19 июля русские отступили на 15 километров. 25 июля мы заняли Тарнополь. К 2-3 августа наши армии дошли до реки Збруч".

Звучит странно, но мне кажется, что если бы немцы вели войну более энергично и перешли бы в наступление раньше, то неизвестно как реагировала бы на это "армия революции". Когда кругом стреляли и была угроза, все действовали заодно. Даже "комитеты" помогали. Но как только стрельба стихала и война уходила на второй план, как начиналась другая — внутренняя, разлагающая война, направленная против офицеров. Пример уже приводился — несчастная "картофельная" повозка.

***

После 30 июня война еще продолжалась. Некоторое время мы еще стояли на месте, готовые начать атаку. Увы, атаки не случилось. Наконец пришло приказание присоединиться к своим стрелкам, стоявшим в районе г. Бучач.

Мы стали собираться. В это время до нас дошел гул громадной канонады, идущий с севера. Гул орудий все приближался и ружейный огонь начался по всей линии. Говорили, что где-то к северу от нас какая-то дивизия бросила фронт и прорыв быстро растет в направлении на Тарнополь.

19 июля начался общий отход. Мы снялись с позиций при полной пассивности противника и медленно потянулись на юго-восток к Бучачу. Был хмурый темный вечер и нам предстоял ночной переход по дорогам, забитым отступавшими обозами. Это был трагический отход, полный разных инцидентов. Отступая, бросали кучи тех снарядов, которые сулили нам верную победу.

На походе командиру 1-го дивизиона, полковни-

ку Куликовскому, ординарец передает пакет с приказанием. Дивизионер его читает: первому дивизиону приказывается направиться на поддержку какого-то — не помню номера — корпуса; тут же давался маршрут и название деревни, где стоял штаб этого корпуса. Дивизионер поморщился, подумал и сказал: "Я сам туда поеду. Батареям продолжать поход. Это недоразумение надо выяснить. Они не знаю, что приказывают"... Полковник Куликовский с шестью разведчиками скрылись за поворотом дороги.

Медленно продолжаем свой путь в темноте ночи. Кругом тишина. Справа зарево пожаров. В голове колонны я с командиром батареи. Вдруг, впереди выстрел — один, другой... еще... Вот, целая пачка на дороге, куда идем. Командир и разведчики всматриваются в темноту. Выстрелы раздаются без конца. Командир батареи остановил колонну и приказал подпоручику Монарскому взять с собой четырех разведчиков и узнать, что происходит впереди. Разъезд галопом ускакал в темноту.

В это время из мглы выплыла фигура какого-то солдата. "Кто там стреляет? Почему?", набросились мы на него. — Не знаю, сказывали что герман на дороге, так они там и стреляют...

Возвращается Монарский и докладывает, что дорога свободна, а стреляло охранение 3-го Гвардейского Стрелкового полка, очевидно, по первности...

Пошли дальше и при подходе к г. Бучач из управления бригады получили приказание занять арьергардную позицию для прикрытия эвакуации. Совещание в избе, куда только что прискакал на взмыленной лошади командир дивизиона. Полковник Куликовский рассказал нам о своей поездке следующее.

"Я явился к командиру корпуса генералу Скоропадскому и доложил ему, что согласно полученному приказанию мы должны войти в его подчинение для поддержки его корпуса. Он только рукой махнул и сказал, что все это ерунда и, если я хочу, то могу поставить пушки около штаба корпуса и стрелять по карте в направлении противника — там противник и дезертиры... в кого попадете — все равно... Очень извинялся, что потревожил, так как корпуса больше нет и что, если я хочу, то могу сам в этом убедиться, проехав вперед. Он свою артиллерию убрал и она ушла, едва унося ноги и стреляя на картечь. Я все же из любопытства решил посмотреть своими глазами. Выехали из деревни. Местность открытая — все видно далеко кругом. По полю, по одному и группами идут "товарищи". Вдоль же большой дороги брела, как стадо, целая дивизия. Половина идущих без винтовок, кто в шинелях, кто в ватных кофтах, в рубашках без поясов, с мешками, с поклажей — прямо переселение народов... Я не выдержал и с разведчиками выскочил на дорогу. "Стой! Куда идете? Назад!" Разведчики заняли дорогу. Передние остановились. Ко мне подошел из рядов офицер, — по крайней мере я думаю, что это был офицер — вид интеллигентный. Говорит: "Это, господин полковник, идут солдаты отказавшиеся воевать. Они хотят мира, поэтому и идут". Я на него конем и кричу: "Стой! Поворачивай назад!" И что же, — массовый психоз — повернули... И не один повернул, а постепенно все. Я думаю, что они нас приняли за передовой разъезд кавалерии и просто испугались..."

Мы слушали рассказ нашего дивизионера. Мысли бегут, путаются. Неужели это конец? Не может быть, чтобы так было везде... Может быть это новый корпус, мало офицеров, мало спайки... Ведь есть еще хорошие части?

***

28 июля 1917 г. Гор. Бучач. Боевой приказ Гвардейской Стрелковой дивизии. "Противник наступает слабыми силами в направлении г. Бучач. Дивизии приказано занять участок по линии деревень........... Левый участок — лейб-гвардии 1-й Стрелковый Царскосельский полк, правый — лейб-гвардии 3-й Стрелковый полк. Артиллерии занять позицию........... Задача: задержать наступление противника на восток.

Уже светает. От батареи выслана передовая разведка. Батареи выезжают с бивака на позиции. Вторая батарея за первым полком на опушке леса. Соседняя первая батарея открыла огонь. Мы тоже немного постреляли.

Меня вызывает командир батареи к телефону. "Я здесь сижу один", говорит он. "пехоты не видно, влево все тихо. Стрелял по разъезду. Надо узнать обстановку. Позвони в полк". Но в это же время загудел телефон. "Говорит первый полк, у аппарата командир полка, полковник Быков. Дайте огонь вдоль всего участка. Наши запоздали. Один батальон разворачивается. Нужно удержать участок. Пока на линии только конные разведчики — поддержите их. Дайте беглый огонь. Говорят, что уже появились неприятельские разведчики и они ведут перестрелку".

Мы выбросили кучу снарядов, ведя огонь по длинной линии всего фронта полка. Прошел час прежде чем телефонист передал приказание прекратить огонь. Опасность очевидно минула. Что же произошло? Перед тем как двинуться на позицию первый полк стоял по-баталионно в нескольких деревнях. Перед выступлением митинговали. Один батальон согласился итти, два других отказались. Тот батальон, который согласился, тоже колебался. Боевой участок полка был пустой, и командир полка, полковник Быков, чтобы выйти из положения, послал всех ординарцев с их офицерами галопом на позицию. Они рассыпались в цепь. Австрийские разведчики уже показались и завязалась перестрелка. Батареи открыли гонь. Совместно удержали линию...

В это время, слыша стрельбу, один батальон развернулся и вышел на линию огня. Но его не хватало на весь участок. К счастию противник не торопился. Только два часа спустя от двух отказавшихся батальонов в штаб полка пришла делегация с повинной и все батальоны вышли на позицию.

Это был последний бой лейб-гвардии Первого Стрелкового Его Величества полка...

Вечереет. Группами, по два орудия, под горкой стоит 2-я батарея лейб-гвардии Стрелковой артиллерийской бригады. Сижу на хоботе одного из орудий и болтаю с "товарищами". Они спрашивают, почему при наличии такого множества снарядов и при таком противнике как австрийцы — мы отступаем. Отвечаю, что не знаю, но слушатели понимают, что я не хочу говорить о том, что знаю. Им кажется непонятным, как совместить "революцию", "свободу", "землю и волю" и проч. с этой войной. Они только видят, что в этой батарее, где они служат, есть нечто такое, что оберегает их от хаоса. Они сыты, одеты, о них есть забота. Они как будто знают, что дезертировать нельзя, не потому, что они не хотят ехать домой, а просто потому, что они боятся потерять свой "дом" — свою батарею — на войне. Ни одного солдата, который был ранен или находился в отпуску, мы не потеряли. Они всегда возвращались обратно. Были случаи, когда раненые, по выздоровлении, назначались в другие части, все же они бежали оттуда, разыскивали свою батарею и возвращались в нее. Таковы были наши солдаты.

***

Получено приказание следовать совместно с лейб-гвардии 3-м Стрелковым полком в район г. Бучач. При свете луны вытягиваемся по шоссе. Нам поход на всю ночь. Наш путь лежит на р. Збруч, где когда-то была граница между Россией и Австрией. Вся страна мертва и безлюдна на десятки километров. Вдоль длинной колонны темными призраками идут наши номера. Серая дорога пуста, уныла, как и все наши мысли. Впечатление, что только мы и остались от всей русской армии, одни среди ночи на большой дороге. Армии больше нет, она испарилась, исчезла, уйдя в небытие...

После полуночи стали на бивак в какой-то пустой деревне. Утром пошли дальше. Вдоль шоссе шли одиночные солдаты без оружия, опираясь на посохи, как паломники. Если бы не их шинели и фуражки, никто их не смог бы признать за солдат — странники, бредущие на восток...

Наш путь лежал через город Чертков. Двигались мы, сохраняя равнение и дистанцию, как было всегда за все 6000 километров похода первой мировой войны. Едва голова дивизиона подошла к перекрестку дорог, как вдруг впереди затрещали выстрелы. Сначала редко, потом чаще. Было ясно, что стреляли по нас. Было видно, как слева, пастегивая лошадей, и уже в три ряда, мчались наперерез нашей колонне повозки какого-то обоза. Кругом свистели пули.

В колонне произошло замешательство. Голова ее остановилась. Кто-то крикнул: "Кавалерия! Немцы!" Где-то впереди запряжки начали сворачивать в канаву. Уносы тащили зарядные ящики и орудия, скатывавшиеся в канаву. Здесь и там падали лошади, путаясь в постромках. Разведчики первой батареи с ее командиром бросились на выстрелы. Было видно, как убегали в поле не немецкая кавалерия, а какие-то "товарищи". Стреляли по колонне или дезертиры, или провокаторы, то есть те, которые просто "кончили войну" и считали нас "саботажниками".

"Эх, по них бы картечью запалить", говорит за моей спиной разведчик: "смотрите, что наделали. Срамота, на что похоже — по своим палят".

Уже смеркалось как мы свернули с шоссе и пошли проселками, дабы избежать новых инцидентов. Вдруг навстречу нам появились "странники".

"Куда, товарищи, идете?" — Да так, там проходу нет, казаки не пущают. Сказано итти на сборное место...

В сумерках входим в какую-то деревню. На дороге стоят два офицера: один кавалерист, другой в погонах штабного. Около них — спешенный разъезд кавалерии.

"Стой! Кто идет? Штабом армии приказано не пропускать части на восток".

— Мы дивизион лейб-гвардии Стрелковой артиллерийской бригады идем по приказанию. — говорит командир дивизиона. Штабной офицер смотрит на бумагу, которую он вынул из своей сумки: "Гвардейская Стрелковая дивизия... правильно... вы идете на Гусятин. Можете продолжать движение; только будьте осторожны, на дороге много дезертиров, их заворачивает "Дикая" дивизия. Вышлите разъезд вперед чтобы не было недоразумений".

29 июля 1917 года. Командовать нашей дивизией назначен бывший ее начальник штаба и славный командир лейб-гвардии 2-го Стрелкового Царскосельского полка генерал-майор Веришинский. В этот день мы встретили толпы солдат, идущих на запад. Говорили, что где-то в тылу стоит "Дикая" дивизия, которая и заворачивала бегущую армию.

Нам пришлось встретить эту дивизию. Это случилось в середине дня. Еще издали увидели длинную колонну кавалерии. Один вид этой колонны уже заставил ездовых наших запряжек подбирать повода, а идущих номеров подтягиваться и поправлять пояса. Еще тогда у наших солдат был, ими самими выдуманный способ ношения красного револьверного шнура. Шнур, который, по уставу, болтался от шеи, они пропускали его под погон и он висел как этишкет. Было красиво и мы санкционировали эту форму ношения этого шнура, она нравилась солдатам.

На нас надвигалась кавалерия. Впереди в черкесках и темных бурках ехало начальство и его штаб, а за ним всадники на горячих кровных конях. Каждый обращал на себя внимание. Темные глаза блестели из-под черных и рыжих папах и подозрительно, а может быть и оттенком презрения, смотрели на нас, по-своему оценивая "отступающее войско". Гортанный говор звучал по рядам...

Вся дивизия прошла мимо нас — все шесть полков — войско, которое не знало горького чувства поражения. Они выше нас, они не знают нашей болезни. Это чувствовали все мы, до последнего канонира.

Но вот "Дикая" дивизия прошла, она навсегда ушла в далекий туман прошлого. Это было еще на-

стоящее войско, прошедшее мимо нас последним прощальным парадом.

Общество офицеров каждой гвардейской части баллотировало каждого юнкера или офицера, который желал служить в этой части. Случаи забаллотировки сравнительно были редки и они всегда были связаны с репутацией данного лица. Непринятие ложилось темным пятном на личность забаллотированного. Член Государственной Думы, поручик запаса А. И. Гучков, один из создателей русской смуты, автор приказа № 1 об уничтожении субординации в армии, видя провал своих революционных мечтаний, хотел поступить офицером в ряды "Дикой" дивизии. Его кандидатуру отвергли все офицеры всех шести полков "Дикой" дивизии. Это был как бы ответ всего корпуса русских офицеров безумному преступнику. Это случилось в середине июня 1917 года в городе Черновицы.

***

Как змея извивается между высоких берегов неширокая, но быстрая река Збруч. Крутые обрывы ее берегов спускаются прямо в реку. Самой реки издали и не видно. Только если подойти к самому берегу, можно увидать воду. Оврагами перерезаны все поля с бесчисленными ручьями. Рощи дубов и кленов закрывают австрийский берег, вдоль которого раскинулись деревни и "господские" дома. Здесь была государственная граница между Россией и Австрией. Отсюда в 1916 г. мы ушли на Режицу, и через Луцк и Тарнополь, вернулись обратно, завершив круг скитания. Двадцать месяцев прошло с тех пор, как Гвардейский отряд начал свое последнее странствование, растеряв по многим полям сражений три четверти своего состава. Бесславный конец русской гвардии на фоне конца войны начался здесь и ему, этому концу, были принесены многочисленные жертвы, показывающие, как утешение, что не без борьбы пришел этот трагический конец.

Война продолжалась. Мы пришли в Россию южнее исторического Гусятина. Приказ по Гвардейской Стрелковой дивизии гласил о боевом порядке. Войска расходились по участкам. Где-то за много верст слышались выстрелы.

Вся местность изрезана оврагами, между которыми возвышаются холмы, покрытые деревнями и хуторами, спускавшимися иногда краями садов в овраги. На одном из холмов стоял, окруженный вековым парком, господский дом. Отсюда поднималась улица деревни параллельно реке. Это был район л.-гв. 1-го Стрелковоог полка и нашей батареи. Штаб полка расположился в господском доме. Полк занял широкий фронт вдоль реки Збруч. Из дивизии два полка стояли в резерве. Наша батарея занимала оригинальную позицию. Закрытую позицию найти было трудно. Батарею разделили на две части, которые поставили у деревни: четыре орудия в одном и два в другом конце деревни. Наблюдательный пункт выбрали на высокой горе, совсем близко от батареи.

Через день или два, неприятель подошел к реке. Это были австрийцы, но иногда появлялись и немцы. Они пока делали наблюдения и изредка перестреливались с нашими секретами через реку Збруч.

***

Редкая цепь противника появилась на берегу реки, повидимому это было охранение. Пока что, наши стрелки вели себя прилично. Даже иногда предпринимали вылазки на неприятельский берег. Наконец, заговорила артиллерия. Раза два стрельнули по деревне, где мы стояли. Мы сразу дали ответ. Стрельба прекратилась. Мы тоже замолчали. На следующий день повторилось то же. Прошло несколько дней. На фронте было тихо.

Посетил батарею начальник дивизии, генерал Верцинский. Мы все, кадровые офицеры, знали его хорошо. Все, что можно сказать положительного про командира вообще, относится в полной мере к репутации этого генерала. Была уверенность, что если он и не может сделать чуда, то он сделает все, чтобы дивизия стала боеспособной. К сожалению, было поздно — выдающийся генерал не смог остановить быстро идущего разложения.

События шли быстрым темпом. Надежды на восстановление боеспособности армии значительно ослабели. В приказах указывалось на необходимость сбора урожая в тылу фронта. Войскам приказывалось оказывать помощь населению. Поспешность этого дела мотивировалась возможностью дальнейшего отхода фронта.

Около 8 августа на фронте р. Збруч стало заметное оживление. Столкновения на фронте стали учащаться. Артиллерия часто обстреливала тылы, нащупывала батареи и беспокоила штабы и резервы. Появилась воздушная разведка.

10 августа противник утром начал обстреливать гаубичными снарядами господский дом, где стоял штаб полка. Несколько бомб попало в район парка, не задев дома. Несколько гранат упало шагах в 200-х от позиции батареи. Стрельбу корректировал аэроплан. Штаб полка попросил нас "проучить" немцев и в отместку обстрелять их деревню по ту сторону Збруча. Был день, аэропланы еще не гудели и мы неохотно согласились. Отдельный взвод — два орудия — был вызван к бою. Гранаты полетели в немецкую деревню. Не прошло и четверти часа, как две немецкие бомбы с треском и ревом разорвались в районе нашей деревни.

Командир батареи успел лишь крикнуть на батарею, чтобы номера укрылись в ровики, как еще две бомбы разорвались совсем близко за деревней. Вот, столб дыма, пыли и треск разрыва сразу за батареей. Попадание в крайний сарай. Оттуда повалил дым — загорелась солома. Сарай был в пятидесяти шагах от орудий. Еще разорвалось несколько бомб без вреда для нас и немцы замолкли. Тревожно гудит телефон. Телефонист передает, что на батарее двое ранено — сидели в сарае, куда попала бомба. Сидели в сарае — вот результат. Солому потушили.

(Продолжение следует)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

№ 24

НОЯБРЬ 1964 года

СОДЕРЖАНИЕ

●

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

ПАРИЖ.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление с глубокой скорбью сообщает о кончине своего Председателя Илии Николаевича ОПРИЦА, последовавшей 25 августа с. г.

25 августа, в госпитале под Парижем, скончался генерал-майор И. Н. Оприц. 29 числа тело усопшего было перевезено в помещение музея Лейб-Казаков, где была отслужена краткая лития, а затем — на русское кладбище в С. Женевьев-де-Буа для отпевания и погребения.

Илья Николаевич родился в 1886 году. Окончив Пажеский Е.И.В. Корпус в 1906 году, он вышел л.-гв. в Казачий Е.В. полк, в котором и прошла вся его военная служба. Любовь к полку, к его славному прошлому никогда не покидала его. Долголетний председатель Объединения Лейб-Казаков, автор книги "Л.-гв. Казачий Е.В. полк в годы революции и гражданской войны. — 1917-1920 г.г." (Париж, 1939), он отдавал все свободное от работы время на свое любимое дело — устройство и сохранение Музея Лейб-Казаков, этого единственного по своему разнообразию и богатству собранию предметов, относящихся не только к истории Казачьего полка, но и к военной и даже к общей истории России.

Один из учредителей нашего Общества, И. Н., с 1946 года, постоянно выбирался в члены Правления. В 1957 году он был выбран почетным членом, а в прошлом году, после смерти кн. Н. С. Трубецкого, председателем Правления. Трудно перечислить все услуги, оказанные им нашему Обществу. Он принимал самое деятельное участие во всех наших выставках, докладах, собраниях, приемах, завтраках, которые устраивались в Музее, и роль его, хранителя Музея, никогда не ограничивалась ролью гостеприимного хозяина: он помогал всегда и словом и делом, не останавливаясь перед самой трудной и неблагодарной работой.

Вечная память этому истинному другу нашего Общества, настоящему любителю, ревнителю и знатоку русской военной старины, скромному труженику, стяжавшему себе всеобщее уважение и любовь!

МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рассылка и раздача этой медали по заказам, поступившим до 5 июня, закончилась 20 октября. В настоящее время продолжается прием новых заказов, а также раздача и рассылка по заказам, полученным после 5 июня.

Справочный отдел — адреса, сведения об изданиях и медалях — в № 23 «В. И. Вестника», а для членов Общества кроме того в № 36 «Извещения».

БИБЛИОГРАФИЯ

Удивительный письменный исторический памятник создало Объединение л.-гв. Московского полка к 50-летию боя у д. Тарнавка 26 августа 1914 г. — это изданный им бюллетень "Тарнавка" (Париж, 1964, 27 стр.). В нем подобраны интереснейшие материалы, относящиеся к тому небывалому в военной летописи подвигу, какой совершил этот славный полк — открытой лобовой атакой захватил всю действующую артиллерию германского корпуса Войрша. Ряд статей участников этого боя, а также выписки из германского государственного архива делают этот бюллетень серьезным и ценным вкладом в нашу военно-историческую литературу по 1-й Мировой войне.

Ю. Т.

Некоторые памятные даты в 1965 году

225 ЛЕТ. — Кончина Императрицы Анны Иоанновны (1693 - 17 октября 1740 г.).

200 ЛЕТ. — Рождение князя Петра Ивановича Багратиона (1765-1812).

175 ЛЕТ. — Кончина адмирала Григория Андреевича Спиридова (1713 - 19 апреля 1790). Победа адмирала Ф. Ф. Ушакова над турецким флотом у Керченского пролива (8 июля) и у о. Тендра (8 августа 1790). Конец войны со Швецией (1788-1790) и мир в Вереле (3 августа 1790). Разбитие генералом И. И. Германом турецкого корпуса Батал-паши на Кубани (30 сент. 1790). Взятие Суворовым кр. Измаил (11 дек. 1790).

150 ЛЕТ. — Второй поход во Францию (1815 г.).

125 ЛЕТ. — Геройский подвиг рядового Тенгинского пех. полка Архипа Осипова, взорвавшего Михайловское укрепление при взятии его горцами (22 марта 1840). Основание Петровского Полтавского кадетского корпуса (6 декабря 1840).

100 ЛЕТ. — Взятие штурмом ген. М. Г. Черняевым Ташкента (15 июня 1865). Основание 2-го Кавказского (17 ноября 1865) и 1-го Туркестанского (19 декабря 1865) саперных батальонов.

50 ЛЕТ. — Второй год 1-й Мировой войны (1915 г.).

Битлисская операция

(ИЗ ЗАПИСОК)

Н. Н. Шатилов

В октябре 1915 года я был переведен на Кавказский фронт и назначен начальником штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии, которой командовал генерал Абацнев. Эта дивизия после ефратской операции находилась на отдыхе в районе Карса в армейском резерве. Но уже с ноября некоторые полки были выдвинуты на фронт и приданы различным отрядам. Штаб дивизии перешел в Игдырь, имея в своем подчинении в Эриванской долине, вместо четырех, только два полка.

Генерал Абацнев был уже пожилым человеком, но прекрасно сохранился. По происхождению он был православный осетин, ибо население Осетии было наполовину православным, наполовину мусульманским, и даже православные осетины носили мусульманские имена. Так, мой начальник дивизии, Дмитрий Константинович, носил еще имя — Джембулат. Начал он свою службу рядовым, был в Турецкую войну 1877-78 г.г. ординарцем у Скобелева и заслужил три солдатских Георгия. Выдержав офицерский экзамен при Виленском училище, он опять служит со Скобелевым и за боевые отличия при взятии Геок-Тепе в 1881 году награждается золотым оружием. Затем он служил в Конвое Его Величества, благодаря чему служба при Дворе выработала из него вполне светского человека.

Генерал Абацнев прекрасно знал войсковое хозяйство, обращал большое внимание на содержание в надлежащем порядке конского состава, был очень заботлив в отношении казаков. В смысле же оперативного и боевого руководства он больше доверял своему начальнику штаба, особенно в тех случаях, когда ему приходилось командовать отрядами смешанного состава. Он считался очень храбрым офицером и хорошим, строгим начальником.

4-й Кавказский корпус (ген. де-Витта), к составу которого принадлежала наша дивизия, выделив на главный участок шесть пехотных полков и одну казачью дивизию, получил приказание оставшимися силами (4 полка пехоты и 6 полков конницы) перейти на всем своем фронте в наступление. Этим наступлением обеспечивались слева операции главных сил Кавказской армии, кроме того, не давалась возможность туркам перебросить свои войска, находившиеся против нас, на эрзерумское направление. В частности, войска 4-го корпуса должны были овладеть Хнысом и Мелязгертом.

2-го января 1916 г., на главном участке фронта армии, части 5-й Кавказской стрелковой дивизии прорвали турецкий фронт в Пассинской долине у Илими и развивали наступление в глубь турецкого расположения. Турецкий фронт дрогнул и наши корпуса начали их преследовать до самых подступов к Эрзеруму, т. е. до подножия Деве-Бойнского хребта, на котором находились форты крепости.

Однако наступление 4-го корпуса шло крайне медленно. Весь район до Мушской долины был покинут жителями и селения их были разрушены. Морозы стояли очень сильные, а снег достигал высоты человеческого роста. Противник сопротивлялся слабо, но борьба с природой и с бездорожьем отнимали все силы людей.

Направление на Мелязгерт было много легче пути на Хныс. Поэтому атаковавшая Мелязгерт колонна, по овладении им, была повернута на Хныс, который она и захватила раньше прибытия туда непосредственно направленного стрелкового полка, изнемогавшего в снегах хребта Аг-Дага.

После разгрома турок на Азанкейских позициях и продвижения наших корпусов к Эрзеруму генерал Юденич приказал командиру 4-го корпуса продолжать наступление и овладеть Мушем и Битлисом.

Ввиду выделения из состава корпуса двух стрелковых полков генерал де-Витт выслал из района Игдыря наши последние полки для выполнения этой поставленной корпусу задачи. Одновременно из Игдыря был вызван штаб нашей 2-й Кавказской казачьей дивизии, который и прибыл 17 января в Каракилису для получения указаний о предстоящих действиях. В корпусе, таким образом, оставалось всего девять стрелковых батальонов и наша казачья дивизия. Кроме того он располагал несколькими ополченскими батальонами слабой боеспособности.

Генерал де-Витт направил колонну генерала Назарбекова с двумя стрелковыми полками от Хныса для овладения Муша, а колонну генерала Абацнева (1 1/2 батальона пехоты, 2 казачьих полка, 2 батареи и 2 ополченских дружины) от Мелязгерта для занятия Битлиса.

К прибытию генерала Абацнева в Мелязгерт части нашей колонны занимали Кара-Кепри, Коп и Мелязгерт. Эта часть высокого Армянского плоскогорья была сильно занесена глубоким снегом. Солнце, почти не заходившее за облака, слепило глаза и мы почти все должны были надевать очки с тусклыми стеклами. Днем на солнце было тепло, но в тени, особенно ночью, холод положительно сковывал руки и ноги. Селения и городки сохранили только на карте свои названия. Жители их покинули или же были выселены турками. Дома не сохранились — они почти все были использованы на топливо. Лишь изредка можно было найти крытое помещение для штаба и часто приходилось писать приказания под открытым небом.

Продовольствие целиком должно было доставляться из тыла. Уже в Мелязгерте мы стали испытывать

недостаток во всем, особенно в фураже. Колесные обозы поедали привозимый ими фураж и лишь верблюжьи транспорты доставляли нам немного зерна.

Легко сбивая встречавшиеся турецкие части, мы с трудом одолевали суровую природу. Дорог не было никаких — все вокруг было занесено девственным снегом. В течение нескольких дней мы двигались вперед, выбирая не кратчайшие направления, а более удобную для движения местность и к 8-му февраля подошли наконец к Ванскому озеру, к селению Ахлат.

Наша конница несколько дней не имела уже вовсе фуража. Порционный скот почти весь пал в пути. Местных средств не было никаких. Итти дальше всем отрядом не было никакой возможности. Это вынудило генерала Абациева отправить немедленно в тыл почти всю нашу конницу, обе батареи и весь колесный обоз. С нами остались только два батальона, две сотни и два орудия. Ни продовольствия, ни фуража мы уже не имели. Хоть мы и посылали в штаб корпуса просьбы о высылке нам верблюжьих транспортов с продовольствием, но отлично сознавали, что едва ли это получим. Приходилось изыскивать суррогаты.

Уже в первый день нашего пребывания в Ахлате, вернее в его развалинах, мы услышали рубку деревьев. Это казаки рубили тополя, растущие по берегу озера. К поваленным деревьям они подводили лошадей, которые с жадностью глодали древесную кору. Что же касается людей, то для питания оставалось лишь несколько голов скота: его кололи по очереди из числа голов обреченных на падеж... В довершение всех бед — у нас не было ни горсти соли. Сухари были съедены. За всю свою жизнь я не испытывал такого глода, как в это время. Вся пища состояла из вареной говядины без соли.

После дневки в Ахлате мы двинулись в направлении к Битлису. Это был самый трудный день перехода. Приходилось преодлевать невероятные снеговые заносы. Глубина их достигала иногда высоты турецких телеграфных столбов, кое-где еще сохранившихся по дороге. Турки занимали высоты при входе в битлисское ущелье и открыли по нас артиллерийский огонь. Но на него мало кто обращал внимание — борьба с природой была труднее борьбы с турками. Чтобы пробить в снегах дорогу мы высылали по очереди одну из оставшихся у нас двух сотен вперед, и она напором конских грудей расчищала дорогу. Нужно было много волевых усилий, чтобы не придти в отчаяние и продолжать продвигаться вперед, ища более доступного пути.

Так шаг за шагом, до самого вечера, продвинулись мы, утрамбовав дорогу на шесть-семь верст... Заночевали в поле и с утра начали двигаться дальше. На наше счастье, наши дозорные посланные для разведки путей нашли более удобный путь для перехода и мы на второй день добрались до селения Тодван, находившееся на юго-западной оконечности Ванского озера.

Когда мы подошли к Тодвану, то турки покинули свои позиции при входе в битлисское ущелье и отошли вглубь его. Это дало нам большие преимущества. Путь на Муш становился свободным и на него мы могли перенести свою связь с тылом и штабом корпуса, который перешел в Хныс.

Двигаясь от Ахлата на Тодван, мы видели бесконечные обозы населения, уходившего из Мушской долины на Битлис. Своим движением эта масса обозов утоптала дорогу и мы теперь могли расчитывать получить оттуда подкрепление, т. к. Муш к тому времени был уже занят частями генерала Назарбекова. Сохранилась также почти нетронутой и турецкая телеграфная линия, почему я немедленно же послал нашу конно-саперную команду восстановить ее, насколько это представлялось возможным. В Тодване сохранилась хорошо одна из сакель и мы в ней расположили все наши немногочисленные штабы.

Наша разветка, подошедшая к ущелью Битлиса, захватила турецкого аскера, который дал нам довольно ценные сведения о гарнизоне Битлиса. По его данным гарнизон состоял из девяти батальонов и нескольких батарей. С нашими силами мы, конечно, не могли расчитывать на успех атаки. Это вынудило генерала Абациева просить командира корпуса прислать нам подкрепление по открывшимся путям от Муша и от Вана, ибо разведка наша установила, что дорога по южному берегу Ванского озера на Ван была свободна и не была занесена снегом.

Когда мы находились в Тодване, генералу Абациеву было доложено, что ветром только что пригнало к берегу турецкую баржу с пшеницей, но что баржа наполнена водой и вся пшеница пропитана ею. Так как вода в Ванском озере значительно более солона чем морская, то генерал Абациев высказал сомнение в возможности кормить "просоленной" пшеницей наших лошадей. Посланный на баржу ветеринарный врач, вернувшись в штаб, доложил, что давать эту пшеницу лошадям совершенно невозможно, ибо мы рискуем потерять весь наш конский состав. Это вынудило нас поставить к барже караул, с приказанием к ней никого не подпускать.

На следующий день, когда я садился на коня, то удивился, что мои переметные сумы чем-то наполнены. Оказалось, что они полны пшеницей. Я спросил вестового, в чем дело? На это он мне ответил, что всю ночь казаки и солдаты таскали пшеницу из баржи и что лошади ее хорошо едят. Произошло следующее — караул сжалился над лошадьми и не препятствовал забирать для них корм, которого оказалось так много. Ни одна лошадь не заболела и пшеница была распределена между частями к удивлению нашего ветеринара.

Спустя два дня мы получили уведомление из Хныса, что к нам направляется из Муша 8-й Кавказский стрелковый полк и две сотни Лабинского полка, а из Вана — Сунженско-Владикавказский полк, батарея и четыре ополченские дружины.

13-го февраля мы уже связались с лабинским

разъездом, а 14-го все посланные нам в подкрепление части сосредоточились в нашем районе. В тот же день мы перешли в наступление на Битлис. План нашего движения был таков. Отряд прибывший из Муша должен был наступать в обход Битлиса справа. Средняя колонна, усиленная полубатареей прибывшей из Вана, наступала в центре на битлисскую турецкую позицию, а левая колонна, прибывшая из Вана, должна была двигаться от Саока на Ваник в обход Битлиса слева.

Наша разведка сообщила, что позиция турок впереди Битлиса находится недалеко от города и что фланги ее упираются в высокие хребты по обеим сторонам ущелья. У самого входа в это ущелье находился большой караван-сарай (огромная каменная постройка, служившая укрытием для караванов в зимнюю погоду), и в него мы сосредоточили наши небольшие тылы и перевязочные пункты.

Наступление наше шло очень медленно из-за необычайно глубокого снега и сильного огня турок. Средняя колонна несла небольшие потери, но труднее всего было наступать на правом боевом участке — снег совершенно не позволял двигаться в намеченном направлении. Левая колонна поднималась на высоты тоже с большим трудом.

Заночевав на позициях, на следующий день мы продолжали наше наступление. Генерал Абацнев со мною находился на среднем участке на батарее, которая очень удачно обстреливала расположение турок и принудила к молчанию одну из их батарей. Но наша батарея была сильно выдвинута вперед и находилась под турецким ружейным огнем. В конце дня командир ее, капитан Семенов, раненый пулей в живот, был эвакуирован в караван-сарай и мы считали, что он не доживет до вечера.

В центре среднего участка наступала Армянская дружина Андроника, которая не могла до самого вечера продвинуться к турецким окопам и несла большие потери. Наши стрелки средней колонны тоже были задержаны огнем турок.

Надежда на выход правой колонны, в обход Битлиса, не оправдалась. 8-й Кавказский стрелковый полк не смог даже подняться на вершину хребта. Остановилась и левая колонна. Наступил вечер и генерал Абацнев приказал отряду отойти в исходное положение, оставив на среднем участке батальон стрелков. Природные условия были против нас, и даже с новыми подкреплениями мы не могли расчитывать на успех атаки раз не было возможности подняться на горы. Тогда у меня созрел в голове план ночной атаки.

С утра 16 февраля, я выехал на средний участок. Там я нашел командира роты 8-го Кавказского стрелкового полка, поручика Петрова-Денисова, которому я высказал предположение атаковать турок ночью и предложил ему хорошо ознакомиться днем с дорогой ведущей к Битлису, чтобы при ночном наступлении не сбиться с пути. Мы с ним вместе продвинулись, насколько было можно, вперед и старались ознакомиться с протоптанной впереди дорогой, изучая все ее изгибы. Поручику Петрову-Денисову я сказал, что на него будет возложена задача вести атакующую колонну, почему он должен посвятить весь день обследованию ориентировочных пунктов, наблюдая их с разных сторон. Но мне было уже ясно, что ночью с дороги — вернее довольно широкой полосы, утрамбованной уходившим в Битлис населением и еще не успевшей покрыться свежим снегом — мы не собьемся, так как уклонение в сторону принуждало бы нас погружаться в глубокий снег.

Вернувшись в штаб отряда, я высказал генералу Абацневу мои соображения в отношении ночной атаки Битлиса. Генерал, очень подавленный неудачей нашей атаки, и казалось, не видевший выхода из создавшегося положения, оставался совершенно равнодушным к моему предложению, в успех которого он не верил. Кроме того он прямо сказал, что не имеет понятия о том, как надо организовать ночную атаку и для этого он желал бы выслушать заключение командира 8-го Кавказского стрелкового полка.

Когда я отдавал распоряжение о вызове командира полка, то мой старший адъютант, капитан Готовцев, услышал о моем предложении атаковать Битлис ночью, подошел к генералу Абацневу и стал уговаривать его не давать своего согласия на эту атаку. Он вообще, во время нашего наступления мало проявил инициативы и энергии в стремлении выполнить данную нам задачу и не был для меня таким помощником, каких я видел в кавалерийских дивизиях на нашем европейском фронте.

Когда я вернулся к генералу Абацневу, то он мне сейчас же сообщил, что Готовцев, офицер генерального штаба, как и я, высказался против атаки ночью. Чтобы избавиться от непрошенного противодействия, я отправил его на позицию 8-го Кавказского стрелкового полка и дал ему поручение обследовать подступы на высоты вправо от расположения полка. Поручение совершенно ненужное, но освободившее меня до вечера от помощника "потерявшего дух".

Скоро прибыл командир 8-го полка, который высказался также против ночной атаки и советовал генералу просить усилить его еще 7-м Кавказским стрелковым полком из Муша и совместно с этим полком днем атаковать битлисскую позицию. Я сказал командиру полка, что ночная атака уже решена и что генерал Абацнев просит только доложить ему технику ее выполнения. Генерал молчал. О техническом выполнении атаки ночью командир полка просил доложить позже. Видно было, что опыта у него в этом отношении было не много.

Некоторое время спустя ко мне явился офицер того же полка, мой бывший ученик по Тифлисскому военному училищу, который заявил, что он только что узнал от командира полка, что предстоит ночная атака. Я его хорошо помнил, так как он был одним из лучших моих учеников. Он мне стал гово-

рить, что позволил себе меня беспокоить, пользуясь своим прошлым общением со мной, как ученика и преподавателя, чтобы осветить мне положение. По его словам, полк только что участвовал, при чрезвычайно трудных местных условиях, в кровопролитных боях под Хнысом и на Хомур-Даге, поэтому утомление людей в нем чрезвычайное и он уверен, что для ночного боя у них не будет сил. Мне не пришлось долго возражать моему собеседнику. Я просто спросил его, кто его ко мне послал. Он сознался, что его просил об этом командир полка и некоторые старшие офицеры, которые не сочувствовали ночной атаке. Минут через 20 мой ученик, убежденный мною в преимуществах ночной атаки, вернулся к себе в полк.

Я стал докладывать генералу Абацию о проекте приказа для атаки. Он по-прежнему находился в нерешительности и мне стоило не мало труда вселить в него надежду на успех. Собрав всех офицеров штаба, я стал диктовать приказ. Когда он был закончен и я дал его на подпись генералу Абациеву, только тогда он стал меня расспрашивать о подробностях предстоящего ночного боя. Между тем приказ был подписан и разослан в части.

Сущность приказа заключалась в том, что позади батальона, расположенного в битлисском ущелье, должен был за два часа до рассвета собраться весь 8-й и два батальона 6-го Кавказского стрелкового полка, за которым должны были расположиться две сотни Лабинского полка под командой есаула Бабиева, а за ним наши два орудия. Для прикрытия нашего тыла у караван-сарая, где находились, как я говорил, наши тыловые части, была оставлена армянская дружина Андроника. Бивачные огни должны были поддерживаться всю ночь до рассвета, чтобы скрыть оставление нами наших ночлегов.

К 5 часам утра генерал Абациев был уже со штабом у головного батальона. Я приказал позвать к себе поручика Петрова-Денисова и спросил полковника Чаплинского (командира 8-го Кавказск. стрелк. полка), в каком порядке будет следовать его колонна. Видя полную уверенность поручика Петрова-Денисова в том, что он не собьется с дороги, я указал 8-му полку, впереди которого была поставлена небольшая застава, и следовавшим за ним батальонам 6-го полка двигаться на укороченных дистанциях. Затем я подъехал к генералу Абациеву и доложил ему о необходимости начать наступление.

В глубокой тишине мы двинулись вперед. Генерал Абациев, его штаб и полковник Чаплинский следовали за ротой поручика Петрова-Денисова, который шел с головной заставой. Лабинские сотни и два наши орудия следовали за пехотой.

Половину пути до Битлиса мы прошли, не встретив турок. Только, примерно, в версте от их позиций наша застава столкнулась с турецкой заставой, которую переколола штыками — турки успели сделать лишь несколько выстрелов.

Самый решительный момент наступил. Я выехал к Петрову-Денисову. Тот, воодушевленный ликвидацией заставы, рвался вперед, но я его остановил и приказал выждать подхода головной роты, так как необходимость в головной заставе миновала. Напротив, надо было теперь приготовиться атаковать турок насколько было возможно большими силами. Колонна подтянулась. Ширина дороги позволяла двигаться во взводных колоннах. Дистанции были сокращены.

Турки видимо не ожидали нашей атаки, даже после выстрелов их заставы, и когда мы подошли к турецкой позиции, то они только тогда, выскакивая из двух казарм находившихся по обе стороны дороги, бросались в свои окопы. Сбив штыками турок у дороги из их окопов, мы немедленно направили по батальону в обход турецкой позиции с тыла со стороны города, а есаулу Бабиеву было приказано проскочить город и перехватывать уходивших.

В это время начало светать и стало легче ориентироваться. Было разрешено стрелкам открывать огонь, что до этого времени было категорически воспрещено. Начавшаяся стрельба точно указала расположение турок. В это же время наши стрелки стали подниматься на высоты впереди города, атакуя турок с тыла.

Тогда же нас поразило следующее обстоятельство: в то время как в Битлисском ущелье и в Мушской долине стояла суровая зима и все было занесено глубоким снегом, в самом Битлисе стояла теплая погода и склоны гор обращенные к югу не были даже в снегу. Это нам объяснило, почему турки без сопротивления оставили свои позиции впереди Битлисского ущелья — они перенесли их в район, где подход к ним был крайне легким, оставляя впереди себя глубокий снег и суровую зиму. Такого резкого изменения климата, на протяжении всего нескольких верст, я не видел никогда.

Уже в 7-9 часов утра все позиции турок были нами захвачены без труда. Только на одной из батарей нашим стрелкам пришлось выдержать упорный бой.

Есаул Бабиев перехватывая за Битлисом отдельных людей, высылал разъезды по сторонам дороги, ведущей на Сгерт, чтобы препятствовать уходящим туркам пробираться горами. При выходе из Битлиса на юг, он настиг единственный турецкий батальон, успевший выбраться из города при нашей атаке. Есаул Бабиев атаковал его в конном строю, порубил большое количество аскеров и захватил не мало пленных.

Город сохранил небольшое население, почему нам пришлось принять меры гражданского порядка и на первое время населению было указано собраться в американском госпитале до нового распоряжения.

Трофеи наши были значительны. Число пленных достигло пяти тысяч, но среди них было не мало гражданских служащих. Орудий было захвачено 20, но около половины их были пушки устарелого образца. Кроме того были захвачены денежные ящики некоторых частей и штаба турецкого отряда. Захватили мы и большие запасы продовольствия, в том

числе и соль, в которой мы так нуждались. Наши потери за всю атаку не превосходили 25 человек. Утомленный предыдущими действиями наш отряд расположился в северной части города и воспользовался заслуженным отдыхом. Впереди была оставлена бабиевская сотня казаков. Это было все наше охранение.

В первый раз за всю историю России наши войска вступили в Битлис, открыв путь в Мосульскую долину. Уже по резкому изменению климатических условий чувствовалось, что мы вышли из Армянского плоскогорья и вступили в бассейн р. Тигра. Протекавшая через Битлис река была уже его притоком. В своем труде "Мировая война" А. Зайончковский пишет: "Битлис, к западу от Ванского озера, исходный пункт и база турок для наступательных действий в Азербайджан. Значение Битлиса было особенно велико, как узла путей, ведущих со стороны Мосула и Багдада, которые облегчали переброску турецких войск с одного фронта на другой".

Уже в начале ночной атаки генерал Абациев вновь обрел полную бодрость духа. Следуя в голове колонны, закутанный, как и мы все, от холода в башлык, он не мог не производить на подчиненных сильного впечатления. Несмотря на свои почтенные годы и на большую усталость, он был вместе со своими частями и в самый решительный момент всегда при надобности мог без задержки отдать нужные приказания.

По окончании боя, когда к нам стали поступать со всех сторон донесения о взятых позициях и захваченных трофеях, генерал Абациев, в присутствии многих старших офицеров отряда, обратился к ним и сказал, что победе над турками у Битлиса он и все части отряда обязаны исключительно мне. Только моя настойчивость и умелое проведение операции дали такие блестящие результаты, которых, вероятно, никто не ожидал. Мало того, когда спустя некоторое время он представил меня к ордену Святого Георгия 3-й степени, он не остановился перед тем, чтобы полностью высказать это же в своем представлении. Сам же генерал Абациев был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени и получил его спустя несколько недель.

27-я пехотная дивизия в бою под Сталлупененом и в сражении под Гумбиненом

(Продолжение)

Ген.-лейт. К. М. АДАРИДИ

Неудача 4(17) числа, испытанная дивизией, отход ее за границу и необходимость привести в порядок части, пострадавшие в бою, а также то обстоятельство, что отступление противника с позиции у Герштена было обнаружено лишь утром 5-го числа, имели следствием то, что она выступила только в два часа дня. Ночевала она в этот день в Допенен и его окрестностях. Сюда подошел также второочередной Донской казачий полк, командир которого доложил, что он прибыл в распоряжение дивизии в качестве ее дивизионной конницы. Под свежим впечатлением бывшего накануне боя, неудачу которого нельзя было не видеть в плохой связи и разведке вследствие недостатка конницы, известие о прибытии в состав дивизии сразу целого полка вызвало большую радость. Но она продолжалась не долго. Уже на следующий день этот полк покинул дивизию, получив какое-то другое назначение и она осталась совсем без кавалерии, ибо сотня пограничников также выбыла из ее состава.

Распоряжением по корпусу на 6 августа дивизии было назначено дойти до линии реки Ромините, так что предстоял переход километров в 30, но уже на походе это распоряжение было изменено и ей указано иметь ночлег в Эндцунен, выдвинув авангард к Варшлегену и выставив сторожевое охранение на р. Ромините. Изменение это мотивировалось необходимостью дать 20-му корпусу возможность двинуться уступом вперед, чтобы лучше охватить левый фланг противника.

Произошло также изменение в составе дивизии, и без того ослабленной, а именно было приказано выслать один батальон в распоряжение штаба корпуса. Выбор пал на один из батальонов 108-го пехотн. Саратовского полка, как наименее пострадавшего в бою 4 августа. Батальон этот присоединился к полку уже после боя под Гумбиненом.

Имея Саратовский полк в авангарде, дивизия рано утром 6 числа выступила из-под Ропенена и двинулась через Пилы, Равенен, Реккельн. Таким образом ей приходилось проходить тот район, на котором дрался Оренбургский полк. Так как по пути встречались раненые, не подобранные после боя, а также трупы убитых, было приказано еще раз самым тщательным образом обыскать это поле боя. В попутных деревнях оказалось тоже несколько человек раненых, как русских так и немцев. Их приютили у себя немногочисленные местные жители, которые остались на месте и не бежали при приближении русских войск, как это делало громадное большинство.

На 7 августа была назначена дневка, с целью как говорилось в приказе по армии, подтянуть тыловые учреждения и отставшие части. Находясь с 1 августа в непрерывном походе, делая зачастую большие переходы и выдержав 4-го числа бой, личный и конский состав дивизии, естественно утомился; некото-

рые предметы снаряжения и материального снабжения нуждались частью в пригонке, частью в исправлении. Поэтому дневку ожидали с нетерпением и весть о ней вызвала всеобщее удовлетворение.

Дивизии, однако, отдохнуть не пришлось. Вместо дневки предстоял упорный бой, давший ей возможность с лихвой отплатить противнику за поражение испытанное три дня назад.

В Эндцунен дивизия прибыла вскоре после полудня. Селение это было совершенно покинуто жителями, причем бежали они настолько незадолго до прибытия дивизии, что в некоторых домах был брошен не доконченный обед и не был потушен огонь тех очагов, на которых он приготовлялся. Домашний скот и лошади в большинстве хозяйств не были угнаны и вообще все свидетельствовало, что население покинуло свои жилища, не успев захватить даже таких вещей, какие казалось бы были необходимыми.

Главные силы дивизии расположились в Эндцунен, а авангард в составе Саратовского полка (3 батальона), 1-го дивизиона 27-й артил. бригады и полуроты 3-го Саперного батальона были выдвинуты к Варшлегену; сторожевое охранение было выслано на р. Роминту и оно заняло участок от Ангстуненена до Вальтеркемена, войдя в связь на севере с 25-й дивизией, а на юге с 40-й. Так как все пространство до Роминты было очищено противником, то выдвижение охранения произошло беспрепятственно, но проникнуть на запад от этой реки разведчикам не удалось вследствие большого количества немецких конных и пеших патрулей. В общем, противник активности не проявлял и ничто не предвещало боя.

Под утро 7 числа из штаба корпуса было получено по телефону распоряжение: ввиду изменившихся сведений о сосредоточении немцев против района корпуса — поднять дивизию и выдвинуть на линию Маттюшкемен - Варшлеген, которую прочно занять. Во исполнение этого приказа части дивизии были предупреждены по телефону и в 3 часа 55 минут утра был отдан приказ, в котором говорилось, что корпусу главными силами следует занять линию фронта: кл. Пустерн - Спиргуненен - Маттюшкемен - Варшлеген - Соденен, где прочно утвердиться. Дивизии указан район Маттюшкемен - Варшлеген.

Генералу Беймельбургу (105 и 106 полки, 24 ор. и 1/2 р. сапер) — выступить в 5 ч. утра на Маттюшкемен и прочно утвердиться на высоте западнее этой деревни.

Полковнику Струсевичу (108 п. 24 ор. и 1/2 р. сапер) — прочно утвердиться на высотах западнее Варшлегена.

Полковнику Орловскому (107 полк) — перейти в Рудборген, выступив в 5 часов утра.

Штаб дивизии — Рудборген. Охранение 108 полка на месте на линии Ангстуненен - Вальтеркемен.

Таким образом на 105-й, 106-й и 108-й полки с 48 орудиями возлагалась задача дать непосредственный отпор противнику, если бы он перешел в наступление, а 107-й полк должен был составить резерв. После потерь, понесенных под Сталлупененом, число штыков в дивизии в круглой цыфре составляло — 7.800, при 20 пулеметах. Этими силами надо было занять линию в 5 с лишком километров, причем для непосредственного отражения наступления неприятеля назначалось 6.500 штыков при 15 пулеметах и 48 орудий (исключительно полевых), а для парирования случайностей и поддержки боевой части — 1.300 штыков и 5 пулеметов.

В назначенный приказом час части дивизии выступили из Эндцунена и вслед за ними оттуда же двинулся и штаб дивизии.

Движение на Маттюшкемен полков и батарей находившихся под общим командованием г.-м. Беймельбурга было замечено противником и он открыл по ним артиллерийский огонь, к счастью совершенно безвредный, но заставивший поспешить занять и укрепить свои позиции. 105-й п. Оренбургский полк расположился шагах в 400 впереди небольшого перелеска, находившегося примерно в километре севернее Маттюшкемена. В боевой его части находилось 5 роты, а две были в резерве за правым флангом на восточной опушке перелеска.

Уфимский полк (106-й) окопался несколько впереди дороги ведущей на Варшлеген, примыкая к ней левым флангом. Три его батальона заняли первую линию, а четвертый был выделен в резерв на восточную окраину Маттюшкемена.

Что же касается 108-го п. Саратовского полка то один его батальон занял Варшлеген и его окрестности, а другой расположился южнее вдоль дороги на Соденен. Третий батальон образовал резерв, ставший за восточной окраиной Варшлегена. Артиллерия заняла позицию: 2-й дивизион по обе стороны дороги из Маттюшкемена на Тракенен, имея батареи уступами справа, а 1-й дивизион параллельно дороге Маттюшкемен - Соденен.

Так как вскоре после занятия позиции начались атаки противника, то полки не успели укрепить их основательно. Частям г.-м. Беймельбурга пришлось ограничиться окопами для стрельбы лежа, а частью даже только ямками для отдельных стрелков и самыми примитивными закрытиями для орудийной прислуги. Солиднее были укрепления возведенные Саратовским полком и 1-м дивизионом. Часть его рот приспособила к обороне дома западной окраины Варшлегена, часть же построила окопы для стрельбы с колена. Батареи 1-го дивизиона также окопались значительно основательнее батарей 2-го. Наблюдательные пункты командиров дивизионов и батарей были избраны на чердаках некоторых зданий Маттюшкемена и Варшлегена так, что находились в непосредственной близости пехотных цепей. К этому вынуждала закрытость местности, ибо деревни и древесные насаждения вдоль дорог сильно стесняли обзор.

Назначенный, как сказано, 107-й п. Троицкий полк в общий резерв расположился у помещичьего дома в Рудборгене. Однако он оставался там недолго т. к. появилось опасение, что противник может ата-

ковать правофланговые части дивизии раньше чем они успеют устроиться на позициях. Поэтому резерв был переведен ближе к Маттюшкемену и ему было приказано стать южнее дороги из Рудборгена в эту деревню, где имелись овраги дававшие ему укрытие. Более значительное удаление резерва от левого фланга было возможно еще и потому, что находившийся здесь Саратовский полк хорошо укрепил свою позицию, которую занимал с вечера 6-го числа; да и в бою 4-го августа полк этот почти не пострадал. Штаб дивизии вскоре также перешел из Рудборгена ближе к Маттюшкемену. Здесь находилась возвышенность, поросшая деревьями, с которой открывался кругозор лучший чем с того места, где штаб стоял раньше. Восточный склон этой возвышенности был изрыт довольно глубокими ямами, дававшими укрытие от огня; в одной из них поместилась телефонная станция.

Сознавая, что отсутствие связи с соседями было одной из причин неудачи 4-го числа, на нее было обращено особенно серьезное внимание. Была установлена связь с 25-й дивизией, расположенною севернее Оренбургского полка и 40-й, занимавшей южнее Саратовского полка д. Соденен. Ген. Беймельбург и полк. Струсевич связались телефонами с штабом дивизии, а последний находился в телефонной связи с штабом корпуса, расположенном в Сталлупенене. Командир 27-й артилл. бригады, ген.-м. Филимонов, находившийся при штабе дивизии, связался также телефонами с командирами артиллерийских дивизионов. Все это взятое вместе давало право надеяться, что связь будет надежная. Последнее и оправдалось вполне.

Еще ранее подхода частей ген. Беймельбурга немцы начали у Вальтеркемена теснить сторожевое охранение, которое стало медленно отходить. Затем наступление противника обнаружилось и к северу от Вальтеркемена. Одновременно с этим их артиллерия, как тяжелая так и легкая, открыла огонь. Первая обстреливала район за фронтом позиции дивизии, примерно до линии Вирблен - Рудборген, а вторая самую позицию. В борьбу с немецкой артиллерией вступил сперва 1-й дивизион, а затем и 2-й.

Между 8 и 9 часами утра было обнаружено наступление густых немецких колонн, по которым артиллерия и сосредоточила свой огонь. Неся большие потери, немцы продолжали продвигаться вперед, пользуясь местными укрытиями, в особенности деревьями и обнесенным низкою каменною оградою кладбищем, находившимся близ дороги из Швигслена. В расчете найти укрытие от огня за этим кладбищем на нем скопилось большое количество атакующих, которые затем бросились вперед густою массою. Встреченные губительным ружейным и пулеметным огнем они смогли продвинуться не далее как шагов на сто от ограды.

Та же участь постигла атаку и против других участков позиции Саратовцев. Ближе 800-1000 шагов немцам нигде не удалось продвинуться: сильный ружейный и пулеметный огонь вынудил из частью залечь, а частью отхлынуть назад. Сообщая по телефону об отбитии атаки, полк. Струсевич жаловался на недостаток патронов в артиллерии, мешающий ей как следует отвечать немцам. О недостатке снарядов докладывал ген. Филимонову также командир 1-го дивизиона. Это, конечно, не могло не вызвать тревоги. Немедленно было послано распоряжение в парковую бригаду выслать ящики с зарядами, но раньше чем оно могло дойти до назначения, с места расположения штаба дивизии было видно как из Вирблена на Варшлаген карьером неслись зарядные ящики. Вслед за тем из Варшлагена последовало сообщение, что заряды и патроны подвезены и у всех отлегло от сердца.

В то время, как изложено выше, противник потерпел неудачу на левом фланге дивизии на ее правом фланге произошл следующее. Почти одновременно с атакою позиции занятой Саратовцами немцы стали наступать на фронте ген. Беймельбурга со стороны Риббинена и Подцунена причем скопление их сил замечалось к северу от последнего в районе высоты 57, против стыка фронта Оренбургского полка с соседним 100-м п. Островским полком 25-й дивизии. Огонь Уфимцев и Оренбуржцев вынудил противника остановиться и залечь, но Островский полк оказался не в силах выдержать натиск и стал отходить. Это вынудило находившиеся в резерве две роты Оренбургского полка спешно занять северную опушку того перелеска, у которого они были расположены, а 6-ю батарею переменить фронт направо. К тому же перелеску был двинут батальон Уфимского полка, находившийся в частном резерве ген. Беймельбурга.

С места расположения штаба дивизии, около 12 часов дня, было видно, что части Островскоог полка, отходя в направлении Маттюшкенен - Тракекнен, подошли к дороге на Подсланкен и частью даже перешли ее. Так как отход Островского полка обнажал правый фланг дивизии и создавалась серьезная угроза охвата этого фланга противником, то одному батальону общего резерва (полковника Голицына) было приказано атаковать во фланг немцев. Направление атаки этому батальону было дано лично начальником штаба дивизии полковником Радус-Зенковичем. Другой батальон из того же резерва был направлен к Маттюшкенену в распоряжение ген. Беймельбурга. Кроме того 4-й и 5-й батареям, занимавшим позицию недалеко от штаба дивизии, было приказано переменить фронт и обстрелять немцев фланговым огнем. Для этого им пришлось переместиться под углом около 60 градусов.

Совокупность всех указанных выше мер привела к тому, что во втором часу дня прорыв был ликвидирован, Островский полк занял свое первоначальное расположение, а немцы были вынуждены отхлынуть в северо-западном направлении. Таким образом первая атака противника потерпела полную неудачу на всем фронте; дивизии не только удалось выдержать

его натиск, но и выручить соседний с нею Островский полк и этим оказать существенную помощь 25-й дивизии.

После этого в течение некоторого времени противник ограничивался усиленным артиллерийским огнем. Общей атаки он не предпринимал: частные же попытки некоторых частей, залегших перед фронтом дивизии, продвинуться вперед в зародыше подавлялись огнем. Перед фронтом Саратовцев немецкие цепи были приведены этим огнем в полнейшее расстройство; видно было, как отдельные люди и группы отходили назад.

Однако противник подготовлялся к новой атаке, сосредоточивая силы против флангов дивизии и собираясь поддержать ее огнем артиллерии с близкого расстояния. Около 2 1/2 час. дня с наблюдательного пункта было замечено движение какой-то колонны, быстро приближающейся к Варшлегену со стороны Грюнвейчена, и вскоре было установлено, что она состоит из артиллерии. Сперва трудно было составить себе ясное представление о цели движения этой артиллерии, т. к. не допускалась возможность, чтобы немцы, пренебрегая опытом последней — русско-японской — войны, решили выдвинуть артиллерию в сферу действительного огня.

Скоро, однако, все сомнения рассеялись: на высоту к юго-востоку от Риббинена вынеслись совершенно открыто 12 орудий. Отчаянно храброму немецкому дивизиону дорого обошлась его дерзость. На него обрушились все батареи 1-го дивизиона со стороны Варшлегена, часть батарей 2-го дивизиона и пулеметный огонь Саратовского полка. Под ураганным огнем этих частей немецкий дивизион погиб, успев сделать лишь несколько выстрелов. Через несколько минут там, где он только что стройно выехал на позицию, опустело стояли орудия и зарядные ящики, вокруг которых недвижно лежали убитые люди и запряжки. Гибель дивизиона, очевидно, произвела столь сильное впечатление на противника, что его наступление остановилось.

Вынужденные отказаться от фронтальной атаки, немцы направили свои усилия против флангов, стараясь нанести удары на стыке Оренбургского и Островского полков, т. е. в направлении перелеска севернее Маттюшкенен и на Соденен. Против первого направления был замечен выезд нескольких батарей западнее Подцупена. Они открыли усиленный огонь по правому крылу расположения дивизии и по району в тылу Маттюшкенена и перелеска. Огонь очевидно должен был служить подготовкой к атаке: им были зажжены несколько домов в Маттюшкенене и Подесланкене, но он не нанес существенного вреда 5-й и 6-й батареям и резервам, расположенным за правым флангом.

Через некоторое время немцы, считая, что подготовка закончена, бросили в атаку густые цепи, двигавшиеся на небольших дистанциях одна за другою. Встреченные однако губительным огнем — сперва батарей 2-го дивизиона, а затем ружейным и пулеметным огнем Оренбургского и Уфимского полков — они остановились и залегли в 500-600 шагах от нашего расположения. Когда же эти полки, поддержанные батальоном Троицког полка, двинулись в контратаку, немцы неудержимою волной бросились назад. Таким образом и эта попытка противника сбить правый фланг дивизии кончилась неудачно.

Неудачей окончилась также его атака, направленная против левого фланга дивизии. Около 3-х ч. дня немцы направили из Швигселна значительные силы против 159-го п. Гурийского полка (40-й дивизии), занимавшего Соденен, и против 2-го батальона Саратовцев, расположенного южнее Варшлегена. Части двинутые против последних были встречены таким губительным огнем, как артиллерийским, так и пехотным, что пришли в полное расстройство и отхлынули назад. Гурийцы же не выдержали и очистили Соденен, обнажив левый фланг дивизии.

Создавшееся вследствие этого положение стало особенно тяжелым тем, что общий резерв, как сказано выше, был к этому времени израсходван и оказать помщь левому флангу не мог. Но продолжалось это не долго. Доблестный командир Саратовцев, полк. Струсевич, при содействии батарей 1-го дивизиона сумел придать левому флангу устойчивость, выдвинув роту и пулеметы на позицию южнее Соденена.

Описанная выше атака немцев против флангов дивизии была последней. Потерпев неудачу, противник ограничился огнем, главным образом артиллерийским, прикрывая им свой отход. Для этого же он воспользвался несколькими блиндированными автомобилями, котрые, выехав из Риббинена, стали обстреливать расположение Уфимцев пулеметным огнем. Для борьбы с ними командир 27-й артил. бригады приказал выслать два орудия 1-й батареи. Они стали непосредственно за боевой частью полка и открыли огонь. После первых же выстрелов броневики поспешно вернулись в Риббинен и больше не появлялись.

С наблюдательных пунктов было замечено, что местами нестройные толпы противника уходят назад бегом, бросая оружие; видно было как он отходит беспорядочно и с большой поспешностью. Получалось впечатление, что обстановка как нельзя лучше благоприятствует переходу в наступление, которое сулило полный разгром немцев. Поэтому ген. Беймельбургу было тдано приказание двинуться вперед в направление на Аугустопенен, а пол. Струсевичу — на Пестонкемен. К сожалению приказание это не могло быть приведено в исполнение немедленно, ибо предварительно надо было восстановить в частях дивизии хотя бы некоторый порядок, естественно нарушившийся во время боя, длившегося целый день, а также выделить общий резерв влитый в боевую часть. Вследствие этого переход в наступление мог начаться только около 4 ч. дня, но развиться ему не было суждено.

Около 4 1/2 час., командир корпуса, ген. Епанчин, передал по телефону приказание прекратить преследование ввиду общего положения дел в армии.

В чем заключалось это "общее положение дел", дивизии известно не было; только гораздо позднее до нас дошли неясные и разноречивые сведения о том, что 28-я дивизия потерпела поражение и в беспорядке отхлынула назад. Поэтому приведенное выше приказание в момент его получения вызвало недоумение. Горько было сознавать, что дивизия лишается возможности довести до конца одержанный ею успех. Было отдано новое приказание, отменившее первое и указано выдвинуть вперед охранение, выслать разведчиков и приступить к подбору раненых и сбору трофеев.

Когда через два дня дивизия двинулась вперед, следуя по тому пути, которым отступали 7-го числа немцы, она могла воочию убедиться, что впечатление о беспорядочности их отступления было правильно и что переход в наступление, будучи веден энергично, дал бы богатые результаты. На протяжении первого перехода встречалось брошенное оружие, предметы снаряжения, патроны, повозки с разным войсковым имуществом, трупы павших лошадей и пр. Словом на лицо были признаки, что стремясь быстрее уйти в тыл, отступавшие части в значительной мере утратили порядок. При этих условиях было очевидно, что преследование, начатое сейчас же после окончания боя, могло довершить расстройство противника, а потому особенно приходится сожалеть, что 7-го числа не было кавалерии, которую можно было бы бросить за отступающими.

Около 8 часов вечера последние прикрывающие части вышли из пределов досягаемости нашего огня и их артиллерия замолкла. Бой длившийся 7-го августа почти 14 часов закончился. Части дивизии ночевали на тех же местах, с которых отражали атаки противника.

После одержанного успеха настроение было приподнятое, чему немало способствовало то, что успех этот был достигнут сравнительно небольшими потерями убитыми и ранеными, а именно: Оренбургский полк потерял — 4 офицера и 301 нижн. чин., Уфимский — 8 офиц. и 208 н. ч., Троицкий — 65 н. ч., Саратовский — 5 офиц. и 263 н. ч. и 27-я арт. бр. — 4 офиц. и 53 н. ч. Итого — 21 офиц. и 890 н. ч., что составило всего лишь около 12 процентов наличного состава дивизии.

По окончании боя штаб дивизии перешел в Рудбардцен, где расположился в обширном помещичьем доме. Сюда в течение ночи на 8-е число и следующего дня приводились пленные и свозились захваченные трофеи. Первых оказалось свыше 1000 человек, почти исключительно раненых, а последние были: 12 орудий, 25 зарядных ящиков, 3 исправных и 10 разбитых пулеметов, 18 разных повозок, свыше 2500 винтовок, много патронов и разного рода предметов снаряжения, в числе которых находилось 4 знаменных чехла.

Перед фронтом дивизии было похоронено около 2500 убитых. Как последние так и пленные были 128-го, 5-го гренадерского, 61-го, 21-го и 129-го полков (17-го германск. корпуса), а также 4-го, 13-го и 33-го фузилерных полков (1-го германск. корпуса), причем число последних было незначительно. Это обстоятельство, а также показания пленных указывают на то, что дивизии пришлось вести бой с 17-м корпусом, части же 1-го корпуса оказались перед фронтом случайно. Как в настоящее время известно, корпус этот был перевезен по железной дороге с юга Восточной Пруссии в район Даркемена и вечером 6/19 августа дивизии, входившие в него, высадились: 36-я в окрестностях этого пункта, а 35-я — на разных станциях несколько севернее. Отсюда они направились походным порядком — первая на Вальтеркемен, а вторая на Аугустопенен, причем им пришлось сделать усиленные ночные переходы. Рано утром 7-го числа обе эти дивизии двинулись в атаку: части 35-й — против левого фланга нашей 25-й дивизии и расположения генерала Беймельбурга, а части 36-й — в направлении на Соденен и 108-й п. Саратовский полк. Командир этого корпуса, генерал Макензен, получил от соседнего 1-го корпуса уведомление, что последний победоносно продвигается вперед. У него составилось впечатление, что противник настолько поколеблен, что серьезного сопротивления с его стороны ожидать нельзя и что поэтому энергичная атака повлечет за собою его окончательный разгром.

Ему, однако, пришлось жестоко разочароваться. Все стремительные атаки частей его корпуса, считавшегося одним из лучших германской армии, оказались, как изложено выше, отбитыми дивизией и к вечеру 7-го числа, понеся большие потери и израсходовав все свои резервы, он был вынужден отказаться от дальнейших активных действий. По свидетельству одного из участников боя состояние корпуса к вечеру этого дня было таково, что противнику было бы очень легко нанести ему сокрушающий удар. (Kurt Hesse. Der Feldherr — Phychologos. Berlin, 1922; стр. 35).

Поражение 17-го корпуса в значительной степени способствовало тому, что командующий 8-й германской армией генерал Притвиц принял решение очистить Восточную Пруссию и отойти за Вислу. Вместе с этим он высказал начальнику штаба императора Вильгельма мнение, что и на Висле можно будет удержаться только при условии, если армия будет усилена. Вследствие этого были сняты с Западного фронта и отправлены в Восточную Пруссию два корпуса (Гвардейский резервный и 11-й) и одна кавалерийская дивизия (6-я). Отсутствие этих частей в дни сражения на Марне в значительной степени помогло французам одержать ту победу, которая имела решительное влияние на весь ход войны.

Таковы были громадные стратегические последствия сражения под Гумбиненом, в котором 27-я дивизия, несмотря на отход своих соседей, грозивший поставить ее в крайне тяжелое, почти критическое, положение, стойко удерживала занятое ею первоначальное расположение, не отходя от него назад ни

на один шаг, отразила все настойчивые атаки втрое сильнейшего противника, располагавшего тяжелой артиллерией, которой у нее не было, и оказала весьма существенную помощь левому флангу 25-й дивизии. Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря ей из рук немцев была вырвана победа, одержать которую они были близки. Достигнуть всего этого дивизия могла благодаря высоким качествам, которыми обладал командный состав, стоявший во главе всех ее частей, благодаря мужеству и стойкости проявленными ее офицерами и нижними чинами в этом бою и в теснейшей связи существовавшей между пехотой и артиллерией. Благодаря всему этому дивизия, слабая по составу и потерпевшая всего три дня перед тем серьезное поражение, привела один из лучших германских корпусов в такое расстройство, которое могло бы окончиться для него катастрофой, если бы преследование, начатое дивизией, не было прекращено приказанием свыше.

От Темир-Хан-Шуры до Ахульго

Из дагестанских воспоминаний

(К 125-летию взятия Ахульго 23 августа 1839 г.)

Л. Пеньков

Посвящается верным сынам Дагестана, братьям Б. М. и Г. М. Кузнецовым.

Ровно 50 лет тому назад мне удалось не только повидать, но и побывать на Ахульго. Был я тогда сугубо штатским человеком, ко всякому оружию относился с неприязнью, никогда не думал о возможной войне и о моем участии в ней. Чтобы читателю стало ясно, каким образом я попал в Дагестан, мне необходимо слегка уклониться от темы.

Начавшаяся в 1914 году война помешала устройству Земства в Закавказье, хотя все было подготовлено для этой цели, и при канцелярии Наместника на Кавказе уже существовал Земский отдел, который, повидимому, располагал значительными средствами. Одним из первых мероприятий начатых Земским отделом было оказание сельскохозяйственной помощи населению. За годы 1913-14 все Закавказье покрылось сетью агрономических пунктов со штатами агрономов и инструкторов по разным отраслям сельского хозяйства.

В 1913 г., по окончании среднего сельскохозяйственного училища, я получил место инструктора по полеводству в Дагесанской области. В те времена эта область в отношении сельского хозяйства представляла из себя в полном смысле слова "терра инкогнита", почему Земский отдел обязал агрономический персонал, помимо чисто практической работы, еще обследовать область по специальной сельскохозяйственной анкете. Объезжая аулы, мы созывали стариков в числе 10-20 лиц и в беседе через переводчиков собирали нужные нам сведения.

Дагестан — страна гор — с особым своеобразным бытом, с народом гордым и непокорным. С именем Дагестана рождается в воображении нашем память о длительной и упорной борьбе с горцами, особенно об эпохе легендарного Шамиля. В прошлом столетии все это было овеяно романтикой произведений Марлинского, Полежаева, Мордовцева, Немировича-Данченко... Лермонтов тоже коснулся Дагестана. Кто не помнит его чудные музыкальные стихи:

В полдневный жар, в долине Дагестана,
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя...

Нет никакого сомнения, что Лермонтов был в Дагестане, пусть на какой-то короткий срок. Тенгинский пехотный полк, где служил Лермонтов, действовал и в Чечне, и в Дагестане и штаб полка тогда находился в Шуре. Не спроста поэтому у старых шуринцев существовало предание, что воспетая Лермонтовым долина находится на пути от моря к Шуре, точнее, у аула Капчугай.

***

Попав на службу в Дагестан, я старался сколько возможно узнать по расспросам и по книгам все, что касается этой области. Естественно, что история покорения Дагестана также меня интересовала, и потому при поездках я не упускал случая ознакомиться с теми местами, которые связаны с этой историей своими героическими делами с той или иной стороны. При моей молодости нельзя было избежать романтического налета в моем воображении об этой стране.

Помню в одну из первых своих поездок по Нагорному Дагестану я посетил аул Чирах, где в 1836 г. небольшой гарнизон Троицкого полка, находившийся в редуте, был атакован восставшими горцами. Уцелевшие солдаты укрылись в мечети, где упорно защищались, но в конце концов все погибли (1). Приехав в Чирах и покончив со своими делами, я поздно ночью вышел на улицу и направился к мечети, расположенной

(1) Этот эпизод лег в основу романа Д. Мордовцева "Железом и кровью". По непонятной причине автор называет черкешенкой главную героиню — местную горянку — хотя черкесов в Дагестане вообще нет.

ложенной у дороги по краю аула напротив невысокой горы. Светила полная луна и все спало кругом. Из садов несся легкий аромат отцветающих фруктовых деревьев и тихо журчала вдоль дороги обмелевшая речка Чирах-чай. Подойдя к мечети я долго стоял перед ней и думал о тех несчастных обреченных на смерть русских солдатах, которые когда-то с безнадежною тоской ожидали за стенами этой мечети свой последний час. То было время, когда лившаяся кровь разделяла русских и горцев, когда ненависть и злоба не знали границ и вражда была непримиримой. Но вот, 80 лет спустя, я, один-единственный русский на весь аул, стою ночью безоружный и без малейшего страха на том месте, что полито кровью враждовавших и твердо знаю, что никому из жителей аула не придет на мысль, встретив меня, причинить обиду. К прошлому не было возврата. Горцы Дагестана не утратили свою свободу, их даже не брали в солдаты, и жизнь давно побудила их искать общения с русскими. Лично я везде встречал лишь сочувствие и участие.

Приблизительно за месяц до объявления войны мне надо было посетить несколько аулов в Нагорном Дагестане. Я радовался предстоящей поездке, т. к. знал, что по пути увижу знаменитую в истории покорения Дагестана гору Ахульго. Поездку мы предприняли вдвоем с коллегой, садоводом Гусейновым, причем я избрал прямой путь из Темир-Хан-Шуры через аул Каранай к аулу Гимры, а мой коллега — через Каранай на аул Эрпели, влево и куда-то дальше.

Ранним летним утром мы выехали из Шуры на "катерах" (так называют мулов на Кавказе). Лошади не пригодны в Нагорном Дагестане, их разводят главным образом вдоль шоссейных дорог. Повсеместно лошадей заменяют катеры, а еще больше — ослы. Типичный кавказский захолустный, хотя и областной городок Темир-Хан-Шура ([2]) в то утро нам показался по особенному тихим и сонным.

Сразу у "холерного" кладбища мы спустились в широкое ущелье, на дне которого протекает жалкая речушка Шура-Озень. За ущельем раскинулась цепь невысоких холмов; у их подножья на ровном месте виднелась линия белых палаток — лагерь 207-го пехотного Новобаязетского полка, а затем далеко-далеко на горизонте выделялась массивная вершина хребта Сала-Тау, милая сердцу шуринцев, по которой они определяли погоду. На наше счастье вершина была совершенно безоблачной, что предвещало хороший солнечный день. Наш путь поворачивал в сторону и я бросил прощальный взгляд назад. Города уже не было видно. Лишь за губернаторским "дворцом" все еще маячала высокая отвесная скала, называемая "кавалер-батареей", т. к. на ней во времена первого начальника гарнизона, впоследствии известного генерала Клюки фон Клюгенау, были вырезаны углубления для орудий, защищавших шуринское укрепления. "Кавалер-батарея" был любимым местом молоежи, которая всегда там собиралась, особенно в летние душные вечера.

Путь к аулу Каранай не оставил у меня никакого впечатления. Повсюду разбросаны одинокие желто-серые голые горы, утомляющие взор своим однообразием и безжизненностью. Лишь в глубине ущелий, где есть вода, пейзаж смягчается зеленью садов и древесных насаждений. Не помню, когда мы прибыли в Каранай и сколько времени там провели. Помню лишь, что мой коллега выехал раньше меня. Мне же предстояло подняться на Гимринский перевал и я ждал переводчика.

Каково было мое изумление, когда мне подвели вместо катера небольшого, невзрачного ослика. До сих пор мне никогда не приходилось ездить на ослах и потому я запротестовал. Но аульный староста стал меня уговаривать: "Дорожка на перевал немножко плохой для катера, а осел крепкий, сильный и много раз туда уже поднимался". Делать было нечего, я сел на осла, но категорически отказался от короткой заостренной палочки, которой обычно понукают осла уколом в зад. Я считал эту палочку варварским орудием — у бедных ослов от уколов всегда имелась под хвостом незаживающая кровавая рана.

Подъем на Гимринский перевал меня интересовал. Я думал, что именно по этой дороге в 1832 г. двигались войска генерала Вельяминова, взявшие Гимры и разбившие горские скопища вождя мюридов Кази-Муллы, объявившего "газават". Был я поэтому не мало удивлен, когда дорога, вернее тропа, по мере приближения к реке Сулаку все более и более суживалась и временами становилась еле проходимой даже для осла. Какой же она была, думал я, в эпоху Кази-Муллы? Позже я узнал, что войска ген. Вельяминова, разведав дорогу на перевал и дальше к аулу Гимры, отказались следовать по этому пути, а свернули от Караная влево на Эрпели, расчистив предварительно трудный спуск, ведущий к пологому ущелью, в конце которого стоит аул Гимры.

Солнце невыносимо пекло. Мой проводник далеко ушел вперед, а тропа все продолжала петлять среди хаотического нагромождения камней. Чем ближе я приближался к Сулаку, тем сильнее и сильнее он давала себя чувствовать. Слышалось мощное течение, зажатой в каменные тиски, реки с оглушительным ревом рвущейся на простор. Тропа иногда подходила к самому берегу и тогда видно было стремительное течение реки с необычайно узким руслом, так что до противоположного берега казалось — рукой подать. В воздухе все время неумолчно стоял оглушительный грозный гул. По мере увеличения крутизны подъема гул бушующей реки постоянно переходил в глухой подземный рокот не прекращающийся, но затихающий. А тропа высеченная в скалах поднимается все выше и выше извилистой линией по краю обрыва: ширина ее настолько узка, что я по временам закрываю правый глаз, чтобы не смотреть в глубину ущелья из боязни головокруженья, а левым глазом сле-

([2]) Темир-Хан-Шура или кратко Шура был областным городом Дагестана. Переименован советской властью в Буйнакск, в честь местного большевика Буйнакского.

жу за уступами скал, чтобы не разбить колено.

Теперь я понял, почему мне дали осла для перевала. Как-то незаметно прекратилось беснование реки на дне ущелья, и мой осел, поднявшись на высшую точку перевала, остановился и с облегчением глубоко вздохнул. Вздохнул и я. Однако какая-то непреодолимая сила заставила меня взглянуть направо в пропасть. Это было лишь мгновенье. Между крутыми и тесными берегами, там на большой глубине, где было сыро и мрачно, Сулак, бешенный и страшный Сулак, вился бесшумной узкой, блестящей ленточкой. Вдоль его ложа росли, вероятно, столетние ели, которые сверху казались кустиками. Ощущение какой-то адской жуткой бездны настолько охватило меня, что я в невыразимом испуге отшатнулся и невольно дал моему ослу... шпоры...

Боже мой, что тогда произошло! Несомненно, никогда не испытавший подобного обращения, мой невзрачный, тихий осел пришел в бешенство, отчаянно заревел и стал усиленно подбрасывать задние ноги, пытаясь выбить меня из некоего подобия седла. В смертельном страхе я закрыл глаза. Слева — каменная стена, которую я ощущал ногой; справа — бездонная пропасть. Малейшее нарушение равновесия и... конец. Я прижался всем телом к ослу, обхватил крепко руками его шею и по-детски зашептал ему на ухо: прости меня, милый ослик, я не хотел обидеть тебя, но я испугался; я больше не буду, клянусь в этом...

Не помню, что я еще ему говорил. Устав от своих гимнастических упражнений, осел остановился тяжело дыша. Я сидел ни жив, ни мертв, боясь пошевелнуться. Наконец, осел стал медленно спускаться с перевала. Тропа была ничуть не лучше чем перед подъемом, но после испытанного страха я уже не обращал ни на что внимания. Я понял, что впервые видел в своей жизни речной каньон. Вспомнился мне учебник географии и даже картинка в нем знаменитого Колорадского каньона. К сожалению наши географы и составители учебников не знали о существовании Сулакского каньона. Перед войной его "открыл" кто-то из ученых и потом выяснилось, что по своей протяженности (17 клм.) и по своему величию он нисколько не уступает Колорадскому каньону.

Отъехав от перевала : версту, я нашел моего проводника спавшего на камнях. Он удивился моему запозданию. Пришлось рассказать о происшедшем.

— Вот, видишь, — упрекнул меня проводник, — ты сам виноват. Почему ты отказался от палочки, что давал себе старшина? Пырнул бы раз-другой под хвост осла и он бы пошел, а ты ему... шпоры... Я виновато промолчал.

Спуск тянулся вероятео еще верст пять. Сулак давно отошел в сторону и нам уже стали видны верхние сакли аула Гимры. Вспоминая потом мою поездку через перевал, я не мог не удивляться разведчикам ген. Вельяминова, которые могли пройти этот перевал в 1832 г. и дойти почти до самого аула Гимры и обратно с ружьями и, вероятно, с полной укладкой. А ведь тропа тогда была наверное еще хуже. Приходится поражаться приспособляемости русского солдата к кавказским горам, правда, за долгие годы службы.

При въезде в аул Гимры меня встретил аульный старшина, — племянник самого Шамиля. Я его уже хорошо знал, т. к. он несколько раз приезжал к нам на агрономические пункты в Шуру. Это был пожилой мужчина, спокойный и молчаливый, с энергичным и гордым выражением лица, в котором что-то сильно напоминало Шамиля, как его изображали гравюры эпохи. Старшина тотчас же пригласил меня к себе. Мне хотелось остановиться на квартире для приезжающих, но я не мог отказаться от приглашения.

Должен сказать, что обычно старшина аула избирался из более или менее значительных, т. е. зажиточных горцев и потому я был поражен бедностью обстановки приемной комнаты гимринского старшины: 2-3 подушки на простеньком ковре и низенький столик, вот, кажется, это и все. Мне было неловко и стеснительно. Я попросил старшину собрать стариков и после какого-то угощения принялся за анкету. Спал я в ту ночь чрезвычайно беспокойно и утром вскочил с восходом солнца к моменту призыва муллы на молитву. Нельзя спать в доме у горца, когда кругом молятся.

Как известно, аул Гимры был родиной не только Кази-Муллы, но и Шамиля, вот почему при отъезде я попросил старшину показать мне дом, где жил знаменитый имам Чечни и Дагестана. Мы вышли на улицу. Гимры — аул приятный, т. к. расположен в садах. Гимринские фрукты славились на весь Дагестан, особенно персики и абрикосы. О качестве их можно судить хотя бы потому, что они в консервированном виде шли почти исключительно в Петербург в Гвардейское экономическое общество.

Дом Шамиля находился на улице, проходившей под высокой скалой и по внешнему виду ничем не отличался от соседних домов. При доме был небольшой сад. Старшина сказал, что дом сдается обычно молодоженам, отделившимся от своих родных. Плата за наем делится на три части: одна часть идет на мечеть, другая — бедным и третья — родственникам Шамиля. Думаю, что какие-то крохи перепадали и старшине.

Я задержался перед домом Шамиля, невольно думая о превратностях его судьбы. На прощанье старшина приказал моему проводнику показать место на реке Аварское Койсу, где в молодости Шамиль перепрыгивал с одного берега на другой. Место это находилось примерно в версте от аула. Ширина реки здесь около полутора сажень, но трудность прыжка заключается в том, что надо прыгать с низкого берега на более высокий. Говорят, что после Шамиля другого смельчака прыгать не было.

Мой путь шел на Ашильту. Вот на этом пути меня и нагнал неожиданно мой коллега садовод, возвращавшийся из аула Унцукуль. Мы ехали одно вре-

мя вдоль р. Аварское Койсу, которая недалеко от Гимров сливается с р. Андийское Койсу, образуя р. Сулак. От реки мы поднялись на холмы и вскоре въехали в ущелье, занятое садами аула Ашильта. Здесь росли большие яблони сплошь покрытые плодами; на земле под деревьями всюду лежали упавшие яблоки. Нам казалось, что они не вкусны. Увидев мальчишек-пастухов, мы их спросили, почему они не собирают яблоки. Те с улыбкой ответили нам одним словом: "адат". Мы были озадачены. Немного дальше нам встретился старик пастух, которому задали все тот же вопрос и опять получили лаконический ответ: "адат". К сожалению наш проводник не понимал по-русски.

По возвращении в Шуру я разыскал книгу профессора М. Ковалевского, где говорилось об адатах и обычаях Дагестана. Оказывается, во время войны с русскими Шамиль, как умный и предусмотрительный вождь, строго наказывал воровство, особенно если это касалось продуктов питания. В горах Дагестана, где садов очень мало, где на долю одной семьи приходится 2-3 фруктовых дерева, всякая покража плодов будет чувствительна для семейного бюджета. Отсюда вытекает неписанный закон или адат: не трогать чужое; прекрасный адат, который свято соблюдался и взрослыми, и детьми, как мы видели, и который сохранился до самой войны.

Приближаясь к аулу Ашильта, я с нетерпением ждал увидеть Ахульго. Дорога все время шла подымаясь между двумя рядами невысоких возвышенностей, закрывавших горизонт. Наконец, при повороте нам неожиданно справа открылась группа почти равной высоты отдельных гор; одна из них с обрывистыми боками, опоясанная наполовину рекой Андийское Койсу, находилась недалеко от нашей дороги.

"Ахульго!" — воскликнул я, указывая на эту гору. — Ахульго! — подтвердил проводник. Первое, что мне бросилось в глаза, это каменный помост, не широкий и не крутой, идущий от дороги к Ахульго. Думаю, что он был устроен после взятия укрепления. Мы начали спускаться мимо Ахульго и вскоре были у подножия горы. Здесь я не выдержал и, попросив коллегу ехать одному в Ашильту, соскочил со своего катера и начал карабкаться вверх на гору по щебенистому крутому склону. Склон был покрыт мелким кустарником и я смог быстро добраться до верхушки. Итак, я на Ахульго...

Верхушка горы слегка растянута и срезана наклонно, с ограниченной поверхностью и с совершенно отвесными боками в сторону реки. Все кругом покрыто кустарником. Я стал обходить верхушку по козьим тропкам, тщательно ища следы былого укрепления и "аула". Здесь я должен отметить, что военные историки часто грешат, когда говорят об "ауле Ахульго". Никакого аула на Ахульго не было, а было сложное укрепление в виде замка, где, между прочим, имелись и сакли для семей защитников. Это укрепление в истории покорения Дагестана называется Верхним или Старым Ахульго, в отличие от Нижнего или Нового Ахульго, которое находилось рядом на нижележащей горе у аула Ашильта и куда мне не пришлось подняться.

Напрасны были мои поиски обнаружить какие-либо остатки грозной твердыни Шамиля. Все было взорвано и уничтожено при взятии Ахульго. Действительность посмеялась над теми красочными восточными эпитетами, которыми в свое время наделяли горцы Ахульго: "Орлиное гнездо", "Укрепление на острие скалы", "Неприступный утес" и т. п. Вероятно, сам Шамиль, как трезвый реалист, вполне сознавал, что защита Ахульго была безнадежна.

В течение нескольких недель около 20 русских орудий поливали снарядами гору вдоль и поперек. При скученности защитников на небольшой площади им было невозможно устоять. Да, защитники Ахульго при штурмах оказывали безумную храбрость и геройство. Участники взятия Ахульго свидетельствовали, что даже женщины, переодевшись в мужское платье, становились с оружием в руках рядом с мужчинами на завалах. Что женщины переодевались в мужское платье и принимали участие в защите — вполне понятно. В таком виде их ждала пуля или штык врага, но они избегали позора насилия, что грозило непереодетым женщинам. В официальных реляциях упоминалось о взятии на Ахульго до 900 пленных, сведений особо о женщинах я не нашел.

Исходив верхушку горы поскольку это было возможным, я неожиданно наткнулся среди кустов на полуразрушенную саклю, как бы вросшую в землю, без крыши, но с почти уцелевшими стенами, на которых еще сохранилась кое-где внутренняя облицовка. Раздвинув кусты, я подошел вплотную. Как было не изумиться, когда я заметил на всех четырех стенах многочисленные следы ружейных пуль и картечи, без сомнения времен штурма Ахульго. Я не мог понять, каким образом от всего могущественного укрепления уцелел от разрушения этот несомненный свидетель прошлого, хотя и в таком печальном виде. С каким-то непонятным для меня — невоенного — волнением и даже благоговением я касался руками осыпающихся стен тронутых временем и непогодой, ощутил близость той эпохи, когда все здесь дышало смертью. Я задумался, глядя на этот чудом спасшийся памятник и мною вновь овладели те мысли, какие когда-то мне являлись уже при посещении аула Чирах.

Прошло семьдесят пять лет со времени взятия Ахульго, когда я был на нем. Фанатическая ненависть горцев, связанная с именем русских, как гяуров, давно исчезла, как исчезли и враждебные отношения. Былое было предано забвению. Умная политика русских, направленная на уважение мусульманской веры и местных обычаев, сыграла свою умиротворяющую роль. Примитивная жизнь горцев настойчиво требовала прогресса, который мог явиться только при установлении дружеских отношений с русским народом. Тогда, это время наступило и сознание, что

в этих отношениях принимаю и я какое-то участие, вызывало у меня удовлетворение и даже радость.

Так размышляя, я не заметил, что возле меня появились ребятишки, пасшие коз на горе. Они с любопытством и удивлением рассматривали необычайного посетителя, задумавшегося перед разрушенной саклей. Я собирался уже отойти, как вдруг мое внимание привлек на полу сакли какой-то маленький шарик. Я наклонился и, какая радость! — в моих руках была картечная пуля... Невольно я стал ее рассматривать, как некую редкость. Ребятишки, увидев чем я интересуюсь, бросились ковырять землю вокруг сакли и скоро у меня в спичечной коробке лежало пять-шесть пулек — ружейных и картечных.

Солнце на западе клонилось к горам — надо было торопиться. В последний раз бросаю взор на окружающее. Ребятишки, возможные потомки тех мюридов, что защищали знаменитое укрепление, с криком гонялись за козами по рискованным тропинкам. Мирная картинка, с трудом верится, что здесь когда-то царила смерть... Прощай Ахульго!

Спускаясь с верхушки, я заметил через реку между горами аул Чиркат. Это туда, по наиболее вероятной версии бежал Шамиль с Ахульго. Там у него были родственники, друзья, а главное оттуда легче было попасть в Чечню, где вскоре он и объявился, установив обширный плацдарм военных действий. Между прочим, это в Чиркате был у Шамиля главный пороховой завод, т. к. по близости этого аула существовало единственное тогда известное на весь Дагестан месторождение серы. Запасы этой серы Шамиль собрал и в других местах, например, в Гунибе, где также имелся пороховой завод.

Полный раздумья я пришел в Ашильту. Мой коллега уже все подготовил, чтобы после ужина мы могли заняться делом. Не буду говорить обо всем этом. Скажу лишь, что тогда же вечером мы были приглашены на чай к одному отставному офицеру из местных жителей. Он нас встретил очень любезно и принялся расспрашивать о нашей работе, о новостях шуринской жизни и т. п. Когда я в разговоре между прочим заметил, что успел уже побывать на Ахульго, наш любезный хозяин выразил горькое сожаление, что он давно лишен возможности не только подняться на Ахульго, но вообще ходить по горным тропинкам из-за ревматизма. Я показал ему коробочку со своими "сувенирами", найденными на горе. Старый офицер нам сказал, что в прежнее время на Ахульго находили много пуль, картечи и всякого рода оружия; находили их в земле, особенно после сильных дождей, и в пещерах по обрывистым склонам над рекой, но то, что было найдено два года тому назад, то явилось случаем исключительным, о котором "наши горцы" — добавил он — "не любят вспоминать". И мы выслушали следующую историю.

Как-то раз, ребятишки пасшие коз на Ахульго прибежали страшно испуганные в аул к мечети, где сидели старики. Они, захлебываясь от волнения, наперебой рассказывали, что в одной пещере они нашли дыру, о которой не знали раньше, и там увидали лежащих людей, похожих на русских солдат. Старики были чрезвычайно поражены: ничего подобного никто никогда не слышал. Не фантазируют ли ребята? Наш рассказчик так же бывший у мечети предложил послать на следующий день молодых джигитов, чтобы они заглянули в пещеру, не проникая в нее и ничего в ней не трогая. Так и было сделано.

Во взбудораженном состоянии и в нетерпении аул ждал посланных, которые вернулись довольно поздно. Оказалось, действительно, над одним обрывом у реки неожиданно появилось небольшое отверстие ведущее в пещеру. Чтобы обозреть внутренность пещеры надо было ждать, когда лучи солнца упадут на это отверстие, почему посланные и задержались. Размер отверстия позволял видеть лишь ограниченную площадь, на которой в разных позах лежало несколько человеческих тел — не скелетов, а именно тел — удивительно сохранивших свою форму. Судя по одежде, это были тела русских солдат; тут же возле них валялись ружья и еще какие-то предметы. Что поражало — это лица солдат не тронутые тлением, сохранившие волосы, бороды и усы. Получалось впечатление, что в пещере лежали спящие. Плохое освещение не дало возможности выяснить ни размера пещеры, ни числа тел. Тщательно заделав отверстие, посланные вернулись в аул.

Их рассказ только усилил общее волнение; у мечети собрался весь аул. Конечно аульный старшина немедленно послал подробное сообщение в канцелярию военного губернатора Дагестанской области. Оттуда вскоре ответили, что о происшедшем дано знать в канцелярию Наместника на Кавказе и что надлежит ждать приезда археологической комиссии.

"Я не спал ночами", говорил нам старый офицер; "размышляя о странной находке. Для меня не было сомнений, что обнаруженные тела солдат принадлежали к тому отряду, который в 1839 году брал Ахульго. Повидимому, когда победившие взрывали укрепления, несколько солдат от усталости и жары залезли в пещеру отдохнуть. В это время по близости мог произойти сильный взрыв, который вызвал сдвиг пластов горы и свод пещеры осел, закрыв выход и тем создал своего рода склеп для отдыхавших. Горный сухой климат способствовал превращению тел в мумии, сохранившиеся на протяжении долгих лет. Так или иначе, но я ждал с нетерпением приезда специальной комиссии. Каково же было мое разочарование, когда неделю спустя пастухи с Ахульго принесли весть, что пещера с открытыми телами исчезла. Сильные ливни, шедшие накануне в вышележащих горах, вздыбили Андийское Койсу; бешенное течение реки подмыло берег у обрыва с пещерой отчего произошел обвал, увлекший с собой таинственную пещеру".

Было уже довольно поздно и мы поспешили распрощаться с нашим интересным собеседником. На другой день утром я выехал в аул Унцукуль.

Последний бой Императорской армии

(Отрывок из личных воспоминаний) *Н. Гранберг*

(Окончание)

В овраге, где даже днем был полумрак от вековых дубов господского парка, расположился передовой перевязочный пункт. Наскоро укрытые шинелями лежат две последние жертвы войны. Доктор и санитары суетятся у них. Раненые были еще живы, но стонали. Осколки попали им в спину. У одного уже началась агония. Один был еще из Стрельны — канонир Владимир Пожарский. Другого имени не помню. Оба коренные солдаты батареи.

Смерть на войне впечатления не производит. Вид убитого не вызывал эмоций. Но не знаю почему, теперь, глядя на это уже посиневшее полное лицо с лихими черными усами Владимира Пожарского, я погрузился в воспоминания.

Это было поздней осенью 1913 года в Михайловском манеже. В голубоватом нежном свете фонарей длинными рядами стоят гвардейские новобранцы. Наш "воевода", старый кавалергард, командир корпуса генерал Безобразов, медленно шел по фронту рекрут. Он отмечал мелом на груди, в какую часть определяется новобранец. Лихой, саженный преображенец натягивал материю, чтобы генералу было легче писать. Иногда подходили к командиру корпуса начальники частей, прося назначить того или другого новобранца в их часть. Полки имели свои требования: волосы, форма носа, рост, телосложение, специальность — все принималось на вид. Приближался уже конец разбивки. Ряд черноусых видных парней, типы Малороссии с нежным цветом лица, стоял здесь. Это были известные по миловидности брюнеты юга России, так называемые — чернявые хлопцы. Наш командир дивизиона сказал что-то "воеводе". Тот усмехнулся и улыбаясь, написал на их груди: "С. А.". Эти буквы расшифровал зычным голосом преображенец: "Стрелковая артиллерия!" Мы получили прекрасных, красивых рекрутов. Один из них был Владимир Пожарский.

*

Наступило 14 августа 1917 года. Угасавшее лето продолжало нас баловать хорошей погодой. Вдруг неожиданно меня вызвал по телефону наш фельдфебель, сообщив, что у него есть для меня кое-что сказать. Я спокойно пошел через поля вдоль по полевой дороге. Не прошел и половины дороги, как меня встретила группа всадников. Это были конные разведчики л.-гв. 1-го Стрелкового Его Величества полка, во главе с моим братом, штабс-капитаном Владимиром Гранберг. Поздоровавшись, брат отозвал меня в сторону и сказал, что сегодня днем стрелки 1-го полка убили своего командующего полком, полковника Быкова и командира одного из батальонов, капитана Колобова. В полку бунт, доступа туда нет. Команда конных разведчиков, занимавшаяся ловлей дезертиров, не могла вернуться в полк, кем-то предупрежденная. Это был первый случай открытого бунта в нашей дивизии. Решили, что разведчики поедут в деревню, где было управление нашей бригады, а я предупрежу нашего адъютанта по телефону.

Я долго стоял в поле и смотрел, как группа всадников ходкой рысью уходила на восток. Целый рой мыслей приходит в голову. Первый полк... Его лихой, смелый командир, полковник Быков, капитан Колобов — мягкий, приветливый, бывший фельдфебель Павловского училища... Верно говорят, что пуля всегда лучшего найдет. Нашла и теперь, да еще и не неприятельская, а своя... Что теперь будет? Где выход? Как будут реагировать другие полки? Наконец, наши? Кто их знает?

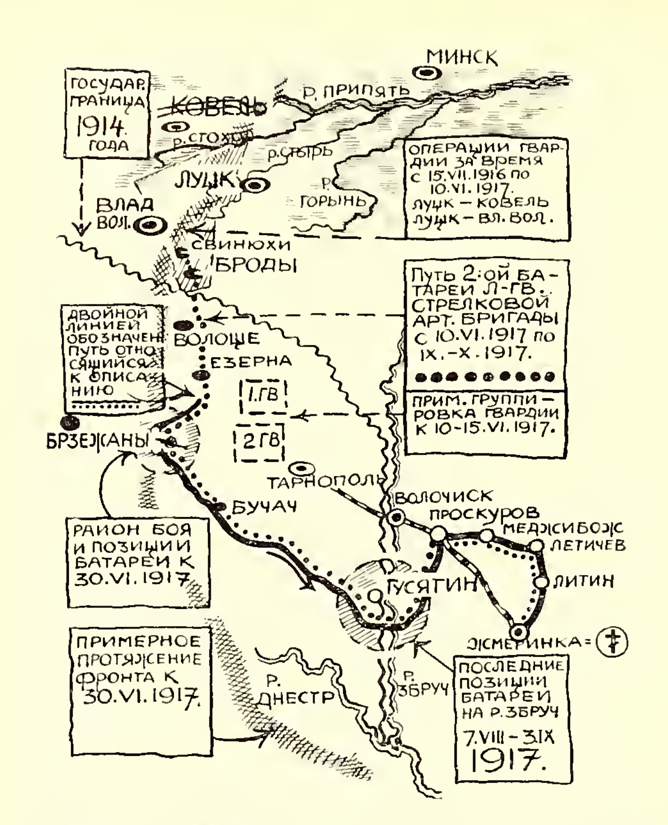
Медленно возвращаюсь на батарею. В собранской палатке застаю командира батареи. "Ты знаешь, что случилось?" — Знаю. Нужно этот полк изолировать. Да как? Кем? Есть ли надежные войска?

Звоню по телефону: "Адъютанта к телефону! Злобин, ты? Ты видел гостей?" Издалека голос: — Да, видел. Я все знаю все устроим, как можно. Я буду звонить...

Так было с первым полком. Государевы Стрелки, Стрелки Его Величества... Как отрезки кинематографической ленты мелькают в голове отдельные картинки из жизни полка, из которых слагается полковое лицо этой части, теперь залитое кровью погибших офицеров. Вспоминается бывший командир полка, выведший его на войну, свиты генерал-майор Николаев, чернявый, блестящий, с энергичным лицом. Впервые я видел его за две недели до начала войны, когда приехали к нам на наш дивизионный праздник командиры всех четырех полков нашей дивизии, а именно: 1-го — генерал Николаев, 2-го — генерал Пфейфер, 3-го — генерал Усов и 4-го — генерал Гольдгоер. Из них первый был самый декоративный. За суровым лицом командира виднелось другое, молодое лицо со свежим, нежным румянцем, как на картине Боттичелли, это полковой адъютант, поручик Ковальков. Варшава... Весь полк в блестящем виде... Но офицеров мало — их не хватало с самого начала войны. Ротные командиры были, как на подбор... Помню Мешетича, барона Таубе, Лебедева, Быкова. Но вместо 8 капитанов, было только 5. Ротами командовали поручики. Ни в одной роте не было офицеров на все взводы.

Это было в 1914 году, а теперь уже давно на роту был один офицер, вместо пяти. И этот офицер мог быть любого возраста и любого срока службы.

Опатов. Передо мной стоит командир погибшего



батальона, полковник Звольнский. Безнадежный арьергардный бой — два батальона против дивизий и корпусов. От полка осталось 10 стрелков и 4 офицера. Все было в прекрасном виде, но позиция была внизу ,под горой. Это принесло несчастие. За первым полком стояла наша батарея. Прямым попаданием, за два часа до отхода, были убиты командир батареи, полковник Огоновский и его офицер-разведчик, поручик Эрдман. Пока заменили командира, прошло время. Это, может быть, имело значение и для полка.

Вот, другой командир полка, генерал Левстрем, старый семеновец, блестящий командир полка, боевой, точный, определенный. Полк в отличном виде... Ломжа... Холм... Тяжелые бои, но пять или семь офицеров держут славный полк.

Резерв. 2-я батарея дружна с полком. Мы в гостях у наших соратников, завтра они у нас дорогие гости. Капитан Шмидт, капитан Рагозин, поручик Ковальков, капитан Колобов и все офицеры полка наши друзья. Добрая чара вина ходит кругом, но строго, поверх очков, смотрит симпатичное лицо генерала. Генерал Левстрем умел внести серьезность на всякое веселье.

Подпрапорщик роты Его Величества взмахивает рукою. Рослые стрелки — великаны — стоят красивой группой. Хор роты Его Величества, дирижер — фельдфебель взвода сигнальщиков, телохранителей ротного командира. Бывший гродненский гусар, капитан Шмидт, с гордостью смотрит на свое создание. Ярко горят на малиновых погонах царские вензеля.

Стрелки Его Величества опять воскресли в прежней силе. Опять горсть офицеров смогла вновь создать гвардейский полк. Каждый стрелок одет, подтянут, только чувствуется, что нужно еще двадцать или тридцать молодых офицеров из военных училищ. Но где их взять? С незапамятных времен гвардия имела право выбирать себе офицеров. Принцип был простой: один выбранный стоил трех. Подбор был необходим раз часть носила печать "отборного войска". Действительность показала, что даже вышедший из рядов полка, из вольноопределяющихся, офицер был по духу выше, чем взятый без разбора со стороны. Психологически было, пожалуй, странно, но историческая, гвардейская бутафория, как в театре, заставляла актеров-офицеров подниматься на более высокий уровень. Для этого не каждый встречный был пригоден. Отсюда и вытекает, почему не было достаточно офицеров.

***

1917 год... Шефа полка нет. Титул полка изменен. Революция уничтожила престиж офицеров. Авторитет исчез. Пуля нашла виноватого — лучшего...

Уже через два дня некоторые офицеры 1-го полка должны были покинуть полк. В числе их был и мой брат.

Все хорошо, что кончается хорошо. Судьбе угодно было пока сохранить кой-кого от гибели. Гибель была неизбежна, если бы не благоприятствовал "его величество случай". Батарейный экипаж увозил на станцию моего брата.

Передо мною лежит книга протоколов батарейного комитета. Читаю: "...комитет батареи постановил запросить командира батареи, на каком основании батарейный экипаж и лошади были предоставлены офицеру 1-го Стрелкового полка?" Прочитанное довожу до сведения командира батареи, который недоумевает и делает предположение, что это постановление сделано под давлением полкового комитета. Решили ничего не предпринимать, не переговорив с председателем батарейного комитета.

Разбирательство этого неприятного для меня вопроса, из-за начатого немецкого обстрела участка нашей батареи, пришлось отложить на вечер того же дня. Председатель батарейного комитета, спрошенный, когда все успокоилось, подтвердил предположение командира батареи, что постановление комитета сделано не без давления полкового комитета — почему командир батареи и положил следующую резолюцию: "Лошади были даны для офицера 1-го полка, что вполне понятно, раз его брат состоит офицером батареи". Этим вопрос был улажен.

***

Сегодня вечером уходим с фронта. Нас сменяет спешенная кавалерия. Наши батареи сменяются конной артиллерией. Куда идем — неизвестно. Артиллерия идет отдельно от пехоты. Говорят, что всю гвардию отводят в дальний резерв и уже вечером идем в поход на восток.

Теперь идти свободно. Дороги пусты. Фронт уже

далеко. Уже стрельбы не слышно. Дня через два подходим к местечку Меджибож, раскинувшемуся среди болота. В мирное время в Меджибоже был расквартирован 12-й гусарский Ахтырский Великой Княгини Ольги Александровны полк, а замок служил офицерским собранием легендарных гусар, создавших себе вечную славу в старой русской армии. Решили осмотреть замок. Поднимаемся по витой лестнице во второй этаж и попадаем в большой зал, где когда-то наверное ходили гордые польские паны, оправляя лихие усы и гремя шпорами и кривыми саблями. Здесь стояли пушки у окон. Здесь пенилось крепкое венгерское вино и звучали заздравные речи. Столетия прошли, гордые паны сошли с исторической арены и вместо них пришли тоже в ментиках и венгерках вишнево-рыжие ахтырцы. Вот и их память. Она поблекла, но краски еще видны. На высокой изразцовой печке был изображен в полной парадной форме ахтырский гусар. Комнаты, целая анфилада, были пусты, только мусор валялся по углам, может быть, с тех пор, когда под звуки полкового марша уходили Ахтырцы на войну. Так и мы ушли навсегда из Стрельны и никто никогда не вспомнит о нас.

После дневки в Меджибоже пошли дальше. Подходя к Жмеринке, мы начали встречать одиночных стрелков. Некоторые сидели около дороги, некоторые шли покачиваясь. Раздавались крики и брань. Оказалось, что среди стрелков были пьяные. Скоро выяснилось, что где-то вблизи были винокуренные заводы. Они все стояли открытыми и вот в этот район пришла революционная гвардия. Начался погром и поголовное пьянство. Солдаты пили, теряя рассудок, и многие умерли от отравления.

Были случаи и пожаров. В этом были виноваты войска. И, как всегда, обвиняли офицеров за неприменение власти и укоряли в падении дисциплины...

В начале сентября мы стали широким квартиробиваком в одной большой деревне в десяти верстах от Жмеринки.

НА ВОЙНУ!

(1914 г.)

П. Шапошников

7-я Сибирская стрелковая дивизия мирно стояла лагерем в таежной глуши, верстах в десяти от ст. Михалове, между Иркутском и озером Байкал. Полки: 25-й Спб. стрелковый генерала Кондратенко, 26-й, 27-й и 28-й Сибирские стрелковые, 7-я Спб. арт. бригада, 5-й Спб. саперный батальон, по очереди стреляли на обширном стрельбище, прямо в тайге. Где-то в стороне училась стрелять артеллерия, потрясая мирные дали лесов своими очередями по мишеням. Трещал перекатами частный ружейный огонь стрелковых батальонов. Погода стояла отличная. Солнце выблескивало на глинистых вершинах сопок, что виднелись вдали у Байкала.

Вечером г.г. офицеры 26-го Спб. стр. полка собирались на чашку чая, на рюмку водки, по желанию. Лениво почитывали газеты и журналы, набросанные в изобилии на столе читальни офицерского собрания.

Только что был убит наследник австрийского престола сербом Принципом в Сараево, куда эрцгерцог приехал на маневры. Газеты были полны описаний события, предположений, комментариев. Иногда проскальзывала в них мысль о возможной войне. Но мы были далеки от таковой.

"Все уладится" — думали. — "неужели из-за убийства одного человека, хотя и наследника престола, Европа бросится в войну? Тем более Россия, еще не изжившая революцию 1905 года, еще часто потрясаемая убийствами то министров — Столыпина, в 1911 г., то губернаторов (Уфа, Харьков, в 1912 г. и др.) — воздержится от авантюр". Вспоминали уступку Австрии в 1908 г. в вопросе о Герцеговине, сдержанность ее в Балканской войне 1912 г.

Кто-то кому-то что-то уступит, поступится национальным самолюбием, и опять будет тихо — такова была общая мысль.

Но наши прогнозы не сбылись! Четырнадцатого июля полк выступил в Иркутск, а девятнадцатого июля была объявлена мобилизация. Началась Первая Мировая война, перевернувшая весь мир...

⁂

С объявлением мобилизации сразу требуется много офицеров на работу вне полков: комендантов станций, начальников продовольственных пунктов, в помощь воинским начальникам для приема запасных, лошадей и пр. Я попал в качестве команданта ст. Зима, где и пробыл до отправления полка на фронт 29-го июля, когда полк уже погружался в вагоны для отправки на фронт. На какой фронт? — мы не знали...

На сборы на войну мне оставалось несколько часов, в течение которых я, со своим денщиком, Петром Ярониным (Петька, как звала его почему-то моя 11-я рота, веселый уфимец!), и собрался, заколотивши в ящики все мои скромные обер-офицерские вещи. Я их не получил никогда потом! Все пропало в Военном Городке, в цейхгаузе полка.

Даже не попрощался ни с кем в городе. Стал в

строй своей роты и зашагал на станцию! А там уже стоял поезд из теплушек на батальон, с классным вагоном для офицеров. Ни пышных проводов, ни речей, ни цветов уходящим на смерть от граждан Иркутска не было. Некогда было... Да и нам нужно было спешит: начиналось уже наступление немцев на границе нашей союзницы-Франции.

26-й Сибирский стрелковый полк, как и остальные полки дивизии, выделил из своего состава второочередные полки: 15-й, 46-й, 47-й и 48-й — Сибирские же. Состав офицеров уменьшился вдвое. Солдатский же состав был пополнен мобилизованными до штатного числа — 4.600 человек. Офицеры — прапорщики запаса и произведенные из училищ постепенно прибывали в полки уже в пути, по железной дороге.

Наш эшелон — 3-й батальон, под командой старого капитана Вахнина — летел до Челябинска почти без остановки. На ст. Челябинск — остановка на два дня. Прибыли новые офицеры: подпоручик Александр Матвеев из Казанского училища, подпоручик Шаев — Александровского; прапорщики: Эсепгарт, Шишагин, Лукин, Новоселов — из Петербурга, доктора Безайс и Вакар, тоже оттуда. Кадровых офицеров было мало. Вот они: командир 9-й роты капитан Зенченко, младший офицер подпоручик Феденев; 10-й — штабс-капитан Лютостанский, подпоручики Леонид Валицкий и Яхья Солтык: 11-й — штабс-капитан Леонид Гофман и подпоручик Павел Шапошников; 12-й — штабс-капитан Яншеев и вновь зачисленный в нее прапорщик Лукин. Перечисляю их для истории. Они заслуживают хоть маленького следа в ней, потому что немногие из них остались живы. Большинство — легли в боях под Августовым, Лыком, Летценом, Гродно в течение трех-четырех месяцев войны 1914 года.

Два дня остановки в Челябинске — беспрерывные строевые учения. Необходимо было "сбить" роты, приучить мобилизованных к строю, командам, узнать их способности и дать им возможность узнать своих начальников-офицеров. Батальон смотрел "вездесущий" полковник Януарий Цихович — командир полка. Разнес капитана Вахнина за плохое равнение при прохождении батальона. "Где же я их выучу равнению!?", ворчал после батальонер: "В вагонах, что ли?"

В первый же вечер стоянки мы, подпоручики и прапорщики, под командой Пети Лютостанского, веселого командира роты, непропускавшего случая выпить, пошли "объединиться" в ресторан при станции. Чинно сели за стол. Через час, после нескольких рюмок водки, разговор оживился и привлек внимание соседней компании железнодорожных инженеров и еще каких-то г.г. штатских, сидящих с дамами за соседним столом.

Мы поглядывали изредка на соседок... А те на нас... и вот я слышу, как одна из них говорит своему кавалеру: "Бедненькие... Молодые... А уж через несколько дней будут на войне и... может, будут убиты..." Я сказал об услышанном нашей компании. И мы все поднялись с бокалами вина, поклонились соседям: "За ваше доброе сердце, мадам!"

Объединились сразу и просидели с ними всеми до закрытия ресторана. Тепло, по-родственному попрощались. Ушли растроганные милой женской лаской незнакомых до этого нам дам. Нам, юношам, они заменили ласку наших матерей, далеко оставленных во всех углах России. Ведь, несмотря на наши шумные, бравурные разговоры и молодой смех, у каждого мелькнула мысль: "А что теперь делает, думает мать? Увижу ли ее еще раз в жизни?"

*

Воспитательная работа, словесность, производилась нами в вагонах. Кроме общих обязанностей солдата, офицера, конечно, и больше всего, говорили о поведении его в бою, куда торопливо летели наши эшелоны и который произойдет, вот-вот, через несколько дней...

Как-то спрашивает меня пожилой уже, лет 35-ти, фельдфебель — два георгия, участник обороны Порт-Артура в рядах нашего же полка: "Ваше благородие, а за что же началась война?"

Я начал ему объяснять, что Австрия вероломно напала на братскую нам Сербию и что Государь Император не позволяет разгромить маленькую славянскую державу во имя славянской солидарности, что Германия хочет задушить Россию торговлей... и прочее. Говорил то, что я знал из газет и в чем я и сам не был уверен.

Фельдфебель — солидный сибирский крестьянин, много читавший вероятно, сделал вид, что вполне удовлетворен моими объяснениями. Но в глазах у него ясно читалось непонимание и недоверие... Да и как заставить понимать то, что и нам, г.г. офицерам, было непонятно?

Надо сказать, что в ротах было много запасных унтер-офицеров и фельдфебелей, участников японской войны, сверх комплекта, которых некуда было поставить. Они были рядовыми и многие из них выбыли из строя потом в боях, так и не командуя взводами, а оставаясь в рядах. Ошибка мобилизационного плана: ее горько оплакивали потом г.г. ротные командиры, когда пришлось наспех производить рядовых в унтер-офицеры за убылью кадровых.

*

Только в Самаре, на десятый день пути, мы узнали, что едем на австрийский фронт. На Люблин ломилась армия Ауфенберга. Наших чуть теснили. В Пензе — остановка. Вышел из вагона, вошел в зал первого класса и.... остановился в изумлении. Передо мной, за большим столом сидит группа немецких

пленных офицеров, человек пять. Два из них в серебряных касках, в плащах-накидках светло-серого цвета, с синими воротниками, в лакированных сапогах с кирасирскими козырьками. Прямо с Курфюрстендамм, из Берлина! Рядом часовой с берданкой — из ополченцев. Взяты в плен где-то в Восточной Пруссии или под Млавой.

У нас, окружающих и проходящих по залу, не было чувства озлобления к пленным врагам. Было только любопытство. "Вот какие наши враги!" — каждый думал, смотря на спокойно закусывавших пленников. Мы смотрли только украдкой в их сторону, стараясь не смущать их своим любопытством, могущим показаться незайливостью.

В Курске — остановка. Жадно читаем телеграмму Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича. Он "коленопреклоненно" просит прощения у Императора за поражение нашей 2-й армии в Мазурских озерах. В Галиции наши взяли Львов, Галич... В то же время — распоряжение по эшелону: переменить направление. Мы едем, вместо Галиции, в Восточную Пруссию на поддержку разбитым там частям. Настроение не изменилось "Наломаем немцам, остановим их!" — было общее мнение сибиряков.

В Гомеле — остановка. Прохожу около временного перевязочного пункта в здании станции. Слышу внутри душу раздирающие крики. Заглянул в помещение. Врач и несколько сестер наклонились над носилками. На них лежит австрийский лейтенант. Перекошенное, красивое лицо; громко плачет от боли в раздробленной шрапнельным осколком голени. Делали срочную перевязку, начиналась гангрена. Мелькнула мысль: "а вдруг и мне придется испытать это удовольствие. Потом пришлось — приблизительно через месяц.

**

Двигаемся. Белосток, Брест-Литовск. Навстречу поезда. Полны ранеными из-под Бишофсбурга, Алленштейна, Сталупенена. Из полков 1-й и 2-й армий. Жадные расспросы о боях, о немцах... Офицеры спокойно рассказывают о пережитом. Мелькают фамилии товарищей по училищу, просто знакомых: убитых, раненых... Никакой запуганности или паники от неудачи на Мазурских озерах. Это — эпизод войны. Поправится все к лучшему...

Ночью высадились в г. Граево, конечный пункт русской железной дороги. Разместились в палатках, в городском саду. 3-й Сибирский корпус отсюда начал свое развертывание для движения в Восточную Пруссию. Постепенно подходили эшелоны 7-й и 8-й Сибирских дивизий. Эшелоны корпуса растянулись почти от Курска и до границы. Наша артиллерия подошла только дня черз три. Поэтому пришлось ждать сосредоточения до 28-го августа.

Над нами начали летать немецкие аэропланы "Таубе". Никто по ним не стрелял, артиллерии не было, пехоте стрелять не было смысла.

Тем не менее, наши солдаты "взяли инициативу в свои руки": как только появился немецкий аэроплан немного ниже обычного, стрелки брали винтовки и, несмотря на наши приказания не стрелять, начиналась бешеная ружейная трескотня. Наблюдать было трудно; в парке за палатками не увидишь, кто стреляет. Пришлось начальникам прибегнуть к физическому воздействию на стреляющих. Только таким образом и прекратили беспорядок.

Все эти дни в Граево доносились звучи орудийной канонады с севера-запада. Там шли бои 1-й армии генерала Ренненкампфа, отступающей из-под Кенигсберга к Неману. Немецкая дивизия фон-дер-Гольца двигалась от г. Лык во фланг и тыл отступавшим. Нам, 7-й Сибирской дивизии, было приказано срочно выступить в Восточную Пруссию в направлении на г. Лык, не ожидая даже, когда подойдет наша артиллерийская бригада.

Наш 26-й Сибирский стрелковый полк пошел в авангарде. 11-я рота с капитаном Л. Гофманом составила передовой отряд 3-го, авангаргдного, батальона, а я и прапорщик Эейсенгард с полуротою составили передовую заставу.

Помню ровное, почти белое, шоссе, красивые немецкие домики, а в садиках почти все брошенное обитателями; как привидения появляющиеся впереди из-за домиков и деревьев немецкие велосипедисты; короткие перестрелки с ними... Названия поселков — Чернен, Краснен, Остроколен...

Мы подходили к Лыку, где разыгрался первый серьезный бой нашей дивизии и всего полка и где один из веселых прапорщиков — Лукин, прибывший из Петербурга только в пути — был убит. Но это уже другая страница войны. Я описал только ее прелюдию, где не лилась еще кровь. Но забегу вперед.

Из ехавших в эшелоне немногие останутся в живых. Одни погибнут под Августовым, Гродно, Вильно, Шавлями, озером Нароч, а двоих, Леню Валицкого и Саню Матвеева ("шкварка", как шутник-прапорщик Гриша Новоселов назвал его за малый рост) убьют во время революции. Валицкого — в комендантском управлении на Каменноостровском в Петрограде в первые же дни "бескровной", второго — в 1917 году прикончат красные латыши в Кисловодске в лечебнице, на постели, где он лежал раненый в печень.

Из воспоминаний

(Материалы к истории 1-го уланского Петроградского полка)

В. Скальский

СТОРОЖЕВКИ В РАЙОНЕ ПИЛЬКАЛЕН

В декабре 1914 г., 1-я кавалерийская дивизия занимала линию охранения в районе г. Пилькален. Наши сторожевки-заставы занимали отдельные "фольварки", как назывались немецкие фермы, и жизнь на них протекала мирно.

Эскадроны занимали сторожевку на 24 часа и отходили к месту своей стоянки на несколько верст в тыл. Нас отделяло от немцев поле, шириною местами в одну, а местами в полторы версты. Против нас стояла немецкая кавалерия и заставы ее тянулись вдоль опушки леса. Мы, конечно, прекрасно знали где стоят немцы, а они знали, где находимся мы. Тем не менее, штабы заставляли то и дело высылать разведку в сторону неприятельского охранения. По глубокому снегу, разведчики шли прямо на немецкую заставу и должны были продвигаться, пока по ним не откроют огня. Это было совершенно бесцельно, т. к. нового благодаря этому ничего не узнавали, но вызывало перестрелку, иногда и оживленную. Нужно сказать, что немцы тоже со своей стороны высылали разведчиков. Не будь этого, на заставах было бы совсем тихо и отношения между нами и немцами было почти "добрососедские".

Мне пришлось, со своим взводом, несколько раз занимать один и тот же небольшой фольварок. Лошади стояли в сараях, а люди помещались в доме, в котором было несколько комнат. Перед домом был сад, а за садом поле и по ту сторону его — немцы. Вдоль сада выкопали небольшой окопчик, даже не до пояса, и там стоял часовой с подчаском.

11(24-го) декабря, я занимал эту заставу. И вот, мне сообщают, что к нам идет немец. Я вышел и подошел к часовому. Действительно, через поле, прямо на нас, шел немецкий солдат. Винтовки у него не было, но в руках был какой-то пакет. Все выскочили на него смотреть. Нам было ясно видно, что и немецкая застава стоит и смотрит на идущего. Пройдя полдороги, немец остановился, положил на снег пакет, взял под козырек и, повернувшись налево кругом, пошел обратно к своим.

В чем было дело? Чтобы выяснить, нужно было взять пакет. Охотниками за ним идти оказались все. Решили, что пойдет младший унт.-оф. Гущин. Я сказал ему поступить, как сделал немец, т. е., забрав пакет, взять под козырек и повернуться налево кругом. Он так и сделал. Немецкая застава продолжала стоять и наблюдать за происходящим.

Гущин вернулся. Пакет был обвязан веревкой и под нее подсунуто письмо. Письмо было написано на ломанном русском языке и содержание его было приблизительно следующее: "Дорогие русские! Завтра день нашего Рождества, а в такой день всякий хочет думать о своем отец, мать, брат, сестра и невеста. Мы просим в этот день в нас не стрелять. Мы не будем стрелять в день вашего Рождества".

В пакете оказалась бутылка "Арака" и копченая колбаса. Я отдал и то и другое уланам, а письмо послал, с донесением, на главную заставу командиру эскадрона шт.-ротм. гр. Грабовскому. Последний прибыл недавно в полк из запаса и, за неимением старших офицеров, командовал 5-м эскадроном. Он был коренным офицером 13-го уланского Владимирского полка. Звали его Север Михайлович.

Часа через три прибыл конный ординарец от штаба полка. Мне приказывалось: колбасу бросить, бутылку разбить, т. к. и то и другое может быть отравленным. В немцев — конечно стрелять... Излишне говорить, что в это время колбаса была давно съедена, водка выпита, и все, очень довольные, чувствовали себя отлично. В немцев мы не стреляли, но и не было к тому причины.

Случилось так, что в день нашего Рождества, я оказался на той же заставе. День протекал тихо и мирно. Но вот, со стороны немцев послышалось несколько выстрелов. Я вышел в сад. За мной последовали почти все уланы. "Ваше благородие, что же они? Сказали — стрелять не будем, а теперь палят..."

Но на стороне немцев картина казалось совсем мирной. Стояла группа немецких солдат, но без оружия. И вот, из грруппы их выделился один и, став на четвереньки, стал прыгать по снегу. Мы поняли: стреляли не по нас, а по зайцу и они не хотели, чтобы мы могли подумать, что они не сдержали обещания. Все их одобрили и день протек тихо.

***

На той же заставе произошел, запоминается мне, следующий случай. Стояли сильные морозы и ночи были лунные. На снегу было видно почти как днем.

Ночью приходит ко мне взводный Рещиков и сообщает, что идут немецкие разведчики. Как я говорил, мы к этому привыкли и не придавали этому большого значения. Все же, я вывел взвод и он расположился вдоль окопчика. Без команды, я не велел стрелять. Немцы были шагах в 500-х. Было их человек 12-15. Шли, завязая в снегу. Мне было их жаль. Людей посылали на смерть — зря! Я надеялся, что они повернут обратно, но они продолжали подвигать-

ся к нам. Вот, они уже в каких-нибудь 200-х шагах от нас и все идут. Рещиков мне говорит: "Ваше благородие, они так и к нам придут..." Действительно, подпускать их ближе я уже не мог.

Делать нечего. Я скомандовал: "Взвод — пли!" Грянул залп и все немцы упали в снег. Мне стало как-то не по себе. Вот зря, а погибло сколько людей... Вдруг, один "убитый" вскочил и бросился бежать. За ним другой и все остальные.

— "Огонь частый..." Немцы падали, поднимались, бежали и опять падали, ни один не оставался на месте. Мне стало даже досадно: "Неужели же никто из вас попасть не может? Дай винтовку!"

Я взял винтовку из рук одного из улан и прицелился. Я всегда хорошо стрелял из охотничьего ружья, но из винтовки — неважно. Все же, не попасть на 300 шагов казалось позорным. Я выцелил и выстрелил. Немец упал. Я обратился к улану: "Видал!" Но немец вскочил и бросился бежать. Я выпустил всю обойму, а он убежал. Убежали и все остальные. Вернулись в дом смущенные. На следующее утро пошли проверить. Нигде на снегу ни капли крови... Виновато ли было лунное освещение — не знаю. Но никого даже не зацепили.

Мне этот случай запомнился и меня заинтриговал. Мы ли так плохо стреляли или же это — вообще так? И вот, однажды, произошел довольно краткий бой между нашим полком и каким-то немецким отрядом. Стреляли из винтовок и из пулеметов. Бой длился час или полтора и сила огня была с обеих сторон, примерно, одинаковая. После боя запросили эскадроны и пулеметный взвод, сколько нужно патронов для пополнения. Оказалось, что было выстрелено около 43 000 патронов. Немцы выстрелили, повидимому, столько же. В нашем полку было трое раненых. Вот процент попадания! Да будь иначе, пожалуй никто из нас с войны живым не вернулся бы.

❦

Третий случай произошел вскоре после этого. В линию охранения входил большой фольварк. Был большой дом, много надворных построек, в стороне амбары, перед домом парк. Там выставилось 5 постов, а потому занимался он полуэскадроном. Вот, туда-то я и был назначен.

К заставе вела одна единственная дорога. Последние 600 или 700 шагов — дорога шла параллельно линии охранения и для немцев была видна, как на ладони. В этом месте, до немецкой линии было менее версты — шагов 1200, не более. Лежал глубокий снег и поэтому к заставе нельзя было подойти иначе, чем по этой дороге. По этой причине смена застав происходила до рассвета. На следующее утро меня должны были сменить казаки.

На ферме оставались ее хозяева: уже не молодой немец с женой и их дочь. Я был поражен красотой этой девушки! Чудные, голубые глаза и редкой тонкости черты лица. Всей манерой держать себя и говорить она никак не походила на дочь простых фермеров. Родители, видимо, за нее сильно опасались.

Дисциплина у нас была прекрасная, но чтобы успокоить ее мать, я решил поставить к двери, ведущей в комнату девушки, часового. Ему было приказано не пропускать к ней никого, кроме ее родителей.

Потекли однообразные часы и день прошел спокойно. Когда уже стемнело, на заставу приехал подполковник Панчинский. Осмотрев все наружные посты, он вошел в дом и тут увидал стоявшего часового.

— Что это у вас тут — спросил он. — Девушка, господин полковник... — Что?! Не может быть!"

Я ему объяснил в чем дело, но он не унимался: "Вот, это здорово! Часового к девушке поставил! Всем расскажу!" Все хохоча, подполковник Панчинский уехал. Он действительно всем рассказал и надо мной долго подтрунивали.

Настало утро и мы поджидали смены. Но время шло, а казаков все не было. Уж стало сильно рассветать, когда подошла их полусотня. Пока сменили все посты, стало совсем светло.

На душе у меня было неспокойно. Никто не говорил ничего, но лица у всех были озабочены. Я посадил своих улан на коней во дворе фольварка и в колонне по три, вывел на дорогу. Я знал, что найти выход из положения я не мог. Быстро проскочить опасную зону — было безнадежно. Поэтому я решил идти короткой рысью, что давало мне возможность лучше держать людей в руках. Полуэскадрон представляет уже отличную цель.

Мы вытянулись по дороге и, наверное, все перекрестились. Тишина стоял полная. С бьющимся сердцем я повернул голову и посмотрел в сторону немецкой заставы. Немцы бежали и выстраивались в один ряд. С секунды на секунду я ждал что они откроют огонь. Но все было тихо. Ту, я понял: шагах в ста, впереди нас, начинались редкие деревья, которыми была обсажена дорога. Немцы наверное нацелились на первое дерево, дадут залп и откроют огонь из пулеметов, когда голова колонны поравняется с первым деревом. Подумал я это, может быть, и не один. Я услыхал, что за мной, в хвосте, стали перебиваться на галоп. Я крикнул: "Короче рысь!" Подошел к первому дереву... Ничего... Вот и второе. Я решил посмотреть на немцев. И то, что я увидел, было необычайно: три раза подряд немцы подняли высоко над головами свои головные уборы. Мне даже показалось, что три раза до нас долетело немецкое «Hoch»!

Против нас стояла немецкая кавалерия. Они наверное поняли, что с нами случилось и из солидарности не захотели этим воспользоваться. Другого объяснения быть не может. Это был рыцарский поступок, на который способны лишь те, у кого живы традиции и сознание воинской чести. Я впоследствии часто это рассказывал и, с особенным удовольствием, встреченным мною немцам, участникам той войны.

Мориц Христианович фон Шульц, современник Лермонтова

В интересной статье Л. С. Пенькова, напечатанной выше, в которой он рассказывает о своей поездке на Ахульго в 1913 году, есть, между прочим, упоминание о том, что у старых шуринцев существовало предание, будто воспетая Лермонтовым долина ("В полдневный жар, в долине Дагестана...") находится на пути от моря к Шуре, у аула Капчугай. Это предание, как бы, устанавливает причинную связь между созданием этих стихов и пребыванием поэта в Дагестане, именно в местах упоминаемых в предании.

В связи с лермонтовским юбилеем в этом году (150 лет со дня рождения поэта), а также с 125-летием взятия штурмом Ахульго, уместно будет сказать несколько слов о М. Х. фон Шульце, свидетельство которого обнаруживает иные обстоятельства, при которых было написано это стихотворение, тем более, что специальная литература о Лермонтове до сих пор, кажется, не упоминает вовсе имени этого современника Лермонтова.

Лет десять тому назад в одном из парижских периодических изданий была напечатана статья генерала Девель "50 лет назад". В этой статье автор, между прочим, пишет: "...вспомнил описанный ниже эпизод, который решил предать гласности т. к. он связан с именем М. Ю. Лермонтова, а всякую даже мелочь, проливающую свет на его творчество, было бы грешно замолчать". Далее генерал рассказывает, что в войну 1877-78 гг., в которой он принял участие на Кавказе, при штабе Лорис-Меликова находился "старый, но еще бодрый генерал-адъютант Герман Шульц. Весь израненный, со стеклянным глазом (потерял глаз при штурме Варшавы в 1831 г.)", он в 1839 г. при штурме Ахульго был ранен в грудь навылет.

"Как теперь его вижу, небольшого роста, тоненький, с седою бородою, в конно-артиллерийском сюртуке, с "георгием" в петлице и "бриллиантовою" саблею сбоку, едущего в стороне от всех на небольшой светло-рыжей лошадке..." Возвращаясь из рекогносцировки, "я подъехал к генералу Шульцу, с целью обменяться событиями дня, и он вдруг меня спросил: "Вы видели как переносили раненного майора Гоппе?" На мой утвердительный ответ он возразил: "черт знает, как при переноске беспокоят раненого и советую вам, если вас ранят, то лежите спокойно". Я удивился, и из уважения к старику-генералу не возражал. "А на Ахульго", продолжал он, "я был ранен в грудь навылет и целую ночь пролежал среди убитых и этому только обязан, что остался жив, — кровь сама собою остановилась. В Пятигорске, где я лечился от ран, я рассказал Лермонтову про свою рану и посоветовал ему, так же как и вам, не позволять себя трогать, если он будет ранен в экспедиции против горцев. А через несколько дней он мне прочел свое чудное стихотворение, написанное им по поводу моего рассказа: "В полдневный жар, в долине Дагестана, с свинцом в груди лежал недвижим я..."

Сообщаемые ген. Девелем сведения о Шульце не совсем точны: он не был генерал-адъютантом, а в 1877 г. был в чине генерал-лейтенанта и звали его не Герман, а Мориц Христианович. Вот краткие биографические сведения о нем, какие удалось мне найти. Родился он в 1806 г. В чине прапорщика он отличился в 1831 г. при Остроленке, а при штурме Варшавы он потерял, как сказано выше, глаз.

В 1837 г. он окончил курс военной академии и с 1838 по 1855 г. служил на Кавказе. В 1839 г. штабс-капитан Шульц находился в отряде ген. Граббе (в Ичкерии и Салатавии). При возвращении отряда, когда горцы наседали, отличился, принял участие в защите орудия; в этом деле Шульц был ранен пулею в правое бедро навылет. При осаде Ахульго Шульц, 14 мая, срисовывая, под ружейным огнем, окопы горцев, был ранен пулей в правую щеку с раздроблением челюстей и пробитием неба. В последнем штурме Ахульго 22 августа Шульц был ранен пулею в левую сторону груди навылет с повреждением легких и одного ребра. Вот, об этом ранении Шульц и рассказал, по словам Девеля, Лермонтову в Пятигорске. За отличия, оказанные в 1839 г. он награжден орденами св. Георгия 4 ст. и Владимира 4 ст. и чинами капитана и подполковника, но на приказе о производстве в подполковники Император Николай I собственноручно прибавил: "из подполковников в полковники".

В 1854 г. генерал-майор Шульц был комендантом Александропольской крепости. "Весьма эксцентричный, но увлекательный и храбрый человек, тот самый, который, служа в генеральном штабе, был сильно ранен под Ахульго", как пишет о нем один из современников (Записки ген. М. Я. Ольшевского. "Русск. Старина", 1884, октябрь, стр. 175). Боевого генерала тяготило бездействие и он стремился в Крым для участия в боевых действиях. В этих видах он подает прошение об увольнении в отпуск для лечения ран. Но получив увольнение, Шульц едет в Севастополь, где назначается начальником 4-го бастиона, и к новым ранам добавляет еще одну и две контузии. Награжден золотою саблею, бриллиантами украшенную, с надписью "за храбрость".

В 1856 г. назначен комендантом крепости Динамюнде. В 1877 г. участвовал в войне в азиатской Турции и в 1878 г. произведен в генералы от кавалерии. В 1882 г. уволен за болезнью от службы, проживал в Лифляндии, где скончался в 1888 г. Его портрет опубликован П. Ф. Рербергом в книге "Севастопольцы", сборник портретов участников обороны Севастополя 1854-55 гг. СПб, 1904, стр. 9.

Может быть эта краткая заметка обратит внимание "лермонтоведов" и они найдут другие следы общения Лермонтова с штабс-капитаном — полковником — М. Х. Шульцем, раненным в 1839 году на Ахульго.

Сообщил *Ю. Топорков*

„Привет“ Лермонтова

В собрании члена Об-ва Рев. Рус. Воен. Старины М. А. Джаншиева находится серебряная чарка кустарной кавказской работы, история которой, к сожалению, неизвестна. Высота чарки — 74 м.м., диаметр дна — 50 м.м., диаметр верха — 53 м.м. Изображение Лермонтова с его подписью находится в рамке-орнаменте, отделяющим его от текста, состоящего из двух частей, тоже разделенных орнаментом.

В июле 1837 года С. А. Раевский находился в Петрозаводске, а Лермонтов на кавказских минеральных водах, где лечился от ревматизмов. Вырезанные на чарке "стихи" очень интересны по своему содержанию, а самая чарка является оригинальным приветом, посланным Лермонтовым своему другу Раевскому.

Редакция "В. П. Вестника" приносит свою благодарность М. А. Джаншиеву за нижепомещенное клишэ-фотографию чарки, вещи несомненно уникальной, сведения о которой появляются в печати впервые.

Славу Раевскому

Шлю тебѣ я эту
Чару
И свой на ней
Портретъ
Изъ нея вкуси
Нектару
И внемли ты мой
Привѣтъ
мсцъ іюль 5 дня
лѣта 1837

Дорогому другу Свято-

Я здѣсь за то, что
Написалъ на смерть
Любимаго поэта
Я торжествую
И гордъ душой
Вопреки Питерскаго свѣта
Я здѣсь въ гостяхъ не первый разъ
Онъ чаруетъ меня величавый
И любимый мой
Кавказъ

Святослав Афанасьевич Раевский (1808-76) знал Лермонтова с детских лет. Его бабушка воспитывалась с бабушкой Лермонтова Е. А. Арсеньевой, которая была его крестной матерью. В 1827 году Раевский кончил Московский университет, но продолжал слушать там лекции еще год. В 1831 он переезжает в Петербург, где поступает на службу в департамент государственных имуществ, а в 1836 переходит в департамент военных поселений. В 1827-31 годах он часто встречается с Лермонтовым в Москве, а затем, с конца лета 1832 года, в Петербурге и вскоре селится в квартире Арсеньевой, где жил Лермонтов.

Стихи Лермонтова "На смерть поэта", написанные сейчас же после смерти Пушкина, принесли их автору не только широкую известность, но и большие неприятности: Лермонтов был посажен под арест в здании Главного Штаба, а его близкий друг Раевский, принимавший деятельное участие в распространении "непозволительных" стихов, — на гауптвахту на Сенной. В конце февраля, по Высочайшему повелению, лейб-гвардии гусарского полка корнет Лермонтов был переведен тем же чином в Нижегородский драгунский полк, стоявший на Кавказе, а губернский секретарь Раевский, просидев в крепости с 26 февраля по 29 марта, был отправлен в Олонецкую губернию "для употребления на службу по усмотрению тамошнего Гражданского Губернатора".

Опала друзей, благодаря хлопотам Е. А. Арсеньевой, продолжалась не долго: прапорщик Лермонтов приказом от 11 октября 1837, был возвращен в гвардию, — переведен корнетом лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк, а Раевский, освобожденный в конце 1838 года, вскоре вернулся в Петербург.

Сообщил *А. Щитков*

Воспоминания морского врача

(Продолжение)

Я. Кефели

Когда крепость Порт-Артур пала, все врачи, по пункту 9-му капитуляции, были оставлены на месте лечения своих больных и раненых. В Артуре я встретил Ватанабе; он оказался офицером, чуть ли не полковником и состоял при штабе санитарного корпуса армии Ноги. Мне он охотно помогал, когда я обращался к нему с служебными просьбами. При этом он всегда вспоминал обед на "Пересвете" в Мозампо.

Когда японцы забросали наши госпитали корзинами своих апельсин, "микан", цынга быстро прекратилась. Морской временный госпиталь у Пресного озера, где я состоял после сдачи крепости ординатором, закрылся. Я стал подготовлять к эвакуации из Артура матросов-санитаров бывшего моего отряда. Разыскивая по госпиталям матроса Перимова, я нашел его в японском госпитале Красного Креста.

Там же, к моему ужасу, я случайно обнаружил, что японцы 20 человек русских тяжелобольных, которых они считали безнадежными, свалили на нары в отдельную комнату, где в стене была пробоина от снаряда в сажень диаметром, бросили их там при 9-градусном морозе, без ухода и даже без пищи.

Когда я вошел туда в сопровождении других русских больных, указавших мне на это, я увидел два ряда нар с кучами шинелей и одеял. Людей не было видно. Когда десятки наших сапог начали стучать по каменному полу казармы, шинели и одеяла зашевелились и из-под них стали высовываться отечные синие лица цынготных, обреченных на смерть чужими врачами. Среди живых было два трупа...

Я сообщил тотчас же об этом моим молодым друзьям, врачам флота и Красного Креста. Решено было поднять скандал.

Опасаясь, что наши власти замнут это дело, мы решили пока не сообщать об этом своему высшему санитарному начальству (крепостному врачу Субботину, начальнику морского управления Ястребову и флагманскому доктору Бунге), а написали дерзкий протест прямо начальнику санитарного корпуса армии Ноги и, кроме того, письменно сообщили об этом американскому военному агенту при японской армии. Словом, сделали все, чтобы дело всплыло наружу полностью.

Протест подписали я и мои друзья: врачи флота Арнгольд, Кистяковский, Григорович и Ферман и Красного Креста — Ковалевский. По молодости нашей, выражения наши в письменных протестах были крайне резки. В нашем положении пленных, а не победителей, теперь я, в старости, должен признать это дерзостью.

В то время мы все семеро (фамилию седьмого не помню) жили на дачных местах в доме портового инженер-механика Шилова, где был большой винный погреб. Поэтому мы проживали там весело. Несмотря на приподнятое настроение, друзья мои сначала не поверили моему рассказу. Решено было всей компанией обследовать утром все на месте. Расстояние до госпиталя было большое — несколько верст. В городе извозчиков не было, и надев сабли, мы пошли пешком. Картина была та же, которую я застал вечером накануне. При входе, в маленькой комнате, японские врачи играли в карты. На нас они не обратили внимания, по-русски не говорили, и мы толпой с прочими русскими больными, человек 20-30, обошли весь госпиталь. Убедившись, что я правильно нарисовал картину, все твердо решили поднять международный скандал.

После наших протестов, мой приятель японец Ватанабе принял меня сухо, не подал руки и заявил, что я и мои друзья, подписавшие дерзкий письменный протест, преданы японскому военному суду за оскорбление японской армии, и дело о нас пошло под Мукден в главную квартиру, где тогда стоял штаб генерала Ноги.

Дело о нас, однако, было замято влиятельными японцами, друзьями нашего санитарного инспектора, доктора П. В. Ястребова — профессором международного права токийского университета Арига и лейб-медиком Микадо, майором, бывшими в те дни в Артуре и которых доктор Ястребов знал еще по Японии.

Я уверен, что мое случайное знакомство с японским консулом в Мозампо в кают-компании "Пересвета" помогло нам тоже выбраться из этой истории.

В то время мы все по молодости лет нисколько не волновались предстоящим судилищем. Теперь я вижу, что старик Ястребов был прав, прибегнув к своим японским связям.

Дело это было описано в русских столичных газетах до нашего возвращения в Россию, а потом и мною в журнале "Морской Врач".

Конечно, это возмутительное отношение японцев к нашим больным было исключением. Японцы относились к нам неплохо, во всяком случае — очень терпимо. Но у японцев все их медицинское оборудование было до крайности скромно, далеко не по-нашему, как и паек их, который был мал для русского солдата, и наши больные жаловались, что голодают.

Во всяком случае, деловой результат был вполне положительным. Госпиталь этот, насколько помню, был расформирован. Наши больные были переведены в лучшие условия. Дело было обследовано на месте и японцами и нашими медицинскими начальниками.

Не знаю, что сделали японцы со своими врачами, преступниками.

***

К этому времени терпение японцев истощилось вследствие целого ряда инцидентов подобного же характера. Как-то я поехал верхом с "Дачных мест" в город. Вижу — у портовой стенки за косу к решетке привязан китаец и японский солдат лупит его палкой. Я остановил коня и стал задавать вопросы солдату, меня он не понимал. В этот момент проходил отряд японских матросов с офицером. Я повернул коня в его сторону. Японец тоже меня не понял. Я жестом указал ему на происходящее. Он обратился к своему солдату с несколькими словами, а потом вдруг сухо показал мне рукой, чтобы я ехал своей дорогой.

Рассказывали также, что егермейстер Высочайшего Двора, Иван Петрович Балашев, заведующий заведениями Красного Креста в Артуре и к которому японцы относились с необычайным уважением, называя его Другом Императора, тоже однажды пустил палку в ход при объяснении с японским солдатом. И этот инцидент был улажен. Уважение к И. П. Балашеву есть отражение глубокого почтения японцев к личности нашего Императора, несмотря на то, что он был враждебной страны. Тут я припомню один случай. Однажды я был гостем на госпитальном судне "Казань". Мы обедали. Вдруг вахтенный докладывает что приехали японские врачи. Через несколько секунд в кают-компанию вошла группа японских офицеров, в солидных чинах, почтенного возраста. Им сразу бросились в глаза висевшие портреты Государя, Государыни и Наследника. Все японцы, опустив головы и низко склонившись, стали кланяться портретам Высочайших Особ и шипеть, втягивая в себя воздух, в знак особого почтения. Это заставило и нас всех встать и повернуться к портрету нашего Государя.

Последним актом, вероятно истощившим терпение японцев, был случай с нашей компанией молодых врачей, живший на "Дачных местах". Мы решили устроить обед и пригласить на него военного врача, который заведовал русскими госпиталями в этой части города. Врач явился в военной форме с саблей, но в сопровождении унтер-офицера, вероятно фельдшера. Наша компания почему-то этим возмутилась и к готовому уже столу пригласили врача, решив не обращать никакого внимания на фельдшера, оставшегося в передней. Когда обед начался, унтер-офицер, видя, что к столу его не приглашают, стал медленно продвигаться вдоль стены столовой и рассматривать предметы, стоявшие на этажерках. Подвыпившие уже — немец Ферман и голландец Арнгольд — громко возмущаясь, по-русски, решили доктора всеми мерами "накачать", а фельдшера выставить вон. Уговоры трезвых не помогли. В то время как Арнгольд "накачивал" доктора, говоря с ним по-английски, высокий рыжий Ферман подошел с мрачным видом к унтер-офицеру, схватил его за шиворот, приподнял и выбросил его во двор. Японский доктор сделал вид, что не замечает происходящего, но как будто скоро отрезвев, вежливо попрощался и ушел.

Мы почувствовали, что произошел большой скандал, последствия которого трудно предвидеть. Наиболее экспансивный и всегда рыцарски настроенный Арнгольд решил дать удовлетворение японскому врачу и послал ему вызов на французском языке. Всю ночь мы были в некоторой тревоге. На утро оказалось, что и врач, и вообще японцы с "Дачных мест" исчезли.

Через день-два наш дом окружила группа японских жандармов. С ними прибыло несколько подвод. Жандармы нам заявили, что японское командование нас высылает из Артура и произвели у нас полный обыск, отобрав все японское оружие — сабли и ружья. Наши чемоданы были оклеены бумажными лентами и погружены на подводы. Окружив нас, жандармы предложили следовать за ними.

На вокзале посадили нас в вагоны и отправили в Дальний. Специальный надзор над нами кончился. Там нас поселили в недостроенном здании женской гимназии, вез окон и дверей. Это был пересылочный пункт для пленных. Были дни мукденских боев. На рейде Дальнего стояли пять японских госпитальных судов и беспрерывно приходили поезда с ранеными. Мы сами были в тревоге по поводу происходящего под Мукденом. Когда нас выпускали гулять, мы однажды увидели вдруг русских пленных из армии Куропаткина и завели с ними разговор. Японцы это заметили и с тех пор разделили нас — разрешили гулять только по разным параллельным дорожкам. Нам пришлось переговариваться издали, нарочно говоря громко между собой, и мы узнали самые печальные новости — русские потерпели большую неудачу.

В тот же вечер нас решили отправить в Японию. На набережную привели нас, врачей, и вдвое больше офицеров, бывших больных. Так как классных кают было очень мало, японцы старались выделить старших по службе и неоднократно нас пересчитывали, переписывали и перестраивали. Вообще они большие формалисты. В конце концов, большинство врачей попало в первый класс.

Пароход оказался замечательным, каюты прекрасные. Когда мы сели за хорошо уставленный стол, разнесли бокалы и появилось шампанское. Мы не понимали, в чем дело. Вдруг мы увидали спустившегося с мостика в пальто и дождевике капитана парохода. Стали разливать шампанское. Капитан взял в руки бокал, и стоя у стола, на хорошем русском языке обратился к нам. Он сказал, что как японец, глубоко сожалеет, что произошла печальная война и что он надеется, что скоро настанет мир.

Мои соседи возмутились и начали громко говорить: — Не отвечайте ему и не дотрагивайтесь до вина! Японец это слышал и понимал. Видя, что никто до бокалов не дотрагивается, а все уткнулись в свои тарелки, он постоял минуту молча и ушел.

В течение двухдневного перехода в Нагасаки японцы нас ничем не стесняли и мы чувствовали себя свободными пассажирами 1-го класса.

В Нагасаки нас высадили на слободке Инаса, где

постоянно раньше проживали русские и где жители знали русский язык. Прием был самый радушный. К месту высадки пассажиров собралась толпа, преимущественно женщин. Среди них были и поставщики японцы, обслуживавшие нашу эскадру в Артуре. Вскоре подъехал на рикше всем нам хорошо известный Изаки "черепаха-человек", как его называли в Артуре, так как он продавал там офицерам черепаховые изделия. Этого Изаки я знал хорошо. Он бросился со слезами обнимать нас, называя каждого по имени и кораблю. Слезы его, без сомнения, были искренние — с начала войны он потерял богатейшую клиентуру.

Всех нас, офицеров и врачей, распределили на постой к жителям Инасы. Каждому была дана комната с постельным бельем. Спали мы, конечно, как японцы на полу. Тут же на всех нас была устроена столовая, где нас радушно, хорошо и обильно кормили японские дамы, преимущественно с черными, как уголь, зубами, видно замужние.

К вечеру на квартиру каждого офицера и врача явился чиновник от имени губернатора в сопровождении переводчика и, после вежливых поклонов, сопровождавшихся шипением, сообщил, что губернатор поздравляет нас с приездом и выражает надежду, что недоразумения между нашими государствами закончатся и наступит долгий мир России с его родиной. Как я узнал потом, подобные визиты были нанесены каждому офицеру и врачу отдельно.

На следующие сутки нашего пребывания в любезном Нагасаки всех врачей и офицеров, давших подписку не участвовать в дальнейших боевых действиях против Японии, погрузили на большой американский пароход, поддерживавший сообщение между Сан-Франциско и Шанхаем и отпустили на волю.

Я закончу свои воспоминания неожиданной встречей на этом американском пароходе, везшим нас в Шанхай. Среди пассажиров, кроме наших бывших пленных, оказался отпущенный японцами капитан того английского парохода "Кинг Артур", который прорвал блокаду в последний месяц осады и доставал в Артур большое количество белой муки. Это был рыжий коренастый англичанин, лет пятидесяти, мужиковатого вида. Всех нас он очень интересовал и русские офицеры постоянно обменивались с ним в пароходном буфете коктейлями.

(Продолжение следует)

Русская мобилизация 1914 года

В. Хитрово

Очень жаль, что мемуары ген. Янушкевича, о которых пишет его сын в № 23 "Военно-Исторического Вестника", утрачены и мы лишены возможности с ними ознакомиться, т. к. изложение сына, составленное по памяти, дает ошибочное представление о том, что произошло в июле 1914 года.

Н. Янушкевич пишет, что отец его "был ответствен за приведение в исполнение общей мобилизации и что в этом отношении только сам Император имел большую и решающую власть".

Тут смешение двух понятий.

Ген. Янушкевич был ответствен за проведение мобилизации т. к. вся техника мобилизации разработана была в Главном управлении генерального штаба и находилась в его ведении. Право же объявления мобилизации принадлежало Государю Императору и в этой области власть Его была не "большей", а исключительной. Государю совершенно незачем было "категорически запрещать" ген. Янушкевичу начинать мобилизацию без его личного распоряжения по той простой причине, что последний не имел никакой возможности это сделать даже если бы пожелал.

Мобилизация — акт огромной государственной важности. Им затрагиваются решительно все стороны жизни страны: она вызывает колоссальные расходы и имеет политические последствия. Право объявления мобилизации в одних странах принадлежит Верховной власти, в других — правительству, в третьих парламенту, но никогда, нигде и ни в одной стране начальник ген. штаба не имел возможности объявить мобилизацию.

В России мобилизация объявлялась именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату, а власти на местах извещались особой телеграммой подписанной министрами: военным, морским и внутренних дел.

Государь Император первоначально повелел произвести общую мобилизацию, но до того что указ был опубликован и телеграммы посланы, решение свое изменил и повелел ограничиться мобилизацией лишь четырех округов. Первым днем частичной мобилизации был 17 июля. Обстоятельство это чрезвычайно тревожило начальника ген. штаба т. к. частичная мобилизация у нас предусмотрена не была, никаких расчетов в связи с нею сделано не было и ее проведение вносило такие осложнения, что в дальнейшем общая мобилизация делалась почти неосуществимой.

Естественно, что генералом Янушкевичем, и в этом его огромная заслуга перед Россией, сделано было все возможное, чтобы переубедить Государя, и сделать это ему удалось при содействии министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Последний, в своих воспоминаниях, подробно описывает, как ген. Сухомлинов и Янушкевич уговорили его испросить Высочайшую аудиенцию, как между 3 и 4 ч. пополудни 17 июля Государь принял его в Петергофе и как ему

удалось убедить Государя в неизбежности войны и необходимости объявить общую мобилизацию. Все это подробно изложено также в томе IV-м "Красного Архива" (1922 г.).

Первым днем общей мобилизации было 18 июля. С утра во всех газетах напечатан был Высочайший указ, а по городу расклеены афиши след. содержания: "Государь Император высочайше повелеть соизволил привести армию и флот на военное положение".

Возможно ли, чтобы все это произошло помимо Государя и без его ведома?

Возожно и вероятно, что ген. Янушкевич, не дожидаясь указа о мобилизации, приказал заминировать заливы Балтийского моря и, делая это, совершил превышение власти. Возможно и вероятно, что, когда ген. Янушкевич после назначения его начальником штаба Верховного Главнокомандующего представлялся Государю, последний благодарил его за то, что он сделал и за то, что настоял на объявлении общей мобилизации. Но невозможно и невероятно, чтобы Государь подписал указ после его обнародования и чтобы мобилизация была начата по распоряженю начальника ген. штаба, который в России не был самостоятелен, а подчинен был военному министру.

Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 года по июнь 1916 года

(Продолжение) *Генерал-майор Б. Геруа*

Во время стоянья под Сморгонью, когда стало определяться, что противник, как будто, успокоился, можно было от чисто боевых забот обратиться к вопросам внутреннего порядка и к приведению людей — усталых и утративших до некоторой степени подтянутый вид — в "гвардейское" состояние. К тому же начальник дивизии ген.-лейт. Нотбек, при посещении меня, примерно через неделю после нашего прихода в Сморгонь, налетел на меня коршуном на эту самую тему.

Идя ко мне вдоль железнодорожного полотна, он встретил Измайловца, который не шел, а брел, был одет по-мужицки и не отдал честь, а "приложился". Хотя по одному случайному попавшемуся на глаза в тылу неудачному солдату и нельзя еще было делать обобщающее заключение о внешнем виде полка — его остатков — все же в замечании начальника дивизии была доля правды и оно совпало с теми мерами, которые я сам уже начал принимать.

Помимо соответствующего напоминания офицерам о возможности и необходимости, что называется, подобрать снова людей, я пользовался случаем стояния в полковом резерве рот и их регулярной сменой, чтобы производить им не смотр, а "смотрины". Рота могла подойти к железнодорожной будке укрыто леском. У самой будки была слабо наблюдаемая немцами лесная поляна, на которой можно было произвести небольшое занятие сомкнутым строем — этим возродителем городской дисциплины и внешнего лоска. Употребляю выражение "городской дисциплины", так как упрекнуть чинов полка в утрате дисциплины полевой было бы чудовищно. Бои и марши в боевой обстановке показали всю стойкость чисто полевых свойств полка.

Перед Сморгонью впервые прибыли маршевые роты, высланные запасным батальоном из Петрограда. Штабс-капитан Аркадий Васильевич Есимантовский I, отличный строевой офицер, произвел команде пополнения поверку. Она показала, что влить в ослабленные кадры полка было бы преждевременно: подготовка "маршевиков" оказалась сырой. Установили, поэтому, что, держать эти роты при обозе 2-го разряда и дообучить. В связи с вопросом пополнения я составил под Сморгонью и затем представил по команде записку, в которой доказывал ненужность и даже вредность держания в Петрограде десятков тысяч запасных, ожидающих очереди посылки на фронт. Основал я свои заключения не только на статистических данных потерь Измайловского полка, но также и на соответствующих цифрах Преображенского полка, любезно представленных мне ген. графом Игнатьевым. Цифры эти показывали, что пополнение понесенных полком потерь — притом тяжелых, — но взятых не абсолютно, а по времени, вовсе не требовало нахождения постоянно наготове при запасном батальоне личного состава вдвое-втрое превосходившего состав полка по штатам военного времени. Между тем, такой громадный состав запаса людей не мог быть переварен небольшой группой офицеров, отделенной от действующего полка в запасный батальон.

Не могло хватить и оружия. Получалась не только беспомощность, но и совершенная бессмыслица.

Будучи в отпуску и обходя с П. В. Данильченко казармы полка на Измайловском проспекте, я был поражен представившейся картиной размещения людей и их обучения. В казармах пришлось настлать второй этаж нар, придав казарме вид ночлежки; людей, с которыми нечего было делать из-за недохвата ружей, а главное, обучающих — водили взад и вперед по проспекту с песнями. И этих распевающих маршевиков в каждую данную минуту было большинство.

В этих условиях командиры запасных батальонов не могли достигнуть сколько-нибудь законченных результатов подготовки пополнений и, даже вообще, считать себя управляющими этой массой.

Энергия и творчество П. В. Данильченко хорошо известны Измайловцам, но и эти качества были бессильны при таком невероятном задании. Хотя по закону командир запасного батальона был независим от меня и подчинялся общему начальнику всех гвардейских запасных батальонов (генералу Чебыкину), П. В. Дальниченко всегда сносился со мною по всем жи-

вым вопросам, где задевался полк и, конечно, в особенности по вопросу личного состава.

Когда я принял полк, еще не были изжиты тенденции первого полугода войны о второстепенности запасных частей и о том, что в них могут состоять главным образом офицеры, находившиеся в Петербурге на излечении от ран и болезней. Одной из мер, принятых по сговору с Н. В. Данильченко, было установление принципа, что здоровье и сила запасного батальона есть основа мощи действующего полка. Соответственно с этой идеей установилась регулярная посылка в Петербург офицеров наиболее опытных и крепких, на которых можно было расчитывать, что они справятся в трудной борьбе с подавляющим числом обучаемых, приходившихся на одного офицера. Но, разумеется, это была менее, чем полумера, единственная нам доступная.

Следовало вывести из Петрограда в деревни весь излишек, перевешивающий возможность вести серьезное обучение и держать внутренний порядок.

В своей записке я высказал эту мысль, как выход из создаваемого опасного положения. Впоследствии я имел случай говорить на ту же тему с начальником штаба Гвардейского корпуса, генералом Антиповым. Помнится, он соглаcился со мной и уверял, что записка получила должный ход.

События показали, что она, если и не нашла ход в сорную корзину, то несомненно была погребена в ворохе бумажного хлама. Сейчас остается фантазировать задним числом, как повернулась бы революционная вспышка в феврале 1917 года, будь в Петрограде небольшие, но крепкие и легко управляемые кадры гвардейских полков вместо загадочной многотысячной толпы полумужиков с вкрапленными в нее одиночными офицерами.

Говорили, что в деле управления гвардейскими запасными батальонами была игра личных честолюбий; численность, хотя бы и убивавшая качество, импонировала и взрастила, будто бы, надежду на превращение всей этой массы в полноправный гвардейский резервный корпус. Произошло другое...

Нужно отдать должное Измайловскому запасному батальону: в хаосе петроградского бунта он устоял дольше других частей и сложил оружие по приказу своего командования — последним.

***

26 сентября 1915 г. Гвардия была сменена на сморгонских позициях армейскими частями и выступила в район д. Сергеевичи, в резерв Верховного Главнокомандующего.

Красный кирпичный домик железнодорожного сторожа, в котором помещался штаб полка втечение двух недель, остался хорошо в памяти. Правда, внешний враг помиловал эту довольно приметную цель и, если обстреливал тыловую площадь, то вежливо перекидывал снаряды через дом, но зато мы страдали от врага внутреннего. Когда наступило относительное затишье на фронте, я решил побаловать себя после недель нераздевания и поспать раздетым. Немедленно я был атакован со всех сторон превосходными силами, причем атака была поддержана и воздушным рейдом: подлые клопы бросались на свою жертву и с потолка! Пришлось капитулировать. Встал и оделся. Так и оставались мы все забронерованными до конца стоянки.

Часть третья

В РЕЗЕРВЕ ЗА РАЗНЫМИ УЧАСТКАМИ ФРОНТА

С 27 сентября по 2 октября полк двигался через Гажуту, Вилейку, Куринец и Выголевичи в назначенный ему квартирный район — деревня Сергеевичи.

С этого времени начинается примерно девятимесячный мирный период нашего существования, вплоть до Стоходских боев в июле 1916 года. По пути движения, через леса Молодечненского района, мы видели следы немецкого набега: брошенные предметы снаряжения и амуниции.

В д. Сергеевичи приступили к влитию запасных в ряды полка и к занятиям. Полк был снова развернут в четерехбатальонный состав. Батальонами командовали: 1-м — капитан Мантурон 1-й, 2-м — капитан Уманец, 3-м — полковник Елагин и 4-м — капитан Перский 1-й.

Обучение начали с азов, идя от одиночного через отделенные и взводные к ротным. Вскоре после нашего прихода полк посетил, по поручению начальника дивизии, ген.-майор Гольтгоер. Затем как-то приезжал и сам генерал фон-Нотбек и присутствовал на занятиях.

3 октября состоялась раздача полку георгиевских крестов и медалей Вел. Кн. Георгием Михайловичем.

Однажды батальон Измайловского полка был вызван в числе накоторых других гвардейских частей, для представления французскому генералу По. Мне было приятно сознавать, что на этом импровизированном параде Измайловцы выглядели на должной высоте и что усталость, которая такой очевидной печатью лежала на офицерах и нижних чинах еще под Сморгонью, совершенно стерлась с их лиц: это снова были бодрые гвардейцы. Замечательную способность русских войск быстро восстанавливаться духом отметили иностранцы еще во время Японской войны. Действительно, русские войска — это "ваньки-встаньки", и при хорошем управлении с ними можно делать чудеса, что так чутко понимал Суворов.

Предполагавшийся Высочайший смотр не состоялся.

Простояв в Поставском районе около шести недель, Гварди была перевезена с Западного фронта на Юго-Западный. Связано это было с разрабатывавшимся планом наступления нашим крайним левым флангом (7-я армия) в Галиции и Буковине.

Посадка полка состоялась на ст. Будслав 14 ноября. Высадившись 21 ноября на ст. Жмеринка, пошли в Галицию походом через Проскуров - Ярмолинцы - Гребовло. Переходы совершались при неприятных условиях, то невылазной грязи, то холода и гололедицы. Помню, вступили в Галицию в ужасную снежную пургу. Снег бил в лицо и резал. Прибыли под

ст. Волочиск около 30 ноября, где в окрестностях и стала по квартирам 1-я Гвардейская пехотная дивизия. Измайловцам было отведено большое село Остапье. Штаб полка расположился в покинутом замке графа Шептицкого (?), австрийского политического деятеля и министра.

2 декабря выяснилось, что наступление 7-й армии не удалось и что поддерживать его Гвардией не будут. Командующий армией, генерал Щербачев, просил дать ему Гвардейский корпус, но штаб Юго-Западного фронта обещал это лишь в случае удачи. Действия 7-й армии были изолированы, погода и местность — отчаянные.

Здесь уместно сказать несколько слов о чинах полкового штаба. Вплоть до начала декабря 1915 г. должность полкового адъютанта нес штабс-капитан Николай Николаевич Порохов. Это был большой, плотный человек с не менее плотными убеждениями и адъютантским опытом, вынесенным еще из практики мирного времени. Он пользовался влиянием, а командиру полка умел быть надежным помощником. У меня с ним установились отношения взаимного доверия и уважения, а несомненное добродушие Порохова делали эти служебные отношения и приятными. Мне остается жалеть теперь, что Н. Н. Порохова нет с нами в эмиграции, т. к. он наверное помог бы мне вспомнить многое. В описываемое время обострилась его хроническая болезнь уха. Он стал заметно глохнуть и страдать головными болями. Это привело к его командированию в запасный батальон.

Преемником Порохова был Александр Николаевич Из Лубны Герцик, или Герцик, как его называли короче. Его дядя командовал л.-гв. Павловским полком и перед самой войной был командиром 2-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии. В 1913 г. летом я командовал батальоном л.-гв. в Егерском полку а во время последнего "решительного" момента "отличился" вместе с генералом Александром Александровичем Герциком, под самый отбой, на глазах Главнокомандующего Вел. Кн. Николая Николаевича. Оба мы попали потом в приказ по округу. Маневренное отличие это сблизило нас, и генерал Герцик выбрал меня в начальники штаба пулеметного сбора Гвардии, имевшего место осенью. Интересная и живая работа эта в Авангардном лагере и на Военном поле сблизила нас еще больше. Мне было приятно встретить молодого Герцика — Измайловца, племянника бригадира. Однако в адъютанты выбрал его не я, а Порохов и, утверждая предложение его, я руководствовался благоприятным первым впечатлением, произведенным на меня "отчетливым" молодым офицером. Герцик был прикомандирован к штабу полка для тренировки, помнится, в Остапье, а фактически сменил Порохова весной 1916 года, когда мы стояли под Режицей.

Службой связи заведывал поручик Иван Владимирович Белозеров, прямой, умный разбиравшийся в обстановке офицер; хороший работник; был отличный помощник, хотя горячий, даже вспыльчивый в личных отношениях.

Разведчиками полка заведывали: пешими поручик Владимир Борисович Душкин I и конными — штабс-капитан Георгий Григорьевич Языков. Первый — небольшого роста, подвижной умственно и физически, болезненно самолюбивый и властный, с быстрой схваткой, был незаменимым для меня "передовыми тактическими глазами". Когда нельзя было самому быть на боевом участке, а положение там требовало тонкого понимания, я посылал туда с словесным наставлением Душкина. Я был уверен, что он не только донесет спокойно и толково, но и поможет на месте. Боевые качества Душкина I были отмечены ранним георгиевским крестом, полученным им за первые бои в самом начале войны.

Языков, вернувшийся из запаса, начинающий седеть и своим возрастом переросший свой обер-офицерский чин, представлял собою элемент уравновешенности и мудрого мужества. Солидные военные качества эти соединялись с житейскими, облекавшими общую работу естественным барством и добродушием. Вспоминаю его хладнокровную распорядительность под Конопстовым, когда наши обозники, было, дрогнули от неожиданно посыпавшихся снарядов. Во мгновение ока он был верхом, с нагайкой, и в гуще начинавшейся паники. И еще через несколько минут ее как ни бывало. За отличие при поддержании связи с частями 2-й Гвардейской пехотной дивизии, правее нас, во время боев под Евнюхами, Языков получил георгиевское оружие.

Когда Языков уезжал, его обыкновенно замещал поручик Карл Альфонсович фон Руммель, наездник, художник и шустрый офицер — ныне (1932 г.), как известно, большой кавалерийский начальник в Польше.

Чтобы закончить эту краткую характеристику чинов штаба, должен упомянуть еще подпоручика Алексея Алексеевича Ковалько. Очень близорукий и некрепкий здоровьем, но с литературными наклонностями, он был прикомандирован к штабу специально для ведения полкового дневника и составления реляций, однако, всегда под рукой для выполнения задач по связи — нередко ответственных. Умница, воспитанный, начитанный и милый, Ковалько был приятным членом дружной, в общем, семьи полкового штаба. Как мелкую бытовую черту помню его длинноносое лицо в очках у телефона и подчас разговор с "позицией— по-английски для практики и чтоб телефонисты не понимали. Но для этого нужно было, чтобы на другом конце линии сидел Гамбс или один из братьев Брофельд.

Когда в работе сталкиваются разные характеры, проявляются ошибки и настойчивость подчиненных и начальника — естественны стычки. Я их и имел, и даже серьезные, с каждым из чинов штаба, кроме Ковалько.

*

15 декабря, к западу от Волочиска, состоялся давно ожидавшийся Высочайший смотр Гвардии. Мы

простояли на отведенном для объезда поле, размякшем и черном, несколько часов. Объезд начался поздно, когда уже зимний короткий день стал превращаться в ночь. К Измайловскому полку Государь подъехал кончая объезд, уже в полной темноте. Когда я рапортовал Государю (верхом), он наклонился вперед, всматриваясь в мое лицо и сказал: "Итак, вы вернулись в свою бригаду. Я вас хорошо помню Егерем".

Вызвали вперед чинов, предназначенных к награждению. Государь подъехал к выстроенной шеренге и поздравил людей с теми наградами, к которым они были представлены.

Начальники частей, присутствовавших на смотру, были приглашены на Высочайший обед в 9 часов вечера. Обед состоялся в вагоне-столовой поезда Государя. В одной его половине были предложены водка и закуски, в другой — самый обед. Государь обходил приглашенных и лично угощал за закусочным столом. Во время обеда мне пришлось сидеть наискосок от Государя, почти против, и я мог хорошо его видеть и наблюдать. Он, видимо, утомился: был бледен и глаза смотрели грустно, хотя он и старался быть веселым и занимать своих соседей.

После обеда перешли снова в первую половину вагона. Здесь Государь милостиво простился со своими гостями.

Полк, переночевав под Волочиском, на другое утро вернулся на свои квартиры. Смотр этот, который прозвали "ночным", оставил на всех какое-то тяжелое впечатление. Темнота; черное грязное поле, в которое уходила нога; длительное ожидание; а главное — Государя люди не видели. Впоследствии, припоминая этот последний смотр, начало казаться, что он был точно предзнаменованием заката Империи. Но тогда и в голову не приходило то ужасное, что подстерегало Государя и Россию.

**

В числе полковых дел, решенных на стоянке в Сергеевичах, было два, которые необходимо отметить. Было положено основание особому фонду на устройство и поддержание склепа в полковом Троицком соборе, где уже покоились многие офицеры, погибшие в боях этой войны. И второе, было постановлено заказать портрет Государя — во весь рост, верхом, на фоне боевой обстановки. Заказ, через профессора Академии Художеств Н. С. Самокиша, был дан его ученику, Котову, кончавшему с отличием Академию. Я видел впоследствии этот портрет в мастерской Котова в Академии в законченном виде. Ему удалось схватить сходство очень хорошо, а фигура, в защитном измайловском кителе, на гнедом коне, прекрасно вырисовывалась на фоне вечереющего неба. За фигурой Государя виднелась группа верховых, только оттененная синим пятном трубача Конвоя Его Величества. Картина была на Академической выставке 1917 года, но, по требованию деятелей наступившей революции, снята с нее. Было известно — после появления большевиков, — что портрет снятый с подрамника и свернутый в трубку, был спрятан где-то в здании Академии. Кто знает, может быть, он и сейчас еще цел. Это было несомненно последний портрет покойного Шефа полка и трактованный не по шаблону.

**

Под самое Рождество квартирный район 1-й Гвардейской пехотной дивизии был отодвинут больше к югу и Измайловцам было отведено разбросанное широкое село Мислово. Это было на самой австрийской границе, и было два селения Мислова — Русское и Астрийское. Мы расположились в Русском. Здесь продолжали вести занятия и крепнуть. Разрослась пулеметная команда: удалось иметь, кажется, двадцать пулеметов вместо восьми по штатам мирного времени. Здесь же полк принимал вернувшегося в строй, в должности командира 2-й бригады, генерал-майора Василия Александровича Круглевского — своего бывшего командира. Принимали парадом на площадке у пограничной реки Збруча и затем веселым и шумным обедом с музыкой в помещении штаба полка.

6 января 1916 г. устроили Крещенский парад с водосвятием на берегу Збруча. Была выстроена крытая "Иордань". Погода была мягкая, солнечная, бесснежная, ничем не напоминавшая нашу русскую зиму и петербургские крещенские парады.

Во время стоянок в Галиции пришлось вынести борьбу с любопытным явлением, которое можно назвать — "орденомания". Официально и неофициально мне стало известно, что офицеры, получив относительный досуг, углубились в сравнение наград и в область нездоровой ревности на этой почве. В батальонных офицерских собраниях стало доходить до буквальных схваток между "господами". Чтобы прекратить это я должен был предложить батальонным командирам запретить раз навсегда разговоры об орденах в собраниях офицеров. Был даже установлен в одном из батальонов, насколько помню, штраф за нарушение правила.

Заговоря о наградах, хочу остановиться немного на этом вопросе. Непредвиденная продолжительность войны привела, в конце концов, к исчерпанию даже той, отнюдь не короткой, нити наград, которая была в распоряжении командного состава. Тем, кто имел так называемую, "полную карточку", т. е. комплект орденов от "клюквы" до Владимира, награждать было нечем. Остальные же быстро приближались к этому идеалу. В общем, смысл награды обесценивался и в порядке награждений, естественно, начала чувствоваться обыкновенная, мирная очередь. В самом деле при оборонительно-наступательных операциях отличиться в прямом значении этого слова было трудно. Жертвенность и тяготы распределялись на участников в более или менее равной степени. Условия эти и породили те ненормальные споры, о которых упомянуто выше. Приходило в голову, что лучше было бы иметь один-два креста, как в других больших европейских армиях.

(Продолжение следует)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

N° 25

МАЙ 1965 года

СОДЕРЖАНИЕ

●

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию И. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию А. А. Ракович — 10, Seebachergasse, Graz.

АНГЛИЯ. — Е. А. Барачевская — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

— Член Об-ва и его представитель на Нью-Йорк — Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57, (N.Y.).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, «Le Jardin», Landevènnec par Argol (Sud-Finistère).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеются еще нижеследующие издания Об-ва:

1. — **"Записка о службе А. В. Суворова"** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.

2. — Номера **"В. И. Вестника",** начиная с № 8. Цена — 3,00 фр. или 0,80 дол. или 3,00 франка.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

В настоящее время бронзовые медали: 1. Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2. С. Петербурга (1703-1953), 3. Обороны Севастополя (1855-1955), 4. Полтавской победы (1709-1959) и 5. Отечественной войны (1812-1962) высылаются немедленно по получению заказа с обязательным приложением соответствующей суммы. Прием заказов на эти медали в серебре — прекращен.

Цена Полтавской медали 9.00 фр. или 2,50 доллара или 10.00 фр.; цена Севастопольской — 10.00 фр., 2,50 долл. и 11.00 фр.; цена медали Гвардии или Петербурга или 1812 года 14.00 фр., 3,5 долл. и 15.00 фр.

МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Прием заказов на эту медаль продолжается.

Они выполняются в зависимости от имеющегося запаса — между получением заказа и отсправкой заказанного может пройти от нескольких дней до, в худшем случае, трех месяцев.

Цена бронзовой медали — 16 фр. или 4 америк. доллара или 17 фр., а серебряной — 50 фр. или 12,50 долл. или 51 франк.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

2-я Забайкальская конная батарея

С. БУЛАЦЕЛЬ

В своем очерке "Санвайза", напечатанном в № 17 "В.-И. Вестника" (май, 1961 г.) я упомянул, что 2-я Отдельная кавалерийская бригада и 2-я Забайкальская конная батарея были посланы на соединение с конным отрядом генерал-адъютанта Мищенко. Хочу сделать к этому следующее дополнение.

При нашей 2-й Отдельной бригаде была 11-я конная батарея и вдруг в мае (1905 г.) наша 11-я конная была заменена 2-й Забайкальской, и как говорили, что замена эта произошла потому, что Забайкальская "лучше тянет".

Жаль было нашей красавицы 11-й конной, которой я всегда любовался. Рослые лошади, как одна, караковой масти. Орудия, зарядные ящики, упряжь, седловка — все красота.

2-я Забайкальская далеко не имела такой блестящей представительности. Низкорослые лошади всех мастей и оттенков с косматыми гривами и длинными хвостами. На зарядных ящиках были нагружены фашины и маты из прутьев, что скорее придавало батарее грязноватый вид, но к походам по китайским дорогам, в особенности после дождей, 2-я Забайкальская была замечательно приспособлена. Удивительно сноровито и быстро казаки канониры подкидывали под колеса орудий и зарядных ящиков фашины и маты, а крепкие сибирские кони вмиг их перевозили. Вот тут-то я и понял, что 2-я Забайкальская конная батарея "лучше тянет".

Командовал ею есаул Иванов, кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени, но меня очень заинтересовал батарейный врач, молодой доктор Глинка. На груди у него был орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а шашка его была украшена орденом Св. Анны 4-й степени, с надписью "за храбрость".

Офицеры батареи говорили, что их большой друг, доктор Глинка, изучил артиллерийское дело и, где только может, всегда принимает непосредственное участие в боях. Когда в бою под Санвайзой 2-й эскадрон Черниговцев был подтянут в ближний резерв, то впереди сопки, где находился генерал Мищенко со штабом, была на позиции наша 2-я Забайкальская конная батарея, которая палила во всю и которой командовал доктор Глинка. Командир батареи и офицер находились в стрелковых цепях, корректируя стрельбу своей батареи.

ПЕРЕЖИТОЕ (1910 - 1914) г.г

ШТАБ 12-ГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА *Ген.-лейт. К. И. Адариди*

Переселившись в начале 1910 года из Петербурга в Винницу, я принял расположенный в этом городке штаб 12-го армейского корпуса, начальником которого был назначен после окончания работ исторической комиссии по составлению описания русско-японской войны.

Винница оказалась городком живописно расположенным на холмистом берегу Южного Буга. В этом городке были удивительные контрасты, в нем сочетались старина и новизна, захолустье провинции и признаки культурных запросов его жителей. На одной и той же улице, в близком соседстве, находилось средневековое здание бывшего католического монастыря и громадный шестиэтажный дом, в котором помещалась комфортабельная гостиница с ванными и телефонами во всех номерах. Некоторые кварталы города напоминали деревню, другие же могли поспорить своим благоустройством с Киевом или Москвою. Освещение было электрическое, имелись водопровод, трамвай, прекрасный театр. Некоторые улицы были хорошо вымощены и тротуары их были асфальтовые, другие же становились непроезжими после дождей. На этих улицах каменные дома в несколько этажей встречались в непосредственном соседстве с деревянными домиками под соломенною крышею, расположенными среди обширных фруктовых садов.

В Виннице штаб сперва помещался в частном доме отдельно от других корпусных управлений (интенданта, инспектора артиллерии, корпусного врача и ветеринара), что представляло большие неудобства. Поэтому я усиленно стал хлопотать, чтобы город построил отдельный дом для всех управлений корпуса. Хлопоты эти увенчались успехом, дом был построен и в нем прекрасно разместились все управления.

Летом, на время общих сборов, штаб переезжал в лагерь близь Межибужья, где собирались все части корпуса. Там имелся, так называемый, корпусной городок, состоявший из целого ряда домиков для командира корпуса, начальника штаба, начальников других управлений и всех чинов их. Домики эти были поместительны, удобны, расположены на высоком берегу реки и окружены садиками. Поэтому в лагерь переезжали с семействами и там образовывалось нечто вроде дачного поселка. Обитатели этого поселка столовались вместе, так как кухня была одна, общая для всех. В общем о пребывании в лагере у всех оставалось приятное впечатление.

Работы в штабе было очень много, так как 12-й корпус был одним из самых больших в России. В него входили две пехотные, две кавалерийские дивизии, стрелковая бригада, саперный батальон, мортирный дивизион, два обозных батальона и воздухоплавательная рота, причем последние пять частей были подчинены мне на правах начальника дивизии. Несмотря на это штат штаба был такой же, как и корпусов нормального состава. Кроме того почти никогда не было налицо всех положенных чинов штаба; чаще всего отсутствовал штаб-офицер генерального штаба, являвшийся моим помощником. На этой должности я застал полковника Хорошхина, вскоре получившего штаб 6-й кавалерийской дивизии и уехавшего в варшавский округ.

После этого должность штаб-офицера — или оставалась не замещенною, или назначенные на нее находились в разных командировках, так что работу его приходилось исполнять старшему адъютанту по строевой части, каковым был генерального штаба капитан Ковалевский, офицер знающий, серьезный и очень работящий. Когда он оказывался настолько перегруженным работою, что ему было невозможно с нею справиться, в помощь ему прикомандировывались кто-либо из офицеров причисленных к генеральному штабу или из строевых адъютантов одного из дивизионных штабов.

Отсутствие штаб-офицера генерального штаба особенно сказывалось на больших маневрах, когда штаб корпуса становился штабом одной из сторон и на долю штаб-офицера выпадала роль генерал-квартирмейстера. В этих случаях на помощь приходили штаб округа, командируя в мое распоряжение одного из своих офицеров генерального штаба. Благодаря этому мне снова пришлось встретиться с полковником Дитерихсом, бывшим тогда старшим адъютантом мобилизационного отделения. Иметь этого выдающегося во всех отношениях офицера генерального штаба своим помощником было поистине удовольствием. Он исправлял должность генерал-квартирмейстера на маневрах в Высочайшем присутствии в 1912 году, на которых я был начальником штаба Западной армии. К этим маневрам усиленно готовились заранее, возни с ними было много, а начальство, в частности командир корпуса, первничало и было в великом восторге, когда они прошли совершенно гладко и оно получило за них благодарность.

Кроме капитана Ковалевского старшими адъютантами штаба корпуса были штабс-капитаны Байдак и Янушевский, первый хозяйственной части, а второй артиллерийской. Оба отлично знали свое дело, были исполнительны, аккуратны и очень добросовестно относились к своим обязанностям. Вообще на них можно было вполне положиться.

**
*

Командиром корпуса я застал генерал-лейтенанта Карганова, человека порядочного, корректного, тактичного, прямого, с большим служебным и жизненным опытом, но, к сожалению, с весьма посредственною военно-научною подготовкою. Последняя исчерпывала ь полученною им в свое время в военном училище и в учебном эскадроне. С военною литературою он знаком не был, так как вообще заниматься чтением не любил, считая, что кроме основательного знания уставов и наставлений больше ничего не нужно. Физически он был очень бодр, хотя и дослуживал последние годы перед предельным возрастом. Начав службу в Северском драгунском полку на Кавказе, он прошел все ее ступени исключительно в строю и был назначен начальником 9-й кавалерийской дивизии в Киеве. Затем, когда брат военного министра, Сухомлинов, облюбовал эту дивизию, Карганов получил 12-й корпус. Таким образом назначение его на пост командира корпуса должно быть приписано стечению случайных счастливых для него обстоятельств. Продолжительная служба в кавалерии наложила на него свою печать в том отношении, что наибольшее значение он придавал состоянию конского состава и верховой езды, даже в пехоте и артиллерии. В первой он — во время своих приездов в полки — обязательно смотрел выводку лошадей конных ординарцев, манежную езду и рубку последних, а во второй — выводку всего конского состава, езду и рубку орудийных фейерверкеров. Присутствовать на тактических занятиях и стрельбах этих родов оружия он избегал. Полевые поездки и военные игры, руководителем которых ему приходилось быть и которые он должен был затем разбирать, его как будто тяготили, может быть потому, что при этом ему приходилось разбирать действия начальников дивизий, громадное большинство которых было с высшим военным образованием. В сущности, он руководство предоставлял начальнику штаба, а разборы его сводились к общим ничего не значущим фразам. То же самое происходило и на маневрах в его присутствии. В общем, Карганов мало соответствовал занимаемой им ответственной должности; по той подготовке, которую он имел, его карьера должна была бы закончиться на кавалерийской бригаде или, максимум, дивизии.

Личные мои отношения с Каргановым сразу установились хорошие. Он мне всецело доверял и мало вмешивался в штабную деятельность, о которой, кстати сказать, имел довольно смутное представление, особенно в вопросах мобилизационного и оперативного характера. Он вообще почти никогда не давал каких-либо указаний и лишь в крайне редких случаях изменял редакцию тех распоряжений, проекты которых ему представлялись. Доклады он принимал только в штабе, куда приходил ежедневно часов около 11 утра после прогулки верхом, которую никогда не пропускал. В штабе он оставался часов до 12, когда считал трудовой день оконченным. Если к нему обращались по делам службы после этого часа, то он был недоволен.

Пользы ежедневные посещения Карганова не приносили: во время них он больше беседовал о всяких посторонних вопросах, чем занимался служебными делами. Правильному ходу работы в штабе они, однако, мешали, так как он имел обыкновение требовать к себе адъютантов штаба, которым давал всякие поручения, не имевшие, обыкновенно, ничего общего со службою. Вследствие всего этого ежедневными посещениями его все в штабе тяготились.

Осенью 1913 года Карганову наступал предельный возраст, а потому лагерный сбор этого года должен был быть для него последним. Перспектива покинуть службу сильно его удручала и он постоянно говорил о ней с горечью. Не суждено ему было, однако, оставаться во главе корпуса до достижения полных 67 лет. Чуть ли не накануне выезда из Винницы в лагерь его разбил паралич и таким образом конец его службы наступил раньше чем предполагалось.

Заместителем Карганова был назначен генерал от кавалерии Брусилов, заслуживший впоследствии, во время Мировой войны, известность в качестве командующего армией и главнокомандующего фронтом, награжденный Государем званием генерал-адъютанта, а затем, под конец жизни, поступивший на службу к большевикам.

Вскоре после назначения мною было получено от нового корпусного командира очень любезное письмо, в котором он просил ориентировать его об условиях жизни в Виннице, а затем через небольшой промежуток времени он совершенно неожиданно приехал.

Первое впечатление, произведенное на меня Брусиловым, было хорошее и разочароваться в нем мне не пришлось. Очень недюжинного ума, всесторонне образованный, начитанный, прекрасно знакомый с военным делом он не увлекался какими-либо отдельными отраслями последнего или предвзятым взглядом. Очень большое значение он придавал подготовке старшего командного состава и офицеров вообще, а потому налегал на военные игры и полевые поездки. За время моей с ним службы он руководил корпусною поездкою и, надо отдать справедливость, очень толково, умело и интересно. Будучи всегда корректен с подчиненными, никогда не возвышая голоса, он производил впечатление некоторой сухости, но впечатление это не было вполне правильно. Резче всего сухость его характера могла бы проявляться при аттестациях, но именно при них он во многих случаях выявил, быть может, даже излишнюю мягкость. С офицерами в младших чинах он держал себя строго официально, за что у них особыми симпатиями не пользовался и они считали его высокомерным. Объясняется это, может быть, тем, что манера Брусилова держать себя с офицерами представляла резкий контраст с манерою его предшественника, Карганова, у которого простота обращения и доступность иногда заходили даже слишком далеко.

По своим политическим взглядам Брусилов производил впечатление монархиста. У него в кабинете

стена против письменного стола была сплошь увешана портретами Государя и особ Царской Семьи, большинство с собственноручными подписями лиц на них изображенных, и мне неоднократно приходилось от него слышать, что эту стену он считает наиболее драгоценным из всего, что имеет. Вспоминая это, не хочется верить, чтобы он мог сразу же примириться с революцией, нацепить красный бант, сорвать с себя аксельбанты и царские вензеля и жать руку нижним чинам почетного караула. Все это как-то не вяжется со всем обликом того Брусилова, которого я знал. Мечтать сыграть в России роль Бонапарта он, конечно, не мог уже потому, что ему к началя революции было 56 лет. Жаловаться на то, что ему не давали хода, он также не имел оснований, так как сделанная им карьера может считаться блестящею, особенно если принять во внимание, что начал он службу в армии, а не в одном из блестящих гвардейских полков. Словом, его поведение в начале революции является для меня необъяснимым. Что же касается его последующего поступления на службу к большевикам то, может быть, оно являлось результатом принятого им решения не покидать Россию, где ему пришлось перенести "много горя и невзгод", как он говорит в своих воспоминаниях. Во всяком случае пореволюционный Брусилов затмил у меня представление о том, под начальством которого я служил в качестве начальнича штаба и воспоминания о котором у меня остались только хорошие.

***

По должности начальника штаба мне неоднократно приходилось входить в более или менее близкие сношения с бывшим тогда командующим войсками Киевского военного округа, генерал-адъютантом Николаем Юдовичем Ивановым, его помощником, генерал-лейтенантом Николаем Владимировичем Рузским, начальником штаба округа, генерал-лейтенантом Михаилом Васильевичем Алексеевым, генерал-квартирмейстером, а затем начальником штаба, Свиты Е. В., генерал-майором Владимиром Михайловичем Драгомировым, некоторыми чинами штаба, имена которых стали впоследствии известными и, само собою разумеется, с целым рядом лиц, занимавших высшие командные должности в корпусе. Из этих лиц я М. В. Алексеева и В. М. Драгомирова знал раньше по Петербургу, первого, когда он был обер-квартирмейстером Главного управления генерального штаба, а второго, моего однополчанина по л.-гв. Семеновскому полку, когда он только что был выпущен из Пажеского корпуса. Встречался я с ними мельком также в Манджурии.

Н. Ю. Иванов был сыном фельдфебеля л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, трагически погибшего во время парада на Царицыном лугу в С.-Петербурге. но успевшего перед смертью просить Вел. Кн. Михаила Николаевича не оставлять его сына. Великий Князь принял участие в судьбе мальчика и благодаря этому последний получил возможность достичь офицерского звания в артиллерии.

Дальнейшею карьерою он был обязан исключительно себе самому, своим знанием и своему отношению к службе. Николай Юдович не только никогда не скрывал своего происхождения, но до известной степени даже его подчеркивал, часто повторяя, что он "из мужиков". Это происхождение наложило свою печать на его манеру держать себя с подчиненными. С ними он всегда был прост, доступен и не считал свои мнения безошибочными и безапелляционными. Возражения даже младших чинов он всегда выслушивал и, найдя их основательными, соглашался с ними. Присутствуя на занятиях войск, он разбирал их детально, может быть даже с излишнею подробностью, но замечаний в резкой форме не делал, а скорее в виде отеческих внушений. Все это взятое вместе вело к тому, что в войсках он пользовался уважением и любовью, страха же перед ним не чувствовали.

Условия прохождениз им службы (в артиллерии, главным образом, крепостной) не дали ему возможности познакомиться с некоторыми отраслями военного дела, например, со службою генерального штаба. В этом он прямо сознавался и старался восполнить этот пробел. С этою целью он присутствовал на ежегодных полевых поездках офицеров генерального штаба, но, как он сам подчеркивал, не в качестве командующего войсками, а для того, чтобы учиться. У себя он был любезным, гостеприимным хозяином, у которого посетители как-то сразу чувствовали себя как дома. Будучи холостым, Николай Юдович жил чрезвычайно просто, так сказать, по-спартански, не курил и в карты не играл. После окончания служебных докладов он зачастую приглашал посетителей, особенно приезжих, зайти к нему вечером совершенно запросто "поболтать за чайком". Это "поболтать за чайком" было вполне непринужденным оживленным разговором на всевозможные темы, кроме служебного, затягивавшимся иногда до довольно позднего часа, причем кроме чая, который Иванов очень любил и пил всегда с сахаром "вприкуску", никаких других напитков не было.

В общем, с удовольствием вспоминаю свои встречи с Н. Ю. Ивановым. Несмотря на большую разность положения всегда выносил о них наилучшее впечатление, так как после них никогда не оставалось какого-либо неприятного чувства.

Совершенно другим типом был Н. В. Рузский. Своею карьерою он обязан Михаилу Ивановичу Драгомирову, в бытность которого командующим войсками Киевского округа был генерал-квартирмейстером последнего. Трудно понять как такой знаток людей, каким был Драгомиров, мог его выдвинуть, так как ни особым талантом, ни большими знаниями он не обладал. Сухой, хитрый, себе на уме, мало доброжелательный, с очень большим самомнением, он возражений не терпел, хотя то, что он высказывал, часто ни-

как нельзя было считать непреложным. К младшим он относился довольно высокомерно и к ним проявлял большую требовательность, сам же уклонялся от исполнения поручений, почему-либо бывших ему не по душе. В этих случаях он всегда ссылался на состояние своего здоровья. По характеру той должности, помощника командующего войсками, которую он занимал, ему почти не приходилось иметь непосредственно дело с войсками, а потому они его не знали, у чинов же штаба округа он симпатиями не пользовался. Мне лично приходилось входить с ним в сношения только на маневрах, когда он бывал посредником, а затем встретиться во время войны, когда он возглавлял Северо-Западный фронт в качестве главнокомандующего; носил генерал-адъютантские вензеля и был совершенно незаслуженно увенчан лаврами за взятие Львова, в котором менее всего был повинен.

С М. В. Алексеевым у меня отношения были хорошие и иметь с ним дело было очень приятно. Ко всякого рода вопросам он относился всегда чрезвычайно вдумчиво, близко принимал к сердцу интересы других и всегда старался помочь. Сухого, узкого формализма у него не было, он очень широко смотрел на дело, и в тех случаях, когда это могло быть на пользу последнего, не стеснялся прибегать к средствам, идущим иногда вразрез с установившеюся рутиною. Эрудицией по всевозможным вопросам, в особенности военным, он обладал громадною, но подходил к ним, может быть, слишком теоретически. Объясняется это его предыдущею профессорскою деятельностью, а также тем, что он кроме роты никогда ничем не командовал, а следовательно и не имел случая проверить свои взгляды на практике. Нужно, однако, отдать ему справедливость, что к мнениям людей практики он очень охотоно прислушивался. У Н. Ю. Иванова Михаил Васильевич пользовался неограниченным доверием и громадным авторитетом, особенно в вопросах стратегического характера, но по свойственной ему скромности [illegible] этого не подчеркивал, а старался [illegible] бы в тени.

В обращении с подчиненными он был чрезвычайно прост, доступен и входил в их нужды и интересы, но требователен. Они его любили, но иногда жаловались, что он мало предоставляет им самостоятельности, так как входит во всевозможные мелочные детали. Вследствие этой последней привычки он перегружал себя работою, что очень вредно отзывалось на его здоровьи, которое вообще было не особенно крепкое.

В частной жизни М. В. Алексеев был очень прост и гостеприимен, часто приглашал к себе чинов своего штаба и обязательно офицеров генерального штаба, приезжавших в Киев из других городов округа. Благодаря этому он основательно с ними знакомился. В то время у него жил его однополчанин, по 64-му пехотному Казанскому полку, генерал-майор Борисов (начальник штаба 25-й пех. дивизии, когда я командовал 98-м пех. Юрьевским полком), уволенный в отставку с должности ген.-квартирмейстера штаба Виленского округа. Какой-либо роли последний не играл и никак нельзя было предвидеть, что во время войны он станет каким-то негласным советчиком.

В. М. Драгомирова, моего однополчанина, я знал, как уже упоминал, со времени его производства в офицеры. Честный, прямой, хотя несколько грубоватый, он был любим товарищами, а затем и подчиненными. Способностями он обладал хорошими, но был с некоторою ленцою, а потому иногда не достаточно вникал в те вопросы, разрешать которые ему приходилось. Увлекался он некоторыми модными тогда теориями военного дела и это иногда клало печать известной односторонности на его работу. У Н. Ю. Иванова и М. В. Алексеева Драгомиров пользовался большим доверием. В частной жизни он, и в особенности его жена, были большими хлебосолами. Попадая к ним в дом к завтраку или обеду невольно приходилось забывать, что находишься в Киеве, а не в Конотопе у родителей Владимира Михайловича, мать которого составила известную поварскую книгу "В помощь хозяйкам". Стол был заставлен всевозможными домашними соленьями, маринадами, заедочками и разных сортов и видов наливками и настойками.

Владимир Михайлович чрезвычайно чтил память своего отца, этого выдающегося учителя армии, и тщательно собирал все, так или иначе относившееся к его жизни и деятельности. У него составилась весьма почтенная коллекция разного рода книг, статей и документов, которые он бережно хранил. Все это, вероятно, погибло в водовороте событий, разразившихся после войны во всей России.

Из чинов штаба округа мне чаще всего приходилось встречаться и иметь дело с полковниками генерального штаба М. К. Дитерихсом, Н. Н. Духониным и Бредовым.

Хотя о первом мне неоднократно приходилось упоминать, не могу не высказать, что на своем веку, мне много приходилось встречать офицеров генерального штаба, но, к сожалению, очень мало таких, как он[1]).

Н. Н. Духонин и Бредов были тогда старшими адъютантами окружного штаба — первый, кажется, отчетного отделения, а второй строевого. Как тот, так и другой были офицеры способные, работящие, всегда готовые идти навстречу тому, кто к ним обращался и иметь с ними дело было приятно. Н. Н. Духонин был зверски убит большевиками в Могилеве при явном попустительстве Крыленко, назначенного ими верховным главнокомандующим, а Бредов стоял

---

[1]). О полк. Дитерихсе автор упоминает в своих воспоминаниях о русско-японской войне. Рукопись эта будет в свое время опубликована в «В. Ист. Вестнике». **Ю. Т.**

одно время во главе гвардейских частей, входивших в состав Добровольческой армии Деникина.

Пользуюсь представившемуся случаю сказать несколько слов о последнем, с которым приходилось встречаться на полевых поездках и военных играх офицеров генерального штаба.

Антон Иванович Деникин командовал тогда 17-м пех. Архангелогородским полком, был всецело поглощен заботами о последнем, молчалив, серьезен и мало общителен, за что от М. В. Алексеева заслужил прозвище "мрачного". Какими-либо особыми талантами или качествами он не отличался или, может быть вернее, их тогда не проявлял.

Высшие командные должности в корпусе в то время занимали: ген.-лейтенанты Н. А. Орлов, командуя 12-ю пехотною дивизией, А. Ф. Рагоза — 19-ю пех. див., А. М. Каледин — 12-ю кавал. див., А. В. Родионов — Сводно-казачьею див., ген.-майор С. Ф. Добротин — 3-ю Стрелковою бригадою и инсперктор артиллерии генерал-лейтенант П. В. Сухинский.

Николай Александрович Орлов, бывший профессор академии Генерального штаба по кафедре военного искусства, приобревший мало завидную, но и мало заслуженную славу неудачею, находившейся под его начальством, дивизии под Ляояном, был в то время известен под прозвищем Орлов-Ляоянский, в отличие от другого генерала Орлова, усмирявшего в 1906 году Прибалтийский край очень крутыми мерами. Очень знающий, но с большою хитрецою, он подлаживался под требования начальства, хотя бы последние шли вразрез с его личными взглядами и убеждениями. Жил он в Проскурове на холостую ногу в одной комнате, так как жена его осталась в имении близь ст. Березайка (Ник. ж. д.), где имела крупное куроводство, дававшее весьма солидный доход. Ежегодно к Рождеству и к Пасхе командиру корпуса и мне присылались из этого куроводства великолепные пулярки. Отношения мои с Орловым были хорошие, но не особенно близкие.

Александр Францевич Рагоза был человек выдающегося ума, очень сердечный, не стеснявшийся прямо высказывать свой взгляд, иногда впрочем, оригинальный, пользовался всеобщим уважением. Боевую подготовку дивизии он вел весьма самостоятельно и целесообразно, обращая большое внимание на поддержание полками тех традиций, которые были ими усвоены во время их боевой деятельности на Кавказе, где они заработали целый ряд боевых отличий. Во время Мировой войны он получил сперва корпус, а затем был назначен командующим 4-ю армиею. В самостоятельной Украине гетмана Скоропадского Александр Францевич исправлял должность военного министра и, наконец, трагически погиб в Одессе, где был расстрелян большевиками.

В частной жизни это был весьма интересный, многосторонний собеседник, гостеприимный, хлебосольный хозяин. Во вглядах на многие вопросы мы с ним сходились и отношения между мною и им были довольно близкие. Женат он был, кажется, на вдове, старше его годами, особе властной, державшей себя с важностью и очень ревнивой, которая перепортила ему не мало крови. После ее смерти он женился во второй раз на молодой вдове капитана генерального штаба Мелихова, урожденной Певневой. Брат ее командовал 1-м Линейным полком Кубанского казачьего войска. Я его знал, когда он еще был молодым офицером генерального штаба. В Каменец-Подольске, где стоял Линейный полк, мне пришлось воспользоваться втечение нескольких дней его гостеприимством, когда во время джигитовки одна из казачьих лошадей мне поранила ногу. По дошедшим до меня слухам он после болшевистского переворота поступил на службу к большевикам.

Алексей Максимович Каледин принял 12-ю кавалерийскую дивизию от вышедшего в отставку милейшего генерал-лейтенанта Рутковского, которого я знал еще по службе своей в штабе Варшавского военного округа. Это был человек очень общительный, чрезвычайно добрый, мягкий и высокопорядочный, но тяготившийся строевою службою и несколько распустивший дивизию. В противоположность ему Каледин был молчалив, очень требователен, строг и всецело посвящал себя службе. Такое же отношение к ней он требовал от своих подчиненных и тех, которые его проявляли, всячески выдвигал, однако в том случае, если репутация их в отношении использования экономии от фуражного довольства была вполне безупречна. Ему дивизия во многом обязана тем блестящим видом и той боевою подготовкою, с которыми она выступила на войну. Кавалерийскому делу он был предан всею душою, но смотрел на него несколько односторонне, не дооценивая силу огня и считая, что сомкнутые атаки крупных конных частей против пехоты возможны всегда. К технике в военном деле он вообще относился с некоторым пренебрежением. Много мы с ним спорили на эти темы, но, как это обыкновенно бывает, друг друга убедить не могли. Несмотря на такую разницу во взглядах отношения наши были очень хорошие.

Донской казак по происхождению он был предан казачеству всею душою, считал его как бы забронированным против всякого рода противоправительственных течений и верным оплотом порядка. Этим объясняется его самоубийство, когда в бытность его Донским атаманом казаки стали явно проявлять свои симпатии к большевикам.

Женат Алексей Максимович был на француженке, весьма симпатичной, живой, общительной, доброй и тактичной. Она прекрасно умела сглаживать шероховатости характера своего мужа. Несмотря на большое несходство характеров жили они в полном согласии.

Алексей Викторович Родионов почти всю предшествующую свою службу провел в гвардии в Петербурге, а потому жизнь в Каменец-Подольске, где был

расположен штаб Свободной казачьей дивизии, не особенно ему улыбалась. Будучи до мозга костей гвардейским офицером его шокировала некоторая прямолинейность и своеобразность армейских казачьих офицеров, в особенности Кавказской бригады, так называемой "дикой", входившей в состав его дивизии. Службою он не особенно увлекался и решение большинства дел предоставлял начальнику штаба, полковнику Снесареву. Справляться с ними последнему было не легко, так как по своей предшествующей деятельности он был мало подходящим для должности начальника штаба дивизии. Ученый географ, член многих географических обществ, Снесарев прожил много лет на Памире, занимаясь исследованиями Афганистана и Северной Индии, сделавшими его известным в ученых кругах. Не подлежит сомнению, что на ученом поприще он мог бы принести гораздо большую пользу, чем на той должности, которую занимал, но тогда в генеральном штабе господствовало стремление стричь всех его офицеров под одну гребенку.

Сергей Федорович Добротин был в полном смысле слова самородком. Законченного среднего общего образования он не имел, а военное получил в юнкерском училище старого типа, но затем вдумчивым чтением и упорною работою над своим образованием, как общим, так и военным, не только заполнил пробелы, имевшиеся в последнем, но даже приобрел солидные знания. Прослужив все время в армии, исключительно в строю, он великолепно изучил быть офицеров и нижних чинов, к которым был требователен и строг, но как-то отечески. Среди своих подчиненных он пользовался любовью; начальство очень его ценило. Во время Японской войны он с отличием командовал Барнаульским полком, проявив большую храбрость, заработал себе орден св. Георгия 4 ст., был ранен и лишился одного глаза, так что постоянно носил черную повязку. Под конец Мировой войны, во время которой получил Георгия 3 ст. и георгиевское оружие, украшенное бриллиантами, он был назначен инструктором стрелковой части в войсках в Петрограде, где я снова с ним встречался. К большевикам он относился явно отрицательно, несмотря ни на какие посулы к ним на службу не пошел и очень бедствовал.

Простой в обращении, прямой, сердечный. Сергей Федорович пользовался симпатиями всех с ним так или иначе соприкасавшихся. Мои с ним отношения были приятельскими.

Домашняя жизнь его протекала в последнее время при очень тяжелых условиях, так как жена его лишилась способности передвигаться собственными силами и ее приходилось возить в кресле. Он ухаживал за нею с трогательною заботливостью, всячески стараясь предоставить ей возможно большие удобства. Особенно тяжело ему приходилось при большевиках, когда прислуги не было и все заботы по дому лежали на нем, страдавшем астмою, и бывшем уже в возрасте свыше 60 лет.

Инспектор артиллерии Петр Васильевич Сухинский был фанатиком своего дела. Он не мог примириться с упразднением должности начальника артиллерии, которую раньше занимал, с подчинением артиллерийских бригад начальникам дивизий, и с тем, что функции бывшего его управления перешли к штабу корпуса. Вследствие этого у него зачастую было поползновение вмешаться в деятельность штаба, что вызывало трения и недоразумения между мною и им, никогда, впрочем, не принимавшие крупных размеров. В остальном жили мы с ним мирно и согласно, так как он был в общем человек хороший, начитанный и интересный собеседник.

Кроме лиц, о которых сказано выше, не могу не упомянуть еще о командире бригады 12-й пехотной дивизии генерал-майоре А. Н. Розеншильд-Паулине и генерал-майоре Альфтане. Хотя иметь дело с ними мне приходилось реже чем с остальными, их облики врезались в мою память и они сверх того приобрели по разным причинам некоторую известность.

Анатолий Николаевич Розеншильд-Паулин казалось бы обладал всеми данными, чтобы сделать блестящую карьеру. Развитой, умный, интересующийся военным делом и отлично его знающий, сотрудник военных периодических изданий, воспитанный, отличившийся в Японскую войну, после которой был назначен сперва командиром л.-гв. 1-го Стрелкового батальона и зачислен в Свиту Государя, а затем начальником Офицерской стрелковой школы, он, вследствие некоторых промахов, попал командиром бригады в Каменец-Подольск. Впоследствии он получил 29-ю пехотную дивизию, во главе которой выступил на войну, где в 1915 году в Августовских лесах попал в плен вместе со всем 20-м корпусом.

Я знал Розеншильда, когда он еще служил в генеральном штабе, затем встречался с ним в Манджурии и после Японской войны в Петербурге, но отношения наши были всегда довольно холодные.

Владимир Алексеевич Альфтан был назначен на должность бригадного командира из отставки. Перед этим он служил в генеральном штабе, командовал полком и исправлял должность военного губернатора Дагестанской области. Из 12-й дивизии он был перемещен в 42-ю, расположенную в Киеве и при мобилизации принял второочередную, с которою и выступил на войну. За отбитие атак позиции, занятою дивизиею на Карпатах, он получил орден св. Георгия 3 степени. Лица, видавшие его деятельность во время войны сомневаются в том, чтобы в отбитии этих атак, если вообще они имели место, он был повинен.

В роли командира бригады он к службе относился более или менее формально и ни ею, ни военным делом вообще, не увлекался, но зато очень интересовался вопросами спиритизма и теософии. В лагере под Межибужем с ним произошел несчастный случай

во время одного из маневров, кажется Азовского полка. Среди холостых патронов оказался боевой, и Владимир Алексеевич был довольно тяжело ранен в руку с раздроблением кости. Это грустное происшествие было чуть ли не им самим истолковано, как покушение на его жизнь с политическою целью. Жандармскими чинами было произведено очень тщательное расследование, хотя и не давшее никаких результатов, но окружившее пострадавшего нимбом жертвы в глазах командующего войсками Иванова. После этого последний, по свойственной ему сердечности, стал относиться к Альфтану с особенным вниманием.

Женат В. А. Альфтан был на уроженке Кавказа, хорошей знакомой, а может быть даже родственнице корпусного командира Карганова, который обязательно его навещал, когда бывал в Проскурове. Жена его скончалась рано, оставив двух малолетних детей на его попечение.

Само собою разумеется, что перечисленными выше лицами далеко не ограничился круг тех, с которыми мне так или иначе приходилось встречаться и иметь дело. Кроме них был еще целый ряд других, преимущественно командиров частей и офицеров в старших чинах, с которыми сталкивала меня моя служебная деятельность. Среди них было много таких, иметь дело с которыми являлось удовольствием, с некоторыми из них у меня установились хорошие вне службы отношения, но мало кто из них оставил более или менее глубокий след в моей памяти. Даже многих фамилий не могу теперь припомнить.

Из войсковых частей, бывших мне непосредственно подведомственными, не могу не упомянуть 5-й Саперный батальон, услугами которого чаще всего приходилось пользоваться, как штабу корпуса, так и лично мне. Батальон этот был, незадолго до моего приезда в Винницу, переведен в этот город из Киева, где квартировал впродолжении многих лет. Стоянка в столице Украины естественно имела громадное влияние на подбор офицерского состава батальона, так как имевшиеся вакансии разбирались преимущественно старшими портупей-юнкерами Николаевского Инженерного училища, т. е. лучшими из оканчивающих. Быть назначенным командиром этого батальона тоже считалось завидною участью, которой всячески добивались кандидаты на получение отдельной части. С одной стороны прельщала стоянка, а с другой уверенность, что благодаря прекрасному офицерскому составу командовать батальоном будет сравнительно легко. Уверенность эта вполне оправдывалась, так как офицеры батальона делали все, что было в их силах, чтобы он находился на должной высоте во всех отношениях и благодаря их усилиям его в Киеве иначе не называли как "наша гвардия".

Само собою разумеется, что перевод из Киева в уездный город Винницу не мог вызвать восторгов его офицерского состава и, вероятно, отразился бы впоследствии на качествах последнего, но за то время, в течение которого я знал батальон, это была выдающаяся войсковая часть.

**
*

Оглядываясь на годы, проведенные в Виннице, заканчивая изложение того, что из пережитого за это время сохранилось в памяти и вспоминая тех лиц, под начальством которых пришлось там служить, с которыми сталкивала служба или которые работали под моим руководством, должен признать, что жилось там очень и очень хорошо. Служебная деятельность была разносторонняя, интересная и мне по душе, отношения с моими прямыми начальниками, корпусными командирами, Кargановым и Брусиловым, с окружным начальством в Киеве и с личным составом корпуса были хорошие, ближайшие мои сотрудники по работам в штабе отличались, как я уже упоминал, знанием дела, добросовестностью и работоспособностью, а частная жизнь протекала спокойно среди симпатичного кружка друзей и знакомых. Единственно, что временно омрачило эту жизнь была болезнь жены, вызвавшая необходимость очень серьезной операции Ее пришлось отвезти в Киев и поместить в университетской клинике, где профессор Брюно чрезвычайно удачно ее оперировал.

Говоря об условиях жизни в Виннице, не могу также не упомянуть, что там я имел возможность посвящать свободное время своему любимому спорту — охоте. Спортом этим я сильно увлекался всегда, он являлся для меня отдыхом после умственной работы и тем источником, из которого я черпал силы. Переехав в Винницу, я конечно постарался войти в контакт с местными охотниками, что очень скоро мне и удалось.

Охоты, в которых я принимал участие, живя в Виннице, были, так сказать, моею "лебединою песнью" на этом поприще, наступили времена, когда не только было не до охот, но когда в корне изменился весь уклад жизни. Этим объясняется, что об охотах я невольно говорю больше чем, может быть, следовало бы. Да послужат это мне извинением.

В последних числах апреля 1914 г. мне пришлось переехать в Вильну и там принять 27-ю пехотную дивизию. Во главе этой дивизии я выступил на войну, во время которой испытал, как радостные минуты, так и периоды величайшей горести. Затем пришлось быть свидетелем революции и пережить большевицкий переворот с последующим развалом России, служению которой я посвятил лучшие годы своей жизни, и с потерею всего, что имел. В конце концов удалось покинуть Россию с тем, чтобы в качестве беженца заново устроить свою жизнь. Выбирать род деятельности по душе, к которому подготовлен, стало невозможным и приходилось браться за какую угодно работу, чтобы только обеспечить возможность существования себе и семье. При этих условиях воспоминания о времени, прожитом в Виннице, представляются особенно светлыми.

Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 г. по июнь 1916 г.

(Окончание)

Генерал-майор Б. Н. ГЕРУА

Со статутными наградами тоже не все было благополучно — по другой причине. Сейчас же после Русско-Японской войны в Петербурге засела специальная комиссия по пересмотру Георгиевского статута. Заседала она долго и много было исписано бумаги, но, как разъяснил опыть применения нового статута во время Великой войны, он все же оказался далеким от совершенства. Внешне это несовершенство выразилось к 1917 году тем, что громадное большинство старших начальников, от командира полка и выше, были украшены георгиевским крестом; в среде же младшего состава он продолжал оставаться редкостью. Разница в пропорции была во всяком случае очевидная. Объяснялось это ложною мыслью, положенною в основание статута: требование не одной доблести, но и победного результата. В числе примеров такого результата были указаны, с одной стороны, приведение к молчанию неприятельской батареи (что очень условно и растяжимо), с другой — пленение неприятельского главнокомандующего (это в современной-то войне!). Вследствие необходимости доказать в представлении, что личная храбрость данного офицера "способствовала", как принято было говорить, "решительной победе", успех представления стал зависеть от качества его, как сочинения на заданную тему. Чем тщательнее были подобраны, а главное отредактированы, свидетельские показания, чем сильнее был описан самый подвиг, тем вероятнее становилось благоприятное решение Думы. Насколько это вело иногда к прямому искажению фактов показывает следующий случай.

В начале октября 1914 г. в четерехдневном упорном оборонительном бою под фортами Перемышля я командовал 123-м пехотным Козловским полком. К моему правому флангу примыкал, обеспечивая его удержанием важной высоты, некий полк другой дивизии. Однажды ночью я обнаружил, что полк этот куда-то исчез с позиции и одновременно я получил извещение по телефону о том же из штаба 31-й пехотной дивизии. Появилась тревога — моя и штаба дивизии — о заполнении образовавшейся опасный дыры. Штаб дивизии уведомил меня, что "начальник штаба Н-кой дивизии выехал сам на место, чтобы найти некий полк, но что пока туда выдвинут 124-й пехотный Воронежский полк" нашей дивизии. С боем последний восстановил к утру положение. Мне осталось неизвестным, как и где начальство Н-кой дивизии нашло командира некоего полка и самый полк. Каково было мое удивление, когда через несколько месяцев я прочел в "Русском Инвалиде" о награждении командира этого полка Георгием именно за пресловутую ночь с картинным описанием подвига и достигнутых результатов! Я даже вырезал это награждение и хранил, чтобы в мирное время добраться до подлинного представления и прочесть — как был состряпан на бумаге этот подвиг.

Другой пример, о том, как небрежность в литературной обработке представления могла лишить награды лицо действительно достойное. Приведу его из Измайловской практики. Весной 1916 г. было разрешено представить вторично отклоненные однажды представления (самое разрешение это характерно и показывает слабость установившегося метода). Ко мне явился полковник Вадим Петрович Разгильдеев с просьбой повторить его представление за бой под Крестовой горой 18 и 19 октября 1914 г. (у местечка Слупя Нова, Келецкой губернии). Когда я прочел копию описания этого действия и свидетельские показания, я не удивился, что представление не прошло. Не только самый бой и его результаты были изложены сумбурно, но, главное, о действиях 1-го баталиона, которым командовал Разгильдеев, говорилось почти что вскользь, и в основе лежали распоряжения командира полка, господствовавшие над остальным содержанием. Мне пришлось составить представление совершенно наново, чтобы установить надлежащую пропорцию, и самому отредактировать каждое свидетельское показание. Как известно, на этот раз Разгильдеев получил крест.

***

К новому 1916-му году Гвардия претерпела крупное преобразование. Вместо одного корпуса было образовано три — два нормальных и один кавалерийский. 1-я и 2-я Гвардейские дивизии составили 1-й Гвардейский корпус (ген. Олохов); 3-я Гвардейская и Гвардейская Стрелковая — 2-й Гвардейский корпус (ген. Раух); Гвардейский Кавалерийский объединен под начальством ген.-ад. Хана Нахичеванского. Весь отряд получил права частной армии и название Войск Гвардии. В командование ими вступил снова столь популярный в гвардейских частях генерал-адъютант Владимир Михайлович Безобразов. В начальники штаба себе он взял командира л.-гв. Преображенского полка Свиты Его Величества генерал-майора графа Николая Николаевича Игнатьева, в свое время кончившего военную академию.

Пробив в резерве Юго-Западного фронта два с половиной месяца, Гвардия в средине февраля была переброшена на противоположный фланг общего огромного фронта в район г. Режицы, в резерв Северного фронта. В командование последним перед этим вступил генерал-адъютант Куропаткин.

Полк погрузился на ст. Волочиск 16 февраля и следовал эшелонами через Житомир, Овруч, Мозырь,

Жлобин, Орша на Собеж-Люцын и Режицу. Здесь высадились 22-го и осели, после короткой остановки под Режицей, на широких квартирах по деревням далее к югу.

Во время переезда, к полку снова прибыл уезжавший в отпуск князь Константин Константинович. Когда в бытность мою в Петрограде я представлялся Вел. Княгине Елизавете Маврикиевне, она все извинялась, что сын Костя не все время в рядах полка. Я старался из всех сил убедить Великую Княгиню, что Князь сделал уже в боевом отношении достаточно и мы должны его поберечь. Кто знал какая страшная драма ожидала этого цветущего юношу в недалеком будущем (¹).

Вскоре после нашего прихода под Режицу уехал в запасный батальон Никол. Никол. Порохов и Александр Никол. Из Лубны Герцык вступил в должность полкового адъютанта.

В полку возобновились занятия уже в более крупном масштабе. Хотелось хорошенько подготовить теперь роты к тактическим действиям. Особенно важным вопросом представлялось мне заместительство офицера в бою унтер-офицером и даже ефрейтором. Частой причиной неудач была потеря твердости и осмысленности управления с потерей офицеров, особенно в трудных условиях ночи или лесного боя. Нужно было обратиться к знаменитой суворовской формуле, вошедшей в наш полевой устав — каждый солдат понимай свой маневр. Для этого я задался целью обучения рот с постоянной передачей управления в руки начальствующих нижних чинов всех степеней. Последние отучались быть вечно на помочах; приобретали опыт самостоятельного командования и вкус к тактическому творчеству. Не был заброшен и сомкнутый строй, столь необходимый для спайки, подтянутости и дисциплины.

Не знаю, прав ли я, но мне казалось, что эта система занятий их оживляла, внесла новый интерес. Что касается до результатов, то я наблюдал постепенное раскрепощение "затурканного" разума взводных и отделенных, пробуждение в них понимания обстановки и умения найтись в ней. Тому же испытанию подвергались и вновь прибывшие в полк, еще необстрелянные или мало обстрелянные, младшие офицеры.

Бор. Влад. Фомин напоминает мне следующий случай, характеризующий сказанное мною выше на тему о неподвижности мышления людей, которых сомкнутый строй сковал в одно тело, где чувство локтя мешает думать врозь. Я смотрел в одной из деревень под Режицей ученье роты. Перед началом, заметив при обходе строя некоторую деревянность в выражении солдатских лиц, я приказал: "Все кто носит имя Иван — три шага вперед". Ни один Иван не тронулся. Обращаюсь к командиру батальона Разгильдееву: "Неужели нет ни одного Ивана?" Разгильдеев. — "Это может быть потому, что вы сами отдали приказание. позвольте мне". Командует. Тот же результат. В виде последнего резерва пробуем в третий раз повелительный голос капитана Фомина. Строй стоит как вкопаный. Подхожу к правому флангу и начинаю спрашивать одного за другим по порядку: "Как имя?" В ответ Иваны так и посыпались...

Мне не приводилось видеть в боевом деле применения знаний, вынесенных младшим командным составом во время прикладных занятий в режицком районе и позже. Но впоследствии, после сентябрьских боев в составе Особой армии, мне говорили, что в лесном бою под Свинюхами, почти все офицеры выбыли из строя; тем не менее роты, под толковой командой унтер-офицеров, продолжали выполнение своих задач. Дело было доведено до конца, полк захватил назначенную ему опушку и на ней укрепился. Участники боя, с которыми мне довелось говорить, приписывали успех в значительной степени применению идеи заместительства, над чем мы так работали, пользуясь нахождением в резерве.

Чтобы достичь серьезных результатов, я учредил "полевую учебную команду", инструкторами в которой назначил офицеров специалистов по каждому отделу обучения. Тактические сведения я преподавал сам, и не запомню более благодарной аудитории. Что поражало — это присутствие у солдат здравого смысла, быстрая ими схватка основных положений боевого искусства и управления.

Одновременно было обращено внимание на внешний вид. Ранцы давно были утрачены и вообще снаряжение и его пригонка были, как Бог на душу положит. Пополнения приходили с мешочным снаряжением общеармейского типа. Капитану Фед. Никол. Уманцу — профессору ротного ученья в полевой учебной команде — было поручено выработать однообразный и практичный способ пригонки и носки снаряжения. В конце концев, остановились на "котомочном" типе, по виду очень приближавшемуся к потерянному гвардейскому ранцевому снаряжению. Была обдумана каждая мелочь, в результате чего получалась пригонка очень простая, удобная и при том нарядная. Известие об измайловском решении этого вопроса распространилось в дивизии и в полк были присланы из других полков "ходоки", чтобы посмотреть наши импровизированные ранцы и вообще пригонку снаряжения.

В этот же период времени полк купил на свои средства несколько мотоциклеток с прицепными боковыми каретками. Это новое средство связи разгрузило значительно службу конных и пеших вестовых, не говоря о выигрыше времени. На мотоциклетках — полковой аннинский вензель, как на значке командира полка и на санитарных двуколках.

Полковая канцелярия, замиравшая во время боев, была вызвана к жизни: вышел приказ об ускоренном производстве офицеров за определенные сроки пребывания на фронте. "Началась чертова работа с представлениями", как говорит, в своих записках

(¹) Князь Константин Константинович был убит большевиками в Алапаевске 19 июля 1918 г. **(Прим. Ред.)**.

А. Н. Из Лубны Герцык, тогда только что вступивший в должность полкового адъютанта.

Незадолго до Пасхи, которая приходилась в 1916 году 10 апреля, дивизия была передвинута в район к северу от Режицы. Полк расположился в деревнях вокруг местечка Прели, а штаб полка в барском доме имения, насколько помню, Унгерн-Штернбергов. Здесь, все вместе, встречали Пасху. В большой столовой дома вообще учредилось подобие полкового офицерского собрания. На обед собирались не одни чины полкового штаба, а и офицеры, приходившие из своих батальонных стоянок.

На пасхальное время из Петрограда приезжал поручик Мих. Влад. Нарбут со своим "румынским" оркестром. Нужно сказать, что при запасном батальоне Петр Васил. Данильченко развил настоящий музыкальный департамент, приютив многих первоклассных музыкантов, которым иначе пришлось бы отбывать воинскую повинность на фронте и, быть может, быть потерянными для искусства. Серьезнейшей частью этого музыкального убежища был созданный симфонический оркестр, в духе существовавшего еще в мирное время при Преображенском полку. Легкую же музыку, в дополнение к балалаечникам, представлял "румынский" оркестр Нарбута, который сам был превосходный пианист и недурной композитор, а по состоянию своего слабого здоровья не мог нести службу на фронте.

**
*

В начале мая — медленное движение Гвардии на юг, с длительной приостановкой за участком Западного фронта. Полк выступил из Прели 7-го мая. Шли все время походом, иногда по ночам. Погода все время была отличная. Если бы шли дожди, было бы трудно, т. к. дороги оставляли желать лучшего. В Креславке (под Двинском) устроили зарю с церемонией. Стоянка на дневке на берегу Западной Двины и вечер были живописны.

Тут же пришла весть о внезапной смерти генерала Соважа, молодого командира л.-гв. Семеновского полка. Ставя свой полк на квартиры, он шел галопом по улице деревни. Лошадь споткнулась, перевернулась через голову и убила на месте бедного Соважа. Он принял полк всего полгода назад, под Сморгонью, и я хорошо помню нашу с ним беседу, когда он приезжал ко мне в железно-дорожную будку — клоповник. Теперь я отправился на его отпевание. Офицеры Семеновцы рассказали о том, как кто-то нагадал Соважу по руке, что все желания его честолюбия будут удовлетворены, но что он погибнет преждевременно от несчастного случая. Действительно, Соваж достиг по службе всего, и рано, и затем его постигла смерть от глупейшей ошибки лошади.

Из Креславки, в пять переходов, спустились прямо на юг в район Глубокого; здесь, к северу от него простояли с 17 мая до 5 июня, т. е. без малого три недели. Здесь же удалось отпраздновать 29 мая Троицу — полковой праздник.

Было что-то напоминавшее мирное время в этом параде и последовавшем потом обеде. Тщательно разведав местность, выбрали гладкую лужайку, за несколько дней до праздника порученную заботам Бор. Владим. Душкина. Как нарочно, после долгой сухой погоды, накануне выпал дождь. Коварная лужайка в одно мгновение заболотилась. Откуда-то навезли горы песку — и лужайка была превращена в Красносельскую площадку. Утром в день парада все же было сыровато и не знали, что будет с коленями солдат. Ведь предстояло во время молебна трижды становиться на колени. Фельдфебели на генеральной репетиции применили елочный подстил. Но это изобретение выглядело очень неестественно и казалось "институтским". Я приказал в день парада "штанов не жалеть". Становиться храбро на колени хотя бы в лужи — всем, гг. офицерам и нижним чинам.

Решил я выполнить на параде номер, который не применялся и не мог применяться в мирное время: провести роты при первом прохождении развернутым фронтом — это роты, доведенные до ста рядов. Ротные командиры поморщились было, но на репетициях вошли во вкус. Результат получился выше отличного (по словам принимавшего парад начальства). Все вообще прошло гладко — коленопреклонение и оба прохождения. Второе — ротными колоннами — казалось пустяком после того как преодолели первое. Заходя в первый раз, я должен был растягивать свой шаг на полтора, чтобы успеть выйти из-под надвигавшейся на меня развернутой стены Государевой роты. Ведь надо было заходить 50 шагов, расстояние гораздо большее, чем уставная дистанция между командиром полка впереди фронта головной роты. Даже дождь догадался пойти опять ранее того, как все мы были под защитой обеденного правоверного шатра. Последний был разбит на соседней горке, живописно в леску.

Парад принимал старший из присутствовавших — генерал Раух. Когда офицеры двинулись в палатку, мне доложили, что прибыл Великий Князь Андрей Владимирович. Я встретил рапортом Августейшего Измайловца и Великий Князь принял солдатскую пробу и затем нашу трапезу. Присутствовали командиры полков 1-й Гвардейской пехотной дивизии и конечно все наше прямое начальство. Милостивая поздравительная телеграмма Государя была встречена громовым ура и троекратно повторенным гимном. Затем тосты и речи, марши — все, как полагается. Одновременно нижние чины угощались по своим деревням. Никто не мог предчувствовать, что подобное, по всем правилам искусства, празднование полкового праздника было последним.

Вскоре после этого торжества мы выступили снова в поход и в шесть-семь дней пришли через район Вилейки в окрестности Молодечно — около 15 июня. Здесь Гвардия оставалась на квартирах вплоть до 27 июня, когда она была двинута на Юго-Западный фронт по железной дороге.

Движение Войск Гвардии из-под Режицы на юг,

в тылу наших армий, можно уподобить движению стального тела, притягиваемого магнитом. В роли магнита была мысль верховного командования о месте нанесения главного удара при предстоящем весною переходе в наступление.

Сначала, в апреле, был намечен Западный фронт генерал-адъютанта Эверта; за центр этого участка и притянули Гвардию. После сложных переговоров с фронтами и торговли о времени атаки впереди Молодечно на виленском направлении, была назначена дата около 1-го июня. Подготовка удара теоретически была обдумана исчерпывающе и старшие штабы (фронта и ударной — 4-й армии) гордились разработкой этого плана. Тем не менее атаку сначала отложили, а потом и переместили на другое направление — Барановичи — гораздо более трудное по условиям местности. Состоялась она лишь в последних числа июня и потерпела полную неудачу. Между тем в это время Юго-Западный фронт генерал-адъютанта Брусилова, перешедший в наступление без ярлыка "главного удара", фактически нанес его; и тогда этот фронт стал магнитом, к которому потянулись резервы, особенно после неуспеха атаки Западным фронтом.

Между 1 и 15 июля две армии — 3-я и 8-я — были перегруппированы для продолжения и развития брусиловского победоносного движения. Армии эти были нацелены на Ковель и Владимир Волынский. "Именно в это время", пишет в своих воспоминаниях А. А. Брусилов, "войска гвардии... были включены в мой фронт. Я придал два других корпуса к этому ядру и выдвинул их между 3-й и 8-й армиями на ковельском направлении" (см. стр. 246 английского издания).

Но этот период участия Измайловского полка в боевых операциях, вошедших в историю под именем "стоходских боев", не входит в мою задачу. Мое описание приближается к концу.

Когда мы были переходах в четырех от Молодечно, куда, опередив войска, перешел штаб Войск Гвардии, я срочно был вызван туда, чтобы принять должность генерал-квартирмейстера этого штаба. Полк в это время переходил к Вилейке (числа 10-11 июня) и имел дневку. Я сделал с полком еще один переход и, сдав полк во временное командование полковнику Николаю Александровичу Елагину, простившись с офицерами, должен был отправиться к новому месту служения.

Трижды, однако, после этого, пока Гвардия стояла вокруг Молодечно, я имел честь представлять полк. В первый раз — при прохождении всей нашей дивизии, шедшей в свой район, мимо командовавшего Войсками Гвардии ген.-ад. Безобразова. Мне было приятно выслушать неподдельную его благодарность за бодрый и нарядный вид полка, а также восторженные отзывы лиц, видевших прохождение всех четырех полков дивизии. Говорили, что вся дивизия произвела отличное впечатление, но что Измайловцы "поразили". Действительно, придирчивый глаз, даже самый придирчивый — мой собственный, отдыхал на виде этих загорелых и запыленных молодцев, подтянутых, несмотря на сделанный в жару переход, однообразно и почти щегольски одетых, маршировавших как на параде. Один поворот головы чего стоил! Глаза смотрели на начальство вызывающе весело и как бы обещали — "не подведем". Пройдя мимо генералитета, роты запевали песни, которые, гремя в перебой и постепенно удаляясь, обозначали путь полка, скрываемого улицей и пылью.

Именно это последнее впечатление о полку я сохраню до конца дней моих. Измайловцы показали себя в этот раз не на параде, а в рабочем состоянии. От них веяло крепким здоровьем тела и духа. Общий дружный труд офицерского и унтер-офицерского состава во время нахождения в резерве не пропал даром. В этой массе рослых выправленных молодцов чувствовалось сознание не одних прав, но и ответственных обязанностей, то есть — настоящее Гвардейство.

Второй случай, когда я еще представлял полк, был при объезде частей нашей дивизии новым Августейшим командиром 1-го Гвардейского корпуса Великим Князем Павлом Александровичем.

Наконец — в третий раз — вечером 26 июня на торжественном обеде, данном офицерам полка Преображенцами. Чествование это объяснялось установившимся за время холмской и виленской операций тесным боевым товариществом двух полков. Почти неизменно, и изо дня в день, полки дрались рядом, привыкли к этому соседству и радовались ему взаимно. Острили, что следовало бы перестроить бригады, составив одну из полков нечетных, а другую из четных. Обед происходил на преображенской территории в огромном шатре. Прошел с большим подъемом и большой теплотой. Но засиживаться слишком далеко за полночь было нельзя — на другой день, 27 июня, должна была состояться погрузка полков в поезда на ст. Молодечно для переброски на Юго-Западный фронт, к Луцку.

Измайловцы лелеяли мысль ответить Преображенцам за их радушный прием. Но, к сожалению, осуществить это так и не пришлось: вплоть до печальной памяти лета 1917 года у Гвардии не было передышек.

**

Подводя статистическую мерку к описанному годичному периоду, подсчитаем, что — собственно и строго — на бой из него пришлось 18-20 дней, поровно разделенных между холмской и виленской операциями, и кроме того 14 дней на позиционное сидение под огнем у Сморгони, а всего — около месяца. Кажется как будто и не так много. Но если вспомнить пропорцию, бывшую в прежних войнах, соотношение боевых дней к мирным в последней войне окажется значительно больше в сторону боевого времяпрепровождения. Так в войну 1877 года полк из четырех месяцев деятельного пребывания на театре войны имел всего три боевых дня, а в сущности, даже один настоящий (Горный Дубняк). Если степень общего отношения числа дней к числу боевых дней

выразить коэфициентом, это даст грубо 1/40. В описанном же периоде последней войны этот коэфициент будет 1/12.

Измеряя, наконец, тяжесть самых боев потерями, увидим также, что она оказалась больше в последнюю войну. Во всю войну 1877 г. полк потерял всего 7 офицеров (1 убит и 6 ранено) и 308 нижних чинов (80 убито и 228 ранено). Между тем только за один выше описанный период полк потерял 2/3 своего состава (к Сморгони в рядах оставалось 800 человек из 2 1/2 тысяч, бывших под Красноставом). Одними офицерами убитыми и умершими от ран мы потеряли за это время 10 человек: прапорщики С. Я. фон Бретцель 2-й и Б. Б. Душкин 4-й (Красностав); подпоручик Г. А. Буцкой (Сенница Королевская); подпоручик Г. Ф. Рубец и прапорщик барон Г. Г. Кампенгаузен (Ольховец); прапорщик С. Е. Климович (Оссова); полковник С. П. Скобельцын, подпоручик Б. Н. Хомутов 2-й, прапорщики В. А. Тарачков и Н. Федотов (Явнюны).

Раненых могу установить 9 человек: Шт.-кап. В. В. Квитницкий, поручик Б. С. Гескет, прапорщики: Ф. В. Есимантовский 3-й, А. А. Дмитриев-Мамонов и С. Н. Машкин (Красностав); поручик Н. Я. Подладчиков (Ольховец); Шт.-кап. А. Я. фон Бретцель 1-й (Буссовна-Сычевка); В. Л. Волкобрун 2-й (Лендисмишки); поручик А. В. Есимантовский 2-й (Сморгонь).

Насколько помню, были еще ранены и контужены: шт.-кап. К. А. фон Руммель, подпоручики Г. Н. Галатов 2-й и В. К. фон Кун, прапорщики А. А. Александров, А. Н. Гамалея, М. М. Бубнов, Э. Р. Зельтман, В. С. Белявский, М. В. Воскресенский, но за неимением в распоряжении Союза Измайловцев списка раненых офицеров установить это в данное время нельзя. (Эта статья написана в 1932 году. Прим. Редакции).

Несмотря на отступательный характер операций полк не оставил ни разу противнику ни вещественных трофеев, ни пленных. Несмотря также на трудность личного отличия в боях этого рода, за описываемый мною период четыре офицера сумели заслужить статутные награды, а именно: Борис Сергеевич Гескет — Св. Георгия 4 степени (Красностав), Николай Яковлевич Подладчиков (Ольховец), Георгий Григорьевич Языков (Коныстово) и Андрей Васильевич Есимантовский 2-й (Лендисмишки) — все трое Георгиевское оружие.

На этом я заканчиваю свои воспоминания, дающие лишь прерывчатый и бледный оттенок жизни полка за один год войны. Дописывая последние слова, благоговейно обращаю благодарную мысль к моему Государю, вверившему мне Свой славный лейб-гвардии Измайловский полк в такое ответственное время и связавшему меня с ним в 1916 году навсегда милостивым пожалованием полкового мундира при моем новом назначении [1].

Обращаю также свою признательную и любящую память ко всем участникам нашей общей боевой работы, к Измайловцам живым и тем, кто отдал жизнь свою за Царя, Родину и Полк.

---

[1] Здесь уместно привести справку относительно того, что пожалование гвардейского мундира зависело всецело от Высочайшей воли. После революции, делавшиеся представления о зачислении гвардейских командиров в списки полков не могли быть удовлетворены, т. к. на этот предмет не существовало никакого закона.

Корнет Константин Николаевич Батюшков

К 50-летию его доблестий смерти

(Из материалов к истории Александрийского гусарского Ея Величества полка)

С. А. ТОПОРКОВ

Корнет 5-го гусарского Александрийского Ея Величества полка Константин Николаевич Батюшков, правнук и тёзка известного поэта Батюшкова (1787-1855) окончил в 1912 году Московский Цесаревича Алексея Николаевича лицей. Обладая натурой ищущей живой деятельности, он не мог оставаться равнодушным и безучастным к событиям времени и лишь вспыхнула в 1912 году на Балканах война, как он тотчас отправился волонтером в сербскую армию.

Вернувшись по окончании этой войны в Россию, он держит офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище и произведенный в декабре 1913 г. в корнеты назначается в Александрийский гусарский полк, с которым выступает на войну в 1914 году. В короткий срок своей ревностной службой, своим примером, своей заботливостью о гусарах, а главное своей отвагой и храбростью он завоевал всеобщее уважение и любовь в полку. О его самообладании, мужестве и храбрости ходили легенды даже вне полка: о нем во время войны писали в газетах, в журналах иллюстрировали его подвиги... Приведу здесь некоторые эпизоды из его боевой деятельности, чтобы отдать должное его заслугам. Расскажу, во-первых, о его смелом набеге на город Радом, совершенном им в августе 1914 года, когда этот город был временно занят немцами.

В середине августа Александрийцы шли в авангарде дивизии и от эскадрона Ее Величества были высланы два разъезда по направлению к Радому, один с корнетом К. Н. Батюшковым, а другой с корнетом А. А. Карамзиным. Разъезду Карамзина удалось проникнуть за Радом, где он уничтожил телефонную связь с Радомом и захватил в плен немецкого телефониста с двуколкой. Разъезд же Батюшкова проник в самый город. Этот эпизод я постараюсь описать по рассказам свидетелей-участников этого набега.

***

В день полкового праздника, 30 августа, невыносимо страдая от раны, я был доставлен на автомобиле штаба дивизии через Илжу в Радом в местный лазарет. Когда меня вносили в этот лазарет, то сестра милосердия — полька, увидав на мне черные с серебряным галуном чакчиры, сказала: "Здесь в лазарете вашего полка вольноопределяющийся Соколовский. Я скажу ему, что вы прибыли тоже сюда". Я обрадовался, что в лазарете, только что оставленном немцами, находится мой однополчанин. Вскоре Соколовского перевели в мою палату. Он был ранен в разъезде корнета Батюшкова во время его смелого налета на Радом. И вот что мне рассказал Соколовский, чьи слова были подтверждены и сестрой милосердия и доктором Коссецким, пользовавшим меня.

Высланный от эскадрона Ее Величества разъезд из 15 гусар с корнетом Батюшковым в направлении на город Радом пробрался в тыл немцев. Батюшков решил проникнуть в самый город, занятый немцами. Оставив свой разъезд в небольшом лесу, он, как всегда, решил осмотреть все лично. Он переоделся в крестьянское платье — хотя и не знал польского языка — и окольными дорожками, между строениями, вошел в город. Высмотрев все необходимое, он узнал, что в Радоме стоит штаб пехотной дивизии, идущей к Ивангороду и что немцы расположились в городе очень беспечно. Оценив все это, Батюшков вернулся к своему разъезду и на следующее утро с ним двинулся прямо в город.

"Наши! Наши!" — кричали на базарной площади местные жители, увидев русских гусар. Видя, что надо спешить, Батюшков перешел на карьер и пустился по главной улице. Обстановка была совершенно мирная. Немецкие офицеры выходили с пакетиками из магазинов, солдаты сонно бродили по улицам без оружия. Батюшков стрелял из револьвера в попадавшихся ему на пути немцев, а гусары разъезда брали кое-кого в пики и рубили шашками. Разъезд произвел конечно немалый переполох и был уже совсем близко к выходу из города; оставалось только проскочить небольшой мост и вырваться на шоссе. Но у самого моста стоял немецкий полевой караул, который, увидя гусар, открыл по ним беспорядочный огонь. Один гусар был убит и свалился вместе с конем, а под вестовым Батюшкова была убита лошадь. Заметив это, Батюшков вернулся к вестовому и, дав вскочить ему на круп своей лошади, вывез его с собою. Упала также и раненая лошадь вольноопределяющегося Соколовского, который сам был ранен в руку и в ногу.

Спасаясь, Соколовский вбежал в подъезд соседнего дома и, вползая по лестнице, добрался до второго этажа, но вскоре был обнаружен немцами, которые выволокли его на улицу и сильно избили. Соколовского препроводили под конвоем к начальнику штаба. После допроса, немецкий полковник взял руку под козырек и, обратившись к присутствующим, сказал: "Вот доблесть достойная подражания". После этого он приказал Соколовского отправить в лазарет.

При спешном же оставлении немцами Радома одна сестра милосердия, полька, спрятала Соколовского в пустой бочке от капусты. Когда немецкий конвой пришел за ранеными, та же сестра милосердия сказала конвойному унтер-офицеру, что Соколовского уже увезли, что позволило ему избежать плена и остаться в Радоме до занятия его снова русскими войсками, где я с ним так случайно встретился.

Действия этой разведки Батюшкова толковались в полку двояко: одни порицали ненужный риск, другие, наоборот, воздавали должную оценку личной доблести. Эта доблесть его была ярко отмечена в приказе по дивизии и в результате за эту разведку Батюшков был награжден георгиевским оружием, а пять гусар его разъезда — георгиевскими крестами. В газетах в то время появились статьи о подвиге корнета Батюшкова, а позже иллюстрированный журнал "Солнце России" украсил свою обложку красочной репродукцией картины художника Р. Френца, изображающей Батюшкова впереди своего разъезда, скачущего по улицам города Радома (№ 351, 1916 года).

***

В разведке под Сохачевым 4 октября 1914 г. снова отличается корнет Батюшков, когда был послан от эскадрона Ее Величества с семью гусарами 2-го взвода. Узнав от местных жителей, что три немецких кавалериста ночуют в соседнем фольварке, Батюшков решил захватить их. Оставив свой разъезд неподалеку, он взял с собой лишь двух гусар и с ними скрытно подошел к фольварку. Заглянув в окно дома, он увидал трех немцев, сидящих за столом и мирно ужинавших. Батюшков поставил одного гусара у окна, а другому приказал стать у задней двери, сам же с револьвером в руке быстро открыл дверь в комнату и крикнул: "Руки вверх!" Немцы не сопротивлялись и подняли руки, но на Батюшкова кинулась немецкая собака из породы щеек, доберманпинчер. Батюшков оттолкнул ее ударом ноги. Обезоружив пленных, он вывел их во двор и под конвоем привел к своему разъезду. Пленные оказались: вахмистр, унтер-офицер и рядовой 8-го конно-егерского полка. Собака "Тита" принадлежала вахмистру и он умолял Батюшкина не бросать ее и заботиться о ней. Эту прекрасную собаку Батюшков взял себе и она до конца была верна своему новому хозяину.

24 октября, когда Александрийский гусарский

полк был в сторожевом охранении на р. Варте, корнет Батюшков, с гусарами 4-го эскадрона, к которому он был временно прикомандирован, захватил повозку противника, нагруженную французским шампанским.

Службу свою в разведках корнет Батюшков нес самоотверженно и никогда не доверял донесениям своих дозорных, а тем более — слухам. Он считал своим долгом все проверить лично, не взирая ни на какие, даже самые опасные, обстоятельства. В. А. Петрушевский так описывает встречу свою с Батюшковым, когда 27-го октября 5-я кавалерийская дивизия наступала на г. Калиш.

"...От различных разъездов собралось нас до 36 винтовок и мы стали выходить на песчаный бугорок, разсыпавшись в цепь. В это время скачет корнет Батюшковм с боевым разъездом в пять коней от штаба дивизии. Он подошел ко мне. Я ему сказал, что дальше продвигаться нельзя и что мы хотим сообща выбить противника. Батюшков не поверил и понесся вперед, но через двадцать минут он летел обратно, так как его "поливали" два пулемета..."

7 июля 1915 г. в тяжелом бою полка у с. Эйраголы К. Н. Батюшков снова отличается. Он выносит тело павшего смертью храбрых корнета Бланкенгагена, причем три гусара из разъезда Батюшкова были раневы.

Трудно перечислить все случаи лихих действий разъездов корнета К. Н. Батюшкова. В каждом бою, в каждой стычке он искал подвига и казалось вся его натура была создана для войны. "Не снести тебе своей головы", неодвократно твердили Батюшкову его друзья, но эта фраза, казалось, еще более толкала храбреца на новые подвиги. Предсказания оправдались: К. Н. Батюшков снес свою голову на алтарь отечества, обессмертив свое имя на славу Александрийских гусар.

Привожу здесь свои личные воспоминания о бое 14 сентября 1915 г., когда смертью храбрых пал корнет К. Н. Батюшков (Материалы к истории Александрийского Ее Величества полка в войну 1914-17 г.г. Рукопись. Стр. 231-240).

"...В накуренной дымной хате деньщики готовили на ужин котлеты с картофелем — традиционный ужин эскадрона Ее Величества. Едкий дым подгоревшего масла резал глаза. "Ну тебя к черту, Корякин, так надымил, что ничего не вижу", ворчал я на своего деньщика из вестовых, рассматривая разложенную передо собою трехверстную карту, чтобы лучше ориентироваться в предстоящих моему эскадрону действиях. За стеною кудахтали куры, потревоженные повидимому нашими квартирьерами. Корнет А. А. Карамзин во дворе бранил за что-то своего вестового. Он только что прибыл из дальней разведки: он отсутствовал три дня, не имея возможности присоединиться к эскадрону. Войдя в хату, он утомленный свалился на скамейку и даже отказался от ужина.

Второй младший офицер, К. Н. Батюшков, был занят разводом эскадрона по квартирам. Будучи всегда расторопным квартирьером, он вольно или невольно занял также расположение 5-го эскадрона, за что ротмистр Дерюгин, весьма хозяйственный командир эскадрона, его только что за это жестоко "цукал". Дерюгин вошел ко мне в хату и просил "процукать" еще и от себя столь ретивого квартирьера. Сзади стоял с виноватым видом Батюшков, а за его спиной у дверей с умоляющим взглядом, обращенным на меня, стоял эскадронный вахмистр Авдеев и как бы искал моего заступничества за эскадрон. Пришлось быть справедливым и, потеснившись, уступить часть дворон 5-му эскадрону.

Кроме этих двух офицеров в моем эскадроне был только что произведенный в прапорщики из вольноопределяющихся — Н. Кисилев. Приютил я также у себя и только что приехавшего вольноопределяющегося барона Ган, племянника командира полка барона С. А. фон Корф, милого и скромного юношу.

Рано поужинав, я просил офицеров обойти свои взводы и предупредить гусар о предстоявшем утреннем выступлении, а сам поехал в штаб полка, чтобы лучше ознакомиться с предстоящей задачей. Было решено атаковать неприятельские обозы и их прикрытие, идущие по направлению деревень Видзы - Меленджаны - Свенцяны, для чего назначались 1-й и 6-й эскадроны со взводом 9-й Конной батареи, под общим начальством подполковника Хондзынского. В резерве должны были продвигаться 3-й и 5-й эскадроны, а для отвлечения внимания противника, занимавшего деревушку верстах в 2-х западнее д. Бучаны, были назначены эскадрон Ее Величества (ротмистр С. А. Топорков) и 2-й эск. (ротмистр В. В. Доможиров), под общим начальством подполковника Беккер.

Вернувшись к себе в деревню, я застал всех уже спящими, лишь корнет Батюшков отдавал последние распоряжения своему деньщику — приготовить на утро чистое белье. Своему вестовому сказал, что завтра он выезжает на собственной кобыле.

Потушили огни. Деньщики еще долго возились и наконец все угомонилось. Ранний крик петуха за стеной разбудил всех нас. Было часов 5 утра, выступление назначено на 8. В хате пахло свежим хлебом и хозяйка вынимала его из печи.

Трудный боевой день 14 сентября начинался. Стали собирать вещи, гусары вьючили лошадей, вахмистр и взводные отдавали последние распоряжения, проверялись патроны. Уже 2-й эскадрон проходил в поводу через мое расположение. Я очень обрадовался, когда увидал гусара Ермака, раненого вместе со мною в бою под Сандомиром 28 августа 1914 года и только что вернувшегося после лазарета в строй, в свой эскадрон. Я расспросил о его здоровьи. Он был только с пикой, так как врач запретил ему надевать за спину винтовку.

Приказал и я выводить лошадей. В поводу пропустил мимо себя эскадрон, поздоровался с гусарами. Утро было светлое и тихое. Подтянули подпруги. Лица у гусар стали суровые — все понимали серьезность наступающего дня.

Дивизион подполковника Хондзынского уже давно выступил к д. Маленджианы. Встретив мой эскадрон подполковник Беккер приказал мне двигаться на м. Козяны, перейти в брод речку и, развернувшись лавою, начать наступление.

Перед м. Козяны местность холмистая и к самому местечку холмы поднимаются, образуя весьма удобный для обороны гребень, за которым течет небольшая река, вполне проходимая, со сломанным мостом, а далее совершенно голая равнина до самой деревни Бучаны. В Бучанах, по полученным сведениям, находился сторожевой пост от 5-го Донского казачьего полка.

Лишь только эскадрон был предоставлен моей инициативе, я выслал два разъезда по шесть гусар каждый, переправился в брод через речку в колонне по-три и поднялся на совершенно открытый противоположный берег. Тут же я был замечен немцами, которые открыли по эскадрону шрапнельный огонь. Эскадрон перестроился в лаву. На рысях стали двигаться к Бучанам широкой разомкнутой цепью по всему полю. Противник участил свой огонь и два гусара и три лошади были уже ранены. Переведя лаву на голоп, мы стали спускаться к болотистому овражку прилегавшему к восточной окраине Бучан. Здесь было уже менее опасно и я спешил эскадрон, чтобы передохнуть. Немцы прекратили стрельбу.

Передохнув немного, приказал подтянуть подпруги и с трубачем Специусом, оказавшимся уроженцем этой самой деревни, и вестовым Корякиным я поехал в противоположную окраину деревни, чтобы убедиться, не снят ли казачий пост. Вскоре я его нашел. Шесть казаков мирно сидели возле избы, а один наблюдал в бинокль за противником. Он мне доложил, что немцы всю ночь стучали, строя окопы.

Прислонившись к стене, я писал об этом и о своих раненых гусарах донесение подполковнику Беккер. Меня перебил казачий урядник: "Ваше высокоблагородие, возьмите бинокль и посмотрите — немцы наступают". Я и без бинокля увидал наступающую небольшую немецкую цепь, одну влево от меня на отряд подполковника Хондзынского, а другую против меня. В этой последней я насчитал 22 пехотинца в белых кушаках. Они двигались цепью медленно и были уже шагах в 600 от занятой нами деревни.

Я тотчас послал своего вестового карьером с приказанием, чтобы первый полуэскадрон на рысях шел ко мне. Мое ожидание было томительно, полуэскадрон долго не показывался. Тогда я с трубачом сам поскакал и на полдороге встретил идущий на рысях полуэскадрон. На ходу сделал распоряжение: 1-му взводу, с корнетом Батюшковым, спешиться у избы, где был казачий пост и вместе с казаками открыт. ружейный огонь и задержать немецкую цепь. 2-му же взводу, с корнетом Карамзиным, — укрыться влево за хатами и поддержать меня в случае, если я атакую в конном строю.

Отдав эти приказания, я поскакал ко второму полуэскадрону и решил атаковать с ним немцев справа, обойдя деревню. Лишь только на рысях я двинулся как деревня снова стала обстреливаться шрапнелью. Я перешел на галоп и вместе с ближайшими ко мне гусарами провалился в топкое болото. Моя лошадь упала, сапоги были полны черной воды. Стали из болота вытаскивать лошадей. Была невыносимо досадна эта неудача.

В это самое время с первым полуэскадроном произошло следующее. Дивизион Хондзынского, выйдя на линию Бучан, был в свою очередь обнаружен немцами и они по нем открыли тоже артиллерийский огонь. Наш конноартиллерийский взвод выехал на позицию на косогор возле мельницы и открыл беглый огонь. Мне было видно, как пешие цепи противника рассыпались и как они начали наступление на наши орудия. Когда ружейный огонь немцев стал сосредоточиваться на наших орудиях, наш артиллерийский взвод стал отвечать по наседавшим картечью. У конноартиллеристов произошла заминка — вызванные упряжки не подоспели и подполковник Хондзынский приказал 6-му эскадрону, находившемуся в прикрытии, выручить орудия. Гусары спешились и под ружейным огнем, на руках, увезли орудия, передав их подошедшим упряжкам. Что же касается 4-го эскадрона, то он, отстреливаясь от наседавшего противника, должен был отказаться от первоначальной задачи и стал отходить к Козянам.

Когда все это происходило, корнет Батюшков, которому было приказано, как я упомянул выше, встретить противника ружейным огнем, увидав жидкую цепь немцев, решил атаковать ее конно своим взводом. Выскочив на своей чистокровной кобыле, всегда весьма нервной под огнем, он скомандовал к атаке и понесся впереди своего взвода на оторопевших немцев, которые побросали винтовки и подняли руки вверх. Казалось, успех был полный, но Батюшков, увлекшись, решил атаковать и цепи, шедшие позади атакованных.

"За мной!" — скомандовал он и лихой взвод понесся за своим командиром. Раньше атакованные немцы опомнились, подняли с земли свои винтовки и в спину атакующим открыли огонь. Валились раненые и убитые. Вторая немецкая цепь встретила взвод огнем и в штыки.

Корнет А. А. Карамзин со 2-м взводом, видя все это, понесся на выручку левее, но наскочил на высокую изгородь шедшую вдоль канавы с глубокой водой, задержался и не имел возможности вовремя поддержать корнета Батюшкова. Казачий пост быстро отходил по болоту под напором немцев.

Из 27 человек первого взвода вернулось только 12. Тяжело раненые попали в плен. О судьбе Батюшкова ничего известно не было.

*

Общая неудача на фронте заставила и наш полк отходить. Снова мы были в Козянах. С темнотою вошли в это местечко и заняли сторожевое охранение на хребте правее местечка, всю ночь ожидая наступления противника. Перед рассветом я вошел в уще-

левшую от снарядов избу, где находился подполковник Беккер. Выпил предложенный мне стакан чая без хлеба. Погоревали мы вместе о неудаче. Было ясно, что в Козянах нам не удержаться. Хотелось только знать, жив ли корнет Батюшков.

И вот подполковник Беккер достал из печи уголь и написал им на белой стене по-немецки: "Просим написать внизу, жив ли гусарский офицер, атаковавший немецкую пехоту под Бучанами 14-го сентября?" С первыми лучами солнца немцы открыли артиллерийскую стрельбу по нашему расположению. Тяжелые снаряды рвались сначала на самом гребне, расстилая желтый удушливый дым. Не мало стоило труда убедить гусар, что это не удушливые газы, о которых мы слышали.

Стали появляться раненые: два у меня и два во 2-м эскадроне. Через некоторое время гусару Страшилину снарядом снесло пол-черепа. Бедному гусару Ермаку, с которым я только вчера говорил о его прошлом ранении, оторвало ногу. Раненых оттаскивали в соседнюю хату за бугром. Гусар Страшилин очень мучился умирая и так стонал, что действовал на нервы других. Он умер и его там же наскоро погребли, прочитав "Отче Наш". Скоро снаряд угодил в ту самую избу, где я сидел недавно с Беккером. Она сгорела и надпись на стене исчезла.

***

В конце октября, благодаря нашему общему успеху полку снова пришлось вернуться в тот самый район, где мы были 14 сентября, день боя у Бучан. Было решено командировать на месте этого боя полковую комиссию, так как по сообщению нашей пехоты у д. Бучаны находится крест с надписью и прибитая к кресту офицерская фуражка Александрийских гусар. Этой комиссией, в которую входили ротмистр фон Радецкий, корнет А. А. Карамзин (участник боя) и полковой священник о. Алексей Ершов, было обнаружено следующее.

В полуверсте западнее Бучан на холме стоял большой крест, на котором на металлической доске была сделана надпись по-немецки масляной краской: "Офицер русской гусарской службы". Сверху была прибита зимняя фуражка корнета Батюшкова. Рядом большой холм с крестом обозначал общую братскую могилу гусар.

Сначала разрыли могилу корнета Батюшкова. Его глаза были покрыты белым платком, руки скрещены на груди и ими сжата его сломанная шашка, георгиевское оружие. Его орден св. Владимира с мечами и бантом был на его груди. На теле покойного было обнаружено семь штыковых ран в области груди и две раны в бедро. Он мало изменился. В общей могиле было обнаружено восемь убитых гусар — все лежали рядом с платками на глазах. Среди убитых гусар было пять георгиевских кавалеров. Кресты их были также не тронуты.

Полковой батюшка на месте отслужил панихиду и убитые гусары снова была засыпаны землей. Тело К. Н. Батюшкова было вынуто из могилы и отправлено полком, по желанию его жены, в Петербург, где он был погребен в Александро-Невской лавре. Его фуражка и жестяная дощечка с немецкой надписью также были отправлены его жене.

***

Прошло некоторое время. На костыле, без одной ноги вернулся из плена гусар Аблам, участник этой атаки. Удалось ему вернуться во время обмена ранеными военнопленными. Он счел своим долгом не поехать к себе домой, а прежде всего вернуться в полк. И вот что гусар Аблам рассказал.

"Когда мы с корнетом Батюшковым кинулись в атаку на пехоту, то чистокровная его кобыла далеко вынесла его вперед и он первый стал рубить немцев. Клинок его шашки сломался и лошадь под ним была убита. Корнет Батюшков тогда выхватил револьвер и стал стрелять.

"Наскочив на передних немцев, мы частью сбили их пиками, остальные побросали винтовки и подняли руки вверх, сдаваясь. Увидав немецкие резервы, мы кинулись на них, но немцев оказалось так много, что они замкнули нас в кольцо, обстреливая нас со всех сторон, а потом взяли нас в штыки. Раненый в ногу штыком, я упал вместе с убитою моею лошадью и на меня навалилось три немца. Почти все мы были изранены. Взводному Севастьянову тоже в плену ампутировали ногу и он тоже должен вернуться на родину. Вольноопределяющийся барон Ган был сбит с лошади одним из первых".

Корнет Константин Николаевич Батюшков за это дело посмертно был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Гусар Аблам, имевший уже георгиевский крест 4-й степени, был награжден 3-й степенью.

Эскадронный трубач Спецнус, уроженец этой самой деревни Бучаны, принявший участие в атаке по своему личному желанию, остался невредим и также был награжден георгиевским крестом 4-й степени. В "Правительственном Вестнике" (№ 218, 1916 г.) значится: "Младший унтер-офицер трубач Зигмонд Спецнус за то что в конной атаке 14 сентября 1915 года врубился в германскую пехоту и был окружен. В ответ на предложение сдаться, он выхватил револьвер, перестреляв окружавших его неприятелей и на раненом коне ускакал к эскадрону".

Полковой поэт, В. А. Петрушевский тогда же почтил память убитого К. Н. Батюшкова следующим стихотворением.

Погиб корнет, лихой рубака.
Он гордость черных был гусар,
Его последняя атака
Врагу тяжелый был удар.

Когда германскую пехоту
Он у Козян атаковал,
То изрубил без мала роту,
Но сам в бою неравном пал.

С ним был лишь взвод. За это дело
Его представили к кресту,
За то, что он исполнил смело
Свой долг и умер на посту.

За то, что он врагам не сдался,
Когда был ими окружен,
Как лев, отчаянно сражался
И был лишь смертью побежден.

Да, он погиб... Жена рыдает,
Не встанет он в бессмертный строй!
Погиб корнет, но полк весь знает,
Что Костя Батюшков герой.

Константин Николаевич Батюшков был женат (с 1913 года) на дочери сенатора Ильинского, имел старшую сестру Екатерину, которая была замужем за Александрийцем В. М. Барновым, и младшего брата Феодора, также корнета Александрийского гусарского полка.

Из воспоминаний

(МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ 1-ГО УЛАНСКОГО ПЕТРОГРАДСКОГО ПОЛКА)

В. СКАЛЬСКИЙ

ПЕРВАЯ КОННАЯ АТАКА ПЕТРОГРАДСКИХ УЛАН

На рассвете 1 августа 1914 года первая Кавалерийская дивизия перешла германскую границу. Генерал Гурко, начальник дивизии, получил приказание из штаба 1-й армии произвести боевую рекогносцировку в районе Марграбова. Для выполнения этой задачи ему была подчинена 5-я стрелковая бригада. С утра завязался ожесточенный бой. Пехота, ведшая наступление на Марграбов, встретила сильное сопротивление. Кавалерия была направлена на фланги и частью в тыл Марграбова.

1-й и 5-й эскадроны Петроградских улан, с приданным им взводом пулеметов корнета Подбереского, под общим командованием полковника Панкратьева, заняли позицию на перешейке двух озер. Берег находившегося от нас влево озера порос лесом. Справа же берег озера был болотистый, пересеченный широкими и глубокими канавами. Впереди был довольно крутой подъем и за ним — поле.

Эскадроны стояли во взводных колоннах. Было выслано сторожевое охранение. Со стороны Марграбова был слышен сильный ружейный и пулеметный огонь, покрываемый грохотом очередей наших и немецких орудий. Во второй половине дня, прискакавший ординарец передал полковнику Панкратьеву приказание присоединиться с эскадронами к полку. Сняли сторожевое охранение. Высланные дозоры и отдельные полевые караулы стали подходить к своим эскадронам. Сняли с позиции и пулеметы. В ожидании посадки на коней, в голове колонны собрались все офицеры и, закурив, обменивались впечатлениями.

В это время вдруг слева, совсем близко, грянул ружейный залп и за ним частый винтовочный огонь. Стало ясным, что немецкая пехота, пользуясь прикрытием леса и снятием охранения, смогла подойти к нашим спешенным эскадронам и стала расстреливать их с дистанции 250-300 шагов. Кто-то, вероятно полковник Панкратьев, скомандовал" Прямо, бегом, в поводу". Эскадроны стали взбираться по откосу, с целью оставить за бугром коноводов и рассыпать стрелковую цепь. Немецкий огонь не прекращался. И вдруг послышался голос ротмистра Македонского: "Это — кавалерия... Садись... В атаку!.."

Трудно описать то, что тут произошло. Из леса выскакивали всадники с пиками на перевес и беспорядочной гурьбой неслись в гору, встреченные нашими отдельными уланами, успевшими сесть на коней и скакавшими под гору навстречу немецкой кавалерии. В несколько секунд все были на конях и ринулись под гору, мгновенно опрокинув немцев. Конный бой, вернее — общая свалка — длился не более полминуты. Стараясь спастись, немецкие кавалеристы скакали вдоль озера по болотистому берегу. Тех, кого настигали, наши уланы сбивали с коней ударами шашки или пикой. Кони носились без всадников. Забыв про свои пулеметы, выхватив шашку, скакал корнет Подбереский. Неожиданно появившийся разъезд казаков 1го Донского полка принял участие в преследовании немцев. Казаки неслись с каким-то гиканьем. Один из них кричал, стараясь догнать какого-то немца: "Табань его... Табан!.."

Остаткам немецкой канвалерии все же удалось уйти; уходили они, пользуясь большой резвостью своих коней. Сильно преследованию мешали и канавы. Многие лошади наших улан не смогли перескочить их и завязали. 5-го эскадрона кобыла "Ежевая" попала головой вниз в середину канавы, уйдя под воду до подпруги. Когда ее вытащили, она уже задохнулась.

Пленных было взято не много. Наши потери были незначительны. Был ранен пикой в руку 1-го эскардона прапорщик Таиров. Убитых, кажется, два улана и раненых человек шесть или восемь. Противником нашим была часть 10-го Конно-Егерского германского полка и нападение их на нас нужно признать лихим.

Присоединившись к полку. 1-й и 5-й эскадроны приняли участие в наступлении па Маргграбово, куда и вошли уже вечером.

ПАМЯТНЫЙ РАЗЪЕЗД

Весь первый период войны, вплоть до отдыха в Петрограде, из-за больших потерь в офицерском составе, всем младшим офицерам приходилось очень часто ходить в разъезды. Лично я эту службу разъездов очень любил. Во-первых, это очень спортивно и похоже на охоту: зверя нужно обнаружить и приблизиться к нему, оставаясь невидимым. Во-вторых, получив задачу, имеешь полную личную инициативу, что я ценил превыше всего. Кроме того, мне в разъездах везло. За всю войну, да и впоследствии в Добровольческой армии, я никогда не потерял в разъездах ни одного убитым или раненым. Даже ни одной лошади, если не считать моего казенно-офицерского "Живописца", раненного в разъезде, который собираюсь описать. Пуля ему пробила переднюю ногу, но прошла сквозь кость так чисто, что были чуть заметны входная и выходная дырочки. Он захромал лишь на следующий день и, пробыв при обозе 1-го разряда дней пять, выздоровел. Благодаря такому моему везению уланы любили ходить со мной и когда спрашивали охотников, то хотели итти чуть ли не все люди эскадрона.

В конце января 1915 года, 1-я Кавалерийская дивизия, составляя с 3-й Кавалерийской дивизией Конный корпус под командой ген. Леонтовича, отходила под сильным натиском противника. 3-й армейский корпус, в который входил Конный корпус, понес большие потери и после ряда неудач отходил, оказывая незначительное сопротивление. Погода стояла ужасная, снежная метель и вьюга страшно затрудняли движение. Конный корпус остановился вечером, чтобы дать хоть немного передохнуть лошадям. Это было, кажется, 30 января. Состояние конского состава было таково, что двигаться далее стало почти невозможным. Усталость лошадей наших Конных батарей достигла такой степени, что уже весь последний день приходилось впрягать в уносы орудий и зарядных ящиков лошадей кавалерийских полков, чтобы их тащить.

Весь Конный корпус вытянулся вдоль единственной дороги, по которой следовал. Наш 5-й эскадрон отвели на маленький хутор. Не хватало сараев для лошадей, хотя эскадрон был половинного состава против нормального. Уланы разместились где и как могли. Офицеры — нас было трое — командир эскадрона граф Грабовский, только что прибывший из Тверского кавалерийского училища, корнет Иванов и я, заняли маленький угол в дымной избе. Уже одно сознание, что мы очутились вдруг не на ветру и стуже, подняло сразу наше настроение. Запасливый Грабовский неожиданно вытащил бутылку водки. Мы были счастливы. Расположились за столом, выпили по первой рюмке и закусили чем смогли.

Вдруг открывается дверь, врывается стужа и входит ординарец из штаба полка. Приказание — немедленно от эскадрона выслать офицерский разъезд в 12 коней. Начальнику разъезда корнету Скальскому явиться в штаб Конного корпуса.

Сказать, что я обрадовался — было бы преувеличением. Но с другой стороны перспектива тащиться на следующий день в бесконечной колонне, с постоянными остановками, была еще менее привлекательна. Наскоро выпил вторую рюмку и стал надевать полушубок. Грабовский приказал вахмистру Яруте приготовить разъезд. Желающих оказалось много, но было решено назначить лишь тех, у кого лучшие лошади. Неожиданно Грабовский обратился к корнету Иванову: "Вот что, молодой! Поезжайте-ка с корнетом Скальским. Увидите как на войне ходят в разъезды". Бедный Иванов, по сложению довольно рыхлый, стал одеваться. Через десять минут мы ехали в штаб Конного корпуса.

В небольшом помещении собрался весь генералитет. Лица были сумрачные. Я явился начальнику штаба. Он объяснил мне обстановку: Конный корпус должен достичь Олиты. Для этого у него была одна единственная дорога. Он должен был дойти до перекрестка с дорогой идущей от Мариамполя на Олиту и там свернуть вправо. Мариамполь занят противником. Если немцы успеют продвинуться и знять перекресток дороги, положение Конного корпуса сделается чрезвычайно тяжелым. Моя задача: дойти возможно быстрее до этого перекрестка и донести, свободен ли он. Если уже занят, постараться выяснить, какими силами. Если свободен, продвинуться возможно дальше в направлении на Мариамполь и, имея наблюдение за дорогой, сообщать о всяком движении противника. До перекрестка было около 15 верст.

Мы шли переменным аллюром и часа через два подошли к перекрестку. К великой нашей радости перекресток был не только свободен, но занят батальоном ратников ополчения. Появление наше вызвало страшный переполох — думали, что немцы... Я отправил донесение. Прибежал офицер и рассказал, что об обстановке ничего не знает и занимает с батальоном окопы, защищающие подход к перекрестку. Я успокоил его, сказав, что утром подойдет сюда целый конный корпус. Простившись, мы пошли в направлении на Мариамполь и, отойдя верст десять, я послал нове донесение, сообщая, что до сего времени никаких движений противника не обнаружил. Пошли дальше, но, пройдя верст пять, я решил остановиться. Послал опять донесение. Прошло уже около 5 часов, как мы покинули Конный корпус. Мы находились в 15 верстах за перекрестком и все было тихо. Если наши дивизии скоро выступят, что казалось очень вероятным, то они успеют дойти до опасного перекрестка раньше противника.

На западной окраине какой-то маленькой деревушки спешились близь дороги и стали ждать. Ни в какие дома решил не входить. Ночь была темная и немцы по снегу могли подойти неожиданно.

Стояли долго. Наконец, стало светать. Вскоре показался немецкий разведовательный эскадрон. Он шел шагом, имея один лишь головной разъезд. Я послал донесение. Открыли мы огонь, когда разъезд был в полуверсте. Он быстро отошел к своему эскадрону. После некоторой заминки эскадрон выслал цепи. Я не стал настаивать: Конный корпус наверное уже подошел к перекрестку, а усталость наших лошадей не позволяла мне делать никаких фантазий.

Сели на коней и, пробираясь вдоль домов, пошли по направлению Олиты. Пройдя несколько верст, остановились, чтобы дать передохнуть лошадям. Вскоре увидали немецкий эскадрон. Между нами было версты две. Пошли дальше. Не доходя до перекрестка, около версты, решил обстрелять немецкий эскадрон. Подпустили на версту и дали несколько залпов. Эскадрон остановился. Подошли к перекрестку. Окопы производили впечатление весьма внушительное, но они были пусты. Ратники ушли, но по следам было явно видно, что Конный корпус успел уже пройти. Наша задача была закончена.

Не безосновательно я думал, что немецкий эскадрон не решится сразу пройти мимо окопов и это давало мне возможность где-нибудь остановиться, хотя бы на час. Мы были голодны и голодны были наши лошади. В нескольких верстах за перекрестком нашли большое селение, кажется, Симно. У первого дома оставил одного улана. Я велел ему наблюдать за дорогй, котрая была видна на несколько верст, обещая его сменить, как только один из улан поест. Село было большое. Мы выехали на огромную площадь. Ею селение заканчивалось. Длина этой площади была шагов 250-300, а ширина около 150. На противоположной стороне площади, как раз на углу дороги ведущей в Олиту, была большая корчма. Перед корчмой — коновязи. К ней привязали лошадей и вошли в корчму. Уланы поместились в большом помещении и я велел им дать водки и всего, что возможно, лишь бы быстро. С корнетом Ивановым мы вошли в маленькую комнату рядом. Окна завешанные кружевными занавесками выходили на площадь. Корнет Иванов стал снимать полушубок и был крайне озадачен, когда я ему сказал, что этого в разъезде делать нельзя и единственно, что он может — это растегнуть крючки воротника. Все, что нам дали, показалось необычайно вкусным.

Прошло не более минут двадцати, как отворяется дверь и кто-то кричит: "Немцы!.." Огорошенный я бросаюсь к окну и что же я вижу? На противоположном конце площади стоит развернутым фронтом немецкий эскадрон... Вокруг меня столпились уланы. Нужно было мгновенно решиться на что-нибудь Я крикнул уланам: "Выбегайте по одному, с винтовкой в руках. Стреляйте в немцев, садитесь на коней и всякий, сам по себе, скачите по дороге на Олиту".

Я стоял и смотрел, что произойдет. Произошло то, на что я рассчитывал. Неожиданная стрельба произвела полное замешательство среди немцев. Некоторые спешивались, другие скакали в разные стороны. А моих улан уже не было. Благополучно ускакал и корнет Иванов. Тут только я заметил, что лошади моей нет и, почти одновременно, увидал своего вестового, Воробьева, бегущего ко мне наискось через площадь, держа в поводу наших лошадей. Я побежал к нему навстречу и вскочил на лошадь.

И тут произошло то, что бывает только во сне — самое нелепое. Я увидал хозяина корчмы, старого еврея. Он стоял у крыльца. Я вспомнил, что не заплатил и вытащил кошелек. "Сколько я тебе должен?" Но он только кричал: — Ой, ваше высокоблагородие! — "Говори — сколько!" — повторил я. — Ну, три рубля! У меня была пятирублевая бумажка. Я протянул ему и говорю: "Давай сдачи!"

В это время меня дернул за рукав вестовой: "Ваше высокоблагородие!.." К нам, через площадь, скакало человек двадцать немцев. Я бросил пятирублевку в снег, пришпорил лошадь и карьером понесся по дороге. Воробьев за мной. Впереди, уже довольно далеко, скакали уланы, растянувшись на несколько сот шагов. Я слышал за собой топот коней. Вскоре послышался частый ружейный огонь. Стреляли из селения. Среди улан моего разъезда был старший унтер-офицер Моторин. Он пришел из запаса с одним из маршевых эскадронов. У него была какая-то особенная папаха: высокая, из длинной белой, вроде козьей шерсти. Я увидал, как эта папаха вдруг сорвалась с его головы и вылетела вперед: ее сбила пуля. Проскакав версты две, я оглянулся. Немцы отстали и скакали шагах в 400 за нами. Нужно думать, что лошади их были еще более усталыми чем наши. Скакать без конца было невозможно и я попробовал перейти в рысь. К моей неописуемой радости в рысь перешли и немцы. Теперь я был спокоен — догнать нас они не смогут. Ускакавший с уланами корнет Иванов, видя что я еду за ними рысью, придержал разъезд и дал мне возможность к ним присоединиться. Пройдя несколько верст, я спешил разъезд около каких-то построек за поворотом дороги и мы дали по немцам несколько залпов. Они повернули и преследование прекратили. Их было уже меньше. Наверное, некоторые отстали из-за усталости лошадей.

Все кончилось отлично, и вечером мы были в Олите. Оказалось, что поставленный мною при въезде в селение улан дал себя уговорить хозяйке дома близ которого стоял. Он вошел в дом, чтобы поесть и увидал немцев, когда было уже поздно. Не зная, где мы, он задами селения достиг дороги на Олиту и потом присоединился к разъезду.

На общих радостях, я его простил и просил Грабовского сделать вид, что он ничего не знает. Думаю, что ему попало от своих же — улан. Корнет Иванов, сразу попавший в такую переделку, вечером застенчиво спросил меня: "Господин, корнет! А что, часто бывают такие случаи?"

128-й пехотный Старооскольский полк в бою 22 мая 1916 года

П. БАФТАЛОВСКИЙ

Весною 1916 года 11-й армейский корпус, в составе 32-й и 11-й пехотных дивизий, занимал позицию к северу от города Черновицы, против станции Окно. 128-й пехотный Старооскольский полк, опираясь на дер. Ржавенцы и занимая двумя батальонами укрепленную позицию на правом фланге дивизии, производил усиленные инженерные работы по подготовке плацдарма, вдохновляемые доблестным командиром полка полковником Лурье.

Правее Старооскольцев врывались в землю части 11-й пехотной дивизии, а на левом фланге продвигались вперед славные Рыльцы (126-й пех. Рыльский полк).

К первым числам мая плацдарм был готов, и наши окопы достигали проволочных заграждений противника, сильно развитых и представлявших из себя широкую полосу в 12 рядов кольев.

Подготовленный к предстоящему наступлению плацдарм, с точки зрения фортификационного искусства, являлся во всех отношениях образцом, так как сочетал в себе последния достижения Западного фронта наших союзников. Окопы и ходы сообщения (отсеки, мешки, пулеметные гнезда) давали защитникам надежные убежища, допускали быстроту передвижений (пять ходов сообщений на ротный участок), обеспечивали непрерывающуюся телефонную связь (двойные телефонные провода, зарытые по дну ходов сообщений), предусматривали быструю эвакуацию раненых (специальные ходы сообщений) и позволяли подвозить походные кухни прямо в окопы, так как были шириною в три метра.

Артиллерийская подготовка прорыва была возложена на известного полковника Кирея (впоследствии генерала и инспектора артилерии чехо-словацкой армии), который сосредоточил к решительному моменту на участке Старооскольского и Рыльского полков, составлявших ударную группу, свыше 100 орудий, из коих одна треть падала на тяжелую артиллерию.

Совместная работа с пехотными начальниками, тщательно продуманная, детально разработанная, опиравшаяся на опыты и выводы крупных артиллерийских боев и прорывов, как нашего, так и Западного фронтов, позволила создать полковнику Кирею тот стройный план действий артиллерийских сил, который так себя высоко оправдал в день наступления 22-го мая. Батареи легкой артиллерии, разбитые на три группы, предназначались: одна для уничтожения проволочных заграждений противника, другая — для отражения контратак и третья для борьбы с авиацией. Батареи тяжелой артиллерии составляли тоже три группы: для борьбы с вражеской артиллерией, для уничтожения фортификационных построек и для обстреливания тыла противника. Легкие батареи первых двух групп были связаны прямыми проводами с командирами передовых рот, которые имели перспективные планы позиций неприятеля, с нанесенными на них номерами целей. По первому требованию этих рот наша артиллерия немедленно должна была обрушиваться на тот или другой угрожаемый пункт. Вновь подвезенные тяжелые и легкие батареи, согласно указаний полковника Кирея, были установлены, подготовлены к стрельбе и тщательно замаскированы; они не имели права обнаруживать себя до решительного дня.

Для непосредственного отражения контратак во 2-й линии окопов были установлены горные пушки, и артиллерийские офицеры-наблюдатели были назначены на все боевые участки. Эта разумная мера, помимо чисто артиллерийских преимуществ, способствовала прочной связи и единению между пехотой и артиллерией.

К 20 мая в тыловой район 32-й пех. дивизии была подтянута стрелковая дивизия, которая должна была усилить ударную группу и развить в дальнейшем успех нашей атаки.

Ночь с 21 на 22 мая прошла в смутных предчувствиях чего-то уже предопределенного... Прекрасная лунная ночь сообщала какую-то особую таинственность окружающей обстановке. Что будет завтра — победа, поражение, слава, смерть?..

С первыми лучами восходящего солнца, земля вдруг дрогнула и застонала под грохотом и гулом русских пушек, начавших свою пристрелку, продолжавшуюся полтора часа, после чего началась решительная подготовка.

Разрывая землю и сметая неприятельские сооружения и препятствия, потоки непрерывно рвущихся снарядов всех калибров и взрывы сосредоточенно действующих минометов всех полков дивизии, обволакли столбами черно-серого дыма передовую линию австрийских окопов, которые на глазах таяли и превращались в груды развалин.

Пехотная атака, назначенная ровно в 12 часов дня, должна была протекать в условиях неослабевающей интенсивности артиллерийского огня, переносимого этапами в глубину неприятельского тыла в строгой постепенности и зависимости от продвижения нашей пехоты.

За двадцать минут до решительного момента, т. е. в 11 ч. 40 минут, командиры передовых рот были извещены по телефону, что командир полка полковник Лурье со всем своим штабом был убит разрывом тяжелого снаряда, попавшего в его наблюдательный пункт, расположенный в 3-й линии окопов. Вместе с

полковником Лурье погибли: полковой адъютант поручик князь Чхеидзе, начальник пулеметной команды шт.-кап. Рафаловский, офицер связи и восемь солдат-ординарцев. В командование полком вступил командир 3-го батальона полковник Каракуца.

Утрата была велика, тяжела и горька... Но печальная весть не была объявлена, чтобы не подорвать моральный дух бойцов, от которых требовалось высшее напряжение в этот решительный момент.

В 11 часов 50 минут Старооскольцы заняли исходное положение для атаки, принян следующее эшелонированное положение: первая волна в составе четерех рот заняла первую, ближайшую к противнику, линию окопов; 2-я волна, того же состава, заполнила "щели", расположенные в 50-ти шагах параллельно первой линии окопов; 3-я волна, 4-х ротного состава, разместилась в ходах сообщений, связывающих 1-ю и 2-ю линии окопов, а 4-я волна влилась во 2-ю окопную линию. Тыловые окопы заняли части 127-го пехотн. Путивльского полка, которые, в случае неустойки атакующих рот Старооскльского полка, должны были пропустить отходящих и принять на себя контр-удар австрийцев.

Каждая атакующая рота Старооскольцев двигалась двумя цепями, по два взвода в каждой, в силу чего построение полка сводилось в момент атаки к восьми волнам, последовательно двиганшимся одна за другой. Передовые роты получили категорическое приказание двигаться вперед до последней возможности, ни в коем случае не задерживаясь на первой линии окопов, "очищение" которой возлагалось на последующие волны.

Ровно в 12 часов дня доблестные Старооскольцы выскочили стремительно из окопов и с могучим криком "ура" бросились на первую линию неприятельских окопов. Почти одновременно с левого фланга докатилось мощное "ура" — то славные Рыльцы устремились к новым подвигам...

Наша артиллерия, ни на минуту не уменьшая интенсивности своего огня, стала медленно переносить огонь с 1-й линии окопов по ходам сообщевия, а затем на вторую линию противника. Низкие шрапнельные разрывы и нервный огонь уцелевших пулеметов и винтовок не мог остановить могучий порыв Старооскольцев, которые, легко преодолев полуразрушенные проволочные заграждения и перескочив через первую неприятельскую линию, устремились ко 2-й оборонительной линии австрийских окопов.

Казалось, что 2-я линия будет взята с налета, во неожиданно атакующие роты нарвались на низкие проволочные заграждения, почти невидимые из-за высокой травы, которые простреливались сильным ружейным и пулеметным огнем, подкрепленным ручными гранатами...

Стойкие Старооскольцы, неся большие потери от огня противника, прорвались по телам своих убитых и раненых через это непредвиденное препятствие и ворвались в окопы 2-й линии.

Подоспевшие последующие волны усилили расстроенные ряды передовых рот и в общем порыве устремились к 3-й неприятельской линии, коей легко и овладели. Опьяненные успехом передовые роты Старооскольцев углубились в ближайший тыл и достигли угла трех лощин, где было расположено несколько батарей противника. Артиллерийская прислуга бросила орудия и частично разбежалась по окрестностям, а частично сдалась в плен. Легкие и тяжелые орудия попали в руки Старооскольцев.

Лишившись почти всего офицерского состава, расстроенные и смешанные роты Старооскольцев были атакованы в этот момент свежим австрийским батальоном, неожиданно появившимся на опушке леса.

Пушки были оставлены и передовые роты покатились назад к 3-й линии, только что взятых окопов противника, где уже укреплялись 1-й и 3-й батальовы, составлявшие последующие волны.

Положение было спасено. Отступающие роты отошли за линию укрепившихся батальонов, которые энергичным контр-ударом смяли и отбросили австрийский батальон и вновь завладели неприятельскими пушками.

Австрийцы были разбиты наголову и под покровом ночи начали общий отход. Прорыв удался, победа была полная: орудия, пулеметы и тысячи пленных попали в руки победителей.

Почти всего офицерского сотава лишился в этом бою Старооскольский полк, честно отстаивая на далеких полях Буковины величие, славу и честь Императорской России, а вместе с офицерами честно сложили свои головы и рядовые Старооскольцы, имена коих — "Ты, Господи, веси..."

Я. КЕФЕЛИ

Воспоминания морского врача

(Продолжение)

Е. К. НОЖИН

Не повезло Артуру с его "баянами". Несмотря на то, что в Артуре еще в мирное время существовала ежедневная газета "Новый Край", издававшаяся морского судебного ведомства подполковником Артемьевым, в составе ее редакции еще не было талантливых сотрудников. Когда началась война, в столицу нового края прибыли из Петербурга и Москвы специальные корреспонденты столичных газет: Купчинский — от "Русского Слова", генерал Кузьмин-Караваев — от военных органов печати и, прославленный еще в русско-турецкую войну, Немирович-Данченко. Одновременно, из Японии, пробрался в Артур

тоже корреспондент "Русского Слова" Е. К. Ножин. Ему и суждено было стать Гомером артурской "Илиады".

Наиболее известные в то время журналисты Немирович-Данченко и Кузьмин-Караваев в апреле неожиданно покинули Артур. Я был свидетелем их неожиданного и очень спешного отъезда. Оба эти журналиста, как и я, завтракали в Морском собрании в дни, когда японцы высаживались в Бидзаво, намереваясь осадить Артур. Немногочисленные, но постоянные завсегдатаи собрания — флотские офицеры за общим столом всегда любезно окружали Немировича-Данченко и Кузьмина-Караваева. Вдруг кто-то пришел в собрание и сообщил, что через час из Артура уходит последний поезд на север. Веселый и шумный разговор, особенно поддерживаемый Немировичем-Данченко, прекратился, и после нескольких минут совещания с Кузьминым-Караваевым, оба они, распростившись с нами общим поклоном, спешно ушли. Мы потом узнали, что они покинули Артур, будущую осаду и оборону которого собирались воспеть в назидание потомству (¹).

Из оставшихся в Артуре журналистов, если и не очень даровитым в литературном отношении, то очень значительным в историческом значении, надо признать Ножина. Имя его неразрывно связано с верховным судом и его политическими последствиями.

***

Когда в 1945 году советские армии приближались к Германии, в русских газетах, издававшихся за рубежом, появилось известие о смерти священника русской православной церкви в Карсбаде, Евгения Константиновича Ножина.

В период осады Порт-Артура, революции 1905 года и последующих событий всероссийского масштаба среди персонажей "малой истории" того времени заметное место принадлежит и покойному о. Евгению, моему другу, когда-то бывшему военным корреспондентом "Русского Слова" и "Биржевых Ведомостей" и автором трехтомной "Правды о Порт-Артуре".

Благодаря исключительно упорной и длительной обличительной кампании Е. К. Ножина против генерала Стесселя в прессе, центральная власть российской империи изменила свое благосклонное отношение к главному начальнику эпически-славной обороны крепости Порт-Артур и назначила исключительный верховный суд над ним и некоторыми ближайшими его подчиненными.

Грандиозный процесс происходил в первой половине 1908 года в Петербурге в большом зале собрания армии и флота на глазах тысячной публики, переполнившей обширное помещение.

Офицеры, участники обороны, разделились на две враждебные группы — за и против Стесселя. Страсти разыгрались. Исключительно героическая страница военной истории Российской империи была испачкана мелочами и клеветами; она скрылась от взоров правды. А между тем, она могла быть поставлена в большую заслугу режиму, воспитавшему таких героев, как гарнизон обреченной крепости с некоторыми его легендарными вождями, который умирал, но не сдавался. Процесс тянулся свыше трех месяцев. Путем прессы всей России был поднят мировой скандал и в него втянулось общественное мнение всей обширнейшей страны, не привыкшее к этому, но подогреваемое враждебной режиму печатью и интригами враждующих между собою защитников крепости.

В среде лиц, взявших на свои плечи моральную ответственность за происшедшее и происходящее на нашей родине до сего дня, некая очень малая роль досталась и маленькому, и скромному нашему портартурцу Е. К. Ножину. Поэтому никак нельзя забыть могилы почившего о. Евгения, настоятеля русской православной церкви в Карсбаде.

На протяжении нескольких десятков лет после Артура мне неоднократно приходилось быть в контакте с этим интересным и оригинальным человеком. Ножина, активного военного корреспондента в Порт-Артуре я мало знал. Ближе я наблюдал его уже в Петербурге в роли обличителя и столичного журналиста. Хорошо узнал его позднее, когда он, переменив профессию, стал полицмейстером (в Карсе в 1916 г.) и "полугубернатором" (в Трапезунде, в революцию 1917 года). И, уже в Париже, в редких письмах из Сербии и Карлсбада до меня доходили его думы священника, отходящего от тревог мирских. Предо мною Ножин в трех превращениях его существа: журналист — упорный обличитель, буйный полицмейстер и смиряющийся священник. Хочу вкратце описать, каким я его знал и каким его представляли себе наши общие друзья и его личные враги.

Впервые я познакомился с Ножиным в период боев на подступах к Порт-Артуру в июле 1904 года. Я находился со своим морским санитарным отрядом в дивизии генерала Кондратенко. В эту пору бои с японцами шли на Зеленых горах, верстах в 15-20 выше Порт-Артура.

После трехдневного крайнего утомления, ночью под самое утро, я и мои помощники студенты Императорской Военно-медицинской академии, Подсосов и Лютинский, привязав своих коней к кустику, легли на траву и, под звуки орудий и ружейной стрельбы, захрапели молодецким сном. Когда проснулись, солнце стояло уже высоко. Невдалеке от нас лежал, посматривая в нашу сторону какой-то человек, брюнет, лет под тридцать, в штатском костюме, в очках и офицерской фуражке с красным околышем. Возле него стоял солдат с винтовкой за плечами и держал под уздцы двух лошадей.

После некоторого обмена взглядами незнакомец

(¹) Русская литература об Артуре довольно обширна, но она преимущественно мемуарного характера. Из специальных военных трудов наилучшим является издание комиссии ген. Гурко о русско-японской войне. Особый том в этом издании посвящен обороне Порт-Артура. Он написан военным инженером полковником А. В. фон Шварц, участником обороны. **Я. К.**

подошел к нам, и мы познакомились. Оказалось, что это Ножин, корреспондент "Русского Слова", уже известный нам понаслышке. Очень осведомленный о ходе военных дел, он сообщил нам некоторые новости о начавшемся отступлении к Порт-Артуру. Действительно, вскоре начали двигаться по дорогам, направляясь к Артуру, стрелковые части и артиллерия. Я стал разыскивать штаб генерала Кондратенко, чтобы получить инструкции. Пушечная стрельба уже придвинулась к нам вплотную. Не прошло и получаса, как мы увидели цепь стрелков, прикрывавшую отступление. Офицер прикрытия объяснил нам, что позади него наших нет; он ждет продвижения японцев и будет отступать, не теряя с ними контакта. Нам же он советовал немделенно уходить.

Я и мои студенты бросились к своему отряду, чтобы вести его в Артур, и мы расстались с Ножиным, который со своим вестовым уехал в другом направлении.

Позднее в течение почти шестимесячной тесной осады, я видел Евгения Константиновича всего дватри раза случайно и мельком, но слышали мы о нем очень много за это время. Статьи его в местной газете "Новый Край" прекратились, слухи то осуждающие, то одобряющие его, все росли и росли. Он стал предметом для сплетень и сенсаций в это тяжкое для всех время. Я не буду приводить этих пересудов, но укажу лишь на их финал.

Генерал Стессель искал Ножина, чтобы его повесить, а генерал Смирнов и наши адмиралы прятали его, чтобы переправить на Китайский берег. Один жандарм при генерале Стесселе ловил Ножина, другой жандарм при генерале Смирнове укрывал его (ротмистры Познанский и князь Микеладзе). В результате Ножин за месяц до сдачи крепости на миноносце был переправлен в китайский порт Чифу, откуда и начал свою убийственную обличительную кампанию против генерала Стесселя.

В 1906 году осенью я был прикомандирован к Императорской Военно-медицинской академии и поселился в небольшой гостинице против Финляндского вокзала. В этой же гостинице, оказалось, жил и Е. К. Ножин.

В это время он писал ежедневно в "Биржевых Ведомостях" свои фельетоны о войне и всю вину за ее неудачный исход валил на генерала Стесселя. Одновремено он писал и свою внушительную "Правду о Порт-Артуре", с той же убийственной для Стесселя тенденцией. Естественно, я был свидетелем его жизни, его работы. Ежедневно его посещали участники обороны. Каждый приносил материалы о себе для обличения генералов Стесселя и Фока, или обратного характера, для возвеличивания генерала Смирнова. Таким образом многие участники обороны, если они явно не принадлежали к стессельской группе, были в информационном контакте с Ножиным.

Сам же Ножин, вечно нуждавшийся в деньгах, вел странную беспечную жизнь и всегда был под винными парами. Повидимому он зарабатывал не плохо, ибо ежедневные фельетоны "Биржевки" давали ему солидный доход. Безалаберный же его характер, вечно нервное напряжение, бесконечные сплетни, ябеды противного лагеря, лесть и заискивания со стороны его, якобы, сторонников, которые искали в нем своего барда — окончательно ввергли Евгения Константиновича в спиртовую атмосферу.

Поношенный солдатского сукна халат, из которого он не вылезал в течение всего дня, табачный дым в его небольшой комнате, вечный запах спирта от него и от его случайных собутыльников по гостинице, — вот атмосфера, вдохновившая баяна артурской "Илиады". Казалось прямо непонятным, как в таком состоянии Ножин мог написать три тома "Правды о Порт-Артуре" и сотрудничать в "Биржевых Ведомостях", газете в то время очень распространенной.

Несомненно Ножин был человек с талантом публициста. Его наблюдательность, широта его кругозора и его словесное изобразительное искусство, когда он бывал в ударе, стали нам, будущим друзьям, очевидными после памятного приглашения "на борщ" к капитану, военному инженеру, Алексею Владимировичу фон Шварцу. На этом обеде, кроме самого хозяина и Ножина присутствовали также я и полковник Апушкин, военный юрист, профессор и впоследствии начальник Александровской военно-юридической академии.

Все мы четнеро в этот период времени были историками обороны Порт-Артура. Ножин писал в "Биржевых Ведомостях"; Апушкин собирал материалы для намечавшегося верховного суда над Стесселем и его сподвижниками; Шварц, вместе с капитаном Романовским, писал книгу о защите Порт-Артура. А я в это время поместил ряд статей в "Морском враче" о санитарной службе во флоте и при осаде крепости и, кроме того, был назначен членом особой исторической комиссии по морскому ведомству. Общая тема всех нас объединила. Но этот обед у Шварца решено было посвятить вопросу стороннему. Всех нас интересовало красочное прошлое самого Ножина и как он добрался до Порт-Артура.

После скромного борща без всяких напитков (А. В. Шварц был в то время вдов и одинок), мы попросили Ножина рассказать нам о своей прошлой жизни. Евгений Константинович был в ударе и в продолжение пяти-шести часов, ходя по комнате (мы трое сидели за обеденным столом), рассказал нам тогда еще не долгую, но уже полную приключений свою жизнь, сначала кадета корпуса (кажется в Оренбурге), которого он не окончил, потом мелкого чиновника в каком-то губернском правлении, затем жениха и мужа в неудачном браке.

Дальнейшая жизнь Е. К. пошла по заграницам. Он оказался в Париже. Несмотря на бедственное материальное положение он духа своего не угасил: добился свидания у парижского архиепископа, знаменитого кардинала Рамполли, и повел с ним речь о воссоединении церквей.

Затем Ножин оказался в Порт-Саиде. К сожале-

нию, не помню уже тамошнего его увлечения в целях общечеловеческих задач и интересов. Далее, в качестве не то матроса, не то пароходного слуги он попадает в Индию, оттуда переправляется в Сингапур, где оседает, делается книгоношей и продает свой товар на проходящих пароходах. Несмотря на то, что эта новая его профессия была ему по сердцу, его тянуло все дальше на восток к берегам Японии, где после занятия Россией Порт-Артура, назревали крупные события.

Не поладив со своим компаньоном по книжной торговле, он добрался до острова Борнео и был гостем, и почетным гостем, не то султана, не то раджи Саравакского.

В те времена в Сараваке не было жителей европейцев. Раджой, или султаном, в Сараваке однако был европеец, английский офицер, попавший случайно в эту страну, возведенный в сан их государя и признавший себя вассалом королевы Виктории. Ножина, как белого и единственного в то время европейца в Саравакском королевстве отнесли, с отданием необычайных почестей, в паланкине во дворец раджи и в честь его был дан пушечный салют. Белый раджа, обожествлявшийся туземцами, однако держал своих поданных в строгости: с заходом солнца давалась пушка и ночью никто не смел выходить за двери своего дома...

Обед у Алексея Владимировича Шварца, благодаря фантастическим приключениям Ножина, затянулся до полуночи. Талантливый рассказ его так захватил всех нас, что решено было продолжить обед и на завтра.

Не помню всех интересных приключений, о которых рассказывал нам Ножин и не знаю, как судьба перебросила его в Нагасаки. Религиозное настроение Ножина и знание церковных служб пригодились ему в этом, подлинно русском уголке Дальнего Востока. Он стал псаломщиком при русской церкви русского морского лазарета в Нагасаки. Одновременно он состоял корреспондентом большой московской газеты "Русское Слово".

Местные жители хорошо знали басистый голос Ножина. Часто он, взобравшись на скалу, висящую над оживленной частью города, пел религиозные мотивы, как библейских пророк, вещая грозное будущее... Приближение военной бури чувствовалось и японцами, скромными жителями Нагасаки, и русскими в Москве, с интересом читавшими телеграммы Ножина. В Нагасаки было целое предместье — Инаса, где десятки лет проживали русские. Каждую зиму дальневосточная русская эскадра простаивала в нагасакской бухте. Многие японцы понимали по-русски, но все же этот странный незнакомец, такой эксцентричный, обращал на себя их внимание.

Как только грянула война, японская полиция арестовала Ножина. Японцы в те времена очень хотели казаться европейцами и, не имея формальных поводов к обвинению Евгений Константиновича в чем-либо подозрительном, отпустили его.

Вполне понятно, что Ножин устремился в русский административный центр Дальнего Востока и в первый же месяц войны оказался в Порт-Артуре. Скоро вошел в контакт с высшими военными властями и стал сотрудничать в "Новом Крае". Сотрудники этой газеты, за исключением самого Артемьева, были люди бесталанные, поэтому Ножин сразу обратил на себя общее внимание. Он не был человеком большого образования или большого таланта, но несомненно был с публицистической изюминкой. Особенно ему помогло умение войти в близкий контакт с самыми высшими военными властями в городе, в крепости и на эскадре.

Генералам и адмиралам импонировало то, что Ножин был уже сотрудником "Русского Слова". Простоватый генерал Стессель при своих объездах строющихся укреплений и атакованных участков крепости, помпезно описываемых наутро в газете "Новый Край", всегда приглашал в свою свиту и Ножина. Сближения с Е. К. неизменно старались добиться и другие начальствующие лица, в том числе и вновь назначенный комендантом крепости генерального штаба генерал-лейтенант Смирнов, после того, как Стессель был надначен начальником всего Квантунского укрепленного района.

О значительности роли Е. К. Ножина в предании верховному суду генерала Стесселя и тяжести приговора над ним можно судить по тому вниманию, с которым выслушали суд и публика, переполнившая зал собрания "Армии и Флота", его обширные показания. Допрос Ножина продолжался несколько часов. Все обвинения Ножина, возведенные в его "Правде о Порт-Артуре" на генерала Стесселя, были судом проверены и Ножиным доказаны с документами в руках. По своей осведомленности в деле, думаю, Ножин превосходил и прокурора, и защитников. Говорил он своим басистым голосом спокойно и с достоинством. В переполненном зале стояла такая тишина, что даже в задних рядах можно было хорошо слышать, и Ножина, и Стесселя, и его защитника капитана Вельяминова, также порт-артурца и георгиевского кавалера.

Хотя суд тянулся больше трех месяцев, но день, в который давал показания Ножин, был одним из самых интересных. Об этом свидетельствовало не только настроение зала, но и отзывы всех петербургских газет, которые сочувственно отзывались на показания Ножина и приводили их в подробностях.

В перерывах заседаний суда среди публики шли оживленные споры между порт-артурцами, резко разделившимися на две группы: партия "стесселевцев" и партия "смирновцев". Люди этих партий так подозрительно относились к "беспартийным", что если "смирновец" увидит, что вы говорили со "стесселевцем", то считал вас шпионом противной стороны и избегал вас. Так же вела себя и обратная партия.

На всех заседаниях верховного суда бывало много военной публики и чуть ли не все порт-артурцы, находившиеся в столице. Многие специально прибы-

ли из провинции и, обычно, со своими женами. Вообще женский элемент в публике бросался в глаза.

На всех первых заседаниях верховного суда бывал и я с женой. В то время Ножин уже был знаком с ней. Он повел нас в ту сторону зала, где сидели тоже молодожены, военный инженер А. В. Швард (обед у которого я описал) и его молоденькая жена.

После нескольких первых заседаний, когда были проверены все вызванные сторонами свидители, председатель заявил, что каждый участник обороны Порт-Артура имеет право заявить суду о своем желании дать и свои показания по делу. Назначен был и предельный срок для этого.

У меня и, пожалуй, у меня единственного, были очень важные данные о состоянии здоровья гарнизона и его эффективной численности ко дню сдачи, которые косвенно могли послужить в пользу генерала Стесселя. Будучи знаком еще по ПортАртуру с капитаном Вельяминовым, защитником генерала Стесселя, я предварительно обратился к нему со своим предложением заявить суду мои данные. Затем о том же я говорил тоже "стесселевцу", полковнику Гандурину, которого также знал довольно близко еще в дни обороны.

Оба они отнеслись безразлично к моим словам. Я думаю потому, что неоднократно видели меня тут же в кулуарах суда беседовавшим с Ножиным и с другими "смирновцами" и моряками, которые в большинстве были против Стесселя. Тогда я решил воспользоваться предложением председателя суда и, как многие другие, заявить суду о своем желании дать свидетельские показания о фактах мало кому известных, но очень важных для дела.

Внезапно и очень тяжко заболела моя жена. Жизнь ее висела на волоске. Потом болезнь осложнилась. Я совершенно перестал бывать на заседаниях суда и упустил предельный срок для добровольных свидетелей. Когда через два месяца я стал вновь бывать на заседаниях суда, процесс уже подходил к концу.

***

Лично я далеко не разделял точки зрения Ножина на роль Стесселя в печальном конце Порт-Артура, по двум причинам: во-первых, Ножин уехал из Порт-Артура приблизительно за месяц до падения его и не видел и не знал в каком положении была крепость, когда Стессель послал парламентера; а надо помнить, что главное обвинение против Стесселя состояло именно в сдаче крепости; во-вторых, я лично знал о численном состоянии гарнизона крепости в день сдачи. Мои сведения касались главным образом распространения цынги среди защитников, еще находившихся на линии обороны ко дню сдачи. Сведения эти были важны потому, что ко дню сдачи на линии обороны протяжением в 25 верст в строю официально находилось будто бы 25 тысяч человек.

По сведениям же, собранным мною лично, на первом участке, среди находившихся на линии обороны было 50 процентов цынготных, которые, не будучи пригодными для дела, оставались в своих боевых командах (²). Это происходило по двум причинам.

1. В госпиталях и околотках не было больше мест. И, действительно, после сдачи в лечебных заведениях всех сортов обнаружено было японцами 18 тысяч больных и раненых. Это при гарнизоне до начала осады в 50 тысяч человек (вместе с моряками на кораблях и на берегу) и при 12 тысячах убитых и умерших в период тесной осады (сведения Главного военно-санитарного управления) (³).

2. Солдаты боялись госпиталей, где была большая смертность. В одном из полевых госпиталей на Тигровом полуострове в ноябре в одну ночь умерло 33 человека.

Следовательно, на линии обороны в день сдачи было не 25 тысяч бойцов, а только половина этого числа.

Боязнь госпиталей была основательной. В ноябре, в критические дни Высокой Горы, туда по приказу генерала Стесселя из переполненных госпиталей была послана с ружьями половина санитаров. Они наполовину погибли на ней. Кому же было ходить за больными?

Одну из таких рот, наспех сведенных из нестроевых госпитальных команд, вел в штыковую атаку военный врач, доктор Прусс, так же, как инженер-механики водили в атаку матросов и кочегаров с кораблей. А механики почитались тоже нестроевыми и даже не имели никаких чинов — ни военных, ни гражданских, — а только звания. Во главе одной из таких рот только накануне боя был поставлен князь Орлов-Диоборский, инженер-механик, при субалтерне морском прапорщике Сероштане, из торговых моряков. Рота эта в штыковом бою на Высокой потеряла в два дня из 262 человек — 200, из них 60 только убитыми. Убит был и прапорщик Сероштан.

В переполненных госпиталях, в палатах с пробитыми от бомбардировок стенами, в мороз и почти без еды, тяжелобольные оказались брошенными на произвол судьбы. Гарнизон это знал. После падения

(²) Все мои исследования о цынге, как прошедшие официальные инстанции по команде через флагманского доктора, статск. сов. А. А. Бунге до ген. Стесселя, вошли в издание исторической комиссии ген. Гурко о русско-японской войне в том, посвященный обороне Порт-Артура. Они были напечатаны также в издании Морского министерства «Санитарная часть флота в русско-японскую войну» в журнале «Морской врач». **Я. К.**

(³) Статистика эта неполна, т. к. составлена на основании документов дошедших из Порт-Артура до Главного военно-санитарного управления. Между тем, в ноябре и декабре по причине переполнения госпиталей во всех девяти стрелковых полках и других воинских частях, околотки сами собою обратились в «госпитали». В каждом из них японцами обнаружено было по несколько сот больных, главным образом цынгою. Точного числа убитых и умерших при обороне и быть не могло, ввиду разрухи в последний месяц, особенно в последние дни обороны и при сдачи крепости, когда офицеры были отделены от солдат и матросов. Истина где-то между 12 и 20 тысячами, о которых говорят некоторые другие источники. **Я. К.**

Высокой больные предпочитали оставаться на позициях в своих блиндажах и окопах, где у каждого были друзья, товарищи и свои офицеры, делившие с ними общие лишения и опасности.

Всего этого, совершившегося в последний месяц жестокой осады и славной обороны, Ножин не мог видеть сам и перечувствовать, как все мы оставшиеся там до конца. Отсюда вывод — генерала Стесселя можно было обвинять в факте сдачи. Крепости, как и корабли, гибнут, но не сдаются. Но нельзя было, однако, обвинять Стесселя в сдаче преждевременной. Не только все форты и укрепления были разрушены неприятелем и все командующие высоты ко дню сдачи были уже заняты, но по новому и по старому городу нельзя было днем передвигаться иначе, как под прицельным ружейным огнем противника. На 25 верст линии обороны оставалось всего около 12 тысяч бойцов. Часы Артура были сочтены, именно, часы! На утро 20 декабря крепость, вне всякого сомнения, была бы взята коротким штурмом. Преждевременности в сдаче не было. Преступлением генерала Стесселя — был только факт сдачи.

Если оправдали адмирала Рожественского, за которым числилось исключительное поражение, как же можно было приговорить к смерти генерала Стесселя после отражения пяти генеральных штурмов крепости в течение шести месяцев полной и тесной осады? Оборона Порт-Артура была победой, крупной и единственной в эту злочастную войну, — только запятнанной сдачей. Как бы ни были высоки заслуги скромного генерала Кондратенко и других, прославленных самим гарнизоном младших начальников, по и они не могут быть учитываемы иначе, как лепестки в лавровом венке высшего начальника.

Стессель был личным врагом Ножина. Ножин был прав в отношении Стесселя, как безвинно им преследуемый. Но он не был прав в отношении главного начальника крепости генерала Стесселя, как военный публицист и военный историк.

Правительство же допустило большую политическую ошибку. Внутреннее положение России после ненужной, случайной и проигранной русско-японской войны пришло в такое бурлящее состояние, что требовало от правительства сугубой бережности к единственному своему успеху в этой злочастной войне — легендарной обороне крепости Порт-Артур. Но оно поступило наоборот, само списало с актива императорской власти эту большую величину и к тому же еще перенесло ее в пассив и тем подготовило ее гибель.

Двукратным помилованием Стесселя, лишением мундира генералов Смирнова (коменданта крепости), Фока и Рейса судом оправданных, покойный Государь Император Николай II хотел воздать должное не только славной обороне крепости, но и личности ее начальника, отделив добро от зла. Но этим не была смыта ошибка, допущенная верховной властью.

Перед грозными тучами политической оппозиции в стране Ножин (я думаю — невольно) сыграл ей в руку. Верховный суд и смертный приговор над Стесселем — ошибка, навязанная верховной власти публицистической деятельностью, главным образом, Ножиным. В этом отношении Ножин — лицо историческое.

Библиография

После значительного перерыва, в издании "Дороховского Очага" вышел "Изюмский Изборник", номер второй (Чужбина, 1964, 48 страниц).

Если уже внешний вид этого "Изборника", изящно и тщательно изданного, на отличной бумаге, с большим количеством иллюстраций, выгодно отличает его обычных, скромных по внешности эмигрантских изданий, то и по содержанию своему, — а это, может быть, самое главное, — он заслуживает самого пристального внимания, удивления и одобрения.

Еще в первом выпуске, в 1952 году, неутомимый составитель и издатель "Изюмского Изборника" писал: "Моею задачею было, превозмогая все трудности, собрать как можно больше сведений о наибольшем числе тех, кто на протяжении почти трех веков творили Историю одного из славнейших Полков Русской Конницы — Полка Изюмского, к Семье которого я горд принадлежать". Отсюда понятно и объяснимо опубликование ряда мало известных документов, служащих дополнением к биографическому очерку о Дорохове, легендарном партизане-гусаре, герое достопамятного двенадцатого года. Отсюда понятны и объяснимы те многочисленные подробности в биографических очерках о генерале от кавалерии Л. Н. Вельяшеве и полковнике А. А. Панове. В этих мелочах и подробностях зачастую звучит столько красивой правды, что ни одна деталь или мелочь не кажется ненужной. Поистине достойный памятник ушедшим в иной мир Изюмцам воздвигнут автором их жизнеописаний, создателем "Изюмского Изборника", А. В. Балашевым.

Обращает на себя внимание сообщение "Изюмские Вожди"; в нем впервые в военно-исторической литературе публикуется хронологический перечень Полковников Изюмского Слободского Казачьего полка, Шефов и Командиров Изюмского Гусарского полка. Очень интересен очерк о происхождении герба Изюмского полка, а сообщение "Святой Дар" трогательно рассказывает о присылке в 1958 году "Дороховскому Очагу" Великой Княгиней Ольгой Александровной иконы Св. Николая Чудотворца, собственноручно Ею написанной. Полна той же красивой прав-

ды и последняя страница "Изборника", где в простых и немногих словах рассказано, в каких "муках" родился этот второй номер. В общем — ценный вклад в военно-историческую литературу и приятная новинка для библиофила, ищущего пополнить свое собрание изящным изданием, вышедшим в ограниченном количестве экземпляров.

Ю. Топорков

Семейная хроника

П. ШАТИЛОВ

Я родился 13 ноября 1881 года в казенной квартире моего отца, начальника Тифлисского юнкерского училища, генерального штаба полковника Николая Павловича Шатилова. Моя мать, Мария Петровна, рожденная Наливкина, родом из Саратова происходит так же из военной семьи. Ее отец, скончавшийся еще до замужества матери, оставил военную службу и перешел на службу по администрации. Насколько помню, из рассказов маей матери, он умер в должности саратовского вице-губернатора.

Первые мои воспоминания относятся ко времени, когда мне минуло пять лет. Наша семья к тому времени состояла из сетры Анны, меня и брата Петра. По приглашению деда, со стороны отца, генерала от инфантерии Павла Николаевича Шатилова, командовавшего в Казани 14-м армейским корпусом, она отправилась в Казань. Туда должны были съехаться все многочисленные сыновья и дочери деда, со своими сыновьями. Мой дед имел 3 сыновей и 6 дочерей.

Выехали мы из Тифлиса на перекладных по Военно-Грузинской дороге. В то время Тифлис не был связан железной дорогой с центром России. Была весна, но Крестовый перевал и его склоны были покрыты глубоким снегом. От станции Млеты, где дорога выходила из долины Арагвы и поднималась на перевал, мы ехали в экипаже, но на полпути до перевала пересели в возок на полозьях, так как непрестанно падавший снег покрыл большим слоем шоссейную дорогу. Время от времени мы въезжали в невысокие туннели сделанные из досок и построенные для предохранения догоги от снежных обвалов.

Когда мы были уже близко от станции Гудаур, у самого перевала, то по выезде из одного из туннелей, лошади возка испугались шума, несущегося позади них снежного обвала, вышли из повиновения возницы и понесли. Сани ударились о загородку дороги и возница, вылетев из саней, бросил вожжи. Положение стало крайне опасным, тем более, что от облучка саней, с которого можно было бы сравнительно легко перехватить вожжи, мы были отделены перегородкой. Это вынудило моего отца высунуться из саней и поймать развевающиеся вожжи. Захватив их ,он выскочил из саней и повис на них. Лошади остановились и мы отделались только испугом, но отец получил не мало ссадин и ушибов. Дальнейшее путешествие продолжалось без приключений.

Во Владикавказе мы пересели в поезд. Какой был наш дальнейший маршрут не помню, но одно время мы ехали по Волге, что нам, детям, доставило много новых впечатлений. По приезде в Казань наша семья остановилась у деда. Отец был старшим из братьев и сестер и поэтому нам было оказано это внимание. Вероятно и потому, что из всех съехавшихся членов семьи, отец был наименее обеспечен материально. Со времени своего производства в офицеры мой отец, как и другие из братьев, не пользовались никакой помощью от родителей, так как мой дед, хотя и был вполне обеспеченным человеком, считал, что его первый долго выдать своих многочисленных дочерей замуж, наделив их хорошим приданным. Один из моих дядей, Виктор Павлович, так же как и мой отец — офицер генерального штаба — занимал прекрасное положение, будучи начальником канцелярии Главноначальствующего на Кавказе, а другой — Владимир Павлович, строевой офицер, получил за своей женой большое приданое.

Представили меня деду не сразу. В доме деда, потерявшего несколько лет тому назад жену, мою бабку ,был заведен строгий распорядок. Одна из теток, оставшаяся незамужней, вела хозяйство. Дед жил довольно широко, принимал гостеприимно и, как высшее в Казани официальное лицо, должен был нести подобающее своему положению представительство. Все часы его были строго расписаны. Поэтому, только на второй день после нашего приезда нас, детей, повели к деду. Я хорошо помню этот день. Нас приодели и ввели в кабинет деда. Он сидел в кресле — большой, седой, с выражением строгости и даже суровости на лице, но с едва заметной улыбкой. Он был в тужурке, из-под которой виднелся белый жилет, на шее красовался белый крест Георгия 3 степени, который он получил в Турецкую войну 1877-78 г.г. за штурм Карса.

Дед был крупным человеком по своим нравственным качествам, по службе и по фигуре. Он был выпущен из Первого кадетского корпуса в л.-гв. Волынский полк, стоявший тогда в Петербурге. Кончил он корпус фельдфебелем и его имя занесено на мраморную доску в корпусе, как окончившего первым. В то время в корпусе были специальные классы, из которых воспитанники выпускались офицерами. В Волынском полку дед служил до чина штабс-капитана. В сороковых годах он был сослан на Кавказ за дуэль и переведен в Эриванский карабинерный — впоследствии лейб-гренадерский Эриванский — полк. С этим

доблестным полком, командуя батальоном, он участвовал в бесконечных боях при покорении Кавказа, получил много боевых наград и чин полковника. Он несколько раз был ранен, причем один раз в голову, и эта рана была очень серьезной. В полковой штаб-квартире, в урочище Манглис, он женился на дочери военного врача Герарди д'Арецо. Одно время он был начальником Сухумского округа, а затем получил в командование Белостокский пехотный полк. Война 1877-78 г.г. застала его в должности начальника 40-й пехотной дивизии, находившейся на Кавказе. Эта дивизия под его командой внесла не мало славных страниц в историю Кавказской армии и особенно отличилась при штурме Карса, за который, как упомянуто выше, дед был награжден орденом св. Георгия 3 степени, что представляло собой выдающуюся награду, так как этот орден ему был пожалован без того, что он имел 4-ю степень этого ордена. Его именем был назван один из фортов Карса внутренней ограды, тот самый, который он атаковал своей дивизией.

Судьба моего прадеда, отца моего деда, весьма интересна. Он был итальянцем и происходил из дворянской семьи Герарди д'Арецо. Звали его Францем. Юношей, еще не закончившим высшего образования, он принял участие в движении карбонариев, боровшихся за объединение Италии. Преследуемый властями он должен был бежать за границу. Кое-как он добрался до Константинополя, где, не имея связи с родными, без средств, он должен был искать работы. Один из его соотечественников, с которым он познакомился, посоветовал ему избрать занятие врача, так как в то время в турецкой столице европейских врачей не было. Герарди нашел эту мысль удачной и стал по книгам знакомиться с медициной, о которой до этого не имел никакого понятия. Но недостаток средств вынудил его начать практику, хотя не был подготовлен даже быть фельдшером. Однако он увидел, что врачевание — это его призвание и продолжал изучать медицину. Скоро он приобрел большую клиентуру и спустя два года был приглашен лечить жен султана. При посещениях гарема, он увлекся одной из султанских жен и участил к ней визиты. Это показалось подозрительным главному евнуху и усердному врачу грозило быть посаженным на кол... По счастью он был своевременно предупрежден одним из европейцев, служителем сераля, что позволило Герарди немедленно скрыться. Он пробрался ночью на какой-то корабль, залез в трюм и вышел на палубу, когда корабль уже был в море. Явившись капитану, оказавшемуся греком, он рассказал свою историю и просил высадить его где-либо, но только не в Турции. Оказалось, что судно, с каким-то грузом, шло в Поти.

Высадившись в Поти, Герарди явился русским властям и просил дать какую-нибудь работу. Русский язык он, естественно, не знал, но хорошо владел французским. Ему ответили, что без знания русского языка ему едва ли удастся устроиться в Поти и посоветовали обратиться в штаб одного из пехотных полков, стоявший в то время недалеко от города.

Герарди так и сделал. На его счастье в полку, разбросанном по постам Западного Кавказа, ощущался большой недостаток в медицинском персонале и полковой врач, хорошо знавший французский язык, предложил быть его помощником на положении вольнонаемного служащего. С тех пор судьба сроднила его с Кавказом. В 1818 году он сдал экзамен на доктора при Харьковском университете и по собственному желанию был определен в Ширванский пехотный полк "младшим лекарем", а через два года был произведен в "штаб-лекари" и затем назначен в Навагинский пехотный полк. Вместе с этими полками Герарди провел их многочисленные походы на Кавказе. Во время одной из стоянок в терской станице он влюбился в гребенскую казачку, которая стала впоследствии его женой. Из армии он перешел на службу в Тифлисский военный госпиталь и до конца своей жизни прожил в Тифлисе. Одна из его дочерей и стала женой моего деда ([1]).

Приглашая своих детей в Казань, дед как будто бы чувствовал приближение своей кончины. Во время нашего пребывания у него в гостях в Казань прибыл бывший главнокомандующий Кавказской армией, Великий Князь Михаил Николаевич для производства смотров войскам 14-го армейского корпуса. Смотры должны были закончиться большим парадом под командою моего деда. В самом начале парада он почувствовал головокружение, иногда случавшееся и длившееся несколько минут — это было последствие его тяжелого ранения в голову. На этот раз дед был верхом и, чувствуя головокружение, начал падать с коня. Лошадь испугалась и понесла. Нога осталась в стремени и когда лошадь остановили, то дед был без сознания. У него нашли пролом черепа. Через несколько дней он скончался в госпитале. Его хоронил его бывший Августейший Главнокомандующий, боевой товарищ по Турецкой войне, и вся собравшаяся, по его желанию, многочисленная семья,

В числе съехавшихся к деду был и его младший сын, Владимир Павлович. Он незадолго до того был освобожден из Петропавловской крепости, куда был заключен по подозрению местного жандармского управления в революционной деятельности. Служа в Казани, он стал вдруг получать по почте революционную литературу. Он не придал этому особого значе-

([1]) Краткая биография Франца Петровича Герарди (1792-1857) напечатана в «Русском биографическом словаре» (том Гаак-Гербель. М. 1914, стр. 466) и в ней сказано, что он приехал в Россию, «увлекшись романтическим представлением о Кавказе». Однако, автор «Семейной хроники» объясняет причину этого приезда на Кавказ иначе. Интересно отметить, что по предположению известного «лермонтоведа» Ир. Андроникова М. Ю. Лермонтов знал Герарди по Кавказу и когда в своем очерке «Кавказец» поэт писал, что «настоящего кавказца из статских можно встретить в Грузии только между полковых медиков», то, по мнению Андроникова, Лермонтов имел в виду Ф. П. Герарди, с которым поэт встречался в Тифлисе. (См. Ир. Андроников. Лермонтов. М., 1964, стр. 351). **Ю. Т.**

ния и даже не трудился ее уничтожить и сообщить об этом по начальству. Он лишь делился об этом со своим отцом. Жандармское управление, следя за распространением революционной литературы, обнаружило на почте пакеты на имя Владимира Павловича и посчитало это достаточным основанием для ареста. Произведенный у него на квартире обыск обнаружил несколько брошюр, и участь дяди была решена: его отправили в Петербург в Петропавловскую крепость.

Дело затянулось, так как от дяди ничего не могли добиться. Действительно, Владимир Павлович не знал кто ему посылал эту литературу и вообще не имел никаких связей с революционными кругами. Когда прошло более полугода с момента его ареста, мой дед поехал в Петербург и обратился непосредственно к Императору Александру III. Государь, хорошо знавший деда, и не сомневавшийся, что его ручательство о невинности сына достаточно — приказал министру юстиции лично ему доложить дело. Через несколько дней мой дядя был освобожден. За то же, что он напрасно пострадал, был по представлению военного министра произведен в следующий чин. Владимир Павлович очень не любил, чтобы ему кто-либо напоминал об этом злоключении. Хотя впоследствии он дослужился до чина генерала от инфантерии и достиг, во время Великой войны должности командира корпуса, но всегда считал, что чин полученный им за сидение в крепости, является незаслуженным.

**

В 1889 году мой отец получил назначение в Москву начальником Московского пехотного юнкерского училища. Выехали мы весной и опять по Военно-Грузинской дороге. На этот раз мы достигли Владикавказа без всяких приключений и отсюда ехали по железной дороге до Москвы. Прибыли мы прямо в здание училища, где у начальника была казенная квартира — комнат в 15-16, но без всякой обстановки. Родителям пришлось спешно ее обставлять. Первые дни мы, дети, проводили в прогулках с денщиком, так как ни гувернанток, ни прислуги не было. Но в два-три дня появились кровати, столы и вообще некоторые комнаты стали обставляться. Появились горничные, кухарки и гувернантка-немка. До тех пор у нас были гувернантки, или француженки, или французские швейцарки. Немецкого языка мы тогда не знали вовсе и воспылали к нашей немке лютой ненавистью. Ее нам скоро заменили француженкой. К этому времени мне было 8 лет и с этого времени я хорошо помню все прошлое.

Через несколько месяцев после приезда в Москву отец получил печальное известие о кончине брата Виктора Павловича. Одновременно он получил его генеральское обмундирование, которое стали перешивать на фигуру отца, к тому времени произведенного в генералы.

Мне было еще только 9 лет, когда меня отдали в корпус. Для этого, как ни странно, было необходимо Высочайшее разрешение, так как по положению, в первый класс корпуса могли поступать мальчики не моложе 10 лет. Помню, что подходило время экзаменов, а ожидаемое разрешение не приходило. Моя мать, которая меня подготовляла сама, волновалась и говорила, что не знает что будет со мною делать, если меня к экзаменам не допустят. Да и мне самому не терпелось надеть кадетский мундир.

Наконец, разрешение пришло и, вместе с тем, я был зачислен в пажи-кандидаты, как внук генерала от инфантерии. Приемный экзамен я выдержал хорошо и тотчас же был облачен в кадетскую форму 1-го Московского кадетского корпуса. Первые дни я без отдыха ходил по улицам, чтобы отдавать честь проходящим офицерам. Это меня очень забавляло. Скоро началось и учение. Я был приходящим, хотя мне очень хотелось первое время жить в корпусе, да и кроме того, я жаждал освободиться от желтой нашивки внизу погона, обозначавшей мое состояние экстерна. Нашивку мне сняли на следующий год, но жить в корпусе не пускали родители, да и сам я уже к этому не стремился. Учился я хорошо, но на первое место не выходил. Достичь этого, впрочем, я не старался и на приготовление уроков не налегал. Хуже всего у меня шли русские диктовки, лучше всего — математика и география.

Хорошо помню преподавателей и воспитателей. Они почти все без исключения оставили наилучшие воспоминания. Подбор их был прекрасный. Особенную память оставил преподаватель географии, полковник, потом генерал в отставке, Ряднов. Это был замечательный преподаватель и редкий русский патриот. Он был очень строг, давал иногда за "леность" подзатыльники и был чрезвычайно требовательным. Кадеты его боялись и не решались давать ему прозвища, которыми обыкновенно награждали решительно всех и, надо сказать, очень удачно. До последнего класса он говорил всем кадетам "ты". Ряднов заставлял нас много чертить, задавал вопросы всегда по немым картам, баллы ставил очень строго. У него нельзя было вызубрить урок, а надо было хорошо его усвоить.

Когда мы, насколько помню, в третьем классе проходили географию России, он требовал не только знания того, что находилось в принятом в корпусе учебнике, но спрашивал нас и по своему собственному, розданному нам, учебнику — "Родиноведение", соединявшее географические данные с нашей отечественной историей. Поэтому мы хорошо знали все исторические памятники России, а также имели понятие о неисчерпаемых природных богатствах нашей родины. Впоследствии, много лет спустя, когда я держал экзамен в академию генерального штаба, то экзаменовавший меня профессор, полковник Огородников, после моего, весьма удовлетворившего его, ответа, спросил меня, не ученик ли я Ряднова.

В 1900 году мне пришлось быть в Москве. Я пришел в корпус, но почти никого не застал из старых знакомых. Там мне рассказали, что Ряднова уволили. Он провинился перед директором корпуса, генералом

Завадским. На один из уроков Ряднова пришел Завадский в тот самый класс, в котором учился его младший сын. Этот мальчик оказался как раз у доски и совершенно не удовлетворял Ряднова своим ответом. Не стесняясь присутствием директора-отца, он назвал сына, принятым им для неудачников прозвищем, "свинчаткой". В ответ на это Завадский предложил Ряднову покинуть урок и его уже в корпусе не видели. Конечно нельзя оправдать выходку Ряднова, но и увольнение такого преподавателя из-за неудачливого директорского сына тоже неосновательно.

Вспоминая о 1-м Московском корпусе, невольно видишь наше прекрасное громадное здание екатерининских времен, бывший дворец, с тронным залом в два света, необычайной высоты и громадным по площади, с царскими портретами, с огромной столовой, вмещавшей до 600 кадет, обедавших одновременно. Эта столовая имела посередине два ряда колонн, образующих коридор в 4-5 аршин шириной. По его сторонам стояли столы на 25-30 человек. Спальни, классы, рекреационные залы для каждой из трех рот, залитые светом и хорошо обставленные, несколько лазаретов, приемные залы, обширная церковь — все это было широко и красиво. Корпусу также принадлежал громадный парк, называвшийся Лефортовским садом. В прошлом этот парк принадлежал Лефортовскому дворцу, находившемуся по другую сторону реки Яузы. Длина парка была не меньше полуверсты, а ширина немногим меньше. В нем было до десяти прудов. Но пользоваться этим садом кадетам не разрешалось, разве только старшим классам, да и то изредка. Посторонней публике вход туда тоже был запрещен. Но, по воскресеньям, будучи в отпуску, мы собирались целыми группами кадет и гимназистов, перебирались через высокий забор, отделявший парк со стороны Московского юнкерского училища, и бродили по нему, придумывая разные игры. Особенно забавлялись мы зимой, устраивая самодельные лыжи и пробираясь по глубокому снегу во все уголки огромного парка. Зима особенно благоприятствовала нам, так как мы не рисковали встретить кого-либо, кто бы нас мог из парка выгнать, что случалось иногда в другие времена года.

В 1892 году скончалась моя сестра Анна, заболевшая скарлатиной, осложнившейся менингитом. Вскоре скончалась сестра матери, Емануилова, и ее дочь Надежда, оставшаяся с двумя братьями круглыми сиротами, была привезена к нам в дом. Мой брат Петр к тому времени поступил тоже в 1-й Московский кадетский корпус.

До 1895 года жизнь нашей семьи текла без всяких существенных перемен. Летом училище, начальником которого был мой отец, выходило в лагерь расположенный во Всехсвятской роще, недалеко от Ходынского поля. У отца была, в самом лесу, прекрасная казенная дача. Переезд в лагери мы ожидали с нетерпением и к нему заранее готовились. Я выпиливал из досок игрушечные ружья для раздачи мальчуганам, моим сверстникам, принадлежавшим к семьям разных служащих Училища, начиная от сыновей уборщиков и кончая детьми старших офицеров. Почти ежедневно, все лето, мы собирались на маленькой площадке около нашей дачи, где разбивались две палатки из старых простынь, и проделывали разные строевые занятия. Одновременно я старался не пропускать строевые занятия юнкеров, чтобы научиться тому, что для меня было ново.

Я знал хорошо многих юнкеров и среди них имел друзей и приятелей. Особенно я дружил с юнкером Галатовым, вышедшим затем в Семеновский полк. Он, между прочим, замечательно играл на гитаре, играя на ней по нотам для рояля. Я его встретил потом только в эмиграции. Как и многие русские в Париже, он зарабатывал на жизнь тяжелым трудом, выступая с гитарой в ресторанах. Я знал всех фельдфебелей и других, выделявшихся, юнкеров. В то время в Училище было одногодичное отделение, состоявшее из юнкеров окончивших высшие школы. Среди них был юнкер уже женатый, что было совсем необычно. Он кончил университет и консерваторию и обладал прекрасным голосом; поэтому стал он в Училище регентом хора. Многие считали, что ему лучше бы было посвятить себя артистической карьере, чем стать военным. Впрочем, он так впоследствии и поступил. Это был Собинов — известный певец.

Когда юнкера выходили на стрельбу, я был неизменным ее участником. Один из офицеров училища, благоволивший ко мне, каждый раз выдавал мне по пяти патронов и разрешал стрелять в последней смене. Тогда войска были вооружены еще берданками, стреляли черным порохом, дававшим большую отдачу. Это было мне довольно больновато, да и кроме того держать берданку стоя мне было не по силам и я стрелял с колена или лежа, упирая ствол берданки на закрытие из дерна. Когда мне стало лет 14, пробовал ездить верхом на отцовской лошади, но это мне казалось недостаточным, так как хотелось научиться ездить хорошо. Рядом с училищем отца, в лагере, находилось Тверское кавалерийское училище. Его начальник и эскадронный командир бывали у моих родителей и я все старался им дать понять, чтобы мне разрешили сесть на строевого коня и научили хорошо сидеть в седле. Наконец, это удалось. Меня посадили на "Золотистого", хорошо выезженного коня, и один из унтер-офицеров Тверского училища, из нижних чинов, стал меня гонять по манежу. С тех пор моя страсть к пехотному строю стала сходить на нет и я определенно решил, что буду кавалерийским офицером. Но, к сожалению, то лето было моим последним во Всехсвятском лагере, так как отца назначили директором 3-го Московского кадетского корпуса. Прощай, милый полковник "Афонька", как его называли Тверские юнкера, и мой прекрасный конь "Золотистый".

(Продолжение следует)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

№ 26

НОЯБРЬ 1965 года

СОДЕРЖАНИЕ

•

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Издается на правах рукописи.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление Общества с глубокой скорбью сообщает о кончине члена Правления

БОРИСА ПЕТРОВИЧА **КУКЛОВСКОГО,**

последовавшей 10 октября сего года.

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию И. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию А. А. Ракович — 10, Seebachergasse, Graz.

АНГЛИЯ. — Е. А. Барачевская — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

— Член Об-ва и его представитель на Нью-Йорк — Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57, (N.Y.).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, «Le Jardin», Landevènnec par Argol (Sud-Finistère).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеются еще нижеследующие издания Об-ва:

1. — **"Записка о службе А. В. Суворова"** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.

2. — Номера **"В. И. Вестника",** начиная с № 8. Цена — 3,00 фр. или 0,80 дол. или 3,00 франка.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на бронзовые медали: 1) Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2) С.-Петербурга (1703-1953), 3) Обороны Севастополя (1855-1955), 4) Полтавской победы (1709-1959), 5) Отечественной войны (1812-1962) и 6) Пятидесятилетия начала первой мировой войны (1914-1964).

Цена Полтавской медали 9 фр. или 2,50 америк. доллара или 10 фр.; цена Севастопольской — 10 фр., 2,50 долл. и 11 фр.; цена медали Гвардии или Петербурга или 1812 года 14 фр., 3,50 долл. и 15 фр., цена медали 1914 года 16 фр. или 4 доллара или 17 франков.

В настоящее время, за исключением Полтавской медали, которая высылается немедленно по получению заказа, заказы на остальные медали выполняются в зависимости от имеющегося запаса и, таким образом, между получением заказа и отправкой заказанного может пройти от нескольких дней до, в худшем случае, двух месяцев.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Суммы, поступившие в счет Издательского Фонда, после выхода № 21 «В. И. Вестника», с 1 января 1962 года по 1 июля 1963 года во франках:

И. А. Ллойд — 5.00, Е. С. Фишер — 40.00, М. А. Джаншиев — 70.00, В. А. Васильев — 10.00, Ф. И. Бокач — 10,00, М. А. Джаншиев — 100.00, Музей Русской Конницы через В. П. Дробашевского — 4.89, Н. И. К. — 500.00, А. В. Борисов — 5.00, Н. Г. Стортенбекер — 7.50, кн. Н. Н. Оболенский — 11.00, Л. С. Пеньков — 5.00, гр. П. П. Коцебу — 40.00, В. Н. Загоровский — 90.00, М. А. Лютовский — 13.50, кн. Н. Н. Оболенский — 10.00, Б. Ф. Козлянинов — 5.00, П. В. Ден — 7.82, Л. Н. Немиров — 5.00, И. А. Ллойд — 5.00, М. А. Джаншиев — 90.00, отец Ф. Бокач — 10.00, Е. С. Фишер — 40.00, В. С. Авьерино — 10.00, Г. Г. Пайчадзе — 10.00, М. В. Штенгер — 30.00, А. В. Щитков — 5.00, кн. Н. С. Трубецкой — 100.00, Г. А. Бороздин — 7.50 и А. Б. Серебряков — 5.00.

Правление приносит искреннюю благодарность всем вышеуказанным лицам, а также всем членам и друзьям Общества, которые сочли возможным внести членский взнос или плату за «В.-И. Вестник» в увеличенном, в сравнении с установленным, размере.

ОШИБКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ
(в № 25-м «В.-Ист. Вестника»)

В статье С. А. Топоркова «Корнет К. Н. Батюшков» на странице 14-й, 9-я и 10-я строчки снизу (левый столбец), напечатано: «Московский Цесаревича Алексея Николаевича лицей»; надо исправить: «Императорский лицей в память Цесаревича Николая в Москве».

В статье П. Н. Шатилова «Семейная хроника» на странице 30-й, 22-я строчка сверху (левый столбец), напечатано: «отца моего деда»; надо читать: «отца жены моего деда».

Некоторые памятные даты в 1966 году

375 ЛЕТ. — Основание Уральского казачьего войска (старшинство 9 июля 1591 г.).

225 ЛЕТ. — Объявление Шведцией войны России (28 июля 1741) и победа фельдмаршала гр. П. П. Ласси под Вильманстрандтом (22 августа 1741). Вступление на престол Императрицы Елисаветы Петровны (25 ноября 1741).

175 ЛЕТ. — Взятие ген. И. В. Гудовичем крепости Анапа (22 июня 1791). Победа ген. кн. Н. В. Репнина над турками при Мачине (28 июля 1791). Победа контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова над турецким флотом у мыса Калиакрии (31 июля 1791). Смерть фельдмаршала кн. Г. А. Потемкина Таврического (5 октября 1791). Заключение Ясского мира (29 декабря 1791).

150 ЛЕТ. — Основание 4-го, 5-го, 6-го, 8-го и 9-го Саперных батальонов (старш. 11 января 1816).

125 ЛЕТ. — Смерть М. Ю. Лермонтова (15 июля 1841).

100 ЛЕТ. — Поход в Бухару ген. м. Д. И. Романовского в 1866 году и разбитие им бухарцев при Ирджаре (8 мая), взятие Ходжента (24 мая), Уре-Тюбе (20 июля) и Джизака (18 октября).

50 ЛЕТ. — Третий год Первой мировой войны (1916 г.).

Семейная хроника

П. Н. Шатилов

(Продолжение)

В 1894 году к отцу приехал, проездом через Москву, его товарищ по корпусу и по академии генерального штаба, генерал А. Н. Куропаткин, занимавший тогда должность начальника Закаспийской области Куропаткин заезжал к нам несколько раз и, видимо, был очень рад встретить моего отца, своего старого друга. Уже после первого визита Куропаткина отец мне рассказывал, что тот был на одном курсе с ним в академии и всегда удивлял своих товарищей уверенностью в ответах. На их вопросы, чем вызывается эта уверенность, он отвечал, что хорошо подготовившись к экзамену, он лучше экзаменаторов знал предмет. Говорил мне отец и о его блестящем прошлом во время Турецкой войны и завоевания Туркестана Скобелевым, у которого он был неизменным начальником штаба. Но мне и без рассказов отца было ясно, что Куропаткин выдающийся генерал — я не спускал глаз с его Георгиевского креста на шее. После деда, я ни у кого этого ордена на шее не видел и это мне импонировало больше, чем все рассказы отца. Позже, Куропаткин заезжал к нам еще несколько раз в Москве, во время коронации, и в Петербурге, когда мой отец был начальником — с 1899 по 1901 г. — Павловского военного училища.

Как я упоминал выше, мой отец был назначен директором 3-го Московского кадетского корпуса. Это было в 1896 году. Мне тогда было 14 лет, и я уже интересовался службой отца и понимал, что это назначение заканчивало его служебную карьеру. В то время, обыкновенно, директора корпусов оставались в своих должностях десятки лет и никакого другого назначения больше не получали. Поэтому решение отца мне казалось неестественным. Он был еще совсем молодым генералом (ему было в ту пору 47 лет) и был он на прекрасном счету у начальства, так как привел Московское юнкерское училище в блестящее состояние. Он провел ряд реформ, принятых затем во всех юнкерских училищах. Он довел преподавательский состав до большой высоты и заместил курсовых офицеров исключительно офицерами, окончившими академию генерального штаба, но не выполнившими условий для перевода в Генеральный штаб.

Иногда, за столом, отец с матерью делились своими мыслями о служебном положении отца. Узнав о решении его принять кадетский корпус, у меня явилось желание получить от него самого объяснения на те вопросы, которые были для меня неясными. Я пошел к нему в кабинет и спросил, что именно заставило его согласиться на оставление строевой службы. Он мне объяснил, что ему пришлось бы принять пехотную дивизию или бригаду, стоявшую в глухой провинции, что вынудило бы его расстаться с нами, детьми, а матери, после кончины моей сестры, было бы особенно тяжело все это перенести. Это был мой первый серьезный разговор с отцом, при этом я почувствовал себя почти взрослым и с этих пор наши отношения приняли особо дружеский характер.

Я постараюсь дать здесь краткую характеристику моего отца. Внешний вид его был строгий, суровый, но с годами эта внешняя строгость как-то сгладилась. На самом деле это был чрезвычайно добрый и доброжелательный в общении человек. Необычайно привязанный к своей собственной семье, он эту привязанность распространял и на своих многочисленных родственников, включая и родных моей матери. У нас в доме гостили месяцами, а иногда и годами, родные моих родителей.

Отец был человек большой эрудиции. Большую часть своего свободного времени он проводил за книгами главным образом исторического и философского содержания. Он знал прекрасно иностранную литературу. Помню мы вдвоем путешествовали в 1902 году по Европе и он поражал меня исключительным знанием истории и давал зачастую такие объяснения, какие не мог дать даже хороший гид.

Будучи выдающимся воспитателем военного юношества, он в дальнейшем проявил себя исключительным администратором, особенно тогда, когда ему приходилось замещать Наместника на Кавказе целыми полугодиями. Однако в это время его всегда очень тяготила "представительная" часть: он не любил ни принимать парады, ни участвовать на праздниках войсковых частей или в других официальных торжествах. В должности помощника Наместника на Кавказе отец пробыл около семи лет. За это время ему приходилось часто участвовать в различных совещаниях в Петербурге по военной и гражданской части. Еще за два года до его назначения в Государственный Совет он был оповещен, что последовало Высочайшее повеление назначить его членом этого Совета, если бы мой отец пожелал оставить действительную службу. Но назначение отца в Государственный Совет было принято без его о том ходатайства. Отец еще не собирался покидать службу на Кавказе и назначение это для него было почти неожиданностью. Это произошло в 1914 году перед войной. Членом Государственного Совета его застала революция 1917 года. Он приехал тогда с моей матерью ко мне в Тифлис, где скончался в 1919 году, в то время, когда я находился на Северном Кавказе в рядах Добровольческой армии. Его могилы я никогда не видел, не знаю, сохранилась ли она.

Моя мать Мария Петровна, 16-летней девушкой окончила с шифром Екатерининский институт в Пе-

тербурге. Приехав со своим отцом домой в Саратов, она там познакомилась с моим отцом. Свадьба состоялась не скоро. Отец к тому времени, как офицер Генерального штаба, получил назначение на Кавказ и только спустя год, устроившись в Тифлисе, вернулся в Саратов, чтобы отпраздновать свадьбу. Моя мать, со слов всех, кто ее знал, была статной и красивой женщиной, свою прекрасную фигуру она сохранила до конца своей жизни. У ней был чрезвычайно твердый, прямой и, пожалуй, властный характер. В обществе ее боялись, т. к. она не стеснялась высказывать мнения часто неприятные для собеседников. Моя мать прекрасно знала французский язык и хорошо говорила по-немецки. Она много читала, но подбор ее чтения отличался от того, что интересовало отца. Она выбирала для чтения русскую литературу и современную французскую. Читала и серьезные труды, причем ей достаточно было просмотреть какую-нибудь книгу, остановиться внимательно на главнейших ее частях, чтобы овладеть ее содержанием.

В доме моя мать была более других убежденной и принципиальной монархисткой. Смущение умов перед революцией и развившиеся в то время антимонархические течения, затронувшие высшие слои общества, ее совершенно не коснулись. Даже в период Гражданской войны, когда я занимал известное положение в армиях Юга России и пошел по линии "белой" идеологии, она нисколько не поддалась этой высокой и патриотической, по принципу, политической мысли и осталась по-прежнему убежденной монархисткой. К нам, детям, она была строга, но могла быть и чрезвычайно ласковой. Когда я остался один из всех ее шестерых детей, то она, естественно, сосредоточила на мне всю свою материнскую любовь. Скончалась она в Париже (Курбевуа) на моих руках от старческого туберкулеза.

***

В 1-м Московском корпусе я учился вместе с сыном нашего директора, кадетом Емилианом Завадским. При переходе в шестой класс Завадский перевелся в Пажеский корпус и уехал в Петербург. На рождественские каникулы он приехал в Москву, где оставались его родители, и мы с ним встретились. Увидев его красивый мундир и услышав его рассказы о Пажеском корпусе, мне сразу с этого дня захотелось поступить в пажи. Это было вполне возможно, так как я уже давно был зачислен в пажи-кандидаты. Помню хорошо, что меня особенно привлекал пажеский мундир и это было, к моему теперешнему стыду, главнейшим толчком принять решение быть пажом и просить родителей отправить меня в Петербург. Начал я разговоры с матерью, так как знал, что от нее главным образом зависит окончательное решение — выпустить меня из дому или нет. Мать вначале видимо колебалась, но, в конце концов, отец написал соответствующее письмо директору Пажеского корпуса, в результате чего, недели через три мать повезла меня в Петербург. Вакансий, однако, в моем, 6-м, классе не оказалось и я мог поступить только экстерном, то есть — жить у кого-нибудь из знакомых и на занятия приходить в корпус.

У моих родителей в Петербурге были друзья в лице семьи начальника Военно-юридической академии, генерала Платонова. Эта семья охотно согласилась взять меня к себе. Мать, после короткого пребывания в Петербурге, уехала обратно, а я остался у Платоновых, впервые оказавшись вне родного дома, вдалеке от родных. С пажеским мундиром, который меня так привлекал, я быстро свыкся, а близость родителей и семьи потерял. Я помню, что я очень остро переживал эту первую разлуку со своей матерью.

Приютившая меня семья Платоновых была для меня поистине второй родной семьей. Генерал Флорентий Николаевич был исключительно образованный человек, доступный и добрый. Его жена, Наталья Васильевна, добрейшая и сантиментальная женщина, ухаживала за мной как за родным сыном. Но самым близким в этой семье мне был Николай Флорентьевич, артиллерийский офицер, проходивший курс Михайловской артиллерийской академии и его сестра, Елена Флорентьевна, тогда лет 20-22, чрезвычайно симпатичная, но как и мать крайне сантиментальная.

В этой семье я провел более полугода. Только в следующем году я был принят в корпус интерном, но по субботам и воскресеньям, находясь в отпуску, я продолжал жить у Платоновых. Эта семья мне много дала в смысле умственного развития. Прежде всего оттого, что я не проводил время с моими братом и сестрой моих лет, а находился в обществе друзей много старше меня. Это, при моих тогда 15-ти годах, в самый разгар индивидуального развития, сыграло большую роль. Я переменил характер чтения; об авантюрных романах не стало и речи. Читал классиков, журналы и другие серьезные сочинения. Соприкоснулся даже со спиритической литературой. Сын Платоновых, хотя и не был спиритом, но будучи ученым математиком, искал в этой литературе признаков четвертого измерения. Помню, что мы с ним изучали Лобачевского и старались найти опровержение его теории о величине "пи". Лобачевкий пришел к заключению, что "пи" равняется корню квадратному из десяти. Мы часто с генералом и его сыном вели по вечерам дискуссии по прочитанным книгам. Это для меня было особенно интересно и поучительно. Я сам чувствовал, что начинаю развиваться, у меня стали меняться вкусы и я стал задумываться над такими вопросами, которые раньше не приходили в голову.

Семья Платоновых была крайне правых убеждений. В молодости генерал был либералом, но постепенно и вполне искренне уверовал, что форма правления в России должна покоиться на высоком принципе абсолютной монархии. Как ни странно, я не вполне поддался этим ультраправым настроениям и иногда в разговорах с Флорентием Николаевичем осторожно высказывал сомнение в правильности идеологии аб-

солютного самодержавия. Но во всяком случае семья Платоновых не мало повлияла на меня, как и уроки моего московског преподавателя географии Ряднова, в развитии во мне патриотических чувств. С этой милой семьей я продолжал самую тесную связь до перевода моего на службу на Кавказ. По окончании артиллерийской академии Николай Флорентьевич вернулся к строевой службе и получил батарею в Вильно, куда я к нему, время от времени, приезжал. Его сестра вышла замуж за своего, всегда в нее влюбленного, друга детства фон Крита, бывшего в то время офицером-воспитателем в Пажеском корпусе.

**
*

Как известно, Пажеский корпус помещался в здании, принадлежавшем некогда гр. Воронцову, но откупленном впоследствии в казну. При Императоре Павле I оно принадлежало ордену Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийскому), а позже, в 1802 году, туда был переведен Пажеский корпус. От Мальтийского ордена в здании корпуса сохранился прекрасный католический храм, считавшийся официально церковью дипломатического корпуса.

Внешний вид корпуса имел характер дворца. Он был выкрашен в розовато-палевый цвет, каким было окрашено в то время большинство петербургских дворцовых построек. Внутри находились помещения рот, классы, столовая, приемные комнаты, парадный Белый зал, но они мне показались не такими обширными, как в 1-м Московском корпусе, и были прекрасно обставлены и вполне достаточно для численного состава корпуса, который был много меньше, чем в кадетских корпусах.

Корпус имел общие классы, начиная с 3-го (кадетского) и два специальных класса (юнкерских), из которых пажи выпускались офицерами. В то время как юнкера военных училищ, при производстве в офицеры, выбирали себе вакансии, которые распределялись Главным штабом между училищами, пажи могли выбирать полки, руководствуясь исключительно своим желанием. Ограничения касались лишь Гвардейских Артиллерийских бригад, в которые выпускались только по одному на каждую. Пажеский корпус имел целью пополнять офицерский состав гвардейских полков, но из каждого выпуска несколько пажей выходили в армейские полки, и в мое время преимущественно в Нижегородский драгунский, стоявший на Кавказе.

По положению, в Пажеский корпус могли поступать сыновья и внуки генерал-лейтенантов. Родители должны были подавать прошения и, приказом министра Императорского Двора, они зачислялись в пажи-кандидаты. Но в корпус поступали мальчики и не только из военной семьи. Министр Двора не отказывал в зачислении в пажи-кандидаты сыновьям родовитых дворян и заслуженных чиновников и дипломатов. Среди пажей было много сыновей титулованных и очень богатых фамилий. На Пажеский корпус средняя русская среда смотрела обыкновенно с известной предвзятостью. Считалось, что предявляемые к пажам требования были довольно поверхностны, что строевые занятия давали не достаточную подготовку и что учебные занятия велись слабо. Но это совершенно не соответствовало действительности. Конечно, в отношении строевой подготовки некоторые училища, как, например, Павловское пехотное и Николаевское кавалерийское, давали лучше подготовленных в строевом отношении офицеров, но все же подготовка пажей по строевой части была вполне хорошей.

Относительно учебных занятий скажу, что они велись часто много лучше, чем в военных училищах. В специальных классах мы имели среди преподавателей не мало профессоров военных академий и высших гражданских школ. При выпусках в офицеры, один или два пажа обыкновенно шли на гражданскую службу, преимущественно по министерству иностранных дел, выбирая для себя дипломатическух карьеру. Много бывших пажей дали России не только выдающихся военных начальников, но и среди министров, дипломатов и высших чинов администрации можно перечесть наших однокашников. Пажи при прохождении старшего специального курса привлекались к несению придворной службы, но на ней я остановлюсь более подробно в дальнейшем изложении.

**
*

Первые мои дебюты в Пажеском корпусе были не особенно удачны. Там я оказался в одном отделении с Завадским, единственным воспитанником, которого я знал раньше, по московскому корпусу. С первых же дней я увидел, что Завадский является предметом беспрестанных выходок со стороны товарищей. То его сажали на высокую печь, с которой без посторонней помощи выбраться было трудно, то заставляли на гимнастических машинах проделывать всякие упражнения, то просто придирались к нему. Будучи очень скромным, несмелым и физически слабым юношей, Завадский не имел сил сопротивляться. Видя меня постоянно с ним, мои новые товарищи попытались и в отношении меня проделывать те же выходки. Но я не остановился перед контрударами, к тому же я был хорошим гимнастом и ловким мальчишкой, что восполняло мой малый рост и малую физическую силу. От меня скоро отстали. Ведь мальчишки, как и взрослые люди, предпочитают приставать только тогда, когда имеют дело с людьми неспособными к защите. Отстали вскоре и от Завадского. Впоследствии он поступил, вместе со мной, в академию Генерального штаба, кончил ее, но предпочел следовать службе своего отца, по военно-учебному ведомству, несмотря на то, что имел все права для службы по Генеральному штабу. Он, между прочим, безукоризнено знал французский язык и в эмиграции стал его преподавателем в Польше.

Так как я поступил в Пажеский корпус уже после Рождества, то по некоторым предметам я отстал, а по другим, наоборот, был впереди. Это затрудняло мне в занятиях. Да и преподователи не благоволили к новичкам и мне определенно ставили меньшие баллы, чем я того заслуживал. В результате, при пере-

ходе в 7-й класс, я даже не попал в число 13-ти вице-унтер-офицеров, назначаемых из лучших по баллам пажей этого класса. Но уже в 7-м классе я сразу обогнал многих товарищей и перешел в специальный класс, несколько помню, третьим.

Почувствовал я скоро и разницу в отношениях пажей и кадет. Хотя пажи и приставали в корпусе к более слабым своим товарищам, но чувство товарищества среди них было развито очень сильно. Пажи гордились своим корпусом, его прошлым, и были крепко связаны с бывшими пажами. Мы знали почти всех пажей, занимавших крупные посты в государстве. На корпусных праздниках число присутствовавших бывших пажей часто доходило до общего числа обучавшихся. Все они являлись в парадных формах и так как почти все были офицерами гвардии, то собрание их предсатвляло красочную и красивую картину.

Я поступил в корпус при директоре графе Келлере. Бывший кавалергардский офицер, затем офицер Генерального штаба, участник сербского восстания против турок и войны за освобождение славян в 1877-78 гг., граф Келлер был очень уважаем персоналом корпуса и любим пажами. Он имел орден Св. Георгия 4 ст., что нам очень импонировало. Среди пажей была создана легенда, будто Толстой с Келлера писал Вронского. Но у него были какие-то недоразумения с Главным управлением военно-учебных заведений и он, три года спустя после моего поступления в корпус, оставил его и был назначен Екатеринославским губернатором. С началом русско-японской войны, хорошо знавший его блестящую боевую службу генерал Куропаткин назначил его командовать войсками восточного отряда, после тяжкого для нас Тюренченского боя. Он доблестно командовал этим отрядом и был убит на Ванзелинском перевале 18 июля 1904 года разрывом японского снаряда.

Инспектором классов был при мне генерал Анатолий Алексеевич Даниловский, прозванный пажами "Тотошкой". Это был необкновенно симпатичный и добрый человек. Пажи его очень любили, но это не мешало им к нему беспрестанно приставать с разными глупыми вопросами. Несмотря на то, что такие выходки могли, в конце концов, надоесть, он никогда не выходил из себя и отвечал, добродушно улыбаясь. Генерал Даниловский был известен в России, как автор учебников по топографии, снабженных исключительными по качеству чертежами, сделанными его резьбой по металлу. С Даниловским мне пришлось встретиться в академии Генерального штаба, где он был одним из профессоров топографического черчения.

**
*

В 1898 году я был переведен в младший специальный класс и с этого момента началась моя действительная служба в Российской армии. В начале учебного года мы были, при торжественной обстановке, приведены к присяге на верность служения Монарху и Родине. День присяги оставил у меня довольно сильное впечатление. Я сознавал, что уже я подлежу применению военных законов, что отныне являюсь нижним чином нашей армии и что прежние мальчишеские выходки будут рассматриваться как антидисциплинарные поступки. После принесения присяги нам выдали тесаки и каски, внешние признаки нашей действительной службы, и мы были отпущены в отпуск. Каски мы приобретали на стороне, так как казенные были и тяжелы, и неудобны, да и менее красивы. То же было и с казенным обмундированием. В специальных классах пажи заказывали себе и собственное обмундирование.

Переменилось к нам также отношение офицеров. В специальных классах при нас состояли курсовые офицеры уже не те, что были в общих классах. Они давали нам гораздо больше свободы и попечение о нас возлагали главным образом на старших камер-пажей и на фельдфебеля. "Попечение" это, по существу, отнимало от нас ту свободу, которую давали офицеры. Так называемый "цук" существовал и у нас, но только в иной форме. У нас, в общем, не было отступлений от существовавших уставов, принятых в армии, но только в других военно-учебных заведениях начальствующие юнкера не применяли своих прав начальников из унтер-офицеров, что у нас действовало вполне. Старшие камер-пажи все время следили за жизнью своих отделений и, по существу, не давали нам покоя. То одно, то другое их не удовлетворяло. Постоянно делались замечания и иногда записывали в штрафной журнал, так сказать, проступки. Но власти они никакой не имели. Только офицеры роты, прочтя запись, имели право наложить дисциплинарное взыскание. Но стоило лишь выйти из ворот корпуса, как со старшими камер-пажами восстанавливались добрые товарищеские отношения. Эти, существовавшие среди пажей, истинно товарищеские чувства были всегда достойным примером.

Мои учебные успехи в младшем специальном классе стали значительно лучше и я вышел на первое место, да покидая его уже до самого окончания курса. Занятию мною первого места в классе много способствовало то, что приходилось проходить много военных предметов, требовавших умения хорошо чертить, что мне было не трудно и, кроме того, мои математические познания помогли мне легко усвоить химию и механику, которые считались "сугубыми науками" одолевать которые большинству пажей было трудно.

**
*

В 1899 году, когда я гостил дома на рождественских каникулах, отец получил письмо от военного министра, генерала Куропаткина. Он ему писал, что удивлен, что мой отец согласился принять кадетский корпус и предложил ему вновь принять военное училище, чтобы затем пойти по строевой линии. Так как мы, его дети, уже подросли и моя мать несколько оправилась после потери дочери, то на семейном совете было решено, что отец от предложения Куропаткина не откажется. Вопрос был только в том, какое именно училище будет отцу предложено. Ответа ждали не долго и через некоторое время отец был назна-

чен начальником Павловского пехотного военного училища в Петербурге. Брата перевели во 2-й кадетский корпус, тоже в Петербурге, а двоюродную сестру оставили до окончания института в Москве. С этих пор мои отпуска к Платоновым прекратились, но я продолжал все же посещать их дом изредка, проводя у них целые дни.

Павловское училище считалось образцовым. Строевая подготовка юнкеров была поставлена исключительно высоко. Из окна квартиры отца я постоянно наблюдал за строевыми занятиями юнкеров и, хорошо понимая и зная уставы, я мог оценить выправку юнкеров, строгость предъявляемых к ним требованиям и быстрые успехи в этом отношении. Офицерский персонал был подобран прекрасно. Каждый пехотный полк всегда радовался, когда в него попадали бывшие "Павлоны".

Перешел я на старший курс первым, но меня фельдфебелем не назначили. Вероятно потому, что назначенный фельдфебелем Зиновьев уже состоял таковым в 7-м классе. Из всех нас он являлся действительно наиболее подходящим для этой роли. Фельдфебелю же одновременно выпадала честь быть камер-пажом Государя. Зиновьев был очень видный, высокого роста молодой человек с очень приятным лицом. Всегда спокойный, прекрасно воспитанный, он был образцом не только для камер-пажа, но вообще для всякого юноши хорошей семьи. У него никогда ни с кем не было недоразумений. Его очень ценило начальство и любили пажи. Вышел он в л.-гв. Конный полк, пошел потом добровольцем на японскую войну и в самом ее начале, во главе казачьего разъезда, был убит.

Я был назначен старшим камер-пажом, заведующим младшим классом и камер-пажом Императрицы Александры Феодоровны. Другим камер-пажом Императрицы был мой товарищ граф Стенбок-Фермор. Стенбок шел вторым по классу, Зиновьев — третьим.

Как нам на младшем курсе отравляли существование старшие камер-пажи, так и я проявлял в этом отношении достаточную ревность. Меня возненавидели младшие так же, как и я в прошлом году возненавидел своего старшего камер-пажа. Но эти чувства носили только временный характер. По окончании корпуса все забывалось и пажеская традиция брала верх, тем более, что притеснение младшего класса было издавна пажеской "традицией".

Преподавательский персонал в специальных классах был значительно выше того, какой мы имели в общих. Среди преподавателей было много офицеров Генерального штаба, военных инженеров, ученых артиллеристов и военных юристов, бывших зачастую и профессорами в военных академиях. Учились пажи не ровно. Одни исправно готовились к репетициям, другие же — слабо и с трудом получали едва удовлетворительные баллы. Среди моих однокашников был один, которого я никогда не видел за книгой. Он решительно ни к каким репетициям не готовился. Правда, он тянулся в классе в хвосте, но все же удивлял тем, что не проваливался ни на репетициях, ни на экзаменах. У него были даже незаурядные способности, но он почему-то не стремился использовать их. Я его встречал потом довольно часто. Из него вышел хороший строевой офицер, а затем серьезный помещик.

Как я упоминал выше, было принято считать, что на учебные занятия пажи не особенно налегали и что к ним, будто бы, предъявлялись незначительные требования. Это было неправильно. Мне пришлось встречать, по окончании корпуса, некоторых преподавателей, утверждавших, что напротив общий уровень ответов был выше таковых в других военных училищах, но что разница между лучшими и худшими ответами была очень разительна.

Служба при Дворе началась для нас, произведенных в камер-пажи, с представлений Государю и Государыне Александре Феодоровне. Самое производство прошло по приказу министра Двора, по Высочайшему повелению. Имели право на производство все пажи старшего курса, которые имели при переходе на этот курс 9 баллов в среднем. Обыкновенно этим условиям удовлетворяло 75 процентов. Перед представлением мы облекались в придворную парадную форму, состоявшую из каски с белым спускающимся султаном, мундира с расшитыми золотыми галунами — грудью, рукавами и задними фалдами, — лосиных брюк в обтяжку и высоких ботфорт со шпорами. Как оружие, у нас были шпаги. Везли нас на представление в Большой Царскосельский дворец. Ехали мы на вокзал и с вокзала в придворных каретах. Нас сопровождал директор корпуса и корпусный адъютант, полковник Дегай, преисполненный важностью предстоящего представления.

В одном из зал дворца нас выстроили в шеренгу. На правом фланге стоял фельдфебель, камер-паж Государя, затем камер-пажи обеих Государынь, а далее прочие камер-пажи по старшинству. Государь вышел к нам, в сюртуке Преображенского полка, с Государыней в обыкновенном городском платье. Государь поздоровался с нами по военному и мы ему по военному же отвечали: "Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству". Затем подходил к каждому из камер-пажей и говорил несколько слов. Родителей некоторых из них он знал лично и о них обыкновенно справлялся. За Государем подходила Царица. Она также говорила со всеми и давала, при переходе к следующему, свою руку для «baisemain». Говорила она с нами по-французски, с легким английским акцентом. Среди нас было несколько камер-пажей почти не владевших французским языком, что сильно их волновало. Но разговор был не трудным и можно было ограничиваться "да" или "нет". При ответе по-французски надо было Государыню называть "Мадам".

Обойдя всех камер-пажей, Государь обратился к нам с кратким словом и затем удалился с Государыней во внутренние покои. После этого нам был предложен во дворце завтрак, на котором присутствовал директор и адъютант корпуса, с которыми мы впервые оказались в интимной обстановке. Мы делились с ними нашими впечатлениями и задавали невозможные вопросы, естественно, относившиеся к Царской Семье, уже имевшей к тому времени двух доче-

рей. С этого времени для нас началась придворная служба. Фактически к ней привлекались только камер-пажи Государя и Государыни Александры Феодоровны. Другие же камер-пажи участвовали только при приемах иностранных коронованных особ. Осенью и в начале зимы Царская Семья оставалась обыкновенно в Царском Селе, куда мы, камер-пажи Государыни, часто вызывались на, так называемые, "малые" приемы. Ездили мы уже не в парадной форме и надевали только каски с белыми султанами. Приемы эти заключались обыкновенно в представлениях Государыне петербургских дам и барышень, а иногда каких-либо высокопоставленных лиц до тех пор не имевших случая быть представленными Государыне. Эти приемы происходили в малом Александровском дворце, где жила Царская Семья. Перед приемом обыкновенно нас принимала Государыня у себя в кабинете. Этот прием был обставлен чрезвычайно просто. Приглашал нас войти ее камер-лакей, отворял дверь и мы оказывались перед Государыней, встречавшей нас улыбкой, встававшей нам навстречу и подававшей свою руку для традиционного «baisemain». Государыня тогда была еще совсем молодой женщиной необычайно величественной внешности, очень красивая и державшая себя с нами совсем просто. Говорила она в ту пору с камер-пажами всегда по-французски, но мы знали, что Государыня уже хорошо освоилась с русским языком, но еще стеснялась им пользоваться. Государыня задавала нам разные вопросы, спрашивала о наших родителях и занятиях, и ровно в 11 часов выходила из своего кабинета. Мы шли за ней. Никакой другой свиты у Государыни не было. Только в приемном зале ее встречал дежурный церемониймейстер, который и представлял прибывших на представление лиц. После приема мы опять провожали Государыню до ее кабинета, где она, сказав нам несколько слов на прощанье, отпускала нас. Мы шли завтракать в какую-то уютную комнату дворца и возвращались затем в Петербург. Эти поездки нам доставляли большое удовольствие и так как они имели место в будние дни, то им особенно радовались, ибо нам удавалось пропустить сидение в классе. Нечего и говорить, что обаяние Государыни с этого времени в нас утвердилось особенно глубоко.

С переездом зимой Царской Семьи в Зимний дворец в Петербург для нас, камер-пажей Государя и Государыни, прибавилась новая служба. Мы должны были каждое воскресенье прибывать во дворец, чтобы присутствовать при выходах Царской Семьи из своих покоев в дворцовую церковь. Около 10 1/2 часов мы вводились в Малахитовую гостиную, смежную с личными комнатами Государя, откуда, перед 11-ю часами, выходил Государь с Государыней. За ними иногда проникали две девочки, Великие Княжны, которых не без труда уводили обратно. В Малахитовой гостиной, помимо нас, встречали Царскую чету еще одна или две камер-фрейлины Государыни. После, как всегда, необычайно простых приветствий Государя и Царицы ровно в 11 часов Царская Семья выходила в так называемую Круглую ротонду, граничащую с Дворцовой церковью, где ее приветствовало небольшое количество придворных лиц во главе с министром Двора, генералом бароном Фредериксом. В церковь, которая была очень небольшая, входили только Царь и Царица, а остальные лица оставались в Ротонде. Из церкви хорошо слышалась служба и чудное пение двух хоров царской капеллы. Ровно в 12 часов служба заканчивалась. Просто непонятно, как могли служившие священники всегда проводить богослужение с такой точностью. По выходе из церкви Государь и Государыня прощались с присутствовавшими, после чего мы завтракали в гофмаршальской части и расходились по домам.

Насколько малые выходы и прием были обставлены просто, настолько большие выходы, балы и приемы были чрезвычайно торжественны. Большие выходы и прочие дворцовые торжества бывали довольно редко: на Крещение, Пасху — после заутрени и в других случаях, когда происходили какие-нибудь важные события, например, объявление войны, открытие Государственной Думы и проч.

Первый выход, на котором я присутствовал в качестве камер-пажа Государыни был крещенский парад, происходивший перед водосвятием на Неве. Перед выходом лица свиты собрались в той же Малахитовой гостиной и точно, в назначенный час, Государь с Государыней вышли из своих покоев. Мы, камер-пажи, находились в числе свиты и членов Императорской фамилии, участвовавших на этом выходе. Помню среди них величественную фигуру Великого Князя Михаила Николаевича в ленте ордена Св. Георгия 1-й степени и в мундире л.-гв. Конно-Гренадерского полка, которого он был шефом. Другие Князья и Княгини, почти все отличавшиеся большим ростом, не оставили особых воспоминаний, кроме Великой Княжны Елены Елены Владимировны, тогда молодой девушки, чрезвычайно красивой.

Задержка в Малахитовой гостиной продолжалась не долго. Наскоро поздоровавшись со всеми, Государь подошел к закрытой двери, ведшей в соседний Концертный зал, где уже были выстроены лица присутствующие на выходе. Как только обер-церемониймейстер доложил Государю, что все готово, то я, находившийся за Императрицей и державший вместе с Стенбоком ее длинный трен, был крайне удивлен, увидев, что вся спина и руки Императрицы, которая была одета в придворное очень открытое платье, покрылась большими красными пятнами. Государыня видимо сильно волновалась и была явно застенчива. Мы знаем теперь, как она тяготилась тем представительством, которое выпадало на е несчастную долю. Все мы знаем, что она обожала семью, заботилась о ней, как обыкновенная мать и жена и страдала от необходимости вести тяготы своего положения в роли Императрицы.

После доклада церемониймейстера гоф-фурьеры распахнули двери и Царская чета вошла в Концертный зал. За ней шли остальные участники выхода. Из Концертного зала, среди шпалеры офицеров и других лиц, Государь вошел в Николаевский зал и проследовал по другим многочисленным залам дворца. Самый торжественный момент был после прибытия Государя в те залы, где были сосредоточены знамена и штан-

дарты частей Петербургского гарнизона, со своими командирами и адъютантами. Как только появлялся Государь на пороге этих зал, перед ним склонялись все знамена и штандарты. Для каждого военного чина это преклонение знамен не могло не производить исключительного впечатления. Мы привыкли сами склоняться перед нашими вековыми знаменами и штандартами и вот они склоняются, все как один, перед Русским Монархом.

Затем был отслужен молебен. Служил его митрополит Петербургский. По окончании молебна Государь с Государыней подходили к кресту и я обратил внимание, что Государь целовал руку митрополиту, а тот одновременно целовал руку Государя. Вслед за тем Государь обходил вместе с митрополитом ряды знамен и штандартов, которые окроплялись святою водою. Затем процессия вышла на Неву, но Государыня оставалась во дворце и смотрела из окна водосвятие. При этом выходе я лично оскандалился и долго не мог забыть моей неловкости. Когда после молебна процессия шла на водосвятие и Государыня еще шла с Государем, на одном из поворотов я поскользнулся и бухнулся на колено со страшным шумом. Мало того, я наступил на трен Государыни, который держал в руках, заставив Царицу на несколько мгновений остановиться. Государь и Государыня обернулись и улыбнулись, идя дальше. Но со стороны я увидал злобное лицо корпусного адъютанта, который, казалось, был готов на меня броситься. Я ожидал репрессий со стороны корпусного начальства, но все обошлось благополучно. Только директор корпуса, граф Келлер, с улыбкой сказал, что, если я буду всегда таким неловким, то могу наделать и не таких бед.

(Продолжение следует)

Последние дни второй батареи

Н. Гранберг

Вторая батарея, о последних днях которой я хочу повествовать, входила в состав Лейб-Гвардии Стрелковой Артиллерийской бригады, ведущей свое начало с 1897 года, когда Лейб-Гвардии при 1-й Артиллерийской бригаде был сформирован Гвардейский Стрелковый Артиллерийский дивизион двухбатарейного состава, причем на его формирование все офицеры и нижние чины были выделены Лейб-Гвардии из 1-й и 2-й Артиллерийских бригад.

В 1910 году, когда артиллерия была придана пехотным и кавалерийским дивизиям, Гвардейский Артиллерийский дивизион был выделен из состава Лейб-Гвардии 1-й Артиллерийской бригады и, получив 3-й батареей 7-ю батарею Лейб-Гвардии 3-й Артиллерийской бригады, трехбатарейным дивизионом вошел в состав Гвардейской Стрелковой бригады, которая состояла из 4-х двухбатальонных стрелковых полков, а именно: Лейб-Гвардии 1-го Его Величества, Лейб-Гвардии 2-го Царскосельского, Лейб-Гвардии 3-го Его Величества и Лейб-Гвардии 4-го Императорской Фамилии.

С 1912 года дивизион, как отдельная гвардейская часть, стала именоваться Лейб-Гвардии Стрелковым Артиллерийским дивизионом, который в 1916 году был развернут Лейб-Гвардии в Стрелковую Артиллерийскую бригаду шестибатарейного состава при двух дивизионах.

В 1900 году 2-я батарея дивизиона под командой полковника Мрозовского, единственная гвардейская часть, приняла участие в Китайской кампании, где за участие при взятии Пекина получила отличие на парадные головные уборы.

6 августа 1914 года 2-я батарея в составе своего дивизиона выступила в поход под командой полковника Константина Всеволодовича Жерве, при офицерах: капитане Мариане Федоровиче Рейнград 1-м, штабс-капитане Владимире Бутовском, поручиках Андрее Николаевиче Курвоазье, Неоне Константиновиче Тихонравове и Николае Александровиче Радкевиче и подпоручиках Александре Николаевиче Орлове, Николае Ивановиче Гранберге, Георгии Якубинском и Максимовичем-Васильковском.

К декабрю 1916 г. из перечисленных офицеров в батарее остался только один подпоручик Гранберг, уже к этому времени произведенный в штабс-капитаны, а на смену ушедшим пришли: полковник Александр Николаевич Радкевич (последний командир батареи), подпоручики Цинзерлинг и Сулима Самуйло и прапорщики Бутовский и Моцарский.

***

Октябрьское утро 1917 года... Одинокая улица большой польской деревни кажется пустынной. Но это обманчивое впечатление длится одну минуту. Несколько шагов — и сразу за поворотом видны стройные ряды орудий и зарядных ящиков, между дышлами и колесами которых стоят рыжие кони. Выравненные в нитку, как на параде, одетые в кожаные чехлы равнодушно смотрят орудийные жерла. Тускло блестит обнаженный бебут часового. Все это: и аккуратные чехлы, и выравненные на подпорках дышла, и красные погоны, и новые петлицы черного бархата с малиновым кантом у часового говорят о воинском порядке. Сытые рыжие кони весело вертят хвостами и скалят зубы. Уборка в полном ходу. Все так, как было когда-то в 1914 году у Варшавы, под Краковым, на реке Сане, в 1915 году у Ломжи, Холма и Вильны и как в 1916 году, совсем недавно, под Луцком. Пожалуй еще и лучше, чем было. К войне привыкли, с ней сжились, был опыт. Офицеры и солдаты научились жить и устраиваться в военной обстановке.

В сенях большой избы висят офицерские шинели. Среди них только одна пара золотых погон имеет четыре звездочки, остальные — или две, или одну. Здесь офицерское собрание 2-й батареи. Евдоха, хозяйка избы, перекидывается шутками с вестовыми. Она — военная вдова с мужем в неизвестности — пользуется всеобщей симпатией и неожиданно получила целую группу ухажеров... На ее милом лице — всегда улыбка и приветливость.

Временные обитатели избы только что встали. Их четверо: трое совсем молодые офицеры — Сулима-Самуйло, Моцарский и Бутовский, четвертый, временно командующий батареей, автор этого очерка. Срок службы и у него не велик: он выпуска из училища 1913 года.

Разговор вполголоса начал Бутовский, сообщив, что солдатская "газета" говорит, что в Петрограде произошел переворот — большевики захватили власть.

"Я пойду в пятую батарею поговорить с Костей. Он председатель бригадного комитета и наверное имеет свежие новости", проговорил я.

— А вот, и еще одна новость, — сказал Сулима, — говорят разведчики хотят нас пригласить к себе, хотят нас чествовать.

Последнее сообщение нас всех сильно встревожило, так как в районе нашего квартирования было много водочных заводов. Спирт был кругом и солдаты, пользуясь безнаказанностью революционного времени, напивались, нарушая самую примитивную дисциплину. Мы не знали, как нам надо будет реагировать на это неожиданное приглашение. Ведь во время приема могут перепиться, оскорбить и тогда скандала не миновать. Отказаться — нельзя, отказ может вызвать провокацию и могут сказать, что офицеры гнушаются солдатами. "Сложный и трудный вопрос", сказал я: "надо посоветоваться со старшими. Пойду к Алдаданову — там и Кутузов". Полковник Алдаданов и Кутузов были командирами наших дивизионов и оба были очень популярны среди офицеров бригады.

Медленно иду по деревне, выбирая сухие места где ступить: черная подольская земля была размолота колесами и вода стояла лужами. В голове роятся мысли. Так продолжаться не может. Ясно, что все идет к концу. Для чего потрачены годы в корпусе, в училище и вот четвертый год войны. Зачем я здесь вообще, для чего? Чтобы держать "в порядке" двести солдат, которые не хотят этого "порядка". Почему нельзя, вот, пойти по этой улице на Жмеринку и уехать навсегда от этих солдат... Нет, не могу, не знаю почему, но не могу...

Временно командующий Лейб-Гвардии Стрелковой Артиллерийской бригадой, командир 2-го дивизиона полковник Алдаданов и его управление дивизиона помещались в маленькой хате. Когда я вошел, полковник Алдаданов совещался с председателем бригадного комитета, штабс-капитаном Гольдгаар. Говорил Гольдгаар, или иначе Костя. Этот Костя — среднего роста, бравый офицер, тогда с подстриженными темными усиками и живыми глазами, был веселый, жизнерадостный и популярный среди офицеров и солдат. Он был талантлив, имел хороший голос и руководил певчими. На его долю выпал крест несения неблагодарной должности председателя бригадного комитета. Два его брата также служили у нас в дивизионе. "Семьи" трех Гольдгааров и четырех фон Рейнгардов были типичными для дивизиона.

Из доклада, который делал Гольдгаар, я понял, что один из членов бригадного комитета, а именно взводный 3-й батареи, канонир Подошкин, ездил в Жмеринку и сообщил, что комитет армии требует, чтобы войска сосредоточились у станции Жмеринка, почему Подошкин настаивает на перевод туда же и нашей бригады.

"Ни из дивизии, ни из корпуса я ничего не получил", сказал Алдаданов: "а без приказания я никуда не тронусь".

— Да, все это так, но дело в том, что Подошкин уже агитирует за переход бригады и о каком бы то ни было порядке никто не думает, — заметил Гольдгаар.

Я слушал и понял, что то, за чем я пришел сюда — ничто в сравнении с тем, что свалилось на наши головы.

Поговорили о новостях. Услышали, что действительно говорят о перевороте в Петрограде. Я вышел из избы и пошел к себе в батарею. По дороге встречались солдаты батареи и все, как всегда, отдавали честь. Почему-то именно они до сих пор остались четко в моей памяти, может быть потому, что последние впечатления всегда самые сильные: осенняя желто-красная деревня и лихие канониры, отдающие честь.

А в это время, на десятки верст во все стороны от Винницы и Жмеринки, плыла отуманивающая рассудок винная "нирвана". Вся гвардия, точно справляя тризну своей близкой кончины, пила этот "волшебный" напиток, уничтожающий мысли и действительность. Водка, начиная от первоклассной до полуочищенной сивухи, стояла ведрами во всех избах. Было много солдат, которые воздерживались от злоупотребления, но общее впечатление было, что все были, как говорят, "на взводе".

⁂

Календарь показывает конец октября. Солнечный осенний день, и мы, офицеры, расселись перед своей избой подышать свежим воздухом. Ко мне подходит старший разведчик, грудь которого увешана георгиевскими отличиями, и передает, что команда телефонистов и разведчиков просит господ офицеров пожаловать на их угощенье, так как говорят, скоро все поедем по домам.

"Большое спасибо", говорю я: "а как ваши, вы ведь знаете, что делает вино?"

— Не сомневайтесь, господин капитан, так что все как один вас просят, а те, кто на вино слаб, тех мы не пустим.

"Еще раз вас всех благодарю, но я чувствую себя нездоровым. В другой раз. Спасибо".

В избе почти темно; одинокая свечка горит на столе. Я один лежу на походной кровати и притворяюсь нездоровым. Симулирую, будто сплю... Совесть мучает,

зачем послал офицеров, а сам остался. Час тому назад Бутовский и Сулима-Самуйло ушли к разведчикам. Я просил передать благодарность и привет и советовал долго не сидеть за солдатским угощеньем.

На дворе была уже ночь, а офицеры еще не вернулись. Вдруг послышались шаги и кто-то вошел в сени. Едва слышны голоса. В дверь осторожно постучали... еще... и еще.

"Войдите!"

— Господин капитан, — докладывает вестовой, — из команды разведчиков пришли Пикуза и Логинов и просят доложить.

Дверь отворилась и два бравых солдата вошли в комнату. Вытянулись и стоят. Секунда, две — мы молчим.

— В чем дело? — спросил я.

— Так что, господин капитан, вся команда просит вас прийти к нам, потому что вы всю войну с нами были... Все хотят... Нас послали.

— Спасибо за приглашение, но я нездоров.

— Никак нет, так что без вас никак нельзя. Вы с нами, с разведчиками были завсегда... нам охота вас у нас видеть. Разрешите просить... Вся команда...

Я молчал, раздумывая. Теплое, искреннее солдатское слово глубоко меня тронуло и я решил итти.

Мы вышли на улицу. Кругом ни души и я иду рядом с двумя солдатами, которые в нынешнее время могут безнаказанно сделать со мною, что угодно, но которые нашли для меня теплое слово теперь, когда все в обломках, когда все кончилось...

— Встать! Смирно! Двадцать солдат вытянулись в струну, очищая дорогу. Длинный стол стоял посредине и на нем стаканы, чарки, тарелки, булки, масло, свинина и прочее.

"Здравствуйте!" — Здравия желаем, господин капитан! — пронесся дружный громкий ответ.

— Так что, разрешите нам всем за доброе здоровье первую чашу выпить за вас, за господ офицеров, да и за всю батарею. Временно командующему батареей и господам офицерам — ура!

— За всех вас, за вторую батарею — ура! — отвечаю я.

Итак мы сидим за одним столом с солдатами, мы офицеры, которые их понукали, офицеры, которые одним своим видом могли вызвать сотни неприятных воспоминаний. Оглядываюсь — нет, пока все в порядке — ничего не скажешь. Георгиевские кресты тускло поблескивают, здесь и там желтые продольные нашивки, гвардейские басоны фейерверкеров. Особенно удивительно, что и наш фельдфебель, подпрапорщик Наливайко, пришел. Фельдфебель, который, как никто подвержен критике и порицанию...

Я благодарю за гостеприимство как могу, как умею. Вокруг ни злобы, ни ненависти: были только гвардейские солдаты, радушные хозяева. Далеко за полночь мы четверо, не твердо ступая, возвращались домой. Нас провожали. Впереди двое солдат несли фонари, освещая дорогу.

Прошло три дня. Передо мною красивое улыбающееся лицо взводного 1-го взвода. "Господин капитан, так что 1-й взвод просит вас и господ офицеров пожаловать к нам на угощение, потому как войне конец. Взвод хотит попрощаться, значит как вы, да и господа офицеры, при нас воевали. Значит, чтобы в последний раз. Очень просят, все как один".

— Да войне еще не конец. Что вы панихиду поете. Еще рано, — заметил я.

— Это точно, неизвестно насчет войны. Только ребята просят вас и господ офицеров. Вы не сумлевайтесь, у нас народ ладный. А то обидно — раз у разведчиков были... Все ждут.

И так за 1-м взводом последовал 2-й, а затем и 3-й; таким образом пришлось побывать у всей батареи. Дошло до того, что один из взводов устроил концерт и танцы. Мы должны были признать, что как не разнообразны были устроители и инициаторы этих торжеств, ни одного "случая" не произошло — все было в образцовом порядке. Устроители уберегли нас от всех, даже малейших, трений и неприятностей.

Время шло и в нашей жизни все было спокойно. Служба выполнялась образцово. Коней убирали и кормили, наряды выполнялись, комитет не "приставал" и отпускные даже возвращались в батарею.

Подошло, примерно, 5 ноября. Я уже упоминал о бригадном комитете и его члене, канонире Подошкине. Прибежал Сулима Самуйло и сообщил, что бригадный комитет решил, чтобы бригада выступила в Жмеринку. Быстро иду к полковнику Алдаданову. Вошел в избу, осторожно открывая дверь. За столом сидят пять солдат, напротив — Алдаданов и Гольдгаар. Алдаданов поздоровался и указал на стул. Я присел. Все солдаты были мне незнакомые, они были из разных батарей. Все молчали, говорил только один канонир среднего роста, сутуловатый, с крупным лицом и свисавшимися на губу рыжеватыми усами. С первых слов можно было понять, что этот человек имел определенный план, который хотел провести.

— Вы понимаете, что без приказания я не могу дать разрешения на переход в Жмеринку, — говорил Алдаданов.

— Это все здря говорится, это для отводу глаз, — возражал канонир, — сказано, что нужно под станцию итти раз просят. Все равно, где стоять. Чего мы здеся стоим?

— Почему вы не запросите дивизионный комитет? Я не могу ничего сделать без дивизии, — возразил Алдаданов.

— Ну, в таком случае солдаты сами пойдут. Ждать нельзя. Мы, значит, сами решим, как соберемся.

— Послушайте, Подошкин, ведь это неправильно, что вы говорите, ведь должен же быть порядок. Есть дивизионный комитет, почему вы хотите сами действовать?

— Тут нечего объяснять и рассказывать. Да офицеры и не понимают положения. Мы и сами все сделаем без офицеров. Нечего разговаривать. Я только спрашиваю, пойдут ли офицеры с нами, али нет? Ежели нет, то и не надо. Я и спрашиваю, чтобы, значит, так для порядка.

Алдаданов владел собою. Он спокойным голосом сказал: "Если не будет приказа из дивизии — офицеры всей бригады не пойдут".

— Иш, как! Против народа значит. Ну ладно, нечего разговаривать. Так ли говорю, товарищи? Мы сами знаем, что делать. Это известно, что офицеры против народа, против свободы.

Подошкин демонстративно поднялся. Все встали. Я невольно смотрел не на Подошкина, а на других рядом стоящих солдат. Было ясно, что тут были представители от всех батарей. Это был, так называемый, исполнительный комитет. Солдаты молчали; казалось они были сами смущены. Кто-то сказал, чтобы батареи сами решили бы вопрос о переходе. Это Подошкину не понравилось. "Чего это решать. Известно нужно итти. Зараз и приказ напишем. Нам офицеров не надо, сами справимся".

На лицах большинства сквозила легкая тревога. Они переводили глаза с Подошкина на Алдаданова. Кое-кто посматривал, то на Гольдгаара, то на меня.

"Мы выбраны в комитет от всей бригады. Нас еще не сменили. Мы не можем делать что хотим без опроса батарей. Приказа нет — надо запросить дивизию. Я предлагаю собрать полный комитет и опросить батарейные комитеты", сказал Гольдгаар: "комитет в полном составе соберется через два часа и я предлагаю до этого не выносить резолюций".

Солдаты вышли. Мы, офицеры, остались одни.

— Они меня с председательства погонят — это ясно. Увидите — Подошкина выберут, — сказал Гольдгаар.

— Тут не в том дело, кто председатель, — ответил Алдаданов, — дело серьезное. Нам тут больше не место. Провокация извне. Ясно ими руководят другие и я уверен, что все батарейные комитеты согласятся итти. Пойдут без нас. Возникает вопрос, что нам делать? Я буду сейчас говорить с дивизией.

Мы разошлись. Я отправился домой. Пришел Бутовский. Закрыл дверь и полушепотом стал говорить мне: "Комитет батареи собрался и собирает всех солдат. Как быть? Пойти туда или нет?"

— Приглашения нет, лучше не ходить. Пусть сами решают, как хотят, — ответил я.

По улице, мимо нашей избы шли вразброску ездовые и номера; все вестовые, повар и телефонисты ушли на собрание.

Кто-то стучит в дверь. В избу вошли три солдата. Впереди председатель комитета и его помощник, старший фейерверкер Южин.

— "Господин капитан, так что батарея просит вас прийти на митинг — значит, обсудить вопрос..." Я смотрю сказавшему в глаза — выражение их дружественное, в них нет злобы. Остальные — тоже спокойны и почтительны. Офицеры и представители комитета ждут, что я скажу.

— "Хорошо, я сейчас приду". Солдаты вышли. Волнение начинает меня одолевать. Чтобы иметь чтонибудь в руках, беру палочку Филисса на кожаной петле, надеваю шашку и выхожу.

Вся батарея в сборе. Я занял место около повозки, на которой стоит председатель батарейного комитета.

— Бригадный комитет предлагает батареям перейти ближе к Жмеринке и выставить по-батарейно на голосование вопрос о переходе для защиты свободы и революции..., — объявляет председатель, — прошу высказаться, кто хочет.

Первый говорит Южин: "Я полагаю то, как у нас фураж здесь есть, нам переходить без приказания не годится". Молчание — протестов нет. Потом говорит другой фейерверкер: "А как от командира батареи приказа нет, то итти нельзя. Да как это без господ офицеров? Да и причин нет, так просто итти".

Протестов не было. Все солдаты батареи молчали, только кто-то крикнул: "Пущай идут, если хотят, а нам незачем. Коней надо кормить. Тут есть много фуража, а там неизвестно". Одобрительные возгласы здесь и там. Один солдат из комитета, смотря на меня, сказал: "Я полагаю, что командующий батареей и господа офицеры тоже не хотят итти без приказания".

— Офицеры батареи выполнят приказание командующего бригадой, а тот приказание из дивизии. Без приказания офицеры не могут итти. Это все, что я могу сказать, — ответил я.

Голосование дало заключение: вторая батарея не идет, а остается на месте. Митинг кончился и комитет написал соответствующее постановление.

Вместе с офицерами батареи я стою на окраине деревни и мы видим, как запряжка за запряжкой, все батареи бригады без офицеров, все тридцать орудий и шестьдесят зарядных ящиков с обозом уходили из деревни. Вторая батарея осталась одна в опустевшей деревне. Пять офицерский собраний остались в разных ее концах.

Началась новая жизнь. Одна батарея и почти тридцать офицеров в громадной деревне. Не прошло получаса, как к нам во вторую батарею пришли гости: пришла пятая, пришла первая. Приехал Алдаданов. Приходили и уходили почти все офицеры. Мы принимали и как могли угощали. Мы вдруг выросли в глазах всех. Надо сказать, что и настроение наших солдат было приподнято — они, как будто сознавали важность положения. Ругали Подошкина, говорили, зря беспорядок устроил.

Прошла неделя. Пришли сведения о большевистском перевороте в Петрограде. Офицеры первничали, в особенности ушедших батарей. Совещания следовали одно за другим. Установилась связь с "бунтовщиками". Страсти понемногу утихли. В конце концов пришли к решению, что офицеры должны присоединиться к батареям. В собрании второй батареи был назначен военный, ставший ныне историческим, совет офицеров всей бригады. Полковник Алдаданов, обратившись ко всем присутствующим, сказал, что создавшееся положение требует определенного решения. "Если солдаты сбиты с толку", говорил он: "наш долг им помочь. Мы должны присоединиться к ним. Предлагаю это решение. Выступим завтра утром. Впереди пойдет вторая батарея. Господа офицеры при колонне".

Все выслушали молча. Он был прав — другого решения не могло быть. У всех упало настроение — победила анархия... Там, под Жмеринкой, где стояли "безофицерские" батареи, нас могли встретить как угодно. И большая была заслуга Алдаданова, что он

осторожными, спокойными и вдумчивыми действиями направил конфликт к мирному разрешению и тем спас всю бригаду от могущего произойти в ту пору кровопролития, каковое было вполне возможно на фоне случившегося большевистского переворота в Петрограде. Конфликт, казалось, был улажен, но все чувствовали, что конец уже был налицо.

Постучали в дверь и вошел наш буфетчик, который доложил, что ко мне пришли от комитета батареи. Я быстро вышел и в сенях увидел Южина и председателя батарейного комитета.

— В чем дело? — спросил я.

— Так что, господин капитан, — начал Южин, — мы узнали, что наша батарея с господами офицерами присоединяется к бригаде. Батарейный комитет хочет просит вас передать командующему бригадой, что, мол, батарея просит, чтобы ей не итти. Все как один просят...

— Почему? Ведь мы не можем оставаться все время отдельно от бригады...

— Никак нет. Мы это хорошо понимаем, только батарея не согласна, потому известно, кто беспорядок сделал. Без приказа ушли... А батарее здесь хорошо. Фураж есть и все здесь есть. Фуража мало кругом, а у нас полный амбар. Ездовые не согласны, чтобы без фуража... Коней жалко — кормить надо.

— Я не могу ничего сделать.

— Только мы просим командующему бригадой доложить.

— Хорошо, я сейчас доложу. Подождите.

Когда я открыл дверь комнаты, все глаза были направлены на меня. Подойдя к Алдаданову и стараясь скрыть волнение, в официальной форме доложил просьбу комитета. Алдаданов был поражен и выразил свое согласие, добавя, что для бригадного комитета это хороший урок: было решено, что вторая батарея остается на месте.

На другой день утром офицеры ушедших батарей вместе со своими вестовыми, рейткнехтами и собраниями перешли в большую деревню около станции Жмеринка. Все обошлось мирно, без трений и волнений. Все очевидно решили, что инцидент исчерпан и бригадный комитет не считал для себя выгодным возвращаться к вопросу о переходе второй батареи в Жмеринку.

7 декабря, сдав приехавшему из отпуска полковнику Радкевичу его батарею, я сам собрался в очередной отпуск.

Уезжал я рано утромч Офицеры еще спали. Мои сборы к отъезду их разбудили. При слабом утреннем свете, прощаясь, я пожимал им руки. Было грустно — я знал, что это последний мой отъезд из батареи. На моем отпускном билете поставили печать батарейного комитета...

Последний раз батарейные кони и наш командирский экипаж везут меня по мрачной зимней дороге. Харченко, наш верный кучер-хохол, сидит передо мной. Горькая мысль о неизбежном конце не оставляет меня. Подъехали к вокзалу.

— Прощай, Харченко!

— Всего вам хорошего, счастливой дороги, господин капитан.

Через пять минут я стою среди моря солдат на перроне, затоптанном липкой грязью, исторической станции Жмеринка, откуда началась моя новая жизнь. Громыхая и пыхтя вкатывается тяжелый, полный солдатами поезд...

Прощайте, Гвардейские Стрелки! Прощайте, пожалуй, навсегда...

***

Вторая батарея еще несколько недель стояла в деревне, откуда я уехал. В середине декабря были произведены выборы командного состава. Батарея выбрала командиром полковника Радкевича, а старшим офицером поручика Сулима-Самуйло — старшого из оставшихся. Младшими офицерами были поручик Бутовский и подпоручик Моцарский.

В один из ближайших дней толпа "вольных казаков" (украинцев) напала на батарею. Лошади были захвачены, а люди распущены по домам. Офицеры одиночным порядком отбыли кто куда. Это и был конец этой гвардейской части.

Я никогда не видел больше ни одного офицера и ни одного солдата батареи.

Охрана пути при проезде Императорского поезда осенью 1909 года

(ИЗ АРХИВА СОЮЗА ИЗМАЙЛОВЦЕВ)

Б. В. Фомин

В течение свыше четырех лет ото дня своего производства в подпоручики я неоднократно слышал от старших меня офицеров о приятных условиях времяпрепровождения при охране проезда Императорского поезда, пока, наконец, в силу назначения нашего полка (л.-гв. Измайловского. Ю. Т.) на линию Николаевской железной дороги, сам не попал в охрану.

В августе 1909 года Государь Император с Августейшей Семьей переезжал в Крым, в Ливадию. Не помню точно, какая именно часть нашего полка была назначена на охрану, но, кажется мне, что было не менее двух батальонов. Во всяком случае за 1-й батальон я ручаюсь, т. к. тогда состоял младшим офицером в 3-й роте.

Командиром 1-го батальона был полковник Швецов, а ротами командовали: Государевой — капитан фон Дрентельн, 2-й — штабс-капитан Тумковский, 3-й — капитан Глотов и 4-й — капитан Петерсон. В этот год полк вернулся из Красносельского лагеря числа около 10-го августа. Для тех офицеров, кто не уезжал в отпуск, а таких, конечно, было большинство, наставало самое нудное время, соответствующее и вообще скучному периоду столичной жизни. На дворе стояла осень; летний сезон медленно сменялся зимним; родные и знакомые еще не начинали возвращаться в Петербург из своих летних местопребываний; Императорские театры были закрыты, а летние увеселительные места, благодаря холоду, частому дождю и оголенным от листвы деревьям своих садов, имели такой неуютный вид, что пустовали, заканчивая свое летнее существование.

В полку шли различные хозяйственные работы, опустошая ряды и без того мизерных по мирному времени составов рот: отслужившие трехлетний срок службы солдаты увольнялись в запас; в ротах начинались занятия по подготовке учителей ожидаемых в октябре месяце молодых солдат и из-за частых нарядов в караулы казармы пустовали.

В атмосфере такой скучной обыденности весть о назначении части полка в охрану была встречена с огромной радостью. Одни офицеры предвкушали удовольствие поохотиться, других тянуло на лоно природы в глушь, третьи мечтали о деревенских развлечениях и т. д., а молодые офицеры, впервые попадавшие в такую командировку, прислушиваясь к рассказам старших, уже бывалых, заранее предвосхищали грядущее удовольствие соответственно своим вкусам, желаниям и характерам. Неизвестность продолжительности охраны, которая вытекала из сохранения в секрете ото всех дня Высочайшего проезда, придавала командировке какой-то таинственный характер, который притягивал к себе наше молодое воображение.

В назначенный день, видимо, в середине августа состоялась погрузка на военной платформе Николаевского вокзала и эшелон в составе, если не ошибаюсь, двух батальонов нашего полка, двинулся к месту своего назначения. Участком 1-го батальона было полотно железзной дороги, примерно, от станции Ушаки до станции Любань. 3-я рота выгрузилась первой часа в 2 дня на станции Ушаки, которая была центром ее участка охраны. Остальные роты поехали дальше. Полковник Швецов сообщил капитану Глотову, что будет находиться на вокзале в Любани и приказал установить с ним связь по железнодорожному телефону.

Не помню как произошло расквартирование роты в районе станции Ушаки, но помещена она была в нескольких пустых дачах. Александр Александрович Глотов и я тоже поселились на какой-то даче, уже покинутой своими летними обитателями.

Ушаки встретили нас очень приветливо. Был чудный осенний день. Солнце грело как в июле и только увядающая природа без слов красноречиво свидетельствовала об уже наступившей осени. Высокие березы, наполовину лишенные своей уже желтой листвы, красиво золотились на солнце. Рядом с ними сосны и ели, храня зеленый наряд своих хвой, как бы с равнодушием созерцали умирание своих лесных соседок, далеко в ширь раскинувшиеся убранные поля и нарушавшее осеннюю тишину этих мест наше появление.

Бывшие на станционной платформе должностные лица: чины уездной полиции, жандарм и железнодорожника наперерыв давали А. А. Глотову всевозможные указания и разъяснения. Ушаки были небольшой дачной местностью, к каковой примыкала того же названия и деревня. Небольшие дачки, в беспорядке построенные, лепились вблизи вокзала. Около них, помню, был какой-то пруд; березовая аллея окаймляла один из его берегов, тогда как напротив нее была обширная лужайка.

Мир железнодорожный состоял из немногих служащих, которые все жили на станции. Наиболее популярным и авторитетным из них был какой-то старый машинист. Жил он со своей семьей в стареньком грязном домишке на противоположной от станции стороне полотна железной дороги и вдали от нее. Когда он исполнял свои служенбые обязанности я не знаю, т. к. все дни, что мы простояли в Ушаках, он имел праздничный вид и ничего не делал.

С наступлением осени только немногие поезда местного сообщения останавливались на станции Ушаки. Большинство же этого не делало. Какой-то гордостью местных жителей и железнодорожных служащих была пара ежедневных курьерских севастопольских поездов, из которых один мчался в Крым, а другой в Петербург. С огромной скоростью проносились они мимо Ушаков, звеня железом, подымая за собою пыль и развивая ураганный ветер. К приходу этих поездов, чтобы полюбоваться ими, ежедневно собирались на платформе все железондорожные служащие и уцелевшие дачники. Лица всех выражали при этом удовольствие.

По приказанию кипатана Глотова на станции были наряжены два вестовых для доставления ему телефоногрмм от командира батальона. Мне было поручено провести их туда, объяснить им обязанности и переговорить с дежурным телефонистом. Только на следующий день после нашего прибытия в Ушаки началась служба по охране.

Согласно существовавшей па сей предмет "Инструкции" охрана Императорских поездов войсками делилась на три положения (1).

Первое положение состояло в том, что войска принимали под свою охрану все важнейшие железнодорожные сооружения: мосты, путепроводы, туннели, станции, иногда водокачки, семафоры и прочие технические средства пути. Приему всех этих сооружений предшествовал их осмотр инженерами данной дороги совместно с жандармскими железнодорожными властями и военным начальством пришедших на охрану войск. Этот прием обыкновенно назначался за неделю до следования Императорского поезда, а иногда

(1) Инструкции по охране я никогда не читал, а потому и излагаю ее в том виде, как она исполнялась мною по указанию А. А. Глотова.

и раньше. Самая же охрана принятых сооружений осуществлялась часовыми.

Второе положение назначалось накануне Высочайшего проезда или даже в день его, но за 10-15 часов до следования Императорского поезда. Вставая во 2-е положение охраны, войска высылали вдоль всего железнодорожного пути дозоры.

Наконец, третье положение назначалось, примерно, за час до Высочайшего проезда. При 3-м положении все войска занимали обе стороны полотна железной дороги, непосредственно наблюдая и охраняя его.

На участке 3-й роты было только одно сооружение подлежащее сдаче под нашу охрану, если не считать станционных построек. Это был путепровод. Шоссе пересекало полотно железной дороги, подобно тому, как это было в Красном Селе. Путепровод находился в расстоянии 600 шагов от станции Ушаки в сторону Любани.

По телефонограмме командира батальона мы были извещены о часе прибытия в Ушаки инженеров и жандармских властей для осмотра и сдачи нам под охрану вышеназванного путепровода. Случилось это в утренние часы. В осмотре путепровода, кроме А. А. Глотова, принял участие и я. Нас сопровождал уже приготовленный ефрейторский караул. При осмотре было обращено внимание на целость земляной насыпи, обложенной плитами, и всего шоссе, как на подъеме, так и на спуске. Целость насыпи свидетельствовала об отсутствии каких-либо следов для подрывных работ. По окончании осмотра А. А. Глотов поставил на мосту над железнодорожным полотном часового и объяснил ему его обязанности. Часовой тут же зарядил винтовку пятью патронами и поставил курок на предохранительный взвод. Караул был размещен на сеновале при будке путевого сторожа шагах в 300 от путепровода. Таким образом, часовой голосом мог вызвать к себе караул как днем, так и ночью.

Та же процедура осмотра была проделана и на станции. Часовой был поставлен на платформе, а караул был размещен внутри вокзала. Кажется, А. А. Глотовым был подписан при этом какой-то акт осмотра и принятия под свою охрану железнодорожных сооружений. Встав в 1-е положение охраны, капитан Глотов донес о сем телефонограммой полковнику Швецову на станцию Любань.

После этого наступил ряд спокойных и праздных дней. Как хозяйственный человек, А. А. Глотов очень хорошо организовал наше довольствие. Мы завтракали и обедали на вокзале в квартире помощника начальника станции, жена которого и готовила для нас. Чтобы занять свободное время, А. А. Глотов установил четыре часа строевых занятий в день с нижними чинами. Пробовал он ловить рыбу в пруде, но поймать карасей не удалось. Ввиде развлечения себе, он один раз ездил на несколько часов в Любань и, возвратившись, много рассказывал о кулинарных способностях повара станционного буфета.

После шести-семи дней пребывания в Ушаках было получено от командира батальона приказание встать во 2-е положение по охране. Капитан Глотов назначил 4 дозора по три человека каждый и вместе со мной попал к тому конечному пункту участка своей роты, который определялся верстовым столбом за путепроводом к стороне Любани. Здесь он оставил один дозор, который носил номер первый, а с тремя прочими мы, не торопясь, пошли по тропинке вдоль железнодорожного полотна к станции Ушаки. Оставленному дозору капитан Глотов приказал двинуться по тропинке лишь тогда, когда но увидит, что средний дозор возвращается к нему. На другом конце участка нашей охраны для его обозначения и указания первому дозору должен был остаться некоторое время я. Когда мы дошли до середины нашего участка, капитан Глотов оставил здесь два дозора, а с четвертым пошел дальше. Этим дозорам он приказал начать движение в разные стороны после того, как они заметят, что четвертый дозор с границы участка вместе с ним возвращается к середине.

Второй границей нашего участка являлась будка путевого сторожа. Дойдя до нее, капитан Глотов, оставив меня, стал возвращаться назад вместе с четвертым дозором. Благодаря прямолинейности железнодорожной колеи на нашем участке было видно, что два средние дозора начали движение: один ко мне, а другой — к первому дозору, что был за путепроводом у верстового столба. Всем дозорам капитан Глотов, еще до начала их расстановки, приказал все время быть в движении, т. е. по достижении границ участка, поворачиваться и идти обратно. Я оставался у будки, пока все три первых дозора не перебывали около меня, после чего вернулся в Ушаки.

Обязанности дозоров заключались в том, чтобы не допускать на полотно никого из посторонних железной дороге лиц. Последние же или были в форменной одежде, или имели хотя бы форменную фуражку.

Полотно железной дороги на нашем участке со стороны Петербурга первоначально шло в непроходимом лесу. Около станции Ушаки этот сосновый и еловый лес кончался и по сторонам полотна были луга и несколько построек; затем был путепровод и вновь открытые пространства по обеим сторонам. Я не помню сейчас как велик был наш ротный участок охраны; видимо он заключал в себе не менее 4-5 верст. Следуя по нему после распределения дозоров, я заметил в одном месте его строющуюся сторожку. Было это как раз в лесной части железнодорожного полотна. Два плотника тесали топором бревна. Они, как я узнал, были местные крестьяне и потому, конечно, не принадлежали к персоналу железнодорожных служащих. Об этом я доложил капитану Глотову. Он справился у начальника станции Ушаки и было решено, что работа эта будет прекращена до проезда Императорского поезда.

Во второе положение мы встали в утренние часы, поэтому Высочайшего проезда можно было ожидать или через сутки, или ночью. Этого времени никто не знал, но после полудня один из дозорных мне сказал, что Государь Император проследует сегодня поздно вечером. Как оказалось, об этом ему сказал старый машинист, о котором я писал в начале очерка. Конечно я отправился к нему. Он мне подтвердил, что Высочайший поезд проследует в 11 часов вечера, причем

ожидается три литерных поезда: А. Б и М. Я поспешил на станцию, но начальник ее мне ответил, что пока не получил телеграммы о времени следования литерных поездов, а знание сего старым машинистом предположительно объяснил получением его от управления службы тяги.

Такой порядок мне казался странным: от нас, несущих охрану и ответственных за безопасность проезда, скрывалось время его, а от какого-то машиниста, совершенно непричастного к охране — нет. Но А. А. Глотов считал это нормальным: он мне сказал, что если мы не знаем времени проезда литерных поездов, то это во всяком случае известно полковнику Швецову.

От кого-то я слышал, что Император Николай I для обозначения железнодорожного пути от Петербурга до Москвы взял линейку и по ней провел на карте черту, соединяющую обе столицы. Этим и объяснялось то обстоятельство, что, например, Новгород остался вне железнодорожной линии. В действительности Николаевская ж. д. вовсе не представляла собой прямой линии; небольшие изгибы на ней были. Например, за участком охраны нашей роты был небольшой поворот вследствие чего поезда, идущие из Петербурга, показывались нам только с дистанции одной версты. До пожара Веребьевского моста от Петербурга до Москвы было 604 версты, а потом полотно увеличилось на 5 верст — длину обходного пути между станциями Веребье, Оксочи и Торбино.

Назначенные капитаном Глотовым дозоры сменялись через два часа. До вечера почти вся рота перебывала в дозорах. Старшие в дозорах очередной смены для ознакомления с предстоящим им путем следования присоединялись к ходящей смене в ее последнем марше.

В 7 часов вечера от командира батальона была получена телефонограмма о времени проезда литерных поездов. На нашем участке это приходилось в 11 часов вечера в тот же день. Вследствие сего приказывалось около 10 часов вечера встать в третье положение охраны.

Я помню с каким волнением дожидался 10 часов вечера, а затем и Высочайшего проезда. Было жаль, что из-за позднего времени увидеть в поезде Государя и его Семью не представится возможным. Впрочем, надежда на это даже и при проезде Царского поезда днем была весьма проблематична, так как собственно проезд — дело секунды.

Когда в 9 1/2 часов вечера рота вышла на полотно железной дороги около станции, А. А. Глотов поставил первую полуроту по одной стороне полотна, а вторую — по другой, спинами друг к другу, и приказал разомкнуться от середины к флангам шагов на 50-60.

Дозоры должны были влиться в свои взводы. Эти перестроения не сразу удались. А. А. Глотов пошел проверить расположение одной полуроты, а я — другой. На концах участка получились пустоты, так как интервалы между людьми были указаны приблизительно и оказались малы. Пришлось долго их расширять. Перед вступлением в третье положение капитан Глотов приказал людям при приближении литерных поездов, идущих с сильными фарами на паровозах, поворачиваться в сторону их движения и идти до тех пор, пока поезд не минет идущего, после чего возвращаться на свое место и ждать следующего поезда. Всех поездов было три, причем никто не знал в каком из трех находится Царская Семья.

Исправив расположение нижних чинов вдоль полотна железной дороги, я вернулся на станцию, где находился капитан Глотов. Он приказал мне еще раз пройти вдоль полотна и остаться у путевой будки в начале нашего участка до проезда первого литерного поезда, после чего идти обратно на станцию.

Часы показывали без четверти 11. Была полная тьма. Приближался самый ответственный момент нашей охраны. Сердце учащенно стучало в груди. От волнения временами нервная дрожь пробегала по телу. Повсюду мерещились какие-то люди, проникшие через лес на наш участок. Но это были в действительности только стволы деревьев. Быстро шел я по знакомой тропинке вдоль полотна. Через 60-70 шагов повсюду мне встречались солдаты. Наконец, я дошел до путевой будки. Здесь железнодорожный сторож — седой старик — ожидал автоматического сигнала о проходе поезда лит. А мимо соседнего железнодорожного поста, чтобы в свою очередь дать сигнал на рожке в сторону станции Ушаки. Я разговорился с ним, желая этим занять свободное время и тем смягчить напряженность ожидания. Сторож мне сказал, что Царская Семья может быть или в первом поезде, или во втором. Что же касалось третьего литерного поезда М, то он носил эту литеру от слова "машины", так как в нем перевозились дворцовые автомобили.

В это время в будке на аппарате выскочил ожидаемый сторожем сигнал: он повернул рычаг, проворно вышел из будки с цветным фонарем и затрубил в сторону Ушаков. Потом он снял шапку, перекрестился и сказал: "Дай-то, Боже, благополучия царскому поезду". Я мысленно повторил его слова и как-то инстинктивно почувствовал насколько, в общем, все дело охраны было ненадежно организовано.

В это время из-за поворота в версте от нас появились три, ослепляющие глаза, прожектора и раздался характерный шум быстро приближающегося поезда с частыми вздохами паровоза. Навстречу поезду было совершенно невозможно смотреть; отвернувшись же от него, я увидел на далекое растояние освещенные полотно железной дороги и деревья леса по его сторонам. Они не только были освещены, но, казалось, и сами испускали свет, принимая какой-то волшебный вид. По сторонам на тропинках были видны фигуры солдат, идущих вдоль полотна. Через какую-нибудь минуту меня нагнал литерный поезд. Все вагоны внутри были ярко освещены. Этот свет был виден сквозь щели опущенных занавесок, но, благодаря им, внутренности вагонов были не видны. Зрелище этого поезда, поистине, было чем-то сказочным. Рассекая темноту своими сильными фарами и тем заставляя все впере-

ди себя светиться, несясь с огромной скоростью, грохоча на соединениях рельс и стрелок, этот поезд имел такой вид, которым нельзя было не любоваться.

Как зачарованный смотрел я на него, уже давно пронесшегося мимо меня. Было слышно, что солдаты возвращались на свои места и я двинулся по тропинке вдоль полотна в направлении к станции Ушаки. Через 4-5 минут раздался сигнальный рожок путевого сторожа: он предупреждал о приближении поезда лит. Б. С напряженным вниманием все ждали его появления из-за поворота и, когда он вышел на прямой путь, я к своему ужасу далеко впереди себя на освещенном его фарами железнодорожном полотне увидел одного солдата, перебегающего через рельсы. В то же время мне почудилось, что в недостроенной путевой будке, бывшей передо мной, мелькнула человеческая тень. В голове проскользнула мысль: а что, если машинист, заметив перебегающего человека, остановит поезд, ведь выйдет скандал. Не ответив себе на эту мысль, я выхватил из кобуры револьвер и бросился к дверям будки. Литерный поезд быстро приближался ко мне и в свете его фар я увидел как солдат вышел из будки с другой ее стороны. На мой вопрос он ответил, что на всякий случай зашел и осмотрел будку. Это было, конечно, правильно; я его похвалил и мой испуг, вызванный замеченной в будке, человеческой тенью прошел.

Поезд лит. Б был так же наряден, как и первый. Мчась с огромной скоростью, он быстро оставил нас позади и я благодарил Бога, что перебегавший железнодорожное полотно солдат не вызвал никакого неприятного инцидента. Тем же порядком, как и предыдущие два поезда, промчался мимо нас и поезд лит. М. В нем было несколько товарных вагонов и открытых платформ с автомобилями.

После его прохода рота стала собираться на станции Ушаки. Капитан Глотов мне сообщил, что уже передал в Любань полковнику Швецову о благополучном проследовании литерных поездов по вверенному ему участку охраны. Я доложил тогда о случае с перебегавшим полтно нашим солдатом, после чего мы вышли к роте. Капитан Глотов поблагодарил людей за охрану, а затем спросил, кто был тот солдат, который, перебегая полотно, был настигнут лучом фар. Он сразу же назвался. Оказалось, что, когда рота встала в третье положение и ранее бывшие на линии дозоры должны были влиться в свои взводы, он по бестолковости не сделал этого своевременно с другими и потому очутился в чужом взводе. А так как его взвод был на другой стороне полотна, то он решил, хоть поздно, исправить свою ошибку. Выбранное им время оказалось неудачным; уже почти перебежав полотно, он был настигнут лучом прожектора. Конечно, А. А. Глотов его выругал.

Далее рота была отпущена домой, а Александр Александрович и я остались на вокзале в ожидании распоряжений от командира батальона. Вскоре полковник Швецов сообщил, что литерные поезда на участке 1-го батальона проследовали благополучно, что Государь Император и Царская Семья следовали во втором литерном поезде, что поезд лит. А был свитским и что Его Величество выходил из вагона в Любани. Полковник Швецов рапортовал Государю, что во вверенном ему участке охраны никаких происшествий не случилось. Государь поблагодарил полковника Швецова и повелел передать его благодарность всем чинам батальона.

На следующий день рота погрузилась в эшелон, идущий из Любани, и вместе со всеми вернулась в Петербург.

В вагоне мы, молодые офицеры, обменивались впечатлениями о своей первой охране. Раздавались возбужденные и веселые голоса моих товарищей, которые, перебивая один другого, рассказывали о разных своих похождениях, деревенских и дачных развлечениях за время пребывания на охране.

Однако, мне лично казалось, что смысл охраны был не в этих развлечениях. Здесь, поэтому, мне хочется передать свое впечатление, которое я вынес от первого участия в охране.

Она, конечно, было мала надежна. Благополучное следование Императорского поезда на 50 процентов зависело от железнодорожных служащих. При наличии с их стороны злой воли, накикая военная охрана не может обнаружить приготовленного покушения. Железнодорожная служба во время всех трех положений по охране не находится под контролем военной власти. Воинская охрана наблюдает только за недопущением посторонних лиц на полотно железной дороги и за сданными ей под охрану железнодорожными постройками. Иначе, конечно, и быть не может, так как нельзя же контроль железнодорожной службы поручать не имеющим в ней понятия войскам.

Я помню как уже в сумерки в день следования литерных поездов железнодорожный сторож заканчивал свой обход полотна: где-то он подвинтил, а может быть развинтил гайки, где-то постукивал, проверял стрелку и т. д. и после него уже никто из железнодорожных служащих не появлялся. И если он был злоумышленником, для него был полный простор для подготовки покушения. Очевидно им девряли, как и войскам.

Бронеавтомобили

С. Нилов

Броневтомобили, как и аэропланы, перед Первой Великой войной явились новым типом вспомогательного оружия. В иностранных армиях — немецкой, французской и особенно в бельгийской — были попытки бронирования и вооружения легковых автомобилей, которые не ответили своему назначению. В России, на Путиловском заводе, также пробовали бронировать легковые автомобили Балтийского завода, но они вышли не совсем удачными. Броневтомобили были заказаны в Англии и начали прибывать в Петроград в ноябре 1914 года.

Из всех военных училищ последний выпуск подпоручиков состоялся 1-го октября 1914 года. В Павловское и Владимирское пехотные военные училища, в каждое из них, было прислано 15-20 вакансий для нужд вновь формирующихся броневтомобильных частей, которые явились их кадром. Все эти вновь произведенные офицеры были командированы в город Ораниенбаум в Офицерскую Стрелковую школу для изучения теории и практики пулеметного дела и всех систем существовавших тогда пулеметов. Одновременно с офицерами в Стрелковую школу были присланы сибирские стрелки, унтер-офицеры, окончившие учебные и пулеметные команды; в своем большинстве они были из запаса и представляли собою отличный материал, предназначенный для броневтомобилей в качестве пулеметчиков. Все участники пулеметных курсов по их окончании были отправлены в Петроград в Военно-автомобильную школу, по окончании курса которой все офицеры были зачислены по техническим войскам и им, как и солдатам, была присвоена Высочайше утвержденная форма одежды. Офицерам полагался темно-синий китель с серебряными пуговицами, черные шаровары с малиновым кантом; на серебряных погонах с малиновым просветом — черные накладные значки, как в Автомобильных ротах, но с пулеметом наверху, причем артиллерийские офицеры на значке имели кроме того пушку; фуражка с околышем черного бархата и малиновым кантом; как оружие, офицерам был присвоен кортик. Нижние чины имели черные шаровары и обычные гимнастерки с малиновыми погонами; вооружение — бебуты и револьверы системы "Наган" солдатского образца.

Началось формирование броневтомобильных взводов, начальниками которых было предположено назначить особо отличившихся офицеров, имевших статутные награды. Каждый броневтомобильный взвод состоял из двух пулеметных броневтомобилей и одного пушечного. На каждом пулеметном броневтомобиле были устроены две вращающиеся башни по одному пулемету в каждой, Максима или Викерса, с водяным охлаждением. Пушечный броневтомобиль был вооружен одной пушкой и одним пулеметом. Команда пулеметного броневтомобиля состояла из одного младшего офицера — командира броневтомобиля — двух шоферов, двух пулеметчиков и одного запасного, который подавал патроны, а в случае убыли, заменял пулеметчика. Командиром пушечного броневтомобиля был артиллерийский офицер.

Каждому взводу были приданы легковые машины, мотоциклеты, грузовики, цистерна для бензина и оборудованная полевая подвижная мастерская. Численный состав взвода, считая строевую и хозяйственную части, достигал ста человек при четырех офицерах. "Броневтомобильные взводы" были вскоре переименованы в "Броневтомобильные отделения". Три отделения составляли "Броневтомобильный дивизион", который придавался высшим войсковым соединением — армиям.

В конце 1916 года существовало в русской армии 12 броневтомобильных дивизионов и один особый, находившийся при войсках гвардии. В 1917 году число броневтомобильных отделений достигло пятидесяти. Кроме действующих боевых броневтомобильных дивизионов в Петрограде находился Запасный броневтомобильный дивизион, роль которого состояла в пополнении убыли офицеров и солдат, а равно в производстве ремонта броневтомобилей и материальной части.

Вообще говоря, специального боевого типа броневтомобилей не существовало; обычно брались легковые или небольшие грузовые машины и к ним приспосабливалась броня. Основными являлись следующие типы. "Остен" легковая машина в 36 сил с двумя башнями и с двумя пулеметами, поставленными рядом. "Фиат" — легковая машина в 80 сил; башни были расположены в шахматном порядке, что позволяло стрелять во все стороны из обоих пулеметов. "Ланчестер" — легковая машина в 60 сил, однобашенная, с одним пулеметом и 37 мм. пушкой Гочкиса. Очень часто в броневтомобилях можно было встретить нашу укороченную трехдюймовую пушку. Были также броневтомобили типа "Гарфорд", "Джефферн" и др.

Обычно броневтомобили имели стальную броню в 7 1/2 - 8 1/2 мм.; броня была вполне солидная и не пробивалась ни обыкновенной, ни бронебойной пулями, которые при попадании только приваривались к броне. Броня, где это было возможно, имела закругления для рикошетирования пуль, но снизу машина защищена не была. Командир и шоффер имели наблюдательные щели, которым можно было придавать желаемую ширину, а у новейших моделей было непробиваемое стекло или перископ. Для управления существовали передний и задний рули. Стены внутри машины были обиты пробкой или войлоком для предохранения от поражений осколками брони. Все эти типы

машин имели общий большой недостаток: мотор легкого автомобиля был расчитан не более как на полторы тонны, тогда как вес бронеавтомобиля был, примерно, около трех тонн. Из-за этой перегрузки рессоры часто не выдерживали и оси ломались. Поэтому подобные бронеавтомобили могли успешно действовать только на хорошо утрамбованных шоссейных дорогах.

Бронеавтомобильные отделения могли действовать одновременно, но мог действовать каждый бронеавтомобиль и отдельно; однако, как правило, для более успешного выполнения боевых задач, бронеавтомобильные отделения должны были действовать всеми машинами своего состава.

Каждый бронеавтомобиль представлял собою самостоятельную тактическую единицу, на которую могли возлагаться как отдельные боевые задачи, так и совместные боевые действия с другими родами оружия. Очень большая подвижность бронеавтомобиля, способность действовать быстро и внезапно, сильное моральное воздействие как на войска противника, так и на свои войска, огневая сила и неузвимость от ружейных и шрапнельных пуль — дают очень много случаев для проявления инициативы; поэтому, имея в виду то обстоятельство, что бронеавтомобили есть оружие момента, командиры их не должны упускать этого момента; они должны быстро разбираться в обстановке боя и чувствовать пульс боя, быть людьми предприимчивыми, умеющими принимать самостоятельные решения, а также быть способными решаться на самые рискованные предприятия, немедленно приводя их в исполнение за полной своей ответственностью.

Как показал опыт, из боевых свойств службы бронеавтомобилей являются особенно важными следующие. Указание достаточно широкого района действия, обеспеченного дорогами; нежелательность подчинения бронеавтомобилей небольшим войсковым соединениям (рота, эскадрон, батальон), а равно указание точного времени присутствия бронеавтомобилей в данном районе боя, дабы свои бронеавтомобили не принимались за неприятельские.

В предвидении боя бронеавтомобили выдвигаются впереди авангарда на 4-6 верст; они передвигаются от одного рубежа к другому, сбивают неприятельскую разведку, стремятся выиграть пространство и задержать противника до подхода своих частей. В случае необходимости занять дороги, переправы, теснины и иные пункты, с целью обеспечить их от захвата противником до подхода своих частей, бронеавтомобили быстро выдвигаются вперед к указанным местам, занимают их, если нужно, с боем и ведут активную оборону. В этом случае бронеавтомобилям придается нужное количество пехоты.

При наступлении бронеавтомобили назначаются частям выдвинутым вперед и на фланги для самого интенсивного огневого содействия, особенно на наружных флангах, если они охватываются противником, а также обстреливают неприятельскую позицию, чтобы облегчить приближение к ней наших атакующих частей. Имея в виду, что обычно первый период боя протекает в артиллерийской подготовке, необходимо в этот период боя держать бронеавтомобили укрыто и не спешить их выдвигать вперед, чтобы в решительный момент атаки они могли бы своим внезапным появлением использовать свою значительную огневую и моральную силу. Выдвижение бронеавтомобилей сразу к нашим наступающим частям будет ошибочным действием, ибо это только раскроет противнику наши намерения и подвергнут бронеавтомобили напрасному артиллерийскому обстрелу. Наилучший момент выдвижения бронеавтомобилей наступит тогда, когда пехота займет последнюю стрелковую позицию или достаточно сблизится с противником; тогда бронеавтомобили выносятся вперед, стремясь возможно скорее сблизиться с цепями противника, дабы этим прикрыть себя от поражения неприятельской артиллерией.

Действия бронеавтомобилей в этот момент должны быть быстрыми, смелыми и бесповоротными: на ходу огнем разгоняются с дороги стрелки противника, дабы они не могли бросать ручные гранаты; броневые автомобили прорываются сквозь цепи противника и открывают огонь во фланг и тыл; затем, оставив одну броневую машину для наблюдения за неприятельской пехотой, двигаются в тыл противника, чтобы разогнать резерв и заставить сняться с позиций неприятельские батареи. Преследование бронеавтомобили должны вести безостановочно, стремясь врезаться между отступающими частями противника для обстрела фланговым огнем.

На нашем Западном фронте бронеавтомобили появились впервые в ноябре 1914 года под Лодзью. Как пример удачного совместного действия целого отделения в составе трех броневых машин, можно привести пример боя в районе Тарнополя в 1915 году около местечка Бучач. Бронеавтомобильное отделение находилось в распоряжении одной из Финляндских стрелковых дивизий, которая отходила под нажимом противника, но готовилась произвести короткий контрудар. Бронеавтомобильному отделению был указан стык двух батальонов, который находился на шоссе; с этими батальонами и предстояло действовать бронеавтомобильному отделению.

С наступлением рассвета стрелки перешли в наступление; едва наши атакующие пришли в соприкосновение с противником, как поддержанные пушечной машиною неожиданно появились пулеметные бронеавтомобили и своим сильным огнем произвели панику в неприятельской цепи; она обратилась в бегство, укрываясь в придорожных канавах. Один бронеавтомобиль, делая поворот, обнаружил шагах в трехстах от себя действующую неприятельскую четерехорудийную батарею. Немедленно пулеметным огнем этого бронеавтомобиля вся прислуга батареи была выведена из строя и батарея была взята. Это был бронеавтомобиль "Пылкий", которым командовал капитан А. Сафонов.

Но можно привести также два примера неудачного использования бронеавтомобилей. В конце октября 1916 огда, особый корпус генерала Заиончковского

после боев на линии железной дороги Черноводы — Констанца отошел верст на 50-60 к северу, куда стали подходить части 4-го армейского и 4-го Сибирского корпусов. Болгары, выдвинув вперед кавалерию генерала Колева, стали усиленно укрепляться в десяти верстах севернее железной дороги Черноводы - Констанца. Дивизия Колева действовала очень умело. Заняв отдельными спешенными эскадронами, поддержанными взводами артиллерии, отдельные высоты, она создала впечатление, что перед нами находятся пехотные болгарские части. Одна русская и одна румынская кавалерийские дивизии прорвать эту тонкую, но умело замаскированную завесу не сумели.

В это время в нашем ближайшем тылу были сосредоточены три русские бронеавтомобильные отделения, два бельгийские и одно английское. Казалось бы их нужно было придать кавалерии и при наличии прекрасных шоссейных дорог они легко бы прорвали завесу болгарской кавалерии и выяснили бы, где укрепляется болгарская пехота. Вместо этого наша пехота стала методично продвигаться вперед и, пройдя за неделю сорок верст, уперлась в сильную укрепленную болгарскую позицию. Пошли дожди. Решено было атаковать позицию и тогда вызвали из тыла бронеавтомобили. По размокшей пахоте их пустили на неприятельскую проволоку. Большинство бронеавтомобилей завязло в грязи. Одиночные машины дошли до проволоки, уткнулись в нее и были взяты болгарами. Только несколько бронемашин уцелело и они были оттянуты в тыл. Когда же после неудачной атаки и в связи с отходом румын на левый берег Дуная нашим частям приказано было отходить, бронеавтомобилей, которые смогли бы прикрыть отход и задержать болгарскую кавалерию, увы, на фронте уже не было.

Другой пример. В июне 1917 года, во время, так называемого, наступления Керенского, 4-й армейский корпус должен был наступать в Румынии между реками Рымник и Бузео. Приданное корпусу бронеавтомобильное отделение получило задачу· в начале атаки подойти к неприятельским окопам и стрельбой по ним из пулеметов подавить огонь противника. По пространству, изрытому воронками от разорвавшихся снарядов, а особенно через проволоку, подойти близко к окопам было очень трудно. Вследствие этого стрельба из пулеметных башен по окопам противника оказалась недействительной и не дала ожидаемого результата.

В обоих приведенных выше случаях основные свойства броноавтомобилей, как тактического оружия, служащего для глубокой разведки, прикрытия и преследования использованы не были и бронеавтомобилям давались невыполнимые для них задачи. Это объясняется тем, что общевойсковые начальники не были достаточно ознакомлены с техническими и тактическими свойствами бронеавтомобилей и совершенно не умели ими пользоваться в маневренной войне. Наступивший же затем позиционный характер войны привел к тому, что в Первую мировую войну бронеавтомобили не сыграли почти никакой роли.

Аналогичное явление наблюдалось и у союзников на Западноевропейском фронте, где бронеавтомобили не могли найти себе применения в позиционной войне вследствие неподвижности фронта.

Со стороны немцев бронеавтомобили применялись тоже очень редко: их громоздие и тяжелые машины типа "Дюссельдорф" были совершенно непригодны для русских дорог.

Начиная с 1916 года в Россию в действующую армию начали прибывать английские и бельгийские бронеавтомобильные дивизионы с их собственными командами. В Петрограде имелось несколько десятков бронеавтомобильных машин, предназначенных для отправки на фронт и будь на них решительные и надежные команды они могли бы сыграть значительную роль при возникновении революции.

Гражданская война на юге России протекала в условиях совершенно несхожих с условиями Первой мировой войны. Малое количество войск сравнительно с громадным пространством, на котором происходили военные действия, заставили отказаться от сплошных укрепленных фронтов и принудили войска обоих сторон вести маневренную войну. Степной по преимуществу характер местности и необходимость быстрой переброски войск вызвали к жизни действие больших конных масс. Эти же условия, а также желание заменить недостаток бойцов техникой, заставили обе враждующие стороны широко использовать бронеавтомобили.

В Гражданской войне бронеавтомобили уже имели в некоторых случаях влияние на исход боя. Ими иногда выполнялись и самостоятельные боевые задачи и, что несомненно, они имели большое моральное действие как на свои войска, так и на войска противника. Работа их происходила на глазах участников боя и быстрое продвижение вперед бронемашин, их смелые и дерзкие действия сильно поднимали дух нашей пехоты, и конницы, сообщая им боевой порыв идти вперед. И обратно, когда отход своих бронеавтомобилей вызывал зловещие слова: "Броневики отходят...", то при неустойчивых войсках часто и начатой операции происходила заминка, которая обрекала ее на дальнейший неуспех. В равной степени, приближение неприятельских бронеавтомобилей к нашей пехоте и коннице вселяло в них тревогу и часто неустойчивость.

Вместе с тем Гражданская война подтвердила непреложные истины в том, что войсковые начальники должны знать и правильно использовать боевые свойства всех родов оружия и в том числе бронеавтомобилей.

Если история конницы есть история ее начальников, то это применимо так же и к бронеавтомобилям.

Одесское Военное Училище на Курских маневрах и подвижных сборах в Бессарабии и Крыму

(К СТОЛЕТИЮ — 1865 - 1965 — ОСНОВАНИЯ УЧИЛИЩА)

Генерал-майор А. Г. Шольп

Настоящий очерк, хранившийся в редакционном протфеле, принадлежит перу, покойного нынс. генерал-майора Александра Густавовича Шольп (1857-1938). Начавший службу в 57-м пех. Модлинском полку, он участвовал в Освободительной войне 1877-78 гг. Затем служил в Одесском военном училище, занимая должности сначала младш. офицера, потом к-ра роты, бат-на, замсняя часто н-ка училища. По свидетельству лиц, знавших его в ту пору, "полковник Шольп был грозою училища, но с рыцарской душой, преданный строевой службе". Потом он был назначен командиром Модлинского пех. полка, с которым в 1914 г. выступил на войну. В октябре того же года, командуя бригадой 41-й пех. дивизии, он за бой под Козинце получил георгиевское оружие, а в декабре, командуя 3-й пех. дивизией, отличился под Сопановым в Брусиловском наступлении. Участник Гражданской войны на Юге России, А. Г. Шольп при эвакуации сперва попал в Сараево (Югославия), а затем переехал в Софию (Болгария), где скончался в 1938 г. — Ю. Т.

В августе 1901 года, бывшее окружное Одесское юнкерское училище сделало последний выпуск портупей-юнкеров (подпрапорщиков) по старой программе и в сентябре приняло вновь к себе 160 человек по конкурсному экзамену гимназистов, реалистов, семинаристов и студентов, молодых людей со стороны, совершенно не знакомых с военной службой.

Принятые юнкера образовали четыре классных отделения общего класса, а в строевом отношении составили четыре роты по 40 человек каждая.

Начался трехгодичный курс военного училища по новой программе.

В середине июля 1902 года в лагерь училища, расположенный под Одессою, неожиданно прибыл начальник штаба Киевского военного округа, ген.-лейт. Сухомлинов и сообщил, что последовало Высочайшее повеление привлечь на Курские маневры военные училища. В силу этого повеления Одесское, Киевское и Чугуевское училища, составляя сводный батальон трехротного состава, должны были войти в состав Южной армии. Для этой цели Одесское училище должно было отправиться в Киев и прибыть в лагерь Киевского военного училища.

Началась усиленная подготовка к будущим маневрам. Молодежь, поступившая в училище со стороны, была знакома только еще с одиночной подготовкою и лишь начинала курс стрельбы, но с маневрами и тактическими действиями совершенно не была еще знакома. Все юнкера образовали одну сводную роту и в течение месяца были постепенно втянуты и подготовлены к будущим маневрам и большим переходам.

К назначенному сроку училище прибыло в лагерь Киевского военного училища, в Дорницу, где уже застало и Чугуевское училище. Вскоре затем всем трем училищам был произведен смотр по-ротно командующим Южною армиею, генерал-адъютантом Куропаткиным, одновременно исполнявшим должность военного министра.

С началом маневров сводный батальон военных училищ вошел в состав 11-го армейского корпуса под командою генерал-лейтенанта Филиппова и на батальон постоянно возлагались различные боевые задачи: назначение в авангард, в сторожевое охранение, в разведку и проч.

При батальоне всегда находились все три начальника училищ: Киевского — генерал-майор Шуваев, Одесского — полковник Ферсман и Чугуевского — полковник Зейн.

Погода во время маневров была довольно дождливая, что при переходах по 30-35 верст было для юнкеров тяжело, но отсталых и больных не было. Было горячее желание видеть Царя...

Предпоследний день был особенно труден. Походное движение началось в 5 часов утра. Двигались "с боями" в течение почти всего дня. Лишь в 8 часов вечера стали на бивак, но разбивать палатки и разводить костры было воспрещено. В этот день прошли около 50-ти верст. Но недолго пришлось отдыхать, в 3 часа ночи батальону приказано было построиться и начать переправу через реку Сейм вброд. Брод был выше пояса и вода очень холодная. Оружие, патроны и шинели пришлось нести на голове. Благополучно перейдя Сейм, батальон "вступил в бой", выполнив в точности заданную ему задачу.

В 9 часов утра был дан отбой. Маневры было повелено окончить. Обе армии расположились биваком около Маквы Сокольской и войскам была дана дневка. После дневки армии были построены и начался объезд войск Царем, закончившийся общим парадом. Рядом с Государем, принимавшим парад, находился и шах Персидский, пребывавший в это время в России.

По окончании маневров, начальник Одесского военного училища, полковник Евгений Александрович Ферсман, был произведен в генерал-майоры и назначен директором 3-го Московского кадетского корпуса. Училище благополучно вернулось в Одессу. Долго хранили в памяти юнкера, участники Курских маневров, те дни, когда им пришлось, несмотря на свой малый

спыт и тяжелые условия, выдержать первый "походный" экзамен.

***

В 1903 году подвижных сборов в училище не было. В 1904, 1905 и 1906 годах Одесское училище ходило в подвижные сборы в Бессарабию.

Обыкновенно до г. Бендер училище следовало по железной дороге, а от Бендер начинало свой подвижной сбор в районе Кишенев — р. Днестр, по маршруту разному на каждый год. Програма подвижного сбора составлялась училищем на все отделы тактики и утверждалась командующим войсками округа. К училищу придавался эскадрон кавалерии от 8-й кавалерийской дивизии.

Дневки училища по маршруту назначались в пунктах на берегу Днестра, что давало возможность юнкерам воспользоваться удовольствием купаться в Днестре. Однако купание требовало особых мер предосторожности ввиду большой быстроты течения реки. Для этого назначались лодки, на которых дежурили юнкера, хорошие пловцы, которые следили за купавшимися. Часто дневки назначались вблизи имений Вадалуй - Воды - Сикорд, Снея - Леонард и других, владельцы которых отличались большой любезностью и радушием.

В 1905 году сильная жара — до 50 градусов на солнце — заставила изменить всю программу. Во избежание могущих произойти солнечных ударов было приказано делать походное движение ночью, а на рассвете делать маневр. В течение же дня оставались на биваке в лесах.

На всех этих маневрах юнкера выпускного класса по очереди командовали ротами, взводами, были начальниками частей сторожевого и походного охранения. По окончании маневров командующий училищем, батальонный командир, делал разбор и указывал на ошибки. Можно смело сказать, что эти маневры много помогли впоследствии бывшим юнкерам приложить свои знания в Мировой войне.

В 1907 году программа подвижного сбора была изменена командующим войсками округа генералом бароном Каульбарсом, и училище отправлено в Крым.

Переход от Одессы до Севастополя училище совершило на военном транспорте (плавучая мастерская) "Кронштадт", входившем в состав Черноморского флота. Когда все училище погрузилось на него, в составе 23 штаб и обер-офицеров, 420 юнкеров, 60 человек нижних чинов и прислуги и 30 лошадей, то всей этой массы людей на транспорте было совершенно не заметно.

По выходе из Одеского порта уже в море была получена радиотелеграмма генерала Каульбарса: "Командующий войсками желает училищу счастливого плавания".

Несмотря на свежий ветер эту громаду-транпорт почти не качало и этот переход по морю всем казался приятной прогулкой. По приходе в Севастополь на пристани училище встретил комендант крепости генерал-лейтенант Григорьев с хором музыки.

Выгрузившись училище последовало походным порядком в лагерь 13-й пехотной дивизии, где на фланге его расположилось бивком в походных палатках. Три дня пребывания в Севастополе были посвящены осмотру Исторического музея, братской могилы, Малахова кургана, линии обороны и других памятников связанных с воспоминанием о славной обороне. Объяснения давали офицеры училища.

Затем училище выступило в подвижной сбор по подробно разработанной и утвержденной начальством программе: Севастополь, Балаклава, Кикенеиз, Симеиз, Алупка, Ливадия, Ялта, через Яйлу, Бахчисарай и Севастополь.

Переходы были не длинные, но утомительные из-за жары и страшной пыли. Начиная от Балаклавы, до Алупки шоссе, по которому совершался поход, находилось врестах в 5-6 от моря и только в Алупке расстояние это уменьшилось до одной версты, что дало возможность юнкерам выкупаться в море. Это доставило им большое удовольствие. При проходе мимо Симеиза, имения фельдмаршала графа Милютина, командующий училищем с адъютантом свернули во дворец и хотели представиться фельдмаршалу и доложить о подходе училища, но Милютина, к сожалению, не оказалось дома.

При подходе к Ялте, в Ливадийском парке, училище встретил 16-й Стрелковый Его Величества полк в строю с хором музыки. Полк этот нес в Ливадии караульную службу, но Царской семьи в это время в Ливади не было. Командир полка пожелал юнкерам счастливого похода, полк отдал честь знамени училища, после чего командующий училищем остановил батальон юнкеров перед строем полка и отдал честь полку. Юнкера приветствовали стрелков громкими криками ура. Пройдя через весь парк, училище расположилось биваком около него, против кордона пограничной стражи. Весь следующий день была дневка и его посвятили осмотру Ливадийского дворца и парка.

Между тем предположенная программа подвижного сбра должна была неожиданно измениться. Была получена телеграмма, что ввиду ожидаемого производства юнкеров в офицеры в Красном Селе Государем, училище к этому дню должно вернуться в Орессу, а потому поход через Яйлу на Бахчисарай и Севастополь отменяется.

Командующий училищем еще в Севастополе, предвидя возможность этого изменения в программе, уговорился с Командующим Черноморским флотом об обратном переезде училища в Одессу из Ялты, но так как транспорт "Кронштадт" по своей глубокой осадке не мог подойти к ялтинской пристани, то было решено выслать на транспорте десантные боты Севастопольской десантной роты.

Когда был точно назначен день возвращения училища в Одессу, то по телеграмме посланной начальнику штаба Черноморского флота "Кронштадт" был выслан за училищем. Около восьми часов утра на биваке раздались веселые возгласы юнкеров: "Идет, идет!... — и транспорт, подойдя к Ливадии, стал на якорь в версте от царских купален.

Вся посадка людей, лошадей и обоза производилась с десантных ботов; на счастье море было спокойное и вся погрузка произошла в блестящем порядке. В полном благополучии училище вернулось в Одессу.

Знамена русской Гвардии под Нарвой в 1700 году

С. Андоленко

В своей "Истории л.-гв. Преображенского полка", описывая исход нарвского разгрома, ген. Бобровский пишет: "К утру 20 ноября мост был восстановлен. Преображенцы и Семеновцы и прочие полки генеральства Головина перешли на правый берег беспрепятственно, с оружием в руках и знаменами, но полки генеральства Вейде свое оружие и знамена сложили по требованию шведов".

Принято считать, что под Нарвой Гвардия знамен не теряла. Но как согласовать тот бесспорный факт, что в Стокгольме, по сей день, хранятся знамена Преображенского и Семеновского полков, доставшиеся шведам по Нарвой? Знаменам этим были посвящены в Швеции особые труды, существуют и открытки с их изображениями. Часть из этих знамен можно видеть в военном музее. Факт этот был оглашен в русской исторической печати. О нем писал и кап.-лейт. П. И. Белавенец в 1911 г., и, наконец, отметил его и В. В. Звегинцов в своем труде, вышедшем в Париже в 1963 г. Но простым признанием факта присутствия знамен Гвардии в шведском плену этот вопрос не ограничивается. О том, как попали в руки врага эти знамена, все ли, или только часть их, никто из русских историков до сего дня ничего путного не сказал. Вот почему, мы считаем, что осветить этот вопрос, хотя бы частично, не только интересно, но необходимо.

В книге П. И. Белавенца "Краткая записка о старых русских знаменах", изданной в С. Петербурге, приводился список находящихся в шведском плену гвардейских знамен (Преображенского — семь ротных и Семеновского — полковое и два ротных). Вот что писал о них Белавенец.

"Всего знамен нашей Гвардии у шведов 10 и все взяты под Нарвой. Можно с уверенностью сказать: Преображенского полка полкового знамени нет, а ротные принадлежали 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 8-й, 15-й и 16-й ротам, всего семь. Л.-гв. Семеновского полка знамя полковое и ротные 3-й и 4-й рот, итого три знамени... полагаю, что наши гвардейцы уничтожили остальные. В шведском сочинении совершенно ясно подтверждено, что по первоначальным условиям капитуляции, полки могли сохранить свои знамена, а потом знамена все-таки были отобраны".

Нарвский погром был полным. Сам Петр писал о нем: "Итако шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно, но надлежит разуметь над каким войском оную учинили, ибо только один старый полк Лефортовский был, два полка Гвардии только были на двух атаках у Азова, полевых боев, а наипаче с регулярными войски никогда не видали. Прочие ж полки, кроме некоторых полковников, как офицеры так и рядовые, сами были рекруты... и, единым словом сказать, все то дело, яко младенческое играние было, а искусства ниже вида, то какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию".

Семеновец, князь Куракин, отметил в своем дневнике: "И ноября 20 числа несчастие великое было, где весь обоз потеряли, и пришед шведский король всех отбил и артиллерию и обоз".

Некоторые части дрались стойко, до конца, дивизии Вейде и Головина и особенно Гвардия, отбивая в своем вагенбурге все атаки, которыми лично руководил Карл XII. Ее доблесть была признана врагом, так как она получила право отойти от Нарвы с оружием и развернутыми знаменами... Положившись на королевское слово, Гвардия ночью передала шведам свой вагенбург и фактически была окружена победителями. Всю ночь чинили мост через Нарову и, когда он был готов, потянулись к нему среди стеной стоявших шведских войск. И тут произошло событие, которое признают и шведские историки. Шведы стали требовать знамена. О сопротивлении не могло быть и речи. Все укрепления и вся артиллерия были уже переданы шведам, а единственный путь отхода, мост, находился в их руках. Было ли со стороны шведов такое поведение вероломством, сказать трудно. Возможно, что наскоро заключенная ночью капитуляция таила в себе недоразумение. Дело в том, что по европейским обычаям тех времен, по заключении капитуляции, войскам, которым предоставлялось право выйти с воинскими почестями, сохранялось оружие. Шли они торжественным маршем, с распущенными знаменами, которые полагалось все-таки сложить. При этом считалось, что переданные врагу по капитуляции знамена отнюдь не клали тени на репутацию полков, как то было при потере их в бою. Вот, что пишет об этих обычаях большой знаток истории знамен, генерал Реньо.

"Капитуляция обыкновенно сопровождалась выдачей знамен даже в тех случаях, когда побежденным были представлены воинские почести и, что кажется теперь невероятным, это то, что те же самые полки, которые упорно защищали свои знамена на полях сражений, с совершенно спокойной совестью передавали их в руки врага по капитуляции. Считалось, что признание врагом храбрости при обороне, совершенно удовлетворяло воинскую честь".

Даже такой ее поборник, как известный Наполеоновский генерал герцог Мантескье де Фезенсак, лично спасший в 1812 году орел 4-го линейного полка, которым он командовал при отступлении из России, пишет: "На поле сражения знамена надо защищать до смерти, но нет никакого стыда отдать их по капитуляции. Это во всяком случае благороднее, чем сохранить их путем обмана..."

Таких тонкостей русские не знали и таких мнений никогда не разделяли. Когда шведы стали требовать знамена, видно везде, где это было возможно, офицеры

и солдаты, те самые неуклюжие петровские "рекруты", стали срывать знамена с древков и отдавать врагу только последние, по русским понятиям особенной ценности не имевшие. Вот почему и Преображенцы, и Семеновцы все-таки спасли часть своих знамен.

Семеновец Благово вспоминает: "В 1700 году поход под Ругодев и войски наши все разбиты и ограблены кроме двух полков Преображенского и Семеновского, и знамена вынесли с собой..." Не все, конечно по большую часть. И если Благово отмечает этот факт, то потому, что спасти знамена было не легко.

Почему же П. И. Белавенец думал, что не попавшие в руки шведов знамена Гвардии были не спасены, а уничтожены. Вероятно потому, что во всех русских официальных трудах, раньше всего у Висковатова, говорится о том, что в 1701 году, т. е. после Нарвы, полкам был выдан полный комплект новых знамен: Преображенскому 1 белое и 15 черных, а Семеновскому 1 белое и 11 голубых, что совершенно не соответствует действительности.

О знаменах Семеновского полка мы не располагаем данными, но в архивах Московской Оружейной Палаты сохранился чрезвычайно интересный документ о новых знаменах, пожалованных в 1701 году Преображенскому полку. Обнаруженный около 1900 года поручиком л.-гв. Преображенского полка П. Э. Тилло, он был помещен, без всяких комментариев, на стр 208 приложений к 1-му тому полковой истории ген. Бобровского.

"1701 года генваря в день, по указу Великаго Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии Самодержца, боярин Федор Алексеевич Головин приказал взять испрображенска от оружейного дозорщика Данила Греченинова знамя здревком и дротиком обрасцовое Преображенского полку и против того знамени зделать воружейной полате таких десять знамен определяя по ведомости спим Данилом вкоторые роты знамена писаны будут только числом на нем звезд и ктем знаменам чехлы и мешечки и древок здротики шеснатцать, а что на дело тех знамен надобно будет каких припасом и то все давать изнеокладных оружейной полаты доходов приему подъячего Андрея Беляева сросписками. Дьяк Алексей Курбатов. И по тому Его Великаго Государя указу Преображенскаго полку у оружейнаго дозорщика Данила Гречанинова обрасцовое знамя здревком и дротиком воружейную полату взято".

Следует подробное описание знамени, которое мы опускаем, так как оно, в общем, соответствует описанному Висковатым знамени образца 1701 года, но совершенно не упоминает об орнаментах вокруг знамени, которых нет и на экземплярах знамен сохранившихся в Стокгольме. Видно, что Висковатов ошибся в своем описании знамени 1701 года. Отметим также противоречие между вышеприведенным текстом и Висковатовым. Последний, на стр. 18-й 2-го тома, пишет: "Академик Гамель, рассматривая в 1836 году архив Московской Оружейной Палаты, нашел дело о постройке, по Высочайшему указу от 1-го января 1701 года, двух образцовых знамен, одного для л.-гв. Преображенского, другого для л.-гв. Семеновского полка".

Судя по описанию этих знамен, буква в букву совпадающее с тем, которое приводит документ найденный П. Э. Тилло, видно, что речь идет и том же самом документе, но в тексте Висковатова говорится о постройке двух образцовых знамен, а в нашем — о постройке новых знамен по имевшимся уже образцовым. Дальше, из документа П. Э. Тилло извлекаем следующее.

"И против того обрасцового знамени зделано воружейной полате десять знамен ссоопределительством звезд, на первом две, на втором три, на третьем четыре, на четвертом восемь, на пятом десять, на шестом двенадцать, на седмом пятнадцать, на осмом шестнадцать звезд, девятое на десятое без звезд..."

Далее следует многоточие. Видно генерал Бобровский, по неизвестным нам причинам, не захотел опубликовать документ полностью. Оканчивается он так: "И те вышеписанные десять знамен смешечки и счехлы да шестнадцать древок здротики отданы изоружейные полаты преображенскаго полку оружейному дозорщику Данилу Гречанинову сросписокою; росписка на зади сей записи".

Из этого капитального значения документа совершенно ясно следует, что в полк были посланы 16 древок для знамен, что подтверждает то, что все спасенные знамена были без таковых. Затем, что выдано в полк было только 10 ротных знамен, что доказывает, что полковое и 5 ротных знамен были спасены. Если в полку не доставало десяти ротных знамен, это совсем не значило, что все они попали в руки шведов. В опубликованном в 1840 году труде шведского историка Адлерфельда утверждалось, что в руки шведов попало 9 знамен Преображенского полка, что, может быть, не совсем точно. Во всяком случае до наших дней сохранилось только 8 таких знамен. Таким образом, из недостававших Преображенцам ротных знамен, два или три в руки шведов не попали и были, вероятно, уничтожены.

Интересно сопоставить данные шведских историков и документ Московской Оружейной Палаты. Сейчас, в Стокгольме находятся знамена 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 8-й, 15-й и 16-й рот Преображенского полка, а в 1701 году в полк были посланы, для замены утраченных, знамена для 2-й, 3-й, 4-й, 8-й, 10-й, 12-й, 15-й и 16-й рот и два без звезд. Тут все совпадает кроме: 5-й, 10-й и 12-й рот. Можно предположить, что знамена для 10-й и 12-й рот заменяли уничтоженные, а с 5-й произошла какая-то путаница. Был же какой-то смысл в том, что в полк посылались два знамени без звезд, т. е. без обозначения рот.

Какой же вывод можно сделать из всего этого?

1) Знамена Гвардии, попавшие в шведские руки после Нарвского сражения, почитаться боевыми трофеями никак не могут, так как они не были взяты на поле сражения, а получены после боя, или путем вероломства, или в результате недоразумения. Это сле-

дует знать всем тем, кто эти знамена увидит в Стокгольме.

2) Несмотря на тяжелые условия, в которые поставила Гвардию капитуляция, она все-таки вынесла с поля большую часть своих знамен.

Отметим также, что за эти "трофеи" шведы заплатили в свое время сторицей. История Петровских походов изобилует и для Преображенцев, и для Семеновцев случаями взятия шведских знамен, но не по капитуляции, а в честном, рукопашном бою. Только в одной "Левенгауптской баталии" известно, что в Преображенском полку взяли шведские знамена:

"Отъютант Прокофей Шестимиров, 6-й роты солдат Петр Горбунов, 7-й роты солдат Ермолай Рыков, 8-й — урядник Микита Нефедьев, 9-й — капрал Леонтей Иванов и 11-й — капрал Михайло Аристов", а в Семеновском — "1-й роты солдат Обросим Окулов, 2-й — каптенармус Ракитин и солдат Михайла Козьяков, 4-й роты солдаты Володимер Назаров и Иван Панкратьев, 5-й — солдат Вишенский, 8-й — солдат Михайла Костоусов, 9-й — солдат Степан Нечаев, 11-й — каптенармус Лука Лонской и 12-й — солдат Степан Окулов".

То есть, 16 знамен отбитых Гвардией в одном только сражении под Лесной, а ведь она брала знамена и на штурме Шлюссельбурга и той же Нарвы в 1704 году, и под Добрым, и под Полтавой, и под Рашевкой, и под Выборгом, и т. д., и т. д. Не даром в полковом марше Преображенского полка поется:

"Знамя их полка пленяет
Русский штык наш боевой..."

В русской военно-исторической литературе до сего времени остается открытым вопрос о том, какие Гвардия получила знамена в 1700 году? Суммируя все известные по сей день данные, В. В. Звегинцов в своем труде "Знамена и штандарты Русской Армии", часть I, стр. 7, пишет:

"В 1700 году Преображенский полк получил взамен предыдущих 1 белое и вероятно 15 цветных знамен, с надписью "Анно Домини 1700", следующие знамена, описанные у Висковатова, носят дату 1701. Но в военном музее в Стокгольме хранятся взятые под Нарвой в 1700 году того же, или почти того же, рисунка. Поэтому, либо дата 1701 г. у Висковатова ошибочна и надо читать 1700 г., но в таком случае надо исправить его рисунки в соответствии с действительностью, либо в 1700 г. были выданы знамена у Висковатова не упомянутые, из которых некоторые были взяты под Нарвой, и в 1701 г. взамен им были выданы новые, т. е. описанные у Висковатова".

Документ Московской Оружейной Палаты позволяет разрешить сомнение. В 1701 году Гвардии не были пожалованы новые знамена, лишь заменены те из них, которые были утрачены под Нарвой. Знамена эти были того же образца, что потерянные под Нарвой, иначе говоря, в 1700 году. Гвардия получила те знамена, которые Висковатов ошибочно относит к 1701 году. Что же касается знамен образца 1695 года, с надписью "Анно Домини 1700", то таковых, как видно в строю в Нарвском походе не было. Возможно, что они вообще выданы не были, а может быть надпись была, в предверии нового столетия, просто добавлена на старые знамена, которые были в 1700 году заменены теми, часть которых попала к шведам.

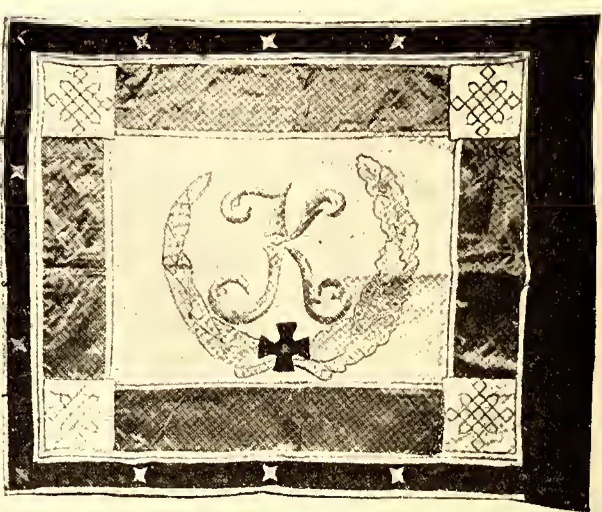
Остается отметить, что полковое белое знамя л.-гв. Преображенского полка, спасенное под Нарвой и вынесенное полком, оставалось в строю до 1706 года, когда было заменено другим. После этого оно многие десятки лет хранилось в С. Петербургском Арсенале и только в царствование Императора Николая II-го возвращено было в полк, но так как по всем официальным источникам оно значилось как бывшее на службе только между 1701 и 1706 годами, то ему видимо совершенно не придавали его действительного значения, т. е. полковой святыне спасенной в несчастном Нарвском сражении, реликвии, которая должна была быть особенно дорога Преображенским сердцам.

Описание орденского знамени Святителя Николая Чудотворца 3-го Корниловского ударного полка

"Для увенчания славой героев и увековечения деяний их в памяти потомков", приказом Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России, отданным в г. Севастополе 30 апреля 1920 г. генералом бароном Врангелем был учрежден орден Святителя Николая Чудотворца. "В воздаяние отменных воинских подвигов храбрости и мужества и беззаветного самоотвержения, проявленных в боях за освобождение России от врагов ее, учреждается орден Св. Николая Чудотворца, как постоянного молитвенника о земле Русской" — говорится во "Временном положении" об этом ордене. Кроме награждения отдельных воинских чинов были установлены награждения особыми орденскими отличиями Св. Николая отдельных воинских частей. Одними из таких отличий, между прочим, были орденские знамена Святителя Николая Чудотворца, пожалованные некоторым полкам.

Ввиду того, что в специальной литературе по русским знаменам не было до сих пор описания этих знамен, здесь публикуется описание орденского знамени Св. Николая Чудотворца 3-го Корниловского ударного полка и воспроизводится фотография этого знамени.

Полотнище — 101 см. × 82 см. — двойное, из белого гладкого шелка, каждая половина подшита белым мадаполамом. На правой стороне знамени, с трех наружных сторон, отступя на 1 см. от борта, нашита черная шелковая кайма 44 мм. ширины. У стороны, прилегающей к древку, эта кайма образует одно целое с запасом и имеет 9 см. ширины. На запасе, имеющим форму чехла, куда продевалось древко, видны 19 следов гвоздей (которые были посеребренные). На черной кайме — по верхней, нижней и боковой наружной сторонах — вышиты десять серебряных четырехконечных звезд. Вдоль черной каймы вышиты золотом две полоски шириной в 3 мм.; у внутреннего же края имеется только одна такая полоска. Параллельно этим полоскам, на расстоянии приблизительно 113 мм., вышита еще такая же полоска, образуя с упомянутыми полосками среднее прямоугольное пространство. Четыре квадрата, образованные пересечением золотых полосок, и боковая сторона рамки украшены золотым узором. Этот декоративный мотив весьма схож с узором, находящимся на знаменах и штандартах Российской Императорской армии, образцов 1883 и 1900 годов.



На верхней стороне рамки вышиты золотом, буквами в древнерусском стиле, слова: "ВѢРОЮ СПАСЕТСЯ", а на нижней — слово: "РОССІЯ", по обе стороны которого вышиты серебром по одной большой четырехконечной звезды.

Внутри прямоугольника нашит немного ближе к наружнему краю, шелковый круглый плат, диаметром в 43 см., края которого обшиты золотою полоской. На плате масляными красками написано погрудное изображение Св. Николая, благославляющего правой рукой и держащего в левой синее Евангелие, имеющее на углах переплета желтые украшения с одним — верхним — камнем темно-красного цвета и с другим — нижним — голубого цвета; по середине переплета шит такой же узор, как и на правой стороне, а на украшение желтого цвета. Плат писан голубою краскою; вокруг головы Святителя сияние желтого цвета, обшитое золотою ниткою; с левой стороны головы — желтою краскою слова: "СВ. НИК.", а с правой: "ЧУД.". Одежды Святителя желтыя с темно-красными рисунками; на плечах белый омофор, края которого и кресты на нем желтого цвета; на груди нарисован желтою краскою с фоном бордового цвета продолговатый образ, изображающий поплечно Божию Матерь в красном одеянии и Младенца — в синем.

На левой стороне знамени — черная кайма, звезды и запас имеют такие же расположения и размеры, как и на правой стороне. Золотые же полоски вышиты несколько иначе, а именно: вдоль каймы трех наружных сторон — одна золотая полоска, другая же, на расстоянии около 12 см. от первой, со всех четырех сторон соединяет угловые квадраты, которые выступают за рамку внутрь прямоугольника. Внутри квадратов вышит такой же узор, как и на правой стороне, а на всех четырех сторонах рамки, между двумя золотыми полосками, нашита красная — цвета полка — шелковая кайма в 11 см. ширины. По середине полотнища, ближе к запасу, нашит венок, правую часть которого составляет дубовая ветвь из золотой парчи, имеющая девять листьев и четыре плода. Каждый лист обшит золотою полоской, а внутренние части обозначены золотою нитью. Плоды имеют верхнюю часть шитую золотом, а нижнюю серебром. Левая часть венка представляет лавровую ветвь, с девятью листьями и четырьмя плодами, вышитыми золотом. В середине венка вышита серебром буква "К" особого стилизованного письма (вензель корниловцев). На скрещевании двух ветвей, под буквою "К", нашит черный шелковый орденский крест Св. Николая размером в 88 мм. Края креста обшиты черным шелком, средний медальон из синего шелка, на котором вышит золотом силуэт погрудного изображения Св. Николая.

Навершие — посеребренное, схожее с навершием армейского знамени Российской Императорской ар-

ми образца 1883 года, представляет собою восьмиконечный крест, укрепленный на шару, который покоится на кольце. Общая высота навершия — 227 мм., а высота креста — 119 мм.

Ленты — национальных русских цветов (белый, синий, красный), шириною в 133 мм. и длиною в 127 см. Концы ленты подогнуты и через них проходят шнуры национальных цветов. Каждый шнур пропущен в первую гайку, сделанную из белых и национальных цветов шнурков, расположенных наклонно, затем в полукруглую гайку, имющую пять национальных цветов шнурков, расположенных вертикально, далее — в конусообразную гайку, с восьмью наклонно расположенными шнурками национальных цветов и, наконец, в чашеобразную гайку с десятью шнурками национальных цветов. От этой последней спускаются белые кисти, 10 см. длины, имеющие по переферии десять шнурков национальных цветов в перемешку с тонкими серебряными шнурками длиною в 11 см. К ленте привешен на серебряной проволоке орденский крест Святителя Николая Чудотворца.

Скоба — медная, посеребренная. На скобе выгравирована надпись: "Знамя 3-го Корниловскаго ударнаго полка. 8 - VI - 1920 г.".

Древко — подлинного при знамени не имеется. Судя по фотографиям эпохи, цвета древков были такие же, как в полках Российской Императорской армии, т. е. в первом полку дивизии — желтые, во 2-м — черные, в 3-м — белые.

Сообщил Д. Поздняков

В Морском корпусе

(1893 - 1899 гг.)

Капитан 1-го ранга *Ф. В. Северин*

В первых числах сентября 1893 года я считал себя самым счастливым человеком в Божьем мире: исполнилась моя заветная мечта быть моряком и открылась, наконец, для этого дорога — я был принят в Морской кадетский корпус. Корпус этот — истинная колыбель Российского Иператорского флота — находился, как известно, в С. Петербурге на Васильевском острове, на набережной реки Невы, между 11-й и 12-й линиями. Трехэтажное здание с двумя куполами в виде двух полушарий и обсерваторной вышкой между ними, выкрашенное в светло-желтый цвет, имело вид обыденного казенного здания, какие мы привыкли видеть в то время в России и в Петербурге в частности. Но под крышей вдоль всего главного фасада на черном фоне золотыми буквами красовалась дорогая моему сердцу надпись: "Морской корпус".

В период моего поступления Морской корпус был одним из самых "модных", если так можно выразиться, военных учебных заведений. Желающих поступить в него было во много раз больше числа имевшихся вакансий. Приходилось держать конкурсный экзамен. Кроме того, я не был ни сыном, ни внуком, ни моряка, ни военного (мой отец был доктором медицины) и я должен был держать вступительный экзамен по, так называемому, 4-му разряду. Под 1-й разряд подходили сыновья морских офицеров, под 2-й — внуки морских офицеров, 3-й — сыновья военных и 4-й — дети дворян вообще.

Для верности, что я с успехом выдержу экзамены, родители поместили меня сперва в приготовительный к вступлению в корпус пансион. Таких пансионов в то время было несколько и я был устроен на летние месяцы в пансион лейтенанта Мишкова. Сам Сергей Владимирович Мишков был в плавании и его пансионом руководила его жена, Антонина Лаврентьевна, при сотрудничестве одного или двух учителей. Пансион находился в Шувалове, по Финляндской железной дороге, недалеко от озера того же названия. Нас, пансионеров, было 26 мальчишек в возрасте 12-14 лет. Дача была настолько просторная, что мы свободно в ней размещались.

Заниматься приходилось основательно — с утра до обеда, затем перерыв до 2-х и снова до 5 вечера, а затем подготовка уроков. Антонина Лаврентьевна занималась с нами по русскому языку и по истории, а ее помощники натаскивали нас по математике. Кормили нас очень хорошо — обильно и сытно. За столом председательствовала Антонина Лаврентьевна, причем рядом по обе ее стороны сидели обыкновенно два самые отчаянные шалуна — один Штюрмер (сын будущего премьер-министра), а другой Сенявин. Когда они, несмотря на соседство с Антониной Лаврентьевной, продолжали свои шалости, то она просто их брала за уши и драла, приговаривая: "Этакое животное..." Укладывались спать в 9, а к 10-ти часам должны были все спать; это, однако, бывало редко, чаще всего устраивались бои подушками; в этом случае она вытягивала из кровати замеченного и ставила в угол на полчаса.

По субботам, после 12-ти часов мы могли уезжать к родителям до воскресенья. В летнее время в Шувалове много дачников и вообще было очень оживленно; конечно всюду были ларьки со сладостями и лимонадом. Помню, с каким удовольствием, возвращаясь в воскресенье вечером в пансион, мы покупали в ларьке у вокзала шоколадную колбасу. Мне кажется, что в

дальнейшей своей жизни мне не приходилось есть такого вкусного шоколада.

Перед экзаменами, что бывало около 15 августа, темп занятий в пансионе усиливался, а перед каждым письменным испытанием мы проделывали нечто в роде проверочного экзамена. Припоминаю очень ясно, что на письменном экзамене по арифметике мне попались задачи совершенно схожие с теми, что нам дали решать в пансионе накануне самого экзамена.

Письменными экзаменами открывалась серия испытаний вообще, сперва по русскому языку, а затем по арифметике. Они производились в столовом зале. Столы были расставлены на довольно большом расстоянии один от другого, а между ними разгуливали наблюдающие офицеры. Кроме того было три или четыре серии задач и о списывании друг у друга и речи не могло быть. Результаты письменных работ вывешивались в Компасном зале и многие, после неудачи, дальнейших экзаменов не держали: по этим предметам надо было иметь 8 баллов как минимум. Устные экзамены производились в классах. Экзаменующиеся были разделены на группы и у каждой группы было свое расписание порядка этих испытаний. Баллы устных экзаменов тоже вывешивались на доске в Компасном зале, а потому каждый мог сейчас же узнать о своем среднем балле.

Кончились, наконец, все испытания и я увидел на доске свою фамилию, против которой стоял мой средний балл по всем предметам — 10.75. Однако, пришлось ждать еще дней шесть получения официального извещения о результате. Помню, мы жили в это лето на даче в Стрельне и когда было получено известие, что я принят в число воспитанников Морского кадетского корпуса, моей радости не было конца. С позволения родителей, с братом и сестрой, мы вытащили из буфета бутылку ликера "Крем де ваний" и этим ознаменовали это важное в моей жизни событие.

***

В назначенный день отец отвез меня в корпус. Все поступившие были собраны в нижнем ротном помещении, выходящим окнами на 12-ю линию: там же было, так называемое, "окно Императора Николая I-го" — это окно выложено было белым мрамором, на котором было золотыми буквами написано, что такого-то числа и года Император, сидя на подоконнике, беседовал с кадетами.

Около 10 часов утра фельдфебель А. В. Колчак — в будущем известный адмирал и Верховный Правитель России — скомандовал нам "во фронт". Здесь мы распрощались с родственниками и стали приблизительно по росту. Унтер-офицеры и отделенные начальники занялись установкой нас по ранжиру. Затем нам выдали фланелевые рубахи без погон и прочее обмундирование. Полковник Руднев, ротный командир, обратился к нам со словом, указав на основные правила дисциплины и порядка. После этого родственники должны были удалиться, забрав с собою нашу "вольную" одежду, а нас повели завтракать.

После завтрака разделили нас на три параллельных класса и в строю повели на занятия. В первый же день занятий нам раздали картоны, на которых были наклеены компасные картушки и, таким образом, с первого же дня мы начали погружаться в изучение морского дела. Надо было выучить не только названия 32-х главных румбов, но знать противоположные и перпендикулярные. В столовом зале начали вооружать бриг и когда эта работа была закончена (бриг на лето разоружался), то нас, кадет младшей роты, начали во внеклассные занятия обучать работать на бриге и ознакомлять с многочисленными морскими терминами и названиями.

Когда начали наступать холода, выдали нам бушлаты (укороченное пальто), пока еще без погон, и фуражки без ленточек. С приближением к 6-му ноября, храмовому празднику корпуса, начали пригонять мундиры и шинели. Всему этому мы страшно радовались и гордились этим. С поступлением в корпус нас обучали ежедневно отдавать честь, становиться во фронт, отличать чины по погонам и т. д. Всю эту военную премудрость надо было отчетливо знать к началу ноября.

5-го ноября нам была выдана, наконец, форма и в тот же день, после всенощной, нас отпустили домой. Одетая на нас форма обязывала нас, малышей, отдавать честь и становиться во фронт и я помню с каким большим рвением мы проделывали это.

На следующий день была обедня, парад, праздничное угощение, а вечером традиционный корпусный бал, которым открывался зимний сезон в Петербурге.

***

Прежде чем приступить к описанию жизни кадет зимою в здании корпуса, а летом — в учебном плавании, мне хочется сказать несколько слов об этом здании, каким я его помню во время своего обучения в Морском кадетском корпусе. Главный подъезд здания не имел того размера и значительности, какие можно было бы ожидать от учебного заведения, подготовлявшего офицерский состав на весь российский военный флот: только против входа у самой набережной — памятник известному мореплавателю, адмиралу Крузенштерну.

В белом холле на стенах в медальонах вылеплены из гипса гербы корпуса: перекрещенные руль и градшток (старинный прибор для измерения высоты солнца), по середине, вертикально, сабля с императорской короной. Лестница, шириною около сажени, ведет в верхний этаж: она всегда была покрыта красным ковром, а поверх него — дорожка, чтобы ковер не изнашивался... Внизу в холле две двери — направо в квартиру директора корпуса, налево — к инспектору классов или же к начальнику строевой и хозяйственной части.

Поднявшись в первый этаж, попадаешь, прямо против лестницы, в "Аванзал", служивший приемной. Это — большая комната окнами на набережную; вдоль стен — красная бархатная мебель, на стенах — белые мраморные доски с фамилиями окончивших корпус первыми: была там тоже бронзовая статуэтка, изо-

бражавшая французского матроса — подарок корпусу от французского флота. Направо от "Аванзала" — "Конференц-зал" с большим столом посередине, покрытым зеленым сукном с золотой бархрамой. На столе — дивной работы серебряные приборы. Здесь решалась судьба кадет. Этот зал был предверием в наш корпусный музей и в нем находились некоторые предметы относящиеся к музею — маячный фонарь, телескоп, вертящаяся освещенная изнутри витрина с фотографиями, изображавшими нашу судовую жизнь на отряде корпуса и т. п.

Музей, который открывался для посторонних только в парадных случаях и 6-го ноября, в день корпусного храмового праздника, был весь заставлен моделями военных судов, начиная со старинных каравелл до судов навейшего типа. На стенах — портреты знаменитых адмиралов, отличившихся в боях или известных мореплавателей, а также портреты бывших директоров корпуса. Было здесь не мало и чучел заморских птиц и животных — в большинстве случаев — подношения бывших воспитанников из их дальних плаваний. Была тут и большая модель судовой машины, приводимой в движение электричеством; она производила большое впечатление на посетителей музея, когда все малейшие части машины послушно двигались, выполняя свои функции. В одном из зал музея пол был черный, как классная доска — это для обучения вырисовывать в натуральную велечину корабельные части, что относилось к предмету по корабельной архитектуре.

Выйдя обратно из "Аван-зала", вниз прямо, как я сказал, будет лестница, а налево комната дежурного горниста или барабанщика из матросов, направо же коридор, разветлявшийся: прямо в одну часть ротных помещений, а налево — в картинную галерею. Эта галерея была сплошь увешана картинами написанными масляною краскою, изображавшими различные эпизоды боевой жизни русского флота, главным образом турецких кампаний. В этой же галерее, пол которой был сделан из прекрасных, толстых дубовых досок, находился кегельбан, подарок одного из великих князей. В начале коридора с левой стороны — помещение дежурного по корпусу штаб-офицера, а дальше — "классный" корридор, в который выходили двери ротных помещений и в самом конце — "Столовый" зал.

"Столовый" зал считался в мое время самым большим залом без колонн: его длина была 33 сажени, а ширина — 13 сажень и, как говорили, потолок был подвешен на цепях. В конце этого зала находилась точная модель брига "Наваринъ" — чистый парусник, в полном вооружении. Эта модель была настолько большой, что кадеты младшей роты, в возрасте 12-14 лет, делали свои первые шаги по морской практике. Все оснащение брига было "штатное", и это было очень ценно для изучения названий снастей, их проводки и частей такелажа. В этом же зале производились в холодную и ненастную погоду строевые батальонные учения. Громадные люстры освещали зал, но когда я поступил в корпус, то "Столовый" зал освещался еще газом, а ротные помещения и классы — керосиновыми лампами. Отопление было печное и весь корпус отапливался дровами.

Ротные помещения состояли из большого зала, вдоль которого были установлены конторки для занятий; затем спальня с рядом кроватей, покрытых белыми одеялами. Над каждой кроватью в изголовьи была зеленая доска с фамилией кадета, написанной золотыми буквами, доски младших унтер-офицеров — красные с серебряными буквами, старших унтер-офицеров — красные с золотыми буквами, а доска фельдфебеля — золотая с красными буквами.

На половине длины коридора, куда выходили все классы, находился, так называемый, "Компасный" зал, паркетный пол которого изображал компасную картушку. Направления румбом были "истинные" и нам приходилось, изучая теорию девиации (учение об отклонении истинного норда), пользовались этим паркетным компасом. В классное время находился в этом зале дежурный по корпусу офицер и удаленные из классов за какие-либо проступки кадеты являлись этому офицеру, который указывал румбы, на которые должны были стать провинившиеся до конца урока. Иной раз там стояло 3-4 кадета, но это случалось сравнительно не часто.

В конце классного коридора был лазарет — помещение из 6-7 комнат, называемых "палатами". Здесь серьезных больных не бывало. Для некоторых же это было своего рода убежище, куда можно было укрыться на время неприятных письменных работ. Но выписка из лазарета происходила часто совершенно неожиданно для кадета — решалась она после вечернего обхода врача и бывало утром проснешься и к своему удивлению видишь, что лазаретный халат и туфли убраны, а вместо них стоят сапоги и лежит на табурете голандка; это означало, что надо уходить из лазарета и быть на первом же уроке в классе или на неприятной письменной работе, в роде письменной астрономии...

Если по парадной лестнице подняться в первый этаж, то попадаешь в церковь. В год моего поступления она была совершенно заново отремонтирована на средства, как говорили, пожертвованные купцом Солдатенковым; говорили еще, что он это сделал с тем, чтобы оба его сына были бы допущены в корпус и за сделанное пожертвование ему был пожалован орден св. Владимира, что давало право на потомственное дворянство, а это, в свою очередь, открывало двери его сыновьям в Морской корпус. Насколько все это верно утверждать не могу, но оба его сына при мне обучались в корпусе: Василий в моей роте, а Кузьма годом моложе.

Храм во имя святого Павла Исповедника патриарха Цереградского имел очень нарядный вид — после ремонта вся позолота горела... На стенах были черные мраморные доски, на которых золотыми буквами были начертаны фамилии бывших воспитанников корпуса погибших в сражениях, в кораблекрушениях или при исполнении служебного долга. Была доска с надписью

гласившей о гибели всего офицерского и командного состава клипера "Витязь"; была доска, на которой было написано, что мичман Дейбнер с военного транспорта "Кроткий" во время стоянки на одном из островов Маркизского архипелага в Тихом океане был схвачен дикарями, убит и съеден ими...

**
*

Учебный персонал состоял из штатных преподавателей, преимущественно из морских офицеров, посвятивших свою службу преподавательской деятельности, но были и преподаватели, зачисленные в военно-морские чиновники; эти были все с университетским образованием. Как всюду и везде, преподавателей и у нас в корпусе можно было разделить на две группы: на требовательных и строгих и на снисходительных. К первой группе можно было отнести полковников Щетинина и Бригера (средняя и высшая математика), полк. Шокальского (тригонометрия и съемка на плоскости и сферическая), полк. Крылова (теория кораблестроения), полк. Рудиновича (теория девиации), лейтенантов Мешкова и Безпятова (астрономия и навигация), лейт. Доль (минное дело). Ко второй же группе: Гейлер (алгебра), Гаррисон (английский язык), Смирнов (русский язык), полк. Модрах (военно-сухопутное дело), полк. Овчинников (законоведение) и др.

Ни с Щетининым, ни с Бригером, ни с Мешковым мне не приходилось иметь дело как с преподавателями, но зато с Безпятовым мне пришлось быть в классе в течение всех шести лет корпуса, а с Шокальским года три. Безпятов — высокого роста, с рыжей бородой, слегка прихрамывающий — преподавал в общих классах геометрию и заставлял нас ломать голову над геометрическими задачами, а в специальных классах он читал у нас астрономию мореходную. Свой предмет он знал сам очень хорошо и объяснял очень подробно и понятно; требовал, чтобы мы записывали его объяснения, так как книг и учебников по геомертии не было по его вкусу, а по мореходной астрономии вообще практического руководства не существовало. Он требовал, чтобы каждый воспитанник знал всегда все пройденное и каждый понедельник устраивал письменные работы. Насколько он требовал точности в ответах показывает следующий случай.

Однажды, помню, вызвал он меня и задал мне вопрос по "фазам луны". Я изобразил на доске всевозможные положения луны в зависимости от солнца, написал все необходимые формулы и казалось, что все обойдется благополучно, так как я этот вопрос знал хорошо. Но не знаю почему я во все время своего объяснения вместо слова "луна" говорил "месяц". Безпятов внимательно слушал мои объяснения и, когда я окончил, он вдруг говорит: "Не месяц, а луна — садитесь, два балла..." Я так и ахнул, но было уже поздно; значит в субботу в отпуск пойду только после всенощной...

Шокальский тоже был человеком большой точности и не допускал ответов наполовину. Большой ученый, он был членом Русского географического общества и членом Британского географического общества. Это нам сильно импонировало.

Упомяну здесь и о задачах по навигации, испортивших нам не мало крови и называвшихся нами "душегубками". Эти задачи состояли в том, чтобы быстро с "компасного" курса перейти на "истинный" и наоборот. Нам в классе раздавались уже заранее разграфленные листки бумаги и нам оставалось лишь быстро заполнить соответствующие колонки цифрами и знаками компасного курса. На каждую такого рода задачу давалось две минуты, а таких задач на уроке давалось шесть. За каждую ошибку сбрасывалось два балла, а если все задачи были не верны — ставился ноль баллов...

К этой же категории преподавателей требовательных надо отнести и полковника Алексея Николаевича Крылова. Он был очень ученый и умный человек. По внешнему своему виду довольно неряшливо одетый, он был профессором в нашей Морской академии и в Институте путей сообщения. На уроках у нас он объяснял очень быстро, так что следить за ним и записывать его объяснения было невозможно. Учебника же не существовало. Приходилось изловчаться как знаешь. Если во время его объяснения раз давался сигнал об окончании урока, он спокойно говорил: "Остальное вы в роте сами разберете". Ему сказать это было легко, а нам подчас было невозможно разобраться. На следующем уроке он спокойно спрашивал то, что не успел объяснить и, если кто не знал, ставил ноль баллов, приговаривая: "Знай, не зная! Ноль!" (1).

Ко второй категории преподавателей — снисходительных — отнесу, во-первых, Павла Константиновича Гейлера, действительного статского советника, так как мы называли его "ваше превосходительство". Он был из немцев, преподавал в корпусе с давних времен, в своем предмете — математика — отстал и для письменных работ он раздавал нам листки с написанными его рукою задачами; от давности листки эти были желтого цвета и сильно пропахли табаком.

Английский язык нам преподавал Гаррисон — англичанин, большого роста, с бело-рыжими баками и с землистым цветом лица. Объяснял он нам по-русски, но так как этим языком он владел плохо, то понимать его нам было трудно. Он, например, объяснял так: "Вопрос зависит от ожидаемого ответа". Что он хотел этим

---

(1) А. Н. Крылов (1863-1945) после захвата большевиками власти остался в России. Там он был сделан директором физико-математического института Академии наук, награжден орденом Ленина, званием «героя социалистического труда» и осыпан большевиками разными почестями. Ни в его записках «Мои воспоминания», ни в книгах, посвященных его жизни, изданных в Советской России, однако, ничего не говорится о его сыновьях, офицерах, доблестно павших в Добровольческой армии в борьбе с большевиками. Старший сын, Николай, сапер, был убит осенью 1918 г. под г. Ставрополем в рядах 2-й Отдельной инженерной роты, а его брат, Алексей, артиллерист, был убит на одном из бронепоездов на юге России в 1919 г. **Примеч. Ю. Т.**

сказать, я и по сию пору не могу понять. Так как на его уроках кадеты больше забавлялись нежели учились, то Гаррисон взял привычку ставить свой стол в угол таким образом, что сзади к нему не подойти. Когда класс уже очень сильно разойдется, то Гаррисон обрушивался на первого попавшего и говорил: "Ноль, минус, вон из класса". Минус был в нашем корпусе знаком плохого поведения, ноль же означал бал за незнание предмета, но Гаррисон этого никак не мог понять и за шалости ставил "минус" и "ноль". Помню мы были уже в среднем специальном классе; два мои товарища, Кирпичев (впоследствии командовал в охране Государья посыльным судном "Дозорный") и Воскресенский (впоследствии военно-морской агент в Японии) должны были отвечать на уроке, к которому они совершенно не были подготовлены. Чтобы избежать неудовлетворительного балла они притворились больными. Воскресенский поверх синих очков на лбу у себя пристроил козырек, вырезанный им из синей бумаги, и с помощью двух товарищей был подведен к столу Гаррисона. Увидя этого мнимого слепого, англичанин замахал руками и участливо произнес: "Уэл, уэл, уэл..." Кирпичев же притворился, что у него болят зубы; он обмотал какой-то материей свою голову и поверх этой повязки почему-то надел наши форменные черные наушники. Гаррисон и на этого инвалида замахал руками: оба "больные" были спасены от неудовлетворительного балла... В результате такого обучения знания английского языка были самые повехностные и мало кто вынес пользы от уроков Гаррисона.

Смирнова — русский язык — как говорили мы кадеты, "дрессировали" на свой лад и на последнем уроке перед письменным выпуском экзаменом он своими наставлениями и ясными намеками нам дал понять, какая тема сочинения будет на предстоящем экзамене. Все подготовились заранее и оставалось только переписать сочинение на штемпелеванную канцелярией корпуса бумагу.

Существовало правило — при входе преподавателя в класс кадеты вставали и дежурный кадет рапортовал ему об отсутствующих: в такой-то роте отсутствует столько-то, и все. Однако для генерала Модраха, военного инженера, преподававшего нам военно-сухопутные науки, кадеты почему-то придумали особый вид рапорта: "Ваше превосходительство, в таком-то классе, такой-то роты Морского кадетского корпуса, состоит по списку столько-то, больных столько-то; особых происшествий не случилось". Генерал Модрах обыкновенно выслушивал этот рапорт, вытянувшись в струнку, а рапортующий кадет для пущей важности момента надевал фуражку и палаш, что по правилам не полагалось делать. Этот церемониал почему-то делался кадетами только для генерала Модраха.

По субботам, для пяти старших рот, так называемых строевых, устраивалось батальонное ученье, происходившее либо в столовом зале, либо во дворе, либо на набережной против корпуса. В последнем случае командир батальона, он же начальник строевой части, и адъютант бывали верхом. Коней приводили им из придворной конюшенной части.

***

Во время похорон Императора Александра III мы стояли шпалерами у Университета; я находился тогда в младшей, нестроевой, роте и был без ружья. Помню, в другой раз наш батальон был у Знаменской церкви для отдания почестей на похоронах Великого Князя Георгия Александровича, умершего в Абас-Тумане. Помню также очень хорошо приезд в Петербург Императора Франца Иосифа Австрийского. Мы держали ружья "на караул"; я видел, как впереди шел развернутым фронтом взвод казаков-конвойцев в красных черкесках, а за ним следовала открытая коляска, в которой находились наш Государь в автрийской форме и Франц Иосиф в форме генерала л.-гв. Кексгольмского полка, шефом которого он был. У меня тогда было впечатление, что они на вокзале обменялись формой...

Наш Морской корпус участвовал всегда на традиционных майских парадах. Мы составляли третий батальон сводного полка военно-учебных заведений. 1-й батальон — Павловское пехотное военное училище, 2-й батальон — Николаевское Инженерное училище и Пажеский корпус и 3-й батальон — Морской корпус. По своему росту я был в четвертой роте и при движении за нами сразу же шел г.-гв. Преображенский полк. Командир этого полка, Вел. Князь Константин Константинович, на дивном огромном рыжем коне был сейчас же за моей спиною. Эта лошадь была очень нервна и не раз мне казалось, что вот-вот она навалится на меня. Но все обходилось благополучно... Вел. Князь Кирилл Владимирович, как состоявший в нашем корпусе, всегда участвовал в этом параде и когда батальон проходил по набережной мимо дворца Вел. Князя Владимира Александровича, Кирилл Владимирович выходил из подъезда дворца одетый, как мы, в походную форму, с ружьем, и становился на свое место в первой роте, так как он был высокого роста. Парады эти происходили на Марсовом поле и к этому торжеству были выстроены трибуны, заполненные нарядной публикой.

Мы эти майские парады очень любили, так как они всегда совпадали с периодом переходных или выпускных экзаменов. Если день экзамена совпадал с днем парада, то экзамен отменялся и нам ставился годовой балл. При моих выпускных экзаменах день парада совпал с экзаменом по теоретической механике, по предмету которого я не любил да и не твердо знал. Мне подвезло, на мое счастье из-за парада экзамен этот отменили и я получил годовой балл, а то пришлось бы на экзамене сильно "штормовать"...

В период выпускных экзаменов начинали появляться в большую перемену поставщики офицерских вещей, портные, сапожники и пр. и принимали заказы от оканчивающих корпус.

Выпускные экзамены производились при участии особой комиссии от флота и происходили они в различных парадных помещениях корпуса, а не в наших обычных классах. Все члены комиссии, во главе с

председателем — у нас им был адмирал Стеценко — являлись в эти дни в сюртуках, а мы, гардемарины, в мундирах.

С окончанием экзаменов нам всем давался отпуск до вечера 11 мая, так как на следующий день весь корпус, за исключением младшей роты, уходил в плавание. Об этом плавании я расскажу более подробно, когда буду говорить о жизни кадет и гардемарин вне корпуса, а сейчас хочу упомянуть о том, что в старшей гардемаринской роте было два традиционных праздника: "День равноденствия" и "Похороны альманаха".

О праздновании "Дня равноденствия" я помню очень мало, так как не мог принять в нем участия, будучи, кажется, дежурным. Знаю только, что на паркете мелом проводились линии горизонта и эклиптики, пелись какие-то песни и происходило это в день весеннего равноденствия.

Для того чтобы говорить о "Похоронах альманаха", я должен сперва пояснить читателю, если он не знаком с морским делом, что это такое "альманах" или официально — «Nautical almanach». Это была книга, на подобие таблиц логарифмов, в которой на каждый день от 1-го января до 31-го декабря были показаны координаты солнца, луны, планет и звезд и без чего невозможно решить простейшую астрономическую задачу столь необходимую моряку в открытом море. Издавался этот "альманах" Гринвичской обсерваторией на три-четыре года вперед. Помню, например, перед уходом крейсера "Громобой" в дальнее плавание мы имели "альманах" на 1900, 1901, 1902 и 1903-й годы. Так вот этот самый "альманах" много испортил нам крови, когда мы обучались в корпусе и нам приходилось пользоваться им при решениях задач по астрономии. Правда, астрономия наука интересная и полезная, но она тяжело переваривалась в юных гардемаринских головах. По этой причине с очень давних времен завелась традиция "Похорон альманаха", ежегодно исполняемая старшими гардемаринами.

За несколько недель до "похорон" старший по числу лет пребывания в стенах корпуса, т. е. тот, кто большее число раз оставался в классе на второй год, принимал на себя роль доктора, лечащего заболевший "альманах". Ежедневно издавались бюллетени о состоянии "больного", в которых бывало не мало остроумия, и в конце концов "альманах" умирал. Официально похороны назначались тогда, когда во всех трех параллельных классах уже устные и письменные экзамены по астрономии прошли.

Хотя ротный командир и говорил перед фронтом, что он не имеет права разрешить церемонию погребения "альманаха", но так как и он, и отделенные начальники в свое время все это сами проделывали, то на эту традицию закрывали глаза и дежурный офицер уходил даже из роты, чтобы нам не мешать.

По всему корпусу быстро распространялся слух об этих "похоронах" и шепотом передавались различные новости и подробности об этом. В особенности для младшей роты это было овеяно какой-то "мистерией". В назначенный вечер старшая рота в полном составе собиралась в своем помещении; те гардемарины, которые были фельдфебелями и старшими унтер-офицерами в других ротах, тоже приходили в свою роту. Доктор, лечивший заболевший "альманах" надевал на голову высокую шляпу, походившую на головной убор средневековых алхимиков. Тут же собиралась группа "гробокопателей" — специалистов по химии, которые заготовляли особый порошок, дававший при сжигании его особо эффектный огонь разных цветов. За ними отдельной группой собирались "провожающие": Нептун и другие мифологические персонажи, среди которых были и женские роли. Заключалось все шествием караула, в нижнем белье, обутого в сапоги с отвернутыми голенищами, в фуражках и с палашами, вынутыми из ножон.

Освещение во всей роте притушивалось и доктор произносил над покойным "альманахом" прощальное слово, в котором в остроумных выражениях цитировал целый ряд пережитых им и его друзьями невеселых случаев при изучении астрономии. Траурный кортеж затем двигался в курилку, где "гробокопатели" сжигали, составленный ими, порошок и превращали "альманах" в пепел. Затем были танцы и закуски с припасенными на этот случай напитками. Но к 12-ти часам все заканчивалось и унтер-офицерам других рот, пришедшим в этот вечер на "похороны", приходилось осторожно пробираться по коридору в свои роты, так как разгуливать по корпусу в ночное время было строго воспрещено. Но надо сказать, что в этот вечер никто из начальства умышленной ловлей нарушителей заведенного порядка не занимался, ибо оно хорошо знало об этой традиции, которую когда-то само проделывало. Отношение начальства к подчиненным в этом случае было безукоризненным, а подчиненные в свою очередь никогда не переходили рамок допустимого.

***

В обычное время в корпусе разрешалось нам ходить в отпуск по субботам до воскресенья вечера. Но этим правом могли пользоваться только те, у кого были удовлетворительные отметки. Получивший же хотя бы один неудовлетворительный балл уходил в отпуск в субботу только вечером после всенощной, а кто имел единицу или ноль, тому приходилось сидеть в корпусе без отпуска и в воскресенье. Лично мне, за все мое шестилетнее пребывание в корпусе, пришлось уходить в отпуск в субботу после всенощной раза два, а в воскресенье не отсиживался в корпусе ни разу.

Вот теперь мне хочется, хотя бы вкратце, рассказать о своем времяпрепровождении в отпуску, когда я был кадетом, а потом гардемарином Морского корпуса.

(Продолжение следует)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

№ 27

МАЙ 1966 года

СОДЕРЖАНИЕ

●

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

1946-XX-1966

В текущем году исполняется 20 лет со дня основания Об-ва Р.Р.В.С.

В 1946 году, по инициативе П. В. Пашкова и А. А. Стаховича, возник «Кружок Любителей Русской Военной Старины», переименованный в 1952 году в Общество, получившее в 1963 году новое название «Общества Ревнителей Русск. Воен. Старины».

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрест — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию А. А. Ракович — 10, Seebachergasse, Graz.

АНГЛИЯ. — Е. А. Барачевская — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

— Член Об-ва и его представитель на Нью-Йорк — Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57, (N.Y.).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, « Le Jardin », Landévennec, 29S - Argol.

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеются еще нижеследующие издания Об-ва:

1. — **"Записка о службе А. В. Суворова"** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.

2. — Номера **"В. И. Вестника"**, начиная с № 8. Цена — 3,00 фр. или 0,80 дол. или 3,00 франка.

3. — Сборник **«Русская Военная Старина»** — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена 4,00 фр. или 1 долл. или 4,70 франка.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на бронзовые медали: 1) Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2) С.-Петербурга (1703-1953), 3) Обороны Севастополя (1855-1955), 4) Полтавской победы (1709-1959), 5) Отечественной войны (1812-1962) и 6) Пятидесятилетия начала первой мировой войны (1914-1964).

Цена медали Гвардии или Петербурга 18 фр. или 4,5 америк. долл. или 19 фр.; Севастопольской — 12 фр., 3 долл. и 13 фр.; Полтавской — 10 фр., 2,5 долл. и 11 фр.; медали 1812 года — 14 фр., 3,5 долл. и 15 фр.; медали 1914 года — 16 фр., 4 долл. и 17 франков.

В настоящее время, за исключением Полтавской медали, которая высылается немедленно по получению заказа, заказы на остальные медали выполняются в зависимости от имеющегося запаса и, таким образом, между получением заказа и отправкой заказанного может пройти от нескольких дней до, в худшем случае, двух месяцев.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Суммы, поступившие в счет Издательского Фонда, с 1 июля 1963 года по 1 июля 1964 года во франках:

Б. Ф. Козляшнов — 5.00, А. В. Борисов — 2.50, И. В. Борисов — 2.50, Л. С. Пеньков — 2.50, Н. И. Катенев — 116.00, И. А. Ллойд — 10.00, М. А. Джаншиев — 70.00, И. А. Колюбакин — 15.00, В. Г. Науменко — 15.00, члены Правления в память кн. Н. С. Трубецкого — 70.00, П. В. Ден — 10.00, П. Л. Стефанович — 10.00, Н. И. Катенев — 100.00, М. А. Джаншиев — 100.00, И. А. Ллойд — 5.00, Л' Н. Немиров — 5.00, Б. Ф. Козляшнов — 5.00, Е. С. Фишер — 40.00, М. В. Штенгер — 40.00, П. В. Шиловский — 2.50, кн. Н. Н. Оболенский — 10.00, В. П. Дробашевский — 7.27, П. Л. Стефанович — 14.00, М. А. Лютовский — 5.05 и И. И. Палеолог — 2.00.

Правление приносит искреннюю благодарность всем вышеуказанным лицам, а также всем членам и друзьям Общества, которые сочли возможным внести членский взнос или плату за «В.-И. Вестник» в увеличенном, в сравнении с установленным, размере.

Библиография

«ВОЙНА 1914-1918 НА РУССКОМ ФРОНТЕ»

"Вот тема, к которой колеблешься приступить настолько она остается еще игнорированной или искаженной". Этими словами начинает свою статью, написанную по-французски, член Об-ва Ревн. Русс. Воен. Старины С. П. Андоленко*).

Действительно, как указывает автор, правильной информации из русских источников не было, вышедшие по-русски труды не были переведены на другие языки, общественное мнение Запада было пропитано разными легендами и события рассматривались с немецкой точки зрения. Следы всего этого сказываются еще до сих пор, и следствием является мнение, что роль России в войне 14 года была второстепенной и незаслуживающей особого внимания.

По мере сил всем русским и особенно членам Об-ва Р.Р.В.С. надо бороться с этим, увы, почти общепринятым мнением. Это — наш долг. Прекрасная статья С. П. Андоленко служит этой цели.

После введения, где указывается на неготовность России к войне и на недостатки принятого у нас плана, автор кратко, точно и ясно излагает военные действия не только на главном западном фронте, но и на кавказском, не забыв упомянуть и об участии русских войск в сражениях во Франции и в Македонии. Статья иллюстрирована двенадцатью очень интересными фотографиями и пятью хорошими, четкими схемами.

Можно только пожелать, чтобы она была переведена на английский и немецкий языки и получила самое широкое распространение.

А. Щ.

*) Général Andolenko « La guerre 1914-1918 sur le front russe » (Revue « Historique de l'Armée » — N° 1 - 1965).

Семейная хроника

П. Н. Шатилов

(Окончание)

Помню хорошо бал 1900 года. Придворные балы вообще считались в петербургском обществе большим событием. Они описывались много раз иностранцами их посещавшими и отмечались как исключительно блестящие приемы. Хозяевами были Император и Императрица. Почти весь Зимний дворец был окрыт для приглашенных, которых было до трех тысяч. Концертный и громадный Николаевский залы предназначались для танцев, но все же они не могли вместить всех приглашенных. Поэтому, соседний с Николаевским, Фельдмаршальский зал, Гербовый и другие также были приспособлены для приема гостей. Все эти помещения были богато декорированы растениями и цветами. Все было залито светом. В другой части дворца были накрыты столы для ужина. Для этого были использованы почти все помещения второго этажа, кроме тех, которые предназначались для танцев и приема. Только на императорском столе места были размечены. Другие же столы занимались приглашенными по их желанию. Все прибывали в парадных, так называемых, "бальных" формах. Дамы — в бальных открытых платьях.

Съезжались приглашенные к разным подъездам Зимнего дворца, которые им указывались в пригласительных билетах. По существу, особого контроля не было. Ни у кого даже не спрашивали приглашений. Только от полков назначались дежурные офицеры, которые должны были наблюдать, чтобы в форме их полка не проходил никто, кого они не знали. По окончании съезда эти дежурные шли на бал.

На бал обыкновенно приглашались члены правительства, дипломатический корпус и все придворные чины. Придворные звания гражданским чинам давались сравнительно легко; гофмейстеров, шталмейстеров, егермейстеров, камергеров и камер-юнкеров было очень много. Почти все губернаторы и вице-губернаторы несколько лет после занятия этих должностей получали придворные чины. Предводителей дворянства и высших чиновников министерств также жаловали этими званиями. Высшие придворные чины, так называемые "первые чины Двора" были в гораздо меньшем числе: звания обер-камергеров, обер-гофмейстеров, обер-гофмаршалов, обер-шенков и другие давались только небольшому числу лиц.

В военной среде придворные звания жаловались, особенно в начале царствования Императора Николая II-го, чрезвычайно редко. Флигель-адъютанты были наперечет. Несколько больше было генерал-адъютантов и опять мало генералов свиты. При Императоре Александре III-м их было еще меньше. После войны с Японией число свитских генералов значительно прибавилось и каждый гвардейский полк обыкновенно имел командиров, пожалованных в свиту; прибавилось число и флигель-адъютантов.

На балу, как я припоминаю, в 1900 году военный элемент все же доминировал, так как каждый гвардейский полк обыкновенно посылал не менее десятка своих офицеров. Дам же было много меньше чем кавалеров. Они приглашались из числа тех, которые представлялись Государыне. Имели же право на представление жены и дочери полковников и выше, а из статских — жены и дочери лиц придворного звания.

Бал начинался полонезом. Под звуки полонеза из оперы Глинки "Жизнь за царя" Царская семья выходила из Малахитовой гостиной в Концертный зал. Государь шел под руку с Государыней. За ними следовали Великие князья под руку с Великими княгинями и княжнами. Хотя и гремели торжественные звуки полонеза, но никакого танца не было; просто это был такой же выход, как и другие. Пройдя Концертный и Николаевский залы и отвечая на поклоны присутствующих, Государь с Государыней возвращались в Концертный зал. Здесь они оставляли друг друга и обходили приглашенных. Затем начинались танцы. Но танцующих было очень мало, главным образом за отсутствием достаточного количества танцующих дам. Молодые танцы приняты не были. Танцевали вальсы и контрданс. Государыня никогда не танцевала. Иногда только, при участии на балу иностранных коронованных особ, она танцевала с ними контрданс, вернее, его обозначала. Государь также никогда не танцевал. Часам к 12 начиналась мазурка. Для этого танца пары выстраивались в Николаевском зале. Их бывало не более ста, полутораста. Госуадрь с Государыней становились сбоку и посреди залы, а пары проходили мазуркой перед ними.

На балу 1900 года, на котором я во время мазурки стоял за Императрицей, нельзя было не обратить внимания на одного кирасирского офицера, который, равняясь с Царской четой, проделывал какие-то невероятные антраша. Кроме этого, на нем были надеты какие-то необыкновенной ширины "шасееры" (длинные брюки), входившие тогда в моду дурного вкуса, занесенную из Франции, офицеры армии которой еще следовали шику генерала Бурбаки. По окончании бала ко мне подошел директор нашего корпуса, граф Келлер, и спросил меня, что такое выкинул перед Государем этот офицер, в прошлом году окончивший наш корпус и попавший тотчас же после мазурки на гауптвахту.

После мазурки все отправлялись в другие залы ужинать. Несмотря на такое большое число гостей ужин был и обильным и прекрасно приготовленным.

Вино и шампанское подавалось вволю. Государь обходил всех приглашенных и за стол не садился. Государыня сидела за главным столом среди Великих князей и княгинь и других высокопоставленных лиц. Мы, камер-пажи, стояли за Государыней и другими членами Императорской фамилии. К подаваемым кушаньям Государыня не прикасалась. Красные пятна ее почти не покидали.

***

Между тем продолжалось наше обучение в корпусе. В старшем классе надо было избрать часть, в которую собираешься выйти по окончании корпуса и в зависимости от рода оружия зачисляться по пехоте, кавалерии или артиллерии. Лично я не скоро остановился на том или ином решении. Меня тянуло в кавалерию, но служба в гвардейских кавалерийских полках требовала довольно больших средств. Таковыми я не мог располагать. По после разговоров по этому поводу с отцом я выяснил, что он сможет мне давать по выходе моем в офицеры до 150 рублей в месяц, пока мой младший брат будет еще учиться.

Я сначала решил выйти в гвардейскую конную артиллерию, но однажды на одном из придворных выходов Государь спросил меня: "Ведь ты собираешься выйти в лейб-казаки?" Мне до этого и в голову не приходило выйти в Лейб-Казачий полк. Но я сразу решил, что сама судьба указала мне этот полк и ответил Царю утвердительно. Отец не возражал и я скоро отправился в казачьи казармы представляться командиру полка и просить согласия офицеров, что для гвардейских полков было обязательным.

Согласие я получил и поэтому я в корпусе пошел по "кавалерийской линии", что давало мне право на еженедельное обучение верховой езде и другим занятиям, связанным с кавалерийскою службою. Ездоком я был очень недурным, а по части вольтижировки и рубки шел всегда впереди всех. Я также пристрастился к фехтованию и получил корпусный приз. Фехтование у нас было поставлено очень хорошо. Нам его преподавал француз Тернан, прекрасно ведший обучение и выработавший из нас многих хороших фехтовальщиков. Уже будучи офицером, я продолжал занятия фехтованием в Офицерской фехтовальной школе и получил два императорских приза, что было большой редкостью. Призы эти я получил из рук Государя. Позже, уже будучи офицером Лейб-Казачьего полка, я, не джигитовавший до тех пор, стал заниматься и этим своеобразным спортом и достиг таких результатов, что стал лучшим из офицеров-джигитов полка. При обучении рубке и владения пикой, как и многие другие офицеры, я сам начинал рубить и колоть во главе своих молодых казаков. Умение хорошо владеть холодным оружием на коне помогло мне в Великую войну. Ведя атаку против немецких эскадронов, при непосредственном столкновении с немецким уланом я отбил его укол пики. Будь я в этом отношении мало опытным, я неминуемо был бы проколот пикой немецкого улана.

В корпусе я особенно сблизился с Борисом Хрещатицким, выходившим, как и я, в Лейб-Казачий Его Величества полк и с Виктором Будде, будущим конно-гренадером. Нам в это время, конечно, хотелось играть во взрослых. Мне тогда было около 18 лет. Рестораны для нас были закрыты и мы, время от времени, брали в гостинице комнату и там втроем, а иногда и с другими пажами, устраивали пирушки. Хрещатицкий был стихоплетом, писал недурно и мы устраивали нечто вроде литературных вечеров за стаканом вина. Каждый вносил долю своих маленьких талантов. Я был из наименее удачливых. Говорили о лошадях, о спорте, о театре.

По получении согласия общества офицеров на принятие нас в полк мы с Хрещатицким время от времени ездили к лейб-казакам: вместе с нами ездил и третий камер-паж, Потоцкий, также принятый в Лейб-Казачий полк. В полку нас радушно принимали молодые офицеры и обыкновенно нам приходилось оставаться ночевать у одного из них, так как еще не свыкшиеся с вином мы довольно быстро приходили в состояние опьянения. Уже тогда в полку мы приобрели искренних друзей. Хорунжие Ефремов, Сариное, Дягилев и другие считали нас уже своими товарищами. Более старшие однако держали себя с нами еще сдержанно. Командиром полка был тогда генерал Дембский, высокий, стройный и красивый человек. Он был великолепным строевым офицером и выдающимся знатоком лошадей, но слишком добрым в отношении офицеров. Они его, как говорится, "оседлали" и некоторые иногда часто манкировали службой. Но это не мешало офицерам никогда не подводить своего командира.

***

Перед праздником Пасхи нам, камер-пажам Государя, Государыни Александры Федоровны, Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны было объявлено, что на пасхальные каникулы мы отпущены не будем и что на Страстной неделе поедем в Москву, куда поедет говеть и проводить Пасхальную неделю Царская семья. Ее должны были принимать московский генерал-губернатор Великий Князь Сергей Александрович и его супруга, сестра Государыни, Великая Княгиня Елизавета Федоровна.

По приезде в Москву нас разместили в одном из дворцовых зданий в Кремле, недалеко от Успенского собора. Нас было шесть камер-пажей и корпусный адъютант полковник Дегай. В Страстную неделю мы ходили ежедневно в дворцовую церковь в обыкновенной форме и не стояли за Царской семьей, а только в числе других, немногочисленных лиц свиты присутствовали на богослужениях. Причащались мы одновременно с Царской семьей в субботу. Никакой торжественности на этих службах не было. Но заутреня заканчивалась торжественным выходом.

Выход этот сильно отличался от выходов в Зимнем дворце. Как не старалось придворное ведомство сохранить эту торжественность и обычный церемониал, которыми отличались выходы в Петербурге, но это удавалось только до известной степени. Однако от этого самый выход нисколько не терял в значении своей величественности. Московский гарнизон, мес-

ковское чиновничество, купечество, дворянство и другие приглашенные на выходе проявляли гораздо больше энтузиазма в отношении Царской семьи, чем это обыкновенно имело место в Петербурге.

Как только, при выходе из церкви, появились Государь с Царицей, как грянуло мощное ура, чего никогда не бывало на выходах Зимнего дворца и что не предусматривалось церемониалом. Холодная торжественность уступала место горячему воодушевлению, благодаря непосредственной близости к Царю.

На следующий день начались христосования. Как и в Петербурге, сначала прибывали высшие чины правительства, собравшиеся в Москве, генералитет, представители дворянства, купечества, крестьянства и московского гарнизона. Тут не раз происходили забавные инциденты. Часто солдаты при христосовании протягивали руку Государю, а Царице, которая давала им руку для поцелуя, они крепко жали руку, забывая от волненья ее поцеловать. Все это вызывало суровые взгляды со стороны начальства, но у Царя и Царицы ласковую и добрую улыбку. Естественно, это христосование было утомительным для Государя, которому приходилось целовать тысячи людей, но на его лице никогда нельзя было видеть и тени усталости, а эти поздравления продолжались ведь несколько дней. Для Москвы они были распространены на гораздо большее число лиц нежели в Петербурге.

Помню, что Царская семья в этот приезд в Москву посетила госпитали и учебные заведения, а также приняла парадный обед от дворянства, оказавшего Царской семье поистине московское гостеприимство. Обеденные столы были уставлены старинной сервировкой и посудой, свезенными на этот случай из барских поместий.

В Москве я впервые увидел сестру Царицы, Великую Княгиню Елизавету Федоровну. Она была тогда в самом расцвете своей обаятельности и красоты, которыми, казалось, затмевала решительно всех. С другой стороны, ее супруг, Великий князь Сергей Александрович, производил впечатление совершенно обратное; высокого роста, с рыжими волосами и бородой, он выделялся среди придворных своим внешним видом; выражение его лица было сурово, а его взгляд надменен. Вообще, он казался мало общительным и просто недоступным.

***

Приближалось время выпускных экзаменов, которые для меня прошли благополучно. По баллам я вышел лучше других. Предстояли еще съемки, в которых у меня конкурентов не было. Мой выход на первое место был обеспечен, что влекло за собою право быть записанным на мраморную доску в корпусе в большом Белом зале. И действительно, съемки тоже для меня прошли благополучно и весь наш выпускной класс был распределен по специальностям. Будущие пехотные офицеры шли с младшим классом в пехотный пажеский лагерь, артиллеристы распределялись по гвардейской артиллерийской бригаде, будущие кавалеристы, наиболее многочисленные в выпуске, отправлялись в лагерь Офицерской кавалерийской школы, где продолжали обучение верховой езде, рубке, вольтижировке и другим чисто кавалерийским упражнениям. При кавалерийской школе был эскадрон нижних чинов, в котором мы в качестве простых рядовых проходили эскадронные учения.

Перед выступлением в лагерь мы были собраны в большой Белый зал корпуса и инспектор классов, заменявший ушедшего из корпуса директора графа Келлера, прочитал нам результаты наших экзаменационных испытаний, после чего объявил — кто выпускается по первому разряду и кто по второму (последних было два-три человека) и в заключение сказал, что по постановлению педагогического совета камер-паж граф Стенбок Фермор и я записываемся на мраморную доску. Это было для меня совершенно неожиданным. У Стенбока средний балл был ниже моего, а его назвали первым.

Я выждал окончания церемонии и тотчас же обратился к своему курсовому офицеру за разрешением принести на замещавшего директора жалобу. Это было мне разрешено, но мой курсовой офицер был видимо этим смущен. Я отправился к инспектору и заявил ему, что подаю жалобу на смещение меня с первого места. Инспектор недовольно заявил мне, что я ошибаюсь — средние баллы у нас со Стенбоком равны, но так как у него по первому из главных предметов (тактида) 12 баллов, а у меня 11, поэтому его и поставили на первое место. На это я, следивший за баллами моих возможных конкурентов, ответил генералу Даниловскому, что точно знаю, что Стенбоку именно по тактике был поставлен балл ниже моего и что вероятно во время заседания педагогического совета было решено ему прибавить один или два балла, чтобы сравнять его со мною. Генерал Даниловский предложил мне прекратить разговор, на что я ему ответил, что имею право жаловаться на него Главному начальнику военно-учебных заведений и это будет мною выполнено. Для этого я просил его спросить разрешения Главного начальника доложить ему лично мою просьбу. Это смутило генерала Даниловского и он стал мне говорить, что уже не в праве изменить постановление педагогического совета и уговаривал меня согласиться с совершившимся фактом. На это я ему возразил, что имею определенные доказательства прибавки балла Стенбоку и что своего решения принести жалобу не изменю. Затем я подал рапорт по начальству, с просьбой дать мне возможность явиться Главному начальнику военно-учебных заведений с изложением моего дела.

Не прошло и суток, как я был вызван к инспектору, который сообщил мне, что я буду записан первым. Но я этим не удовлетворился и просил письменное подтверждение в виде резолюции на моем рапорте. Это было выполнено.

Конечно, если бы во главе корпуса продолжал стоять граф Келлер, то такого своеволия корпусного начальства допущено не было бы. Граф Стенбок принадлежал к богатейшей аристократической фамилии. Государь хорошо знал его мать и корпусное начальство сочло нужным выдвинуть Стенбока на первое место. Сам Стенбок был совершенно вне этого и очень был рад, что я, по справедливости, получил на

мраморной доске первое место. В этом деле он был моим союзником. Его записали вторым. Уже позже я узнал, что педагогический совет был тут ни при чем и что прибавка балла была проделана самим инспектором.

**

Весь июнь месяц мы, камер-пажи, будущие кавалеристы провели в лагере Кавалерийской школы. Наш лагерь был рядом с лагерем Николаевского кавалерийского училища, славившегося своей прекрасной подготовкой кавалерийских офицеров. Часто кавалерийские юнкера смотрели на наши строевые учения и, не стесняясь высказывали свое нелестное для нас мнение по поводу наших успехов. Отношение к нам с их стороны было почти презрительным. Вне занятий с ними мы никогда не встречались. Конечно в строевом отношении они были много выше нас. Только по выходе в офицеры, встречаясь в полках, мы с ними сближались, совершенно забывая их прежнюю недружелюбность.

В июне месяце мы кончили наши занятия при Офицерской кавалерийской школе, после чего нас прикомандировали к своим полкам на положении эстандарт-юнкеров. Фактически мы уже становились офицерами своих частей, но продолжали носить пажескую форму. Только на безкозырки нам нашили козырьки. Те из камер-пажей, которые выходили в части не находившиеся в красносельском лагере, прикомандировывались к частям по своему выбору. С этого времени и я начал службу в лейб-гвардии Казачьем Его Величества полку, сокращенно называвшемся Лейб-Казачьим.

В конце июля начались подвижные сборы. Сначала одна-две наши сотни придавались малым отрядам и они участвовали с ними в однодневных или в двухдневных маневрах, а потом уже целым полком входили в состав более крупных соединений и шли маневрами в общем направлении на Лугу. Часто составлялись новые отряды и давались новые задания. Время этих подвижных сборов было очень интересным и веселым. К вечеру мы становились частью по квартирам, частью биваком и разбивали раньше всего полковое собрание. Часа через два нам подавали ужин и во время таких стоянок вино лилось более обыкновенного. Зачастую приглашались гости из соседних по биваку полков или отбившиеся от своих частей офицеры. Хотя нам, молодым, приходилось в течение дня проделывать иногда до сотни верст, но юные силы не отказывали и мы неизменно присутствовали и на пирушках, и в прочих развлечениях. Стоя около деревни, устраивали танцы и кружились с деревенскими девушками или многочисленными в окрестностях Петербурга дачницами. Гостей угощали под звуки наших трубачей, зарабатывавших от нас хорошие чаевые и не дурное угощение. Часто развлекались просто с казаками: разводили костры, пели, плясали и пили. Однако наутро своевременно становились в строй, ибо опоздать или явиться после командира сотни было неприемлимо.

Лужские маневры 1900 года заканчивались боевым маневренным столкновением двух сторон около станции Плюссы в присутствии Царской семьи. В полдень маневр был закончен и офицеры были приглашены на завтрак, устроенный дворцовым ведомством, в имении одного из местных помещиков. Завтрак был устроен просто на траве на разложенных скатертях и состоял из холодных блюд, с вином и водкой. Перед этим завтраком мы ожидали производства в офицеры.

Все мы были собраны на большом лугу. Пажи стояли на правом фланге, затем юнкера Павловского училища, за ними — артиллеристы, Николаевское кавалерийское училище и, наконец, Николаевское инженерное. Всеми нами, производимыми в офицеры, командовал батальонный командир Павловского военного училища. При появлении Государя была подана команда "смирно", "глаза направо" — все замерли. Государь вышел на середину и обратился к нам с кратким словом. Насколько помню, он выразил надежду, что мы будем также верно служить России и Ему, как служили наши отцы и деды и поздравил нас с первым офицерским чином. Грянуло "ура" — и мы стали офицерами. Приказ о производстве я получил из рук Государыни.

На следующий день, выпущенные в офицеры, пажи должны были собраться в корпусе, где был отслужен молебен. Затем мы снялись общей группой и пошли в концелярию корпуса получить свои послужные списки и полагавшиеся нам при производстве 600 рублей. При выходе из канцелярии мы были осаждены служащими корпусаэ, поздравлявших нас и ожидавших хороших чаевых. Затем мы собрались, чтобы решить, где мы будем устраивать выпускной обед, какую сумму ассигновать на этот случай и кого приглашать на него из корпусного персонала. Несмотря на протесты некоторых, в том числе и меня, было решено не приглашать нелюбимых офицеров и преподавателей. Хорошо помню, что мы, протестовавшие, опасались, что в этом случае приглашенные нами из солидарности могут на обед не приехать и мы окажемся в глупом положении. Обед устроили в ресторане "Эрнест", что на Каменноосторвеком проспекте, на четвертый или пятый день после производства.

К обеду все съехались вовремя и стали ждать гостей. Но они не явились... Прождавши часа полтора, мы сели за стол, накрытый человек на 60, а нас было — 33. Особенно весело не было, но обильно подаваемое вино вскоре все же создало веселое настроение. Вдруг появился один гость: это был полковник Генерального штаба Дружинин, не знавший о решении корпусного персонала бойкоторовать наше приглашение. Мы ему не сразу объяснили в чем дело: в результате он нас выругал за нашу глупую выходку, но все же остался с нами.

Он сел рядом со мной и мне было поручено его занимать. Дружинин говорил много и советовал мне, по истечении положенного срока в три года, держать экзамен в академию Генерального штаба. Он мне говорил, что мне поступить в академию и ее окончить будет не трудно. Одновременно он давал практические советы. Мы уже выпили с ним на ты и он ска-

зал: "Чтобы окончить академию, надо иметь или стальной зад, чтобы высидеть бесконечные часы всех лекций и зубрежки, необходимых для экзаменов, или, наоборот, стремиться к тому, чтобы не читать ничего лишнего, кроме того, что совершенно необходимо знать. Но для этого надо уметь правильно учесть, что именно является необходимым". Кроме того он советовал, готовясь к экзаменам, не вдалбливать в себя прочитанное, чтобы после экзамена забыть пройденное и освободить мозги для подготовки к следующему. "Надеюсь", говорил Дружинин: "что ты пойдешь по второму пути". Впоследствии я следовал ему и кончил академию лучше других.

***

После моего производства в офицеры мой отец старался внушить мне, что только получение высшего образования может дать офицеру возможность использовать в наиболее полном масштабе свое призвание к военной службе. Он мне говорил, что я всегда смогу вернуться в полк, если меня так привлекает строевая служба, но без высшего образования мне будут закрыты источники основ военного дела.

Отцу не пришлось меня долго уговаривать, так как я сам решил, по окончании установленного для академии срока, держать экзамены в академию Генерального штаба. Перед выступлением полка в лагерь в 1903 году я подал рапорт командиру полка, с просьбой дать мне трехмесячный отпуск для подготовки к экзаменам. Этот отпуск мне был дан, но командир полка заявил, что я должен обязательно держать эти экзамены, так как один из наших офицеров, за год до меня, получил такой же отпуск, а по возвращении заявил, что он к экзаменам не готов.

В 1903 году мой отец был переведен в Варшаву, где вступил в командование 10-й пехотной дивизией. К моему приезду в отпуск он находился с дивизией в лагере, верстах в десяти от Скерневиц, около селения Радут. У отца была прекрасная дача, бывшая усадьба польского помещика, у которого военным ведомством был куплен огромный участок земли с имением; на этом участке был устроен лагерь и большое стрельбище. Приехав в Радут, я захватил с собой необходимые учебники для подготовки к экзаменам в академию. Но отвыкши от усидчивой работы, я не мог заставить себя сидеть целыми часами за книгами. К тому же, я вскоре поехал покупать отцу лошадь и обещал ему, что ко времени смотров она будет хорошо выезжена. Это мне удалось, но это не способствовало моим занятиям к экзаменам.

Часто я ездил и в Варшаву провести там несколько дней; в результате я стал сознавать, что за это лето подготовиться не успею. В середине же лета мне пришлось поехать в красносельский лагерь, чтобы получить из рук Государя императорский приз за фехтование. Это также заняло не мало времени, так как прибыв в полк, невольно втянулся в его жизнь и потерял еще неделю. Вспоминая все это, теперь удивляюсь своему тогдашнему легкомыслию.

По окончании отпуска я прибыл в полк. Моим первым намерением было отказаться от экзаменов в академию, но вспомнив свой разговор с командиром полка, я несколько раз пытался ему доложить, что чувствую себя недостаточно подготовленным, но так и не решился этого сделать. Провалиться же на экзаменах было бы большим ударом моему самолюбию, стыдно было бы и за Пажеский корпус, который я кончил первым.

***

В назначенный день я явился в академию. Нас оказалось 360 офицеров на 190 вакансий. На следующий день состоялось представление начальнику академии. В мое время офицеры Петербургского военного округа не держали предварительных экзаменов; офицеры же других округов допускались к экзамену только после особых испытаний при штабах своих округов. На этом представлении я увидел всех прибывших в академию. Уже первое впечатление, которое я вынес от их вида, меня несколько подбодрило. Некоторые производили впечатление людей с недостаточным образованием, другие, боясь экзаменов, заранее считали себя провалившимися. Уверенных в успехе было мало.

Экзамены начались с диктовки по русскому языку. Все мы были приглашены по разным аудиториям и одновременно писали под диктовку. Результаты были сообщены нам через день. Число провалившихся было очень велико. Насколько помню — почти сто человек. Баллов за диктовку не ставили, а только сообщили, кто испытание выдержал. Прочие должны были возвратиться в свои части. В числе выдержавших этот первый экзамен был и я.

Нас после этого разбили по группам в алфавитном порядке, и мы стали держать экзамен, имея 3-4 дня для подготовки к каждому. Для меня это было большим облегчением. Если я почти не занимался летом, то теперь сидел за книгами по 6-7 часов в сутки. Не мало офицеров провалилось на иностранных языках и на математике. Но языки я знал довольно прилично, а к математике способности у меня были. Эти предметы прошли для меня вполне удачно, причем по математике я, кажется, был единственным, получившим полный балл. Военные предметы также прошли с хорошими отметками. Единственно что у меня вышло хуже других — история. Для нее оказалось недостаточно времени, чтобы одолеть ее в короткий срок перед экзаменом. В результате я выдержал экзамены пятым, что и для меня и для моих родителей было неожиданностью. После экзаменов я поехал в Варшаву, чтобы разделить с родителями радость моего поступления в академию.

***

Академия оставила во мне очень хорошие воспоминания. У меня завязались новые связи с офицерами, среди которых я нашел искренних друзей. В смысле свободного времени мы его имели больше чем во время службы в полку. Некоторые практические занятия были очень интересными, но профессорский состав был крайне неровен. Были замечательные военные лекторы: Мышлаевский, Витковский, Данилов (рыжий в отличие от черного, бывшего потом генерал-квартирмейстером в Ставке). Из статских — историк Платонов, Форстен, Иностранцев, но были и

такие, слушать которых было до крайности скучно.

Нас заставляли много чертить. Этим занятием мы посвящали 4-5 часов в неделю. Почти неизменно чертили неровности местности штрихами. Совершенно непонятно, для чего нас заставляли выполнять эту работу. За всю свою продолжительную службу в Генеральном штабе я никогда не прочертил ни одного штриха. Нашими профессорами по этим занятиям были выдающиеся чертежники — генерал Зейфарт и генерал Даниловский, бывший мой инспектор по Пажескому корпусу. Генерал Зейфарт обладал прекрасной памятью и помнил большинство своих учеников. Когда он узнал мою фамилию, то вспомнил, что много лет тому назад в академии было два Шатиловых — один чертил хорошо, а другой плохо. Это были мой отец и дядя. Увидевши мою работу, он сказал, что конечно я сын того, кто отличался хорошими чертежами, так как моими штрихами он вполне доволен. Каково же было его удивление и, пожалуй, неудовольствие, когда я ответил, что мой отец именно тот, который чертил плохо.

Практически занятия по тактике в моей группе вел Данилов. Он в то время служил в Канцелярии военного министра и был очень занят службой. Поэтому он нас собирал у себя на квартире по вечерам. Данилов несомненно был одним из выдающихся руководителей практическими занятиями. Лично мне он дал много для будущей работы по Генеральному штабу.

В числе предметов, которые нам читали, были астрономия и геология. Оба профессора были замечательны и их предметы меня чрезвычайно заинтересовали, но для будущей службы Генерального штаба они были совершенно не нужны. С другой стороны у нас не было курса службы Генерального штаба. Было очевидно, что кое-что в академии необходимо было исправить и изменить. Невольно возникал вопрос, подготовляет ли академия офицеров к службе Генерального штаба, или она дает широкое теоретическое военное образование и разрабатывает военные доктрины. Спустя несколько лет, после Японской войны, несколько профессоров из молодых полковников повели агитацию за необходимость перемен. Во главе этого движения стоял полковник Н. Н. Головин. Полковники победили, но изменений в академии сделано было очень мало. Хотя академия и получила новое название — Военная академия, что, как будто бы, определяло ее новые цели, но практически она по-прежнему имела целью подготовку будущих офицеров Генерального штаба.

Из цикла боевых и мирных воспоминаний

Бой под Красноставом 5-го июля 1915 года

(Из Измайловского архива)

Б. В. Фомин

В очерке ген. Б. В. Геруа "Боевой и мирный календарь Измайловцев с июня 1915 по июнь 1916 года", напечатанном в №№ 20 и 21 "Военно-Исторического Вестника", уже говорилось о бое под Красноставом 5 июля 1915 г. Но там события описаны так, как их себе представляет по поступающим к нему донесениям командующий полком. В печатаемых ниже воспоминаниях Б. В. Фомина бой 5-го июля описан подробнее и более живо, но зато описание это охватывает гораздо более узкий сектор, а именно — действия на участке только своей, 10-й, роты. *Ред.*

Описание красноставского боя могло бы составить целую героическую поэму. В этом бою доблесть, стойкость и воля полка к победе, как мне кажется, были проявлены в большей степени, чем это трабовалось стратегическим заданием летней кампании 1915 года на Юго-Западном фронте.

Третья армия, где находился Гвардейский корпус, отступала к Бресту и нашему полку (л.-гв. Измайловскому) никто не приказывал остановить это отступление, а тем не менее наш полк своим телом преградил победоносное наступление германской гвардии перед собою.

Уверенность полка в своих силах к концу этого боя была так велика, что, казалось, наутро мы от обороны перейдем к наступлению. Но успех нашего полка и Гвардейского корпуса был лишь тактическим успехом на фронте армии. С болью в сердце каждый Измайловец ночью узнал о приказании отходить. Разочарование было беспредельно. Боевое приподнятое настроение, как следствие счастливо закончившегося дня, сменилось унынием и непониманием предстоящего маневра, а пошедший дождь еще более омрачил этот отход.

Красноставский бой был для полка, можно сказать, вторым боевым крещением. Только здесь под Красноставом наш полк испытал на себе действие могущественного ураганного огня германской артиллерии всех калибров. Это был также для полка первый урок в деле быстрого рытья окопов с целью увеличения обороноспособности занятой позиции. Последующие бои нас научили в три-четыре часа вырывать окопы для стрельбы стоя с легкими козырьками против шрапнельных пуль и осколков снарядов и с ходами сообщения по фронту и в глубину. Нужно за-

метить, что красноставский бой был для полка первым боем в летней кампании 1915 года. До того полк стоял в резерве в д. Бзите, куда прибыл из Холма 24 июня. В Холме полк высадился после переезда из Белостока, а до того четыре месяца (до 12 июня) вел позиционную войну с немцами на ломжинской позиции. В общем, мы были пополненными и отдохнувшими.

***

Мое описание красноставского боя ни в коей степени не претендует на полноту, так как я буду говорить только о действиях своей роты.

Я командовал 10-й ротой, которая в этом бою занимала второстепенный участок общей позиции полка. Позицию по опушке леса много вправо от шоссе Холм-Красностав, фронтом на последний, занял 3-й батальон полка, но 11-я рота не была в его составе; она еще вечером 4 июля получила какое-то специальное назначение вне связи с полком.

Распределение батальонов по участкам позиции было сделано командующим полком перед нашим вступлением в лес на его восточной опушке около лесной сторожки, где помещался штаб 2-й бригады 18-й пехотной дивизии. Командующим этой бригады был командир 72-го пехотного Тульского полка полковник Курбатов. Командиром же 71-го пехотного Белевского полка был полковник Галкин. В бригаде оставалось четыре батальона; они и были сменены нашим полком. Три года спустя я встретился с генералом Курбатовым. Он мне передал, что с восхищением любовался картиной подхода нашего полка к лесу и затем втягиванием батальонов в лес к участкам своих позиций. Глаз старого Лейб-Гренадера подметил не только бодрый вид людей, но и щеголевато пригнанное снаряжение и проворность в исполнении всех приказаний.

Участок 3-го батальона был огромный, едва ли не в пять с лишним верст по фронту. Он был прикрыт с фронта рекою Вепржь, чем и объясняется такое его протяжение.

Командир батальона, полковник Лескинен, лично производя смену рот 71-го пехотного Белеского полка, в первой линии указал места 12-й и моей ротам, оставив 9-ю в своем резерве и за 12-й ротой.

Моя рота занимала правофланговый участок позиции батальона, а значит, и полка, будучи более чем в версте от 12-й роты вправо и в таком же расстоянии влево от Преображенцев. Последних я, пока было светло, видел, но иной связи с ними не имел. При этом я только из схемы С. Л. Волкобруна в 1933 году, т. е. 18 лет спустя, узнал, что Преображенцы были на западном берегу р. Вепржь. В бою 5 июля 1915 г. я считал, что они, также как и наш полк, расположены на восточном берегу реки. Что же касается 12-й роты, то она мне не была видна из-за леса. Телефонная связь с командиром батальона в течение целого дня действовала, может быть, не более одного часа и то с огромными промежутками. Все остальное время она чинилась, так как непрестанно провода рвались артиллерийским огнем.

Кто из Измайловцев не помнит это ранее утро 5 июля 1915 года, когда мы стали сменять Тульцев и Белевцев, и потом восход солнца, озаривший своими лучами спящий еще Красностав? Красивая панорама открылась перед нами. Золотые купола церквей блистали в солнечных лучах, на фоне голубого неба белели очертания отдаленных домов города, а деревья как-то особенно казались зелеными. Я долго любовался этим видом и было жутко подумать, что этот тихий и такой красивый издали город, где веками текла мирная жизнь, который вчера еще был нашим, сегодня сделается мишенью для огня нашей же артиллерии.

Помню, как ведя роту по опушке леса и следуя за командиром батальона, я увидел перед собой на склоне обрыва уже вырытые и оставленные Белевцами окопы. Я хотел их занять, но полковник Лескинен мне ответил, что это было бы безумием и выбрал для моей роты место в лесу близ опушки под могучими буками и далеко в стороне белевских окопов. Во время боя днем я оценил это указание Георгия Ивановича. Старые белевские окопы, благодаря песчаному грунту, были хорошо видны немцам; они думали, что эти окопы кем-то заняты и потому нещадно их обстреливали. Мои же окопы вряд ли они и обнаружили и, если у меня в роте и было 15 раненых и 1 убитый, то это были жертвы ураганного артиллерийского огня, коим немцы вообще обстреливали весь лес безостановочно в течение целого дня.

На своем ротном участке я расположился так: 1-й взвод поместил более чем на версту от себя вправо, чтобы он видел Преображенцев и наблюдал за прорывом между собой и ними, где текла речка Сенница. Три остальных взвода были мною расположены в одну линию. Мой окоп был вырыт позади левофлангового взвода за небольшим бугорком в лесу, шагах в десяти от линии огня. Прапорщик Гильяшевич командовал 2-м взводом. Рыть окопы было очень трудно из-за корней деревьев. Пользуясь густым лесом и дальностью от противника, я не требовал соединения окопов между собой: каждый имел свою дыру грудной высоты без козырька. Таковым служили всем нам ветви деревьев. Осколки снарядов и шрапнельные пули в большинстве случаев падали на землю, предварительно десятки раз ударившись о суки и ветви деревьев, поэтому они теряли свою силу и едва ли не падали только вследствие своей тяжести.

Красностав был передо мною в расстоянии одной версты. Прицел был 14-15. Где-то вправо от меня для наблюдения прорыва между мною и Преображенцами, за лесом, на каком-то кирпичном заводе должна была быть сотня Уральцев, но посланный туда мой дозор ее не нашел. Я об этом передал по телефону командиру батальона.

Артиллерийский ураганный огонь на занятом моей ротой участке леса начался в 7-м часу утра. Первые разрывы снарядов сразу показали, что у немцев есть артиллерия разных калибров. Позже, в течение дня, это обстоятельство сказалось с полной очевидностью. Временами я считал сколько разрывов приходится в минуту — более 25 я не улавливал. На

других участках позиции полка, я слышал потом, немецкий огонь был еще более интенсивен, но, должен сказать, что и эти 25 разрывов в лесу и над лесом производили впечатление безостановочно продолжающегося шума, так как к разрывам присоединялся еще треск ломающихся и шум падающих деревьев. Пороховые газы заболакивали лес и, вследствие его густоты и отсутствия ветра, не рассеивались, а сгущались. Днем мне казалось, что немцы стали стрелять химическими снарядами и я даже велел людям приготовить маски, но этот, чуждый пороху, запах не увеличивался и потому одевать масок не пришлось.

Моим противником первоначально были одиночные германцы, снующие повсюду между домами и постройками в Красноставе и невидимая мне германская артиллерия. Стрельба по этим немцам приводила в азарт моих стрелков. Они отлично присмотрелись к своим целям и в увлечением прицеливались и стреляли, тогда как я только при помощи бинокля разыскивал их цели или указывал им новые.

Первый раненый был младший унтер-офицер Медведев. Это был довольно старообразного вида солдат из запасных. В строю он стоял за рядового в 4-м взводе. Ранен он был около 9 часов утра. Осколок снаряда угодил ему в носок левого сапога, разорвал его и, как мне тогда казалось, размозжил два или три пальца на ноге. Медведев вылез из окопа, подошел прихрамывая ко мне и спросил разрешения идти на перевязочный пункт. — А где же твоя винтовка? — спросил я. О ней он позабыл, но сейчас же вернулся к окопу, взял ее и, опираясь на нее, пошел в тыл. Я посоветовал ему, отойдя немного, снять сапог, промыть рану водою из фляги и, перевязав ее, идти без сапога.

Этот случай дал мне основание передать по цепи напоминание, чтобы раненые уходили с винтовками. То же я подтвердил санитарам и фельдшеру. Последний, между прочим, был из приволжских немцев-колонистов. Свое дело он знал отлично и был очень исправен. Только его фамилия говорила, что он из немцев.

Около полудня я с дозором прошелся по лесу до его северной опушки, желая рассмотреть положение левого крыла Преображенцев и прорыв между нами. Возвращаясь обратно, я был очень удивлен увидеть польского ксендза. Оказалось, что он находится при беженском таборе в глубине леса. Беженцы, из которых некоторые были даже галичане, изнуренные бродячей жизнью, отказывались двигаться далее на восток, а кроме того они рассчитывали на наш переход в наступление, что им позволило бы вернуться в свои места жительства. О последнем я ничего определенного ксендзу сказать не мог, но, когда узнал, что среди беженцев есть не мало раненых, ибо немецкие снаряды залетали и к ним, я ему посоветовал уйти из леса и двигаться на Холм. Тут же ксендз мне сказал, что некоторые солдаты были около беженцев и просили воды, тогда как в таборе было уже два смертных случая от холеры и имелись больные.. Поблагодарив ксендза за это предупреждение, я, напутствуемый его благословением, вернулся к роте и передал запрещение общаться с беженцами, среди которых есть холерные больные.

Когда временами действовал телефон с командиром батальона я узнавал, что происходит у него. Так мне было известно, что густые и многорядные цепи немцев ведут наступление на 12-ю роту и влево от нее на всем фронте полка. Также я знал, что 9-я рота усилила собой 12-ю. Вместе с тем я докладывал командиру батальона о том, что происходит у меня.

Часов около 2-х, когда зной был очень велик, из цепи мне крикнули, что увидели немецкое орудие. Я подбежал к кричащим и действительно в одном из сараев, с открытой дверью, обращенной на нас, увидел одно орудие. Мои стрелки держали его под таким огнем, что немцы не отваживались к нему подходить. Об этом я сообщил по телефону полковнику Лескинену. Временами немцы закрывали дверь этого сарая, а потом опять открывали, но орудие все время оставалось в сарае. Примерно через час ко мне пришел, если не ошибаюсь, подпоручик л.-гв. 1-й Артиллерийской бригады. Он рассмотрел положение этого немецкого орудия, обозначил его на своей карте, а затем сказал мне, что наша артиллерия бессильна его уничтожить, так как сему препятствует высота леса и сравнительная близость этой пушки к нему. Невозможно было, по его словам, и прикатить вручную наше орудие в лес. Так ни с чем и ушел от меня артиллерийский подпоручик и это немецкое орудие осталось на своем месте на моем попечении. Стрелять из него немцам, пока я с ротой оставался на своем прежнем месте, так и не удалось. Тот град пуль, который посылали на него мои два взвода, по всей вероятности смог причинить ему значительный вред.

Около 3-х часов дня ко мне прибежал солдат связи командира батальона и на словах передал его приказание немедленно с ротою прибыть к нему. Я не мало был удивлен такому приказанию и, написав на записке, что снимаюсь с позиции и иду к нему, передал ее посланному.

Оставление потребовало не мало времени, так как, чтобы быть незамеченными немцами, я приказал взводам собираться в глубине леса, перебегая назад от дерева к дереву по одному. Когда все собрались, я повел роту по лесу к штабу батальона. Никакой дороги в лесу не было, я знал направление, стараясь не отрываться далеко от опушки леса.

Примерно на полдороге до штаба батальона обнаружилось, что кто-то нас обстреливает ружейным огнем с тыла (применительно к направлению нашего движения). Несколько минут я не обращал на это внимания, но вскоре сзади меня раздался крик: "наши стреляют". Оглянувшись, шагах в ста от себя я увидел, что прапорщик Гильяшевич положил четвертые отделения всех взводов, повернув их кругом. Я скомандовал "ложись" и побежал к прапорщику Гильяшевичу. Пули изрядно свистали и хлопались о деревья. Их было слышно несмотря на кромешный ад не ослабевающегося ни на минуту ураганного огня по лесу.

Прапорщик Гильяшевич был перед 4-м отделением 1-го взвода, которое открыло огонь по невидимому мне противнику. Подбежав к прапорщику Гильяшевичу, я спросил его, куда люди стреляют. Оказалось, что он не командовал открыть огонь. Я подал свисток. Стрельба прекратилась. Люди тоже толком не знали куда они стреляют. Когда я лег в цепи, то между деревьями далеко за лесом увидел какие-то фигуры, роющие окопы. До них было, может быть, более трех тысяч шагов, тогда как люди стреляли с постоянным прицелом. Кто были эти фигуры, я не мог определить даже в бинокль: может быть это были Преображенцы, а может быть и немцы, находящиеся против них. Несомненно только что пули летели от них. Но задерживаться из-за сего надобности не было; я перебежал к правым флангам взводов и двинулся с ротой дальше, но уже бегом, чтобы наверстать потерянное время. Вскоре я увидел штаб батальона. Положив роту, я направился к полковнику Лескинену.

Когда я доложил обстановку на правом фланге полка и высказал свой взгляд на необеспеченность его с моим уходом, в особенности ночью при отсутствии материальной связи с Преображенцами, командир батальона приказал мне вернуться на свой участок и передал, что о доложенном мною сообщит командующему полком.

Сейчас же после этого я двинулся в обратный путь. Рота была повернута кругом и мы пошли теми же четырьмя взводными цепочками, но их левыми флангами. Движение обратно прошло без инцидентов. На позиции взводы заняли свои прежние места. Немецкое орудие по-прежнему стояло в сарае. Стреляли ли немцы из него во время моего отсутствия, я не знаю, но прислуга была при орудии пока рота не открыла огня.

Я прошел с 1-м взводом до его отдельного расположения и приказал до наступления сумерек детально изучить путь движения дозора вправо до речки Сенницы, чтобы ночью люди дозоров здесь не заблудились. В это время большой осколок снаряда убил на месте рядового Белозерова. Другой порядочный осколок упал мне на плечо, не причинив вреда.

Ровно в 8 часов вечера немецкий огонь прекратился. Я приказал пополнить патроны из двуколки. Обозный был у меня отличный солдат. Раз и навсегда я ему сказал: где бы мы в бою не были — нас разыскать; нельзя с двуколкой — так пешком и сейчас же доложить фельдфебелю, где находится двуколка. На этот раз она оказалась в глубине леса за ротой.

Скоро был доставлен ужин, а потом с наступлением темноты пошел мелкий дождь. К реке Вепржь я выслал секрет. Кроме того был выслан дозор влево в направлении к 12-й роте. Наблюдение промежутка между мною и 9-й ротой производилось собаками. Я видел как они носились по лесу, но мне кажется, что это продолжалось недолго. Тьма в лесу была такова, что не было видно земли под ногами, и это чрезвычайно стесняло все движения.

Около 10 часов вечера ко мне прибыла 4-я рота под командой поручика Подладчикова, которую я поместил за моим 1-м взводом уступом вправо. Использовать ее для установления связи с Преображенцами я не решился, так как при незнании местности, в полнейшей темноте, в какой мы были, ничего бы из этого не вышло: люди бы без дорог заблудились.

Ночью был починен телефон. Временами на реке слышался плеск воды. Возбужденное воображение принимало его за переправу немцев через Вепржь и напрягало нервы и слух. Секрет доносил, что на реке все тихо. Если бы меня ночью спросили, остаются ли Преображенцы на своих местах, я бы не смог ответить на этот вопрос. Поэтому я спрашивал о сем командира батальона, а он — штаб полка. От продолжающегося дождя мы стали намокать и потому, несмотря на теплый вечер, пришлось раскатать шинели. За исключением часовых, дозоров и секрета все люди спали, сняв снаряжение. С грустью я смотрел на винтовки, которые были сильно запылены днем, а сейчас мокли на дожде. Сна у меня не было.

Вдруг около часа ночи затрещал телефон. Командир батальона передал приказание отходить. Он объяснил это прорывом фронта в 3-м Кавказском корпусе. Оставляя позицию, мне было приказано идти прямо на то шоссе, по которому вчера ночью мы вошли в лес, и там присоединиться к батальону.

Недоумение и неудовлетворенность таким приказанием сразу испортили мое настроение. Люди моей связи, выслушав мое приказание отходить, недоверчиво смотрели на меня. У каждого вырвался вопрос:
— Почему, ваше высокоблагородие?

Расположенная сосредоточенно 4-я рота поручика Подладчикова быстро оделась и прошла мимо меня. Мне же пришлось пробыть еще более получаса, пока 1-й взвод присоединился к роте. Повел я роту рядами. Я знал только направление, куда надо было идти, но с оставлением знакомого места было нелегко его держаться, так как везде лес был одинаков. Поэтому, ориентировав план, я вычертил на нем угол, образующийся между направлением моего движения и магнитной стрелкой и потом в дороге часто проверял свое движение, чтобы не уклониться в сторону.

Здесь маленькое обстоятельство еще больше омрачило мое настроение. Справившись у взводного 1-го взвода, старшего унтер-офицера Данилова, я узнал, что убитого Белозерова они не успели зарыть и бедный солдат так и остался лежать в глухом углу леса непогребенным.

Около 3-х часов ночи я шел уже по шоссе. Никого на нем не было. Это меня несколько смутило. Сказалась неточность установленной встречи с командиром батальона: было дано только место, без времени. Я решил, что 3-й батальон уже прошел и потому стал двигаться по шоссе в тыл. Уже светало и потому вскоре, около моста на Сеннице, вдали я увидел группу людей, из которых некоторые были верхом.

Приблизившись, я разглядел, что это наши. От группы отделился один верховой и поехал ко мне навстречу. Это был поручик Порохов. Он мне сказал, чтобы я торопился, так как все роты давно уже прошли и сзади нас есть только разведчики, которые, судя по времени, тоже уже оставили нашу позицию.

Я прибавил шагу и увидел, что около моста верхом стоит командующий полком, полковник Геруа. Я подал команду. Рота твердо взяла ногу и подбодрившись стала проходить перед командующим полком. Я вышел в сторону. Командующий полком поздоровался с ротой, в горячих словах поблагодарил ее за красноставский бой, затем пожал мою руку и сказал, чтобы я торопился, так как саперы должны взрывать мост.

Пройдя версты полторы или две я увидел Павловцев, которые окапывались на новой позиции, шедшей по открытому полю. Это была наша смена, так как наш полк был назначен в резерв корпуса в д. Недзяловица. Следуя дальше, я присоединился к полку, который стоял на привале.

Когда мы стояли в резерве за 2-й гвардейской пехотной дивизией в лесу, 9-го июля произошла раздача наград нижним чинам. Пять человек моей роты получили георгиевские кресты. Я же был представлен к очередной награде — к ордену Св. Анны 2-й степени с мечами, который и получил в декабре того же года. Прапорщик Гильяшевич был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

(Продолжение следует)

Начало конца

Н. Гранберг

Вместо предисловия

Около 10 июня 1917 года все дороги южной Подолии и Волыни неожиданно наполнились длинными колоннами войск и обозов. Это были два гвардейских корпуса, которые переходили в последний новый боевой район около города Тарнополя. Оба корпуса покидали теперь район Луцка и Владимира-Волынского, где они оперировали в продолжении целого года.

Гвардия появилась под Луцком в начале июля 1916 года. С 28 июля гвардейские корпуса, в разных группировках, пытались развить успех достигнутый в начале мая наступлением армий генерала Брусилова. Несмотря на успех достигнутый на фронте Трыстень - Райместо к юго-западу от Луцка, несмотря на захваченную артиллерию и пленных, дальнейшее продвижение на Ковель и южнее его оказалось невозможным ввиду отсутствия свежих резервов и чувствительных потерь во всех гвардейских дивизиях. История отмечает, что пополненные и хорошо подготовленные гвардейские корпуса несмотря на все самопожертвование и проявленный героизм не смогли форсировать расположения противника, укрепившегося вдоль реки Стохода и ее притоков. Попытки прорыва этого расположения продолжались в разных участках западнее линии Луцк - Броды, причем целая серия сражений вплоть до ноября месяца отмечена в истории как исключительно кровопролитная.

Целый ряд корпусов, привлеченных к атакам совместно с гвардией, также не имел решительного успеха. Линия фронта обороны противника не была прорвана и вся операция свелась к связыванию противника на этом участке.

Параллельно с этим происходили крупные операции у реки Соммы и в районе Вердена. Союзники и русские пытались сломить оборону немцев фронтальной атакой и к сентябрю месяцу произошло выступление Румынии на стороне союзников. Несмотря на местные критические повороты для обоих сторон оказалось ясным, что оборона нигде не могла быть сломлена окончательно.

К концу 1916 года операции затихли и положение стабилизировалось, но шесть месяцев позднее гвардия шла походом в новый район. Прожиты были три периода последних событий — шесть месяцев сражений, три месяца отдыха и три месяца революции. Каждый из этих периодов переживался войсками различно и впечатления, какие они уносили с собой, были различны и по силе, и по реакции, но они все приводили к выводу, что война стала труднее и что никто не знал, какими способами можно было добиться ее окончания.

**

Если бы кто-либо начал анализировать ход войны за 1916 год, то он наткнулся бы немедленно на факты, которые дискредитировали почти все высшие военные вождения всех участвовавших. Все выдающиеся историки подчеркивают факт перемены характера войны. Элемент морального уровня войск, столь важный для всяких видов борьбы, отдал определенно часть своего значения все растущей технике артиллерийского и ружейного огня всех видов и назначений. Особенно сильно подчеркивалось это явление во второй половине 1916 года в обстановке полевых боев под Луцком, Владимир-Волынском, на р. Сомме и, наконец, в Румынии. Фронтальные атаки оказались фатальными для атакующих, неся за собой невероятные потери.

К сожалению, эту перемену лица войны далеко не все хотели понимать и учитывать. Предрассудки, старые понятия, а иногда просто безвыходное положение, заставляли командования предпринимать операции с негодными средствами. Все это имело место у всех участников и, конечно, всякая неудача и всякие большие потери вносили частичку недоверия и подрыва авторитета вождения.

На западном фронте операции под Верденом и на р. Сомме дали толчок к введению новых родов оружия, но и там реформы встречали противодействия

и трения. В России, как и могло считаться естественным, процесс развития новой техники боя шел значительно медленнее. В 1916 году Россия избавилась до известной степени от снарядного кризиса. Новых типов оружия создано не было.

Если суммировать и подводить итоги, то падение и расшатывание авторитета вождения, пожалуй, являлось первозначущей причиной всей происшедшей катастрофы. Потери гвардии под Луцком и южнее его не могли быть пополнены ввиду недостатка строевых опытных офицеров. Эти же потери приготовили, как нельзя лучше, принятие армией революции, которая определенно была создана на развалинах потерявшего авторитет и доверие вождения. Вождение, и в малом, и в большом, стояло за Императором, который всегда и везде был ответственным за все и малое и большое.

Оставив в стороне широкую, полную индивидуального разнообразия русскую общественность, мы видим, что даже в тесной офицерской среде, в тылу и на фронте, общее положение оценивалось крайне одностронне. Оценка производилась без проверки и без сопоставления достигнутых результатов кампании в общесоюзном значении. Ошибки и толкования разного рода встречались повсеместно. Многие забывали про короткий и неглубокий западный фронт, не допускавший территориальных потерь. Многие находили, что русский фронт, ввиду его длины, заслуживает большего внимания, со стороны союзников, чем короткий западный. Когда, в конце 1916 года, русский фронт удлинился ввиду неудач в Румынии, это обстоятельство еще раз подчеркнуло вышеуказанную точку зрения и естественная критика неудачного русского вождения была прямым следствием такой точки зрения.

**
*

Для современников, которые читали реляции, победа была победой, а поражение — поражением. Обще-союзной ценностью побед и поражений никто не интересовался и ее никто не знал. Видели только разочарование и длинную войну, которая и не думала кончаться.

Долгое время послевоенная пресса в разных формах обсуждала большое русское поражение под Танненбергом, который долго считали вывеской плохого состояния русской армии. Даже в русской военной литературе это сражение не рассматривалось в общесоюзном значении, а как достойная строжайшей критики ошибка и некомпетентность и войск, и их командиров, и всего управления. Дошло до того, что когда у кого-нибудь являлось желание унизить и оскорбить что-либо русское — Танненберг приводился как пример всех отрицательных черт русской армии.

На самом же деле, бухгалтерия войны показывает, что Танненберг, при всем поражении, принес хорошую пользу всем союзникам и всей последующей войне. Счет простой: русские потеряли три корпуса или около 100.000 и много военного материала, но, пока разыгрывался Танненберг, немцы потеряли тоже два корпуса, которые сидели в поездах по дороге с запада на восток для спасения Пруссии. Они запоздали и отсутствовали и на востоке и на западе в трагические дни Марны. Разве это не было потеря с громадными последствиями для всей кампании? По крайней мере, 40.000 солдат было временно изъято из войны. Если к этому прибавить потери немцев под Марной (обоюдно около 40.000) и потери австро-германских армий за этот период в 350.000, то конечно итог благоприятный для союзников. Итог, помимо цифровых данных отчасти повлиял на выгодный поворот сражения на Марне, которая, как теперь известно, определила выигрыш всей кампании. Танненберг со своими 100.000 русских потерь компенсировался многократно и численно, и стратегически. Но интересно установить, что все это было долгие годы неизвестно для мировой общественности и показывает тот факт, что правильная и беспристрастная оценка крупных событий связанных с большой войной может быть сделана много лет позднее самого события.

**
*

Недоверие и сомнения в России разделялись многими, но как бы то или другое не критиковалось всегда эта критика прямо или косвенно направлялась против верховного военного вождя русской армии, Государя Императора: Он был вождем уже с 1915 года. Принятие им на себя главного командования обсуждалось открыто и втайне всей русской общественностью и интеллигенцией. Естественная неосведомленность и непонимание хода войны в общесоюзном отношении приводили к неправильным выводам. Поэтому русская общественность переживала войну не легко. Большинство русских людей склонны были рассматривать и оценивать войну как русское историческое явление.

Все интересовались, конечно, ходом войны на западном фронте, но ясного отчета об идеях союзной борьбы отдавали себе лишь очень немногие. Общесоюзные усилия не были известны широкой общественности, а русские усилия выглядели как дающие поражения и потери. Никто никогда не смог бы понять ясного факта, что в большой войне отдельные победы или поражения теряют свое значение, если их рассматривать как отдельно стоящие эпизоды. Отсюда следовало, что русские поражения и неудачи были так же важны и неизбежны, как, так называемые, победы и успехи.

На самом деле, если путем переброски сил против русского фронта достигался местный, даже крупный, успех, это означало неизбежное ослабление усилий на западном фронте. Уже одна только мысль, что русских нужно добить до конца, чтобы развязать себе руки на западном фронте была стратегически невероятно важным фактором и выгодным для всех союзных усилий.

Русские неудачи и поражения приносили ценнейшие плоды в виде постоянно удлинявшихся коммуникаций, продовольственных затруднений и постоянной

переброски сил с запада на восток для материальной и моральной поддержки австро-венгерской армии. Все это раздваивало внимание и отвлекало немцев от запада, где всегда ожидалось конечное решение всего конфликта.

Однако, роль России, как громоотвода для запада, была всегда малопопулярна, малодекоративна для русской широкой общественности. Россия жертвовала свой живой материал и эта жертва невольно балансировала то, чего не хватало в смысле техники. Это обстоятельство, несмотря на его реальность, не могло быть даже предметом обсуждения. Русская общественность никогда не признала бы необходимости уравнения военной мощи союзников путем жертвы русского живого материала, русской территории и русского имущества.

Русская общественность переживала неудачи и потери как результат плохого вождения, плохой государственной администрации. В общесоюзные расчеты никто не входил и все время забывали, что западный фронт не допускал территориальных уступок, ибо каждый раз, когда такие случались, положение принимало катастрофический поворот.

Общее положение сводилось к беспросветным заключениям. Несмотря на крупную победу в мае 1916 года при наступлении Брусилова, развитие этого успеха было приостановлено, выступление Румынии свелось к удлинению русского фронта почти на одну треть. Все это носило характер скорей неудачи, которую, повторяю, приписывали неумелому вождению. Одновременно с этим западный фронт уже с февраля 1916 года был занят борьбой под Верденом, которая несмотря на союзный успех не имела ясной победы, операции носили характер обороны и приносили невероятные потери для обоих сторон. Несмотря на успех под Верденом и незначительный выигрыш территории на Сомме общее впечатление слагалось не в пользу союзников.

Самое главное напрашивался вывод, что война не кончается и потери всех видов непрерывно растут, далеко оставляя за собой все предполагаемые нормы. Под влиянием всех подобных затруднений, вполне естественно, союзники обращали серьезное внимание на русский вклад в дело борьбы. Благодаря общим усилиям русской промышленности и помощи оказанной союзниками к концу 1916 года удалось устранить кризис в снабжении русских армий огнестрельными припасами всех назначений и видов. Союзники хотели объединить все усилия и фельдмаршал лорд Китчнер предпринял в середине 1916 года поездку в Россию, но он погиб, не доехав до нее.

С другой стороны у союзников сложилось впечатление, что "антидемократический" и "антиконституционный" режим в России является препятствием для увеличения русского вклада в дело войны. Как и вообще и в этом вопросе вся критика и осуждение направлялись против главы русского военного вождения — русского Императора. Те, кои сочувствовали такому направлению, нашли себе сочувствующих в лице представителей союзного командования, что соответствовало революционным планам многих русских людей.

*

Современный читатель невольно задаст вопрос: в чем же заключалось изменение к 1916-1917 годам лица войны, на которое ссылаются все военные историки и писатели? Неосведомленный читатель может возразить, что искусственное создание подобного умозаключения сделано умышленно, с целью затушевать неудачи и промахи командования. Но достаточно прочитать воспоминания Винстона Черчиля и генерала Людендорфа, чтобы убедиться в правдивости этого изменения лица войны 1916 года. И несмотря на то, что оба писателя писали в разное время и при разных обстоятельствах — их выводы дополняют друг друга.

Когда В. Черчиль говорит о сражении на р. Сомме, длившемся с июля по ноябрь 1916 года, то он ярко подчеркивает наступление к этому времени эволюции военного искусства.

"Анатомическое исследование полей сражений под Верденом и на р. Сомме показывает, что они имели одинаковый результат. Выходило так, что кто-то выбирал поле сражения. Кругом этого поля сражения строились, как стены, артиллерийские позиции, местами они были двойные, тройные и четверные; крупнейшие орудия размещались вдоль этих воображаемых стен. На все это тратились месяцы. Таким образом поле сражения окружалось тысячами орудий всех калибров, к которым подходили сооруженные полевые железные дороги для питания этих орудий снарядами, из коих вырастали целые горы вдоль всего фронта. В середине же оставалось открытым, как арена цирка, пустое овальное пространство. Через это пространство должны были пройти все дивизии каждой армии, избиваемые со всех сторон могущественной артиллерией. Дивизия за дивизией измолачивались, как будто они проходили между зубчатыми колесами мельницы... Днем за днем, месяц за месяцем гремела канонада над полем сражения и месяц за месяцем героические дивизии превращались в жалкие остатки в этой ужасной молотьбе...

"Но по мере того как атакующие приобретали опыт, система глубоких укрытий и блиндажей, как важный элемент обороны, обратилась против самих немцев..."

Как бы продолжая его мысль Людендорф говорит следующее: "Несмотря на наше сопротивление войска Антанты все время пробивали себе дорогу в глубину наших линий обороны. Мы терпели значительные потери в людях и материале.

"Однако, мы еще твердо держали линию обороны. Пехота укрывалась в блиндажах и погребах от неприятельского огня. Враг приходил, защищенный артиллерийской завесой, он врывался в линии наших окопов и укрепленных деревень и это часто случалось прежде чем наши люди успевали вылезти из своих убежищ. Непрекращающаяся убыль пленными была последствием этого. Моральное напряжение наших войсковых частей достигло крайних пределов. В связи

с переутомлением, дивизии могли оставаться в окопах самое короткое время — лишь несколько дней подряд. Частая смена частей явилась необходимостью, причем число боеспособных дивизий все время падало..."

Так говорили два авторитета в конце 1916 года. Обе приведенные цитаты, говорящие о новом лице войны, интересны в сопоставлении с боями того же времени под Луцком и Владимиро-Волынским. Эти бои преследовали ту же цель, как и бои на Сомме — связать немецкие силы на восточном фронте для облегчения операций на западе и трагический результат этих боев подчеркивает, что изменение лица войны имело место и на восточном фронте. Русские гвардейские корпуса неоднократно атаковали укрепившегося противника и все бои показали совершенно ясно, что имеющееся налицо регулярное артиллерийское вооружение пехотных дивизий не отвечало уже требованиям, связанным с форсированием полевых укрепленных линий обороны. Несмотря на прекрасные качества русской гвардейской пехоты, приданная дивизиям штатная полевая артиллерия не могла проложить дорогу своей пехоте. Даже в условиях восточного фронта это оказалось невозможным и невероятные потери пехоты останавливали развитие всякой атаки.

Русская гвардия потеряла за все бои в 1916 году почти 60 процентов своего состава. Потери английской армии на Сомме достигли пропорции: два выбывших из строя немецких солдата на три или четыре английских.

***

Все вышеизложенное создавало фон, на котором должна была быть планирована новая кампания 1917 года. Подробностей никто не знал и не взвешивал. Видели и знали громадные потери и никто не мог указать верного и скорого окончания войны, хотя и считали, что события медленно идут к развязке.

Все авторитеты единогласно подчеркивали восстановление русской военной силы к концу 1916 года. Все потери в личном составе русских армий были пополнены, снарядный кризис был почти устранен, новые формирования и переход на двенадцатибатальонные дивизии обещали крупное усиление русского вклада в общее дело союзников. Планы кампании 1917 года предусматривали общий удар на всех фронтах с наступлением весны. Но крушение Русской Монархии, начавшееся 15 марта 1917 года оказалось крушением всех расчетов и планов, в результате чего 17 июля 1917 года русская армия показала себя совершенно обессиленной — три месяца революции разложили ее военную мощь.

Интересно, однако, отметить неоспоримый факт благоприятного отношения к русскому перевороту не только германского правительства и главного командования, но и союзников. Каждая из сторон расчитывала получить выгоды от этого переворота, не отдавая себе отчета от могущих произойти от этого последствий. Все считали, что все остальное останется без перемен и даст значительные улучшения. Союзники расчитывали, что русская революция коснется главным образом особы русского Императора и прикладывали к русской демократии разные западноевропейские понятия. Немцы же видели в революции путь к сепаратному миру с Россией и освобождению сил для победы на западе.

Однако история показала, что русская революция помощи союзникам не принесла и перекинула заразу разложения на немецкую армию. Наступление в марте 1918 года не привело поворота кампании в пользу немцев, несмотря на переброску своих войск с востока на запад. Один просчет следовал за другим. Все ошиблись и эта ошибка стоила для обоих сторон огромнейших потерь. Миллионы павших в боях последних месяцев войны лучше всего доказывают величину всего общего просчета. Крушение русской монархии пришло как ураган, раздутый общими усилиями самых разнообразных русских людей, столпившихся перед троном и хотевших перемены. Перемены во что бы то ни стало, не отдавая себе отчета о будущем, о войне, о союзниках, о судьбе России.

(Продолжение следует)

Главная гимнастическо-фехтовальная школа в Новом Петергофе в 1913 году

(Из личных воспоминаний)

М. Ф. Георгиц

Прежде чем начать свое повествование я должен, для ознакомления читателей, сказать несколько слов о том, что представляла из себя Главная гимнастическо-фехтовальная школа. Основной задачей этой школы была подготовка в годичный срок около 60-80 опытных офицеров инструкторов по гимнастике, фехтованию и легкой атлетике для окружных гимнастическо-фехтовальных школ.

В эти окружные, т. е. находящиеся при военных округах, школы ежегодно из частей всех родов оружия командировались лучшие строевые офицеры, интересующиеся этим спортом. Окончив окружную гимнастическо-фехтовальную школу, офицеры обыкновенно возвращались в свои части, в которых преподавали гимнастику, легкую атлетику и фехтование. Некоторые же, лучшие, оставались инструкторами при окружных школах, где еще чувствовался недостаток в опытных руководителях, а один-два, или даже три, самые выдающиеся, отправлялись в Главную гимнастическо-фехтовальную школу в Петербург для выс-

шего обучения по своей специальности. Окончив годичный курс, они оставались инструкторами в Главной школе для усиления ее кадров. Так, из моего выпуска остались — я, поручик 9-го гусарского Киевского полка и, прекрасный фехтовальщик и гимнаст, поручик 15-го гусарского Украинского полка Фельдман, вызывавший фурор своим доломаном "цвета бедра испуганной нимфы", как определяли этот померанцевый цвет лихие корнеты кавалерийских школ.

Личный состав Главной школы состоял, во-первых, из офицеров постоянного состава. Это были — начальник школы полковник Мордовин, подполковник Галкин, капитан Сарнавский (адъютант), капитан Фок (впоследствии доблестно павший в борьбе с большевиками в Испании), капитан Самойлов и шт.-кап. Гостев.

Во-вторых, из прикомандированных к школе лучших гимнастов и фехтовальщиков, прошедших годичный курс. Таковых было человек 10-12; на них лежала главная инструкторская работа обучения и они, действительно, по своей специальности представляли элиту русского спорта. Нельзя не упомянуть таких гимнастов, как например, поручик Ватеркамиф, упомянутый выше капитан Фок, штабс-капитан Янковский, корнет Камбулин и др. и превосходных бойцов на эспадронах и рапирах — поручики Шеплев и Фельдман (оба погибли в войне 1914-17 гг.), шт.-кап. Сакирич, тот же кап. Фок, кап. Самойлов, поручик Арсеньев (потерял ногу в войну 1914 года) и другие.

Переменный состав школы насчитывал 60-80 офицеров, командированных на годичный срок из окружных школ, из военно-учебных заведений и вообще из разных частей офицеров особенно выдающихся по спорту.

Надо сказать, что к постоянному составу школы принадлежали также и видные иностранцы-спортсмены, приглашенные из-за границы для общего руководства. Такими были — из Чехии по гимнастике, замечательные "сокола" Эрбен и Вихра; из Италии — по фехтованию — Киаверри, личный друг знаменитого Барбазетти, школа которого на эспадронах была принята всем миром. Лучшие международные бойцы на эспадронах были венгры, у которых они оба давно насаждали и развивали этот рыцарский спорт. Из Франции были — Мишо и еще кто-то (забыл фамилию) — по рапирам и шпагам, а также — Лустало с сыном Марселем. Отец — по рапирам и плаванию и, вместе с сыном — по боксу. Но в военной среде, да и в штатских кругах, спорт этот прививался очень трудно.

Из этих нескольких слов видно, каким высоким персоналом располагала Главная гимнастическо-фехтовальная школа и каких первоклассных и отборных руководителей спорта она могла ежегодно доставлять в окружные школы. Если и можно было найти некоторую слабость в Главной гимнастическо-фехтовальной школе, так это только в неопытности наших прекрасных инструкторов к международным аренам. Но это только потому, что наша школа была еще слишком молода и, будучи перегружена занятиями, не могла найти свободного времени для подготовки в международных состязаниях. Первое и единственное такое выступление наших фехтовальщиков была Олимпиада 1912 года в Стокгольме. Но, несмотря на вышесказанное выше, наши национальные фехтовальщики показали себя не очень плохо: оказавшись сзади Франции, Италии и Венгрии, они все же были впереди Англии, Германии, Бельгии, Швеции и др. В смысле же чистоты работы, высокого класса и дисциплины они обращали на себя общее внимание и их выход всегда сопровождался бурными аплодисментами.

Деятельно и рационально шли систематические занятия по программе, которая могла изменяться и дополняться в зависимости от развития и требования спорта. Широкая цель школы была — поднять спорт через окружные школы в армии, где, кроме указанного, особое внимание обращалось еще на футбол, на любовь и интерес к спорту и привычку к нему. Поэтому, с полным основанием возлагались надежды, что чины армии, по выходе в запас, заразят всю Россию спортивным духом и энергией. Предвиделось, что спортивные солдаты смогут занимать в сельских и приходских школах места преподавателей гимнастики, руководителей состязаний и подвижных игр.

**

Летом 1913 года, как всегда, мы после замкнутых зимних занятий в прекрасно оборудованных помещениях Павловского военного училища и вечерних тренировок в Инженерном Замке, перешли в Новый Петергоф, на волю, на воздух, на лоно природы. Эта перемена для всех была большой радостью. Чувствовалась какая-то живительная свобода, ширь, что-то новое. Белыми ночами, свободные от занятий, мы широко пользовались для удовлетворения нашей молодой неиссякаемой энергии. В парке, ниже дворца, сплошь уставленном классическими скульптурами, с озерцами, водопадами, фонтанами играл до позднего часа ночи симфонический оркестр. Здесь можно было войти в соприкосновение с аборигенами заманчивого Петергофа, которые нам, как героям нарушившим их будничную жизнь, с удовольствием открывали двери, а мы пользовались широко этим.

Утром, свежими, бодрыми, полными энергии и молодой легкости мы приступали к занятиям. Но вот, в одно прекрасное утро, вместо занятий со своими группами, нам было приказано выстроиться. Вышел полковник Мордовин и объявил нам, что сегодня в 11 часов приедет Государь и будет смотреть плавание. Это особенно касалось меня и Лустало, ибо я преподавал не только фехтование, но вместе с Лустало, мы были инструкторами плавания.

**

Затронув свою специальность, не могу не воспользоваться случаем и не похвастать некоторыми первыми, вдохновляющими достижениями ранней мо-

юности. Кончая Одесский кадетский корпус в 1907 году, на состязаниях по фехтованию на рапирах, которое капитан Трубников поставил великолепно, я взял первый приз, мой брат — второй и болгарин Георгиев — третий. Через два года при выпуске из Николаевского кавалерийского училища я взял первый приз на эспадронах, вахмистр сотни Зборовский — второй и вахмистр эскадрона Крейтер — третий.

Что же касается плавания, то я не помню времени, когда не умел свободно держаться на воде; видно, это было ранее моего пятилетнего возраста. Вплоть до знакомства в Главной гимнастическо-фехтовальной школе с Лустало я сам, по собственному побуждению, все время улучшал класс своего плавания, главными принципами поставив себе следующее. Все усилия при плавании должны утилизироваться только для продвижения, но отнюдь не для своего поддержания на воде, ибо вода сама поддерживает достаточно. Тело всегда должно принимать положения наименьшей сопротивляемости воде, наиболее естественные и неутомляющие. Все движения должны быть плавными, но короткими и сильными для продвижения и ленивыми и медленными для подготовительных движений. Я с первых же моих лет не взлюбил наше знаменитое плавание красивыми "саженками", где корпус гордо поддерживался над водой, почти до самых подмышек, а напряженно вытянутая рука нарочито четко хлопала по воде. Я видел всю несуразность и варварскую расточительность сил этого чисто показного плавания. Гордо проплыв 30-40 метров, пловец должен был остановиться, чтобы, опустившись в воду до самого подбородка, перевести дух и отдохнуть...

*

Итак, после небольшого совещания полковника Мордовина со своими помощниками была составлена программа предстоящего смотра Государем нашей школы. Было решено устроить состязания по каждому способоу плавания, признанному мировым спортивным конгрессом. а именно: "ла брасс" (по-лягушечьи), "страджен" ("саженками", но с коренными практическими изменениями, позволяющими плавать без устали) и "овер арм строкс" (на боку, но тоже несколько измененным способом). Решено было также показать игру в ватер-поло, продемонстрировать спасение утопающих, проделать прыжки в воду — обыкновенные и фигурные — и, наконец, мой номер. Я должен был, бросившись в воду, раздеться в ней, после чего, оставшись в купальном костюме, отчетливо продемонстрировать вышеуказанные три рода плаваний, а также и на спине — "ла брасс", и "страджен) (1).

На первой части смотра останавливаться не буду, он прошел гладко, интересно и только. Перейду к описанию своего номера, оказавшегося, по словам других, самым эффектным и захватывающим.

Государь со свитою стоял на краю деревянного мола, вызвышавшегося метра на три над уровнем моря. Справа, шагах в десяти, высилась солидная мачта метров 15-ти, с перекладинами на высоте 8-10 метров.

Я, в форме своего полка — доломан бутылочного цвета блестевший на солнце золотыми шнурами, краповые чакчиры, так гармонирующие с доломаном, гусарские ботики — стоял вытянувшись около мачты, повернув голову в сторону Государя. Я стоял, как изваяние, но чувствовал всеми фибрами своего существа все внимание присутствующих. Начальник школы, находясь около Государя, давал объяснения, а я ждал его знака, чтобы начать свой номер. Заметив слабый, но опрдееленный жест полковника Мордовина, я четко и бегло, как матрос, взобрался по перекладинам на площадку. На несколько секунд застыл без движения в предварительной позе и решительным толчком, приподняв руки по сторонам до уровня плеч, бросился вперед, оттолкнувшись с таким расчетом, чтобы, не меняя положение рук, напоминающих крылья аэроплана, корпус в полете постепенно бы принимал вертикальное положение головою вниз. Перед самою водою, резкими короткими взмахами рук — ладони рядом — я врезался почти бесшумно в воду. Спешно подплыла лодка, готовая принимать от меня снимаемую одежду.

В это время полковник Мордовин пояснял: зная и следуя известным принципам, в воде легче раздеваться, чем даже на берегу, ибо вода помогает, если ею уметь пользоваться. Каждый раз, снимая с себя что-нибудь, надо сделать глубокий вздох, плавно опуститься под воду; 30-40 секунд вполне достаточно, чтобы снять с себя очередную вещь. Таким образом руки и весь корпус совершенно свободны, а вода как бы сама смывает с плеч одеяние, поясняет полковник Мордовин, еще не совсем доверчивым, высоким слушателям. Если не знать этих принципов и не опускаться под воду, то раздевание делается очень трудным и еще более опасным, так как пловец рискует запутаться в белье.

Итак, растегнув костыльки доломана, я плавно опустился в прозрачную воду; распахнувшись и сделав движение вперед, я почувствовал как вода, как бы шутя, сняла с меня доломан, из которого я легко вынул одну, потом другую руку. Выплыв, я бросил в лодку мой бедный, почерневший и отяжелевший от воды доломан. Сапоги снимаются так же легко, но медленнее, ибо необходимо прождать, чтобы вода заполнила свободные пространства в сапоге. Глубоко вздохнув и опустившись под воду, я согнулся и руками посунул голенище вниз, а пальцами другой ноги плавно нажал на задник сапога или шпору; как только пятка вышла из своего места, сапог слез сам, я его поймал, всплыл и бросил в лодку. Таким образом было проделано все раздевание.

Оставшись в трико, я отчетливо, с несколько утрированно продленными выдержками, продемонстрировал вышеуказанные плавания. Полный эффект и красота заключались в парадоксально большой скорости

(1) Должен заметить, что «кроль», так теперь распространенный, тогда только входил в моду, но ввиду своей утомительности не применялся на дистанции более 60-100 метров, а поэтому, им пренебрегали и не показывали.

при почти полном отсутствии движений и физического напряжения.

Смотр в воде окончен. Я "страдженом", издали напоминающим пластические, свободные движения дельфина, поплыл к месту одевания, где все уже были готовы. Спешно надев гимнастическую форму, я беглым шагом пошел на пристань догонять уже выстроившихся пловцов для представления Государю.

⁂

Государь с Великим Князем Николаем Николаевичем, с генералом Воейковым, нашим прямым начальником, и свитою подошел к нам, стоявшим застывшими и с взором направленным в глаза Государя. — "Здравствуйте, господа!" — Здравия желаем, ваше императорское величество!" — вдруг неожиданно раздался ответ, которому могли бы, пожалуй, позавидовать славные Павлоны.

Наш лихой солдатский ответ был неожидан для нас самих: он вырвался бессознательно после напряженного внимания, как только услышали негромкое "Здравствуйте, господа", быть может, обращенное даже не к нам, а к впереди стоявшим трем старшим офицерам постоянного состава школы. Эта лихая неожиданность как-то еще больше подняла общее настроение, а Государь был избавлен от долгого пожатия рук всем офицерам.

Подойдя к полковнику Мордовину, Государь выразил свое полное удовлетворение тем, что видел и глубокую веру, что все то полезное и здоровое, над чем мы так деятельно работаем, дойдет через армию с национальною пользою до самых отдаленных окраин России. Поговорив, как всегда, приветливо с нами, Государь, поймав мой взгляд, направленный прямо в глаза, подошел ко мне.

— "Где вы, поручик Георгиц, научились так плавать, не во Франции ли?" — полушутя сказал Государь, намекая на недавний мировой конгресс по спорту в Париже, откуда капитан Самойлов и я две недели тому назад вернулись и о чем полковник Мордовин доложил Государю, объясняя различные виды плавания. — "Я любовался вами, как балетом: все так хорошо было видно в прозрачной воде, а полковник Мордовин так интересно объяснял. У нас в России еще так не плавают и мы не знакомы с этой системой, такой логичной и разумной. Я считаю, что плаваю хорошо, теперь вижу, что понятия не имею о плавании; после того, что видел и о чем слышал, я чувствую, что смогу плавать лучше и это докажу в первое же мое купанье в море". Я жадно смотрел в необыкновенно доброе, открытое и спокойное лицо Государя, которое видел не в первый раз и каждый раз находил его много интереснее, чем изображаемое на всех портретах, где почему-то волосы много темнее, а лицо менее экспрессивно. Я видел его чуть голубоватые глаза, а в бороде — каждый волосок и ясный раздел посередине. — "Но, — продолжал Государь: "что меня особенно поразило, это то, с какой легкостью вы сняли сапоги в воде", — и Государь, обратившись к свите, продолжал: "помните в сентябре в Поставах после парфорсной охоты пошел дождь и всех промочил, помните? Я тогда хотел снять сапоги, но никак не мог; помните, с каким трудом их сняли солдаты?" И обращаясь снова ко мне: "я их только чуть промочил, а вы, поручик Георгиц, были совершенно в воде".

— Ваше императорское величество, разрешите доложить: влажные сапоги гораздо труднее снять, чем мокрые, а в воде, когда они полны ею и легко скользят, и почти сами слезают.

— Да, все это для меня своего рода откровение, — сказал как-то протяжно Государь, доставая из кармана портсигар; он раскрыл его и предложил окружающим, затем протянул его мне.

— Ваше императорское величество — я некурящий, но разрешите взять две папиросы.

— Почему? — довольно неожиданно и как-то вдруг сказал Государь.

— Одну, ваше императорское величество, я выкурю непременно, а другую сохраню, — сказал я.

Государь улыбнулся, правой рукой опорожнил одну сторону портсигара, приблизился вплотную и сам мне вложил в карманчик на груди спортивного трико с большим черным орлом семь папирос.

— Покорнейше благодарю..., радостно сказал я.

Помню как в это время Великий Князь Николай Николаевич как-то резко повернулся назад, решительным движением сделал шагов десять и уселся на чугунной тумбе для пришвартовывания катеров. Скрестив свои длинные ноги, опустился локтем на колено и, не изменив ни разу позы, застыл в ней до конца смотра. Было ли это недовольство, что Государь слишком долго задерживается у какого-то поручика, — не знаю, но было видно, что Государь это заметил, но не покидал своего доброго расположения духа.

Посмотрев на всех приветливо, он обратился к свите. "А помните, когда шел дождь и я не мог снять сапог, мы решили покурить, но ни у кого не оказалось сухих папирос и ни одной годной спички? С папиросами мы кое-как справились, нашли несколько влажных, поделили, подсушили, как могли, но вот спички сухой не нашли ни одной. Вдруг, помните, подбегает откуда-то сияющий солдатик с сухой спичкой. Кто-то подошел к нему, но побоявшись испортить спичку, решительно принес ее мне. Я взял, но и меня обуяла боязнь испортить ее, чувствовал какую-то ответственность, точно дело было государственной важности, но зажег, закурил и, когда дал огня другим —облегченно вздохнул, точно гора свалилась с плеч... Помните?"

Государь выждал, как бы давая всем возможность вспомнить, потом, обернувшись ко мне, пожал руку, сказав: — "Я очень доволен сегодняшним днем", пожал руку сопровождавшему полковнику Мордовину и медленно следуемый свитою пошел к левому флангу. Здесь он приостановился и еще раз обласкал словом или улыбкой застывших в строю молодых офицеров.

⁂

Государя после смотра в Петергофа я видел еще раз весною 1914 года, когда он в сопровождении ге-

нерала Воейкова посетил Главную гимнастическо-фехтовальную школу. Тогда Государь любезно разговаривал со мною, уже как со старым знакомым и не забыл сообщить, что доволен результатами своего нового плавания, что увлекается его улучшением и что предпочитает плавание "ла брасс".

Уже во время войны, весною 1916 года, при посещении Севастопольской авиационной школы, Государь увидел меня, расспросил и, узнав, что я прошел высшую школу пилотажа на Бельбеке, предложил выйти в отряд при Ставке. При этом генерал Воейков добавил, что отряд этот заканчивает свое формирование, после чего будет сопровождать Государя при всех посещениях фронта, так что работы будет не мало.

Я был необыкновенно рад так счастливо разрешить трудную для меня задачу в выборе отряда и решил оправдать царское доверие, так благосклонно мне оказанное. Мне уже с радостью мерещились картины боя и мое твердое решение таранить противника, если его не удастся сбить или в крайнем случае отогнать. Я с восторгом какого-то вдохновения, игнорирующего всякий страх, предавался этим картинам будущих боев для защиты Государя. В то время я вообще всецело жил авиацией, которой увлекался и любил больше всего.

Я считал, что авиатор на хорошем аппарате должен — что я делал и сам — летать в самые ненастные погоды, кроме ночей и тумана. В этом отношении я был много впереди той примитивной теории полетов, какую нам преподавали в школе. Мои теоретические выводы, часто вразрез шедшие с установленными, получили впоследствии во Франции полное подтверждение.

***

Приехав в Могилев, я представился капитану Павленко, начальнику отряда, очень удивленному моему назначению прямо из школы. Как оказалось, в отряд Ставки можно было поступить только с боевым воздушным опытом; но это палка о двух концах, ибо таким образом в отряд могли попасть летчики уставшие и потерявшие сердце.

В отряде я нашел три тяжелых "Вуазена", не знаю, что искавших среди "чистокровных" истребителей, шесть "Моранов Парасоля", два "Морана Же" и один для испытания — типа "Моран Же", но с лучшим обзором и складывающимися крыльями для более удобной перевозки — московского авиационного завода "Москва-Быстрицкий". Был также и десяток новых и еще не собранных аппаратов "Моран" и "Моска". "Моска-Быстрицкий" был вверен для испытания мне. Все аппараты новые, но по типу уже отставшие от немецких истребителей. В ожидании специальных боевых аппаратов типа "Ньюпор", которые на фронте уже появились, мы тренировались на "Моранах". Я не расставался со своим "Моска", который оказался с прекрасными летными данными, но как и все другие, отставал для роли грозного истребителя.

Неожиданно, в октябре 1916 года я получил официальную командировку во Францию на три месяца, с правом продления еще на три месяца, если я останусь в комиссии для заказа новых истребителей для русского фронта. За первые три месяца я должен был ознакомиться с авиационными действиями на фронте, боевыми тренировками и акробатическими школами. Как сообщил мне генерал Воейков, моя командировка была личным желанием Государя.

В Петрограде я должен был присоединиться к группе полковника Дюсимитпера, состоявшей из 10-12 летчиков, отправлявшихся во Францию тоже для ознакомления с истребительными действиями авиации. В этой группе находился и наш лихой летчик поручик Крутень, уже сбивший не мало немцев. В Париже я должен был оставить полковника Дюсимитпера и явиться в распоряжение капитана Быстрицкого, начальника русской авиационной миссии во Франции.

Описание этого моего пребывания во Франции выходит из рамок настоящего отрывка моих личных воспоминаний; закончу его лишь упоминанием, что данный мне в Петрограде паспорт был исключительно интересен. На чудной бумаге, вроде пергамента, величиною больше аршина, красовался полный титул Государя Императора, после чего следовал приказ мне, дипломатическому курьеру с депешами, Михаилу Федоровичу Георгицу, отправиться в Париж и явиться военному атташе, генералу графу Игнатьеву. Эта импозантная грамота, сложенная вдвое, на второй странице имела перевод на французский язык времен 18-го столетия. На французских чиновников этот высокопарный и торжественный стиль производил необычайное впечатление и ко мне они относились с таким почетом, точно я был приближенный нашего Двора. Сверху грамоты слева была моя фотография, а снизу красовалась широкая подпись Государя — Николай. Все это было скреплено большой сургучной печатью со шнурами. После путешествия вся 3-я и 4-я страницы были сплошь усеяны визами и печатями всех транзитных стран. Долго я хранил этот паспорт как исторический документ.

Во время одной из позднейших поездок из Бессарабии в Бухарест в 1941 году у меня из вагона, не доезжая Яcс, был украден чемодан со всеми моими документами, в том числе и с моей царской "грамотой". Эту утрату я оплакивал, как самое большое несчастье. Никакия потери всего личного имущества, состояния и положения в Румынии не могли сравниться с потерей этого документа. О потере его я сожалею и по сию пору.

Первый день в полку

Д. П. Камбулин

Поезд загрохотал на стрелках, вагон качнуло и корнет Камелин, прикурнувший в уголке дивана, вскочил на ноги.

"Вот и Обшаровка! Что-то меня в полку ожидает?" — подумал юный корнет.

Только что окончив училище и, после отпуска, являясь в полк, он чувствовал себя неуверенно и слегка растерянно.

Еще утром в штабе полка в Самаре его принял любезно, но довольно сдержанно, полковой адъютант штабс-ротмистр Топорков и сказал, что он назначен в шефский эскадрон, стоящий в селе Обшаровка, куда и надлежит ему немедленно отправиться. Казармы в Самаре еще не были готовы и три эскадрона стояли в ста верстах от города в селе Обшаровка на берегу Волги, куда и ехал теперь молодой корнет.

Поезд остановился. Камелин вышел на перрон и, ожидая пока единственный носильщик вытащит чемоданы, озирался вокруг.

— До села версты полторы! Что ж я буду делать? Где достать извозчика? — думал Камелин, глядя в поле, где вдалеке виднелась окраина села. Его грустные размышления были прерваны бравым гусаром, который уже раза два проскочил мимо и, наконец, подойдя к корнету, вытянулся, брякнул шпорами и громко сказал:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

— Здравствуй, — ответил корнет.

— Изволите к нам приехать?

— Да. Вот не знаю как до села добраться.

— Извольте обождать, ваше высокоблагородие, я здесь за почтой, так духом слетаю в эскадрон и приведу фурманку, — и с этими словами гусар отчетливо повернулся кругом, снова брякнул шпорами и исчез. Через минуту Камелин услышал топот конских копыт и увидел несущегося полным ходом в село гусара.

Действительно, Чихачев (так была фамилия "вицака", как звали солдаты вице-унтер-офицеров, окончивших учебную команду, но еще не произведенных в унтер-офицеры) через двадцать минут несся, нахлестывая лошадь, запряженную в какой-то шарабанчик. Лихо подкатив к станции, он соскочил с облучка и, забирая чемоданы, промолвил:

— Извольте садиться, ваше высокоблагородие.

Корнет уселся в шарабанчик, не веря своему счастью, что вопрос, казавшийся ему неразрешимым, решался так просто и через десять минут он въехал на широкую сельскую улицу; проехав еще с полверсты, шарабанчик подкатил к домику, у входа в который стоял дневальный гусар, вытянувшийся при виде офицера.

— Пожалуйте сюда, ваше высокоблагородие, — приглашал корнета, уже соскочивший на землю Чихачев, открывая дверь в эскадронную канцелярию.

Пройдя через сени в комнату, корнет увидел сидевшего за столом вахмистра, старого служаку, с посеребренными сединой волосами и пышными "гусарскими" усами. При виде корнета он, не торопясь, встал и произнес:

— Желаю здравия, ваше высокоблагородие!

— Здра... гм... гм... здравствуйте, — ответил корнет, невольно проникаясь уважением к старому служаке.

— Изволите к нам в эскадрон быть назначены? — полувопросительно, полуутвердительно продолжал вахмистр, уже зная все из приказа.

— Так точ... гм... гм... да, — ответил Камелин, сбиваясь на "так точно".

—Так что их высокоблагородие командир эскадрона в отпуску, а их высокоблагородие корнет фон Прейн на сегодня в Самару отбыли, завтра утром будут обратно.

— Что ж я буду делать? — подумал Камелин.

— Так вам денщичка надобно, ваше высокоблагородие? — снова полувопросительно, полуутвердительно продолжил вахмистр и, не ожидая ответа, крикнул в дверь: — Послать сюда Корнеева!

— Изволили училище вахмистром окончить? — продолжал вахмистр занимать корнета.

— Так..., — чуть снова не сорвалось "так точно" с языка корнета, — да, вахмистром.

— Это мы в приказе прочитали. Это хорошо, — добавил вахмистр и после короткой паузы добавил:

— А вам, ваше высокоблагородие, надо будет в шестой эскадрон пройти. Так что там сегодня супруга их высокоблагородия, командира эскадрона, именинница; так наказали вас туда доставить...

В этот момент в дверях показалась фигура гусара. Вошедший обратился к вахмистру:

— Чего изволите, господин подпрапорщик?

— Будешь денщиком к их высокоблагородию.

— Слушаю, — ответил солдат и, повернувшись к корнету, гаркнул:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

— Так ты забери вещи у Чихачева с фурманки, а ты, дежурный, спроводь их высокоблагородие до командира шестого эскадрона, — закончил вахмистр, давая этим понять, что "аудиенция" окончена и корнету пора итти на именины.

— Как-то меня встретят? Вот расцукают, что не в парадной форме... А даже и переодеться негде, — думал растерянно Камелин, шагая по пыльной улице вслед за дежурным.

Оказалось, что у командира шестого эскадрона было не так страшно. В просторной комнате за накрытым столом сидела сама именинница и человек пять офицеров, встретивших корнета весьма радушно. Хозяйка не позволила ему даже представляться

офицерам, как требовал устав, а посадила рядом с собой, сказав: — Это вы успеете и завтра сделать.

Офицеры отнеслись к новоиспеченному корнету очень благодушно и слегка подтрунивали над ним, но именинница не давала его в обиду. В заключение, когда надо было уже расходиться, офицеры, по примеру командира второго эскадрона, бывшего здесь, сказали, чтобы корнет не беспокоился завтра представляться, а просто заходил бы на рюмку водки.

— А вы знаете, молодой, куда вам идти теперь? спросил командир второго эскадрона.

— Так точно — знаю, господин ротмистр, — ответил корнет, стесняясь беспокоить старшего офицера.

— Смотрите же приходите завтра обедать, — закончил ротмистр, после чего все разошлись по домам.

— Куда же я теперь денусь? — думал Камелин, шагая по пыльной улице и находясь в полном недоумении. — Глупо сделал, что постеснялся спросить дорогу, а теперь в темноте и эскадронную канцелярию не найдешь...

Однако его грустные размышления были прерваны лязгом шпор дневального гусара, который, стоя в тени ворот, вытянулся, чтобы отдать честь корнету.

— Ты какого эскадрона? — обрадовался Камелин.

— Так что — шефского, ваше высокоблагородие.

— Проводи меня до эскадронной канцелярии.

— Слушаю, ваше высокоблагородие, — и гусар зашагал по улице.

В эскадронной канцелярии, при свете маленькой лампочки сидел неутомимый вахмистр и просматривал какие-то счета. При виде офицера он поднялся и спросил:

— Хотели бы на квартирку, ваше высокоблагородие?

— Да вот, не знаю, где ночевать...

— Не извольте беспокоиться, сейчас дежурный вас спроводит, — и вахмистр крикнул в дверь, — дежурный!

— Чего изволите, господин подпрапорщик? — ответил, как будто ожидавший этого, дежурный, появляясь в дверях.

— Спроводь их высокоблагородие на квартиру, — приказал вахмистр и добавил, обращаясь к корнету: — Желаю спокойно опочить, ваше высокоблагородие.

— Куда это меня ведут? — думал Камелин, послушно идя следом за дежурным. Недоумение его однако скоро окончилось, так как дежурный, подойдя к двухэтажному домику, отчаянно заколотил в дверь. За дверью послышался грохот, как будто что-то катилось по деревянной лестнице. Через момент дверь растворилась и появилась улыбающаяся физиономия Корнеева.

— Пожалуйте, ваше высокоблагородие...

Камелин поднялся по лесенке и, войдя в комнату, остановился в недоумении.

На накрытом пестрой цветной скатертью столе шипел самовар, в тарелках лежали какие-то бублики, пряники, стояла сахарница, мед в банке, нарезанный ломтями хлеб и пузатый чайник. В углу под иконами стояла уже постеленная кровать. Кителя и доломан были развешаны на стульях; сапоги и ботинки были аккуратно расставлены в ногах кровати; умывальные принадлежности были не менее аккуратно разложены на табурете.

— Так что, ваше высокоблагородие, три раза сдувал самоварчик, извольте чаю выкушать, — суетился Корнеев, наливая чай и, хотя корнет был полон и чая, и вина, и ужина, он все же, не желая обижать денщика, выпил еще стакан чая.

— Так что внизу бакалейная лавка у нашего хозяина, так у я него все взял, а кроватку у корнета Максимова расстарался. Они спят на большой кровати, на хозяйской, так им походная не нужна; так это на время, а после мы тоже большую достанем, — рассказывал Корнеев.

После чая Камелин стал раздеваться. Денщик принял китель и, видя, что корнет сел на кровать, чтобы снимать сапоги, схватил его за ногу.

— Да, нет, погоди, — смущенно говорил корнет, не привыкший, чтобы с него снимали сапоги и отнимал ногу, — я сам, — сказал он.

— Никак нет, — упорно отвечал Корнеев и хватал корнета за ногу. Произошла короткая борьба около сапога, в которой победителем оказался денщик, стащивший в конце концов сапоги с корнета. Дальнейшее раздевание произошло более быстро и через две минуты Камелин был уже в постели. Корнеев подоткнул одеяло, взял сапоги и верхнее платье и сказал:

— Покойной ночи, ваше высокоблагородие, — и, погасив лампу, вышел из комнаты, осторожно прикрывая за собою дверь.

— Как хорошо! — подумал, засыпая, Камелин. — Если бы все так и дальше было... Какие хорошие люди... — и в сознании его промелькнуло строгое и в тоже время приветливое лицо вахмистра.

На броневике „Верный“

(Из воспоминаний 1918 года)

С. Нилов

В середине февраля 1918 г. в Соколах под Яссами, в числе других частей добровольцами полк. Дроздовского была разоружена 2-я противоаэропланная автомобильная батарея. Это были полученные из Англии грузовики системы Перлис, вооруженные 20 мм. пушкой-пулеметом типа Виккерс. Броня кузова машины была в 4 мм., вместо 7 мм., какую обыкновенно имели бронеавтомобили. В Соколах

взято было всего три машины. Ввиду недостатка 20 мм. снарядов пушку с одной машины (№ 3) пришлось снять. В трех дверях-окнах была возможность поставить пулеметы с обыкновенными щитами. Щиты не доходили до краев окон и получившиеся щели пришлось прикрыть особыми подушками, защищавшими голову и особенно глаза.

Из всех офицеров и солдат этой разоруженной батареи согласился поступить в отряд г. Дроздовского шофер-механик одной из машин, мл.-унт.-оф. Генрих Хораб, которому было жаль покинуть свою машину, которую принимать он ездил в Лондон.

Автор настоящих воспоминаний, полковник Сергей Родионович Нилов, в то время капитан и командир батареи 61-й артил. бригады, с группой офицеров бригады добрался до Ясс и стал ближайшим помощником г. Дроздовского по формированию отряда добровольцев и комендантом вербовочно-приемного пункта в Яссах. Когда отряд выступил на Дон, автомобильная колонна уходила из Ясс последней. Кап. Нилов находился в легковой машине вместе с г. Дроздовским. На границе, в Унгени, румынская рота потребовала сдать ей машины. "Покажите им пропуск", сказал г. Дроздовский. Кап. Нилов перескочил в ближайшую машину (№ 3) и приказал открыть огонь из пулемета над головами румын. Румыны разбежались и дорога была свободна. С этого момента г. Дроздовский приказал кап. Нилову остаться командиром этого броневика. После переправы через Буг у Вознесенска, идя по труднопроходимым дорогам, бронеавтомобильная колонна под командой кап. Ковалевского отстала от отряда на сто верст. У с. Возсиятское 19 марта на гати колонна была обстреляна красными. Грузовик и цистерна были повреждены и из боя вышли только три броневые машины, но из них ночью пришлось бросить две. Остался только броневик кап. Нилова, который через два дня догнал отряд и уже по прекрасным дорогам шел впереди отряда. Единственную бочку с бензином везли на подводе. Броневик вел бои у Каховки, Акимовки, Мелитополя и под Ростовом, а 25 апреля был двинут в помощь донским казакам к Новочеркасску. В освобожденном от красных Новочеркасске г. Дроздовский безименный до сих пор броневик (№ 3) приказал назвать, за верную службу, — "Верным". Весил "Верный" 300 пудов и развивал скорость до 45 верст в час. Магнето-зажигателя в моторе не было и каждый раз, когда мотор останавливался, приходилось выходить и крутить рукоятку. Команда его была (чины при выходе из Ясс) — командир капитан С. Р. Нилов; пулеметчики — пор. Бочковский, шт.-кап. Антипов, подпор. Муромцев, прап. Татагин и унт.-оф. Кобенин; шофер — унт.оф. Г. Хораб и его помощник прап. Гребенщиков. Ниже впервые публикуются личные воспоминания о боевой службе "Верного" его бывшего командира С. Р. Нилова во время 2-го Кубанского похода.

Редакция

Майским вечером за околицей степной станицы Мечетинской у ветряка стоит невысокий генерал с седыми бровями. Позади него расположены строем марковцы, Партизанский полк и кубанские сотни пластунов. Все внимательно смотрят на север, откуда уже издалека видneются и выходят штыки пехоты и флюгера пик кавалерии. Играет музыка и впереди колышется бело-голубое андреевское знамя. Старик с седыми бровями — генерал Алексеев — снимает фуражку и кланяется знамени.

"Я думал", говорит он: "что мы остались одни, но оказывается, что и за тысячу верст отсюда, в далекой Румынии, русские сердца бились любовью к родине..."

***

Короткий, но сильный ливень совершенно испортил дорогу и я с трудом добрался до станицы Мечетинской. В штабе армии я получил приказание выдвинуться на центральную улицу — генерал Алексеев желает посмотреть броневик. Из небольшой казачьей хаты, в сопровождении генералов Деникина и Романовского, вышел верховный руководитель Добровольческой армии. Он приветливо поздоровался со мной, подошел к броневику и постучал пальцем по броне.

— Ну, Антон Иванович, — обратился он к генералу Деникину, — теперь вы можете гордиться, и у вас технические войска завелись. — Какая у вас команда? — обратился ген. Алексеев ко мне.

— Офицерская, ваше высокопревосходительство, только шофер солдат.

— Да, латыш. Я уже слышал о нем от полковника Дроздовского. А вы откуда, капитан?

— Из Смоленска, ваше высокопревосходительство.

— О, мы, значит, земляки. Давно ли вы из дому?

— Полтора года.

— Я тоже оттуда уехал, прежнего там теперь ничего не осталось... Поезжайте с Богом. Надеюсь, что ваш броневик покроет себя славой и вы доведете его до Смоленска, как довели до Дона.

Верховный удалился. Броневик "Верный" запыхтел и, разбрасывая грязь, пополз в Егорлыцкую.

***

10 июня 1918 г. Солнце только начинает всходить, когда 3-я дивизия Добровольческой армии подходит к станице Торговой. Из небольшого хутора на левом берегу Егорлыка поднимается стрельба. Полковник Дроздовский бросает в атаку часть пехоты и наш броневик "Верный". Короткая схватка и красные поспешно отходят на правый берег, на хутор Кузнецов, сжигая за собой мост. По берегу Егорлыка залегают цепи 2-го Офицерского стрелкового полка. До хутора Кузнецова всего двести шагов; там мелькают белые голандки матросов, они в домах поставили пулеметы и не дают стрелкам поднять головы.

Подполковник Протасович вкатил орудие в сарай.

проломал стену и бьет прямой наводкой по пулеметам. Большевики, сосредоточив огонь по орудию, переранили его прислугу. Стрелки лежат и несут потери. Вдоль цепи, во весь рост, в сопровождении полковника Дроздовского идет генерал Деникин. Пули поднимают пыль возле его ног, но он не обращает на них внимания. Обращаясь к стрелкам, он говорит:

— А ну, посмотрим, каковы молодые в бою. Нечего зря лежать, пора брать Торговую.

Капитан Туркул с крутого берега бросается в реку. Как один, спешит за ним вся рота. Не все хорошо справляются с глубиною реки... Короткий пулеметный огонь, стремительная атака и хутор взят. Преследуя красных, стрелки подходят к железной дороге. Далеко вправо видна пыль — там движется какая-то колонна. Полк. Дроздовский мне говорит:

— Поезжайте и узнайте — чьи войска? Должны быть корниловцы. Возможно это вторая бригада..

За бугром я встречаю цепь, которая при виде моего броневика залегает. Я вылезаю на крышу "Верного" и начинаю махать белым платком. Из цепи поднимается несколько человек и подходят ко мне. Корниловцы! В пыли приближается вся колонна.

— А мы уже хотели открыть по броневику огонь, — смеется командир Корниловского полка полковник Кутепов. — Передайте полковнику Дроздовскому, что я разворачиваю свой полк правее его.

Солнце палит невыносимо. Моя команда сняла рубахи и полуголая сидит в тени забора. На брошенном хуторе достали хлеб, молоко, каймак...

На автомобиле подъезжает ген. Деникин. Командую "смирно" и подхожу к нему с рапортом.

— Ишь, как вы разоделись, — говорит он, указывая на мою полуголую команду.

— Ваше превосходительство, молока не хотите?

— Угощаете?

— Так точно.

Генерал Деникин выходит из автомобиля и тут же у забора пьет молоко из одной чашки с шофером.

— Ну, что с корниловцами не удалось подраться? — спрашивает меня главнокомандующий.

— Да я только ездил в разведку...

— Знаю я эти разведки — пострелять хотелось, — смеется генерал Деникин.

***

23 июня 1918 г. Разбитая под Торговой красная армия Веревкина (около 15 тысяч) занимала район Песчанокопская — Белая Глина, преграждая добровольцам дорогу на тихорецкий железнодорожный узел. В районе Сосыка — Каял находилась армия Сорокина (40 тысяч), которая решила перейти в наступление на север и этим отрезать Добровольческую армию от Новочеркасска. Кроме того значительные силы красных (Думенко) группировались в верховьях Манычa, а против Великокняжеской была собрана сильная царицынская група. Всего красных было около 80 тысяч, в то время как Добровольцы насчитывали не более 9 тысяч человек.

Узнав, что Сорокин наступает ген. Деникин решил сам перейти в наступление. В ночь на 19 июня Добровольческая армия выступила на юг тремя колоннами. Правая — 2-я пехотная дивизия ген. Боровского (без Корниловского полка) с бронеавтомобилем "Корниловец", имея задачей занять сел. Богородицкое и наступать на Белую Глину. Средняя — 3-я пехотная дивизия полк. Дроздовского и бронепоезд, с задачей разбить красных в районе Песчанокопское — Развильное и наступать на Белую Глину. Левая колонна ген. Эрдели — 1-я пехотная дивизия полк. Кутепова (без Марковского полка), 1-я конная дивизия и броневик "Верный". Задача — разбить красных в районе Сандата — Ивановка, отбросить на восток и сосредоточиться в Ново-Павловке для содействия в захвате Белой Глины.

Приданный 1-й пехотной дивизии 3-й Кубанский полк лихой атакой захватил сел. Ивановка, взяв пленных и пулеметы. Мы на броневике "Верный" поддержали эту атаку. На следующий день, преследуя большевиков в направлении на сел. Красная Поляна, наш броневик, за которым следовало человек десять казаков на хороших лошадях, выдвинулся далеко вперед. Вдруг мы заметили, как на галопе уходит одно орудие красных и с ним зарядный ящик. Увидав наш броневик, орудие снялось с передка и открыло огонь по "Верному". Мы остановились, развернулись и стали отходить. К нам подскакали казаки и мы снова стали преследовать орудие. Опять орудие снялось с передка и открыло по нас огонь — мы стали отходить. Так повторялось несколько раз. Верст через десять мы увидели, что красные упряжки окончательно выбились из сил. Большевики бросили орудие и зарядный ящик и скрылись в кукурузе.

Войска ген. Эрдели, отбросив групу красных к востоку, 22 июня около 11 часов утра прибыли в Ново-Павловку. Жители ее нас приняли очень хорошо и хозяин квартиры, где остановилась команда броневика, сейчас же затопил баню, предложив нам ею воспользоваться. Вымылись мы на славу и только легли спать, как явился казак и доложил, что ген. Эрдели требует меня к себе.

— Вы очень нуждаетесь в отдыхе? — спросил меня генерал.

— Если необходимо вести броневик, я готов

— Прокатитесь тогда на Ново-Покровскую и если встретите красных, то разгоните их.

Проехав по дороге верст 15, я никого не встретил и уже возвращался обратно, когда увидел на полевой дороге, ведущей в Белую Глину, разъезд черкесов, затеявших перестрелку с конницей красных. Черкесы подскочили к броневику и стали просить помочь им. Хотя это и не вызывалось срочною необходимостью, я все же свернул на Белую Глину и огнем прогнал конницу красных за их пехоту. По "Верному" стала стрелять артиллерия и я отошел назад. Уже стемнело, когда я возвратился в Ново-Павловку.

Здесь ген. Эрдели сказал мне, что я перехожу в подчинение начальнику 1-й пехотной дивизии полковнику Кутепову, который сейчас выступает к Белой Глине, а конница идет на Ново-Покровскую с целью отрезать групу большевиков от Тихорецкой.

На рассвете 23 июня 1-й Кубанский стрелковый полк, одна батарея и мой бронеавтомобиль "Верный"

сосредоточились в лощине в трех верстах южнее Белой Глины. Цепь кубанских стрелков вышла на бугор и залегла в высокой пшенице. Красные сразу зашевелились и из окопов южнее села открыли огонь. Открыла огонь их батарея. К "Верному", стоявшему укрыто в лощине, прискакал офицер — полковник Кутепов просит выдвинуть броневик вперед. На бугре, указывая мне на наши цепи, поднимавшиеся на холм, откуда летели пули, полковник Кутепов мне сказал: "С Богом, поезжайте, но только не увлекайтесь... Дальше полуверсты не удаляйтесь от цепи..."

"Верный" пролетел лощину, обогнул наших стрелков и остановился около большевитстких окопов. Застучали пулеметы. Через минуту все побежало. Позади поднимались наши цепи, стреляя на ходу по отступавшим. Я вылез на крышу броневика и осмотрелся. Красные бежали к Ново-Покровской и преследовать их не было смысла — все равно их перехватит конница ген. Эрдели.

Впереди же, в одной версте, виднелась освещенная восходящим солнцем Белая Глина. Она невольно манила меня к себе, как мне казалось в этот утренний час, своим мирным видом и тишиной.

"Не увлекайтесь и не удаляйтесь", вспомнил я совет полковника Кутепова, но, наклонившись внутрь броневика, я дотронулся до плеча шофера, произнеся: "Вперед!"

Широкая, заросшая травой, улица станицы переходила в площадь; от церкви к земской больнице перебегали отдельные красноармейцы; они удивленно смотрели на броневик и не стреляли, не стрелял и я. За площадью начинались дома городского типа и из их окон там и сям выглядывали испуганные лица.

Броневик остановился. Вокруг тишина... Внезапно на широкой улице, уходящей в сторону, откуда должен был наступать полк. Дроздовский, появился автомобиль. Он мчался с большой скоростью прямо на мой броневик.

— Легковой автомобиль! — крикнул мне поручик Бочковский и стал наводить свой пулемет.

— Подождите... Не открывайте огонь, — остановил я его. — Еще неизвестно, чей автомобиль, с той стороны должны подойти наши...

Но в это время легковая машина поравнялась с нами. В ней сидели четыре человека в кожаных куртках. Стало ясно — большевики.

— Огонь! — закричал я пулеметчикам.

Большевики обернулись и с недоумением смотрели на меня. Еще мгновение и автомобиль исчез бы за поворотом. Заработал пулемет. Пули подняли пыль вокруг автомобиля. Большевики пригнулись... Уйдут, уйдут — стучало в голове... Но автомобиль вдруг потерял управление, налетел на телеграфный столб, сломал его как спичку, врезался в забор, проломал его и влетел в сад...

— Ну, наверное все убиты, — радостно сказал мой шефор Генрих, — открывая настежь свое окно.

Я схватил карабин, спрыгнул с броневика и бросился в сад. Автомобиль с разбитым радиатором стоял, упершись в дерево. На сиденьи лежало свернутое красное знамя. В кустах смородины кто-то тихо стонал. Я раздвинул кусты. На траве лежал человек в кожаной куртке, у него была перебита нога.

— Кто ты?

— О, не убивайте меня, — взмолился раненый. — Я ни при чем! Я только шофер...

— Кого ты вез?

— Товарища Жлобу...

Товарищ Жлоба, ну черт с ним! Я повернулся и вышел из сада. Эта фамилия мне ничего не говорила. О, если бы я знал, кто такой товарищ Жлоба и какую роль он будет играть впоследствии, я перевернул бы весь сад и нашел бы его.

У крыльца дома билась в истерике девушка — она испугалась пулеметной стрельбы. Я пробовал ее успокоить, но она смотрела на меня испуганными глазами и продолжала громко рыдать. От станции железной дороги бежали красноармейцы, неслись тачанки с пулеметами и походные кухни. Все это устремилось на Ново-Покровскую.

"Верный" помчался за ними. На узкой улице броневик врезался в гущу людей и повозок и сразу же застучали его четыре пулемета. Все смешалось. Валились убитые и раненые, а обезумевшие живые бросались во дворы, прыгали через заборы и прятались в садах.

Через несколько минут улица была очищена. Стонали лишь раненые. Валялись брошенные повозки и пулеметы. На одной тачанке продолжал сидеть рослый парень, видимо, ничего не соображавший от испуга.

— Иди сюда! — крикнул я ему, — да тащи свой "кольт".

Парень покорно принес пулемет и робко спросил, что я ему еще прикажу. По временам из-за домов выскакивали красноармейцы, но сейчас же прятались при виде броневика. Мои пулеметчики выпускали короткие очереди и замолкали.

За насыпью железной дрооги лежала цепь, которая открыла по "Верному" редкий огонь. Мы ответили и пошли к станции. Из-за построек выскочили конные и сейчас же скрылись, но я успел заметить синие погоны. Свои!.. Партизаны!..

Я вышел из машины и пошел на станцию. Навстречу мне шли три офицера.

— А мы приняли вас за большевиков, — сказали они, смеясь. — Видим со стороны большевиков броневик катит...

— А флаг?

— Да разве его разберешь... Впрочем, вы тоже по нас пальнули!

"Верный" с трудом перебрался через мостик и выскочил на площадь в юго-западном углу Белой Глины. На площади стояла и пыхтела такая же железная коробка, как "Верный", немного только пониже. Из бойниц выглядывали пулеметы. Красный броневик!

— Зарядить бронебойными! Вперед!

У меня вспыхнула мысль — сблизиться с красным броневиком вплотную и, пользуясь преимуществом в высоте, прыгнуть в него; если же это не

удастся, то просто бросить в красную коробку ручную гранату.

К нашему удивлению команда красного автомобиля не приняла боя. Видя приближение "Верного", большевики выпустили очередь, выскочили из машины, перепрыгнули через плетень и скрылись в кукурузе.

"Черный ворон" — прочли мы гордую надпись под красной звездой. Машина была в исправности, мотор еще работал, в пулеметах были продернуты ленты.

Пулеметчик Кобенин забрал "добычу" — сахар и ботинки, поручик Бочковский — запасные пулеметные части, а шофер Генрих — ключи и цепи, каждый по своей специальности... Зачеркнув мелом "Черный Ворон" — я надписал — "Партизан".

Вдруг из переулка неожиданно вылетел башенный броневтомобиль и полным ходом устремился на нас. Мы бросились к "Верному", но наша тревога была напрасна — это был "Корниловец", работавший со 2-й дивизией. Из машины вышел в замасленной и порванной гимнастерке капитан Гунько. Вольноопределяющий Кобенин торжественно преподнес ему ботинки...

Оставив "Корниловца" на площади, я вернулся к земской больнице, где нашел полк. Кутепова.

— Я вам приказывал не увлекаться, — набросился он на меня, — а вас только и видали! Полтора часа пропадали! Я беспокоился о вас, — добавил он уже мягче и, показывая на валявшиеся трупы красноармейцев, спросил:

— Это работа "Верного"?

— Так точно. Куда прикажете сдать?

— А, и пулемет есть! Отдайте стрелкам. А за лихую работу спасибо всей команде...

Солнце поднималось все выше. На северо-восточной окраине трещали пулеметы и над нашими головами рвались шрапнели. Там наступала наша родная 3-я дивизия и большевики, не знавшие, что Белая Глина уже занята, оказывали упорное сопротивление.

— Поезжайте на северо-восточную окраину и поддержите 2-й Офицерский полк, — приказал мне полк. Кутепов. — Только опять не увлекайтесь особенно...

У мельницы я встретил 3-й эскадрон 2-го Конного полка под командой штабс-ротмистра Цыкалова.

— Как дела? — спросил он меня.

— Прекрасно. Вторая и первая дивизии давно вошли в село...

— Ну, а наши понесли большие потери. Хорошо бы атаковать красных с тыла...

— Так за чем же дело стало? Валяйте за "Верным".

Наш броневик помчался по улице; сзади, наклонивши пики с черно-белыми флюгерами, галопом скакал эскадрон. Но скоро лошади вымотались и отстали; лишь шт.-ротм. Цыкалов да еще два всадника продолжали скакать за нами. Впереди через улицу перебегало много красноармейцев, стараясь скрыться в садах. Не останавливаясь, я обстрелял их из пулемета и полным ходом свернул в улицу направо. Здесь я неожиданно врезался в густую массу большевиков, которые свернувшись в колонну, спокойно отходили к центру села.

Растерявшийся шофер без моей команды остановил машину... Остановились и пораженные видом броневика большевики. Несколько мгновений продолжалось это взаимное изумление, а затем разом заговорили мои четыре пулемета. Услыша стрельбу и расстреливаемые в упор красноармейцы валились на землю, убитые и вместе с ними живые, не стараясь бежать. Затем, перепуганные, они надевали на штыки свои фуражки в знак того, что сдаются. Я приказал им сложить в одно место винтовки и построиться. В это время прискакал шт-ротм. Цыкалов с двумя всадниками и занялся пленными.

На окраине села у мельницы "Верный" снова встретил около батальона большевиков, прижал их к забору и заставил положить оружие и сдаться.

В это же время по улице вдоль ручья понеслись пулеметные тачанки, кухни и разные повозки. Я на "Верном" обогнал их и передними повозками загромоздил дорогу. Обогнув квартал, мы снова устремились к мельнице, где захватили пять пулеметов.

Когда, выйдя из броневика, я смотрел, как большевики бежали и скрывались в огородах, какой-то красноармеец в белой рубашке остановился шагах в ста от меня, поднял винтовку и выстрелил. Я в свою очередь схватил карабин и приложился. Мы стояли друг против друга и выпускали пулю за пулей. Команда броневика с любопытством следила за исходом дуэли, не вмешиваясь в нее. На третьем выстреле я сбил большевика; он взмахнулся руками и остался лежать белым пятном на зеленой траве. Мы связали захваченные пулеметы веревкой и зацепили сзади броневика, но способ этот оказался не из удачных, так как колеса пулеметов вскоре поломались. Пришлось их передать 3-му эскадрону, который уже собрался в полном порядке.

К мельнице подходили последние цепи большевиков. Вдали виднелись цепи 2-го Офицерского полка. Увидя броневик, красные залегли в пшенице. Я вылез на крышу "Верного" и, размахивая карабином, обратился к ним с речью. Эту речь я пересыпал ругательствами и угрозами перебить всех до одного, если они не сдадутся. Трудно было объяснить психологию большевиков — почему никто из них не выстрелил в меня, очевидно их тронула моя речь, так как один за другим они выходили на дорогу и складывали оружие. Лишь один с наглым лицом в красной рубашке не бросил винтовки. Я соскочил с броневика и карабином ударил его по голове...

В это самое время от железнодорожной будки подошел наш бронепоезд и открыл огонь гранатами и по красным, и по "Верному"... Цепь 2-го Офицерского полка, продвинувшись незаметно в высокой пшенице, тоже открыла огонь.

Я выкинул белый флаг и помчался к ним навстречу. Стрельба прекратилась и офицеры подбежали к "Верному".

— А мы по вас бронебойными пустили, — смея-

лись они. — Смотрим, как будто наш "Верный", но почему же он в тылу у большевиков?..

Среди цепей, верхом на белой лошади ехал полковник Дроздовский.

— А, "Верный", — сказал он с грустной улыбкой. — Жаль, что вас не было с нами.

Полковник Дроздовский, нагнувшись с лошади, пожал мне руку.

— Вы знаете, что полковник Жебрак убит? — спросил он меня.

— Жебрак? — невольно воскликнул я. — Не может быть!..

— Да... Печальный бой для нашей дивизии, полковник Жебрак и восемьдесят офицеров убито, до трехсот раненых... А как ваши дела?..

— Сейчас вместе с третьим эскадроном на окраине села захватил много пулеметов и свыше двух тысяч пленных...

В это время к "Верному" подлетел мотоциклист.

— Вас требует к себе главнокомандующий, — сказал он мне.

Возле будки у переезда стоял автомобиль с георгиевским флажком и несколько кубанских казаков со значками главнокомандующего. Генерал Деникин поздоровался с командой броневика и, улыбаясь, сказал мне:

— Как вам не стыдно заставлять вашего главнокомандующего прятаться в канаве?

Видя на моем лице искреннее мое недоумение, он, смеясь, объяснил, что, видя броневик, выскочивший в тылу красных из Белой Глины и направляющийся к железной дороге, все его приняли за большевистский и принуждены были укрыться в канаве.

— Спасибо вам за лихую работу, — поблагодарил мою команду генерал Деникин. — А теперь — еще задача: часть красных прорвалась пранее железной дороги; они отходят к станице Незамаевской. Я послал их преследовать Польский эскадрон и свой конвой — все что было у меня под рукой. Поезжайте и поддержите их...

Медленно пополз по вспаханному полю "Верный". Выбравшись потом на полевую дорогу, он покатил быстрее. Вскоре встретился конвой главнокомандующего, ехавший назад; по его словам — красные были уже далеко. Однако, пройдя еще верст пять я увидел густую цепь большевиков, отходивших на Незамаевскую. Позади их двигалась редкая цепь Польского эскадрона.

Я понесся в атаку, сбил и смешал правый фланг большевиков. Однако, они учли, что броневик может свободно ходить по дорогам и, повернув в поле, они стали уходить по пахоте. "Верный" свернул, было, за ними, но вскоре увяз в черноземе и остановился. Красные открыли жестокий огонь. Польский эскадрон, выскочивший на линию броневика, сразу же потерял двадцать человек, то есть около половины своего состава. В свою очередь я открыл огонь из трех пулеметов и заставил красных вновь спешно отходить. Подобрав несколько тяжело раненых, я погрузил их в машину. Выбравшись, наконец, на дорогу, я повел "Верный" в Белую Глину, провожаемый гранатами красной артиллерии. Польский эскадрон тоже последовал за мною.

На площади у деревянной церкви хоронили командира 2-го Офицерского полка полковника Жебрака и его офицеров. Печально звучали трубы оркестра и им вторили погребальные перезвоны колоколов. Держа винтовку на караул мрачно стояли поредевшие ряды 2-го Офицерского стрелкового полка. Еще сегодня, когда они проходили мимо окопов, то они видели там своих убитых товарищей, изуродованных и исколотых штыками, видели и своего любимого командира, храбрейшего и благороднейшего полковника Жебрака, умученного красными (1).

И в то время, когда печально слышался погребальный перезвон колоколов на другом конце площади, близь паровой мельницы, у каменной стены гремели залпы... Прежде чем вмешался штаб главнокомандующего, полковник Дроздовский, решив отомстить за смерть своих зверски умученных офицеров, успел, охваченный чувством негодования, расстрелять несколько партий взятых в плен красноармейцев... Остальных пленных накормили, свели в роты, назначили им офицеров и влили в Солдатский полк, сформированный из пленных, взятых в Песчанокопской. Позже этот полк был переименован в Самурский.

Этот район, вдоль железной дороги с его большими и богатыми селами, был наиболее распропагандирован и считался одним из очагов коммунизма. Испуганные крестьяне Белой Глины нашили на фуражке белые повязки и говорили: "Мы — белые!"

В своих "Очерках русской смуты" ген. Деникин пишет: "Нужно было время, нужна была большая внутренняя работа и психологический сдвиг, чтобы побороть звериное начало, овладевшее всеми и красными, и белыми, и мирными русскими людьми. В первом походе мы конее не брали пленных; во втором брали тысячами; позже мы станем брать их десятками тысяч. Это явление будет результатом не только изменения масштаба, но и эволюцией духа".

(Продолжение следует)

(1) Полк. Мих. Ант. Жебрак-Русанович (1875-1918) окончил Виленское юнкерское училище и вышел в 6-й пех. Либавский полк; кавалер орд. Св. Георгия в русско-японскую войну; окончил Юридическую академию; в 1-ю Мировую войну — командир 2-го Морского полка. После октябрьского переворота организовал в г. Измаиле офицерский отряд, с которым присоединился в марте 1918 г. к отряду полк. Дроздовского, вышедшему из Дубоссар в Новочеркасск. В ночном бою под Белой Глиной он лично вел в атаку 2-й Офицерский полк на превосходные силы красных и был убит. Дроздовцы в этом бою понесли тяжелые потери. Опознанные утром трупы оказались изуродованными красными. Полк. Жебрак был очевидно тяжело ранен — красные захватили его еще живым, били прикладами, пытали и жгли на огне; у многих убитых были отрезаны уши, языки, носы и пр. части, вывернуты руки и ноги. Примеч. **Ю. Т.**

Генерал Н. Н. Раевский и его сыновья в 1812 году

Ю. Топорков

Одним из ярких и популярных эпизодов Отечественной войны, вызвавшим впоследствии появление гравюр, лубочных картинок, чашек, табакерок и пр., а также стихотворений и рассказов, несомненно является эпизод кровопролитного боя под Салтановкой, когда 11 июля 1812 года известный генерал Николай Николаевич Раевский и оба его сына, Александр и Николай, проявили блестящий боевой подвиг.

Это случилось тогда, когда 2-я армия Багратиона, в которую входил корпус Раевского, совершала свой знаменитый марш-маневр от Несвижа к Смоленску, а 1-я армия Барклая де Толли подходила к Витебску. Сам Раевский вспоминает об этом сражении так:

"Дело шло о спасении главных сил России. а может быть и самой России. Я поехал верхом вперед и увидел всю кавалерию Мюрата и огромную массу пехоты, расположившуюся для ночлега..." Раевский решил, что настал благоприятный момент, чтобы, бросившись через плотину, внезапным ударом атаковать французов в штыки. Он приказал 12-й пехотной дивизии тотчас же двинуться на Салтановку. Сам Раевский и все офицеры его штаба спешились, став впереди Смоленского пехотного полка, находившегося в голове колонны. Отвечая славной надписи на знамени этого полка: "За взятие французских знамен на Альпийских горах", Смоленский полк шел к плотине без выстрела.

"Дайте мне нести знамя", сказал один из сыновей Раевского знаменщику шестнадцатилетнему подпрапорщику.

— Я сам умею умирать! — ответил юноша и в этот же момент неприятельская пуля сразила его. Генерал Раевский, со своими сыновьями, поднял знамя лежавшее подле убитого знаменщика и с возгласом: — Ребята, вот я и оба сына мои при мне! Вперед! — бросился в атаку.

Несколько раз наши войска врывались в Салтановку, опрокидывая все перед собою, но численное превосходство французов заставляло их возвращаться. При одной из атак у младшего десятилетнего сына, Николая, штаны были пробиты пулей. а герой-отец был контужен в грудь и ногу.

Эпизод этот, ставший впоследствии столь популярным во всех слоях русского общества, изображен нашими военными историками, Михайловским-Данилевским и Богдановичем, в их трудах в довольно бесцветных тонах. И этот сдержанный тон оценки подвига, совершенного ген. Н. Н. Раевским и его сыновьями, послужил впоследствии основанием к распространению мнения, что подвиг этот есть ничто иное как красивая легенда. Не проверив этого события документально, по-видимому, считали, что братья Александр и Николай Раевские, дети генерала, были младенцами, которые случайно оказались в бою рядом со своим отцом. Да и сам отец, надо заметить, никогда не говорил об этом подвиге окружающим.

Один из исследователей семейного архива Раевских, генерального штаба полковник А. Т. Борисевич. в 1912 году к столетию боя и Салтановки посвятил этому событию в "Русском Инвалиде" (№ 154, 1912 г.) статью, в которой доказывает, что это была не легенда, и факт.

Документы Орловского пехотного и 5-го Егерского полков свидетельствуют, что братья были на действительной службе: старший с 16 января 1810 года, а младший с 10 июня 1811 года. Ко дню боя под Салтановкой оба брата служили в 5-м Егерском полку, причем шестнадцатилетний Александр прапорщиком, а одиннадцатилетний Николай, портупей-юнкером. За этот бой Багратион наградил их "повышением чина", так как старший "находился всегда впереди стрелков, а во время атаки на штыках стремился впереди колонны, первый бросился в середину неприятеля и последний отступил назад", а младший — "находясь в стрелках, с отличным мужеством действовал на неприятеля, чем подал пример и подчиненным..."

Однако в рапорте князю Багратиону (№ 196 от 20 июля 1812 г.) генерал Раевский ни словом не упоминает о своих сыновьях. Раевский пишет: "...щитая сию минуту решительной, стал (я) с генерал-адъютантом Васильчиковым в первых рядах колонны, составленной из Смоленского пехотного полка, пошел к плотине; сей полк, отвечая всегдашней его славе шел без выстрела с примкнутыми штыками, не смотря на сильный неприятельский огонь, с неимоверной храбростью, но, подходя к плотине, нашел под вышеписанной крутизной сильную колонну неприятельскую. Цепь стрелков егерьских, видя меня идущего вперед, единым же движением бросилась совокупно с моей колонной на неприятельскую, которая вся тотчас была уничтожена. При сей атаке полковой командир (Смоленского полка) полковник Рылеев, отличивший себя необыкновенной храбростью, получил в ногу жестокую рану, а майор Шевелев убит, находившийся при мне штабс-ротмистр Маслов тяжело ранен и упал замертво, как и многие меня окружавшие..."

И если в этом рапорте — документе официальном — генерал Раевский ничего не говорит о своих сыновьях, то в частном письме к сестре своей жены, Е. К. Константиновой, от 22 июля из лагеря под Смоленском Раевский пишет (перевод с французского): "Вы должно быть слыхали, что у меня было жестокое дело с маршалом Даву и Лефевром; у меня было 10 тысяч против 60 тысяч. Мой сын Александр показал себя героем. Николай же даже в самом жарком огне не переставал шутить; у него штаны были прострелены пулей. Оба они получили повышение по службе. Я получил контузию в грудь, что, будто бы, не будет иметь последствий". Письмо это напечатано в 1-м томе (стр. 154) "Архива Раевских", но по-

чему-то Борисевич не упоминает о нем в своей статье в "Русском Инвалиде".

К сожалению у меня нет под рукою "Русского Архива", издания 1889 года, где напечатаны воспоминания Н. Н. Семичева, так как на странице 364-й тома 1-го того же "Архива Раевских" Б. Л. Модзалевский сделал следующее примечание: "Семичев был на службе в Отечественную войну и, находясь в сражении под Дашковкой (Салтановкой), был свидетелем участия в нем десятилетнего Н. Н. Раевского". ("Русский Архив", 1880, кн. 3, стр. 433).

Чем же объяснить, что историки нашли какой-то повод сомневаться в непреложности факта? Ответ надо искать в чрезмерном усердии современников и в личном характере самого Н. Н. Раевского. Он настолько чуждался "славословия", что старался по возможности всеми способами устранить малейшие поводы для разговоров. Достаточно указать, например, на такую черту его характера: он постоянно умалял свои боевые заслуги и скрывал от посторонних полученные раны и контузии. В 1810 году он, не желая "подать худого примера", скрыл сильную контузию в грудь, а в 1812 году, как свидетельствует Д. В. Давыдов, "после сего дела" (под Салтановкой) "я своими глазами видел всю грудь и правую ногу Раевского (ранен в 1807 году под Гейльсбергом) почерневшими от картечных контузий", но он о том не говорил никому.

Позолоченная крышка табакерки с изображением боя на Салтановской плотине. Из собрания графа П. М. Дунина Раевского.

Генерал Н. Н. Раевский

Лубочная картинка. Из собрания графа П. М. Дунина Раевского.

Публикуется впервые.

Принимая все это во внимание, как не покажется странным, что появление лубочных картинок, табакерок, чашек и проч., что посвящения в стихотворной форме, в "анекдотах" и рассказах и т. д. создали такой шум вокруг имени генерала Раевского, что он был чрезвычайно смущен. Чтобы избавиться от праздных расспросов, Н. Н. Раевский должен был разуверять, что это — "небылицы".

В этом отношении характерен разговор, происшедший в 1813 году между Н. Н. Раевским и его адъютантом К. Н. Батюшковым, известным поэтом, записавшим этот разговор в свою "Записную книжку".

"Про меня сказали", говорил Раевский: "что я под Дашковкой (Салтановкой) принес в жертву детей моих".

"Помню", отвечал я: "в Петербурге вас до небес превозносили... Не вы ли, взяв за руку детей ваших и знамя, пошли на мост, повторяя: вперед, ребята, я и дети мои откроем вам путь ко славе?.."

Раевский засмеялся. "Я так никогда не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились, я ободрял их. Со мною были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило, на мне остановилась картечь. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын сбирал в лесу ягоды (он был тогда сущий ребенок, и пуля ему прострелила панталоны): вот и все тут, весь анекдот сочинен в Петербурге. Твой приятель Жуковский воспел в стихах. Граверы, журналисты, нувелисты воспользовались удобным случаем, и я пожалован Римлянином. Вот как пишется история"" ("Русская Старина", 1887, май, стр. 539).

Этот рассказ К. Н. Батюшкова дал повод Д. А.

Ровинскому отметить в своем труде о русских гравюрах, что "сам Раевский отрицал легенду о приписанных ему словах", находящихся на некоторых гравюрах, как напр. на известной гравюре Карделли (1812 г.), где изображена надпись: "Вперед, ребята, за Царя и Отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!" Таким образом, если подобная фраза есть ничто иное как легенда, то в бою под Салтановкой с Раевским-отцом безусловно были и оба его сына, что установлено вышеприведенными свидетельствами.

***

Предоставивший для настоящего очерка публикуемые здесь иллюстрации, прямой потомок ген.-лейт. Н. Н. Раевского, граф П. М. Дунин Раевский находился в 1916-17 гг. в Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве при Походном Атамане Вел. Князе Борисе Владимировиче. "Однажды", передал мне гр. П. М. Дунин Раевский: "ко мне обратился могилевский губернатор г. Пильц с просьбой, не могу ли я что-нибудь сделать для часовни, построенной Земством у Салтановской плотины в память боя 11 июля 1812 года. Я предложил заказать две мраморные доски с перечислением участвовавших в этом бою русских полков и с указанием понесенных ими потерь. Полковник генерального штаба А. Т. Борисевич любезно составил эти надписи и они были выгравированы на мраморных досках в Петрограде, после чего они были присланы мне в Могилев и я их доставил в часовню. Было предположено, что в июле 1917 года Государь будет присутствовать на освящении часовни. Однако революция разрушила все эти планы и о дальнейшей судьбе часовни и мраморных мемориальных досок мне ничего не известно".

В Морском корпусе

(1893 - 1899 гг.)

Капитан 1-го ранга *Ф. В. Северин*

(Продолжение)

Родители мои жили на Фонтанке между Аничковым и Чернышевым мостами в доме № 41 (потом — № 45). Из этой квартиры я поступил в корпус, окончил его, ушел и вернулся из трехлетнего дальнего плавания, ушел на Восток во время русско-японской кампании и вернулся в нее же. В общем, больший период жизни моей протек в этой квартире и с нею связано много дорогих мне воспоминаний.

Каждую субботу, уходя в отпуск, брал я с собою какие-то учебники с наилучшими намерениями немного заняться науками, но всегда обстоятельства складывались так, что мои книги, положенные в прихожей на стол, оставались лежать не открытыми до моего обратного ухода в корпус. Очень часто устраивали мы дома вечеринки. Товарищи моего брата по Императорскому Александровскому лицею, подруги моей сестры по гимназии и мои товарищи по корпусу составляли наше общество. Играли в шарады, занимались музыкой и пением, но чаще всего танцевали. Мебель из зала убиралась и расовывалась по другим комнатам, а за рояль садился муж двоюродной сестры моей матери, неутомимый А. О. Суше де ля Буаснер, прекрасно игравший наизусть все танцы. Часто его сменял и мой товарищ по корпусу П. В. фон Гельмерсен, тоже хорошо игравший на рояле. Из военной молодежи бывали на этих вечеринках В. А. Авринский, юнкер Михайловского артиллерийского училища, и три брата Нарбут — старший уже служил подпоручиком в Гельсингфорсе (впоследствии — командир 5-го Особого полка, посланного во Францию), а двое — юнкера Константиновского артиллерийского училища. Вся эта молодежь была в формах, что было красиво, а веселилась и танцевала она от души.

Единственным "штатским" среди этой молодежи был мой двоюродный брат П. К. Шнобель, с которым я очень дружил. Окончив реальное училище, он сразу же начал где-то служить, получая хорошее жалованье. Скопив немного денег, он купил в Або небольшую, но солидно построенную яхточку и записал ее в петербургский речной яхт-клуб на Елагином острове. Однажды, уже поздней осенью, эту яхточку, находившуюся в Стрельне, во что бы то ни стало надо было отвести в Питер в яхт-клуб. Хотя я в эту пору был еще кадетом, но в морском деле считал уже себя опытным моряком. Вместе с Павлом Гельмерсеном, моим товарищем по корпусу, и его старшим братом отправились в Стрельну. Но когда мы дошли до стрельненской дамбы, где была пришвартована яхточка, было уже поздно и совершенно темно. Это нас не остановило, мы зажгли гакабортные огни и вышли в море. Поначалу все шло благополучно, но когда мы стали приближаться к устьям Невки, то из-за темноты и незнанья местности сели на мель. Пришлось ждать утра. К рассвету на воде стало довольно холодно, но по счастью на яхточке оказалась бутылка рома, которым мы согревались, как могли. В первых часах утра мы увидели несколько охотников за дичью на плоскодонных лодках. Мы окрикнули и они нас сейчас же сняли с отмели. Судя по тому, как они умело и быстро это сделали, можно было заключить, что им часто приходилось выручать в этих местах неудачливых яхт-клубовцев. Они наклонили нашу яхту, взяв на гротфал к себе: киль приподнялся из грунта и через мгновение мы были на чистой воде.

Часто зимой по воскресеньям мы ездили в этот яхт-клуб, где мы, кадеты Морского корпуса, считались гостями. Здесь мы катались с гор и на буерах по

льду. Буер — это деревянная треугольная платформа, стоящая на трех простых коньках. Руль — в вершине одного угла, а мачта с парусом на середине противоположной стороны треугольника. Быстрота хода буера — чрезвычайна: во всех движениях и управлении своем он совершенно схож с парусным судном, так как ходит всеми курсами и поворачивает почти мгновенно. Останавливать буер тоже легко — встать против ветра и он останавливается как вкопанный. На ходу же надо основательно держаться за плотформу, а то можно вылететь на лед... Катанье на них доставляло нам большое удовольствие. Здесь же в яхт-клубе после этого зимнего спорта аппетит у нас, кадет, развивался волчий и мы часто там завтракали. Буфет был хороший и недорогой. Особенно хорош был шнельклопс, который мы сопровождали рюмочкой водки, чтобы согреться. После завтрака по воскресеньям там танцевали — собирались члены клуба со своими семьями — по большей части из немецкого купечества. Но мы танцевали редко, так как спешили скорей в город, где нас ждали различные общественные обязанности — визиты и проч.

***

После экзаменов, которые заканчивались обыкновенно 30 апреля мы пользовались отпуском до вечера 11 мая. В этот день мы съезжались и собирались в своих ротах. Для предстоящего летнего плавания каждый привозил с собой шкатулку для своих личных мелочей. Шинели и палаши оставлялись в корпусе, а мы брали только бушлаты — укороченные пальто, очень удобные для службы на море.

Утром, около 7 часов, нас будили и после чая приготовляли свои вещи, чтобы сдать их ротному каптенармусу, на обязанности которого лежала забота переправить все казенное и частное кадетское имущество в Кронштадт. Работы у этого каптенармуса было не мало и делал он это образцово — за все шесть лет моего пребывания в корпусе я не помню случая, чтобы что-нибудь из кадетского имущества пропало.

Около девяти часов совершался напутственный молебен в присутствии начальства и родственников, затем брали мы на руки бушлаты и кое-какую мелочь и, попращавшись с родными, выстраивались поротно в Столовом зале. Здесь директор нам говорил слово с назиданием хорошо себя вести, ибо флот будет на нас смотреть, как на своих младших братьев. Затем под звуки нашего оркестра мы выходили на Набережную Невы.

Здесь мы более или менее выстраивались, чтобы не было вида толпы и, по-прежнему с музыкой во главе, шли по Николаевскому мосту на другую сторону Невы. Некоторые из родственников шли тут же среди кадет; другие же сопровождали их несколько в стороне, идя по панели. Перейдя мост, приходили на Адмиралтейскую набережную, где у Царской пристани были ошвартованы пароходы, которые должны были нас доставить в Кронштадт. Каждая рота имела для себя свой пароход. По мере того как все кадеты оказывались на пароходе, он отходил от берега — музыка играла и мы платками махали оставшимся на набережной родственникам. Едва они скрывались из виду, как по приказанию начальства открывалось несколько больших карзин наполненных бутербродами, с колбасой, мясом, сыром и мы все это с большим аппетитом уничтожали во время нашего перехода в Кронштадт.

Придя в Кронштадт, пароходы подходили к борту наших учебных судов. Помню, что за время моего пребывания в корпусе я плавал на следующих учебных судах. В 1-й роте — на блокшиве "Баян", под командой кап. 2 р. Храбростина; в 3-й роте — на крейсере "Пожарский" (кап. 1 р. Баранов); в 1-й роте — на крейсере "Рында" (кап. 2 р. Бухвостов); в специальных классах — на крейсере "Азия" (кап. 2 р. Озеров), на барже (Блохин); "Верный" (кап. 2 р. Вирен) и "Вестник" (кап. 2 р. Андреев).

При переходе на учебное судно нас принимало его начальство и с этого момента вступали в силу иные порядки и законы. Едва успеем стать на палубу — нам дают обед. Артельщик, один из наших товарищей, уже дня за два находился в Кронштадте, чтобы все организовать.

По окончании обеда раздается дудка с вахты: "Кадеты, по-вахтенно во фронт"! Мы уже заранее сами разделили состав роты на четыре части для того, чтобы со своими более близкими друзьями вместе стоять вахту, да и на берег сходить вместе. Первая вахта становится на правый борт, а вторая на левый. Первая вахта имеет 1-е и 3-е отделения, а вторая — 2-е и 4-е. Я за все время пребывания в корпусе всегда был во 2-м отделении.

Затем на палубу выходит командир, здоровается с нами и, в зависимости от индивидуальной способности, произносит слово, в котором выражает надежду, что мы себя покажем достойными, как по поведению, так и по знанию морского дела, через несколько лет быть в числе офицеров нашего флота. После чего нам выдавались номера, койки и проч. и мы, таким образом, постепенно вводились в судовую жизнь.

Как только это первое главнейшее распределение заканчивалось, с вахты раздается дудка — такое-то отделение кадет на вахту. Это отделение было то же, что и вахтенное отделение команды. Но ночные вахты кадеты стояли только начиная со специального класса, равно как и несли караул у кормового флага.

На каждом корабле с кадетами был от корпуса офицер, роль которого состояла в том, чтобы быть соединительным звеном между судовым начальством и кадетами; был он в роде ротного командира для нас; выдавал он деньги на наше продовольствие и заведовал нашей программой практических занятий. Занятия эти — шлюпочное, пожарное, водяное и проч. объявлялись нам накануне.

Вахтенная служба, конечно, особых трудностей для нас не представляла. По очереди нас наряжали нести некоторые легкие судовые обязанности, например, быть у фитиля, где курят, и следить, чтобы огонь не разносили по кораблю, наблюдать за чистотой на шкафуте, на юте, фалрепные — на шканцах, сигнальщики — на мостике, но излюбленным занятием было быть назначенным на руль шлюпок или парово-

го катера, так как это давало возможность пробраться на берег.

Первые годы, конечно, кадеты представляли собою элемент, мешающий течению повседневной судовой жизни. К работам тяжелым и грязным кадеты никогда не привлекались, поэтому, когда эти работы исполняла команда, а другого занятия у нас не было, то бывали моменты, когда не знаешь, куда себя девать. Подойдешь к одному борту — кричат: "Кадеты, от борта прочь!" Пойдешь на полуют — "прочь с полуюта!".

На корабле побудка бывала в 6 часов утра и через пять минут команда: "Койки наверх!" Каждый кадет обязан был вынести уже связанной свою койку. С вязаньем коек всегда бывали затруднения. Надо иметь особый навык хорошо их вязать, а так как для этого дается пять минут, да еще подгоняет корпусный офицер, то, чтобы быть готовым вынести ее самому вовремя наверх, мы вязанье коек поручали служителям и они, как бывшие матросы, делали это мастерски. Это они могли делать для нас. Если койка связана неумелыми руками, то шнуровка получается винтом и укладчик коек ее не примет в стойку, где она при открытом чехле будет выделяться и ее так или иначе надо перевязать.

Едва вынесешь свою койку, как дудка с вахты: "Кадеты, наверх через салинг!" Надо было подняться до самого верха по вантам с одной стороны и спуститься по другой. Первое время ползали, как медвежата, а потом научились и "бегали" по вантам быстро, как старые матросы. В 7 с полов. часов — чай, после чего объявлялась форма одежды на предстоящий день.

Во всех флотах мира подъем флага — в 8 часов по местному времени. Но за 15 минут до этой церемонии вахтенный начальник говорит барабанщику и горнисту: "Бей повестку!". В это время с лихорадочной поспешностью заканчивается уборка палубы, так как в 8 часов корабль должен быть прибран. В дни, когда утром команда моет белье и идет мойка коек, особенно спешно кипит эта работа и вахтенный начальник зорко следит, чтобы все было кончено к сроку. По этому поводу у нас рассказывали такой случай. На крайсере "Адмирал Корнилов" в Средиземном море вахтенный начальник, лейтенант Никифораки, не особенно торопил команду и к подъему флага много белья не было вымыто. Чтобы выйти из положения, он приказал: "Мочи и вешай!", т. е. пусть белье остается не мытым и сушится в таком виде на леере. Смеясь, этот случай всегда приводили в пример, когда хотели сделать что-нибудь спешное, не усложняя его мелочами...

Без пяти минут 8 утра дается команда: "Горнисты и барабанщики наверх! Караул наверх!" Дается затем звонок в кают-компанию, чтобы офицеры тоже вышли наверх. А нам подавалась команда: "Кадеты, по-вахтенно во фронт!" Команда обыкновенно "во фронт" не вызывалась для церемонии подъема флага, а давалось распоряжение — "стоять по бортам". Показывается командир, командуется "смирно" и командир принимает рапорты: старшего офицера по строевой части, старшего инженер-механика — по машинной и судового врача — о больных. После этого он здоровается с кадетами. Когда часы показывают без одной минуты 8 часов утра, люди посылаются "на флаг, на гюйс", а ровно в 8 — "флаг и гюйс поднять!" — при этом караул берет "на караул" и все снимают фуражки. Сейчас же после этой церемонии бьют 8 склянок, меняются вахтенные начальники и начинается жизнь на корабле.

Почти каждый день после подъема флага совершался обход под веслами судов отряда. Поднятые на шлюпбалках шлюпки надо было спустить на воду, а в находящиеся уже на воде приходилось садиться по выстрелу. Выстрел — это дерево перпендикулярное борту. Хотя на нем и был леер, за который надо держаться, но он был протянут с расчетом на матросский рост, а для нас мальчишек-кадет, в особенности младших рот, он был очень неудобен и мы, зеленая молодежь, в этом случае не мало бедствовали. Бывали случаи, что кадеты падали в воду, упавшего сразу же вытягивали из воды и ему приходилось только переменить мокрую одежду на сухую.

Первое мое кадетское плавание было на блокшиве "Баян". Это был выражированный клипер и служил лишь для жилья кадет. Да и программа нашего первого плавания не требовала походов. По приходе в Кронштадт нас, то есть "Баян", отвели на буксире в бухту Лангенкоски у Котки и там мы простояли все лето на якоре. Главное наше занятие состояло в шлюпочных учениях — под веслами и парусами. Поначалу начальство выбирало подходящую для этого погоду, а потом мы ходили под парусами и в очень свежую погоду с рифами. В следующие годы, уже на других судах, ходили мы по портам — Биоркэ, Ревель, Котка, Гельсингфорс, Гангэ, Либава. В русских портах устраивали мы танцевальные вечера. Помню, в Балтийском порте такой вечер устроили в сарае, где готовились для консервов кильки. Разукрасили флагами и зеленью и, хотя и пахло сильно кильками, веселились мы отлично.

В начале мая, когда кадетский отряд начинает кампанию, другие учебные отряды тоже готовятся к плаванию — учебно-артиллерийский, минный отряды и еще была такая — практическая эскадра. Все суда, входящие в состав этих отрядов, стояли разбросанно по всему кронштадтскому порту, а не все суда одного отряда в одном месте. Это зависело от ряда причин — длины, осадки корабля и ремонтных работ; в последнем случае они находились вблизи заводов. Поэтому в кронштадтском порту очень оживленно во время сбора судов в учебное плавание. Командиры судов и портовое начальство все время циркулируют на катерах или вельботах. В это время надо быть начеку, так как приходилось даже проезжавшему мимо генералитету вызывать команду "во фронт".

Адмирал Бирилев, будучи главным командиром порта, имел привычку каждый день под вечер объезжать порт на своем большом и красивом паровом катере "Птичка". В это лето был приспособлен какой-то старый кузов какого-то корабля для помещения на нем кадет и его назвали блокшив "Невка". Блок-

шив этот стоял где-то в порту на бочках среди других судов. Видя приближающийся катер с главным командиром, на "Невке" засуетились и кадеты стали по-вахтенно по фронт. Командира блокшива не было "дома" (выражение обыкновенно употребляемое) и его заменял молодой мичман. Бирилев поднялся на палубу, мичман ему отрапортовал и адмирал, поздоровавшись с кадетами, стал задавать мичману ряд вопросов, относящихся к подготовке "Невки" к плаванию. Бедный мичман не был совершенно в курсе дела и ни на один из вопросов не мог ответить. Тогда Бирилев спросил его:

— А морское довольствие получили

— Так точно, ваше превосходительство.

Адмирал нахмурил брови и отбыл. В тот же вечер по порту вышел приказ, в котором в очень комичных выражениях Бирилев описал свое посещение блокшива и закончил приказ словами: "Желаю счастливого плавания блокшиву "Невка"!

Позже, уже будучи офицером, я был большим поклонником Бирилева; это был энергичный и дельный адмирал. В свое время он стал первым морским министром, а до того были управляющие морским министерством и над ними Генерал-Адмирал. При всех своих высоких качества Бирилев был в то же время и большой оригинал.

Помню был он старшим на рейде в Ревеле. Неожиданно он появлялся то на одном, то на другом корабле, при этом — в старой тужурке, в рваных грязных брюках, со свечкой в руке и белых перчатках. Бирилев делал самый тщательный осмотр корабля и спускался со свечкой в самые дальние трюмы. Если он найдет какие-нибудь непорядки, всех ставит во фронт и разносит самым беспощадным образом, начиная с командира корабля. А для того, чтобы всем судам было известно об этом, он у себя на флагманском корабле велит поднять позывные корабля и пушечный выстрел. Это означает: "Адмирал выражает свое неудовольствие". Таким образом сигнал видят все суда, что пострадавшему командиру не особенно приятно.

Но вернусь к описанию того, как текла судовая жизнь на судах учебного отряда, где находились мы, кадеты. Без 15 минут 11 раздается команда: "Вино достать, пробу". Разводящий идет с баталером (заведующий приемом и отпуском провизии) за вином в винный погреб, а боцман представляет пробу — повар в безукоризненно белом переднике держит поднос с пробой и хлебом. После командира пробует старший офицер, при этом они обмениваются несколькими словами по поводу пищи, а под конец пробует вахтенный начальник, но чаще всего он велит поставить пробу в заднюю рубку и доедает ее, когда начальство уходит обедать.

К этому церемониалу на кадетском отряде присоединяется и кадетская проба, которая представляется командиру корпусным офицером и артельщиком, избранным из числа кадет. Нам полагалось в плавании на кадета — 70 копеек в сутки и по окончании кампании нам выдавалась "экономия" на руки, которая доходила до 20-30 рублей на человека.

В 11 часов вахтенный начальник приказывает: "Свистать к вину и обедать! Вино наверх!" Вино выносится на шканцы, собираются все унтер-офицеры во главе с боцманом у ендовы (посуда, в которой находится вино) и начинают они свистать "к вину". Боцман пьет чарку первый, а за ним по старшинству унтер-офицеры и, наконец, команда, при этом все они снимают фуражки. Баталер отмечает в книге, кто пил, так как за непитое вино выдавались деньги. Кадетам, конечно, вина не полагалось, но должен сказать, что и потихоньку у нас кадеты не пили.

Без одной минуты 12 вахтенный начальник командует: "На рындобулень стоять!" Рында — это колокол, а булень — маленькая веревочка особого плетения, прикрепленная к языку колокола (кстати сказать — булень считается самой короткой снастью во флоте). И ровно в 12 часов — "восемь бить!" — это восемь склянок, а затем: "Свистать на вахту!". Происходит смена вахт.

В 1 час с половиной — дудка: "Команду будить, чай пить!" — а в 2 часа — "Отдых долой!" и начинаются занятия по усмотрению либо командира, либо по указанию адмирала, командующего отрядом.

Когда суда приходили в Котку, то обыкновенно они стояли, как я упоминал выше, в заливе Лангенкоски — это в двух милях от города. Огромная бухта эта со всех сторон была защищена лесистыми, очень красивыми берегами. При входе в нее, как раз по середине прохода — гранитный, почти голый, остров, каких много в финских шхерах. Этот остров назывался "остров наблюдений", куда кадеты младшего специального класса ежедневно в течение половины кампании съезжают для астрономических наблюдений. Там находилась большая палатка со столами и скамейками, где делались вычисления. Секстаны, хронометры, искусственные горизонты, "альманахи", таблицы мореходные и логарифмов оставались там под охраной наших дневальных, которые занимались стиркой белья для кадет.

По программе занятий, преследовалась цель — как можно больше делать практических наблюдений и задач по определению широты и долготы. Но так как мы находились всегда в том же месте, то во всех случаях результат был один и тот же. Это было довольно скучное занятие, но корпусный офицер требовал, чтобы мы делали не менее пяти задач в день. В промежутках между задачами купались. В наше время еще не знали купальных костюмов и бросались в воду — в чем мать родила...

На кадетском отряде в хорошую погоду производился спуск брам-рей и брам-стенег. Кадеты обслуживали обыкновенно бизань-мачту (задняя мачта на корабле). Знание этого маневра может пригодиться в море, когда приближается шквал, но уже в мое время рангоутные суда почти вымерли, поэтому упражнение в этом маневре служило больше для развития ловкости и находчивости, столь необходимых каждому моряку, чем имело практическое значение. Приноравливался этот маневр к моменту спуска (или подъема) флага. Это очень красивый маневр и старому моряку сразу видно насколько опытна окманда.

(Продолжение следует)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

N° 28

НОЯБРЬ **1966** года

СОДЕРЖАНИЕ

●

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию А. А. Ракович — 10, Seebachergasse, Graz.

АНГЛИЯ. — Е. А. Барачевская — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

— Член Об-ва и его представитель на Нью-Йорк — Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57, (N.Y.).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова:
G. Toporkoff, « Le Jardin », Landévennec, 29S - Argol.

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеются еще нижеследующие издания Об-ва:

1. — **"Записка о службе А. В. Суворова"** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.

2. — Номера **"В. И. Вестника"**, начиная с № 8. Цена — 3,00 фр. или 0,90 дол. или 3,00 франка.

3. — Сборник **«Русская Военная Старина»** — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена 4,00 фр. или 1 долл. или 4,50 франка.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на бронзовые медали: 1) Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2) С.-Петербурга (1703-1953), 3) Обороны Севастополя (1855-1955), 4) Полтавской победы (1709-1959), 5) Отечественной войны (1812-1962) и 6) Пятидесятилетия начала первой мировой войны (1914-1964).

Цена медали Гвардии или Петербурга 18 фр. или 4,5 америк. долл. или 19 фр.; Севастопольской — 12 фр., 3 долл. и 13 фр.; Полтавской — 10 фр., 2,5 долл. и 11 фр.; медали 1812 года — 14 фр., 3,5 долл. и 15 фр.; медали 1914 года — 16 фр., 4 долл. и 17 франков.

В настоящее время, за исключением Полтавской медали, которая высылается немедленно по получению заказа, заказы на остальные медали выполняются в зависимости от имеющегося запаса и, таким образом, между получением заказа и отправкой заказанного может пройти от нескольких дней до, в худшем случае, двух месяцев.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Суммы, поступившие в счет Издательского Фонда, с 1 июля 1964 года по 1 июля 1965 года в франках:

Отец Ф. Бокач — 4.00, В. Г. Науменко — 5.00, Б. Ф. Козлянинов — 2.50, гр. М. В. Дмитриев-Мамонов — 5.00, В. Г. Науменко — 24.50, М. С. Фортер — 27.50, М. А. Джаншиев — 90.00, А. В. Щитков — 5.00, Б. Ф. Козлянинов — 5.00, М. А. Джаншиев — 100.00, И. А. Ллойд — 10.00, Е. С. Фишер — 40.00, П. В. Ден — 10.00, М. В. Штенгер — 40.00, кн. Н. Н. Оболенский — 10.00, Т. П. Ренненкампф — 10.00, А. В. Щитков — 6.00, И. В. Борисов — 3.00, А. В. Борисов — 3.00, Л. С. Пеньков — 3.50, Т. П. Ренненкампф — 20.00, А. Н. Васильев — 36,24, М. М. и М. А. Джаншиевы — 100.00, Н. И. Катенев — 20.00, Л. Ф. Ира — 2.00, И. В. Изергин — 11.00 и Б. Ф. Козлянинов — 5.00.

Правление приносит искреннюю благодарность всем вышеуказанным лицам, а также всем членам и друзьям Общества, которые сочли возможным внести членский взнос или плату за «В.-И. Вестник» в увеличенном, в сравнении с установленным, размере.

ОШИБКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ В № 27-м «ВОЕН.-ИСТ. ВЕСТНИКА»

На странице 28-й (левая колонна, 4-я строчка сверху) напечатано: «1889 года», следует читать — «1880 года».

На той же 28-й странице: ссылка Б. Л. Модзалевского на странице 364-й 1-го тома «Архива Раевских» на «Русский Архив» 1880 года, книгу 3-ю, стр. 433, несомненно содержит какую-то ошибку, так как в указанной им книге «Русского Архива» воспоминаний Н. Н. Семичева нет. — Ю. Т.

Библиография

С. АНДОЛЕНКО.
«НАГРУДНЫЕ ЗНАКИ РУССКОЙ АРМИИ».
Из-во Танаис, Париж 1966.

"Предлагаемый труд" — говорится в предисловии — "является попыткой создать справочник по нагрудным и полковым знакам старой Русской Армии". Это — первая попытка по созданию такого справочника. Несмотря на многочисленные трудности, она вполне удалась автору, обладающему замечательной компетенцией по этому вопросу и исключительным по своему богатству собранием таких знаков.

В справочнике представлены знаки офицерского образца Военно-Учебных заведений, Императорской Гвардии, пехотных и кавалерийских полков, казачьих и инженерных войск и артиллерии. Как правило, на каждой странице помещены рисунки трех знаков, даны их названия, даты Высочайшего утверждения их и их описание.

Автор справедливо указывает в предисловии, что, "когда рассматриваешь все эти знаки, перед глазами встает вся военная история России императорского периода". Таким образом, эта книга является не только единственным и совершенно необходимым пособием для коллекционеров таких знаков, но ей по праву должно найтись место в библиотеке каждого любителя русского военного прошлого.

А. Щ.

Назначение в штаб Северо-Западного фронта

(Из личных воспоминаний о войне 1914-1917 гг.)

Великий Князь Андрей Владимирович

Дневник Великого Князя Андрея Владимировича был, без ведома автора, опубликован большевиками в 1925 году. Уже находясь в эмиграции, Великий Князь переработал и дополнил свои воспоминания. "Военно-Исторический Вестник", начиная с этого номера, приступает, с согласия князя Владимира Андреевича Романова, к частичному опубликованию этих интересных воспоминаний, пользуясь экземпляром напечатанным на пишущей машине лично Великим Князем и ныне хранящимся в архиве Лейб-Гвардии Конной Артиллерии. Редакция.

Объявление войны застало меня не у дел, то есть, не в строю, а числился в Свите. Но кто мог предвидеть, что так скоро нагрянет война, к которой мы столько лет упорно готовились. Как я ругал себя, что весною этого года просил уволить меня от командования 6-й л.-гв. Донской батареею, теперь я бы вышел во главе батареи на войну, а не сидел бы дома без дела и вдали от родной части.

Последние недели до мобилизации были чрезвычайно нервные: на мирный исход австро-сербского конфликта все теряли надежду, войска лихорадочно готовились к предстоящей мобилизации, всюду кипела работа. Подъем был большой, но серьезный; все отлично понимали, что мы втягиваемся в опасную игру и что война с Германией не шуточное дело.

Оставаться при этих условиях в стороне от дела было нестерпимо, почему я решился побывать у Великого Князя Николая Николаевича в его имении "Беззаботное" под Петергофом, чтобы посоветоваться с ним — что мне делать и просить его располагать мною в случае общей мобилизации.

Кроме того я хотел узнать, будет ли он назначен главнокомандующим армией, о чем упорно говорили в военных кругах. Великий Князь, как всегда, очень любезно меня принял; он почему-то меня любил и был всегда внимателен и благорасположен. Но ничего определенного он мне ответить не мог. Будет ли он назначен главнокомандующим, да и кто им будет, он не знал, почему на мою просьбу мною располагать, он ничего не ответил, но обещал меня не забыть при случае.

Когда была объявлена война, Великий Князь Николай Михайлович устроился при штабе Южного фронта у генерал-адъютанта Иванова, мой брат Кирилл был назначен в морской отдел при штабе Верховного Главнокомандующего, а я никакого назначения не получил. Тогда я решился обратиться к своему прямому начальству по Свите, командующему Императорской Главной Квартирой, в данном случае, министру Императорского Двора, графу Фредериксу, который совмещал эти обе должности. Я заехал к нему, чтобы узнать, не могу ли я попасть, хотя бы в число лиц Свиты Государя, которые будут назначены его сопровождать во время поездок на фронт, о чем шел разговор. Но граф Фредерикс ничего определенного мне не ответил, так как в то время вопрос о поздках на фронт Государя не был окончательно решен.

Прошел август месяц и никакого назначения я не получал. Тогда я решился непосредственно обратиться к самому Верховному Главнокомандующему, Великому Князю Николаю Николаевичу, прося назначить меня куда-либо на фронт. Долго я не получал ответа и стал отчаиваться, как вдруг получил из Ставки Верховного телеграмму следующего содержания:

"Тебе Высочайше разрешено состоять в распоряжении генерала Рузского. Можешь выехать, как только будешь готов. Предварительно заезжай ко мне. Николай".

Это было 22 сентября 1914 года; эта телеграмма каким-то чудом сохранилась в моем архиве здесь в Париже. Таким образом я был назначен состоять при генерал-адъютанте Николае Владимировиче Рузском, главнокомандующем Северо-Западного фронта. Штаб фронта находился в то время в городе Гродно.

Собраться в путь было не сложно, все было готово на этот случай; оставалось наладить отправку верховых лошадей и мотора в штаб фронта, что заняло несколько дней.

Перед отъездом я являлся Государю и отдельно Императрице Александре Федоровне, которая очень трогательно благословила меня образком и пожелала всякого благополучия. Потом я поехал к Императрице Марии Федоровне, которая проживала тогда в Елагинском дворце. С ней нас всех связывали давние, детские еще, воспоминания гатчинского периода, когда благополучно царствовал Царь-Миротворец, Император Александр III-й. Императрицу мы, дети, нежно любили и, когда выросли, сохранили к ней те же нежные чувства. К нам она относилась всегда очень сердечно и всегда принимала, когда мы к ней заезжали с визитами. Я заехал, как всегда, около времени чая, т. е. около 5 часов. Она также меня благословила образком. Тут произошел презабавный инцидент. Пока мы пили чай, Императрица стала кого-то звать, я думал — свою собачку и не обращал внимания на это, так как собачки Императрицы не отличались послушанием. На зов никакой собачки не появилось, но Императрица стала настойчивее и настойчивее звать. Тогда я спросил, куда же девалась

собачка? Императрица рассмеялась: "Да я вовсе не собачку зову, а Василия (младший сын Ксении Александровны), он куда-то запрятался, когда ты вошел, он такой у меня трусливый...". Наконец, после долгих уговоров, из-под дивана выполз весь растрепанный и в пыли Василий, недоверчиво посматривая на меня, ему было тогда семь лет.

Выехал я из Петербурга 28 сентября с вечерним поездом, к которому был прицеплен мой вагон. Мне дали салон-вагон Варшавской железной дороги, очень удобный и уютный. В одной части был салон, с диваном, столом и стульями кругом. Рядом — мое купе с отдельной уборной, отделение для моего адъютанта, Ф. Ф. Кубе, отделение для прислуги и маленький буфет, где готовили кофе, а иногда и завтраки. Было условлено, что этот салон-вагон меня доставит до штаба фронта, после чего он будет возвращен обратно, но он так и остался у меня все время до начала 1917 года и доставил меня до Кисловодска.

На следующий день, 29 сентября, наш поезд подошел к ст. Вильно, где мой вагон отцепили в ожидании отхода другого поезда, идущего в Ставку, в Барановичи. Глядя из окна вагона на перрон, я, к своему удивлению, увидел ходившего взад и вперед князя Игоря Константиновича, видимо кого-то искавшего или поджидавшего. Я его позвал к себе в вагон, чтобы расспросить про Лейб-Гусар, про братьев и узнать последние вести с фронта.

Войдя в вагон, он мне сообщил, что вчера вечером, скорее к ночи, он привез сюда своего тяжело раненного брата Олега; он был ранен в субботу 27 сентября, когда 2-я Гвардейская кавалерийская дивизия находилась в районе Бобтеле-Дваришкен, на реке Шешупе. Раненого доставили в Вильно и поместили в военном госпитале.

В. С. Хитрово, в своих записках, описывает это ранение так.

"В субботу, 27-го сентября назначено было общее наступление, но оно было потом отложено. Немцы в этот день очистили Владиславов и Ширвинт, которые были заняты Конно-Гренадерами. Конный отряд генерала Рауха выступил из Жерделе очень рано, перешел снова в район Бобтеле-Дваришкен и выслал Драгунский полк на западный берег Шешупы. В полдень по дивизии с быстротой распространилась весть о ранении князя Олега Константиновича. Стрелял в него лежавший на земле раненый германский кавалерист из разъезда, находившегося на нашем берегу. О том, что ранение смертельное никто не подозревал и по рассказам гусар можно было скорее заключить, что оно легкое" (стр. 356).

Так как князю Игорю Константиновичу нечего было больше делать на вокзале — никто с моим поездом не приехал, кого он поджидал — то мы решили поехать вместе в госпиталь навестить Олега. Я его застал еще в полном сознании, но говорил с ним мало, т. к. доктора очень просили меня его не утомлять и долго не засиживаться. Олег в этот момент не страдал, его мучила только сильная жажда и для утоления ее ему давали постоянно мороженое маленькими ложками. На прощание я мог только ему пожелать скорейшего выздоровления, добавив, что, по словам докторов, рана не опасная. Он так мило улыбнулся мне в ответ. Дежурная сестра сделала мне условный знак, и я вышел из палаты.

В коридоре я говорил с докторами; тут были лучшие светила хирургии. По их мнению рана была очень серезная, пуля выпущенная из винтовки на близком расстоянии прошла сквозь ягодицы и вырвала всю нижнюю часть прямой кишки. Доктора не считали положение Олега совершенно безнадежным, весь вопрос был в том — выдержит ли сердце после большой потери крови, почему печальный исход был всегда возможен.

Бедного раненного Олега пришлось везти довольно долго с места ранения до ближайшей станции железной дороги, а потом в Вильно, что сильно ухудшило его состояние от потери крови и недостаточного ухода в пути. Ввиду серьезности положения Олега его родителям, Великому Князю Константину Константиновичу и Великой Княгине Елисавете Маврикиевне была послана телеграмма с просьбой немедленно прибыть. Их приезд ожидался к вечеру этого дня. Больше всего тревожило хирургов то обстоятельство, что раненый не страдал. "Если бы он страдал", сказал один из хирургов, — "то было бы много шансов для его спасения".

К сожалению, я не мог задержаться в Вильно дольше, мой поезд скоро уходил на Барановичи и мне пришлось вернуться на станцию и двинуться дальше в путь.

К вечеру того дня в Вильно прибыли Великий Князь Константин Константинович с Великой Княгиней Елисаветой Маврикиевной. Государь, как только узнал о ранении Олега Константиновича телеграфировал его отцу, что награждает юного героя орденом Св. Георгия 4-й степени. Великий Князь успел захватить с собой маленький георгиевский крест своего отца.

Великая Княгиня Елисавета Маврикиевна лично мне рассказала впоследствии о последних минутах жизни Олега. Родители приехали в Вильно часа три спустя после моего отъезда. "Было уже совершенно темно", говорила Великая Княгиня, — "когда мы приехали в Вильно. Мотор, который должен был указывать путь от вокзала до госпиталя нашему мотору, шел слишком быстро и следовавший за ним наш мотор, не мог поспеть, почему мы сбились с пути. Это было ужасно тяжело для нас, когда каждая минута дорога. Потом — эти бесконечные лестницы в госпитале, казалось — не доберемся до верха...

"Когда мы вошли в комнату, где лежал Олег, то все стояли на коленях вокруг его постели — ждали кончину с минуты на минуту. Олег был в полном сознании. Он крепко меня обнял и так радостно сказал: — наконец... наконец...

"Великий Князь прицепил к его груди георгиевский крест, пожалованный ему Государем, тот самый крест, который принадлежал Великому Князю Константину Николаевичу, получившему его 21 сентября 1849 года за Венгерский поход от Императора Николая Павловича. — Дедушкин крест... дедушкин

крест, — все повторял бедный раненый. Этот дедушкин крест всегда привлекал внимание моих детей, они любили расспрашивать отца, как и почему дед их получил и сами мечтали когда-нибудь получить этот орден и этим право носить дедушкин крест. Вот почему бедный Олег так обрадовался, когда отец ему прицепил к груди именно этот дорогой им дедушкин крест.

"Потом он отрывистым голосом передал как был ранен: — Была атака... лошадь занесла... я был ранен... упал...

"После этого он, как будто, уснул, затем снова открыл глаза и изумленно спросил: — Зачем... кругом... все стоят... на коленях?.. Доктор ему объяснил, что родители давно его не видели и хотели побыть около него и стал уговаривать заснуть. Олег закрыл глаза и пролежал так спокойно несколько минут. Потом он приподнялся с постели и, устремив взор вдаль, стал отрывисто говорит: — Смотрите... вот лошадь... скачет... вот она... вот здесь... так... скачет...

"Олег сделал усилие, чтобы еще что-то сказать, выпрямился и свалился на подушку, уснув вечным сном юного героя, жизнь свою отдавший — за Веру, Царя и Отечество. Всего мы пробыли у бедного Олега не более получасу", закончила свой печальный рассказ Великая Княгиня.

Князь Олег Константинович родился 25 ноября 1892 года, ему было не полных 22 года в день его кончины. Похоронен он был в Осташеве, имении Великого Князя Константина Константиновича. У покойного был несомненный поэтический талант: писал он недурно и подавал большие надежды. В память его была издана книга с его биографией и выдержками из его поэтического творчества.

Поздно вечером, 29 сентября, я прибыл на ст. Барановичи. Ставка была расположена верстах в трех от станции, в лесу, в лагерном расположении одного из железнодорожных батальонов. Туда вела специальная ветка. Мой вагон отцепили и дежурный паровоз повез меня в Ставку, где были устроены запасные пути для прибывающих вагонов и экстренных поездов.

Вся Ставка была размещена по вагонам в отдельных поездах, которые стояли друг за другом. Лишь телеграфные аппараты были помещены в отдельном бараке, где постоянно дежурили штабные офицеры. Вероятно предполагалось, что Ставка в каждый момент может переехать в любое место, не нарушая работу штаба.

Было очень поздно, когда мой вагон доставили в расположение Ставки (около 11 часов вечера), и я решил сперва навестить моего брата, Великого Князя Кирилла Владимировича, чтобы поздравить его с наступающим днем его рождения (30 сентября), а главное узнать у него, когда я смог бы явиться Верховному. Морской штаб, при котором он состоял, еще не спал, огни виднелись во всех окнах вагонов; все, видимо, работали в своих отделениях. В Морском штабе я узнал от брата, что Верховный еще не спит и он приказал мне к нему немедленно явиться, как только я приеду.

Меня повели в поезд Верховного, который стоял недалеко от остальных поездов на особом пути. Великий Князь Николай Николаевич меня моментально принял, когда ему доложили о моем прибытии; очень ласково, как всегда, усадил в кресло и предложил курить. Он мне объяснил, что, если раньше меня не назначил на фронт, то только потому, что думал, что состояние моего здоровья мне не позволяет. Узнав, что я вполне хорошо себя теперь чувствую, он был рад меня назначить в распоряжение генерал-адъютанта Рузского и приказал прямо ехать в Гродно, в штаб Северо-Западного фронта и явиться Рузскому. От него я узнал о кончине бедного Олега Константиновича, который скончался через несколько часов после того, что я его видел, и о награждении его, еще в живых, беленьким крестиком дедушки, о котором все мечтали в детстве.

Никаких инструкций я от Верховного не получил. Пожелав мне всякого благополучия, он меня отпустил. Я вернулся в свой вагон. Рано утром его отвезли обратно на ст. Барановичи, где прицепили к проходящему поезду и мы направились на Гродно, куда доехали лишь под вечер, так как прямых поездов не было и приходилось на узловых станциях выжидать соответствующий поезд. Было уже слишком поздно являться по начальству и я это отложил до утра.

Северо-Западный фронт пережил недавно тяжелую пору: после тяжких августовских боев и гибели армии Самсонова у Сольдау, главнокомандующий генерал Жилинский и весь состав штаба был смещен. Штаб фронта, сравнительно недавно, перешел в Гродно из Белостока, так как предполагалось, что немцы поведут главное наступление на Гродно.

На следующий день, 1-го октября, рано утром я пошел в штаб, который расположился в местной гимназии. Сперва я отыскал Великого Князя Дмитрия Павловича и князя Александра Георгиевича Романовского, которые состояли при штабе ординарцами. Они оба еще крепко спали и мне пришлось их будить. От них я пошел являться генералу Рузскому, где застал и начальника штаба, Владимира Алоизовича Орановского, родного брата, Николая Алоизовича Орановского, нашего бывшего командира бригады. Генерал-квартирмейстером состоял генерал-майор Бонч-Бруевич, начальником оперативного отделения — полковник Даллер, дежурным генералом — генерал Глинка.

Генерал Рузский в двух словах пояснил мне положение на фронте. Наступление противника из Восточной Пруссии остановилось и временно с этой стороны он за фронт спокоен. Но зато, на варшавском направлении обнаружилось за последние дни наступление неприятеля, бои идут под Ивангородом и Гура-Кальварией, создалась угроза Варшаве, где тоже обнаружено наступление немцев, но там почти нет войск. Спешно туда направлены идущие из Сибири корпуса. Варшавский район входил в состав Южного фронта и только недавно его передали Северному, почему забота об охране варшавского района перешла внезапно Северному фронту. Ввиду этой новой обстановки генерал Рузский решил немедлен-

но перевести свой штаб в г. Седлец, куда уже посланы квартирьеры и команда связи для установки телеграфных аппаратов, чтобы быть ближе к Варшаве и в центре своего обширного фронта.

В 12 часов я завтракал с генералом Рузским и всем его штабом в штабном собрании, и у меня сохранилась наша группа, снятая за столом во время завтрака. К вечеру того же дня штаб фронта погрузился в поезда и к утру 2-го октября мы прибыли в Седлец. Весь штаб разместился в разных школах и казенных зданиях, а я остался жить в своем вагоне, что было удобнее в случае экстренных командировок, как это и оправдалось вскоре.

Уже на следующий день по прибытии в Седлец генерал Рузский вызвал меня к себе и приказал ехать в Варшаву проверить тыловые пути, стоявших там пяти, кажется, корпусов. При этом он мне сказал, что войска должны глядеть только вперед и думать только о наступлении, а штабы должны думать обо всем, не только о наступлении, но и о возможном всегда отступлении. Генерал Рузский и потом всегда обращал внимание на тыловые пути, потому что, если они плохо разработаны, плохо оборудованы, спутаны между собою, то это может вызвать катастрофу при отступлении. По полученным штабом сведениям, тыловые пути были не в порядке, обозы различных корпусов скучились на лучших путях сообщения, а не шли по указанным им в приказе. Вот распутать это и поставить обозы на свои тыловые пути, строго как было указано в приказе, мне и было поручено. В помощь мне дали офицера генерального штаба, капитана Сегеркранца. Мне дали специальный паровоз и, захватив с собой свой мотор, мы покатили в Варшаву, куда прибыли около 12 часов ночи, на Брестский вокзал.

Командование корпусами, собранными под Варшавой — под обозначением "Варшавская группа" — было поручено генералу Шейдеману, командующему 2-й армией, в то время старшему из командиров корпусов. Где находился его временный штаб в Седлеце, мы в точности не знали, но предполагали, что в каком-либо казенном здании в городе.

К великому нашему удивлению, на вокзале мы узнали от дежурного по станции, что штаб командующего Варшавской группы, генерала Шейдемана, находится тут же на Брестском вокзале в поезде. Несмотря на поздний час, мы решили с капитаном Сегеркранцем пойти в штаб и узнать у него обстановку. Штабной поезд генерала Шейдемана стоял с двумя прицепленными паровозами под полными парами. Получалось впечатление, что поезд сейчас уйдет. На вокзале была полная тишина, лишь пыхтели паровозы, а около поезда ходили дежурные жандармы, все остальное спало. В ночной тишине был ясно слышен гул дальних орудийных выстрелов, на небе были видны вспышки разрывов снарядов и лучи прожекторов. По всему было видно и слышно, что неприятель близко подошел к городу и бои идут где-то недалеко.

В оперативном отделении штаба мы нашли дежурного офицера. Капитан Сегеркранц его хорошо знал и он пошел доложить генералу Шейдеману о нашем приезде. Вскоре вышел к нам генерал Шейдеман, а потом появился и начальник его штаба. Генерал Шейдеман по карте стал объяснять положение под Варшавой. Усиленная канонада, которую мы слышали, доносилась из Гура-Кальварии, где шли упорные бои. Против самой Варшавы обнаружено наступление — не то двух, не то трех корпусов — и бои идут уже у самых подступов к городу. Генерал Шейдеман располагал в тот момент, кажется, только двумя или тремя корпусами: своим — Туркестанским, одним Сибирским и одним армейским; ожидалось прибытие еще одного Сибирского и одного армейского. До прибытия подкрепления, генерал Шейдеман считал положение очень серьезным, чем и объяснялось присутствие двух паровозов, прицепленных к штабному поезду, который мог ежеминутно отойти назад.

На следующий день, 4 октября, захватив директивы штаба относительно тыловых путей, я поехал с капитаном Сегеркранцем в штабы корпусов, расположенные впереди города, чтобы узнать, какие распоряжения ими были даны относительно тыловых путей и сравнить их с указаниями штаба фронта, т. е. выяснить, верно ли они установлены. Затем предполагали мы проехать по этим путям и посмотреть, находятся ли на них тыловые учреждения, обозы, парки и этапы.

Два штаба корпуса мы нашли на шоссе, ведущем от Варшавы на Пясечно и Таршин. Бой был в полном разгаре и из штабов ясно была видна линия огня. Наши корпуса немного продвинулись вперед и разрывы снарядов ясно указывали, где шел бой. Густой дым застилал фронт от вспыхнувших повсюду пожаров: горели фольварки, отдельные дома, сараи и даже целые деревни. Немцы разрушали систематично всякий возможный опорный пункт. Нашей полевой артиллерии пришлось выдержать трудную пору. Немцы подвезли свою тяжелую полевую артиллерию (гаубицы), соперничать с которой мы были не в силах, и в смысле навестности огня и в смысле его силы. Гаубицы били по окопам жестоко, наша же шрапнель была бессильна с этим справиться. Картина боя очень напоминала батальную картину — дивная погода, с возвышенности, где стояли штабы, видно было очень далеко и в бинокль можно было различать войсковые части, наступавшие в дыму и пыли.

В первые два дня мы обследовали два тыловых пути, от штаба корпуса и верст на тридцать назад. Тут обнаружилось то, чего так опасался генерал Рузский: на одной дороге сбились тыловые учреждения двух корпусов. Это объяснялось тем, что одному корпусу, как тыловой путь на Седлец, было дано шоссе, а второму — грунтовая дорога, параллельная шоссе. Обозы, выйдя из Варшавы, где они были выгружены, двинулись по шоссе, как по наиболее легкой для движения дороге, но обозы того корпуса, которым была дана грунтовая дорога, на нее не перешли, найдя ее "неудобной". В результате, на одном и том же шоссе, расположились тыловые учреждения двух

корпусов, и хаос был, естественно, невообразимый. Пришлось им указать на неправильность расположения их тыловых учреждений и направить обозы одного из корпусов на указанную ему в приказе дорогу, что они и выполнили потом, но с большой неохотой.

Наша миссия с капитаном Сегеркранцем не обошлась без курьезов. Генерал Рузский предупредил меня, что при проверке тыловых путей следует быть очень осторожным, т. к. всякий намек на то, что главнокомандующий интересуется этим вопросом, неминуемо вызывает панику. Тылы самый чувствительный и нервный орган, слухи по ним распространяются с быстротою молнии и они реагируют на малейшие признаки, связанные с отступлением на фронте.

Так оно и вышло. Мы встретили обоз 3-й Гвардейской пехотной дивизии, который как раз переходил на ту дорогу, которая была указана в приказе. Начальник обоза, старый полковник, на наш вопрос, куда он ведет обоз, ответил, что переходит на свой тыловой путь. Затем, видя, что мы из штаба, спросил, что делается на фронте? Мы ему ответили, что все благополучно, атаки отбиты и за Варшаву волноваться нечего.

— Ах, знаю я это — "все в порядке", — ответил нам полковник: — По опыту знаю, раз начинают приводить в порядок тыловые пути, значит отступление.

Мы его начали заверять, что об отступлении и речи быть не может, но он все не верил и продолжал:

— Знаю это — раз проверяют тыловые пути, значит отступление...

Так мы его, кажется, и не разубедили. Правда, 3-я Гвардейская пехотная дивизия только что вышла из Восточной Пруссии, где чуть не погибла в армии Самсонова, почему некоторая повышенная нервность в обозе была понятна.

Чтобы попасть в штаб одного из корпусов, пришлось ехать по Варшавско-Венской жел. дор. до первой станции. Дальше нельзя было ехать — путь был взорван. Все поле около станции было покрыто трупами скота, который попал под огонь на пастбище.

Самый правофланговый корпус, кажется 1-й армейский, был выдвинут впереди станции Блоне и мы решили проехать туда по железной дороге, насколько это было возможно. Но на десятой версте от Варшавы по направлению на Александрово оказалось, что все мосты взорваны. Взяли дрезину железнодорожного баталиона, который чинил путь, и двинулись дальше. По пути были видны следы недавнего боя и убитые еще лежали в поле. У самого откоса лежал немец, голова его покоилась на ранце и казалось, что он спит. Солдаты, везшие нас на дрезине, попросили разрешения проверить, жив ли он или нет, настолько лицо его казалось живым и не напоминало покойника. Они побежали посмотреть на него — он был мертв, но никакой раны на нем не было видно. На обратном пути, он все еще лежал и мы опять все усумнились, не ошиблись ли мы в первый раз и опять пошли его осмотреть, но он оказался действительно мертвым: благодаря холодной погоде труп не начал еще разлагаться.

Станция Блоне, до которой мы докатились, только что была оставлена неприятелем и довольно тщательно им разрушена: взорваны — водокачка, стрелки, часть станционного здания. В селении рядом оказались раненые, которых еще не успели вывезти. Одна молодая полька, которую потом представили к награде, четыре дня самоотверженно за ними ухаживала под перекрестным огнем с двух сторон и умоляла меня прислать за ранеными санитарный фургон, что я и сделал по возвращении в Варшаву и послал за ними летучий санитарный отряд имени Великой Княгини Марии Павловны.

Здесь я встретил генерал-адъютанта Данилова, нашего бывшего командира Гвардейского корпуса, который после этого был назначен на должность коменданта Петропавловской крепости, а затем снова назначен в армию на должность командира 23-го армейского корпуса. Он как раз проходил через Блоне со своим штабом, т. к. немцы начали отступать и его корпус продвигался вперед. Через несколько дней я узнал, что Данилов скончался от молниеносной холеры.

Интересную картину представляла в те дни Варшава. Несмотря на близость неприятеля и грохот орудий, жизнь продолжала течь тихо и спокойно, как в мирное время. По вечерам рестораны были полны элегантной публики, бульвары кипели народом. Очень трогательное участие приняли варшавские студенты в перевозке раненых. Они для этого использовали паровые трамваи, которые в мирное время возили публику в загородные места. Они продвигали вагоны как можно ближе к линии огня, грузили там раненых в вагоны и доставляли их в город, а там развозили их по госпиталям. Все это они делали по личной своей инициативе и очень, надо сказать, толково.

Пока штаб фронта находился в Седлеце, я оставался по-прежнему жить в своем вагоне и ходил завтракать и обедать в общую столовую штаба, устроенную в местном общественном собрании. К завтраку всегда почти приходил генерал Рузский, но к обеду редко, как и большинство высших чинов штаба, они предпочитали столоваться у себя.

Перед обедом, часов в шесть, я заходил обыкновенно в оперативное отделение просмотреть последние донесения с фронта и директивы Ставки. Это было самое горячее время, так как от всех армий поступали вечерние сводки и тут же составлялась сводка для Ставки, что требовало большого искусства со стороны офицеров оперативного отделения.

После благополучной ликвидации варшавских боев неприятель отступил к своей границе. В Ставке возник план перехода в наступление. По этому поводу у нашего штаба возникли пререкания со Ставкой. Генерал Рузский находил, что главный удар должен наносить Южный фронт на самое чувствительное направление для неприятеля — на Силезию. Южный же фронт, в лице генерала Алексеева, напротив, настаивал на том, что Северный фронт должен наносить главный удар на линию Бреславль-Позен-Торн. Наше оперативное отделение указывало, что такое

направление выводит наш фронт на укрепленный район, тогда как южное направление, не защищенное укреплениями, выводит сразу же в жизненный центр Германии. Ставка все же настояла на своем — главный удар должен был наносить генерал Рузский, коему и дали, если память не изменяет, до двенадцати корпусов (пять армий).

Для ведения этой операции оперативное отделение настаивало о перенесении штаба (оперативного отделения) в Варшаву, чтобы быть ближе к войскам и в центре фронта. Генерал Рузский долго на это не соглашался, говоря, что штабу не следует находиться в таком крупном центре как Варшава, где ему будут мешать работать разные должностные лица, которые непременно будут к нему являться и отрывать от дела. Но оперативное отделение настаивало на необходимости быть ближе к фронту. Седлец находился верстах в ста от Варшавы, а фронт проходил впереди Варшавы в сорока-пятидесяти верстах и штаб, таким образом, был удален от фронта примерно на полтораста верст. При переходе в наступление трудно будет руководить операциями на таком расстоянии и поддерживать связь с войсками, тем более, что приходилось очень часто посылать штабных офицеров с приказаниями на моторах в штабы армий и корпусов.

Рузский, наконец, уступил и главнокомандующий с оперативным отделением штаба переехали в Варшаву, все же другие отделения остались в Седлеце.

Предсказания генерал Рузского, что ему будут мешать работать в Варшаве, отчасти оправдались. Сочли нужным ему явиться губернатор, городские представители и разные должностные лица. Многие из них не говорили по-русски, а Рузский не говорил ни на каком другом языке, что его еще более стесняло, ибо приходилось пользоваться переводчиком.

По утрам я ездил в штаб к начальнику его, генералу Орановскому, и вместе с ним просматривал поступавшие за ночь телеграммы. Наступление началось, как было предусмотрено, 1-го ноября обоими фронтами одновременно. На правом фланге наступала армия генерала Ренненкампфа вдоль р. Вислы. В директивах, посланных ему, было указано, чтобы он построил понтонные мосты через Вислу, дабы иметь возможность перебросить с одного берега на другой свои резервы, в зависимости от того, вдоль какого берега немцы поведут наступление. Эта директива была повторена несколько раз, а перед самым началом наступления был послан запрос, готовы ли мосты, которые ему были посланы из Новогеоргиевска? Ответ был получен утвердительный, мосты наведены и указаны были места.

Генерал Рузский каким-то чутьем заподозрил что-то неладное в этом донесении, он вообще мало доверял генералу Ренненкампфу, и послал офицера штаба посмотреть, наведены ли мосты. Оказалось, что никаких мостов нет... Первые дни наступление шло благополучно, нигде не встречая сопротивления, как вдруг и совершенно неожиданно на правом фланге, вдоль Вислы, неприятель прорвал фронт армии генерала Ренненкампфа и зашел в тыл соседним корпусам, да и самой Варшаве. Тут-то отсутствие мостов через Вислу и дало себя знать, т. к. генерал Ренненкампф не смог перебросить с правого на левый берег свои резервы.

Наступление по всему фронту было остановлено для принятия мер к ликвидации прорыва. Так началась знаменитая лодзинская операция (или бои у Вацлавска) с 12 ноября по 5 декабря. Не входя в разбор самой операции, оценку которой дадут специалисты, я хотел бы тут отметить личную инициативу и работу генерала Рузского, какую я мог наблюдать в те дни.

Для ликвидации прорыва было необходимо перегруппировать войска и сосредоточить их на угрожаемых участках фронта. Как было сказано выше, неприятель продвинулся уже верст на двадцать; приходилось возвращать войска назад, беря их из ближе расположенных корпусов. Всю эту сложную работу проделал сам Рузский. При этом, части брались из разных корпусов и дивизий и их приходилось группировать по мере подхода к линии огня. Пока части подтягивались генерал Рузский командировал начальников, чтобы те принимали командование над формируемыми группами. Начальников этих он выбирал из наиболее способных, энергичных и в которых он безусловно верил. Им было приказано, с небольшим составом штаба, немедленно на моторах ехать на места и принять командование над теми группами, какие будут там находиться. Вот в этом подборе лучших начальников Рузский проявил замечательное знание в оценке своих подчиненных. Если бы не оплошность генерала Ренненкампфа, то лодзинская операция закончилась бы пленением германской армии, так как контрманевр Рузского заключался в окружении зарвавшегося противника.

В самом начале этой операции генерал Рузский решил меня командировать в Царское Село с докладом Государю о положении на его фронте, с подробной картой расположения войск в тот момент.

После этой операции генерал Рузский и штаб вернулись в Седлец для разработки нового наступления, о чем речь будет ниже.

(Продолжение следует)

Воспоминания о Русско-Японской войне

(1904 — 1905 гг.)

П. Н. Шатилов

Приступая к своим воспоминаниям о Японской войне, я не думаю излагать систематически ее течение, а равно давать свои суждения об операциях и причинах наших неудач. Я буду излагать лишь боевые действия, в которых мне приходилось принимать участие, одновременно передавая свои впечатления о начальниках и о жизни нашей армии в Маньчжурии. Все это изложение сделано в представлении молодого, 22-летнего, офицера, получившего уже при прохождении первого курса академии генерального штаба некоторую широту взглядов на военное дело. Материалом для изложения моих воспоминаний послужили мои письма из действующей армии к моему отцу.

Внезапным нападением 26 января 1904 года японских миноносцев на наши боевые суда на внешнем рейде Порт-Артура началась Японская война. С первого же дня войны я решил поступить в действующую армию. Примерно, через неделю я обратился в главное управление казачьих войск, чтобы выяснить свои шансы на перевод в один из полков на Дальний Восток. В этом управлении я хорошо знал одного офицера, и он сообщил мне, что последовало распоряжение отказывать в подобных переводах всем офицерам находившимся на действительной службе и принимать только офицеров из запаса и отставки. Нужно было иметь особую "протекцию", чтобы нарушить это распоряжение.

Сперва я обратился к начальнику академии, но сочувствия к моей просьбе с его стороны не встретил. Тогда я вспомнил о товарищеских отношениях моего отца с военным министром, генералом Куропаткиным. Я послал телеграмму отцу и попросил его немедленно приехать в Петербург. Через день отец приехал; я объяснил ему, в чем дело и он согласился поехать к Куропаткину, чтобы просить его назначить меня в Маньчжурскую армию.

Перед тем как надо было отцу ехать к Куропаткину, мы с ним говорили по поводу моего желания ехать на войну. Я говорил отцу, что только боевая обстановка может дать офицеру истинную военную подготовку и, если я решил посвятит себя военной службе, то должен использовать возможность принять участие в военных действиях. Никакая академия, с моей точки зрения, не может дать боевого опыта, который приобретается только личным участием в военных действиях. Академия дает теорию и практику техники управления войсками, но пополнить это боевым опытом более чем желательно. Отец не возражал, но только перед отъездом сказал, что моя мать будет переживать мой отъезд болезненно. Нас было пятеро детей; тогда осталось двое, причем мой брат был болен неизлечимым нефритом.

Вернувшись от генерала Куропаткина, отец мне передал его записку начальнику управления казачьих войск, с приказанием перевести меня в один из полков Маньчжурской армии. Оказывается, Куропаткин в этот день получил повеление Государя возглавлять армию на Дальнем Востоке и предложил отцу —взять меня к себе в штаб. Но отец, поблагодарив, просил для меня назначения в строй. Узнав, что я в Петербурге и в академии, Куропаткин высказал сожаление, что я у него не бывал в доме, очень похвалил мое решение оставить академию и ехать на войну и обещал отцу, время от времени, обо мне справляться в армии. "Если я его не видел в Петербурге, то надеюсь его повидать в Маньчжурии", сказал он отцу. Действительно, на войне он меня видел несколько раз.

Отец скоро уехал в Варшаву, а я старался ускорить свой отъезд на Дальний Восток. В управлении казачьих войск мне предложили выбрать полк. Я остановился на 4-м Сибирском казачьем, так как он должен был выступить позже других и я мог рассчитывать нагнать его в Омске. Перевод состоялся довольно скоро и я распрощался с Лейб-Казаками и академией.

Провожали меня Лейб-Казаки очень сердечно. Меня чествовали у "Медведя", а не в полковом собрании, потому что на проводы были приглашены и полковые дамы, которые не бывали в собрании. Я уже был в новой форме с огромной папахой на голове.

Затем я поехал в Варшаву проститься с родными. Родителям было тяжело со мной расставаться, было тяжело и мне, тем более, что здоровье моего брата, только что выпущенного в офицеры из Пажеского корпуса в Уланский Его Величества полк, было настолько плохо, что врачи советовали ему ехать лечиться в Италию. Расставаясь с ним, я не надеялся застать его в живых; впрочем, как и многие, я не ожидал затяжной войны, несмотря на мнение отца, который считал, что ввиду трудности снабжения армии из России война грозит затянуться на несколько лет.

Спустя несколько дней я поехал в Москву, где на Курском вокзале сел в экспресс, уходивший на Дальний Восток. Перевалив Урал, мы встретились с зимой, которая в Европейской России уже перешла в весну; нам сопутствовали сильные морозы. Дорога по Уралу была чрезвычайно живописна, но после него наш поезд катил по белой бесконечной степи.

В Омске я явился в окружной штаб, где мне сообщили день и точный час прохода эшелонов моего полка. В Омске же я встретил моего знакомого офицера, Лейб-Улана из Варшавы, Зарубаева, перево-

дившегося тоже в один из Сибирских казачьих полков. Его отец был назначен командиром 4-го Сибирского корпуса, эшелоны которого в это время шли вперемешку с казаками. Зарубаев, находившийся уже две недели в Омске, помог мне найти лошадей. Это были лошади сибирской породы, малорослые, но необычайно выносливые. Одна из них имела всего "один вершок" росту, а другая была без "вершков" (при расчете роста лошади выкидывается два аршина). Лошади были почти не выезжены, и свободное у меня время, в ожидании полка, позволило мне их немного объездить.

Только через несколько дней я вспомнил, что в Омске находится брат моей бабушки со стороны отца, генерал Андрей Францевич Герарди, в то время занимавший должность заведывающего артиллерийской частью Сибирского военного округа. Я поехал к нему и был принят как родной; семья его меня уже не отпустила в гостиницу, где я остановился, и я перебрался к Герарди. Сначала мне казалось, что это меня стеснит, но радушие приема было настолько трогательно, что я остался в этой гостеприимной семье.

В Омске я был представлен генералу Зарубаеву и моему начальнику дивизии генералу Симонову. Молодой Зарубаев был назначен ординарцем к генералу Симонову и уговаривал меня тоже устроиться в его штаб, что он легко мог бы сделать через своего отца; но я от этого решительно отказался. Оказалось, что и генерал Герарди тоже решил меня устроить в штаб генерала Симонова, которого хорошо знал по службе, и в результате меня вызвали в этот штаб и сообщили, что я буду откомандирован к нему от полка. Но состоявший в штабе офицер, с которым у меня установились добрые отношения (это был подполковник генерального штаба Посохов), обещал, что без моего согласия назначение меня в штаб не состоится.

Наконец, через две недели после моего приезда в Омск прибыл эшелон со штабом моего 4-го Сибирского казачьего полка. Я явился командиру, войсковому старшине Калачеву, и был необычайно озадачен его приемом. Он мне сказал, что уже имеет из академии сообщение о моем переводе и что я назначен им младшим офицером в 3-ю сотню. Затем он меня спросил, за что именно я был отчислен от академии? Моим ответом, что я оставил ее по собственному желанию, он не удовлетворился и приказал адъютанту запросить академию и причинах моего отчисления. Ответ пришел не скоро. До того времени Калачев, да и другие офицеры, не верили, что я добровольно отчислился от академии для перевода в действующую армию. Сам Калачев и большинство офицеров полка служили до этого в захолустьях Туркестана и никто из них никогда не пытался держать экзамен в академию и они на нее смотрели, как на что-то недосягаемое.

Наш полк был второочередным, т. е. не существовавшим в мирное время, и пополнен офицерами, по большей части, служившими в мирное время по казачьей администрации. Калачев, например, был до войны помощником начальника отдела Сибирского войска, другие же исполняли обязанности казначеев отделов, заведывавших хозяйством и т. д. Я был первым офицером, прибывшим со стороны, а не из войска. Потом таких было большинство и офицерский состав принял совершенно другую окраску, но при моем вступлении в полк я попал в глубоко провинциальную среду, отставшую от военного дела.

Через день прибыла моя сотня и я стал постепенно входить в ее жизнь. Командиром сотни был подъесаул В., сильно отставший от строевой службы, служивший раньше по казачьей администрации. Старшим из офицеров был почтенный сотник К., годами не моложе моего отца, призванный из запаса. Был еще один сравнительно молодой офицер, но его скоро откомандировали с каким-то поручением. Мне отвели в офицерском вагоне отделение, и я отправился со своими новым сослуживцами в Маньчжурию.

Мое путешествие с ними продолжалось, однако, не более двух дней, так как была получена телеграмма от командира полка послать меня вперед, чтобы я, с пассажирским поездом, догнал штаб полка. Я его догнал в Красноярске. Оказалось, что начальник дивизии получил приказ послать в Ляоян, место выгрузки дивизии, квартирьера для отвода квартир нашей дивизии. Командир полка поручил мне выполнить это задание. Но я доложил ему, что мне необходимо от каждого полка иметь квартирьеров, на что Калачев, показав мне телеграмму, сказал, что в ней ничего об этом не сказано и что там лучше моего знают, что надо делать. Тогда я решил действовать самолично и послал телеграмму начальнику дивизии, прося его командировать в мое распоряжение в Ляоян квартирьеров. Все это было исполнено. Такое же распоряжение получил и Калачев, но уже тогда, когда я выехал вперед.

К моему приезду в Иркутск все еще держалась зима и так как кругобайкальская дорога не была еще закончена, то переправа через Байкал производилась по льду, по которому были проложены шпалы с рельсами. По ним шли вагоны с военными грузами. Эти вагоны тянулись лошадьми. Пехота и кавалерия же шли походным порядком по дороге вокруг озера, а отдельные люди перевозились тройками по льду. На льду же, посередине Байкала находилась станция "Середина". Она была хорошо оборудована, там был буфет для офицеров, питательный пункт для нижних чинов и запасы фуража для лошадей. В начале мая я прибыл в Ляоян. В штабе армии мне был указан район расположения дивизии, и я, с прибывшими квартирьерами, выполнил возложенное на меня поручение.

В это время части японской армии Оку, 11 мая, атаковали Цзыньчжоу и, захватив перешеек, окончательно отрезали Артур от нашей армии. Наша дивизия была направлена, в составе 1-го Сибирского корпуса, на юг и получила приказ двигаться вдоль железной дороги навстречу японцам, которые небольшими силами занимали Вафангоу. Впереди дивизии двигался 5-й полк нашей дивизии. Подходя к станции Вафангоу, две сотни этого полка неожидан-

но встретили около двух эскадронов японской кавалерии и немедленно бросились на них в атаку, не успев даже развернуться. Японцы были разбиты наголову; сказалось преимущество нашей конницы вооруженной пиками. Наши сотни преследовали остатки японских эскадронов, но были остановлены артиллерийским огнем.

На следующий день передовые части японцев стали отходить, а наши части продвигаться к следующей станции Вафандяну, где собрался отряд из трех полков нашей дивизии, трех охотничьих команд и Уссурийской конной бригады под начальством генерала Самсонова. Всем этим отрядом командовал наш начальник дивизии, генерал Симонов. Он был участник еще турецкой войны и походов Скобелева в Туркестане. Чрезвычайно заботливый и спокойный начальник, он был уже в летах; его очень любили подчиненные, а начальство ценило.

После неудачи под Вафангоу, передовой японский отряд вернулся к Пуландяну, где сосредоточивалась армия Оку и с японцами мы утеряли связь. Вследствие этого штабом армии было отдано распоряжение нашей дивизии сделать разведку.

Поздно вечером 29 мая я был вызван в штаб полка, где командир полка дал мне прочесть приказание начальника дивизии о командировании трех сильных разъездов на юг. Эта разведка должна была следовать веером по обе стороны железной дороги. Средний разъезд был поручен мне. К моему удивлению, в мое распоряжение дана была целая полусотня с офицером. Этот офицер оказался хорунжий И. Г. Акулинин, прекрасный молодой офицер Оренбургского войска, переведенный в наш полк. Приказание было ясное — мы должны были следовать вперед до встречи с противником и давать о нем сведения.

Выступил я ночью и на рассвете был, примерно, верстах в пяти-шести от Вафандяна. Казаки стали кипятить воду, чтобы — по их выражению — "почаевать", а я поднялся на находившуюся впереди возвышенность, чтобы посмотреть в бинокль на местность, открывшуюся передо мной. Каково же было мое удивление, когда верстах в десяти от меня я увидел широкое облако пыли. Было ясно, что оно поднято проходящими частями, притом в значительном числе.

Я немедленно же скомандовал — "по коням". Казаки вылили воду из своих бакирок (котелков), и я с ними быстро двинулся вперед навстречу поднятой пыли. Пройдя версты две, я поднялся на один из отрогов высот и увидел в бинокль движение довольно значительных японских сил. Спешив казаков за этой высотой, я послал свое первое боевое донесение. Наступающие силы я определил в полторы-две дивизии. Часа через два я получил с казаком конверт с распиской начальника штаба дивизии, что означало, что донесение благополучно дошло по назначению.

На занятой высоте я решил остаться и около двух часов дня я обнаружил, что японская пехота движется и с западной стороны железной дороги. В голове шло около двух батальонов; что шло за ними, я не видел. Эти батальоны двигались в походной колонне прямо на нас. Я находился в весьма приподнятом настроении; эта разведка была моей первой боевой работой и я сознавал, что наступило время на нашем фронте крупных операций и что случай привел меня сыграть значительную роль в выяснении сил противника. Я не расставался с биноклем, который оказался в этот день моим главным оружием; это был призматический "краус", который перед моим отъездом в Маньчжурию подарил мне отец.

Рядом со мною все время находился Акулинин. Время от времени казаки пытались подняться на вершину, но я возвращал их назад, чтобы они не выдали нашего расположения, а Акулинина я время от времени посылал объяснить казакам обстановку. Сами мы, притаившись у кустика, наблюдали за японцами; хотелось их подпустить как можно ближе, чтобы открыть огонь на дистанцию действительного ружейного выстрела, т. е. шагов на 700-800.

Когда колонна была, примерно, в 1500 шагах от нас, я приказал Акулинину поднять полусотню, "сбботовав" предварительно лошадей. "Ботовать" лошадей — означало притянуть повода одной шеренги к другой, тогда лошади не могли вырваться, а только могли кружиться на месте. Для наблюдения за ними оставили по одному казаку на взвод. Остальные же казаки ползком, очень осторожно поднялись на гребень и стали заряжать винтовки. Видя спокойно двигавшихся японцев, они стали выражать нетерпение, желая скорее открыть огонь, но я знаками их успокаивал. Наступила мертвая тишина.

Когда японские дозоры подошли к нам совсем близко, я открыл огонь залпами, назначив прицел в тысячу шагов. Уже первый залп повалил много японцев. Сейчас же последовали второй, третий, четвертый и пятый залп. Японцы стали разбегаться в цепь. Ясно было видно, как они разбегались в беспорядке, но не назад. Казаки стреляли частым огнем, но вскоре японцы стали отвечать, однако их пули сначала летели через наши головы. Они, очевидно, еще не установили точно, где мы находимся.

Спустя минут десять японцы стали наступать перебежками, выделив из колонны две роты нам в обход с запада. Стрельба их стала для нас более действительной — появились раненые, по счастию легко, их я отправил с проводником верхом в тыл; но скоро один из моих урядников получил тяжелое ранение в грудь. На выстрелы подошла к нам по железной дороге дрезина, на которую я и погрузил раненного урядника. Фельдшера у меня не было и мне самому пришлось делать раненым перевязки.

Между тем, японцы продвигались с небльшими остановками. Посланные нам в обход их роты уже стали нам угрожать справа. Ведя этот бой, я, однако, не должен был забывать своей главной задачи по разведке. Я все время следил за движением главных японских сил, наступавших к востоку от железной дороги, и время от времени при появлении новых колонн посылал начальнику дивизии подробные донесения. На одно из них я получил от него благодарность с указанием продолжать разведку.

Японцы подошли уже ко мне шагов на четыреста,

а обходящие роты открыли по нас огонь с фланга. Чтобы продолжать наблюдение, я решил отойти на следующий кряж, что мне и удалось сделать, не обнаружив своего отхода. Расположившись на новой, более высокой, возвышенности, я продолжал свои наблюдения. Но эта возвышенность, несмотря на свою большую высоту, уже не давала мне того обзора, какой был раньше. Скоро японцы продвинулись до моей прежней позиции и стали наступать опять на нас.

В это время я получил от своего командира полка приказание присоединиться к полку. Более раннее распоряжение начальника дивизии поручало мне продолжать разведку, командир же полка требовал ее прекращения. Я был в затруднительном положении. Решив остаться на месте, я послал Калачеву донесение о том, что его распоряжение расходится с приказанием начальника дивизии и для того, чтобы я присоединился к полку, мне необходимо подтверждение, что моя задача окончена. К вечеру, когда японцы уже подходили к нашему расположению и я собирался вновь вступить с ними в перестрелку, я получил повторное приказанио командира полка немедленно вернуться. Отсалютовав японцам новыми пятью залпами, я снялся с позиции и пошел на рысях к Вафандяну. Было уже темно, когда я нашел свой полк.

Так кончилась моя первая боевая разведка, мое боевое крещение. Эта разведка получила след в официальной истории войны. В первом томе военно-исторического описания Русско-Японской войны, касающегося действий Маньчжурской армии на ее южном фронте, приводится несколько моих донесений, обнаруживших наступление 4-й японской армии, высадившейся у Бидзыво. Эти донесения послужили основанием для определения сил японских войск, перешедших в наступление от Пуландяна на север. Их было на самом деле больше чем я определил, но, конечно, я не мог видеть всех колонн, наступавших против нас. Во всяком случае, по моим донесениям, было ясно видно, что части армии Оку, оставив заслон против Порт-Артура, стали наступать на север.

Меня потом очень благодарил мой начальник дивизии, генерал Симонов, и я стал, до некоторой степени, известен в дивизии, как отличившийся разведкою офицер, получив первую боевую награду — ордсн Св. Анны 4-й степени с надписью за храбрость (1).

Присоединившись к полку, я доложил командиру полка о результате разведки и попросил дать моим казакам и мне отдых. Но Калачев мне ответил, что время теперь не для отдыха и заявил, что я прежде всего должен разобраться в том приказании, какое он получил от штаба дивизии и которое для него не совсем понятно. Хотя и недолгий, мой академический стаж видимо импонировал командиру, тем более, что в штабе дивизии он услышал лестные обо мне отзывы. Было уже темно и свет достать было трудно; зажигали спички пока не нашлось свечи. Я прочел приказание, взглянул на карту и увидел, что полк собирался двигаться по неправильному пути: надо было итти на запад, а не на север. Полку было приказано занять небольшую высоту, дабы прикрыть правый фланг генерала Симонова, который к этому времени получил подкрепление — два полка Сибирских стрелков и две батареи.

При занятии этой высоты мы подверглись сильному артиллерийскому огню японцев, не причинившему нам, однако, вреда. Я обратил внимание на своего командира — терявшийся при получении приказаний начальства, он был совершенно спокоен под огнем, весело разговаривал с адъютантом и поздравлял казаков и офицеров с боевым крещением. Для большинства в полку это так и было.

В течение некоторого времени я оставался при своем командире, но вместо его признательности за оказанную услугу Калачев возымел, почему-то, ясно выраженное ко мне чувство недоброжелательности. Это недоброжелательство распространилось впоследствии и на штаб дивизии. Я думаю, все это было причиной моей трагической разведки у селения Таволга, едва не стоившей мне жизни.

В самый первый период войны, начиная от отхода нашей дивизии от Вафяндяна до конца сражения под Ляояном, было два примечательных разведовательных поиска: генерального штаба полковника Б. Ф. Запольского, в разведке которого я принял участие, и моя личная разведка у селения Таволга.

В бою при Вафангоу генерал Симонов, получив сообщение о начавшемся отходе, вразрез с полученным распоряжением прикрывать правый фланг отходящего 1-го корпуса, свернул свою дивизию. Следствием этого явилось нагромождение войск и обозов на главном пути отхода. Уже после 12 часов дня начался ливень, обративший дороги на глинистой почве в трудно проходимое состояние. А вечером разразилась такая гроза, какую я не видел до тех пор: сверкала молния и раскаты грома следовали один за другим безостановочно. Это упущение начальника дивизии не прошло ему даром и он был отозван от командования дивизией. В командование конницей южного направления вступил вместо Симонова генерал Самсонов, а в командование нашей дивизией — старший командир бригады, генерал М. Г. Чириков.

20 июня к нашим бивакам подъехало начальство — сначала генерал Самсонов, затем командир корпуса, генерал Штакельберг. Они спешились у нашего полка. Оба генерала были сравнительно молоды, очень представительны и видно умели обращаться с подчиненными как авторитетные начальники.

Я стоял близко от них, разговаривая с подполковником Посоховым, состоявшим в штабе Самсонова, и хорошо слышал разговор генералов. Они считали, что разведка нашей дивизии не дала достаточных сведений и генерал Штакельберг сказал, что он поручил генерального штаба полковнику Запольскому (георгиевскому кавалеру Китайского похода 1900 года), с четырьмя охотничьими командами проникнуть поглубже в тыл и выяснить силы японцев в юго-восточном от Кайджоу направлении. Для этой цели генералу Самсонову было приказано выделить Запол[ь]-

(1) Такую же награду получил и хорунжий И. Г. Акулинин впоследствии генерального штаба генерал-майор. Он описал эту разведку в книге: Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. Харбин, 1934; стр. 113-116. — Примеч. **Ю. Т.**

скому полусотню казаков и генерал Самсонов назначил ее от нашего полка, как ближайшего из стоявших на биваке. Командир полка назначил ее от нашей 3-й сотни с сотником Кисилевым. Но когда подполковник Запольский увидел Кисилева, почти старика, то попросил подполковника Посохова назначить ему другого офицера. Назначили меня, чему я был очень рад. Кисилев меня усиленно благодарил за замену, хотя я был тут ни при чем. После полудня прибыли охотничьи команды и мы выступили с бивака вперед.

К вечеру 20 июня наш отряд, имея мою полусотню впереди, прошел наше сторожевое охранение. Во время пути подполковник Запольский ознакомил нас с поставленной отряду задачей и со сведениями о противнике, причем я, только что действовавший в этом районе, внес значительные поправки в те данные, какие были сообщены Запольскому нашей дивизией: генерал Чириков сильно погрешил в сторону увеличения сил японцев. Запольский высказал предположение, что армия Оку, повидимому, действует двумя группами: правая сосредоточена в районе Долинского и Шапонлинского перевалов восточнее Кайджоу, а левая группируется у Сеньчена к юго-западу от Кайджоу. Между этими группами находятся незначительные части, занимающие перевалы главного хребта верстах в двадцати восточнее железной дороги. Наша задача — незаметно проникнуть вразрез между обоими группами, для чего нам следует избрать для движения не дороги, а хребты гор и по возможности совершать ночные марши.

В ночь на 21 июня мы поднялись на хребет у сел. Седен. Пехота шла впереди, а я с казаками замыкал колонну. Шли очень медленно. Для нас, казаков, движение за пехотой, даже ночью и по горам, было довольно тяжело: почти все время шли, держа лошадей в поводу. Но все же мы продвинулись далеко вглубь и достигли дер. Ржудзятунь, что в 25 верстах от Кайджоу. Это была уже ближняя линия тылов японцев.

С рассветом роли переменились, теперь казаки несли службу разведки и охранения, а пехота шла за моей полусотней. Небольшие разъезды японцев и отдельные люди были видны в долинах, но они нас не замечали или принимали за своих, а чтобы вводить их в заблуждение я приказывал казакам брать пики на бедро, чтобы они не были видны издали (японская кавалерия пик не имела).

Провели мы ночь на высотах, так как иначе неминуемо встретили бы японцев, занимавших район Ржудзятуня. Определить их силы было довольно трудно, несмотря на то, что мои разведчики спускались с высот, чтобы установить места и величину биваков японцев. Один из этих разъездов был неосторожен и утром 22 июня вступил в перестрелку с небольшой пехотной частью. Под давлением японцев наш маленький разъезд стал отходить, наводя на нас преследующих. Мы довольно легко отразили небольшую пехотную часть ружейным огнем, но японцы повели на занятые нами высоты наступление 2-3 батальонами.

Запольский решил принять удар и мы заняли позицию на высотах северо-западнее Ржудзятуня. Моя полусотня была выслана для прикрытия правого фланга, наиболее опасного, так как с этой стороны был бивак, как мы считали, около полка японцев. Вскоре завязался довольно сильный стрелковый бой в выгодных для нас тактических условиях. Японцы долго не наступали; только после полудня, когда японские цепи стали нас обходить, Запольский решил отвести отряд назад, приказав мне прикрывать его отход.

Скоро отряд Запольского скрылся в складках местности и мне не стало его видно. Сдерживая огнем японцев, я только к вечеру со своими казаками отошел к северо-западу и присоединился к Запольскому. Настало время послать донесение и Запольский приказал мне выбрать лучшего урядника с четырьмя казаками, чтобы послать с ним в Койджоу донесение генералу Штакельбергу. Уверенности, что он выполнит эту задачу у нас не было — район позади нас был занят японцами. Была лишь надежда на наступающую ночь. Как потом оказалось, урядник прекрасно выполнил поручение и на рассвете доставил донесение по назначению, но вернуться уже не мог — все его попытки проникнуть к нам успеха не имели.

В происшедших перестрелках у нас были, по счастию, лишь легкораненые и они сопровождали нас — кто пешком, кто на казачьих лошадях, что несколько ослабило мою полусотню, особенно после командирования урядника с донесением.

23 и 24 июня Запольский, не сходя с гор, то наступал на японские биваки, то оттеснял разведовательные их части. У сел. Потойцзы нам пришлось выдержать довольно упорный бой и мы уклонились опять на восток. Снова послали денесение и снова оно было своевременно доставлено.

К ночи на 25-е мы должны были отойти на север, чтобы не оказаться совершенно в тылу наступающих японцев. Так как отряд был сильно утомлен и у нас не было воды, то Запольский решил на ночлег спустить отряд к краю долины, ведущей на Сифулинский перевал, что в десяти верстах к юго-западу от Кайджоу. Мы были хорошо укрыты большим перелеском, посреди которого находилась полуразрушенная фанза, в которой, чтобы не разводить костров, готовили ужин. Лошадей не расседловали и я выставил от казаков посты. Запольский приказал мне время от времени проверять их. Так как наш полк был пополнен казаками второй очереди, которые сохраняли свои звания действительной службы, то у нас в сотне оказалось четыре вахмистра. Одного из этих вахмистров я назначил на самый важный пост — на опушку перелеска, откуда была видна вся долина.

Раза три ночью я подходил к нему и он мне докладывал, что ничего им не замечено и шуму по дороге слышно не было. Едва рассвело, я вновь пошел на пост, протирая глаза от усталости. Каково же было мое удивление, когда я увидал весь пост спящим мертвым сном, но что меня сильно взволновало — это то, что я увидел в долине: она была полна идущими японскими частями. Разбудив вахмистра и изрядно его выругавши, я побежал будить Запольско-

го, чтобы покаяться в промахе моих казаков. Но он на это мне сказал, что если бы и ему пришлось быть на посту, то, вероятно, и он не выдержал бы усталости и заснул.

Мы быстро и без шума надели вьюки, а пехота стала в ружье. К несчастью, гора, на которую Запольский приказал нам взбираться первыми, считая, что мы сильно отстанем от пехоты, была необычайно крута и я боялся, что взбираться на нее, да еще под огнем японцев, будет крайне трудно. В этот день горы были покрыты густым туманом, но чтобы достичь его, надо было не мало пройти по склону горы, да и туман этот начал рассеиваться. За посланным вперед вахмистром стали подниматься на гору казаки, держа лошадей в поводу. Позади всех пошел я. По нас никто не стрелял; видимо японцы принимали нас за своих.

Лезть на гору было чрезвычайно трудно, но скоро мы взялись за хвосты своих лошадей и, погоняя их нагайками, быстро стали подниматься вперед. Поднявшись на полгоры я стал поджидать Запольского, который очень смеялся, видя наше быстрое продвижение. Но нас ждала новая неожиданность — на вершине нашей горы мы обнаружили движение японцев. Доходя до предельного рубежа, они выкидывали большие флаги с эмблемой восходящего солнца и, принимая нас, вероятно, за своих, помахивали ими нам. Запольский приказал продолжать движение параллельно японцам вдоль склона горы. Опять пришлось прятать пики. Так мы двигались до перпендикулярного хребта, где японцы располагались, видимо, на позиции.

Увидели они, что мы их противники только тогда, когда мы проходили этот хребет и сбили небольшие пехотные части, пытавшиеся остановить нас. Пройдя его, мы были уже на нашей стороне и вскоре присоединились к корпусу генерала Штакельберга, который занимал позиции впереди Койджоу.

Запольский был очень доволен работой моих казаков; оценил он и деятельность начальника охотничьей команды 1-го Восточно-Сибирского полка и сказал нам, что он нас обоих представил к золотому оружию. Пять моих казаков должны были получить георгиевские кресты.

Отряд Запольского прекрасно выполнил данную ему задачу. Он вполне точно определил силы противника в порученном ему для поиска районе и путем усиленных разведок ему удалось даже задержать на некоторое время наступление японцев. В этом случае Запольский проявил себя выдающимся офицером и смелым начальником. Глубоко образованный, тонкий психолог, он был одним из выдающихся и одаренных офицеров генерального штаба. Позже, во время мукденских боев, он с батальоном пополнения атаковал японцев под Императорскими могилами и был убит в самом начале атаки.

По возвращении из поиска отряд наш был расформирован и я со своей полусотней присоединился к полку, который в это время был выделен из дивизии и придан 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерала Гернгроса. Я со взводом находился в распоряжении генерала Леша. Меня вызвали в полк, чтобы отвезти какие-то срочные донесения в штаб дивизии. Дивизия еще продолжала быть под временным командованием генерала Чирикова.

Встретил меня Чириков довольно недружелюбно. Он заявил мне, что ему известно, что меня представляют к золотому оружию, но что он не даст ходу этому представлению, так как не видел моей работы, добавив при этом, что ему самому хочется проверить, насколько я вообще достоин какой-нибудь боевой награды и на следующий день поручает мне разведку в его районе. Я ему заметил, что командир полка приказал мне вернуться в тот же день в полк и что со мною, кроме вестового, нет ни одного казака. Чириков на это ответил, что даст мне казаков от 5-го полка и что его приказание покрывает распоряжение командира полка. Он накричал на меня, назвал "недоучившимся моментом" и приказал остаться при его штабе.

Уже вечером я получил письменное распоряжение Чирикова отправиться с разъездом 5-го полка в направлении соляных копей, находящихся на берегу Инкоуского залива, выяснить — нет ли там японцев и, заняв селение Таволга, которое свободно, наблюдать за их передвижением к северу от Койджоу. Я пошел в штаб, чтобы получить дополнительные данные, но Чириков мне объявил, что все необходимые сведения мне даны и что район этот был блестяще обследован подъесаулом Г., его ординарцем, за что он представляет его к ордену Св. Георгия.

Я обратился к Г., чтобы получить от него данные его разведки. Но тот, немного сконфузившись, сказал мне, что он разведку произвел два дня тому назад и обстановка могла измениться. При этом он мне показал какие-то шутихи (китайский фейерверк), которые он подобрал в Таволге, которая, подтвердил он опять, свободна от японцев.

Поздоровавшись с неизвестными мне казаками, я повел их на разведку. Пройдя версты две, мы вышли к небольшому, оставленному жителями, селению, откуда открывался обзор на солеварни и на всю местность до сел. Таволга. В одной фанзе я нашел большое количество шутих, подобно тем, какие мне показывал подъесаул Г. Это сразу навело меня на мысль, что он в Таволге не был и что к его сообщению надо относиться осторожно. Сел. Таволга находилось на совершенно открытой местности и могло быть для японцев прекрасным местом для наблюдения, что заставило меня предполагать, что оно не может не быть занятым японцами. Я послал донесение обо всем замеченном и упомянул о найденных шутихах.

Выслав вперед дозор из двух казаков, я рассыпал в лаву мой разъезд. Временами я останавливался, рассматривая Таволгу в бинокль. Находясь от этого селения шагах в 300-400, я, как и мой вестовой Чуйко, спешились, чтобы лучше рассмотреть Таволгу, но в этот момент раздался сильный залп, поваливший лошадей моих дозорных. Второй залп был направлен уже по нас; от него часть моего разъезда также потеряла лошадей. Были убиты два казака. Моя лошадь вырвалась и поскакала назад.

Ближайшим ко мне казакам я приказал скакать назад, а сам я побежал за ними, сопровождаемый сильным огнем. Ко мне подскакал урядник, чтобы взять меня на круп своей лошади, но почти сейчас же его лошадь была убита. Мы побежали вместе, по бежали не долго. Он был убит пулей в голову. Пробежав еще некоторое время и поравнявшись с лежащим казаком, оказавшимся тоже убитым, я лег на землю. Японцы прекратили огонь и стали выходить из селения. В это время я увидел скачущего мне навстречу казака с двумя лошадьми. Я понял, что это мой верный вестовой Чуйко. Я поднялся и побежал вперед. Если бы у японцев в Таволге были конные люди, то они могли бы захватить меня живым. Преследуемый опять ружейным огнем, я скоро встретился с Чуйко и быстро вскочил на коня. Но в тот же момент лошадь Чуйко была убита, а моя ранена в круп. Пришлось спешиться и мы с Чуйко побежали вместе. Моя лошадь плелась за нами. Скоро мы уж не имели сил бежать и шли шагом, но на счастье мы встретили остатки нашего разъезда, выславшего нам лошадей. Добравшись до селения, я послал донесение, указал все обстоятельства, приведшие к напрасной потере шести казаков и восьми лошадей и на неверность данных мне сведений перед разведкой.

Я отпустил моих казаков, поблагодарив их за работу и вспомнив их урядника, который погиб, спасая меня; я написал об этом в денесении его командиру полка. Затем я пошел, сопровождаемый Чуйко, в штаб генерала Самсонова, находившийся неподалеку от штаба дивизии Чирикова. Там я сделал доклад подполковнику Посохову и к вечеру, получив на время коня, которого должен был вернуть, с сопровождавшим меня казаком, отправился в свой полк.

Официальное сообщение отметило эту несчастную для меня разведку указанием, что я попал в засаду и потерял шесть казаков. Мне было обидно читать все это. Обстановка войны и полное уравнение офицеров и казаков перед опасностью сближали их между собою. В офицере казаки видели начальника, который потребует от них выполнения долга, но в то же время проявит полную заботливость о них и выручит их из беды. Вот почему я никогда не мог забыть мою трагическую разведку у солеварень. До сих пор не могу вспомнить без глубокой жалости к напрасно погибшим казакам и без искренней и нежной признательности к уряднику, заплатившему жизнью за попытку спасти неизвестного ему офицера-начальника. К моему огорчению я не могу вспомнить его фамилию.

Возвратившись в полк, я доложил командиру о происшедшем. Я не встретил в нем никакого сочувствия. Напротив, он мне сообщил, что им получены от Запольского бумаги о представлении меня к награждению золотым оружием, но что он не считает возможным направить наградной лист по начальству, пока он сам не будет иметь этой награды. Вырвавшись чудом из положения близкого к гибели, я спокойно отнесся к такому решению Калачева и только настаивал на том, чтобы Чуйко был представлен к знаку отличия Военного ордена, в чем мне отказано не было и месяца через четыре Чуйко получил Георгиевский крест.

1-го июля наш полк был выдвинут вперед и мы заняли высоты на левом фланге Дашичауской позиции. За это время я беспрерывно назначался в разведки, в сторожевое охранение, участвовал в мелких стычках и редко бывал в полку. Моя сотня потеряла несколько казаков ранеными и сам я был ранен во время боев под Койджоу, находясь с разъездом около этого города. Ранение было легкое, ниже колена. Урядник перевязал мне рану и я продолжал оставаться в строю. Вспоминая это время, я удивляюсь, как мог я выдерживать беспрерывную боевую деятельность, не имея положительно ни дня для отдыха.

Отойдя от Айзандзянских позиций, наш полк стал на отдых биваком в районе Ляояна. Это был для нас первый день настоящего отдыха после боев у Вафяндяна. На третий день нашего отдыха мы услышали крики: "Все вперед на линию..." Оказалось, что к нашему лагерю подъезжал верхом, со штабом командующий армией генерал Куропаткин. Полк быстро построился в пешем строю. Объезжая сотни, командующий здоровался с ними и благодарил за службу. Командир полка представлял офицеров, называя их фамилии. Когда очередь дошла до меня, то Куропаткин остановился и спросил, не я ли "Павлуша"? Получив утвердительный ответ, он спросил, давно ли я имею сведения из дома и обещал послать телеграмму отцу, сообщив ему, что видел меня в добром здравии. Затем он обратился к Калачеву и спросил его, доволен ли он мною. Всегда терявшийся перед начальством Калачев ответил, что я самый лучший его офицер...

— Очень рад, — заметил Куропаткин, — по просьбе его отца, это я его устроил в действующую армию.

Моя репутация "отчисленного" от академии была в глазах Калачева вполне восстановлена и по отъезде командующего он спросил меня, в каком я родстве с Куропаткиным? По мальчишеству, чтобы посмеяться над Калачевым, я ответил — это мой "дядя"...

В тот же день я получил отпуск в Ляоян и попросил отпустить со мною двух приятелей. Вскоре мое представление к золотому оружию пошло по команде. Но несмотря на мои "родственные" связи с командующим армией, его штаб мне в этой награде отказал и я получил очередной орден. По молодости лет я не мог воздержаться от того, чтобы не поделиться с товарищами моей шуткой с Калачевым. Это стало, в конце концов, известно и ему, но все же с тех пор отношение его ко мне стало вполне доброжелательным. Однако, он долго не хочел считаться с моим гвардейским старшинством, считая меня самым молодым в полку сотником. Только прочитав Высочайший приказ о моем производстве в подъесаулы, что случилось в скором времени, он был вынужден примириться с совершившимся фактом.

В Морском корпусе

(1893 — 1899 гг.)

(Окончание)

Капитан 1-го ранга Ф. В. Северин

Ходит молва, что моряки мастерски ругаются. Это верно, но ни в коем случае нельзя было давать волю словам при начальстве. На военных судах полагается вообще соблюдать тишину и допускается слышать голос старшего офицера или вахтенного начальника — и то не очень громкий — и предпочитается абсолютная тишина. Бывало не раз, когда в ожидании прибытия на корабль начальства команда при полной тишине выстроена на палубе, слышишь в машине какой-то стук (в машине не знают, что делается на палубе). Тогда срывается вахтенный унтер-офицер и кричит в машинный люк: "Не сундучить в машине...". Откуда взялись эти своеобразные слова "не сундучить" — Бог весть, но обычай этот всегда соблюдался в подобных случаях.

Палубные занятия продолжаются до 4 часов, а в 6 часов — ужин и чай. С заходом солнца — спуск флага. В 8 часов вечера на верхней палубе молитва, поют "Отче Наш" и затем раздаются койки. На учебных судах было отведено для кадет особое помещение, так называемая, кадетская палуба. Койки подвешивались наподобие гамаков. Матрасы были пробковые и сама койка служила одновременно и спасительным средством.

Все наши суда каждое лето прикомандировывались к учебному артиллерийскому или учебному минному отрядам на одну неделю. В минном отряде мы мало что делали — смотрели как взрывают мины, после чего на поверхности воды всплывает огромное количество рыбы, присутствовали и при стрельбе самодвижущимися минами.

Неделя же в артиллерийском отряде была совершенно иная. Едва успевали стать на якорь на ревельском рейде, где была база артиллерийского отряда, как к нам являлись флагманские артиллерийские офицеры и совместно с корпусным офицером составляли программу занятий. На следующий день, еще до поднятия флага, с раннего утра, отправлялись мы на различные суда отряда. Стреляли из ружей, пулеметов и орудий разных калибров.

Когда Бирилев был еще контр-адмиралом, он часто на берегу в Екатеринентале устраивал танцульки. Едва успеешь вернуться со стрельбы, как семафором передают — адмирал приглашает кадет на берег танцевать. В этих случаях адмирал заботился, чтобы дежурная шлюпка артиллерийского отряда нас доставляла в положенный срок домой, ибо назавтра надо быть уже в 6 с половиной утра на каком-нибудь броненосце береговой обороны, вроде — "Не тронь меня", для стрельбы из 8-дюймовых орудий...

В один из следующих годов начальником артиллерийского отряда был адмирал Рожественский. При нем, помню, режим был строгий и даже суровый в смысле не только дисциплины, но и науки. Его ученики, нижние чины, были отличные артиллеристы и так намуштрованы, что даже видя матроса издали, можно было безошибочно сказать, что он из артиллерийского отряда.

***

В среднем специальном классе, т. е. когда мы были младшими гардемаринами, наше плавание разделялось на два периода — плавание на барже и плавание на учебном корабле.

Баржа — это плавучая, довольно большая, железная коробка, без двигателя, приспособленная для жилья кадет. На верхней палубе — большая светлая рубка со столами для вычислений и чертежей. Судовая служба на барже упрощена до минимума; вся наша жизнь на ней была — приятное летнее пребывание у моря в живописной местности, ибо баржа наша была поставлена в безлюдной бухте недалеко от маяка Аскэ у Котки.

Наша работа заключалась в съемках и промерах, для чего мы были разделены на группы по 6-8 человек. Моей группе было поручено сделать съемку небольшого острова, находящегося при входе в бухту, обоих берегов, промеры проливов и сделать карту всей этой работы.

С утра, даже до подъема флага, едва напившись чаю, грузили мы в шлюпки вехи, лоты, планшет, краску и т. п. Грузился с нами и служитель с едой, кружками, чайником и анкером с пресной водой. На нас было рабочее платье и высокие сапоги. Подходя в шлюпке к месту работ, некоторые из нас начинали раздеваться и, не доходя до берега, бросались в воду. Бывало так, что дневальному одному приходилось догребать до берега, или плывшие брали на буксир шлюпку.

Выгрузив все вещи на берег и вытянув шлюпку, сразу же начинали обсуждать вопрос, как вести работы. Более усердные сейчас же брались за работу, другие же предпочитали пойти в лес за ягодами. Дневальный собирал сухие сучья, чтобы ко времени разогреть обед.

Чтобы освязать остров с общей триангуляцией, надо было нам создать приметное место. С общего согласия решено было над одной большой елкой "выстрелить" вторую елку — нечто вроде стеньги. На это ушло много времени — надо было сперва отыскать подходящее дерево, затем срубить его, притянуть на место, оснастить нужным образом, и, наконец, заняться "выстреливанием".

Покончив с этим, делали компасную съемку острова по его внешнему контуру. Для этого один нес рейку, другой шнур, третий занимался бусолью, четвертый записывал. Приходилось входить в воду по пояс, или, прыгая с камня на камень, обрываться и

невольно принимать ванну вместе со съемочными принадлежностями. Чтобы выделить какой-нибудь камень, приходилось его обмазывать краской, причем часто предварительно надо было сдирать мох с камня. Работали не спеша, никакого начальства не было с нами. Перед едой — опять купанье, а после еды — спать. Кто заберется в шлюпку, кто под дерево. Когде поспеет чай наш дневальный разносит кружки с чаем туда, где каждый отдыхал, а затем до 6 часов вечера — опять за работу. На работу выходили только в хорошую погоду, а в дождь, наиболее прилежные из нас, приводили в порядок и разрабатывали собранный материал, а остальные оставались в горизонтальном положении.

Делали мы также и промеры проливов. Два гребца равномерно гребли, третий на носу кидал лот, а сидевший на руле записывал глубины. Помню, что нами была вычерчена на ватманской бумаге карта нашей работы и по ней сразу можно было понять, как следовало бы итти кораблю по проливу. За эту нашу работу мы потом получили одобрение начальства.

По программе нам полагалось сделать морскую съемку, но это мы делали уже с корабля на ходу. Для этой цели был избран остров Гогланд, глубина вокруг которого довольно значительная, что очень удобно. Нас вооружили секстантами для взятия углов, другие брали пеленги приметных пунктов. Насколько помню, при нанесении на план всех углов и пеленгов получилась колоссальная неувязка — очевидно где-то была сделана ошибка и из нашей работы мало что получилось толкового, но на этом все успокоились...

⁂

Удивительно было красиво на учебном судне в летние жаркие воскресенья. После обычной приборки команда и кадеты к 10 часам по сигналу адмирала переодевались во все белое. В 10 часов бьют "на молитву" и поднимается флаг "молитвенный" — белый квадратный с красным крестом. Когда он поднят, на палубе соблюдается полная тишина — дудок не дается и караул не вызывается. Так как наши учебные суда были малы, то священников на них не было и молитвы читал кто-нибудь из матросов.

По окончании молитвы офицеры, команда и кадеты становились во фронт и командир обходил фронты по-вахтенно и здоровался. Затем команда: "Команда и кадеты, на шканцы!" Командир здесь читал несколько статей из Морского устава; все присутствующие при этом стояли с обнаженными головами

Затем команда: "Корабль к осмотру!" Все расходятся по местам, где им поручено заведовать какой-нибудь частью. Так, например, один из нас становится у шлюпки, другой у мачты, третий у пушки. Командир обходит корабль и расспрашивает о деталях, например, — какие предметы составляют штатное снабжение шлюпки, ее длину, ширину, вооружение; у канатного ящика, где находится якорная цепь — размеры и вес звена, вес якоря, как размечена цепь, дабы знать число вытравленных сажен и т. д. Заведование подобными частями давалось нам на две недели и надо было изучить эти части и зарисовать их в записную книжку. Незнавший рисковал на две-три очереди лишиться съезда на берег, что зависело от требовательности командира корабля.

К концу плавания на каждом корабле делались практические экзамены по всем предметам нашей практической программы. Особенно хорошо помню экзамены по штурманскому делу на крейсере "Рында". Судовой штурман корпуса штурманов Филипповский особенно "свирепствовал" на экзаменах по своему предмету, которые происходили в штурманской рубке. Входили мы к нему по очереди и он сразу же, например, говорил: "Проложите на карту норд-ост 74". Надо было взять линейку и сразу же ее положить в норд-остовую четверть. Многие мальчишки не знали насколько он требователен и, не вдумавшись в вопрос, клали линейку, как попало. За такие ответы он ставил 1 балл и прекращал экзамен.

Последнее плавание, как гардемарин, я делал на "Верном". Погода летом в Балтике стоит вообще хорошая, но уже с конца августа начинает заметно портиться, а так как старшие гардемарины плавали не три, а четыре месяца, то с началом осени им приходилось иной раз испытать штормы.

Шли мы в Либаву, а за нами шел "Вестник", на котором была треть наших товарищей. Погода разыгралась довольно свежая и ветер развел крупную волну. Было часов 11 вечера и, так как мы были старшими гардемаринами, то коек нам не раздавали до постановки на якорь. Порт Императора Александра III-го не был еще окончен постройкой и у входных ворот на концах волноломов не были еще установлены электрические фонари, а горели керосиновые с слабым светом. Входя в средние ворота аванпорта, штурман принял огни стоящих в порту судов за входные огни. Вдруг раздался голос командира, капитана 2 ранга Вирена: "Мы прямо на камни..."

Мы, гардемарины незанятые службой, были на полуюте и, услыша голос командира, увидали совсем близко от корабля белую пену разбивавшихся волн о камни волнолома. Командир скомандовал: "Право на борт!" и корабль покатился влево, а так как "Верный" имел полное парусное вооружение, то есть полный рангоут, то от такой быстрой перекладки на борт нас по инерции очень сильно положило на правый борт, да и волны подбавили еще крен, который стал настолько силен, что мы орудийными выступами верхней палубы зачерпнули воду...

Момент был довольно жуткий, особенно когда услыхали голос командира: "Мы больше не вытянем!...". На на наше счастье через несколько секунд корабль начал выпрямляться и в результате все обошлось благополучно. Но близость серьезной опасности произвела на нас больше впечатление. Наш репетитор английского языка, мистер Вебб. на следующий же день уехал с корабля, заявив командиру, что он не может рисковать своей жизнью, имея семью.

Простояв несколько дней в Либаве, мы пошли в Кронштадт, где должны были происходить практические выпускные экзамены в присутствии комиссии

от флота. К этим экзаменам конечно готовиться не приходилось — все нам было изветно за шестнадцать месяцев кадетских плаваний.

В день экзамена "Верный" стал на якорь на большом рейде. В 9 часов приехала комиссия во главе с контр-адмиралом Дикер. Корабль был под парами и готов выйти в море. Комиссия всех нас распределила по разным местам, поставив на различные роли — одного на роль командира, другого на роль старшего офицера, других к уборке якоря, на руль и т. д. Я попал на роль лотового и должен был во время съемки с якоря показывать глубину. Я кидал лот и, стоя на шлюпке, поднятой на шлюпбалках, нагибался над бортом и кричал: "Десять сажен, вперед идет! Двенадцать сажен, вперед идет!"

Адмирал был на переднем мостике, а члены комиссии во всех концах корабля задавали экзаменующимся различные вопросы. Так продолжалось до 11 часов, когда пошли обедать, а командир пригласил адмирала к себе в каюту, а членов комиссии к столу. С 2-х часов экзамен продолжался — опять нам задавались всевозможные вопросы, ставили паруса, определяли место корабля по пелингам и этим закончились экзамены. Адмирал выразил свое удовольствие за показанные нами перед флотом знания, благодарил нас, сказав, что наше вступление в ближайшем будущем как офицеров во флот будет для флота большим приобретением...

Учебное судно "Верный" на этот раз пришло на малый рейд и на следующий день при помощи катеров вошло в порт. Дня через два на корабль были присланы списки вакансий и было приступлено к жеребьевке. Во флоте у нас существовал следующий порядок. Первые десять, имевшие лучшие баллы, имели право выбора флота по своему желанию, а все остальные тянули жребий. В мое время это произошло так: наш старый корпусный офицер полковник Петр Иванович Тыртов пришел на шканцы со списком. Было 40 вакансий в Балтийский флот, 20 — в Черноморский, 6 — в Сибирский и 2 — в Каспийский. Сперва первые 10 — все выбрали Балтийский флот, затем несколько человек выразили желание идти в Чермоморский, Сибирский и один — в Каспийский и на оставшиеся ваканши надо было тянуть жребий. Написали на листочках бумаги эти вакансии, а на других фамилии. Эти листки положили в две фуражки. Сперва брали записку с фамилией, а заетм записку с пометкой — в какой флот. Лично мне посчастливилось — я попал в Балтику и был этому весьма рад.

Служба в Балтийском море считалась у нас приятнее и интереснее, так как являлась возможность попасть на корабль идущий в дальнее плавание. Не знаю почему, но среди нас, гардемаринов, было убеждение, что в запертом Черном море служба велась по-домашнему и называли служивших в Черном море — "хуторянами", что, конечно, было песправедливо.

Окончили мы плавание числа 7 сентября и вернулись в Петербург. В ожидании производства — кто имел родных, жил у них, а кто не имел, жил в корпусе. В корпусном лазарете, где жили наши бездомные товарищи, мы собирались почти ежедневно, стараясь узнать новости насчет приказа о производстве. Наконец, этот приказ состоялся — нас произвели в мичманы 14 сентября 1899 года.

Об этом я узнал случайно. Идя по Невскому проспекту, я увидел одного из товарищей, мчавшегося на извозчике с приказом о производстве под погоном. Это был своего рода шик показать всем, что производство состоялось.

Торжественный акт и присяга были числа 18 сентября. На акте, происходившем в Столовом зале, в присутствии всего корпуса и корпусного начальства нам были выданы аттестаты об окончании корпуса, а в корпусной церкви была совершена присяга и отслужен молебен. В тот же день был товерищеский обед в ресторане Кюба.

Я был назначен в 3-й Флотский экипаж, который стоял в Петербурге в Галерной гавани.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Угроза конной атаки

(Материалы к истории 1-го уланского Петроградского полка)

В. Скальский

В первых числах июля 1915 года полк наш, в составе 1-го кавалерийской дивизии, после отдыха в Петрограде высадился в Митаве. Эскадроны были полного сотава после полученных пополнений и были в блестящем виде. Почти не верилось, что совсем недавно во взводах не было и восьми рядов, а убыль в офицерском составе была такова, что я — корнет — во время боев командовал эскадроном, а штабс-ротмистр граф Грабовский замещал дивизионера. Теперь же, нашим эскадроном вновь командовал ротмистр Н. К. Модзалевский, вернувшийся в Петрограде в полк после ранения в Ласдененских лесах в январе месяце. Граф Грабовский был старшим офицером и кроме него в эскадроне был еще поручик С. А. Скрябин, тоже вернувшийся в полк после ранения, два прапорщика запаса — Владимир Антонович фон Эссен и барон Пален — и я. Иначе говоря, офицеров было больше чем требовалось и так было во всех эскадронах.

Такое положение, к сожалению, продлилось недол-

го. Это был тот тяжелый период войны, когда не только не хватало снарядов, что принуждало нашу артиллерию молчать, но не хватало даже винтовок и патронов. В районе Митавы положение было особенно критическим. Под давлением прекрасно вооруженных и подавляющих сил противника наши войска отступали, неся огромные потери и часто уже не веря в возможность остановить немецкое наступление. Отстоять Митаву было уже невозможно и создавалась серьезная угроза для Риги. Дивизия наша прямо из вагонов была брошена в бой. Сразу начались потери. Через двадцать четыре часа тяжело был ранен в грудь навылет командир эскадрона ротмистр Модзалевский. Эскадрон принял вновь граф Грабовский.

11-го июля дивизия вышла на линию Оглей-Чушие, занятую одним из полков 7-го Сибирского корпуса. Полк этот, как и другие полки этого корпуса, понес сильные потери в предыдущих боях и был слабого состава. В помощь ему и в усиление его фланга посланы были спешенные эскадроны частей дивизии. Наш полк был назначен в резерв.

Настроение было напряженным. Ружейный и пулеметный огонь то, как будто бы, затихал, то возобновлялся с новой силой. Наша артиллерия стреляла редко, зато немецкая, казалось, не щадила снарядов и часто переходила на беглый огонь. Мы не могли следить за ходом боя — с места, где мы стояли, ничего не было видно. Но по шуму боя, по стрельбе то приближающейся, то удаляющейся и стихающей, можно было приблизительно себе представить его перипетии.

Во второй половине дня нам стало ясно, что бой принял неудачный для нас оборот. Пешая батарея почти не стреляла, а ружейный огонь слышался все ближе. Вскоре командир полка, полковник Люце, был вызван к начальнику дивизии. Пешая батарея вовсе прекратила огонь, а немецкие орудия били беспрерывно и разрывы снарядов стали к нам приближаться. Офицерские группы стояли перед своими эскадронами. Чувствовалось, что что-то должно произойти.

Вернулся полковник Люце и вызвал к себе командиров эскадронов. Вернувшийся от командира полка граф Грабовский объяснил нам, что наша пехота понесла большие потери и отступает в беспорядке, что немцы стреляют снарядами с удушливыми газами и что прислуга у пешей батареи частью перебита, а частью отравлена газами. Обстановка такова, что немецкая пехота преследует Сибирских стрелков и может захватить оставшиеся на позиции наши орудия. Поэтому — чтобы остановить немцев и восстановить положение, кавалерии приказано атаковать их в конном строю. Первыми пойдут в атаку Петроградские уланы, за ними — Сумские гусары. Московский лейб-драгунский полк должен атаковать с правого фланга. Казаки будут в резерве. Первым эшелоном Петроградцев пойдет 5-й эскадрон.

При нашем эскадроне в этот день был полковой штандарт. Его принял поручик Скрябин и с отделением улан увез в тыл к обозу 1-го разряда. Полк сел на коней. Послышались команды: "Полк, шашки вон! Пики к бою!"

Граф Грабовский разомкнул эскадрон, как это должно, для атаки на пехоту и повел его рысью. Мой второй взвод был на правом фланге эскадрона. Полковник Люце пропускал перед собою, идущий в атаку, полк. По натуре, он не был экспансивен, но на этот раз казался взволнованным и, когда мы проходили мимо него, он отсалютовал нам шашкой.

Вскоре мы увидели нашу отступающую пехоту. Она отходила в полном расстройстве и даже не отстреливалась. До пехоты было приблизительно полверсты. Мы перешли в галоп. Когда мы проходили через отступающих Сибиряков, они нас радостно приветствовали криками: "Спасибо, братцы!... Выручили!..." Многие несли или поддерживали раненых.

Вдруг со стороны немцев загремели выстрелы и перед нами разорвалась очередь шрапнелей. Но немецкие пушки стреляли плохо — с большим недолетом и высокими разрывами. Они дали еще несколько очередей, сократив дистанцию, но не причинили нам ни малейшего вреда. Когда мы проходили через опустившийся от разрывов дым, нам показалось, что у него был какой-то особенный, кислый, запах, от которого щекотало в горле. Были ли это снаряды с удушливыми газами — сказать не могу. Быть может это было просто наше воображение.

Огонь немецкой артиллерии прекратился. Перед нами никого не было. Мы продолжали идти галопом.

Перейдя через небольшой бугор, мы неожиданно увидали следующую картину. Верстах в полуторах от нас стояла немецкая батарея. Рядом с ней, в двойной колонне, стояла немецкая кавалерия. Не успели мы показаться на гребне холма, как к батарее галопом стали подводить передки и, сняв орудия с позиции, увели их в тыл. Немецкие эскадроны, повернув повзводно налево кругом, последовали за батареей. Перед нами, шагах в трехстах, шла линия окопов и в них никого не было видно.

И вот, тут-то, вдруг послышался сигнал: "Стой! Равняйся! Стой!" Грабовский остановил эскадрон. Мы стояли шагах в полутораста от линии окопов.

Стоим в полное недоумении. Что произошло? Почему нас остановили, когда победа казалась наполовину достигнутой?

Мы оглянулись назад. Позади нас никого не было. Другие эскадроны полка за нами не следовали...

Наш эскадрон спешился и мы простояли в поводу около трех часов. За все это время мы не видали ни одного немца и не слышали ни одного выстрела. С наступлением темноты эскадрону было приказано отходить и мы присоединились к полку.

Здесь мы узнали, что до того как весь полк успел выполнить распоряжение о движении вперед, пришел приказ начальника дивизи, генерала барона Мейделя, атаку остановить. Наш эскадрон отошел уже слишком далеко и его удалось остановить сигналом посланного за нами штаб-трубача лишь перед линией окопов.

Чем была вызвана отмена атаки? Мы не знали, но у нас осталось горькое чувство — как будто бы нас лишили заслуженной победы.

На следующий день нам сказали, что пехотное

начальство благодарит полк за спасение Сибирских стрелков и их артиллерии.

Вспоминая все это, невольно задумываешься и дивишься какое моральное воздействие могла иметь одна лишь угроза конной атаки! Ведь немцы вели победоносное наступление. В этот день, на нашем участке они разбили нашу пехоту, принудив ее к беспорядочному отходу. Они приготовили свою кавалерию, чтобы бросить ее в преследование разбитого врага. И что же? При появлении одного атакующего эскадрона — весь полк пропал! Пехота их скрылась, артиллерия снялась с позиции и бросилась спасаться в тыл. За ней последовала, долженствовавшая завершить победу, кавалерия! Немцы не только очистили поле сражения, но не посмели показаться или просто открыть огонь в течение нескольких часов.

Конечно, немцы не могли не знать о присутствии нашей дивизии и угроза конной атаки осталась и она оказалась достаточной для превращения победы в бегство.

Сколько раз за войну на кавалерию возлагались непосильные задачи. Часто забывали, что спешенный полк не мог, обыкновенно, выставить более четерехсот стрелков. И как часто не умели использовать ее и бросить в нужный момент в конную атаку.

Начало конца

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОХОД

Н. Гранберг

(Окончание)

Офицерское собрание батареи помещалось в крайнем доме деревни, откуда шла узкая тропинка к дороге, которая извивалась вдоль оврага и по которой можно было дойти до позиции 2-й батареи Лейб-Гвардии Стрелковой артиллерийской бригады, где все было замаскировано и никто не мог бы открыть место батареи, если бы случайно не натолкнулся бы на нее.

Наступил конец долгой зимы 1916-17 годов. Весеннее утро распускалось во всей своей красе, когда по черным разъезженным колеям я шел на батарею, погруженный в невеселые думы. Тревожные вести приходили из Петрограда, в связи с которыми происходили соответствующие разговоры среди офицеров, заставлявшие анализировать переживаемые события.

Подойдя к солдатским землянкам, я был встречен дежурным по батарее и взводным фейерверкером Зиновьевым, старым артиллеристом, верным служакой и ярым патриотом своей батареи. Потягиваясь и отряхиваясь, медленно выходили из своих землянок ездовые, орудийная прислуга, телефонисты, разведчики — все это старые батарейные солдаты, спаянные трехлетним совместным пребыванием на войне. Все в лучшем виде, и невольно у меня появилась уверенность, что эти не подведут, несмотря на все тревожные слухи и вести из тыла.

Таковы были русские артиллерия и кавалерия в начале 1917 года. Совсем другое было в пехоте, где десятки раз за протекшую кампанию части меняли свой состав. Теперь, после тридцати месяцев войны, старые солдаты и кадровые офицеры были редкостью. Их не знали как и сохранить для двух главных назначений: моральной основы боевой ценности части и обучения кадров пополнения. Обе задачи были первейшей важности и, несмотря на все усилия и компромиссы, удовлетворительных результатов достигнуть было почти невозможно. Просчет в далеком прошлом не мог быть исправлен.

Осмотрев позицию и поговорив с солдатами, я медленно возвращался в деревню, как вдруг резкий окрик меня остановил. Обернувшись, я увидел бежавшего телефониста, который, размахивая руками, старался обратить на себя мое внимание.

— Так что, ваше высокоблагородие, командир просят вас к телефону, — доложил телефонист.

Быстро иду на батарею и беру телефонную трубку.

— Новость, — сообщает командир, — мы вечером в поход. Передай, чтобы все готовились, собирались, собирали телефонные линии и укладывались. Поторапливайся. Когда придешь — все расскажу.

Когда я пришел в собрание батареи, все офицеры уже завтракали. Командир дивизиона полковник Борис Дмитриевич Куликовский был взволнован. Среди офицеров батареи я увидел капитана Андрея Николаевича Курвоазье, который из нашей батареи был назначен временно командовать 6-й батареей.

Когда подали кофе и дверь за буфетчиком захлопнулась, командир дивизиона сообщил, что в Петрограде беспорядки. Запасные и рабочие бунтуют, стрельба на улицах и нас, вместе с Л.-Гв. Преображенским и 3-м Стрелковым Его Величества полками, вызывают на усмирение. Мы должны без смены вечером сняться с позиции и итти на погрузку. Переход сорок верст. Надо предупредить, чтобы солдаты не болтали и говорить, что идем на другую позицию, а смена прийдет после.

Было 3 часа дня. За грубым деревенским столом разговаривали командир дивизиона полковник Куликовский и капитан Курвоазье. Кругом по кроватям, занимавшим всю комнату, сидели офицеры батареи.

— Ничего не понимаю, — сказал Куликовский: почему вызывают нас? Ведь отсюда три дня пути. Неужели ближе нет войск?

— Наверное считают нас лучше других, — говорит Курвоазье: — только мы запоздаем.

Я вышел на крыльцо. Наши денщики выносили наш багаж и укладывали его на повозку.

Никто не знает и никто никогда не говорил о том, почему командир Лейб-Гвардии Стрелковой артиллерийской бригады генерал-майор Селиверстов выбрал вторую батарею для похода на Петроград, в то время когда ее новый командир, полковник Радкевич, сменивший в этой должности полковника Куликовского, находился в отпуску, старший офицер был в командировке, и налицо в батарее оказалось четыре офицера: автор этого очерка штабс-капитан Николай Иванович Гранберг, поручик Сулима-Самуйло, подпоручик Бутовский и прапорщик Моцарский. В момент получения приказа о походе командир бригады вернул в батарею капитана Курвоазье, которому и пришлось возглавлять батарею в этой необыкновенной операции, каковая по своей необыкновенности являлась второй в истории батареи, так как в 1900 году она, единственная гвардейская часть, принимала участие в подавлении боксерского восстания и в составе международных войск участвовала во взятии Пекина под командою своего командира, впоследствии известного генерала Мрозовского, за что получила отличие на парадный головной убор с надписью "За взятие Пекина в 1900 году".

Итак, около четырех часов дня 11-го марта (по новому стилю) 1917 года, вдоль весенней черной дороги вытянулась длинная колонна гвардейской батареи с ее первоклассным конским составом. Все — золотисто-рыжие лошади, выносливые, сильные, втянутые в походы и лишения — были гордостью батареи и продуктом нежной заботы солдат.

Монотонное движение батареи заставляет вновь погрузиться в мысли. Невольно задаешь себе вопрос, что происходит в Петрограде и насколько все это серьезно. Получены дополнительные сведения, что целая серия разных войсковых частей снята с различных фронтов и послана на усмирение. Среди назначенных называют три полка 2-й кавалерийской дивизии, с их конными батареями, два полка 15-й кавалерийской дивизии, 17-й пехотной дивизии 67-й Тарутинский и 68-й Лейб-Бородинский полки — все с Северного фронта. Из Ставки следовал с генерал-адъютантом Ивановым Георгиевский батальон; с Юго-Западного фронта — некоторые части Гвардии, в числе их Лейб-Гвардии Преображенский и 3-й Стрелковый Его Величества полки и наша батарея.

С четырех часов дня до темноты мы шли по тылам одиннадцатой армии и отчасти восьмой. Уже в сумерках ушел вперед разъезд квартирьеров. Я был с разъездом. Все было забито тыловыми учреждениями. С большим трудом нашли квартиры и устроились очень тесно. Помню, что в поисках свободной деревни я натолкнулся на обоз Преображенского полка, при котором был запасный батальон. Эта встреча оставила незабываемое впечатление. Я вошел в полутемную избу. Преображенцы сидели вдоль стены и при моем появлении сразу вскочили и стали смирно. Навстречу мне подошел стройный унтер-офицер — прямо красавец. Было ясно, что этот солдат знал и чувствовал, что он Преображенец; от него определенно шла моральная сила, которая воспринималась всем его окружением. Когда я вышел из избы, то услышал разговор моих квартирьеров: "Ишь, ладные ребята... Таких мы еще не видали. Фортовые, хоть куда. Говорят, что поедут скоро; сказывают, что в Петроград..."

Гудок автомобиля. Раскидывая грязь и бороздя глубокие колеи, шла сильная машина. В ней сидели два офицера. На плечах одного из них блеснул императорский вензель — это был Свиты Его Величества генерал-майор Дрентельн, командир Лейб-Гвардии Преображенского полка.

В ночь на 13 марта вторая батарея почевала недалеко от станции Верба, на железной дороге Броды-Дубно-Ровно. По железной дороге от этой станции до Петрограда свыше тысячи верст...

В эту же ночь, около четырех часов утра, на маленькой станции Николаевской железной дороги неожиданно остановился идущий из Могилева на Петроград свитский поезд. Через несколько минут, подавая тревожные гудки, на запасный путь подходил красивый и нарядный поезд русского Императора. Теперь оба поезда стояли рядом. Неизвестно сколько прошло времени, может быть час, а может быть — два, наконец, что-то случилось. Засуетились железнодорожники и паровозы обоих поездов направились на стрелки, их переводили к задним вагонам. Около семи часов утра оба поезда медленно отошли обратно. Император не смог проехать в Петроград. В Тосно дальнейший путь преградило восстание. Решено было итти на Псков, где был штаб Северного фронта.

Под влиянием некоторой нервозности офицеры батареи поднялись еще когда только чуть засинели предрассветным светом маленькие окна избы. Полковник Куликовский и капитан Курвоазье уже сидели за столом и пили горячее кофе.

— Я все же не понимаю, что происходит, — говорит Куликовский: — до сих пор мы не получили приказа грузиться. Когда же мы приедем на место?

— В самом деле, когда? — замечает Курвоазье.

— Проворонили наверное, запоздали...

День 13-го марта 1917 года прошел для нас в ожидании новых приказаний, без всякого движения...

Наступило утро 14-го марта. Около восьми часов утра, пока царские поезда шли на Дно, размашистой рысью, на добром поджаром коне, ехал артиллерийский разведчик. Он был в пути уже давно. Его послали из управления Л.-Гв. Стрелковой артиллерийской бригады найти вторую батарею и передать приказание ее командиру. Разведчик миновал много деревень и только теперь наткнулся на фуражиров батареи. Получив нужные указания, всадник поехал по дороге мимо батарейного парка и остановился у избы, где стояли повозки.

Командующий батареей стоял на крыльце.

— Так что от управления бригады, — доложил разведчик, передавая пакет.

Капитан Курвоазье распечатал конверт, расписался в получении и, отдав его разведчику, вошел в

избу. Офицеры только что поднялись и все оглянулись на появившегося в дверях командующего.

— Господа, новость, — сообщил Курвоазье, — командир бригады приедет через три часа сделать нам смотр. Прошу всех осмотреть свои взводы. Посмотрите, чтобы на лафеты не привязывали разной дряни, уж очень плохой вид. Меня удивляет — нет ни слова о погрузке. Ничего не понимаю, ведь отсюда до Петрограда более тысячи верст. Раньше четырех дней туда не приедем... И думать нечего...

Несколько минут спустя вошел в избу фельдфебель батареи подпрапорщик Наливайко, которого вызвал командующий батареей.

— Я вас вызвал, Александр Яковлевич, чтобы вам сообщить, что в двенадцать часов дня командир бригады произведет нам смотр. Будьте добры, приготовьте батарею к этому смотру.

— Слушаюсь. Все будет сделано, да у нас, слава Богу, все в порядке. Что касается укладки, то я приказал все с лафетов убрать.

— Прекрасно. Отправьте все лишнее в обоз.

— А разрешите узнать, что такое будет? В батарее говорят, что нас в Петроград повезут. Будто там бунт, а мы здесь без дела стоим, вместо того, чтобы там все быстро в порядок привести. Ребята говорят, что в тылу заелись... Нашли время бунтовать, когда война...

— Да, что-то вроде этого, но наверное ничего не известно.

— Только я полагаю, что кабы не запоздать, потому что раз бунт, то надо поскорее. Там ведь пехота с новыми ребятами, старых солдат совсем нет. У нас-то все ладно, каждый известен, да и господа офицеры с нами.

— Вы правы, но что поделать раз приказа нет. Итак, действуйте — нам выступать в десять часов тридцать минут...

Между избами, посреди заброшенных огородов, ровным квадратом стоит запряженная батарея, готовая к выступлению. Все восемнадцать запряжек, кухня, обоз. Все притихло. Из-за избы показался командующий батареей с трубачом на серой лошади.

— Смирно! Господа офицеры.

Сотни раз переживала батарея момент встреч своих командиров, которые каждый вписывал свою страницу в историю батареи. Батареей командовали полковники Мрозовский, Фурман, Жерве, Куликовский и последним командиром был Радкевич. Из них первый был во главе батареи на полях Маньчжурии и Китая в 1900 году, а последние три командовали ею в первую Великую войну 1914-17 гг.

Справа поорудийно батарея вытягивалась по разъезженной дороге по направлению к станции железной дороги, где было выбрано поле для смотра. Прибыли на место, построили резервную колонну. Ездовые начали затирать забрызганные крупы лошадей. Номера подравнивали колеса и протирали стороны передков.

Так стояла батарея на просторах военного поля под Красным Селом, где был последний гвардейский парад. Гремели французские марши, гремела марсельеза. Лихо проходили гвардейские батальоны, гвардейские батареи. Император и президент Французской республики... Еще не было войны, но все ее ждали. Дождались... она пришла, и новый парад пришел для батареи в полумраке раннего утра в Стрельне 6-го августа 1916 года, когда мы уходили на войну. На складах и в цейхгаузах остались гвардейские парадные мундиры с артиллерийскими бархатными лацканами, кивера и красивые артиллерийские вальтрапы...

— Ездовые, садись" — раздалась команда.

— Смирно! Господа офицеры!

Из-за березок на углу поля показался на рыжем крупном выхоленном гунтере командир Лейб-Гвардии Стрелковой артиллерийской бригады, генерал-майор Василий Петрович Селиверстов. За ним, красиво прося повод и выгибая стройную шею, виднелся золотисто-рыжий "Патриций", красавец-конь бригадного адъютанта, штабс-капитана Злобина 1-го. Трубач и два ординарца держались сзади адъютанта.

Генерал поздоровался с батареей. Громкий ответ солдат резко потряс воздух. Командир бригады проехал по фронту, окидывая острым взглядом его ряды. Найдя все в порядке, он вышел на середину.

— Повелением Государя Императора вам предстоит совершить поход. Вы выбраны для этого, потому что батарея показала свой твердый воинский дух. Я уверен, что в этом новом походе батарея оправдает себя и что вы все, что бы от вас не потребовали, пойдете за вашим командиром и за вашими офицерами. Желаю вам всем счастливой дороги!

Командующий батареей поднял руку. Громовой ответ пронесся по полю... Парад был окончен...

Страница истории повернулась, без комментарий и без реляций. Невидимая рука вдруг задернула занавес...

Час спустя после смотра пришла отмена похода.

Длинной колонной вторая батарея потянулась в обратный путь по той же дороге и на ту же позицию. Где-то в пути, взрывая грязь и пугая лошадей, промчался назад автомобиль Преображенцев...

Войска не знали хронологического течения всех событий в связи с революцией и отречением Императора. Написанные строки дают только одностороннее освещение того, как реагировала армия на фронте.

***

Серая однотонная действительность закрыла пережитое. Передо мною опять черные окуляры артиллерийской двурогой трубы, уставившей свои очи на далекий Пустомытский лес, где был опасный овраг и где была цель "номер восемь", откуда всегда ждали неожиданной атаки.

И не знаю почему — мне захотелось для памяти сделать заметку: на всем фронте в 1500 километров, протяжение которого было в три раза длиннее западного, в это время стояли и оперировали 140 русских дивизий против 105 австро-германских. В самое страшное время разложения русских войск, русские армии связывали на восточном фронте около 80 или 90 дивизий противника из числа 232, которыми располагал он на всех европейских фронтах.

На броневике „Верный“

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ 1918 ГОДА)

С. Нилов

(Продолжение)

В гражданскую войну, когда обе стороны носили приблизительно одну и ту же форму, говорили на одном языке — происходили иногда забавные, а порою трагические случае, когда своих принимали за противника, а противника за своих. Особенно часто эти случаи происходили с бронеавтомобилями, часто действовавшими самостоятельно и в отрыве от своих частей.

Во время Второго кубанского похода, заняв Белую Глину, Добровольческая армия, прежде чем продолжать наступление на Тихорецкую, должна была ликвидировать южную группу красных, численностью в 6500 человек при 8 орудиях, занимавших район: сел. Медвежье — станицы Успенская и Ильинская. Для этого была назначена 2-я дивизия генерала Боровского, которой был придан мой броневик "Верный".

Утром, 28 июня, Корниловский полк под проливным дождем атаковал хутор Богомолов в полутора верстах от сел. Медвежье, разбил красных и захватил много пленных. Около 11 часов выглянуло солнце и Корниловцы перешли в наступление на сел. Медвежье.

Броневик "Верный" с надетыми на колеса цепями с трудом двигался по вязкой черноземной, размытой дождем, дороге. Пройдя цепи красных, он попал под обстрел большевистской батареи, стоявшей впереди села. Обстреленная дальним пулеметным огнем батарея вскоре подала передки и скрылась в селе. Громадное уездное село Медвежье после дождя превратилось в болото.

Выехав с большим трудом из-за ужасной грязи на площадь и пытаясь перейти через огромную лужу, броневик в ней окончательно завяз. Кругом проходили отдельные красноармейцы. Приходилось терпеливо ждать подхода корниловских цепей. Вдруг на площадь вышла отходящая рота красных — человек 150.

— Эй, товарищ, — закричал кто-то из отступавших, — что ждете? Кадеты к селу подходят! Смывайтесь скорее!

Я сидел на крыше броневика в кожаной куртке, правда, без погон, но в фуражке с кокардой. На крыше броневика развевался большой трехцветный флаг, на стенках были нарисованы трехцветные круги.

— Смывайтесь, — сказал я с досадой в голосе. — Что вы не видите, что машина завязла в грязи?

— А мы поможем вытащить. Есть канат?

— Вот, за это спасибо!

Я выкинул из броневика канат. Красные зацепили его за передние крюки машины и дружно вытащили ее на дорогу. Я еще раз поблагодарил большевиков.

— А теперь, товарищи, бросайте ружья и сдавайтесь.

— Да ты что? Да почему?

— Да потому, что мы самые кадеты и есть.

Красные никак не хотели верить. Тогда я сбросил кожаную куртку и показал им свои золотые погоны. Это, а еще больше пулеметная очередь над их головами, убедили красных, что я не говорю неправду. Они положили оружие. Вскоре подошла корниловская цепь.

⁂

Генерал Боровский ночью продолжал движение и на рассвете 29 июня авангард 2-й дивизии — улагаевский пластунский батальон и броневик "Верный" — уже по высохшей дороге подошел к станице Успенской.

Большевики окопались на буграх в версте от станицы. Пластуны развернулись и залегли. Броневик остался стоять на дороге. Невидимая за горой красная батарея стала назойливо обстреливать нас шрапнелью. Разрывы ложились близко, а в открытой степи укрыться было негде.

— Долго ли мы будем изображать собою неподвижную мишень? — сказал я командиру пластунского батальона. — Давайте пойдем в атаку.

— Приказано ждать подхода Партизанского полка, а, впрочем, если вы пойдете вперед, то и я — за вами.

Броневик был встречен сильным ружейным огнем, но дорога была свободна и не перекопана; едва броневик "Верный" поравнялся с окопами, часть красных подняла руки и закричала:

— Мы — мобилизованные кубанцы...

— Идите навстречу вашим станичникам, — ответил я, указывая им на быстро приближающиеся цепи пластунов.

Влево, в полутора верстах от станицы, на выгоне стояли два орудия — красная батарея. "Верный" повернул на нее. Батарея переменила шрапнель на гранату и снаряды стали ложиться все ближе и ближе. Атаковать батарею в лоб было бессмысленно и я уже думал повернуть в станицу, чтобы обойти батарею с другой стороны.

Однако, снаряды красных начали вдруг делать все больший и больший перелет. Очевидно большевики от волнения забыли уменьшить прицел. "Верный" пошел прямо на батарею. Когда он был шагах в трехстах, красные артеллеристы подали передки. Было жаль, но пришлось открыть огонь по передним уносам. Запряжки тотчас остановились, а номера и ездовые бросились бежать.

Мы — я и со мною два полуметчика — выскочили из броневика, повернули орудие на 180 градусов

и быстро заложили снаряд. Я стал за наводчика и дернул за шнур. Граната разорвалась в версте от орудия. Я посмотрел на прицел — 27. Предположение оказалось верным: у большевиков не хватило пороху — вместо того, чтобы поставить прицел 10 и спокойно подпустить броневик на 400-500 шагов и наверняка его подбить, они открыли беглый огонь больше чем за версту.

Я переменил прицел и открыл огонь по убегающим большевикам шрапнелью. Но в это самое время над нами разорвалась батарейная очередь, за ней вторая и третья. Как потом оказалось, стреляла корниловская батарея и, надо отдать справедливость, стреляла очень умело. Пришлось спешно прятаться кому под зарядный ящик, кому под машину. Шофер схватил трехцветный флаг и стал им махать с крыши броневика. Стрельба прекратилась.

Через несколько минут на легковом автомобиле, невзирая на отходящие цепи красных, примчался генерал Боровский. Он поблагодарил за взятые пушки, упрекнул за подбитых артиллерийских лошадей и сказал:

— Раз в тылу красных стоит и стреляет батарея, значит это батарея противника и ее нужно привести к молчанию. Вам обижаться не приходится...

Я и не обижался (1).

⁂

Рассвет 1-го июля. На степном кургане стоит начальник второй пехотной дивизии генерал Боровский и указывает мне на юг, где в утреннем тумане смутно вырисовываются высокие тополя.

— Видите там — станица Терновская?

— Вижу, ваше превосходительство.

— Займите ее.

Через час мой броневик, разогнав два эскадрона красных, проходит станицу и несется к станции Порошинской. Самодельный бронепоезд красных, который стоит на этой станции, старается повернуть свою пушки против "Верного" и не может. Он пыхтит и начинает отходить к Тихорецкой. Броневик и бронепоезд, постепенно сближаясь, мчатся рядом на юг, осыпая друг друга пулеметным огнем.

В это время к станции Порошинской с севера подходит другой, новейшей конструкции, бронепоезд большевиков, вооруженный трехбашенной установкой 120 мм. пушек Канэ. Внезапное его появление отрезывает "Верному" путь к отступлению. Бронеавтомобиль поворачивается и полным ходом мчится назад навстречу бронепоезду, стараясь пробиться. Башни бронепоезда поворачиваются и три пушки открывают частый огонь по "Верному". По мере сближения, пушки поворачиваются и, когда бронеавтомобиль встречается с бронепоездом, становятся перпендикулярно ему.

Окутанный дымом разрывов, мчится "Верный" и кажется — не миновать ему гибели... Чувствую это я, чувствует это и команда машины. Нам кажется, что длинные стволы морских пушек тянутся почти до броневика, выстрелы сотрясают броню. Но еще несколько мгновений и "Верному" удается проскочить.

Чем объяснить эту удачу? Броневик шел навстречу бронепоезду со скоростью около 50 километров в час, то есть приблизительно 15 метров в секунду. Орудия стреляли по "Верному" прямой наводкой. Если считать, что нужна была одна секунда, чтобы дернуть за шнур и снаряд долетел до "Верного", то за это время он будет уже в 15 метрах впереди. А на эту дистанцию — меньше полкилометра — одно деление угломера будет полметра. Значит нужно было скомандовать — левее 0,30. Но красные артиллеристы этого не сделали, так как их снаряды ложились приблизительно на 15 метров позади "Верного". Другими словами, они не взяли поправку на ход цели.

⁂

У крайней хаты станицы стоит в автомобиле генерал Деникин с генералом Романовским и следит внимательно в бинокль за неравной борьбой "Верного" с бронепоездом. Главнокомандующий неодобрительно качает головой.

"Верный" подходит к станице и останавливается около штабного автомобиля.

— Когда это кончится? — гневно набрасывается на меня генерал Деникин.

— Что кончится, ваше превосходительство?

— Когда вы перестанете сумасшествовать? Вчера вы атаковали в лоб батарею, сегодня лезете на бронепоезд. У меня слишком мало броневиков в армии, чтобы ими так рисковать. Для нас будет большой потерей, если такая прекрасная машина как "Верный" окажется разбитой.

— Не особенно прекрасная, ваше превосходительство. Броня пробивается и в окна залетают пули...

— Да я не про автомобиль говорю, а про команду. Таких людей вы больше не найдете, берегите их. Спасибо вам за вашу работу, за вашу лихость! — обращается Главнокомандующий к команде броневика. — Я слежу за вами и горжусь вашим "Верным".

Генерал Деникин подает мне руку и уже без прежней строгости в голосе говорит:

— Так послушайте моего совета — берегите себя и вашу команду!

⁂

Прорвав фронт красных, первая пехотная дивизия атакует с северо-востока железнодорожную станцию и хутор Тихорецкий. Большевики скопили значительные силы и оказывают упорное сопротивление. Их пулеметный огонь — ужасен. Два раза кидаются броневики "Верный" и "Корниловец" на окопы красных и два раза отходят, неся потери. Я ранен в лицо, ранены и мои пулеметчики. Команда "Корниловца" тоже переранена. Слева от леса бросается в атаку первый эскадрон 2-го Конного полка и почти целиком гибнет.

---

(1) Об этом эпизоде ген. Деникин в своем труде «Очерки русской смуты» упоминает так: «В ту же ночь Боровский на рассвете 29-го атаковал вторую группу противника под Успенскою, разбил и ее. При этом наш удивительный броневик «Верный» атаковал неприятельскую батарею и, перебив ее лошадей, завладел орудием, из которого тотчас команда броневика открыла огонь по отступающим». (Т. 3, стр. 172).

Наступают сумерки. Полковник Кутепов поднимает в атаку Кубанских стрелков.

— Прорвитесь на хутор Тихорецкий, — говорит он мне.

"Верный" проносится сквозь цепи большевиков и подходит к хутору. Оттуда летят пули. Посреди улицы лежит цепь и пулеметы броневика осыпают ее. Я соскакиваю, чтобы подобрать оставленный пулемет. Возле пулемета лежат три фигуры...

У меня подымаются дыбом волосы. Боже мой! Черно-красные погоны! Я кричу: — "Верный"! Свои! Свои! Корниловцы!

Оказывается — Тихорецкая уже больше часу была занята второй дивизией... В то время как первая дивизия вела упорный бой, вторая дивизия с тыла заняла хутор и станцию Тихорецкую. Мы об этом не знали и вот причина — почему я столкнулся с корниловцами.

Вечером я вхожу в зал 1-го класса станции Тихорецкой. За столом сидят генералы Деникин, Романовский и полковник Дроздовский. Мне не хочется попадаться на глаза Главнокомандующему и я быстро поварачиваюсь назад.

— Капитан Нилов! — кричит мне генерал Деникин. — Нечего прятаться, идите сюда!

Я подхожу и отдаю честь.

— Вы подрались с корниловцами?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Я же только что сегодня предупреждал вас не безумствовать. Вам только бы мчаться, сломя голову, и драться, а с кем — вам безразлично... У корниловцев есть потери?

— Раз мои пулеметчики стрели — потери должны быть...

Генерал Деникин, сердито смотря на меня, спрашивает: "Сколько человек?"

— Трое, ваше превосходительство...

— А почему у вас лицо в крови? Вы ранены?

— Немного оцарапало...

— Есть еще раненные на броневике?

— Так точно — трое, кроме меня.

— Ступайте, немедленно перевяжитесь. Нечего бравировать. Ну, не сумасшедший ли? — говорит мне вслед генерал Деникин, но в голосе его слышится удовлетворение.

Ныне мне невольно приходят на память те слова французского историка Сореля, которые генерал Деникин приводит в своих воспоминаниях. Эти слова как бы воспроизводят боевой облик Добровальческой армии того времени. Наша стратегия вполне согласовалась с качеством молодой армии, более способной на увлечение, чем на требующие терпения и выдержки медленные движения, могущей заниматься только победами, побеждающей только при нападении и одерживающей верх только в силу порыва.

*
**

Первая пехотная дивизия генерала Казановича 13 октября выбила красных из Армавира, перешла реку Уруп и с упорными боями к 16 октября продвинулась до станции Овечка. Но на следующий день большевики перешли в наступление и оттеснили конные части генерала Врангеля за Уруп, а первую пехотную дивизию под Армавир к разъезду Вольному. Заняв главными силами сел. Конаково, красные выдвинули только конную заставу в хутор Латышский, находившийся в 4-х верстах от Конаково. С нашей стороны Марковский офицерский полк занимал хутор Вольный. Промежуток между хутором Вольным и Конаково протяжением около 20 верст наблюдался разъездами. Каждое утро броневик "Верный" выезжал вперед, выбивал заставу красных из Латышского хутора, доходил до Конаково и, преследуемый артиллерийским огнем, отходил на Латышский хутор, где оставался до наступления темноты.

Вечером 21 октября было получено известие, что 1-я конная дивизия генерала Врангеля разбила дивизию красных и переправилась через р. Уруп, а на следующее утро дивизия генерала Казановича двинулась на сел. Конаково. Как всегда, "Верный", оставив позади свою пехоту, подошел к этому селению, но был, против обыкновения, встречен только ружейным огнем. Завязав бой, броневик ворвался в селение и, преследуя красных, вышел на юго-восточную его окраину.

В это время из сел. Успенское, которое находилось дальше Конаково по дороге на станцию Овечка, выскочили конные лавы и стали спускаться к сел. Конаково. Предполагая, что это конница генерала Врангеля, я опасался, чтобы сгоряча, в узких улицах села, мой броневик не приняли бы за большевистский, поэтому я отошел от селения и стал поджидать конницу. Через некоторое время из села показались всадники, образуя лаву. Я снял с броневика большой трехцветный флаг и, размахивая им, пошел навстречу.

Встреча оказалась далеко не любезной. С окраины села пулеметные тачанки открыли такой огонь, что я не знал, в какую дверцу броневика мне влезть. Флаг был пробит в трех местах... И тотчас конница пошла в атаку... Все в черкесках... Свои?

Я приказал не стрелять. Броневик дал полный газ, завыла сирена и я стал пускать вперед светящиеся ракеты. Лошади пугались и поворачивали назад.

Три раза повторялись атаки и три раза броневик их отбивал таким способом. Потом вдруг выскочило штук двенадцать пулеметных тачанок, которые начали сосредоточенным огнем обстреливать нашу машину. В пулеметную бойницу один мой пулеметчик был ранен.

На меня напало сомнение — трехцветный флаг, трехцветные круги, мы не стреляем, а нас атакуют. У красных есть тоже таманские полки из казаков... И лишь только конница опять пошла в атаку, "Верный" открыл огонь. Лавы повернули и скрылись в селении. На выгоне остались с десяток лошадей и три человека.

Через некоторое время из селения вынеслась конно-горная батарея, лихо повернула и стала сниматься с передков. Дело становилось серьезным, нужно было уходить поскорее.

Но батарея огонь не открыла. От нее отделились

три человека и, размахивая фуражками, понеслись к броневику. Среди них был капитан Казаков, командир Дроздовской конно-горной батареи, в формировании которой я принял участие в Яссах.

— Ну и наделали вы переполоху, — смеялись офицеры, — мы сразу узнали "Верный"...

Броневик окружили казаки. Это был, если мне не изменяет память, 1-й Екатеринодарский полк Кубанского казачьего войска.

— А мы думали, что это большевистский броневик, который мы отрезали от переправы, — добродушно говорили казаки. — Почему вы не удирали, когда мы вас атаковали?

— Да потому, что мы вас не боялись. Что вы могли бы сделать броневику?

***

"Верный" мирно стоял под деревьями. Рядом, в доме команда с аппетитом уплетала яичницу. К броневику подъехала группа конных и остановилась. Я вышел узнать, в чем дело. Кубанский полковник объяснял окружающим, что вот этот самый красный броневик он отрезал от переправы через Кубань и захватил его с бою со всей командой. Это был, как я узнал потом, командир кубанской бригады, полковник Т. На броневике развевался трехцветный флаг; название — "Верный" — на нем было написано через букву ять. Если в пылу боя простые казаки этого не разбирали, то в спокойной обстановке полковник должен был бы все это видеть.

— Как это вы взяли броневик? — спросил я у полковника.

— А вам какое дело? Кто вы такой?

— Я как раз и есть командир этого броневика и хотел бы знать — как вы его взяли.

— Так это вы моих казаков побили?

— Я!

— Я прикажу вас повесить...

Я не стал ожидать продолжения этого неожиданного оборота дела и дал свисток. Мигом команда "Верного" была на своих местах; загудела сирена, полетели ракеты и испуганные лошади понеслись галопом в разные стороны.

Через четверть часа приехал урядник. Генерал Врангель просит командира броневика на железнодорожную станцию. Когда "Верный" подходил к ней, мы увидали, что со стороны Армавира подошел наш бронепоезд и из него вышли генерал Казанович и его начальник штаба полковник Гейдеман — мое прямое начальство. На платформе стоял высокий генерал в черкеске — начальник 1-й конной дивизии. Это был генерал Врангель и его видел я впервые.

— Капитан, — сказал он мне с укором в голосе, — вы ранили двух моих лучших офицеров, я не говорю уж про лошадей...

— Ваше превосходительство, ваши казаки тяжело ранили моего офицера пулеметчика.

Генерал Врангель протянул мне руку.

— Что вы хотите, капитан, у меня казаки и черкесы — они не разбираются ни в каких флагах...

Я приношу свое извинение. Разговор был совсем не тот, что с полковником Т.

— Ваше превосходительство, — сказал я генералу Врангелю, — черкесская бригада пошла на Овечку, прикажете ей помочь?

— Я не могу вам приказывать, — ответил генерал Врангель, — вы не в моем подчинении, но если вы будете любезны, то я буду благодарен.

Полковник Гейдеман взял меня под руку и отвел в сторону. "Поезжайте на Овечку, если вам так хочется, но не слишком увлекайтесь", сказал он мне.

***

В конце октября почти все силы большевиков сосредоточились в районе Ставрополя и почти вся Добровольческая армия обложила красных со всех сторон тонкой цепочкой. В густом тумане на рассвете 31 октября большевики своими лучшими частями — Таманской армией — нанесли удар из Ставрополя в северном направлении. Стоявшие здесь и уже сильно поредевшие в непрерывных боях Корниловский и 2-й Офицерский полки понесли тяжелые потери и были отброшены к с. Пелагиада. Вечером Самурский пехотный полк, с броневиком "Верный" перешел в контратаку и занял южную окраину Пелагиады. Весь день 1-го ноября самурцы и броневик вели упорный бой в этом селении.

Заняв накануне вечером Ставропольский монастырь, 1-я конная дивизия генерала Врангеля продвинулась к вокзалу и на следующий день "Верный" был передан в распоряжение генерала Врангеля и переброшен к монастырю. В доме игуменьи, где помещался штаб, генерал Врангель меня приветливо встретил: "А, старый знакомый!"

— Надеюсь, ваше превосходительство, что на этот раз, как уже старые знакомые, мы не подеремся, как у Конакова?

— Что старое вспоминать, — засмеялся генерал. — Садитесь чай пить.

После чая генерал Врангель объяснил обстановку: его дивизия будет атаковать Ставрополь с юга, от Психиатрической больницы, куда сейчас и перебрасываются его полки. Врангель просил взять на броневик до этого места его и его начальника штаба.

"Верный" огибал Ставрополь с запада по полевым дорогам, а местами и вовсе без дорог. По целине шли кубанские полки. Генерал Врангель, сидевший на плоской крыше броневика, здоровался с казаками: "Здорово, запорожцы"! Запорожцы смотрели на машину и ничего не отвечали.

— Ваше превосходительство, — сказал я, — машина идет на первой скорости и мотор так ревет, что и в двух шагах ничего не слышно.

От больницы на Ставрополь катились спешенные сотни 1-го Таманского полка. Начальник штаба вылез, а Врангель спустился внутрь машины и сказал: "С Богом, атакуйте..."

"Верный" въехал в город и стал спускаться по Госпитальной улице. Из-за заборов, из окон домов невидимые большевики открыли по броневику сильный огонь. Сидя на полу машины, длинный генерал Врангель занимал много места и мешал работе пулеметчиков. Вскоре один из них был ранен в голову — большевики стреляли сверху, а крыша броневика, из

тонкого листового железа, легко пробивалась пулями.

— Поворачивай назад! — крикнул я шоферу.

— Почему назад? — спросил Врангель.

— Ваше превосходительство, я здесь командир и я отдаю приказание. — Поворачивай, Генрих!

"Верный" отошел за цепи уманцев и остановился за домом. Я попросил генерала Врангеля выйти из машины:

— Вы мне мешаете, ваше превосходительство, а кроме того, я еще должен отвечать и за вашу жизнь.

Генерал сошел на землю и, взяв руку под козырек, сказал:

— Вы совершенно правы, мне нужно было раньше об этом подумать.

По Госпитальной улице слева направо перебегали толпы большевиков, подгоняемые моими пулеметами. На дверях Епархиального училища, превращенного в лазарет, большими буквами мелом было написано: "Доверяются чести Добровольческой армии". Большевики оставляли в Ставрополе больше 4000 раненых. "Верный", разгоняя отдельные группы красных, пересек весь город и по Николаевскому проспекту спустился до вокзала. Здесь было тихо: ни красных, ни добровольцев. Снова поднявшись в центр города, мы на Воронцовской столкнулись с полком кубанцев. Я сидел на крыше броневика, приветливо им махая рукой. Всадники, в черкесках, обтекали "Верный", жались к домам и не отвечали на приветствие.

— Мрачный народ, — подумал я.

По базарной площади нам навстречу шла отставшая сотня. Но в это время из домов стали выскакивать жители и, узнав "Верный", который два месяца воевал в районе Ставрополя, стали кричать, указывая на сотню: — Это красные, это большевики... Пулеметная очередь, и сотня сдалась. Я приказал ей спешиться и положить оружие. Через некоторое время с юга появилась конная лава — это были, наконец, наши, настоящие, уманцы. Они мигом завладели лошадьми и отчасти... штанами красных. Сотня, которую я захватил и полк, который я пропустил, приняв его за свой, были красные казаки Таманской армии. Было очень обидно упустить такой случай.

Вечером меня вызвал генерал Врангель.

— У вас отличная команда, — сказал он. — Но она почти раздета, а сейчас наступили холода... Что вы так удивленно смотрите?

— Я первый раз вижу, ваше превосходительство, в Добровольческой армии генерала, который заметил, что мы раздеты.

Генерал Врангель вызвал интенданта своей дивизии и приказал ему выдать команде броневика все, что можно было выдать. Мы получили кожу на сапоги, по смене белья, какую-то коричневую сарпинку на рубашки и полпуда редкого в те времена сахара. Есаул-интендант решил окончательно подавить нас своею щедростью и преподнес четверть спирта.

— Грейтесь, хлопцы, — сказал он.

(Продолжение следует)

Из цикла боевых и мирных воспоминаний

БОИ 3-го БАТАЛЬОНА 22-го И 25-го ИЮЛЯ 1915 ГОДА У ДЕРЕВНИ ТАРНОВКИ ПОДОЛЬСКОЙ ГУБ.

(ИЗ ИЗМАЙЛОВСКОГО АРХИВА)

Б. В. Фомин

(Продолжение)

После ночного отхода с позиции у деревень Буссовна, Оссова и Сычевка полку (л.-гв. Измайловскому) было приказано занять частично заранее приготовленную тыловую позицию около дер. Тарновка.

Рано поутру 22 июня третий батальон по личному указанию командующего полком полковника Геруа стал располагаться на правофланговом участке позиции полка, имея влево от себя второй батальон, а вправо — Московцев. Третьим батальоном командовал старший штаб-офицер полка полковник Лескинен. Ротами командовали: 9-й — поручик Есимантовский 2-й, 10-й — я (тогда в чине штабс-капитана), 11-й — подпоручик Галатов 2-й и 12-й — подпоручик Волкобрун 1-й. Несмотря на растянутость фронта батальона, полковник Лескинен все же назначил только две роты для занятия передовых окопов, а именно — 11-ю и 12-ю, а две остальные оставил в резерве.

Передовые роты занимали опушку леса, шагах в сорока от него. Левофланговая 2-я рота имела окопы, вырытые точно по линейке, а правофланговая 11-я, следуя конфигурации леса, в виде ломанной линии. Заранее приготовленная позиция на этот раз имела профиль в рост с очень частыми траверсами. В промежутках между ними помещалось по три-четыре стрелка — до того они была часты. При прямолинейном направлении линии огня частые траверсы, конечно, были очень выгодны, но с другой стороны из-за них общая протяженность линии огня сильно увеличивалась в ущерб густоты расположения стрелков и, кроме того, движение по окопу очень задерживалось, вследствие необходимости их обходить. Последнее обстоятельство особенно сказалось в момент влития моей роты в 12-ю, когда ей потребовалась поддержка огневого боя перед немецкой атакой нашей позиции, но об этом — ниже.

Здесь будет уместно рассказать как вообще были организованы в Холмской операции 1915 года наши

отходы с позиций, занятие новых рубежей и приведение их в оборонительное состояние.

Прежде всего, как правило, отходы совершались только ночью и, значит, в полной темноте. Роты на позиции получали обыкновенно распоряжение об отходе от командиров батальонов часов в 8 вечера. В этом распоряжении точно указывалось время (10-11 часов вечера) и порядок отхода, а также место сбора батальона. Командиры батальонов приказание об отходе получали от командующего полком. Сложное дело отхода полка с позиции, иногда из-под самого, что называется, носа противника, а значит и с риском быть им атакованным, затем движение на сборный пункт полка и далее к новому рубежу местности — все это, благодаря умелому и вдумчивому отношению к нему, а также вследствие ясности отдаваемых приказаний командующим полком, всякий раз происходило гладко, спокойно и в полном порядке.

В случае больших отходов, таковые прикрывались конницей, в прочих же случаях — полковыми разведчиками. Но и в этих последних случаях, т. е. при небольших отходах в 4-10 верст, отрыв от противника всегда, конечно, имел место. Однажды, при большом отходе, более трех суток мы не имели сведений о противнике. Это было на, так называемой, Владавской позиции 24-26 июля, где мы простояли три дня, так и не увидев неприятеля.

Порядок оставления ротами своих позиций, как я сказал выше, указывался командирами батальонов. Если на позиции было три роты, то отход начинали две фланговые роты одновременно, средняя же уходила последней. Во всех других случаях последней уходила или та рота, которая за время протекшего дневного боя как бы намечалась противником целью его возможной атаки, или та, удержание позиции которой на случай ночной атаки противника нам представлялось важным.

В своей роте уход с позиции я обыкновенно производил так: если у меня была ротная поддержка, то она оставляла свое место последней. Взводы же первой линии уходили в тыл по ходам сообщения. Обыкновенно имелся только один ход сообщения — от середины передовых окопов в тыл. По нему все и шли. Я указывал взводам где собираться роте и как поступать в случае атаки немцами оставшихся в окопах людей. Так как не в интересах отхода было завязывать с противником бой, то было очень важно уходить бесшумно и быстро. Однако, в случае наступления немцев по нашим пятам, ничего другого не оставалось как остановиться и задержать их, чтобы прикрыть отход других частей полка, а затем и самим уйти, выбрав для сего удобный момент.

Задержать немцев всего удобнее было на оставленной позиции, а потому я всегда и предусматривал возвращение на нее, покуда она оставалась еще занятой хотя бы частями роты. Если немцы были от меня близко, то я уходил всегда с последним взводом. В противном случае — я оставлял позицию с предпоследним взводом.

Когда все роты батальона, выйдя из боевой линии, сосредотачивались на указанном им месте, батальон с мерами охранения в сторону противника в походной колонне выступал к сборному пункту полка. Там командующий полком здоровался с ротами и далее вел полк в назначенное ему место — чаще всего для занятия новой позиции, а реже — для размещения в какой-нибудь деревне на отдых, если полк назначался в дивизионный или корпусный резерв.

Во всех случаях полк приходил на новое место, которое заранее уже было приготовлено для его занятия. Если это была новая позиция — батальонные участки уже были разбиты, линия огня намечена и стыки с соседями обозначены. Если же это была деревня, то там нас уже ждали квартирьеры, которые и разводили роты по намеченным дворам.

Отсутствие траты времени на разбивку новой позиции при подходе к ней полка было вопросом колоссальной важности, в особенности когда отход был не глубоким. В этом случае немцы появлялись перед нами уже с восходом солнца (обыкновенно немцы по почам были инертны и нас не преследовали), когда и начинался артиллерийской огонь, очень быстро переходивший в ураганный. Важно поэтому было возможно раньше поутру уже закончить рыть окопы, ходы сообщения и устраивать козырьки и легкие убежища.

Выбор и разбивка позиции, в особенности ночью, были большой работой командующего полком и его штаба. Судя по результатам, налажена была эта работа образцово, но, конечно, мне, как строевому офицеру, не были видны все ее детали, о которых поэтому и говорить не могу. Я только помню, что всегда был твердо уверен в том, что, куда бы с ротой назначен не был — никогда не буду ни забыт, ни окажусь беспомощным; длительная процедура выбора и разбивки позиции, как я сказал выше, к подходу полка была всегда закончена, а для приведения в оборонительное состояние в моем распоряжении были люди, время и необходимый инструмент.

Вот о последнем элементе, столь необходимом для укрепления позиций, мне и хочется сейчас рассказать.

Русская пехота вышла на войну с шанцевым инструментом. Носимый шанцевый инструмент состоял из лопат и топоров. Впрочем, последних я на солдатах не видел. Существовал и возимый запас шанцевого инструмента, состоявший из больших лопат и киркомотыг. Где он возился — этого я не помню, но только им не пользовались; по крайней мере, в своей роте я его не видел. Для самоокапывания считалась достаточной малая лопата. Обучения рытью окопов глубиною в рост, с устройством козырьков и убежищ, в мирное время не существовало. Как рабочая сила, пехота, правда, привлекалась для рытья показательных окопов, но они производились саперами и, видимо, для их практики. В этих работах отсутствовал один важный элемент — боевая обстановка, предъявлявшая два требования: срочность и уменье пользоваться подручным материалом.

Надобность в хорошо укрепленных окопах, вне позиционной войны, сказалась, когда немцы стали применять ураганный артиллерийский огонь. Необ-

ходимость уметь быстро построить такие окопы при отходах вызывались с одной стороны отсутствием заранее приготовленных позиций, а с другой — недостатком в войсках, которым не удавалось делать смены.

В Холмской операции полк обходился только малыми лопатами. У некоторых нижних чинов я видел австрийские лопаты, одна из сторон которых являлась пилою. Они, конечно, были удобнее наших. Под Красноставом впервые почувствовалось отсутствие в ротах больших топоров, лопат и пил. Строительный материал был под рукою, а использовать его не удалось — нечем было пилить и рубить деревья. Под Ольховцом 19 июля я видел, как солдаты моей роты рубили своими малыми лопатами деревья на корню, а потом теми же лопатами резали их на куски для устройства накатов к блиндажам. Этот тяжелый труд одних вызывал горькие усмешки других — они говорили: "Ребята манерками рубят деревья".

В эти дни, как по волшебному мановению, полк обогатился большими топорами, пилами и лопатами. Я не помню сейчас как это произошло, но твердо знаю, что в 3-м батальоне появилась специальная повозка груженная этим инструментом. Новым в нем была — большая пила, о существовании которой в клади обоза 2-го разряда я никогда раньше не слышал. С этого момента 3-му батальону была обеспечена возможность быстро укрепить свой боевой участок. Люди практически знали какую огромную безопасность при ураганном огне противника представляет собой козырек из жердей или из створок какой-нибудь двери, глубокий и узкий окоп, а также маскировка его. Вследствие этого понукать их работать не приходилось. Иной раз, уставшие за ночной переход, они, заняв новую позицию, сейчас же принимались за работу: одни рыли окопы, другие пилили деревья, третьи подносили к позиции прочий материал, разысканный ими или приспособленный для укрепления позиций.

Холмская операция, во время которой 3-й батальон был в полковом резерве только один раз, показала мне, что каковы бы не были ночные отходы, на какой бы местности не оказалась наша новая позиция — три часа времени были достаточны, чтобы на голом лугу или на опушке леса соорудить укрепленную позицию, понимая под этими словами — непрерывную линию окопов в рост, с козырьками и бойницами и ход сообщения в тыл шагов на 150.

Характер боев в Холмскую операцию был трафаретным. Когда наши окопы на новой позиции были готовы, германская артиллерия начинала ураганный огонь. Иногда, при нашем глубоком отходе, первоначальный германский огонь был слабым, но через два-три часа он становился ураганным. Невидимый нами противник осыпал нас свинцовым огнем, оставаясь совершенно безнаказанным, ибо наша артиллерия терпела сильный недостаток в снарядах. Так как пехотные цепи немцев или вовсе не появлялись иногда в течение целого дня, или были плохо видны как за дальностью расстояния, так и в силу применения к местности, то люди в наших окопах долгое время оставались вне активного участия в бою.

Наблюдатели в отделениях были на своих местах, а прочие сидели на дне окопа. Такое сидение имело одну цель — укрыться от артиллерийского огня. Наша укрепленная позиция давала вполне надежное укрытие от всех осколков разрывающихся снарядов. Нужно было только не зевать, а все время внимательно наблюдать и прислушиваться к разрывам. И люди научились отлично приспособляться: при разрыве недолета они или укрывались под козырьками или прижимались к наружной стенке окопа; при перелете, наоборот, жались к внутренней стенке окопа. Разрыв на фланге побуждал укрываться под козырьком за траверсом. Против непосредственного попадания снаряда в окоп, последний, конечно, был беззащитен, но таких случаев за месяц Холмской операции у меня в роте не было.

Что же касается раненых, то их за месяц боев было всего десять человек, причем двое были ранены ружейными пулями, а восемь — осколками снарядов, о чем я скажу ниже.

Я помню как рано поутру на второй день боя под Ольховцом, когда я мирно дремал в своем окопе, меня разбудил Георгий Иванович Лескинен, командовавший 3-м батальоном. Осмотрев вместе землю вокруг моего окопа, мы насчитали в круге с радиусом в каких-нибудь 10 шагов при центре в месте моего окопа 16 воронок от легких гранат. Некоторые были в 3-4 шагах от моего окопа.

— Борис, каким чудом ты уцелел? — спросил меня Георгий Иванович.

— Судьба, — ответил я.

Вот что значит при обороне иметь укрытие сверху. В данном случае оно состояло из толстой двери, принесенной кем-то из солдат моей связи из ближайшей деревни.

Ценный батальонный груз — большие топоры, лопаты и пилы — находился при обозе 1-го разряда на особой подводе. При объявлении отхода, командир батальона отдавал распоряжение доставить к его окопу этот возимый инструмент. К этому же времени из обоза 1-го разряда подъезжала и подвода за ним. Сдача происходила по счету в предупреждение потерь, после чего подвода уезжала.

После этого общего обзора условий боев в Холмскую операцию, возвращусь к продолжению своего очерка.

***

Позиция 12-й роты занимала более 100 шагов. Проволочного заграждения на ее участке не было. Впереди рос довольно высокий кустарник, уходя вдаль на расстояние двух-трех верст и оставляя перед окопами чистый луг шириною шагов в полтораста. Козырьков, насколько помню, не было, но бойницы были. Были и кое-какие убежища. В тыл к опушке леса были прорыты два хода сообщения.

Позиция 11-й роты имела проволочное заграждение, так как была вырыта в кустарнике, позволявшем противнику подойти к ней совершенно укрыто. На участке этой роты я не был, но со стыка ее с

12-й ротой видел насколько было неудачно ее расположение в смысле отсутствия обстрела за-за кустов и в силу наличия укрытых подступов к ней для противника. Стык между 11-й и 12-й ротами представлял собою тупой исходящий угол. Там стоял пулемет, при котором, насколько помню, был прапорщик Тарачков.

Лес позади позиций этих двух рот состоял, хотя и не из толстых деревьев, но был достаточно высоким и настолько частым и засоренным валежником, что являлся мало проходимым. Это обстоятельство побудило полковника Лескинена приказать сделать в нем просеки.

Моя, 10-я, рота находилась за 12-й ротой, а 9-я — за 11-й.

Утром 22 июля, пока противник еще не обнаружился, я приказал тоже сделать две просеки к опушке леса, где начинались ходы сообщения 12-й роты. Моя рота окопалась в лесу и к вечеру 22-го уже имела хорошие блиндажи. В том месте, где приходился правый фланг моей роты, через лес шла хорошая и широкая дорога, едва ли не шоссе. По обоим краям ее были глубокие канавы. Командир батальона выбрал себе, для связи и телефонистов, место как раз в этой канаве, на одной высоте с правым флангом моей роты, а я расположился позади. Люди вырыли для нас и для себя некоторое подобие укрытия в стенке канавы, что оказалось крайне существенным во время ураганного огня немцев по нашей позиции, как 22-го днем, так и весь день 23-го числа.

(Продолжение следует)

Дом Суворова в Москве

В "Суворовском сборнике" издательства Академии Наук 1951 г. напечатано под заглавием: "Дом на Никитской" — следующее:

"На улице Герцена (раньше Большая Никитская), у Никитских ворот, в доме № 42 помещена мемориальная доска. Просты и вместе с тем величественны слова, выгравированные на ней: "Здесь жил Суворов". Эти слова — напоминание о бывшем здесь доме Суворовых.

"Дом был куплен Василием Ивановичем Суворовым в 1768 г., а к Александру Васильевичу он перешел в 1775 г., после смерти отца. Дом был за степами Белого города у Никитских ворот и стоял на правой стороне Большой Никитской улицы...

"Во время пожара Москвы в 1812 г. суворовский дом сгорел, от него остались одни обгоревшие стены, но затем он вновь был отстроен...

"В 1913 г. Московским отделом Русского военно-исторического общества на этом доме и была установлена мемориальная доска. Она сделана в виде щита. В барельефе над щитом — скульптурное изображение великого полководца".

В ноябре 1930 г., когда в Париже создан был Суворовский комитет для празднования 200-летия со дня рождения Генералиссимуса, мною получено было из Варны письмо от бывшего помощника командира 11-го гренадерского Фанагорийского полка генерала В. Н. Смерлова, с которым я познакомился осенью 1913 г. в Боровичах на открытии памятника Суворову. В письме этом есть строки, имеющие прямое отношение к мемориальной доске и представляющие несомненный интерес.

"В бытность мою", — пишет ген. Смерлов, — "членом Императорского военно-исторического общества в Москве я, как фанагорiец, поднял вопрос о постановке доски, где родился Суворов, что и до сих пор неизвестно официально, если не считать то, что сделано московским Императорским военно-историческим обществом, которое назначило проф. Д. В. Цветаева, а меня ему в помощь, для выяснения этого вопроса и по докладу пришло к полному убеждению, что родился Суворов не в Финляндии, а в Москве в доме Гагман на Никитской ул. в приходе церкви Вознесения, которая сгорела в (18)12 году и конечно там и погибли документы. В доме же Гагман жили родители Суворова, это их дом — известно точно. Так как это было твердое логическое убеждение, но все же документа не было, то решено было, по моему предложению, написать не "родился", а "жил". Так и было сделано. Прибитие (доски) было очень торжественное в присутствии шефа фанагорийцев, Вел. Князя Дмитрия Павловича и его сестры, Вел. Княгини Марии Павловны".

А затем, ген. Смерлов, бывший впоследствии начальником Владикавказского Суворовского военного училища, упомянув о том, что в музее Фанагорийского полка хранилось измаильское знамя, пишет:

"Во Владикавказском воен. училище, названном Суворовским, день праздника был 13 ноября. Церковь этого училища хранится в Братской церкви во Владикавказе. Церковь эту работали мои юнкера. Она походного характера и юнкера актом подарили ее мне. Если не будет восстановлено Владикавказское училище, то я желал бы, чтобы церковь перешла в распоряжение московского военно-исторического общества. Все мы под Богом ходим, может быть это письмо случайно сохранится..."

Письмо хранится в моем личном архиве.

В. Хитрово

Бюст Суворова

Л. Гишар. Суворов. Бронза, 1804 г.
Из собрания М. Л. Бродского

Иллюстрацией к настоящей заметке является фотография бронзового бюста Суворова работы Гишара, нижеприведенные сведения о котором взяты из в высшей степени интересной и ценной книги А. В Помарнацкого "Протреты А. В. Суворова", изд. Гос. Эрмитажа — 1963.

Французский скульптор Л. М. Гишар приехал в Росию в 1802 году и уехал в 1814. За это время он сделал целый ряд портретных бюстов, в том числе и Суворова, алебастровый бюст которого был показан на выставке Академии Художеств в 1804 году. Автор вышеуказанной книги полагает, что в этом же или в следующем году были сделаны и бронзовые отливки этого бюста, общая высота которого 58 см. (43 без цокля — колонки из желтоватого мрамора).

А. В. Помарнацкий сообщает о существовании семи таких бюстов: первый находится в Артил. истор. музее Ленинграда, куда он попал после революции из музея Семеновского полка; второй — в Русском музее (из Строгоновского дворца); третий — в Третьяковской галерее (куплен у частного лица); четвертый — в Одесской картинной галерее: пятый — в частном собрании в Ленинграде; шестой — в Казанской картинной галерее и седьмой находился в 20-х годах у В. В. Святловского. Таким образом бюст, принадлежащий члену Об-ва Ревн. Русск. Воен. Старины М. Л. Бродскому в Париже, является восьмым (или же это — № 7?).

Хотя о существовании гишаровского бюста было известно давно, но его первая репродукция появилась лишь в 1911 году (в сборнике "Историч. материалы л. гв. Семеновского полка") и все бюсты считались до последнего времени, до исследования А. В. Помарнацкого, работой неизвестного скульптора.

Отдавая должное тонкой работе Гишара, приятным пропорциям и большому изяществу бюста, А. В. Помарнацкий говорит, что Суворов выглядит на нем "французским маркизом". Можно только присоединиться к первой части этого мнения, а также к тому, что задача создания портретного образа Суворова в полном своем объеме остается до настоящего времени нерешенной. Тем не менее, мы считаем гишаровский бюст не только замечательным произведением искусства, но и прекрасным портретом Суворова, что подтверждает Денис Давыдов, который, заканчивая описание наружности Суворова, пишет, что ему не нравится ни один из его бюстов, кроме бюста Гишара, изваянного по слепку с лица Суворова после его смерти.

А. Щ.

Тени прошлого

Ситка, Аляска, утро 18-го октября 1965 года.

Почетный караул 9-го пехотного полка Армии США *), четко отбивая шаг, стал у флагштока Ново-Архангельской крепости.

Горнист проиграл подъем и старший фельдфебель бережно поднес сложенный флаг к флагштоку. Привязал к веревкам — и огромный трехцветный флаг с двуглавым орлом взвился над крепостью.

Орел, покинувший 99 лет тому назад это историческое древко, раз в год навещает место героической деятельности, беззаветного мужества, трудов и лишений россиян, открывших и заселевших эти суровые северные окраины Америки.

В этот исторический день передачи Аляски Соединенным Штатам, в честь и память русских колумбов Аляски, поднимается трехцветный флаг в бывшей столице Русской Аляски — Ситке. В этот день по всей Аляске происходят парады, балы, произносятся речи. Индейцы (многие из них православные) в своих живописных нарядах исполняют воинственные и аллегорические танцы своих предков. На старинных кладбищах служатся панихиды, произносятся речи.

Так американцы отдают честь пионерам этих мест.

В 3 часа дня на крепостном холме, под звуки полкового оркестра, в присутствии почти всего населения города, губернатора и высших чинов Армии и Флота, происходит повторение церемонии передачи Аляски. Под дробь барабана читается указ Императора Александра II-го о переходе Аляски Соединенным Штатам.

Холодный северный ветер беспощадно треплет трехцветный флаг, и кажется, что орел развернет свои могучие крылья и улетит туда, далеко за океан! Медленно спускается флаг, беспомощно опускаются крылья орла. Звездно-полосатый флаг занимает его место на флагштоке. Бьют барабаны, поют трубы, крики "ура" оглашают холм. И в продолжении следующих 364 дней он будет развеваться на древке флагштока и только раз в год уступит свое место старейшему, уже не существующему флагу, былой славе и мужеству Россиян.

Штат Аляска, желая достойно отметить 100-летний юбилей присоединения Аляски к Соединенным Штатам, учредил Юбилейную комиссию по организации и устройству торжеств, которая должна будет отметить этот юбилей в 1967 году. Предполагается выпуск специальных медалей, монет, марок, значков и т. д. Парады, балы, игры и выставки должны воскресить в памяти далекое прошлое.

Председатель Юбилейной комиссии обратился к автору настоящей статьи с просьбой помочь в сборе материалов по истории, деятельности и достижениям россиян — первых европейцев, открывших, исследовавших и заселивших эти дикие места, принеся коренным жителям цивилизацию, христианство и просвещение.

Имена Беринга, Чирикова, Басова, Шелихова, Баранова, Резанова, Лисянского, Коцебу, Кашеварова, Врангеля, Загоскина, Вениаминова и многих других все еще живы в памяти населения и сохранились на картах Аляски, но, к великому сожалению, эта героическая эпоха русского продвижения на Восток не была описана русскими писателями.

Комиссия предполагает устройство целого ряда выставок, собраний и лекций. Намечен выпуск специального альбома (может быть, даже двух) — "История Аляски в картинах".

Автор настоящей статьи от имени Юбилейной комиссии обращается ко всем россиянам с просьбой собрать как можно больше материала, касающегося русской эры Аляски. Портреты деятелей, карты, картины, медали, денежные знаки, оружие, изделия и т. п. будут с благодарностью приняты комиссией для копирования, покупки или как подарок, с тем, что они войдут в Исторический музей Аляски. Особая просьба ко всем потомкам деятелей Аляски откликнуться на призыв, указав родство, дав биографию своего предка, его портреты, имеющиеся бумага, письма и т. д.

А. Долгополов

A. Doll, 31676 Jewel Ave.
South Laguna, Calif. 92677, U.S.A.

*) Две роты этого полка присутствовали в 1867 году при церемонии передачи Аляски Соединенным Штатам.

Некоторые памятные даты в 1967 году

150 ЛЕТ. — Наименование Лейб-Гвардии Литовского полка — Лейб-Гвардии Московским полком и сформирование на правах и премуществах Старой Гвардии — нового Лейб-Гвардии Литовского полка, 12 октября 1817 г. («В 1911 г. перед празднованием 100-летнего юбилея полков Л.-Гв. Московского и Л.-Гв. Литовского последовало Высочайшее повеление о совместном праздновании этими полками их 100-летнего юбилея, как полковыми братьями, т. к. они оба являются непосредственными продолжателями Л.-Гв. Литовского полка, героя Бородина: один под именем Лейб-Гвардии Московского полка, а другой под именем Лейб-Гвардии Литовского полка». Из оповещения председателя Гвардейского объединения 26 ноября 1962 г. № 9 — Париж).

Сформирование полков: Лейб-Гвардии Волынского, 7-го гренадерского Самогитского (вначале носившего название 1-го Гренадерского полка отдельного Литовского корпуса) и Лейб-Гвардии Уланского Его Величества (вначале носившего название Лейб-Гвардии Уланского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка) — (7 декабря 1817 года).

125 ЛЕТ. — Действия в Дагестане — взятие аула Гергебиль (20 февраля 1842 г.) и неудачный пятидневный поход отряда генерала Граббе на аул Дарго, резиденцию Шамиля (с 30 мая по 4 июня 1842 г.).

100 ЛЕТ. — Образование Туркестанского военного округа в 1867 году.

50 ЛЕТ. — Революция 1917 года.

1709. Pierre le Grand remercie la Garde après la bataille de Poltava.

par Répine

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

N° 29

МАЙ 1967 года

СОДЕРЖАНИЕ

К этому номеру приложена цветная репродукция картины Ю. И. Репина — «Петр Великий благодарит Гвардию после Полтавской победы», находившейся до революции в офицерском собрании л.-гв. Преображенского полка на Кирочной улице в Петербурге.

●

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление с глубокой скорбью извещает о кончине долголетнего члена Правления и Генерального секретаря Общества, Почетного члена

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА НЕМИРОВА,

последовавшей 24 марта сего года.

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрест — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию Г. М. Гринев — Villa Riegler, 2542 Kottingbrunn.

АНГЛИЯ. — Е. А. Барачевская — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

ВЕНЕЦУЭЛА. — К. А. Келлнер — Sarria N° 24, Quinta Coromoto, Caracas.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

— Член Об-ва и его представитель на Нью-Йорк — Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57, (N.Y.).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, « Le Jardin », Landévennec, 29S - Argol.

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):

A. Stschitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеются еще нижеследующие издания Об-ва:

1. — **"Записка о службе А. В. Суворова"** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.

2. — Номера **"В. И. Вестника"**, начиная с № 8. Цена — 3,00 фр. или 0,90 дол. или 3,00 франка.

3. — Сборник **«Русская Военная Старина»** — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена 4,50 фр. или 1 долл. или 4,50 франка.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на бронзовые медали: 1) Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2) С.-Петербурга (1703-1953), 3) Обороны Севастополя (1855-1955), 4) Полтавской победы (1709-1959), 5) Отечественной войны (1812-1962) и 6) Пятидесятилетия начала первой мировой войны (1914-1964).

Цена медали Гвардии или Петербурга 18 фр. или 4,5 америк. долл. или 19 фр.; Севастопольской или Полтавской — 12 фр., 3 долл. и 13 фр.; медали 1812 года — 14 фр., 3,5 долл. и 15 фр.; медали 1914 года — 16 фр., 4 долл. и 17 франков.

В настоящее время, за исключением Полтавской медали, которая высылается немедленно по получению заказа, заказы на остальные медали выполняются в зависимости от имеющегося запаса и, таким образом, между получением заказа и отправкой заказанного может пройти от нескольких дней до, в худшем случае, двух месяцев.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Суммы, поступившие в счет Издательского Фонда, с 1 июля 1965 года по 1 июля 1966 года во франках:

А. Б. Серебряков — 5.50, Л. Ф. Ира — 2.00, П. Л. Стефанович — 15.00, М .М. и М. А. Джаншиевы — 100.00, отец Ф. Бокач — 28.00, Н. И. Катенев — 100.00, М. М. и М. А. Джаншиевы — 50.00, М. А. Лютовский — 7.48, Я. В. Аракелиан — 6.00, В. А. Васильев — 5.00, Н. А. Кормилев — 16.15, П. В. Ден — 10.00, Б. Ф. Козлянинов — 5.00, Е. С. Фишер — 40.00, М. В. Штенгер — 40.00, К. В. Хвольсон — 6.00, В. А. Рагимов — 8.00, Г. И. Иванов — 5.00, А. Н. Васильев — 23.52, В. П. Дробашевский — 5.59, А. Ф. Долгополов — 4.86, И. В. Гзовская — 19.44, В. А. Рагимов — 10.00, кн. Н. Н. Оболенский — 15.00, Д. В. Лихачев — 5.00, М. М. и М. А. Джаншиевы — 250.00 и М. А. Литвизин — 23.50.

Правление приносит искреннюю благодарность всем вышеуказанным лицам, а также всем членам и друзьям Общества, которые сочли возможным внести членский взнос или плату за «В.-И. Вестник» в увеличенном, в сравнении с установленным, размере.

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

В статье «Дом Суворова в Москве», помещенной на стр. 30-ой в № 28 «В.-И. Вестника», фамилия генерала (бывшего помощника командира 11-го гренадерского Фанагорийсчого полка) — Смердов, а не Смерлов. Просьба исправить эту погрешность.

МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Правление постановило отметить исполняющееся в этом году пятидесятилетие начала Добровольческой Армии выпуском памятной медали.

Диаметром в 50 мм. медаль будет иметь на лицевой стороне изображение знака Первого Похода, ставшего уже давно эмблемой всего Белого Движения, и юбилейную дату, а на обратной — надпись "За честь и достоинство России".

Медали, заказы на которые будут получены до 16 июня, будут рассылаться начиная с 1 октября. Медали, заказы на которые будут получены после 15 июня, но до 1 октября, будут рассылаться начиная с 1 ноября. После 1 октября заказы будут приниматься только на обыкновенные бронзовые медали.

Цены: бронзовой медали — 18 франков или 4,5 америк. доллара или 19 франков; бронзовой посеребренной — 20 фр., 5 долл. и 21 фр.; бронзовой позолоченной — 24 фр., 6 долл. и 25 фр.; серебряной — 50 фр., 12,5 долл. и 51 фр.; серебряной позолоченной — 56 фр., 14 долл. и 57 фр. В этих ценах — первая цена для Франции, вторая в долларах для всех заокеанских стран и третья для всех остальных стран. В указанные цены входит стоимость пересылки.

1917 — 1967

МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Фотография пробных гипсовых моделей медали

Вызов в Ставку и командировка по Высочайшему повелению

(ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О ВОЙНЕ 1914-1917 ГГ.)

Великий Князь Андрей Владимирович

(Продолжение)

В середине декабря 1914 года — это было 14-го числа, как я хорошо помню — я сидел после завтрака в своем вагоне и мирно читал, как совершенно неожиданно получил записку от начальника штаба, генерала Орановского, в которой он мне пишет, что только что была получена телеграмма из Ставки, с предписанием мне немедленно прибыть в Ставку и явиться Государю, который там находится. В записке было еще сказано, что через час мне будет дан экстренный поезд и что в Бресте ко мне присоединится Великий Князь Николай Михайлович, который также вызван в Ставку и едет из Холма, штаба Южного фронта.

Как было сказано в записке генерала Орановского, через час экстренный поезд был готов, к нему прицепили мой вагон и мы двинулись в путь. Шли мы очень скоро и к семи часам вечера прибыли в Брест-Литовск, где вагон Великого Князя Николая Михайловича прицепили к моему поезду и мы покатили в Барановичи, в Ставку. Как только поезд тронулся, я пошел к Николаю Михайловичу узнать, почему нас вызвали в Ставку, думая, что у него могли быть более точные данные, но и он ничего не знал о причинах вызова. Он так же, без объяснения причин, получил приказ немедленно прибыть в Ставку.

Хотя у меня не было в вагоне кухни, но при дальних переездах мой адъютант Ф. Ф. Кубе забирал на попутных вокзалах провизию и готовил на спиртовке очень искусно и вкусно обед. Иногда мы забирали готовые блюда, если проезжали мимо большого вокзала во время завтрака или обеда.

Обед был у меня готов, и я пошел пригласить Великого Князя Николая Михайловича закусить у меня в вагоне. Он любезно отказался, говоря, что у него всего довольно, но предложил мне выпить рюмку водки и закусить пирожками. У него на столике уже стояла бутылка водки и блюдо с пирожками, видимо он только что сам собирался закусить и я ему в этом помешал. Хотя он и предложил выпить водки, но почему-то медлил ее налить и, видя, вероятно мое недоумение, сказал: "Подожди немного, водка требует известного церемониала". Потом он позвал своего камердинера, налил две рюмки водки, одну подал ему, другую взял сам и оба они выпили за здоровье друг друга. Когда эта "церемония" кончилась, как он сам ее назвал, то он налил рюмку и мне и, немного сконфуженно, объяснил, что это у него так принято и просил его извинить.

Бедный Николай Михайлович. У него всегда в отношении своей прислуги были какие-то демократиче-

ские замашки: он любил ее ставить на равную с собой ногу и, Бог весть почему, подчеркивать это, как в данном случае. По этому поводу я часто его дразнил, называя его Филиппом Эгалитэ, на что он сперва отвечал смехом, потом начал сердиться, а в конце концов просил его так не называть, так как это может ему принести несчастие. Сколько раз я ему говорил, что это заигрывание к добру не приведет, но такой он был фрондер, с левизной, я думаю, для позы... В общем добрый человек, но всегда с какими-то странностями. Так, он любил по Петербургу кататься на простом извозчике, что было не принято в нашей семье. Даже Император Александр III-й сделал ему по этому поводу замечание, но все же продолжал ездить на извозчиках, только избегал проезжать мимо Аничковского дворца, чтобы Государь его не заметил. Конечно, и этот случай с рюмкой водки, которую он сперва предложил в моем присутствии выпить своему камердинеру, а потом предложил мне, хотя я был у него в ту минуту в гостях, меня удивил, но я ничего ему не сказал и пошел к себе обедать.

Мы летели очень быстро и к 10 1/2 вечера прибыли на ст. Барановичи, где наши оба вагона были переданы, как полагалось, по особой ветке на место расположения Ставки, куда нас доставили к 11 часам вечера. В пути мы долго спорили с Николаем Михайловичем, что нам предпринять в такой поздний час. Я советовал обождать утра, чтобы явиться Государю, полагая, что все уже спят, а Николай Михайлович считал необходимым сейчас же явиться Государю, что таков был приказ нами полученный, предполагая что-либо срочное, а если Государь спит, то мы явимся ему утром. В конце концов было решено немедленно явиться, несмотря на поздний час.

Когда наши вагоны были поставлены на место, мы, надев аммуницию, пошли с Николаем Михайловичем разыскивать царский поезд, который не трудно было найти. Он оказался недалеко от нас, весь освещенный, как внутри, так и снаружи. Темно-синяя окраска вагонов и золотые орлы и литеры блестели от ярко горевших электрических лампочек в ночной темноте. Кругом ходили часовые Железнодорожного полка. Подходя к поезду, мы недоумевали, как дать знать о нашем прибытии, так как кроме часовых мы никого не видели. На наше счастье, у вагона Государя, где была приставлена лестница, стоял дежурный конвоец, к которому и обратился Николай Михайлович, приказав передать дежурному камердинеру Государя о нашем прибытии и вызвать его к нам. Камердинер вскоре показался в дверях вагона и мы просили его, если Его Величество еще не спит, то доложить, что мы оба, по его приказанию, прибыли. Камердинер нам ответил, что Государь еще не спит и играет в столовой со свитой в шашки, почему сейчас же доложит о нашем прибытии.

Минуты через две, не более, камердинер пришел нам сказать, что Его Величество сейчас нас примет и просил войти в столовую. Когда Государь увидел нас, входящими в вагон, он изумленно спросил, почему мы приехали? Великий Князь Николай Михайлович, как старший, ответил, что мы оба получили предписание из Ставки немедленно к нему явиться, вот почему мы здесь и в такой поздний час. Государь нам на это ничего не ответил, приказал явиться завтра к завтраку и пожелал нам спокойной ночи. Мы пошли к себе, не мало недоумевая, что все это значит. Почему Государь был удивлен нашему приезду, как будто даже он вовсе нас не ожидал и отпустил, ничего не сказав по этому поводу, хотя в полученных нами предписаниях точно было сказано, что Государь нас требует к себе немедленно. Странно все это, — думали мы с Николаем Михайловичем, — очень странно.

На следующий день мы оба явились к завтраку. Государь нас очень мило приветствовал, но ничего не сказал, почему нас вытребовали в Ставку.

После завтрака Государь, поговорив немного с бывшими тут генералами, начал со всеми прощаться. Великий Князь Николай Михайлович и я, мы стали опасаться, что вдруг Государь и с нами попрощается, ничего нам не сказав по поводу нашего приезда и что нам придется уехать обратно и доложить, что нас совершенно напрасно вызывали; это поставило бы нас в очень неловкое положение, которое объяснить мы не смогли бы.

Тогда Великий Князь Николай Михайлович решился спросить у Великого Князя Николая Николаевича, в чем тут дело и не произошло ли недоразумение с нашим вызовом в Ставку, так как Государь нам ни слова не сказал по поводу нашего приезда. Великий Князь Николай Николаевич ответил, что никакого недоразумения нет, но, вероятно, Государь не ожидал нашего столь быстрого приезда и что сейчас же о нас ему доложит. Действительно, он подошел к Государю, что-то ему сказал, но что — мы не слышали, так как стояли в отдалении. После этого Великий Князь Николай Николаевич сказал нам, чтобы мы обождали в столовой и что Государь нас сейчас примет.

Первым был вызван в соседний вагон в кабинет к Государю Великий Князь Николай Михайлович, которого Государь продержал у себя около получаса, потом вызвали меня. Государь начал меня расспрашивать о положении на фронте. Видя, что причины моего вызова в Ставку не выясняются и Государь этот вопрос обходил, я решился спросить его прямо, почему он меня вызвал, ведь не для этих простых разговоров — мы оба летели в Ставку сломя голову. "Ах, да", ответил мне Государь: "я хочу просить тебя объехать войска северного фронта и объявить им мою благодарность за их славную и верную боевую деятельность". Я попросил разрешения записать точно, что надо сказать и Государь продиктовал мне то, что он хотел, чтобы я передал войскам от его имени. Записав точно все, я прочитал записанное и Государь меня отпустил, на прощание подчеркнув, что он желает, чтобы я передал его слова войскам передовой линии, именно тем, которые дерутся в окопах.

Выйдя от Государя, я пошел к Великому Князю Николаю Николаевичу откланяться, а главное, за ни

струкциями и советом. Чтобы объехать передовую линию Северо-Западного фронта, протяжением около тысячи верст, мне потребовалось бы не менее месяца времени, и я опасался, что слова Государя дойдут до отдаленных корпусов северного участка очень поздно, а Государь именно хотел, чтобы это было выполнено быстро. Изложив эти соображения Великому Князю Николаю Николаевичу, я спросил его, нельзя ли было разделить наш северный фронт на два участка, один объеду я, скажем, от стыка с южным фронтом до Новогеоргиевской крепости включительно, а другой — район 10-й армии на Мазурских озерах — поручить Великому Князю Георгию Михайловичу. Верховный мне ответил, что мои соображения основательны и что он об этом доложит Государю, а я пока ограничился бы районом, который я предложил. На мою долю приходилось по этому расчету от 12 до 15 корпусов.

В тот же день Великий Князь Николай Михайлович и я, мы оба выехали обратно вместе до Бреста, а оттуда продолжали свой путь отдельно, каждый в свой штаб фронта.

Как выяснилось в пути, мы оба получили совершенно одинаковую инструкцию. Великий Князь Николай Михайлович расчитывал быстро выполнить поручение, так как южный фронт был короткий по сравнению с северным, примерно одна треть. Он действительно это и сделал в несколько дней, совершил весь путь в автомобиле, чего я, по условиям северного фронта, сделать не мог; мне пришлось только часть объехать на автомобиле, а некоторые участки верхом, где не было проезжих дорог.

Вернувшись в Седлец, я явился Главнокомандующему генералу Рузскому и доложил ему о полученном мною Высочайшем повелении объехать войска фронта. Для выполнения данного мне Высочайшего поручения я просил выдать мне карту с обозначением мест расположения штабов корпусов и армий, а также список начальствующих лиц. Кроме того, я просил выдать мне соответствующую бумагу о командировке по Высочайшему повелению.

На участке, который я должен был объехать, были расположены три армии: 1-я, 2-я и 5-я, а также войска укрепленного района Новогеоргиевской крепости, по силе равной армии. Левый фланг нашего фронта упирался в р. Пилицу, занятый 5-й армией генерала Плеве.

Когда все было готово, я выехал в Варшаву с поездом, оттуда на моторе начал объезды армий и корпусов. Я начал с левого фланга, с армии генерала Плеве, с которым я снесся по телеграфу. Он просил меня приехать под вечер, так как из-за огня неприятеля днем нельзя близко подъехать к фронту, а он хотел собрать представителей ближайших к его штабу частей, что возможно было выполнить лишь с наступлением темноты.

Я приехал в его штаб в шесть часов вечера. Генерал Плеве меня встретил на шоссе, недалеко от штаба, с почетным караулом и представителями частей его армии, выстроенными по обеим сторонам шоссе. Приняв почетный караул, я обошел ряды представителей корпусов и передал им слова Государя и пропустил их мимо себя церемониальным маршем. Все это было установлено самим генералом Плеве и менять, да еще в последнюю минуту, я ничего уже не мог.

Когда вся официальная часть была закончена, генерал Плеве пригласил меня к себе обедать в штаб армии. Начальником штаба у него был Евгений Карлович Миллер, бывший офицер Л.-Гв. Гусарского полка, которого я давно знал еще в Царском Селе, совсем молодым офицером.

За ужином генерал Плеве начал жаловаться на 3-ю Гвардейскую пехотную дивизию, которая, по его словам, не проявляет достаточной настойчивости в исполнении возложенной на нее задачи и вот, уж который день, не может взять обратно небольшой сарай, который немцы отбили у нас. Еще в Седлеце, в оперативном отделении, мы знали об этом, и генерал Рузский просил меня узнать на месте, в чем тут дело. Генерал Плеве требовал от 3-й Гвардейской дивизии взять, во что бы то ни стало, обратно этот сарай, считая, что неприятель из этого сарая обстреливает во фланг наши окопы и угрожает, будто бы, этим всему расположению дивизии. Атаки сарая стоили уже нам очень дорого и каждая неудача навлекала на дивизию нелестные отзывы генерала Плеве. Генерал Рузский считал, что все эти жертвы не соответствуют задаче: сарай, по его мнению, не имел того значения, какое ему придавал генерал Плеве.

На следующий день я приехал в штаб 23-го корпуса, в состав которого входила 3-я Гвардейская пехотная дивизия. Начальником дивизии был Всеволод Владимирович Чернавин, бывший Стрелок Императорской Фамилии и мой учитель по русской истории и словесности. После передачи собранным перед господским двором войскам Высочайшей благодарности, я спросил, как корпусного командира, так и начальника дивизии и командиров полков, относительно этого пресловутого сарая. Все были того мнения, что взять обратно сарай будет стоить очень много жертв, так как неприятель располагает огромным, сравнительно с нами, количеством пулеметов и бороться с ними трудно. Сам же сарай не представляет собой ценной позиции для неприятеля, который оттуда не мешает нашим войскам. Все начальство не скрыло, что нелестные отзывы генерала Плеве о 3-й Гвардейской пехотной дивизии глубоко и больно задевают самолюбие одной из самых блестящих дивизий гвардии. Я потом точно доложил генералу Рузскому о результате моего разговора и дело было ликвидировано.

Следующий корпус мне пришлось тоже посетить под вечер, по той же причине, ввиду близости фронта. Корпусный командир вызвал представителей от всех частей и выстроил их в каре. По углам были поставлены прожекторы, которые освещали весь участок. Картина была замечательно красивая.

Кавказская кавалерийская дивизия была расположена на р. Висле, куда пришлось ехать верхом довольно далеко и долго в морозный день.

Последним моим посещением была Новогеоргиевская крепость. Она считалась хорошо вооруженной,

но, как оказалось после, немецкая тяжелая артиллерия привела довольно быстро к молчанию крепостную артиллерию, и крепость вскоре пала.

Перед отправлением в эту командировку генерал Рузский просил меня одновременно выяснить состояние артиллерийского патронного запаса — сколько было израсходовано патронов с начала кампании и какая ежедневная, примерная, потребность в патронах.

Состояние парков показало, что запасы патронов на исходе, а пополнение поступает в недостаточном количестве. Сведения, которые я мог собрать в пятнадцати корпусах, показали, что средний суточный расход парторонов за почти пять месяцев войны, считая и самые горячие бои, и позиционную войну, определяется около пяти выстрелов в сутки на каждое штатное орудие. Эта цифра была выведена на основании общего расхода в артиллерийских патронах за пять месяцев и количества орудий на фронте. На основании этих данных армия должна была бы получать не мнее пяти патронов в сутки. На самом же деле, армия получала пополнение, считая на орудие в сутки, меньше одного патрона (дробь меньшая единицы). При этих условиях требовалась большая экономия в расходовании патронов, чтобы накопить нужное количество на случай серьезного боя.

На артиллерию выпала, кроме того, и новая задача, совершенно не предусмотренная в мирное время, а именно подготовка для пехотной атаки — пробивать проволочные заграждения. Это требовало большого расхода в патронах, особенно ценных бризантных снарядов. К этому времени шрапнель, на которую возлагали такие надежды до войны, уже отслужила свой век, так как на практике оказалась далеко не столь убойной, как думали, даже против открытых целей. Наши войска так привыкли к неприятельскому шрапнельному огню, что больше на него совершенно не обращали внимания — потери от шрапнелей были в большинстве случаев ничтожны.

Этот недостаток в патронах тормозил все операции, так как перед принятием какого-нибудь решения надо было вычислить, в каком количестве патронов это обойдется и сколько их имеется налицо.

Согласно полученному приказанию, я, окончив свой объезд, явился 23-го декабря в Ставку для доклада Великому Князю Николаю Николаевичу, после чего мне было приказано доложить лично Государю о результате моей командировки, так как она была личным желанием Государя.

В Царском Селе я представил Государю полный список тех частей, которые я, по его повелению, посетил и на словах доложил о положении на фронте, на основании мнений командующих армиями и корпусами.

В одном из корпусов, на варшавском фронте, мне пришлось пережить очень неприятный момент, который меня глубоко смутил. После окончания осмотра одного корпуса, перед тем чтобы ехать дальше, командир корпуса просил меня переговорить со мной с глазу на глаз по одному серьезному вопросу, который очень волнует и смущает всех. Начал он с того, что спросил меня, верны ли те слухи, которые дошли сюда, в эту глушь, о печальной роли Распутина, о его влиянии на ход войны, на двор и т. д. Я стал его успокаивать и разубеждать, как мог, заверяя его, что это влияние очень преувеличено и не имеет того значения, какое ему приписывают; что волноваться этим не следует, а тем более придавать значение разным распространяемым вредным слухам.

Но я был заинтригован, конечно, тем — кто мог в эту глушь занести эту злую сплетню, да еще в такое время и тем поколебать доверие армии к своему верховному вождю. Конечно, прямого вопроса я не мог задать корпусному командиру, кто ему передал эти слухи, но, продолжая общий разговор, я выяснил, что недавно этот корпус посетил А. И. Гучков. Мне тогда стало ясно, что никто другой как он виноват в этом. В следующем корпусе повторилось, примерно, то же самое — тот же разговор и на ту же тему. В одном из следующих корпусов я встретил самого Гучкова, который объезжал корпуса по должности уполномоченного Красного Креста. Он как раз ехал несколькими днями раньше впереди меня и посетил те же корпуса, что и я. Тут мои подозрения вполне укрепились в его виновности. Кроме него за последнее время эти корпуса никто не навещал. Удивляться этому, конечно, нельзя, всем была хорошо известна его ненависть к Государю, что он на деле так подло доказал через два года в момент отречения.

(Продолжение следует)

Из записок и воспоминаний о первых днях революции в 1917 году

Граф П. М. Дунин-Раевский

26 февраля 1917 г. Воскресенье.

Все еще было спокойно в Петрограде и я завтракал с Походным Атаманом, Великим Князем Борисом Владимировичем, в гостинице "Астория". После завтрака Походный Атаман с полковником Грековым вернулись в Царское Село, где была собственная дача Великого Князя.

К вечеру пошли слухи, что на пригородных заводах начались забастовки. На улицах появились патрули. Говорили, что в запасных частях петроградского гарнизона начались волнения и что были случаи нападения на офицеров. Надо сказать, что в Петроградском военном округе к этому времени находилось около 200.000 призванных запасных и новобранцев. Когда бывший командир 5-го Уральского казачьего полка генерал Шипов поздравил (он сам мне это передавал потом) генерала Хабалова, бывшего Наказного атамана Уральского казачьего

войска, с высоким назначением на пост главного начальника Петроградского военного округа, тот ответил: "С чем вы меня поздравляете? Я проклинаю день, когда меня сюда назначили. Мне генерал Рузский дает такие приказания, которые немыслимо исполнить, так как они без нужды раздражают и озлобляют запасных. Вот один из примеров — выгонять из казармы в 6 часов утра запасных на мороз. Офицеры производят ученье с 9 часов утра. К чему держать новобранцев три часа на морозе? На мои возражения по этому и по другим подобным поводам генерал Рузский отвечает: "Не рассуждайте, а исполняйте приказания". Все это записано мною со слов генерала Шипова.

27 февраля. Понедельник.

Объявлена всеобщая забастовка. Были вызваны войска и ими были заняты мосты и главные улицы; движение прекратилось. Однако некоторые запасные части вышли на улицу. Произошло столкновение демонстрантов с полицией. Были убиты два офицера л.-гв. Павловского полка. Унтер-офицер Кирпичников л.-гв. Волынского полка зверски убил своего заведывающего учебной командой, капитана Лашкевича, за что впоследствии был награжден революционерами солдатским георгиевским крестом.

Вечером в тот же день Государь распорядился, как потом говорили, направить в Петроград следующие воинские части.

С Северного фронта: 67-й пехотный Тарутинский и 68-й пехотный Лейб-Бородинский полки, 15-й уланский Татарский и 3-й Уральский казачий полки.

С Западного фронта: 34-й пехотный Севский и 36-й пехотный Орловский полки, 2-й Лейб-Гусарский Павлоградский и 2-й Донской казачий полки.

С Юго-Западного фронта лейб-гвардии Преображенский, 3-й лейб-гвардии Стрелковый, 4-й лейб-гвардии Стрелковый Императорской Фамилии полки и батарею л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады.

В виде авангарда был послан Георгиевский батальон под начальством генерал-адъютанта Н. И. Иванова. С этим батальоном генерал Иванов добрался до Царского Села, видел там Государыню, но не проявил никаких энергичных и решительных действий. В это же самое время на ст. Александрово был остановлен эшелон 67-го пехотного полка, а около ст. Луга был остановлен Лейб-Бородинский полк. Все полки эти вскоре были по приказу генерала Алексеева от имени Государя возвращены на фронт, а Георгиевский батальон — в Ставку.

В этот же день, 27-го, вечером около 8 часов, я посетил французское посольство, где мне удалось видеться с секретарем посольства графом де Робиен, которого я хорошо знал по яхт-клубу. Посол Палеолог уклонился меня принять. Де Робиену я сказал, что в настоящий момент надо было бы, чтобы французский посол стал посредником в конфликте между Императором и Государственной Думой; нужно этот конфликт как-то локализировать и найти какой-то компромисс; вопрос этот первейшей важности для Франции — она должна помочь конституционной монархии, дабы избавить Россию от анархии и развала армии.

На это де Робиен мне ответил, что посол Палеолог считает, что революция — это внутреннее дело России, в которое Франция вмешиваться не может. "Итак", сказал я де Робиену: "из-за формальностей вы предпочитаете, чтобы Россия дала бы возможность немцам взять свои войска с русского фронта и перекинуть их на французский фронт..." С грустными размышлениями я вернулся ночевать на Сергиевскую № 32 к моей матери. На следующий день, во вторник утром, я должен был ехать в Могилев к месту моей службы. Надо сказать, что после моей командировки на Персидский фронт мне было разрешено Походным Атаманом временно сдать его конвой, которым я командовал, и поехать на две недели в Петроград. Вот, почему я очутился в эти дни в столице.

28 февраля. Вторник.

Дума издала приказ, чтобы все офицеры, находившиеся в столице, явились на регистрацию. Я и В. А. Безобразов решили не подчиниться этому приказу, как незаконному, и поехали в Царское Село. По дороге с Сергиевской на вокзал мы видели солдат с красными флагами, спешивших к Думе. Автомобили перегруженные солдатами летали взад и вперед и находившиеся в них без толку стреляли. Несколько раз полиция пыталась стрелять с крыши домов, толпа рассыпалась, а потом начиналась осада солдатами этих домов и охота за полицейскими. Их травили как диких зверей, терзая и убивая их без суда. Около Царскосельского вокзала мы встретили пулеметную команду и артиллерию, пришедшую из Ораниенбаума. На офицерах были красные банты и они шли с опущенными головами.

Когда мы приехали в Царское Село, я пошел к моей младшей сестре, гр. Толстой, и узнал, что Великий Князь Борис Владимирович уже выехал в Могилев и что Великий Князь Кирилл Владимирович отправился в Думу, но Родзянко постарался с ним поскорее прекратить общение, чтобы не быть скомпромитированным в глазах революционеров.

В этот же вечер Безобразом и я сели в поезд и поехали в Могилев. Мы узнали, что Протопопов посажен революционерами в Петропавловскую крепость. С нами в вагоне ехали трое штатских с нерусской наружностью. Все станции до Орши были в руках революционеров, но в Орше были еще на станции жандармы, которые, однако, без сопротивления сдали свое оружие этим трем штатским. Дисциплина убила личную инициативу: если начальству — в данном случае жандармам — не было дано приказа сопротивляться, сопротивления и не было. Царь не дал приказа сопротивляться и потому никто не сопротивлялся — казалось, все обратились в какие-то инертные существа.

1 марта. Среда.

Я и Безобразов приехали утром в Могилев и со станции сразу же пошли в вагон-салон поезда Походного Атамана. Его мы там застали с чинами штаба; тут же находились капитан Семеновского полка

барон Унгерн-Штернберг и секретарь Великого Князя П. А. де Шек, редактор двух томов описания кругосветного путешествия и участия Великого Князя в русско-японской войне.

Нас засыпали вопросами, что делается в Петрограде и в Царском Селе. Походный Атаман был неприятно поражен, когда мы сказали, что Великий Князь Кирилл Владимирович пошел в Думу.

В эти критические минуты, когда решалась судьба Империи, Государь в своем поезде направлялся в Царское Село и был отрезан от всех телеграфных и телефонных линий. Поздно днем мы узнали, что поезд Государя находится на ст. Дно, куда он прибыл кружным путем через Смоленск, Вязьму и, после неудачной попытки проехать на Царское Село, направился в Псков в штаб Северного фронта.

В поезде с Государем не было ни одного сильного по уму и духу решительного человека, с кем бы он мог посоветоваться и к кому бы имел полное доверие. В поезде находились: министр Двора граф Владимир Борисович Фредерикс, дворцовый комендант Свиты Его Величества генерал-майор Владимир Николаевич Воейков, флаг-капитан адмирал Константин Дмитревич Нилов, Свиты Его Величества генерал-майор князь Василий Александрович Долгоруков, флигель-адъютант Кирилл Анатольевич Нарышкин и герцог Николай Николаевич Лейхтенбергский, генерал Александр Николаевич Дубенский, подполковник Георгий Александрович фон Таль, в должности церемониймейстера барон Рудольф Александрович Штакельберг, — все люди уважаемые и почтенные, но, к сожалению, не имевшие государственного ума, лишенные всякой инициативы, могущие лишь отвечать: "Так точно", "что прикажете, Ваше Величество" — и это все!

При Походном Атамане состояли в то время генералы Смагин и Сазонов; начальником штаба был генерал Богаевский, при штабе находились: полковник Петр Греков, войсковой старшина Максимов, есаул Константин Греков — все донские казаки; астраханский казак подъесаул Рябов-Решетин и, наконец, я — тогда сотник 5-го Уральского казачьего полка — начальник конвоя Походного Атамана.

2 марта. Четверг.

До нас дошли слухи, что Государь подписал указ о назначении премьер-министром князя Львова, а Верховным Главнокомандующим Великого Князя Николая Николаевича, который должен скоро приехать в Могилев. Вслед за тем распространилась быстро весть, что Государь решил отречься от престола в пользу своего брата, Великого Князя Михаила Александровича.

В поезде Походного Атамана мы обсуждали создавшееся положение. Все были уверены, что на престоле останется монарх и делали догадки — будет ли это Михаил I-й или Михаил II-й? Тогда же была сделана по инициативе Великого Князя Бориса Владимировича последняя попытка спасти монархию. Походный Атаман и состоявший при его штабе генерал для поручений Свиты Его Величества генерал-майор Дмитрий Петрович Сазонов, бывший командир л.-гв. Атаманского полка, были приняты генералом Алексеевым, которому они объяснили, что настоящее положение князя Львова крайне неустойчиво и, если ему не помочь, то неминуемо последует требование левых об отречении Вел. Князя Михаила Александровича. Поэтому Ставка должна теперь же послать ультиматум Львову, а Львов, в свою очередь, должен потребовать ото всех немедленного признания Вел. Князя Михаила Александровича, Императором Всероссийским. В противном случае, если кн. Львов не исполнит ультиматума Ставки, то, естественно, устои государства будут расшатаны, а дисциплина и боеспособность армий исчезнут; будет невозможно вести с успехом войну против немцев; нам будет грозить поражение на фронте и оккупация врагами громадной части русской территории. Вот почему Ставка и должна предъявить такой ультиматум, чтобы Вел. Князь Михаил Александрович был провозглашен Императором Всероссийским.

На это генерал Алексеев возразил, что лично он не вправе предъявить подобный ультиматум и что это лишь в компетенции Верховного Главнокомандующего и следовательно надо ждать приезда Вел. Князя Николая Николаевича.

— У вас прямой провод — переговорите с Тифлисом, — сказал Вел. Князь Борис Владимирович ген. Алексееву. Но и тут ген. Алексеев, под разными предлогами, отказался сделать это. Походному Атаману пришлось с ничем вернуться к себе, но со спокойной и чистой совестью, сознавая, что им была сделана последняя попытка сохранить монархию.

3 марта. Пятница.

Утром везде в Могилеве расклеиваются два манифеста — один с отречением Императора Николая II, другой: "Божией Милостью, Мы, Михаил Первый, Император Всероссийский...". Слов Самодержец, Царь Польский, Великий Князь Финляндский совсем не было. Этот манифест говорил о подчинении "Нашему Правительству" до избрания Учредительного Собрания. Я взял себе на память экземпляр этого манифеста, так как часа через два их срывали и наклеивали на их место манифесты в другой редакции: "Великий Князь Михаил Александрович" и затем подчиняться "Временному Парвительству". Почему произошли эти две редакции — узнать я не смог.

Государь на обратном пути из Пскова в Могилев послал со станции Сиротино телеграмму Императору Михаилу в Петроград; ему тогда еще не было известно об отречении Вел. Князя Михаила Александровича; об этом отречении Государь узнал лишь по своем приезде в Могилев вечером 3 марта. Его поезд остановился против нашего, и я увидел как Государь с задумчивым видом сел в автомобиль, чтобы проехать в губернаторский дом, где он обычно жил. Граф Михаил Николаевич Граббе, командир Конвоя Его Величества, поспешил снять вензеля с погон и просил генерала Алексеева переименовать прежний Конвой в Конвой Ставки Верховного Главнокомандующего.

4 марта. Суббота.

Могилев был, кажется, единственный город, где пресса в этот день еще не была в революционных ру-

ках. Местная газета посмела написать, что для России нужна конституционная монархия. В другом городе за подобную смелость вся редакция газеты была бы растерзана.

В тот же день на базарной площади ген. Алексеев прочел оба манифеста перед толпою солдат и жителей города; было много красных флагов, бантов, сновали какие-то подозрительные лица, которые разглагольствовали о "гнилом царском режиме". Солдаты больше не отдавали чести офицерам. В штабах

Походный Атаман Великий Князь
БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ
(1877—1943)

В руке — пернач (работы К. Фаберже) с изображением 11-ти гербов казачьих войск, пожалованный Императором Николаем II.

писаря отказывались работать более 6 часов в день. Солдаты перестали чистить лошадей и смазывать винтовки. В штабе Походного Атамана было иначе, все казаки, как и прежде, остались в строгой дисциплине, хотя никто им об этом не говорил, и недисциплинированных солдат презрительно называли "мужиками". Городские лавочники имели испуганный вид и боялись грабежа.

Государь перестал выходить на улицу. Напротив губернаторского дома, в котором жил он, было повешано два громадных красных флага. В тот же день я посетил кн. В. А. Долгорукова, гофмаршала, и просил передать Государю Императору мои верноподданнейшие чувства, одновременно доложил и о настроении казаков. Позже кн. Долгоруков мне передал благодарность Государя.

Барон Штакельберг и мой товарищ по полку подполковник Г. А. Таль, адъютант генерала Воейкова, мне рассказали подробности путешествия двух царских поездов на Дно и Тосно, а потом назад на Дно и оттуда на Псков, а после на Могилев. Они оба возмущались изменой генерала Рузского и других начальников. Но они не понимали, что им самим надо было проявить инициативу в борьбе с изменой, а не ждать откуда-то и от кого-то помощи. Оба они держались мнения, что была ошибка стремиться в Царское Село — район охваченный революцией — и лучше было бы прорываться на фронт. Некоторые члены Свиты возлагали надежды на союзников и были уверены, что король Англии, кузен Государя, предоставит ему и его семье крейсер, который доставит их за границу. Об этом говорили еще вчера, но сегодня всем стало ясно, что это иллюзии...

В этот же день я повидал генерала Дубенского, лейб-хирурга Федорова и снова генерала Воейкова; последний из всех их хранил наружное спокойствие. Я его спросил, почему из Пскова он не попытался с царским поездом прорваться на фронт? Генерал мне ответил, что тому мешали эшелоны 2-й кавалерийской дивизии князя Юрия Трубецкого, которые занимали узловые станции. Я это передаю, нисколько не ручаясь за правдоподобность подобной причины, тем более, что я знал об их плохих личных отношениях.

Около 3 с половиною часов дня из Киева в Могилев прибыла Императрица Мария Федоровна. Ее поезд остановился рядом с нашим, поездом Походного Атамана. Государь приехал из города и долго беседовал с Императрицей. Затем Государь с Императрицей поехали в дом, где жил Государь. К вечеру они вернулись в поезд. Когда Государь через некоторое время вышел из вагона, чтобы отправиться к себе, Императрица, стоя у окна, благословила его. Генерал князь С. А. Долгорукий, который сопровождал Императрицу, мне сказал, что их путешествие обошлось благополучно и без всяких инцидентов. Надо сказать, что Императрица Мария Федоровна всегда была популярна в России, а в Киеве, где она жила последнее время, ее очень полюбили.

С 5-го по 7-е марта. Воскресенье — вторник.

Внешне, порядок дня в Ставке не нарушался. Государь, как обыкновенно, принимал разных лиц, что продолжалось до завтрака, к которому всегда приезжала Императрица Мария Федоровна и затем с Государем уезжала в свой поезд, где они оставались вместе до позднего времени.

8 марта. Среда.

Сегодня Государь должен отбыть из Могилева в Царское Село.

Утром состоялось прощанье Государя с чинами штабов в зале дома, расположенного напротив губернаторского дома на площади. Все чины штабов — около 400 — поместились вдоль стен: генералы и штаб-офицеры впереди, обер-офицеры сзади. Так как я стоял у окна, то я увидел, как Государь вышел

из губернаторского дома в сопровождении флигель-адъютанта герцога Лейхтенбергского и медленно пошел мимо красных флагов к дому, где мы находились. Немногочисленные люди, которые были случайно на площади, сняли шапки, а солдаты отдавали честь. Наконец, Государь вступил в зал.

В зале царила мертвая тишина. Все взоры были обращены на Государя. Император был бледен, его лицо было как бы восковое, но выражение этого лица было спокойное и, как всегда, доброе. Остановившись и выждав несколько мгновений, Государь начал громко, отчетливо и спокойно говорить. Он сказал, что он счел нужным отказаться от престола, так как чувствовал, что это необходимо для пользы России, для сохранения закона и порядка в ней, а также для победоносного окончания войны, что всегда было его единственным желанием. Государь далее сказал, что он желает всем нам успешно закончить войну и счастья в частной жизни каждого и благодарит нас на преданность России и ему. Что было дальше — я никогда не забуду. Лицо генерала Алексеева было мокро от слез, как и у многих других, иные истерично плакали, некоторые упали в обморок. Государь стохранял ледяное спокойствие, непонятное в такие минуты, только его руки выдавали его нервное состояние. Затем Государь начал обход собравшихся, обращаясь ко многим в отдельности, спрашивая о близких и родных. Я был так взволнован, что не помню, как Государь вышел из зала... Разойдясь, каждый хотел наедине углубиться в свои мысли.

В этот же день в Могилеве появились два думские депутата — Бубликов и, если не ошибаюсь, Вершинин; их имена были напечатаны в местной газете. Они произвели на всех нас странное впечатление; видимо им было неловко в новой роли и было заметно, что в новом положении они не знали как себя держать.

Около 4-х часов дня произошло последнее свидание Государя с Императрицей Марией Федоровной в ее поезде. На соседнем железнодорожном пути стоял поезд Государя. В промежутке между поездами стояли три великие князя — Борис Владимирович, Александр и Сергей Михайловичи и свита Императрицы. Тут же находились генерал Алексеев с чинами штаба Ставки, а также адмирал Нилов, граф Фредерикс, дворцовый комендант Воейков, флигель-адъютанты Нарышкин и герцог Лейхтенбергский, гофмаршал князь В. А. Долгоруков, церемониймейстер барон Штакельберг, лейб-хирург профессор Федоров, генерал Кисляков, нашего штаба Походного Атамана генералы Смагин, Богаевский и Сазонов, немного частной публики и несколько крестьян и баб.

Я и Безобразов были тут же и наблюдали. Оба думских депутата, Бубликов и Вершинин, не видя выражения к ним симпатий со стороны генералитета, решили, вероятно, что симпатию к себе они встретят у сотника и прапорщика. Они подошли к нам и один из них сказал: "Теперь, господа, будет гораздо лучше, война продолжится с большим еще напором с нашей стороны и несомненным успехом".

За нас обоих я ответил: "Я очень сомневаюсь в этом. Будьте довольны, если вам этого хочется. Разрушив государственное устройство во время войны, вы бросили Россию на путь развала, и это по вашему приказанию. А приказом номер первый вы сломаете нашу армию на фронте и в результате она будет разбита Германией...". Слова эти произвели видимо на них впечатление; они не ожидали подобной отповеди от офицеров в небольших чинах: сотника и прапорщика. Ничего не ответив, обе депутата поторопились быстро отойти от нас.

В окне вагона Императрицы мы увидели, как Государь простился с ней и медленной походкой двинулся к выходу, спустился на платформу и потом так же медленно прошел в свой поезд. Ему пришлось пройти между собравшимися его проводить, стоявшими вперемешку с плачущими крестьянами и бабами. Государь отвечал на приветствия и оставался стоять у окна своего вагона. Депутаты стали нервничать и спрашивали князя В. А. Долгорукова, кто едет с Государем. Услышав, что адмирал Нилов тоже едет с Государем, они сказали, что это недопустимо, так как адмирал арестован и должен остаться в Могилеве. Затем они обратились к генералу Алексееву и поручили ему передать Государю, что он, по приказу Временного правительства арестован и под охраной будет направлен в Царское Село к своему семейству; там он будет интернирован, пока не будут окончены все приготовления к его отправке за границу. Генералу Воейкову было передано депутатами, что он должен ехать в свое пензенское имение, а графу Фредериксу, что он должен ехать в Крым. Они оба этому подчинились, но в пути генерал Воейков был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость, а граф Фредерикс, тоже арестованный, так же был направлен в Петроград.

Когда поезд двинулся, Государь все время оставался у окна, не спуская глаз с вагона Императрицы, которая тоже стояла у своего окна. В тот же вечер, или на следующий день, Императрица Мария Федоровна отбыла со своим поездом в Киев.

Новое положение страны стало чувствоваться с каждым днем все сильнее и сильнее, хотя, понятно, в Могилеве медленнее, чем в других городах, так как здесь преобладал элемент военный и элемент "штатский" был в меньшинстве. Тем не менее, люди называвшие себя до сих пор монархистами — одни ради карьеры, другие из-за страха — стали перекрашиваться в республиканцев. Это особенно я заметил у людей, которые раньше часто навещали Великого Князя Бориса Владимировича. Теперь они перестали появляться, — общение с двоюродным братом отрекшегося Императора могло скомпрометировать их в глазах революционеров. То же явление наблюдалось и с некоторыми иностраными военными агентами и атташе; исключением был итальянский полковник Марсенго, который постоянно продолжал приходить, пока его начальник генерал Ромоло не запретил ему.

Великий Князь не отдавал себе, повидимому, отчета в моральном ничтожестве подобных людей. У

него родилась идея поехать в Белую Церковь к графине Браницкой, и генералу Сазонову пришлось ему объяснить, что там он уже не будет желательным гостем и вряд ли его примут так сердечно, как в его прежние приезды. После отречения Великого Князя Михаила Александровича всем Великим Князьям и их начальникам штабов пришлось посылать телеграммы о признании ими Временного правительства. Подобная телеграмма была составлена для Походного Атамана, и он хотел ее подписать, как и прежде привык это делать, просто — "Борис", но генерал Сазонов посоветовал ем уподписать "Великий Князь Борис Владимирович".

9 марта. Четверг.

В этот день по распоряжению генерала Алексеева на городской площади был установлен аналой и всем было приказано присягнуть Временному правительству по новой форме, которую духовенство нам прочло. Все три Великие Князя — Борис Владимирович, Александр и Сергий Михайловичи, — все высшее начальство — генералы, полковники — с поникшими головами приложились к кресту и евангелию, после чего подписывали присяжные листы.

Я разговаривал с Великим Князем Александром Михайловичем, когда к нему подошел флигель-адъютант граф Адам Замойский, красивый, статный, только что ездивший в Царское Село, где он являлся Императрице Александре Федоровне, якобы, желая ее спасти. С новым режимом граф Замойский устроил себе прикомандирование к иностранным военным миссиям. Великий Князь Александр Михайлович спросил графа Замойского, будет ли он присягать Временному правительству, ввиду того что Государь отказался только от российского трона, но не от польской короны. Граф Замойский очень смутился и невнятно что-то пробормотал.

В этот же день генерал Сазонов составил для Великого Князя Бориса Владимировича прошение об отставке от должности Походного Атамана, которое было вручено генералу Алексееву. Одновременно Походный Атаман издал свой прощальный приказ по всем казачьим войскам, написанный в твердых и благородных выражениях. Этот приказ не удалось спрятать под сукно, как это было с прощальным приказом Государя.

10 марта. Пятница.

К вечеру прибыл из Тифлиса новый Верховный Главнокомандующий, назначенный Государем до своего отречения и утвержденный Временным правительством, Великий Князь Николай Николаевич. Генерал Алексеев, как начальник штаба, дал приказ, чтобы Великого Князя встречали только генералы и никто чином ниже. Поэтому мне пришлось наблюдать этот приезд лишь несколько отступя.

Когда поезд прибыл и стал рядом с нашим поездом, генерал Алексеев подошел с рапортом к Великому Князю Николаю Николаевичу. Затем Великий Князь обошел мненогочисленных генералов, говоря только о незначительных вещах, например, о том, что весна в Тифлисе продвинулась много вперед сравнительно с Могилевым. После этого он вернулся к себе в вагон в сопровождении генерала Алексеева. Три присутствовавших Великих Князя были приняты по очереди. Великий Князь Борис Владимирович вынес впечатление, что новый Верховный Главнокомандующий считал себя обманутым Временным правительством и что теперь, вдали от войск Кавказской армии, ему преданных, он находится в большой опасности. Великий князь Борис Владимирович доложил, что свое прошение об отставке он подал генералу Алексееву, и Верховный Главнокомандующий принял это к сведению.

Сильназ охрана из чинов Кавказской армии окружала поезд Великого Князя Николая Николаевича. Я хотел видеть моих приятелей, князя Николая Орлова и полковника Владимира Ивановика Дерфельдена, но князь Орлов через окно мне сказал, что им строго запрещено выходить из вагонов и с кем бы то ни было разговаривать. Уже потом, тот же князь Орлов рассказывал мне, что их путешествие, начиная с Тифлиса, было триумфальным шествием, поезд их встречался населением с большим энтузиазмом, а на станциях овациями различных организаций. Великий Князь Николай Николаевич был удивлен холодным приемом в Могилеве и малым числом лиц, встретивших его.

В тот же день вечером Великий Князь Борис Владимирович приказал мне привести к нему сына Великой Княгини Анастасии Николаевны, от ее первого брака, — герцога Сергея Георгиевича Лейхтенбергского, князя Романовскоо, что мне и удалось сделать после некоторых затруднений, учиненных мне кавказской охраной; я привел его в салон Великого Князя Бориса Владимировича, где они вдвоем имели конфиденциальный разговор.

11 марта. Суббота.

Вчера был издан всего лишь один приказ Великого Князя Николая Николаевича о вступлении его в верховное командование, но уже сегодня рано утром, около 3-х часов, то есть менее чем через сутки, он был не совсем корректно отстранен от этого командования. Из Петрограда приехал прапорщик Григорьев, будто бы друг Керенского, и потребовал экстренно видеть Верховного Главнокомандующего, чтобы ему вручить письмо от премьер-министра князя Львова. Несмотря на заавление свиты, что Верховный Главнокомандующий в этот ранний час спит, прапорщик Григорьев настоял на своем. Великого Князя разбудили и вручили ему письмо князя Львова, написанное внешне в корректной форме, но где сообщалось, что в настоящих условиях Великому Князю неудобно, как члену дома Романовых, оставаться Верховным Главнокомандующим.

Это новость и необычная форма, в которую она была облечена, произвела на всех в штабах и в городе потрясающее впечатление. Мгновенно "кавказская" охрана поезда исчезла и чины штаба Великого Князя покинули поезд; они поспешили в Могилев, чтобы успеть быть зачисленными в какой-нибудь штаб при Ставке.

Даже могилевский совет солдатских и рабочих депутатов был возмущен актом премьер-министра кня-

зя Львова и послал делегатов к Великому Князю проверить точность распространившихся слухов, после чего решил послать протест Временному Правительству, но, конечно, это не привело ни к чему.

Великий Князь Николай Николаевич послал телеграмму в Петроград, что он подал в отставку и сдал верховное командование генералу Алексееву. Одновременно он просил разрешения с братом своим, Петром Николаевичем, двумя Великими Княгинями и их детьми удалиться всем в его имение "Чаир" около Ялты. Был получен ответ, что разрешение дается, и рано утром оба Великие Князя со своими семьями и в сопровождении лишь немногих лиц, а именно — конногвардейца корнета графа Тышкевича и доктора Малама, поехали в Крым. Их почти никто не провожал, не было даже представителя от генерала Алексеева.

Походный Атаман, Великий Князь Борис Владимирович хотел поехать к своей матери, Великой Княгине Марии Павловне, в Кисловодск, но Временное правительство воспротивилось этому и потребовало, чтобы он отправился в Царское Село на свою дачу. Великий Князь поехал туда с есаулом Константином Грековым, и когда они туда приехали, им было объявлено, что они арестованы домашним арестом.

Штаб Походного Атамана еще продолжал существовать в Могилеве при Ставке, но мне больше не было смысла там оставаться и я попросил разрешения у генерала Богаевского поехать в отпуск в Петроград.

(Окончание следует)

Из цикла боевых и мирных воспоминаний

БОИ 3-го БАТАЛЬОНА 22-го И 25-го ИЮЛЯ 1915 ГОДА У ДЕРЕВНИ ТАРНОВКИ ПОДОЛЬСКОЙ ГУБ.

(ИЗ ИЗМАЙЛОВСКОГО АРХИВА)

Б. В. Фомин

(Окончание)

Где расположилась 9-я рота — я не помню, знаю только, что, как и прочие роты, она осыпалась осколками снарядов, которые беспрестанно разрывались над нашими головами.

У командира батальона с тремя ротами, кроме моей, была телефонная связь. С моей же он сообщался непосредственно. Мой младший офицер, прапорщик Ромашов, поместился при 4-м взводе в лесу.

Первый день боя прошел в длительной пристрелке германской артиллерии по нашей позиции; она началась, примерно, в полдень 22-го и закончилась часам к 4-м переходом к ураганному огню.

Наступления германской пехоты на участке батальона за этот день не было обнаружено; не видно было и позиции противника — она была скрыта густым и довольно высоким кустарником.

Моя рота совершенно не страдала от ураганного огня немцев, так как густота стволов и ветви деревьев представляли собой надежное укрытие. Кроме того, в лесу не могло быть непосредственного попадания в окопы неприятельских снарядов: гранаты ударялись о деревья и тут же разрывались, причиняя лишь жесточайшее разрушение лесу. Также безрезультатны были и разрывы шрапнелей.

В 8 часов вечера, как по команде, артиллерийский огонь стих. Подъехали кухни и роздали ужин. Утомленные предшествующими боями и ночными переходами, люди моей роты заснули крепким сном. Я прошелся по лесу и увидел, что проделанные моей ротой еще рано утром две просеки были сильно завалены опрокинутыми деревьями, огромными суками и ветвями. Я приказал фельдфебелю на рассвете назначить людей для очистки просек.

Утром 23 июня, раньше чем загорелся бой, просеки были возобновлены. Около 6 часов немцы сразу же открыли ураганный артиллерийский огонь, причем появились и крупные калибры снарядов. Лес стонал от частых разрывов, пороховой дым застилал его синеватым облаком, а черные разрывы тяжелых шрапнелей зловещей красотой проектировались на фоне безоблачного голубого неба.

Из окопа буквально нельзя было высунуть голову — до того казались частым дождем куски свинца и стали, летевшие к земле в разных направлениях.

Из передовых рот командир батальона получал время от времени по телефону донесения о появлении германских цепей, которые, пользуясь кустарником, неудержимо продвигались вперед. Обе роты, 11-я и 12-я, непрерывно обстреливали кусты, за которыми скрывались немецкие цепи. Немцы же ружейного огня не открывали. Часам к 4 дня, когда солнце пекло невероятно сильно, немецкие цепи против 12-й роты дошли до опушки кустов и залегли в них в растоянии полутораста шагов.

Подпоручик Волкобрун 1-й доложил об этом по телефону командиру батальона, сказав, что сильная протяженность расположения его роты делает ее огонь недостаточным, чтобы воспрепятствовать немецкой атаке. Командир батальона приказал тогда мне с ротою немедленно влиться в 12-ю роту и объединить командование левофлангового участка позиции его батальона.

Я крикнул командиру первого взвода, чтобы люди надевали ранцы и сам стал надевать снаряжение. Через пять минут я стоял перед взводом. Было жутко от еще более усилившегося артиллерийского огня. Ко мне подбежал прапорщик Ромашов. Я объяснил

ему предстоящий маневр, приказав со второй полуротой перебежать по просеке в окопы 12-й роты.

Через три-пять минут я бежал по просеке с первой полуротой к опушке леса. Просека оказалась вновь заваленной разбитыми деревьями, которые своими причудливыми по форме нагромождениями представляли серьезные препятствия, чтобы их преодолеть.

Сильно мучила жажда. Где-то сзади кричали о нескольких раненых. аНконец, я достиг опушки леса. Тут я увидел, что ход сообщения сильно засыпан разрывами попавших в него немецких снарядов. В то же время, очевидно, я и подоспевшие ко мне солдаты стали видны немцам, так как их пулемет начал ожесточенно обстреливать выход из леса в ход сообщения. Я укрылся за стволом крайнего дерева, в подножие которого бил пулемет. Воспользовавшись перерывом в стрельбе пулемета, я прыгнул в ход сообщения, в котором сейчас же пришлось лечь, ибо, разрушенный, он сделался очень мелким. Пули засвистали над головой. В следующий перерыв стрельбы пулемета я перебежал до окопа 12-й роты. За мной, с такими же задержками, перебегали первый и второй взводы моей роты.

У первого попавшегося мне на глаза унтер-офицера 12-й роты я узнал, что немцы, действительно, залегли в кустах в 150 шагах от наших окопов и уже не раз пытались подняться, чтобы двинуться вперед, но были принуждены снова ложиться. Ружейная стрельба в окопах 12-й роты была чрезвычайно напряженной.

Указав командиру первого своего взвода старшему унтер-офицеру Данилову куда распространяться первой полуроте, я пошел в блиндаж подпоручика Волкобруна. По телефону я сообщил командиру батальона, что прибыл на позицию и сгущаю своей ротой 12-ю роту, а затем пошел к своей второй полуроте. Тут я узнал, что прапорщик Ромашов во время перебежки по лесу был ранен и выбыл из строя. Взводные доложили мне о числе раненых — их было восемь человек.

Ружейная трескотня с прибытием моей роты еще более усилилась. Выглядывая из окопа, я временами видел, показывавшиеся то здесь, то там, фигуры немецких стрелков в кустах. Немецкие пули с шумом разрывались, ударяясь о камни, бывшие в бруствере окопов, и одна из них своими осколками угодила мне в лицо, сделав на нем несколько царапин. Наш окоп немцы артиллерией больше не обстреливали, боясь поражать свои же цепи, но лес обстреливался нещадно.

Напряженное боевое настроение нервировало людей. Вдруг, глядя поверх бруствера, я увидел, что в центре германской цепи поднялись два, видимо, офицера и, вынув из ножон сабли, пошли вперед. Никто, кажется, не мог этого не заметить, а потому стволы винтовок свыше четерехсот стрелков мгновенно направились на них. Офицеры упали, сраженные, очевидно, десятками пуль. Немцы же, частично, было, поднявшиеся за ними, не сдвинулись с места и снова залегли.

После этого эпизода напряженность боя значительно спала. Я пошел по окопу и приказал взводным выяснить фамилии выбывших из строя.

Было уже 6 часов вечера, когда взводные командиры сделали это. Их было 11 человек, тогда как раненых насчитывалось всего 8. Отсутствие этих троих мне показалось подозрительным и потому я по телефону попросил командира батальона послать людей его связи в лес к месту окопов моей роты, чтобы выяснить, не остался ли кто-нибудь из них там.

Несколько позже из 11-й роты мне передали, что бывшие против нее немцы медленно в кустах ползут вперед. Это обстоятельство показывало, что наступательный дух немцев не был еще сломлен и что они продолжают готовиться к атаке, приурочивая, возможно, ее к сумеркам.

Я доложил командиру батальона, что в случае новой атаки немцев — у меня не окажется резерва и выразил пожелание иметь в лесу за моим боевым участком свободную роту. Но полковник Лескинен мне ответил, что он доложит об этом командующему полком, а затем сообщил, что сегодня в 10 часов вечера назначен отход с позиции и что три нижних чина моей роты были разысканы его связью в окопах в лесу; он их удержал у себя для сбора возимого шанцевого инструмента и для нагрузки его на подводу ввиду предстоящего отхода.

С заходом солнца быстро спустились сумерки и бой затих. Насторожившись, мы ожидали немецкой атаки.

Когда сделалось уже темно, вдруг в стороне 11-й роты раздались крики ура и частый ружейный огонь. С правого фланга он сейчас же перекинулся и на обе подчиненные мне роты. Хотя стрельба в темноте обыкновенно мало действительна, но в данном случае она являлась единственным средством отразить неприятельскую атаку. Поэтому, минуты две, я не препятствовал ружейной трескотне, а затем подал свисток. Взводные его повторили и на позиции наступила тишина. Замолкла и 11-я рота, но на ее участке слышался раздирающий душу крик, по-видимому, какого-то раненого. Перед нами же было тихо.

Подпоручик Волкобрун спросил по телефону 11-ю роту, что у них происходило. Оказалось, что немцы, действительно, с криком ура пошли в атаку, но, нарвавшись на проволоку, которой из-за кустов раньше не заметили, отхлынули назад. Этот преждевременный крик погубил их атаку. Отдельно же раздававшиеся крики принадлежали раненому, повисшему на проволоке. Он оказался австрийцем. Его сняли и опросили. Он рассказал, что против нас наступают сводные австрийские части с начальствующими лицами из германцев. По словам пленного повторения их атаки вряд ли можно было ожидать, так как большинство немцев еще за день выбыло из строя.

Тогда я обошел роты, передал всем, что узнал и выслал вперед для разведки двух охотников. До их возвращения я запретил открывать огонь. Через некоторое время разведка вернулась и доложила, что австро-германцы остаются на своих прежних местах — в кустах — и соблюдают тишину.

Прошло еще около получаса, когда начался наш отход с позиции. Ввиду того, что через заваленный лес ночью итти было очень трудно, я приказал уходить через правый фланг позиции 12-й роты, от которого в нескольких десятках шагов сзади в лесу шла дорога в штаб батальона.

Процедура флангового движения по окопу двух рот заняло порядочно много времени, да кроме того на дороге в лесу части батальона перемешались в темноте с Московцами, левый фланг которых отходил по той же дороге, что и мы.

На сборном пункте батальона к моей роте присоединились три отставших солдата, которых я опросил по дороге к сборному пункту полка. Все трое доложили мне, что по разным причинам замешкались, когда другие надевали снаряжение, а потому не были на своих местах, когда началась перебежка вперед. Они чистосердечно мне сказали, что, оторвавшись ото всех, они так поддались страху, когда начался сильный артиллерийский огонь, что залегли в каких-то окопах, где их и разыскали люди связи командира батальона.

Проступок этих трех солдат на юридическом языке назывался "уклонением от участия в бою или в отдельных боевых действиях". За него полагалась смертная казнь. Я стал в тупик — как поступить. Все трое были хорошими солдатами ,один даже георгиевским кавалером; они были из запасных и уже немолодого возраста; с самого начала войны они были в роте и не пропустили ни одного боя. В общем, смягчающих вину обстоятельств было очень много, но военный закон не мог быть гуманным; он был неумолим, так как против дезертирства ничем другим нельзя было бороться, как только угрозой смертной казнью. Я сожалел, что перед движением через лес не велел взводным убедиться, что все люди на своих местах. Всем нам в ту минуту было не до того: надо было быстро поддержать 12-ю роту.

Обдумывая все это, я решил поступить так. На привале отвести роту в сторону, вызвать виновных, рассказать людям их проступок и полагающееся за него по суду наказание, а затем назначить троих дезертиров на срок в мою команду связи, с целью вылечить их от трусости и приучить к храбрости при исполнении моих приказаний под самым сильным огнем.

Так я и сделал и при этом сказал следующее: "Суду вы не будете преданы, но я назначаю вам испытание огнем. С сегодняшнего дня, на две недели, я прикомандировываю вас к моей связи. Я буду посылать вас при самом страшном огне. Пусть Господь Бог будет Судьею вашего преступления. Помилует вас Бог — помилует вас и человек (т. е. — я). В противном случае Он вас и осудит". Трое виновных с радостью ответили мне: "Покорнейше благодарим, ваше высокоблагородие".

После драматической обрисовки преступления дезертиров и вообще умышленно сгущенных красок в том слове, с которым я обратился к роте — и надо еще заметить в полной темноте — окончание его сразу разрядило напряженную атмосферу ожидания моего приговора. Упоминание о Божьем суде примирило всех и именно в нем я видел воспитательное значение придуманного мною выхода из положения.

Забегая вперед, скажу, что до 2 августа три провинившихся солдата оставались в моей связи. Во всех боях — при исполнении моих приказаний по связи — они под самым жесточайшим огнем проявляли полное бесстрашие и мужество. Никто из них не был ранен. В тот день, т. е. 2 августа, рано утром после ночного перехода я выстроил роту, вызвал этих трех солдат и рассказал роте, какими храбрецами были эти трое виновных в продолжении девяти дней. — "Я не хочу больше испытывать вашу судьбу", — закончил я свою речь: "Господь Бог вас помиловал, пусть будет по Его воле. Возвращайтесь в свои взводы, а мы все забудем про то, что было девять дней тому назад".

Радостно блестали глаза всей роты и думалось мне, что бывший случай убережет мою роту от повторения чего-нибудь подобного. Я знал, что с бытовой точки зрения поступил правильно, а о юридической неправильности тогда не думал.

Рано утром 24 июля полк занял, так называемую, Владавскую позицию.

На броневике „Верный"

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ 1918 ГОДА)

С. Нилов

(Продолжение)

На высоком холме раскинулся окруженный рощами Ставрополь-Кавказский. Изрезанный оврагами, весь в садах, похожий на большую деревню, город справедливо гордился великолепной соборной лестницей, рощей и многочисленным фонтанами.

Несмотря на близость Азии, в Ставрополе все дышало старым русским бытом. Издавна жизнь горожан текла тихо и мирно. Они были гостеприимны и хлебосольны; умели жить, умели веселиться, когда к этому был повод. Все пребывало в покое и довольствии.

Но эта патриархальная жизнь резко изменилась, когда город оказался во власти большевиков. Жители притаились, ушли в себя и решили ждать лучших дней.

Доходили неясные слухи о Добровольческой армии

на Кубани, но никто о ней ничего толком не знал. Однако, в городе нашлась часть военной молодежи, которая составила тайную организацию. Добывалось оружие, патроны и была установлена связь с некоторыми непокорными кубанскими станицами, лежавшими по соседству.

И вот, в один солнечный июньский день пришла радостная весть — станция Торговая занята Добровольческой армией. Это обозначало, что большевики, находившиеся на северном Кавказе, были отрезаны от центральной России.

Ночью в Ставрополе сделали выступление. Но, к сожалению, у организаторов не было опытности, они были плохо связаны друг с другом, да и в последний момент многие заговорщики заколебались и не вышли. Восстание было быстро подавлено, и над его участниками большевики в саду старого юнкерского училища устроили кровавую расправу. Все непокорные и самые смелые погибли (1).

Потом восстали вразброд некоторые кубанские станицы, но и этот протест красные потопили в крови и удушили в дыму пожаров...

Стих Ставрополь и еще больше ушел в себя. Спасение пришло неожиданно.

1 июля со стороны Татарки появился с казаками баталпашинского отдела войсковой старшина Шкуро. У Вшивой горки красные были разбиты и их главковерх Шпак был зарублен казаками. В эти же дни связался с Добровольческой армией Ставрополь. Губернатором его был назначен полковник Глазенап 12-го июня, а 14-го мой "Верный" был спешно передан в его распоряжение.

Большевиков выбили из Татарки и отбросили к Невинномысской; за ними ушел войсковой старшина Шкуро. В городе остались лишь губернатор и мой броневик. Правда, из местных добровольцев сформировали Ставропольский офицерский полк, но на стойкость его мало надеялись, — слишком близко был дом и родные этих добровольцев и кроме того наиболее смелые и предприимчивые погибли во время неудачного восстания. Между тем, на восток от Ставрополя, со стороны села Благодарного, городу угрожали отряды красных, доходившие даже до Старомарьевки...

В этих случаях меня посылали с броневиком их выбивать, и "Верный" метался из села в село, часто не зная отдыха ни днем, ни ночью. Через неделю меня подкрепили двумя сотнями казаков и одним орудием, — стало легче... Но 25 июля большевиков собралось несколько тысяч и, заняв Золотую гору, они стали нацеливаться на Ставрополь. К Старомарьевке подтянули Ставропольский офицерский полк и со ст. Кавказской перебросили моих старых приятелей, лихих улагаевских пластунов.

На рассвете 28 июля "Верный" и конница зашли с тыла, кинулись в атаку и разбили красных. В Бешпагире утвердился Ставропольский офицерский полк. Полковник Глазенап отозвал меня в Ставрополь, где я с "Верным" составил его единственный резерв.

Потекли дни мирной жизни. Броневик неподвижно стоял на дворе по Вельяминовской улице и все мы тут же в доме занимали одну комнату; было тесно, но весело. По утрам искали по карманам мелочь, чтобы собрать пятьдесят копеек и, если это удавалось, то Кобенин бежал за чуреком... Жить приходилось бедно, жалованье в 250 рублей, что нам платили, было слишком недостаточно. Впрочем, мы никогда не жаловались: у генерала Алексеева денег ведь не было, да и сражались мы не из-за жалованья...

Часа в 2 дня наши хозяева, семья С., тащили нас к себе обедать. Ни наши отказы, ни протесты не помогали, — нас заставляли садиться за их стол. Это была семья, какую можно было встретить только в Ставрополе; старуха мать и ее три дочери относились к нам как к родным и своего сына и брата вряд ли так любили, как нас. Вечером мы отправлялись в рощу, слушали музыку и ухаживали...

5 августа, помню, я сидел на скамейке в аллее рощи и слушал мою любимую "Молитву" Чайковского. Уже смеркалось. По роще шел быстро гусарский поручик, видимо кого-то разыскивая. Увидев меня, он обрадовался и, поздоровавшись, тихо сказал:

— Вас немедленно просит к себе губернатор.

— А что, разве пахнет гарью?

— Да, и даже очень...

Я отыскал свою команду, приказал быть готовыми, чтобы ехать к губернаторскому дому.

— На ваш броневик одна надежда, — встретил меня полковник Глазенап. — Ставропольский полк после короткого сопротивления сдал Золотую гору и отошел в Старомарьевку. Поезжайте сейчас же туда, явитесь к начальнику отряда генералу Бруневичу и помогите ему удержать деревню. Я не послал бы вас на ночь, так как знаю, что броневик ночью работать не может, но положение серьезное, город в опасности.

Две минуты спустя "Верный" мчался вниз по Николаевскому спуску, и Бочковский, по обыкновению, затянул песню. Ее дружно подхватили остальные. Встречные жители при виде мчавшегося броневика в тревоге смотрели на него и шептались между собою, предполагая, что, повидимому, случилось что-то не ладное. Было совершенно темно, когда "Верный" остановился на площади в Старомарьевке. Кругом бродили какие-то люди.

— Где здесь штаб генерала Бруневича? — крикнул я в темноту.

— Какой там генерал! У нас нет генералов! — послышалось в ответ. Площадь вдруг зашумела множеством голосов:

— Товарищи, это корниловцы! Белые!

Оранжевые огоньки выстрелов начали пронизывать тьму. Вслед за этим разом затрещали мои пулеметы, покрыв своим стрекотаньем шум и крик. Затем "Верный" развернулся и понесся вон из села, продолжая выбрасывать рой пуль в ночную темноту.

В полуверсте от Старомарьевки, у северной окраины селения Надежда, я остановил машину. Здесь было тихо. Я сказал своей команде, что нужно ео

(1) Некоторые подробности об этом первом противобольшевистском выступлении в Ставрополе можно найти в книге: Я. Александров. Белые дни. Берлин, 1922, стр. 30-32. — **Ю. Т.**

что бы то ни стало удержать Надежду; Ставропольского полка нет, он, очевидно, рассеялся и кроме нас некому защищать город.

Я приказал Шатанину и поручику Александрову взять пулемет Льюиса, ручные гранаты и ракеты и сказал им, что они будут заставою на дороге из Старомарьевки в Ставрополь. В случае наступления они должны бросить гранаты и открыть стрельбу; по этому сигналу "Верный" подойдет к ним на помощь. Время от времени я приказал им пускать светящиеся ракеты, то же самое будет делать и броневик в разных местах, чтобы противник думал, что нас много. Затем я взял ракету и карабин и пошел к Старомарьевке на разведку.

Перед мостом в поле густо покрытым подсолнечником было тихо, но на окраине селения слышался глухой шум и лай собак. Я пустил ракету. Она взлетела кверху и медленно опустилась, освещая бледно-зеленым светом ручей и ветлы за ним. Срезу же жалобно запели пули...

У броневика я нашел группу людей. Все они оказались из Ставропольского офицерского полка. Они говорили, что красные их зажали на Золотой горе, их ротный командир был ранен и они поспешно отступили. Я сейчас же приказал Кобенину взять этих людей в заставу вправо на хутор и следить, чтобы никто без моего приказания с этой заставы не отходил.

Показалась луна. Вокруг стало видно шагов на тридцать. Со светом появилась уверенность, исчезло щемящее сердце чувство темноты и неизвестности. К нам подъехал большой разъезд казаков Хоперского полка, затем подошла и целая сотня. Узнав, что я командир броневика, командир сотни спросил меня, какие будут распоряжения?

Я дал казакам пулемет Льюиса и послал их сменить мою заставу на дороге, потом выдвинул секреты к Старомарьевке и к востоку от Надежды. На мой вопрос, где находится генерал Бруневич, командир сотни ответил, что он должен быть в каменной школе в Надежде, так ему сказали в Ставрополе в штабе губернатора.

Я отправился отыскивать школу. Пришлось пройти версты полторы по длинному селению до школы, но в ней было пусто и тихо. Когда я возвращался, то вдруг услышал сзади себя шаги. Я обернулся и остановился. На залитой лунным светом и уходившей вдаль улице никого не было. Я двинулся и снова кто-то сзади зашагал; опять остановился и опять ничего... Становилось неприятно. Я вынул револьвер и... улыбнулся. Меня напугали мои собственные сапоги: они совсем развалились и я привязывал подошвы телефонной проволокой, — эти отвалившиеся подошвы и производили двойной шум шагов.

У броневика, с винтовкой в руках, шагал часовой. Остальная команда спала у своих пулеметов. Пофыркивали привязанные к плетню лошади и казаки, лежа в канаве, курили, переговариваясь шепотом. А позади, на горе, блестели электрические фонари Ставрополя: там спокойно и беззаботно спали его жители, не зная, какая маленькая кучка людей защищает их беспечность.

Пришли из секретов казаки с донесением и снова исчезли в темноте. Изредка тишину нарушал одиночный ружейный выстрел и вспыхивала ракета. Ночь проходила. Начинало сереть и от ручья потянуло сыростью.

6 августа.

Утром в школе на этот раз оказался штаб генерала Бруневича. Из города приходили пешком или приезжали на извозчиках офицеры и добровольцы Ставропольского полка. Их распределяли по ротам и рассыпали в цепь перед Надеждой. Восточнее, на горе разворачивался пластунский батальон и еще правее, за балкой, заняли хутор казаки Хоперского полка.

Около 10 часов на бугре появились автомобили красных: два пулеметные и один с горной пушкою. Они потеснили хоперцев. С большим трудом, подталкиваемый руками, "Верный" перебрался через ручей и медленно пополз вверх по дороге с очень крутым подъемом. Красные автомобили поспешно убрались куда-то в лощину. Хоперцы снова выдвинулись вперед, а я вернулся в Надежду.

В 12 часов вновь затрещала стрельба. Красные перешли в наступление.

— Взберитесь на гору и остановите противника, — приказал мне генерал Бруневич.

— Слушаю, — ответил я.

Но мне не было по душе это приказание. Было очень трудно снова взбираться на гору, перегревая мотор и теряя время. На высотах не было удобных дорог, не было пути назад, да и в случае удачи, трудно было преследовать противника, так как в лощине был сломан мост. Было бы выгоднее самому атаковать красных в Старомарьевке, ворваться в село и действовать в тылу противника. Но мой долг был исполнить приказание, а не рассуждать.

На горе сразу пришлось атаковать красных, наступавших против правого фланга пластунов. Попав под огонь моих пулеметом большевики бросились назад и залегли в кукурузе. "Верный" отошел к кургану, но тотчас же был послан вправо на помощь хоперцам. Подойти вплотную к цепям красных броневику не удалось, — впереди дорогу перерезал глубокий овраг. Пришлось цепи обстрелять во фланг. Позади "Верного" тоже заработал пулемет: оказалось, что на грузовике подъехал генерал Бруневич. Пули подымали пыль и около броневика, и около грузовика, но последний продолжал стрелять. Генералу Бруневичу нельзя было отказать в храбрости.

Наконец, большевики не выдержали огня и стали отходить, но в то же время они нажали снова на пластунов, и меня с "Верным" вызвали обратно к кургану. Получилось так, что броневику приходилось все время передвигаться и парировать удары противника в разных местах, вместо того, чтобы иметь определенную задачу. От езды по крутым подъемам мотор перегрелся и едва тянул; выкипела и вода в

пулеметах. Я хотел остановиться, чтобы послать за водой, но генерал Бруневич уже указывал рукой на двигавшихся большевиков, крича: "Атакуйте!"

И вновь, по узкой полевой дороге "Верный" помчался вниз навстречу красным цепям. Передовые цепи мгновенно были смяты и отброшены вправо от дороги, где они скрылись в высоком подсолнечнике. Броневик пошел дальше навстречу новой густой волне наступавших и переходивших небольшую лощину. При виде броневика красные залегли и начали поспешно окапываться... Но было поздно. "Верный" вскочил в середину цепей и начал их в упор расстреливать. Красные кинулись назад, но для этого им нужно было перебежать лощину и шагах в 80 от броневика взбираться на бугор. Это им не удалось, — они почти все полегли...

Но в это время мы заметили, что с тыла стали лететь пули и увидели, что влево, па краю горы, пластуны начали поспешно отходить. Нужно было торопиться отойти назад, чтобы предупредить большевиков хотя бы у кургана. И когда "Верный", с перегретым мотором, медленно полз вверх и поравнялся с полем покрытым густым подсолнечником, то оттуда посыпался град пуль.

— Огонь! Огонь! — хватал я пулеметчиков за плечи. Но пулеметы не стреляли... У Батанина застряла пуля в стволе; у пулемета Муромцева — какой-то перекос... Да кроме того выкипела вода... Пули барабанили по броне, залетали внутрь машины и разбивались на мелкие осколки. Опасаясь за глаза, команда закрывала лицо шинелями. Большевикам, которые были всего в нескольких шагах, ничего не стоило захватить броневик. Однако, они на это не решились.

За курганом я вылез из броневика. Боже! Какой вид имел мой "Верный"! Он уже не был защитного цвета, а стал каким-то крапчатым: он был весь испещрен следами попавших в него пуль. Мотор раскалился. Радиатор был пуст. Я послал Гришинова в Надежду за водой. В это время генерал Бруневич подъехал ко мне и приказал остановить красных, наступавших на левый фланг пластунов.

— Это невозможно, ваше превосходительство, — ответил я. — Ведь там одни промоины и рытвины, а через них броневику не пройти. Да кроме того, машина не тянет и на первой скорости... В пулеметах нет воды...

Пластуны отходили. На бугре остался один "Верный"; со всех сторон его обтекали цепи большевиков. Команда, просунув в бойницы дула карабинов, отстреливалась из них. Внизу красные перерезали уже единственную дорогу, спускавшуюся вдоль фронта к Надежде. Оставаться дольше на этом месте было бы безумием. "Верный", рискуя свалиться под откос, сполз вниз, молча прошел через цепь красных, с трудом вытянул из ручья и остановился на улице села. Мотор больше не тянул. Но мы были спасены!..

Сейчас же налили воды в пулеметы, заглушили машину, облили мотор маслом и стали ждать красных. Вскоре они показались на конце улицы. Их встретили наши пулеметы. Тотчас же улица опустела.

Когда мотор остыл, я отвел броневик немного назад и укрыл его в переулке, назначив часового наблюдать за большевиками. Теперь, выйдя из стальной коробки на чистый воздух, мы вспомнили, что уже сутки мы ничего не ели. Кобенин побежал в соседнюю хату за хлебом и скоро вернулся. Его сопровождала баба, которая несла молоко и яйца. Пока мы ели, баба, подперши ладонью подбородок, смотрела на нас. "И все-то вы воюете, родимые, и покормить вас некому!" говорила она.

Часа четыре мы стояли в Надежде. Кое-кто успел даже поспать. Изредка появлялась разведка красных, но после выстрелов часового скрывалась.

В 6 часов вечера броневик пошел на юго-западный край села, выбил оттуда полуроту красных и отошел к железнодорожному мосту, где собрались все наши силы. Здесь, на мосту стоял полковник Глазенап и рассматривал Надежду в бинокль.

— А мне донесли, что вы погибли, — сказал он мне. — и я уже посылал генерала Бруневича вас разыскивать...

Я попросил разрешения отправиться в Ставрополь пополниться бензином и патронами, да кстати, поужинать и накормить команду. По всем признакам было видно, что сегодня наступать красные не будут.

— Нет, вы еще мне нужны, — запротестовал генерал Бруневич, но полковник Глазенап остановил его:

— "Верный" заслужил отдых и, когда это будет нужным, он будет на месте...

На Николаевской улице броневик встретила толпа жителей. Все наперерыв спешили узнать, каково положение, не угрожает ли городу опасность? Я пожимал плечами: "Будем защищать!..."

Особенное впечатление производили следы многочисленных пуль на "Верном". По ним высказывали предположения, что большевики наступают очень сильно. У Городского сада броневик остановился, и мы отправились ужинать и слушать музыку. Несмотря на то, что враг был у порога города, сад был полон публикой. Казалось, что горожане жили минутой, не думая о завтрашнем дне.

К полуночи возвратились к мосту. На броневике успели привести все в относительный порядок.

Луна ярко светила и за мостом серебрилась дорога, убегавшая к противнику. Я решил воспользоваться такой светлой ночью и вывел броневик на дорогу. В версте за мостом я нагнал нашу цепь, осторожно идущую вперед. Я вылез из машины и окликнул.

— Командир "Верного"? — спросил меня высокий человек, подходя к броневику.

— Да. А это какая часть?

— Ставропольский полк, мы здесь занимаем позицию.

В говорившем я узнал командира полка. Я его спросил, что полку известно о противнике? Он мне ответил, что сведений — где красные, у него нет и это его очень беспокоит. Я ему сказал, что я с

броневиком продвинусь вперед и, кстати, прикрою его полк, когда он будет разворачиваться.

Тихо работал мотор. "Верный" медленно двигался вперед. Справа, в сторону Надежды небо стало сереть, приближался рассвет. Пройдя версты четыре и почти поровнявшись с северной окраиной села, я тронул шофера за плечо и шепотом приказал остановить машину, — впереди, шагах в 150, чернели фигуры, спешно рывшие окопы. В стереотрубу была видна линия большевиков, шедшая от шосее до Надежды: красные, значит, остались на позиции занятой днем. Броневик завернул и пошел назад. Ставропольский полк занял линию и стал рыть одиночные окопчики.

— Большевики в четырех верстах от вас и продвигаться не думают, — сказал я командиру полка. — Если хотите, я вызову их огонь, чтобы увидать их фронт?

Полным ходом "Верный" полетел вперед и шагах в пятидесяти от красных остановился.

— Глуши мотор! Давайте споем что-нибудь?

Бочковский взял гитару, которую он постоянно возил с собою в броневике и вылез на крышу "Верного". Остальные тоже высунули головы из люка, за исключением Муромцева, который навел пулемет. Большевики, заметив броневик отбежали вправо и влево от дороги и, не стреляя, залегли. Бочковский дал тон и мы дружно подхватили "Боже Царя храни". Три раза пропели мы гимн, и пораженные большевики слушали. Пропели еще "Вещего Олега" и прокричали громкое ура.

Мгновение молчания, а затем взрыв брошенной нами бомбы, три ракеты и резкий треск пулемета. Линия большевиков вспыхнула огоньками выстрелов; беспорядочно застрекотали пулеметы и откуда-то из Старомарьевки заметались сполохами желтые огни и загремели пушки. Невидимый до сих пор фронт противника вдруг засветился на несколько верст и высоко в воздухе вспыхивали разрывы шрапнели. Броневик уже давно ушел, а выстрелы все трещали и трещали. У моста на насыпи стоял, окруженный кучкой людей ,генерал Бруневич и тревожно вглядывался в предрассветную тьму. Я поднялся на насыпь и доложил ему о своей ночной разведке.

7 августа.

Уже давно взошло солнце, а большевики все оставались на прежних местах и по-прежнему усиленно копали окопы. Было заметно, что силы их значительно увеличились: их правый фланг уже тянулся до станции Пелагиада, а левый кончался где-то далеко за форштадтом. В их тылу усиленно пылили тачанки, иногда подкатывающиеся к передовым цепям.

С нашей стороны тоже было все тихо. В версте от железнодорожной насыпи лежал Ставропольский офицерский полк, да далеко на буграх виднелась редкая цепь пластунов. В резерве под мостом стоял "Верный". Это все, что было у нас... Если бы красные сразу же перешли в наступление, то конечно они легко сбили бы наши слабые части и Ставрополь бы пал. Но красные ждали еще подкреплений.

Солнце поднималось все выше. Успокоенные тишиной на фронте, к мосту стали съезжаться ставропольцы чуть ли не целыми семьями, и все с корзинками и кульками наполненными провизией. Жены, матери, невесты обходили стрелков Ставропольского полка и заботливо наделяли их всякой снедью. Одновременно и давали им свои советы, — не лезть вперед, не подвергать себя опасности. "Подумай о нас...", говорили они. И этим мужьям, сыновьям и женихам уже не хотелось лежать в пыльных ямках и ждать когда запоют пули и принесут с собой опасность, а может быть и смерть... Всех их уже тянуло обратно в Ставрополь.

Моей же команде и мне никто не давал советов, никто не сожалел о нас. Нас поэтому никуда не тянуло, нам никого не было жаль. Мы лежали в тени броневика, жевали сухой хлеб и запивали водой из пропахших бензином баков. Но и о нас вспомнили! Барышни той ставропольской семьи, в квартире которой мы жили, приехали на грузовике и привезли нам пирожков и яблок. Помню, как мы были им благодарны...

Однако генерал Бруневич нервничал и не давал нам возможности спокойно съесть пирожки. Всякий раз, когда показывались тачанки красных, он посылал меня итти им навстречу. "Верный" пыхтел, лениво мчался вперед на край Надежды, одним своим видом пугал тачанку и мчался обратно, преследуемый градом пуль.

День проходил и мы вдруг узнали новость, — к нам подходят подкрепления... После обеда пришел бронепоезд "Вперед за родину". Он выдвинулся на насыпь и послал в Ставромарьевку несколько снарядов из своих длинных морских пушек. Вечером подошел батальон корниловцев и дроздовская гаубичная батарея. Артиллеристы прибежали к "Верному" и радостно приветствовали своего старого дроздовца. Батарейная кухня тотчас была в нашем распоряжении и появилась каким-то чудом водка.

8 августа.

Солнце только что начинало всходить, когда я проснулся от неудобного лежанья на камнях шоссе, болело все тело. Вокруг "Верного" лежала его команда в самых разнообразных позах. Мне не хотелось ее будить, но какой-то внутренний голос шептал мне, что сейчас начнется дело и надо быть готовым к нему. Я разбудил шоффера и пулеметчиков и приказал приготовить машину.

Через десять минут по всему фронту затрещали выстрелы, — красные перешли в наступление. С железнодорожной насыпи было далеко видно вправо и влево, и всюду куда хватал глаз, поле было покрыто цепями красных. Против нашей редкой, прерывчатой цепочки красные шли пятью цепями: три цепи впереди и через две версты еще две цепи. Позади насыпи глухо ухнула гаубица и на бугре за Надеждой поднялись клубы черного дыма, затем еще и еще... Черные фигурки бросались в сторону от разрывов.

Резко и пронзительно застучала легкая батарея и над цепями красных поплыли белые облачка разрывов.

Бой разгорался. Генерал Бруневич оглянулся, увидел меня и приказал мне с "Верным" атаковать красных.

— Нужно выждать, ваше превосходительство. Бой только что начался, пусть большевики подойдут поближе... В крайнем случае прикажите пехоте поддержать мою атаку. Броневик собьет красных с дороги, но вправо и влево от нее в прогалинах и канавах они останутся и их должна выгнать пехота...

Однако, генерал настаивал на своем и никакого прикрытия мне не дал. Я сознавал всю трудность задачи и видел заранее, что броневик прорвет цепи противника, но ничего существенного не сделает. Но мой долг был исполнить приказание.

— Заводи машину! Вперед! Полный газ! — крикнул я шоферу.

"Верный" помчался вниз из-под моста навстречу красным цепям. Я скомандовал: "Полный ход!"

Промелькнула цепь ставропольцев, застучали по броне пули и "Верный", врезавшись в первую цепь красных, раскидал ее с дороги и, не останавливаясь, пошел дальше. Вторая и третья цепи большевиков, не дождавшись подхода броневика, кинулись в сторону, засели в канаве и промоинах и открыли по машине огонь со всех сторон. "Верный" в свою очередь строчил из пулеметов, мчался вперед все дальше в тыл красных навстречу двум следующим цепям. Но когда он дошел де четвертой цепи, стало ясно, что броневик только прошел цепи красных, но не остановил их. Вправо и влево от дороги цепи попрежнему шли вперед. А внутри броневика в это время было не сладко.

Шатанин, Муромцев и Александров были ранены; раненному в голову Генриху кровь заливала глаза и он с трудом правил рулем. Я привстал, чтобы посмотреть через верхний люк, что происходит кругом, но тотчас от жгучей боли присел на пулеметные коробки, — пуля засела у меня в пояснице. Пуля пробила броню, почему, попав в меня, она потеряла свою ударную силу...

Продвигаться дальше не было уже смысла и приходилось думать, как бы скорее выбраться назад. Я приказал шофферу Генриху поворачивать обратно, но когда броневик разворачивался и подошел к шоссейной канаве, раздался взрыв. "Верный" подпрыгнул, остановился и мы тотчас же заметили как изпод низа полезли желтые языки пламени... Скорее машинально, чем соображая Генрих переставил скорость и машина поползла по дороге. Оказалось, что большевик, в форме матроса, бросил из-под моста бомбу. Но он был тотчас же убит очередью, выпущенной из пулемета Муромцева.

Между тем, машина горела. Был перебит бензинопровод и разлившийся по полу бензин загорелся; начинало загораться уже и сиденье шоффера. Обоженный Кобенин принужден был бросить свой пулемет.

— Огнетушитель! Скорей огнетушитель, — кричал я Генриху охрипшим голосом.

Свинтив колпак, я стал лить жидкость из огнетушителя на пол и на бензинопровод... И сейчас же в броневике распространились удушливые пары амиачного газа, но пламя не потухло. От пожара и от удушливого газа у меня кружилась голова. С трудом я открыл верхний люк и высунулся наружу. Поддерживая меня, вылез и Бочковский. Но тотчас же он как-то осел и стал скользит вниз. В канаве, шагах в пяти от броневика, я увидел красноармейца, перезаряжавшего винтовку. Я протиснул Бочковского внутрь машины и быстро скользнул за ним сам...

У Бочковского была пробита грудь навылет и Кабенин старался остановить ему кровь. Машина шла все тише и тише; Генрих включил уже первую скорость, а нам предстояло еще пройти через три цепи красных. В душу начинало закрадываться сомнение, — пробьемся ли мы? Разлитый по полу бензин продолжал гореть; Генриху уже было невозможно оставаться на своем горящем сидении. Тогда я прикладом карабина нажимал на рычаг скоростей, а Генрих, стоя рядом со мною, правил рулем. Загорелись пулеметные ленты и, накаливаясь, начали лопаться патроны. Пулеметчикам пришлось оставить пулеметы, лишь Муромцев, сидя в заднем углу, продолжал стрелять, не замечая, казалось, пожара.

Большевики продолжали стрелять со всех сторон в броневик, но не делали попыток его захватить. С пожаром внутри машины, мы породлжали медленно ползти назад, и у нас всех была только одна мысль, одно желание, — добраться до своих цепей. В эти минуты мы были почти беззащитны: ручные гранаты мы выбросили, боясь их взрыва, пулеметы не действовали и все мы были переранены.

Наконец, мы прошли последнюю цепь красных. Шагах в шестистах виднелась наша цепь — наше спасение. Но перед нами встала новая, более грозная опасность: каждую секунду можно было ожидать, что взорвется бензин и мы все взлетим на воздух. В броневике невозможно было оставаться из-за жары; то и дело приходилось тушить загоравшуюся на нас одежду. Команда, наконец, не выдержала и люди, один за другим, стали выскакивать из машины.

Остались только я да Генрих, по-прежнему, не выпускавший из рук руля. Не дойдя немного до наших цепей, "Верный" остановился. Команда собралась вокруг него. Я послал Александрова за водой и попросил помощи у ставропольцев, но они не решились подойти к машине, боясь, что она взорвется. Выбросив поспешно из броневика пулеметные ленты, пулеметы и прочее имущество, команда залегла вокруг горящего "Верного" и открыла огонь из винтовок. Большевики почему-то медлили и не шли вперед.

Вражеские пули стучали по броне "Верного" и поднимали пыль вокруг него. Позади было пустынно и только на насыпи виднелась кучка людей, да по дороге, оставляя кровавый след, тащился Бочковский. По временам он падал, и казалось, что он больше не встанет, но он с трудом поднимался, делал несколько шагов и снова падал...

Наконец, из-под насыпи вылетела подвода с бочкой с водою и галопом понеслась к нам. Она тотчас

же попала под сильный ружейный огонь и ездовой хотел повернуть обратно, но Кобенин перехватил его и заставил подъехать к "Верному".

Мы стали заливать ведрами огонь. Пламя сменилось дымом и погасло. Сейчас же поставили задний пулемет и Муромцев продернул ленту. Цепь красных поднялась, было, в атаку, но попала под пулемет и снова залегла. А в это время Генрих уже возился с мотором. Работая с невероятною быстротой, он успел поправить бензинопровод, по счастью, не сильно поврежденный взрывом, переменил провода и вновь сел за руль.

Завертели ручку, чтобы привести мотор в действие... Ничего! Попробовали еще раз... Мотор неуверенно фыркнул и опять остановился. Генрих снова поправил что-то в моторе и вновь крикнул: "Давайте!" Два-три перебоя и мотор заработал. У нас невольно вырвалось дружное ура. Быстро вкинули выгруженное имущество и вошли в машину. Несмотря на свистевшие пули мы вылезли на крышу "Верного" и медленно поехали под виадук.

Корниловский батальон встретил нас рукоплесканиями и криками ура. Санитарная летучка стала перевязывать раненых. Я отказался от перевязки и попросил воды. Сестра дала мне напиться, и теперь только я почувствовал, что от удушливого дыма пострадали легкие: я задыхался и не мог выговорить ни слова. Но больше всех пострадал Бочковский, — у него было прострелено легкое.

Подошел генерал Бруневич и спросил: "Погорели?" Не дождавшись моего ответа, он приказал вновь атаковать красных. Я показал ему на свою команду, которая целиком лежала забинтованная и сказал:

— Не с кем ехать, ваше превосходительство...

Я открыл дверцу машины. Из броневика пахнуло таким удушливым запахом дыма, что генерал отвернулся. Внутри все было перевернуто и обгорело.

— Да! Вижу. — броневик негоден больше для действия, — согласился генерал. — Уводите его в тыл.

Раненых погрузили на крышу и "Верный" с трудом пополз в Ставрополь.

Между тем большевики снова повели атаку. Ставропольский полк поспешно отошел за железнодорожную насыпь, не прикрыв отхода гаубичной батареи. Последняя, потеряв много людей, несколько раз подавала передки, но огонь красных их выбивал. Уже не оставалось в батарее лошадей. Тогда разведчики и телефонисты батареи с карабинами бросились в контратаку, задержали немного красных и дали возможность вывезти орудия на лошадях ставропольской пожарной команды.

Красные энергичнее пошли в наступление. Они уже прорвались к кожевенному заводу и их правый фланг перерезал железную дорогу у ст. Пелагиада, а левый входил в Новый форштадт. Ставрополь был охвачен полукольцом.

Однако, с другой стороны города в это время на станции выгружались остальные батальоны Корниловского полка и бегом летели на выручку Нового форштадта; с ними галопом скакали батареи. А у Пелагиады прямо из вагонов бросился в штыки Партизанский пехотный полк, обойдя правый фланг большевиков.

Около 12 часов дня красные подошли вплотную к насыпи. От вокзала Туапсинской железной дороги выкатил наш бронепоезд и встретил красных в упор картечью и пулеметами. Корниловский батальон, лежавший за насыпью, без выстрела кинулся в штыки. Красные побежали и скоро их бегство стало всеобщим. Гнали их от форштадта, гнали от Пелагиады, и все поле, как муравейник, покрылось бегущими людьми. Наша артиллерия открыла по ним шрапнельный огонь, а влево из-за горы вынеслась казачья лава и бросилась рубить отступавших. Отступление превратилось в паническое бегство...

Вот теперь-то, думал я, нужен был "Верный". С ним я прорвался бы в тыл красных, обогнал бы их, прошел бы Старомарьевку и занял бы единственный мост через речку Надежду. Уж наверное, ни одна повозка не ушла бы... Но теперь, искалеченный "Верный" стоял у дома губернатора, и полковник Глазенап, смотря на нас, перевязанных бинтами и в обгорелой одежде, говорил мне:

— Да, вы все поработали на совесть, но и вас обработали тоже на совесть... Теперь всем вам надо лечиться.

9 августа.

"Верный" отправился в мастерскую на починку, а его вся команда, — в госпиталь...

Большевиков отогнали от города так далеко, что в Ставрополе уже не слышно было орудийного гула. Городской сад по-прежнему сиял огнями, в нем играла музыка и гуляла многочисленная публика. В то же самое время город поспешно украшался для встречи генерала Деникина.

Недели через две большинство команды броневика выписалось из госпиталя. От нечего делать мы бродили по городу, ездили на дачу наших квартирных хозяев, объедались там прекрасными фруктами и чувствовали себя счастливыми... Лишь Бочковский да "Верный" продолжали, — первый лечиться, а второй серьезно ремонтироваться. Их повреждения были тяжелы, но не безнадежны, и Бочковский, вопреки предсказаниям врачей, не умирал, а дал слово снова взяться за свой пулемет. И он сдержал слово, — впоследствии он оправился от своего тяжелого ранения и вернулся в строй.

Полтавские редуты

Н. Гранберг

Несмотря на уже давно существовавшую обширную военно-историческую литературу, какая была посвящена Полтавскому сражению, все же, сравнительно недавно, — в начале сороковых годов, некоторые эпизоды этого сражения вызвали критику и переоценку. Эта переоценка возникла в шведских военно-литературных кругах, когда к 1959 году, в связи с 250-летним юбилеем сражения, были открыты новые архивные данные. Критика коснулась капитального труда о Северной войне, который был издан, примерно, к 1909 году шведским генеральным штабом. Труд этот был найден неудовлетворительным и вызвал многостороннюю критику среди многих шведских писателей и историков. Естественно, эта критика коснулась и предыдущих трудов разных авторов, в которых было замечено тенденциозное отношение к личности короля Карла XII и целый ряд подтасовок, искажавших правдивое описание сражений и личного вклада в военное дело самого короля и его генералов. Все события с 1700 по 1709 год подверглись пересмотру на основании вновь открытых архивных данных. Особому контролю подверглось и описание Полтавского сражения со стороны многих писателей и историков, из которых генерал Густав Петри занимает важное место. Настоящий очерк построен в основном на его статье, напечатанной в 1958 году в ежегоднике шведского "Каролинского общества", посвященной новому толкованию всего Полтавского сражения (1). В 1961 году в том же ежегоднике была напечатана и другая статья, как бы дополняющая статью генерала Петри; она составлена сотрудником и членом того же Общества, капитаном Владимиром Ивановичем Гранберг, который использовал широко русские источники, не принятые во внимание шведскими историками (2).

Публикуемый ниже очерк касается лишь отдельного эпизода Полтавского сражения, а именно, — его начальной фазы: момента первого столкновения сторон, который носит название "сражения в редутной зоне". Эпизод этот ограничен временем между 2 часами утра 27 июня 1709 года и, примерно, 7 часами утра того же дня.

Всемирная литература, посвященная Полтавскому сражению, конечно, уделяет внимание этому "редутному" эпизоду и каждый автор рассматривает его по-своему, определяя по-разному его значение в общем ходе всей драмы. Одни говорят о нем больше, другие меньше, но, к сожалению, все комментарии носят все один и тот же оттенок недоговорености, и у читателя создается впечатление, что многое либо еще неизвестно, либо авторы не хотели или не могли входить в детали и расчеты (3). У некоторых даже сквозит резко критическое и снисходительное отношение к этому эпизоду. Как исключение, есть и отрицательная оценка даже у некоторых заслуженных авторов (Ласковский, см. предисловие Юнакова (4).

Этот различный подход к вопросу о "редутах" является продуктом того направления военной мысли, которое господствовало во время создания авторами своих трудов. Понятия о способах ведения войны за долгий период времени протекший после Полтавы до наших дней переживали различные изменения, которые зависели от направления военного мышления и которые группировались всегда в двух областях — одна "пассивная", другая "активная".

"Редутный" эпизод — это определенно "пассивный" случай и интерес к нему, как эпизоду "оборонительному" со стороны авторов прошлых поколений был довольно сдержанным. Была боязнь, что правдивое описание будет "неблагоприятно" влиять на воспитание духа воина, на его порыв вперед, на лихость атаки, на все то, что долгое время считалось единственной приемлемой базой для всякой войны.

Этим редутам большинство авторов уделяет внимание лишь как на составную часть тактического хода всего сражения или как на один из пунктов плана сражения, который Петр имел в своей голове еще до начала его; рассматривая этот эпизод, они относят его к "подготовке" сражения (5). Это скромное название "подготовки" и оказывается несоответствующим важности "редутного" эпизода. Это именно и привлекает внимание автора настоящей статьи при разборе деталей этого эпизода.

Все описания "редутного" эпизода построены обыкновенно на одной и той же базе, и база эта касается главным образом рассмотрения взаимоотношения сил обоих сторон, участвовавших в действиях в редутном районе. Почти все авторы повторяют одно и то же и говорят, примерно так.

Петр приказал построить сначала шесть редутов. Это было за два-три дня до сражения. Потом дополнительно, уже вечером перед самым сражением, еще новые — четыре. Первая группа шла поперечной линией между лесами, а вторая была построена в исхо-

---

(1) «**Slaget vid Poltava**» **av Gustav Petri. Karolinska förbundets årsbok. Stockholm 1958; s. 125-162.**

(2) «**Redutterna i slaget vid Poltava enligt ryska källor och rysk krigsvetenskaplig litteratur**» **av Waldemar Granberg.** Тот же ежегодник за 1961 г., стр. 91-104. Заглавие статьи в переводе на русский язык означает: «Редуты в сражении под Полтавой согласно русским источникам и русской научной литературе».

(3) Н. Л. Юнаков. Северная война. Труды ИРВИО. Том IV. СПб., 1909.

(4) Ф. Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861.

(5) См., например, Г .А. Леер. Обзор войны России от Петра Великого до наших дней. Ч. I. СПб., 1885 и «Военный сборник», 1865, т. 42, стр. 207-230.

дящей линии перпендикулярно предыдущей (См. "Книга Марсова", Юнаков, Леер, Михневич (6).

Затем говорится о гарнизонах редутов — все десять редутов находились под командой бригадира Айгустова и были заняты 2-3 батальонами Белгородского полка (Юнаков и другие). Некоторые источники осторожно и неуверенно говорят, что в редутах поставили артиллерию; какую и сколько — никто не говорит.

Итак, редуты имели 2-3 батальона. Русские источники, оценивая силу петровского батальона, останавливаются на цифре 500-600 штыков (Юнаков, Карцов (7). Так как батальоны имели четыре роты (3 мушкетерские и 1 гренадерская), то выходит, что рота имела 125-150 человек. Все эти 3 батальона (а м. б. 2) могли иметь всего 12 рот (м. б. 8). Редутов было 10 и, если гарнизоны их были одинаковы, то в одном редуте гарнизон был около роты с небольшим, т. е. 125-150 (70-100?) человек.

Растояние между редутами источники определяют (Юнаков) в 250 метров, длина фаса редута — 50 метров, длина линии огня всех четырех фасов каждого редута — 200 метров; ров — 2,5 метра глубины, высота бруствера — два-три метра. Общая длина обороны поперечной линии редутов между лесами — 1400, перпендикулярной — около 1000 метров. Общая численность всех гарнизонов была около 1500-1800 человек (если было 12 рот) или 1000-1200 (если было 8 рот). Это данные с русской стороны. Они повторяются с небольшими отклонениями во всех описаниях Полтавской битвы.

Сведения о противнике — более полные в шведской литературе — говорят, что боевой порядок исходного положения состоял из 18 батальонов и определяют один батальон в среднем, в 400 штыков (Петри). Отсюда общее число пехоты колеблется между 7000-8000 штыков. Это дает определенную картину исходного положения: 7-8 тысяч шведской пехоты пошли против 1500-1800 (м. б. 1000-2000) защитников, растянутых по редутам на протяжении 1200-1300 метров фронта обороны.

Это было начало операции. Наступающие имели почти четверное превосходство.

"Редутная баталия" была для Петра самостоятельной операцией. Хотя Петр и имел кавалерию в интервалах, он все же не хотел, чтобы это дело у редутов выросло в "большое" сражение, куда легко могла быть втянута вся армия. Интересно отметить, что все то, что произошло сразу после соприкосновения противников, в свое время не вызвало комментариев у историков. Они не находили удивительным, что оборона выдержала атаку, несмотря на громадное преимущество атакующего. Ни один автор не нашел нужным рассмотреть силы сторон более подробно. На самом же деле, рассмотрению этих сил надо оказать большое внимание.

Невольно возникает вопрос, как могли разбросанные роты Айгустова (числом 8-12) удержать редутные линии? При самом широком допуске — это звучит неправдоподобно. Невольно приходишь к выводу, что данные о защитниках редутов имеют какой-то просчет, какую-то ошибку. Эта ошибка подтверждается и с фортификационной стороны. Как поспели 8-12 рот (1000-1500 человек) Айгустова построить 10 редутов (два были еще не окончены ко времени атаки), принимая во внимание величину профили, время и шанцевый инструмент петровских войск?

Профиль редута всегда определяет необходимое число рабочих и нужное время для работы. Полтавские редуты требовали, как минимум, 3-4 рабочих на погонный метр бруствера в течение 5-6 часов. Поэтому, если каждый редут имел 200 погонных метров бруствера ,то одновременно должны были копать 500-600 человек, чтобы довести один редут до указанной профили в течение того же времени. Отсюда вытекает вероятное предположение, что каждый редут строил, по крайней мере, один батальон, а не полторы роты (См. Учебную фортификацию Ильяшевича и статью "Окопы" в журнвале "Разведчик", 1905, № 753, стр. 260-261).

Необходимо еще учесть то, что шанцевый инструмент петровской эпохи был не у каждого солдата. Инструмент был при полках, но не более 200 лопат на батальон. Дополнительно их могло быть и больше, но данных об этом нет. Из сведений об одной дивизии следует, что полки не имели более 200 лопат на полк в два батальона (Юнаков, том 3-й). Отсюда можно еще предполагать, что не все люди каждого батальона могли копать одновременно.

Но восемь редутов построили полностью — отсюда напрашивается вывод, что рабочих было больше, и много больше, чем могли дать два или три батальона Белгородского полка. В каждом редуте с линией огня в 200 метров, могло быть только 120-150 солдат. Это означало, что, если бы все защитники при обороне стояли у бруствера и стреляли, то на одного стрелка пришлось бы 1,5-2 метра линии огня. Техника ружейного огня при отражении атаки предусматривала двойную или тройную линию людей, из которых одна или две задние заряжали ружья. Отсюда вытекает, что гарнизон редута в 125-150 стрелков не мог дать серьезной силы ружейного огня. Бруствер был бы занят слишком редкой цепью стрелков без заряжальщиков и резервов. Поэтому, редут с линией огня в 200 метров должен был иметь батальон своим гарнизоном.

Эти сведения о редутных гарнизонах не новы. Они были опубликованы в 1909 году в "Военном сборнике" (№ 9, стр. 260-265) ,но почему-то они прошли незамеченными: юбилейная литература была уже напечатана и на эти новые данные никто не обратил внимания. Сведеня о гарнизонах были настолько важными, что Юнаков включил их в "Приложения" своего труда, оставив, однако, в тексте описания прежний счет гарнизонов. В действительности, по этим новым данным гарнизоны имели не 2-3 батальона, а 7-8, причем были названы три полка, к которым они принадлежали. Мало того, были названы

(6) Н. П. Михневич. Основы русского военного искусства. СПб., 1893.

(7) А. П. Карцов. Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851.

два батальонные командира полка Неклюдова (Палибин и Шершин). Все это показывает, что редуты были батальонные, т. е. гарнизон каждого редута был один батальон. Конечно не исключена возможность, что некоторые редуты имели несколько меньший гарнизон.

Руководство обороны лежало в руках трех полковников: Василия Левашова, Нечаева и Матвея Неклюдова (Юнаков). К сожалению нет указаний, где находились штабы полков и их командиры, но шведские источники говорят, не указывая определенно, что третий по счету редут перпендикулярной линии имел командиром полковника (Петри). Это был тот редут, о который разбилась атака группы генерала Росса. В списке убитых значится командир одного из полков — полковник Нечаев (Юнаков).

Таким образом, эти открытые данные дают такую картину сопоставления сил. Шведы имели при атаке 7000-8000 штыков, русские имели при обороне — 3500-4800 штыков. Но это сопоставление не будет полным, если не будет к расчету присоединена артиллерия редутов, фортификационная сила самих редутов и подошедшая в последней фазе борьбы обходная колонна Меншикова в 5 батальонов пехоты и 20 эскадронов конницы. Считая только пехоту Меншикова, мы приходим к следующему итогу.

Со стороны шведов — 7000-8000 штыков, со стороны русских — 6500-8000 штыков. Естественно, что такая пропорция, при отсутствии у шведов артиллерии и штурмового снаряжения, ясно показывает, почему шведы не могли добиться успеха у редутов.

По свидетельству шведских историков потери шведов в борьбе за редуты могли быть 3000-4000 человек (Петри). Получилось так, что все выстроенные для последней схватки перед лагерем шведские батальоны, оставшиеся у короля, не превышали к началу последнего акта сражения 4000 штыков. Русские же насчитывали для второй половины сражения не менее 40 батальонов, т .е. 20-25 тысяч штыков как минимум.

Этот подсчет дает право сказать, что "редутная" операция уничтожила чуть ли не половину шведской пехоты. Даже учитывая все поправки, неточности подсчета и заблуждения, нельзя отнять от "редутной" операции ее громадного значения. Это была блестящая п о б е д а.

До сих пор здесь рассматривались действия только пехоты. Что касается кавалерии, то ее действия в междуредутном пространстве были стеснены; но и тот успех, какой она имела, а главное, ту связь, какую она все время держала с царем, были очень важны. Как известно, Меншиков все время доносил о ходе боя, прося помощи. Царь ее не дал, но сделал другое: благодря этим донесениям Петр послал его с пятью батальонами и двадцатью эскадронами против застрявшей у редута № 3 группы генерала Росса, в результате чего эта группа принуждена была отказаться от атаки и перейти к обороне (Юнаков, Петри).

Что же касается артиллерии, то источники, как русские, так и иностранные, очень сдержанно и неуверенно определяют ее состав в междуредутном пространстве. Нет сомнения, что орудия на редутах были. Все пехотные полки петровской эпохи имели свою полковую артиллерию. Во всяком случае, ее имел Белгородский полк. Две трехфунтовые пушки входили в штат каждого батальона. Теперь, когда число батальонов редутной зоны установлено между 7-8, есть основание думать, что одних полковых орудий могло быть 24-16, что приходится почти два на редут.

Артиллерийским вооружением главного укрепленного лагеря заведовал опытный артиллерист бомбардирской Преображенской роты Гинтер. Неясно указано в некоторых трудах, что бомбардирская рота устанавливала орудия в укреплениях и в редутах. Если она это делала, то на редутах это были орудия более легкого типа, так как 8-16 фунтовые пушки были более удобны для перевозки и установки. Общее число таких орудий неизвестно, но, даже если только одно было на каждый редут, то получится 8 орудий ,по числу готовых редутов (Юнаков и другие).

Шведские источники указываюгь, что артиллерия редутов действовала все время не только в операциях редутной зоны, но и во время сбора шведской армии у леса после прохода редутов (Петри). Расстояние между этими районами было около 1 - 1 1/2 километра; это указывает, что в редутах были и более крупные орудия, чем полковые.

Остается упомянуть, что и драгунские полки имели легкие орудия — мортиры (на вьюках). Где они были и как действовали — известий нет, но нельзя отрицать возможности их участия в редутной зоне. Новейшие источники на русском языке говорят, что таких орудий могло быть 13 штук (8).

Суммируя все эти данные, мы приходим к возможной цифре — 35 орудий. Шведы же в этом районе располагали на 7-8 тысяч пехоты всего четырьмя полковыми пушками. Ни одно орудие за время боев у редутов не было захвачено атакующими. Если бы это было иначе, то были бы показаны захваченные орудия в шведских реляциях. Реляции обоих сторон всегда сугубо подчеркивают взятие орудий. Как пример, можно упомянуть, что даже при неудачном исходе шведские данные говорят о захвате шведской гвардией полковых орудий Новгородского полка. Это произошло при неудачной попытке прорыва шведов в последнем акте сражения (Петри).

Остается упомянуть о фортификации редутов. Об этом написано еще менее, чем о пехоте, кавалерии и артиллерии. Планов Полтавского сражения существует много, мы изберем один, исполненный в 1909 году капитаном генерального штаба А. А. Носковым. Это — инструментальная съемка поля сражения (9). Одновременно интересно цитировать комментарии Носкова об осмотре поля сражения.

Он говорит: "Я шел по следам наступающей на редуты шведской армии и смотрел на открывшуюся

---

(8) Е. Е. Колосов. Артиллерия в Полтавском сражении. Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей. Москва, 1959, стр. 104.

(9) См. цит. «Труды ИРВИО».

панораму того дефиле между лесами, где были редуты и куда кинулись шведы... Дул холодный северный ветер прямо мне в лицо. Этот ветер поднимал с полей тучи мелкой пыли, высоко несшейся по открытым полям, заволакивая далеко горизонт. Чуть были видны темные далекие контуры Будищенского и Яковецкого лесов... Нигде ни куста, ни дерева на километры кругом..."

Из этой картины можно сделать ясный вывод: простора для линейного боевого порядка шведов было много, но вся армия их была на голой местности, без укрытий, без возможности уйти от бьющих на выбор мушкетов с гребней редутов. Эти редуты были в огневой и зрительной связи друг с другом. Успех атаки мог быть только в стремительности и неожиданности под покровом предрассветной темноты.

Однако атака не была неожиданностью и здесь надо подчеркнуть особо важную роль, какую выполнили перпендикулярные редуты. Хотя из четырех только два были готовы, но наличие рабочих, выдвинутых на километр впереди основной линии, явилось, как бы, передовою заставою охранения. Здесь обнаружили шведов еще до начала их движения. Была дана тревога, момент "неожиданности" был потерян шведами, а с ним и залог возможного успеха (Леер, Петри).

Нужно заметить, что начало атаки в 2 часа 28 июня было неожиданностью для русских. Согласно "пароля" она должна была начаться 29 июня, но шведы атаковали раньше, боясь усиления русских отрядом конницы калмыков хана Аюки.

Другой вывод можно сделать из замечания о пыли. Носков говорит, что рыхлая почва способствовала образованию пыли от малейшего ветра. Во время редутной баталии могло и не быть ветра, но зато тысячи всадников, носившихся по полю, поднимали пыль не хуже ветра. Пыль заволакивала все кругом, затрудняя ориентировку. Для гарнизонов редутов это не было так опасно — солдаты ориентировались по брустверу, за которым стояли, зато для атаки это было затруднительно при перекрестном огне. Шведские батальоны не могли произвести перестроений для энергичной фланговой атаки, испытывая на себе дружный ружейный и артиллерийский огонь с русских редутов. Подготовки же к атаке вовсе не было у шведов, и шесть батальонов гарнизонов редутов сдерживали атаку шести шведских батальонов генерала Росса. Для атакующего это была неблагоприятная пропорция.

Еще вывод из присутствия той же пыли. Грунт и почва, где произошло сражение, были мягкие — ни камней, ни твердых слоев не было. Копать было легко. Копали настоящими крестьянскими лопатами, а не уменьшенными лопатами современного типа. Фортификация прежде всего ставит требование мягкого грунта и хорошего инструмента — это определяет время успешной работы. К сожалению, очень трудно установить, сколько потребовалось времени на постройку редутов от получения приказания до 2 часов ночи 28 июня, когда шведы тронулись в атаку. Некоторые авторы определяют время отдачи приказа около 26 июня, что дает 2-3 рабочих дня. Для четырех редутов перпендикулярной линии момент приказа был "вечер" 27 июня, то есть на них работали не более восьми часов.

Не следует Петру I приписывать "изобретение" редутов. Редуты были известным типом полевого укрепления, но применение их в угловой группировке несомненно носит печать исключительной и искусной военной оценки. Это остается за Петром. На Западе такие укрепления впервые были применены Морицем Саксонским в сражении при Фонтенуа в 1745 году, то есть 36 лет спустя после Полтавской баталии. Свидетельством того, что французский маршал позаимствовал идею Петра I, служит его трактат "Мои размышления и воспоминания о военном искусстве", в котором он посвящает целую главу разбору тактики Петра и роли редутов в Полтавском бою (10).

Оборонительная сила редутов была значительна. Мушкетный огонь давался с четырех фасов. Стрелки были укрыты, заряжатели могли спокойно подавать мушкеты на бруствер; огонь был непрерывен. Ров и бруствер были общей высоты до 5 метров. "Эскаладировать" это препятствие можно было только имея лестницы, фашины для заполнения рва, колья, веревки и ручные гранаты. По редутам должна была бить артиллерия, чтобы помочь атаке. Ничего этого у шведов не было.

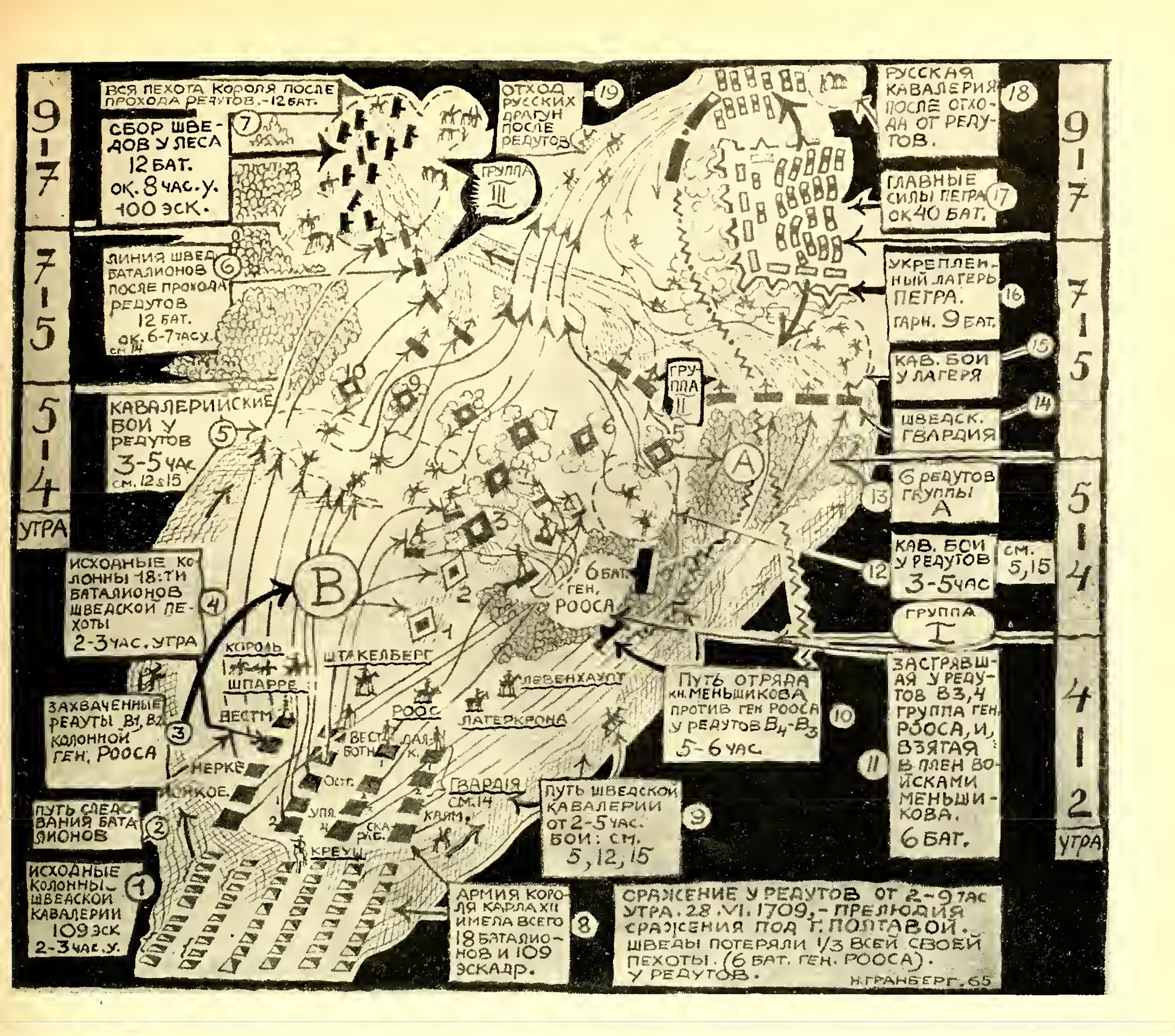
Карл XII не мог не знать этих недостатков. Но может быть он не знал о возведенных редутах? Или, может быть, он считал, что со времени знаменитой Нарвы русский солдат не изменился и оставался таким, что и был восемь лет тому назад? В этом Карл ошибся и просчет этот ему обошелся дорого.

Делая общий вывод всему сказанному выше, мы видим, что бои в редутной зоне прошли под знаком некоторого превосходства на русской стороне. Если численность бойцов была до некоторой степени одинакова, то все же технические плюсы были на русской стороне.

Результат же сражения у редутов по своей важности должен быть поставлен на первое место. Результат его был предрешением полтавской победы. Нам кажется, что это смелое заключение сделали бы и другие писатели, если бы они располагали теми новыми материалами, какие были открыты впоследствии. Например, исследование историка генерала Г. А. Леера "Подготовка Петра I к Полтавскому бою", напечатанное в "Военном сборнике" 1869 г., подчеркивает фортификационные достоинства редутов и значение их в обстановке полевого боя, но вопрос о взаимоотношении сил обоих сторон разбирается на основании прежних данных.

Сопоставление сил сторон, данное нами в настоящем очерке, не должно уменьшать доблесть защитников редутов. Согласно историческим данным потомками полков, находившихся в редутах, считаются: Белгородского — 13-й пехотный Белозерский полк, и полка подполковника Неклюдова — 118-й пехотный

(10) Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии. Москва, 1958, стр. 14 и 15.



Шуйский полк. О полке полковника Нечаева, к сожалению, нет исторических данных.

Чтобы закончить этот очерк, мы попытаемся изобразить здесь самый критический момент редутного дела вокруг редутов № 3 и № 4 (см. схему) так, как нам рисуется в нашем воображении.

В полутемноте июньской ночи четыре длинные колонны шведской пехоты, как четыре червяка, расположились в поле перед редутами. Стояли в колоннах около двух-трех часов. Наконец, послышались команды и колонны двинулись в том порядке, как стояли, но крайние две, из-за сбивчивости приказания, начали разворачиваться в линейный боевой порядок. Король Карл на носилках, которые везли две лошади, следовал за пехотою. Сбивчивость произошла из-за того, что разъезд кавалерии открыл только что русских — и открыл их там, где их не ожидали. Русские были близко — они копали редуты и, увидав шведский разъезд, подняли тревогу. Тревога понеслась по всей русской армии...

Во второй колонне шел генерал Росс, у него было четыре батальона. Он держал направление на перпендикулярную линию редутов и получил приказание их атаковать. Шведы с налету захватили два первые, неоконченные постройкой, редуты. Работавшие в них русские разбежались. Впереди виднелись очертания других редутов... Первый успех подбодрил шведов и они двинулись к редуту № 3.

В это время между редутами появилась русская конница. Ее встретила шведская, поддержанная своей пехотою. Тучи пыли закрыли все окружающее. Было часа 4-5 утра. Русская кавалерия отходила... По мере того, как освобождалось пространство между редутами и оседала пыль, поднималась стрельба со всех брустверов. Шведская пехота из-за пыли теряла ориентировку; в нее стреляли и справа, и слева; она пробовала обойти редут, но проход простреливался со всех сторон. Казалось, что русские стояли кольцом... Шведские батальоны подаются назад, выстраиваются и опять идут вперед... Бесполезно —

нет ни фашин, ни лестниц, ни артиллерии... Влезть на бруствер можно только подсаживая друг друга на плечи, но это трудно и берет много времени. На бруствере не удержаться...

Слева подходят еще два батальона и все шесть батальонов атакуют, но без успеха... Генерал Росс приказывает отойти и устроиться .У него нет связи с армией короля и правая колонна гвардии ушла куда-то вправо. Он остался один, а его люди впереди окатываются жестоким огнем с русских редутов.

В это время справа и в тылу показались пехота и кавалерия. Это русские — их много... Генерал Росс бросает редуты и переходит от атаки к защите. Он медленно отходит на юг... Его преследуют... Он совершенно отрезан от своей армии... Около 6 часов утра он сдается с 400 солдатами — это все, что осталось от 2400, которые начали атаку. Так кончился "редутный" эпизод.

Из 18 батальонов, начавших атаку, у короля собралось лишь 12, которые должны были разыграть сражение против всей армии Петра, выходившей из укрепленного лагеря. В этой встрече превосходство русских было подавляющим... История говорит, что Петр располагал 60 батальонами. Может быть это число преувеличено, но против 12 шведских батальонов могло быть для победы и меньше. Шведские батальоны стояли на больших интервалах и промежутки заполняла вся кавалерия.

Возвращаясь к заглавию этого очерка — "Полтавские редуты", невольно хочется изменить это заглавие на другое, а именно: "ПОЛОВИНА ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ". Нам кажется, что озаглавить так настоящий очерк будет справедливее. Неоспоримо и то, что вторая половина победы была легче первой.

Измайловцы в дни переворота 1762 года

С. Л. Волкобрун

"Большая ошибка думать, что в России нет общественного мнения", — писал в свое время историк В. А. Бильбасов (История Екатерины II. Том I. Берлин 1900; стр. 473). "Петр III презирал русское общественное мнение, глумился над ним и имел несчастие испытать на себе его страшную силу со всеми ее роковыми последствиями. Не Екатерина, не Орловы, не Дашкова произвели переворот всеми ожидавшийся, — они были только орудиями того общественного мнения, которое все полки, все сословия, весь народ, и мирно, без пролития крови, заявило о своих правах на уважение".

Для Петра III Россия всегда оставалась чуждой. Его интересы вне ее. Владетельный герцог шлезвиг-голштинский Карл-Петр-Ульрих, связанный с русской династией через свою мать Анну Петровну, дочь Петра Великого, не сумел и не хотел стать русским.

Когда пришло известие о смерти шведского короля, наследник российского императорского престола великий князь Петр Федорович воскликнул: "Затащили меня в эту проклятую Россию, где я должен считать себя государственным арестантом, тогда, как если бы оставили меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа". (Соловьев. История России, т. 24, 930).

Его презрение к России и ко всему русскому не ограничивалось только словами. Во время Семилетней войны он стоял во главе целой шпионской организации, передававшей военные планы и сведения о приготовлениях и движениях наших армий в штаб прусского короля Фридриха II.

Английский посланник в Петербурге Роберт Кейт был посредником между прусским королем и великим князем. Все предположения и решения конференции при высочайшем дворе, занятой преимущественно вопросами военных действий и дипломатических отношений, немедленно становились известными Фридриху. Великий князь был членом конференции и, хотя редко посещал заседания, был всегда в курсе ее работы. Нередко, благодаря услужливости Кейта, прусский король знал о предстоящих распоряжениях в русской действующей армии раньше, чем наши главнокомандующие.

В шпионской организации великого князя состояли: голландская регентша Анна Оранская — сестра прусского короля, саксонский резидент в Петербурге ф.-Функе, русский посланник в Гааге граф Головкин и его супруга (1), шведский полковник Горн, курляндский камергер ф.-Мирбах, голландский посланник в Петербурге ван-Сварт, русский генерал Корф, комендант взятого нашей армией в 1758 году Кенигсберга, и его любовница графиня Кейзерлинг. Кроме того была целая серия профессиональных шпионов: в Риге — ф.-Баль, английский капитан Ламберт, майор ф.-Ромер. Служил этому делу и граф Шверин, адъютант прусского короля, захваченный русскими в плен в сражении при Цорндорфе. Помогал великому князю и его дядя, принц Георг-Людвиг гольштинский, служивший в Конной гвардии. (Бильбасов. I. 424, прим. I и 425, прим. I).

Сам Фридрих признается в своих "Записках", что получал от наследника много ценных сведений, касающихся действий русской армии. В знак благодарности король прусский обещал Петру Федоровичу

---

(1) Гр. Александр Гаврилович Головкин (1689-1760) был женат на прусской графине ф.-Дона (1694-1768). Невеста для гр. А. Г. Головкина была выбрана, по просьбе Петра Великого, прусским королем Фридрихом I. См. **Comte Fédor Golovkine. La cour et le regne de Paul I. Paris,** 1905, стр. 24. — Примеч. **Ю. Т.**

свою помощь против Дании, к которой тот был очень враждебно настроен.

Французский посол в Петербурге маркиз Лопиталь доносил своему правительству (30 ноября 1758 г. Парижский арх. Russie. Vol. 58, f. 267). « Je dois vous prévenir que M. Keith a des correspondances secrêtes avec le roi de Prusse. Ce ministre fait passer à M. le Grand Duc par des tiers la connaissance de ses desseins ; il maintient ce jeune prince dans ses faux principes, il lui offre des secours secrets contre le roi de Danemark... ».

В свою очередь, Фридрих сообщал Петру сведения об успехах прусской армии. Петр был настолько догадлив, что скрывал источник этих сведений. "Обо всем, что происходило на войне", — пишет академик Як. Як. Штелин (его записки в приложении к IX тому соч. Державина, стр. 287 и сл.) — "получал его высочество, не знаю откуда, очень подробные известия с прусской стороны, и если по временам в петербургских газетах появлялись реляции в пользу русскому и австрийскому оружию, то он, обыкновенно, смеялся и говорил: — Все это ложь — мои известия говорят совсем другое".

В 1759 г. датское и французское правительства заявили русскому канцлеру гр. М. М. Воронцову официальный протест против действий международной шпионской организации, возглавляемой великим князем (см. Парижск. архив. Russie. Vol. 60, № 43 и 46). Но канцлер, слишком осторожный, делал вид, что ничего не знает.

При взятии Берлина русскими войсками в 1760 г. радовались все — кроме Петра Федоровича. Он проклинал храбрость русских войск. В тот день, когда императрица Елизавета принимала поздравления иностранных представителей с успехами русского оружия, великий князь уклонился от присутствия на приеме под предлогом недомогания (депеша Лопиталя 28 окт. 1760 г. Парижск. архив. Russie. Vol. 63, № 33. Ср. "СПБ. Ведомости" № 88 за 1760 г.).

Княгиня Е. Р. Дашкова рассказывает, что Петр, будучи уже императором, однажды на празднике во дворце, во всеуслышание сказал своему секретарю Д. В. Волкову: "Не правда ли, сколько раз мы с тобою смеялись над секретными приказаниями, которые императрица Елизавета посылала своему войску в Пруссию?" (Мемуары кн. Дашковой. — Архив кн. Воронцова, XXI, 62).

Петр Федорович преклонялся перед прусским королем. Он всегда носил кольцо с его портретом, обыкновенно одевался в мундир прусского покроя, украшенный лентой Черного Орла и очень гордился тем, что он генерал-майор прусской службы. « L'on ne saurait se représenter, quand on ne l'a pas vu et entendu, à quel degré d'indécence ce prince porte son goût et son admiration pour sa Majesté Prussienne », сообщает Лопиталь (там же).

Не скрываемое Петром презрение к русским и армии, его предательская роль во время войны, очень скоро вызвали всеобщее против него раздражение.

В день кончины императрицы Елизаветы 25 декабря 1761 г. к вечеру выехал любимец нового императора камергер Андрей Васильевич Гудович к королю Фридриху с изъявлениями дружбы Петра III. Этим война была кончена. Русская армия, достигшая значительных успехов ценою больших жертв, вынуждена была бесславно оставить театр военных действий. Петр затевал новую войну — против Дании.

Гвардия, лучше всех знавшая императора, негодовала. Особенное возмущение вызвало назначение принца Георга-Людвига шефом Конной гвардии и генералиссимусом русской армии, отправлявшейся в поход. Себя же окружил отрядом голштинской гвардии. Русские офицеры и солдаты были оскорблены.

Все эти, унижающие достоинства русского человека, действия Петра III объединили против него ряд лиц, решившихся положить конец царствованию этого чуждого России монарха.

Во главе движения стоял малороссийский гетман, генерал-фельдмаршал, лейб-гвардии Измайловского полка полковник граф Кирилл Григорьевич Разумовский (2). Возле него негласно собралась значительная группа гвардейских офицеров из всех четырех полков гвардии. Выдающуюся роль играли: конной гвардии подполковник кн. М. Н. Волконский, артиллерии капитан Г. Г. Орлов и его братья — Алексей (преображенец) и Федор (семеновец), л.-гв. Семеновского полка подполковник Ф. И. Вадковский, корпуса инженеров капитан-поручик В. И. Бибиков, и 19-летняя княгиня Ек. Ром. Дашкова, пылкая поклонница Екатерины.

Популярность императрицы способствовала успешному ходу дела. Очень правдоподобно, что "в секрете" было до 40 офицеров и около 10.000 солдат, готовых идти с ним. (Из письма Екатерины гр. С. Понятовскому, 2 авг. 1762 г. Арх. кн. Воронцова, XXV, 414-424).

На конец июня 1762 г. было назначено выступление гвардии в датский поход. Сам император находился в Ораниенбауме, императрица жила в Петергофе.

25 июня из Ораниенбаума в Петербург прибыл принц Георг, чтобы сделать последние распоряжения. Указами 27 июня Сенат озаботился о заготовке на станциях по тракту до Риги и в курляндских магазинах провианта и фуража "для следующих лейбгвардии полков команд" (Арх. Сен. секр. прот. 1762 г. № 52, л. 120 и 122).

В этот же день, в 9 часов вечера, по приказанию императора был арестован командир гренадерской роты л.-гв. Преображенского полка капитан Петр Богданович Пассек. Он был одним из деятельнейших членов "секрета" и арест его, естественно, взволновал всех остальных заговорщиков. Ясно было, что ждать невозможно. Необходимо действовать. Особенно настаивала на этом кн. Дашкова.

В этот же вечер гр. Разумовский, бывший тоже и президентом академии наук, вызвал к себе адъютанта Тауберта и, сообщив ему, что ночью в подва-

(2) К. Г. Разумовский пожалован в подполковники л.-гв. Измайловского полка 5 сентября 1748 г., произведен в полковники 9 июня 1762 г. (Арх. Измайловск. полка № 376, л. 117-134).

ле академического здания будет печататься манифест Екатерины о перевороте, приказал Тауберту следить за корректурой (Бильбасов, II. 21).

Одновременно с этим о предстоящем в ночь перевороте были извещены и офицеры л.-гв. Измайловского полка, состоящие "в секрете": премьер-майор Н. И. Рославлев, капитаны А. И. Рославлев, М. Е. Ласунский, кн. П. А. Голицын, М. С. Похвиснев, поручики П. И. Вырубов и И. В. Обухов и сержант С. А. Всеволожский.

После полуночи Алексей Орлов и Василий Бибиков выехали из Петербурга, держа путь на Петергоф, в Монплезир, где жила императрица.

Светало, когда Екатерина была разбужена камерфрейлиной Шарогородской. В спальню императрицы вошел Алексей Орлов и спокойно сказал: "Пора вставать; все готово, чтобы провозгласить вас". Когда Екатерина услышала, что Пассек арестован, она наскоро оделась в свое обычное черное платье, которое носила всегда после смерти Елизаветы, вышла по главной аллее из сада на дорогу и села в ожидавшую ее карету.

Верстах в пяти от Петербурга императрица пересела в коляску Григория Орлова, выехавшего ей навстречу. У Калинкиной слободы, где начинались слободы л.-гв. Измайловского полка, Орлов выскочил и побежал вперед. Коляска шагом двигалась за ним. Rulhière, в своей « Histoire sur la révolution de Russie en 1762 » (Paris, 1797. Русский перев. по рукописи 18 в. из Арх. М. ин. дел. М. 1908), бывший секретарем французского посланника в Петербурге, свидетель всех июньских событий, сообщает, что, будто бы, две роты измайловцев были заранее приведены к присяге на верность императрицы (стр. 37) и, будто бы, к этим двум ротам приехала государыня прямо из Петергофа (стр. 48). Сама Екатерина ничего не говорит об этом. Наоборот, из ее описания событий этого утра можно вывести заключение, что измайловцы не ожидали ее приезда. У казарм она нашла лишь маленькую группу солдат — 12 человек с барабанщиком — очевидно, предупрежденных Орловым (Арх. кн. Воронцова XXV, 415).

Барабанщик забил тревогу и все оживилось. Беспорядочной, шумной толпой, одеваясь на ходу, сбегались измайловцы к императрице, целовали ее руки, ноги и платье. Вскоре прибыл и полковник измайловцев гр. Разумовский. Он склонился на колено пред государыней. Полковой священник о. Алексей Михайлов вышел к императрице с крестом в руках.

Екатерине запомнилась подробность, что "два солдата привели под руки священника, с крестом..." Выход о. Алексея в сопровождении ведущих его под руки солдат, Бильбасов объясняет преклонными годами священника (Бильбасов, II, 25, прим. 1). Однако, это объяснение не может быть принято безоговорочно. Отец Алексей Михайлов скончался 1 января 1776 г. "без мала 60-ти лет", проведя 32 года в сане священника (Шубинский, С. Н. — Исторические очерки и рассказы. СПБ, 1903, стр. 567). Архив л.-гв. Измайловского полка сохранил сведения, что о. Михайлов состоял священником полковой церкви с 21 июля 1744 года. Таким образом, надпись на могильной плите правильно указывает начальный год служения о. Алексея "в чине перея": нет, поэтому, основания сомневаться и в правильности указания, что умер он "без мала 60-ти лет". В дни переворота ему было 45-46 лет. Поэтому, его выход к императрице в сопровождении солдат нельзя объяснить его преклонным возрастом. Быть может, здесь было употреблено некоторое принуждение (3).

С этим предположением совпадает и заметка Rulhière'а: "...Бледный, трепещущий священник явился с крестом в руке и, не зная, что делал, принял от солдат присягу" (стр. 46).

После того как измайловцы присягнули, составилась оригинальная процессия, направившаяся в Петербург.

Впереди шел полковой священник в епитрахили, с крестом, рядом с ним гр. Разумовский; за ними в скромной коляске ехала Екатерина в своем черном наряде, окруженная толпой измайловских офицеров и солдат. Громовое ура будит встревоженных петербургских обывателей.

Навстречу измайловцам бегут по мостам через Фонтанку семеновцы, на Садовой улице к ним примыкают преображенцы, на углу Невской перспективы в конном строю, в полном порядке, императрицу приветствует Конная гвардия.

В 9 часов утра в Казанском соборе, после краткого молебна, было провозглашено многолетие Государыне Императрице Самодержице Екатерине Второй. Торжественный перезвон колоколов извещал о радостном событии всей столице.

В течение дня Петр III делал неоднократные попытки спасти свое положение. Под вечер он послал прямо в Петербург кн. Трубецкого и фельдмаршала гр. А. И. Шувалова с повелением привести гвардию к повиновению и, уполномочив их, в случае нужды, убить Екатерину, но оба высокопоставленных гонца предпочли принести ей свою верноподданническую присягу.

В 7 часов вечера Петр отдал приказ генералу голштинских войск барону ф.-Левену собрать голштинские отряды в Петергофе и окопаться в Зверинце, чтобы выдержать натиск русской гвардии, ожидавшейся из Петербурга.

В это время Петербург ликовал. Но Екатерина и ее сторонники прекрасно понимали, что дело еще не окончено. Повелев Сенату широко распространить манифест, вышедший из печати утром, и разослать немедленно гонцов во все полки и гарнизоны и во флот в Кронштадте, с извещением о перемене на престоле, Екатерина решила во главе войск гвардии отправиться в поход в Петергоф.

Под вечер она послала в Сенат собственноручно ею написанный указ: "Господа сенаторы! Я теперь выхожу с войском, чтобы утвердить и обнадежить престол, оставляя вам, яко верховному моему прави-

---

(3) На разногласие между записью Екатерины в объяснении Бильбасова и надписью на могильной доске о возрасте о. Алексея, впервые указал мне мой однополчанин А. Я. ф.-Бретцель. — **С. В.**

тельству, с полной доверенностью, под стражу: отечество, народ и сына моего. Екатерина" (Сборн. Русск. Ист. общ. VII, 101). После этого она провозгласила себя полковником всех гвардейских полков и повелела гвардии и петербургскому гарнизону приготовиться к ночному походу.

Затем она надела старый гвардейский мундир, принадлежавший участнику заговора, семеновцу, поручику Александру Федоровичу Талызину, украсилась андреевской лентой, принадлежавшей воспитателю ее сына графу Никите Ивановичу Панину и, в сопровождении одетой в военную форму кн. Дашковой, взявшей мундир у конногвардейца капрала М. А. Пушкина, на сером коне выехала к войскам.

Редакция газеты "Русский Инвалид" сделала примечание (в № 9, 1930 г.) к статье Б. В. Геруа — Лейб-Гвардии Измайловский полк (К двухсотлетию основания), указав, что на императрице Екатерине был в этот день не измайловский, а семеновский мундир. Действительно, мундир принадлежал офицеру-семеновцу, но, все же, это не был мундир л.-гв. Семеновского полка. Это был мундир л.-гв. Преображенского полка петровского образца, который во времена Елизаветы носила вся гвардия. Сама Екатерина пишет: "...я надела гвардейский мундир" (Арх. кн. Воронцова XXV, 417). Княгиня Дашкова свидетельствует: "...Эти мундиры были древним национальным одеянием Преображенского полка со времени Петра Великого" (Русск. Старина, 1873, VIII, 697). Беранже, французский поверенный в делах, сообщает: «...l'Impératrice était partie vers les neuf heures du soir de Pétersbourg à cheval, portant l'ancien uniforme des Gardes...» (Парижск. Арх. Russie. Vol. 69, № 3). Прассе, саксонский резидент в Петербурге, в донесении своем написал: «...Ihre Majestät auch solche zu Pferde, en Cavalier und der Montur der Garden zu Fuss angethan» (Дрезд. арх. Vol. VII, № 56). Иван Тимофеевич Балабин сообщал в эти дни Андр. Тим. Болотову: "...Ввечеру, как все здесь приведено в порядок, государыня изволила в гвардейском старого манера офицерском мундире по всем полкам объехать... и подняться к Ораниенбауму с превеликой артиллериею" (Бильбасов. II, 702). Нельзя обойти молчанием и утверждение нашего знаменитого историка С. М. Соловьева: "Около 10 часов вечера Екатерина верхом в гвардейском мундире Преображенского полка... выступила с войском..." (История. т. 25, 1336) (4).

Впоследствии, Екатерина пожаловала этот мундир назад его владельцу. Талызин женился на дочери фельдмаршала Апраксина, и мундир долго хранился в роде Апраксиных, в подмосковном селе Ольгове, Дмитровского уезда (Осемнадц. век. III, 148). Позже этот мундир был передан в музей л.-гв. Семеновского полка.

Обратимся к повествованию.

Гвардейские полки, одетые уже в старую свою форму, которую они носили при Елизавете, встретили криками восторга молодую императрицу. Вероятно, никогда в России не было такого радостного церемониального марша, как тот, который принимала Екатерина II вечером 28 июня 1762 года!

В 10 часов вечера ушел из столицы последний взвод.

А на другой день, вечером, развенчанный император был привезен в Ропшу и помещен во дворце, охраняемом караулом гвардии.

Петр Федорович проявил все свое ничтожество и в эти трагические для него часы. Отказываясь от престола и сдаваясь на милость своей супруги, он умолял о том, чтобы ему было позволено удалиться в Голштинию с его дамой сердца, гр. Е. Р. Воронцовой, и просил прислать к нему для развлечения его негра, собаку и скрипку. Последняя его просьба была удовлетворена немедленно. "Господин г. Суворов", — писала Екатерина генералу В. И. Суворову 30 июня, — "по получении сего извольте прислать, отыскав в Ораниенбауме... лекаря Лидерса, да арапа Нарцыса, да обер-камердинера Тимлера; да велите им брать с собою скрипицу бывшего государя, его мопсинку собаку; да на тамошние конюшни кареты и лашадей отправьте сюда скорее..." (Бильбасов. II, 118).

Екатерина щедро наградила лиц, способствовавших ее воцарению. Большинство наград выпало на долю л.-гв. Измайловского полка. Из общего числа пожалованных чинам гвардейских пехотных полков 246 наград, на Измайловский полк пришлась 131 награда, на Семеновский — 67 и на Преображенский — 48. Укажем здесь некоторые награды лейб-гвардии по Измайловскому полку.

Граф Разумовский пожалован в сенаторы, генерал-адъютанты и награжден добавочным годовым жалованьем по 5000 руб. в год (Выс. указы 28 июня, 3 июля и 2 августа 1762 г.).

2 августа, 50 офицеров Измайловского полка произведены в следующий чин, а некоторые получили и по два чина: поручик Грипев — в капитаны; прапорщики Петр Гурьев, Хрущов, Полозов, Рубановский и Карпов — в поручики. 14 сержантов полка произведены в прапорщики; тем же чином зачислены в полк гр. Петр Кириллович Разумовский и Владимир Григорьевич Орлов.

3 августа капитанам Похвисневу, Алесандру Ив. Рославлеву, Лосунскому и капитан-поручику Вырубову пожалованы деревни, по 800 душ каждому; премьер-майор Ник. Ив. Рославлев получил 600 душ и 6000 рублей, капитан кн. Голицын — 24.000 руб., капитан-поручик Обухов — 18.000 руб. и прапорщики братья Сергей и Иван Всеволожские — по 300 душ.

При коронации 22 сентября 1762 г. братья Орловы возведены в графское достоинство, тоже и прапорщик Измайловского полка Владимир Орлов. Премьер-майор Рославлев произведен в генерал-майоры; капитаны Похвиснев, Рославлев, Лосунский и кн.

---

(4) В Английском дворце в Петергофе был большой портрет Екатерины II работы Эриксена. На нем Екатерина изображена верхом на сером коне, в мундире л.-гв. Преображенского полка с андреевской лентой, с распущенными волосами и обнаженной шпагой, — т.е. в том виде, в каком она участвовала в петергофском походе. — **С. В.**

Голицын пожалованы в камергеры; капитан-поручики Вырубов и Обухов — в камер-юнкеры (Бильбасов, II. Приложения II. Оценка услуг. Стр. 504-519).

В июньские дни гвардия, с Измайловским полком во главе, явилась выразительницей тех настроений, которые господствовали в ту пору в русском обществе.

Переворот 28 июня 1762 года дал России 34-летнее блестящее царствование, которое ввело Россию в семью великих цивилизованных народов и подготовило ту Александровскую эпоху, когда перед волей русского Императора склонились все государи Европы.

О моей службе Лейб-Гвардии в Егерском полку

(1895 - 1901 гг.)

Генерал Б. В. Геруа

Служба младшего офицера зимой состояла из строевых занятий в казармах, хождения в разные городские караулы и в дежурствах по полку и по военным госпиталям. Занятия начинались в 8 ч. утра, прерывались на два часа в полдень для обеда нижним чинам и завтрака офицерам, с послеобеденным отдыхом (солдатам разрешалось полежать, сняв сапоги) и продолжались затем до 4 часов.

Традиция первой роты, носившей имя державного шефа, заключалась в том, чтобы служить моделью во всех отношениях для других рот. Фельдфебеля Государевой роты, которые выбирались с особым разбором и которых Государь знал в лицо и по именам, являлись ближайшими проводниками традиции. Ротные командиры могли меняться, младшие офицеры — тем более, а фельдфебель оставался на своем сторожевом посту бессменно до глубокой старости, пока здоровье и силы позволяли. Чем древнее и вместе с тем молодцоватее выглядел фельдфебель шефской роты — тем было лучше. Ему и разрешалось многое такое, что для другого фельдфебеля показалось бы вольностью. Непоколебимо показывая пример дисциплины, такой патриарх, не сходя со своего места старшего солдата, все же имел возможность и поворчать, проявить упрямство, и превысить свою власть.

Офицеры обращались к этим, подчас, деспотам не иначе как по имени и отчеству. К субалтернам эти "Иваны Ивановичи" и "Павлы Ивановичи" относились со снисхождением взрослого к ребенку.

В год моего производства и выхода в полк умер или удалился за немощью на покой доживать свои немногие дни маститый фельдфебель роты Его Величества Шалберов. Он участвовал в Турецкой войне 18 лет тому назад уже фельдфебелем, вернулся с тремя георгиевскими крестами, постепенно покрылся рядом шевронов на левом рукаве, по которым можно было сосчитать число лет его сверхсрочной службы, медалями — шейными и нагрудными, бесконечной цепью знаков "За отличную стрельбу", иностранными орденами и, конечно, сединой. Он был типичнейшим представителем своей фельдфебельской расы и славился во всей Гвардии тем, что говорил скороговоркой в свою бороду, как индюк, и что понимали его только привыкшие к нему.

Государь не забыл Шалберова с его "индюшечьей" речью еще в 1916 г., напомнив о нем в Ставке генералу Кондзеровскому — старому Лейб-Егерю.

Шалберова заменил молодой великан Государевой роты Тит Гостилов, только что кончивший срок своей действительной службы и начавший первый год сверхсрочной. Ему было еще далеко до шалберовского авторитета, но и теперь на него поглядывали не без почтения, прозревая будущий столб Государевой роты 1-го батальона полка. Понятие "столб" к нему шло как нельзя лучше: взглянув на его гигантские размеры и страшные плечи, думалось — ну и силища! (1).

Когда в 1913 году я командовал в полку 1-м батальоном, я встретил Гостилова, за широкими плечами которого уже числилось 18 лет фельдфебельства, отмеченных и шевронами, и медалями и значками за стрельбу, особенно последними: Гостилов был изумительным стрелком. И, как когда-то у Шалберова, был у него уже непререкаемый авторитет, а также своя особенность, которую знала вся Гвардия и все начальство: у Гостилова не хватало музыкального слуха. Он не мог маршировать под музыку в такт и, чуть-чуть отставая от ритма, слегка подпрыгивал на фоне ровно плывшей массы сомкнутого строя. И ничего нельзя было с этим поделать. Приходилось молчать и мириться всем, начиная с командира полка и кончая Его Величеством. По непопадавшему в ногу фельдфебелю безошибочно отличали в Гвардии Государеву роту Л.-Гв. Егерского полка.

Говоря о Гостилове, попутно вспоминаю, что и в 5-й роте, где я начал службу, тоже был тогда фельдфебель, умный и полированный Кирсанов, и что мы праздновали его свадьбу. Шаферами были офицеры, в том числе я — у невесты. После торжественного венчания в полковом храме состоялся обед в помещении роты. Это было чинно, точно по расписанию, и очень мило. Моей дамой за обедом оказалась хорошенькая горничная, веселая, неглупая, с отличными манерами. С ней было легко разговаривать на любые

(1) Во время революционных вспышек в Петербурге в конце 1905 года Лейб-Егеря должны были арестовать вооруженных бунтовщиков, скрывшихся в здании, окруженном высокой стеной с крепкими воротами. Гостилов выломил их плечом с разбегу.

темы. Все "здравицы" провозглашал особый церемониймейстер, который стоял за серединой стола позади новобрачных и читал тосты по бумажке. Музыка играла "туш". По всюду принятому в России обычаю гости кричали "горько", что обозначало, что вино надо подсластить поцелуем "молодых". И молодые сконфуженно целовались.

После обеда быстро убрали столы и открыли бал, как полагается, вальсом. Ротный командир в первой паре с новобрачной. Я — со своей бойкой соседкой за обедом. Моя дама, выяснилось, так же хорошо танцевала, как разговаривала.

Обзаводиться семьей могли позволить себе роскошь только фельдфебеля. Особых помещений для этих семей не существовало и они ютились в тесных квартирках, отводившихся тут же при ротах.

Расположение привилегированной Государевой роты отличалось от других большим простором. Она имела два входа — парадный, с лестницы, которая вела от главного подъезда казармы в офицерское собрание, и "черный" — со двора 1-го батальона. Обычная при ротах канцелярия, обозначавшаяся большею частью деревянным столиком и двумя-тремя стульями, была в роте Его Величества довольно обширна и имела характер уютного делового кабинета, с настоящим письменным столом, оттоманкой, даже ковром. Убранством этим она была обязана двум Великим Князьям-братьям, служившим в роте в 80-х годах. Это были Георгий и Михаил Михайловичи, сыновья престарелого, в мое время, Михаила Николаевича — фельдмаршала и фельдцейхмейстера, всю жизнь состоявшего в списках Л.-Гв. Егерского полка.

Георгий Михайлович оставался в полку недолго и перевелся в кавалерию — Л.-Гв. в Уланский Ея Величества полк, стоявший в Петергофе (2).

Его брат прослужил дольше и, повидимому, не собирался покидать полк, но у него случился серьезный личный роман, который не был одобрен строгим Императором Александром III. Великий Князь, однако, все же женился без разрешения и ему пришлось покинуть Россию. При этом он был исключен из списков тех полков, в которых числился. Все это произошло в 1891 году.

Михаил Михайлович был страстный охотник, любил охоту на крупного зверя и вокруг него образовался кружок офицеров, таких же любителей. Некоторые из их трофеев украшали стены "кабинета" в роте Его Величества. У подножья собранской лестницы величественно красовалось чучело лося с развесистыми рогами, а на площадке при повороте лестницы гостей встречал бурый ведмедь, стоявший во весь свой богатырский рост. Оба зверя были убиты Великим Князем (3).

С первыми годами моего офицерства связано воспоминание о двух арестах, которым я подвергся. Кажется, оба пришлись на 1898 год.

Осенью, после лагерей, многие офицеры уезжали в отпуск, пользуясь учебным затишьем в течение августа и сентября, когда в ротах оставались только "старики", т. е. солдаты двух старших наборов, а новобранцы еще не прибывали. На эти же месяцы вплоть до года, о котором идет речь, было принято отпускать и солдат на, так называемые, "вольные работы". Так назывались подряды солдат для полевых и огородничьих работ в окрестностях столицы по соглашению полков с владельцами обрабатываемых угодий. Здесь встречались интересы и этих владельцев, и полков: первые получали дешевый труд, а для вторых праздное осеннее время заполнялось делом, которое приносило доход. Последний частью шел в карман рабочих — солдат, а частью в запасные суммы рот. Последним предоставлялось самим находить для себя удобные и выгодные "вольные работы", подысканием каковых занимались обыкновенно фельдфебеля. Ротные командиры только накладывали свое вето или утверждали, но совершенно не вмешивались ни в предварительные переговоры, ни в исполнение заключенного контракта.

В институте вольных работ, установленном преемственным обычаем, а не законом, была и другая сторона. Солдаты за то время, когда они жили в отделе от своей части, распускались и "обмужичивались". Для работ им выдавалось особое, хранившееся на этот случай, древнее обмундирование, в котором солдаты скорее напоминали бродяг или нищих, чем воинов. Кроме того, случалось, что работать надо было в фабричных районах на окраинах города, где солдаты подвергались иногда политической пропаганде и революционной обработке.

Эта оборотная сторона медали с некоторых пор стала озабочивать старшее начальство; она обсуждалась и в печати. Когда начальником штаба петербургского округа сделался энергичный генерал Г. Р. Васмунд, он решил покончить с явлением вольных работ как со злом, и в 1898 году, после лагерей, состоялся приказ по округу, запрещавший отпуск солдат на такие наемные работы, где за ними не могло быть надлежащего надзора.

Приказ этот, в связи с отъездом в отпуск под южное солнце Крыма командира 6-й роты, и послужил причиной моего ареста. Я был сегодня назначен временно командовать 6-й ротой, а назавтра уже меня адъютант, по традиции, вез на гауптвахту за то, что солдаты 6-й роты Л.-Гв. Егерского полка были обнаружены на вольных работах где-то на задворках Петербурга. Само собою разумеется, что я оказался козлом отпущения, ибо, вступая во временное командование, понятия не имел о попустительстве настоящего ротного командира, теперь благополучно достигшего живописных берегов Черного моря, и о распоряжениях, его правой руки, старшего фельдфебеля

(2) Впоследствии — директор музея Русского Искусства имени Александра III. Убит большевиками в 1918 году.

(3) Вел. Кн. М. М. женился на немецкой графине Меренберг, правнучке А. С. Пушкина и герцога Нассау. Ей была присвоена фамилия графини Торби. Супруги счастливо жили в Лондоне и дожили до эпохи эмиграции. Оба скончались, один за другим, в конце 20-х годов. Года за два до войны 1914 г. Великому Князю был возвращен чин и он снова был зачислен в списки Л.-Гв. Егерского полка.

Нуждина. С последним мне, молодому подпоручику, и разговаривать было боязно, а не только проверять.

Поймал моих временных подчиненных на незаконных занятиях сам инициатор отмены грозный генерал Васмунд, позвонил по телефону командиру полка А. И. Чекмареву и приказал посадить под арест ротного командира на трое суток.

Отсидел я трое суток, впрочем, довольно комфортабельно на "лучшей" гауптвахте, находившейся при карауле Государственного банка; комната была большая, с видом на Садовую улицу через окно с железной решеткой; денщик привез мои постельные вещи, которые постлали на кожаном диване. Еду приносили из хорошего купеческого трактира где-то поблизости на Сенной площади. Самовар, чай, свежие баранки и калачи то и дело появлялись на столе. Приходил наведываться денщик, несколько озадаченный конфузом, выпавшим на долю "барина", и постоянно прислуживал вестовой, состоявший при гауптвахте. Со мной — как в случаях нарядов на дежурство и в караул — были акварельные краски и — помню — я сделал этюд стола, накрытого для чаепития, с помятым ,видавшим виды, и плохо вычищенным самоваром, и с облупленным железным подносом, на котором по черному фону были изображены розовые цветы с золотыми листьями.

По моем возвращении после отсидки офицеры, встречая меня в собрании, выражали мне сочувствие и поздравляли с тем, что я получил отдых на казенный счет.

Другой раз я попал под арест немного раннее, летом, и по приказанию того же Васмунда. Неважное могло у него составиться мнение об офицере, который "попался" дважды на протяжении трех месяцев. Ни он, ни я не могли предвидеть, что нерадивый подпоручик явится отдаленным потомком строгого генерала по командованию Л.-Гв. Измайловским полком.

История этого первого ареста интереснее. Я был караульным начальником в лагерях по Главной красносельской гауптвахте. Здесь приходилось быть особенно начеку, чтобы не пропустить вызвать караул на платформу для отдания чести многочисленному лагерному начальству, начиная с Главнокомандующего войсками Гвардии и петербургского военного округа Великого Князя Владимира Александровича и, продолжая вниз, другим членам Императорской фамилии и разным высшим командирам.

Дача Главнокомандующего находилась тут же рядом. По обе стороны гауптвахты выставлялись скрытые в тени деревьев, так называемые, махальные. Они должны были знаками предупредить караул и его часового, стоявшего у пестрой черно-белой будки на платформе, о приближении лиц, которым по уставу полагалось вызывать караул.

И вот, раздались два удара в колокол. Это обозначало: "караул в ружье" и "караул вон"! Егеря сноровисто выбежали, построились. Я скомандовал "равняйсь" и "смирно". Жду — кто появится. Вижу медленно в дочкарте мимо проезжает какая-то незнакомая дама; сама правит лошадью. Густо завуалирована. Не могу признать, что это одна из Великих Княгинь. Решаю, что махальный ошибся. Чести не отдаю, т. е. не командую "на караул", как назывался этот ружейный прием, и увожу своих людей обратно в караульное помещение.

Не проходит и четверти часа, как раздается один удар в колокол. Это значит, что вызывают на платформу одного караульного начальника. Выхожу. Навстречу ко мне идет по платформе Васмунд. Рапортую по положению. Генерал сердитым взглядом не обещает ничего доброго.

— Как это могло случиться, — спрашивает Васмунд, — что караул был вызван для отдания чести Великой Княгине Марии Павловне, а честь не была отдана? По смене с караула доложить командиру полка, чтобы вас арестовал на трое суток!

Итак, я не узнал Великую Княгиню, а махальный и часовой были правы. Потом выяснилось, что она встретила на улице Красного Села своего мужа — Великого Князя Главнокомандующего — спросила его:

— Разве изменили устав? Караул Егерского полка отдал мне честь, только стоя смирно, а не взял ружья на караул...

На другой день — это пришлось в субботу — я уже, по смене караула, снова водворился на красносельской гауптвахте, но уже в качестве арестованного. Утром в воскресенье меня вызвал с верхнего этажа, где я помещался, вниз комендант Красного Села, генерал, которому накануне я сдал свою шашку — одно из унижений ареста офицера.

— Вот что, — сказал мне старик, — вам дадут знать когда Великая Княгиня и молодые "Владимировичи" будут возвращаться домой из красносельской церкви после обедни. Станьте тогда навытяжку в среднем окне второго этажа, под часами, и стойте так пока все не проедут...

Я не понимал смысла этой процедуры, но, конечно, исполнил послушно все как было приказано. Накрапывал дождь, и кузова колясок, в которых ехали Великая Княгиня и молодые Великие Князья, были подняты. Тем не менее я видел как из-под них высовывались головы, чтобы взглянуть наверх по направлению к среднему окну второго этажа, под часами.

Прошло часа полтора. Снова меня вызывает вниз комендент. Спускаюсь. Генерал, лукаво улыбаясь в седые баки, говорит:

— Великая Княгиня за завтраком выпросила у Главнокомандующего прощенье для вас. Вот вам ваша сабля... (генерал был старый кавалерист и называл пехотную шашку саблей). — Вы свободны...

Так, с этой романтической счастливой развязкой существенно сократился для меня мой первый арест. Я даже успел воспользоваться воскресеньем, чтобы съездить из лагеря в Петербург и отпраздновать свое освобождение.

(Продолжение следует)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

№ 30

НОЯБРЬ 1967 год

СОДЕРЖАНИЕ

•

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию Г. М. Гринев — Villa Riegler, 2542 Kottingbrunn.

АНГЛИЯ. — Е. А. Барачевская — 23, Alder Grove, London, N.W.2.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

— Член Об-ва и его представитель на Нью-Йорк — Г. В. Месняев — 6-12, 158 Str., Beechhurst 57, (N.Y.).

Переписку редакционного характера просят направлясь по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, « Le Jardin », Landévennec, 29S - Argol.

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеются еще нижеследующие издания Об-ва:

1. — **"Записка о службе А. В. Суворова"** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.

2. — Номера **"В. И. Вестника"**, начиная с № 8. Цена — 3,00 фр. или 0,90 дол. или 3,00 франка.

3. — Сборник **«Русская Военная Старина»** — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена 4,50 фр. или 1 долл. или 4,50 франка.

Цена настоящего номера (№ 30) «Военно-Исторического Вестника» 3,50 фр. или 1 ам. долл. или 3,50 франка (цена номера для членов Общества остается прежней).

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на бронзовые медали: 1) Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2) С.-Петербурга (1703-1953), 3) Обороны Севастополя (1855-1955), 4) Полтавской победы (1709-1959), 5) Отечественной войны (1812-1962) и 6) Пятидесятилетия начала первой мировой войны (1914-1964).

Цена медали Гвардии или Петербурга 18 фр. или 4,5 америк. долл. или 19 фр.; Севастопольской или Полтавской — 12 фр., 3 долл. и 13 фр.; медали 1812 года — 14 фр., 3,5 долл. и 15 фр.; медали 1914 года — 16 фр., 4 долл. и 17 франков.

В настоящее время, за исключением Полтавской медали, которая высылается немедленно по получению заказа, заказы на остальные медали выполняются в зависимости от имеющегося запаса и, таким образом, между получением заказа и отправкой заказанного может пройти от нескольких дней до, в худшем случае, двух месяцев.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

МЕДАЛЬ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЧАЛА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

В настоящий момент закончена рассылка медалей, заказы на которые были получены до 15 сентября, и продолжается рассылка медалей заказы на которые были получены после этой даты.

Продлжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы), которые будут выполняться в сроки, зависящие от имеющегося запаса.

Цены: бронзовой медали — 18 франков или 4,5 америк. доллара или 19 франков; бронзовой посеребренной — 20 фр., 5 долл. и 21 фр.; бронзовой позолоченной — 24 фр., 6 долл. и 25 фр.; серебряной — 50 фр., 12,5 долл. и 51 фр.; серебряной позолоченной — 56 фр., 14 долл. и 57 фр. В этих ценах — первая цена для Франции, вторая в долларах для всех заокеанских стран и третья для всех остальных стран. В указанные цены входит стоимость пересылки.

В октябре вышел из печати новый труд (на французском языке) члена Об-ва С. П. Андоленко «История Русской Армии» — Général Andolenko « Histoire de l'Armée Russe » (Ed. Flammarion, цена 20 франков).

Некоторые памятные даты в 1968 году

225 ЛЕТ. — Окончание войны со Швецией и заключение мира в Або (16 июня 1743).

200 ЛЕТ. — Рождение генерал-фельдмаршала князя П. Х. Витгенштейна (25 дек. 1768-1843).

150 ЛЕТ. — Кончина генерал-фельдмаршала князя М. Б. Барклая де Толли (1761 — 14 мая 1818). и ген. от кавал. графа М. И. Платова (1751-1818).
Основание 1-го Кавказского саперного батальона (старш. 13 сент. 1818).

125 ЛЕТ. — Гибель нашего гарнизона осажденного горцами в укреплении Гергебиль, взорванного Тифлисского егерского полка юнкером Чаевским, унт.-офиц. Неровым и рядовым Семеновым, где они геройски погибли (8 ноября 1843).

100 ЛЕТ. — Разгром ген. Кауфманом бухарцев на Зарабулакских высотах (12 мая 1868) и освобождение русского гарнизона (майор Штемпель) в восставшем Самарканде (7 июня 1868).

75 ЛЕТ. — Вооружение русской армии трехлинейной винтовкой, сконструированной полковником С. И. Мосиным (1893-1895 гг.).

50 ЛЕТ. — Первый Кубанский поход и смерть генерала Л. Г. Корнилова (31 марта 1918). Степной поход генерала П. Х. Попова.

Убиение большевиками Императора Николая II и его Семьи в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

ГИБЕЛЬ XX-ГО КОРПУСА

(ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О ВОЙНЕ 1914-1917 ГГ.)

Великий Князь Андрей Владимирович

(Продолжение)

Еще в начале января 1915 года генерал Рузский выезжал в Гродно, в штаб 10-ой армии, для обсуждения с генералом Сиверсом положения на фронте, который проходил вдоль Мазурских озер.

Как раз, перед самым началом наступления, для усиления южного фронта, из состава 10-ой армии был выделен XXII армейский корпус, что значительно ослабило и без того слабую 10-ю армию. Штаб фронта довольно основательно опасался, что такое ослабление 10-ой армии, в составе которой находилось несколько (шесть) второочередных дивизий, не вполне надежных, может привести к опасному положению.

Крепость Гродно усиленно и спешно укреплялась, чтобы создать опорный пункт на случай отхода, но работы далеко еще не были закончены и форты не вооружены. Более всего тревожили генерала Рузского Августовские леса, находившиеся в тылу фронта 10-й армии, очень трудно проходимые и с очень слабо развитою сетью дорог. Генерал Рузский приказал тщательно разработать тыловые пути, исправить дороги и мосты и, кроме того, разработать план возможного отступления всей 10-й армии на линию: Ковно - Гродно - Оссовец, по рекам Неману и Бобру.

Было предположено, что 10-я армия перейдет в наступление в конце января для захвата Мазурских озер и для дальнейшего наступления в глубь Восточной Пруссии. Таков был оперативный план Ставки, но ему не было суждено осуществиться — немцы сами нас предупредили и первые перешли в наступление на фронте 10-й армии.

25-го января обнаружилось наступление против левого фланга армии, а 26-го — против правого. Это наступление, как для штаба фронта, так и для штаба 10-й армии явилось полной неожиданностью, так тщательно неприятель скрыл свои приготовления и сосредоточение сил. Первые дни, в штабе фронта трудно было понять силу и значение этого наступления, настолько донесения из штаба 10-й армии были неясны. Общее впечатление, однако, создалось, что главный удар неприятель наносит против правого фланга 10-й армии, куда спешно стали перебрасывать все, что только возможно было урвать с фронта.

Вскоре выяснилось, что главный удар направлен против правого фланга, против Вержболовской группы генерала Епанчина, войска которой, не выдержав удара, откатились назад на два перехода в направлении Ковно. Вследствие этого отхода правый фланг соседнего, XX-го корпуса, был обнажен верст на 40-50 и остался без прикрытия. Командующий армией, генерал Сиверс, почему-то задерживался отдать приказ об отступлении остальных корпусов, благодаря чему правый фланг XX-го корпуса все более и более оголялся. Лишь на второй день после начала наступления генерал Сиверс отдал приказ об отступлении на линию Немана и Бобра, не задерживаясь в лесных дефиле.

Отступление началось в полном порядке, но немцы успели просочиться в образовавшийся прорыв с севера и стали появляться в тылу XX-го корпуса. Первые дни ничего особенно тревожного в штаб фронта не поступало, как вдруг прекратились всякие сведения о судьбе XX-го корпуса. Несмотря на настойчивые требования штаба фронта донести, что сталось с этим корпусом, штаб 10-й армии удовлетворительного ответа дать не мог, так как сам штаб 10-й армии никаких сведений не имел. Кавалерии под рукой не было, она находилась на крайнем правом фланге, почему нельзя было произвести разведку.

Помимо этих тревожных сведений, в штаб фронта стали поступать сведения, что в самом штабе 10-й армии не все благополучно; говорили, что командующий 10-й армии, генерал Сиверс, совершенно растерялся в сложной обстановке и физически переутомлен, а про начальника штаба, барона Будберга, что он, чуть ли, не сошел с ума, что его держат под домашним арестом и к телеграфным аппаратам не подпускают из опасения, что он отдаст несуразное распоряжение, что уже случилось. Эти печальные сведения не были лишены основания и подтвердились скоро совершенно официально — командующий армией генерал Сиверс просился в отпуск для поправления здоровья, что ему моментально разрешили, командующим армией был назначен временно командир III-го Сибирского корпуса генерал Радкевич, а одновременно был уволен и начальник штаба армии, барон Будберг.

Но о судьбе XX-го корпуса все не было сведений и никто не мог себе представить, куда он мог пропасть; в то же время другие корпуса постоянно давали о себе знать и постепенно стали выходить из Августовских лесов и сосредоточиваться за р. Бобром, южнее Гродно. Не добившись толку от штаба 10-й армии, что сталось с корпусом, генерал Рузский решился командировать меня в Гродно, с генералом Сирелиусом, чтобы разобраться, в чем дело и непосредственно ему донести по прямому проводу.

6-го февраля мы выехали в Гродно, куда прибыли под вечер. В штабе 10-й армии мы застали очень подавленное настроение. О XX-м корпусе все еще никаких сведений не было, даже приблизительно не знали, где он находится. Все попытки выслать разведку из Гродны были обречены на неуспех — неприятель, обойдя с тыла пути отступления корпуса, стал между Гродно и Августовскими лесами, где только и мог находиться XX-й корпус.

Авиационного парка при штабе 10-й армии не было, чтобы произвести воздушную разведку. Ждали, что

XX-й корпус даст о себе знать посредством искровой станции, которая при нем состояла, но она, почему-то молчала. Потом оказалось, что искровая станция отошла в Гродно вместе с обозами 2-го разряда, куда благополучно и пришла. Таким образом все способы разведки 10-й армии оказались невыполнеными, а сам корпус ничего не предпринимал, чтобы известить штаб армии о своем положении.

Что касается начальника штаба, барона Будберга, то он, действительно, был одно время вроде как бы под арестом. Его старались не выпускать из своей комнаты и, главное, не подпускать к телеграфным аппаратом, ибо он стал отдавать совершенно несуразные приказания и вносил хаос в уже, и без того, трудное положение армии. Конечно, у всех чинов штаба нервы были взвинчены до крайности от всего пережитого и переживаемого в эти, поистине, трагические дни. Я целыми днями проводил в штабе, изучая внутреннюю обстановку и все ожидал, как и все, каких-нибудь известий об исчезнувшем корпусе.

Под вечер 7-го февраля, в штаб 10-й армии пришел крестьянский мальчик, лет 12-ти на вид, очень смышленный и расторопный не по летам, и заявил, что он послан лично генералом Булгаковым, командиром XX-го корпуса, сообщить, что весь корпус находится перед самым Гродно, верстах в двадцати от него, в деревне Липнах и просить оказать ему содействие, так как корпус почти окружен неприятелем и не имеет возможности пробиться к крепости своими средствами.

Все так и ахнули... Как в Липнах? Всего в двадцати верстах от Гродны, когда предполагали, что он в Сувальках, верстах в восьмидесяти... — Мы бы слышали выстрелы, — говорили одни; — Этого быть не может, мальчик подослан неприятелем, тут какая-то ловушка, — говорили другие. Момент был очень драматичен — это была первая весточка от XX-го корпуса, но почти у всех закралось сперва сомнение, так как невероятным казалось нахождение целого корпуса под стенами крепости. В просьбе о помощи некоторые усмотрели ловушку в том, чтобы вызвать войска из крепости.

Мальчика подвергли очень тщательному допросу и заставили точно рассказать и по несколько раз повторить — где, кто и как ему дали поручение. Мальчик начал очень толково свой рассказ с того, что он точно указал на карте то место, где находился генерал Булгаков, когда он давал ему поручение. Знал он эту местность хорошо, потому что он был уроженец этой местности да и генерал Булгаков ему точно указал свое местонахождение по карте, что он точно запомнил. Далее мальчик рассказал, что он был вызван в землянку, в которой жил генерал Булгаков и который спросил его, может ли он добраться до Гродно и знает ли он хорошо эту местность. Получив от него утвердительный ответ, генерал Булгаков сказал ему все, что он должен был передать в штаб 10-й армии, заставил его все повторить и, убедившись, что он верно все запомнил, отпустил его с Богом в опасный путь.

Рассказ мальчика был настолько обстоятелен и толков, что он начал казаться правдоподобным, несмотря на первое сомнение, но, чтобы окончательно рассеять последнюю тень этого сомнения, мальчика попросили точнее, по возможности, описать наружность, как самого генерала Булгакова, так и некоторых лиц его штаба, которые присутствовали при его отправлении. Мальчик очень точно и характерно описал всех так, что было не трудно после этого убедиться, что он говорил правду.

Был созван немедленно военный совет, на котором было было решено — на следующий же день перейти в наступление всеми имеющимися силами на выручку XX-го корпуса, да и штаб фронта на этом тоже настаивал. Вышедшие за эти дни из Августовских лесов с боем XXIV и III-й Сибирский корпуса были настолько переутомлены предшествовавшими боями, что расчитывать на их помощь было нельзя. В распоряжении штаба армии оставались: XV-й корпус, занимавший крепостные верки, да II-й и XXIV-й корпуса, из которых один был только что сформирован.

Приказ о наступлении был отдан в 1 ч. ночи на 8-е февраля. Наступление не удалось, и в 4 ч. дня оно было прекращено; войска отошли в свои исходные положения. Неудача наступления отчасти было вызвана тем, что войска, при выходе из крепости, должны были разворачиваться среди путанного проволочного заграждения, что сильно задержало боевое разворачивание. Со стороны д. Липни была слышна артиллерийская стрельба, затихшая к вечеру. То истекал кровью XX-й корпус в последнем, отчаянном усилии прорваться сквозь неприятельское кольцо к крепости...

В этот же день к вечеру, с передовых позиций было получено донесение, что два полка из состава XX-го корпуса — 113-й Старорусский и 114-й Новоторжский — благополучно вышли из леса и отходят к Гродно. Блеснула надежда, что может быть за ними следуют и остальные части корпуса. Немедленно были посланы автомобили, чтобы привезти командиров этих полков в штаб армии и от них узнать, наконец, о судьбе корпуса. Оба командира полка прибыли в штаб в состоянии полного изнеможения от бессонных ночей и беспрерывных боев при отступлении. Тут только выяснилось, что произошло с XX-м корпусом.

Оказалось, что XX-й корпус вместо того, чтобы отступать сразу, как было приказано, и не задерживаться боями в лесу, отходил с боями. Это вызвало задержку в отступлении. Кроме того, когда соседние корпуса круто повернули на юг, чтобы отойти за р. Бобр, XX-й решил продолжать отступление на Гродно, благодаря чему он остался совершенно один с двумя оголенными флангами. Правый фланг был первым обойден с севера и неприятель выставил заслон в тылу корпуса, преградив путь отступления на Гродно.

Видя свое безвыходное положение, генерал Булгаков решил послать мальчика в штаб 10-й армии с донесением, а самому пытаться прорваться на юг, куда неприятель еще не успел его окончательно обхватить. Местные жители взялись вывести корпус из леса лесными тропами. Те два полка — 113-й и 114-й, —

которые благополучно вышли, были назначены идти в авангарде с проводником, а остальные части должны были следовать за ними непосредственно, для чего все части должны были собраться у перекрестка пяти лесных троп. Почему остальные части оторвались от головных и не следовали сзади, командиры полков объяснить не могли, но они были уверены, что весь корпус следует за ними по пятам. Но за означенными полками больше никто не вышел, а вскоре после неприятельское радио оповестило о пленении всего XX-го корпуса.

Необходимо отметить, что обозы 2-го разряда и парки корпуса благополучно отошли раньше на Гродно, так как они не задерживались в пути. Вероятно и весь корпус вышел бы так же благополучно, если бы он не задержался боями.

В последующие дни, из леса стали пробираться одиночные офицеры и солдаты и их набралось, в конце концов, довольно много. Из их показаний можно было восстановить довольно ясную картину гибели корпуса.

Последние дни нашего пребывания в Гродно генерал Сирелиус и я, мы посвятили объезду частей XX-го корпуса и остальных корпусов 10-й армии, чтобы определить их состояние и точное место расположения. Некоторые части, которые мы встречали, совершенно утеряли связь, не только со своими корпусными штабами, но даже с дивизионными и не знали где они находятся. Это в некоторой степени объясняется тем, что многие полки были выделены из состава своих дивизий и переброшены в другие районы. При выходе же из Августовских лесов они не могли ориентироваться, да никто их и не ориентировал. Часто, там, где по сведениям штаба армии должен был находиться такой-то штаб дивизии, на самом деле, мы никого не находили. В одном случае один из корпусных командиров оказался глубоко в тылу, вместо указанного штабом пункта, где-то на железнодорожной станции. Некоторые штабы дивизии мы так и не нашли.

Произвести точное расследование о гибели XX-го корпуса мы не могли, так как по всему фронту 10-й армии еще шли бои, почему мы решили вернуться в штаб фронта, в Седлец, и донести то, что видели на месте. Самое же расследование решили отложить до того времени, когда район гибели корпуса будет очищен от неприятеля, который стал постепенно отступать. Вернулись мы с генералом Сирелиусом в Седлец 10 февраля.

26-го февраля, генерал Рузский снова нас командировал в Гродно для окончательного расследования причин гибели XX-го корпуса. Нам в помощь, в качестве переводчиков, дали прапорщиков графа Бенкендорфа, знающего немецкий язык, и де-Кастеласа, знающего польский язык. Предполагалось, что мы опросим местное население и немецких военнопленных.

По приезде в штаб 10-й армии, мы с генералом Сирелиусом поделили возложенную на нас задачу: он взял на себя неблагодарную роль выяснения ответственности лиц командного состава, я же взял на себя изучение фактической стороны дела — какие приказания были отданы, что и как было исполнено, что — нет, почему и т. д.

По архивам были сделаны все необходимые выборки относительно полученных из штаба фронта директив, приказов, какие приказы были отданы штабом 10-й армии и тщательно проверены все донесения штабов корпусов и контр-разведки, относительно движения противника, чтобы составить общую картину. В общем картина выяснилась следующая.

Как было упомянуто выше, неприятель начал наступление против правого фланга 10-й армии 26 января, где находилась Вержболовская группа генерала Епанчина. Измотанная предшествовавшими боями и понесшая потери, эта группа удара противника не выдержала и начала отступать в общем направлении на Ковно. Остальные корпуса: XX-й, XXVI-й и III-й Сибирский оставались на месте, так как против них наступления не велось, если не считать атаку на крайнем левом фланге против III-го Сибирского корпуса, где неприятель стремился обойти фланг, но неудачно.

XX-й корпус, соседний с Вержболовской группой, оказался с оголенным правым флангом, верст на 50. Вместо того, чтобы сразу оттянуть весь фронт назад, приказ об отступлении был дан только на второй день, когда неприятель уже использовал положение и начал глубокий обход в тыл XX-го корпуса, перерезая ему пути отступления. К 3-му февраля все три корпуса благополучно отошли к Августову и должны были продолжать отступление прямо на восток, т. е. на Гродно. Но тут окончательно выяснилось, что неприятель глубоко зашел в тыл и появился у Сапоцкина. Командиры XXVI-го и III Сибирского корпусов решили круто свернуть на юг и уйти за р. Бобр, чтобы избежать окружения. Сообщили ли они о своем решении генералу Булгакову или нет, и знал ли последний от своей разведки об этом, не удалось установить. Во всяком случае, генерал Булгаков продолжал отступать по указанному ему пути, несмотря на появление неприятеля у него в тылу и на фланге и находясь под постоянными ударами. Лесные дороги от оттепели пришли в ужасное состояние и движение артиллерии и обозов было крайне затруднено.

4-го февраля XXVI-й и III-й Сибирский корпуса благополучно перешли Бобр и расположились вдоль его левого берега, вместе с уцелевшими частями 27-й, 28-й и 53-й дивизий XX-го корпуса.

Как раз в этот день части XX-го корпуса подходили к д. Липны. Дальнейшее движение на Гродно было преграждено неприятелем, который зашел в тыл и занял Сапоцкинский укрепленный район, воздвигнутый нами для обороны Гродно. Им-то неприятель и воспользовался, чтобы преградить путь отступления XX-го корпуса. Генерал Булгаков сделал попытку лобовым ударом опрокинуть противника и прорваться на Гродно, рассчитывая, что неприятель не успел собрать там достаточные силы. Но атака не удалась, несмотря на местные успехи и доблесть войск.

После этой неудачной атаки, на военном совещании было решено как-нибудь связаться со штабом 10-й армии в Гродно, сообщить о местонахождении корпуса и просить оказать содействие для прорыва в кре-

ность. Дело в том, как было сказано выше, единственная искровая станция на фронте 10-й армии, находившаяся при XX-м корпусе, вместе с большею частью обозов 2-го разряда, благополучно выскочила из окружения и прибыла в Гродно. Этим случайным обстоятельством XX-й корпус был лишен возможности своевременно известить штаб армии о трагическом своем положении.

Нелегкую задачу прорваться сквозь неприятельскую линию и доставить в штаб армии донесение, было поручено, 6-го февраля, прибывшему за несколько месяцев до этого в 212-й пехотный Романовский полк, охотнику, смышленному 13-ти летнему сиротемальчику Власову. Насколько я лично помню из его расспросов, он был из местных уроженцев и прекрасно знал местность, почему его и выбрали, так как человеку незнакомому с местными лесами было невозможно выполнить такое трудное поручение. Его переодели в крестьянское платье и он стал выглядеть еще моложе — лет десяти, не более. Ему показали карту и указали место где находится корпус, чтобы он мог в штабе армии указать точно местонахождение корпуса; ему сказали также хорошенько вглядеться в лицо генерала Булгакова и начальника штаба корпуса, чтобы доказать, кто его послал. Никаких письменных документов, конечно, ему не дали, это было опасно, но ему дали словесное поручение, а именно, что корпус находится у дер. Липны, истекает кровью в неравной борьбе, что он окружен со всех сторон и просит помощи пока еще не поздно.

Мальчик точно повторил все, что ему приказано было передать, после чего он сказал: "Уж, будьте спокойны — дело сделаю. Встречу немцев, так выплачусь, что родителей расстреляли, что наверно пропустят". Мальчик, как мы видели, слово сдержал, прошел сквозь неприятельсткую линию и явился в штаб 10-й армии в Гродно на следующий день 7-го февраля к вечеру.

На военном совещании у генерала Булгакова было решено попытаться прорваться в Гродно ночью, так как недостаток патронов и крайняя усталость войск делали дневной бой невозможным. При выборе направления для прорыва было принято во внимание, что южный фас фронта окружения слабее занят других участков. Кроме того, один из местных жителей, лесничий, хорошо знавший местность, брался провести корпус ночью по лесным тропинкам, минуя занятые противником участки. На этом порешили и был составлен соответствующий приказ.

На основании этого приказа части XX-го корпуса должны были начать движение для прорыва через фол. Млынек и дер. Жабицке, Курьянка и Гродно, в 12 часов ночи. В авангард были назначены: 113-й Старорусский, 114-й Новоторжский и 115-й Вяземский полки 29-й пехотной дивизии, под командою генерал-майора Чижова.

Сборным пунктом был назначен мост у фол. Млынек. Потом чтот пункт был передвинут на версту вперед к месту пересечения лесных троп. При авангарде шел лесничий-проводник.

К назначенному времени авангард, получивший приказание — перейдя мост и пройдя одну версту, остановиться у перекрестка лесных троп и выждать подхода главных сил, чтобы не разорвалась колонна в ночной темноте, — подошел к мосту у фол. Млынек. Однако, очевидцы, которых мы допросили, показали, что главные силы к фол. Млынек к 12 часам ночи не подошли. Почему произошла задержка — не выяснилось: не то ли приказ не дошел до частей вовремя, не то части замешкались с выступлением. Авангард (113-й и 114-й полки, 115-й опоздал), пройдя мост и, как было приказано, еще одну версту, не остановился, а двинулся дальше на д. Жабицке, не приняв никаких мер, чтобы убедиться в том, что главные силы идут за ним, и даже не имея при себе начальника авангарда генерала Чижова, который должен был вести колонну.

В голове авангарда шел 114-й Новоторжский полк, уводя с собою единственного проводника. Обойдя д. Жабицке по лесной тропе, оба полка вышли на шоссе между Липском и д. Курьянка, откуда они проселками, держась ближе к р. Бобру, в восьмому часу утра вышли к югу от деревни Рыгаловки, сильно занятой противником. За ночь полки прошли всего лишь 12 верст. Здесь они были замечены противником, который открыл по ним артиллерийский огонь с тыла. Но пристрелка была плохая и полки никакой потери не понесли. Чтобы не представлять собою слишком большой цели, полки разошлись здесь и пошли раздельно на Гродно: 113-й по правому берегу р. Бобра, через дер. Хурожовце, а 114-й полк, переправившись через Бобр у д. Конюшки, прошел по левому берегу его в креность. Оба эти полка благополучно дошли до Гродно.

115-й пехотный Вяземский полк, который должен был идти в авангарде за 113-м полком, опоздал на сборный пункт, но был направлен вслед. В темноте он сбился с дороги и лишь к рассвету, вместе с двумя батареями 29-й артиллерийской бригады, вышел на д. Старожинце, в лоб на немецкую позицию. Вяземский полк ввязался в бой и даже захватил пленных у д. Жабицке. Постепенно подходившие к фол. Млынек части, собравшиеся для прорыва, но сильно опоздавшие, втягивались в бой по частям. Немного левее, у д. Волкушки также завязался бой 209-го пехотного Богородского полка.

На этом небольшом участке, между фол. Млынек и д. Волкушки, в неравном бою истекал кровью доблестный XX-й корпус. Израсходовав все свои патроны, он лег буквально костьми. Около двух часов пополудни раздался последний выстрел, и бой затих. Некоторые бросились в лесную трущобу и выбрались благополучно в одиночку, другие были захвачены в плен. Вот та картина, какую мы, с генералом Спрелиусом могли восстановить, изучив архивы и опросив многих свидетелей этой ужасной драмы.

Я здесь не касаюсь критической оценки этих событий, кто тут прав, кто виноват и что следовало сделать на самом деле. Многое можно было бы сказать, но это выходит из рамки моих воспоминаний и касаться этих спорных вопросов я не буду.

Изучив по документам и опросам свидетелей все, что касается гибели XX-го корпуса, я выехал на место его гибели, чтобы составить общий план распо-

ложения частей и выяснить некоторые подробности вместе со свидетелями этой драмы.

На моторах мы поехали по Августовскому шоссе, потом свернули на д. Голынка, откуда уже пешком прошли к Марковскому мосту через р. Волкушек. Углубившись немного в лес, я увидел в этом Августовском лесу картину, которую я никогда в жизни не забуду: мне казалось, что я попал в царство спящих. Первое на что я наткнулся, это — на довольно широких лесных дорогах — целые колонны зарядных ящиков. Все лошади, в полной упряжке, лежали как спящие на боку и в таком однообразном порядке, как будто игрушечных лошадок повалили сразу всех на один бок. Благодаря морозу лошади застыли как были убиты пулеметным огнем. Иногда между ними лежали, так же будто спящие, ездовые; их еще не успела похоронить специально наряженная для этого команда, которая как раз этим и занималась, довольно варварски и бесцеремонно — вырыв неглубокую могилу, эта команда накладывала туда сколько возможно трупов, придавливала их ногами, чтобы поместилось побольше... Под деревом лежал застывший труп трубача; он еще держал в руках свою трубу, как будто готовился протрубить сигнал. Эту трубу я взял с собой, намереваясь после войны передать в его бригаду на память.

Тут же за зарядными ящиками стоял обоз 1-го разряда. Около канцелярских двуколок валялись разные бумаги, видно было, что немцы рылись в архивах и разбросали бумаги. Некоторые книги приказов по батарее были доведены до последнего дня и мы некоторые захватили с собой как исторический документ. Нашли также много писем, адресованных чинам бригады, но которые, видимо, не успели раздать. Мы собрали что могли, чтобы послать родственникам. Насколько можно было судить, немцы не успели ничего вывезти, весь обоз остался на месте. Далее мы прошли к д. Липны и нашли ту землянку, в которой жил генерал Булгаков и откуда он послал мальчика в Гродно.

На фронте Волкушки-Млынек можно было видеть ход последних боев. Гаубичная батарея так и осталась на своем месте и у каждого орудия могилки прислуги и офицеров, видимо, тщательно сделанные немцами, так как офицерские могилы были обозначены офицерскими шашками и к каждой привязана записка с фамилией убитого. Такие же обозначения были и на солдатских могилах. Полевая артиллерия была вся вывезена, кроме одного сильно подбитого орудия, которое, видимо, последним стреляло на картечь; оно было все испещрено следами от осколков.

Там, где легла пехота, был ряд могил по полкам, так что можно было очень точно установить, где каждая часть сражалась. Переходя мост у фол. Млынек, мы видели на дне реки Волкушек сотни артиллерийских патронов, которые блистали на солнце как золотые. Вероятно, прислуга, желая спасти их от неприятеля, побросала в воду. Эти патроны были все потом выловлены и пущены в дело.

Затем мы пошли осмотреть тот перекресток лесных дорог, где был назначен сборный пункт и откуда все части должны были следовать за авангардом, который вел проводник. Даже днем, когда мы там были, никаких дорог, в точном смысле этого слова, видно не было. Грунт песчаный и, если можно было заметить, то по разным направлениям тянулись следы колес, никаких других обозначений дорог не было. Мне это напоминало дороги на Сергиевском полигоне под Лугой, тот же песчаный грунт, те же лесные дороги, еле заметные днем — и то, если по ней недавно проехала телега.

Один свидетель этой драмы, которого мы захватили с собой, объяснял нам, что когда его полк подошел к этому месту, то головные полки уже исчезли в ночной темноте и даже не оставили маяка, чтобы указать хоть приблизительно, в каком направлении ушел авангард. Так как был всего один проводник на весь корпус, который вел головной полк авангарда, то следовавшие за головным полком остальные полки могли следовать по правильному направлению при условии, что они ухватятся, так сказать, за хвост головного полка — иначе произойдет катастрофа. Так и случилось: следовавший за первыми полками авангарда 115-й Вяземский полк на перекрестке никого не нашел и, думая, что берет верное направление, в темноте ошибся на 90 градусов влево и вышел прямо в лоб неприятелю, за ним по неверному направлению потянулись и остальные полки. Мы старались с точной картой в руках найти эту дорогу, по которой следовало бы идти, но без опытного лесника это оказалось невозможным даже днем, а не то что ночью.

Весь этот район мы тщательно обследовали; весь он пестрел свежими могилами и кроме того был густо усеян всякой всячиной — брошенной аммуницией, оружием и т. д., по которым можно было определить где каждая часть находилась во время боя. Все эти указания были нанесены на карту для составления отчета.

Во время осмотра этой местности прибыли представители разных пехотных полков для отыскания своих зарытых знамен. В последний момент окружения каждый полк старался зарыть свое знамя в присутствии двух-трех свидетелей, чтобы хоть один мог потом найти знамя. Зарывали около определенного предмета. Многие полки при мне находили свои знамена, но в некоторых полках все свидетели были перебиты и им приходилось искать с чужих слов случайных и мало надежных свидетелей. Многие так и не нашли свои знамена, хотя делали все, что было только в силах, но где искать в дремучему лесу; вероятно там и остались на вечные времена полковые святыни...

Обследываемый нами район находился в то время между нашим и неприятельским фронтом, но где проходил тот и другой — никто не знал в точности. С нашей стороны мы никакого фронта не нашли, т. е. каких бы то ни было частей. Где были немцы, также никто не знал. В силу этого штаб армии опасался, как бы мы не попали в плен немцам, почему дали нам охрану в виде 11-ти солдат, которые ехали с нами на моторах. Как потом мы узнали, немцы в это время отступали, а мы никакого фронта не установили — вся местность собственно была в ничьих руках.

немцы могли так же легко туда проникнуть, как и мы, почему приданная нам охрана была не излишня.

Весь собранный нами материал был мною изложен в виде доклада, с приложением целого ряда отчетных карт и схем, причем движение каждой части было отмечено по дням, а иногда и по часам. Ни генерал Сирелиус, ни, тем более, я — так как это не входило в мою задачу — не решились делать выводы и определять степень виновности отдельных начальников. Мы ограничились лишь составлением подробного отчета о том, что случись, а, кто виноват, — пусть начальство само разбирается в собранном материале.

В общем, наше личное мнение было то, что в этой, воистине, тяжкой драме, никто особенно не был виноват; было много, очень много случайностей, неизбежных на войне и на таком трудном участке, как в дебрях Августовских лесов. Не даром наши старые стратеги, как Ванновский и Обручев, считали Восточную Пруссию, и в особенности Августовские леса и Мазурскую водную и озерную систему, невозможными для военных операций.

. . . .

За время моего пребывания в Гродно мы были поражены неожиданным появлением целых групп раненых XX-го корпуса, которые стали выходить из Августовского леса. Из их расспросов выяснилось, что во время отступления они стали отставать от своих частей и, не желая попасть в плен, уходили в сторону от дороги в глушь леса, где находили приют у местных жителей, которые их подкармливали. Таким образом они прожили в лесу более месяца, без перевязок и какой-либо медицинской помощи.. Несмотря на это, большинство из них за это время поправилось; поправились даже те, у кого были тяжелые ранения.

Закончив наше расследование, мы с генералом Сирелиусом, 9-го марта, возвратились в Седлец и сдали свой доклад.

В заключение хочу добавить, что при осмотре остатков XX-го корпуса в Августовском лесу я заметил на дереве маленький образок кем-то туда положенный. Вероятно он выпал из какой-либо хозяйственной двуколки. Этот образок я взял с собою и подарил Императрице Александре Федоровне для Федоровского собора, куда он и был передан. Передавая Императрице образ, я мог лишь сказать, что он ценности сам по себе не представляет, но он ценен тем, что он был свидетелем того, как геройски погибал XX-й корпус — за Веру, Царя и Отечество.

Окончание академии и служба на Кавказе

(ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ)

П. Н. Шатилов

Во время Японской войны мне представлялась несколько раз возможность быть командированным по делам службы в Россию, но я всегда от этого уклонялся. Я не считал для себя возможным покидать театр военных действий, да кроме того, меня и не тянуло в Россию. Но, как только был заключен мир, меня сразу же неудержимо потянуло домой. По счастью, в моем послужном списке было отмечено, что я имею право по окончании войны вернуться без экзаменов в академию. Вскоре я получил предписание о командировке меня в академию и "литеру А", т. е. бесплатный проезд до Петербурга.

Закончившаяся война с Японией оставила в моем сознании большой неизгладимый след. Позже, на протяжении моей службы, я участвовал в походах в Персию, был участником Великой и Гражданской войн, но только Японская война оставила во мне боевые впечатления строевого офицера и послужила фундаментом для усвоения военного дела. Я убедился, что учет моральных явлений в боевой обстановке доступен всестороннему пониманию лишь тому, кто сам их почувствовал, и лишь собственный опыт может способствовать определению тех условий, какие необходимы в бою, чтобы использовать в полной мере физические силы войсковых соединений.

Много раз в Манчьжурии я находился в смертельной опасности, которую выносил без особого напряжения моральных сил и, напротив, чувство ответственности за порученное дело и подчиненных мне людей вызвало мозговую и нервную над собой работу. В Манчьжурии я нашел верных и искренных друзей, с которыми часто пришлось встречаться и в дальнейшей жизни; почти все они без исключения оказались такими же близкими, как и в былые дни боев. В Манчьжурии я встречал и выдающихся начальников, но видел и отрицательные примеры управления. Главное, я узнал по своему опыту, чем живет в условиях войны строевой офицер и как нужно было бы лучше использовать его высокие качества, внедренные в плоть и кровь его традиционным воспитанием.

В боевой обстановке узнал я русского солдата и казака. Презрение к опасности, дисциплинированность и вера в своего офицера-начальника были основными его качествами; без офицера он терялся. Сколько было случаев, что после доблестного поведения в бою с офицером во главе, при выбытии этого начальника из строя, подчиненная ему часть становилась трудно управляемой, неустойчивой и, в связи с этим, не представлявшей боевой силы.

Я вернулся в свой Лейб-Казачий полк. Встреча с полковыми товарищами была радостной и даже тро-

гательной. Все офицеры собрались в полковом собрании. За завтраком пришел командир, генерал Пономарев. Меня чествовали сердечно и дружно.

Все раненые офицеры, прибывшие в Петербург с театра военных действий, имели право личного представления Государю. Очень скоро и я получил из Главного штаба извещение, что в определенный день я должен прибыть на царскосельский вокзал, чтобы, в числе других офицеров, отправиться в Царское Село. По прибытии во дворец, нас выстроили по старшинству чинов, и представлявший нас полковник генерального штаба предупредил нас, что, если у когонибудь из нас есть личная просьба к Императору, то она должна быть подана после представления в виде прошения на Высочайшее имя и это прошение в тот же день будет доложено Государю.

Точно в назначенный для представления час я стал на правом фланге. Подойдя ко мне, Государь улыбнулся — видно было, что он меня узнал. Задав мне несколько вопросов о службе в действующей армии, моем ранении и, пожелав мне успеха в дальнейшей службе, он продолжал свой обход.

Затем ко мне подошла Императрица. Еще до этого, разговаривая с представлявшим нас полковником, в то время как со мной говорил Государь, она издали мне улыбнулась и, видимо, что-то говорила обо мне. Она подала руку для поцелуя и очень долго со мной беседовала. Сначала задавала трафаретные вопросы о войне, об обстоятельствах ранения и очень была изумлена, увидев на мне шесть боевых наград. Вспомнила время, когда я был ее камер-паж и, улыбаясь, напоминала мне мою неловкость, когда я на крещенском выходе поскользнулся и оборвал трен ее платья. Но что меня поразило больше всего, — она говорила по-русски совершенно свободно, лишь с легким английским акцентом. Перед тем как перейти к другому офицеру, она сказала, что надеется меня скоро увидеть. Но этого не случилось — больше ее я никогда не видел.

***

Несмотря на то, что в академии я до войны прослушал почти весь первый курс, с положенными практическими занятиями, и лишь не держал переходных экзаменов, меня на старший курс не перевели, а снова зачислили на младший. Мои товарищи, с которыми я поступил в академию, были уже на третьем дополнительном курсе. Таким образом, поехав на войну, я потерял два года, вследствие чего, по службе генеарльного штаба, я оказался моложе их на два года. Справедливость, казалось, требовала восстановления старшинства участников Японской войны откомандированных от академии, но этим никто из начальства не занимался, да и мало кто этому сочувствовал. Так или иначе, но через год я перешел на старший курс, еще через год — на дополнительный и окончил академию первым.

Продолжение дополнительного курса в академии заключалось в выполнении нескольких тем. Одна из них была статистического характера. Это было описание Западного Китая. Тема скучная и не обещавшая мне получить достаточного количества материалов для ее разработки. Китай был мало исследован и мне приходилось пользоваться главным образом консульскими донесениями, которые удалось получить в генеральном штабе.

Однажды, ко мне зашел соратник по Японской войне, офицер генерального штаба, Александр Михайлович Крымов и, узнав о моих затруднениях найти нужные мне материалы для моей работы, посоветовал мне обратиться к генералу Куропаткину, который несколько раз бывал в Западном Китае. Крымов в то время писал для генерала Куропаткина, по его заметкам, четвертый том его воспоминаний и часто посещал генерала. Старый товарищ моего отца, генерал Куропаткин, встречая меня в Манчьжурии, сказал как-то мне, что сожалеет, что я не бывал у него в доме в Петербурге. Я получил приглашение к завтраку и вместе с Крымовым пошел к генералу. Это посещение было для меня очень интересным. Куропаткин много рассказывал о своем пребывании, еще в младших чинах, в Туркестане и о своих поездках и рекогносцировках того именно района, который я должен был разбирать в своей работе. Припоминаю хорошо один из его рассказов.

Однажды, он получил задание отправиться с сотней казаков в Кашгар к местному правителю, имевшему фактически полную самостоятельность, с целью добиться от него исправления пограничной линии к северу от Памира. Куропаткин разбил лагерь недалеко от ставки хана, но тот отказался его принять и лишь время от времени посылал своего переводчика с извинениями. Переводчик передавал, что хан не может его принять сейчас, а должен приготовиться, дабы подобающе встретить посланника Русского Царя.

Куропаткин начал терять терпение, но, наконец, свидание все же состоялось. Вместо того, чтобы ответить на сделанное предложение о пересмотре границ, хан переводил разговор на другие темы и по существу вопроса упорно умалчивал. Ни привезенные подарки, ни любезные слова не помогли, и генерал стал сомневаться в успехе своей миссии. На всех приемах, как это обычно водится у восточных правителей, присутствовал его министр, который за все время переговоров не проронил ни одного слова. Но когда Куропаткин собирался уже в обратный путь, то к нему поздно вечером пришел этот самый министр и на чистом русском языке сообщил, что хан, по существу, не возражает против пересмотра границ и что все дело провалил он, его министр.Свое поведение в этом деле он объясняет тем, что ему пришлось, много лет тому назад, по политическим причинам покинуть Россию. Он обещал сейчас же провести вопрос в желательном для России духе, если генерал Куропаткин обещает, что его прошлое будет предано забвению и он получит разрешение вернуться в Россию. Генерал Куропаткин, естественно, дать такого обещаиня не мог, но согласился просить туркестанского генерал-губернатора возбудить о том ходатайство перед центральною властью. На этом дело было покончено и Куропаткин возвратился в Ташкент с письменным согласием хана на изменение границ.

Генерал Куропаткин подарил мне две его книги

о Западном Китае: они принесли мне большую пользу для моей работы. Но возвращусь к прерванной нити моих воспоминаний.

***

За три года моего пребывания в академии мне приходилось часто встречаться с бароном Петром Николаевичем Врангелем. По приезде из Манчьжурии он снова был переведен в Конную гвардию и собирался тоже поступить в академию генерального штаба. Он часто бывал у нас в Лейб-Казачьем полку, куда я его приглашал на наши ежемесячные обеды. Случалось нам приезжать в полк и внезапно. Тогда, по обычаю, вызывались наиболее близкие друзья, импровизировался ужин, появлялись трубачи и лилось шампанское. Врангель был чрезвычайно приятным товарищем на таких пирушках. Он очень веселился и заражал других весельем. Приглашал он и меня к себе в полк. В академию Врангель поступил в 1907 году, когда я проходил дополнительный курс. Он приходил ко мне "на темы" и всегда радовался моим успехам. Но с тех пор я его уже не встречал до самой гражданской войны.

Жизнь и служба моя в период Гражданской войны и после нее нас крепко спаяла, вернее, спаяла меня с судьбою Врангеля. Поэтому я хочу попытаться здесь охарактеризовать покойного друга не как всем известного вождя Белой борьбы, а как хорунжего 2-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска, с которым я одно время служил в Манчьжурии.

В сентябре 1904 года при штабе Командующего был сформирован отдельный разведывательный дивизион, куда были направлены особо отличившиеся в разведках офицеры и куда начальник моей дивизии генерал Самсонов назначил моего товарища по корпусу графа Велепольского и меня. Кроме нас там были три бывших гусара Его Величества — граф Стенбок-Фермор, Гревс и граф Велепольский, конногвардейцы — барон Врангель и граф Бенкендорф и мой одвокашник по Пажескому корпусу князь Радзивилл, бывший офицер британской армии. Помимо этих офицеров в дивизионе были: Нежинского драгунского полка корнет Орел, забайкальский казак есаул Лошаков и Дагестанского конного полка подъесаул Довогуев. Дивизионом командвал подполковник Дроздовский.

Петр Николаевич был в то время уже горный инженер, человек с большим кругозором и до мозга кости военный. Не пройдя юнкерской подготовки, а будучи произведен в офицеры по экзамену из вольноопределяющихся, он получил строевую подготовку в полковой учебной команде и в строю своего эскадрона Конной гвардии.

Характер у него был веселый, общительный и экспансивный. Всегда в хорошем настроении, он умел им заражать других. Любил шутить, слушать веселые рассказы, очень ценил остроумные крепкие слова и сам часто ими пользовался. Но больше всего Врангеля интересовали рассказы об удачных разведках и боевых эпизодах. Он обращал свое внимание на разные детали, которые ускользали от других слушателей. Любил и сам поделиться своими боевыми приключениями, а их у него было уже не мало. Критика его была всегда умеренной и благожелательной. С казаками был прост и доступен.

Однако, к начальникам относился он в зависимости от поведения их в боевой обстановке. Так, он был большим поклонником генерала Ренненкампфа, которого очень ценил за храбрость, стойкость, активность в бою, умение влиять на подчиненных. Уже тогда сказывалось стремление к оценке людей с известным преувеличением положительных или отрицательных их качеств. Для него они делились на "потрясающих" и на — "ни к чертовой матери". Середины у него почти не существовало. При своей, вообще, снисходительности к людям, первых он встречал много чаще, чем вторых. Но зато случалось ему менять свои впечатления о "потрясающих", и они неминуемо попадали в другую категорию.

В дивизионе Врангель был несомненно самой яркой фигурой. Большинство его очень любило, но были и такие, которых он беспокоил своей экспансивностью и жизнерадостностью.

Уже с первых же дней моего с ним знакомства мы сблизились. У нас было за войну много интересного, чем мы могли обмениваться в разговорах.

После Мукденского сражения, когда на фронте было затишие, наши передовые части и кавалерийские отряды производили по временам поиски и дальние разведки или наносили короткие удары. Дивизион разведчиков командировался несколько раз на такие операции. Тут мне приходилось действовать с Врангелем бок о бок уже в боевой обстановке. Он служил в сотне Гревса, куда был назначен и я. К Александру Петровичу Гревсу у нас обоих была искренняя привязанность. Это был редко симпатичный и доброжелательный человек. Всегда спокойный и очень храбрый в боях, он был прекрасным товарищем. К даваемым ему боевым задачам он относился необычайно серьезно и отличался редким упорством при их выполнении. Он был единственным из нас награжденным золотым оружием: он его вполне заслужил.

Спустя много лет после Японской войны мы все трое встретились во время Гражданской войны, при наступлении на Царицын, за стаканом чая. Вспоминали манчьжурские дни... Тут мы оказались в обратном порядке старшинства. Врангель, бывший в Японскую войну младшим среди нас, оказался во главе армии, Гревс из старшего оказался начальником дивизии, а я, по-прежнему, занимал среднее положение, командуя корпусом, подчиненным Врангелю, имея в составе моего корпуса Конно-горскую дивизию Гревса. С А. П. Гревсом мне пришлось встретиться и в эмиграции. Наша близость продолжалась до самой его кончины в русском госпитале в Вильжуифе под Парижем в 1936 году.

***

В декабре 1906 года я поехал на рождественские каникулы к родителям в Польшу. Отец служил в Петрокове. Там я познакомился со своей будущей женой.

тогда дочерью петроковского вице-губернатора. Приехал я к родителям и на пасхальные каникулы, и как раз, когда я у них гостил, отец получил телеграмму от Наместника на Кавказе, графа Воронцова-Дашкова, с предложением принять штаб Кавказского военного округа. В Тифлисе был только что убит бомбою начальник штаба округа генерал Грязнов и выбор Наместника остановился на отце, которого он до тех пор совершенно не знал.

Одновременно отец получил из Главного штаба предложение вступить в командование армейским корпусом. Положение командира корпуса было выше положения начальника штаба округа, но отец не считал возможным не отозваться на предложение Наместника, предложившему ему заместить только что убитого революционерами генерала Грязнова. Уже в начале лета отец был в Тифлисе, куда приехала и вся наша семья.

**
*

Спустя неделю, после окончания академии, мы представились Государю, и я в июне был откомандирован в штаб Кавказского военного округа. Нам предоставлялось право самим выбирать полк, в котором мы хотели командовать для установленного ценза ротой, эскадроном или сотнею. Я выбрал 1-й Хоперский казачий полк Кубанского войска, стоявший в Кутаисе.

Окончание дополнительного курса академии открывало мне возможность службы по генеральному штабу. Некоторые мои товарищи по курсу отказались от причисления к генеральному штабу и вернулись в свои части. Это были офицеры преимущественно гвардейской кавалерии, где прохождение службы обещало более скорое производство, чем в генеральном штабе. По существу, и я был в том же положении. Производство в Лейб-Казачьем полку после Японской войны стало очень быстрым. Я мог рассчитывать быть произведенным в полковники на 13-м году службы, тогда как по генеральному штабу меня могли произвести в этот чин только на 18-м году. Но я все же отказался от возвращения в полк. Главной причиной этому было мое желание не расставаться с родителями, которые потеряли моего младшего брата, окончившего Пажеский корпус, офицера л.-гв. Уланского Его Величества полка, умершего от воспаления почек; они потеряли умершими еще четырех детей, а когда умерла моя сестра, то моя мать надолго лишилась дара речи. Таким образом, я оставался единственным сыном; мы были очень привязаны друг к другу, что доминировало над карьерными соображениями. Несмотря на то, что я, помимо потери возможности быстрого производства, попадал в положение "папенькиного сынка", что не обещало мне нормального положения в Кавказском военном округе, я все же решил продолжать службу на Кавказе.

Эти мои строки указывают на известную несправедливость, существовавшую в нашей армии, для продвижения офицеров разных категорий. Гвардия, например, имела значительные преимущества. В гвардейской кавалерии производство шло по полкам, в пехоте — по дивизиям. Производство в капитаны и ротмистры зависело от открывающихся в полках вакансий. В одних полках эти вакансии открывались скорее, чем в других. Даже в гвардии были привилегированные полки. Если полк был дорогой, т. е., если офицеру требовалось нести большие расходы полковой жизни, то офицеры выбывали гораздо чаще, чем в других. Таким образом, наличие материальных возможностей обеспечивало скорейшее прохождение службы. Наконец, полки, в которых служили офицеры родовитых фамилий, имели и другое преимущество. При крупных связях, многие из них назначались флигель-адъютантами к Государю и, хотя продолжали службу в полках, но считались не занимавшими в них вакансий, что открывало путь производства для очередных офицеров.

В корпусе генерального штаба все офицеры производились строго по выпускам из академии. Не было случая даже во время войны, чтобы до производства в полковники этот порядок нарушался. Но уже дальнейшая служба их была нерегулярной, — полки они получали неровно. Кто шел по "казачьей линии", те получали полки много раньше других. Дольше всех задерживались офицеры, шедшие по "кавалерийской линии".

В армии, т. е. в армейской пехоте и кавалерии, производство осуществлялось по общим армейским спискам. Роты и эскадроны офицеры получали на 18-20-м году службы; в штаб-офицеры попадали еще лет через 10, а то и больше; полки получали в пехоте только счастливцы; производство в генералы было для них почти закрыто; только война давала эту возможность.

Высшее командование, конечно, сознавало эту несправедливость офицерского продвижения по службе, но она была создана при образовании нашей регулярной армии и имела за собой историческую обоснованность.

Генеральный штаб не пользовался в офицерской среде тем уважением, которое он заслуживал. Промахи некоторых из офицеров генерального штаба рядовое офицерство зачастую обобщало и на каждого готово было смотреть как на "момента". Под этим словом подразумелось некоторое "высокомерие" офицеров генерального штаба, "далекость" их от строевой жизни и знакомство только с теоретической стороной управления войсками. Такие, конечно, были, но их было едва заметное меньшенство. Когда офицерству приходилось сталкиваться с командирами частей из офицеров генерального штаба, проявлявшими меньшую зависимость от начальства, то оно отдавало им предпочтение и считало часто их лучшими командирами и в мирное время, и в боях. Высшие начальники из офицеров генерального штаба оказывались так же более решительными и независимыми. Но были, повторяю, и существенные исключения. Гражданская война подтвердила выдающуюся роль генерального штаба. Все главнокомандующие фронтами ее, за исключением адмирала Колчака, были офицерами генерального штаба.

Имея пример работы и деятельности моего отца,

для меня было особенно ценным вступить в среду генерального штаба, что я и делал не без гордости.

***

В июне месяце 1908 года я приехал в Тифлис и явился в штаб округа, к которому был прикомандирован в качестве "причисленного к генеральному штабу". Начальником штаба был генерал Берхман, всегда служивший на Кавказе и прекрасно его знавший. Генерал-квартирмейстером штаба, т. е. руководителем отделов службы штаба, ведающих подготовкой к войне, разведкой о вероятном противнике, обучением войск и службой генерального штаба — был только что прибывший из России генерал Юденич. Во время Японской войны он командовал стрелковым полком; его боевая деятельность в Манчьжурии была отмечена награждением его золотым оружием; во время боев под Сандепу он тяжело был ранен в ногу.

Хотя официально наши войска на Кавказе составляли Кавказский округ, но они называли его не иначе как Кавказская армия. Все войсковые части со времени завоевания Кавказа неизменно участвовали в рядах кавказских действующих армий — в войнах против турок и при покорении западного и восточного Кавказа. Они сроднились между собой в боях и экспедициях и, не зная поражений, были горды своим прошлым. В полках сыновья офицеров сменяли отцов. Целые поколения зачастую служили в одном и том же полку. Семейные традиции переплетались с войсковыми. Родные часто служили в соседних частях; дружба между ними шла и по родственной линии и по боевым воспоминаниям. В Кавказской армии нельзя было увидеть той обособленности, какая замечалась в России между родами войск. Создавалось, так называемое, "куначество". Стоило частям встретиться на маневрах или в других командировках, как начиналось взаимное посещение, праздники, товарищеские обеды и знакомства с новыми офицерами.

В Кавказской армии служило много офицеров из грузин, армян и татар. Но в офицерской среде никогда не проявлялось розни или группировок по национальному признаку. Общегосударственная идея и верность присяге были для всех руководящими основами офицерской ориентации. Во время революции 1917 года только незначительная часть офицеров пошла на пополнение национальных формирований. Многие из офицеров кавказских национальностей пошли добровольцами в армии Корнилова, Деникина и Врангеля.

***

Ко времени моего приезда в Тифлис Наместника на Кавказе не было. Он, как обыкновенно, выезжал на лето в свое тамбовское имение, где оставался до поздней осени. За время его отсутствия обязанности Наместника исполнял мой отец. Генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, Наместник Его Императорского Величества на Кавказе, был необычайно красочной фигурой. Происходивший из старинного русского рода, он был последний вельможа, в лучшем смысле этого определения. Мой отец ценил его чрезвычайно высоко. Правда, что в это время здоровье графа уже пошатнулось; ему было свыше семидесяти лет, но его еще совсем светлая голова хранила глубокий ум и большой государственный опыт.

Он рассказывал моему отцу, что молодым офицером вел почти бурный образ жизни, и только благодаря быстрому продвижению по службе ему пришлось угомониться и войти в петербургскую аристократическую среду, которую он до этого избегал и которая, говорил он, от него сторонилась. После десяти лет службы он достиг генеральского чина. Участвовал в Туркестанских походах, получив орден св. Георгия, и в Турецкой войне. Занимал затем высокие должности и, не будучи офицером генерального штаба, одно время был начальником штаба Петербургского военного округа, сохранив затем пожизненно мундир генерального штаба. Император Александр III-й был очень скуп на приближение к себе придворных, но к графу Воронцову-Дашкову питал искренне дружеские чувства. Он его сделал министром Двора. Царская семья была для семьи Воронцова-Дашкова — дружественной и близкой.

Наместник имел громадное состояние. Он никогда не брал положенного ему большого содержания — оно все шло на благотворительные цели. В общении с людьми Наместник умел привлекать всех обаянием своей личности. Стоило кому-нибудь из его политических недоброжелателей с ним встретиться, как происходило коренное изменение отношений.

На июль и август штаб округа переходил в дачное место около Тифлиса — Коджоры. В это время года в Тифлисе и днем, и ночью стояла нестерпимая жара. Раскалившиеся за день дома не давали прохлады и с заходом солнца, все, кто только мог, покидали город. Но из всех учреждений только штаб округа имел возможность пользоваться этим дачным местом. Там ему принадлежали большие площади с многочисленными дачами. Коджоры находились на соседних с Тифлисом высотах, значительно превышавших долину Куры, что создавало прекрасные климатические условия, и очень много состоятельных людей Тифлиса переезжали туда же.

Моему отцу была нанята обширная дача, в которой мы все свободно разместились. На доклады "гражданские" моему отцу приходилось спускаться в город, но иногда помощник Наместника по гражданской части и начальник канцелярии приезжали в Коджоры, чтобы избавиться, хотя бы на время, от тифлисской жары.

В штабе округа мне была дана очень интересная и серьезная работа по составлению в кратком военно-статистическом изложении, по имевшимся материалам, описания вероятного театра военных действий с граничащей с нами Турцией. Описание это предназначалось как руководство для будущего командующего Кавказской армии. К концу июля я закончил эту работу, которая была заслушана особой комиссией с генералом Юденичем во главе.

В августе состоялась в Коджорах моя свадьба. Венчание происходило в маленькой коджорской церк-

ви. Многочисленные гости не имели возможности в ней разместиться и находились в саду рядом. Пел казачий хор конвоя Наместника, славившийся на весь Кавказ; им управлял известный казачий регент Колотилин. В саду нашей дачи были расставлены два больших шатра для угощения гостей. После свадьбы мы с женой поехали на Минеральные Воды по Военно-грузинской дороге. Мне приходилось много раз ездить по этому пути и каждый раз он оставлял во мне новые впечатления. Мне казалось, что я знал уже каждый изгиб дороги, каждый подъем и спуск.

В бытность мою в штабе Кавказского округа наше начальство много раз возбуждало ходатайство о постройке, так называемой "перевальной" дороги, которая должна была связать Тифлис с Владикавказом. Но никогда наши проекты не встречали отклика в Петербурге, который предпочитал иметь железную дорогу по Черноморскому побережью, которая соединяла бы Туапсе с Поти. Несмотря на всю стратегическую важность "перевальной" дороги, она так и не была построена, но железная дорога Армавир-Туапсе с начала войны была доведена до Сочи.

В начале сентября я вернулся в Тифлис для участия в подвижных сборах, происходивших в районе Тифлиса, и был прикомандирован к штабу Кавказской кавалерийской дивизии, в состав которой входил Нижегородский драгунский полк. В полку было много моих товарищей по Пажескому корпусу и я часто посещал их. По окончании этих сборов я должен был выехать в Кутаис в штаб-квартиру 1-го Хоперского полка Кубанского казачьего войска для командования сотней для ценза. Срок этого командования был — два года.

***

В ноябре я явился командиру полка, которым был тогда полковник Фидаров, осетин по происхождению. В составе Терского казачьего войска находилось несколько осетинских станиц, которые давали много офицеров для службы в терских полках. Некоторые из них оказались способными офицерами и многие достигли крупного положения в армии. Генералы Абациев и Баратов командовали на Кавказе во время Первой мировой войны корпусами, а Фидаров отдельным отрядом в Персии.

Поначалу отношение офицеров ко мне было скептическое. Я был, во-первых, "моментом", а, во-вторых, "папенькиным сынком". Это же отношение проявил ко мне сначала и Фидаров. Но скоро все переменилось. Моя сотня стала выделяться среди других; сам я получил в призовых стрельбах все полковые призы — и за стрельбу из винтовки, и за стрельбу из револьвера. В джигитовке у меня не было соперника. Фидаров, который поначалу был готов к некоторой снисходительности ко мне, стал, напротив, особенно строг. Он сам мне говорил потом, что, если бы он отдавал мне должное по справедливости, то его неминуемо стали бы считать начальником-покровителем сына помощника Наместника. Собрал я скоро полковые призы и на скачках.

В начале января 1909 года одна сотня нашего полка предназначалась для отправки в Тифлис в распоряжение генерал-губернатора. Она должна была принять участие в охране города и служить для спешных командировок. Революционные вспышки на Кавказе продолжались и край был еще на положении "чрезвычайной охраны". Фидаров назначил для этой командировки мою сотню. Думаю, что на этот раз он хотел доставить мне возможность жить в Тифлисе с моими родными.

Перед принятием сотни я был озабочен покупкой себе лошади. В Тифлисе я не мог себе найти подходящей, почему я решил поехат в Ростов, где начался сезон скачек. Взяв с собою казака, я приступил к поискам и в результате нашел чистокровную кобылу, которая меня вполне удовлетворяла. Хотя казаки избегали ездить на кобылах и даже считали это предосудительным, но мне кобыла очень понравилась и я ее решил приобрести. Каково же было мое изумление, когда я узнал, что ее хозяином является никто другой как полковник Гилленшмидт командир Нижегородского полка. Я мог бы ее купить и не выезжая в Ростов. Кобыла эта была прекрасных кровей и мне удалось ее скоро объездить. Она мне служила все два года моего пребывания в Хоперскому полку.

Осенью ежегодно в Кутаисе производились полковые скачки. Тогда же там устраивались скачки местного скакового общества. В 1909 году я принял участие в этих скачках. Я выиграл полковую скачку и обе джентельменские скачки скакового общества. Полковой приз заключался в большой серебряной вазе, которую я подарил офицерскому собранию, получив от полка взамен золотой жетон. Пробыл я в Кутаисе около недели и за это время опять вошел в полковую жизнь мирного времени армейского казачьего полка, соприкасавшуюся с провинциальной жизнью небольшого губернского города.

Кутаис, довольно чистенький город, расположен на реке Рионе среди виноградников и субтропической растительности. Почти во всех садах, окружающих дома горожан, росли пальмы и магнолии. Город находился в самом начале долины Риона, являющейся самым дождливым местом России — дожди там шли круглый год. Но они не были так тягостны, как в других районах, так как быстро прекращались, правда, чтобы после недолгого просвета начаться снова. За эти просветы все успевало высохнуть под влиянием солнца, сильно греющего даже зимой.

Офицеры полка жили все по частным квартирам. Состав офицеров был очень разный. Старшие офицеры имели, в большинстве, вид глубоких провинциалов, чему способствовала своеобразная организация казачьих войск. Каждый отдел (округ) войска выставлял в мирное время действующий конный полк, но одновременно он должен был при мобилизации выставить в армию еще два полка — второй и третьей очереди. Для этих полков войско держало кадры, пополняемые офицерским составом за счет действующих первоочередных полков. Этим офицерам почти не приходилось заниматься строем: они уходили в станичную жизнь, занимались своим хозяйством и отставали от военной службы. Но молодежь, в большинстве, кончившая кадетские корпуса и кавалерийские

училища, представляла другое уже поколение, имевшее среднее образование и хорошее воспитание. Когда в полку устраивались вечеринки, общие обеды, то эта разница бросалась в глаза.

В отличие от гвардейских полков, в армейских частях дамы приглашались в офицерское собрание, где устраивались танцевальные вечера, спектакли и другие увеселения. Дамский элемент тоже можно было разделить на те же две категории. Наш командир Фидаров очень много поработал, чтобы спаять офицеров, развить в них спортивный дух и приобщить к общественной жизни. Сам он был вполне светским человеком. Он прослужил долго в Тегеране в составе Персидской казачьей бригады, руководимой нашими офицерами, и, вращаясь постоянно среди местных дипломатов, он приобрел большой опыт в сношениях с людьми большой культуры. Он хорошо усвоил также характер персидских правителей и населения, что позволило затем кавказскому начальству его использовать для назначения начальником нашего отряда, назначенного для оккупации Ардебиля.

Общественная жизнь в Тифлисе была очень развита. В отличие отчужденности в Польше и Финляндии польских и финских кругов от русских семей и служилого класса, на Кавказе существовало в этом отношении полное единение. Многие русские семьи породнились с грузинами и армянами, некоторые приобрели собственность. Жизнь на Кавказе, с его прекрасным климатом, красотами природы и общительным характером населения, привлекала русских людей. Кто туда попадал на службу, охотно там оставался навсегда. Материальные условия жизни были более благоприятны, чем в других местах России, а кавказское гостеприимство создавало легкость сближения. Это способствовало образованию особых, русских по крови, людей — "кавказцев", которые были крайне привязаны к этому прекрасному краю. Если служебное продвижение перекидывало "каказцев" в другие места России, то их всегда тянуло обратно, и начинались просьбы о переводе их снова на Кавказ.

Общественно-светская жизнь в Тифлисе группировалась по преимуществу около дворца Наместника. Графиня Воронцова-Дашкова устраивала еженедельные приемы, на которых сходились все представители тифлисского общества. Среди грузинского высшего общества в свое время пользовались особым уважением три заслуженных генерала — князя Амилахвари, Амираджиби и Чавчавадзе. В мое время князь Чавчавадзе уже был на покое и, состоя генерал-адъютантом Государя, жил в Тифлисе; князей Амилахвари и Амираджиби уже не было в живых, но офицерство и общество часто их вспоминало. Все трое были прославленные герои турецких войн и с воспоминаниями о них связывалась история доблестных полков Кавказа.

Дом моего отца был центром, но в нем группировался преимущественно русский элемент. Собирались обыкновенно по вечерам к вечернему чаю. В распоряжении отца был прекрасный двухэтажный дом, в одном из верхних крыльев которого поместился я с женой. Вся обстановка приемных комнат была казенной. Дом был обставлен со вкусом и довольно богато. Во многих комнатах, как это было принято почти на всех кавказских квартирах, стояли по стенам тахты покрытые прекрасными коврами. Одна комната, служившая курильной, с коврами по стенам, была отделана в восточном вкусе. За домом был небольшой сад, в котором почти круглый год цвели многочисленные розы. Перед садом была широкая веранда, служившая три времени года столовой. В одном из флигелей были службы. В прихожей ютились дежурные казаки. У отца был кроме того еще один постоянный казак, сопровождавший его при всех выходах из дома и при всех поездках. С 1909 года им был Павличенко, судьба которого была совсем незаурядной; с ним мне пришлось часто встречаться во время Гражданской войны и в эмиграции.

В казенном театре у отца была литерная ложа. Она имела позади две комнаты. Одна представляла маленькую гостиную, другая как бы столовую. В течение театрального сезона наша семья, обыкновенно, не пропускала ни одного представления и отправлялась в театр вместе с постоянно нас посещавшими гостями; в эти дни вечерний чай подавался в столовой ложи.

***

Командование сотней в Хоперском полку оставило во мне необычайно хорошие впечатления. Каждый офицер, достигший известного положения на службе, всегда считал самым счастливым временем своей карьеры командование полком. Это вполне понятно. Командир полка мог в полной мере проявить свою волю, свои способности и индивидуальность, находясь во главе полка, в котором он был почти полным хозяином. В таком же почти положении я оказался и при командовании сотней, находившейся в отделе. Меня инспектировали только командир полка и его помощники. В мою деятельность в подготовке сотни к боевой работе и в методы обучения они входить не имели возможности, находясь вдали от Тифлиса. Кроме того, связанный еще службой охраны и разными командировками, я имел возожмность уклоняться от разных ограничительных инструкций, объясняя это особыми обстоятельствами моей службы. Но фактически служба охраны занимала у меня мало времени; занятия в сотне я мог вести нормальным порядком и натаскивал сотню очень хорошо.

Командир полка обращал большое внимание на хорошие тела конского состава, что вызвало со стороны командиров сотен воздержание от частых конных учений. Но я на тела лошадей не обращал внимания. Я предпочитал иметь неважные тела лошадей, но подготовить сотню в полной мере, и не было дня, чтобы я не выходил на конные учения.

Будучи хорошим джигитом, я и своих казаков натаскал в джигитовке так, что на кавалерийском сборе в 1910 году на состязательной джигитовке всех десяти казачьих полков принимавших в ней участие, первые два приза получили мои казаки.

В том же 1910 году, однажды, меня вызвал по тревоге, прибывший из Петербурга генерал Ширма,

бывший командир л.-гв. Атаманского полка, командированный генералом-инспектором кавалерии, для производства инспекторского смотра. Он смотрел мою сотню на полковом плацу Нижегородских драгун. При всех упражнениях по рубке и джигитовке я шел во главе своей сотни вместе со своими офицерами. Ширма остался очень доволен моею сотнею; в приказе генерала-инспектора кавалерии моя сотня была особо выделена как показавшая исключительную подготовку, а мне лично была объявлена благодарность.

Однажды в Тифлисе моя сотня была вызвана для поисков разбойников, напавших на одно из предместий Тифлиса. Так как точных данных в каком направлении ушли после налета бандиты, я ни от кого получить не мог, то мне пришлось для охвата большого района разделить сотню на две части. С одной полусотней пошел я сам, с другой отправил моего офицера Богацкого. Уже недалеко от Тифлиса я услышал стрельбу и пошел на выстрелы. Оказалось, что Богацкому удалось перехватить разбойников на привале. Они открыли огонь, но были окружены и перебиты; насколько помню, только одного взяли живым. Эта шайка уже давно безнаказно работала и полиции не удавалось напасть на ее следы; бандиты обнаглели и уже не принимали должной предосторожности, почему они легко достались Богацкому.

Мои занятия с казаками, особенно в начале моего командования, повидимому, их сильно утомляли. Не успевали они их закончить, как начиналась вечерняя чистка лошадей. Затем они шли к ужину, потом на перекличку и ложились спать. Однажды, ко мне обратился один из моих офицеров и доложил, что в разговоре с вахмистром он вынес впечатление о сильном утомлении людей. Это заставило меня призадуматься, и я сократил продолжительность учений.

По своей натуре, я старался быть к казакам внимательным; многие приходили ко мне со своими личными нуждами, иногда интимного характера. Насколько мог, я им всегда помогал. Когда я сдал сотню, то, однажды, получил из Кубанского войска бумагу с постановлением Суворовской станицы, пополнявшей большую часть моей сотни, об избрании меня "почетным казаком" их станицы. По положению такое постановление должно было быть утверждено верховной властью, что и было сделано в 1912 году.

В 1910 году я сдал сотню и дружески распрощался со своими казаками и с Хоперским полком. Меня сердечно провожали офицеры в Кутаисе, причем молодые высказывали надежду увидеть меня в будущем их командиром полка. Во время войны, когда я уже вступил в командование 1-м Черноморским полком Кубанского казачьего войска, я получил из штаба армии предложение переменить полк на 1-й Хоперский. Но я не нашел возможным это сделать, хотя половину офицерского состава Хоперского полка хорошо знал по времени командования сотней. Впоследствии выяснилось, что об этом офицеры полка просили начальника дивизии возбудить ходатайство о моем назначении их командиром.

(Продолжение следует)

Из записок и воспоминаний о первых днях революции в 1917 году

Граф П. М. Дунин-Раевский

(Окончание)

12 марта. Воскресенье.

Уехал я из Могилева в отпуск с Безобразовым. За мое отсутствие в Петрограде произошло мало перемен: везде были красные флаги, население первничало от частых обысков, сопровождаемых часто кражею. С 28 февраля, со дня "великой и бескровной", дом моей матери несколько раз посещался пьяными солдатами, "охранявшими революцию и свободу" в Петрограде. В одно такое посещение они спросили ее: "А где ваш муж, — генерал?"

— Он уже давно умер — ответила моя мать.

— Как жаль, мы его бы арестовали...

Искали и меня, как офицера, и моей матери грозили наганом, несмотря на ее преклонный возраст. Я в это время был в ставке в Могилеве.

Первые четыре дня в Петрограде было изобилие во всем. Новое правительство выбросило на рынок имевшиеся запасы хлеба и продуктов питания, но эти запасы быстро иссякли. Подвоз ухудшился, сельскохозяйственные имения громились, помещиков убивали, и в столице уже ощущался полуголод.

В то же время петроградский гарнизон, состоявший почти сплошь из запасных, постановил, что никто из них на войну с немцами не пойдет, а останется в Петрограде "охранять свободу". Людей хватали и сажали в тюрьмы неизвестно почему. В Кронштадте взбунтовались матросы; они не признавали Временное правительство и убили лучших офицеров, как говорили, по списку, полученному от немцев.

По приезде в Петроград я должен был, как офицер, зарегистрироваться в здании Армии и Флота и, получив бумаги, надеялся, что все пройдет в порядке и благополучно. Как-то я зашел в Яхт-клуб на Большой Морской улице и там застал Великого Князя Николая Михайловича, известного историографа, издавшего так великолепно свои известные труды. На груди у него был большой красный бант. Он мне рассказал, что когда он получил от главы Временного правительства, князя Львова, письмо, адресованное

"бывшему Великому Князю Николаю Михайловичу", он свой ответ адресовал: "бывшему князю Львову".

14 марта. Вторник.

Я ужинал у моего приятеля Павла Александровича Демидова, когда пришел муж моей сестры, князь Михаил Гагарин, предупредить меня, что дома у моей матери меня ждет офицер с четырьмя солдатами, чтобы меня арестовать. Я простился с хозяевами и сейчас же пошел домой. Я спросил офицера, что за причина, почему меня арестовывают. Офицер ответил, что не знает, но потом прибавил, что меня, может быть, освободят через полчаса, так как возможно, что это ошибка. Не будучи оптимистом, в "полчаса" моего ареста я не поверил и из предусмотрительности спросил, можно ли мне взять с собой старое пальто, зубную щетку и мыло. Это было мне разрешено.

В сопровождении офицера и четырех солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками, меня, как опасного преступника, посадили в автомобиль и отвезли в тюрьму при комендантском управлении на Инженерной улице. Таврический дворец, куда поначалу свозили арестованных был ими переполнен до отказа. Вскоре появился Безобразов, тоже арестованный, и мы оказались в камере, где уже находились двое; один из них был сумасшедший, сбежавший из Николаевского госпиталя, а второй, — полицейский, еще до революции посаженный за кражу.

Четыре твердые койки, маленький стол были единственной мебелью в нашей камере. На окне была железная решетка, а в двери было маленькое окно, через которое за нами наблюдал часовой запасной части Павловского полка. Дверь была заперта и на потолке висела сильная электрическая лампа, горевшая круглые сутки, что утомляло нам глаза.

Мне хотелось выяснить, что думают эти запасные л.-гв. Павловского полка,которые никогда на фронте и в боевой обстановке не были и не знали ее; захотелось мне понять их психологию в настоящий момент. Сперва я им предложил папиросы и мало-помалу разговорился с ними. Конечно раяговор я вел осторожно. Меня поразил образ "революционного" мышления этих, в сущности, деревенских парней, лиш несколько месяцев тому назад взятых на военную слажбу. Они рассказывали, как толпою они набрасывались на единичных своих офицеров и убивали их. По их мнению это было большим геройским подвигом...

После четырех дней томительного сидения наши родные получили разрешение нас навестить. От них я узнал, что Великий Князь Борис Владимирович находится под домашним арестом на своей даче в Царском Селе и что одновременно с нами, в Могилеве, были арестованы генерал Д. П. Сазонов, полковник П. Греков, капитан барон Эдуард Рудольфович Унгерн-Штернберг и личный секретарь Великого Князя швейцарец Иван Адольфович де Шаек. Арестованные были перевезены в Таврический дворец. Все они были обвинены проводником вагона поезда Походного Атамана в каком-то заговоре против Временного Правительства. Несмотря на наши просьбы, мы не смогли добиться, какое обвинение было против меня и Безобразова.

С каждым днем соседние камеры пополнялись новыми арестованными. Среди них было много морских офицеров, служивших в Белом море, а именно: два адмирала, пятнадцать офицеров и десять морских инженеров. Кроме вновь поступающих в тюрьму, как я уже упомянул, находились лица арестованные еще до революции, обвиняемые либо в воровстве, либо в немецком шпионаже. В нашу камеру однажды привели старенького полковника, командира резервного батальона где-то в дальней провинции; он был обвинен своими солдатами в том, что "кормил своих собак казенным хлебом" и... плохо ездил верхом.

Но были также и явные авантюристы. Так, один из них называл себя капитаном Корни-де-Бад и потомком французских эммигрантов. Позже выяснилось, что он был простой солдат по имени Корнеев. Он рассказывал, что был волонтером в Лейб-Гусарском полку (что было ложью) и затем во время революции согласно новому порядку был избран, якобы, в л.-гв. Финляндском полку капитаном и провозглашен комендантом городской думы. Его специальностью были обыски и аресты у "неблагонадежных" людей, то есть главным образом у бывших министров. Ему посвятил, между прочим, несколько строк в своих мемуарах граф В. Н. Коковцев, у которого он поживился. Нам он рассказывал, что он арестовал бывшего премьер-министра Штюрмера и тот, растроганный деликатным поведением "капитана Корни-де-Бад" умолял его принять в подарок чудную енотовую шубу. Получение таких подарков "защитниками свободы и революции" не были редкостью, это я знаю по собственному опыту. Позже, в Крыму, я тоже подарил прекрасное пальто человеку, пришедшему ко мне с ручной гранатой...

Попал в тюрьму "капитан Корни-де-Бад" так. В другом крыле комендантского управления произошли беспорядки: арестованные кричали, выражая неудовольствие против Временного Правительства, жаловались на еду и хотели выломать дверь. Комендант перепугался и телефонировал л.-гв. в Финляндский полк, прося помощи. Явился самозванный капитан Корни-де-Бад с пулеметами, дал выстрел в воздух и водворил порядок. Комендант его благодарил и долго жал ему руку. Но на следующий день "Корни-де-Бад" был посажен под арест в соседнюю с нами камеру. Оказывается, что, когда он от имени Временного Правительства производил обыски и аресты, он в то же самое время занимался попросту грабежом и имел неосторожность ограбить лицо близкое к Временному Правительству. Это влиятельное лицо подало жалобу и грабитель попал в тюрьму.

Второй авантюрист был иного рода. В начале революции Родзянко назначил его комендантом Таврического дворца и он от имени думского комитета производил аресты. Однако, случайно выяснилось, что он немецкий агент и его посадили в камеру, близкую от нашей. Я забыл его имя.

На десятый день нашего пребывания в тюрьме Безобразова и меня вечером повезли на допрос к военному прокурору. Мы очень обрадовались этому, на-

конец-то мы узнаем, в чем мы провинились и в чем нас обвиняет "народная" власть.

Надо сказать, что в начале революции прежний военный прокурор, чувствуя себя в небезопасности, куда-то скрылся, и писаря его управления, где он был начальником, избрали прокурором его помощника полковника Апушкина, а Временное Правительство дало ему чин генерал-майора. Для нас это было

Автор воспоминаний в форме подъесаула 5-го Уральского казачьего полка в 1917 г.

весьма хорошо, так как на его место мог быть избран писарь, ночной сторож или швейцар...

Генерал Апушкин принял Безобразова и меня, каждого в отдельности. Напустив на себя строгий вид, он сказал:

— Обвинительный акт сотника Раевского еще не составлен, но прочтите обвинение против вас всех, поданное господином Колбановым, проводником вагона-ресторана поезда Походного Атамана, и объясните мне, в каких отношениях вы были с ним?

— В никаких отношениях я с ним не был, ваше превосходительство. Я даже его не помню, но быть может он был когда-нибудь обижен, что я ему не дал достаточно на чай...

Я принялся читать обвинение в том, что шесть лиц в штабе Походного Атамана в Могилеве, а именно, — генерал Сазонов, полковник Греков, капитан Унгерн-Штернберг, сотник Раевский, прапорщик Безобразов и И. А. де Шаек:

1) скрывали у себя в поезде министра Протопопова, переодетого в женское платье;

2) устроили склад баллонов с удушливыми газами для перевозки их в Петроград, чтобы удушить все Временное Правительство и председателя Государственной Думы Родзянко;

3) хотели в Двинске устроить прорыв для немецких войск, для чего имели намерение отвести русские войска;

4) сотник Раевский совещался с генералом Сазоновым, запершись в купе вагона; все разговоры Колбанов подслушал у двери.

Затем выяснилось, что Колбанов свое обвинение подал в могилевский совдеп, тот переслал это обвинение в совдеп в Петроград, а последний передал его министру юстиции Керенскому, который приказал арестовать всех шестерых, вышеназванных "заговорщиков".

Когда я дочитал до конца эти четыре страницы, я, смеясь, обратился к генералу:

— Ваше превосходительство, да ведь все это шутка?

На это он мне со строгим видом сказал:

— Первый пункт обвинения я отбрасываю, так как бывший министр Протопопов был арестован в Петрограде 28 февраля и заключен в Петропавловскую крепость, следовательно он у вас в поезде не мог быть... Относительно же второго и третьего пунктов напишите объяснение в вашу защиту, а также изложите подробно ваши конфиденциальные разговоры с генералом Сазоновым, — и он дал мне бумагу и перо. Тут же он еще прибавил:

—Хотя обвинения несколько натянуты, но мы, во всяком случае, должны их внимательно обсудить, иначе наша прокуратура уронет свой вес в глазах новой власти...

— Все это очень хорошо, — ответил я, — но почему мы должны страдать, арестованные и сидящие в тюрьме по явно ложному обвинению? Справедливо ли, что мы должны стать жертвою любого лгуна? Я хочу подать в суд на Колбанова и привлечь его за клевету и ложное обвинение...

— Этого вы не можете сделать, — ответил мне прокурор, — старые законы отменены, а новых еще нет. Своей жалобой вы вызовете только раздражение среди солдат и рабочих и ухудшите свое положение...

Нам ничего не оставалось делать, как доказывать свою невинность во вздорном обвинении. Все мои товарищи по этому глупому доносу прошли через такой же допрос. Впоследствии мы узнали, что генерал Апушкин искал среди других служащих железной дороги свидетелей, которые могли бы дать доказательства против нас, но несмотря на свои старательные попытки никого не нашел.

После допроса под сильной охраной нас снова

отвезли в нашу камеру, где мы продолжали коротать дни в нудном безделии.

Казачьи депутаты Государственной Думы, Караулов и Харламов, а также наши семьи хлопотали в нашу защиту. Войсковой старшина Максимов не побоялся лично пойти в совдеп; он также посетил не только нас, но и арестованных в Таврическом дворце. В. А. Маклаков, который был нашим адвокатом и вел некоторые дела моей матери, как видный представитель кадетской партии, обращался к министру юстиции Керенскому и просил за меня, но и из этого ничего не вышло.

Единственным нашим развлечением было чтение газет и пятнадцатиминутная прогулка по галерее, огражденной от внешнего мира высокой решеткой. В день похорон "жертв революции", кажется это было 24 марта в пятницу, нам сказали, что может случиться, что толпа, участвующая в этой похоронной процессии, ворвется в тюрьму комендантского управления и нас растерзает. Тесня друг друга, мы просовывали наши головы между железными прутьями нашего окна и могли видеть на перекрестке Инженерной и Садовой улиц, как толпа проходила с красными гробами и красными флагами, направляясь на Марсово поле. Наши часовые, все те же запасные л.-гв. Павловского полка, недоброжелательно посматривали на нас, но все обошлось благополучно.

В ночь с 30 (воскресенье) на 31 марта, в половине первого, когда все спали, я был разбужен и мне сказали, что я свободен. Таким образом, просидел я в тюрьме семнадцать дней. Только неустанная энергия моей матери и нескончаемые ее хлопоты смогли достигнуть этого. Она ночью явилась к коменданту и предъявила ему документ о моем освобождении. Все ее мысли были заняты только мною, — как меня освободить. Какое счастье было с ней выйти на улицу свободным человеком, вернуться домой в свою комнату, принять ванну и лечь спокойно спать.

Два дня после моего возвращения домой, остальные пять арестованных были тоже освобождены. Все мы были злы и возмущены происшедшим. Больше всех негодовал генерал Сазонов: он хотел, чтобы Колбанов был арестован и чтобы его судили за клевету. Но сделать это было не только трудно, но просто невозможно. Произошло обратное: за свою "заслугу" Колбанов из проводников вагона был назначем помощником начальника Николаевского вокзала в Петрограде, чем обеспечил себе дальнейшую карьеру...

Когда мы были арестованы, то газеты о нас писали всякий вздор и, конечно, когда нас освободили, то умолчали об этом. Генерал Сазонов хотел, во что бы то ни стало, чтобы газеты напечатали сообщение о нашем освобождении, однако, они ему в этом категорически отказывали, очевидно они просто боялись заступиться за лиц, подозревавшихся в "контрреволюции" и обвиненных на основании явно ложного доноса. Наконец, ему удалось добиться своего, — вечерняя газета "Биржевые Ведомости" в № 16183 от 4 апреля 1917 года напечатали статью, озаглавленную: "Арест Великого Князя Бориса Владимировича и его штаба": в ней автор статьи говорил об обвинении, какое было возведено на нас, о нашем заключении в тюрьму и о последовавшем затем нашем освобождении.

Мы были свободны, но никакой гарантии не было в том, что в любой момент нас смогут снова арестовать, предъявив нам прежнее обвинение, так как о нашем освобождении не было официально сообщено штабу Ставки в Могилев в совдепе которого загорелся весь сыр-бор...

Генерал Сазонов добился через казачьих депутатов Государственной Думы, чтобы была послана следующая телеграммы: "Действующая армия, Ставка, генералу Смагину. Петроград № 127499, 1/4, 2245. Министр юстиции, согласясь с моим мнением, приказал, чтобы дело о генерале Сазонове, полковнике Грекове, капитане Унгерн-Штернберге, сотнике Раевском, прапорщике Безобразове и г. Шаек было бы прекращено и чтобы вышеназванные лица были освобождены, для чего было послано вам предписание военным министром 30 марта 1917 г. за № 1588. Генерал-майор Апушкин".

Это все, чего можно было добиться у новых властей и нашу защиту.

Что же касается Походного Атамана, Великого Князя Бориса Владимировича, то ему вскоре удалось получить от Временного правительства разрешение поехать к своей матери, Великой Княгине Марии Павловне в Кисловодск на Северном Кавказе. Здесь благодаря белым партизанам, руководимым полковником Шкуро, им удалось избегнуть расстрела большевиками и уехать затем за границу во Францию. Как известно скончался Походный Атаман всех казачьих войск в Париже 8 ноября 1943 года.

ПО ПОВОДУ ПЕРЕВОРОТА 3- ИЮНЯ 1762 ГОДА

Граф П. М. Дунин-Раевский просит сделать дополнение к списку офицеров гвардии, получивших награды после переворота 3 июня 1762 года (см. статью В. Л. Волкобруна в «Воен.-Историч. Вестника» № 29). В этом списке не был упомянут Николай Семенович Раевский (1741-1771), коему «для оказания его к службе ревности и прилежания» в октябре 1763 г. был дан патент на чин прапорщика, подпоручика и поручика л.гв. Измайловского полка. Текст этого патента был сообщен полк. Борисевичем в его труде — «Генерал Раевский» СПб., 1912, стр. 6.

РЕДАКЦИЯ

Мобилизация промышленности

И. Боборыков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследования в организационной секции Института изучения проблем войны и мира, состоящей под председательством заслуженного профессора Императорской Николаевской военной академии генерала-лейтенанта Гулевича (1), различных вопросов войны 1914-18 гг. и тех изменений, которые были вызваны ею в организации военной мощи государства, столкнули нас с вопросом той недостачи военного снаряжения, которая обнаружилась в первые же месяцы войны в армиях всех воюющих держав.

Меры принятые для восполнения той недостачи, последующий перевод всей национальной промышленности на работу для армии, затруднения, встреченные при этом, и те мероприятия, с помощью которых эти затруднения были преодолены, наглядно показали необходимость заблаговременной подготовки всей национальной промышленности к тем требованиям, которые может предъявить к ней грядущая война. А это неминуемо выдвигало вопрос о разработке известных теоретических оснований такой подготовки, точнее, разработки известной теории мобилизации промышленности.

Известная теория мобилизации промышленности ныне выработана. Курсы ее в военных академиях и национальных учебных заведениях существуют. В литературе встречаются указания на существование различных по тому вопросу работ, являющихся основанием современной доктрины или ее обещающих. Но возможность надлежащей постановки мобилизации промышленности и то влияние, которое она может оказать на весь ход военных действий, побуждают военную власть покрывать эту теорию покровом тайны, изымать более разработанные данные из мирового обращения и ставить возможность приобретения таких руководящих печатных трудов в зависимость от специальных разрешений, каковых добиться русскому эмигранту почти невозможно.

Поэтому, при подготовке настоящей работы нам пришлось изучить по целому ряду источников историю мобилизации промышленности в минувшую войну, отыскивая по крупицам в различных, исследующих экономические вопросы, трудах и извлечь из них все могущее послужить для выработки теории мобилизации промышленности. Соединение этих данных в одно общее целое дало известную теорию, охватывающую вопросы подготовки промышленности к войне, к полному переводу ее с производства мирного времени на ту работу, которую потребует от нее государство с наступлением вооруженного конфликта.

Сообразно с произведенной работой и наш труд в своем изложении разделяется на две части.

Первая часть представляет собою рассмотрение мобилизации промышленности в минувшую войну в различных отраслях военного производства вместе с теми данными, которые могут быть полезны при разработке теории мобилизации.

Вторая часть представляет собою теорию подготовки мобилизации промышленности. В ней мы, начав с исследования положения различных факторов промышленности в военное время, рассматриваем общую организацию военной промышленности, устройство военно-промышленного административного аппарата и заканчиваем вопросом детальной разработки мобилизационного плана промышленности.

Вся эта работа была заслушана и обсуждена в общих собраниях Организационной секции Института изучения проблем войны и мира и по одобрении ее вынесена на широкий свет в докладах и лекциях.

ИСТОЧНИКИ

Ев. Святловский. Экономика войны. 1926.

Шиголин. Подготовка промышленности к войне. 1928.

П. Шоров. Влияние экономики на исход мировой войны. 1928.

Е. Хмельницкая. Военная экономика Германии в войне 1914-18 гг.

Проф. Н. Данилов. Экономика и подготовка к войне. 1926.

Проф. Гулевич. Война и народное хозяйство. СПб, 1898.

С. Вишенев. Экономическая подготовка Франции к будущей войне. 1928.

Е. Борсуков. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении.

Проф. Букингем. Военно-хозяйственная политика.

А. Маниковский. Военное снабжение русской армии в Мировую войну.

Н. Сулейман. Тыл и снабжение действующей армии. 1927.

Война и транспорт (строение транспорта и снабжений). Сборник статей, составил Святославский. 1927.

П. Миронов. Боевое снабжение русской армии в 1914-18 гг. и роль участия в нем заграничного рынка (рукопись составленная на основании материалов Лондонского комитета).

Козлов. Инженерное снабжение русской армии в войну 1914-17 гг.

Ген. Гармониус. Война и промышленность. Пильзен, 1925.

G. Olphe. Histoire économique et financière de la guerre 1914-1918. Paris, 1925.

A. Fontaine. L'industrie française pendant la guerre. Paris, 1925.

Général Serrigny. Réflexions sur l'art de la guerre.

Lt Colonel Reboul. Mobilisation industrielle. T.1, 1825.

Sloyd. Experiments of stores control. Oxford, 1924.

Edwin C. Eckel. Coal, iron and war. London.

---

1) Эта статья была написана И. И. Боборыковым в 1935 г. — Редакция.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мобилизация промышленности в России и Франции во время войны 1914-1918 гг.

Основной целью мобилизации промышленности является обеспечение выработки всевозможных предметов вооружения и снаряжения в количестве достаточном для удовлетворения всех потребностей действующей армии. Потребности же эти при современном вооружении настолько велики, что работа военных заводов мирного времени их удовлетворить не в состоянии. Приходится расширять область этого производства, привлекать к нему заводы и фабрики, работающие в мирное время в других отраслях промышленности и устанавливать известный порядок, который обеспечивал бы правильное ее функционирование и предупреждал бы возможность какого-либо перерыва в ее работе.

Область военной промышленности, от работы которой зависит благосостояние действующей армии требует особого внимания правительства и его руководства; тогда как в других отраслях, не имеющих того значения, возможно сохранение известной свободы и самодеятельности даже во время войны.

Затруднения с военным снаряжением, происшедшие во время минувшей войны во всех воюющих армиях, и те меры, которые приходилось принимать, показали какое значение имеет надлежащая постановка промышленности в деле военной мощи государства и насколько от нее зависит и сам ход военных действий. В этом отношении показательны сношения маршала Жоффра с французским правительством. В них он постоянно ставит зависимость возможных операций от деятельности французской промышленности. Успешность действий зависит от имеющегося вооружения и боевых запасов. Недостаток последних и малое производство заводов принуждает его останавливать успешные операции, отказываться от использования одержанного успеха или же совсем не предпринимать данной операции.

Опыт Великой войны по переводу гражданской промышленности на военное производство, все те затруднения, которые при этом испытывались, все те недостатки, которые обнаруживались, наконец, достигнутые результаты дают нам возможность установить известные положения и меры, которые должны быть предприняты в мирное время, чтобы облегчить и ускорить промышленную мобилизацию в момент опасного положения и объяления войны.

В нашей работе мы рассмотрим возможно подробно мобилизацию гражданской промышленности на опыте Франции, который будет для нас достаточно показательным, т. к. довоенная Франция не обладала достаточно развитой промышленностью и во многих случаях ей пришлось натолкнуться на те же затруднения, какие встретились и в России. Близость промышленных соседей, Англии и Америки, дали ей возможность легко изжить затруднения, пополнить свое заводское оборудование и наладить необходимые отрасли производства.

Сопоставление же этих данных с данными промышленной мобилизации России даст нам возможность учесть чисто русские условия и особенности и сообразно с этим наметить известные положения, которые должны будут лечь в основу промышленной политики при ликвидации советского наследия и возрождения национального государства.

ЗАГОТОВКА РУЧНОГО ОРУЖИЯ. ВИНТОВКИ.

Французская ружейная мануфактура в Сен-Этьене и Пюто задолго до войны прекратила выделку ружей образца 1886 года. Все оборудования и инструменты были переделаны и приспособлены для выделки других предметов. Из других типов ружей, бывших на вооружении французской армии эти два завода накануне войны выпускали "мускетоны" (50 шт. в день) и "колониальные" винтовки (100 шт. в день). Мобилизация армии дезорганизовала и это производство, т. к. часть персонала ружейных мастерских была призвана в строй.

Наличность ружей во французской армии в момент объявления войны была следуючая: в частях и на складах состояло —

2.800.000	ружей Лебеля (обр. 1886 г.)
380.000	"мускетонов" (обр. 1892 г., для прислуги пешей артиллерии)
220.000	карабинов.

По окончании мобилизации в резерве осталось около 180.000 ружей Лебеля и 1.200.000 ружей Гра (обр. 1874 г.). Пограничное сражение и отступление армии на Марну сопровождалось большой утратой вооружения. Часть его была попорчена и утрачена в боях, часть была брошена во время отступления. В результате этого на 15 декабря 1914 г. вооружение французской армии состояло: 1.300.000 ружей на фронте, 350.000 в арсеналах и 50.000 в Африке.

Ружей не хватало ни для вооружения частей, ни для обучения солдат. Запасные части для обучения ружейным приемам вооружили 11 мм. ружьями Гра, дав в каждую часть несколько ружей Лебеля для учебной стрельбы.

Попытка приобрести ружья за границей не увенчалась успехом, ибо были продавцы, но не было товара. Предлагаемые ружья оказались либо мифом, либо непригодны для французской армии.

Единственным возможным решением вопроса была постановка производства достаточного количества ружей в самой стране на ее заводах. После первых же сражений начали востанавливать производство государственных мануфактур. Но это восстановление шло медленно вследствие утраты оборудования и навыка, а также и части технического персонала. Положение же на фронте с оружием все ухудшалось. Правительство обратилось тогда с призывом к гражданской промышленности.

Выделка ружей сопряжена с большими трудно-

стями и требует очень сложного оборудования. Рабочий персонал должен обладать известным опытом и сноровкой, т. к. требуется очень большая точность работы. Гражданская промышленность нашла выход из затруднения в том, что производство ружья было разделено на производство отдельных его частей. Каждый завод получил на свою долю выделку только определенной части. Вследствие этого легко было справиться и с приспособлением оборудования и с приобретением известного навыка рабочим персоналом. Лишь позже некоторые крупные промышленники оборудовали мастерские для выделки всего ружья. Так, автомобильная фирма Делоне-Бельвиль смогла довести свое производство до 500 ружей в день. Всего же за время войны гражданская промышленность доставила Франции до 800.000 ружей. Все принятые меры повели за собой постоянное увеличение производства ружей. Выходы их достигали:

45.000 — в августе 1915 г.
50.000 — в сентябре "
55.000 — в декабре "

102.000 — в июле 1916 г., после чего ввиду ликвидации кризиса было установлено постоянное производство в 70.000 ружей в месяц.

Всего за время войны во Фданции было выделано:

Ружей образца 1886 г.	—	220.000
"Мускетонов", обр. 1892 г	—	480.000
Кавалерийских карабинов	—	50.000
Ружей типа 1907-1915 гг.	—	2.113.000
Полуавтоматических ружей 1917 г.	—	30.000

Главное затруднени, с которым приходилось встретиться при постановке ружейного производства — это необходимость найти рабочих, привыкших к работам точной механики и могущих быстро усвоить навык, столь необходимый при той точности, которая требуется от различных частей механизма ружья. Таких рабочих импровизировать невозможно, а необходимо готовить заблаговременно в предприятиях, занятых производством механизмов точной механики.

Положение русской ружейной промышленности мало чем отличалось от положения французской. В последние перед войной годы вся деятельность русских оружейных заводов была направлена на изготовление всего чего угодно, кроме ружей. Выделка ружей совершенно упала. Последние перед войной три года использование оружейных заводов по своему непосредственному назначению составило от 7 до 12 процентов нормальной производительности. В последний же перед войной год Тульский завод изготовил всего 16 винтовок. В результате такого положения ружейное производство исчезло. Люди расплылись, станки приспособлены для других работ, навыки, игравшие столь важную роль при выделке всех деталей оружия, были забыты.

Наши оружейные заводы были расчитаны на годовую производительность так: Тульский — 250.000 ружей, Ижевский — 200.000 и Сестрорецкий — 75.000, т. е. всего — 525.000 ружей.

Так как выделка перед войной была ничтожна, то этой предусмотренной производительности она могла достигнуть только при затрате большого количества времени. Если мы рассмотрим кривую роста производительности ружей, то мы увидим, что этого расчитанного максимума производства они достигают только на десятом месяце войны. Увеличение же предусмотренных норм производства до двойной величины требовало полуторагодичной работы. Эта медленность расширения производства ружей русских казенных заводов была следствием целого ряда причин.

Основными причинами такой медленности явилось полное отсутствие планов и предположений по переводу ружейных заводов на производство военного времени, а также призыв в армию рабочих специалистов и техников. За отсутствием надобности в ружьях заводы в мирное время выполняли всяческие заказы военного ведомства, что и повлекло за собою соответствующее изменение оборудования и утрату навыка. Призыв же рабочих в ряды армии вызвал настоящий кризис. Пришедших на их место пришлось заново обучать, что при большой смене персонала, вызванной первой мобилизацией, представляло собою большие трудности. Все же попытки Главного артиллерийского управления возвратить этих рабочих из армии на заводы встретили отказ Главного управления генерального штаба, считавшего, что такая мера произведет отрицательное впечатление на армию. Только в 1915 г. удалось получить четырехмесячную отсрочку призванным новобранцам-рабочим для обучения их заместителей.

К этим главным причинам нужно еще прибавить: 1. Затруднения в наборе даже чернорабочих, особенно во время сельскохозяйственных работ. 2. Необходимость постепенного перевода тех заказов, которые выполнялись до войны оружейными заводами на другие заводы и фабрики. 3. Необходимость ремонта порченных ружей, которые не могли быть исправлены войсковыми мастерскими. 4. Формалистика, связанная с деятельностью казенных заводов, от которой они были освобождены только после семи месяцев войны. 5. Возложение на самый большой Тульский завод форсированного производства пулеметов.

В момент объявления войны на вооружении русской армии состояло:

трехлинейных винтовок пехоты	—	3.306.505
трехлинейных винтовок драгунских	—	530.898
трехлинейных винтовок казачьих	—	300.000
трехлинейных карабинов	—	118.000
а всего	—	4.255.403

Кроме того, требующих исправления пехотных, драгунских и казачьих винтовок было 133.718, а всего — 4.389.121.

Наша мобилизация и дальнейшие призывы в армию превысили все наши предположения. В течение первого года в ряды армии было призвано десять миллионов человек, т. е. почти вдвое больше чем имевшийся в наличии запас ручного оружия. Перед

войной полагали, что убыль ружей, происходящая от потери в боях и порчи легко будет покрываться производительностью наших ружейных заводов, мощность которых теоретически равнялась 525.000 ружей в год. На самом деле задачи ружейной промышленности оказались более широкими. Развертывание армии, непредусмотренные никакими планами, и связанные с ним новые формирования, большие потери оружия в боях, порча и утрата во время отступления поставили снабжающее ведомство перед необходимостью заготовок несравненно большего количества ружей.

Попытка наладить производство ружей на частных заводах не только в России, но и за границей — в странах с развитой промышленностью — не увенчались ожидаемым успехом. Показательны попытки дачи заказов иностранным заводчикам не только Россией, но и другими союзниками. Предложений поступало много. Контракты заключались, но сдачи по этим контрактам были незначительны. Франции пришлось прибегнуть к старым винтовкам Гра, Англия купила японские винтовки.

Американские же заводчики, взявшие в самом начале войны подряды на поставку ружей различным союзным армиям, получившие большие авансы на переоборудование и техническую помощь в виде командирования опытных экспертов-руководителей, не смогли справиться со своими обязательствами. Первые, сколько-нибудь, значительные поставки были сданы лишь в конце 1916-начале 1917 г., т. е. приблизительно полтора года после подписания контрактов.

Причина такого замедления везде была одна и та же: полная неподготовленность предприятия к данному производству. Как бы мощны не были предприятия, какой бы опытный технический и рабочий персонал они не имели при самом наилучшем и наиусовершенствованном оборудовании, всякая постановка нового производства требует известного периода времени для приспособления оборудования и приобретения "навыка" техническим и рабочим персоналом. А это еще усложняется при выделке оружия той совершенной точностью, которая требует от частей механизмов нынешнего машинного оружия. В то время как при постройке самых сложных машин в обычной жизни требуемая точность измеряется десятыми долями миллиметра, точность при выделке оружия определяется в сотых и тысячных долях, достигая в отношении некоторых частей абсолютной точности, получаемой их притиркой. В этом и состоит главная трудность ружейного производства, требующая большой дисциплинированности в работе и отличной сноровки.

Результаты мобилизации ружейного производства в странах Согласия выразились в октябре 1915 года: в России — 4.160 ружей, во Франции — 2.000, в Англии — 2.800 и в Италии — 2.200.

В августе 1917 г. это производство должно было быть доведено: в России — до 5.750 ружей, во Франции — 2.700, в Англии — 2.900 и в Италии — 3.000.

Максимальный предел, к которому стремилось Главное артиллерийское управление в расширении производительности наших оружейных заводов, было достижение к концу 1917 года ежемесячного выпуска:

с Тульского завода	—	75.000 ружей
Ижевского завода	—	75.000 ружей
Сестрорецкого завода	—	20.000 ружей
	а всего:	170.000 ружей.

Всего же за время войны было выделано:

в России	—	3.285.000 ружей[1])
Франции	—	4.193.000 ружей[2])
Италии и Англии	—	5.316.277 ружей[3])
Германии	—	2.500.000 ружей[4])

Рассмотрев данные о мобилизации ружейной промышленности в различных странах, мы можем прийти к различным выводам. Прежде всего основой ружейного производства во время войны могут явиться исключительно казенные и частные оружейные заводы, которые занимались выделкой ружей военного образца еще в мирное время. Расчитывать на использование в том отношении при мобилизации иных промышленных предприятий в высшей степени неосторожно: постановка производства на них требует такой затраты труда и времени, которые совершенно не оправдывают могущие получиться результаты. Таким предприятиям может быть поручена выделка тех частей ружья, которые не представляют особой сложности и не требуют большой точности.

Следовательно, при расширении вопроса о выделке ружей во время войны, должно расчитывать главным образом на расширение заводов, занятых этим производством в мирное время. Поэтому, все заказы ружей в мирное время должны справедливо распределяться между такими заводами для поддержания на определенной высоте навыка рабочего и технического персонала. Затем, должен быть выработан план расширения производства на случай войны и заготовлен необходимый запас соответствующего оборудования в виде машин и станков. Персонал на этих заводах в силу работы должен числиться в составе рабочей армии и совершенно освобожден от призыва в строй.

В организации самой же армии должны быть приняты известные меры к обеспечению войск достаточным количеством оружия. В основе своей меры эти должны состоять в хранении мобилизационного запаса достаточного не только для вооружения всех формируемых по мобилизации частей и команд, но и известного резерва для пополнения возможных потерь и утраты ручного оружия в боях начала войны на весь период времени необходимый для развертывания работы мобилизуемой промышленности.

Сам же офицерский и солдатский состав должен быть хорошо осведомлен, что запасы оружия в государстве не безграничны, что заменить утраченное оружие затруднительно и что, поэтому, ни бросать его, ни употреблять его для каких-либо других целей не позволительно. Затем, на войне принимались бы все меры к тому, чтобы своевременно подбиралось и сдавалось, куда следует, оружие брошенное на поле боя или

[1]) Маниковский. Военное снабжение русской армии в мировую войну.

[2]) Ребуль. Мобилизация промышленности. Т.Ь, стр. 65.

[3]) и [4]) Шоров. Влияние экономики на исход мировой войны. Стр. 71-76.

же оставленное ранеными на перевязочном пункте. Только при соблюдении всего этого возможно будет наладить снабжение армии ручным оружием и только тогда предусмотренного производства мобилизованных заводов будет достаточно для возмещения утраты оружия в боях и для вооружения вновь формируемых частей.

ПУЛЕМЕТЫ

Автоматическое оружие, применявшееся во время войны 1914-18 гг. обеими сторонами, сводится к трем основным типам: станковые пулеметы, ружья-пулеметы и автоматические ружья.

Основным автоматическим оружием во всех армиях являлся станковый пулемет.

Сражения начала войны выяснили все значение пулемета в пехотном бою. Он являлся той основой боя, который наносил неприятелю потери, приклеивал его к земле, принуждал прекратить атаку. Это значение его в бою выдвинуло вопрос об увеличении количества пулеметов в частях. Малоподвижность же станкового пулемета и необходимость дать легкую и подвижную огневую машину наступающим ротам вызвало сконструирование более легкого и подвижного ружья-пулемета, а затем и автоматического ружья.

В результате такого прогресса в этой области к началу 1918 г. весь легкий огневой бой ведется почти автоматическим оружием. Отдельный стрелок с винтовкой служит лишь для окружения и прикрытия своих огневых машин от всяких случайностей.

Такое увеличение машинного оружия в частях вызвало громадную в нем потребность, так что промышленности пришлось не только заботиться о пополнении убыли, бывших в наличности при объявлении войны пулеметов, но и значительно увеличить это количество, как в виде новых, выработанных согласно требованиям армии типов.

Французская армия имела на своем вооружении в момент окончания мобилизации 2.000 пулеметов в действующих и 3.000 в запасных частях и крепостях; они были исключительно типа Пюто, очень сложного и дающего много задержек. Только некоторые колониальные части были вооружены более удобным и простым пулеметом Гочкиса.

Первые бои и неудачи повлекли за собой большую утрату пулеметов. К 15 сентября 1914 г. войска первой линии потеряли 800 пулеметов, т. е. почти половину всего своего состава. Пополнение этой потери было произведено запасными частями, но сами запасные части не могли оставаться без пулеметов, столь необходимых для обучения и тренировки людей.

Кроме того, и в будущем можно было ожидать такие же большие потери. Необходимо было спешно наладить соответствующее производство. Этот вопрос был поставлен в первую очередь. Вся тяжесть его разрешения легла на существовавшие казенные мастерские, которые пришлось расширить и увеличить. Частная промышленность оказать сразу особой помощи не могла: только в середине войны удалось организовать выделку пулеметов на некоторых заводах. Результат всех принятых мер начал ощущаться в конце 1915 года . Серийное же производство удалось наладить значительно позже.

Результат всех усилий французской промышленности по развитию производства пулеметов за все время войны выразилось в следующих цифрах. Французские заводы дали Франции и ее союзникам: 40.000 пулеметов типа Пюто, 48.000 — типа Гочкиса, 2.000 — типа Викерса и 4.500 станковых пулеметов типа Льюиса, а всего — 94.500 пулеметов.

Со второго года войны начинается производство ружей-пулеметов, а в конце 1917 г. автоматических ружей. До перемирия французские заводы поставили 225.000 ружей-пулеметов и 30.000 автоматических ружей.

Результаты достигнутые французской промышленностью в этой области замечательны. Вырабатывались, испытывались и вводились в армию в достаточном количестве новые виды машинного оружия сообразно тем требованиям и заданиям, которые ставила действующая армия.

Несравнимым было положение в России. Мы уже указывали на трудность выделки винтовок и почти невозможность расчитывать на производство их по мобилизации на гражданских заводах. Выделка же пулеметов еще труднее, т. к. механизмы их гораздо сложнее; части их требуют большой точности и должны выделываться очень тщательно. В России же до войны не было частных предприятий способных справиться с подобной задачей. Фактически все производство пулеметов во время войны легло на пулеметное отделение Тульского оружейного завода, которое, несмотря на уход в армию мобилизованных рабочих-специалистов, блестяще справилось со своей задачей. Вообще вся его работа по увеличению производства пубеметов в высшей степени показательна.

Русская армия выступила в 1914 г. на войну, имея пулеметное вооружение равное таковому в других европейских армиях по норме два пулемета на батальон. По основному плану, выработанному в 1910 г. нашим Генеральным штабом и расчитанному на выполнение в пять лет к 1 января 1915 г., русская армия должна была иметь в пулеметных командах пехоты и кавалерии 4.288 пулеметов. Кроме того, по дополнительным указаниям Главного управления генерального штаба, данным до войны, для пулеметных команд Финляндских стрелковых бригад, Заамурского пограничного округа, Сибирских стрелковых дивизий и крепости Владивосток — предназначалось 248 пулеметов и еще десять процентов запасов военного времени, т. е. 454 пулемета, а всего 4.990 пулеметов.

Программа 1910 года была выполнена в срок. Недостаток этой программы был чрезвычайно скупой расчет потребности в пулеметах. Не были предусмотрены потребности остающихся в тылу запасных частей, — ни военных школ, готовящих офицерский состав, ни вообще потребность в пулеметах, связанная с обучением и тренировкой вновь призванных запасных и новобранцев.

Сравнивая распределение пулеметов во французской и русской армиях, мы видим, что в первой, при той же степени насыщения частей, в тылу оставалось

60 процентов; в России же фактически все пулеметы должны были отправиться на фронт, вследствие чего с первого же месяца войны начали чувствоваться затруднения.

Первые же боевые столкновения показали важное значение пулеметов. Ясна была необходимость увеличить прежние нормы и придать каждой части значительно большее количество пулеметов.

В середине 1915 г. был разработан план расширения пулеметных команд. Решено было снабдить к 1-му января 1918 г. пехотные части, из расчета — два пулемета на роту. Согласно этому плану, на вооружении всей армии должно было состоять в 616 полках пехоты и 226 полках кавалерии — 21.760 пулеметов, в запасных частях — 750 и 50 процентов запаса, а всего — 33.365 пулеметов.

В наличности же в армии на 1 октября 1915 г. состояло всего 2.195 пулеметов. Таким образом, для выполнения намеченной программы необходимо было изготовить 31.170 пулеметов. Эта цифра значительно увеличивалась пулеметами необходимыми для замены утраченных или пришедших в негодность. Учесть нормальную потерю пулеметов ни у нас, ни на Западном фронте нет никакой возможности. Вся война 1914-17 гг. прошла под знаком увеличения численности пулеметов в частях, а также большого количества вовых формирований, так что, имея точные данные о подаче пулеметов в армию, мы никак не можем определить, сколько из них пошло на создание новых огневых единиц и сколько на замену пришедших в негодность или утраченных пулеметов. Относительные же данные, учитывая вместе и опыт Западного фронта, позволяют нам полагать, что (при наличности тяжелых боев и попеременных удач и неудач) мы можем считать необходимость замены имеющихся в строю пулеметов должна быть равной 75-90 процентов в год. Отсюда вытекает, что мобилизованная мощность пулеметной промышленности должна, по меньшей мере, быть равной имеющейся в армии наличности пулеметов.

Для удовлетворения всей потребности армии в пулеметах в России имелся только один Пулеметный отдел Тульского оружейного завода с мощностью производства в 700 пулеметов в год, т. е. около 60 пулеметов в месяц. Потребность в пулеметах заставила обратить все внимание на расширение их производства. В декабре 1915 г. завод увеличил все производство в 9 раз, а к концу 1916 г. его производительность увеличалась в 20 раз и достигла величины — 1.200 тяжелых пулеметов в месяц.

Нужно отметить, что такое расширение совершенно не предвидилось перед войной и происходило в условиях ухода по мобилизации в армию специалистов и в приобретении и установке всего необходимого для расширенного производства. Благоприятным же фактом явилось то, что в момент объявления войны завод работал полным ходом по выполнению программы 1910 года. Технический и рабочий персонал имел достаточный опыт и навык, почему так успешно протекло и самое расширение производства. Всего же во время войны пулеметное отделевие Тульского завода поставило в армию 27.927 пулеметов.

ПАТРОНЫ

Скорострельность магазинного ружья и пулемета поставила во всей своей величине вопрос о заготовке и снабжении ружейными патронами. Фактически носимый и возимый запас их может быть выпущен в очень короткий промежуток времени. В упорных боях расход патронов достигает огромных цифр. На Западном фронте были бои, когда пулемет в течение часа выпускал 9.000 патронов. Учитывая же все число введенных в современный бой людей и пулеметов, мы легко можем себе представить — каких огромных величин может достигнуть общий расход патронов.

Разрешение вопроса о достаточном снабжении ручного оружия патронами ставит перед нами необходимость предварительного выяснения основных предположений — времени потребного для полного пуска в ход производства ружейных патронов, величины необходимого их запаса, обеспечивающего армию до окончания мобилизации производства и, наконец, возможного среднего разсхода в месяц, опредеющего те задания, которые ложатся в основу мобилизационного плана патронных заводов.

Первый вопрос до известной степени выяснен был еще до войны. Французский мобилизационный план перед войной 1914 г., хотя и расчитывал провести войну на наличные запасы, учитывал все же необходимость известной мобилизации патронного производства. Согласно его предположениям французские патронные заводы на 20-й день мобилизации должны были достигнуть максимальной величины равной 2.500 патронов в день.

Сама постановка производства патронов с технической точки зрения не представляет особых трудностей. Вся работа сводится к ряду вытяжек мягкого и пластичного металла на простых ставках, при очень невысоких требованиях от рабочих, которыми в массе являются женщины. Вообще же вся работа производится на машинах, выполняющих все операции автоматически. Таким образом, весь вопрос сводится к наличию опытных руководителей, заблаговременной заготовке необходимых машин и станков и наличности достаточного количества сырья в виде пороха и соответствующих цветных металлов. При наличности этих условий было принято считать, что полное развертывание патронного производства потребует от 20 до 30 дней. Необходимый запас патронов должен учитывать это время и кроме того представлять собою достаточный резерв для тех боев, которые неминуемо начнутся по окончании развертывания и сосредоточения армии.

В России за основу исчисления ружейных и пулеметных патронов был положен отчет русско-японской войны. Мобилизационный комитет Генерального штаба в 1907 г. признал необходимым установить следующие нормы запаса.

На каждую винтовку полевой армии	— 1.000 пат.
На каждый войсковой пулемет	— 75.000 пат.
На каждую крепостную винтовку	— 2.000 пат.
На каждый крепостной пулемет	— 30.000-35.000 пат.

На основании этих норм согласно имевшимся налицо винтовкам и пулеметам должно было бы храниться 3.346.000.000 патронов.

К началу же войны 1914 г. общий запас ружейных патронов должен был бы выразиться, согласно этой норме: для 4.300.000 винтовок (по 1.000 патр.) — 4.300.000.000 и для пулеметов — 25.200.000, а всего — 4.552.000.000 патронов.

Но всевозможнейшие "разъяснения" уменьшили величину запаса для винтовок различного назначения., как-то, — ополченской до 200 патронов, конвойной до 30 патронов и т. д.; вследствие этого официальная цифра запаса перед войной равнялась 2.745.674.000, но налицо же было на 90 миллионов патронов меньше.

Нормальный средний месячный расход в разных армиях был различный. Фданцузская армия во время своего окопного сидения тратила в среднем пулеметных и ружейных патронов, при расчете всего расхода на количество ружей, до 40 патронов в месяц. Английская расходовала от 30 до 35. Если же попытаемся проследить расход русской армии, то найдем несравненно большие цифры, объясняемые затяжным кризисом с артиллерийскими снарядами, повлекшим за собой значительное увеличение ружейного огня. Если мы возьмем данные находящиеся в оправдательных документах снабжающего ведомства, то средний отпуск патронов достигал 150 патронов в месяц на ружье.

Если же проследим расход патронов по донесениям о расходе огневых материалов, то эта цифра сразу понизится до 70-75 патронов в месяц. Это явление объясняется тем, что многие части, боясь в трудную минуту остаться без патронов, заготовляли на своих стоянках целые склады, которые при спешных передвижениях бросали за отсутствием перевозочных средств.

В середине 1916 г. в связи с планом полного насыщения армии ружьями и пулеметами возможная месячная потребность в патронах на конец 1917 г. исчислялась следующим образом.

2.000.000 винтовок по 40 штук	— 80.000.000
26.000 пулемет. по 9.000 патр.	— 234.000.000
9.000 ружей-пулеметов	— 139.500.000
а всего	— 453.500.000,

т. е. в среднем 227 патронов на винтовку. Быть может эта цифра несколько преувеличена. У нас нет под рукою достаточно основательных данных для исчисления таковой потребности, тем более, что все увеличившееся во время войны количество машинного оружия требует для такого определения точных первоначальных данных.

На самом деле расход был значительно меньше всех этих расчетов; это видно из общей цифры имевшихся в русской армии патронов, цифры выведенной на основании точных документальных данных. Всего в распоряжение военного ведомства с начала войны и до 1 января 1918 года ежемесячно поступало:

первоначального запаса	— 2.446.000 [1])
русского производства	— 3.858.000 [2])
заграничного производства	— 3.802.000 [3])
Всего	— 10.106.000

Эта цифра дает нам возможность предполагать, что средний расход патронов в русской армии находился где-то в пределах 50-60 патронов на ружье.

Рассмотрим теперь как разрешался вопрос о заготовке ружейных патронов в войну 1914-17 г..

Запас патронов французской армии к началу войны равнялся 1.300 миллионов. В основе этого запаса лежал следующий расчет: расход патронов в боевых столкновения, которые должны были начаться по истечении 20-го дня мобилизации, не превзойдут 20 миллионов в день (300.000 человек по 1000 патронов на ружье). При таком расчете этот запас с избытком обеспечивал патронное питание французской армии более чем на 4 месяца. Предполагалось, что в течение первых трех месяцев закончатся большие боевые столкновения. Кроме того, еще в мирное время были приняты некоторые меры к увеличению производительности патронных заводов. С объявлением мобилизации они должны были начать расширять свое производство и довести его к 20-му дню мобилизации, — т. е. к предполагаемому началу боевых столкновений, — до выпуска трех с половиною миллионов в день.

В действительности потребление пехотой патронов никогда не достигало этой предполагаемой нормы, но промышленности пришлось пополнить все потери огневого материала, утраченного или приведенного в негодность во время боев и отступления осенью 1914 года, да и самая война окончилась не в три месяца, а в четыре года.

В начале 1915 г. недостаток пороха принудил временно уменьшить выпуск патронов. Но введение в армию машинного оружия и жестокие бои на фронте, связанные с большой тратой огневого материала, заставили французскую промышленность приложить все усилия к дальнейшему расширеную производства, достигшему максимального выпуска в семь миллионов патронов в день, превысив таким образом вдвое мобилизационные предположения.

Иное положение мы находим в России. Как мы уже говорили, норма нашего запаса не соответствовала тем положениям, которые были заложены в ее основание. Некомплект патронов в запасе заставил наши заводы работать полным ходом в последние перед войной годы. В этом был известный плюс, т. к. не нужно было тратить время на доведение выработки до намеченной цифры, но был и минус, т. к. эта полная производительность успокаивала сознание и на возможность нехватки патронов сразу не обратили внимания.

Перед войной в России было три патронных завода: два казенных — Петроградский и Луганский — и один частный — Тульский. Максимальная годовая производительность, при условии работы днем и ночью, исчислялась следующими цифрами:

[1]) Маниковский. Боевое снабжение русской армии.
[2]) Там же.
[3]) Миронов. Боевое снабжение. Т. ЬЬ, стр. 312.

Петроградский завод	—	250.000.000
Луганский	—	200.000.000
Тульский	—	100.000.000
Всего	—	550.000.000

Такая производительность, равная 50 миллионам в месяц считалась до войны достаточной для пополнения патронного запаса. На самом деле, действительный расход патронов был значительно больше и превышал довоенные предположения в 4-5 раз.

К зиме 1914 г. высшее начальство обратило внимание на возможность затруднений с ружейными патронами и потребовало увеличения выработки. При начале расширения производства мы сразу натолкнулись на целый ряд затруднений. Прежде всего не хватило ружейного пороха.

Производство русских пороховых заводов было строго согласовано с потребностями патронных и снаряжательных заводов. Увеличение патронного производства требовало увеличения пороха, которого не хватало. Были приняты меры, чтобы повысить его выделку на казенных заводах и частном, Шлиссельбургском, но все эти заводы не могли дать пороха более чем на 70 миллионов патронов в месяц. Был командирован в Японию генерал Гармониус, а позже в Америку генерал Сапожников для отыскания готового пороха или установки его производства. Результат этой командировки мог сказаться только через пять месяцев, когда начал прибывать порох, закупленный за границей. До получения его выпуск патронов не мог увеличиться и за эти пять месяцев было изготовлено всего 345 миллионов патронов.

Были затруднения и с цветными металлами. Один ружейный патрон требует латуни (60% меди, 40% цинка) 40 гр. и 8 гр. свинца, что при удвоении производства требовало в год 26.400 тонн меди, 17.600 тонн цинка и 8.800 тонн свинца. Между тем в 1913 г. было выплавлено во всей России (вместе с Царством Польским) всего меди 3.600 тонн, цинка 11 тонн и свинца 1.500 тонн. А эти же металлы в громадном количестве были необходимы и для не менее важного производства артиллерийских снарядов и других предметов военного снаряжения.

Покрывать недостаток в этих металлах закупками за границей было очень трудно, т. к. те же металлы для военного снабжения закупались огромными количествами всеми воюющими державами.

Несмотря на все эти затруднения наши патронные заводы довели до предела свою производительность путем максимального увеличения рабочего времени и установки новых комплектов оборудований. Работа русских патронных заводов в период войны выражается в следующих цифрах: производство в 1915 г. достигает одного миллиарда вместо предположенных 550 миллионов, а в 1916 г. выпускает полтора миллиарда, т. е. увеличивается в три раза против первоначальных предположений.

Если же сравнить результаты развертывания наших заводов с французскими, мы увидим, что расширение наших заводов шло успешнее. Французские заводы удвоили свои мобилизационные предположения, русские же их утроили. Эти достижения были максимальными. Все оборудование заводов было загружено до пределов, установка новых комплектов машин была невозможна вследствие недостатка места на территории заводов.

Дальнейшее увеличение заготовки патронов могло быть достигнуто только постройкой новых заводов. Постройка зданий, задержка с получением оборудования из-за границы, всякие осложнения с получением сырья затянуло это дело; частичное открытие строющихся заводов могло быть произведено только к середине 1917 года.

Рассматривая эти мероприятия, мы не можем обойти молчанием и наши заказы за границей. Условия нашего вооружения были таковы, что нам было невозможно обойтись без этих заказов. Кризис с ручным оружием возникший весной и летом 1915 г. и невозможность быстро изжить его отечественными средствами принудили русское правительство обратиться к загранице. Всюду отыскивались ружья и закупались, не считаясь с их системой. В результате, в конце 1915 г. на вооружении русской армии состояло: трехлинейных винтовок — 1.500.000,, винтовок Бердана — 360.000, Винчестера (русский патрон) — 100.000, японских Арисока — 410.000, Лебеля — 30.000, Гра — 300.000, Гра-Кропчока — 300.000, Веттерли — 300.000 и австрийских — 300.000. Всего — 3 мил. 600 тыс.

Такое пестрое вооружение сильно затрудняло заготовку патронов. Оборудовать специальные заводы для выделки патронов каждого типа не имело смысла, т. к. эту пестроту старались вообще изжить, постепенно заменяя винтовками русского образца. Для выделки же австрийских патронов было оборудовано специальное отделение на Петроградском патронном заводе. Японские патроны поставлялись английскими казенными заводами, которые были устроены в 1915 г. для питания английских частей, вооруженных японским ружьем, а с заменой последнего английским, продолжали работать для русской армии. Патроны для отдельных типов ружей старались получить из стран их выделки.

Таким образом все количество полученных из-за границы патронов слагается из следующих видов: японских Арисока — 767.562 тысяч, французских Лебеля — 100.000 тыс., Гра-Кропчока — 350.000 тыс., итальянских Ветерли — 400.000 тыс., американских Винчестер — 1.500 тыс. и английских Бифельд — 776.488 тыс., т. е. всего патронов для ружей иностранного образца: 2.395.550.000.

Кроме того, русских патронов для трехлинейной винтовки было получено: из Америки — 816.153 тыс., из Англии — 610.683 тыс. и из Японии — 7.000 тыс.

Общее количество патронов, таким образом, заготовленных за границей равнялось в круглой цифре — 3.830.000 тысяч, т. е. половине всех ружейных патронов, поданных в армию с начала войны до 1 января 1918 г.

Рассматривая все дело постановки выработки ружейных патронов, мы видим, что основной ошибкой было недостаточное определение возможной потребности. Наши заводы, как патронные, так и поставлявшие для них порох и подготовлявшие цветные металлы, бы-

ли расчитаны сообразно только с этой потребностью. Обстоятельства показали, что эта основная ошибка значительно затруднила и затормозила налаженную постановку производства в России.

Анализируя опыт войны, мы видим, что главная трудность увеличения производства патронов заключалась не в самом развертывании фабрикации, а в отсутствии достаточного количества сырья в виде пороха и цветных металлов.

(Продолжение следует)

Краткая памятка 14-й Артиллерийской бригады

Составил полк. В. А. Попов

Свое последнее наименование — 14-я Артиллерийская бригада — получила 26 апреля 1835 года, будучи переименовванной из 17-й, каковой номер она носила с 22 февраля 1834 года. До этого времени бригада именовалась — 25-й (с 20 мая 1820 г.), а еще раньше — 28-й (в 1817 г.) и 27-й (в 1814 г.).

Самые старые батареи в бригаде: 4-я, полковника Фигнера, батарея и 5-я были образованы 29 ноября 1796 года и первая из них первоначально именовалась "ротой майора Глухова Полевого артиллерийского баталиона генерал-лейтенанта Бригмана" (II-й Оренбургской инспекции, — г. Казань), а последняя — "ротой майора князя Цицианова Полевого артиллерийского баталиона генерал-майора Эйлера" (4-й Смоленской инспекции, — г. Несвиж).

Вследствие частых смен командиров и шефов, по фамилиям которых именовались в то время артиллерийские роты и батальоны, 4-я батарея до 26 апреля 1835 г. переменила 25 названий, а 5-я — до того же времени — 21.

До 1905 года, в состав бригады входила еще одна старая батарея, а именно — 1-я, которая в бригаде пробыла около 90 лет. Ее первоначальное наименование, которое она также получила 29 ноября 1796 года, было — "рота майора Кудрявцева Осадного артиллерийского баталиона генерала от артиллерии Мелиссино" (1-й С. Петербургской инспекции, — С. Петербург), но в указанном году весь ее личный состав был переведен сначала в 25-ю отдельную горную Восточно-Сибирскую батарею, а затем — в 52-ю Артиллерийскую бригаду. Вместо нее, 25 февраля того же, 1905, года была сформирована новая 1-я батарея, которая явилась в бригаде, по времени сформирования, самой молодой.

Остальные батареи бригады были сформированы: 6-я — 10 августа 1870 г., при переходе бригады от трехбатарейного к четырехбатарейному составу, а затем 2-я — 13 февраля 1873 г. и 3-я — 5 августа того же, 1873 года. Обе последние, — при переходе бригады к шестибатарейному составу.

Кроме батарей, которые входили в состав 14-й Артиллерийской бригады до последнего времени, а именно: 1-й (новой), 2-й, 3-й, 4-й полковника Фигнера, 5-й и 6-й батарей в ней в разное время состояли и другие батареи. Так, например, до 1839 года, — резервная № 2-го батарея, выделенная в том же году из состава бригады в 4-й Округ Новороссийских поселений; Облегченная № 6-го, — упраздненная 24 октября 1857 г. и, наконец, сформированная 2 июля 1855 г. Батарейная № 4-го батарея, которая в 1863 году, при переходе артиллерийских бригад снова к трехбатарейному составу, была переведена в 33-ю Артиллерийскую бригаду и образовала в ней 1-ю и 4-ю батареи этой бригады.

Батареи влились в бригаду не сразу, а постепенно: 23 сентября 1814 г. после уничтожения резервных и запасных артиллерийских бригад — 1-я, старая, батарея (из 2-й резервной) и 5-я оказались вместе и в одной 27-й бригаде. 26 сентября 1817 г. обе эти батареи, а также и, присоединенная к ним из 2-й артиллерийской бригады, Легкая № 4-го рота (впоследствии Облегченная № 6-го батарея) вошли в состав 28-й артиллерийской бригады и, наконец, 22 февраля 1834 г. к этим трем батареям (которые с 20 мая 1820 г. входили в состав 25-й артиллерийской бригады), при переходе батарей от 12-ти к 8-ми-орудийному составу, была присоединена, переведенная из 12-й артиллерийской бригады Легкая № 3-го рота под названием Легкой № 5-го батареи 17-й артиллерийской бригады (впоследствии 4-я, полковника Фигнера, батарея) и с этого числа все четыре батареи, утратив бывшее до сего название рот, вошли в состав 17-й артиллерийской бригады.

26 апреля 1835 г., в день получения бригадой № 14-го, в состав ее входили пять батарей: Батарейная № 3-го батарея (1-я старая), Легкая № 5-го (4-я батарея), Легкая № 4-го (5 батарея), Легкая № 3-го (упраздненная в 1857 г.) и резервная № 2-го (переведенная из бригады в 1839 г.) (1).

С 1834 года бригада была расположена в Бессарабии, а именно: штаб бригады и Легкая № 3-го батарея (Облегченная № 6-го) в г. Сороках и его окрестностях, Батарейная № 3-го (1-я старая батарея) в с. Котюжаны Сорокского уезда, Легкая № 4-го (5 батарея) в г. Рымник княжества Валахии и в окрестностях этого города, Легкая № 5-го (4 батарея) — в г. Оргееве и резервная № 2-го — в с. Рашков.

Все эти батареи, кроме Легкой № 5-го, только что возвратились из княжеств Валахии и Молдавии. Легкая же № 5-го прибыла из м. Мизирич Волынской губернии. Судя по тому, что последняя батарея

---

(1) №№ батареям давались по каждой артиллерийской дивизии. В 5-й артил. дивизии состояло три артиллерийские бригады: 13-я (Батарейные №№ 1-го и 2-го и Легкие №№ 1-го и 2-го), 14-я (Батарейные № 3-го и Легкие №№ 3-го, 4-го и 5-го) и 15-я (Батарейная № 4-го и Легкие №№ 6-го, 7-го и 8-го).

первоначально была направлена в г. Переяслав Полтавской губернии и только на пути туда (в г. Новограде Волынском, 13 мая) маршрут ее был изменен, можно предположить, что вначале всей бригаде намечались квартиры в Полтавской губернии.

В 1834 году, лагерь бригады, а также и практические артиллерийские стрельбы были в с. Нижние Жоры, Оргеевского уезда Бессарабской губернии (на Днестре), а с 1838 г. — под ст. Трафауцы, Сорокского уезда; с 1835 г. батареи бригады принимали участие на маневрах под крепостью Бендерами совместно с полками 14-й пехотной дивизии.

Первым командиром 14-й артиллерийской бригады был полковник Рерберг 2-й (с октября 1834 г.), а командирами батарей: Батарейней № 3-го (1-й старой) — подполковник Ярошевский 2-й; Легкой № 5-го (4-й батареи) — капитан Симановский 1-й; Легкой № 4-го (5-й батареи) — капитан Антонов; Легкой № 3-го (Облегченной № 6-го) — капитан Варакомский и Резервной № 2-го — капитан Беляев.

Несколько раз, как казалось, 14-я артиллерийская бригада навсегда оставляла Бессарабию, но в конце концов снова туда возвращалась. Впервые она ее покинула в мае 1840 года, когда по Высочайшему распоряжению она с 14-й пехотной дивизией назначена была в г. Ставрополь для расположения в окрестностях Военно-Грузинской дороги. Не дойдя до этого города она была остановлена и расположена по селам и хуторам этого округа (с. с. Николаевское, Троицкое, Покровское и хутора Самбек и Арсеновский), а в следующих, — 1841-1843 годах, — в окрестностях г. Орехова Таврической губ. и г. Александровска Екатеринославской. Пробыв опять на Кавказе — на этот раз в северном и нагорном Кавказе и Дагестане — с апреля 1844 г. по май 1846, бригада в 1846 году опять располагается в Таврической и Екатеринославской губерниях (Б. Знаменка, Падовка, Верхний Рогачик и с. Водяное), а в 1848 г., простояв июнь и июль месяц в Подольской губернии (Джурин, м. Зиньков, Бар и Шаргород), вторично возвращается в Бессарабию.

В 1849 году, по обнародовании манифеста о содействии австрийцам против восставших венгров, бригада идет в Трансильванию, а в марте следующего, 1850-го, года, после первоначального предположения о расположении бригады в Таврической губернии, ей назначаются квартиры в Бессарабии (г. Сороки, м. Атаки, Больш. Котюжаны, Оргеев), где она остается, однако, недолго, ибо в 1851 г. переводится в Таврическую губернию (с. Збурьевка, Казачий Лагерь, Голая Пристань, г. Алешки), где остается весь следующий, 1852-й, и начало 1853-го года.

В мае 1853 года часть бригады: Батарейная № 3-го батарея (1-я старая) и Легкая № 5-го (4-я батарея) со 2-й бригадой 14-й пехотной дивизии предназначаются для занятия Придунайских княжеств и действуют по линии Галац - Измаил - Браилов (на Дунае), а Легкие № 4-го (5-я батарея) и № 3-го (Облегченная № 6-го) батареи сначала держатся в окрестностях г. Одессы на случай десанта в Турцию (совместно с 1-й бригадой 14-й пехотной дивизии), а затем, 22 октября, перевозятся в Крым, где остаются весь 1854 и 1855 годы. Туда же прибыли и остальные батареи с полками 2-й бригады 14-й пехотной дивизии, но значительно позже.

С февраля 1856 года 14-я артиллерийская бригада находится вновь в Бессарабии и частью в Херсонской губернии, откуда выходит в кампанию 1877-78 гг. После окончания русско-турецкой войны батареи, как и перед этой кампанией, располагались: 1-я старая, 5-я и 6-я батареи — в Кишеневе, 4-я в Одессе, 3-я — в г. Григориополе Херсонской губернии и 2-я — в Дубоссарах.

С 1895 года вся бригада — в г. Кишеневе.

Участие батарей бригады в кампаниях.

В 1799 году 5-я батарея 14-й артиллерийской бригады (рота майора кн. Цицианова Полевого артиллерийского батальона ген.-майорн Сиверса) была в Швейцарском походе, входя в авангард генерал-лейтенанта Козлова корпуса генерала Римского-Корсакова.

В 1806 году 1-я старая батарея (Батарейная рота майора Осипова 2-й артиллерийской бригады) и 4-я батарея (Легкая рота майора Строжева 3-й артиллерийской бригады) находились в корпусе генерала Беннигсена в распоряжении короля Прусского. 1-я старая батарея участвовала в бою при Чарнове (вблизи Пултуска) 11 декабря, находясь в авангарде генерала графа Остермана. Она отразила пять атак французов на Полиховскую переправу. За бой этого числа командир роты, майор Осипов, был награжден орденом св. Григория 4 степени.

В 1807 году 4-я батарея (Легкая рота майора Строжева) находилась в боях: при Прейсиш-Эйлау (потери — убито 17 нижних чинов, без вести пропало 5 и лошадей убито 29) и под Фридландом (потери — убито 3 нижних чина, без вести пропало 5 и лошадей убито 21).

Возможно, что 5-я батарея 14-й артиллерийской бригады (Легкая рота майора Аплечеева 12-й артиллерийской бригады) участвовала при штурме турецкой крепости Базарджик 13 июня 1810 г., ибо состоящая в том же году с нею в одной бригаде Батарейная рота майора Ансио (2-я батарея 3-й Гвардейской артиллерийской бригады) пожалована была за этот бой петлицами на офицерских мундирах (Высочайший приказ 13 июля 1810 г.).

В 1812 году 1-я старая батарея (Батарейная № 29-го рота 2-й артиллерийской бригады) участвовала в бою при с. Бородино; командир ее подполковник Дитерихс 4-й был награжден орденом св. Георгия 4 степ. за взрыв огнем своей батареи двух неприятельских зарядных ящиков, а также и за то, что дважды заставил неприятельскую артиллерию замолчать и этим принудил ее дважды же переменить позицию. Батарея действовала па позиции левее Багратионовых флешей.

4-я батарея (Легкая № 3-го 11-й артиллерийской бригады) участвовала в боях: 13 июля при

Островно; здесь был убит командир бригады (бывший командир этой роты) полковник Котляров, ранено 3 офицера, нижних чинов убито 9, ранено 14 и без вести пропал 1. В этом бою рота выдержала две кавалерийских атаки (Радзивиловских улан) и перекрестный огонь нескольких французских батарей. Затем батарея участвовала в делах: при Витебске 14 и 15 июля, — убито 12 нижних чинов и ранено 25; при Заболотье 7 августа, — ранено 3 нижн. чина; при Бородине 26 августа, — нижн. чинов убито 3, ранено 5; при Спасове 6 октября; при Вязьме 22 октября, — убито 3 нижн. чина и ранено 3. Лошадей убито было в этом году — 30. За бой при

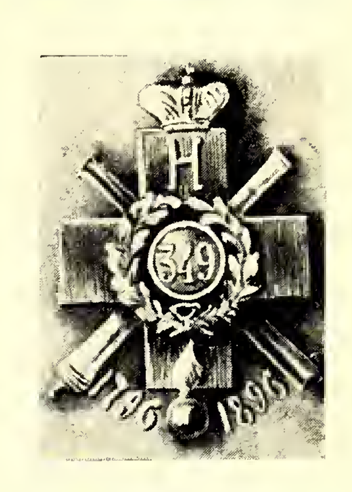
лерийской бригады) потери в 1813 году были: под Лейпцигом 30 нижних чинов и 15 лошадей. В этом же году, 1 октября погиб при переправе через р. Эльбу близ Дессау бывший командир этой роты, известный партизан полковник А. С. Фигнер. В 1814 году скончался от ран полученных под Реймсом 1 марта командир этой роты подполковник Тимофеев.

В 1831 году, во время войны с поляками, 5-я батарея (Легкая № 3-го рота 25-й артиллерийской бригады) участвовала в сражениях при Добре 5 февраля и при Грохове 7-го февраля; было убито 9 нижних чинов и ранено 13; лошадей в батарее было убито 30, а под Гроховым же 13 февраля ранено 27.

НАГРУДНЫЕ ЗНАКИ

4-ой и 5-ой батареи 14-ой Артиллерийской бригады, созданные по рисунку автора памятки полк. В. А. Попова.

(Из собрания С. П. Андоленко)



Бородине командир роты подполковник Малеев был награжден орденом св. Георгия 4 степени.

5-я батарея (Легкая № 23-го рота 12-й артиллерийской бригады) участвовала в бою под Солтановкой. Командир батареи подполковник Саблин был награжден орденом св. Георгия 4 степ. за то, что когда в его роте было перебито 54 нижних чина и 73 лошади, и неприятель бросился на батарею, артиллеристы отразили нападение банниками, защищаясь под командою подполковника Саблина до тех пор, пока не были приведены лошади и все орудия были спасены. За этот бой нижние чины роты получили десять знаков отличия военного ордена.

Затем батарея участвовала в боях: при Смоленске 4 августа, 22, 24, 25 и 26 августа при Шевардине и Бородине, 4-6 октября под Красным и 12 октября при Малом Ярославце.

В бою 24 августа при Шевардине, когда неприятель, не взирая на беспрерывный огонь, ворвался на батарею, подполковник Саблин бросился сквозь жесточайший огонь на неприятеля с пехотою в штыки и отбил у неприятеля свои шесть орудий. За 11 июля и 26 августа в роте было ранено 3 офицера; за бой 26 августа штабс-капитан Блинов был награжден золотою шпагою с надписью — за храбрость.

Облегченная № 6-го батарея (Легкая № 20-го рота 2-й артиллерийской бригады). В сражении при Бородине 26 августа были убиты поручик Фрейтаг и 7 нижних чинов, ранено 4 офицера и 24 нижн. чина.

В 4-й батарее (Легкой № 3-го роты 11-й артиллерийской бригады) ...

В кампанию этого года был убит капитан Воеводский.

В 1833 году в Константинополь был отправлен особый отряд в помощь турецкому султану против восставшего египетского хедива. В состав этого отряда, в числе других частей, вошли 1-я старая батарея (Батарейная № 1-го рота 25-й артиллерийской бригады) и 5-я батарея (Легкая № 3-го рота той же бригады).

В военных действиях на Кавказе в 1844 году 1-я старая батарея (Батарейная № 3-го батарея 14-й артил. бригады) участвовала в делах при Амир-Аджи-Юрте 21 мая и при Ахатлинской переправе 11 июля. В этих делах участвовала и 4-я батарея (Легкая № 5-го батарея 14-й артил. бригады). 5-я же батарея (Легкая № 4-го батарея 14-й артил. бригады) участвовала в июне 1845 года в делах в Андии.

Во время Венгерского похода в 1849 году 4-я батарея (Легкая № 5-го батарея) участвовала 20 июня в деле при д. Кекеш, а в Облегченной № 6-го батарее (Легкая № 3-го батарея) 11 июня при г. Репс был убит штабс-капитан Сухомлин 1-й.

1-я старая батарея (Батарейная № 3-го батарея) участвовала 8 июня в деле в Темешском ущелье, 19 июня у д. Кекеш, 19 июля при Шесбурге и Сегесваре, 31 июля при Мюленбахе. За кампанию этого года командир батареи полковник Остроградский был награжден золотою полусаблею с надписью "За храбрость", а батарея — серебряными трубами с надписью "За усмирение Трансильвании в 1849 году" (Высоч. приказ 25 декабря 1849 г.).

В Восточную войну 1853-56 гг. Облегченная № 6-го батарея (Легкая № 3-го батарея) принимала участие 8 сентября 1854 г. в сражении при р. Альме. Здесь был убит командир батареи капитан Клемантович. С 24 октября по 15 ноября батарея эта входила в гарнизон Севастополя.

В Альминском же сражении приняла участие и 5-я батарея (Легкая № 4-го батарея) и с 13 сентября вошла в гарнизон Севастополя, где оставалась до 15 ноября.

В 1855 году, 4 августа в сражении при р. Черной был убит офицер 5-й батареи (Легкой № 4-го батери) — поручик Турский, а прапорщик Д. Ф. Кузьмин награжден орденом св. Георгия 4 степени.

За эту войну были награждены Георгиевскими серебряными трубами 1-я старая и 5-я батареи бригады.

В войну 1877-78 гг. 1-я старая батарея участвовала в делах 5 сентября 1877 г. на Промежуточной батарее и с. Шипке. Здесь был убит командир этой батареи, флигель-адъютант полковник князь Мещерский и штабс-капитан Пестов. Во 2-й батарее тогда же был убит 1 нижний чин и 8 лошадей, в 3-й батарее, — ранено 3 офицера и 4 нижн. чина, а в 5-й батарее было убито 7 нижних чинов и ранено 8; лошадей же было убито 17 и ранено 16.

В эту кампанию орденом св. Георгия 4 степени были награждены: командир 4-й батареи полковник Дм. Ант. Гофман и 3-й батареи поручик Сидорин.

В Первую мировую войну 1914-17 гг. потери в бригаде были следующие: убиты: 1-й батареи поручик Африкантов (29 августа 1914 г.); 5-й батареи штабс-капитан Бабушкин (5 мая 1915 г.); командир 3-й батареи подполковник Леонтьев (15 ноября 1915 г.) и той же батареи подпоручик Гезеллиус (24 мая 1916 г); 5-й батареи подпоручик Макаров (17 декабря 1916 г.). Ранено и контужено было 23 офицера. Нижних же чинов, по 1 января 1917 г., в бригаде было убито 58 человек.

Орденом св. Георгия 3-й степени (посмертно), — командир 3-ей батареи подполковник С. Леонтьев, за набег партизанского отряда, которым он командовал, на Невель 14 ноября 1915 г. Орденом же св. Георгия 4 степени, — командир 2-й батареи подполковник Л. Болдескул (за бой 29 августа 1914 г.) и командир 3-й батареи полковник М. Батог (за бой 23 ноября 1914 г.).

Георгиевским оружием были награждены в 1914 году, за бой 16 августа, командир 2-го дивизиона полковник П. Тевяшев, командир 5-й батареи подполковник Л. Лалевич и командир 6-й батареи подполковник И. Черницкий. В 1916 году Георгиевским оружием были награждены: 3-й батареи капитан Зеленецкий (за бой 23 мая), командир 2-го дивизиона полковник И. Батог (бой 9-11 июня) и 6-й батареи штабс-капитан В. Пожога (декабрьские бои), а в 1917 году, за бой 11 июля, — командир 2-й батареи подполковник Е. Хвещенко, 3-й батареи подпоручик Б. Перфильев и 6-й батареи подпоручик Е. Еремин.

Наперстным крестом на георгиевской ленте за эту кампанию был награжден бригадный священник отец Леонид Лупанов.

Боевые отличия в 14-й артиллерийской бригаде были следующие.

4-я, полковника Фигнера, батарея: за подвиги в кампанию 1812-1814 гг., — знаки отличия на головные уборы с надписью "За отличие" (Выс. приказ 30 августа 1814 г. Полное Собр. Законов тт. XXXII и XXXIII № 25672); Георгиевские серебряные трубы с надписью "За Шипку в 1877 году" (Выс. приказ 17 апреля 1878 г. и Выс. грамота от 7 августа 1878 г.); юбилейная Георгиевская серебряная труба с надписью "1796-1896", "За Шипку в 1877 году" с бантом из орденской Александровской ленты (Выс. грам. 29 ноября 1896 г); наименование, — "4-я, полковника Фигнера, батарея 14-й артиллерийской бригады", по случаю столетия со дня Бородинского сражения (Выс. приказ 26 августа 1912 г.).

5-я батарея, — Георгиевские серебряные трубы с надписью "За Севастополь в 1854-1855 годах", пожалованные 30 августа 1856 года; юбилейная Георгиевская серебряная труба с надписью "1796-1896", "За Севастополь в 1854-1855 годах" с бантом из орденской Александровской ленты (Выс. приказ 29 ноября 1896 г.).

2-я, 3-я и 6-я батареи, — знаки отличия на головные уборы с надписью "За Шипку в 1877 году", пожалованные 17 апреля 1878 г.

Из личностей с известными всем именами в 14-й артиллерийской бригаде состояли:

Капитан Александр Самуилович Фигнер (1787-1813), впоследствии полковник, зачисленный в Свиту Его Величества, знаменитый партизан, бывший в 1812 году командиром 4-й батареи (Легкой № 3-го роты 11-й артиллерийской бригады); погиб в р. Эльбе близ Дессау 1 октября 1813 г.

Подпоручик граф Лев Николаевич Толстой, младший офицер Легкой № 3-го батареи (облегченной № 6-го, упраздненной в 1857 г.) был прикомандирован к 14-й артиллерийской бригаде (из 20-й артиллерийской бригады). Состоя в ней, он написал свой известный рассказ "Совастополь в декабре 1854 года". По свидетельству П. И. Бирюкова, издателя полного собрания сочинений его, когда рассказ этот в корректуре был прочитан Наследником Цесаревичем, он произвел на него такое сильное впечатление, что было приказано беречь молодого офицера и, должно быть, поэтому приказом начальника артиллерии войск в Крыму расположенных от 5 января 1855 г. за № 2, подпоручик граф Толстой был переведен в менее опасное место, а именно, — прикомандирован к Легкой № 3-го батареи 11-й артиллерийской бригады.

Пожар во 2-м Московском Императора Николая I кадетском корпусе во время празднования 50-летнего юбилея

С. Булацель

(Из воспоминаний)

Свой пятидесятилетний юбилей 2-й Московский кадетский корпус должен бaыл праздновать 6 декабря 1899 года. К этому большому торжеству приготовления начались месяца за два.

В корпусе всегда был образцовый порядок, но для юбилея все стремились к тому, чтобы все было наряднее и торжественнее, и помещения, где предназначалось самое торжество, должны были быть украшены к этому дню особо красиво и празднично.

Для этой работы по украшению помещений были привлечены и кадеты 1-й роты, а для того чтобы у них было больше свободного времени, то, примерно за месяц, вместо строевого учения и гимнастики, были назначены занятия в классах, что давало возможность кадетам посвятить больше времени для работ к предстоящему торжеству.

Из московского арсенала было доставлено в корпус сотни новеньких сабель и много разного оружия. Получили мы также громадное количество всевозможных флагов, щитов, гербов и проч.

Начались работы в зале, который находился между спальней 1-й роты и гимнастическим корпусным залом, где эта рота обыкновенно по утрам строилась иополуротно для осмотра дежурным воспитателем и для молитвы.

Появились в изобилии молотки, гвозди, щипцы и прочее, и закипела работа, в которой приняли участие и несколько наших воспитателей. Надо отдать справедливость, что все сделанное кадетами отличалось вкусом и аккуратностью исполнения. Красиво были украшены стены, и зал принял прямо неузнаваемый вид.

Покончив с этим залом, мы принялись за украшение столовой, где обыкновенно обедали все три роты. Столовая делилась подпорными стенами на две части. В большей части обедали 1-я и 2-я роты, а в меньшей — 3-я. Эту большую часть столовой предназначили, в дополнение к Тронному залу, для танцев, а меньшую — для буфета с разными прохладительными напитками, бутербродами и всевозможными сладостями. Все эти помещения украшались, помимо оружия, флагов, гербов и щитов, еще и тропическими растениями, которые в кадках корпус получил в большом количестве.

Между столовой и залом 1-й роты находился корпусный гимнастический зал со всевожными снарядами и приборами, какие существовали в то время для гимнастических упражнений. Этот зал был превращен в зимний сад, очень декоративно украшенный елками; там были устроены искусственные гроты, укромные уголки и поставлены скамейки. Посреди зала устроили бассейн, примерно, сажень в диаметре, из которого бил фонтан ароматной, очень душистой воды. Особое освещение создавало полумрак, что придавало саду некоторую таинственность.

Из зимнего сада шла дверь в очень большой Тронный зал, который предназначался для центра юбилейных торжеств. Собственно говоря, настоящий Тронный зал был в 1-м Московском корпусе, но и мы наш главный зал называли Тронным. Правую стену нашего Тронного зала украшали, писанные масляной краской, громадные портреты, изображавшие во весь рост Императоров, начиная с основателя корпуса, Императора Николая I, и кончая Императором Николаем II. Все портреты, в широких золотых рамах, были задрапированы красным сукном с галунами и с императорскими орлами.

На противоположной стене, в обыкновенных золотых рамах, висели, тоже писанные масляной краской, портреты всех бывших директоров корпуса со времени его основания.

Мебелью служили небольшие ровные мягкие скамейки, обитые шелковым муаром, чуть серого оттенка. Эти скамейки стояли во всех свободных промежутках и в обыкновенное время всегда были под чехлами.

В Тронном зале проводилось электрическое освещение, провода которого шли по карнизу потолка всего зала. Мы присутствовали при пробе электрической проводки и видели Тронный зал освещенным, — было очень светло и красиво.

Из Тронного зала вторая дверь шла на площадку парадной лестницы и в приемную комнату. Перила парадной лестницы были с очень красивой, замысловатого узора, решеткой, которую к юбилею покрасили разных оттенков золотой краской, а лестницу покрыли новым красным ковром.

Вниз лестница вела к парадному подъезду, а наверх, — в церковь, мимо квартиры командира 1-й роты полковника Минина, а дальше находилась дверь в классы 1-й роты.

Приемная комната была очень похожа на обыкновенную гостиную, обставленную по-домашнему: занавеси, тяжелые портьеры, картины масляной живописи. Посредине висела большая бронзовая люстра, на стенах — лампы. К юбилею и сюда проводилось электричество. В приемной были разбросаны ковры, расставлены небольшие столики, около которых были диванчики, мягкая мебель. Все это придавало приемной уют, и приезжающие навестить кадета могли с ним беседовать наедине. Здесь же находился рояль и кадеты желавшие учиться играть могли брать частные уроки. В мое время такие уроки музыки давала супруга воспитателя полковника Н. А. Скрябина.

Юбилей предполагалось праздновать несколько дней. В Тронном зале должен был быть парад, торжественный акт, поздравления, речи и концерты с пением церковного хора и с музыкой оркестров духового, струнного и балалаечного. Закончиться юбилей должен был большим балом. К этому балу мы, кадеты, начали готовиться заранее. Родных попросили прислать денег на покупку белых замшевых перчаток и на другие расходы. Корпус же заказал все то, что полагается для котильона в лучшем специальном магазине этих изделий в Столешниковом переулке, что между Тверской и Петровкой. Там же были заказаны особые розетки для кадет-дирежеров танцами и распорядителей. Для дам и барышень были заказаны очень изящные бутоньерки из живых цветов и записные книжечки, которые кадеты-распорядители должны были подносить им при входе.

К юбилею был приглашен фотограф, который сделал снимки церкви, всех зал, классов и различных других помещений, а также сфотографировал все наше начальство, преподавателей, дядек и нас, кадет, по отделениям. Все эти фотографии были изданы в небольшого размера альбомах литографическим способом. Кроме того, все кадеты расписывались по отделениям на больших листах белой плотной бумаги.

Итак, все было готово для торжественного празднования нашего пятидесятилетнего юбилея.

Неожиданно, 5-го декабря, наши дядьки разложили перед каждым из нас новенькую парадную форму. Когда мы развернули мундиры, то вдруг увидали, что на наших синих погонах стоит не обычное "2М", а красивый вензель Императора Николая I — "Н I". О переименовании нашего корпуса в корпус имени Императора Николая I начальство нам раньше ничего не говорило и держало это в полном секрете. Эта неожиданная новость была для нас большой радостью.

В тот же день, 5 декабря, одетые в новенькую парадную форму, три роты кадет вошли в церковь и стали на свои места. Здесь же находились директор корпуса генерал-майор Демин, ротные командиры и все офицеры-воспитатели, тоже все в полной парадной форме. Богослужение началось заупокойной литургией, во время которой должно было совершиться поминовение державного основателя крпуса Императора Николая I, всех Императоров, при коих существовал корпус, усопших кадет и павших на полях брани за веру, царя и отечество. Корпусный священник, протоиерей отец Михаил Воздвиженский, был облачен в удивительно богатую, чуть сиреневого цвета, ризу. Вся церковь была украшена цветами.

Мы простояли в церкви минут пятнадцать, и вдруг почувствовался запах гари и дыма. Некоторые из воспитателей вышли. Начальство о чем-то шепталось.

Вдруг наши дежурные воспитатели вывели роты из церкви и приказали нам итти в спальни и переодеться в повседневную форму и сейчас же выходить на плац.

Как я упомянул выше, спальня 1-й роты находилась близко от Тронного зала, а классы были рядом с залом, который шел вдоль церкви и мы хотели узнать и посмотреть сами, что случилось? В классном зале, недалеко от двери, где было малое ротное помещение для гимнастики и находилось пианино 1-й роты, дядьки подымали паркетный люк; такие люки были в разных местах для входа, как мы называли, в "подземелье", т. е. в пространство между потолком нижнего и полом верхнего этажей.

Из поднятого квадрата паркета — люка — повалил дым. В церкви тоже уже было много дыма. Густой дым был на парадной лестнице и особенно в приемной комнате, где мы заметили большую суету. Там, где висела бронзовая люстра, начало показываться пламя. Уже примчалась пожарная команда Лефортовской части...

Головинский дворец был построен в те далекие времена, когда не существовало железобетона. Это неимоверно громадное здание, где были расположены два кадетские корпуса со службами, квартирами воспитателей, директоров и т. д., — все это держалось на очень толстых деревянных балках и стропилах, положенных на толстые каменные стены. Естественно, что со временем деревянные балки и стропила сделались настолько сухи, что, когда проводили в Тронном зале и в приемной комнате электрическое освещение, то где-то произошло короткое замыкание и одна из деревянных балок загорелась и огонь быстро пошел в верхний этаж в направление, где была церковь.

Прибыло еще несколько пожарных команд. Начала гореть церковь, а на парадной лестнице, в Тронном зале и приемной образовался густой дым. Начальство нас отовсюду гнало, а ведь мы, кадеты 1-й роты, могли бы вынести из церкви всю утварь и все иконы, когда там еще не появился огонь.

В церкви осталось наше знамя и о нем вспомнил воспитатель подполковник Зимин. Вместе с находившимся около церкви кадетом 6-го класса, моего отделения, Колдуровым Всеволодом они вбежали в церковь, полную дымом и огня, и вынесли знамя.

Пожарные главным образом работали со стороны парадного подъезда, и большая часть кадет находилась там. Вдруг, помню я, мы видим в этаже, где находилась церковь и квартира полковника Минина, раскрывается окно, и подполковник Зыбин нам машет знаменем, а рядом с ним кадет Колдуров. Все мы, при виде их, крикнули громкое ура.

Впоследствии, уже в 1900 году, в корпус приехал военный министр генерал Куропаткин. Корпус был построен в зале, где находились классы 3-й роты. Поздоровавшись с нами, генерал Куропаткин попросил подполковника Зыбина выйти вперед и вызвал кадета Колдурова. Подполковнику Зыбину он приколол орден св. Владимира 4 степени, а кадету Колдурову серебряную медаль на станиславской ленте. Всеми любимого подполковника Зыбина мы приветствовали громким ура и искренне радовались за кадета Колдурова.

Кое-что из церковной утвари пожарные спасли, но самую церковь и все остальное там находившееся

спасти не удалось, — все сгорело до тла. Пострадала приемная комната, а Тронний зал, находясь под церковью, очень пострадал от воды. Громадные портреты Императоров и портреты директоров корпуса не пострадали, но так как в зале, где они находились, было прямо наводнение от воды при тушении церкви, то роскошный паркет покоробился, расклеился и плитки его повыскакивали во многих местах.

К вечеру пожар потушили, но на всякий случай на ночь осталась одна пожарная часть. Еще в течение нескольких дней балки тлели и шел небольшой дым.

Так, к великому горю всего корпуса, наше празднование пятидесятилетнего юбилея закончилось трагически-плачевно. Все наши приготовления, все наши работы по украшению, к которым мы приложили столько старания, — все оказалось напрасным.

Все же 6 декабря, день нашего юбилея мы отпраздновали в помещении 1-го Московского кадетского корпуса. Наш корпус в спальне 1-ой роты разделялся от 1-го корпуса только дверью в зал, где был физический кабинет. В этот день дверь была открыта и все наши три роты, в парадной форме, проследовали в церковь.

На богослужении, кроме всех чинов корпуса, присутствовали приглашенные гости и однокашники, приехавшие на юбилей родного корпуса изо всех концов России. После церковной службы нас, кадет, построили в громадном — настоящем — Тронном зале Головинского дворца. Инспектор классов, полковник Поливанов, кадет первого выпуска нашего корпуса, прочитал историю корпуса с начала его основания. Затем читались поздравления от других корпусов и от бывших кадет, не имевших возможности приехать на юбилей. Было много речей и закончилось торжество актом, во время которого кадетам раздавались награды и похвалные листы за успехи в науках.

Когда официальная сторона праздника окончилась, то нас, кадет, направили в столовую 1-го корпуса, а для нашего начальства и гостей обед был сервирован в боковом зале. У нас, у каждого прибора была положена коробка шоколадных конфет. Обед был очень хороший, и мы даже получили по бокалу шампанского. На этом и закончился наш пятидесятилетний юбилей. Настроение у всех нас было подавленое, даже гнетущее. У нас уже не было ни нашей церкви, ни нашего Тронного зала. Церковные службы совершались в 3-й роте, где были классы. Там же, когда это было надо, строился и весь корпус. К нашим юбилейным альбомам прибавилась фотография "Церковь корпуса после пожара". Раньше обыкновенного нас отпустили на рождественские каникулы.

Вскоре директор корпуса генерал-майор Демин нас покинул и к нам был назначен директором генерального штаба генерал-майор Дубасов. Церковным старостою был приглашен московский богач, господин Корзинкин. Говорили, что церковь была отстроена заново, точь-в-точь какой она была раньше. Тронный зал и все прочие помещения были приведены в полный порядок.

Мне привелось посетить корпус в декабре 1905 года, когда я был в Москве, возвращаясь с русско-японской войны. Это было время, когда в Москве были большие беспорядки. В корпусе находилось мало кадет, — большинство разъехались в рождественскиь отпуск. Церковь была закрыта и я ее не видел.

Не сомневаюсь, что пятидесятилетний юбилей и пожар, случившийся во время празднования этого юбилея уже описаны кем-нибудь из чинов корпуса, но здесь я описал это событие так, как я его помню и по моим запискам. Я был тогда в 6-м классе.

Одиссея одной русской девушки во время Гражданской войны 1918-1920 гг.

К. Зродловский

Передо мною письмо, скончавшегося в Нью-Йорке в январе этого года, моего друга Варвары Антоновны Васильевой (рожденной Яловой), удивительной русской женщины, на долю которой выпало совершить "добровольческую" страду Гражданской войны на Юге России в 1918-20 гг. Я неоаз просил ее описать, хотя бы в кратких словах то, что ей пришлось испытать и пережить в эти тяжелые годы.

Вот что она мне написала.

"Когда красные в январе 1918 года повели наступление на Екатеринодар, то на защиту города стали небольшие военные отряды, составленные главным образом из живших и случайно находившихся в городе офицеров. В ряды этих добровольцев сразу же вступило много гимназистов, реалистов и студентов — местных жителей. Вооружились и те горожане, кто мог держать винтовку. Образовались в нескольких местах фронты, ограниченные ветками железной дороги, ведущими к Екатеринодару, по которым вели наступление большевики.

Начались бои. В город стали привозить раненых. Наш Мариинский женский институт тоже посылал на эти фронты группы своих воспитанниц, руководимых институтским врачем. Там они получали нагруженный ранеными вагон и сопровождали его до Екатеринодара, где затем развозили этих раненых по госпиталям.

Однажды часть моей группы отправилась с ранеными в Екатеринодар, а я с некоторыми моими подругами осталась около других раненых, которых мы должны были отвезти в следующую поездку. Группа наша почему-то долго не возвращалась, и вскоре

оказалось, что Екатеринодар знят красными. С этого времени я очутилась в армии, которой суждено было совершить известный Первый Кубанский поход. В этом походе две мои институтские подруги были убиты.

Когда в августе того же года добровольцы Екатеринодар взяли обратно, я вернулась в институт и меня условно приняли в следующий класс, обязав к рождественским каникулам пополнить пропущенное, что я и сделала. На Рождество я поехала в г. Адлер, где у моих родителей была дача и где они жили в это время.

В окрестностях Адлера было неспокойно. Появились "зеленые", к которым присоединились местные большевики, и все Черноморское побережье оказалось отрезанным от белых армий. Чтобы снова попасть в институт, я совершила тяжелый поход до Туапсе с частями полковника Жуковского и с 1-й Терской казачьей конной батареей, стоявшей до того на грузинской границе и пробившейся сквозь банды "зеленых". В Туапсе мне удалось попасть в поезд с партией наших раненых, среди которых находился мой будущий муж, полковник 1-й Терской конной батареи Васильев. Таким образом я добралась по железной дороге до Екатеринодара. Как потом стало известно, в ночь накануне отхода нашего поезда "зеленые" напали на Туапсе, и весь офицерский состав Терской батареи был ими уничтожен.

Возвратившись в институт, я училась там недолго. Белый фронт рушился, и в начале марта 1920 года началась эвакуация Екатеринодара. Институтское начальство настаивало, чтобы я тоже уходила с белыми. Я была участницей Корниловского похода и мое присутствие в институте было нежелательно — из-за меня могло бы пострадать институтское начальство, если красные начнут расправу со своими врагами.

Я сделала попытку выйти из трудного положения, обратившись к некоторым моим родственникам жившим в этом городе, чтобы они, хотя бы на время, приютили меня у себя, но никто из них и слышать не хотел взять меня к себе. Тогда я решила уйти из Екатеринодара и, не зная в то время никого из начальников воинских частей, остававшихся в городе, я ушла одна.

На железнодорожном мосту через Кубань была страшная давка. На нефтяном заводе "Кубаноль", находившемся по пути к этому мосту, засели большевики и открыли пулеметную стрельбу по медленно продвигавшимся поездам, направив на толпы отступавших. Произошла сумятица, люди падали в реку. Я попала в эту невообразимую кашу... Как я выбралась из нее — лишь Господу Богу известно. Один донской генерал втянул меня к себе на седло и с нагайкой в руке пробил себе дорогу.

Когда я уже была на другой стороне моста, в моей голове возник важный для меня вопрос — куда идти? Надо было принять одно из двух решений: или шагать по шпалам железной дороги до Новороссийска, или уходить в Грузию с Кубанской армией генерала Морозова. Путь в Грузию шел по Черноморскому побережью через Сочи, Туапсе. Недалеко от них находился Адлер, где жили мои родители. Я избрала этот путь и в потоке других беженцев, тянувшихся за отходившими воинскими частями, зашагала к черкесским закубанским аулам. Вскоре я встретила двух знакомых екатеринодарских гимназистов, братьев Колесниковых, и на душе стало легче — я была не одна среди незнакомых мне людей.

На другой день, около аула Тохтамукай, меня увидели юнкера Кубанского генерала Алексеева военного училища, знавшие меня по Екатеринодару, а также командир одной из сотен этого училища, капитан Константин Константинович Зродловский; одно время он жил в Екатеринодаре в том же доме, где жила и я.

В станице Пензенской меня представили командиру юнкерского батальона 1-го Пластунского полка полковнику Зродловскому, брату Константина Константиновича. Юнкера Кубанского училища входили третьим батальоном в этот полк, и меня зачислили в 12-ю юнкерскую сотню, в которой в это время не было фельдшера. С этого дня я совершила поход с юнкерами и после тяжелого четырехдневного марша с боями, в тылу красных, по горам и переходя бурные горные речки, наконец, достигла Адлера, где нашла своих родителей.

Между тем, наступавшие большевики в половине апреля заняли Сочи. Генерал Морозов, побуждаемый Кубанским атаманом Букретовым, начал переговоры с большевиками. Большая часть кубанцев сдалась большевикам, небольшая группа ушла в горы, а остальные на пароходах были направлены в Крым. Юнкера Кубанского военного училища ушли на пароходе "Бештау" тоже в Крым. Я осталась с родителями жить в городе, где было безопаснее, а не на даче.

Первой арестовали мою старшую сестру, после чего казалось, очередь дойдет и до меня. Но я сбежала и вместе с одним кубанским полковником, который скрывался у нас в саду, при помощи знакомого крестьянина-контрабандиста, в дырявой лодке пробрались в Гагры, где уже была территория Грузинской республики.

Здесь я очутилась снова одна и ждала инструкций от моего крестьянина-контрабандиста, который должен был передать мне деньги от родных. Вскоре он, действительно, возвратился, но принес дурные вести: в нашей даче он никого не нашел, она была пуста и ему передали, что родителей моих увезли неизвестно куда. Я их больше никогда не видела.

Я решила пробраться в Батум, где расчитывала найти своих родственников. Где пешком, где по железной дороге, а где на случайной подводе, — я добралась, наконец, до Батума. Но родственников там не оказалось, они уже уехали за границу. Я была в отчаянии, стала терять силы и заболела малярией и дизентерией. Семья простого портового рабочего подобрала меня на улице совершенно больной и приютила меня. Эти добрые люди меня вылечили и я потом еще долго прожила у них. В конце концов, эта

же семья устроила меня на какой-то совсем маленькой пароходик, шедший в Крым. Плыли мы по морю очень долго и только на шестнадцатый день нашего путешествия доплыли до Севастополя.

Я начала делать попытки устроиться куда-нибудь в госпиталь сестрою милосердия. Я не была настоящей сестрою милосердия, но по существовавшим тогда правилам все участницы 1-го Кубанского похода, служившие по санитарной части, должны были сдать небольшой экзамен, чтобы они имели право быть зачисленными в штат Красного Креста и служить в армии.

Все это я проделала. Но мой первый день в госпитале одного из донских казачьих полков в Севастополе был и последним днем моей службы. "Барышня, уходите пока не поздно. Мы остаемся здесь. Наши сестры — жены офицеров, и они с мужьями уже на пароходах...", говорили мне казаки.

Помню, я пришла на опустевшую пристань, где в сумерках виднелись в море силуэты дымящихся и готовых к отходу судов. Помню, что в эти минуты я ни о чем не думала. Неожиданно подошел откуда-то автомобиль и господин в штатском костюме заговорил со мною на английском языке. Что он говорил — я не понимала. Он приподнял мое лицо за подбородок и ткнул пальцем в сторону моря. Я радостно закивала головой. Я увидала у пристани моторную лодду. В ней было несколько человек, очевидно, как и я, не попавших на пароходы. На этой лодке нас доставили на пароход "Сиам". Как потом выяснилось, незнакомый господин оказался преставителем американского Красного Креста. Как было его имя — не знаю, но я его больше никогда не встречала и не видела.

Доплыли до Константинополя, и здесь тридцать бесконечных дней стояния на рейде. Нас почти не кормили. Казалось, что о нас забыли... Иногда к борту подходила лодка и на палубу бросали большие круглые хлеба. А позже — с парохода на пароход, я попала на Лемнос и здесь снова встретилась с Кубанским военным училищем, в рядах которого я совершила незабываемый для меня поход по Черноморскому побережью..."

Такова в кратких словах "добровольческая" Одиссея этой русской девушки, переданная мне ею лично в одном из ее писем ко мне. К этому простому и безхитростному рассказу я хочу добавить только то, чему я был свидетелем, когда Варвара Антононна служила в моей сотне Кубанского военного училища весною 1920 года в трудных для нас боях на Черноморском побережье.

Помню, в походе, в красном платочке она всегда шла рядом со мною впереди сотни и бодро шагала часто по грязи и никогда не хотела воспользоваться моею лошадью, которую я предлагал ей, хоть на короткое время. Шли мы бодро и весело, с песнями.

Надо сказать, что Варвара Антоновна сразу же завоевала симпатию всех юнкеров, стремившихся наперебой услужить ей. Присутствие ее в сотне вскоре сказалось — юнкера перестали сквернословить. Мы, офицеры, удивлялись — откуда у такой юной девушки взялось столько ума и такта. Однажды, на дневке, проверяя свою сотню расположенную по квартирам, я нашел свой первый взвод в какой-то полуразвалившейся хате. Человек тридцать юнкеров тихо сидели и с большим вниманием слушали какую-то увлекательную сказку, которую она им рассказывала... Когда был праздник Пасхи, то юнкера, приготовляя куличи, преподнесли и ей маленькую пасочку...

Как вела она себя в боевой обстановке, мне лучше всего будет сослаться на тот рапорт, который я подал о представлении ее к Георгиевскому кресту. Этот рапорт, копию которого я ныне привожу здесь, подал я в апреле 1920 года и воспроизножу этот документ потому, что в нем находятся такие подробности, какие, вероятно, не сохранила бы моя память за давностью лет. Этот рапорт в то же самое время будет и вкладом в материалы по истории Кубанского генерала Алексеева военного училища, с жизнью которого в Добровельческой армии у меня связано много воспоминаний.

КОМАНДИР
12-й сотни 1-го Пластунского полка
17 апреля 1920 г.
№ 16
Местечко Дагомыс
Командиру 3-го батальона
Рапорт.

Во время похода Кубанского отряда в ауле Шенджий к вверенной мне сотне присоединилась сестра милосердия Варвара Яловая, оставшаяся не у дел за упразднением формировавшегося в Екатеринодаре 1-го Кубанского перевязочного отряда и не пожелавшая остаться на Кубани при занятии ее большевиками. В станице Пензенской, по докладе моем Вам, как командиру юнкерского батальона об означенной сестре милосердия, с просьбой узаконить ее присутствие при сотне, Вами был отдан приказ о назначении ее санитаром во вверенную мне сотню, ввиду наличия в ней уже сотенного фельдшера.

Начиная от аула Шенджий и вплоть до местечка Лоо, сестра милосердия Варвара Яловая, находясь безотлучно при сотне, совершила весь поход с сотней пешком, ни разу не сев ни на подводу, ни на лошадь. Идя все время во главе сотни с санитарной сумкой через плечо, которую ни за что не хотела никому передать для облегчения ее ноши, она в высшей степени бодро и легко вынесла весь тяжелый поход, служа постоянно юнкерам примером неутомимости, подбадривая их своею энергией, неутомимостью и выносливостью в походной жизни.

Пребывание ее как женщины в сотне влияло очень благотворно на юнкеров; нравственность их повысилась, все относились к ней с глубоким уважением, все берегли и любили ее за постоянную готовность помочь больным юнкерам, за ее доброту и простоту.

Во время движения отряда по Черноморскому побережью, когда батальон юнкеров участвовал в боях с большевиками, сестра Яловая ни на одну минуту

не покидала сотню и в бою 3-го апреля на реке Псезуапсе она находилась целый день в окопах с 1-м взводом моей сотни, который в течение четырех часов обстреливался действительным пулеметным огнем, причем своим спокойствием и мужеством она влияла в высшей степени успокоительно на всех юнкеров, находившихся на позиции. На следующий день, когда 3-й взвод сотни, находившийся на правом фланге позиции против сел. Алексеевки, вступил в перестрелку с противником, наступавшим на нашу заставу и оказался раненым тяжело в ногу командир взвода хорунжий Тончий, сетра Яловая под ружейным и пулеметным огнем наложила ему первую повязку и своим мужеством, присутствием духа и спокойствием ободряла как раненого, так и окружающих юнкеров.

Когда два наши батальона 4 апреля были отрезаны большевиками и пять дней находились у них в тылу, сестра Яловая при всей трудности пути, без дорог, иногда без воды и почти без пищи, а также и совершенно без вещей, кроме бывших на ней, являла собою прекрасный пример выносливости, неутомимости и безропотности, достойный подражания для юнкеров, хотя и сильных духом но в большинстве слабых физически; когда у сестры Яловой от ее сапог совершенно износившихся в походе остались лишь одни переда, к которым веревочками были привязаны остатки подошв, — юнкера, полные изумления к выносливости этой юной девушки и глубокого уважения к сильной духом сестре, из своей среды добыли ей юнкерские ботинки, конечно, очень большие на ее ногу, в которых сетра Яловая и вынуждена была продолжать свой путь.

При переправе 7 апреля через реку Шахе, когда в 12 часов дня, на виду у большевиков, отряд бросился в воду для переправы, впереди его, вместе с командиром батальона и сотни, первою вошла в воду и сестра Яловая, которая смело и настойчиво шла вперед, сносимая сильным напором течения холодной воды, увлекая за собою и смелую молодежь, обремененную тяжелым снаряжением и пулеметами с большим запасом патронов к ним, не желавшую отставать от своих офицеров и своей смелой, решительной и прекрасной сестры!

Когда по прибытии юнкерского батальона к своим войскам, он был отправлен в м. Лоо на отдых, я и командир батальона настояли с большим трудом на отправлении сестры Яловой в г. Адлер к ее родным, дабы она имела возможность пополнить свой костюм, пришедший от похода в такую ветхость, что сестре пришлось сделать юбку из офицерского плаща, сколов его английскими булавками, а также и восстановить свои девичьи силы, крайне подорванные почти двухмесячным тяжелым походом и теми нравственными переживаниями, которые ей пришлось перенести во время боя 1-4 апреля на р. Псезуапсе и в течение пятидневного похода в тылу у большевиков.

Ввиду того, что сестра милосердия Варвара Яловая являла собою за все время похода такой прекрасный, вполне достойный подражания пример настойчивости, выносливости и неутомимости, а также силы воли, присутствия духа, мужества и храбрости во время боя 1-4 апреля, имевший такое благотворное влияние в смысле подражания всех этих выдающихся качеств для юнкеров, я ходатайствую о награждении сестры Варвары Яловой Георгиевским крестом 4-й степени, вполне ей заслуженным, в дополнение к знаку за Первый Кубанский поход, который у нея уже имеется.

В дополнение к изложенному, для большей выпуклости личности сестры милосердия Варвары Яловой, считаю необходимым добавить, что Варвара Антоновна Яловая — дочь небезызвестного в Екатеринодаре нотариуса, Антона Адамовича Ялового, казачка станицы Петровской, ученица 7-го класса Екатеринодарской войсковой женской гимназии. В 1919 году она, находясь у своих родителей в г. Адлере и не желая остаться там во власти "зеленых", ушла оттуда вместе с 1-й Терской батареей, с которой и совершила поход по Черноморскому побережью вплоть до Туапсе, выдержав много боев с "зелеными" вместе с батареей, весь состав которой погиб в бою с "зелеными" и красными в г. Туапсе. Этой участи сестра Яловая избежала только потому, что была командирована в гор. Екатеринодар для сопровождения раненого офицера.

Капитан Зродловский.

Мое представление к награде пошло по начальству по всем инстанциям, и сестра милосердия Яловая была награждена Георгиевским крестом.

Я знаю, что во время Гражданской войны было много сестер милосердия-героев. Их судьба сложилась в силу различного рода случайным обстоятельствам, может быть, по-иному, но в общих чертах походит на судьбу сестры Яловой. Все они были доблестными участницами тяжелых походов в условиях Гражданской войны, но о сестре Яловой я говорю здесь, повторяю, потому, что хочу внести в материалы по истории Кубанского генерала Алексеева военного училища свидетельство о том, что в боевых рядах училища одно время была эта удивительная русская девушка, кубанская казачка.

Остальную свою жизнь Варвара Антоновна прожила в Нью-Йорке, где окончив Американскую национальную академию художеств, сделалась известной художницей и была членом общества художников — «Allied Artist of America». Выйдя замуж за полковника 21-й артиллерийской бригады Васильева, она имела сына, который во время последней войны был убит в 1944 году во Франции. Скончалась Варвара Антоновна в 1967 году.

Да будет этот очерк посильной данью ее светлой памяти.

О моей службе Лейб-Гвардии в Егерском полку

(1895 - 1901 гг.)

Генерал Б. В. Геруа

(Продолжение)

Наряды в караулы в Петербурге были для офицеров-субалтернов довольно частыми, так как в столице стояло десять пехотных полков, которые несли эти наряды, а разных офицерских караулов было без малого столько же.

Примерно раз в десять дней на полк выпадала очередь занимать караулы. Они разделялись на два отделения. В первом заключались дворцы — Зимний и Аничковский, Комендантское управление, Государственный банк. Во втором — Петропавловская крепость и, находившиеся далеко за городом, склады огнестрельных припасов. Ходить в этот последний караул не любили: это было целое путешествие, занимавшее час с лишним. Некоторых ленивых офицеров посылали туда вместо наказания. Ряд других, более мелких, караулов были унтер-офицерскими.

Развод караулов, т. е. церемония их осмотра и отправки по разным адресам производился на Рузовской улице против казарм 1-го батальона и офицерского собрания. По времени развод караулов первого отделения пригонялся к такому часу, чтобы внешний караул Зимнего дворца мог войти в его ворота, за которыми находилась караульная платформа, равно в полдень — с боем часов и курантов Петропавловской крепости и под удар полуденной пушки с ее верков. По этой пушке петербуржцы, где бы не донесся до них звук выстрела, проверяли свои часы. Даже в сильный мороз можно было видеть на улице как мужчины доставали из-под теплого пальто или шубы свои карманные часы и ставил их "по пушке", т. е. по точному времени Пулковской обсерватории.

Во втором отделении к "пушке" пригонялось прибытие крепостного караула.

Караулы, подробно осмотренные сначала в ротных помещениях фельдфебелями, выводились к известному часу на Рузовскую и выстраивались по порядку важности. В первом отделении на правом фланге становился большой караул Зимнего дворца — полурота с тремя офицерами и с хором музыки. Маленькие офицерские караулы отличались от унтерофицерских наличием в первых музыкального инструмента в единственном числе — барабана или горна. После 1912 года у Лейб-Егерей это была декоративная, но трудная для игры волторва.

На Рузовской караулы еще раз осматривались и проверялись караульными начальниками. Было слышно издалека, как офицеры здороваются со своими караулами и те им отвечают "здравия желаем". Какой симпатичный был этот обычай обмена приветствиями и вообще краткого разговора сомкнутого строя с начальством. Он существовал только в русской армии. Насколько знаю, сохранили его и большевики, изменив только формулу ответов.

Прибывал дежурный по караулам — по первому отделению полковник, по второму — капитан.

Горвисты и барабанщики играли "встречу", музыканты — колено полкового марша. Дежурный по караулу обходил, в свою очередь, строй и затем вызывал вперед караульных начальников. Они выстраивались в две маленькие шеренги — офицеры впереди, унтер-офицеры сзади. Каждый получал в запечатанном конверте секретное слово — "пароль", по которому сменяемый караул узнает, что прибыл настоящий новый, а не самочинный. Для часовых был еще — "пропуск". Паролем всегда было имя какого-нибудь города, а пропуском — военного предмета; оба слова — на одну и ту же букву, например, — Ташкент, труба.

Получив конверты, по команде дежурного полковника "караульные начальники на свои места", они шли к своим караулам. Затем — "ряды вздвой, на плечо" и "по караулам шагом марш"!

Если была музыка, она играла какой-нибудь веселый марш. Рузовская улица была короткая, некоторые караулы сворачивали сейчас же в боковые улицы влево, другие расходились с Загородного проспекта, в том числе и главный караул, который пройдя Введенскую церковь Л.-Гв. Семеновского полка, поворачивал на длинную прямую, торговую и грязноватую Гороховую. Оттуда — направо по нарядной Б. Морской, к которой музыканты приберегали какой-нибудь модный марш. Шли все время под звуки маршей, исполнявшихся поочередно то барабанщиками с флейтистами, то оркестром — только трубным, как в кавалерии. Особенностью четвертых полков дивизий во всей русской армии было это воспоминание о "легких" егерских полках, не имевших в оркестре большого барабана (почему-то называвшегося у нас турецким) и деревянных инструментов. Армейские егерские полки были упразднены в 1856 году. Переименовали и Л.-Гв. Егерский в Л.-Гв. Гатчинский, по месту основания, но в 1871 году Император Александр вернул старое название; был случай, что Государь приветствовал старого почтенного генерала словами: "Как поживаешь, старый егерь"? А тот ответил: "Я не старый егерь, Ваше Величество, а молодой гатчинец..." Государь понял этот прямодушный ответ как выражение желания всех Лейб-Егерей вернуть старое название и в день ближайшего полкового праздника, 17 августа 1871 года, исполнил это желание.

Но поймаем Егерский главный караул на Б. Морской под стильной аркой Главного штаба и последуем

с ним через огромную Дворцовую площадь, мимо Александровской колонны со стариком часовым из "Золотой роты дворцовых гренадер" в его наполеоновской медвежьей шапке, с большой патронной сумкой сзади, висящей на широкой перевязи через плечо, и с полусаблей тоже висящей сзади под сумкой. Караул остановился и перестроился в развернутый фронт против Комендантского подъезда — ближайшего к Зимней канавке и к арке, переброшенной через нее от дворца к зданию Эрмитажа на Миллионной.

С Комендантского подъезда караул принимает знамя. Знамена полков, в которых Государь был шефом, хранились в Зимнем дворце. У подъезда уже ждет один из четырех батальонных адъютантов, в числе несложных обязанностей которых было сопровождать знамя к строю или от строя. Адъютант со знаменщиком исчезают в подъезде. Через несколько минут (все это точно расчитано, ибо нельзя опоздать со входом в ворота дворца с ударом пушки) они появляются на ступенях подъезда.

Знаменщик несет на плече знамя в черном чехле. Древко наверху увенчано золотым венком со вставленным в него большим георгиевским крестом и над ним золотым двуглавым орлом с полуопущенными крыльями. У венка подвязаны и красиво спадают вниз ленты — юбилейная андреевская, голубая с золотой бахрамой, и георгиевская. Знамя тяжелое — новое, недавно пожалованное к столетнему юбилею: оно из массивного зеленого шелка с массивным же золотым шитьем по краям и с большим вышитым вензелем "Н". На другой стороне масляными красками изображен полковой патрон — Св. Мирон. Образ работы художника, офицера полка, Наркиза Николаевича Бунина — брата моего ротного командира. Но и вензель, и икона спрятаны под чехлом: полотнище свернуто в толстую трубку. Тяжесть знамени давит на могучее плечо рослого и красивого знаменщика. Нести развернутое знамя еще тяжелее.

Зато старое знамя, до его замены и теперь сданное в полковой собор, было носить легко: от истлевшего полотнища оставались одни клочья и лохмотья. Ему к юбилею в 1896 году ведь исполнилось 83 года! Это старое знамя было пожаловано за Бородино.

Караул отдает честь знамени ружейным приемом, музыка играет полковой марш, знамя становится во главе строя. Он переходит в колонну и караул торжественно двигается к воротам дворца, которые теперь широко распахнуты и не видно превосходной решетки "барокко" их створок.

Перед самым входом музыка снова играет полковой марш и под беглые звуки ускоренного егерского темпа караул входит во двор Зимнего дворца.

Церемония смены караулов носила стильный характер. На платформе, где у традиционной будки под колоколом стоял часовой, влево от него выстраивался старый караул. Новый — параллельно против платформы. Оба караула отдавали друг другу часть ружейным приемом, барабанщики били "поход", а офицеры-караульные начальники, взяв шашки "подвысь", т. е. держа эфес у подбородка и шашку острием вверх, шли друг другу навстречу. Остановившись посредине между караулами, они опускали шашки к земле и представлялись, называя свой чин, фамилию, а новый караульный начальник еще и пароль. Затем возвращались на свои места, командовали "к ноге" и вели караулы — один на место другого. Затем начиналась смена часовых. Новые часовые шли на свои места, сопровождаемые "разводящими" от обоих караулов.

Когда все было кончено, сменившийся караул уходил с музыкой, но играли уже не полковой, а обыкновенный марш. Захлопывалась за строем решетка ворот. Во дворце караул от другого полка приступал к несению службы, продолжая одну и ту же рутину, которую стены дворца видели изо дня в день, из года в год, расписанную по часам и минутам; как автоматы, четко отбивая шаг, шли каждые два часа часовые с разводящими сменять тех, кто отстоял свою очередь. У поста новый часовой скороговоркой бормотал свои обязанности, зазубренные наизусть и запечатленные в рифмованной пародии: "супостата не пущать, господам офицерам честь отдавать".

Большая часть часовых главного дворцового караула стояла снаружи. Зимой, в стужу, эти люди надевали поверх своих шинелей просторные тулупы на бараньем, сильно пахнувшем, меху, а поверх сапог — валенки или "кеньги". Филологическое происхождение этого последнего названия для высокой теплой обуви темно, несмотря на то, что слово сделалось официальным. Но и с этими теплыми вещами и при надетом на голову, в дополнение высокому воротнику тулупа, башлыке все же было холодно стоять в сильный мороз. Можно было наблюдать, как часовые ходили взад и вперед, чтобы согреть ноги, топтались на месте и хлопали себя по бедрам крестнакрест руками в грубых рукавицах; в них полагался только один большой палец — чтобы иметь возможность держать ружье и "господам офицерам честь отдавать".

Редко когда случались какие-нибудь происшествия в караулах. Тем не менее не покидало сознание, что служба эта ответственная, а при смене караула приятно было чувство, что все обошлось благополучно. М. И. Драгомиров, в своей роли военного педагога, считал "гарнизонную", т. е. караульную службу самым важным и действительным средством воспитания офицера и солдата. Ведь тут солдату давалось право употребить, в случае нужды, оружие. Рядом с ответственными обязанностями охраны караулам были присвоены и большие права. Кроме механического исполнения службы требовались быстрое соображение и способность действовать решительно.

Одним из самых спокойных караулов считался "главный" — в Зимнем дворце, когда в нем не было Высочайшего присутствия. Помещения просторные, удобные как для солдат, так и для офицеров. От Двора всех хорошо и обильно кормили. Офицерам, кроме завтрака, обеда и чая, которые обслуживались придворными лакеями в ливреях, подавалось красное и белое вино; водка — к закуске.

Офицерское караульное помещение состояло из столовой и команты для отдыха. В последней по стенам стояло три-четыре больших мягких дивана с высокими спинками. На этих диванах разрешалось и полежать.

Служба внутреннего караула была строгой и напряженной, похожей, вероятно, на службу всех караулов времени Николая I. Все чины в новеньких мундирах, с шапками на головах, подтянутые, чинно сидели вдоль стен на деревянных скамьях в ежеминутном ожидании вызова "в ружье". Ночью не разрешалось спать, и тех, кто клевал носом, тормошили. У офицера был столик, на нем электрическая лампа; сидя в кресле у стола, офицер-караульный начальник так или иначе коротал время, казавшееся особенно длинным ночью. Читал, писал письма. В зале, погруженной в полумрак, ярким пятном выделялась лампа на столе офицера, бросавшая овальный блик желтого цвета на темную картину Гроховского сражения в 1831 году. На ней можно было разобрать только католический придорожный крест на фоне неба. Силуэты смирно сидевших солдат симетрично обрамляли темно-серые стены. Было таинственно и даже немного жутко.

Днем приходилось довольно часто выстраиваться для отдания чести проходившим генералам, Великим Князьям и Княгиням. У дверей стояли по бокам два часовых, которые назывались "парными". Их подбирали молодец к молодцу и лицо к лицу, чтобы нельзя было отличить друг от друга — они казались близнецами. Как эти часовые, так и караул должны были отвечать на приветствие особенным, сдержанным голосом, что придавало ответу интимную внушительность. Людей, назначаемых для внутренней дворцовой службы, обучали этому стильному ответу.

Мне случилось однажды быть с Егерями во внутренном карауле во время пасхальной недели. Всем караулам, охранявшим внутренние покои втечение этих дней, было приказано собраться во дворец в следующее за пасхальной неделей воскресенье для "христосования" с Государем и Государыней. Караулы разных полков построили в зале в развернутом строю в затылок один другому. Получилась глубокая колонна в несколько шеренг. Помнится, что на дворе был густой туман и в большие окна проникал бледный свет петербургского утра. В зале было темновато и казалось тоже туманно.

Государь, поздоровавшись и сказав общее "Христос воскресе", обходил шеренгу за шеренгой, подставляя свое лицо каждому офицеру и солдату под традиционный пасхальный троекратный поцелуй. Наверное церемония эта не доставляла Царю особого удовольствия и была утомительна. У меня осталось в памяти впечатление чрезвычайной мягкости и шелковитости длинных усов Государя. Говорят, что мягкие волосы — признак доброты. Близки были и большие миндалевидные глаза Царя, задумчивые и тоже добрые.

Императрица сидела в кресле у выхода из залы. Караул после христосования с Государем одной шеренгой дефилировал мимо Царицы к выходным дверям. Каждый приостанавливался, получал из рук Императрицы пасхальное "красное яичко", которое ей передавал какой-то придворный чин из тут же стоявшей корзины. Офицеры целовали руку Государыни и получали яйцо из уральского камня.

Императрица, видимо, узнала своего бывшего камер-пажа, показав это своей улыбкой, но ничего не спросила. Да для разговоров не было и времени — длинная кишка подходивших солдат казалась Государыне, наверное, бесконечной.

В многолетней хронике караулов Зимнего дворца значатся два дня, в которых монотонная рутина благополучия была резко нарушена: 14 декабря 1825 г. и 5 февраля 1880 г., когда произошел взрыв в столовой Императора Александра II-го, на жизнь которого шла постоянная и упорная охота. Подпольные злодеи на этот раз подготовили свое преступление под полом, заложив динамит под столовой, чтобы взрыв произошел в час обеда.

Чтобы исполнить этот дьявольский замысел, нужно было кому-то вкрасться в доверие к лицам, ведавшим придворной прислугой и войти во дворец в качестве вольнонаемных рабочих, которых регулярно допускали к производству некоторых работ, в дополнение к постоянному и надежному штату дворца.

К счастью, взрыв произошел с ошибкой в расчете времени и тогда, когда в столовой никого не было. Но она находилась как раз над помещением главного караула и, таким образом, динамит оказался заложенным одновременно под полом столовой и в потолке караульного помещения.

В тот день караул занимала полурота л.-гв. Финляндского полка. Она сильно пострадала, потеряв 32 человека убитыми и ранеными. Начальником караула был штабс-капитан Елита-фон-Вольский, счастливо уцелевший. Государь назначил его флигель-адъютантом. В конце 90-х годов он командовал л.-гв. Измайловским полком.

Воспоминание о взрыве не могло изгладиться и, как бы, витало в комнатах внешнего караула Зимнего дворца.

Следующим по важности дворцовым караулом был наряд в Аничковском дворце, в котором жила вдовствующая Императрица Мария Федоровна. С этим караулом назначался только один офицер, по принятому в полку обычаю, из числа "видных и расторопных". Вообще, офицеры, в конце концов, специализировались на каком-нибудь одном наряде. После моего перевода в Государеву роту я попал в число избранных специалистов по караулу в Аничковском дворце и уж не назначался в другие. Мой караульный промах в Красном Селе, очевидно, был забыт.

Здесь, как и тогда, нужно было быть особенно начеку. Императрица выезжала и возвращалась, во дворец наезжали члены Императорского Дома. Кроме того, неподалеку от этой части Невского — на Садовой — жил петербургский комендант, который всегда мог зайти, "по дороге", в караул, чтобы проверить несение службы. Было принято, что компаньоном караульного начальника в Аничковском дворце был, так называемый, "рунд" — капитан, помощник

дежурного по караулам. Слово "рунд", вошедшее в наши уставы из Пруссии, вместе с другими военными терминами, вроде — фельдфебель, гауптвахта и т. п., означало точно деятельность этого должностного лица: на его обязанности лежал "круговой" обход или объезд всех караулов данного отделения и их проверка. Когда "рунд" 1-го отделения не обходил и не объезжал, он сидел при карауле Аничковского дворца. Рунд 2-го отделения — при карауле Петропавской крепости.

Платформа аничковского караула находилась влево от въезда во внутренний двор, прямо против главного портала, ведшего во дворец. Когда Императрице подавали карету или сани, караул был наготове выбежать на плотформу для отдания чести. Как только показывалась в дверях миниатюрная фигура Государыни, часовой ударял дважды в колокол, а караул бегом выстраивался на платформе. Барабанщик или горнист играли "поход", а караул отдавал честь ружьем. Затем надо было успеть дружно ответить на приветствие — в данном случае не на мужское и громкое "зодорово, егеря", а на дамский молчаливый кивок головы. Само собою разумеется, обменивались этим приветствием только раз в течение дня, при первом выезде Императрицы.

Стол караулу и вино офицерам полагались, как и в Зимнем дворце, от Двора. В общем, это был тоже "барский", даже приятный караул, хотя и хлопотливый.

Мрачными караулами, справедливо, считались те, которые сторожили арестованных, а именно в Петропавловской крепости и при Комендантском управлении на Б. Садовой. Самые помещения для караульного начальника полутемные, со скудной спартанской обстановкой, с серыми голыми стенами наводили тоску, напоминая карцеры. В крепости, кроме того, куранты собора, где была усыпальница царей, каждые четверть часа заунывно звонили ритурнель, а каждый час еще и длинное "Коль славен" —молитвенный гимн, под печальные, стонущие звуки которого в России провожали военных и знатных усопших к месту их вечного упокоения.

В Комендантском управлении на бойкой Б. Садовой, в центре столицы, помещение караула находилось во втором этаже (единственный случай) и смотрело своими немногими, узкими забранными решеткой окнами на темный и не особенно чистый колодезь двора. Обычной наружной платформы не было; не полагалось и никаких вызовов караула наружу для отдания чести.

Сторожили в этом доме заключения многочисленных арестованных провинившихся военных: в их числе известный процент относился к настоящим преступникам, ожидавшим суда. Этих нужно было иногда отправлять к следователю или в суд для дачи показаний. Но едва ли не большинство попало сюда за будничные проступки: за буйство, за появление в пьяном виде на улице, за неотдание чести, за одежду не по форме.

Комнаты для арестованных офицеров находились в том же крыле здания во втором этаже, где и караульное помещение; коридор, в который выходили двери этих комнат, как в гостинице, примыкал почти вплотную своим началом к комнате караульного начальника. По поводу этого соседства вспоминаю следующий случай.

В числе арестованных за серьезные закононарушения в офицерском отделении находился некий капитан М., невзрачный, точно забитый, непохожий на преступника. Он был предан суду за растрату. Каждый день в часы дозволенные для свиданий к начальнику караула приходила нарядно одетая и красивая дама, добиваясь допуска к капитану М. Каждый день офицер комендантского управления заранее предупреждал караульного начальника, что такая-то дама придет и что ее ни в коем случае не следует допускать к капитану М. При этом объяснялось и почему: именно из-за этой женщины подсудимый произвел растрату. Теперь она старалась: во что бы то ни стало передать ему лично или посредством записок наставление как вести себя перед судебным следователем.

Действительно, в определенный час, под вечер, как сказал комендантский офицер, ко мне в комнату вошла молодая дама, пышная, черноглазая и румяная, в элегантной шубке и с дорогим мехом вокруг низко открытой шеи. В трогательных выражениях принялась она упрашивать меня пропустить ее "на какие-нибудь десять минут" к капитану М. Ей не удалось, будто бы, получить требуемый пропуск, а между тем, есть срочный вопрос, который... и т. д. и т. д. Получив от меня твердый отказ, женщина эта пустила в ход свои чары. Она присела на край стола, вызывающе склоняясь ко мне всем телом, перевела разговор на какой-то легкий и посторонний вздор, взяла меня за руку, похвалила мои волосы... Шла она на очевидный штурм открытою силою. В комнате горела одна тусклая лампа, сцена происходила в полутемноте. Мне было двадцать два года.

Тем не менее подпоручик устоял, отодвинувшись от непристойной соблазнительницы и предложил ей покинуть помещение. Видя, что атака отбита, женщина эта, презрительно прищурив глаза и сложив свой чувственный рот в соответствующую гримасу, сказала: "Вы не молодой человек, а холодная рыба". И затем, другим тоном, торопливо деловым, прибавила: "Во всяком случае вы не откажете передать капитану М. эту коробку с папиросами", и вручила мне пакет, который держала до того под мехом.

Я открыл пакет, как то требовалось правилами, открыл коробочку. Да, в ней были невинные папиросы, но, кроме того, под ними ловко была спрятана записка. Я вернул пакет даме. Уходя, она еще раз бросила с досадой: "Я удивляюсь вашему бессердечию. Не ожидала этого от юного и безусого офицера"...

Значило ли это, что ей все же иногда, изредка, удавалось побеждать своими чарами караульного начальника и побежденный допускал, в конце концов, любовницу арестованного в его камеру, находившуюся тут же за углом?

(Продолжение следует)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

N° 31

МАЙ 1968 год

СОДЕРЖАНИЕ

•

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление с глубокой скорбью сообщает о кончине своего председателя

Владимира Сергеевича ХИТРОВО

последовавшей 24 февраля сего года.

Владимир Сергеевич родился в 1891 году. Происходил из старинного боярского рода — первый Хитрово, татарского происхождения, был женат на сестре вел. князя Рязанского Олега Ивановича. Со стороны матери В. С. был потомком А. В. Суворова — его мать была дочерью Л. А. Молоствовой, рожденной княжной Суворовой.

В 1902 году он поступил во 2-ой класс Орловского Бахтина Кадет. корпуса, а в 1904 — в 4-ый класс Пажеского Е.И.В. корпуса. При переходе в старший класс назначен фельдфебелем и произведен в камер-пажи (камер-пажем Его Величества). Окончив корпус. в августе 1910 года произведен в подпоручики полевой конной артиллерии с прикомандированием к гв. конно-артил. бригаде, с назначением в 5-ую батарею. Осенью 1911 года переведен в Гвардию. В 1914 выступил на войну со своей батареей. В конце года произ веден в поручики, а в мае 1915 года награжден Георгиевским оружием. В июле того же года, по собственному желанию, был прикомандирован к пехоте и назначен в 51-ый Литовский Государя Наследника Цесаревича полк (командиром 6-ой роты). В июле 1916 вернулся в батарею и в том же году произведен в штабс-капитаны. Весной 1917 года назначен старшим офицером, произведен в капитаны, а затем назначен командующим батареи и в октябре произведен в полковники с утверждением в занимаемой должности. За время войны был награжден всеми орденами, начиная с ордена св. Анны 4 ст. и кончая орденом св. Владимира 4 степени.

После октябрьского переворота, во время которого он был в отпуску по болезни, в батарею не вернулся. В октябре 1918 года ему удалось пробраться в Киев, откуда он в конце года уехал в Ялту, а затем в марте 1919 года в Новороссийск. Служил в разных городах юга России в Отделе пропаганды Добров. Армии. Весной 1920 года получил назначение в Константинополь, в начале 1921 переехал в Югославию, а в апреле 1924 — во Францию.

В Париже занимал ряд руководящих должностей в многочисленных объединениях, обществах и союзах. Владимир Сергеевич был одним из старейших членов нашего Об-ва. В мае 1965 года Правление выбрало его своим Председателем. Об-во получило в его лице замечательного руководителя, относившегося с необыкновенным вниманием и любовью ко всей его деятельности. Ушел от нас истинный ревнитель и знаток нашего военного прошлого, автор многих статей в различных русских изданиях. человек, заслуживший всеобщее уважение своим благородством, простотой. прямолинейностью и твердостью своих убеждений, сочетавшейся однако с большой терпимостью к чужим мнениям.

Вечная память этому редкому по своим качествам человеку! Правление приносит Ольге Александровне, а также сыну и всей семье почившего глубокое соболезнование всех членов Об-ва в постигшем их горе.

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрест — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию Г. М. Гринев — Villa Riegler, 2542 Kottingbrunn.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова:
G. Toporkoff, « Le Jardin », Landévennec, 29S - Argol.

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):
A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14ᵉ).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеются еще нижеследующие издания Об-ва:

1. — **"Записка о службе А. В. Суворова"** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.
2. — Номера **«В. И. Вестника»** начиная с № 8 до № 30. Цена — 3,00 фр., или 0,90 долл. или 3,00 франка.

(См. продолжение на странице 40-ой)

ПЕРЕЖИТОЕ

Ген.-лейт. К. М. Адариди

(1903 — 1905 гг.)
РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

В конце апреля 1903 года я принял 98-й пехотный Юрьевский полк от генерал-майора Непенина, назначенного командиром бригады, сколько помнится, в Либаве.

Мой предшественник командовал полком недолго и особого следа после себя не оставил, но поддерживал его в том отличном состоянии, в котором принял от генерал-майора А. П. Чайковского. Последний стоял во главе полка более десяти лет, в течение которых упорно работал над приведением его строевой и тактической подготовок на надлежащую высоту (1). Благодаря ему в полку был интересующийся военным делом состав офицеров, отличавшийся трезвостью, ревниво оберегавший хорошую репутацию полка. Из этого состава особенно выделялись подполковник Кучук и капитаны Трудов, Богдановский, Даниленко, Олешкевич, Глинский, Мглевский и Фейерабенд. Пользуясь большим авторитетом среди молодежи, они прекрасно влияли на нее и прививали ей любовь к полку и преданность его традициям. Не могу также обойти молчанием штабс-капитана Филонова,, подпоручиков Обуха и Порохню. Первый в должности полкового адъютанта, отличался добросовестностью, знанием дела и большим тактом, благодаря чему был мне весьма ценным помощником, а Обух очень развитой, всем интересующийся офицер, состоял при мне ординарцем во время русско-японской войны. Он проявил большую доблесть в бою, был тяжело ранен и потому не мог продолжать службу в строю. Его удалось устроить воспитателем в Псковский кадетский корпус, где он пользовался всеобщей любовью и считался выдающимся.

Порохня был многообещающим, серьезным, вдумчивым офицером. Он был убит в первом же бою полка.

Жило офицерство дружно и я не могу припомнить случая ссоры или недоразумения, которые приходилось бы разбирать. Говоря об офицерах, не могу однако умолчать об одной темной стороне их быта, являвшейся результатом условий расквартирования полка в городе, с почти исключительно еврейским населением, в котором русские интеллигентные семьи насчитывались единицами. Темная сторона эта состояла в том, что многие офицеры, в особенности из старших, обзавелись нелегальными семьями, избрав себе таких подруг жизни, которые никак не могли претендовать быть принятыми в офицерской среде. С объявлением мобилизации от этих офицеров стали поступать ходатайства о разрешении жениться на тех особах, с которыми они сожительствовали и от которых некоторые имели детей. Ходатайства эти приходилось удовлетворять, так как свыше было дано понять, что отказывать в них не желательно.

Если, таким образом, благодаря прочному фундаменту, заложенному Чайковским, и прекрасному составу офицеров, командование полком в строевом отношении не представляло особых трудностей, то нельзя того же сказать о его хозяйстве. Хотя хозяйственная часть и была вообще в порядке, возиться с нею приходилось много, чтобы находить средства для покрытия многочисленных расходов пресловутого IX-го отдела журнала хозяйственных оборотов, т. е. тогда, когда предписывалось свыше завести "без расходов для казны" какие-либо предметы, или нужно было произвести расход, вызванный желанием улучшить быт чинов полка. Происходило это оттого, что полк был расположен в городских казармах, отапливавшихся городом, а потому лишен экономии от дров, этого главнейшего источника дохода пехотных частей. Поэтому, чтобы найти средства для покрытия упомянутых выше расходов, необходимы были изобретательность и изворотливость, а их-то именно не было у заведывающего хозяйством, подполковника Голубева, человека честного, но без всякой инициативы. Я хотел назначить на его место подполковника Кучука и капитана Даниленко, начальник дивизии, генерал-лейтенант Пневский, этому воспротивился. По этому поводу у меня был с ним резкий разговор, в результате которого отношения сделались "рогатыми". Во всяком случае, как бы там ни было, на решение хозяйственных вопросов приходилось тратить много времени, которое можно было бы, и следовало бы, употребить несравненно более производительно на усовершенствование боевой подготовки полка.

Упомянув о "рогатых" отношениях с Пневским, не могу не прибавить, что приблизительно такие же отношения с ним были и у всех остальных командиров полков дивизии. Сухой, бессердечный, до болезненности подозрительный он считал, что командование дивизией сводится к постоянному вмешательству во всевозможные мелочные вопросы административного и, главным образом, хозяйственного характера. Он с увлечением измерял ширину швов походных палаток, толщину кантов, число гвоздей, вбитых в подметку и т. п. Если при этом находил отступление от интендантских описаний, то разражался громовым приказом, непременно заканчивавшимся наложением взысканий, почти всегда арестов, на чинов хозяйст-

(1) Интересно отметить, что по просьбе ген.-м. Андрея Петровича Чайковского его двоюродный брат, известный композитор Петр Ильич Чайковский, написал в 1893 году музыку полкового марша 98-го пехотного Юрьевского полка. См. «Русская Мысль», Париж; 1948, № 50. **Ю. Т.**

венного управления. Военным делом вообще он, повидимому, интересовался мало; не припомню случая, чтобы он в частном разговоре касался каких-либо общих вопросов этого дела или обсуждал какой-либо появившийся военно-научный литературный труд. Вообще было совершенно незаметно, что Пневский получил высшее военное образование и был офицером Генерального штаба. К офицерам, особенно более старым, он придирался по поводу всякого пустяка и испытывал как бы удовольствие посадить под арест старого ротного командира. Внешне Пневский был всегда корректен и грубости себе никогда не позволял. Во время мобилизации и затем в Манчьжурии Пневский как-то стушевался и решительно ничем себя не проявлял. На войне он даже не всегда мог играть роль простого передатчика распоряжений, полученных свыше, так как зачастую командир корпуса и даже командующий армией отдавали их непосредственно полкам, минуя начальников дивизий.

Начальником штаба дивизии я застал полковника Борисова, впоследствии, во время Мировой войны, близкого человека генерала Алексеева, при котором он состоял в какой-то непонятной роли, не то неофициального генерал-квартирмейстера, не то советника. После октябрьского переворота он поступил на службу к большевикам и состоял при Троцком, когда последний был комиссаром по военным делам. Затем он покинул СССР и поселился в Югославии.

Маленького роста, всегда неряшливо, даже грязно, одетый он делами штаба интересовался мало, а больше вопросами вождения войск в обширном смысле и военною историею, из опыта которой делал часто совершенно неожиданные выводы, идущие вразрез с обычными. К Пневскому он относился иронически, не стесняясь высказывать ему свое мнение о его способе командовать дивизиею, который открыто порицал. Думаю не ошибусь утверждая, что Пневский был рад, когда ему удалось сплавить Борисова командиром одного из полков расположенных в Риге.

Приемником Борисова в должности начальника штаба дивизии был полковник Геништа, которого я знал по предыдущей своей службе в Генеральном штабе. Человек он был серьезный, усидчивый и работоспособный, несмотря на порок сердца, которым страдал. Ознакомившись с положением дел, он принялся за приведение штаба в порядок, так как, по его словам, в нем царил хаос. Отношение его с Пневским были исключительно формально-служебными.

Командиром корпуса я застал генерал-лейтенанта Ореуса, которого знал еще с того времени, когда он командовал л.-гв. Уланским Его Величества полком, а я, будучи помощником старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа, прикомандировывался на лето к Гвардейской кавалерийской бригаде. Сколько помнится, посетил он полк всего лишь один раз, обходил помещения и смотрел строевое сомкнутое учение, которым остался вполне доволен. Ко мне лично он отнесся как к старому знакомому и, завтракая в офицерском собрании после смотра, вспоминал разные эпизоды совместной службы в Варшаве. С объявлением мобилизации 16-му армейскому корпусу Ореус его сдал генерал-лейтенанту Топорнину, встретиться с которым пришлось однако лишь в Манчьжурии.

Командующего войсками, генерал-адъютанта Гриппенберга, мне пришлось видеть только раз, во время представления ему в Вильне, куда я специально для этого ездил. В полк он приезжал, когда я находился в отпуску в Петербурге и представлялся Государю Императору. Полк он пропускал церемониальным маршем. Особенное внимание Гриппенберг обращал на питание нижних чинов и требовал, чтобы в ротах были заведены разного рода приспособления и машинки для того, чтобы извлекать из продуктов клавшихся в котел все те питательные вещества, которые они в себе содержали. Расход на заведение этих приспособлений и машинок требовался довольно крупный, так как полк был, как уже упомянуто, беден, то приходилось не мало поломать голову, чтобы удовлетворить это требование. Вскоре после назначения Гриппенберга командующим армией в Манчьжурии, полк отправился на войну, а потому с его приемником мне встретиться не было случая.

Командирами остальных полков дивизии я застал: Лифляндского — старого полковника, ожидавшего срока наступления предельного возраста; фамилию его я к сожалению не помню. Человек это был очень симпатичный и высоко порядочный, но болезненный, а потому — впрочем может быть и вследствие сознания, что карьера его закончена — он полком занимался мало, всецело положившись на старшего штаб-офицера, подполковника Мофета, обладавшего большою энергией и знаниями.

Ивангородским полком командовал полковник Ставрович, бывший офицер Генерального штаба, скоро после моего приезда произведенный в генералы. Приемником его был назначен тоже офицер Генерального штаба, полковник Крейдер — типичный карьерист.

Командиром Островского полка был полковник князь Гедройц, бывший Измайловец, которого я знал еще со времени своей службы в Семеновском полку. С ним у меня установились наиболее близкие отношения. Все мы, командиры полков, жили дружно, объединенные отрицательным отношением к Пневскому и его придиркам, с которыми приходилось бороться.

Хорошия отношения существовали между полком и батареями 25-й артиллерийской бригады, которая тогда не подчинялась начальнику дивизии, особенно полк был дружен с 4-ю батареею подполковника Панютина. Как-то сложилось так, что эта батарея всегда на маневрах и других занятиях находилось при полку, с которым настолько сроднилась, что ее иначе не называли как "наша батарея". Где только возможно было, полк и батарея взаимно помогали друг другу, выручали друг друга, являя собою пример истинно братских отношений. К сожалению на вой-

не ни разу не представился случай закрепить эту дружбу совместными действиями на поле брани.

***

До осени 1903 года жизнь полка протекала обычным порядком. Полк отбыл лагерный сбор, участвовал в двухсторонних маневрах, сколько помнится непродолжительных, и вернулся в Двинск на зимнюю стоянку. После этого на нем начали сказываться события назревавшие на Дальнем Востоке, где ввиду натянутых отношений с Японией явилась необходимость формировать новые войсковые части и усилить состав некоторых уже существующих. Для этого туда командировались из частей, расположенных в Европейской России, как отдельные чины, так и целые роты, а также отправлялось разного рода войсковое имущество.

От полка было приказано командировать известное число офицеров — желающих или по жребию, — а затем роту в полном составе. Последнюю надлежало укомплектовать людьми других рот полка до состава военного времени, а затем после ее ухода сформировать на ее место новую, опять таки за счет других рот.

Между ротами полка был брошен жребий, выпавший, если не ошибаюсь на 11-ю, находившуюся под командою капитана Высоцкого. Она была укомплектована надежными нижними чинами других рот и после торжественных проводов отправлена на Дальний Восток. Там она попала в Порт-Артур, где с честью участвовала в обороне этой крепости, во время которой капитан Высоцкий был ранен в грудь ружейною пулею, застрявшею в легком. Кроме того отправлены были все имевшиеся двуколки, походные палатки, почти весь шанцевый инструмент и многое другое.

В результате всех этих командировок и выделений полк оказалсяз в таком состоянии, что нечего было и думать о быстрой его мобилизации в случае осложнений с западными соседями России. В нем оставалось три штаб-офицера и немного больше половины положенного числа обер-офицеров, был большой некомплект нижних чинов и не хватало необходимого имущества. Приблизительно в таком же положении как Юрьевский полк было много других частей нашей армии, так как только Гвардия и некоторые части Варшавского, Кавказского и Туркестанского округов не выделяли офицеров, нижних чинов и имущество для дальневосточных формирований. Впрочем и это продолжалось недолго. Когда, вследствие наших неудач в Манчьжурии, мы были вынуждены двинуть туда подкрепления из Европейской России, мобилизовав некоторые корпуса, пополнение их личного состава и имущества пришлось произвести из частей Варшавского и Кавказского округов. Таким образом, вследствие пренебрежительного отношения к Японии и ее вооруженным силам, которые Куропаткин называл "опереточными", мы уделяли слишком мало внимания нашим силам на Дальнем Востоке. Успешно вести там борьбу мы оказались не в состоянии и стали прибегать к мерам очень напоминающим пресловутый "Тришкин кафтан". Этим мы привели большую часть нашей армии в такое состояние, что она в сущности утратила способность изготовиться своевременно к борьбе с каким-либо другим возможным противником.

***

В середине октября 1904 года 16-му армейскому корпусу была объявлена мобилизация невзирая на то, что выделением личного состава и имущества все части его были приведены в очерченное выше состояние. Вследствие этого в полку началась усиленная работа по подготовке его для выступления в поход, при выполнении которой нельзя было руководствоваться заранее составленным мобилизационным планом. Порядком предусмотренным в последнем полк мог расчитывать получить пополнение нижними чинами запаса и лошадьми, офицеры же и необходимое имущество должны были прибыть из других частей, главным образом, из Варшавского и Кавказского округов. Срок готовности был установлен, если не ошибаюсь, через месяц после начала мобилизации.

Нижние чины запаса, назначенные на укомплектование полка, прибыли в сроки предусмотренные планом. После того как они были обмундированы и вооружены, с ними начались занятия строевые, тактические и стрельбою. Занятия эти шли успешно и прибывшие люди возобновили в памяти то, что успели забыть во время пребывания в запасе.

Так как полк получил укомплектование главным образом из уездов Витебской губернии, то в него естественно попало довольно много евреев, сколько помнится, около ста человек. Доехало же их до Манчьжурии лишь меньше десяти, все остальные бежали и, как ни странно, главным образом во время переезда через Сибирь. Эти оставшиеся в полку евреи вели себя безукоризненно на войне и большинство из них было впоследствии награждено знаками отличия.

Лошади тоже прибыли по плану, но начать их объезжать было невозможно, так как ни повозок, ни сбруи не было и приходилось ждать, когда они будут присланы. Присылали же их, как впрочем и вообще все недостающее имущество, небольшими партиями, из которых последние были получены лишь перед самым выступлением в поход. Вообще изготовление к походу обоза полка было сопряжено с немалыми трудностями. Так, например, было признано, что для Манчьжурии пригоден только обоз, состоящий из двуколок; ими заменили все другие типы повозок, правила же укладки имущества остались прежние, пригодные только для этих типов. Вследствие этого приходилось во время самой мобилизации импровизировать укладку, что для хозяйственных чинов полка являлось задачею не из легких.

Офицеры назначенные на пополнение начали прибывать примерно недели через две после начала мо-

билизации, но очень постепенно. Помню, например, что группа человек в 10-15 прибыла чуть ли не накануне отъезда и не успела завести форму полка. Офицеры так и выступили в форме тех частей, из которых были командированы. На войне они переменить форму не могли, а потому носили старую, или вернее, фантастическую, что к сожалению вообще было частым явлением в Манчьжурии.

Так как война доказала важное значение пулеметов и телефонов, было решено придать пехотным дивизиям, отправляющимся на Дальний Восток, по пулеметной роте на каждую и по телефонной команде на полк. Кроме того, ввиду той большой пользы, которую Сибирским полкам приносили конные охотники, было указано иметь их и в Европейских, отправляющихся на театр войны.

Командиром пулеметной роты был назначен капитан Фейерабенд, один из лучших ротных командиров полка, а формирование ее должно было происходить при штабе дивизии под непосредственным наблюдением Пневского. Личный состав роты и необходимое интендантское имущество были выделены полками, пулеметы же, а также карабины и револьверы для вооружения чинов роты должны были быть отпущены артиллерийским ведомством. Все это имущество прибыло настолько поздно, что пулеметная рота не могла выступить вместе с дивизией, а присоединилась к ней лишь тогда, когда она уже стояла на Сыпингайской позиции. Таким образом в сражении под Мукденоем, единственном крупном боевом столкновении, в котором дивизия вообще приняла участие, пулеметов у нее не было. Кстати, надо заметить, что тогдашние пулеметы существенно отличались от тех, которые были в полках во время Мировой войны. Они имели лафеты на высоких колесах снабженные щитами и вообще напоминали своим видом артиллерийские орудия.

Специальное имущество для телефонной команды (аппараты и провод) было получено полком во время мобилизации, а для обучения прокладки телефонных линий и устройства станций были командированы саперы. Формирование команды никаких затруднений не представило и чины ее быстро освоились с новым для них делом, но пользоваться на войне этим важным средством связи пришлось мало. Аппараты оказались не прочной конструкции и потому часто портились, провод был толстый, тяжелый и его было так мало, что не хватало на устройство линии между штабами полка и дивизии; об установлении же телефонной связи между командиром полка и командирами батальонов не могло быть даже речи. Впрочем нужно сознаться, что и пользоваться телефоном мы совершенно не умели. В то время он не вошел еще во всеобщее употребление, встретить его в провинциальных городах можно было редко, а потому большинство относилось к нему с недоверием.

Что касается, наконец, конно-охотничьей команды, то ее формирование никаких затруднений не представило, так как среди лошадей прибывших в полк при мобилизации было достаточно не только годных под верх, но даже и выезжанных, а среди запасных нижних чинов находились люди служившие в кавалерии. Старшим в команде я назначил красавца унтер-офицера, служившего, если не ошибаюсь, в л.-гв. Конно-Гренадерском полку. Он был убит под Юхуатунем тем же снарядом, который меня контузил. К сожалению фамилию его припомнить не могу.

***

Недели за две до отправки полка на войну в Двинск прибыл Государь Император, чтобы напутствовать части отправляющиеся на Дальний Восток. Хотя о приезде Государя и было известно заранее, никакой особой суеты и специальных приготовлений это, в жизни армейской части из ряда вон выходящее событие не вызвало. Работы по приведению полка в готовность продолжались обычным порядом, лишь небольшая часть намеченных строевых занятий была заменена церемониальным маршем.

Так как Государь во время своего пребывания в Двинске оставался жить в своем поезде на станции Двинск (Риго-Орловской ж. д.), то местом представления ему полка была избрана большая лесная поляна, находившаяся вблизи; на ней полк и построился к назначенному часу в линии батальонных колонн.

Прибыв к полку, Государь объехал его фронт после чего перед последним был отслужен молебен, а затем последовал церемониальный марш, сколько помню, по-ротно. После церемониального марша Государь подъехал к фронту полка, перед которым были собраны все офицеры, благодарил за службу, выразил уверенность, что Юрьевцы вернутся с войны покрытые славою и сказал, что мысленно будет с полком. Затем благословил полк иконою от себя и от Императрицы. Икону я принял, опустившись на колени и, приложившись к ней, передал полковому священнику. Этот момент был запечатлен фотографом и впоследствии, уже после войны, офицеры поднесли мне его снимок в роскошной раме красного дерева, к которой была прикреплена серебряная таблица с соответствующею надписью. Подарок этот мне был чрезвычайно дорог, но сохранить его не удалось: он вместе со всем моим имуществом погиб во время Мировой войны в Вильне, когда ее в 1915 году заняли немцы.

После благословения полка иконою Государь обходил все роты, беседуя с офицерами и нижними чинами. Многим он предлагал вопрос, довольны ли они заменою барашковых шапок сибирскими папахами (с очень длинноволосым черным овчинным мехом). Папахи эти очень хорошо защищали голову и затылок от холода и вобще были много удобнее барашковых шапок. Поэтому замена ими последних вызвала всеобщее удовлетворение, продолжавшееся до тех пор, пока не пришлось познакомиться на театре войны с крупным их недостатком, состоявшем в том, что они издали выдавали присутствие людей, так как резко выделялись на фоне манчьжурской местности. За

это им присвоили кличку "воронье гнездо". Их чаще всего носили вывернутыми подладкою наружу, обвязывали башлыками или грязными тряпками, подходящими по своему цвету к общему колориту местности. Нечего, конечно, говорить, что получавшийся таким образом головный убор весьма мало способствовал приданию воинского вида тому, кто его носил.

Во время обхода мне удалось представить Государю нескольких прибывших из запаса нижних чинов, служивших в Преображенском полку под непосредственною командою Государя. Государю было, видимо, очень приятно увидеть этих людей, особенно нескольких бывших среди них унтер-офицеров. Он с ними довольно долго разговаривал, расспрашивая о жизни после увольнения в запас из Преображенского полка. В заключение, выразив еще раз свое удовольствие всем виденным и пожелав полку стяжать новые лавры на войне, Государь отбыл с поля.

*

Числа 12-го ноября началась погрузка эшелонов полка в поезда и их отправка на Дальний Восток. Одновременно с полком грузились и батареи 25-й артиллерийской бригады. Так как полевую артиллерию, отправляющуюся на войну, было решено вооружить новыми трехлинейными скорострельными орудиями взамен легких и батарейных пушек, то от батарей прибывали к месту погрузки только личный состав, лошади и обоз; орудия же, зарядные ящики и боевые припасы, только что прибывшие из С. Петербурга, они получали на станции. Таким образом эти части отправлялись на войну с вооружением им совершенно незнакомым и ознакомиться с ним им предстояло во время долгого переезда в Манчьжурию или уже после прибытия туда. Нужно отдать справедливость — с этой не легкой задачей артиллеристы справились блестяще, что доказали своими действиями во время Мукденского сражения, за которое бригада получила георгиевские трубы. Успешному ходу ознакомления, много способствовало то обстоятельство, что перед самым отправлением на Дальний Восток командиром 25-й артиллерийской бригады был назначен генерал-майор Потоцкий, основательно изучивший как первые, так и вторые во время службы в л.-гв. 1-й артиллерийской бригаде, имевшей уже новые пушки.

Эшелон со штабом полка покинул Двинск 14 ноября и, минуя Москву, направился через Ряжск, Пензу, Самару, Челябинск по Сибирской и Восточно-Китайской ж. д. на Харбин и Мукден. Переезд должен был продолжаться 36 дней, а потому все старались устроиться в поезде возможно уютнее. В моем купэ соорудили нечто вроде письменного стола, Филонов организовал полковую канцелярию, старший врач К. С. Гедройц устроил приемный покой, а Обух наладил наше довольствие из бывшей при эшелоне походной офицерской кухни.

Пока эшелон следовал по железным дорогам Европейской России, перебоев в движении не было, но после Омска все чаще и чаще стали случаться задержки и запоздания, вызванные перегрузкою Сибирской ж. д., провозоспособность которой мало отвечала требованиям предъявленным ей войною. В конечном счете перевозка полка потребовала вместо 36 дней — 53 и он прибыл в Мукден 5-го января 1905 года.

Еще в пути мною была получена телеграмма, извещавшая, что весь 16-й армейский корпус поступает в сотав стратегического резерва главнокомандующего, и предписывавшая немедленно по прибытии в Мукден явиться в штаб генерала Куропаткина, находящийся там же на станции в поезде. Вследствие этого я туда отправился и получил приказание полку выгрузиться, а затем с наступлением темноты двинуться в д. Сандяза с обозом 1-го разряда. Обозу же 2-го разряда остаться в Мукдене на этапе с тем, чтобы направиться на следующий день в Бейтапу. Так как карт в полку не было, то от штаба должен был прибыть офицер в качестве проводника.

Полк выступил около 9 часов вечера. Так как, хотя и стоял довольно сильный мороз, но совершенно не было ветра и ярко светила луна, то итти было легко и несмотря на то, что от долгого переезда люди несколько отвыкли совершать переходы, отсталых не было.

Без каких-либо задержек и трений достигли мы конечного пункта нашего движения, но здесь ожидало нас разочарование. Там, куда нас привел офицер-проводник никакой деревни не оказалось, а имелись лишь остатки разрушенных фанз, в виде отдельных закоптелых глиняных стенок или куч мусора, между которыми были в живописном беспорядке расположены землянки разной величины. Находившаяся здесь до войны большая деревня Сандяза была разрушена до основания во время шахейских боев и на ее месте вырос замляночный лагерь, занимавшийся по очереди разными войсковыми частями. В нем наспех разместился полк для своего первого ночлега на театре войны.

(Продолжение следует)

Окончание академии и служба на Кавказе

(ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ)

П. Н. Шатилов

(Продолжение)

В светской жизни тифлисского общества я почти не принимал участия, как вследствие своего личного характера, так и потому, что часто все свободные дни посвящал охотам. На них интересно остановиться.

Соседняя с Тифлисом Елисаветпольская губерния предоставляла охотникам необыкновенное раздолье. После перепелиных охот, когда перепела садились на отдых преимущественно на просяные снятые поля, что давало возможность стрелять их в большом количестве, в Елисаветпольской губернии начиналась охота по турачам. Турач, имевший вид дикой цесарки, водился только в этих местах. Говорили, будто турачи еще водились в Испании, но при моей поездке туда в 1936 году, заинтересовавшись этим вопросом, я не нашел их следов. Помимо красивого оперения турачи считались "царской" дичью. Жирное, совершенно белое мясо, делало их ценнейшим украшением самого изысканного стола. Они водились в зарослях и в насаждениях хлопка, который начали в то время обильно засевать под Елисаветполем. Охотились на них с собакой. В удачные дни мне приходилось брать по двадцати пяти штук. Небольшая компания охотников обыкновенно выезжала по железной дороге в субботу вечером из Тифлиса и останавливалась у какого-нибудь татарского бека. Меня всегда приглашала семья Шамхорских, владевших крупными угодьями, которые шли от железной дороги до самой реки Куры.

Месяцем позже начиналась охота на фазанов. Охота эта была иногда трудной, так как фазаны днем забивались в труднопроходимые заросли. Но при замерзании болот, что бывало очень редко, можно было удачно охотиться на них в этих болотах, покрытых камышами. Тогда удавалось легко выгонять эту необыкновенно красивую птицу.

Однажды я был приглашен на охоту в Нуху на берег реки Алазани. Были холодные дни и Алазанская равнина, довольно болотистая, замерзла. До Нухи пришлось ехать от железнодорожной станции Евлах около ста верст на лошадях, но это довольно утомительное путешествие было вознаграждено обильной дичью. Я начал охоту в 8 часов утра и в 5 часов, при наступлении темноты, должен был закончить. На следующий день я охотился по полудня. По просьбе хозяина, пригласившего меня, я мог стрелять только петухов, но все же я настрелял сорок три фазана...

При охоте по птице приходилось брать с собою патроны снаряженные дробью мелкою и дробью более крупною. Бывали случаи, когда выезжали на охоту по зимующим перепелам, но вместо них находили фазанов, зайцев и водяную дичь. Интересны были охоты на перелетную водяную дичь и на степную — стрепетов и дроф. На водяную дичь лучше всего было ездить в Бакинскую губернию, а стрепетов и дроф было легко найти около Тифлиса. Много охотились и на горных курочек. Эта дичь отличалась, как и турачи, белым мясом и очень ценилась гастрономами. Но охота на них в горной местности была довольно трудная, пока не удавалось разбить стаю. Тогда уже можно было с собакой стрелять их из-под стойки.

Охотились мы и на зайцев. Для этой охоты устраивали загоны. Охотники располагались по линии, а, примерно, в полуверсте от них вытягивалась линия загонщиков. Загоняли обыкновенно команды разведчиков, стоявшего в этом районе полка. Зайцев было необыкновенно много. На каждого охотника, при подсчете дичи, приходилось не менее 25-30 зайцев. Однажды я был приглашен на охоту по зайцам, которую устроили для Наместника. На этот раз загоняли конные казаки и охота была организована так, что в течение дня было проведено около десяти загонов. Больше всего зайцев досталось Наместнику, который несмотря на потерю одного глаза остался первоклассным стрелком. Общее число убитых зайцев было совершенно необыкновенным.

Но самым интересными были охоты на кабанов. Подготовлялись к ним заранее. Лучшим местом для этих охот было имение Великого Князя Николая Михайловича Караязы, находившиеся недалеко от Тифлиса и реки Аракса. Кабаны летом уходят в горы и лишь на зиму спускаются в долины Аракса и Куры. Однажды начальник 52-й пехотной дивизии генерал Огановский, который меня знал еще по Японской войне, пригласил меня поехать с ним на Аракс, западнее Муганской степи, где после занятий с разведчиками он собирался поохотиться. От Евлаха мы ехали на перекладных по существовавшему еще в то время почтовому тракту. Добрались мы до Аракса только на второй день. Дня через два начались охоты. Местные жители, татары, свинину не ели, почему кабанов развелось очень много. Дикие свиньи портили посевы, и крестьяне были очень рады, что прибыли охотники.

Мы охотились два дня. В первый день я один настрелял одиннадцать голов. Второй день был менее удачным и другим охотникам удалось меня догнать. Перед отъездом назад мы были в большом затруднении, не зная что делать с убитой дичиной. Роздали часть кабанов командам разведчиков и постам пограничной стражи, но все же осталось их еще большое количество. За отсутствием средств перевозки мы могли взять с собой лишь по два кабана на каждого охотника.

Другой раз я был приглашен на охоту в имение Великого Князя Николая Михайловича в Караязы, где водились еще и олени, но стрелять их не разрешалось. Кроме того, добыча была ограничена ста кабанами. По достижении этой цифры охота должна была быть прекращена. В первый день было убито около семидесяти штук. Но второй гай оказался очень добычным, двадцать охотников настреляли пятьдесят голов. Разрешенная цифра была перейдена в сильной степени и заведывавший охотой был этим чрезвычайно недоволен. Он опасался неудовольствия Великого Князя, которому он должен был доложить о результатах. В эту охоту я убил девять кабанов и привез их в Тифлис. Все годные и знакомые получили большое количество кабанины. Получила два кабана и моя сотня.

Кабаньи охоты мы устраивали и в меньших размерах и они конечно не давали подобных результатов. Убивали трех-четырех кабанов, но и этим оставались довольны. За пять лет моего пребывания на Кавказе до Великой войны я объехал почти все его района и охотился на всякую дичь.

*

По истечении двухгодичного срока командования сотнею я был откомандирован в штаб Кавказского военного округа, в ожидании моего перевода в генеральный штаб. В начале ноября 1910 года Главное управление генерального штаба разослало во все штабы округов списки имеющихся вакансий по генеральному штабу и мы, окончившие академии, должны были их выписать в порядке предпочтительности. Право выбора зависело от порядка окончания академии по старшинству баллов. Я был первым в списке и поэтому мне были открыты все вакансии. Но мне хотелось остаться в Тифлисе, а вакансии в Тифлисе не оказалось. Я этим воспользовался, чтобы не быть переведенным в генеральный штаб до открытия вакансии в Тифлисе. Это оказалось возможным, так как на всех офицеров нашего выпуска вакансий еще не хватало и некоторые из них должны были их выжидать. Но к 26 ноября, когда обыкновенно выполнялись эти переводы, как раз открылась вакансия в штабе Кавказского военного округа, куда я был переведен на должность старшего адъютанта строевого отделения. Неся нормальную службу этого отделения, я скоро был назначен заведывать нашим отрядом, находившимся в Персии.

Работа стала более интересной и живой, так как части находились там на военном положении. По поводу пребывания нашего отряда в Персии возникла большая переписка с генеральным штабом, с министерством иностранных дел и с председателем совета министров. Приходилось вникать в сложные дела взаимоотношений с персидским правительством, а иногда даже в интересы Германии и Англии. По этим делам мне приходилось лично докладывать генералу-квартирмейстеру, генералу Юденичу и здесь я имел возможность познакомиться с этим выдающимся начальником.

Генерал Юденич был замкнутого характера, но одновременно очень доступным и простым с близкими сотрудниками. Мне несколько раз приходилось присутствовать на его докладах по персидским делам наместнику и моему отцу, когда Юденич заменял начальника штаба. Меня он брал с собой на доклады на случай справок и я всегда поражался его умению необычайно кратко, но полно излагать сущность дела. Эта способность кратких, но обстоятельных докладов давалась не всякому. Случалось мне присутствовать с ним на разных войсковых праздниках, на которых кавказские тулумбаши за столом блистали своим красноречием и вызывали на ответы присутствовавших гостей. Тут Юденич ограничивался несколькими трафаретными фразами и казалось, что он не обладает даром слова. Но это впечатление было ошибочным, — многословие было не в его характере.

По службе он был требователен, но никогда не придирчив. Во время докладов был весел, часто шутил и никогда не заставлял выполнять ненужных работ, дабы только угодить высшей инстанции. Юденич был постоянным сотрудником моего отца в течение тех продолжительных периодов, когда отцу приходилось заменять наместника, графа Воронцова. Этим отсутствием пользовался начальник штаба генерал Берхман, который вместе с наместником выезжал из Тифлиса, зная, что оставляет штаб ценному заместителю. Отец мой необычайно ценил Юденича и часто мне говорил, что его качества готовят ему выдающуюся будущность, но в то время отец мой еще не знал Юденича, как блестящего руководителя войск на полях сражений.

Осенью 1911 года в Персидском Азербайджане, при помощи некоторых кавказских революционеров и турецкой агитации панмусульманского характера, стали мобилизоваться революционные силы. Сначала беспорядки вспыхнули в районе Тавриза, перекинулись затем на запад к Ардебилю. Нашим консулам в Хое и Урмии удалось сдерживать куртинские племена, но революционные организации сумели привлечь на свою сторону несколько организованных разбойничьих шаек. Две из них под предводительством видных бандитов оперировали в районе Тавриза. К ним постепенно стали присоединяться отряды, собранные революционерами и панмусульманскими организациями. В результате, наш небольшой тавризский отряд, состоявший из батальона гренадер Мингрельского полка, и наше генеральное консульство со своим конвоем было окружено. Персидские части положили оружие, а местный генерал-губернатор Азербайджана и губернатор Тавриза были посажены в тюрьму. Кавказские власти были об этом осведомлены по сохранившемуся еще в целости проводу Индо-Европейского телеграфа, проходившего через Тавриз и Тифлис.

На выручку осажденным была немедленно отправлена 2-я Кавказская стрелковая бригада из района Эривани. Ввиду отсутствия в ней адъютанта, офицера генерального штаба, начальник бригады просил прислать ему офицера из Тифлиса. Так как я был в курсе дел положения наших войск в Персии, то генерал Юденич приказал мне немедленно выехать в Джульфу, чтобы догнать стрелков и Полтавский полк

Кубанского казачьего войска, который был придан Стрелковой бригаде, вместе с мортирной батареею.

11 декабря 1911 года отряд под командою генерала Воропанова перешел у Джульфы границу по мосту через Аракс и двинулся форсированным маршем к Тавризу. Это расстояние мы должны были покрыть в три перехода. Никаких сведений из Тавриза мы долго не могли получить. Телеграф перестал работать. Только на втором ночлеге до нас дошли непроверенные сведения, что в Тавризе уже стало известно о движении нашего отряда. Наконец, на третьем переходе мы получили первые донесения от наших разъездов; по ним можно было судить, что среди восставших наблюдается паническое настроение, что они, повидимому, покидают город и что одному из разъездов удалось даже связаться с казачьим разъездом конвоя генерального консула, который сам собирается выехать навстречу отряду.

Действительно, в десяти, примерно, верстах до Тавриза к нашему штабу подъехал консул Миллер и радостно нас приветствовал. Одно наше приближение оказалось достаточным, чтобы блокада консульства и постов наших гренадер была снята. Но батальон Мингрельского гренадерского полка все же понес значительные потери, особенно в первый день восстания, когда небольшие дозоры его были атакованы со всех сторон. Мы похоронили в Тавризе одного офицера и около тридцати гренадер. В тот же день вечером наш отряд вошел в Тавриз, встреченный Мингрельцами, которые уже успели освободить заключенных в тюрьму персидских правителей. Отряд расположился в генерал-губернаторской усадьбе, занимавшей на окраине Тавриза громадный участок, и по разным домам, оставленным восставшими.

Тавриз в те времена, вероятно, не походил на нынешний город. В нем тогда не было ни одной европейской постройки. Улицы города шли между однообразными кирпичными или глинобитными стенами, которые часто скрывали за собой очень богатые дома восточного типа. Обыкновенно фасады этих домов выходили в свои сады и дворы. Обязательной принадлежностью каждого зажиточного дома был в саду небольшой пруд с бьющим фонтаном. Мебели в комнатах не было почти никакой, но все они были устланы коврами, причем ковры точно соответствовали площадям полов. Ковры заказывались специально по размерам комнат, но чаще комнаты строились по размерам имевшихся ковров. По стенам, во всю их ширину, в углублениях расставлялась всякая утварь, преимущественно европейской фабрикации обыкновенные керосиновые лампы. Их было иногда несколько десятков в одной комнате и они никогда не зажигались. Очагов для отопления не было вовсе: персы сидели зимой вокруг мангалов, накрывая ноги одеялами.

Мечетей в Тавризе было мало, минаретов почти не было видно. В середине города находился арсенал занимавший большую площадь и представлявший собою большие постройки без окон обнесенные широкими стенами. Арсенал был разграблен восставшими, но в нем, как будто, кроме запасов пороха и старого оружия ничего другого не находилось. Одна из наших батарей, гаубичная, была расположена в арсенале.

В середине города находился также крытый базар; тянулся он до полуторы версты. Он имел несколько параллельных улиц, соединенных более короткими проходами. По сторонам крытых улиц были расположены лавки. Их было бесконечное количество. Продавалось там все, что только выделывалось в Персии, — ковры, восточные материи, медная посуда, кальяны, фарфор, разные кустарные изделья, тут же готовились кушанья, хлеб и прочее.

С приходом нашего отряда в Тавриз власть в городе временно номинально перешла к начальнику отряда, но фактически всем управлял наш генеральный консул Миллер.

П. Я. Миллер был опытный дипломат и человек твердого характера. Он немедленно принял ряд мер для водворения порядка, не останавливаясь перед созданием полевых судов, на решение которых передавались дела по организации и участия в восстании. Так как перед передачей дел обвиняемых в суд консульством производилось обстоятельное дознание и полевому суду предавались только явные виновники, то почти все без исключения решения суда выносили смертный приговор. Начались казни. Они происходили сначала на площади персидских казарм, а затем в арсенале. В числе обвиняемых находились представители разных персидских классов. Были также и выходцы из России. Но большая часть казненных принадлежала к разбойничьим шайкам. Казни происходили распоряжением персидских властей, которым передавали решение суда для исполнения.

Вскоре после нашего вступления в Тавриз в занятом нами арсенале произошел взрыв, от которого погибло несколько десятков стрелков и один офицер. Во дворе арсенала, как я говорил выше, была расположена наша гаубичная батарея. Для размещения батарейных лошадей было решено очистить, находящееся рядом с батарейным парком, помещение. Это была казематного вида постройка и в ней находились сравнительно небольшие запасы черного пороха. Для работы по очистке и устройству этого помещения была назначена команда стрелков, которой руководил артиллерийский офицер.

Во время происшедшего взрыва штаб отряда занимался очередными делами в своем помещении. Услышав взрыв, я подошел к телефону, которым мы были связаны с разными частями города; вскоре оказалось, что телефон из арсенала не отвечает. Начальник отряда немедленно отправил меня туда, чтобы выяснить, в чем дело.

Опрос свидетелей привел меня к заключению, что вероятно, при очищении помещения один из стрелков уронил какую-нибудь металлическую вещь, которая дала искру. От нее легко мог загореться порох рассыпанный по полу, который воспламенил оставшиеся запасы его. Взрыв был не особенно сильным, но его оказалось достаточным, чтобы пошатнуть своды, которые обрушились на всех находившихся там солдат. В обрушившемся здании находилось около тридцати стрелков, которые и погибли. Тотчас же начались раскопки, но никого из постра-

давших спасти не удалось. Возникло предположение, что взрыв произошел от неосторожности какого-нибудь стрелка, закурившего папиросу, но дознание выяснило, что назначенный к команде рабочих офицер получил приказание оставаться внутри помещения и следить именно за тем, чтобы не забывали данной им инструкции не зажигать огня. Хорошо еще, что взрыв не тронул наши зарядные ящики, они были полны мелинитовых бомб и могла бы погибнуть наша батарея, только что вооруженная новыми гаубицами. Погибшие при взрыве стрелки и офицер были торжественно похоронены, но мы долго не могли спокойно вспоминать это трагический случай.

Жизнь в Тавризе и его районе вошла в нормальную колею, но наш отряд оставался в Персии до самой войны 1914 года. Постепенно мы занимали все более широкие районы и ввиду перехода турками границы в некоторых местах Азербайджана части нашего отряда заняли Хой, затем Урмию, находящиеся на западной стороне Урмийского озера против турецкой границы.

Во время пребывания отряда в районе Хоя одна наша рота, находившаяся к западу от Дильмана, была вызвана по тревоге своим постом. Оказалось, что турки перешли границу и стали продвигаться к Дильману. Командир роты развернул ее в цепь и, когда турки подошли на расстояние ружейного огня, приказал по ним открыть стрельбу. Турки, бывшие сильнее числом, построили тоже боевой порядок и продолжали наступление, но, понеся потери, повернули обратно, не причинив нам вреда. По этому поводу мы ожидали возникновения дипломатической переписки, протеста и т. п. Однако все обошлось без этого, — турецкое правительство не реагировало, мы так же.

Тогда же штаб нашего отряда перешел в Хой. Насколько в Тавризе отношения между нашим генеральным консулом и начальником отряда были полны благожелательного взаимного сотрудничества, настолько в Хое, вследствие заносчивого характера тамошнего нашего консула, настаивавшего на своих преимущественных правах, отношения эти оставляли желать много лучшего. Хойский консул был особенно требователен в смысле первенствующего фигурирования на всяких официальных торжествах, приемах и при обмене визитами. Однажды, при инспекционной поездке командира корпуса, генерала Мышлаевского, в Хой, консул не пожелал ему сделать первым визит, несмотря на то, что существовало положение, по которому консулы обязаны были встречать начальников дивизий или адмиралов, командующих отрядом судов. Мышлаевский запросил по телеграфу штаб округа, как ему быть. Штаб ответил, что он не должен ехать первым к консулу и одновременно о незаконной его претензии было сообщено в министерство иностранных дел. Но Мышлаевский не дождался ответа, уступил и согласился на промежуточное решение. Он встретился с консулом на нейтральной почве, у начальника нашего отряда.

В смысле своей служебной деятельности, однако, хойский консул был вполне на своем месте и штаб округа взял его под свою защиту. Когда министерство иностранных дел, которому наскучили "церемониальные" недоразумения, решило убрать его после какого-то нового инцидента, то штаб округа, ценя опыт и знания страны этим консулом, просил его прикомандировать для службы в разведовательном отделении, что и было выполнено.

Вскоре после тавризского восстания в Тифлисе стали получать тревожные донесения из Ардебиля, где нашим небольшим отрядом командовал мой бывший командир полка генерал Фидаров. Он доносил, что среди местных шахсевен ведется панмусульманская агитация и что они накануне выступления. К этому времени я уже был отозван в Тифлис, но продолжал вести дела наших отрядов в Персии. На усиление Фидарова был направлен батальон с несколькими сотнями казаков из Тавриза, а несколько сотен были посланы из Ленкоранского уезда. Еще до выступления этих подкреплений начались выступления шахсевен. Они сгруппировались в значительных силах вокруг Ардебиля и стали прежде всего нападать на наши посты и заставы, но нигде не могли добиться успеха. Наши небольшие части, обильно снабженные боевыми запасами, отбивали все атаки и частично присоединялись к ядру отряда в Ардебиле. Так, один взвод казаков под командою есаула Бабиева в течение долгого времени отбивался от больших банд шахсевен и несмотря на свое ранение присоединился к отряду Фидарова, не оставив ни одного раненого в руках шахсевен.

С приближением отряда из Тавриза и казаков из Ленкорани, Фидаров перешел к активным действиям и стал наносить им жестокие удары, наступая на сравнительно широком фронте. Он оттеснял шахсевен к русской границе, где их должен был встретить другой небольшой отряд к югу от Аракса. Но присылка этого отряда была отменена из Петербурга по неизвестным причинам и намеченное Фидаровым окружение в полной мере не могло состояться. Тем не менее шахсевены были разгромлены и нам достались главари восстания и большое количество ручного оружия.

С шахсевенами Фидаров поступил очень жестоко, чтобы навсегда отбить у них охоту на противодействие русскому оружию. Эта его политика принесла большую пользя во время Великой войны 1914 года. Несмотря на все попытки турок поднять против нас воинственных шахсевен, они на это не пошли, помня хорошо расправу с ними Фидарова, который и в Великую войну одно время был оставлен в Ардебиле, несмотря на его просьбу отправиться на театр военных действий. Юденич считал его особенно полезным в Азербайджане. Надо отметить, что Фидаров был магометанин.

Восстания в Тавризе и Ардебиле могли иметь место только потому, что продажа оружия, по существу, в Персии не возбранялась. Но современные винтовки стоили там неимоверно дорого. Наша трехлинейная винтовка или маузер доходили на наши деньги до 100 рублей. Патроны тоже стоили очень дорого, и несмотря на это, кочевые племена имели большое количество ручного оружия.

Пограничная с Турцией полоса Азербайджана

была населена другими кочевниками — курдами. Они почти поголовно были вооружены. Винтовками их снабжали преимущественно турки, которые рассчитывали на их содействия против России. Турецкие курды, действительно, были вполне верны туркам, но персидские и русские курды не принимали участия в турецких интригах. Только во время Великой войны один из особенно покровительствуемых нами курдских вождей персидского района перешел неожиданно на турецкую сторону.

В 1912 году в Азарбайджане наступило успокоение. Наше разведывательное отделение и топографический отдел искали возможностей выполнить картографические работы в Азарбайджане. В районах, занятых прочно нашими войсками, военные топографы спешно работали над составлением инструментальных планов, но в районах, где наших войск не было производство таких съемок было трудно. Поэтому из Тифлиса были командированы офицеры генерального штаба для топографического заснятия наиболее важных маршрутов. Я был в их числе.

Мне пришлось опять прибыть в Хой, откуда я отправился со взводом казаков на работу. Я должен был пройти довольно длинный путь кругом Урмийского озера. Сначала я шел по куртинским районам вдоль турецкой границы, затем свернул на восток и вышел на Миандуаб и далее на Тавриз. Несколько раз меня обстреливали с гор, но безрезультатно и я на огонь не отвечал. По пути приходилось сталкиваться с куртинцами-кочевниками, они принимали нас то радушно, то определенно враждебно. На ночлегах мы принимали все меры военной предосторожности. Совершив эту рекогносцировку, я вернулся в Хой, но спустя две недели, пошел опять на такую же разведку, на этот раз уже ближе к озеру.

Около Дильмана меня нагнал наш разъезд, который передал мне распоряжение начальника отряда исполнять обязанности начальника штаба небольшого отряда спешно высылаемого в Соудж-Булах ввиду тревожных сведений полученных от нашего консула. Соудж-Булах находится к югу от Урмийского озера, примерно, в 60 верстах. Я выждал отряд в Дильмане и с ним продолжал движение, причем путь этот почти совпадал с указанным мне маршрутом для рекогносцировки. Отряд состоял из батальона стрелков, взвода горных пушек и двух сотен казаков. Первая остановка была в городе Урмия. Там находился наш военный агент, генерального штаба полковник Андриевский, который сообщил, что по его данным до самого Соудж-Булаха мы не встретим никакого сопротивления, а что касается района Сауджа-Булаха, то наш консул Иияс должен знать очень хорошо местную обстановку.

На следующий день мы двинулись далее, принимая все меры охранения и разведки. Выйдя из долины Урмийского озера, мы стали спускаться в другую долину, в середине которой находилось хорошо видимое нам озеро совершенно круглой формы, имевшее около пяти верст в диаметре. Это несомненно был кратер потухшего вулкана. На берегу этого озера мы решили остановиться на большой привал. Кто-то из офицеров увидел посреди озера большое стадо каких-то птиц. Вооружившись биноклем, я ясно увидел, действительно, несколько тысяч диких лебедей. Достать их было невозможно, ружейная пуля их не достигла бы. Но подошедший командир артиллерийского взвода предложил обстрелять их гранатами.

Мы с удовольствием приняли это предложение. Начальник отряда был сам страстный охотник, которому, как и другим, никогда не приходилось охотиться по птице из пушек... Два горных орудия были сняты с вьюков, быстро собраны, а командир взвода приступил к баллистическим вычислениям. Зная, что больше одного выстрела из каждого орудия сделать не придется, так как стадо тотчас снимется, он, не желая ударить лицом в грязь, брал в своих вычислениях поправки и на разряженность воздуха, и на высоту местности, и на слабый ветер, и прочее. Через несколько минут он был готов открыть огонь Весь отряд сбежался на берег, чтобы посмотреть на пушечную охоту. Недалеко была найдена лодка, в которой казаки должны были добраться до середины озера, чтобы подобрать убитую дичь

Наконец грянуло два выстрела. Гранаты разорвались над самым стадом на самой действительной для поражения высоте. Казаки стали грести, чтобы подобрать добычу. Естественно, что лебеди тотчас поднялись и с громким криком полетели прямо на нас. Тут отряд совершенно обезумел, — солдаты побежали к козлам, разобрали винтовки и открыли по лебедям огонь, стреляя пачками. Им удалось снизить трех лебедей, но офицерам долго не удавалось остановить стрелявших. Начальник отряда, несмотря на свою страсть к охоте, был в отчаянии. Будучи ответственным в расходе патронов, он не знал, как их вывести в расход, и он стал мечтать о столкновении с курдами, чтобы завязать с ними хотя бы перестрелку.

Скоро вернулись на лодке казаки. Они не нашли ни одного лебедя. Наш артиллерист, уверенный в правильности направления и установления прицельной трубки, совершенно недоумевал. Высказывались предположения, что убитые лебеди утонули, но вернее всего — они не понесли никаких потерь от артиллерийского огня...

Задержавшись долгое время на привале, мы с большим опозданием пришли на ночлег, где нас встретило местное население крайне радушно. Они оказались христианами. В округе — три-четыре селения — было окол пяти архиереев и много священников. Они себя называли армяно-григорианами, но бывшие у нас офицеры-армяне утверждали, что их обычаи и богослужение совершенно не схожи с армянскими. К какому племени принадлежали эти люди, мы так и не узнали.

На следующий день мы вступили в Соудж-Булах. Там было все спокойно. Местный персидский генерал-губернатор был особенно рад нашему приходу, так как при первых слухах о приближении нашего отряда брожение умов части населения прекратилось. В течение двух дней губернатор устраивал празднества для солдат и для нас, офицеров. Он всем давал подарки. Я от него получил прекрасного коня местной породы, с большой примесью арабской кро-

ви. Пришлось ему ответить тоже подношением. У меня с собою было охотничье ружье, которое к его нескрываемому удовольствию я ему оставил на память.

Консул Ияс произвел на всех исключительно приятное впечатление. Он говорил, что лично он не считал положение консульства угрожающим, но что персидский губернатор настаивал на непременной присылке, хотя бы на короткое время, русского отряда. Консул Ияс оставался в Соудж-Булахе и во время Великой войны. Он погиб на своем посту во время революции

В июле 1913 года я вернулся в Тифлис. Походом в Соудж-Булах закончились мои персидские командировки. Как офицер генерального штаба я имел право преподавать военные науки в военных училищах. В 1912 году начальник Тифлисского военного училища предложил мне читать тактику. Ему непременно хотелось иметь преподавателем тактики офицера, участника Японской войны. Я на это согласился, получив разрешение штабного начальства. В то время в преподавании тактики в военных училищах был введен новый метод. Теоретическая часть сопровождалась неизменно примерами и задачами. Этой практической стороне отдавалось предпочтение перед теорией. Основное положение было вполне правильным, но отсутствие печатных руководств затрудняло юнкерам подготовку к репетициям. Приходилось довольно много работать и преподавателям, чтобы облегчить юнкерам их занятия.

Неся обязанности преподавателя, мне приходилось часто бывать в здании училища, где я родился и провел первые годы своей жизни. Расположение казенных офицерских квартир с течением времени подверглось коренным изменениям, и я нашел, по старым воспоминаниям, только сад и больше ничего...

Мне приходилось встречаться со своими бывшими учениками во время Великой и Гражданской войны. Они всегда вспоминали мои с ними занятия. При этом они говорили, что у них я считался лучшим преподавателем тактики. Это для меня было довольно неожиданно, так как я никогда не отличался умением увлекать своих слушателей, из-за отсутствия у меня ораторских талантов. Но юнкера, оказывается, с интересом слушали мои лекции, так как я переплетал их примерами из Японской войны, как живой свидетель их и обращал внимание не только на чисто тактические стороны боя, но всегда касался и моральных настроений его участников, отличая наиболее ярко примеры выдержки, мужества и личного примера. Но еще одно обстоятельство способствовало моему престижу — молодежь большое внимание уделяла боевым наградам. А у меня их было много, причем орден св. Владимира с мечами, считавшийся редкой наградой для молодого офицера, я неизменно носил в петлице сюртука.

В августе 1913 года освободилась должность начальника разведывательного отделения штаба округа и возник вопрос о ее замещении. Так как это отделение штаба не было предусмотрено штатами и было создано непосредственным распоряжением кавказского начальства, то для замещения этой должности не было надобности придерживаться старшинства офицеров генерального штаба. Генерал Юденич назначил на эту должность меня, несмотря на то, что в штабе были офицеры старше меня по выпуску. По существу работы и по особым обстоятельствам разведывательной службы на Кавказе, деятельность начальника разведывательного отделения была самой интересной из всех отделов службы генерального штаба Кавказского округа.

Слабым местом нашей подготовки на случай войны с Турцией было отсутствие хороших топографических карт Турции. Но и сами турки их не имели. Только с 1912 года мы стали получать донесения наших военных агентов в Турции, что под руководством германских офицеров производятся во всем ближайшем к нашей границе районе какие-то топографические работы. Но до самой Великой войны мы не могли получить об этих съемках подробных данных и, тем более, достать листы отпечатанных по ним карт. Но в самом начале Великой войны нам в этом отношении повезло. Один из наших миноносцев Черноморского флота, крейсируя у анатолийских берегов, захватил турецкое судно и привел его в Севастополь. В трюме этого судна оказались тюки карт с турецкими надписями. Они были отправлены на Кавказ, где в них признали те именно листы топографических съемок, которые мы тщетно старались добыть перед войной. Наш топографический отдел штаба в рекордный срок, с помощью переводчиков, дополнил их русскими названиями и наша армия получила турецкие карты пятиверстного масштаба, повидимому, раньше чем их получила турецкая армия. Попавшиеся в наши руки листы были первым их изданием.

Наша военная агентура в Азиатской Турции была так же особого характера. Наши военные агенты, находившиеся в Трапезунде, Ване, Эрзеруме, Бейруте и Багдаде, перед отправлением к месту службы переименовывались в гражданские чины по министерству иностранных дел и назначались консулами или их помощниками. Консульской службы они не несли и ведали только военной разведкой. Турки прекрасно знали об этом камуфляже и сами посылали консулами на Кавказ офицеров своего генерального штаба. По своей деятельности наши военные агенты в Азиатской Турции подчинялись штабу Кавказского округа, так же как и наш военный агент в Урмии.

В отношении организации турецкой армии разведывательное отделение штаба издавало время от времени специальный труд, в котором были сосредоточены все поступающие сведения и они были сгруппированы по разным отделам. Тайной разведки разведывательное отделение не вело. Она была возложена на наших военных агентов. Это, конечно, было неудовлетворительным решением, так как с началом военных действий, несмотря на принимавшиеся в этом отношении меры, связь с тайной агентурой неминуемо должна была быть потеряна. Наши военные агенты в Турции были все, как на подбор, прекрасными и деятельными офицерами; они давали штабу ценные сведения. Благодаря их работе мы были совершенно в курсе современного положения вооруженных сил нашего предполагаемого противника.

В конце 1913 года мой отец был назначен членом

Государственного Совета. Этому назначению предшествовали следующие обстоятельства. Мой отец был уже произведен в генералы-от-инфантерии и ему приходила очередь получить военный округ. Но, при назначении командующим войсками одного из генералов моложе его, отец получил из военного министерства уведомление, кто высшая аттестационная комиссия решила сохранить его в занимаемой должности, считая полезным пребывание его на Кавказе. Для компенсации такого решения было возбуждено ходатайство о назначении его, по оставлении им должности помощника Наместника, членом Государственного Совета. В ответ на это представление председатель Государственного Совета сообщил, что последовало Высочайшее повеление о назначении отца в Государственный Совет. Таким образом, отцу обеспечивалось пребывание в этом высшем законодательном учреждении, причем по положению ему сохранялось его довольно значительное содержание.

Мне было очень грустно расставаться с крайне удовлетворявшей меня работой по разведке, но, не желая оставлять родителей, я решил тоже перевестись в столицу. Юденич очень меня уговаривал остаться и даже высказал неудовольствие по поводу моего ухода. Он говорил, что нарочно назначил меня в обход другим офицерам, чтобы подольше иметь в ответственной должности одного и того же начальника отделения и что я нарушил своим уходом его желание.

Уход моего отца с Кавказа совпал с торжествами подготовлявшимися Лейб-Казаками, моими бывшими однополчанами, в связи со столетием Лейпцигской битвы, в которой Лейб-Казачий полк проявил выдающуюся отвагу атакой на конницу Наполеона. Я должен был присутствовать на этом праздновании и выехал в январе 1914 года в Петербург.

На Кавказ я уже не возвращался до самой Великой войны, когда в 1915 году был вызван Юденичем для назначения в Кавказскую армию.

(Продолжение следует)

Киевская эпопея 1918 года

В. Хитрово

События разыгравшиеся в Киеве в ноябре и декабре 1918 года неоднократно описаны участниками, и если я к ним возвращаюсь, то делаю это потому, что мне пришлось быть активным участником драмы, подробности которой почти никому не известны.

❦

В ночь с 30 на 31 октября (все даты по старому стилю) 1918 года мы с женой покинули советскую Россию. Переодетые крестьянами, абсолютно без всякого багажа, с транспортом мешечников отправлявшихся на Украину за сахаром и мукой, проехали мы черз нейтральную зону. Пограничный советский пост миновали благополучно, так как начальник его спал, остановивший же нас и собиравшийся обыскивать красноармеец, получив несколько "керенок", не только не стал ничего проверять, но, взгромоздившись на повозку, проводил до околицы.

Дальнейший путь наш лежал через Белгород и Харьков на Киев. В поезде между Белгородом и Харьковым пассажирских вагонов не было, ехать пришлось в теплушках и первое, что нас поразило, — это большевистское настроение толпы. Разговоры в теплушке не оставляли сомнения в том, что Гетману приходит конец и что это не произойдет безболезненно.

В субботу 3 ноября прибыли, наконец, в Киев и первое что бросилось в глаза — это огромные афиши, на которых значилось: "Героем можешь ты не быть, но добровольцем быть обязан".

В Киеве положение было следующее. Немцы, только что подписавшие на западном фронте перемирие, собирались уходить и во внутреннюю жизнь страны больше не вмешивались. Пользуясь этим, Петлюра поднял восстание, понемногу охватившее почти всю страну и Гетман оказался изолированным в Киеве. Своих войск у него не было и для защиты города пришлось прибегнуть к формированию добровольческих дружин. Последних было много и перечислить их здесь я не в состоянии, как не в состоянии обрисовать и то чрезвычайно сложное политическое положение, которое застал в Киеве.

Были немцы, располагавшие реальной силой, но умывавшие руки, был представитель Добровольческой армии генерал Ломновский, ничем решительно не располагавший, и был, наконец, Гетман, отрешившийся от своей самостийности и поднявший русский национальный флаг, под сенью которого и начали формироваться дружины. Во главе войск стоял генерал граф Келлер.

Одной из самых значительных, вернее самой значительной, была дружина сформированная генералом Кирпичевым и носившая его имя. Начальником его штаба был генерал Давыдов. Лев Николаевич Кирпичев, выпуска 1899 года из Константиновского артиллерийского училища, служил Лейб-Гвардии в Конной артиллерии и вышел в 1914 году на войну, командуя 2-й батареей. За бой 6 августа 1914 г. у Каушен награжден орденом св. Георгия.

К нему-то в штаб, на Прорезную улицу, и направил я свои стопы. Как и надо было ожидать, в дружине его состояли все находившиеся в Киеве офицеры Л.-Гв. Конной артиллерии, начиная с полковника Линевича, который заведывал хозяйством, и

кончая капитаном Сахновским, который был начальником авиационного отряда.

Очень трудно с точностью сказать, что представляла из себя дружин по сравнению с частями регулярной армии. По количеству бойцов дружина едва ли превосходила полк, но начальник ее пользовался правами командира корпуса и у него был многочисленный штаб. Дружина делилась на пять отделов: личный состав почти исключительно — офицеры. Отделы эти расположены были в разных частях города, имея первоначальной задачей охранение внутреннего порядка и не предназначались для операций вне города. Меня Кирпичев сразу же назначил командиром первого отдела, приказав сменить генерала Иванова, деятельностью которого он был недоволен, считая его недостаточно энергичным. Вторым отделом командовал полковник Крейтон; третьим — не помню кто; четвертым полковник Винберг и пятым — полковник Гревс, в отделе которого находилось подавляющее большинство, входивших в состав дружины, офицеров гвардии.

Первый отдел, в командование которым я немедленно вступил, находился в низменной части города, называвшейся Подол и заселенной преимущественно беднотой и евреями. Штаб отдела помещался в большой реквизированной квартире, в которой жила небольшая часть офицеров, входивших в состав дружины, примерно, человек сорок, и для них имелся очень хорошо оборудованный дортуар с кроватями, одеялами и постельным бельем. Большинство же дружинников жило у себя на частных квартирах, являясь в указанные часы для несения службы. Да и мы с женой поместились в реквизированной для нас комнате гостиницы Прага.

Очень прилично оборудованная столовая, в которой дружинники питались даром, помещалась в одной из комнат квартиры того же дома, а для занятий в нашем распоряжении был большой зал какого-то не функционировавшего учреждения.

Вооружение состояло из винтовок с достаточным количеством патронов и нескольких пулеметов. Артиллерии в дружине Кирпичева не было совершенно.

Ознакомившись с личным составом отдела, я увидел, что в нем числится много офицеров значительно старше меня. Во-первых, был адмирал, которого я просил заниматься хозяйственной частью. Были почтенные командиры пехотных полков: Лалевич, георгиевский кавалер, и Колесов. Последнего я просил быть помощником моим по строевой части. Адъютантом у меня остался адъютант генерала Иванова, поручик Лебедев, а через некоторое время пришлось создать должность начальника штаба, вернее начальника канцелярии, и на должность эту я назначил Каспийского полка подполковника Сергея Семеновича Рябинина сразу же обратившего на себя мое внимание как своей внешней выправкой, так и безукоризненным отношением к делу.

Сергей Семенович женат был на француженке, находившейся также в Киеве, и этой исключительной женщине я хочу посвятить несколько строк. Парижанка, она в момент объявления войны в 1914 году оказалась в России, проработала всю войну на фронте сестрой милосердия и тогда же вышла замуж. Сопутствуя мужу во всех испытаниях гражданской войны, она в 1921 г. вернулась на родину. В 1927 г. овдовела и с тех пор всецело посвятила себя помощи русским эмигрантам. Деятельный член Русского красного креста, она регулярно посещала русских в госпиталях, хлопотала за них в различных учреждениях и никому не отказывала в посильной помощи. Вынужденная служить, она часть своего скромного заработка неизменно тратила на помощь нуждающимся русским и делала это скромно и без всякой огласки. С трогательным вниманием относилась она ко всему что касалось России и войдя к ней, никак нельзя было предположить, что живет здесь француженка. Везде царские портреты, фотографии военных, погоны, значки и виды России. Скончалась она в 1960 году и похоронена с мужем на кладбище в Банье.

Через несколько дней после принятия мною первого отдела положение в Киеве стало угрожающим. Петлюровцы подошли к городу почти вплотную и я получил приказ, оставив на Подоле лишь нужное число офицеров для окарауливания помещения, выступить с отделом. Противник подходил с запада от Фастова, главным образом, вдоль железной дороги. Командовал войсками, состоявшими из галичан и называвшихся "сечевыми стрельцами" австрийцев, полковник генерального штаба Коновалец и говорили, что в роли начальника штаба состоял при нем Отмарштейн — Лубенский гусар.

Добровольческие дружины занимали фронт перед Киевом полукругом, оба фланга которого упирались в Днепр. На крайнем левом фланге расположен был пятый отдел полковника Гревса, мне отводился центральный участок у железной дороги в районе поста Волынского. Моим соседом справа был Петя Воейков, стрелок Императорской фамилии, наж годом старше меня по выпуску. Командовал он отрядом не входившим в состав дружины Кирпичева. Еще правее располагалась дружина князя Святополк-Мирского. Моим непосредственным соседом слева был полковник Крейтон.

Своих регулярных войск у Гетмана не было. Последнее время, наспех, с разрешения немцев, сформированы были какие-то части называвшиеся "сердюками", но полагаться на них было совершенно невозможно. Эти-то "сердюки" и занимали участок, на котором мне надлежало их сменить. Но говоря о боевых действиях того времени, нужно иметь в виду, что они не имели ничего общего с настоящей войной. "Фронта", в общепринятом смысле этого слова, не было. Была гражданская война, где противник мог находиться за каждым углом и где подчас его нельзя было ожидать.

Выступили мы с Подола вечером в четверг 8 ноября. Путь предстоял длинный. Шли мы пешком. Ночь была ясная и морозная. Адмирала просил я выслать нам наутро походную кухню и впредь заботиться о нашем снабжении. Нужно признать, что с задачей этой он справился блестяще и мы никогда ни в чем не нуждались. В полночь прибыли мы в указанную нам деревню, Большую Братскую, где находился штаб сердюков, которых мне надлежало сменить.

Штаб помещался в избе, с тылом связывал его полевой телефон и имелась схема расположения. Сведения о противнике отсутствовали совершенно. Никакого соприкосновения с ним не было, разведка не производилась, да и как было ее производить? В общем это было сторожевое охранение, могущее в случае наступления противника, своевременно уведомить тыл, но совершенно не способное оказать маломальское сопротивление. Резервов в распоряжении Кирпичева не было.

Участок, который мне надлежало занять, совершенно не соответствовал моим силам. У меня было, в лучшем случае, рота полного состава, деревни же было две, так как кроме Б. Братской, в которой находился штаб и к которой примыкала железная дорога, правее и севернее была еще одна, отделенная от нас лугом шириною около полуверсты. Так что у меня было значительно больше двух верст. Северная деревня называлась Борщаговка. В ней, по словам смененного мною командира сердюков, находились его части никем не тревожимые и для занятия этой деревни я назначил 33 офицера, поручив командование полковнику Лалевичу. Лалевич ушел, я же принял от сердюков штаб, проверил телефонную связь с тылом. Смена на ближайших участках прошла безболезненно.

Стало светать, донесений от Лалевича не поступало и это начинало меня беспокоить, как вдруг в сенях занятой штабом избы я услышал взволнованные голоса и вслед за этим мне доложили, что от Лалевича прибыл офицер и что там произошло несчастие. Офицер доложил следующее.

Полковник Лалевич со своим отрядом подошел к Борщаговке в темноте, двигаясь без всяких мер охранения, что было понятно, так как он шел сменять свои части. При входе в деревню его окружили вооруженные люди, которых поначалу приняли за сердюков. Они не проявляли враждебности, уверяя, что "свои" и предлагая офецерам бросить оружие во избежание недоразумений и лишнего кровопролития. Лалевич, будто бы, на это пошел, что показалось мне странным и мало правдоподобным, но, когда оружие было сдано, то выяснилось, что это петлюровцы, которые заперли офицеров в сарой с тем, чтобы их потом расстрелять. Докладывавший мне офицер, фамилию которого я забыл, был, по его словам, единственный, которому, пользуясь темнотой, удалось убежать.

Проверить рассказ было невозможно. Ясно было лишь, что Борщаговка занята противником, который в любой момент может беспрепятственно двинуться оттуда в Киев, так как "фронт" наш вытянут был в ниточку и никаких резервов не было. Куда девались занимавшие Борщаговку сердюки было не ясно.

Вызвав по телефону Кирпичева и сообщив ему эти тревожные сведения, я сказал, что немедленно с наличными силами постараюсь вновь занять Борщаговку, пока же надо считаться с тем, что сплошного фронта нет и путь к Киеву открыт. Затем отправился на северную оконечность деревни, где находилась церковь и, став у ограды, начал рассматривать в бинокль Борщаговку, но сколько я не смотрел, никакого движения в ней заметно не было. Стоило мне, однако, выйти на открытое место, как оттуда раздались выстрелы и вокруг нас защелкали пули.

Рассыпав у северной окраины небольшую цепь, я вернулся в штаб и отдал распоряжение для овладения Борщаговкой. Удалось выделить около тридцати человек, начальство над которыми я поручил полковнику Колесову. Последний должен был очень редкой цепью перейти через разделявший обе деревни луг и занять Борщаговку. Для его поддержки установлены были у церковной ограды два пулемета, но огня последним открывать не пришлось, так как Колесов не встретил никакого сопротивления. По нем не было сделано ни одного выстрела и в деревне никого кроме мирных жителей не оказалось. Куда же девался противник?

Одной из особенностей гражданской войны вообще, а в этот ее период в особенности, была полная невозможность отличить своих от чужих по форме одежды. Не говоря уже о том, что все военные носили одинаковые шинели, те же шинели носили в деревнях демобилизованные, вернее самодемобилизовавшиеся солдаты.

Лично я имел, как и большинство, папаху, а вместо шинели у меня была очень теплая зеленая охотничья куртка, на ногах валенки, на шее башлык. Так мог быть одет охотник, помещик и его управляющий и нужно было очень близко подойти, чтобы разглядеть на папахе кокарду, а под башлыком погоны.

Получив донесение о безболезненном занятии Борщаговки и отсутствии противника, я приказал принять следующие меры. Во-первых, потребовать у жителей сдачи оружия, затем произвести поголовный обыск и арестовать тех, у кого последнее будет найдено. Таковых оказалось два. Осуществить обыск с нашими ничтожными силами оказалось практически невозможно, так как в скирдах и стогах запрятать можно было все что угодно. Кроме того, выяснилось, что в деревне много мужчин призывного возраста, и во избежание неожиданностей, около двадцати человек препровождены были в Б. Братскую и поселены в школе под охраной часовых. Мера предосторожности совершенно необходимая, принимая во внимание напряжение, создавшееся на моем участке.

Около полудня пришло драматическое донесение. За сараем, на северной окраине Борщаговки, найдены тела наших расстрелянных офицеров, причем последние были раздиты, а некоторые настолько изуродованы, что нельзя их опознать. Не только разбиты черепа, но вспороты были животы и вырваны целые куски мяса. Впечатление создавалось такое, что их грызли собаки.

Не считая возможным в такой тревожный момент покидать свой штаб, лично я трупов не видел и Колесову приказал офицерам их не показывать, чтобы с одной стороны не подрывать духа, а с другой — не вызывать лишнего озлобления. Сообщил в штаб дружины о трагической находке и оттуда была выслана санитарная повозка.

Весть о случившемся разнеслась по всему Киеву, как всегда в таких случаях с огромными преувеличениями, и меня стали осаждать просьбами о справ-

ках. Убитые офицеры были привезены в штаб Кирпичева, оперативная часть которого помещалась в поезде у моста Волынского, и здесь с них сняты были фотографии. Снимки эти я, конечно, видел, — они были ужасны, но возникало два вопроса: зачем петлюровцы это сделали и когда же они успели?

Тогда я особенно в это не вникал, у меня были другие заботы. Сомнение зародилось тогда, когда недели две спустя неожиданно появился Павловский, один из офицеров, числящийся среди расстрелянных, и рассказал как он спасся. По его словам, безоружных офицеров продержали в сарае до рассвета, затем стали по четыре человека выводить на "суд" и немедленно расстреливать. Таким же образом вывели и его, и в одном белье расстреляли, но ни одна пуля в него не попала, он же нарочно упал и притворился мертвым, а после ухода красных бежал в город. На мой вопрос, почему же он не явился ко мне сразу, Павловский дал чрезвычайно сбивчивые показания.

Ясно было, что здесь что-то не ладно. Количество найденных трупов совпадало с количеством офицеров отряда Лалевича и, сопоставляя все данные, можно было предположить следующее. Часть дружинников смогла скрыться сразу же после того как их разоружили и не пожелала вернуться. Остальные попали в плен и были расстреляны, так некоторые убитые были опознаны. Но не все.

Возможно и вероятно, что в том месте, где их убивали, находились тела раннее расстрелянных, кем и когда — неизвестно, и они то и были изуродованы. Неясным оставался вопрос: каким образом, если это так, о нахождении в Борщаговке изуродованных трупов не знали смененные нами сердюки? Но здесь мы затрагиваем такую область, в которой вообще ничего разобрать нельзя. Кто такие сердюки и на чьей стороне были их симпатии?

В один из последующих дней ко мне в дружину явилось два сердюка, с полным вооружением, и с предложением поступить на службу. Откуда они появились, было совершенно непонятно. Их обыскали. У одного из них оказалась записная книжка, подобие дневника, из которого можно было понять, что они уже трижды переходили из одного лагеря в другой и к нам теперь пришли непосредственно от петлюровцев. Пришлось отправить их в штаб отряда.

Убитых офицеров торжественно отпевали в соборе. На похоронах присутствовало все начальство, местные власти и масса народу. Для возложения венка от отдела я командировал делегацию во главе с подполковником Рябининым.

Все это произошло в ночь с 8 на 9 декабря. В течение последующих дней положение оставалось очень напряженным. Никакого пополнения я не получил и офицеры стали очень волноваться. Было сильное подозрение, что убийство дело рук местного населения, враг чудился за каждым углом и я должен был заявить населению, что находившиеся арестованными в школе двадцать человек рассматриваются как заложники. Кормили их из нашего котла да, кроме того, они с собой захватили не мало провизии. Эта ли мера подействовала, — не знаю, — но дальнейшее пребывание наше в этом районе прошло совершенно спокойно.

А несколько дней спустя ко мне нагрянул военно-полевой суд для того, чтобы судить виновников избиения офицеров. С судом прибыл и карательный отряд, человек двадцать офицеров, великолепно одетых, подтянутых, дисциплинированных, и я искренне пожалел, что не могу их оставить у себя. Из разговора с председателем суда я понял, что его задача заключается в том, чтобы покарать виновных и дать удовлетворение общественному мнению. Особенно волновались офицеры, возмущенные произведенными зверствами. А кто виновные и где их искать? У меня имелся список арестованных, но кроме двух, у которых найдено было оружие, определенных улик против других у меня не было. Суд решил опросить всех и после долгого обсуждения вынес приговор четырем, остальных отпустили домой.

В течение последующих дней никаких событий не было. Как-то вдоль линии железной дороги предпринята была попытка наступления, из которого ничего не вышло несмотря на выезд на передовые позиции главнокомандующего генерала графа Келлера со штабом. Как-то через фронт для переговоров прошел пешком французский консул, местный учитель французского языка. Но в общем жизнь протекала спокойно. Адмирал аккуратно доставлял продовольствие, а однажды приехал к нам с походной кухней питательный пункт Красного креста, во главе с герцогиней Еленой Георгиевной Лейхтенбергской.

Как-то раз, слышу за окном хорошо мне знакомый голос, который называет мою фамилию. Кто это? Оказывается, бывший мой воспитатель в Пажеском корпусе полковник А. А. Бертельс. С мешком на спине пришел он пешком с ближайшей станции, чтобы принести подарки офицерам, своего бывшего воспитанника. Я был очень тронут.

Дисциплина отдела моего была на должной высоте. Знаю, что так же было в отделе Гревса и, вероятно, в других отделах кружины Кирпичева, зато разные "отряды", в огромном числе расплодившиеся по инициативе отдельных лиц, были чрезвычайно распущены. Помнится, что мне пришлось очень крупно поговорить с начальником одного "отряда", появившегося на моем участке и устроившего загул с дамами. Но решительных мер принимать не пришлось, так как отряд этот ушел в неизвестном направлении.

Особенное внимание обратил я на несение ночью службы сторожевого охранения, для чего каждую ночь в сопровождении одного или двух офицеров обходил все посты и заставы. Жили же мы все скученно в каком-то большом здании, кажется, школе.

30 ноября, в деревню мою прибыла и в ней расположилась немецкая кавалерия. Цель ее прибытия заключалась в том, чтобы оградить Киев от вторжения петлюровских банд, что достигалось одним фактом присутствия немцев на линии фронта. Появление на больших сытых конях всадников, прекрасно одетых и вооруженных, произвело на нас большое впечатление, и рядом с ними, мы ярко ощущали свое бессилие и бедность нашего вооружения. Расположились немцы в лучших домах, потребовали очище-

ния занятого нами здания и на протесты наши внимания не обращали. Они было хозяева и нам оставалось слушаться и подчиняться.

Совместная наша жизнь продолжалась, однако, недолго, да и смысла не имела. В памяти моей не сохранилось никаких интересных эпизодов, относящихся к этому периоду. Вскоре мы были отозваны с линии фронта и я со своим отделом вернулся на Подол.

Здесь, на Подоле, провел я последние две недели киевской эпопеи и период этот ничем не ознаменовался. Порядок на Подоле не нарушался и большинство офицеров ночевало дома. Попытки мои получить в свое распоряжение автомобиль успехом не увенчались, а был он мне крайне необходим, как для поездок на Прорезную, так и для объезда вверенного мне района.

Вопрос контр-разведки, вопрос ограждения нас от проникновения в нашу среду петлюровских агентов поставлен был из рук вон плохо. Можно сказать, что контр-разведки просто не существовало. При принятии мною первого отдела в его составе было несколько штатских, так как в принципе в дружину принимались и не военные, при условии, конечно, проверки их политической благонадежности. Но как было проверить? Кроме того, наличие штатских в нашей среде давало посторонним возможность проникать в наше помещение, не обращая на себя внимания и я раз застал обедающим в нашей столовой совершенно мне незнакомую личность. Бумаг никаких он предъявить не мог и его следовало бы арестовать. Но арестовав, что было с ним делать? И какое предъявить обвинение? Я ограничился тем, что приказал ему убраться. Когда же несколько дней спустя встретил этого типа в штабе дружины, то сообщил кому следует, хотя он, увидав меня, поспешил скрыться и задержать его не удалось. Когда после занятия петлюровцами Киева, часть офицеров оказалась арестованной в Педагогическом музее, эта личность туда явилась и потребовала полковника Хитрово. К нему вывели моего брата Александра. "Нет", говорит, — "не тот". Брат мой, Михаил, тоже оказался "не тем" и их оставили в покое. Мне это стало известно и заставило ускорить отъезд из Киеве. Но я забегаю вперед.

С начала декабря положение в Киеве явно ухудшилось и ухудшение это не было результатом неудачных боев и проигранных сражений. Никто не сражался, Киев же держался потому, что окрестные деревни заняты были немцами, одно присутствие которых исключало возможность боев. Но как-то само собою все разваливалось и окончательно рухнуло, когда немцы вернулись в город. У них тоже существовали уже комитеты, с которыми командный состав вынужден был считаться.

Графа Келлера на посту главнокомандующего сменил генерал Долгоруков, но это ничего не изменило.

13 декабря стало ясно, что дело плохо и вечером получено было распоряжение выслать в штаб дружины приемщика за деньгами и немедленно выплатить всем жалование за декабрь. Благодарить за это нужно было Линевича, заведывающего хозяйством дружины, благодаря настойчивости которого удалось получить из казначейства нужные средства. Мой казначей засел немедленно за работу и всю ночь выплачивал, так что к утру все без исключения чины отдела получили то, что им причиталось.

Утром 14 декабря, по телефону передали приказ — всем отделам стягиваться на сборный пункт в Педагогический музей, находившийся в центре города. Зачем, — в приказе не говорилось. И, как-то сразу после этого распоряжения, связь со штабом прекратилась. Посланный офицер доложил, что в штабе вообще никого больше нет, помещение пусто и на Прорезной в большом количестве валяются брошенные бумаги. Стало ясно, что все рухнуло и нужно принимать какое-то решение. Но какое?

Почти все офицеры первого отдела собраны были на Подоле. Вскоре же мне пришли сообщить, что на площадь прибывают офицеры других отделов и среди них ведутся разговоры о необходимости переправиться по Дерницкому мосту через Днепр и идти походным порядком на Дон. Осуществимо ли это было?

Само собою разумеется, что с тем, чем я располагал, об этом не приходилось и думать. Могло ли осуществить это высшее командование, сказать трудно. Положение было очень сложное и прежде всего для этого нужно было окончательно сдать в архив самостийность и двигаться на Дон с тем, чтобы, прибыв туда, подчиниться Добровольческой армии и восприять ее идеологию. Способен ли был на это Гетман и его окружение? Думаю, что нет. Затем, нужно было заранее начать подготовку к походу, чего сделано не было, назначение же сборного пункта не на Подоле, на пути к мосту через Днепр, а в центре города, с несомненностью указывало на то, что вывод войск из Киева не входил в намерение главного командования. И непонятно было, зачем нас туда звали.

По свидетельству одного из участников этих событий (Роман Гуль, Киевская эпопея. Архив русской революции, том 2), решение стягиваться в Педагогический музей носило чисто случайный характер и принято было в штабе Кирпичева утром 14 декабря по предложению офицеров второго отдела (полковника Крейтона). Констатировав невозможность ухода на Дон, решив, что разойтись по домам, т. е. распылиться, невозможно, офицеры этого отдела предложили Кирпичеву собрать всех в какое-нибудь центральное место, после чего начать переговоры через "представителей думы". Так и решили и сборным пунктом выбрали Педагогический музей, куда и пошли.

Всего этого, конечно, я не знал. Нужно было — либо немедленно всех распустить по домам, либо идти на сборный пункт и так как распылиться никогда не было поздно, то я и решил предварительно выяснить, что происходит в музее. День в декабре очень короткий. Пока стягивались к штабу все разбросанные по Подолу посты, пока выяснилась невозможность связаться со штабом дружины и пока достали повозки, на которые погрузили пулеметы, патроны и все имевшееся у нас имущество, стало смеркаться.

С мерами охранения, с головным отрядом, дозорами и небольшим арьергардом двинулись мы в путь. В гору поднялись благополучно. Настроение нервное.

Кто-то из идущих впереди выстрелил и ранил своего же. При подходе к одному из перекрестков, недалеко от музея, дозоры остановились. Я вышел вперед посмотреть что случилось. Темно. На перекрестке горит костер, около которого греются какие-то люди. Присматриваюсь, вижу солдаты. "Кто такие?" — "Сечевики!", — иными словами — петлюровцы. "А вы, кто такие?" — "Свои", но, сказавши это, я поспешил отойти дальше. Разведка высланная в разные стороны с несомненностью выяснила, что весь город занят петлюровцами и мы являемся единственной добровольческой частью не сложившей оружия и не попавшей в музей. Идти туда бессмысленно и едва ли возможно. Оставалось разойтись по домам, что мы и сделали. Должен признать, что к моменту принятия этого решения в строю оставалось ничтожное количество офицеров. Отдел понемногу растаял.

Последующие дни нам с женой пришлось скрываться, постоянно меняя квартиры. Сшил я себе штатское платье и днем не выходил. Знал, что меня ищут, что граф Келлер, вместе со своим адъютантом полковником Пантелеевым убиты на следующий день после прихода петлюровцев, что в Педагогический музей брошена была бомба и что только присутствие немцев спасло находившихся там офицеров от самосуда. Благодаря самоотверженной работе Красного креста, а также жен и сестер арестованных, их понемногу удавалось освобождать и они спешили покинуть Киев.

Нужно было и мне уезжать и так как едущим в Одессу чинили большие затруднения, то я решил ехать в Екатеринослав, раздобыв удостоверение киевской городской управы о том, что я техник, командируемый для закупки нефти, мазута и других материалов для нужд города Киева.

До Екатеринослава добрался благополучно, но на следующий день город оказалсз во власти Махно и в моей гостинице матросами был произведен поголовный обыск. Спас меня паспорт, выданный 11 октября в управлении орловской городской милиции. В графе касающейся воинской повинности значилось: "Уволен вовсе от военной службы", фраза вполне матроса удовлетворившая.

Махно правил недолго и через несколько дней изгнан был "атаманом" Григорьевым, при котором начали ходить поезда и я перебрался в Никополь, где оказался в одной гостинице с известным табачным фабрикантом Богдановым. Он, с семьей, пробирался, как и я, в Крым и мы решили продолжать путешествие на лошадях.

Наняли две подводы, переправились через Днепр на пароме и двинулись на Мелитополь. Произошло это утром 4 января 1919 года. Путешествие представляло некоторый риск, так как нас предупреждали, что в северной Таврии полное безвластие и что на степных просторах "пошаливают" разбойники. О том, где начинается сфера Добровольческой армии, никто понятия не имел.

Сошло все совершенно гладко. По местности ровной как стол, катили мы беспрепятственно и, переночевав в каком-то большом селении, к вечеру 5 января приехали в Мелитополь и отправились на вокзал. Я не верил своим глазам. В форме, с погонами и оружием, ходили офицеры. Но еще больше я был удивлен, когда узнал, что в городе расположен Сводно-Гвардейский полк Добровольческой армии, которым командовал генерал Тилло. В штабе последнего я почувствовал себя дома. Офицеры почти все знакомые и среди них много бывших пажей. 6 января генерал Тилло, для того чтобы легализировать мое положение, зачислил меня в списки полка и выдал соответствующее удостоверение за № 58, которое каким-то чудом у меня сохранилось.

Мобилизация промышленности

(Продолжение)

И. Боборыков

Глава вторая

ЗАГОТОВКА АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ОРУДИЙ И ВЫСТРЕЛОВ К НИМ

Первый же год войны поставил воюющие державы перед совершенно не предусмотренной проблемой. Предыдущие войны, не знавшие ни столь усовершенствованных пушек, ни такого массового огня, не давали прямых указаний на то, какое значение будет иметь артиллерия в современном бою, какое количество снарядов будет выпускаться и какую работу придется выдержать орудию.

Считалось, что война должна обязательно быть кратковременной, запаса выстрелов, заготовленных в мирное время, хватит с избытком до заключения мира и что орудие будет выбывать из строя только в силу повреждения в бою или захвата его неприятелем. Первые же месяцы боевых столкновений показали всю ошибочность этих взглядов. Ураганный артиллерийский огонь вызвал большую трату запаса выстрелов и влек за собою быстрое изнашивание орудий. Французские данные показывают, что во французской армии на каждые 15.000 выстрелов произведенных на фронте выбывает из строя, по тем или иным причинам, — одно орудие. Первые же сражения выяснили недостаток наличной артиллерии. Необходимо было ее увеличить, ввести более тяжелые и дальнобойные калибры, способные давать не только настильный,

но и навесный огонь. Нужно было также заменить и выходящие из строя орудия, запас которых был явно недостаточен.

Сохранение боеспособности армии требовало возможно скорой постановки различных типов артиллерийских орудий у себя дома, так как не было никакой возможности расчитывать на помощь орудийных заводов других стран, занятых заказами своих армий.

АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ОРУДИЯ.

Рассмотрим теперь как был разрешен вопрос с пополнением и увеличением артиллерии во Франции. Французский генеральный штаб просмотрел опыт Балканской войны. Мнение группы артиллеристов во главе с генералом Герр, указывавших на необходимость введения в армию более тяжелых калибров, способных к навесной стрельбе, в дополнение к 75 мм. пушкам, не было принято во внимание. Французская 75 мм. пушка считалась универсальным орудием, способным удовлетворить все требования современного боя.

Так как война ожидалась краткая, то совершенно не предполагали возможности изнашивания орудий при чрезмерной стрельбе. В арсеналах имелся небольшой запас в 700 орудий, предназначавшихся на замену подбитых и захваченных неприятелем. В строю же французская армия имела 1.011 батарей в четыре орудия 75 мм. калибра (1). Военные столкновения первого периода войны показали не только всю силу и значение артиллерии в современном бою, но и те потери в материале, которыми сопровождается нынешняя война. Выйдя на войну с 4.044 75 мм. орудиями, французы потеряли захваченными неприятелем, подбитыми и приведенными в негодность только до 1 мая 1915 года — 1.700 орудий, а к 1 января 1916 года эти потери удвоились (2).

Одновременно с этим выяснились и недостатки 75 мм. орудий и необходимость введения дополнительных, более тяжелых калибров, обладающих большей дальнобойностью и навесным огнем. Авиация и все развивающееся ее применение поставила на очередь вопрос о противовоздушной обороне. Все эти нужды можно было удовлетворить только путем постановки фабрикации новых орудий.

Еще в самом начале войны заводы Шнейдера и Сен-Шамона представили военному ведомству чертежи 75 мм. орудий, но более низких по своим качествам, чем те, которые были приняты во французской армии. Эти заводы сначала получили отказ, но большие потери в орудиях принудили принять эти предложения и заказ был лишь обусловлен только заготовкой известного количества запасных частей для замены. В начале февраля 1915 года арсенал в Бурже получает заказ на 100 орудий противовоздушной обороны. Заводы, которые выделывали орудия до войны стали расширять свое производство. Но этого оказалось мало.

(1) Ребуль. Мобилизация промышленности. Т. 1, стр. 81.
(2) Там же, стр. 32.

В конце февраля 1915 года французское правительство обратилось к частной металлургической промышленности, с предложением поставить до конца 1915 года 500 новых орудий. Частная промышленность, несмотря на отсутствие соответствующего оборудования и специалистов, выполняет этот заказ путем распределения труда между различными заводами. Каждый завод специализируется только на выделке известных частей. Несмотря на все усилия, только к концу 1915 года удается достигнуть производительности мирного времени, т. е. 500 орудий в триместр; вследствие чего критическое положение артиллерии на фронте сохраняется до конца 1915 года. Получив основательный толчок, мобилизация пушечного производства все расширяется и в середине 1916 года не только дает возможность командованию пополнить некомплект, но и приступить к замене в фронтовых частях 75 мм. орудий старых типов, отправленных на фронт вследствие недостатка в артиллерии. Ребуль свидетельствует, что "не испытывалось бы всего этого беспокойства и была бы избегнута опасность ослабления артиллерии, если бы в нашем плане мобилизации мы предвидели и предусмотрели расширение фабрикации военных материалов".

Интересно проследить состояние французской полевой артиллерии (75 мм. орудия) за время всей войны. Французская армия вышла на войну, имея в строю 4.044 орудий и 700 орудий в запасе. Закончила войну с 5.484 75 мм. орудиями в строю (3). Потери в 75 мм. орудиях только до 1 января 1917 года равнялись — 9.000 орудий и распределялись следующим образом: разорвалось 2.100, раздувшихся 2.300, пришедших в негодность от стрельбы — 3.000, подбитых и захваченных неприятелем — 1.600.

Замена выбывших из строя и новые формирования потребовали мобилизации и усиленной деятельности орудийной промышленности. Результаты этой мобилизации выразились в следующих цифрах:

выпущено новых 75 мм. орудий	в 1914 г. —	0
	в 1915 г. —	1.360
	в 1916 г. —	4.050
	в 1917 г. —	5.400
	в 1918 г. —	6.350
	Всего —	17.160

Одновременно с этим к 168 имевшимся в наличности горным орудиям выделено более 800. Обнаружившаяся в начале войны необходимость в тяжелой артиллерии была покрыта сформированием и отправкой на фронт частей, вооруженных тяжелыми орудиями старых образцов 1877 и 1881 гг., находившихся на складах или имевшихся на вооружении крепостей. К созданию новой тяжелой артиллерии во Франции было приступлено значительно позже, когда уже было налажено производство легких орудий.

При заказах тяжелых орудий решено было для начала держаться уже принятых образцов. Для производства их имелось все необходимое оборудование,

(3) Герр. Артиллерия, стр. 148.

снаряды их были изучены и таблицы стрельбы выработаны. В конце февраля 1915 года все большие пушечные заводы получили заказ на 105 мм. и 155 мм. пушки и 280 мм. мортиры.

Удовлетворенное успешным началом выполнения этой работы, французское правительство в конце этого же года дает заказы на новый мощный образец 280 мм. мортиры.

Новая программа главного командования от 30 мая 1916 года, переформирования и усиление тяжелой артиллерии повлекли за собой усиленные заказы. Для выполнения этой программы нужно было, в дополнение к имевшимся уже в наличности, изготовить:

960 — 105 мм. пушек,
2.160 — 155 мм. гаубиц,
1.440 — 155 мм. пушек,
160 — 220 мм. мортир и
80 — 280 мм. мортир.

Из новейших типов в 1916 году заканчиваются изготовлением 400 мм. мортиры, которые применяются при обстреле фортов Во и Дуомон в 1916 году и Корниле в 1917 году и еще мортиры 520 мм., которые не были закончены до конца войны.

Работа французской промышленности по производству тяжелой артиллерии выразилась в постанке в действующую армию в следующих цифрах:

105	мм.	пушек Шнейдера типа 1913 г.	1.340
155	мм.	гаубиц Шнейдера типа 1913 г.	320
155	мм.	гаубиц Шнейдера 1915 и 1917 гг.	3.020
145-155	мм.	гаубиц Шнейдера типа 1916 г.	215
155	мм.	пушек Шнейдера типа 1917 г.	410
155	мм.	пушек Шнейдера типа 1918 г.	5
155	мм.	пушек Г. П. Ф.	715
220	мм.	гаубиц типа 1916 г.	385
220	мм.	пушек типа 1917 г.	25
280	мм.	гаубиц	155
120	мм	мортир Шнейдера	50
		Всего:	6.710

Такое количество поставленных в армию тяжелых орудий наглядно показывает те усилия, которые произвела французская пушечная промышленность во время войны. Нужно, однако, отметить, что это было тем легче сделать, так как завод Крезо являлся мировым поставщиком артиллерии. Его мастерские были оборудованы всем необходимым для производства артиллерии таких крупных калибров. Завод Сев-Шамон мало в чем уступал Крезо.

При всех этих поставках орудия новейших типов совсем не заказывались. Все было сведено к наиболее полному использованию имевшихся установок и тем расширениям производства, которые вызывались требованиями данного момента. Да и эта задача значительно облегчалась тем опытом, который был приобретен еще в мирное время как техническим, так и рабочим персоналом этих заводов.

Все же нужно отметить, что успешное развитие производства как легкой, так и тяжелой артиллерии значительно было замедлено отсутствием предвидения этой необходимости перед войной. Отсутствие заблаговременной подготовки значительно задержало надлежащую поставку производства и, таким образом, продолжала тот кризис, который открылся во французской армии после неудач первых боев и отката на Марну.

Поэтому можно вполне согласиться с мнением Ребуля, что, если бы план мобилизации предвидел необходимость производства орудий легкой и тяжелой артиллерии, французской армии не пришлось бы пережить критического времени в 1915 году и очень возможно, что и ход войны при этих условиях принял бы другой характер.

*

Перейдем теперь к рассмотрению условий производства артиллерийских орудий в России.

Согласно мобилизационному расписанию 1910 года на вооружении армии по окончании мобилизации должно было состоять:

684	полевых легких батарей с пушками образца 1902 года	5.472
50	горных батарей с горными пушками образца 1904 года	362
80	мортирных батарей с гаубицами образца 1904 года	512
60	батарей тяжелой артиллерии с шестидюймовыми скорострельными пушками	240
1	батарея Офицерской артиллерийской школы	8
72	конных батарей с конными пушками	432
7	конно-горных батарей с горными пушками	42
5	батарей Заамурской пограничной стражи	20

Итого 959 батарей с 7.088 орудиями.

Сверх этого в запасе военного времени должно было состоять:

15%	трехдюйм. скорострельных пушек	842
15%	трехдюйм. горных пушек	57
15%	48-линейных гаубиц	74
10%	42-линейных гаубиц	8
10%	шестидюймовых гаубиц	16
	Итого орудий	997

Таким образом, всего должно было состоять — 8.085 орудий.

Кроме того, для государственного ополчения должно было состоять пушек образца 1895 года — 28 батарей с 224 пушками.

На самом же деле в войсках и в запасе состояло 7907 орудий вместо 8085, то есть не хватало 178 орудий.

Подобно французам мы не ожидали необходимости пушечного производства во время войны, также как и не ожидали, что война потребует такого пополнения материальной части артиллерии. В нашем мобилизационном расписании 1910 года в этом отношении встречается только одно указание: "Запас военного времени должен быть восстановлен в течение

года войны". Нормальная же производительность наших заводов была значительно больше. При заказе в 899 легких орудий мы могли выработать без всяких добавочных усилий свыше 1450 орудий в год.

Война поставила нас в совершенно неожиданные условия. Никем непредвиденное развертывание нашей армии, выявившееся значение артиллерийского огня, наконец, развитие и боевое применение авиации вызвало необходимость новых усиленных формирований. Неудачи и отступления сопровождались потерей нами орудий и изнашивание от усиленной стрельбы потребовало от нашего артиллерийского ведомства все больше и больше орудий разных типов.

Таким образом, уже по истечении нескольких месяцев войны явилась очевидная необходимость производства большого количества артиллерийских орудий как для вооружения новых формирований, так и для замены выбывающих из строя или каких-либо других причин.

Мы ограничимся здесь рассмотрением количества орудий требовавшихся для замены выбывающих из строя, не касаясь особенно вопроса о новых формированиях, ибо последние обуславливаются обстоятельствами, которые выясняются во время самой войны и не могут быть предусмотрены в планах. Единственно что можно было сделать — это предвидеть в мобилизационных планах заводов возможность таких экстренных потребностей и оставлять для них известный процент производства, который всегда может быть использован в том или другом отношении.

В сущности говоря, минимум требований предъявляемых мобилизованной орудийной промышленности является поддержание на одной высоте числа орудий действующей армии, другими словами, своевременная доставка достаточного количества всех типов артиллерийских орудий, необходимых для замены выбывающих из строя по тем или иным причинам.

Рассмотрим теперь, какие же результаты дала нам война в этом отношении в России. Мы уже указывали, что запас орудий русской армии равнялся почти 15%. Опыт всех предыдущих войн давал основание считать такой запас вполне достаточным и вопрос о пополнении орудий в частях ни у кого не вызывал тревоги. Действительно, первые месяцы войны практика, казалось, соответствовала теории. С фронта поступали отдельные требования о замене орудий. С течением войны положение стало меняться. Большое количество выпускаемых снарядов, в связи с ухудшением ухода за материальной частью, вызвало необходимость замены большого числа орудий.

Наконец, в сентябре 1915 года Главное артиллерийское управление получило из Ставки требование ежемесячной доставки в армию для пополнения убыли 450 полевых орудий и 90 горных, что представляло собою почти 15% всех находящихся на фронте орудий.

Через два месяца Ставка указала Главному артиллерийскому управлению, что на случай потерь должен быть заготовлен и сосредоточен в наличности запас орудий равный 25% общего количества.

Главное артиллерийское управление изучило собравный со времени японской войны материал о службе наших полевых орудий и пришло к следующим выводам: наша полевая пушка в условиях полигонной стрельбы и нормального ухода выдерживает до 10.000 выстрелов.

Во время войны, вследствие плохого обращения, вызванного выбытием из строя кадров персонала, ухудшением качества металла новоизготовленных орудий и усиленной стрельбы, орудия стали выдерживать менее половины этого количества. Поэтому Главное артиллерийское управление пришло к заключению, что для замены изнашивающихся пушек необходимо подавать на фронт ежемесячно 400 орудий. Добавляя к этому боевую убыль, равную в 90 орудий, мы получаем общее количество выбывающих орудий равное 500, что и было принято к руководству. В конце же января 1916 года из Ставки пришло задание ежемесячно подавать на фронт 490 полевых орудий, 70 горных и кроме того 355 труб для починки расстрелянных орудий. В этом же размере были определены потребности России на петроградской союзной конференции. Мы здесь опускаем цыфру орудий потребных для новых формирований.

Растматривая эти требования, мы видим насколько война изменила все предположения. Вместо общеармейского 15% запаса, казавшегося неисчерпаемым, действительность потребовала ежемесячной подачи на фронт, только для замены выбывших из строя орудий, равное почти 15% орудий, находящихся в армии.

Как же справилась русская промышленность с такими требованиями армии?

До войны единственным руководящим указанием в отношении производства новых орудий было требование мобилизационного расписания, которое определяло, что запас военного времени полевых легких пушек должен быть восстановлен в 12 месяцев. Величина запаса определялась в 399 орудий, что ставило требование средней месячной производительности в 75 орудий. Полковник Миронов в своем отчете считает, что максимум производительности наших орудийных заводов до войны был 125 орудий в месяц. Но уже с середины первого года войны для новых формирований и для пополнения старых требовалось в несколько раз больше, чем могли дать наши заводы. Необходимо было расширить их производительность и добиться возможно большого выхода орудий.

Во время войны артиллерийская материальная часть изготовлялась на следующих заводах: Петроградский орудийный (военного ведомства), Обуховский (морского ведомства) и арсеналы Петроградский, Киевский и Брянский, ремонтировавшие во время войны трехдюймовые пушки. Частные заводы — Путиловский (акционерного общества Путиловского завода) и Царицинская группа в составе Царицинского, Сормовского, Коломенского и Петроградского металлургических заводов и завода братьев Лесснер. Балтийский же и Брянский заводы помогали в ремонте трехдюймовых пушек.

Главная тяжесть всей работы по изготовлению пушек пала на казенные и Путиловский заводы. Из ка-

зенных заводов единственным стоявшим на высоте своей задачи был Обуховский, который, перейдя задолго до войны из частных рук в морское ведомство, имел и достаточное техническое оборудование, опытный состав и в мирное время выполнил целый ряд военных заказов.

Петербургский орудийный завод находился в более скверных условиях. Чрезвычайная скученность мастерских вследствие малой территории, нагромождение производства всевозможных приборов, вроде прицельных приспособлений, оптических приборов, компасов, приборов для снаряжения патронов и обжимки их, барабанов для телефонных проводов, наконец, ремонт прожекторов дуговых ламп, ремонт локомобилей и двигателей для крепостных осветительных приборов и т. д., — еще более осложнило и затруднила выполнение основной задачи завода, а именно, выделки артиллерийских орудий.

Наконец, Пермский завод находился до войны в полном загоне. Закаов на орудия ему не давались. Вследствие отсутствия работы заводоуправление принуждено было отпускать опытных мастеров. Незадолго до войны один из начальников этого завода доносил о создавшемся положении Горному департаменту. Он указывал, что возникает вопрос — быть этому заводу или не быть. Если на Пермский завод смотрят как на экстренный ресурс, то все же для поддержания его в готовности ему нужно давать работу, так как продолжительная остановка равна фактическому закрытию. Действительно, рабочие были распущены, завод же в 1912 и 1913 годах дал убытку в три миллиона рублей.

Из частных заводов особое значение имел Путиловский завод, связанный соглашением с заводами Шнейдера и имевший их патенты. Во время войны он изготовил почти половину всех орудий, до калибра в 6 дюймов включительно. Нужно отметить, что для достижения таких результатов правительству пришлось устранить от управления администрацию акционеров, которая в приеме и выполнении закаов руководилась исключительно выгодностью для завода. Назначив сперва правительственного директора, а затем наложив секвестр, правительство совершенно устранило акционеров от всякого вмешательства в дела завода.

Наконец, Царицинская группа частных заводов, которая по своему оборудованию и мощности могла быть использована гораздо лучше, чем это было сделано во время минувшей первой мировой войны.

Во главе этой группы стоял неудачный Царицинский орудийный завод, который по условиям концессии должен был быть оборудован Викерсом для самостоятельного производства орудий. На самом же деле он быль лишь приспособлен для окончательной отделки выделываемых в Англии орудий. Из всей этой группы только Сормовский завод был до войны привлечен Петроградским оружейным заводом к изготовлению пушечных болванок для трехдюймовых орудий, но справиться с этим поручением ему удалось только через три года и первые болванки были сданы в декабре 1915 года.

Работа по выделке орудий в этой гдуппе была распределена следующим образом. Изготовление тел орудий взял на себя Сормовский завод; затворы — завод бр. Лесснер; лафеты — Петроградский металлургический завод вместе с Коломенским. Участие же Царицинского орудийного завода выразилось в том, что он передал свои 77 станков Сормовскому заводу и должен был сделать то же с 50 станками заказанными за границей. Этой группе в июле 1915 года был дан заказ на 2.500 трехдюймовых орудий, с конечным сроком в два года и с обязательством развить производительность к 1 июля 1916 года в 150 орудий в месяц. Впоследствие, известную роль в этом отношении сыграла русская революция, так как досигнутая в феврале 1917 года производительность в 200 орудий резко падает и дает в марте 1917 года 122 орудия, а в июле только 36.

Военные арсеналы были заняты починкой лафетов для орудий разных калибров, починкой трехдюймовых орудий и сооружением транспортного материала.

Изучение роста производительности наших орудийных заводов по количеству новых выпускаемых полевых орудий приводит нас к известным выводам. Прежде всего, что можно считать за нормальную мощность наших орудийных заводов?

Полковник Миронов определяет ее 125 орудий в месяц. На самом деле, быть может, при известной напряженности работы, заводы и смогли бы дать такое количество новых полевых орудий, но, фактически, перед войной и в первое полугодие войны выпуск новых орудий колебался около 60. Только с конца восьмого месяца войны начинается стремительное движение вверх, которое дает цифру в 160 новых орудий на тринадцатом месяце войны, т. е. увеличивается почти втрое. Привлечени к этой работе гражданской промышленности и полное развертывание Пермского завода в связи с расширением производительности других пушечных заводов увеличивает цифру месячного выпуска новых полевых орудий к концу второго года войны до 418, т. е. показывает увеличение производства в семь раз.

В этом деле интересно проследить работу Царицынской группы, которая может явиться примером неподготовленной гражданской промышленности. Царицинская группа, составленная из заводов, которые раньше не имели никакого дела с пушечным производством, получила в июле 1915 года заказ на 2.500 полевых орудий, с обязательством сдать их в течение двух лет. Начав свои работы с конца лета 1915 года, она постепенно налаживает производство и, сдавши в течение того же года 800 орудий, достигает к февралю 1917 года производительности 200 орудий в месяц. Таким образом, полный разгон этого производства при отсутствии какой бы то ни было заблаговременной подготовки занял в России время 16-18 месяцев.

Одновременно с постройкой новых орудий начали вырабатываться трубы для ремонта расстрелянных орудий. Это производство начало давать результаты в августе 1915 года и было доведено к августу 1916 года до 257 труб в месяц.

В общем же работа наших пушечных заводов к моменту революции выражалась в выпуске в армию

ежемесячно 900 полевых орудий, из них 600 новых и 300 исправленных. Всего же за время войны до 1 января 1917 года было выпущено новых и исправленных полевых орудий 9.693.

Одновременно с полевыми орудиями развивалось производство и тяжелой артиллерии. Орудия полевой тяжелой артиллерии выделывались на заводах Путиловском и Обуховском, причем на последний было возложено производство и тяжелой осадной артиллерии.

Ни во Франции, ни, тем паче, в России не пытались организовывать выделку тяжелых орудий на пушечных заводах раньше не занимавшихся этим производством; не пытались начать ее и на заводах мобилизуемой гражданской промышленности, так как это производство невозможно было осуществить без специального мощного оборудования, установка которого требует много времени. Это было причиной того, что мы совершенно отказались от выделки некоторых типов тяжелых орудий.

ТАБЛИЦА ПРОИЗВОДСТВА НОВЫХ ПУШЕК НА РУССКИХ ОРУДИЙНЫХ ЗАВОДАХ

Петроград. оруд. зав.	Пермск. зав.	Обухов. зав.	Путилов. зав.	Цариц. группа	Всего
3-дюйм. полев.					
1915 — 194	622	....	522	....	1338
1916 — 375	1005	....	1550	800	3730
1917 — 216	506	....	651	1233	2606
785	2133	....	2723	2033	7674
3-дюйм. горн.					
1915 — 77	....	....	288	....	365
1916 — 115	....	....	417	....	532
1917 — 62	....	....	230	....	292
254	....	....	935	....	1189
42-дюйм.					
1915 — ...	....	....	....	....	....
1916 — 12	....	27	50	....	89
1917 — 15	....	110	122	....	247
27	....	137	172	....	336
48-дюйм.					
1915 — 82	....	70	209	....	361
1916 — 129	....	198	300	....	627
1917 — 55	....	123	153	....	331
266	....	391	662	....	1319

Осадные шестидюймовые пушки выделывались на Путиловском заводе: в 1915 г. — 8, в 1916 г. — 22 и в 1917 г. — 16 и на Пермском заводе в 1917 г. — 9. Шестидюймовые гаубицы — только на Пермском заводе: в 1915 г. — 60 и в 1916 г. — 84.

Рассматривая весь ход развития нашего пушечного производства во время войны 1914-17 гг., мы должны отметить те успехи, которые обнаружили русские заводы. Несмотря на полную неподготовленность к мобилизации, на недостаток опытного персонала, растерянного перед войной, как в Перми, или призванного по мобилизации, несмотря на трудности расширить свое оборудование и затруднительное получение необходимых машин из заграницы, — наша пушечная промышленность увеличилась в десять раз, достигнув ежемесячного выпуска в 600 орудий вместо 60 перед войной. Это развитие продолжалось бы и дольше, если бы ему не был поставлен предел русской революцией.

Нужно отметить, что такой прогресс был осуществлен главным образом благодаря деятельности казенных или управляемых казной заводов. В отличие от Франции роль частной промышленности была ничтожной. Причины этого нужно искать во внутреннем политическо-экономическом положении страны, не позволявшем правительству слишком решительно вмешиваться в дела частных промышленных предприятий, а последние предпочитали брать мнее сложные и более выгодные другие военные заказы.

Деятельность общественных комитетов и промышленных совещаний и объединений хорошо очерчена генералом Маниковским, который в своем труде наглядно обрисовал тормозящую роль всех этих поборников общественно-государственных интересов. Что же можно было сделать при желании — показывает пример Пермского завода, который в короткий срок укомплектовался рабочими, обучил их и с первого же года войны явился поставщиков большей части полевой легкой артиллерии.

СНАРЯДЫ

Первое серьезное затруднение, с которым пришлось встретиться в войну 1914-17 гг., был вопрос о недостаточности артиллерийских выстрелов. Перед войной господствовало мнение, что в современных условиях она не может затянуться более чем на шесть-восемь месяцев. Опыт минувших войн, где артиллерия не играла такой большой роли и расход снарядов был не так велик, не дал возможности достаточно точно оценить настоящую потребность в артиллерийских выстрелах. Считалось, что грядущая война может быть целиком обеспечена заготовляемыми в мирное время запасами и что нормальное производство существовавших заводов будет достаточно для их пополнения.

Первые боевые столкновения сопровождались огромным расходом артиллерийских выстрелов. Отсутствие ощущительных результатов от этих столкновений показывало, что война грозит затянуться надолго, тем более, что истощение артиллерийских складов принуждало прекратить всякие решительные операции. Ясно было, что имевшихся запасов недостаточно, что нужно, тем или иным способом, раздобыть или заготовить необходимые артиллерийские выстрелы.

Расчитывать на заказы за границей было трудно. Фактически вся промышленная Европа была втянута в войну. Промышленность каждой страны была принуждена заботиться прежде всего о нуждах своей армии. Главным ресурсом могли явиться только воз-

можности национальной промышленности. Производительность имевшихся в наличии заводов была явно недостаточна. Нужно было расширить область этого производства, привлечь к выделке снарядов те промышленные предприятия, которые до войны занимались другим делом, форсировать сколько возможно эту работу, чтобы добиться такого производства снарядов, которое дало бы артиллерии возможность работать на фронте, не считая выпускаемых выстрелов и не думая о завтрашнем дне.

Рассмотрим теперь как были преодолены эти затруднения во Франции и России и попробуем вывести из этого заключения.

Во Франции, на основании действовавших в 1914 году положений, в запасе на каждую 75 мм. пушку должно было состоять 1700 выстрелов, из них — 1300 готовых и 400 в составных элементах в арсеналах и снаряжательных мастерских. В действительности же в момент объявления войны запас равнялся 1400 выстрелов на орудие, из них — 1200 готовых и 200 в составных элементах. Пограничное сражение, отступление и битва на Марне потребовали такого большого расхода выстрелов, что склады внутри страны были почти исчерпаны. 20 сентября 1914 года генерал Жоффр пишет военному министру: "... уже истрачена половина всех запасов артиллерии. Остатки будут истрачены в шесть недель. Правительство стоит перед дилеммой — или увеличить производство снарядов минимум до 50.000 в день, или же мы не будем в состоянии активно продолжать войну после 1-го ноября". И в то самое время он призывает командующих армий беречь снаряды. Вопрос немедленной выделки снарядов был вопросом жизни и боеспособности французской армии. Для разрешения его правительство и военное ведомство прибегли к героическим мерам.

Прежде всего решили облегчить способ приготовления самих снарядов. В мирное время их изготовляли способом прессования. Стальной цилиндр вводился в матрицу, запиравшуюся снизу поршнем гидравлического пресса и затем второй пресс специальным стержнем, равным по форме камере для взрывчатого снаряда, вытеснял внутри излишек стали и придавал ему в матрице форму стакана; затем первый пресс своим стержнем выталкивал получившийся стакан из матрицы и передней его части придавал необходимую форму. Этот способ был не по силам частной промышленности, не имевшей соответственного оборудования. Для того, чтобы ее можно было использовать пришлось изменить и самый способ изготовления, и согласиться на ухудшение качеств самого снаряда.

Было решено, во-первых, выделывать только гранаты 75 мм., так как их производство проще и, во-вторых, вместо прессования и ковки стаканы снарядов просто вытачивались бы на токарных станках. К этой работе были привлечены все металлургические и механические заводы франции.

Взамен прессования стакан стал выделываться следующим образом — стальные штанги, по диаметру соответствующие калибру снаряда, разрезывались на куски по высоте стакана. На одном токарном станке вынималась внутренность стакана, на другом отделывалась наружная часть, а затем навинчивалась головка. Известное неудобство этого способа заключалась в том, что он давал снаряд меньшей плотности и твердости. Чтобы получить его прежние качества необходимо было усилить его слабые части без ущерба по возможности для баллистических его качеств.

Одновременно со снарядами были приняты меры к выделке гильз, взрывателей и дистанционных трубок. С гильзами было легко справиться, но со взрывателями было несравненно труднее. При выделке их требовалась такая точность и аккуратность, что даже фабриканты точных приборов, как, например, часовщики Юры, сразу не могли с ними справиться и выделываемые трубки были мало пригодны. К концу марта 1915 года удалось наладить изготовление гранат для полевой артиллерии и пришлось заняться организацией производства шрапнелей, которое было налажено лишь к октябрю 1915 года.

Это производство новоизготовленных снарядов сопровождалось известными затруднениями. Спешная фабрикация и облегчение условий приема повлекло за собой появление некоторого процента недоброкачественных снарядов. Не говоря о том, что снаряды рвались не там и не так как было нужно, часто преждевременный разрыв происходил в канале орудия, вызывая раздутие или разрыв ствола и нанося потери прислуге орудия.

Случаи таких разрывов были настолько часты, что было отдано приказание прятаться в момент выстрела за специальные укрытия. В один из особо несчастных дней выбыло из строя 20 орудий. Все эти преждевременные разрывы были последствием спешной фабрикации. Причины их сводились к трем категориям. Пазухи в толще стенок стакана вызывали ломку или раздутие стакана в канале орудия; недостаточно закрепленная головка начинала вследствие инерции развинчиваться, воспламеняя крупинки взрывчатого вещества, что влекло за собою разрыв самого стаканай; наконец, плохая выделка дистанционных трубок и взрывателей часто были причиной преждевременного разрыва.

Для исправления всех этих недостатков было признано необходимым возможно скорее возвратиться к довоенному способу выделки путем ускоренной установки комплектов соответствующего оборудования в мобилизованных мастерских фабрик и заводов.

Появление удушливых газов повлекло за собой установление производства газовых зарядов. Вопрос этот был разрешен легко, так как главные трудности были сопряжены с организацией разработки соответствующих химических веществ. В общем, единодушная работа правительства и общества, направленная на организацию выработки предметов военного снаряжения, увенчалась блестящими успехами. Критическое положение к осени 1915 года было изжито и, если не выделывалось неограниченное количество всего необходимого, то все же французская армия была достаточно обеспечена и ей уже не были так опасны все активные попытки немцев.

Результаты мобилизации производства снарядов для 75 мм. пушек Ребуль дает в следующих цифрах:

1914 сентябрь — 475.000	1916 январь — 3.050.000
1914 октябрь — 390.000	1916 август — 5.205.000
1914 ноябрь — 380.000	1917 январь — 6.050.000
1914 декабрь — 600.000	1917 май — 7.010.000
1915 январь — 1.110.000	1917 август — 5.930.000
1915 август — 2.210.000	1918 январь — 5.435.000

Как мы видим из этих цифр максимальное производство этих снарядов достигло своего максимума в мае 1917 года. Все остальное время, в силу различных причин оно было несколько ниже. Вообще же производство 75 мм. выстрелов увеличилось по сравнению с довоенными предположениями свыше чем в 17 раз.

Несколько иначе обстояло дело с производством выстрелов для тяжелой артеллерии. В начале войны, когда была послана на фронт артиллерия снятая с крепостей, никто не думал о возможности нехватки огнеприпасов. Крепости восточной границы, которые дали эту артиллерию, были приготовлены к долгой осаде и имели огромный запас военного снаряжения. Кроме того армия готовилась, в случае успеха, вести осаду таких современных крепостей, как Страсбург и Метц, для чего были приготовлены и снаряжены соответствующие осадные парки.

Участие в боях тяжелой артиллерии показало насколько было важно ее значение в современных условиях войны. Расходование наличных запасов стало таково, что ясна была необходимость спешной организации заготовки выстрелов тяжелой артиллерии.

Наученное опытом заготовки 75 мм. снарядов, заготовляющее ведомство решило выделывать тяжелые снаряды только способами испытанными и применявшимися в мирное время. Таким решением число заводов, способных к этому производству, ограничивалось. Только предприятия тяжелой промышленности, соответствующим образом оборудованные, могли взять на себя эту работу. Так как многие из них уже были зняты выделкой 75 мм. снарядов, пришлось строить и оборудовать новые мастерские.

Постановка производства тяжелых снарядов сразу столкнулась с недостатком метала. Сталь требовалась в таком количестве, что французские заводы не были в состоянии ее доставить. Попытались выделывать снаряды из чугуна, но это неблагоприятно отразилось на боевых качествах последних. Эффективность чугунных снарядов оказалась значительно ниже. Более толстые стенки стакана уменьшили величину взрывчатого вещества в три или четыре раза. При разрыве снаряд раскалывался на несколько больших кусков неправильной формы и быстро терял начальную скорость.

К концу весны 1915 года нашли способ выделывать особого рода чугун (с примесью стали), по своим качествам мало отличающийся от стали. Снаряды изготовленные из него приближались по своим качествам к стальным, но выделка их стала значительно проще. Наладить производство тяжелых снарядов удалось лишь к концу первого полугодия 1916 года и только к концу войны оно достигло достаточных размеров.

Французский мобилизационный план предвидел постановку производства 155 мм. снарядов, величина которого была определена в 400 снарядов в день или 12.000 в месяц. Конечно, эта цифра оказалась до смешного малой. Потребность в них была так велика, что это производство пришлось увеличить во много раз. Выделка 155 мм. снарядов во Франции в 1915-1918 гг. была:

Бомбы из стали	Чугуна с примесью стали	Чугуна
1915 г. август — 70.000	50.000	25.000
1916 г. январь — 90.000	95.000	35.000
1916 г. август — 320.000	410.000	1.555
1917 г. январь — 385.000	520.000	———
1917 г. август — 490.000	560.000	———
1918 г. январь — 640.000	440.000	———
1918 г. август — 320.000	560.000	———

Подобное же явление мы наблюдаем в отношении выстрелов других больших калибров. Так, запас 120 мм. в августе 1914 года равнялся только 300.000 выстрелам, выделали же за время войны 12.000.000. Запас 220 мм. равнялся 200.000 — выделали же 2.000.000, причем почти половина всех снарядов была изготовлена из чугуна с примесью стали. Таким образом, то критическое положение, в котором оказалась Франция зимой 1914-15 гг. вследствие недостатка вооружения и снарядов было изжито только путем широкого привлечения к делу производства снарядов гражданской металлургической и механической промышленности. Понимая всю трудность быстрой организации соответствующего производства в условиях войны, французское военное ведомство и армия согласились на понижение качества самого снаряда, лишь бы его было подано на фронт достаточное количество и в возможно короткий срок. Когда же производство было налажено и армия в известной степени была обеспечена, то тогда занялись улучшением качества, приближая его к качествам снаряда выделки мирного времени.

Эта задача была облегчена большим развитием автомобильной промышленности, богато снабженной всякого рода машинным оборудованием. которое всегда было приспособлено для выделки всевозможных предметов военного снаряжения. Облегчение же условий приемки дало возможность гражданской промышленности быстро приспособиться к новому производству и подать на фронт снаряды, хотя и худшего качества, но в достаточном количестве.

*

Несравненно труднее было справиться с таким же снарядным кризисом России, страны менее промышленной и по своему внутреннему политическому положению не могшей осуществить такое единство действий правительственного аппарата и представителей частной промышленности, как это было во Франции.

С первых же месяцев войны вопрос о заготовке артиллерийских выстрелов, вследствие недостаточности запасов и неподготовленности промышленности,

принял острое положение. Сразу после первых больших сражений высшие штабы русской армии начинают испытывать беспокойство. Большой расход выстрелов, опасения в своевременном их пополнении принуждают Ставку требовать от тыла ежемесячной подачи на фронт 1.500.000 выстрелов. Весь же запас выстрелов, исчисленный и заготовленный по опыту русско-японской войны, состоял из 1.000 выстрелов на 3-дюймовую полевую пушку и 1.200 выстрелов на горную, что при наличии 6.336 полевых и горных орудий давало 6.416.400, но фактически было немного больше, а именно 6.432.605 выстрелов. Незадолго до войны норма запасов была повышена до 1.400 выстрелов на орудие, но у нас не оказалось времени, чтобы привести это решение в исполнение.

Для того, чтобы ясно представить себе положение вопроса о снабжении нашей армии артиллерийскими выстрелами в Первую мировую войну, нам придется вкратце рассмотреть вопрос о том, какое количество выстрелов действительно израсходовано во время войны в различные ее периоды, как распределялись эти выстрелы и, по возможности, определить действительную потребность в огнеприпасах. От исследования этих вопросов зависит и определение величины запаса мирного времени и нормы, которые должны были бы быть положены в основу плана мобилизации промышленности.

Особенно трудным является определение действительного расхода снарядов и действительной потребности в них нашей армии. При исследовании этого вопроса приходиться быть особенно осторожно и критически рассматривать все имеющиеся у нас в руках данные. С начала войны неустроенность тыла, недостаточно мощная при развернувшейся армии система организации снабжения, боязнь остаться в критический момнет без огнеприпасов заставляют армейские штабы беспокоиться за наличность своих парков, преувеличивать трату артиллерийских выстрелов, скрывать имеющиеся налицо запасы и значительно повышать ежедневную потребность своей артиллерии. В свою очередь, Ставка, желая застраховаться, повышает и эти уже преувеличенные нормы, так, что в некоторых случаях, по мнению генерала Маниковского, их цифры превысили действительную потребность в три раза.

Только сопоставление данных о наличном запасе в каждый данный момент и о поступлении выстрелов с отечественных и заграничных заводов, а также расходовании их на форнте дадут нам истинную картину и покажут, что размеры этой потребности были не так велики и мы могли бы сравнительно легко справиться с ними, если бы заблаговременно были приняты надлежащие меры подготовки к этому нашей металлургической и механической промышленности.

Норма потребности нашей армии в 3-дюймовых выстрелах была определена Ставкой в конце 1914 года в 1.500.000 в месяц, 1 июня 1915 г. она была увеличина до 2.500.000 и 28 июня 1916 г. до 4.400.000 выстрелов. Следовательно годовая потребность нашей артиллерии на основании этих норм определялась в конце 1914 года в 18.000.000, в 1915 г. в 30.000.000 и в 1916 г. 53.000.000 выстрелов. По данным приведенным генералом Маниковским видно, что было подано в распоряжение армии:

до 1-го января 1915 г. —	6.949.000
за 1915 г. —	11.428.000
за 1916 г. —	28.318.000
Всего —	46.695.000

Израсходованный запас на 1 января 1917 года согласно официальным данным, сообщенным Полевым генералом инспектором артиллерии на междусоюзной конференции в Петрограде в январе 1917 года, составлял:

для полевых 3-дюймовых орудий —	16.311.294
для горных орудий —	987.681
Всего —	17.298.975

Таким образом выясняется, что в первые 29 месяцев войны было израсподовано 29.238.115 выстрелов. Приходится учитывать и то обстоятельство, что в 1915 году нашу артиллерию ограничивали в расходовании выстрелов. Но в 1916 году такого ограничения уже не было и Полевой генерал инспектор артиллерии определяет фактический расход в 16.800.000 выстрелов, т. е. около 1.400.000 в месяц. В справке переданной союзной конференции указывается, что для пяти летних месяцев (май-сентябрь) средний месячный расход был в среднем 2.225.000 выстрелов, т. е. около 415 выстрелов на орудие.

Цифры позднейшего периода особого значения не имеют, так как с первого дня революции началось разложение нашей армии, характер боевых действий изменился и сообразно с этим утратил свое показательное значение.

В определенных боях, в период значительных операций расход выстрелов значитльно превышал средние цифры. Галицийское и Лодзинское сражения, Брусиловский прорыв взяли значительное количество снарядов по сравнению со средними числами.

Однако, этот перерасход легко покрывался запасами, накопившимися в период затишья, тем более, что при растянутых фронтах не могло быть везде большого напряжения сражений. На местах боев ударные части тратят всегда огромное количество выстрелов, части же демонстрирующие или находящиеся на сравнительно "спокойных" позициях тратят их гораздо меньше, что в результате, на известный период времени, дает сравнительно невысокую цифру.

Так, по донесению начальника снабжений юго-западного фронца генерала Забелина во время Галицийского сражения от 10 до 27 августа расход снарядов определялся в 58.000-87.000 выстрелов в день, что при 2.100 орудиях фронта составляет 28 выстрелов на одно орудие.

По данным генерала Святославского, артиллерия его корпуса во время напряженных боев с 22 по 27 августа 1914 г. расходовала в день по 50 выстрелов на полевую пушку и 34 выстрела на гаубицу. В 1916 году, когда артиллерии стали давать задачи на разрушение проволочного заграждения и земляных укрытий, расход выстрелов увеличился и все же во время Луцкого прорыва расход на 3-дюймовую пушку

равнялся 60 выстрелов в день, на 48-линейную гаубицу — 40 и на 6-дюймовую гаубицу — 55 выстрелов.

Напряженность боев на западноевропейском фронте была выше и расход французской армии во время тяжелых верденских боев достиг 87 выстрелов на легкую полевую пушку в день.

Исследуя действие артиллерии всех фронтов, мы легко можем найти известную зависимость предпринимаемых активных операций от имеющихся в наличности накопленных запасов артиллерийских выстрелов. Величина этих запасов позволяет высшему командованию определить возможность и предел намеченной операции, ее развитие и использование полученного успеха. Малая наличноость запаса принуждала не только отказываться от выполнения предполагаемых операций, но иногда даже от использования уже одержанного успеха. Генерал Жоффр после марнской победы ставит вопрос дальнейших активных операций в зависимости от подачи артиллерийских выстрелов и недостаточная величина наличного запаса принуждает его к отказу от всякой активности.

Рассмотрим теперь вопрос о заготовке выстрелов в России.

(Продолжение следует)

Нумизматические памятники Русской Америки

А. Долгополов

Наследники Петра I-го не понимали значения открытия русскими моряками северо-западной части Америки и поэтому не было отчеканено ни одной медали по поводу этого события.

За открытие Аляски капитан А. И. Чириков был произведен в следующий чин — капитана-командора. Беринг, потерпев крушение, умер от истощения на острове, названном в его честь "Остров Беринга".

Первой специальной наградой за открытие Алеутских островов были медали, отчеканенные по приказу Императрицы Екатерины II-й, которая оценила значение русских владений в Америке и оказывала всевозможное содействие и поощряла деятельность предприимчивых купцов и казаков-землепроходцев.

1. Золотые медали с ушком, выбитые в награду купцам, торговавшим на Камчатке и Алеутских островах. Лицевая сторона: поясное изображение Императрицы, вправо обращенное, внизу имя гравера, Т. Иванов. Вокруг медали надпись: "Б. М. Екатерина II, Импертр. и Самодерж. Всеросс.". Обратная сторона: "За полезные обществу труды 1762 году, августа 31 дня" — в четырех строках, в узорчатом щите, украшенном цветами и листьями. Диаметр — 43 мм.

Императрица Екатерина II в 1764 году наградила золотыми медалями шестерых участников экспедиции судна "Юлиан" на Алеутские острова, доставившей ей ценные меха. Это были: тульский оружейник Афанасий Орехов и купцы — тобольский Илья Снегирев, вологодские Василий Кульков и Василий Шапкин, тотемский Петр Папов и московский Иван Никифоров. "Императрица Екатерина II, наградив шестерых человек из сего предприимчивого сословия золотыми медалями, повелела освободить их от постоев и градских служб и не взыскивать 6000 рублей казнного долгу".

В 1767 году по ее повелению прибыл из Охотска купец Василий Шилов. Государыня расспрашивала его подробно обо всех местных обстоятельствах, новых открытиях, образе их промышленности и была весьма довольна ответами благоразумного Шилова. Шилов представил ей карту своего сочинения об Алеутских островах от Берингова острова до Амли. Карту препроводили в Адмиралтейскую коллегию и она была издана. Вот текст двух документов, относящихся к награждению деятельности купцов Шилова и Лапина.

Указ Нашему Сенату.

Великоустюжского купца Василия Иванова сына Шилова, да Соликамского купца Лапина за усердие и ревность о взыскании за Камчаткой новых островов Всемилостивейше увельняем Мы от гражданских служб, так как и в 1764 году, бывшие в такой же кампании купцы уволены. Апреля 19, 1767 г. Екатерина.

Управляющему Кабинетом Ее Императорского Величества Адаму Васильевичу Олсуфьеву.

Дайте из Кабинета Великоустюжскому купцу Василию Иванову сыну Шилову, да Соликамскому купцу Ивану Лапину, за усердие их о взыскании за Камчаткой новых островов, каждому по золотой медали, каковые и в 1764 таковой же компании купцам даны, а как Лапина здесь нет, то для отдачи ему отдайте оную Шилову. Апреля 20, 1767 года. Екатерина.

Лейтенант Василий Берх, один из ранних историков Русской Америки, записавший эти награждения, так описывает эти медали. "Я видел одну из сих жалованных медалей у г. Лапина: величина оной обыкновенная, но вокруг сделана серебряная осыпь, которая имеет издали вид бриллантов. Носить велено было оные на груди с бантом из Андреевской ленты" (1).

**

В 1788 году группа купцов-путешественников была представлена Императрице; она подробно расспра-

(1) В. Берх. Хронологическая история открытия Алеутских островов. СПб., 1823. Стр. 68-72.

1-ый ряд сверху. Первые две медали — лицев. и оборотн. стороны медали № 1; третья с ушком — оборотн. стор. медали № 2.

2-ой ряд. Лицев. и оборотн. стор. медали № 3 и оборотн. и лицев. стор. медали № 4.

3-ий ряд. Лицев. стор. медали № 7; лицев. и оборотн. стор. медали № 6; восьмиугольная — оборотн. стор. медали № 5.

4-ый ряд. Большая медаль — оборотн. стор. № 8; по обе стороны ее — лицев. и оборотн. стороны монеты № 9.

шивала об Америке и трудностях снаряжения экспедиции, о новых землях и о диких народах их населяющих. Купцы Голиков и Шелихов были награждены специально отчеканенными золотыми медалями.

2. Лицевая сторона: поясное изображение Императрицы, вправо обращенное, вокруг надпись: "Б. М. Екатерина II. Императ. и самодер. Всероссийск.". Обратная сторона: "За усердие к пользе Государственной распространением открытия неизвест. земель и народов и заведение с ними торговли. 1788 г." — в 9 строках. Д. — 44 мм.

**

Император Павел в награду за усердие наградил специальной личной золотой медалью, для ношения на шее на аннинской ленте, А. А. Баранова, главного правителя Русской Америки.

3. Лицевая сторона: поясной портрет Императора Павла, вправо обращенный, внизу имя гравера C. Leberecht F. вокруг надпись: "Б. М. Павел I, Император и Самодержец Всеросс.". Обратная сторона: "Каргопольскому купцу Боранову. В воздеяние усердия его к заведению утверждению и Расширению в Америке Российской торговли. 1899 года" — в 8 строках. Д. — 45 мм.

**

В царствование Александра I были отчеканены серебряные и бронзовые медали для раздачи старшинам северо-американских диких племен, дружески расположенных к русским.

4. Лицевая сторона: увенчанный императорскою короною русский двуглавый орел, на груди которого щит с вензелем "А I". Обратная сторона: надпись в двух строках: "Союзные России". Носилась на андреевской ленте. Д. — 36 мм.

За первое путешествие вокруг света.

5. Изображение Императора Александра I по пояс, вправо обращенное, в мундире и орденской ленте. Внизу: Безродный Р. На обороте: "За путешествие кругом света". Надпись эта в овале, в середине которого корабль под парусами, идущий влево, на корме андреевский флаг. Над овалом сверху — 1803, внизу — 1806 годы путешествия. Внизу справа: C. Leberecht F. Восьмиугольная, продолговатая медаль размером 27 × 40 мм., раздавалась для ношения нижним морским чинам, совершившим под начальством капитанов Крузенштерна и Лисянского путешествие вокруг света; носилась медаль на андреевской ленте.

Экспедиция состояла из двух кораблей: капитан И. Ф. Крузенштерн командовал кораблем "Надежда", 450 тонн, посетившим Японию; капитан Ю. Ф. Лисянский, командир "Невы", 375 тонн, посетил и описал Гаваи и Аляску и принял деятельное участие во взятии крепости индейцев, впоследствии названной "Ново-Архангельск" или "Ситха".

6. Память о русских фортах и плантациях на Гавайских островах сохранилась в медали владетелю Сандвичевых островов, Тамари.

Голова Императора с открытой шеей, вправо обращенная; в обрезе шеи имя гравера: И. Шилов, ниже — "1814". Надпись вокруг: "Александр Первой Б. М. Император Всеросс.". На обороте: "Владетелю Сандвичевых островов Тамари в знак дружбы его к Россиянам" — в 5 строках. Д — 51 мм.

7. Медаль на путешествие флота капатана Васильева для открытий в Северном океане 1819-1822 гг.

Голова Императора, вправо обращенная, с открытой шеей. Вокруг надпись: "Александр Первой, б. м. Император Всеросс.". Оборотная сторона: "Шлюпы Открытие и Благонамеренный 1819 год" — в 5 строках. Д — 42 мм., носилась на андреевской ленте.

Шлюпом "Открытие", 900 тонн, командовал капитан М. Н. Васильев. Шлюпом "Благонамеренный", 530 тонн, командовал лейтенант Г. С. Шишмарев. Шлюпы исследовали северо-западное побережье Аляски, нанесли на карту вновь открытые места и острова. Матросы, участники экспедиции, были награждены серебряными медалями.

**

Многие офицеры и чиновники были награждены орденами общегосударственного назначения, которые не могут быть причислены к разбираемым в этой статье наградам. Известен случай, когда в 1855 году команда солдат и промышленников во главе с офицером за успешное отражение диких индейцев, напавших на Ситку, по приказу Императора были награждены знаками отличия военного ордена, а прапорщик Баранов, Сибирского линейного батальона, раненый в бою, был награжден орденом Св. Анны 4-й степени, — единственный случай русских боевых наград в Америке (2).

**

В 1808 году корабль "Николай" Российско-Американской компании был послан из Ситки в Калифорнию на разведку и на охоту за морскими котами. Корабль потерпел аварию около острова Пагубного (Дистрокшен), находящегося у берегов теперешнего штата Вашингтон, и команда была захвачена в плен индейцами. Вождь индейцев оказался очень добрым и гуманным человеком. Желая воздать ему за его отношение, команда отлила из олова медаль с изображением двуглавого орла на одной стороне, а на другой — года, месяца и числа, когда этот индеец, по имени Лютлюлюк, получил ее; эту медаль велели ему носить на шее. Когда через год к его берегам подошел

(2) И. Тихменев. Историческое обозрение Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Часть I. СПб, 1861, стр. 207-208.

Марка
Въ Америкѣ
10. коп
№

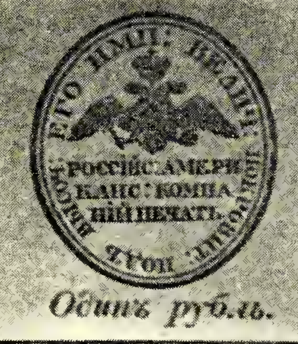
ЕГО ИМП: ВЕЛИЧ:
РОССІЙС: АМЕРИ
КАНС: КОМПА
НІЙ ПЕЧАТЬ
Десять копѣекъ.

Марка
Въ Америкѣ
25 коп:
№

ЕГО ИМП: ВЕЛИЧ:
РОССІЙС:
КАНС:
НІЙ ПЕЧАТЬ
Двадцать пять копѣекъ.

Марка
Въ Америкѣ
50 коп

ЕГО ИМП: ВЕЛИЧ:
РОССІЙС:
НІЙ ПЕЧАТЬ
Пятьдесятъ копѣекъ.


ЕГО ИМП: ВЕЛИЧ:
РОССІЙС: АМЕРИ
КАНС: КОМПА
НІЙ ПЕЧАТЬ
Одинъ рубль.

Марка
Въ Америкѣ
1 руб.
№ 12.907

американский корабль "Лидия" (капитан Броун), индеец отпустил пленных русских (3). Возможно, что потомки этого вождя хранят эту медаль до сих пор.

*

К празднованию столетия присоединения Аляски к Соединенным Штатам было выпущено американцами несколько жетонов, бон и медалей; из них заслуживает внимания только одна медаль и монета, отмечающие факт русского владения Аляской.

8. Юбилейная медаль 1867-1967 гг., выпущенная Юбилейной комиссией штата Аляски. История Аляски изображена в виде семейного дерева индейцев (тотем). Основание — купол ситкинского православного кафедрального собора с восьмиконечным крестом. Следующий ярус — изображение американского орла. Трудолюбие изображено в виде золотоискателя, промывающего золото; затем идет изображение паровоза, олицтворяющее индустрию (Аляскинская железная дорога — единственная в Америке государственная железная дорога). На вершине дерева звезда с цифрой "49" — 49-й штат. Вдали гора Мак-Кинли и штатный флаг — созвездие Большой Медведицы. Оборотная сторона медали — портрет министра Сьюарда и надпись: "Будущее Северу". Медаль, Д — 63 мм., выпущена в серебре и бронзе.

9. Монета-бон, достоинством в 1 доллар, выпущенная Торговой Палатой г. Ситки. В центре монеты — поясный портрет А. А. Баранова (анфас), основателя Ситки, справа — изображение до плеч, в профиль, вождя индейцев Каслеана, в течение многих лет главного противника русских, а затем — верного друга; слева — в профиль до плеч, министр Сьюард, сторонник присоединения Аляски к Соединенным Штатам. Слева от Баранова — колокольня ситкинского кафедрального собора с восьмиконечным крестом (собор сгорел в 1966 году и ныне восстанавливается). Вокруг надпись: "Историческая столица Аляски". Ниже группы из трех портретов и надпись: "Знать Аляску — сначала нужно знать Ситку". Оборотная сторона: "1.00, принимается в торговых предприятиях Ситки". Все надписи по-английски. Монета была выпущена в 1962 г. в никеле и серебре. Д — 39 мм.

*

Со времени выпуска с 1763 по 1781 гг. медных сибирских монет во время царствования Императрицы Екатерины II деньги эти свободно ходили в американских колониях наравне с общегосударственными. Ощущая недостаток в монетах, Российско-Американская Компания обратилась к правительству с просьбой разрешить выпуск специальных марок для хождения в американских колониях для расплаты со служащими и индейцами на Алеутских стровах, Аляске, Форте Росс и Бодеге в Калифорнии, на Гаваях, Курильских островах и Камчатке (4).

С 1816 по 1826 год было выпущено марок на сумму в 42.000 рублей. Напечатаны они были на выработанной коже морских котиков — лавтаки — и получили название кожаных. Для обмена тех из них, которые пришли в ветхость, в 1826 году было выпущено марок на 30.000 рублей. Были они (и все следующие выпуски) отпечатаны на плотной пергаментной бумаге. В 1834 году было выпущено марок еще на 30.000 рублей, в дополнение к имеющимся. Марки были достоинством: 10, 25, 50 копеек и 1, 5, 10 и 25 рублей (5).

10. 10 копеек. Продолговатый прямоугольник пергамента цвета слоновой кости. Размер 57 × 43 мм., в двух верхних углах пробиты круглые дырочки. Д — 3 мм. На лицевой стороне овальная печать вертикально, 30 × 35 мм., в верхней части овала государственный двуглавый орел (эпохи Императора Николая I), ниже орла надпись: "Российск. Американс. компании печать" — в трех строках. Внутри, по овалу, надпись: "Под высоч. ЕГО ИМП. ВЕЛИЧ. покровит.". Ниже овала надпись: "Десять копеек" прямым шрифтом. Оборотная сторона: овал горизонтально, 47 × 29 мм., на сетчатом фоне белыми буквами надпись: "Марка в Америке 10 коп." (в трех строках); ниже — белый продолговатый прямоугольник, размер 27 × 6 мм., на котором напечатано "№" и от руки чернилами проставлен номер. Ниже овала — заштрихованный прямоугольник, по длине равный овалу — 47 мм., шириной 8 мм.

11. 25 копеек. Прямоугольник размером 63 × 53 мм., все четыре угла срезаны. Изображение: печать и овал те же, что и на предыдущей и последующих. На лицевой стороне ниже овала: "Двадцать пять копеек", на обратной стороне — "25 коп.".

12. 50 копеек. Прямоугольник размером 63 × 63 мм., два верхних угла срезаны. Изображения и овалы те же. На лицевой стороне ниже печати компании: "Пятьдесят копеек", на обратной стороне — "50 коп.".

13. 1 рубль. Прямоугольник 63 × 43 мм., желтого цвета. Печать компании того же размера, что и в предыдущих. Овал на обратной стороне больше — 56 × 35 мм. На лицевой стороне, ниже печати компании, — "Один рубль". Шрифт стоимости во всех рублевых марках наклонный — "курсив". На обратной стороне — "1 руб.".

14. 5 рублей. Пергамент синего цвета. Лицевая сторона: "Пять рублей", обратная сторона — "5 руб."; рисунок тот же, что и на № 13-м.

---

(3) Н. М. Головнин. Сочинения. Описание примечательных кораблекрушений, претерпенных русскими мореплавателями. М., 1949, стр. 467.

(4) С. Окунь. Российско-Американская Компания. М., 1939 ,стр. 175.

(5) Доклад Комитета об устройстве Русских Американских колоний. СПб., 1863. Стр. 23 и Тихменев. Цит. соч., стр. 225.

15. 10 рублей. Пергамент красного цвета. Лицевая сторона — "Десять рублей", обратная сторона — "10 руб.".

16. 25 рублей. Пергамент серого цвета. Лицевая сторона — "Двадцать пять рублей". обратная сторона — "25 руб.".

Разные размеры, цвет, дырочки, срезанные углы были сделаны для неграмотных промышленников и индейцев, которые по этим признакам могли различать достоинство марок.

В общей сумме находилось в обращении марок на 36.000 рублей (6). При ликвидации компании в 1868-69 гг. марки эти обменивались на государственные деньги. Этим объясняется редкость этих марок.

(6) Доклад. Цит. соч., стр. 165.

***

Выше описанные в 16-ти параграфах медали, монеты и марки (боны) являются немыми свидетелями славного прошлого Русской Америки.

Статья эта — первая попытка обобщить нумизматические памятники Русской Америки; в ней возможны упущения, автор будет благодарен всем, кто сможет дополнить этот список.

Из воспоминаний

(МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ 1-ГО УЛАНСКОГО ПЕТРОГРАДСКОГО ПОЛКА)

В. Скальский

БОЙ ПОД ДЕРЕВНЕЙ СПУЛЛЕН

Уже около месяца как стояли мы в районе Пилькален, неся службу сторожевого охранения. На нашем участке было сравнительно тихо и все ограничивалось редкими перестрелками. Зима стояла суровая, все вокруг было покрыто глубоким снегом.

Но вот, в первых числах января 1915 года стали вдруг поговаривать о готовившемся наступлении. Говорили, что совместно с нашей дивизией будут наступать части 3-го армейского корпуса (56-я и 73-я пехотные дивизии), командиру которого мы были подчинены. Рассказывали, что подойдет наша тяжелая артиллерия и даже какие-то морские орудия с бронебойными снарядами. Орудия эти должны были разрушить возведенные немцами укрепления. А укрепления у них, действительно, были основательные. Это выяснила наша разведка, не то что у нас, где лишь на сторожевых заставах были окопы по колено. Немцы свои брустверы даже поливали водой, которая тут же замерзала. Это мы могли видеть со своих застав. Но узнав про пушки и бронебойные снаряды, мы только усмехались, воображая как все их укрепления взлетят на воздух.

Слухи о наступлении подтвердились и нам приказано было быть готовыми к 10 января. Нам не было нужды готовиться специально, так как мы были постоянно в боевой готовности. Лихорадочно лишь готовился один улан 5-го эскадрона, доброволец-гимназист 5-го класса, бежавший из Москвы с десятью товарищами на фронт. Штаб дивизии распределил их по полкам и, таким образом, в декабре месяце наш эскадрон неожиданно усилился одним бойцом. В наш полк попало их человек пять или шесть.

К сожалению, я забыл фамилию этого мальчика. Ему было лет 15. Был он худенький, с веснушчатым лицом и готовый на великие подвиги. Мы приютили его у себя и я помню, как, обедая вечером с нами, он лихо опрокинул в рот рюмку водки. Когда он захотел выпить вторую, а мы ему сказали, что достаточно одной ,он чуть не заплакал и стал нас уверять, что это ему нипочем и что надо привыкать. А после он вдруг нам сказал: "А я умею играть на пробке! Хотите сыграю?" Он зажал между зубами пробку и, щелкая по ней, очень ловко сыграл несколько мотивов. Все мы дружно ему аплодировали, и он был в восторге. На следующий день ему пригнали обмундирование. Когда же ему дали шашку и винтовку, радости его не было предела. Я думаю, если бы он не спал вместе с нами, то с шашкой он не расставался бы и ночью. Его отдали на выучку одному из унтерофицеров и он часто попадался нам на дороге, чтобы лишний раз отдать честь, громко щелкая шпорами.

10 января мы узнали, что начало наступления назначено на 12-е. Седлали в темноте и выступили до рассвета. Справа и слева подходили другие эскадроны полка и вытягивались по дороге на Пилькален. Когда мы туда пришли, Пилькален был запружен пехотой, пропускавшей кавалерию. Неожиданно я услышал, что выкликали мою фамилию. Голос доносился из группы пехотных офицеров, стоявших вдоль дороги. Поравнявшись с ними, я узнал среди них своего товарища по московскому реальному училищу Воскресенского, Алексея С-ва. Я года два сидел с ним за одной партой. По окончании курса он поступил в юнкерское училище и вышел в один из полков Московского военного округа. Я давно его не видел и был рад его встретить. Он командовал ротой и полк его должен был действовать совместно с нашей дивизией. Я хочу сделать маленькое отступление и сказать несколько слов о своем товарище С-ве.

Несколько раз за войну раненый, он оказался в Москве после октябрьской революции, где ему удалось проникнуть к большевикам и получить командную должность в латышском отряде чрезвычайки. Этот отряд стоял в Кремле и ему были поручены обыски

и аресты. С-в знал заранее кого хотят арестовать ночью и где будет обыск. Он спас очень многих, главным образом офицеров. Меня он предупреждал два раза, советуя не ночевать дома. После эвакуации армии генерала Врангеля, я встретил в Константинополе его брата. От него я узнал, что С-в был большевиками заподозрен, арестован и расстрелян.

Наша дивизия сосредоточилась в районе Спуллен. Сумские гусары пришли раньше нас и их коноводы стояли в самом Спуллене. Нашему эскадрону приказано было стать в прикрытие одной из конных батарей. Батарея заняла позицию в лощине, верстах в двух от Спуллена. Мы стояли перед ней шагах в полутороста. Бой уже завязался и вскоре наша батарея открыла огонь. Снаряды пролетали над самой нашей головой и казалось, что они не могут не зацепить нас.

Бой разгорался по всей линии. Частый ружейный и пулеметный огонь не прекращался и наши легкие батареи беглым огнем поддерживали попытки наших войск продвинуться. От артиллеристов мы узнали, что немцы оказывают упорное сопротивление и что существенных результатов достигнуть не удалось. Большие потери понесла наша пехота, пытавшаяся завладеть кладбищем вперед деревни Драгуненен. Это кладбище представляло из себя укрепленный и вынесенный вперед германский опорный пункт. Несколько наших атак было отбито, хотя наша пехота бросалась на ура.

Деревня Спуллен была скрыта от нас бугром, но, вдруг, мы услышали тяжелые разрывы в ее направлении и увидели поднимавшиеся к небу столбы черного дыма. Немецкая тяжелая артиллерия открыла огонь по Спуллену, нащупывая стоявших там коноводов Сумских гусар и могущие быть там наши резервы. Одна из очередей попала в коноводов, которые понесли потери и в людях, и в лошадях.

Около 4-х часов дня мимо нас прошла выдвинутая из резерва рота пехоты. Роту вел мой товарищ С-в. Рота была большого состава, не менее 200 штыков. Направлялась она к тому же кладбищу, о котором я говорил выше. Через некоторое время с той стороны до нас донесся шум усиливающегося боя и грохот немецкой артиллерии. Затем, постепенно бой затих и мимо нас стали проносить раненых. Из носилок кто-то делал мне рукой приветственные знаки. Это был С-в. Его рота, совместно с казаками, пошла в атаку, но они были отбиты, причем не менее трети атакующих выбыло из строя.

Так прошел первый день боя. Вечером мы из прикрытия конной батареи присоединились к полку. За этот день другие эскадроны получали разные боевые задания, но все они носили характер случайности и ничего существенного не дали.

Ночь прошла в редких перестрелках, но с утра 13 января бой возобновился. После сильной и удачной артиллерийской подготовки, наша пехота коротким ударом выбила немцев занимавших кладбище и они бежали к своей оборонительной линии к Драгуненен. Увлеченная успехом, наша пехота бросилась за ними, но была остановлена сильнейшим огнем. Хотя наша артиллерия и перевела огонь на немецкие укрепления и засыпала их шрапнельным огнем и гранатами, огонь немцев не уменьшался. Было ясно, что легкая артиллерия бессильна нанести серьезные разрушения немецким окопам, а нашей тяжелой артиллерии все еще не было.

Вскоре наша пехота получила приказание отойти к кладбищу. Деревню Драгуненен взять так и не удалось. Возобновленные атаки пехоты, поддержанные эскадронами гусар, результатов не дали, но потери были большие. Сумские гусары потеряли там штабс-ротмистра Полякова и прекрасного офицера и талантливого наездника корнета Соколова 1-го.

Как в предыдущий день, не чувствовалось общего плана наступления. Бросались отдельные роты и эскадроны, которые по своей малочисленности крупного успеха не могли иметь и становилось ясным, что до подхода нашей тяжелой артиллерии завладеть немецкой укрепленной линией не удастся. Обороняемые деревни были сильно укреплены: в домах были устроены бойницы, снабженные многочисленными пулеметами, впереди были проволочные заграждения.

Нашему полку приказано было завладеть одним участком и деревней Дауден, расположенной у опушки Шореллерского леса. Наступали по глубокому снегу, без всяких укрытий. Наступающие были видны как на ладони. Подойдя шагов на пятьсот к немецкому расположению, увидали, что продвигаться вперед стало невозможно. При всякой попытки цепей встать для перебежки их укладывали пулеметные очереди. Даже предполагая невозможное, т. е., что нашим цепям удалось бы дойти до немецкой укрепленной линии, остатки эскадронов были бы расстреляны в упор, так как нашим батареям, несмотря на их очень меткий огонь, не удалось разрушить пулеметные гнезда и ослабить интенсивность огня.

С наступлением сумерек, понеся тяжелые потери, уланы стали отходить. Здесь был убит 6-го эскадрона корнет Тютчев, прекрасный офицер и всеми любимый товарищ. Его смерть были большой потерей для полка. Наш 5-й эскадрон тоже, конечно, понес потери и среди них одну, опечалившую не только нас, офицеров, но и всех улан. Убит был наш гимназист. Когда стрелковой цепи командовали "встать" для перебежки, он бросился вперед и бежал впереди всех и только строгими окликами удавалось его остановить, иначе он бежал бы до немецких окопов. Большой порыв, неопытность, неумение применяться к местности, все это погубило его. Но возможно — судьба... Убит он был несколькими пулями. Когда эти бои кончились, оказалось, что многие гимназисты, его товарищи, тоже были убиты. Приказом по дивизии оставшихся в живых отправили по месту жительства. Вскоре было вообще запрещено принимать в полки столь юных добровольцев.

Результаты двухдневного боя на нашем участке были ничтожны. Было занято кладбище и одна или две деревни. Германская оборонительная линия стояла непоколебимо.

Уже довольно поздно вечером, нескольким эскадронам, в том числе и нашему, приказано было в конном строю занять небольшую деревню, в которой находилась какая-то наша пехотная часть. До деревни

было версты полторы и она горела. По ней била немецкая артиллерия и до нас доносился частый ружейный огонь. Между нами и деревней была гладкая снеговая равнина. Шли лавой поэскадронно, стараясь пройти это пространство возможно быстрей, насколько позволял глубокий снег. Помню, меня поразил инстинкт лошадей. Снежная пелена казалась совершенно ровной и была ночь. И вдруг, лошади делали огромный прыжок. Оказывалось, что перед нами была канава, для нас совершенно невидимая, но лошади ее чувствовали.

До деревни дошли благополучно, но в ней творилось нечто невообразимое. Когда нас спешили и мы рассыпались по деревне, разобраться в обстановке казалось совершенно невозможным. Лежали тела убитых и обуглившиеся балки преграждавшие путь. Выстрелы слышались во всех направлениях. Стреляли ли немцы, или своя пехота — определить было невозможно. Было ясно, что нашей задачей было усилить пехоту, но для этого нужно было сперва разобраться, — где свои и где немцы. Ночью, при свете пожаров, шуме боя и общей неразберихи это было не просто.

Командиры эскадронов были вызваны для информации к командиру полка. Оказалось, что на нас возлагалась двойная задача: подкрепить пехоту и принять над нею командование. Понесенные за эти два дня неудачного наступления большие потери деморализировали эту часть, а убыль в офицерском составе была такова, что осталось лишь несколько прапорщиков запаса, опытности которых солдаты не доверяли, в результате чего вышли у них из повиновения.

В ожидании дальнейших приказаний, мы лежали среди этого хаоса. Когда ветер дул слева, до меня доносился запах поджаренного бифштекса. Я стал осматриваться. В двух шагах от меня за обуглившейся балки лежал огромный немец. Он подгорел с одного бока и потому пахло горелым мясом. Я скорее перелег на несколько шагов от него, чтобы удалиться от этого ужасного запаха.

"Их благородие корнета Скальского к командиру полка!..", услышал я. Я разыскал полковника Хондакова в одном из уцелевших домов. Как всегда, когда полковник Хондаков возлагал на кого-либо из офицеров задание, он был краток и никаких подробных объяснений не давал. "Слева от нас должен быть отряд какого-то полковника Орлова. Повидимому его нет и наш левый фланг обнажен. Возьмите с собой человек пятнадцать и постарайтесь войти с ним в связь". Когда я спросил, где приблизительно мог бы быть отряд Орлова, полковник Хондаков ответил, что не имеет об этом понятия. Вернувшись к нашей цепи, я сообщил графу Грабовскому о возложенной на меня задаче и, взяв с собой пятнадцать улан, покинул задами деревню.

Перед нами расстилалась белая пелена. То над нами, то впереди, то сзади нас пролетали пули. Над деревней, то и дело, рвались немецкие шрапнели. Наша батарея открывала иногда огонь, но стреляла куда-то далеко, повидимому, нащупывая немецкую артиллерию. Был сильный мороз, наверное градусов под двадцать. Не помню, была ли луна, но на свежной равнине можно было все различать шагов на 150-200. Я выслал двух головных дозорных. Увязая в снегу, мы углубились в белую мглу.

Шли мы молча и из осторожности я запретил уланам курить. Вдруг, смотрю — идет к нам один из дозорных. "Ваше благородие! Там цепь лежит. Должно быть наша, потому будто повернута к немцам..." Я пошел с дозорным. Действительно, вскоре можно было различить лежавшую стрелковую цепь. Мы стали осторожно к ней приближаться. Ничто не двигалось, — это были русские, но все они были мертвые... Здесь два дня наступала наша пехота, поддержанная казаками и гусарами. Скошенные немецкими пулеметами, они лежали на белом снегу как живые... Я подозвал своих улан и мы двинулись дальше.

Вскоре мы подошли к кладбищу, занятому утром нашей пехотой, и проникли за его ограду, обрушенную нашей артиллерией. Нам представилась фантастическая картина: среди полуразрушенных могильных памятников лежали и сидели люди. Некоторые сидели опираясь на винтовку. Помнится, все они были немцы. Раненые, они повидимому замерзли в различных положениях. В этой неподвижности, в этом нереальном свете было что-то потустороннее. Я думал, что этот участок должен был быть занятым отрядом полковника Орлова, но здесь не было видно ни одной живой души.

Не задерживаясь, пошли дальше. Идти было трудно и очень утомительно. Постоянно проваливаясь выше колена, мы набирали в сапоги снег. Ноги у меня немели от холода. Позади нас, в покинутой нами деревне бой затихал. Слышались лишь отдельные винтовочные выстрелы.

Пройдя еще с полверсты, мы увидели отдельно стоявший маленький дом. Он, конечно, был пуст. Мы вошли в него, желая отогреться и, главным образом, закурить. Не прошло и трех минут, как я услышал что рубят щепки. Потом появилась солома и в печке запылал огонь. "Ваше благородие, садитесь!.." Мне подставили колченогий и, наверное, единственный стул и я сел на него, засунув в печь онемевшие от холода ноги. От сапог пошел пар. Кругом солдаты весело переговаривались. Уланы, конечно, обыскали все помещение и где-то разыскали керосиновую лампу. Света она давала мало и я в ту минуту не думал о том, что зажигать свет было неосторожно. Ноги мои начали согреваться и я даже не заметил, что прожег оба сапога.

Вдруг, орудийный выстрел и одновременно визг пролетающего над домом снаряда. Второй снаряд пробил крышу и не разорвался. Мы выскочили наружу и стали за маленьким сарайчиком. Орудия стояли наверное совсем близко, так как звук выстрела совпадал с пролетом снаряда. Простояв минуты две и видя, что все опять затихло, мы двинулись далее и вновь нас поглотила снежная полутьма.

Но скитаниям нашим пришел конец. Вскоре показались какие-то фигуры и до нас донесся русский говор. Из предосторожности мы их окликнули. "Эй, земляки!" Оказались они — пехотным унтер-офицером с несколькими рядовыми и принадлежали они к отряду полковника Орлова. Высланы они были для

выяснения нашего местонахождения. Я объяснил им обстановку и опасность, какую представляет это, никем не занятое, пространство. Унтер-офицер обещал все в точности передать и сообщил, что отряд их движется и скоро подойдет. Я рад был этой встрече, так как начинал сомневаться в существовании самого отряда. Задание наше было выполнено и мы могли со спокойной совестью вернуться к полку.

Деревню удалось отстоять и занимавшая ее пехота и наши эскадроны были сменены до рассвета свежей пехотной частью. Наш полк отведен был в резерв.

14 января наступательные операции стали затихать. Вдоль фронта слышалась лишь редкая ружейная и артиллерийская стрельба. На нашем участке была новая попытка завладеть деревней Дауден. Атаковавший ее пехотный батальон не смог продвинуться и залег, окопавшись в снегу. Для поддержки был выдвинут из резерва наш 3-й эскадрон поручика Рубцова, в надежде, что своим порывом он увлечет пехоту. Расчет этот оказался не верным. Продвинувшись лишь немного дальше пехотного батальона, эскадрон принужден был, в свою очередь, залечь. Наша артиллерия не могла разрушить немецкие укрепления. Как и накануне, потери были значительны и бессмысленны. Вечером пехота отошла за кавалерию.

Наступательные операции 3-го армейского корпуса с приданной ему конницей были закончены. Тяжелой артиллерии, способной пробить брешь в немецкой оборонительной линии, мы так и не видали, не говоря уже о морских орудиях с бронебойными снарядами. Быть может, вне нашего участка наша тяжелая артиллерия и принимала участие в бою, но ощутительных результатов, во всяком случае, достигнуто не было.

Эти трехдневные бои служили преддверием к гораздо более крупным операциям. Опасаясь за свой правый фланг, командование 10-й армии приказало конному корпусу генерала Леонтовича (1-я и 3-я кавалерийские дивизии) очистить от неприятеля Шореллерский лес и завладеть г. Ласдененом. По сведениям штаба армии этот лес занимался лишь одной 1-й германской кавалерийской дивизией.

Бой начался 21 января. Германскую кавалерийскую дивизию удалось быстро оттеснить и подойти к Ласденену. Но дальнейшее наше продвижение было остановлено, подошедшей для усиления своей кавалерии, 5-й гвардейской пехотной дивизией. В то же время стягивался 21-й германский армейский корпус и подходили другие крупные силы. Через несколько дней сосредоточилось на этом участке три германских корпуса, которые разгромили правый фланг нашей 10-й армии.

В бою под Ласдененом был ранен, только что принявший наш эскадрон, ротмистр Николай Константинович Модзалевский и контужен корнет Борис Васильев. Эскадрон вновь принял штабс-ротмистр граф Грабовский, а я остался единственным офицером.

О моей службе Лейб-Гвардии в Егерском полку

(1895 - 1901 гг.)

Генерал Б. В. Геруа

(Продолжение)

Из гвардейского старшего начальства 90-х годов полки больше всего чувствовали — если не видели — начальников дивизий. Бригадные командиры не имели определенного дела и ответственности, а потому и значения. Очень часто эта почти номинальная должность совмещалась с командованием одним из двух полков той же бригады. Корпусный командир был высоко и далеко. Если он прежде командовал кавалрейскими частями, то и интересовался ими преимущественно перед мало знакомой ему пехотой.

Зато начальник дивизии должен был оказывать и оказывал влияние на обучение и воспитание своих четырех полков. Если это был плац-парадный генерал, внимание полков сосредоточивалось на маршировке, красоте сомкнутого строя и обмундировании. Если это был знаток стрельбы, полки старались щегольнуть друг перед другом "процентами", добиваясь их если не мытьем, так катаньем; тактик будил интерес к полевым занятиям; хороший хозяин погружал полки в вопросы хлебопечения, швальни, всевозможных ремесл, отхожих промыслов и накопления экономических сумм.

Сочетания всего этого в одном лице не встречалось, а потому полкам приходилось испытывать нажим то в одном, то в другом направлении. Быть может, ближе к полной гармонии оказался генерал Г. Р. Васмунд, человек живой, разнообразный и смелый. Но он привел в ужас и смятение хозяев 1-й Гвардейской пехотной дивизии, приказав торжественно сжечь все незаконно накопленное ими "на всякий случай" обмундирование — одиннадцать или двенадцать "сроков" вместо положенных трех. То, что Васмунд обозвал "гнилью и заразой", полки год за годом складывали в свои цейхгаузы, загромождая их мундирным тряпьем, часто нищенского вида. Впоследствии, уже в должности начальника штаба Петербургского округа, Васмунд нанес другое оскорбление хозяйственной части полков, запретив отправку солдат осенью на частные заработки.

Зато полевые занятия и маневры при Васмунде получили интересный и не шаблонный характер, явившись короткой вспышкой на фоне казенной тактики Красного Села, до некоторой степени, предтечей того обновления, которое эта тактика испытала

после горького опыта русско-японской войны. Командовал дивизией Васмунд, однако, недолго, получив вскоре ответственный пост начальника штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа.

Плац-парадным начальником дивизии был князь Н. Н. Оболенский, при котором я вышел в полк. Высокий, красивый старик, старый Преображенец и командир Преображенского полка в войну 1877-78 гг., георгиевский кавалер за Ташкисен, подтянутый, натянутый и важный, Оболенский как бы излучал из себя гвардейско-придворные настроения эпохи Александра II.

Однако, почва для дрессировочной муштры войск постепенно исчезала. Александр III отменил воскресные разводы караулов в Высочайшем присутствии; отменил нарядные весенние парады, на которых полки щеголяли своим равнением и шагистикой, частые смотры по разным случаям. Плац-парадному начальству развернуться стало негде. Даже и форма одежды упростилась до такой степени, что почти сошли на нет петлички и ремешки, на которых точили свой глаз командиры и создали тип военного педанта-придиры под армейской кличкой "ремешок".

Но во власти начальника дивизии оставалось производство так называемых инспекторских смотров полкам. Раз в год, обыкновенно зимой, в разгар казарменных занятий с "молодыми", т. е. с новобранцами, начальник дивизии мог вывернуть полк, что называется, наизнанку и проверить его строевое и хозяйственное состояние. Во время этой операции, выбивавшей полк из колеи, по крайней мере, на неделю, начальник дивизии старой школы имел возможность тряхнуть стариной. Показывалось решительно все: люди, мундиры, снаряжение, оружие, ранцевая укладка, личные солдатские сундучки с их скудным содрежанием, всегда пахнувшие ваксой и дешевым мылом. Полк водили на показ целиком или в лице назначенных по выбору рот в гарнизонный Михайловский манеж. Тут, в сизом сыром тумане петербургского раннего утра, заполнившем с улицы огромную и холодную каменную коробку здания, на свежем песке манежа, роты подвергались тому или другому экзамену. Одна производила ученье; другая показывала ранцевую укладку, причем предметы снаряжения лежали правильными рядами на земле, а люди стояли силуэтами против своих вещей. Вот одному егерю приказали снять мундир и показать белье. Вот другой снимает сапог, разматывает портянку и величественный князь Оболенский, в сюртуке, при шпаге и в белых перчатках склоняется над узловатой мозолистой ступней солдата, чтобы убедиться в ее чистоте.

Между тем, на Рузовской и Звенигородской улицах, в казармах хозяйственные чины штаба дивизии не первый день роются в кипах всякого полкового имущества, выплывшего на свет Божий из разных складов; пахнет нафталином и ревизоры чихают от перца, которым посыпают обмундирование для сохранности.

На дворе нестроевой роты выводят из конюшен полковых обозных лошадей и проводят их перед начальством, стоящим с записными книжками и карандашами в руках. Рядами выстроены и выравнены недавно покрашенные и едва успевшие просохнуть повозки обоза и двуколки. Какой-то специалист озабоченно щупает колеса и пробует смазку.

В полковой канцелярии выложены на столах длинные отчетные книги. Согнувшись над ними сидят и делают выборки члены особой комиссии по проверке отчетности и состояния сумм.

Для всей этой работы не хватает маленького штата штаба дивизии, не превышающего пяти офицерских чинов, почему от других полков дивизии командированы дополнительные ревизоры.

Проще всего решается вопрос проверки тактической подготовки офицеров. Каждый офицер должен представить одну исполненную им на плане задачу с соответствующими приказаниями. Задачи не составляют наново: их выписывают готовыми из удобного учебника Кайгородова и Преженцова (авторы когда-то молодые офицеры генерального штаба Петорбургского округа, впоследствии генералы). Обыкновенно — это действующий в русской Польше, где-то в Падянищах или под Лодзью, батальон, который нужно или расположить биваком, или выставить от него охранение, или совершить с ним переход; может быть, — атаковать или оборонять позицию; а то еще организовать нападение на транспорт или, обратно, отбить таковое.

Батальон этот, или другой крошечный отряд, печально одинок, а обстановка обрисована безжизненно и узко; соседей нет или о них имеются самые смутные известия.

Лучшими знатоками в области решений этих задач являлись безусые подпоручики, только что выпущенные в полк со школьной скамьи. Считалось, что у них еще не успели улетучиться училищные познания по тактике и рука оставалась еще бойкой в изображении в нужном масштабе на карте цветными карандашами всех этих биваков, цепей, колоны и немногих орудий, иногда приданных батальону.

Старшие офицеры доверчиво поручали судьбу данной им задачи молодым, состоявшим в их подчинении. Таким образом, я беспрекословно и храбро решал задачу за своего ротного командира Гудиму.

Кто, где и когда проверял эти решения и расценивал исполнение? Задачи отправлялись в штаб дивизий и оттуда не возвращались. Но в толстом приказе по дивизии о результатах инспекторского смотра полков, через месяца три-четыре, можно было прочесть имена немногих офицеров, которые "отличились" в этом бумажном состязании по тактике в ту или другую сторону.

После окончания смотра и исчезновения ревизоров полк еще дня два-три входит в свои берега. Улегается смотровая суетня. Скоро, как в квартире, которую только что перевернули вверх дном, помыли, почистили, проветрили и снова водворили все предметы на прежние места, родная пыль мало-помалу завоевывает свои права и показной блеск уютно тускнет, напоминая о наступивших буднях.

Кроме князя Оболенского и Васмунда в мое время дивизией командовали еще двое, — частая смена для шестилетнего периода: это были генералы

Оскар Казимирович Гриппенберг и Георгий Иванович Бобриков. Нужно сказать, что все четыре начальника дивизии были георгиевские кавалеры за войну в 1877-78 гг., а Гриппенберг, при этом, имел шейный крест 3-й степени. Но Бобриков несмотря на свой боевой крест производил впечатление скорее ученого профессора, чему еще помогали очки и ученый сюртук генерального штаба. Это был умный и деликатный начальник, плохо разбиравшийся в строевых тонкостях и ухищрениях и довольно метко прозванный в полках "тайным советником".

О корпусных командирах мне вспоминать нечего, за исключением разве, Великого Князя Павла Александровича, дяди Государя, получившего это большое назначение еще совсем молодым человеком, чуть ли не сразу после командования л.-гв. Конным полком. Во время проезда вдоль передней линейки Главного лагеря в Красном Селе (1-й и 2-й Гвардейских пехотных дивизий) Великий Князь однажды не встретил на должном месте у знамени лагерного караула помощника дежурного по полку в лагерном расположении л.-гв. Егерского полка. Он обязан был безотлучно находиться на этом месте, базируясь на "дежурную палатку" и в случае появления начальства, рапортовать ему о благополучии в полку. В результате, отсутствовавший так некстати офицер получил замечание в приказе по полку. Это был я. Надо же было Августейшему командиру подъехать к полку, когда я, поборовши чувство долга, решился отлучиться на пять минут по какой-то надобности.

Великий Князь Павел славился своей стройной и высокой романовской фигурой, красотой и элегентностью. Многие корнеты завидывали его стильным высоким сапогам, так хорошо оттенявшим длинные и тонкие ноги. Когда Великий Князь спешивался, он любовно похлопывал твердые голенища своих английских сапог стэком с дорогой ручкой.

Летом 1916 года я представлял ему л.-гв. Измайловский полк. Седой, но без старческих морщин, Великий Князь, красивый по-новому, блистал по-прежнему стилем и стройностью фигуры; но он не похлопывал стэком голенища своих изумительных сапог: наступил век автомобиля и в стэке не было нужды.

Старший брат Великого Князя Павла Александровича, Великий Князь Владимир Александрович, в 90-х годах командовал всеми войсками Петербургского военного округа. Меньше ростом, чем "брат Павел", но не менее красивый и породистый. Как в молодости, так и в старости, лицо Великого Князя Владимира Александровича обращало на себя внимание правильностью и характерностью мужественных черт, освещенных выразительностью. Он представлял собою в столице величину, заметность и влияние которой объяснялась не только тем, что Великий Князь являлся одним из старейших в Императорской Фамилии, но и его личными качествами. Умный, хорошо образованный, вышколенный в атмосфере царствования Александра II-го, с серьезным боевым опытом войны 1877-78 гг., понимающий жизнь и людей, знающий глубоко военную среду, Великий Князь правил войсками мудро и ровно.

Он не обнаруживал ни горячности своего будущего преемника, Великого Князя Николая Николаевича, ни узкого военного педантизма своего отдаленного предшественника, Великого Князя Михаила Павловича. Предоставив своему начальнику штаба простор и почин в сложной области администрации в округе, главнокомандующий оставил за собою роль воспитателя, поддерживая в войсках традиции и дух, задавая им тон, шлифуя воинские понятия о долге, чести, преданности Государю и Родине.

Великий Князь любил невзначай приехать в часть один, без адъютанта, обойти казармы во время занятий, не прерывая их, зайти на кухню, попробовать солдатскую пищу, поговорить с кошеваром и, в заключение, в офицерском собрании, запросто за стаканом чая, побеседовать с офицерами. Когда при этом Великий Князь хотел дать разрешение курить, то доставая собственный портсигар, подавал команду из старого стрелкового устава — "вынь патрон". Это было традиционным его сигналом к общему курению.

Во время таких бесед он любил вспоминать прошлое, разные служебные и боевые случаи, поражая часто слушателей своею богатою памятью и глубоким знанием русской истории. Ничем этим Великий Князь не рисовался — всегда это был обыкновенный разговор без претензии, ни лекция, ни наставление. Но сколько в словах этих оказывалось полезных крупинок, которые оседали незаметно в умах слушателей.

Посещение Великого Князя Владимира Александровича не приносило с собою грома и молнии и по полку не пробегала дрожь трепета, как это бывало в случаях грозных наездов Михаила Павловича или самого Государя Николая Павловича. Наоборот, люди чувствовали, что начальство приехало не для разноса, а для поощрения. Спокойные, полные достоинства манеры Великого Князя и его глаза с искрой философского юмора точно ободряли и оглаживали. Невозможно было представить, чтобы неожиданное появление Великого Князя вызвало бестолочь и суетню.

Совершенно необыкновенный голос его, неукротимая сила которого напоминала раскаты тромбона, пропадала даром: как бы воспользовался этими голосовыми средствами начальник-громовержец! С другой стороны, Великий Князь ничего не мог сказать по секрету или шепнуть на ухо соседу. Понижение голоса вело только к большей отчетливости и каждое слово еще резче повисало в воздухе. Повысив же голос, Великий Князь мог здороваться с войсками удаленными на большое расстояние. Помню, как-то на маневрах, после разбора, Великий Князь захотел поздороваться с лейб-драгунами, шефом которых состоял. Полк стоял в колонне далеко за скрывавшим ее холмом и едва был виден. Но шеф знал свой голос. "Здорово, драгуны", — протрубил Великий Князь в сторону полка. И после жуткого мгновения и паузы до нас донесся дружный ответ: "Здравия желаем, ваше императорское высочество".

Главнокомандующему случалось, конечно, натыкаться на разные служебные промахи и проступки. Но и тогда он не делал из мухи слона. В худшем случае — он журил, почти по-отечески. В лучшем —

снисходил, предоставляя дисциплинарную расправу ближайшему начальнику.

В Егерском полку, в мое время, Великий Князь вдруг приехал, в своих санках на одного, к разводу городских караулов. Караулы уже были все выстроены перед казармами на Рузовской улице. За одиночкой главнокомандующего гнались изо всех сил другие собственные сани, в которых сидел, готовый выскочить на ходу, опоздавший к разводу поручик Дзичканец 3-й.

В то время как Великий Князь, высадившись, вышел перед серединой фронта и был встречен полковником, дежурным по караулам, маленький Дзичканец бегом и позади фронта направлялся к своему месту.

— А это, кто такой? — с искренним интересом спросил Великий Князь дежурного по караулам.

— Это поручик Дзичканец 3-й, — ответил смущенный полковник и в виде объяснения этого странного происшествия прибавил: — Он всегда опаздывает...

"Ага!" — удовлетворенно сказал Великий Князь, как будто одобрив эту оригинальную привилегию офицера.

История умалчивает, что выслушал впоследствии от своего полкового начальства этот офицер, сын старого Егеря и брат трех Егерей, служивших тогда в полку.

***

С началом зимы, по первопутку, в Петербурге часто можно было слышать военную музыку на улицах. Дети и прислуга бросались к окнам в надежде увидеть бравых гвардейцев, марширующих мимо. Но шли не гвардейцы и даже не солдаты. Шли не в ногу, как попало, молодые здоровые парни, одетые в деревенские тулупы или в чуйки городских рабочих, в разнообразных шапках и картузах, с котомками за плечами. Впереди этой колонны парадировал и гремел оркестр музыки, по наряду от городского гарнизона, а позади плелись казенные подводы нагруженные сундучками. Несколько молодцеватых унтер-офицеров окрыляли эту колонну, а сбоку по тротуару шел офицер, наблюдая за этим шествием. Это были новобранцы, которых приняли на том или другом вокзале Петербурга и теперь вели на сборные пункты, из которых главным был, так называемые, "проходные казармы", на Загородном проспекте, неподалеку от кварталов л.-гв. Семеновского и л.-гв. Егерского полков.

Здесь нобоpанцы, прибывшие со всех концов России, устраивались на время; поступали на казенные "харчи", кстати сказать, сытные, казавшиеся многим парням роскошными после сельских; оправлялись от первых столичных впечатлений и подвергались первой, грубой сортировки. Для гвардии полагались повышенные требования роста и физической годности.

Для окончательной сортировки по полкам новобранцы, снова под музыку, отправлялись в Михайловский манеж на, так называемую, разбивку. Производил ее по традиции сам Великий Князь — Главнокомандующий (должность эту в петербургском округе неизменно занимал очередной Великий Князь). Церемония эта была утомительна, так как продолжалась иногда целый день.

В манеже стоял пар как от зимней погоды, врывавшийся клубами через постоянно отворяемые двери, так и от бесконечных шеренг тулупов и чуек, построенных унтерами в ожидании разбивки. Участь каждого новобранца решалась в какие-нибудь пять секунд: Великий Князь опытным взглядом окидывал еще "штатскую", мешковатую, часто крючковатую фигуру парня, его лицо и определял тот или другой полковой тип, установившийся традицией.

— Преображенский! Гусарский! Конная Гвардия! Егерский!..

Мешковатость и крючковатость быстро исчезнут, а тип угадан верно. Вот будущий чернобровый и черноусый красавец лейб-гренадер; тяжеловатый бородач измайловец — по гвардейскому прозвищу, "талагай"; вот рыжий московец; курносый павловец — под медную гренадерку 18-го века, сохраненную только в этом полку. Вот, наконец, смышленное, если не плутоватое, лицо на хорошо сложенном, легком и подвижном теле... Это лейб-егеря.

У Великого Князя в руках мел. Быстро определил в какую часть назначается новобранец, он чертил на его груди размашистую крупную цифру, условно определяющую полк. После чего парнем споровисто овладевает пара сильных рук гиганта-унтерофицера и вырывает ошалелого новобранца из рядов с зычным криком: "Егерский!". Два унтер-офицера-егеря тут же стоят наготово в толпе, сопровождающей Великого Князя. Человек, оглушенный всем происходящим вокруг, буквально, как перышко, перелетает в крепкие объятия егерей приемщиков. Постепенно растет группа новобранцев с меловой цифрой "4" на груди, собираемая этими унтер-офицерами на отведенном для полка участке манежа.

Под вечер, к концу разбивки, каждый полк уже имеет не одну сотню своих "молодых", которые теперь потеряли свою безличную неопределенность. В густых зимних сумерках идут из манежа по разным направлениям колонны; они плохо видны в темноте и не видно как одеты составляющие их люди, но далеко раздаются бодрящие марши, бой барабанов, свист флейт, возвещающие о том, что идут будущие бравые молодцы-гвардейцы. Идут в свои полковые казармы, которые скоро станут для них родными.

В полку командир полка произведет разбивку по ротам, эскадронам. Тут тоже будут играть роль не только типы, но и мысль о ровном распределении людей, чтобы не случилось скопления более обещающих и полезных в одних ротах и худших в других.

***

Для каждого, кто служил в петербургском гарнизоне, ярким воспоминанием на всю жизнь оставалось участие в парадных смотрах, которые производил войскам Государь.

При Императоре Александре II эти ежегодные смотры бывали наряднее и параднее, чем при Императоре Александре III, так как последний перенес обычные до него весенние смотры на зиму. В них

заключался свой особый суровый стиль, напоминавший о севере и снеге, но войска выводились в шинелях. Под серым однообразным цветом их скрывались краски мундирной одежды и полковых отличий. При Императоре Александре II это был калейдоскоп сменяющихся ярких пятен кавалерийских мундиров и пехотных нагрудных лацканов.

Император Александр III производил парады на Дворцовой площади против Зимнего дворца, в январе или в феврале: редко удавалось подогнать смотр к солнечной зимней погоде и к голубому небу, которое подчеркивало искрящийся снег на крышах и на земле. Чаще небо было серое и вместе с шинелями войск и белыми бликами снега составляло монотонную картину, точно гуаш, написанную на серой бумаге. Только тусклый блеск кирасирских лат и касок оживлял эту строгую картину. Задней декорацией, если смотреть от арки Главного Штаба, было стильное розоватое здание Зимнего дворца, высокое, все в колоннах, с бесчисленными статуями по верхнему карнизу. Монументальный царь сидел на монументальном вороном коне и пропускал серые ряды войск мимо гранитного цельного столба Александровской колонны. Зрелище это было величественно.

Если мороз давал себя знать, офицеры и солдаты имели на голове черные суконные наушники. Иногда шел снег и тогда вся сцена затягивалась белой сеткой снежных пушинок, которые пухло оседали на плечах и головных уборах парадирующих. В ожидании Государя войска топтались на месте, согревая ноги.

(Продолжение следует)

Библиография

Général Andolenko « Histoire de l'Armée Russe »

Это — первая во Франции полная история русской армии и ее действий. Написанная по-французски, для иностранцев, ее можно смело рекомендовать и русскому читателю.

Большая часть книги посвящена Императ. Русской Армии: из 476 стр. только 56 отведены пореволюционному периоду, на которых автор подчеркивает, что советская армия в значительной степени использовала опыт воен. прошлого России. После 18 века, — века необычайного прогресса и успехов, — 19 век, за некоторыми исключениями, явился веком упадка, т. к. русская армия отошла от заветов наших военных гениев — Петра, Румянцова и Суворова. Автор, объективно указывая на все наши недостатки, подчеркивает на протяжении всей книги необыкновенную доблесть, жертвенность и любовь к родине русского солдата. Что касается части книги, посвященной войне 1914 года, — "История этой войны" — говорит автор — "была написана после изучения самых последних немецких и русских источников. Она значительно отличается от первых по времени (1920-25) трудов, написанных под влиянием немецких историков. Да будет разрешено нам остановиться особенно на этой стороне вопроса. Поверхностное изучение воен. действий на русс. фронте привело весь мир к неправильной оценке воен. мощи России, а поспешные и ошибочные выводы — к двум неправильным суждениям с неисчислимыми последствиями. Союзники проглядели ту долю, которая причиталась России в общей победе 1918 года. Они искренно поверили, что Польша может заменить против Германии отсутствующую Россию и усыпили себя миражем найденного равновесия. С своей стороны немцы уверовали в свое абсолютное превосходство и радостно бросились в кровавую авантюру 1941 года. Нет надобности настаивать на гибельных последствиях этого для двух стран — Франции и Германии".

"История Русской Армии" — большой и ценный труд опытного военного историка, труд, в котором уже давно ощущалась острая надобность. Пожелаем ему большого и заслуженного успеха и скорейшего перевода его на другие языки.

А. Щ.

(Продолжение справочного отдела 2-й страницы)

Цена номера «Военно-Исторического Вестника» начиная с № 30 3,50 фр., или 1 ам. долл. или 3,50 франка. (цена номера для членов Общества остается прежней).

3. — Сборник **«Русская Военная Старина»** — первое издание Об-ва (1947 г.). Цена 4,50 фр. или 1 долл. или 4,50 франка.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на бронзовые медали: 1) Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2) С.-Петербурга (1703-1953), 3) Обороны Севастополя (1855-1955), 4) Полтавской победы (1709-1959), 5) Отечественной войны (1812-1962), 6) Пятидесятилетия начала первой мировой войны (1914-1964) и 7) Пятидесятилетия начала Доброволь. Армии (1917-1967).

Цена медали Гвардии или Петербурга 18 фр. или 4,5 америк. долл. или 19 фр.; Севастопольской или Полтавской — 12 фр., 3 долл. и 13 фр.; медали 1812 года — 14 фр., 3,5 долл. и 15 фр.; медали 1914 года — 16 фр., 4 долл. и 17 фр.; медали 1917 года — 18 фр., 4,5 долл. и 19 фр.; медали 1917 года посеребренной — 21 фр., 5 долл. и 22 франка.

В настоящее время, за исключением Полтавской медали, которая высылается немедленно по получению заказа, заказы на остальные медали выполняются в зависимости от имеющегося запаса и, таким образом, между получением заказа и отправкой заказанного может пройти от нескольких дней до, в худшем случае, двух месяцев.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

ОТ РЕДАКЦИИ

В дополнение к "Памятным датам на 1968 год", напечатанным в предыдущем, № 30-м, "Военно-Исторического Вестника", необходимо упомянуть также, что в нынешнем году исполняется 300 лет со дня учреждения трех кавалерийских полков русской армии: 6-го драгунского Глуховского, 9-го гусарского Киевского и 17-го гусарского Черниговского, официальная дата старшинства которых считается — 30-е августа 1668 года.

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

N° 32

НОЯБРЬ 1968 год

СОДЕРЖАНИЕ

•

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление с глубокой скорбью сообщает о кончине одного из старейших членов Общества,

Почетного члена

Владимира Гвидовича фон РИХТЕРА

последовавшей 21 сентября сего года.

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию Г. М. Гринев — Villa Riegler, 2542 Kottingbrunn.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, « Le Jardin », Landévennec, 29S - Argol.

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):

A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеются еще нижеследующие издания Об-ва:

1. — **"Записка о службе А. В. Суворова"** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.

2. — Номера **«В.-И. Вестника»**, начиная с № 8. Цена номера до № 30 — 3,00 фр. или 0,90 америк. долл. или 3,00 фр., а начиная с № 30 — 3,50 фр. или 1 ам. долл. или 3,50 франка.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на бронзовые медали: 1) Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2) С.-Петербурга (1703-1953), 3) Обороны Севастополя (1855-1955), 4) Полтавской победы (1709-1959), 5) Отечественной войны (1812-1962), 6) Пятидесятилетия начала первой мировой войны (1914-1964) и 7) Пятидесятилетия начала Добровол. Армии (1917-1967).

Цена медали Гвардии или Петербурга 24 фр. или 6 америк. долл. или 25 фр.; Севастопольской или медали 1812 года 14 фр., 3,5 долл. и 15 фр.; Полтавской 12 фр., 3 долл. и 13 фр.; медали 1914 года 16 фр., 4 долл. и 17 фр.; медали 1917 года 18 фр., 4,5 долл. и 19 фр.; медали 1917 посеребренной 21 фр., 5 долл. и 22 франка.

В настоящее время, за исключением Полтавской медали, которая высылается немедленно по получению заказа, заказы на остальные медали выполняются в зависимости от имеющегося запаса и, таким образом, между получением заказа и отправкой заказанного может пройти от нескольких дней до, в худшем случае, двух месяцев.

МЕДАЛЬ ДВУХСОТЛЕТИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ ОРДЕНА СВ. ГЕОРГИЯ

Правление, считая своим священным долгом ознаменовать исполняющееся в 1969 году двухсотлетие учреждения ордена св. Георгия, приняло еще в октябре прошлого года решение выпустить соответствующую памятную медаль.

За образец взята медаль 1769 года. На лицевой стороне медали, диаметром в 59 м.м., будут помещены поясное изображение Учредительницы и надпись — "Императрица Екатерина Великая", а на обратной — изображение орденской звезды, обрамленное лентой с бантом и крестом св. Георгия, надпись "За службу и храбрость" и юбилейные годы — "1769" и "1969".

Заказы (с обязательным приложением соответствующей суммы) надлежит направлять на имя А. В. Щиткова или А. Ф. Долгополова (адреса см. выше).

Медали, заказы на которые будут получены до 16 апреля, будут рассылаться начиная с 1 июня. Медали, заказанные после 15 апреля, но до 16 июня, будут рассылаться начиная с 1 октября. Медали, заказанные после 15 июня, но до 16 сентября, будут рассылаться начиная с 1 ноября.

Цены: бронзовой медали — 29 фр. или 6,90 америк. доллара или 30 франков; бронз. посеребрен. — 32,50 фр. или 7,70 долл. или 33,50 фр., а позолочен. — 37 фр. или 8,60 долл. или 38 фр.; серебряной — 102 фр. или 22,00 долл. или 103 фр., а серебр. позолоч. — 110 фр. или 23,70 долл. или 111 франка.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

Некоторые памятные даты в 1969 году

200 ЛЕТ. — Начало войны с Турцией 1769-1774 гг.
Учреждение ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия (26 ноября 1769 г.).
Основание пехотных полков: 7 Ревельского, 28 Полоцкого, 46 Днепровского, 72 Тульского и 146 Царицынского (1769 г.).
Рождение Наполеона Бонапарта (15 августа 1769).

175 ЛЕТ. — Победы Суворова под Крупчицами (5 сент.), Брестом (8 сент.), победа ген. графа Ферзена под Мациовицами (28 сент.) и штурм Праги Суворовым (24 окт. 1794 г.).

150 ЛЕТ. — Основание Николаевского Инженерного училища (1819 г.).

100 ЛЕТ. — Экспедиция ген. Колпаковского в китайский Туркестан и высадка отряда ген. Столетова на восточном берегу Каспийского моря (1869 г.).

75 ЛЕТ. — Кончина Императора Александра III (20 октября 1894 г.) и начало царствования Императора Николая II.

50 ЛЕТ. — Кончина ген. М. Г. Дроздовского (1 января 1919 г.).

Мои личные воспоминания о службе в рядах славной Лейб-Гвардии Конной артиллерии (1898-1914 гг.)

Великий Князь Андрей Владимирович

Лагерный сбор 1898 года закончился двухсторонним маневром. "Северный" отряд, изображавший неприятельский десант южнее Выборга, в состав которого входило Михайловское артиллерийское училище, был сосредоточен в одном переходе к северу от Петербурга по Выборгскому шоссе. "Южный" отряд защищал подступы к столице.

Наш отряд начал наступление 5 августа и, сбив противника, занял столицу. 6-го была дана дневка и 7-го мы продолжали наступление на Пулковскую гору, куда отступал "южный" отряд. 8-го августа наш отряд двинулся на штурм Пулковской горы, которую и взяли лихо. Государь со свитой наблюдал за ходом маневра с самой Пулковской горы. Когда оба отряда сошлись и бросились друг на друга "в штыки", что произошло около 12 часов дня, Государь дал сигнал — "отбой" и маневр кончился.

Приближался знаменательный момент производства в офицеры. Нам пришлось немного выждать подхода нижних чинов училища, чтобы передать им наших лошадей, потом, пешим строем, нас повели в парк Пулковской обсерватории, куда, как и мы, стекались с разных сторон выпускные пажи и юнкера всех училищ, которые выстраивались по существовавшему порядку — на правом фланге пажи, затем пехотные училища, кавалерийское училище и на левом фланге мы, артиллерийские училища. Построили нас на три фаса. Когда все училища были собраны и выравнены и начальники выстроились на правых флангах своих училищ, то появился Государь Император с Императрицей, окруженные многочисленной свитой. Все были пешком. На Государе был еще белый китель.

Обойдя фронт, Государь здоровался с каждым училищем отдельно, после чего он обратился к выпускным юнкерам с краткой речью. В ней он напомнил чтобы служили верою и правдою и к подчиненным относились бы справедливо и отечески. Государь говорил очень просто и сердечно, как он умел говорить гладко и ясно. Закончив свое обращение, Государь сделал маленькую паузу, которая заставила сердца выпускных еще сильнее забиться в ожидании того долгожданного момента, когда они, наконец, станут офицерами. Все замерли, и Государь, окинув всех своим ласковым взглядом, сказал: "Поздравляю вас, господа, офицерами". Эти знаменательные в жизни каждого юнкера слова были покрыты долгим и немолкаемым "ура".

В силу старой традиции Государь приказал вызвать к себе фельдфебеля Пажеского корпуса, который по должности являлся камер-пажем Его Величества и фельдфебеля Павловского военного училища, коего он был шефом. Камер-пажи Государынь Императриц были вызваны к Их Величествам для получения приказа о производстве. Присутствующие Великие Княгини также раздавали своим камер-пажам приказы. Остальным выпускным приказ раздавал фельдъегерь, который обходил фронт и оставлял на каждое училище целую пачку приказов. Я тоже получил один экземпляр, но не помню от кого. Этим приказом я, собственно говоря, не был произведен в офицеры, т. к. члены Императорской Фамилии числились в офицерских чинах с семилетнего возраста. В приказе было относительно меня сказано так: "Его Императорское Высочество Великий Князь Андрей Владимирович зачисляется для несения службы в 5-ю Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича батарею Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады".

Одновременно со мною в бригаду было выпущено пять офицеров. Из Михайловского артиллерийского училища, кроме меня, был выпущен Сергей Константинович Войнич-Панченко, из Константиновского фельдфебель Петр Дмитриевич Галковский и из Пажеского корпуса двое — Александр Оскарович Грипенберг и Борис Николаевич Шепнин. Пятым был выпущен из Михайловского артиллерийского училища еще Владимир Карлович Петерсон, сын ветеринарного врача училища, но его назначили в запасный взвод в Новгород, а потом мы его больше никогда не видели.

Когда всех нас отпустили, мы вернулись к батарее и строем двинулись в Красное Село. Надо было пройти еще около 15 верст, что составило более двух часов хода. Дошли мы до лагеря в полном порядке и, сдав лошадей прислуге, бросились по баракам переодеваться в офицерскую форму. Я особенно отмечаю, что мы дошли до лагеря в порядке, т. к. в прежние годы юнкера позволяли себе после производства всякие вольности и скакали домой без всякого строя. Начальство вообще строго преследовало нарушение дисциплины, но в нашем училище ввиду происшедших некоторых непорядков начальство было "накалено" против юнкеров дополнительного курса, почему оно особенно напомнило юнкерам, что не потерпит никаких своеволий при обратном движении батареи в лагерь, грозя самым строгим образом наказать провинившихся. Эти увещевания подействовали и юнкера вели себя образцово, чем доставили начальству большое удовольствие.

Переодевшись в офицерскую форму, все пошли прощаться со своими курсовыми офицерами и устре-

мились в Петербург на выпускные обеды. У нас обед прошел благополучно — без излишней выпивки и традиционных скандалов. Все были очень переутомлены последним днем маневра и длинными походными движениями, так что пылу было мало и рано все разошлись.

Через несколько дней, когда все формальности в училище были закончены и мы получили предписания явиться в строй, я явился к командиру Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады ген.-м. Ланге, а потом начал делать визиты офицерам бригады.

Еще до производства я получил из канцелярии бригады список офицеров с их адресами. На плане города я отметил квартиру каждого булавкою и по ним составил маршрут, стараясь не делат лишних концов по городу. Большинство офицеров, воспользовавшись окончанием лагерного сбора, было в отпуске. Остались лишь главным образом те, кто готовился в академию и в батареях оставалось самое небольшое число офицеров.

Визиты свои я закончил сравнительно быстро. У старших я расписывался, а у младших оставлял визитные карточки, если не заставал дома. На Виленском переулке в доме, где кроме офицерского собрания были офицерские квартиры, я был принят полковником Старынкевичем, командиром 4-й батареи, покидавшим как раз бригаду. В 1905 году он был убит анархистом в Симбирске, где состоял в то время губернатором. Тут же меня принял граф Баранцов, командир 2-й батареи, тоже покидавший бригаду и уходивший в отставку. Покончив с городом, я поехал в Павловск являться командиру 5-й батареи, полковнику Гуку, и офицерам, проживавшим там.

Наша бригада состояла из шести батарей, из коих 1-я, 2-я и 4-я были расположены в столице, 5-я и 6-я Донская в Павловске, а 3-я в Варшаве.

Ввиду того, что к моменту выпуска из училища мне было с небольшим 19 лет, а присягать я мог лишь 20-ти лет, было решено отложить до мая следующего года мое поступление в строй и дать мне этим возможность дополнить свое образование по предметам не входившим в курс военных училищ.

2 мая 1899 г. мне исполнилось 20 лет и я достиг совершеннолетия. Через четыре дня, 6 мая, в день рождения Государя я присягал вместе с Великим Князем Михаилом Александровичем, совершеннолетие которого исполнилось 22 ноября 1898 г., но присяга была отложена до моего совершеннолетия, чтобы мы присягали вместе.

По случаю дня рождения Государя был выход и обедня в Большом Царскосельском дворце. По окончании обедни и молебна мы оба присягали сперва как члены Императорского Дома, после чего тут же в церкви в присутствии министра иностранных дел, который являлся хранителем государственной печати и архива, подписали присяжные листы, хранившиеся в государственном архиве. Потом мы оба принесли военную присягу, для чего в церковь внесли знамя 4-го Стрелкового Императорской Фамилии батальона и штандарт Кавалергардского полка. Мы оба были в формах соответствующих полков.

Великий Князь Михаил Александрович и я, мы оба, были назначены в этот день флигель-адъютантами. Приказ до него дошел раньше и он имел на себе аксельбанты, но я ничего не знал о приказе и Государь меня поздравил флигель-адъютантом после присяги. Трогательное внимание проявили офицеры Кавалергардского полка, привезшие с собою эполеты с вензелями и аксельбанты, которые я успел надеть до завтрака. Тогда же мы принимали поздравления. По этому случаю во дворец были приглашены все наши воспитатели и преподаватели. Затем состоялся парадный завтрак, обычной в царский день.

На следующий день, 7 мая, рано утром я отправился на тройке в Красное Село являться своему, отныне строевому, начальству: командиру бригады генерал-майору Павлу Карловичу Ланге, командиру 2-го дивизиона полковнику Дмитрию Дмитриевичу Кузьмину-Караваеву и временно командующему 5-й батареи капитану Николаю Алоизовичу Орановскому. Командир 5-й батареи полковник Павел Ефимович Гук был болен чахоткой и находился на излечении где-те в степях, на кумысе.

Наличный состав офицеров 5-й батареи был следующий: кроме упомянутого капитана Орановского, старший офицер поручик Степан Васильевич Гладкий, поручик Эдуард Эдуардович Геринг I, брат его подпоручик Борис Эдуардович Геринг 2-й и подпоручик Владимир Николаевич Доманевский.

Капитан Орановский, приняв меня, спросил, знаком ли я с уставом конного учения батареи, на что я должен был сознаться откровенно, что знаком, но очень поверхностно, так как в училище мы, как пешая батарея, все время занимались по пешему уставу в составе восьми орудий, а конное учение нам показали, кажется, всего один раз.

Тогда Орановский высыпал на стол коробку спичек и построил из них шестиорудийную батарею и стал показывать все перестроения. Я помню как на спичках все эти перестроения батареи казались простыми и ясными, но уже на занятиях "пешее по конному" мне все это показалось гораздо сложнее. На конных учениях я в первое время ездил как в тумане, плохо соображая, куда все неслись, в особенности на быстрых аллюрах, когда кругом все грохочет и густая пыль обволакивает все со всех сторон. Совсем плохо было, когда учение производилось по трубным сигналам, которые все довольно плохо знали и постоянно путали их значение. Неопытные офицеры, как я, старались прислушиваться к приказаниям более опытного соседа по взводу или просто ориентировались по орудийным фейерверкерам, которые лучше нас, молодых офицеров, знали сигналы. Но опыт и навык приобрелись довольно быстро, так как конные учения производились почти ежедневно и отменялись лишь в самых исключительных случаях.

Поселился я на прелестной даче, по стрельнинскому шоссе, которую я нанял еще весною и перестроил. Переднюю часть дачи составляла крытая стеклянная веранда; она служила мне столовой. Сзади был мой кабинет во всю ширину дачи, тут был мой письменный стол с телефоном и тахта. Из каби-

нета одна дверь вела в мою спальню, где стояла походная кровать, дальше была ванна и уборная. Другая дверь из кабинета вела в маленькую проходную комнату, которую я потом устроил как спальню для Великого Князя Михаила Александровича, когда он служил в батарее и бывал дежурным по нашему лагерному расположению. Сзади была кухня и буфет, а наверху комната для камердинера. К передней части крыши дачи была прикреплена высокая мачта, на которой подымался мой флаг, когда я жил там и спускался, когда я уезжал. За дачей был выстроен домик для сторожа, конюхов и ямщика. Рядом с нами были две конюшни, одна для верховых лошадей, а другая для троечных, которых я нанимал на лето. Между конюшнями был каретный сарай для коляски. Кругом всего участка шел высокий дощатый забор. Около самой дачи был разбит небольшой садик, разросшийся в тенистый сад к концу моего там пребывания. На этой даче я прожил пятнадцать лет с 1899 по 1914 год.

4-я и 5-я батареи были расположены в Красном Селе, в так называемой Павловской слободе, на самом перекрестке петербургского и стрельнинского шоссе. Парки батарей были расположены в первые годы моей службы по стрельнинскому шоссе, караульное помещение находилось в треугольнике, образуемом двумя шоссе, а конюшни батарей находились по петербургскому шоссе на склоне к главному лагерю. Тут же было и офицерское собрание для двух батарей. Впоследствии парки были перенесены за конюшни батарей на склон, обращенный к главному лагерю; перенесли туда же и караульное помещение для более скученного расположения батарей, раньше все было разбросано и наблюдение за внутренним порядком было трудное.

Офицеры помещались в нанимаемых ими чухонских избах, которые иногда приводились в порядок. Офицеры обыкновенно жили из года в год в тех же избушках, поближе к расположению батарей, а те, кто имели средства ремонтировали их за свой счет. Больше всего уделялось внимания конюшням; старались, чтобы лошади стояли в хороших условиях, чтобы не продували и крыша не текла бы. Некоторые делали денники и приделывали кормушки.

Артиллерия обыкновенно уходила в лагерь раньше других частей, в самом конце мая, для практической стрельбы, которая длилась до половины июня. При "поршневой" артиллерии, при которой я поступил на службу, стрельбы были сравнительно просты. До начала стрельбы батарея ставилась где-либо позади намеченной позиции. Там командир батареи получал задачу и выводил батарею на открытую позицию, определял цель, указывал ее наводчикам и, определив примерно дистанцию, открывал огонь. За каждым выстрелом наблюдала вся батарея, а наводчики корректировали свой прицел; каждый знал, куда стреляют, видел цель и видел результаты.

При старых типах орудий правила стрельбы не были точно еще выработаны, почему сама пристрелка, наиболее ответственная часть стрельбы, так и переход на поражение велись довольно разнообразно, в зависимости от того, кто как понимал дело или исходя из личного опыта. Большинство стрельб вел сам командир батареи и лишь каждому давалось три-четыре очереди, чтобы захватить вилку.

Красносельский полигон был очень узкий и не глубокий; при малейшей ошибке снаряды вылетали за пределы полигона и частенько попадали в соседние деревни или охранительную цепь. Приходилось быть очень осторожным в выборе направлений и в особенности при переносе огня с одной цели на другую.

Для разнообразия, батареи изредка ходили стрелять или на полигон в Струги-Белая, или в Лугу, где простор был большой и стрелявший не был стеснен никакими рамками. Два раза мы ходили в Ораниенбаум стрелять по морским целям, изображавшим десант. Стрельба была, если и не очень поучительна, то во всяком случае весьма эффектна: снаряды и пули рикошетировали по воде, подымая столбы водяной пыли. Последние годы, по очереди, одна из наших батарей ходила в Лугу в распоряжение Офицерской артиллерийской школы для стрельб конной партии. Это была отличная практика для всего личного состава батареи, которая за лето выпускала по несколько тысяч патронов.

Период боевых стрельб был утомительный; назначались стрельбы в утренние часы, приходилось выступать в 6 ч. утра и около 12 ч. возвращаться домой. В мае по утрам было довольно холодно и часто дождливо, приходилось мерзнуть и мокнуть частенько. При "поршневой" артиллерии для младших офицеров стрельбы были очень скучны. Стоявшие на взводах ничего не видели и глохли от шума выстрелов. Когда стреляла не своя батарея, полагалось каждому вести наблюдение и запись. Таковы были требования начальства, но на практике свободные офицеры стояли толпою в стороне, ничего не наблюдали и скучали, некоторые уходили в кусты закусить у бригадного разносчика Лариона и выпить водки, чтобы обогреться. Когда бригадою командовал князь Масальский, то он любил во время стрельбы ловить таких офицеров. Тогда он обращался к ним с вопросом: "Подпоручик, какие ваши наблюдения?" Ответ чаще всего бывал очень туманный, вроде того, что последнюю очередь не определил.

С введением скорострельной артиллерии, с оптическими прицелами и угломерами, вся техника стрельбы коренным образом изменилась. Командир батареи, получив задание, указывал старшему офицеру направление и район для занятия позиции, а сам полным ходом летел отыскивать себе наблюдательный пункт, откуда команда связи тянула телефонный провод на батарею. У командира — одна забота: лично видеть указанную ему цель, поле сражения и все, что на нем происходит. Где батарея и как она расположилась на позиции — его не касалось, он должен был только знать примерно расстояние своего наблюдательного пункта от батареи. Вся трудная работа и ответственность по выбору позиции ложилась на старшего офицера.

Получив задание от командира батареи, он вы-

езжал с командою разведчиков для выбора укрытой и удобной позиции, куда потом и вызывал батарею, которую вели уже разведчики. Как только орудия были установлены, он приступал к постройке параллельного веера работе очень ответственной; при малейшей ошибке стрельбу приходилось останавливать для выверки веера.

Ежели командир батареи видел со своего наблюдательного пункта батарею, то наводил свой угломер на угломер старшего офицера и по телефону передавал на батарею, так называемый, угол приворота, чтобы снаряды ложились на линии его визирования. Ежели, напротив, батарея была командиру не видна, то стрельба велась по буссоли и исключительно по телефону.

Вся эта техника стрельбы была очень интересна и увлекательна и вызывала много изобретательности со стороны офицеров при разрешении разных задач. Все стремились найти наиболее простые способы углов приворота. Вырабатывались специальные линейки, портативные буссоли или же простые и удобные формулы, чтобы избежать сложных вычислений на бумаге. Весь личный состав батареи был занят во время стрельбы; наводчики отыскивали себе удобные вспомогательные точки наводки, а взводные офицеры должны были правильно распределить угломеры орудия для правильного веера; все это требовало от всех большого напряжения и внимания.

Пристрелка, которая в доброе старое время велась скорее по наитию, теперь вылилась в строго математическую формулу, основанную на теории вероятности и полигонных опытах. На широких полигонах с неровною местностью, как в Луге и Струги-Белая, задачи и их решения бесконечно изменялись, что увеличивало интерес к самой стрельбе.

Основным инструментом при командире батареи был маленький угломер с буссолью, который прикреплялся к треножнику. Этот командирский угломер все любили за его легкость и простоту обращения с ним. Но кроме этого угломера каждой батарее был выдан еще другой, неимоверно тяжелый и сложный, называвшийся по фамилиям его изобретателей угломером "Мхайловского-Турова". Преимущества этого сложного угломера заключались в том, что он автоматически разрешал все угловые задачи точно, но его все невзлюбили с первого же дня, в особенности в конной артиллерии, за его тяжесть и громоздкость. Возить на своей спине разведчику такую тяжесть на быстрых аллюрах была каторга. Но главным его недостатком была сложность механизма, с бесконечным числом зажимных винтов разного назначения. Запутаться между всеми этими винтами было очень легко, даже в спокойной обстановке, не говоря уже во время стрельбы, когда стреляющий волнуется и нервничает. Если не зажать как следует основной винт после установки угломера, — а зажимать надо его было во время наводки на цель в подзорную трубу и ощупью можно было схватить вместо него другой винт, — то при всех дальнейших поворотах основная шкала сдвигалась с места и все расчеты оказывались неверными.

Когда я был в Офицерской артиллерийской школе, в 1910 г. в Луге, то там нас специально и очень подробно обучали как пользоваться этим угломером и доказывали все его прелести и преимущества перед более простым угломером. Действительно, какие только не разрешал этот угломер сложнейшие задачи точнейшим образом. Между нами, слушателями школы, ходил даже анекдот, что этот угломер настолько усовершенствован, что при его помощи можно безошибочно определить фамилию того командира батареи, на которого наводишь трубу...

Чтобы убедить нас всех на практике в совершенстве угломера и рассеять наш скептицизм, была назначена специальная стрельба под руководством лучшего руководителя школы, как мы называли его — "бога стрельбы". Стрельба должна была вестись исключительно по угломеру "Михайловского-Турова", без помощи других инструментов. В назначенный день собралось все начальство школы и слушатели, чтобы праздновать торжество замечательного угломера, о котором нам рассказали столько чудес. Когда все было готово и стреляющий проделал, как некое священнодействие, все, что полагается, раздалась, наконец, долгожданная команда — "огонь". Мы все схватились за бинокли, ожидая, что первая же очередь покроет цель. Прошли томительные секунды, но на всем обширном горизонте полигона ни одного разрыва не было видно. Среди руководителей и слушателей — полное недоумение, куда пропали разрывы? Повторили очередь. Тот же результат — ни одного дымка. После совещания, решили, что разрывы скрыты густым лесом, почему, не меняя прицела укоротили трубку. Выпустили третьею очередь, но все тот же результат — разрывов не было видно. Осмотрели угломер. Все казалось в исправности, вычисления верны и разрывы должны ложиться на линии визирования.

Стали запрашивать все многочисленные наблюдательные пункты полигона, куда легли выпущенные очереди? Все пункты ответили, что ни одного разрыва они не видели. Конфуз получился полный, пять или шесть очередей пропало... Стрелял же сам "бог стрельбы". Вдруг из охранительной цепи раздался телефонный звонок; из цепи доносили, что все очереди легли далеко вне полигона и много влево от того места, где мы стояли. Бросились искать причину этого необыкновенного явления и, к еще большему конфузу начальства и самого руководителя, оказалось, что "бог стрельбы" впопыхах зажал не тот винт, какой следовало, и при повороте угломера сдвинул основную базу более чем на сто делений в сторону. Осмотрели батарею на позиции и оказалось, что все орудия смотрят не в том направлении куда следовало, а в сторону. Мы, слушатели, ликовали. Если сам "бог стрельбы" который учил и убеждал слушателей в превосходстве угломера, ошибся, зажав не тот винт, который следовало, то что же можно требовать от нас, еще столь неопытных в пользовании этим замысловатым инструментом. В результате этого неудачного опыта угломер был спрятан и мы его больше не видели.

На практике этим угломером почти никто не пользовался из-за его громозкости и сложности. На войне я опросил многих командиров батарей, пользуются ли они этим угломером, и они почти все ответили отрицательно. Потом, при позиционной войне, он снова вошел в употребление, когда батареи подолгу стояли на одной и той же позиции и когда не требовалась спешка, как при полевых сражениях. Наша конная партия в школе настаивала на том, что лучше не полагаться исключительно на инструменты, которые могут ошибиться или пропасть в нужный момент (падение разведчика с угломером, его смерть, угломер может быть разбит и т. д.), а приучить себя пользоваться более простыми инструментами и уметь даже в крайнем случае обходиться вовсе без них, пользуясь линейкой, шкалой и карманной буссолью. В этом направлении мы широко практиковались и достигали отличных результатов.

Летом 1901 г. 5-я батарея получила на вооружение и испытание новые скорострельные орудия, образца 1900 года. Приняли мы орудия на Путиловском заводе, куда мы пошли в конном строю при полном расчете номеров, ведя артиллерийских лошадей в поводу.

Много возни было первое время с материальною частью. Полученные орудия числились на испытании, а поршневые остались на вооружении, отчего у нас был двойной комплект орудий. Для новых орудий был заведен специальный журнал для отметок, сколько верст пройдено, сколько выстрелов сделано, какие поломки произошли и проч. На основании всех этих данных, полученных во многих батареях, был выработан новый тип орудия, образца 1902 года, который и был окончательно принят.

Эти орудия вполне оправдали свои поразительные баллистические качества и показали выносливость стали. Многие конно-артиллеристы утверждали, что для конной артиллерии эти орудия слишком тяжелы, что нужно иметь более легкие, чтобы легче было бы с ними скакать за кавалерией по любой пересеченной местности. С таким мнением очень трудно было согласиться. Невозможно было мечтать иметь такие прекрасные баллистические качества орудия при сравнительно малом весе всей системы (100 пуд.). Незадолго до войны в одну из наших батарей было дано одно орудие на испытание, действительно, очень легкое. Но при испытании оказалось, что это орудие, как уж слишком легкое, было малоустойчиво и постоянно при поворотах переворачивалось, чем значительно портилась материальная часть. К счастью, от облегченного образца орудия для конной артиллерии отказались.

Насколько прочны были наши орудия доказала война. Предел выносливости орудий был расчитан на четыре тысячи выстрелов, после чего упругость стали значительно уменьшалась и можно было опасаться разрыва тела орудия. Но на практике оказалось, что орудие легко может выдержать до восьми тысяч выстрелов, т. е. вдвое больше нежели было предположено, и разрыва орудий не было. Только у дула стирались нарезы и камера носила следы значительного выгорания, от чего точность стрельбы уменьшалась. Вообще наша материальная часть выдержала испытание и оказалась на высоте.

Летняя практика боевых стрельб заканчивалась призовой стрельбой. Для этого от каждой батареи лагерного сбора назначалось одно орудие по выбору начальника артиллерии лагерного сбора. Все эти орудия выстраивались на военном поле в одну линию. Против каждого орудия, на расстоянии 300 сажен, ставилась мишень, имевшая в высоту и ширину по 12 футов, разграфленная на квадраты в один фут. Посередине мишени был нарисован черный круг в два фута в диаметре. Всем орудиям давалась возможность тщательно навести орудие на мишень и вычислить силу ветра для определения отклонения. Затем, по сигналу, все орудия выпускали по одному снаряду, который назывался пробным и в расчет не принимался. Он отмечался красным карандашом, чтобы не смешивать с последующими пробоинами. По этому пробному выстрелу делались все необходимые поправки. После этого, в установленный промежуток времени, — кажется, давали пять минут, — каждое орудие выпускало по четыре снаряда. На каждый лагерный сбор, где производилась призовая стрельба, полагался один приз "Генерал-Фельдцейхмейстера", который получало орудие давшее наименьшее рассеивание.

Рассеивание пробоин определялось так. Сперва одна пара пробоин соединялась прямой линией, потом вторая пара. Каждая полученная таким образом линия делилась пополам и середины этих линий соединялись прямой линией. Середина этой прямой являлась центром рассеивания. Из этой средней точки описывался круг, в который должны были попасть все четыре пробоины. Наименший радиус круга сотоветствовал и наименьшему рассеиванию. Наводчик, выбивший наименьшее рассеивание получал золотые часы с цепочкой, с двумя скрещенными золотыми пушками, которые носились на мундире, а все номера орудия получали такие же пушки.

Кроме этого официального приза в каждой бригаде были еще свои частные призы. У нас был приз Великого Князя Михаила Александровича. Пешая артиллерия придавала призовой стрельбе особо торжественный вид: призовое орудие моментально разукрашивалось флагами и зеленью и в таком виде долго стояло в парке в виде особого отличия. Нам ни разу не пришлось выбить фельдцейхмейстерский приз, но ни флагов, ни зелени мы с собой на всякий случай никогда не брали, чтобы украшать орудие, это не входило в традиции конной артиллерии.

Большого значения призовая стрельба не имела и ничего особенного не доказывала: это было скорее старая традиция для поощрения наводчиков. Как это не покажется парадоксальным, но скорострельное орудие, более меткое и дальнобойное, на призовой стрельбе, наоборот, давало большие отклонения, нежели старые поршневые орудия. Объясняется это тем, что у скорострельных орудий довольно сложный подъемный и поворотный механизмы, почему у них мертвый ход был более значительный, нежели у ста-

рых орудий с более простым механизмом. Неодинаковое, например, усилие при дергании шнуром давало различное отклонение у скорострельных орудий, а у старых это не имело значения, и на каждой призовой стрельбе поршневые орудия давали лучшие результаты. Конечно, при боевой стрельбе целой батареей этот мертвый ход не играл никакого значения, т. к. принималось в расчет рассеивание снарядов, и меткость скорострельной батареи были выше поршневой.

В прежние годы была еще смотровая стрельба в присутствии Генерал-Фельдцейхмейстера, — отжиток старины. Ставились мишени, строились городки, как это бывало при Императоре Павле, сто лет тому назад и все происходило на военном поле около царского валика. Хотя и давалась примерная задача, но каждый стрелял куда попало. Все это производилось торжественно и традиционно, что при старом дымном порохе было красиво и эффектно, так как огромные густые клубы дыма застилали все поле, слышался страшный грохот орудий, ни ничего не было видно. Потом Генерал-Фельдцейхмейстер объезжал мишени и всегда оказывалось, что наиболее заметные мишени разбиты в щепы, так как в них стреляли все, а другие, малозаметные, оставались нетронутыми. Кто в этом был повинен, установить было нельзя, да я думаю, ничто этим и не интересовался. Потом эти стрельбы были отменены, как пережиток старины, и напрасная трата снарядов была заменена более рациональными стрельбами.

В первый период лагерного сбора кроме боевых стрельб шли усиленные занятия конными учениями. Они происходили каждый день несмотря ни на какую погоду и отменялись лишь в самых исключительных случаях. На этих учениях вырабатывались лихость, слаженность батареи и втягивание конского состава в работу после спокойного зимнего периода. Эти занятия заканчивались смотром батарейных учений командиром бригады. Несколько уставных учений батареи производили со своими кавалерийскими дивизиями. Нам приходилось на фланге дивизии скакать во все стороны, чтобы огнем прикрыть дивизию; после двух-трех построений мы выматывались окончательно. Лихости было много, но толку мало.

Однажды, Главнокомандующий, Великий Князь Николай Николаевич, пожелал видеть конное учение всей бригады вместе, т. е. пяти батарей. Такого уставного учения не существовало, как не существовало и сигналов для такого учения. Командиру бригады князю Масальскому пришлось устроить особую репетицию для выработки специально придуманных сигналов на этот случай. Смотр прошел очень лихо, скакали мы как блохи по всему военному полю, начальство осталось нами отменно довольно и многократно нас благодарило.

В обстановке мирного времени кавалерия тяготилась присутствием конных батарей, стеснявших ее движения, требовавших прикрытия и вызывавших другие тактические заботы. Кавалерия мало скрывала это чувство, и мы отлично это знали. Но на войне, когда кавалерия шагу не могла сделать без своих батарей, отношения резко изменились и за батареями, если можно так выразиться, стали даже ухаживать.

В свободное от других занятий время батарея проходила курс револьверной стрельбы, которая для 4-й и 5-й батарей происходила недалеко от расположения батарей, в овраге около старого завода для обжигания горшков. Как охранение, выставлялись два канонира с красными флажками на горке. Если кто из канониров промахивал все пять пуль, то он посылался заменить канонира с флагом. Солдаты последнего призыва сперва проходили курс подготовительного упражнения, т. к. большинство никогда из револьвера не стреляло и не умело обращаться с ним. Во избежание несчастных случаев при каждом молодом солдате стоял дядька. Курс стрельбы из револьвера проходили все канониры батареи, как строевые, так и нестроевые, и на каждого полагалось четыре-пять стрельб.

Для офицеров это было очень нудное занятие. Люди приходили и уходили партиями, а офицеры должны были оставаться все время, учить молодых, следить за порядком, чтобы не было несчастного случая. Иногда устраивались состязания для нижних чинов на призы. Офицеры тоже упражнялись в этой стрельбе, но предпочитали стрелять не в мишень, а в старые глиняные горшки, которые валялись в большом количестве вокруг завода. Когда в батарее служил Великий Князь Михаил Александрович, то он приносил с собою целый арсенал разных револьверов — у него была целая коллекция — и при стрельбе, он их пробовал все.

(Продолжение следует)

ПЕРЕЖИТОЕ

Ген.-лейт. К. М. Адариди

(1903 — 1905 гг.)

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

День 6 января был посвящен устройству полка на месте его стоянки, налаживанию довольствия людей и лошадей и попыткам разобраться в совершенно незнакомой обстановке. Сведений об общем положении на фронте Маньжурских армий не имелось, каких-либо распоряжений от штаба главнокомандующего получено не было, никакой связи со штабами дивизии или корпуса не существовало, места их пребывания не были известны, также как неизвестно было, где находятся остальные полки дивизии. Ко всему этому нужно еще прибавить, что карт театра войны в полку не имелось. Короче говоря, полк был временно предоставлен исключительно самому себе.

Довольствие наладилось сравнительно легко благодаря тому, что Бейтапу, где был расположен обоз 2-го разряда, находились склады продуктов продовольствия подрядчика, поставлявшего их и мясо частям Маньжурских армий. Что же касается обстановки, то выяснить ее мало-мальски удовлетворительно удалось только через несколько дней.

Во время нахождения в Сандязе чины полка имели случай впервые испытать боевые впечатления. С утра японцы ежедневно обстреливали Новгородскую сопку, находившуюся верстах в четырех к югу от Сандязы; временами видны были отдельные разрывы их снарядов, временами же, когда огонь усиливался, вся сопка как бы дымилась. К вечеру японские шимозы стали рваться севернее сопки, постепенно приближаясь к месту расположения полка, но в последнее ни одна из них не попала. Попытка японцев обстрелять Сандязу вероятно объяснялась тем, что во время обстрела ими сопки нижние чины полка, желая что-нибудь увидеть, скапливались на более возвышенных местах и этим выдавали прибытие войсковой части в деревню.

Примерно на третий день стоянки полка в Сандязе туда приехал главнокомандующий, генерал-адъютант Куропаткин. Он долго обходил собранный по его приказанию полк, интересуясь довольствием нижних чинов, горячею пищею, состоянием их обуви, снабжением теплыми вещами, наличностью достаточного количества шанцевого инструмента, который настоятельно рекомендовал им беречь и проч. Вызвав затем офицеров, он обратился к ним с небольшой речью, сущность которой сводилась к тому, что с прибытием достаточных подкреплений, Манчьжурская армия стала настолько сильна, что может перейти к активным действиям. Этим и закончилось посещение полка главнокомандующим, произведшее, говоря откровенно, какое-то неопределенное впечатление. Оно в общем напоминало обычные посещения начальства в мирное время и, во всяком случае, никакого подъема не вызвало.

Через несколько дней после посещения полка Куропаткиным было получено приказание перейти в Бейтапу. В этой деревне уже находился штаб дивизии, в ней же и ее ближайших окрестностях должны были расположиться все полки последней, а также и 25-я артиллерийская бригада.

Полк удобно разместился в хорошо устроенных отапливаемых землянках, был установлен порядок обычный в лагере и ежедневно производились разного рода занятия. Вообще наладился уклад жизни, заставлявший иногда забывать, что находишься на войне.

Во время стоянки в Бейтапу пришлось впервые познакомиться с новым командиром корпуса, генерал-лейтенантом Топорниным. Артиллерист по роду службы, участник наших среднеазиатских походов, он во время них сблизился с Куропаткиным, благодаря которому и сделал карьеру. Посещая расположения полков дивизии, он обходил землянки и присутствовал на очередных занятиях, но сколько помнится, никаких руководящих указаний по ведению последних не давал. Иначе поступал он, присутствуя на занятиях артиллерии, в тактике которой очевидно считал себя компетентным. Припоминаю, например, такой случай. Однажды одна из батарей расположилась на закрытой позиции в лощине и практиковалась в приемах стрельбы с нее. Увидав это, Топорнин набросился на командира батареи, сделал ему в довольно резкой форме замечание за незнание, что батарея никогда не становится в низине, а всегда на гребне высоты и грозил отчислением. Тогда, находившийся здесь же командир бригады, г.-м. Потоцкий сделал ему подробный доклад о новых орудиях и о пользовании ими. Топорнин уехал очень недовольным и больше никогда на занятиях артиллерии уже не присутствовал.

Как уже было упомянуто, 16-й армейской корпус представлял собою вместе с некоторыми другими частями резерв главнокомандующего. В административном же отношении он был включен в состав 3-й Манчьжурской армии, во главе которой стоял генерал от кавалерии Бильдерлинг. Так как последний меня хорошо знал, когда я был штаб-офицером Генерального штаба при 56-й резервной пехотной бригаде, а затем начальником штаба 35-й пехотной дивизии, входивших в состав 17-го армейского корпуса, которым он командовал и всегда относился ко мне очень хорошо, то я поехал к нему в Суятунь, где находился штаб армии. Здесь, во время обеда, кем-

то из присутствовавших была высказана мысль, что прибывшие из Европейской России части было бы желательно посылать на Шахейские позиции для ознакомления с боевою обстановкою. Мысль эта очень понравилась Бильдерлингу, он взял ее осуществить, а мне предложил для первого опыта назначить один батальон полка, который будет командирован в д. Линшинпу, превращенную в, так называемый, форт Воскресенского. Превращение это произошло следующим образом.

Ко времени окончания боев на Шахе северная половина Линшинпу осталась за нами, южная же за японцами. Как мы, так и они стали деятельно укреплять ту часть деревни, которою владели и, в конце концов, у нас оказалось сооруженным нечто вроде редута, названного по фамилии руководившего работами инженерного офицера Воскресенского. Так как в д. Линшинпу между расположениями нашим и японским было всего лишь около 100-150 шагов, то этот участок позиции был наиболее беспокойным, а потому и лучше любого другого соответствовал намеченной цели дать "боевое крещение" вновь прибывшим войскам.

Вполне признавая, конечно, большую пользу такого крещения, я с величайшим удовольствием согласился на упомянутое выше предложение и решил послать в Линшинпу 1-й батальон подполковника Кучука, о чем и доложил Бильдерлингу. Последний остался этим очень доволен и приказал назначить Генерального штаба капитана Дитрихса провести батальон и вообще находиться в моем распоряжении во время всей командировки. Назначение Дитрихса было для меня чрезвычайно приятным сюрпризом, так как я знал давно этого блестящего, выдающегося во всех отношениях офицера, с которым неоднократно приходилось работать во время военных игр, полевых поездок и маневров. Впоследствии он благодаря своей в высшей степени плодотворной деятельности, как в мирное время, так и во время войн Мировой и Гражданской, заслужил любовь и уважение всех так или иначе с ним соприкасавшихся.

В силу принятого решения 1-й батальон отправился в Линшинпу, где сменил батальон, кажется, Псковского полка. Пребывание его на позиции в близком соседстве с японцами, сколько помнится, ничем особенным не ознаменовалось; хотя он и находился все время под японским огнем потери его были незначительны. Не могу, однако, не привести здесь один небольшой эпизод, врезавшийся у меня в памяти.

Через день или два после ухода батальона в Линшинпу я отправился туда, в сопровождении Дитрихса, и обходил расположение рот, беседуя с офицерами и нижними чинами. Когда мы прибыли в форт Воскресенского, он обстреливался японцами редким огнем, но затем почему-то последний усилился и сосредоточился главным образом на том районе, где кончался укрытый ход сообщения, выведенный из форта. Так как выйти из последнего было равносильно быть убитым или раненым совершенно бесцельно, было решено выждать в форту ослабления огня. Мы сели на банкет, прислонились к брустверу и Дитрихс стал рассказывать о концерте Вяльцевой, данном ею не то в Харбине, не то в Мукдене в пользу раненых. При этом он так увлекся, что запел, подражая манере Вяльцевой. Таким образом получилось исполнение цыганского романса под аккомпанемент грохота артиллерийской стрельбы.

Пребывание 1-го батальона на позиции было предположено в течение недели, после чего его должны были по очереди сменять остальные, но осуществить это предположение не удалось. Началось Мукденское сражение и резерв главнокомандующего был брошен навстречу японцам, обходившим правый фланг Манчьжурских армий.

До начала февраля жизнь в Бейтапу протекала в общем спокойно. В обстановке мы были ориентированы плохо, так как были вынуждены довольствоваться теми сведениями, которые помещались в издававшейся при штабе главнокомандующего газете или доходившими до нас слухами, зачастую совершенно неосновательными. Было известно, что проектируется повторение атаки Сандепу и что для этого делаются приготовления. В этой атаке должна была принять участие особая бригада, сформированная из рот разных полков. Перед отправлением на правый фланг Шахейских позиций она прибыла в Бейтапу, где Куропаткин делал ей смотр, приблизительно такого же характера, как тот, который он производил полку во время его стоянки в Сандязи.

Присутствуя на этом смотру, невольно я поражался полнейшим отсутствием какого бы то ни было однообразия в форме одежды, как офицеров, так и нижних чинов. Вместо папах многие носили монгольские треухи, вместо полушубков — разные теплые куртки или даже ватные китайские халаты разных цветов, а на ногах имели китайские же войлочные туфли и шерстяные обмотки. Собственно единственно что указывало на их воинское звание — было наличие погон.

12-го или 13-го февраля через Бейтапу проходили полки 1-го Сибирского корпуса, направленные с правого фланга армий на левый. Чем собственно вызывалось это передвижение нам известно не было, но доходили слухи о переходе японцев в наступление против левого фланга армий. Проход этих полков, участвовавших с самого начала войны во многих боях, вызвал у прибывших недавно из Европейской России живейший интерес, а потому большинство офицеров и много нижних чинов собралось посмотреть на них. Собравшихся опять-таки поразили фантастические костюмы офицеров и стрелков. Одеты они были также разнообразно, как сказано выше о бригаде, предназначавшейся принять участие в атаке Сандепу. Так же фантастичным было снаряжение, состоявшее главным образом из мешков разной величины и цвета, которыми были обвешаны люди. Отсутствие однообразия в обмундировании объясняется тем, что в запасах войск не имелось теплых вещей необходимых для зимней кампании, а прислать их в Манчьжурию из Европейской России оказалось невыполнимою для интендантства задачею. Что каса-

ется снаряжения, то, может быть, установленное оказалось непрактичным. Необходимо, впрочем, отметить, что части, прибывшие на театр войны из Европейской России, были снабжены полушубками однообразного типа и теплыми шерстяными носками или портянками.

15-го числа совершенно неожиданно последовал приказ выступить на следующий день из Бейтану на Ташичао, чтобы задержать крупные японские силы, глубоко обошедшие правый фланг Манчьжурских армий. Приказ этот вызвал полнейшее недоумение; совершенно было непонятно, каким образом в тылу расположения армий могли появиться столь значительные силы японцев, что им навстречу нужно было двинуть целую дивизию резерва главнокомандующего, сверх находившейся уже около Ташичао бригады 41-й пехотной дивизии, двинутой туда за несколько дней перед тем. О движении этой бригады было известно, так как 41-я дивизия входила в состав того же 16-го армейского корпуса.

Движение на Ташичао было организовано следующим образом: 16-го числа, после обеда, должны были двинуться Островский полк и две батареи 25-й артиллерийской бригады, а затем Юрьевский, Лифляндский, с четырьмя батареями,, и, наконец, Ивангородский полки. Островскому полку было указано отправиться прямо на Ташичао, а остальным, переночевав на Мукденском этапе, выступить 17-го рано утром на Ташичао и далее к Каулинтуню.

Вследствие упомянутого выше распоряжения полк выступил около 4-х часов дня и походным порядком мирного времени двинулся к Мукдену. Погода была морозная, ясная, безветряная, как всегда в это время года в Манчьжурии, и итти было легко. По дороге встречалось много разного рода обозов и команд двигавшихся в южном направлении, а потому постоянно происходили остановки и задержки. Вследствие этого полк лишь поздно вечером прибыл на этап, где переночевал в имевшихся там бараках и землянках.

На следующий день, 17-го числа, рано утром, полк собрался около станции железной дороги, находившейся недалеко от этапа и вслед за Ивангородцами начал вытягиваться вдоль большой дороги на Синминтин. В это время подъехал адъютант Топорнина и передал, что движение по Синминтинской дороге на Ташичао отменяется и что дивизии приказано следовать на Юхуапгунь, Лпвуанпу и далее на Салинпу, где назначается ночлег. На вопрос, чем вызывается эта перемена, он никакого ответа дать не мог, а только сказал, что ночью было получено приказание главнокомандующего.

Несколько позже, когда полк уже вытянулся в новом направлении, его пропускал Пневский, я обратился к нему с тем же вопросм как и к адъютанту командира корпуса, но опять-таки никакого разъяснения получить не мог. Начальник дивизии только сказал мне, что приехал лично Топорнин и передал, что вследствие изменившейся обстановки следует итти не на Ташичао, а на Салинпу и что таково повеление главнокомандующего. Отлично помню, что говоря это, Пневский прибавил несколько выражений мало лестных для Топорнина. Таким образом, не было сочтено нужным ориентировать в обстановке даже начальника дивизии, направленной навстречу противнику, серьезно угрожавшему не только флангу, но даже тылу армий.

Движение до большой деревни Ливуанпу было выполнено беспрепятственно. Благодаря отличному состоянию дороги, обычному зимой в Манчьжурии, и прекрасной погоде люди шли бодро и отсталых не было. Навстречу попадалось довольно много китайских арб, нагруженных разным скарбом, на котором восседали женщины. Возчики этих арб, на заданные им через переводчиков вопросы, отвечали, что они направляются в Мукден, так как в их деревни пришло много японцев и что они боятся "ломайло", что на маньчьжурско-русском волапюке означало сражение. Это были первые и единственные сведения, полученные нами пока о японцах. Собрать другие более определенные и подробные не было возможности, так как при дивизии не было ни одной конной части. Отсутствовали даже конные охотники полков, находившиеся в командировке, где именно, припомнить не могу.

Часов около 11 прибыли в Ливуанпу, стали на большой привал, подтянули походные кухни и с аппетитом пообедали. Так как в одной из фанз деревни расположился штаб корпуса, то в надежде узнать что-либо об обстановке, я туда отправился с намерением обратиться к начальнику штаба, генерал-майору Гарнаку, с просьбой меня ориентировать. Сделать, однако, это не удалось. Находившийся тут же Топорнин, увидев меня и узнав за чем я пришел, довольно резко сказал приблизительно следующее: "Какую вы еще хотите знать обстановку. Главнокомандующий повелел итти на Салинпу и там ночевать. Если встретим японцев и суждено умереть — умрем".

Волею неволею пришлось удовольствоваться этими словами, ничего в сущности не разъяснившими. Впрочем обнародованная после войны ее история дает полное основание предполагать, что вероятно в то время генерал Топорнин и его штаб тоже находились в неведении относительно обстановки.

Простояв на привале у Ливуанпу в течение около двух часов, полки дивизии двинулись дальше на Салинпу. Вскоре после выступления, шедшие в голове, Ивангородцы были совершенно неожиданно обстреляны японцами, а вслед затем к полку подскакал прикомандированный к штабу дивизии поручик Фукс и передал на словах приказание Пневского развернуться вправо от дороги с тем, чтобы атаковать Салинпу, охватив эту деревню справа. Относительно задач, поставленных остальным полкам, он сообщил, что Новгородцы будут охватывать Салинпу слева, а Лифляндцы останутся в резерве. О противнике он мог только сообщить, что последний занимает насыпь, по которой до Боксерского восстания проходила железная дорога и что о силах его в штабе дивизии никаких сведений не имеется.

Таким образом дивизия столкнулась с неприятелем не будучи совершенно ориентированною в обста-

новке. Местность, по которой предстояло наступать, была совершенно ровная и открытая. Единственным местным предметом, дававшим некоторое укрытие, была насыпь железной дороги, разрушенной боксерами.

Прорезывавшая район наступления полка река Пухе, или вернее ее проток, протекала по болотистой низине, поросшей низким кустарником. Как низина эта, так и река никакого препятствия движению не представляли, так как замерзли. Вследствие такого характера местности нужно было стараться дойти возможно быстрее до упомянутой выше насыпи. Полк развернулся и, имея 4-й батальон в резерве, стал быстро, безостановочно продвигаться к полотну железной дороги. Движение это вызвало усиленный огонь японцев, от которого начались потери. Одним из первых был убит подпоручик Порохня.

Когда роты первой линии приближались к насыпи, было замечено, что в деревне Чандяфан находятся какие-то войска, а за ними, на имевшемся небольшом возвышении, стоят предметы по виду напоминающие батарею. Так как было известно, что Островцы находятся на Синминтинской дороге, направляясь в Ташичао, то у командира 3-го батальона, подполковника Дейнера, находившегося на правом фланге, возникли сомнения, не этот ли полк (Островский) подошел к Чандяфану. Об этом он мне донес и я распорядился, чтобы от 4-го батальона был выслан дозор выяснить, что именно находится в Чандяфане. Как только дозор этот приблизился к деревне, он был обстрелян сильным огнем и таким образом стало ясно, что в Чандяфане не Островцы, а японцы. Такое соседство было крайне неприятно и опасно, так как грозило полку быть охваченным справа. Оно вызвало необходимость немедленно принять меры противодействия, потому было приказано направить на Чандяфан две роты из резерва. Но ранее чем это приказание дошло до 4-го батальона, 13-я рота капитана Молчанова двинулась туда по почину ее командира.

Несмотря на сильный огонь ей удалось приблизиться к деревне и выбить японцев из ее южной окраины, но продвинуться дальше, она, из-за встретившего ее сильного огня, не смогла. Ей на поддержку были двинуты еще две роты, 14-я и 15-я, после чего вся южная часть деревни была очищена от неприятеля, отошедшего к фанзам, находившимся на северной ее окраине. Роты немедленно приступили к приведению занятой ими части деревни в оборонительное состояние. Положение их было очень тяжелое, так как между ними и японцами было всего лишь несколько сот шагов. Потери их сразу же оказались серьезными.

Между тем роты первой линии дошли до насыпи железной дороги, заняли ее и открыли огонь по японцам, занявшим расположение восточнее Салинпу. Хотя это расположение было плохо видно и вся местность между ротами и неприятелем представлялась как бы пустою, огонь сразу же принял характер пачечного. Заставить нижних чинов вести редкий огонь не было никакой возможности. Находясь в сильном нервном возбуждении, они стреляли с максимальною скоростью. Что касается огня японцев, то он стал постепенно усиливаться, так что получалось впечатление, что в их боевую часть вливаются подкрепления. Потери от него были вначале не особенно значительны, но по мере развития боя стали возрастать.

К сожалению относительно большой процент этих потерь приходился на долю офицеров, что объяснялось тем, что они, желая лучше осмотреть впереди лежащую местность, неосторожно высовывались из-за укрывавшей их насыпи. Так капитан Богдановский (командир 9-й роты) был убит в то время, когда, встав во весь рост, рассматривал в бинокль расположение японцев; были ранены подполковник Дейнер и капитан Трудов, поднявшиеся на колено с этою же целью.

По мере наступления темноты огонь стал ослабевать и, наконец, почти совершенно прекратился. У японцев был ясно слышен стук колес с северного направления, как бы указывавший на какое-то совершаемое ими движение в обход нашего правого фланга, но выяснить, что у них происходит, не удалось. Высылавшиеся в течение всей ночи дозоры или совершенно не могли проникнуть мало-мальски глубже, или же пропадали. Последняя участь постигла, между прочим, часть охотничьей команды с ее начальником, поручиком одного из кавказских полков, прибывшим на укомплектование во время мобилизации. Фамилия его к сожалению не сохранилась у меня в памяти; он, очевидно, был убит, так как в числе пленных его впоследствии не оказалось.

Пользуясь наступившим затишьем боя, я отправился в штаб дивизии, находившийся в фанзах за правым флангом Ивангородцев, а затем в обход расположения полка.

В штабе дивизии я узнал, что левее Ивангородцев наступают также на Салинпу какие-то части, связи с которыми, однако, нет. Как теперь известно, это была 2-я бригада 9-й пехотной дивизии, также подчиненная Топорнину. Доложил я также Пневскому, что в резерве у меня оставалась одна только рота (16-я, капитана Даниленко) и просил его о присылке хотя бы батальона в мое распоряжение, так как нахождение японцев в Чандянфане меня сильно беспокоило. Удовлетворить мою просьбу он, однако, не мог, так как, по его словам, Лифляндский и Островский полки были оставлены Топорниным в своем личном распоряжении, но обещал снестись с последним.

Что касается результата обхода полка, то из разговоров с офицерами, так и с нижними чинами, я вынес убеждение в том, что первое боевое столкновение с японцами не повлияло на их бодрое настроение. Большинство представляло себе бой гораздо страшнее, чем он оказался на самом деле и не сомневалось в конечном успехе. Такое настроение было также у рот, занимавших часть Чандяфана. Они усиленно просили о присылке поддержки и очень были обрадованы обещанием таковой, данным со слов Пневского. Поддержанию бодрого настроения не-

сомненно способствовало также то, что что людей удалось накормить ужином. Походные кухни были подтянуты к полю сражения когда стемнело, а роты посылали к ним людей за пищею. Хотя последняя и доходила до рот холодною и разогреть ее было немыслимо, она съедалась с большим аппетитом, так как за день люди сильно проголодались.

Говоря об этом, мне вспоминается следующий эпизод: побывав в Чандяфане я вернулся к 9-й роте, занимавшей ту часть насыпи, которая примыкает к этой деревне и, присев отдохнуть, разговаривал с офицерами. В это время, совершенно неожиданно, передо мною появился мой денщик, татарин Махмудов, и передал мне корзину, в которой находились хлеб и банки консервов, одна со щами, а другая с ананасом. На мой недоуменный вопрос он мне разъяснил ,что принес поужинать, думая, что я должен быть голоден, так как с утра не ел. Такая заботливость тронула меня до глубины души, так как Махмудову пришлось пройти около десяти верст и разыскивать меня на поле сражения, рискуя быть убитым или раненым. Хотя меню ужина составленное Махмудовым было очень оригинально и содержимое банок замерзло, ужин был съеден с большим удовольствием.

Ночь на 18-е число прошла в общем спокойно. Было получено приказание с рассветом продолжать наступление на Салинпу, причем возложенная на полк задача оставалась без изменений.

На заре по всей линии завязался сильный, как артиллерийский, так и ружейный огонь, от которого особенно страдали правофланговые роты, подвергавшиеся ему не только с фронта, но также со стороны Чандяфана и даже с тыла.

Местом своего нахождения я избрал берег реки Пухе. Шагах в 300 правее меня одиноко расположился командир нашей бригады, генерал-майор Клей, прибывший в дивизию при мобилизации. Роль его была по меньшей мере странная; никаких решительно поручений он не получал, если не считать за таковые упоминание его имени в диспозициях Пневского в качестве его заместителя. Поэтому он в буквальном смысле только присутствовал при действиях дивизии, не принимая в них никакого участия. После Мукденских боев он уехал в Россию и больше в Манчьжурию не возвращался.

Вскоре от рот, находившихся в Чандяфане, было получено донесение, что потери у них очень большие и что они еле держатся. Это донесение естественно меня очень встревожило, так как к этому времени часть остальных рот, исполняя поставленную им задачу, уже выдвинулись за насыпь железной дороги и японцы, заняв южную часть Чандяфана оказались бы у них не только на фланге, но даже в тылу. Поэтому было настоятельно необходимо поддержать защитников названной деревни, в резерве же имелась, как уже сказано, только одна 16-я рота со знаменем. Вследствие этого я обратился с просьбой о помощи к командующему Лифляндским полком, подполковнику Молоткову, и одновременно приказал послать в Чандяфан полуроту 16-й роты. От Молоткова было получено извещение, что он, по собственному почину, посылает батальон в мое распоряжение, что же касается полуроты 16-й роты, то она была уничтожена пулеметным огнем раньше чем успела даже подойти к Чандяфану. Впервые в жизни пришлось мне видеть действие этого огня и оно было поистине потрясающим. Не успела полурота подняться и пробежать сотню, другую шагов, как от нее остались только одиночные люди, бросившиеся назад; все остальные лежали убитыми или были ранены и ползли также назад.

В общем полк оказался в следующем положении: левый его фланг находился от Салинпу шагах в 700-800, правый же нес большие потери и не мог продвинуться вперед, а роты в Чандянфане еле держались. Подтолкнуть правый фланг и поддержать эти роты было настоятельно необходимо, а единственным находившимся в моем распоряжении резервом мог быть батальон Лифляндцев, присылку которого обещал Молотков.

Все это заставило меня снова обратиться к Пневскому с просьбой о помощи. Я послал к нему полкового адъютанта, Филонова, просить, чтобы на правый фланг были двинуты Островцы. По возвращении Филонов доложил, что Островцам уже послано приказание наступать на Чандяфан с севера.

Такое наступление против тыла японцев сулило прекрасные результаты, но осуществлено оно не было, так как последовало приказание прекратить бой и отступить. При условии, что бой повидимому развивался в нашу пользу, было совершенно непонятно чем вызывалось такое распоряжение. Теперь же известно, что командующий 2-й армией, генерал барон Каульбарс, прибыв в штаб Топорнина, получил донесение о движении по Синминтинской дороге какой-то колонны пехоты силою около дивизии. Колонна эта была сочтена им за японскую, двигающуюся в глубокий обход Мукдена, между тем как на самом деле это был отряд генерала Биргера, состоявший из бригады 41-й дивизии, о посылке которой упоминалось. Это донесение побудило Каульбарса отдать приказание об отступлении от Салинпу, так как он опасался, что японцы могут захватить Мукден.

Часов около 10-11-ти мною была получена полевая записка за подписью Топорнина, содержавшая приказание не ввязываться в упорный бой за взятие Салинпу и, не прекращая огня, наступление немедленно приостановить и отходить па Юхуаньтунь. Таким образом предстояло днем отделиться от противника, с которым полк находился в близком соприкосновении, и исполнить отступление под его действительным огнем, т. е. решить задачу трудную и неминуемо сопряженную с большими потерями.

Вследствие этого приказания полк постепенно отошел и собрался у Ливуапу, откуда двинулся далее походным порядком, но, ошибившись дорогою, не на Юхуантунь, а на Нюсинтунь. У Ливанпу к нему присоединилось какое-то врачебное заведение, кажется, дивизионный лазарет, вызванное из тыла к д. Мадянза. Здесь оно только что начало развертываться и устанавливать шатры, когда совершенно не-

ожиданно получило приказание вновь свернуться и отойти назад.

Отход наш происходил без давления со стороны японцев, которые никакой активности не проявили, ограничиваясь обстреливанием отступающих усиленным огнем. Находился полк в совершенно ином состоянии, чем в том, в котором я его видел накануне ночью. Ряды его сильно поредели, особенно в ротах занимавших часть Чандяфана, а также находившихся на правом фланге. В некоторых из них оставалось всего лишь около 50 человек. Настроение людей было подавленное и вообще отступление крайне невыгодно отозвалось на них — явление, впрочем, всегда имеющее место в таких случаях.

Прибыв в Пюсинтунь, а затем оттуда в Юхуаньтунь, мы к великому нашему удивлению увидели, что около этих деревень имеются редуты солидной профили, занятые какими-то нашими частями. Как оказалось эти укрепления были возведены вскоре после сражения под Ляояном, но о существовании их мало кому было известно. Во всяком случае об этом не знал Пневский, которого я впоследствии видел в Юхуаньтуне. Впрочем удивляться этому не приходится, когда, как теперь известно, войска отходившие от Шахе на левый берег Хунге находились в полном неведении о наличности там укрепленной позиции.

Из Юхуаньтуня полк, как сильно пострадавший, был направлен далее в тыл в д. Кудяза, состоявшей всего из нескольких фанз. В них он и разместился с грехом пополам на отдых.

Этим закончилось боевое крещение 98-го пехотного Юрьевского полка, испытание его боеспособности. Испытание это он выдержал и не его, конечно, вина, что все принесенные им жертвы оказались бесцельными, что бой не был доведен до конца и что порыв его не был использован надлежащим образом.

***

Стоянка в Кудязах благотворно отразилась на настроении людей. Они основательно утолили голод горячею пищею, которой были лишены во время боев, выспались; впечатление, произведенное на них боем, несколько сгладилось и в связи с этим настроение их стало более бодрым. Хотя они и продолжали обмениваться воспоминаниями о пережитом и перечувствованном, изредка стали раздаваться взрывы смеха. Отдохнули также офицеры и с утра принялись за приведение в порядок частей, находившихся под их начальством или к приему тех, командовать которыми были назначены. Таких было довольно много, так как в некоторых ротах выбыли из строя не только командиры, но и корепные младшие офицеры, так что офицерский их состав пришлось назначить вновь. Кроме перевода офицеров из одних рот в другие пришлось переводить также нижних чинов, чтобы уровнять их численный состав, сделавшийся очень разнообразным. В некоторых ротах 4-го батальона оставалось всего лишь по 50-60 человек, тогда как в ротах 1-го батальона имелось налицо по 150-200 человек, так как потерь почти не было.

Днем в Кудязу приехал Топорнин, как он заявил, со специальной целью поблагодарить Юрьевский полк за действия под Салинпу. К собранному по его приказанию полку он обратился с речью, в которой высказал, что любовался как он под сильным огнем наступал без выстрела, точно на учении, что снимает перед ним папаху и низко ему кланяется. После этого, вызвав офицеров, он благодарил их отдельно и жал руку, затем обратился лично ко мне с несколькими теплыми словами.

Приезд командира корпуса и высказанное им одобрение действий полка и поведения его чинов, в первом для них бою, произвело прекрасное впечатление, все еще больше ободрились и стали с уверенностью смотреть на будущее.

Не могу не упомянуть, что впоследствии Пневский, желая со мною свести счеты, аттестовал меня негодным для дальнейшей службы, причем в виде доказательства справедливости своих суждений ссылался на действия полка в бою под Салинпу. Так как эта аттестация не была утверждена Топорниным, то по распоряжению военного министра было назначено расследование, в результате которого я был произведен в генерал-майоры за военные отличия, со старшинством со дня боя под Салинпу, а Пневский уволен в отставку.

На следующий день, 19-го числа, 1-й и 2-й батальоны полка были вызваны на позицию к Юхуаньтаню, 1-й занял фанзы и редут, находившиеся южнее этой деревни, а 2-й расположился в резерве за нею. Вызов этот мотивировался тем, что японцы начали наступать на Юхуантунь. Боевые действия этого дня свелись в сущности лишь к одной артиллерийской перестрелке. Японцы пытались продвинуться вперед, но были остановлены огнем 25-й артиллерийской бригады.

20-го числа шел исключительно артиллерийский бой, японская артиллерия усиленно обстреливала Юхуантунь и местность восточнее деревни, но большинство ее снарядов разрывались вне мест расположения 1-го и 2-го батальонв, вследствие чего они почти не несли потерь.

К вечеру было замечено усиление японцев перед Юхуантунем и из Кудязы были вызваны также 3-й и 4-й батальоны и им было указано стать восточнее деревни в резрве. Батальоны прибыли ночью и так как местность не давала никаких укрытий, расположились по-ротно на больших дистанциях и интервалах, заняв довольно значительную площадь. Я лично избрал местом нахождения небольшую низину, около которой рос небольшой куст, один из немногих украшавших безотрадную по своему однообразию местность. Тут же находились Филонов, Обух, штабгорнист и старший конно-охотничьей команды. Бесконечно далек был я тогда от мысли, что этот день будет последним моего пребывания на войне и фактического командования полком.

Как только рассвело, японская артиллерия снова начала обстрел Юхуантуня. Как и накануне потери в полку были небольшие. Лежать в полном бездействии под огнем было далеко не легко и люди

нервничали, что выражалось в том, что они часто меняли места. Желая их успокоить и ободрить, я решил обойти расположение рот и с этою целью вместе с находившимися при мне лицами покинул свою низину. Но не успел я сделать несколько шагов, как был контужен в голову, с потерею сознания, разорвавшеюся японскою шимозою. Очнулся я уже в тылу близ Кудязы, где находился полковой перевязочный пункт, куда меня несли штаб-горнист и еще какой-то нижний чин.

При каких условиях я был контужен, знаю лишь со слов офицеров находившихся по близости и бывших очевидцами. По их словам шимоза разорвалась среди нашей группы. Осколками ее был ранен Филонов и убит старший конно-охотничьей команды, меня же подбросило вверх и я упал. Вначале полагали, что я тоже убит, но фельдшер одной из ближайших рот установил, что я только потерял сознание и нахожусь в обмороке. На полковом перевязочном пункте старший врач полка, доктор Гедройц, распорядился отправить меня в находившийся тут же по близости дивизионный лазарет. Здесь меня уложили в двуколку и отвезли в Мукден в госпиталь. У меня сильно болела голова, были постоянные позывы к рвоте и левые конечности как-то плохо слушались и действовали.

В госпитале, после длительного исследования, определили полупаралич левой стороны тела вследствие контузии в правую половину головы и кроме того контузию в левую часть груди, следом которой являлся синяк в области сердца величиною в ладонь. По мнению врачей все эти недуги требовали длительного лечения, а потому меня вскоре направили далее в тыл в Харбин, где я попал в госпиталь Московского дворянства, в котором работал профессор Левшин. Везший нас поезд попал, к северу от Мукдена, в сферу артиллерийского огня. Чтобы проскочить эту сферу, машинист наш развил такую скорость, что нас, лежавших на койках, бросало из стороны в сторону и мы рисковали свалиться. Жуткое чувство охватило пассажиров поезда, им рисовалась возможность погибнуть при его крушении после того, как они живыми вышли из боя. Впоследствии мы узнали, что наш поезд был чуть ли не последним, проскочившим из Мукдена в Харбин.

Пролежав около двух месяцев в харбинском госпитале, я был эвакуирован в Петербург, откуда меня командировали на Кавказские минеральные воды для лечения целебными грязями. Вместе с тем последовало мое отчисление от командования полком и зачисление в распоряжение сперва Главного штаба, а затем, когда было образовано Главное управление генерального штаба, то последнего.

Недолго мне пришлось командовать Юрьевцами, но на мою долю выпало находиться во главе их во время боя, бывшего для них первым боевым испытанием, из которого, как видно из появившихся теперь исторических трудов, они вышли не только с честью, но даже с отличием (1). Заслуга в этом их прекрасного, прочно спаянного офицерского состава, благодаря которому командовать полком было легко. Боевая страда прочно спаяла меня с полком, а внешним проявлением этой спайки было зачисление меня в его списки, давшее мне право носить его мундир. В нем я, во главе уже дивизии (2), участвовал в Мировой войне и не наступи в России лихолетия, с гордостью носил бы его до смерти.

---

(1) 98-й пехотный Юрьевский полк за отличие в войне 1904-1905 гг. был награжден георгиевскими петлицами. (Прим. Ред.).

(2) Ген.-майор К. М. Адариди в 1914 году командовал 27-й пехотной дивизией, отличившейся в сражении под Гумбинненом 7-го августа. (Прим. Ред.).

Воспоминание о войне 1914-17 гг.

П. Н. Шатилов

(Продолжение)

Мой отпуск по случаю празднования Лейб-Казаками столетия Лейпцигской битвы приходил к концу и мне необходимо было заняться вопросом моего перевода в Петербург. Я явился в управление генерального штаба, где меня уже знали по моей работе в качестве начальника разведывательного отделения на Кавказе и охотно приняли. Перевод мой состоялся в начале марта.

Однако, после живой и увлекательной работы на Кавказе, служба в главном управлении генерального штаба в столице, как я и ожидал, меня мало удовлетворяла. Мне было поручено вести переписку с Кавказским округом, но этой переписки было очень немного.

Неожиданно настала более интересная деятельность с началом Первой мировой войны.

19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила нам войну в ответ на последнее миролюбивое предложение нашего Государя. В тот же день германские войска перешли нашу границу в районе Калиша и захватили этот город.

На следующий день состоялся Высочайший выход в Зимнем дворце, на котором присутствовали все свободные офицеры петербургского гарнизона. Появление Монарха было встречено с необыкновенным подъемом. Мы услышали от Государя повторение слов Александра I-го перед Отечественной войной. Вера в наши силы у офицеров была полной. Общество ответило также воодушевлением.

В число офицеров назначенных в штаб Верховного главнокомандующего я назначен не был, чему был очень рад, так как мне хотелось попасть в самую "толщу" армии. Но меня скоро ждало большое разочарование. Я получил распоряжение немедленно отправиться во Францию, в распоряжение нашего военного агента. Одновременно я был вызван в отделение управления, ведавшего военной агентурой, для получения денег, чтобы обзавестись штатским платьем, когда нужно будет проезжать в Париж через Швецию и Данию. В то время как все офицеры готовили для себя походное снаряжение, я должен был облекаться в штатский костюм. Я был вне себя.

Минуя свое прямое начальство и не имея от него разрешения, я решил обратиться непосредственно к генерал-квартирмейстеру генерального штаба генералу Данилову, чтобы просить его не посылать меня в командировку в Париж, тем более, что у нас в управлении было несколько офицеров, которые, как мне казалось, смотрели с завистью на мое назначение и поехали бы охотно вместо меня. Но Данилов встретил меня так сурово и так меня отчитал за мою попытку итти наперекор мобилизационному распоряжению, что минуты через две я очутился за дверью его кабинета.

Я не знал, что мне предпринять, чтобы быть командированным на фронт, а не ехать за границу. Мои просьбы, обращенные к генералу Эггерту, моему ближайшему начальнику, так же не увенчались успехом. Узнавши, что я обратился непосредственно к Данилову, он совсем смутился и ожидал по этому поводу неприятных с ним разговоров.

Тогда я решил прибегнуть к тому же способу, который мне помог при моем отъезде в Манчьжурию. Я обратился к отцу, который, как и с Куропаткиным, был по академии однокурсником с Сухомлиновым, и просил его обратиться к военному министру за помощью в моем деле. Хотя у отца с Сухомлиновым не было никакой близости, но по его положению члена Государственного совета и особенно по его бывшей службе на Кавказе он мог вполне расчитывать на внимательное отношение к его просьбе. Сухомлинов принял моего отца очень любезно и обещал охотно мне помочь. Он высказал при этом одобрение моему решению отказаться от командировки в Париж. Но он просил отца мне передать, что вмешается в мое дело тогда, когда мною будут использованы все пути в попытках, отменяющих мою командировку.

Между тем, времени оставалось мало. Мне уже заготовили командировочные документы. Все же, мне помог случай и, главное, то обстоятельство, что наше начальство было обременено иной работой. Штаб Киевского округа прислал телеграмму к нам в управление, с просьбой командировать несколько офицеров генерального штаба, в которых в Киеве ощущался большой недостаток. Киевский штаб почти всех своих офицеров отправил на формирование штабов армий и для заполнения штаба фронта не оставалось почти офицеров генерального штаба. Эта телеграмма попала мне и я пошел в отделение, ведущее службой генерального штаба, с просьбой командировать меня в Киев. Начальник отделения, не знавший о моем назначении в Париж, удовлетворил мою просьбу, а также еще одного офицера, и пошел докладывать телеграмму генералу Данилову, который не обратил внимания на фамилии офицеров, предназначенных к отправке. Таким образом, я в тот же день получил командировочный документ. Больше в управление я не являлся, чтобы там не могли заметить моей проделки.

Только в Киеве я получил бумагу из управления, в которой мне указывалось вернуть деньги полученные мною на обзаведение штатской одежды. Получил я одновременно и письмо одного моего товарища, оставшегося в управлении, который извещал меня, что Данилов был очень недоволен несогласованностью службы разных отделений, позволившей мне нарушить отданное мне распоряжение. "Нам сильно попало", — писал он, — "а генерал Эггерт возмущен твоей выходкой и собирается о ней написать генералу Алексееву". Но, конечно, в это время было не до таких мелочей, и для меня все обошлось благополучно.

Наскоро собравшись, я выехал из Петербурга в Киев. По пути наш поезд обгоняли войсковые эшелоны, выполнявшие план сосредоточения.

Явившись 21 августа (7 сентября) в штаб Киевского округа, я получил указание о назначении меня в штаб фронта в общее отделение генерал-квартирмейстера. Штаб этот был в самом зачаточном состоянии и чуть ли не все обязанности службы выполнял сам начальник штаба генерал Алексеев. Он мне немедленно же поручил заведовать службой связи.

В своей деятельности заведовавшего службой связи штаба фронта я был подчинен начальнику общего отделения, но фактически я был самостоятелен, хотя и не имел права непосредственых сношений с другими штабами. Мои обязанности заключались в оборудовании и организации телеграфной связи штаба фронта с четырьмя армиями фронта и в правильном функционировании этой связи. Работа была очень серьезной и ответственной.

Галицийская операция, начавшаяся 5(18) августа была проведена при последовательных перемещениях штаба фронта из Киева в Ровно, Луков и Холм. Я добился прикомандирования в наш штаб опытного инженера-электротехника, с прибытием которого вопросы телеграфной связи штаба с его армиями значительно улучшились. Для меня лично это было очень важно, так как я уже наметил свой переход в строевой штаб, что было не так-то легко осуществить, ибо о переводе пришлось бы просить генерала Алексеева, который, как казалось мне, привык к моей работе. В целях моего перевода я также просил прикомандировать ко мне в помощь офицера генерального штаба.

Между тем, Галицийская операция развивалась в упорнейших боях. В них я не принимал участия, почему касаться их не буду.

В это же время мы получили извещение о гибели нашей 2-й армии под Сольдау. На нас это поражение произвело громадное впечатление. Оно еще больше

усиливалось таинственными переговорами, которые велись генералом Алексеевым и прибывшим в штаб фронта генералом Даниловым. Создавалось впечатление, что наши успехи в Галиции будут сведены на нет, в силу угрозы нашим сообщениям. Но наше верховное командование не поддалось этому опасливому настроению, а напротив, — наша правофланговая армия нашего фронта была усилена новыми свежими частями, что позволило уже 4(17) сентября всем армиям Юго-Западного фронта перейти в решительное наступление и совершенно разгромить австро-венгерские войска.

Получение известия о французской победе на Марне, в связи с нашими успехами в Галиции, позволило нам постепенно забывать о гибели Самсонова и потерях Ренненкампфа.

С переходом штаба фронта в Холм, что было 8 (21) сентября, я попытался осуществить свое намерение перевестись в строевой штаб. Сначала генерал Алексеев и слушать не хотел, но я убеждал его в полной подготовленности моего заместителя. В это время на левом берегу Вислы был образован конный корпус генерала Новикова и я, наконец, получил согласие на мое туда назначение.

Еще 3 (16) сентября штаб Юго-Западного фронта сосредоточил на левом берегу Вислы за Нидой пять кавалерийских дивизий, с заданием произвести глубокую разведку в направлении на Краков, Оппельн и Бреслау и очистить от передовых частей противника район Мехова, Ченстохова, Новорадомска и Петрокова. Генерал Новиков, еще молодой генерал, представительной внешности, производил впечатление решительного начальника. В обращении был очень прост, но всегда держал себя с большим достоинством. Мне приходилось его видеть в боях под сильным огнем. Он оставался тем же спокойным и смелым начальником, каким был и вне боя. Его распоряжения были ясными, вполне выполнимыми и оправдываемы тактическими условиями. Будучи до войны начальником Елисаветградского кавалерийского училища, он знал лично многих офицеров и пользовался у них большими симпатиями. Начальником штаба у него был полковник Дрейер. Это был очень одаренный и храбрый офицеро генерального штаба.

Мне не долго пришлось пробыть в штабе генерала Новикова. Уже через пять дней после моего пребывания там, я был назначен на освободившуюся вакансию начальника штаба 8-й кавалерийской дивизии. Таким образом, к моему полному удовлетворению я оказался в самом низшем войсковом штабе, какой только возможен для офицера генерального штаба, то есть — ближе всего к боевой обстановке.

Начальником дивизии был генерал Зандер, уже сравнительно пожилой человек, заботливый и простой в обращении. Командирами бригад были генералы Красовский и Княжевич, бывший лейб-гусар, за которым числилось блестящее дело его бригады под Сандомиром. Я быстро сошелся с молодежью штаба, в числе которой находился поручик Попов, чрезвычайно способный и доблестный офицер; он был для меня самым ценным помощником. Мне приходилось очень редко встречаться с таким выдающимся офицером, каким был поручик Попов, не получившим тогда еще высшего военного образования, но прекрасно разбиравшимся в обстановке боев и маневрирования.

Еще в штабе генерала Новикова я вполне уяснил себе складывавшуюся общую обстановку. Начавшееся наступление австро-германских сил было бесспорно установлено. Штаб 9-й армии, которому мы были подчинены, ограничил наши действия разведкой близкого нам района и задержкой противника для обеспечения развертывания 9-й армии на Висле.

Все эти данные требовали от нас подвижности, что вынуждало нас к соответствующему эшелонированию наших тылов. По прибытии в 8-ю кавалерийскую дивизию, я выяснил, что все обозы находились при нас. Это меня вынудило доложить начальнику дивизии о необходимости сохранить для нас только боевые обозы и отправить остальные в тыл, эшелонируя их на обозы 1-го и 2-го разряда. Хотя по установленному положению наши обозы должны присоединяться к полкам на каждом ночлеге, однако, создавшаяся обстановка требовала, для придачи нам нужной подвижности, внести это видоизменение. Получив на это согласие генерала Зандера, я в тот же день отправил обозы в тыл. Уже на следующий день, выступив в направление Мехова, мы реально почувствовали полную свободу действий.

Под Меховым, 16 (29) сентября, мне пришлось первый раз вступить в бой в эту войну. Наступление перед нами значительных германских войск вынуждало нас к спешенному бою, чтобы выполнить данную нам задачу задержать их наступление. Обойденные с двух сторон, мы вынуждены были отойти немного назад. По обе стороны от нас действовали 5-я и 14-я кавалерийские дивизии, но возможность совместных с ними действий была затруднена ввиду большого расстояния порученного нам фронта.

Штаб корпуса генерала Новикова находился при нашей южной группе, против которой вели наступление главные силы австро-германских армий, наступавших из Силезии. За эти дни штаб корпуса проявил исключительную деятельность. Его распоряжения, часто для нас обременительные, в полной мере способствовали выполнению данной нам задачи по задержанию наступления противника. Вместо продвижения к Висле походным порядком, немцам пришлось ежедневно производить боевые развертывания и задерживаться в боях против наших дивизий.

19 сентября (2 октября), находясь к востоку от селения Радославово, штаб 8-й кавалерийской дивизии получил донесение о наступлении германской дивизии, развертывающейся при поддержке нескольких батарей, против наших передовых частей. Правее было также обнаружено накопление противника. Было решено выдвинуть вперед нашу 2-ю бригаду для занятия очень выгодной позиции у Радославова, чтобы преградить наступление немцам. Я выехал вперед для разведки, чтобы подготовить распределение наших частей на позиции.

Вслед за мной на рысях выходил Лубенский гу-

сарский полк под начальством полковника Устимовича, с одной из наших батарей. Избранная мною позиция давала нам большие тактические преимущества. С намеченного для занятия нами кряжа было видно все развертывание немцев. Видны были и их снявшиеся батареи, которые уже открыли огонь по нашим взводам охранения и разъездам, задержанным мною для обеспечения занятия позиции. Возможность оказать серьезное сопротивление зависела от быстрого движения гусар. Полковник Устимович вел полк свежими аллюрами и скоро сам появился на позиции в сопровождении адъютанта.

В это время возвышенность, с которой я наблюдал за продвижением немцев, стала сильно обстреливаться двумя батареями. Один из снарядов разорвался над самой моей головой, причем одна из шрапнельных пуль ранила меня в шею. Ранение оказалось легким и я продолжал наблюдение, прижавши платок к ране.

С прибытием гусар наше положение упрочилось; подошла наша батарея, которая скоро принудила к молчанию сначала одну, а затем и другую германские батареи. Они были нам видны, как на ладони. Между тем, немцы продолжали наступление. Завязался упорный стрелковый бой. С нашей стороны был введен 8-й Донской казачий полк под командою моего бывшего товарища по Лейб-Казачьему полку, полковника Саринова. В командование бригадой вступил генерал Княжевич. Наступление немцев было приостановлено. Почти до самого вечера продолжался бой, пока не обнаружилось, что немцы упорно стараются обойти наш левый фланг.

Наша 1-я бригада (8-й драгунский Астраханский и 8-й уланский Вознесенский полки) также вышла навстречу немцам, наступавшим правее, но там она не встретила превосходных сил. Мы не понесли в этот день больших потерь, что можно объяснить нашим выгодным положением. Но немцам порядочно досталось от нашего огня. В результате, мы задержали крупные силы немцев в их наступлении, а это и была наша главная задача, так как наша 9-я армия еще не достигла намеченных ей для сосредоточения районов. Мы были обязаны успешному выполнению нашей задачи быстрому движению Лубенских гусар и их спешному занятию позиции, не говоря уже о стойкости, которую они проявили в стрелковом бою. Полковник Устимович и я были представлены к Георгиевскому оружию, которое мы и получили впоследствии.

В тот же день генерал Новиков получил распоряжение штаба фронта, чтобы с приближением к переправам на Висле отходить к Ивангороду и двигаться затем с двумя дивизиями (8-й и 14-й) правым берегом Вислы на Варшаву, откуда следовать на Сохачев и Лодзь.

Три дивизии должны были остаться в районе Ивангорода. Это распоряжение штаба фронта побудило штаб 9-й армии выдвинуть к Опатову две стрелковые и одну кавалерийскую бригаду.

Приказание об отходе на Ивангород было получено нашим штабом дивизии только 30 сентября. Наши правофланговые казачьи дивизии и 14-я кавалерийская дивизия в этот день, согласуясь с полученными приказаниями, стали стягиваться к Ивангороду, ведя по-прежнему арьергардные бои. Две же левофланговые дивизии, наша 8-я и 5-я, получили это распоряжение с опозданием и не могли уже перенести свое базирование на Ивангород. Мало того, мы потеряли связь со штабом корпуса и совершенно не знали, где находятся мосты на Висле между Ивангородом и Сандомиром.

Весь день 30 сентября наша дивизия задерживала наступление немцев в районе западнее Островца, а 5-я кавалерийская дивизия, считая свою задачу оконченной, отошла на Опатов, где в этот день шел упорный и неравный бой наших двух стрелковых бригад (Гвардейской стрелковой и 2-й стрелковой) и Отдельной гвардейской кавалерийской бригады. Наш левый фланг оказался обнаженным. О бое стрелков у Опатова мы ничего не знали и только слышали слева и позади звуки непрерывной артиллерийской канонады. Посланные в эту сторону разъезды с целью выяснить обстановку продвинуться вперед не могли. С другой стороны, разъезды посланные для связи со штабом корпуса и 14-й дивизией так же не могли проникнуть ни на Скаржиско, ни на Илжу.

Таким образом, наша дивизия оказалась отрезанной от обеих переправ через Вислу. Первоначальная задача наша была закончена и мы должны были искать возможности переправиться через Вислу, чтобы двигаться затем на Варшаву. В довершение сложности положения, посланный офицер к нашим обозам вернулся и доложил, что он их не нашел в указанном месте. Мне пришлось послать несколько разъездов, чтобы разыскать эти обозы и приказать им двигаться к Юзефову. Настроение становилось тревожным, так как мы не были в курсе того, что происходит на правом берегу Вислы против нас. Я хорошо знал, что в это время совершалась перегруппировка наших армий, но не знал ее деталей и не мог себе дать отчета, кого мы можем найти на том берегу. Я старался, как мог, всеми силами поднять настроение, которое особенно угнетало командира артиллерийского дивизиона, опасавшегося, что он не сможет переправить свои пушки через Вислу.

Около 4 часов дня генерал Зандер приказал мне отправиться вперед и найти возможные способы переправиться через Вислу, а также принять меры к организации переправы. Я и сам думал об этом, но меня удерживало упадочное настроение окружающих, которое, с подходом к реке, требовало большой выдержки и спокойствия... Я предложил отправить на тот берег одного из офицеров штаба, расчитывая, что поручик Попов сможет вполне справиться с такой задачей. Но у генерала Зандера была такая уверенность в том, что только я смогу спешно организовать переправу, что он продолжал настаивать. Штабная молодежь так же, как мне казалось, возлагала на меня всю надежду выхода из, казавшегося неразрешимым, положения. В результате, я обогнал ди-

визию и со своим вестовым быстро направился к Юзефову.

Уже темнело, когда я достиг этого местечка. Подъезжая к нему, я увидал какие-то повозки и двуколки. Оказалось, это был наш обоз. Просто удивительно, как будто инстинктивно, он сам подошел к Висле, к тому самому месту, которое мы намечали для переправы. Пожурив начальника обоза за потерю связи и отход без приказания, я, конечно, в душе был рад найти в Юзефове наши небольшие тылы. Кроме того, начальник обоза дивизии оказал мне серьезную услугу. Во-первых, он мне сообщил, что видел на той стороне казачий разъезд, а во-вторых, что недалеко имеется лодка, на которой можно переправиться на другой берег. Без него я вероятно долго бы возился в темноте, чтобы найти ее.

Оставив на берегу свою лошадь и вестового, я сел в лодку и переправился на другой берег. Там, приказав сопровождавшему меня обозному ждать моего возвращения, я поднялся на берег на дорогу и пошел в южном направлении. Примерно, через полчаса я встретил казачий урядничий разъезд, который отнесся ко мне довольно подозрительно. Я все же приказал спешиться одному казаку, сел на его лошадь и приказал уряднику вести меня к его полку. Он меня доставил к своей сотне, командира которой я попросил дать мне сведения о положении наших частей на правом берегу Вислы и указать стоянку ближайшего крупного штаба. Но командир сотни мог мне лишь сообщить о месте расположения его полка. Делать было нечего и я, получив хорошего коня, отправился с провожатым в штаб полка. Но по дороге я встретил дозор Преображенского полка, который мне определенно указал месторасположение штаба гвардейского корпуса, мимо которого он проходил.

Было уже около полуночи, почему я приказал дозору меня проводить до штаба корпуса, чтобы в темноте не сбиться в пути. Лишь между 2 и 3 часами ночи я, наконец, добрался до этого штаба. В штабе гвардейского корпуса я застал всех спящими. Разбудив сперва моего товарища по полку и академии Балабина, я ему объяснил в чем дело и попросил немедленно же отдать приказание о наводке моста. Кроме того, я просил перекинуть на левый берег Вислы бригаду пехоты для занятия тет-де-пона и прикрытия нашей переправы.

Балабин сейчас же разбудил полковника Доманевского, который, узнав в чем дело, разбудил начальника штаба корпуса. Наконец, разбудили и командира корпуса генерала Безобразова.

К рассвету все распоряжения были уже отправлены по назначению. Мост должен был возводиться утром же, а на другой берег Вислы должны были перейти Преображенский и Семеновский полки. Убедившись в посылке всех распоряжений, я поспешил вернуться на другой берег, чтобы успокоить начальника дивизии, который, по моему расчету, должен был достигнуть Юзефова. Возвращение мое встретило общее ликование. Тотчас же были приняты меры к высылке разъездов и занятию бригадой небольшого тет-де-пона. Не спавши всю ночь, я прилег отдохнуть. Около полудня меня разбудили, чтобы сообщить о прибытии на тот берег понтонной роты, начавшей наводить мост. Операция эта была выполнена с рекордной быстротой. К вечеру через мост перешли Преображенцы и Семеновцы со своей артиллерией, а ночью стала переправляться на другой берег и наша дивизия.

В официальном издании особой исторической комиссии, составленном на основании подлинных документов, с которыми я позже познакомился во французском переводе, высказано соображение, что отсутствие у нас настоящих кавалерийских начальников вынудило штаб Юго-Западного фронта ограничить задачу данную массе пяти конных дивизий, имевшей в своем составе до десяти тысяч коней. Если бы было возможно поступить по-другому, то смелое выдвижение этой конницы на Калиш дало бы другие результаты.

Не входя в рассмотрение решения высшего штаба о том или ином использовании нашей конницы, мне представляется, что возложенная на генерала Новикова задача была вполне выполнена. Но в организации конного корпуса была, несомненно, допущена существенная ошибка. Генералу Новикову были даны пять дивизий и поручен фронт почти в триста верст. Это вынудило Новикова использовать эти дивизии двумя группами. Сам он находился при южной, более сильной, группе, руководя непосредственно ее действиями в наиболее важном направлении. Две же казачьи дивизии северной группы были почти вне его руководства, при отсутствии у нас необходимых для этого средств технической связи. Было бы более соответственным из двух казачьих дивизий составить отдельный корпус, тем более, что ожидалось еще прибытие Туркестанской конной бригады. Наличие обширного фронта и шести подчиненных единиц (ген. Новикову была еще придана, в качестве опоры, бригада пехоты), естественно, отвлекали внимание командира корпуса ко всем районам действий и ему уже не было возможным все время руководить более сгруппированными тремя кавалерийскими дивизиями. В этом, в моем представлении, заключалась ошибка в организации нашей конницы на левом берегу Вислы. Эта ошибка привела к тому, что обе казачьи дивизии корпуса почти не приняли участия в выполнении данной ему задачи задержать наступающие из Силезии германские дивизии. Находившийся далеко от действий казаков, генерал Новиков не мог точно составить себе представление о возможности оттянуть, хотя бы одну дивизию на свой левый фланг, на который легла вся тяжесть операции.

Трудно, конечно, определить насколько корпус генерала Новикова задержал продвижение Силезской армии к Висле, но распоряжение о переброске его к Варшаве вынудило штаб 9-й армии, для обеспечения своего сосредоточения, выдвинуть для той же цели к Опатову две стрелковые бригады. Ясно, что 9-я армия при отсутствии перед ней корпуса гене-

рала Новикова признала необходимым заменить его работу другими мерами.

Вспоминая время моего участия в рядах 8-й кавалерийской дивизии в ее боевой деятельности в составе корпуса генерала Новикова и просматривая разные источники, которые могли бы мне напомнить даты нашего маневрирования, а также отдельные боевые эпизоды, я вижу как трудно беспристрастному историку разбираться в истинной обстановке. Мало того, предвзятость даже официальных донесений в оценке действий того или иного начальника явно сквозит в их изложении. Что же касается воспоминаний участников, то высказываемые в них характеристики и выводы часто грешат отступлением от истины. Поэтому, учитывая возможность этой погрешности и с моей стороны, я стараюсь быть объективным, не отказываясь, однако, высказать свои личные мнения и впечатления.

В описанный мною период действий 8-й кавалерийской дивизии, когда я впервые после Японской войны столкнулся в боевой обсатновке с нашей регулярной конницей, мне легко было оценить качества ее состава. Офицерская молодежь почти без исключения представляла чрезвычайно ценный элемент. Всегда веселая, когда нужно серьезная, охотно идущая на выполнение боевых задач, она была драгоценным материалом в руках начальников. Часто проявляла она личный почин и старалась при всяком назначении возможно шире ознакомиться с общей обстановкой. Боевая доблесть молодых офицеров не оставляла желать лучшего. Естественно, были исключения, но они не умаляли общей ценности младшего офицерства. Столь важный для действия конницы порыв и стремление к конному бою, к чему кавалерийский офицер воспитывался еще с юнкерской скамьи, не покидали его, несмотря на необходимость часто вести бой в спешенном строю.

Эскадронные и сотенные командиры, достигавшие обыкновенно зрелого возраста в 35-38 лет, уже не отличались тем порывом, который был так нужен и характерен для молодежи. Заботливость их о солдате, о конском составе иногда сдерживала их в искании конного столкновения. Но, раз решившись или получив приказание совершить определенную задачу, они смело шли вперед для ее выполнения. Они, несомненно, были столпом нашей конницы. Блестящие атаки нашей кавалерии были обыкновенно обязаны своим успехом доблести и решительности эскадронных и сотенных командиров.

Состав командиров полков был очень различный. Для командира полка требовалось немало положительных качеств, совмещение которых в одном лице встречалось не часто. С одной стороны в этом отношении имел значение возраст. Полковые командиры имели, нормально, около 50 лет, когда, естественно, человек не может дать той смелости и порыва, какие присущи молодежи. К тому же, большая ответственность за полк, которого они являлись, в сущности, полными хозяевами, ограничивала и сдерживала решения на рискованные предприятия. В боевой обстановке они, безусловно, давали примеры храбрости и стойкости. Выдающиеся высшие кавалерийские начальники встречаются очень редко. В нашей армии они были наперечет. Что же касается наших драгун, улан, гусар и казаков, то они были замечательны. Данная им еще в мирное время подготовка выработала из них прекрасных бойцов, храбрых, преданных своим начальникам, толковых, необычайно хорошо приспособлявшихся ко всяким условиям боя. Конный состав они берегли в полной мере, зная, что конь является неотъемлимой принадлежностью всадника. Но самым ценным элементом был наш унтер-офицерский состав. Эта промежуточная инстанция между офицером и рядовым была так же хороша, как и офицерская молодежь.

Вспоминая свою службу в штабе Юго-Западного фронта вместе с генералом Алексеевым, я хочу отметить выдержку из труда А. Зайончковского "Мировая война" (советское издание 1924 года), посвященную генералу Алексееву, по поводу действий Северо-Западного фронта, во главе которого, после ухода по болезни генерала Рузского, стал генерал Алексеев. "В работе генерала Алексеева можно отметить одну оригинальную вещь. Он как бы предугадывал, куда надо сосредоточить свои войска, почему ни один из немецких маневров не удался. Германская военная мысль вылилась в такую однообразную при всякой обстановке форму, что после нескольких месяцев войны легко было предугадать маневр германских генералов".

Эта оценка деятельности генерала Алексеева, создателя Добровольческой армии, в книге советского издательства, как учебника военной академии советской армии, бесспорно заслуживает внимания. Но следовало бы, все же, внести поправку в легкости предугадывания планов противника. Как бы не были однообразны стратегические маневры немцев, предупреждение намечавшихся ими операций со стороны генерала Алексеева было несомненно следствием его стратегического таланта. Возможно, что и сам Зайончковский это вполне сознавал, но в то время (1924 год), когда издан был его труд, прославление белого вождя не представлялось желательным.

(Продолжение следует)

Мобилизация промышленности

И. Бобарыков

(Продолжение)

В мирное время русские заводы изготовляли ежегодно 400-600 тысяч трехдюймовых артиллерийских выстрелов на пополнение расходуемых из запаса на учебные стрельбы патронов. Фактические возможности были, конечно, несравненно выше. Когда перед войной рассматривался вопрос о возможности заготовки пушечных выстрелов, начальник главного артиллерийского управления заявил, что базируясь на производительность наших заводов, он давно пришел к убеждению, что артиллерийское ведомство может изготовить, не прибегая к заграничным заказам, пять с половиною миллионов трехдюймовых выстрелов в год, конечно, при наличии запаса заграничных материалов (1). Отсюда, вероятно, и полковник Миронов в своем отчете считает мощность русских заводов в 400 тыс. выстрелов в месяц. Действительность показала, что эта цифра могла быть достигнута только путем затраты большого труда и времени, т. к. до войны ничего не было подготовлено для того, чтобы заводы могли расширить свою деятельность и начать массовое производство снарядов. Когда выяснилось, что большой расход выстрелов грозит опустошить наши запасы и тем самым оставить армию без снарядов, правительством были приняты все меры для постановки в стране соответствующей заготовки. Но с первых же шагов пришлось натолкнуться на целый ряд затруднений, вытекавших из полного отсутствия какой бы то ни было подготовки.

Артиллерийские выстрелы состоят из следующих элементов: снаряд, дистанционная трубка или взрыватель, боевой заряд, разрывной заряд, гильза и капсюльная втулка. Некоторые элементы выстрелов заготовляются легко и выработка их не требует ни особенной точности, ни представляет собой особой сложности. Затруднения могут быть лишь в вопросе наличия достаточного количества сырья. Наоборот, при выделке других элементов требуется такая тщательность, что почти невозможно поручить их фабрикацию мобилизуемым заводам. К таким точным частям относится производство дистанционных трубок и взрывателей. Генерал Маниковский рассказывает, с каким трудом удалось наладить это дело на наших специальных заводах перед войной. Во Франции же с большим трудом удалось с ним справиться часовщикам Юры, людям привыкшим к работе с мелкими и точными механизмами.

Довоенный опыт наметил те пути, по которому пошло артиллерийское ведомство во время войны. Наши трубки выделывались на работавших еще до войны заводах: дистанционные — на двух казенных и одном частном, а взрыватели — на двух казенных. Производство этих заводов расширилось до крайних пределов; заказывались трубки и за границей, а от поручения их выделки другим частным заводам совершенно отказались, вследствие отсутствия в России заведений выделывающих механизмы точной механики.

Производство гильз и капсюльных втулок очень несложно и затруднения возникали лишь с количеством потребного металла. Вопросы с боевым и разрывным зарядами мы рассмотрим в главе о взрывчатых веществах.

Выделкой самих снарядов занималось большое число различных заводов. К их производству приспособлялись всевозможные металлургические и механические заводы; по всем промышленным предприятиям были собраны токарные станки, даже учебные из технических школ, и устроены соответствующие мастерские. В результате этих мер трехдюймовые снаряды во время войны изготовлялись: 1) шрапнели на 25 заводах и гранаты на 17 заводах; 2) тремя отдельными организациями: генерала Ванкова, Центрального военно-промышленного комитета и Всероссийским союзом земств и городов; 3) группой Путиловского завода (подряд на три миллиона трехдюймовых снарядов).

У нас нет подробных данных о деятельности этих заводов, но генерал Маниковский говорит, что подробные материалы показывают насколько была правильна и целесообразна первоначальная идея главного артиллерийского управления — базироваться только на солидные заводы, снабжая их как материальными, так и денежными средствами. Что же касается небольших заводов, изготовивших за все время войны лишь по несколько тысяч снарядов, следовало бы использовать как пособные мастерские для крупных заводов, причем во многих случаях оказалось бы более выгодным оставить их работать на общий рынок (2).

Интересна по своей истории и успешности работы организация генерала Ванкова. Эта группа возникла в связи с прибытием 15 января 1915 г. в Россию французской миссии, состоявшей из артиллеристов, инженеров, техников и химиков и имевшей своей задачей ознакомить русскую промышленность с мобилизацией французской промышленности и организовать в России в крупном масштабе производство снарядов, применяя уже испытанный опыт Франции. Французская миссия была принята главным артиллерийским управлением с некоторым недоверием. Гранаты французского образца изготовлялись "целокорпусными" и снабжались взрывателями особого типа. В отношении безопасности они уступали на-

(1) Маниковский. Военное снабжение. Т. 3, стр. 23.

(2) Маниковский. Т. 3, стр. 157.

шим: имелись сведения, что они разрывались в канале орудий. Поэтому возник вопрос о целесообразности постановки у нас этого способа фабрикации. Запрошенный по этому поводу Верховный Главнокомандующий ответил: "Производительность всех работ артиллерийского ведомства должна вестись и быть доведена до максимума в кратчайший срок. Лишнего ничего нет. Выделывать всеми способами, привлечь французов, но чтобы порох был безопасным".

Тогда было решено начать производство гранат французского образца. Организация и руководство этим делом было поручено начальнику Брянского арсенала генерал-майору Ванкову. Непременным условием было поставлено, чтобы это производство вводилось на заводах, которые раньше никогда не выделывали снарядов и не имели бы специального оборудования и обученных руководителей и рабочих. С мая 1915 г. и по январь 1918 г. генерал Ванков заключил 442 договора с различными предприятиями, вошедшими в его организацию. В ее состав вошли не только мелкие, но и крупные предприятия, как-то: Общество Коломенских заводов, Донское и Краматорское общества, Общество Мальцовских заводов, Паровозостроительное и механическое общества, Южно-Русское Днепровское общество, Товарищество Кольчугина, Тверская мануфактура, Микула Морозов, Д. Рябушинский, Густав Лист, Компания Зингер и другие крупные заводы и много мелких заводов и мастерских, объединенных и необъединенных Военно-промышленным комитетом: в организацию входили не только металлургические и механические заводы, но мануфактурные, оптические, штамповальные и другие.

Для удобства руководства все эти предприятия были сведены в семь районов: Московский, Южный, Тамбовский, Петроградский, Одесский, Киевский и Ярославский. Для организации производства заводы были подразделены на группы изготовления стали, корпуса гранат, запальных взрывателей, ударных трубок, снаряжения снарядов и т. п. Во главе каждой группы стоял завод с руководителями и специалистами. На этом заводе давались все указания разъяснения и производились испытания. Организация генерала Ванкова принимала меры к устранению всех препятствий, затруднявших или замедлявших работу входивших в организацию заводов. Она регулировала очередь и порядок исполнения срочных заказов различных ведомств, ходатайствовала об освобождении от призыва нужных рабочих-специалистов, находившихся в тыловых частях; регулировала снабжение заводов топливом, сырьем и машинами, оказывала содействие в вопросе транспорта и разрешала всякие другие технические трудности, связанные с производством. Результаты этой организации были более чем успешны. Несмотря на все ограничительные условия, поставленные в основу ее создания, генералу Ванкову удалось быстро наладить все виды производства и с каждым месяцем развивать его все больше и больше. В цифрах эта работа выразилась следующим образом:

	К 1 янв. 1916 г.	К 1 янв. 1917 г.
Корпусов 76 мм. гранат . .	600.795	7.593.991
Запасных стаканов	301.105	5.257.850
Дистанционных трубок	114.755	4.219.875

Место же, которое занимала организация генерала Ванкова в деле изготовления трехдюймовых снарядов, показывается следующими отношениями: в октябре 1915 г. ее сдача представляла 3,9% общерусского производства; в январе 1916 г. — 11,6%, в марте же — 28,2%.

Несмотря на все трудности организации массового производства в русских условиях, это дело проводится главным артиллерийским управлением и связанными с ним организациями в высшей степени успешно. Рассматривая кривую производства трехдюймовых снарядов, мы видим, как увеличивается с каждым месяцем их выход. К октябрю 1916 года их выделка превысила 1.500.000 в месяц, осуществляя задание, данное Ставкой в 1915 г. Рост его не останавливается на этой цифре, а продолжает расти ускоренным темпом, что и дало возможность накопить ко дню нашей революции огромный, достигший почти 3.000 на орудие запас трехдюймовых выстрелов. Генерал Маниковский считает, что такое развитие производства трехдюймовых снарядов имело известное отрицательное значение, так как широкое его развитие захватило почти всю нашу промышленность, вследствие чего сказалось более трудным справиться с обнаружившейся недостачей снарядов тяжелых калибров.

Между тем, положение с запасами выстрелов тяжелой артиллерии тоже не было блестящим. По окончании мобилизации в тяжелой артиллерии нашей армии состояло всего 752 орудия. По установленным нормам запас выстрелов для этой артиллерии должен был равняться 1000 выстрелов на орудие, на самом же деле был значительный некомплект.

48 лин. выстрелов вместо 512.000 было 449.477
42 лин. выстрелов вместо 91.2000 было 22.344
6-дюйм. выстрелов вместо 164.000 было 99.910

Недостаточность этого запаса скоро обнаружилась и во второй половине 1915 года, когда до известной степени было налажено изготовление выстрелов полевой артиллерии, занялись организацией заготовки тяжелых снарядов. Это дело было поручено "специальной комиссии тяжелых снарядов" под председательством генерала Маниковского. К сожалению мы не имеем точных данных о ежемесячном росте производства наших заводов. Первые точные данные касаются выпуска тяжелых снарядов в январе 1915 года. Сравнивая их с таковыми же сведениями за январь 1917 года, мы получаем точное представление о том увеличении производства, какое было достигнуто за два года. Было выделано снарядов:

	в январе 1915 г.	в январе 1917 г.
48-лин.	27.600	380.000
42-лин.	8.782	75.000
6-дюйм.	16.926	175.000,

то есть, месячное производство каждого типа снарядов увеличилось за эти два года в 10-14 раз.

Вследствие недостатка стали эти снаряды изготовлялись из "сталистого" чугуна, по французскому способу. Для снаряжения были расширены старые и устроены новые снаряжательные мастерские в дополнение к казенным снаряжательным заводам. Такие же специальные мастерские занялись специальным снаряжением газовых снарядов. Так, Московская мастерская Второва снаряжала удушливые, завод Бокеля в Москве — мышьяковые, Обуховский — хлорпикриновые, в общей сложности — 6.000 снарядов в день.

Бомбы и мины для траншейной войны снаряжались в Тверской снаряжательной мастерской (бывший винный склад). Изготовление в России снарядов особо крупных калибров было поставлено плохо и особого развитие не получило. Эти снаряды поступали к нам главным образом из заграницы.

Рассматривая вопрос заготовки артиллерийских снарядов в России, мы особенно обращаем внимание на организацию генерала Ванкова, так как она указала на те пути, по которым и должна была идти подготовка промышленной организации в мирное время. Вообще в России, как и в других европейских странах, совершенно не предвидели необходимости мобилизации промышленности. Полагали, что мы можем выделать 5 с половиною миллионов снарядов в год, но ничего не было сделано для подготовки к такой работе. Фактически, когда грянул гром, пришлось все дело начинать сначала. Результаты перехода от мирного на военное производство были блестящи. За двухлетний период мы добились ежемесячного выхода 3.000.000 снарядов полевой артиллерии, чем с избытком покрывались все нужды армии. Группа генерала Ванкова, созданная из совершенно неподготовленных гражданских заводов, показала, чего можно дибиться, даже с небольшими промышленными средствами. Эти гражданские заводы при умелом руководстве и надлежащей организации легко наладили производство снарядов. Главными затруднениями в их деятельности являлся недостаток соответствущего количества разных металлов, порохов и взрывчатых веществ. Недостаток этого сырья был в Первую мировую войну постоянным тормозом, который задерживал рост заготовки выстрелов, как во Франции, так и в России.

Глава третья

ЗАГОТОВКА ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И УДУШАЮЩИХ СРЕДСТВ

Совершенно особое положение обнаружилось в вопросе заготовки всех химических продуктов, применяющихся в военном деле. Постановка производства большого количества снарядов и патронов вызвала большую потребность в пороховых и взрывчатых веществах, а появление боевых газов повлекло за собою большую нужду во всевозможных химических фабрикатах необходимых для выделки удушливых средств, а также приспособлений и масок противогазовой обороны.

При первой же попытке постановки соответствующих производств пришлось натолкнуться на никем непредвиденное обстоятельство. Германия задолго до войны захватила в свои руки все химическое производство, построила целый ряд мощных химических заводов и обеспечила себе мировую монополию. Все попытки предпринимателей других стран установить у себя химическую промышленность уничтожались путем соответствующей конкуренции. В результате, когда державы Согласия обратились к своей промышленности с требованием организовать изготовление необходимых фабрикатов, оказалось, что, кроме казенных заводов порохов и взрывчатых веществ, нигде химических заводов почти не существует.

Рассмотрим теперь, каким путем удалось государствам справиться с этим неожиданным затруднением. Мобилизационные планы Франции предусматривали известное форсирование производства боевого снаряжения с первого же дня мобилизации. Сообразно с предполагаемой выработкой ружейных патронов и пушечных выстрелов была намечена программа мобилизационной работы пороховых заводов и заводов взрывчатых веществ. Франция имела в момент объявления войны три казенных пороховых завода (производство пороха — государственная монополия) с производительностью 15 тонн пороха в сутки. При мобилизации эта производительность должна была быть увеличена до 25 тонн в день. Это количество в точности соответствовало предполагаемой выделке боевого снаряжения. Мобилизация промышленности для выделки огромных количеств снарядов влекла за собою необходимость соответствующего расширения производства порохов и взрывчатых веществ. Невозможность достаточного увеличения старых пороховых заводов вызвала постройку новых. Были намечены и построены пороховые заводы в Тулузе, Рипо, Сен-Медаре и Бержераке. Устройство этих заводов, вследствие сложности и особенностей их оборудования, потребовало, даже во французских условиях, около года. Постройка и пуск в ход новых заводов, а также предельное увеличение производительности старых заводов дали возможность Франции довести производительность до пятисот тонн пороха в сутки.

Производство взрывчатых веществ во Франции натолкнулось на более существенные трудности. Еще до войны военное ведомство предвидело возможность возникновения затруднений с их производством, так как все сырьевые вещества доставлялись Германией. Поэтому, французы загодя обеспечили свои заводы взрывчатых веществ запасами сырья сообразно с предположениями мобилизационного плана. По этому плану предполагалось, что при производстве шести тонн взрывчатых веществ в сутки, производство пушечных выстрелов будет совершенно обеспечено. Выз-

ванная условиями войны необходимость выделки большого количества пушечных выстрелов и громадное увеличение процента выделываемых гранат повлекли за собою и сильное увеличение в потребности в взрывчатых веществах. С сентября 1914 г., вместо предусмотренных планом 4.000 75 мм. гранат, командование требует ежедневной выделки 40.000-50.000, что соответствовало 40 тоннам взрывчатых веществ.

Проблема получения взрывчатых веществ осложнялась тем, что раньше чем их производить, нужно было заняться организацией добычи тех основных химических соединений, которые являются сырьем этого производства. Пришлось прибегнуть к отысканию новых взрывчатых соединений, более соответствовавших национальным ресурсам Франции. В результате этих поисков, к концу войны, французская армия применяла целый ряд новых взрывчатых веществ, с успехом заменявших уставные.

В январе 1915 г. программа выделки пушечных выстрелов потребовала 100 тонн взрывчатых веществ в день. В январе 1916 г. — 360, а в январе 1917 г. — 720 тонн. Конечно, заводы мирного времени, даже при расширении мирного производства, не были в состоянии удовлетворить эту нужду. Единственным выходом из положения было устройство новых заводов. И, действительно, как правительство, так и частные лица занялись энергично этим делом. Уже в 1917 году насчитывается 12 правительственных заводов и почти столько же частных, выделывающих взрывчатые вещества. Мощность этих заводов определяется в июле 1917 г. в 985 тонн в сутки.

Нужно отметить, что рост производства взрывчатых веществ всегда ограничивался фактической потребностью в них, так как выполнение программ по выделке снарядов всегда задерживалось индустрией. Параллельно пришлось развивать и добычу основных химических веществ, являющихся сырьем для производства взрывчатых соединений. Мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, но приведем несколько примеров могущих показать эффективность принятых мер.

С начала расширения производства взрывчатых веществ Франции пришлось столкнуться с недостатком бензола, соединения заключающего в себе толуол, главную составную часть тринитротолуола и фенола, составной части мелинита. До войны Франция получала их из Англии и Германии. Так как с началом войны эти оба источника отпали, пришлось отыскивать бензол во французском национальном хозяйстве, для чего пришлось создать целый ряд установок для уловления отходов коксования угля, из которых выделывается бензол и для дебензолирования светильного газа. Фенол получается вытяжкой из каменноугольной смолы или синтетическим путем. До войны во Франции существовало одно предприятие, занимавшееся его производством. К началу 1915 года было оборудовано еще четыре, выпускавшие все вместе 30 тонн фенола в день, а к середине 1917 года — 200 тонн.

Итак, рассмотрев организацию производства порохов и взрывчатых веществ во Франции, мы находим здесь совершенно иное разрешение вопроса по сравнению с другими отраслями военной промышленности. В то время, как во всех отраслях стараются мобилизовать и приспособить под военное производство предприятия гражданской промышленности, в области порохов и взрывчатых веществ пришлось строить и оборудовать новые заводы за счет казны или же авансировать их постройку частным лицам. Фактически, это было единственные правильным решением вопроса, так как попытка закупать необходимое в Америке не удалась вследствие отсутствия там соответствующих заводов.

Гораздо хуже состояло дело с порохами и взрывчатыми веществами в России. Наши предположения выделки во время войны порохов и взрывчатых веществ вполне соответствовали тем представлениям о возможной в них потребности, которые господствовали перед войной. Фактически, они была ничтожными. Необходимость прибегнуть к массовым заготовкам всех видов снарядов повлекла за собою необходимость соответствующего увеличения производства порохов и взрывчатых веществ. Так, мобилизационными предположениями месячная потребность русской армии в взрывчатых веществах определялась в 15.000 пудов (3).

В сентябре 1914 г. сообразно количеству выделываемых снарядов она повысилась до 35.000 пудов,

в феврале 1915	до	65.000 пудов
в июле 1915 г.	до	165.000 пудов
в ноябре 1915 г.	до	250.000 пудов
1 июля 1916 г.	до	400.000 пудов
в конце 1916 г. превышала		900.000 пудов

Если взять все требования Ставки с 1 сентября 1916 г. по 1 января 1918 г. и вычислить весь необходимый для их выполнения порох и взрывчатые вещества, то окажется, что на это требовалось: бездымного пороха — 10.040.020 пудов, черного дымного пороха — 1.200.000 пудов и взрывчатых веществ — 15.042.250 пудов.

В мирное время для заготовки порохов и взрывчатых веществ в России имелось четыре пороховых завода — три казенных: Охтенский, Шостенский и Казанский, и один частный — Шлиссельбургский. Заводы взрывчатых веществ были — Охтенский и Сергиевский. Мощность этих заводов в мирное время выражалась в ежемесячной выработке: бездымного пороха около 30.000 пудов, дымного пороха около 20.000 пудов и взрывчатых веществ около 15.000 пудов.

Первые же месяцы войны показали необходимость увеличения этого производства. Однако, увеличение это затруднялось целым рядом обстоятельств. Прежде всего, работа русских заводов базировалась на ввозном сырье: ввозился толуол из Германии для производства тротила, ввозился азот в виде чилийской

(3) Миронов. Боевое снабжение. Т. 3, стр. 324.

селитры, наконец, ввозилась целлюлоза в виде хлопка, вследствие отсутствия в России соответственных хлопчатоочистительных заводов. Осложнило положение и эвакуация Польши и Лифляндии, где была сосредоточена большая часть русских кислотных заводов, вследствие чего выработка азотной и серной кислот на территории империи уменьшилась вдвое, а выделка пикриновой кислоты совершенно прекратилась.

Таким образом, разрешение вопроса заключалось не только в расширении производства порохов и взрывчатых веществ, но прежде всего в организации добычи химических полуфабрикатов — сырья и даже постановке соответствующей очистки хлопка. Основные данные, в виде наличия соответствующих минералов и сырьевых веществ, имелись в неограниченном количестве. Не было только главного — химической промышленности, которая могла бы перерабатывать это сырье, обратить его в полуфабрикаты и поставлять их на пороховые заводы.

Для организации и постановки этого дела главным артиллерийским управлением была сформирована "Комиссия взрывчатых веществ", впоследствии переименованная в "Химический комитет". Во главе этого дела был поставлен выдающийся специалист профессор генерал Ипатьев. После тщательного обследования Донецкого угольного бассейна и других промышленных районов могущих дать исходные материалы, эта комиссия в начале 1915 года разработала обширную программу снабжения армии и приступила к организации и оборудованию новых заводов для выделки различных химических веществ, снаряжательных мастерских и т. п. С начала войны по май месяц 1916 года комитетом генерала Ипатьева было создано 143 завода, из общего числа 175 заводов, находившихся в мае 1916 г. в распоряжении главного артиллерийского управления.

На этих заводах было установлено производство целого ряда новых для нас взрывчатых веществ (аммонал, шнейдерин, тринитроксилол и др.). Были организованы заведения для выделения из бензола толуола и установлен новый источник добычи толуола из нефти. Был разработан метод получения синтетического фенола. В руки комитетом было взято регулирование всего кислотного хозяйства страны и постройка 32 новых кислотных заводов. Был также построен первый завод добычи азота из отхода аммиачных вод. В общем, работа химической комиссии, а затем комитета, сводилась к организации добычи исходных продуктов и переработке их в порох и взрывчатые вещества.

Для выполнения первой части своей задачи комитет, по изучении имевшихся в наличии источников, предлагал частным лицам и разным общественным организациям наладить соответствующее производство, оказывая им всякое содействие и поддержку. Часто, однако, ввиду новизны дела желающих не оказывалось и тогда самому артиллерийскому ведомству приходилось браться за устройство за счет казны соответствующих производств. При этом нужно отметить, что стоимость выпускаемых с заводов продуктов была в несколько раз ниже, чем цена предлагаемая за эти же продукты частными лицами и даже общественными организациями.

Таким образом, для переработки получаемых веществ расширялись наши довоенные заводы и оборудовались новые. Так, кроме, упомянутых выше, Охтенского и Сергиевского (Самара) заводов во время войны взрывчатые вещества изготовлялись на казенном Троицком снаряжательном заводе, на капсюльном отделении Шостенского завода и на целом ряде, созданных комиссией генерала Ипатьева, частных заводов. В Нижнем Новгороде строился третий казенный завод взрывчатых веществ мощностью в 450.000 пудов тротила и 6.000 пудов тетрила в год. В декабре 1915 года было решено приступить к постройке четвертого казенного завода.

Точных данных о работе каждого завода взрывчатых веществ у нас под рукою не имеется, те же данные какие легли в основу кривой роста их производства, показывают, что выход взрывчатых веществ с 1351 пуда в феврале 1915 г. достигает в августе 1916 г. 157.840 пудов, то есть увеличился в 117 раз. Нужно, правда, оговориться, что столь низкий выход в начале 1915 года объясняется отсутствием, вследствие прекращения ввоза из Германии, достаточного количества исходных веществ. Пришлось спешно организовывать выработку веществ, могущих заменить старые и одновременно налаживать выработку исходных материалов.

Деятельность комитета генерала Ипатьева, развиваясь, достигла значительного облегчения нашей нужды в химических продуктах и значительно сократила наши заграничные закупки, которые в 1917 году свелись всего к покупке около ста миллионов пудов селитры, 455 пудов толуола и 310.000 пудов тротила.

ПОРОХА

Очень остро стало положение с заготовкой разного вида порохов. Наша потребность в них, исчисленная соответственно требований Ставки и программами заготовки пушечных выстрелов и ружейных патронов, в круглых цифрах на 1915 год равнялась 750.000 пудов бездымного и около 900.000 пудов дымного пороха. Для удовлетворения этой потребности, как было сказано выше, в России перед войной имелись пороховые заводы с общей производительностью около 360.000 пудов бездымного пороха и 240.000 пудов — дымного в год. Перед началом войны был начат постройкой четвертый казенный завод в Тамбове, мощностью в 600 пудов бездымного пороха в год; он начал частично работать в конце 1916 года. Кроме того, после начала войны был выстроен и начал эксплуатацию небольшой пороховой завод компании Барановского, мощностью около 40 пудов в год.

Нужда в порохах повлекла за собою посильное расширение производства старых пороховых заводов. Все они за время войны значительно увеличили свою производительность, достигнув в середине 1916 года в среднем увеличения в три раза, а на некоторых заводах и еще больше. Благодаря всем этим мерам

мощность русской пороховой промышленности в середине 1916 г. определилась в 1.361.000 пудов бездымного и 321.000 пудов дымного пороха, что, все же, давало дефицит в 600.000 пудов бездымного и 476.000 пудов дымного пороха. Спешно достроенный Тамбовский завод был недостаточен и возникал вопрос о постройке пятого казенного завода.

Результаты деятельности русских пороховых заводов и всех мер принятых к расширению их производства выражаются в сдаче бездымного пороха так:

в	1914 году	305.579	пудов
в	1915 году	518.399	пудов
в	1916 году	710.810	пудов
в	1917 году	1.805.000	пудов

т. е. в 1917 году производительность наших пороховых заводов, несмотря на все затруднения с добыванием сырья, увеличилась почти в шесть раз по сравнению с мирным временем.

СРЕДСТВА ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Совершенно новым явлением явилось применение газов, как средство вооруженной борьбы. В сущности говоря, вопрос этот был не новым. Еще во время Крымской кампании один английский генерал предложил своему правительству применить серные газы при осаде Севастополя. Это предложение было отвергнуто, но, вероятно, ему мы обязаны, что в целом ряде конвенций, касающихся средств вооруженной борьбы, упоминалось о недопустимости применения газов на войне. Это положение настолько укоренилось в сознании, что все предложения использовать их на поле боя встречали полную неудачу в штабах Антанты.

Однако, все эти запрещения не помешали германцам испытать на деле это могущественное средство вооруженной борьбы. В 1915 году 22 апреля в районе Лангемарка германцы выпустили на французские окопы волны хлорного газа, в клубах которого погибли тысячи солдат. Позже, в конце лета в том же году подобная атака была произведена и на нашем фронте. Газы были выпущены на участке одной из сибирских дивизий в районе г. Шавли. Результаты были потрясающие — от дивизии осталось около 800 человек (4).

Эти атаки решили судьбу запрещений. На газы противника можно было ответить только газами. Дело было совершенно новое. Нужно было исследовать примененные врагом газы и выработать меры защиты против них. Одновременно надо было изучить возможность газовой борьбы и найти составы газов, отвечающие национальным ресурсам и обладающие большой эффективностью. Словом, создать новое производство массового изготовления как средств индивидуальной защиты, так и боевых газов для своей армии.

Мы не будем рассматривать все перипетии этого вопроса, а познакомимся только с теми формами, в которые он вылился. Сразу после первого выпуска немцами газов на французском фронте, в Париже при инженерном управлении была образована специальная комиссия, разделенная на три подкомиссии. 1) Изучение газов на фронте. 2) Применение боевых газов и 3) Средства защиты. С сентября 1915 г. она приняла окончательную форму и получила ответственного начальника, причем была разделена на две части: службу исследования и службу фабрикации.

В России к этому делу было привлечено главное артиллерийское управление, ведавшее выработкой всех средств вооруженной борьбы. Задачи его, по мнению наших военных верхов, заключались в следующем. В выработке средств индивидуальной защиты; в подготовке и командировании в войска специалистов-инструкторов по ведению газовой борьбы и обороны; в образовании лабораторий для изучения свойств газов и разрешении вопроса их применения и защиты; в выработке составов ядовитых и удушливых веществ могущих быть примененными для газового нападения на противника и в выработке типов снарядов, годных для ведения газовой борьбы. Для разрешения всех этих вопросов при главном артиллерийском управлении была образована "Комиссия удушливых газов" под председательством генерал-майора Крылова. Эта комиссия производила научные исследования и должна была руководить заготовкой удушливых средств. В апреле она образовала второй отдел химического комитета при главном артиллерийском управлении и, таким образом, попала под главное руководство генерала Ипатьева.

СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ И ВЫРАБОТКА БОЕВЫХ ГАЗОВ

Исследование истории газовой обороны во время Первой мировой войны показывает всю ту большую эволюцию, какую прошли средства индивидуальной защиты с первого момент появления газов и до конца войны.

В основу конструкции этих средств защиты были положены образцы мирного времени, применявшиеся спасательными командами в наполненных ядовитыми газами шахтах и рудниках. Начавшись с выработки и снабжения бойцов простыми тампонами и марлевыми повязками с присоединением очков для защиты глаз, они в 1917 году превратились в непроницаемые маски, снабженные специальным воздушным фильтром в виде коробки с поглащающим газы веществом, делающим воздух годным для дыхания. Напряженность работы французской комиссии и руководимой ею промышленности дала свои плоды. Выделка средств индивидуальной защиты, поставленная на полный ход достигла таких результатов, что дала возможность Франции в последний год уступить большое количество их союзникам, не имевшим достаточного производства. Так, Бельгии, Соединенным Штатам Америки, Греции, Италии и Румынии было передано три с половиною миллиона противогазовых масок.

Выделка противогазов в России прошла те же стадии как и в Западной Европе, т. е. начиная с ин-

(4) Отчет комиссии сенатора Кривцова о германских зверствах. Кн. 1.

дивидуального пакета, состоящего из 35 слоев марли, пропитанной специальным составом и кончая маской 1917 года, снабженной специальным поглотителем. Целый ряд специалистов химиков и ученых разрабатывали этот вопрос и история его за два года войны показывает всю напряженность работы. К сожалению, нам не удалось найти указаний о количестве индивидуальных противогазов того или другого типа, изготовленных в России во время войны.

**

Вопрос о наилучшем использовании боевых газов был всесторонне исследован. Было найдено, что наиболее удобный способ применения их — газовая атака специальными артиллерийскими снарядами.

Постановка производства в больших размерах составов, представляющих собою сгущенные газы, столкнулась прежде всего со следующими затруднениями. Необходимо было приспособить для этой работы специальные промышленные заведения, а затем обеспечить их достаточным количеством сырья. Химической промышленности во Франции почти не существовало. Оборудование отсутствовало. Необходимы были огромные усилия промышленников и ученых, чтобы кое-как наладить производство газов, но все же слабость его давала себя чувствовать до самого конца войны. Изучение газов и требования предъявленные главным командованием дали возможность установить приблизительно количество и род сырых материалов потребных для производства газов. Прежде всего была организована выработка основных полуфабрикатов на специально назначенных и оборудованных заводах. Организована добыча необходимых материалов, закупка отсутствующих веществ за границей и согласованная доставка их на соответствующие заводы. Одновременно организовывалось из этого сырья производство соответствующих удушливых соединений.

Со второго года войны Франция выделывала различные газы, но с начала 1918 года прекрасные тактические качества "иприта" заставили направить всю деятельность газовой промышленности на его производство. Если в марте 1918 г. было выработано иприта лишь половина тонны, то в октябре того же года выработка его достигла 500 тонн. Количество же снарядов снабженных ипритом в октябре 1918 года выразилось в цифрах: 75 мм. — 350.000, 105 мм. — 20.000 и 155 мм. — 65.000.

В России постановка производства удушающих средств встретила те же затруднения, что и во Франции. Не было ни заводов приспособленных для этой работы, ни сырья-полуфабрикатов, ни, наконец, производства этих самых полуфабрикатов. Необходимо было наладить сначала добычу и выработку сырья, а затем заняться производством самих удушающих средств.

Главное командование требовало от главного артиллерийского управления производства боевых удушающих средств до 10-15 тысяч пудов в месяц. Устройство и организация всего этого производства ложились целиком на плечи артиллерийского ведомства, так как вследствие новизны и малого знакомства с вопросом, частные предприниматели не рисковали заняться этим делом. Правда, в этом была и положительная сторона — отсутствие вмешательства "руководящих организаций" облегчило работу "Химическому комитету", который и смог в короткий срок добиться больших результатов. Так, в ноябре 1915 года производство удушающих средств русскими заводами равнялось 256 пудов в месяц, в июне 1916 года было выработано 23.242 пуда.

Научная часть работы по газовым вопросам была поставлена безукоризненно. Русские исследователи шли впереди Запада и своей работой значительно облегчили задачи французов и англичан. Наша революция, повлекшая за собой полный хаос в стране, остановила это развитие, вследствие чего России оставался неизвестным опыт последних двух лет войны, ни тот научный и технический прогресс, который сопутствовал последнему периоду войны. Рассматривая историю химического производства во время войны, мы встречаемся с совершенно исключительным явлением. Здесь не было вопроса о мобилизации химической промышленности, ибо таковой не существовало. Нужда во всевозможных химических продуктах, в виде ли взрывчатых веществ, или в виде удушливых газов, заставила государства приступить к совершенно новой организации химической промышленности. Пришлось устроить целую сеть заводов вырабатывающих сырье, а затем другие заводы, превращающие это сырье в нужные химические продукты. Эти-то заводы и составили то основание национальной химической промышленности, которая после войны стала развиваться в каждом государстве.

(Продолжение следует)

Призовая езда в Елисаветградском кавалерийском училище в 1903 году

(К материалам по истории Училища)

С. Булацель

После окончания топографических съемок бывала призовая езда, и юнкер, получивший первый приз, награждался почетным оружием, именной шашкой, причем имя его записывалось на мраморную доску в манеже училища, а имена юнкеров, получивших второй и третий призы записывались только на мраморную доску.

Выезжать на состязание имели право только те юнкера, которые получили на выпускном экзамене по езде 9 и 10 баллов. На всех экзаменах по езде присутствовал начальник училища генерал-майор Самсонов, и это он всем нам так строго ставил баллы за езду.

На старшем курсе на выпускном экзамене во вто-

ром взводе 2-го эскадрона только юнкер Гурьев и я получили по 10 баллов. К слову сказать, наш сменный офицер, штабс-ротмистр Ходнев, был великолепный инструктор и его смена была очень хорошо подготовлена.

В начале июня нам объявили, что, примерно, дней через десять будет призовая езда и что юнкера имеющие право участвовать могут выбрать себе любую лошадь из эскадрона и брать ее в любое свободное время для езды.

Штабс-ротмистр Ходнев прямо приказал мне и юнкеру Гурьеву выступить на призовой езде и сказал нам, что мы имеем шансы на успех. Юнкер Гурьев тут же заявил: "Я беру "Молчаливую"!

"Молчаливая" была красивая лошадь, великолепной езды и очень послушная. В 1901 году на ней взял первый приз юнкер Султан-Гирей, а в 1902 году на ней же получил первый приз старший портупей-юнкер Трояновский. Я же взял коня "Разряд", на котором последнее время ездил. Это был красивый конь серой масти. Хотя он был не такой блестящей выездки как "Молчаливая", но я и на себя надеялся.

Наконец, 17 июня была назначена призовая езда, которая должна была происходить на небольшом плацу, рядом с загороженной площадкой, на которой были поставлены столы с скамейками, обнесенной со всех сторон красивым заборчиком. Этот палисад был специально устроен для наших поставщиков, чтобы на столах они могли бы устраивать выставки своих изделий и товаров.

В три часа дня подполковник Богинский, командир 2-го эскадрона, приказал нам, юнкерам принимающим участие в призовой езде, построиться в конном строю в одну шеренгу на плацу-манеже, находившимся рядом с палисадом. Нас было шестнадцать юнкеров. Пришел генерал Самсонов, поздоровался с нами и приказал подполковнику Богинскому начать сменную езду. Судьями были: генерал Самсонов, командир 1-го эскадрона подполковник Сабичевский и восемь сменных офицеров.

Началась езда. Сначала шагом и несколько манежных движений, затем рысью и опять несколько манежных движений, а минут через десять генерал Самсонов приказал шести юнкерам покинуть смену, что означало, что они в призовой езде участия не примут.

Нас осталось десять юнкеров и подполковник Богинский опять начал сменную езду, но уже манежные движения были и на галопе. Минут через десять снова: "Смена, стой"! и после совещания комиссии судей еще четырем юнкерам было приказано покинуть смену. Теперь нас осталось всего шесть юнкеров, и как говорили, что юнкерам, которые останутся в призовой смене до конца, балл за езду будет у них повышен до 12. Понятно, что я в душе уже был рад, что у меня по езде будет 12 баллов...

Вот тут-то, когда нас осталось шесть юнкеров, уже началась настоящая призовая езда. Подполковник Богинский быстро подавал одну команду за другой и мы на всех аллюрах проделывали разные манежные движения. Я слушал команду, держал дистанцию и все свое внимание обратил, чтобы случайно не сделать какой-нибудь оплошности. Как ездили другие, я не смотрел.

Так прошло минут сорок и генерал Самсонов приказал остановить смену. Подполковник Богинский скомандовал:

— Смена, стой! Отдать повод! Огладить лошадей!

Мы остановились и мое место было как раз рядом с заборчиком палисада, за которым стояли все наши поставщики, смотревшие на езду. Слышу — они мне говорят:

— Господин корнет, вы ездили лучше всех и мы вас уже поздравляем с первым призом...

Я тоже считал, что у меня во время всей езды ни одной оплошности не было.

Оставались еще барьеры, и нам было приказано ехать на большой плац, где вдоль него находилось пять препятствий. На этом плацу было много юнкеров, с интересом наблюдавших призовую езду и многие из них тоже меня уже поздравляли с первым призом.

По очереди мы пошли на барьеры, где у каждого препятствия находился сменный офицер, ставящий баллы. Барьеры для нас были одной формальностью, потому что все мы были хорошо напрыганы.

После барьеров мы все шесть юнкеров подъехали к комиссии судей и генерал Самсонов приказал нам сдать лошадей вестовым и ждать. Судьи комиссии совещались, делали подсчеты своих отметок, выводили баллы и потом подошли к нам.

Генерал Самсонов вызвал меня вперед и поздравил с получением первого приза "за отличную езду", на что я ответил:

— Покорно благодарю! Рад стараться!

Сменные офицеры меня тоже поздравляли, а юнкера поздравляли и "качали"...

На другой день в приказе по Елисаветградскому кавалерийскому училищу, после обычного текста о наряде дежурных и дневальных на следующее число, стоял параграф 1-й о результатах призовой езды и о награждении почетной шашкой и записью на мраморную доску.

"На призовой езде, произведенной 17 июня по утвержденному мной постановлению комиссии, удостоен призом, почетной шашкой и записью на мраморную доску в манеже училища, юнкер Булацель. Кроме того, комиссия постановила записать на мраморную доску в манеже старшего портупей-юнкера Нестеровского и юнкера Гурьева. Награду и занесение на мраморную доску предписываю внести в алфавит названных юнкеров. Подлинный подписал: начальник училища генерального штаба генерал-майор Самсонов. С подлинным верно: адъютант училища штабс-ротмистр Знойко".

Этот приказ — № 199 от 18 июня 1903 г. — я храню у себя до сих пор.

Уже будучи корнетом 11-го драгунского Харьковского полка, я получил через полк призовую шаш-

ку и свидетельство о награждении ею меня. Вот копия этого свидетельства.

"Дано от Елисаветградского кавалерийского училища юнкеру. ныне корнету, Булацелю в том, что комиссией училища, 17 июня 1903 года, ему присуждена за отличную езду приз — шашка с соответствующей надписью, что подписью с приложением казенной печати удостоверяется. Февраля 20 дня 1904 года, гор. Елисаветград, № 491. — Начальник Елисаветградского кавалерийского училища генерального штаба генерал-майор Самсонов. Адъютант училища, штабс-ротмистр Знойко".

Хочу описать и полученную мною шашку. Клинок ее был великолепной артистической работы Златоустовской оружейной фабрики. На нем замечательно красиво выгравированные большими позолоченными славянскими буквами надписи, с вороненными виньетками. С одной стороны надпись: "Юнкеру Сергею Булацель за отличную езду". С другой: "Елисаветградское кавалерийское училище 1903 год".

На обухе небольшими славянскими буквами: "Златоуст. Оружейная фабрика". Кроме того у рукоятки эфеса с одной стороны выгравирован с позолотой и чернью герб города Елисаветграда, с другой жетон училища.

Эта шашка была со мной на русско-японской войне, где я украсил ее орденом Св. Анны 4-й степени, так что черного офицерского темляка она почти не носила. Была она со мною и во время 1-й Мировой войны и я благополучно хранил ее до сих пор, но из-за моего преклонного возраста я ее отправил на хранение в Америку, с условием, что, если возродится Россия и будет музей Императорской Конницы, эту мою шашку сдать туда.

Хочу добавить, что эту мою призовую шашку я еще украсил первым и вторым Императорскими призами за фехтование.

Будучи командирован из полка для прохождения курса в Варшавскую фехтовальную школу, за успехи я был оставлен при школе в постоянный состав и на состязаниях получил первый Императорский приз; второй я получил автоматически, так как первый приз покрывает второй.

Первый приз представлял собою бронзовый знак на эфес шашки с вензелем Императора Николая II, с императорской короной в лаврово-дубовом венке, а второй приз — серебряная императорская корона, с серебряным пояском на ножны шашки.

Привожу здесь текст свидетельства:

"На основании приказа по военному ведомству от 22 июня 1895 года за № 152 §§ 4 и 18 правил для состязания офицеров Варшавского военного округа в фехтовальном бою выдано сие свидетельство штабс-ротмистру 4-го уланского Харьковского полка Сергею Сергеевичу Булацель в том, что на окончательном состязании в фехтовальном бою, состоявшемся двадцать девятого мая 1913 года означенный офицер комитетом судей награжден первым Императорским призом за бой на саблях. Означенное получение Императорского приза подлежит занесению в послужной список штабс-ротмистра Булацель. Сие свидетельство удостоверяю своею подписью и приложением казенной печати. Мая 29 дня 1913 года. Варшава. № 830. Заведующий Варшавским фехтовально-гимнастическим залом генерал-майор Богацкий. Офицер распорядитель Л.-Гв. Волынского полка капитан Андреев".

Первые кавалеры ордена Св. Александра Невского

Ю. Топорков

Известно, что идея учреждения ордена Святого Александра Невского принадлежить Петру I и только смерть его в январе 1725 года не позволила ему исполнить его намерения. Известно, что императрица Екатерина I осуществила эту идею и через четыре месяца после смерти Петра наградила впервые этим орденом девятнадцать человек и тем самым "учредила" этот орден, хотя никаких бумаг об "учреждении" этого ордена до сих пор не обнаружено.

Пожалование орденом Св. Александра Невского девятнадцати персон было приурочено к 21 мая 1725 года, т. е. ко дню свадьбы царевны Анны Петровны с голштинским герцогом Карлом Фридрихом. Обыкновенно принято считать, что пожалование это было как бы случайным, приноровленным лишь к бракосочетанию дочери Петра и Екатерины, с целью придать более торжественную обстановку этому празднеству и оказать прибывшим на свадьбу гостям особый почет и царскую милость.

На первый взгляд это кажется правдоподобным. Большинство награжденных этим орденом не принадлежало ни к сановной знати, ни к персонам имевшим высокие должности и чины. Из списка видно, что среди пожалованных особ половина была лишь в чине генерал-майора и был даже один бригадир. Однако, если внимательно рассмотреть список награжденных Александровским орденом, то можно придти к убеждению, что едва ли выбор этих лиц был случайным. Наоборот, выбор этот надо считать намеренным политическим жестом новой императрицы.

Раньше чем сказать о том, кто же были эти первые кавалеры ордена Св. Александра Невского, возвратимся несколько назад и вспомним обстоятельства сопровождавшие занятие российского престола Ека-

териною I. После смерти Петра I наследником престола являлся великий князь Петр, сын царевича Алексея, но ему было всего 12 лет. Естественно, возник вопрос о регентстве. Но, с другой стороны, Петр I оставил коронованную им супругу.

Обе кандидатуры имели своих сторонников. За великого князя Петра Алексеевича стояла старинная знать, несколько оттертая "птенцами Петровыми", и за ним стояло, по выражению историка Соловьева, "народное большинство", как "за единственного мужского представителя династии". За провозглашение императрицей Екатерины стояли все сподвижники умершего Петра, т. е. люди стоявшие у кормила правления, обладавшие громадной волею, умом и энергией, усиленной сознанием старинной опасности своего положения, если бы ко власти пришла противная сторона. Это были: А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, П. И. Ягужинский, Ф. М. Апраксин, И. И. Бутурлин и многие другие "птенцы Петровы". Все они, в свою очередь, были окружены людьми также способными, которых будущность была тесно связана с их будущностью. В их распоряжении была гвардия, весь петербургский гарнизон, войска расположенные в окрестностях столицы и военный флот.

"Гвардия была предана до обожания умершему императору: эту привязанность переносила она и на Екатерину, которую видела постоянно с мужем и которая умела казаться солдату настоящей полковницей" (Соловьев). Правда, во главе военной коллегии стоял противник Екатерины, фельдмаршал князь Н. И. Репнин, но зато оба подполковника гвардии, Меншиков — Преображенского и И. И. Бутурлин — Семеновского полка, были на ее стороне и они уже начали энергично действовать. Пока в ночь на 28 января 1725 года важнейшие сановники совещались во дворце о престолонаследии, зал наполнился гвардейскими офицерами. Под окнами дворца раздался бой барабанов: Преображенцы и Семеновцы стояли на плацу против дворца.

Еще до того, пока шло совещание Екатерина послала в Петербургскую крепость деньги для уплаты жалования, которое солдаты не получали 16 месяцев, а гвардии она обещала заплатить из собственных денег. Чтобы еще больше расположить к себе войска, она распорядилась роздать всем полкам деньги не в счет жалования, солдатам же занятым различными работами, главным образом, находившимся на постройке Ладожского канала, приказано было прекратить работу и отправиться к своей стоянке. Были ею посланы деньги и во флот.

В Петербурге присягнули спокойно, но боялись волнений в Москве. Туда немедленно был отправлен генерал-майор Иван Дмитриевич Мамонов, которому было поручено стать во главе московского гарнизона для сохранения порядка. Из Москвы пришло успокоительное известие, там было сравнительно тихо, но, когда Мамонов намеревался вернуться в Петербург, то Екатерина распорядилась, чтобы генерал провел праздник Пасхи в Москве и "смотрел, не будет ли в праздничные гулящие дни каких шалостей".

Если в Петербурге гвардия, остальной гарнизон и флот присягнули Екатерине, то неизвестно было, каково настроение войск расположенных в Малороссии, которыми командовал популярнейший из генералов князь Михаил Михайлович Голицын, любимец и сподвижник покойного императора, участник почти всех значительных сражений и побед при его жизни. Но он был сторонником кандидатуры на российский престол великого князя Петра Алексеевича и в первые дни ждали враждебного движения в Украинской армии. Однако этого не произошло и все обошлось благополучно.

Неуверенность и страх за будущее все же держали умственные и нравственные силы новой императрицы в сильном напряжении. Носились слухи, что родовитые вельможи замышляли, возведши на престол малолетнего Петра, заключить Екатерину и ее дочерей, Анну и Елизавету, в монастырь. Действуя по инстинкту самосохранения, Екатерина, естественно, окружила себя преданными помощниками, находившимися в одинаковом с нею положении.

Приближался назначенный день свадьбы царевны Анны Петровны с Голштинским герцогом Карлом Фридрихом. Согласие на этот брак дал Петр I еще в 1724 году, когда состоялось и обручение молодых. Екатерина всегда благоволила к герцогу и была рада этому браку, особенно теперь, когда положение ее на троне казалось ей еще шатким и внушало ей боязнь на будущее. Если счастье ей изменит, она всегда сможет найти прибежище за границей в доме своей замужней дочери. Помня свое происхождение, она сознавала, что это будет единственный иностранный двор, который сможет принять ее к себе.

Наконец, 21 мая 1725 года в Петербурге в церкви Св. Троицы был совершен обряд бракосочетания. По окончании церковной службы, тут же в церкви, на герцогиню Анну Петровну Екатерина возложила орден Св. Екатерины, а на одного из самых энергичных и деятельных приверженцев новой императрицы, генерала-аншефа И. И. Бутурлина был возложен орден Св. Андрея Первозванного. Такой же орден был возложен и на голштинского премьер-министра графа Бассевича, столь долго хлопотавшего об этом браке. Из церкви императрица вернулась во дворец, куда через некоторое время проследовали новобрачные в сопровождении многочисленных приглашенных. В большом зале были поставлены два стола: один для герцога и его посаженных отцов (ген.-адм. граф Ф. М. Апраксин и канцлер граф Г. И. Головкин) и его шаферов (ген.-аншефы граф Я. В. Брюс и И. И. Бутурлин), а другой стол для герцогини Анны Петровны и ее посаженных матерей и дружек. Еще два длинных стола были поставлены для многочисленных гостей. На происшедшем потом пиршестве государыня не присутствовала и раньше чем оно началось, она пожаловала здесь, во дворце, орден Св. Александра Невского девятнадцати персонам: пятнадцати особам, находившимся на русской службе, и четырем иностранцам, представителям герцогства Голштинского.

Кто же были эти девятнадцать лиц, впервые пожалованные новым в России орденом? Имена их можно найти в списке кавалерам этого ордена, составленным Д. Н. Бантыш-Каменским ("Историче-

ское собрание списков кавалерам четырех российских орденов...". Москва, 1814 (1).

Кавалеры орденов в Списке показаны в хронологическом порядке и в порядке старшинства их чинов. Вот эти лица, пожалованные 21 мая 1725 года орденом Св. Александра Невского.

1) Генерал-лейтенант Герман Поган БОН. Многим мало говорит что-либо это имя. А между тем, это был один из деятельных сотрудников покойного императора. Бон, сын бедного пастора, родился на острове Рюгене; он начал службу в датской армии, но в 1716 году Петр I взял его на службу генерал-лейтенантом, как генерала имевшего отличную репутацию. Командуя одной из пехотных дивизий, Бон "присутствовал в военной коллегии" и с успехом занимался по части формирования войсковых частей. Исполнительный в работе, он был очень предан Петру и Екатерине. Он умер в 1744 году.

2) Генерал-лейтенант Петр Петрович ЛЕССИЙ, иначе — ЛАССИ (1678-1751). Участник многих сражений против шведов, он был ранен в Полтавской баталии, был с Петром и Екатериною в Прутском походе, с Меншиковым был в Померании, а затем с Шереметевым в Польше и снова воевал в 1719 году на галерах у шведских берегов. Он был деятельнейшим сподвижником Петра I. При восшествии на престол, Екатерина пожаловала ему, кроме ордена Св. Александра Невского, чин генерал-аншефа. Зная его привязанность к себе, она назначила его главнокомандующим армией, расположенной в Петербурге, Ингрии, Новгородской губернии, Эстляндии и Корелии. Впоследствии граф и генерал-фельдмаршал.

3) Генерал-майор и кригс-комиссар Иван Михайлович ГОЛОВИН. Соратник Петра I, он еще с 1696 года при второй осаде Азова командовал галерой "Принципиум", на которой находилась Бомбардирская рота и где капитаном был Петр Алексеев (царь Петр). Впоследствии адмирал и "обер-сарваер". И. М. Головин умер в 1738 году.

4) Генерал-майор Григорий Петрович ЧЕРНЫШЕВ (1672-1745). Сын полковника, он начал службу солдатом в 1699 году. Стольник царей Иоанна и Петра, он впоследствии был "денщиком" царя Петра, т. е. состоял при нем офицером-ординарцем. Участвовал во взятии крепостей Шлиссельбурга и Канцев. Уже в 1704 году был в чине майора и командовал Тобольским пехотным полком, с которым был при взятии Нарвы, взял в плен коменданта этой крепости Горна и занял Ивангород. Участие в Полтавском сражении дало ему чин бригадира. Войсками под его командованием был взят Выборг, за что Петр пожаловал ему "парсуну", т. е. свой портрет, украшенный алмазами. Он отличился в действиях нашего флота у Гальсингфорса и в сухопутном сражении у р. Пелкени, где был трижды ранен, за что царь Петр пожаловал ему вторую "парсуну", также осыпанную алмазами. Из-за ранений Чернышев оставил службу в армии и был назначен членом адмиралтейств-коллегией. Екатерина I, награждая его орденом Св. Александра Невского, одновременно дала ему чин генерал-лейтенанта и назначила его начальствовать военной коллегией. Впоследствии генерал-аншеф и российский граф.

5) Генерал-майор Михаил ВОЛКОВ. Как и упомянутый выше И. М. Головин, он с царем Петром участвовал во втором Азовском походе и на галере "Принципиум" был в Бомбардирской роте урядником. Соратник Петра, он дослужился до чина генерал-майора.

6) Генерал-майор Андрей Иванович УШАКОВ (1670-1747), сын бедного дворянина, начал службу в Преображенском полку. Своей сметливостью и выгодной наружностью он сразу же понравился Петру I, который произвел его в офицеры и вскоре назначил к себе в адъютанты. С этого времени началась его карьера. Петр давал ему крайне ответственные и щекотливые поручения по производству различного рода следствий по злоупотреблениям и незаконным поступкам войсковых начальников. "За верные труды в розыске" по делу царевича Алексея Петр ему "пожаловал 200 дворов да ранг бригадира". Екатерина I сделала его сенатором. В царствования императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны играл значительную роль при дворе и в 1744 году был возведен в графское достоинство.

7) Генерал-майор Иван Дмитриевич МАМОНОВ. Он известен как ближайший сотрудник Петра I. Ему, в числе других лиц, было поручено Петром "сочинить" известную "табель о рангах". Как было упомянуто выше, при возведении Екатерины I на престол он ездил в Москву для приведения к присяге войск и населения.

8) Генерал-майор Григорий Дмитриевич ЮСУПОВ (1676-1730). Впоследствии генерал-аншеф и сенатор.

9) Генерал-майор Семен Андреевич САЛТЫКОВ, отец будущего генерал-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова. Тоже близкий сотрудник Петра I. По словам Бантыш-Каменского, он оказал "важные услуги при вступлении Екатерины I на престол и пользовался особенно ее благоволением". Впоследствии был генерал-адъютант, подполковник Преображенского полка, генерал-аншеф и гофмейстер. В 1732 году ему пожалован графский титул. Умер в 1742 году.

10) Генерал-майор Антон Эммануилович ДЕВИЕР. Португалец незнатного происхождения, обративший на себя внимание Петра I, попал в гвардию, был произведен в офицеры и затем взят "в денщики". В 1711 году из подполковников гренадерского драгунского полка пожалован в генерал-адъютанты. Затем капитан гвардии и в 1718 году генерал-майор и генерал-полицмейстер Петербурга. Екатерина I, пожаловав ему орден Св. Александра Невского, дала ему чин генерал-лейтенанта и графский титул. Такое благоволение к Девиеру объясняется женитьбой его на сестре всесильного А. Д. Меншикова, вопреки желанию последнего, что и послужило впоследствии к погибели Девиера. За участие в попытке

---

(1) Автор этой заметки пользовался, однако, не этим изданием, а рукописным списком этого труда, датированным 1808 годом. **Ю. Т.**

низвергнуть Меншикова, удалить Петра II от престола и сделать наследницею голштинскую герцогиню Анну Петровну он в 1727 году был лишен чинов, дворянского достоинства,э наказан кнутом и сослан в Сибирь, где провел 12 лет. Императрица Елизавета Петровна возвратила ему свободу, графское достоинство, чин генерал-лейтенанта, ордена и определила его снова генерал-полицмейстером в Петербурге. Он умер в 1745 г.

11) Бригадир гвардии Иван ЛИХАРЕВ, при жизни Петра пользовался его полным доверием. Когда обнаружились злоупотребления Сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, Петр послал в Сибирь для расследования бригадира Лихарева. Он ревностно исполнил данное ему поручение, в результате чего бывший Сибирский губернатор, после суда над ним, поплатился своей жизнью. Лихарев умер в 1760 году.

12) Семен Григорьевич НАРЫШКИН, обер-гофмейстер царевны Анны Петровны. Внучатый брат царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I, был еще в 1697 г. отправлен в Берлин для усовершенствования себя в науках и иностранных языках. Был у царя Петра стольником, потом камергером и в 1713 году пожалован генерал-адъютантом. Петр I удостаивал его особенною доверенностью и давал ему разные дипломатические поручения в Копенгагене, Вене, Ганновере и Лондоне. Впоследствии генерал-аншеф. Умер Нарышкин в 1748 году.

13) Вице-адмирал Петр Иванович СИВЕРС. Впоследствии возглавлял адмиралтейств-коллегию.

14) Адмирал ЗМАЕВИЧ.

15) Шаубенахт Наум Акимович СЕНЯВИН, первый русский вице-адмирал.

16) Гоф-канцлер ШТАМКЕН, голштинский посланник при русском дворе.

17) Голштинский гофмаршал ПЛАТЕН.

18) Голштинский обер-егермейстер АЛЕФЕЛЬД.

19) Голштинский обер-камергер граф БОНДЕ.

Таким образом, кроме, стоящих в конце этого списка, пятерых персон, бывших в свите герцога голштинского Карла Фридриха, все остальные были особы, состоявшие на российской службе, бывшие сотрудники покойного Петра I. Генералы И. Бон, П. П. Ласси, И. М. Головин и М. Волков занимали командные должности в армии, адмиралы Сиверс, Змаевич и Сенявин — во флоте, А. И. Ушаков, Д. П. Мамонов, С. А. Салтыков, А. Э. Девиер и И. Лихарев, хотя и числились по гвардии, но часто присутствуя в сенате или состоя в различных коллегиях, были весьма сведующими и опытными в деле внутреннего управления в государстве. Нарышкин был сведующим по дипломатической части. Среди них был бывший адъютант (Ушаков) и два генерал-адъютанта Петра I (Девиер и Нарышкин), а известно, что Петр особенно заботился о назначении на эту должность лучших людей. Как говорилось выше, Петр I всех их ценил за их ум, способность и энергию, развитую у них под его руководством. У Петра не было от Екатерины государственных тайн, и она всех этих лиц прекрасно знала, ценила и доверяла им. Поэтому, едва ли был ее выбор случайным, когда она пожаловала новым орденом Св. Александра Невского эти пятнадцать лиц. Это было надежное ядро сторонников Екатерины, наверху которого стоял всесильный Меншиков.

В этом отношении очень интересны записки посланника польского короля Августа II ле-Форта, которые он вел, находясь при русском дворе и хорошо зная придворную жизнь. В июле 1726 года он, между прочим, записал: "Царица унижает всех старых заслуженных русских вельмож, уважаемых и любимых покойным царем, предпочитая им молодых людей, обвешивает их орденом Святого Александра Невского, — людей никогда не отличавшихся ни родовитостью, ни почетом, над чем надсмехаются старые вельможи" (Сб. Русс. Ист. Общ., т. 3, стр. 442-443).

Из этой записи видно, что у Екатерины явилась мысль оказать особую милость этому ее "молодому" окружению, ни отличавшимуся "ни родовитостью, ни почетом". Она сознавала, что ни чин, ни денежная награда, а именно орден был бы лучшим воздаянием за привязанность к ней этого окружения, "ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия и славолюбия, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние", как говорилось в тексте проекта 1720 года статута ордена Св. Андрея Первозванного. Пожаловать этим последним орденом их было нельзя — слишком высока была бы эта награда для особ в невысоких должностях и чинах или незнатного происхождения. Другого же "явственного" и "видимого" знака, т. е. ордена, в России не существовало. Об идее же Петра I установить орден Св. Александра Невского Екатерина несомненно знала и она решила создать его в срочном порядке.

Покойный Петр имел намерение создать такой орден, вероятно, по заключении мира с Персией, но уже летом 1721 года он сильно заболел и с этого времени не мог уже окончательно поправиться. Наступившая затем его смерть в январе 1725 года помешала осуществить этот проект. Екатерина, несомненно, знавшая об этом проекте, осуществила его, чтобы как можно скорее наградить тех, кто возвел ее на престол. Никаких бумаг о том, что к этому времени существовал писанный статут ордена Св. Александра Невского до сих пор, как было уже упомянуто, не обнаружено; нет и никаких данных предполагать (существует такое мнение), что знаки этого ордена уже были изготовлены при жизни Петра и предназначались им для награждения за военные заслуги и подвиги. Если бы это было так, то вероятно Петр наградил бы этим орденом генерал-поручика Михаила Афанасьевича Матюшкина, который в июле 1723 года к великой радости Петра взял г. Баку и занял персидские области по берегу Каспийского моря. Матюшкин же был пожалован орденом Св. Александра Невского позже, уже Екатериною I, когда в июне 1725 года она послала ему знаки этого ордена в действующую армию в Персию, в г. Гилянь. Это был двадцатый по порядку кавалер этого ордена.

По сравнению с уже существовавшими в Рос-

сии орденами, Св. Андрея Первозванного и Св. Екатерины, внешний вид ордена Св. Александра Невского был менее сложен и лишен тонкой ювелирной работы. Позже, в начале 19 века, знаки этого ордена носят на себе следы более тщательной работы с прибавлением некоторых деталей. Эта сравнительно простая работа первых знаков этого ордена заставляет высказать гипотезу, что такая работа была вызвана большой торопливостью, с какой первые ордена изготовлялись в течение трех-четырех месяцев, чтобы приготовить их к сроку, т. е. к 21 мая, дню свадьбы царевны Анны Петровны с герцогом Голштинским, когда одновременно было предположено пожаловать новым орденом упомянутых выше девятнадцать персон.

В середину золотого креста было помещено изображение Святого Александра на коне, на другой стороне на белом поле его вензель с княжеской короной. В промежутках креста были припаяны четыре двуглавых орла, — уменьшенная точная копия двуглавых орлов в цепи ордена Св. Андрея Первозванного (орлы без щита). В золотую оправу креста были вставлены красные полированные стекла. Легче было вставить в оправу стеклышки, чем покрыть ее специальным стекловидным составом, так называемой цветной глазурью или финифтью, что требует и большего искусства, а, главное, берет больше времени. Такой способ изготовления знаков ордена, вероятно, оказался очень удобным и его применяли до начала 19 века не только для изготовления ордена Св. Александра Невского, но и для ордена Св. Анны. С начала же 19 века стекла на этих орденах заменили финифтью, причем и ювелирная работа их стала сложнее и тоньше в деталях: на грудь орлов Александровского ордена был наложен щит и лапы орлов имели перуны и венки (позже эта деталь опускалась).

Высказанная гипотеза о торопливости, с какой изготовлялись первые знаки ордена Св. Александра Невского подтверждается еще и тем обстоятельством, что в нужный момент не оказалось даже в достаточном количестве красных Александровских лент к этому ордену. Когда в том же 1725 году Екатерина I решила в день Св. Александра Невского, 30 августа, возложить на себя этот орден и пожаловать им всех кавалеров ордена Св. Андрея в числе 25 человек, то Меншиков заблаговременно обратился к упомянутому выше польскому посланнику Ле-Форту и поручил ему купить за границей Александровские ленты (См. письмо Ле-Форта к польско-саксонскому канцлеру графу Флеммингу от 11 августа 1725 г. "Сборн. Русск. Ист. Общ.", том 3, стр. 418).

В заключение остается добавить, что первые известные нам изображения знаков ордена Св. Александра Невского можно найти на одном из рисунков (№ 7 б — "Кресты и звезды Андреевская и Александровская") (2), гравированных на меди для "Описания коронации императрицы Анны Иоанновны", изданного в 1730 году (у Смирдина № 2694). "Описание" это было перепечатано в 1855 г. из "Камер-фурьерского журнала" в очень ограниченном количестве экземпляров, причем рисунки вновь были оттиснуты со старых досок. Более поздний рисунок ордена Св. Александра Невского приложен к "Обстоятельному описанию коронования императрицы Елисаветы Петровны", изданному в 1744 г. (у Смирдина № 2595). Рисунок — № 42, "Александровский орден" — гравирован на меди известным русским гравером Г. А. Качаловым. При перепечатке этого "Описания" рисунки были вновь оттиснуты тоже со старых досок. Там же, под № 41 находится гравюра Андреевской цепи и под № 43 — Екатерининского ордена.

(2) № 7 а — «Андреевская цепь».

Эта заметка не претендует быть непогрешимой в рассмотрении малоисследованного вопроса об учреждении и первых знаках ордена Св. Александра Невского. Узкоспециальная по своей теме, она предназначена вниманию коллекционеров русских орденов. Собирателей этих предметов русской старины не мало в нашем Обществе ревнителей русской военной старины и, может быть, заметка эта побудит их высказать свой взгляд и внести дополнения и поправки по вопросу о первых знаках ордена Св. Александра Невского и его первых кавалерах.

ИСТОЧНИКИ

Статут и историческое обозрение ордена св. Александра Невского. Придворный календарь на 1910 год. Спб., стр. 588-613.

Списки кавалерам четырех орденов: св. Апостола Андрея Первозванного, св. Великомученицы Екатерины, св. Благоверного вел. князя Александра Невского и св. Анны с самого учреждения их по 1797 год, в котором открыт орденский капитул и канцелярия российских орденов, с означением кончины некоторых кавалеров и с привосокуплением для удобнейшего приискания алфавита фамилиям упоминаемых здесь кавалеров, собранные из орденских и церемониальных дел, с жалованьем на чины и достоинства грамот из министерских реляций С. Петербургских и Московских ведомостей также и из других бумаг и книг в московском коллегии иностранных дел архиве хранящихся, коллежским ассесором Дмитрием Бантыш-Каменским. 1808 года. Рукописный список, 250 страниц. (Заглавие рукописи несколько разнится с заглавием этого труда изданного в Москве в 1814 году. См. у Смирдина № 2438. — **Ю. Т.**).

Д. Бантыш-Каменский. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Спб., 1840.

Россия и русский двор в первой половине 18 века. Спб., 1891.

С. Соловьев. История России с древнейших времен. Томы 9 и 10. Москва, 1963.

В. Квадри. История государевой свиты. Восемнадцатый век. Спб., 1902.

Военный энциклопедический лексикон. Спб., 1838.

С. Соболевский. Юрналы и камер-фурьерские журналы 1695-1775 гг. Москва, 1867.

Дипломатические документы, относящиеся к истории России в 18 столетии. «Сборник русского исторического общества». Том 3. Спб., 1868.

И. Спасский. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963.

Е. Молло. Русские орденские знаки 18 века. «Военная быль», № 91. Париж, 1968.

Mémoires du Règne de Catherine Impératrice et Souveraine de toute la Russie. Amsterdam, 1729.

Bantisch-Kamensky. Siècle de Pierre-le-Grand. Paris, 1826.

О мой службе Лейб-Гвардии в Егерском полку

(1895 - 1901 гг.)

Генерал Б. В. Геруа

(Продолжение)

Император Николай II отказался от зимних парадов и вернулся к весенним. Они производились на Марсовом поле против Летнего сада, в мае, когда Нева успела освободиться от льда, солнце начинало припекать, а Летний сад покрывался свежею перистою зеленью.

Я присутствовал на первом таком параде в 1895 году еще в качестве придворного зрителя. Камер-пажи молодой Императрицы были вызваны для того, чтобы стоять у ее коляски в парадной придворной форме, т. е. в касках с белым султаном, мундирах зашитых сплошь золотыми галунами, белых лосинах и ботфортах. Видели мы с Шуберским прохождение войск, понятно, очень хорошо, а впоследствии попали и на картину, изображавшую этот первый смотр молодого Императора. Погода была превосходная, солнечная и теплая. Краски мундиров и кавалерийских флюгеров весело играли и переливались в ярком свете. Нарядно выглядели и трибуны для зрителей, построенные вдоль канала, опоясывающего Летний сад, позади моста, где стоял верхом Государь. Эти трибуны пестрели туалетами дам и их зонтиками.

Парад происходил в следующем порядке. Он начинался обыкновенно ровно в 11 часов утра объездом войск, которые выстраивались на просторной площади Марсова поля в несколько линий, лицом к Летнему саду. С раннего утра в столице раздавались в разных местах звуки военной музыки, барабанов, горнов и флейт. Это полки — пехотные и кавалерийские — шли на место парада. Гремели по мостовой орудия и зарядные ящики артиллерии.

Как ни велики размеры Марсова поля, задавал себе вопрос петербуржец, все же оно не сможет вместить всю эту массу людей, лошадей и пушек? И тем не менее оно вмещало две с половиною пехотные и две кавалерийские дивизии, всю их артиллерию и еще несколько дополнительных батальонов и эскадронов петербургского гарнизона. Фокус этот удавался благодаря тщательной, с точностью до одного фута, планировке площади и искусному использованию прилегающих улиц при подходе войсковых колонн и при их расхождении после смотра. Разработка этой операции отнимала каждый день много времени у штаба округа, несмотря на то, что существовали уже готовые шаблоны. Не должно было быть ни одной осечки, ни одного сюрприза, ни одной заминки. И верховые офицеры генерального штаба, которые заранее провесили и отметили линии и расчитали каждый шаг, теперь, по мере вступления полков на площадь, озабоченно встречают их, направляют на назначенные им места и переезжают с одного конца поля на другой, проверяя прямые углы и параллельность линий.

Но вот, на свежем желтом песке, которым под утро посыпали серую обыкновенно землю площади установились, в форме компактных ящиков, войсковые колонны. Начинается равнение по фронту и в затылок. Веревкой пробита по песку прямая линия фронта. Батальонные командиры в пехоте верхом, с высоты своих коней, оседланных для парада с нарядными чепраками, смотрят, чтобы линии солдат в глубину не были ломанными и не косили бы по отношению к черте фронта.

— Третий ряд второй шеренги вправо... Еще... Довольно, стой!.. Пятый ряд восьмой роты, ротный командир, проверьте равнение... и т. д.

Наконец, затихает все поле и даже лошади точно знают, что нельзя больше подавать голос. Едет Государь. Подается протяжная команда "смирно". Минуты напряжения. Затем замолчавшее поле вдруг оглашается звуками, которые с одиночных трубных сигналов постепенно растут и ширятся, превращаясь в своего рода симфонию.

На правом фланге первой линии заиграли "встречу" трубы казаков Конвоя Его Величества. Государь, подъехал к нему, поздоровался. Ответ — и "ура". Это повторяется в каждом новом полку. В пехоте барабанщики бьют, флейтисты свистят, горны трубят, так называемый, "поход", которым встречают Монарха. Полковой оркестр затем вступает с полковым маршем. Солдаты держат ружья перед серединою тела — "на караул", головы лихо подняты вверх и повернуты к Государю. Глаза ищут его глаз — "пожирают", как это называлось на военном жаргоне, а головы "провожают".

— Здорово, музыканты, — слышен отчетливый голос Царя.

Музыканты отрывают инструменты от своих губ, отвечают:

— Здравия желаем, Ваше Императорское Величество! — и играют снова, но уже не марш, а гимн.

Далее Государь подъезжает к первому батальону и здоровается с ним. Ответ и "ура". Не отрывочное, а длинное, протяжное "ура", которое сливается с торжественными трубными звуками "Боже Царя храни".

То же повторяется во всех следующих полках, во всех последующих линиях. Над полем стоит гул смешанных голосов, трелей барабанов, пронзительных нот кавалерийской трубы, густых аккордов хоров музыки.

Государь верхом. Он проезжает ряды войск медленным шагом, как бы заглядывая каждому в глаза. Этот взгляд запоминается. За Государем — свита, начальники, дежурство — и коляска, запряженная шестью белыми лошадьми, которыми правят берейторы, одетые жокеями. В коляске Императрица или обе Императрицы.

При первом появлении Государя в шефских полках смотрят — в каком он сегодня мундире? Император Николай II, сохранивший за собой чин полковника, в котором его застало восшествие на престол, не имел поэтому никакого "нейтрального" мундира, вроде общегенеральского, в каком постоянно видел своего отца. Государь надевал мундиры разных полков, в которых состоял шефом.

— Государь в нашей форме! — с гордостью передавали вполголоса конные офицеры полка, первыми увидевшие Царя.

Объезд кончен. Замирает последнее ура. Наступает полная тишина. Государь рысью направляется теперь обратно в обход войсковых колонн, к трибунам для зрителей, и останавливается рядом с коляской Императрицы, лицом к войскам. Последние перестраиваются для прохождения "церемониальным маршем". Вызваны "линейные" с цветными флажками на штыках. Они быстро и сноровисто провешивают линию левого фланга прохождения пехоты. Пестрые флажки слегка развеваются на ветру. Поле снова наполняется звуками: это команды, в перебивку раскатывающиеся в глубину этой густой массы пехоты и кавалерии. Сверкнули на солнце штыки, ружей, взятых "на плечо", раздалась команда "шагом марш" и одновременно сухой треск барабанов — пока еще одиночный — первого полка, тронувшегося в дорогу.

Между тем оркестр музыки этого полка успел ловко сманеврировать так, чтобы стать как раз против Государя. Чиновник-капельмейстер в однобортном мундире и со шпагой поднял обе руки и смотрит в сторону надвигающейся все ближе и ближе темной колонны полка. Но вот, ясно виден его командир верхом, за ним знамя... Барабанщики впереди строя резко обрывают свой монотонный бой и лихо поворачивают головы направо — к Царю. Этот прием молодцеват и красив. Темп шага теперь передается оркестру. Руки капельмейстера энергично подают сигнал к первому такту марша. Нужно попасть "под левую ногу" марширующих. Боже упаси сбить их с ноги!

Веселый марш гремит, люди уверенно "взяли ногу", головы "задраны" и повернуты в сторону Императора. Правые руки с отчаянием машут в такт ва отмаш. Штыки над головами блестят щетиной и колышатся. Командир салютует шашкой и делает заезд галопом, чтобы стать правее Государя. Знаменщик салютует знаменем.

Прошел сжатой квадратной колонной первый батальон.

— Спасибо, преображенцы! — благодарит Государь вдогонку удаляющемуся батальону. Последние ряды слышат хорошо, несмотря на музыку начинают ответ "рады стараться", весь батальон подхватывает "Ваше Императорское Величество", каждый слог в такт марша.

Полк прошел. Музыка поворачивается и следует за ним. Но уже наготове оркестр второго полка и его капельмейстер жадно ловит шаг приближающейся колонны.

Прохождение пехоты длится долго и производит впечатление, главным образом, скромной силы. Мундиры темные, однообразные, нет бросающихся в глаза красок. Лацканов еще нет — к ним вернулись не скоро, на двенадцатый год царствования. Головной убор тоже скромный — малевькая без козырька черная барашковая шапка, надетая наискось, на правую бровь и хорошо открывающая лицо. Нет пестроты и яркости, но твердый, широкий, естественный шаг этих темных, скучных батальонов говорит об единстве, боевом порыве и мощи. Это надежный, это главный род войска. Так о нем принято говорить, такими и кажутся теперь эти сомкнутые, ровные, ощетинившиеся штыками ряды, проходящие мимо один за другим. Неудержимо — один за другим.

Еще сильнее это впечатление, когда проходит л.-гв. Павловский полк. По традиции, напоминавшей об одной из славных исторических атак павловцев, полк при прохождении брал ружья "на руку", как для удара в штыки. Отличался он и головными уборами: ему были сохранены остроконечные гренадерки Павловского времени. Среди них в строю немало старых простреленных в сражениях почти сто лет тому назад. Гренадерки блестят на солнце, лица тоже сияют, а наклоненные штыки смотрят грозно. Хорошо и ровно пройти, держа ружья наперевес у пояса, было нелегко. Можно было задолго до смотра видеть павловцев, практикующихся в этом искусстве на том же Марсовом поле, на одну сторону которого, кстати, выходили их казармы.

Лейб-Егеря, которые считали себя наследниками всех легких егерских полков русской армии, упраздненных в 1856 году, держались традиционного быстрого и бодрого шага и приходили под марш ускоренного темпа. Полку всегда хотелось быть пропущенным не шагом, а бегом. Но Государь доставил это удовольствие Лейб-Егерям раз или два много лет спустя, уже тогда, когда меня давно не было в полку, и я вообще не присутствовал при этом (1). Но помню разговоры и удовлетворение однополчан. "Пробежали здорово!" — было общее мнение.

---

(1) Это было на Военном поле в 1911 году. (Примеч. В. А. Каменского).

Пехота, миновав Государя, направлялась затем домой на свои квартиры, покидая смотровой плац и звездой расходясь по разным направлениям.

Наступала очередь кавалерии и артиллерии. Места сделалось больше. Эскадроны могли свободно проходить развернутым строем. Зрелище это было красивое. Кирасирская дивизия в белых колетах, в горящих золотом кирасах и касках; лацканы и султаны улан; ярко-красные доломаны гусар с белыми ментиками и большими меховыми шапками; оригинальные каски конно-гренадер с длинными красными лопастями позади; красные, голубые, малиновые, желтые мундиры гвардейских казаков; их лихо надетые папахи. И над всеми этими конными линиями реют по ветру пестрые флюгера пик.

Лошади в каждом полку одной и той же масти — легкие рыжие у улан, тяжелые вороные у Конной гвардии, серые в яблоках у Лейб-Гусар. Казачьи "маштачки" и особенная на высоком "азиатском" седле казачья, точно выслеживающая, посадка с наклоном всего тела вперед с опорой на стремена.

Некоторые конные части проходят рысью. Сигнал перемены аллюра подают два трубача из казачьего Конвоя Его Величества. Они стоят верхом вправо и несколько позади Государя. Их красные парадные черкески с длинными полами, закрывающими колени, составляют оживляющее пятно в свите.

В заключение показываются запряжки артиллерии, которые проходят по полубатарейно, т. е. по четыре в ряд на тесных интервалах. Музыке здесь нестройно аккомпанирует дробное громыхание орудий и зарядных ящиков. Двое из орудийной прислуги сидят в своих железных корзинках по обе стороны дула пушки и подъезжают к Государю спиной. Ответ на "спасибо" Государя артиллеристов, разбросанных на большом пространстве — кто верхами, кто пешком, кто сидя на козлах или у орудий — получается жидким и недружным.

Лихо проносится галопом одна из конных батарей, подняв желтую пыль. Пропустить часть конной артиллерии на быстром аллюре — одна из традиций. Уходят постепенно с площади на улицы города и батарея за батареей.

Но кавалерия не ушла. Она успела перестроиться в несколько линий во всю длину поля, в его глубине, лицом к Государю. Он отдален от этой конной массы на какие-нибудь 800 шагов. Молодой, недавно назначенный генерал-инспектор кавалерии, Великий Князь Николай Николаевич, подъезжает на своем гусарском сером коне к Государю, что-то докладывает. Государь отдает приказание; Великий Князь дает шпоры лошади и фигура высокого всадника, развевающийся белый гусарский ментик, султан бобровой шапки мгновенно скрываются в клубе пыли, который несется по направлению к конной массе.

Короткая команда, резкий сигнал трубы, — и вот, эта груда всадников, предводимая Великим Князем, срывается с места и мчится во весь опор прямо на Государя. Всего 800 шагов! Сабли обнажены и вперемежку с пиками угрожающе вытянуты вперед. На Царя несется, гремя копытами тысячи коней, плотная масса, ощетинившаяся тысячами сабель и пик, острия которых поблескивают в дымке поднятой пыли.

Через несколько секунд бешенной скачки широкий фронт кавалерии уже в двух-трех десятых шагов от Государя. Еще секунда — конница сметет и Царя с Царицей, и свиту, и трибуны... У зрителей захватывает дух. Но как вкопанный вдруг останавливается Великий Князь, осадив коня.

— Дивизии, сто-о-о-й! — командует он, надрывая голос и стараясь пересилить гром конского топота.

Но дивизии и сами знают на какой линии остановиться.

— Сто-о-о-й! Сто-о-о-й! — раздается протяжная кавалерийская команда по всей линии и точно эхом повторяется в задних линиях.

Фокус картинной атаки удался. Улегается пыль. Вырисовывается почти вплотную конная масса, в первых рядах которой можно разобрать лица и даже выражения взволнованных лиц всадников. Впереди стоит самый заметный из них — с покорно опущенной саблей — Великий Князь. Полки спешат подравняться после бешеной скачки.

Государь трогает свою лошадь и, сделав несколько шагов по направлению к кавалерии, благодарит общим "спасибо". Парад кончился. Император, Императрица, генералитет, свита, зрители покидают площадь.

Уходят под звуки игривых вальсов кавалерийские полки. Но на площади еще копошатся какие-то фигуры. Это санитары убирают тех, кому не повезло во время эффектной скачки, где задние наседали на передних, а соседи жали друг друга. Одна лошадь без седока еще мечется по полю, и ее ловят (2).

⁂

Смотры в Высочайшем присутствии производились обыкновенно два раза в год — весной в Петербурге и в августе в Красном Селе. Последним парадом заканчивался лагерный сбор округа и на нем, кроме гвардии, представлялись армейские полки, зимой расположенные вне столицы.

После этого смотра Государь производил в офицеры юнкеров выпускного класса военных училищ. Случалось, что приезжал с визитом к Царю какой-нибудь монарх или президент союзной Французской

---

(2) По воспоминаниям некоторых очевидцев гвардейская кавалерия и гвардейская конная артиллерия не выстраивались на Марсовом поле, а на набережной и даже на площади Зимнего дворца.

республики. Тогда устраивался парад и специально для них.

***

Летние занятия петербургского гарнизона и вообще войск округа производились, как уже об этом было упомянуто выше, в лагере под Красным Селом. По железной дороге оно отстояло к югу от столицы всего в одном часе езды.

Лагерь, основание которого относится ко второй половине 18 века и к царствованию Екатерины II, делился мелкой реченкой Дудерговкой на, так называемый, Авангардный, на западном берегу, и на Главный — на восточном. Оба эти лагеря были разбиты примерно параллельно друг другу и вдоль течения Дудерговки.

Авангардный лагерь примыкал к южной окраине Красного Села и, как бы, являлся его продолжением. "Передная линейка", или фронт лагеря, смотрел на огромное Военное поле, на открытой площади которого можно было производить ученье нескольким дивизиям; в хитрых мягких складах его в те времена, до появления аэроплана, могли укрываться и незаметно передвигаться крупные войсковые колонны и боевые порядки. Единственными местными предметами являлись в центре поля Лабораторная роща, обнесенная рвом и знаменитый Царский валик; у последнего обыкновенно находился Государь во время смотров и эта маленькая насыпь служила путеводной звездой для сноровистых тактиков во время маневров в Высочайшем присутствии. Одинокую Лабораторную рощу постоянно кто-нибудь атаковал или оборонял.

В самом Красном Селе были с удобствами в деревянных зданиях расположены все старшие штабы и войсковые начальники. Главная улица, широкая и прямая, представляла собою хорошо содержавшееся шоссе, обильно обсаженное березками. Постройки и летние дворцы имели довольно нарядный характер и при них были сады; это придавало Красному Селу вид благоустроенного дачного поселка, которым на время завладели войска.

Авангардный лагерь отличался от Главного тем, что в первом не только офицеры, но и все солдаты размещались в деревянных бараках, длинных и одноэтажных. В Главном же лагере солдаты жили в холщевых палатках, белые квадратики которых выглядывали из разросшейся березовой рощи, в свое время нарочно посаженной для защиты лагеря от умеренного северного солнца и, еще более, от дождя, этого частого гостя петербургского климата. Внутри некоторых палаток, например, фельдфебельских, был приспособлен домик, составлявшийся из деревянных щитов. Такой же фальшивой палаткой была дежурная на передней линейке около фронтового полкового караула.

За солдатским лагерем пролегало широкое шоссе, носившее название "средней" или "офицерской" линейки. Вдоль этой дороги были расположены офицерские бараки-дачи. За ними, разные полковые учреждения, солдатские столовые и офицерские собрания.

Впереди Главного лагеря, вместо беспредельного Военного поля, измученного постоянным топтанием людей и лошадей, был зеленый луг, который спускался узкой полосой к руслу Дудерговки и к шедшей вдоль него линии железной дороги. На этом лугу хватало места только для строевых занятий пехоты, силою не больше полка. Зато большое пространство открывалось позади лагеря. Это было осушенное болото, плоскостью которого воспользовались, чтобы устроить здесь стрельбище на все дистанции, требовавшиеся уставом. Таким образом, в тылу Главного лагеря постоянно раздавалась ружейная трескотня и разные стрелковые сигналы, подаваемые пехотным горном. Пулеметы тогда еще не народились.

Для стрельбы с тактическими маневрированиями существовало другое осушенное болото, Гореловское, прилегавшее своим тылом к северной окраине красносельского лагерного прямоугольника. Отсюда роты и батальоны незаметно двигались со стрельбой на север вдоль Петербургской дороги. На их пути заблаговерменно расставлялся деревянный "противник" — мишени, изображавшие то лежащую цепь, то резерв, стреляющий с колена, то далекие резервы, стоящие откровенно во весь рост. Это подражание настоящей огневой атаке с боевыми патронами требовало довольно сложной подгтоовки и тщательного оцепления обширного района, чтобы пресечь всякую возможность несчастного случая среди местного населения. Последнее, впрочем, наизусть знало красносельские военные распорядки и хорошо применялось к ним. Я не помню несчастных случаев.

На противоположном, южном, конце лагеря между Авангардным и Главным находилось Дудергофское озеро, на котором катались в лодках, среди камышей, юнкера военных училищ. Над озером возвышалась лесистая Дудергофская гора, на крутых складках которой и густой зелени скрывались многочисленные дачи. Тут жили большею частью семьи офицеров отбывавших лагерный сбор под Красным Селом.

Наконец, прямоугольник как бы замыкался с юга Кавелахтским кряжем, по которому тянулась длинная деревня этого названия. Как Кавелахтские высоты, так и Дудергофская гора постоянно фигурировали в заданиях для войсковых маневров, являлись частью цельных действий и создали шаблоны, получевшие кличку "дудергофской" или "кавелахтской" тактики. Горе было тому неопытному смельчаку, который претендовал на оригинальность, командуя отрядом, и сбивал остальных участников с раз навсегда пробитой колеи.

В Авангардном лагере располагались гвардейские стрелки, армейские полки округа и военные училища. В Главном, с севера на юг, 1-я, 2-я гвардейские пехотные дивизии с их артиллерией, Офицер-

ская стрелковая школа, к которой причислялся крошечный лагерь роты Пажеского корпуса и финские стрелковые батальоны.

Последние, пока еще не были уничтожены, представляли для своих лагерных соседей в Красном Селе любопытное зрелище. Они прибывали по очереди из Финляндии в числе двух батальонов на вторую половину лагерного сбора, когда начинались занятия батальонами и полками. Солдаты были маленького роста, некрасивые и неказистые, как говорили тогда, "чухонского" типа, но поражали дисциплиной, выправкой и отделкой во всех мельчайших подробностях строевого устава и снаряжения. Мы, пажи, выходили специально на переднюю линейку, чтобы подивиться изумительной отчетливости ротного ученья финнов. Только что был принят новый пехотный устав, обязательный и для финских войск: финны усвоили его также в совершенстве. Ломка фронта и эволюции производились образцово, с каким-то особым спокойствием и уверенным достоинством. Даже тогдашнее, неблагодарное для военной нарядности, мешочное снаряжение пехотинца, сменившее ранцы и пригонявшееся у пояса и около бедр, выглядело на этих аккуратных солдатиках красиво.

Немногие из них умели говорить по-русски, но все команды подавались на русском языке, конечно, с сильным акцентом. Было очевидно, что финны дорожили и щеголяли своей маленькой армией, состоявшей, помнится из девяти пехотных батальонов без артиллерии.

Вся кавалерия Красносельского сбора была расквартирована по окрестным деревням, раздвигая, таким образом, диаметр всей лагерной площади на несколько верст. Деревни эти можно было отличить издалека по длинным шестам вдоль домов и на ближайших горках. На некоторых из них были соломенные украшения, кисти которых качались по ветру. На других — сигнальных — солома зажигалась в случае тревоги и тогда кавалерийские квартиры сразу оживали в лихорадочной деятельности.

**

Лагерный сбор делился на две неравные части: с начала мая по середину июля шли мелкие строевые занятия и стрельба, а остальные три-четыре недели отводились на тактические упражнения, кончавшиеся большими маневрами. Этот переход от одного типа занятий к другому носил название "перелома". Он приходился в мои первые годы офицерской службы на день именин главнокомандующего Великого Князя Владимира Александровича, т. е. на 15 июля. В этот день и два следующие дня объявлялся общий отдых.

Затем в лагерь водворялось все старшее начальство, которому до того было мало непосредственного дела, а главнокомандующий производил объезд войск. Он начинался из Красного Села, откуда Великий Князь верхом со своим штабом ехал шагом вдоль Авангардного лагеря, переезжал у Дудергофского озера через речку Дудерговку к левому флангу Главного и следовал вдоль передней его линейки, заканчивая объезд на правом фланге, в лагере Преображенского полка.

Люди выстраивались перед своими лагерями длинным развернутым строем без оружия. Только полковые и батальонные командиры с их адъютантами были верхом. Великий Князь здоровался, солдаты отвечали. В приветствии полковых командиров у Владимира Александровича завелась особая манера: он прикладывал руку к большому козырьку своей фуражки и произносил могучим басом: "Командиру полка мое высокое почитание". Выделяя его во всеуслышание этим особым приветствием, Великий Князь подчеркивал важную роль и значение командира в военной иерархии.

Спустя несколько дней после объезда Великого Князя производился Высочайший объезд. Порядок был тот же, но Государя сопровождала Императрица в коляске, свита и торжественность были больше и заканчивался он зарей с церемонией. Подгонялся конец объезда ко времени обычной вечерней "зари" в лагере, т. е. к 8 часам. Незадолго перед тем Государь с Государыней и свитой останавливались у большого шатра, разбиваемого на этот случай у лагеря Семеновского полка.

Площадка перед шатром густо усыпалась свежим желтым песком. На границе площадки, как раз против царского шатра, выстраивались густой колонной все хоры музыки гвардии. Перед ними на специальном деревянном возвышении стоял капельмейстер войск гвардии, Оглоблин. Между музыкой и шатром, посередине площадки, навытяжку стояло лагерное дежурство.

Начиная, примерно, с половины седьмого, Оглоблин давал концерт. По обе стороны царского шатра располагались приглашенные гости, семьи и знакомые офицеров. Светлые летние дамские туалеты, пестрые развесистые шляпы того времени, вперемежку с мундирами, представляли приятные блики на фоне густой зелени лагеря.

Ровно в 8 часов Государь подавал знак. Из ближайшей батареи взвивалась, свистя, ракета и по этому сигналу поднимались ракеты во всех батареях Авангардного и Главного лагерей, загрохотали пушечные залпы от края и до края, раскатываясь эхом, а одинокий дежурный барабанщик отчетливо, взмахнув палками, начинал бить "зарю".

По окончании этого боя, медленного и торжественного, дежурный по лагерю генерал подавал команду:

— На молитву! Шапки долой!

Барабанщик снимал бескозырку, брал ее "на молитву", держа в левой руке на согнутом локте, и громко читал "Отче наш". Одновременно команда раскатывалась по длинным шеренгам, стоявшим вдоль лагерных линеек, и со всех сторон поднималось, росло и ширилось хоровое пение сначала Господней молитвы, а затем "Спаси Господи люди твоя" и гимн.

Между тем, хоры музыки вступали в этот концерт с мягкими и плавными звуками молитвенного гимна "Коль славен наш Господь в Сионе" и гимном "Боже Царя храни".

Фронт лагеря смотрел на запад. Обнаженные головы всех этих тысяч военных, громко творивших вечернюю молитву, были обращены поэтому на заходящее солнце. Приближаясь к неровному горизонту, обозначенному синими и лиловыми тонами каких-то далеких крыш и лесов, оно расширялось, расплющивалось и краснело. Горизонт заливался краской, переходя от голубого к нежно-зеленому, а затем к ярко-желтому и пунцовому.

Не помню, чтобы когда-нибудь во время "зари с церемонией" была плохая или серенькая погода. Всегда в эти величественные минуты общей молитвы в русском воинском стане вас подхватывало подходящее настроение тихого и теплого летнего вечера, готового отойти ко сну.

Замолкали, наконец, последние обрывки хоровой молитвы, доносившейся из запоздавших рот. Подавалась команда "накройсь" и "по палаткам". На середине площадки, между тем, выстроились в две линии адъютанты шефских частей, а за ними фельдфебеля шефских рот, эскадронов, батарей и ординарцы-солдаты. Государь привычным жестом, поглаживая свои мягкие усы, принимал от адъютантов письменные рапорты и выслушивал громкие отчетливые рапорты фельдфебелей (все одинаковые), что в части, которая носит его имя, — "никаких происшествий не случилось".

Выслушав рапорт, Государь часто задавал вопрос, касающийся лично фельдфебелей, например, какой губернии, спрашивал о семейном положении. Он помнил фамилии фельдфебелей своих рот. После этого Император, Императрицы, Великие Князья и Княгини в сопровождении придворных чинов удаляются в шатер, где им предлагается легкая закуска.

Затем всеобщий разъезд и расхождение. Государь с Государыней уезжают в коляске, запряженной русской тройкой (впоследствии в автомобиле) под громкое "ура" офицеров, стеснившихся толпой около самого экипажа.

Краски на небе потухли. Потянуло холодком и сыростью с Дудерговки. Надвинулась ночь. Повсюду зажглись огни, как желтые звездочки. На зеленоватом небе, в виде контраста заблестала серебром первая звезда.

В Красносельском лагере вечером состоялся парадный спектакль. В глубине полковых лагерей — музыка и веселые голоса. Это офицеры угощают своих гостей, которых они пригласили на "зарю" с церемонией".

В солдатских палатках то тут, то там раздаются хоровая песня, треньканье балалайки, залихватские аккорды гармоники. На передней линейке вдруг поднимается передача протяжным голосом от одного дневального "гриба" к другому приказание: "Дежурным и дневальным надеть шинели в рукава-а-а...".

Через какие-нибудь полчаса все замрет и притихнет в березовых рощах, скрывающих солдатские палатки. И лишь из офицерских собраний и бараков будут еще доноситься взрывы смеха и звуки музыки, постоянно перебиваемые заздравными тушами или полковыми маршами.

Скоро и музыкантов прикажут отпустить по палаткам. Сырость, темнота и молчание окутают лагерь. Вот она, красносельская ночь. Здоровый молодой сон обитателей лагеря охраняется невидимыми дежурными и дневальными. Их силуэты то неподвижно стоят у своих "грибов", сливаясь с ними, то печально маячат в ночном тумане.

(Продолжение следует)

Библиография

В. Н. Звегинцов. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. 1914-1920 гг. Части 3 и 4. Издательство «Танаис». Париж, 1966. 208 стр.

Эта книга является третьей и четвертой частью большого труда и заключает в себе описание последнего периода участия Кавалергардов в Первую мировую войну в 1916 и вначале 1917 г.; описан затем период революции, смерть полка, его возрождение в Гражданскую войну и участие в ней вплоть до эвакуации из Крыма.

Как известно, 1 и 2 части этого труда вышли последовательно в 1936 и 1938 гг. в издательстве Е. Сияльской в Париже. Если в этих двух первых частях повествовалось об участии Кавалергардов в боевых действиях по преимуществу в конном строю, то в 1916 году, ввиду общего изменения условий ведения войны, им, как и почти всей кавалерии, пришлось нести окопную службу наряду с пехотой. Автор книги очень подробно рассказывает об этой непривычной для кавалериста пехотной службе Кавалергардов и эта окопная служба показала, что несли они ее на совесть и доблестно. Сколько раз приходится в книге встречать такие эпизоды: 23 июля — Кавалергарды сменили на позиции 93 пехотный Иркутский полк, 30 июля — сменили 95 пехот. Красноярский полк, 27 августа — 96 пехотн. Омский полк, 25 октября — сменили роты 40 пехотн. Колыванского полка, 25 октября — 8 стрелковый Туркестанский полк и т. д. Все испытанные боевые пехотные полки русской армии... Происходило это либо на Ковельском направлении, либо на топких берегах Стохода.

Наступает революция 1917 года, а с нею и общий развал, сперва запасных частей в тылу, а позже

и частей находящихся на фронте. Но в Кавалергардском полку полный порядок, ибо одной из отличительных черт полка была близость между офицерами и солдатами. Поэтому до самых последних дней дисциплина не была нарушена в полку. Этой близости между офицерами и солдатами не было в тылу, в частности в г. Луга, где были сосредоточены многочисленные запасные части и тыловые учреждения, в числе которых находился и пункт слабосильных лошадей гвардейской кавалерии, которым заведовал бывший командир Кавалергардског плка гр. Менгден. Полно драматизма описание убийства разнузданной революционной солдатней этого уважаемого всеми генерала, вина которого была лишь в том, что он носил немецкую фамилию.

Война фактически окончилась и Кавалергарды, как и многие другие кавалерийские части, сохранившие воинскую дисциплину, посылаются на охрану железных дорог и на ловлю дезертиров в поездах, направляющихся в тыл. Картинно описан приезд на с. Казатин французского министра Альбера Тома, бестолковая речь солдатского депутата, обращенная к нему, и поспешный отъезд социалистического министра... Интересны подробности перевода арестованных по делу ген. Корнилова генералов (Деникин, Марков, Эрдели и др.) из бердичевской тюрьмы в Быхов. Свидетелями этого были Кавалергарды, случайно стоявшие в наряде на вокзале по охране его.

В ноябре 1917 г. большевики назначили командиром Кавалергардского полка чуждого полку полковника Абрамова, поборника "завоеваний революции" и советской власти. С этого дня Кавалергардский полк прекратил свое существование...

Четвертую часть этого труда автор посвятил участию Кавалергардов в Гражданской войне. Подробно повествуется о том, как офицеры полка создали в формируемом Сводно-Гвардейском полку свою ячейку, ставшую потом 1-м эскадроном — Кавалергардским — этого полка. Ставрополь - Крым - Таврия, — последовательные этапы этого периода. Полны интереса описания военных действий против банд различных "атаманов", в большом числе появившихся в богатой Таврии и грабивших мирное население. Только в русских условиях быта того времени можно было наблюдать такое явление, как коронование "царем" какого-то Ивана Гордиенко, решившего водворить порядок в своем селе и его округе.

А затем новый период Белой борьбы сперва на Курском, а потом на Черниговском направлении, с подробным описанием боев этого времени. Дальше, отход на Дон, Кубань и эвакуация в Крым. Заканчивается книга описанием боев в Северной Таврии и оставления Крыма. Во всей книге много мелких подробностей, на которые, казалось бы, не следаволо обращать внимание читателя. Но именно анализ этих мелких повседневных фактов, случившихся в военное и смутное время 1914-1920 годов дают гораздо больше для понимания происшедшего, чем обобщения без детального рассмотрения повседневных частностей. В этом большая историческая ценность данной книги, которая тем самым является драгоценным вкладом в военно-историческую литературу по изучению Первой мировой войны, революции 1917 года и Белого движения.

Т.

Н. Гумилев. Собрание сочинений. Том четвертый. Под редакцией проф. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Вашингтон, 1968. 644 стр., с 7 иллюстрациями.

Четвертый том собрания сочинений Н. С. Гумилева содержит в себе прозу. Оставляя компетентным лицам труд высказать свои взгляды на художественную прозу Гумилева, мы здесь скажем лишь несколько слов о его корреспонденциях с фронта, "Записки кавалериста", печатавшихся в петербургской газете "Биржевые Ведомости" между февралем 1915 и январем 1916 года. В это время Гумилев служил вольноопределяющимся в л.-гв. Уланском Ее Величества полку. Эти корреспонденции охватывают период с осени 1914 по осень 1915 года, т. к. печатались они в газете с опозданием. Для боевой хроники л.-гв. Уланского Ее Величества полка эти "Записки кавалериста" могут служить некоторым пособием, как материал, объясняющий и дополняющий некоторые эпизоды боевой деятельности полка. Написаны они под свежим впечатлением пережитых дней в боевой обстановке. Понятно, что военная цензура не позволяла оставлять в корреспонденциях ни географических названий, где действовал полк, ни имен начальников, ни названий воинских частей, что, конечно, очень затрудняет читателю представить себе настоящую картину происходивших событий. Но в книге даны некоторые пояснительные примечания для того, чтобы ориентировать читателя, который пожелал бы сопоставить то, что пишет Гумилев с ходом общих военных операций. Вообще, эти примечания, тщательно дополняют биографический материал и дают новые данные, относящиеся ко времени пребывания Гумилева на военной службе и в Запасном кавалерийском полку в Кречевицах, и в Лейб-Уланском Ее Величества полку, и в 5 гусарском Александрийском полку. Между прочим, среди воспоминаний о Гумилеве в книге приводятся и воспоминания Александрийского гусара шт.-ротм. В. А. Карамзина, которые в свое время были опубликованы в нашем "Воен.-Истор. Вестнике" (№ 3, июнь 1954 г.). Лица следящие за литературой посвященной Первой мировой войне с интересом прочтут "Записки кавалериста".

Т.

ОПЕЧАТКИ В № 31 «В.-ИСТ. ВЕСТНИКА»

В таблице на стр. 24: вместо «42-дюйм.» и «48-дюйм.» следует читать — «42-лин.» и «48-лин.».

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL : MAI ET NOVEMBRE

N° 33

МАЙ 1969 год

СОДЕРЖАНИЕ

●

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию И. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию Г. М. Гринев — Villa Riegler, 2542 Kottingbrunn.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова:
G. Toporkoff, « Le Jardin », Landévennec, 29S - Argol.

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя):
A. Stchitkoff, 15, rue de Médéah, Paris (14e).

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеются еще нижеследующие издания Об-ва:

1. — **"Записка о службе А. В. Суворова"** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 дол., или 1,15 франка.

2. — Номера **«В.-И. Вестника»,** начиная с № 8. Цена номера до № 30 — 3,00 фр. или 0,90 америк. долл. или 3,00 фр., а начиная с № 30 — 3,50 фр. или 1 ам. долл. или 3,50 франка.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на бронзовые медали: 1) Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2) С.-Петербурга (1703-1953), 3) Обороны Севастополя (1855-1955), 4) Полтавской победы (1709-1959), 5) Отечественной войны (1812-1962), и 6) 50-летия начала Добровол. Армии (1917-1967). Прием заказов на медаль 50-летия начала первой мировой войны (1914-1964) прекращен.

Цена медали Гвардии или Петербурга 24 фр. или 6 америк. долл. или 25 фр.; Севастопольской или 1812 года — 16 фр., 4 долл. и 17 фр.; Полтавской — 14 фр., 3.50 долл. и 15 фр.; медали 1917 года — 18 фр., 4.50 долл. и 19 франка. Цена медали 1917 года посеребренной — на 3 фр. или 0.50 долл. дороже.

МЕДАЛЬ ДВУХСОТЛЕТИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ ОРДЕНА СВ. ГЕОРГИЯ

Медали, заказы на которые были получены до 7 мая, будут рассылаться начиная с 10 июня. Медали, заказанные после 7 мая, но до 20 июня, будут рассылаться начиная с 10 октября. Медали, заказанные после 20 июня, но до 25 сентября, будут рассылаться начиная с 1 ноября.

Цена бронзовой медали — 29 фр. или 6,90 америк. доллара или 30 франков; бронз. посеребрен. — 32,50 фр. или 7,70 долл. или 33,50 фр., а позолочен. — 37 фр. или 8,60 долл. или 38 фр.; серебряной — 102 фр. или 22,00 долл. или 103 фр., а серебр. позолоч. — 110 фр. или 23,70 долл. или 111 франка.

Заказы (с обязательным приложением соответствующей суммы) надлежит направлять на имя А. В. Щиткова или А. Ф. Долгополова (адреса см. выше).

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Суммы, поступившие в счет Издательского Фонда с 1 июля 1966 года по 1 июля 1967 во франках (предыдущий список см. в № 29 «В.-И. Вестника»):

Б. Ф. Козлянинов — 5.00, П. Л. Стефанович — 25.00, П. А. Пархоменко — 9.76, Д. Г. Лучанинов — 6.00, В. В. Звегинцов — 10.50, А. Б. Серебряков — 10.00, Ю. А. Топорков — 10.00, Б. Н. Савойский — 5.00, А. В. Щитков — 6.00, Н. И. Катенев — 100.00, А. В. Бессель — 10.00, В. Н. Загоровский — 25.00, Т. П. Ренненкампф — 50.00, С. Ф. Шатилова — 7.00, И. И. Какурин — 41.00, Б. Ф. Козлянинов — 5.00, Е. С. Фишер — 40.00, М. М. и М. А. Джаншиевы — 250.00, Е. Н. Оношкович-Яцына — 5.00, М. В. Штенгер — 40.00, П. И. Пороховников — 2.50, Л. А. Гринберг — 20.00, А. Н. Васильев — 29.09, К. В. Хвольсон — 6.00, А. Ф. Долгополов — 9.68, А. В. Бессель — 10.00, П. В. Ден — 10.00, Н. Л. Пашенный — 20.00, И. В. Рооп — 6.00, В. И. Гранберг — 5.00, Г. Г. Пайчадзе — 8.00, А. В. Щитков — 10.00, В. А. Васильев — 3.00, г-н Миллер — 7.50, отец Ф. Бокач — 70.00, М. С. Фортер — 40.00, К. П. Кондзеровский — 10.00, г-н Захаров — 4.00, М. И. Коломийцев — 6.00, В. А. Рагимов — 30.00, В. В. Нарбут — 18.00, П. Н. Манюкин — 5.00, П. Л. Стефанович — 16.50, В. Н. Загоровский — 45.00, В. П. Оношко-Яцына — 19.27, И. И. Бекиш — 5.45, кн. Н. Н. Оболенский — 16.00, И. В. Гзовская — 19.53 и В. П. Дробашевский — 7.07.

Правление приносит искреннюю благодарность всем вышеуказанным лицам, а также всем членам и друзьям Общества, которые сочли возможным внести членский взнос или плату за «В.-И. Вестник» в увеличенном, в сравнении с установленным, размере.

БОРОДИНСКИЙ ПЕРСТЕНЬ

С. Л. Войцеховский, проживающий в Соединенных Штатах, обратился к редакции «Военно-Истор. Вестника» с просьбой помочь ему в установлении обстоятельств, при которых его предку был пожалован хранившейся с 1837 года потомками награжденного и ныне хранимый С. Л. Войцеховским золотой перстень.

Эта историческая реликвия украшена небольшим овальным медальоном, изображающим в профиль Императора Александра Павловича на фоне звездообразного, шестиконечного сияния. Вокруг сияния, по внешнему краю медальона, надпись: «26-го августа 1812 года, Бородино». На самом перстне, по его верхнему и нижнему краю, вторая надпись: «Благодарное отечество положившим живот на поле чести. 1837 год». Кроме того, справа и слева от медальона, на перстне — миниатюрные изображения памятника, сооруженного в 1837 году на Бородинском поле.

Неоднократные попытки владельца перстня установить обстоятельства, при которых перстень был пожалован, остались безрезультатными. Он, поэтому, обращается к читателям «Военно-Исторического Вестника» с просьбой сообщить редакции то, что им может быть известно о том, кто именно и почему был такими перстнями пожалован в 1837 году.

1769-1969

ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ ДВУХСОТЛЕТИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ ОРДЕНА СВ. ГЕОРГИЯ

Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Фотография снята с пробного оттиска медали.

Мои личные воспоминания о службе в рядах славной Лейб-Гвардии Конной артиллерии (1898-1914 гг.)

Великий Князь Андрей Владимирович

(Продолжение)

Со времени командования гвардейским корпусом Принца Александра Петровича Ольденбургского было введено состязание между кашеварами. Каждая часть высылала в распоряжение Преображенского полка свою походную кухню, где кашевары получали одинаковое количество продуктов, и варка производилась под наблюдением всех фельдфебелей и вахмистров, которые наблюдали, чтобы кашевары ничего лишнего в котел не клали для улучшения вкуса щей. Когда пища была готова, то пробные порции клались в одинаковую посуду и отмечались лишь номерками, чтобы никто не знал, какой части принадлежит пробная порция. Судьями были фельдфебели и вахмистры гвардейского корпуса. Лучшему кашевару от имени Принца Ольденбургского выдавались серебряные часы с цепочкой. Часы присылались в часть, которая гравировала имя и фамилию кашевара и за что он получил часы.

Однажды, к великому нашему изумлению, кашевар 5-й батареи взял корпусный приз. Когда дело дошло до гравировки, то наш кашевар взмолился, чтобы на часах не гравировали — за что именно он получил часы. Он уверял, что все над ним будут смеяться, если прочтут на часах, что это приз за варку щей. Его просьбу уважили и написали только его имя, фамилию и дату состязания. Видимо ему просто стыдно было сознаться дома, что на службе он был кашеваром и тщательно скрывал это.

В лагерное время было еще одно состязание, которое, если верить традиции, вело свое начало тоже со времени Принца Ольденбургского, когда он командовал корпусом и отличался разными чудачествами. Состязание заключалось в прохождении орудия по отмеченному колышками пути, по пересеченной местности, с рвами, валами, канавами, спусками и подъемами. Надо было весь путь пройти в наименьшее время и сбить наименьшее количество кольев.

Пешая артиллерия относилась к этому состязанию как к священнодействию; орудия бережно двигались между колышками, стараясь не сбить ни одного из них. Наши же считали особой лихостью проскакать весь путь полным ходом и сбить как можно больше этих кольев, которые как щепки летели во все стороны после прохождения конного орудия. У

нас, в конной артиллерии, эти состязания назывались "пижосским кулербергом". Что в сущности это должно было обозначать, никто, я думаю, не знал, но эти слова обозначали ту совершенно особую торжественность с которой пешая артиллерия обставляла эти состязания. Непременно разбивалась палатка, разукрашенная флагами для начальства, все время играл хор музыки, а главное, этот хор должен был играть туш при прохождении призового орудия; без этого туша пешая артиллерия обойтись никак не могла. Тут же непременно присутствовала группа бригадных дам в светлых туалетах, около которых неизменно вертелись молодые подпоручники в очень узких светло-зеленых рейтузах, чтобы быть похожими на конных. Пешее орудие, получившее приз, непременно тут же разукрашалось флагами; флаги вообще играли очень важную роль в пешей артиллерии и запас их был неисчерпаем для всех случаев.

Не помню, чтобы когда-либо наши конные орудия брали корпусной приз, но от бригады выдавался приз установленный по другим правилам, где время играло первую роль, а число сбитых кольев второстепенную.

После Японской войны, летом 1906 года, стали поговаривать о необходимости заменить белые кителя и рубашки цветными, менее видными в поле. У японцев был введен цвет "хаки", который оказался очень практичным. Но об этом пока что шли лишь частные разговоры и высказывались разные пожелания, в особенности теми офицерами, которые принимали участие в Японской войне и на практике убедились в необходимости заменить белый цвет рубашек, так называемым, защитным.

Однажды, совершенно неожиданно мы получили приказание выкрасить кителя и рубашки в любой защитный цвет для предстоящего через три дня маневра. Времени было мало: послали в город купить рекомендованную начальством краску, развели ее в чане и бросили в него офицерские кителя, рубашки нижних чинов и чехлы от фуражек. Вся гвардейская кавалерия сделала то же самое. На маневр мы выступили еще ночью в полной темноте, почему не было видно, какой цвет приняла наша одежда. Когда же рассвело, то картина получилась очень забавная. Каждый эскадрон и батарея оказались выкрашенными в различные оттенки зеленоватого цвета, а так как окраска производилась примитивным способом и совершенно неопытными руками, то на кителях и рубашках оказались различной формы потеки. Общее впечатление получилось такое, что все мы разнообразностью своих тонов сделались похожими, как острили многие, на цветных попугаев. Комический наш вид увеличивался еще тем, что кителя и рубашки от окраски сели, рукава укоротились чуть не до локтя, а талии поднялись выше шарфа. Потом, под действием солнечных лучей и дождей кителя и рубашки приняли еще более пестрый вид и стали совершенно неопределенного цвета.

Во время лагерного сбора к нашим батареям прикомандировывались от каждого кавалерийского полка по одному офицеру и двадцати нижних чинов "для ознакомления с артиллерийским делом". На каждую батарею приходилось два офицера и сорок нижних чинов от той бригады, которой соответствовали батареи. К 5-й батарее прикомандировывались лейб-драгуны и лейб-гусары. Их знакомили с материальной частью, обучали приемам при орудиях, правилам стрельбы и ознакомляли с конными учениями. Идея была правильная, имевшая цель, чтобы кавалерия имела понятие об артиллерии и в случае убыли во время войны пополнение можно было бы брать прямо из кавалерии из числа тех людей, которые проходили летом курс при батареях. Надо отдать справедливость, что это не было простое отбывание "номера", как называлось халатное отношение к требованиям свыше, а действительно серьезный подход к делу всех прикомандированных. К концу прикомандирования кавалеристы ездили за ездовых и номеров и отлично проделывали конное учение. Мы даже запрягали кавалерийских лошадей в орудия, изображая случай когда кавалерия выручает батарею, потерявшую своих артиллерийских лошадей и впрягает своих. Некоторые офицеры настолько преуспевали в артиллерийском деле, что им давали производить боевую стрельбу.

Когда я поступил в батарею, в лагере в Павловской слободе не было настоящего караульного помещения, как это полагалось по гарнизонному уставу. Пока парки батарей находились на Срельнинском шоссе, караул ютился в маленьком, чрезвычайно тесном и темном, деревянном бараке, находившемся по другую сторону шоссе, против парка. Тогда же возникла мысль построить новое караульное помещение на видном месте, как это было у других полков, расположенных вдоль Петербургского шоссе в Красном Селе. Эта мысль очень понравилась Великому Князю Михаилу Александровичу, когда он служил у нас, и он отпустил средства для этой постройки. Постройка велась хозяйственным способом, под наблюдением заведывающего хозяйством 5-й батареи, поручика Степана Васильевича Гладкого. На краю шоссе, против конюшен 4-й и 5-й батарей было построено довольно обширное караульное помещение, с четырьмя камерами для арестованных, двери которых выходили в комнату, где находился караул. Впереди здания была сделана площадка для вызова караула. На правом фланге стоял "гриб" для часового и его шинели. Для денежных ящиков батарей и управления бригады построили специальную будку с тремя клетками, где каждый ящик был прикреплен к полу цепями с замком. Для вызова караула имелся колокол, подвешанный к столбу около часового. Все караульное помещение было обнесено забором, выкрашенным в белую краску с черными полосами, обведенными оранжевым кантом.

Вечером после ужина, в хорошую погоду, офицеры часто играли в "городки" против собрания. Другие играли в "тетку", только что вошедшую в моду. Период лагерного сбора был вообще самым приятным и веселым из всего служебного года. Много разнообразия и развлечений, но главное — все занятия производились на открытом воздухе, а не в сыром и темном манеже Павловска.

После окончания боевых стрельб и батарейных

смотров начинались двусторонние маневры, сперва в составе бригады, а затем дивизии с участием нехоты. Заканчивался лагерный сбор общим подвижным сбором всего лагеря. В доброе старое время подвижных сборов вообще не было, а были, так называемые, большие маневры в районе: Красное Село — Гатчина — Петергоф — Царское Село, — дальше не ходили. С назначением начальником штаба генерала Г. Р. Васмунда, врага рутины и условностей, район маневров расширился до Луги и Пскова — на юг, до Нарвы — на запад и Шлиссельбурга — на восток. Отряды разводились на сто верст друг от друга и начальникам отрядов давалась полная свобода действий и широкая инициатива.

О первом подвижном сборе, происходившем в 1898 году в новых условиях, я уже упоминал в начале этих воспоминаний. С 1900 года начались подвижные сборы в большем масштабе. Помню, как нам пришлось двигаться и маневрировать по совершенно новым неизвестным нам местам. Примерно, каждый третий день нам давали дневку. Это был самый веселый и интересный период лагеря; жизнь на биваках в палатках, каждый день на новом месте, давала много новых впечатлений, что при хорошей погоде являлось большим удовольствием.

Во время этого подвижного сбора нашей батарее пришлось однажды двигаться вдали от главного шоссе по совершенно глухим местам и остановиться биваком около места, обозначенного на карте, как "Погост Хмеры". Кроме очень старой церкви и нескольких маленьких домов, кругом не было жилья на много верст. При церкви жил старенький священник, как оказалось потом, очень интересный, образованный и начитанный. За всю свою жизнь в этой трущобе он никогда не видел здесь столько войска и как только мы стали биваком, он пришел на нас посмотреть и очень интересовался тем, как мы живем и что мы делаем. В первый же день он пригласил всех офицеров к себе на чашку чая и угощал "кагором", сладким красным церковным вином. В строю батареи в это время находился Великий Князь Михаил Александрович, который после смерти Великого Князя Георгия Александровича стал Наследником. Приглашая всех нас, священник не знал, что среди офицеров находится Наследник и командир батареи, полковник Багговут, сказал ему об этом. Долго священник не мог сообразить и понять, о чем ему толкует Багговут. Он знал, что где-то существует Наследник, но никак не мог себе представить, что этот Наследник находится среди нас и он его пригласил с нами к себе. Когда же он понял, в чем дело, то пришел в глубокое умиление.

После угощения он повел нас осмотреть церковь, построенную еще в 17-м веке, если не раньше. Внутреннее убранство ее было бедно и примитивно; бревенчатые стены, простой иконостас, очень старые, закопченные образа, а ризы из простого, грубого холста. Старый священник много философствовал, хвалил все старое, хулил новое, новые века. Свою мысль он иллюстрировал примером. В старину, бывало, лезет мальчишка через забор, зацепится рубашкой у повиснет на ней, такой был прочный холст, а теперь повиснет — холст не выдержит... У меня в альбоме сохранились снимки этого священника и вид погоста.

В этом году среди офицеров была мания придумывать разные формы, чтобы как-нибудь ярче отличить конную артиллерию от пешей, с которой конная артиллерия находилась в постоянном антагонизме и назвала ее, почему-то, "пижоссами". Пешая же артиллерия, в свою очередь, стремилась всеми силами непременно быть похожею на конную и хлопотала о получении серо-синих рейтуз взамен темнозеленых, ссылаясь на то, что материя первых прочнее для верховой езды. Наши офицеры справедливо находили, что кроме разницы в цвете рейтуз обе формы мало чем отличались одна от другой, а когда надевалось пальто, то различить их было невозможно. В виду этого все мечтали, чтобы конной артиллерии было дано такое внешнее отличие в форме, которое не позволило бы ее смешать с пешей артиллерией. Решили, что самая видная разница будет тогда, когда конной артиллерии дадут цветные фуражки. Стали придумывать и комбинировать разные цвета. В этом вопросе горячее участие принял Великий Князь Михаил Александрович и он заказал целую серию фуражек с цветными тульями, но околыш был сохранен черного бархата. Предполагали, что у каждой батареи будут тульи фуражек сходны с тульями фуражек тех полков, при которых они находились. Все эти фуражки однажды были доставлены на бивак; тут были фуражки с красными тульями гусарского типа для 5-й батареи, с белыми — для 1-й и 4-й батарей и т. д. Радость офицеров была большая и все в них щеголяли. В альбоме у меня сохранился снимок одной группы офицеров в этих фуражках, как памятник юношеских фантазий. Конечно, от всей этой затеи ничего не вышло, так как фуражки вышли не очень красивые, да кроме того, если бы у каждой батареи были различные фуражки, то общее впечатление было бы просто уродливое. Но было много забавы.

В следующем году (1901) подвижные сборы происходили вдоль балтийского побережья. Эти маневры мы прозвали "вейзенбергскими", по той причине, что сборный пункт для 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, в состав которой входила 5-я батарея, был назначен в Вейзенберге, по Ревельскому тракту, верстах, примерно, в 250 от Петербурга.

Эти маневры отличались большим оживлением и разнообразием впечатлений. Почти с самого начала движения мы проходили через имения балтийских баронов, которые встречали войска очень радушно. Маневров в этих районах кажется никогда не было и появление войска было явлением необычайным. В гвардейской кавалерии служило много балтийских баронов и родители с редственниками выходили встречать своих молодых гвардейцев. Погода стояла все время жаркая, и нас повсюду встречали и угощали, а на привалах часто приглашали завтракать или обедать. Особенное внимание оказывали 5-й батарее, в строю которой находился Великий Князь Михаил Александрович, в ту пору — Наследник. Но он обыкновенно от всех этих приглашений отказы-

вался, предпочитая оставаться на биваке, нежели идти в чужой дом, где у него не было знакомых.

От Гатчины до Нарвы шоссе, по которому мы шли, тянется вдали от моря, но после Нарвы оно идет вдоль почти самого берега моря и мы могли становиться биваками близко от берега, чтобы купаться самим и купать лошадей.

Однажды, нам был отведен бивак около небольшого имения "Чудлей", но вдали от моря, а нам непременно хотелось быть ближе к морю, жара была сильная и все хотели купаться. Чтобы стать в имении биваком, надо было иметь разрешение хозяев имения. Тогда мы послали квартирьеров переговорить с владельцами и, когда те узнали, что в батарее находится Наследник, то не только разрешили разбить бивак в самом имении, но очень просили, чтобы батарея стала против самого дома на лужайке. Мы, конечно, с радостью приняли это предложение и стали биваком в парке, разбив его на краю высокого берега с чудным видом на море. От любезных хозяев мы узнали историю этого имения и об одном историческом событии, которое тут имело место.

Первоначально это имение принадлежало одной английской семье, которая в 18-м веке прибыла в эту местность на своей яхте "Пробита". Видимо местность эта понравилась им и они ее купили. От яхты этой остались лишь два якоря с цепями, установленные на каменные фундаменты. В 1817 г. 5 июня здесь остановились на ночлег Великий Князь Николай Павлович, его невеста, принцесса Шарлотта Прусская (впоследствии Императрица Александра Федоровна) и ее брат, принц Вильгельм Прусский (впоследствии Император Германский). В память их пребывания владельцы имения высекли их инициалы на огромном камне, находившемся в море, шагах в ста от берега. Инициалы были высечены в углах андреевского креста. Во время купанья мы туда доплыли и увидали этот камень с инициалами совершенно случайно. Тогда, в память посещения этого имения Великим Князем Михаилом Александровичем, мы собственными усилиями постарались высечь на этом же камне и его инициалы и дату, но сделали это не так глубоко и изящно, как была сделана старая надпись.

Во время маневров мы постоянно ходили с л.-гв. Гусарским полком и рядом становились на биваках. В этом 1901-м, году, за болезнью командира полка князя Гагарина, временно командовал Орлов и он часто приглашал офицеров 5-й батареи завтракать или обедать в полковое собрание. Насколько мы могли, мы старались отклонять эти приглашения, которые нас стесняли, предпочитая столоваться скромно у себя, но иногда приходилось принимать эти приглашения. Помню — день был жаркий, после завтрака вино всех разобрало и все пошли спать в тени своих палаток. Когда я проснулся, то увидел забавную картину. Солнце обошло палатки и спящие уже оказались не в тени, а на самом солнцепеке. Великий Князь Михаил Александрович, который проснулся раньше всех, заметил это, осторожно прикрыл головы спящих полотенцами и время от времени поливал эти полотенца холодной водой из своего серебряного чайника, боясь чтоб спящих не хватил солнечный удар.

В прежние годы, зимой, батареи были расквартированы в различных местах: в Петербурге, на берегу Ладожского озера и в Новогороде, периодически чередуясь между этими пунктами. Лишь к 80-м годам прошлого века все батареи были подтянуты к столице и стояли то в Петербурге, то в Стрельне. Потом, вместо Стрельны, стали стоять в Павловске, тоже по очереди, что в хозяйственном отношении было очень неудобно, и с 1890 года 5-я батарея осталась в Павловске.

Кроме 5-й батареи, в Павловске были расквартированы 6-я батарея и гвардейская запасная. Все батареи были размещены в старинных деревянных казармах, выстроенных еще в 1830 году для Образцового кавалерийского полка. Казармы были расположены вдоль двух фасов обширного плаца, более полуверсты длиною и шириною сажень в двести. В противоположном конце плаца находился пороховой погреб, обнесенный валом со рвом. Единственным каменным зданием был обширный манеж с примыкавшим к нему малым манежом.

В расположение батарей вела Солдатская улица, упиравшаяся в длинное деревянное здание, где помещались, в одном конце гарнизонная церковь, посередине офицерское собрание и канцелярия батареи, а в другом конце — квартира командира 5-й батареи. Остальные казармы батареи тянулись между плацом и Кладбищенской улицей, ведшей на кладбище. Мы хлопотали, чтобы эту улицу переименовали бы, дав ей военное наименование, а то это название наводило на грустные размышления.

Зимою мы часто обедали у нашего командира батареи Ивана Карловича Багговута. В офицерском собрании вечером редко кто-либо ужинал, всякий наровил, как только кончатся занятия, уехать в город. По очереди, один офицер должен был оставаться в расположении батареи, вроде дежурного, и это был обыкновенно единственный остававшийся в Павловске.

Раз в неделю мы все собирались играть в кегли на кегельбане около вокзала. У нас были собственные кегли и шары, которые подарил когда-то покойный командир 5-й батареи Павел Ефимович Гук, скончавшийся в декабре 1899 года. В молодости он отличался огромной физической силой и выносливостью, считался атлетом, но не берег себя. Летом обыкновенно он каждый день ездил из Красного Села в Павловск на велосипеде и, в конце концов, нажил себе чахотку, от которой преждевременно скончался.

Во время игры в кегли мы традиционно пили только пиво. Заправлял игрой Степан Васильевич Гладкий, который по своей какой-то системе отмечал на счетах результаты каждого.

Иногда по вечерам в собрание заходил бывший командир 5-й батареи Сергей Сергеевич Мальцов, милейший старик, которого мы все очень любили и угощали любимым его красным вином. После двух трех стаканов он делался очень разговорчивым и начинал повествовать о давно минувших днях. Он поступил на службу в 1867 году, участвовал в Турецкой

войне 1877-78 гг., о которой часто вспоминал очень красочно, а затем переходил к рассказам о своей довольно бурной молодости и разных эпизодах, которые привели к тому, что он ранее обыкновенного должен сдать батарею.

Когда Управляющим города Павловска сделался Эдуард Эдуардович Геринг, наш бывший офицер, то мы часто обедали в его гостеприимном доме и играли потом в тетку или в винт. Эти вечера были очень скромны, но симпатичны и уютны и составляли особую прелесть в нашей павловской жизни.

Загородная стоянка имела свои преимущества и свои недостатки. Преимущества для офицеров заключались в дешевых квартирах, в отсутствии всяких нарядов, коими были обременены городские офицеры, что давало больше свободного времени и батарея жила более тесно в своем кругу и интимнее. Было преимущество для батареи и в хозяйственном отношении: свой огород, дававший большую экономию, возможность выгодно продать наноз колонистам, а также сохранять мундирную одежду, которую почти не носили, тогда как городские батареи трепали ее в разных нарядах. Было еще одно премущество — большой плац и поля кругом, которые давали возможность в Павловске производить конные учения и выводить разведчиков в поле на занятия, а стоянка в Павловске, на краю парка, была бесподобна и случаи инфекционных заболеваний были чрезвычайно редки.

Но, может быть, самым существенным преимуществом загородной стоянки было то, что батареи не были под постоянной опекой высшего начальства, которое наезжало в Павловск редко, да и только днем. Ежели начальство и приезжало, то благодаря телефону можно было всех своевременно предупредить и врасплох батареи невозможно было застать. Ночью же начальство никогда не приезжало, как это случалось в городе. Командир бригады князь Масальский, большой любитель таких ночных налетов, ни разу ночью не ездил в Павловск. Таким образом мы могли спать спокойно, но служба от этого не страдала.

Недостатки загородного стояния отражались исключительно на офицерах, которым постоянно приходилось ездить в город по разным делам, как личным, так и служебным. Зимою, когда приходилось ездить на балы, в особенности на придворные, то приходилось возвращаться назад с первым поездом, отходившем в 6 ч. 30 м. утра. Часто даже не успевали ложиться и прямо шли на занятия. Я как-то подсчитал, что во время зимнего сезона я спал в среднем не более трех-четырех часов в сутки, причем часто и вовсе не ложился.

С этими утренними переездами по железной дороге часто происходили забавные сцены. Офицеры, забравшись в вагон, после бессонной ночи почти всегда тотчас засыпали. Когда поезд подходил к Царскому Селу, то кондуктор обходил вагоны и будил спящих; то же он повторял при приближении поезда к Павловску. Но бывали случаи, когда офицер не слышал голоса кондуктора или снова засыпал, когда его будили. Тогда спящий доезжал до Павловска и, если он и там не просыпался, то тот же поезд вез его обратно, т. к. павловский вокзал был конечным пунктом. Говорили, что бывали случаи, что офицеров провозили по три раза туда и обратно, пока их не разбудят и, когда они, наконец, просыпались, то с них требовали уплату за все три проезда, что вызывало всегда протесты и нарекания. Если занятия начинались до прихода первого поезда, то приходилось брать тройки на почте. В редких случаях офицеры общими средствами заказывали себе экстренный поезд, что стоило в те времена очень дешево.

В первый год моей строевой службы в батарее я был назначен состоять при заведывающим обучением новобранцев, Борисе Эдуардовиче Геринг. Я ровно ничего не делал и лишь молча присутствовал при всех без исключения занятиях и этим самым обучался, как мне придется в будущем учить новобранцев. Это было общее правило в те времена назначать молодых офицеров состоять при старших, чтобы присматриваться и учиться, но им ничего не поручалось. Однажды Б. Э. Геринг был очень недоволен ездой новобранцев и в особенности одним молодым солдатом, как сейчас помню, по фамилии Плявго, не то поляком, не то литовцем, и сгоряча полоснул его длинным бичем, отчего у Плявго сразу появилась красная полоса на лице. Я был так далек от этих методов обучения и эта грубая сцена меня до того возмутила, что, забыв дисциплину, которая не дозволяет младшему без разрешения старшего уходить из манежа, я, ни слова не говоря, молча покинул манеж. Ни Геринг, ни сам командир батареи Н. К. Багговут ничего мне не сказали, но на следующей день я был освобожден от присутствования при занятиях с новобранцами.

Я объясняю себе молчание моего начальства тем, что за последние годы по инициативе нового начальника штаба округа Г. Р. Васмунда началось строгое преследование так называемого "рукоприкладства", которое было наследием старины и вошло в систему обучения, в особенности у фельдфебелей и унтерофицеров. Генерал Васмунд вполне справедливо находил, что эта грубая система не делает чести армии и строго карал тех начальников, которые допускали у себя эту систему или же не достаточно следили за подчиненными, чтобы искоренить это безобразие. Естественно, что ни Геринг, да и Багговут, стеснялись сделать мне замечание по поводу выхода без разрешения из манежа, так как они отлично поняли, что поводом к этому послужил незаконный поступок Геринга, за который они оба могли бы пострадать и предпочли обойти все это молчанием. Во всяком случае, после этого печального инцидента случаи эти уже больше повторялись.

Следующие две зимы (1900-1901 и 1901-1902) я уже сам заведовал новобранцами и имел своих помощников. Первую зиму заведовающим новобранцами считался Великий Князь Михаил Александрович, но он часто отрывался от занятий разными другими обязанностями, почему, в сущности, все занятия я вел один. Из всех занятий это самое интересное и увлекательное. Получаешь простых, неуклюжих мужиков, которые ни ходить, ни повернуться не умеют и по-

степенно, днем за днем, делаешь из них настоящих солдат, выправленных, ловких и хороших ездоков. Та военная выправка, какая им давалась в батарее, оставалась потом у большинства на всю жизнь; при мобилизации мы сами могли убедиться в этом, видя как быстро они снова втягивались в строевую жизнь. Видели также их любовь к своей части; запасные обыкновенно стремились попасть в свою батарею, минуя воинских начальников, чтобы не быть посланными в другую часть; они сами являлись в свою батарею добровольно.

Гвардия пополнялась новобранцами иным порядком чем армия. В армию они попадали прямо от воинских начальников, которые сами распределяли их по полкам в зависимости от роста. В Гвардию новобранцы присылались от воинских начальников от известных губерний. От новобранцев предназначенных в гвардию требовался рост выше армейского, установленного по гвардейской шкале. Главнокомандующий лично распределял этих новобранцев по частям и "разбивка" эта происходила при довольно торжественной обстановке в огромном Михайловском манеже. В нем собиралось все начальство, полковые адъютанты и наряжались хоры музыкантов и трубачей с офицерами и людьми для приема и отвода в казармы молодых.

Новобранцы выстраивались в манеже воинским начальником по категориям: пехота, кирасиры, легкая кавалерия, артиллерия, в зависимости от роста, который был отмечен на груди каждого мелом. Главнокомандующий, обходя ряды новобранцев, отмечал на груди мелом — в какой полк он назначается, а шедший рядом рослый унтер-офицер Преображенского полка громко выкрикивал, в какую часть новобранец назначен и могучими руками толкал его в толпу унтер-офицеров всех частей, шедших сзади. Там его перехватывали и отводили в свою часть. Очень часто командиры частей хлопотали за того или иного новобранца, чтобы его назначили в его часть, — мастеровых, музыкантов и других специалистов. Ловкими знатоками по выуживанию нужных для полка людей были унтер-офицеры, которые умудрялись до прибытия Главнокомандующего пробежать вдоль линии новобранцев и путем опроса отметить нужных им людей, хотя это было запрещено. Когда Главнокомандующий подходил к такому, отмеченному заранее новобранцу, то тотчас выходил вперед командир части и просил назначить к нему этого новобранца и обыкновенно просьбы эти удовлетворялись Главнокомандующим.

В 1900 г. я сам просил за одного молодого, который несколько лет был у нас во дворце поваренком на кухне, звали его Карчанов. Он оказался отличным поваром и всю службу нас прекрасно кормил в 5-й батарее, хотя поведения оказался он неважного и пил изрядно. Еще новобранцем он мне наделал много хлопот, мне никак не удавалось придать ему воинский вид и выправку; он навсегда сохранил свою поварскую расхлябанность. По окончании службы его часто приглашали готовить обеды в день батарейного праздника и по другим случаям. Когда была объявлена война, он вернулся к нам в строй и готовил всю войну в одном из наших дивизионов.

При разбивке Главнокомандующий руководствовался традициями полков и назначал самых рослых в Преображенский полк, курносых в Павловский, бородачей в Гренадерский, блондинов в Кавалергардский, брюнетов-бородачей в Конный и т. д. В Конную артиллерию назначались люди среднего роста. По окончании разбивки снова обходил новобранцев, выстроенных по полковым группам и тут иногда менял назначения, если, например, молодой просил назначить его в ту же часть, куда попал его брат или земляк.

Наших новобранцев, назначенных в Конную артиллерию, командир бригады тут же в манеже разбивал по батареям. Из манежа молодых солдат вел офицер с "дядьками" от батарей и при хоре трубачей все шли прямо в казармы. Здесь всех новобранцев отправляли в баню, их вещи подвергали дезинфекции и волосы стригли коротко, под машинку.

Новобранцы 5-й батареи прибывали в Павловск на следующий день и командир батареи лично производил им опрос в присутствии офицера, назначенного заведовать молодыми, вахмистра и дядек для составления приемо-формулярных списков. Этим путем выяснялось семейное положение каждого, материальное благосостояние, профессия, степень грамотности, здоровье и проч. Иван Карлович Багговут опрашивал по своему собственному, составленному им самим вопроснику, где, между прочим, были и такие вопросы: не падал ли с крыши, не ушиблена ли голова, не ранен ли медведем? Багговут уверял нас, что эти сведения очень ценные, ибо человек ушибленный в голову буен во хмелю и выпивши ничего не помнит что делал. По этим признакам можно определить степень ответственности в пьяном состоянии, т. к. солдаты обыкновенно утверждают, что ничего не помнят, чтобы смягчить свою ответственность, это обычная уловка.

По этому поводу мне помнится такой случай. Однажды, во время занятий "пеше по-конному", скомандовав вольно, Богговут начал отчитывать отличного коренного ездового Петрова, горького пьяницу, за то, что накануне напился и скандалил. Тот оправдывался тем, что ничего не помнит. Багговут справился в вопроснике, не ушиблена ли была у него голова. Оказалось, что у Петрова голова не была ушиблена, почему Багговут это оправдание основательным не признал. Тогда Петров сознался, что охмелел он оттого, что пил разное вино. "Ты пил меланж", сказал ему Багговут: "никогда не следует пить меланж. Если пьешь, так пей одно вино, а не меланж". Почему Багговут пользовался этим французским словом, я так и не понял. Петров отделался легко. Багговут принадлежа к старой школе конноартеллеристов, относился к ездовым с большим всегда снисхождением, в особенности к коренным ездовым. На них лежала вся тяжесть конных учений и ответственность, сопряженная с постоянным риском для жизни, т. к. в случае падений ездовые попадали легко под колеса орудия. В ездовые выбирались самые сильные и здоровые люди, так как упранление

лошадьми на полных аллюрах требовало не только сноровки, но и большой силы. Хорошие ездовые умудрялись на полном ходу подымать упавшую подручную лошадь за повод. Заменить ездового было делом всегда очень трудным, почему они и были в батарее на особом счету и от многих нарядов были освобождены. Если они и позволяли себе излишества, то на это смотрели снисходительно.

После опроса, новобранцев отводили в цейхгауз обмундировываться. На первое время им выдавали на руки: пару сапог, серо-синие шаровары, шинель, фуражку, поясной ремень и тужурку "бушлат" из серого шинельного сукна на шести пуговицах и галстук. Бушлаты делались на батарейные средства из "экономического" сукна, чтобы не трепать на учениях мундиры, которые полагались молодым. Мундиры только пригонялись, но хранились в цейхгаузах для смотров. Шпоры выдавались впоследствии, в виде поощрения за хорошую езду. Шашки молодые получали тоже позже, когда приступали к шашечным приемам. На каждом предмете новобранец надписывал свою фамилию, его личный номер и ставилось батарейное клеймо. Все выданное вносилось в личную книжку каждого нижнего чина; в последние годы им стали выдавать еще нательное белье.

По положению, обучение новобранцев должно было заканчиваться к 1 апреля, после чего приводились к присяге. Перед этим, командир бригады производил очень подробный смотр молодым для проверки степени их знаний по всем отраслям курса обучения. Смотр обыкновенно начинался с езды в манеже, рубки и вольтижировки. Потом пеший и кавалерийский строй, гимнастика и заканчивался приемами при орудиях в парке. Командир бригады проверял также результаты устных занятий по уставам внутренней службы, гарнизонного и дисциплинарного. На эти смотры уходила почти вся вторая половина марта месяца.

Обучение новобранцев заканчивалось приведением их к присяге. Для этого в манеже выстраивался взвод с орудиями в конном строю, приносился аналой с крестом и евангелием и священник приводил молодых к присяге, после чего произносил соответствующее слово о значении присяги. После него командир батареи говорил им о воинском долге.

В последние годы был введен обычай производить Высочайший смотр молодым. Наши новобранцы представлялись вместе с кавалерией и выводились на смотр в конном строю в эскадронном расчете. Новобранцы выстраивались в Царском Селе вдоль улиц прилегавших к парку и Государь верхом объезжал их фронт, после чего все проходили церемониальным маршем перед Государем на площадке Большого дворца. Глядя на них можно было поражаться, как еще недавно, месяца четыре-пять тому назад, они были лишь толпой серых неуклюжих мужичков. По праздничным дням новобранцев возили партиями в Петербург осматривать достопримечательности столицы.

Батарейный праздник 5-й батареи праздновался 8-го ноября, в день Св. Архистратига Михаила, — день именин нашего Генерал-Фельдцейхмейстера. За все годы моей службы церемониал праздника не изменялся. Часам к 11 с половиной утра, ко времени прихода поезда из Петербурга, батарея выстраивалась в манеже убранном флагами. По старшинству офицеры шли в манеж и каждый поздравлял батарею с праздником. Парад принимал старший из присутсвовавших генералов. К этому дню в Павловск съезжались старые офицеры батареи: генерал Фан-дер-Флит, сенатор Звонянский, генералы Мальцов, Кузьмин-Караваев, граф Шувалов и другие.

После встречи начальства, гарнизонный священник, отец Иоанн Жемчужин, служил установленный молебен, с поминовением убиенных на войне, после чего батарея проходила два раза церемониальным маршем, раз по-взводно, а второй раз — справа по-шести. Затем батарея шла в столовую, где старший из присутствующих пил первый тост за здравие Государя Императора, следующий тост — за шефа батареи и так далее вниз по чинам, вплоть до вахмистра включительно. На этом заканчивалась официальная часть праздника и все гости шли в собрание завтракать. Людям в этот день полагался особо праздничный стол с усиленной порцией мяса и сластями. Завтрак с трубачами в собрании обыкновенно затягивался до ужина, и гости уезжали с последним поездом, но некоторые оставались и до утра. Батарейный праздник свой мы все очень любили; он связывал молодой состав со старым, а через них, и с прошлой жизнью батареи, боевой славой войны 1877-78 гг., с традицией и духом прошлого.

Когда я поступил в батарею в 1899 году, гарнизонная церковь помещалась в том же деревянном доме, в котором была квартира командира 5-й батареи и офицерское собрание. Церковь была небольшая и едва вмещала небольшой гарнизон Павловска, состоявший из двух наших батарей и Гвардейской запасной батареи. Для местных жителей оставалось очень мало места, а число их росло с каждым годом.

Гарнизонным священником в те годы был отец Иоанн Жемчужин, красивый статный священник, с окладистой, черной длинной бородой. Он был очень симпатичен и все его искренне любили и уважали. Отец Жемчужин постоянно жаловался на тесноту в церкви и часто поговаривал о необходимости построить более обширный каменный храм, который по своим размерам мог бы удовлетворить не только нужды все увеличивающегося гарнизона (в Павловск был переведен л.-гв. Сводный Казачий полк), но и многолюдное население этой части города Павловска. Все участливо относились к идее отца Жемчужина, но мало надеялись осуществить его мечты, зная как трудно собрать необходимые средства. Однажды отец Жемчужин радостно всем сообщил, что одна богатая вдова готова пожертвовать крупную сумму на постройку нового храма, но необходимо образовать строительную комиссию, которая могла бы принять это пожертвование и привлечь другие средства.

Через некоторое время была образована строительная комиссия под председательством полковника Похвиснева, командира Гвардейской запасной батареи, исполнявшего в то же время должность начальника гарнизона Павловска; делопроизводителем

был назначен той же батареи капитан Зедергольм, а членами комиссии — остальные командиры наших батарей, отец Жемчужин и другие, а казначеем назначили меня. Первое пожертвование богатой вдовы, кажется, Ивановой, в размере сорока тысяч рублей, было принято, после чего другие пожертвования стали поступать настолько успешно, что вскоре приступили к выработке проекта постройки, которое было поручено известному архитектору и академику А. И. фон-Гогену. План был представлен на одобрение и утверждение владельца города Павловска, Великого Князя Константина Константиновича. Великий Князь этот план утвердил и было приступлено к постройке храма.

Постройка подвигалась быстро и к концу первого строительного сезона 1900 года были выведены уже стены. Следующий год выводили купола и колокольню и в 1902 году, летом, церковь была закончена. При разработке некоторых деталей, я просил архитектора фон-Гогена вставить в окна алтаря золотисто-желтые стекла, как это было сделано в церкви Дома Инвалидов в Париже. Меня поразило, что даже в пасмурный день алтарь как будто залит солнечными лучами. Так и сделали, хотя скептически отнеслись к моему предложению. Но когда храм был готов, то эффект от этих стекол получился полный, — алтарь всегда казался залитым солнцем, и эта разница в освещении между алтарем и церковью придавала алтарю какую-то особую торжественную красоту.

Летом 1902 года состоялось, наконец, освящение храма. Приятно было смотреть в этот день на отца Иоанна Жемчужина: он весь сиял и был самым счастливым человеком на свете, — в этот день ему довелось увидеть завершение своей давнишней мечты. Всю несложную историю постройки храма отец Жемчужин изложил в небольшой брошюре, но так талантливо и увлекательно, что читалась эта книжка с удовольствием, хотя тема была, казалось довольно сухая.

Старую церковь снесли, а на том месте, где приходился престол, был поставлен чугунный крест на каменном фундаменте, обнесенный решеткой. Все старые образа были перенесены в новый храм и среди них образа Образцового Кавалерийского полка, которые были вправлены в правую сторону иконостаса.

Среди вообще светлых воспоминаний первых годов строевой службы есть все же некоторые, которые оставили грустные воспоминания: это те, которые были связаны с загулами в офицерских собраниях, не только у нас, но вообще имевшими место и в других полках. Поводы устроить загул были понятны и уважительны. Удачный смотр, приз взятый на скачке, стрельба и прочее, почему же не порадоваться этому и не выпить стакан вина? Вначале, конечно, было оживленно и весело, когда садились все за стол: играли трубачи, пели песенники, обменивались впечатлениями... Но длилось это общее веселие недолго. Скоро намечалась "жертва", эту "жертву" чествовали, посылали бокал за бокалом вина, которые она должна была выпить все залпом и до дна. Невыполнение этого условия считалось недопустимым и оскорбительным для того, кто послал бокал вина. В этом была отрицательная сторона загулов: пили не для собственного удовольствия, а заставляли пить других, приятно ли это им или нет — никто не интересовался. Такова была общая схема всех этих загулов, с малыми и несущественными вариантами. Каждый раз повторялось одно и то же: можно было безошибочно предвидеть, кто первый захмелеет, кто начнет скандалить, кто будет считать себя оскорбленным. Не было почти случаев, чтобы загул не кончился бы маленькими или крупными недоразумениями, причины возникновения которых редко когда удавалось восстановить потом. Эти недоразумения старшим приходилось разбирать на следующий день, а в более серьезных случаях обращаться к суду чести.

В те отдаленные времена наши старшие утверждали, что эти загулы имели в известной степени воспитательное значение, способствовали сплочению офицеров между собой и укрепляли товарищеские чувства. Считалось, что во время таких загулов старшие могли легче изучить молодежь, степень выдержки и воспитанности, так как дурные наклонности и невоспитанность быстро вскрывались под действием вина.

Если можно согласиться с некоторыми положительными сторонами загулов, то все же нельзя не признать, что эти положительные результаты достигались отрицательными способами, в особенности, когда загулы переходили известные границы. Если бы эти загулы ограничивались тем, что каждый выпивал сколько хочет, но всегда избирались жертвы, в которых насильно вливали вино и доводили их до безобразного во всех отношениях состояния. Сколько здоровий было загублено этим путем, сколько алкоголиков народилось, сколько блестящих карьер загублено... Когда подобные загулы переносились из собрания в публичные рестораны или ночные кабаки и на виду у публики разыгрывались картины не служившие к поднятию чести мундира, то хорошего во всем этом найти было трудно.

В старое время крепостничества, когда офицеры были помещики-бары, а солдаты крепостными, то и отношения между солдатами и офицерами были иные. Для солдат офицер был не только начальником, но и барином, которому многое дозволялось, почему разыгрывавшиеся в собраниях безобразные сцены в присутствии солдат не имели особого значения, — в поместьях крестьяне к этому привыкли. Но с отменой крепостного права, с сокращением сроков службы солдат отношения между офицерами и солдатами должны были измениться: исчезли баричи, исчезли крепостные. Престиж офицера не зависел от того, что он был "барин", а от умения поставить себя выше солдат своим знанием и поведением. При этих новых условиях безобразия загулов являлись опасным соблазном для солдат. Ежели солдат строго наказывали за пьянство, то как мог тот же начальник сам напиваться в присутствии солдат, без риска подорвать свой собственный престиж?

Пока все шло благополучно, высшее начальство не вмешивалось в частную жизнь войсковых частей,

но когда все кругом заволновалось и Россия была потрясена в 1905 году волною революционных вспышек, а в некоторых частях вспыхнули беспорядки, то высшее начальство стало обращать внимание на безобразные стороны загулов и постепенно стеснять свободу действий в этом отношении. Начали с того, что ограничивали право офицеров вызывать в собрание песенников, требовалось разрешение командира батареи, которые ввиду тревожного состояния стали редко давать эти разрешения. Песенники могли оставаться в собрании до известных часов, а не до утра как ранее. Собранская прислуга была заменена вольнонаемными, чтобы удалить из собрания нижних чинов. Эти меры сильно сократили случаи вызовов песенников. Чтобы уменьшить пьянство, была введена мера не отпускать вино в кредит, а только за наличные. Если офицер не заплатил за ранее выпитое вино, то новое ему не отпускали. Старшие офицеры, неся огромную ответственность, старались всегда присутствовать в собраниях при загулах, чтобы своевременно остановить безобразия. Все эти меры встретили сначала некоторое неудовольствие в офицерской среде, но мало-помалу попойки стали уменьшаться и безобразия выведены.

Беспорядки 1905-06 гг. показали, что порядок в части зависит исключительно от офицерского состава. Офицеры сами подтянулись и стали строже смотреть на дело. Если и продолжали изредка веселиться в собрании, то это обставлялось очень скромно, но зато и было больше настоящего веселья нежели раньше. Изменился и взгляд на пьянство. Прежде это считалось необходимой удалью для офицера, — кто больше пьет, тот считался молодчиной, а непьющего порицали и высмеивали. Теперь лучшим офицером считался тот, кто лучше служит. Прежде за поступок в нетрезвом виде судили нестрого, снисходительно, ссылаясь на "невменяемость" виновного, теперь, уже самый факт доведения себя до невменяемости составлял сам по себе проступок.

Надо сознаться, что в общем офицеры злоупотреблявшие вином до высших чинов не доходили. Они или кончали свою карьеру скандалом, или разорялись, или, попросту, их принуждали выходить из части до возможного скандала. Во всех полках гвардии загулы стали постепенно вымирать, как явление отжившие свой век. В аттестациях офицеров начальник обязан был отметить, злоупотребляет ли аттестуемый вином или нет, этот вопрос считался очень важным.

(Продолжение следует)

Памяти Августейшего Генерал-Инспектора Аритлерии Велекого Князя Сергея Михаиловича

(1869 — 1918)

Полковник А. Горбачь

Каждый русский строевой артиллерийский офицер помнит и ценит этого исключительно выдающегося знатока артиллерийского дела, основоположника и создателя русской скорострельной артиллерии и вообще энергичного деятела в развитии русской артиллерии в эпоху конца прошлого и начала настоящего столетий. Блестящей подготовкой нашей артиллерии в Первую мировую войну мы всецело обязаны Великому Князю Сергею Михайловичу, генерал-инспектору артиллерии, который в неутомимой энергичной работе сочетал в себе талант, знание и любовь к порученному ему делу.

Отличная боевая подготовка нашей артиллерии была оценена не только нашими войсками, но и высокоавторитетными представителями наших врагов, ибо с началом военных действий в войну 1914-17 гг. русская артиллерия показала себя, как в искусстве стрельбы, так и в тактикеском ее применении, выше не только германской, и австрийской артиллерии, но и французской, родоначальницы скоростельной пушки.

Вот что пишет участник Гумбиненского боя Курт Гесс: "Когда русские передовые части были отброшены, в 35 пехотной дивизии считали, что победа уже одержана, но тут дивизия наткнулась на невидимую огневую стену, пройти которую было немыслимо. Огонь русской артиллерии был ужасен. Здесь особенно удачно применяли русские фланкирующий огонь своих батарей".

А вот выписка из дневника штаба 2 Ландверной бригады о бое под Каушеном 6-19 августа 1914 г. "Точность попадания артиллерии была изумительна, повидимому противник изучил местность до боя. Неприятель обстреливал каждую удобную для него цель. Штаб бригады три раза был обстрелян шрапнельным огнем" ("Русский Инвалид" 1939 г. от 20 июля, № 136-137).

Родоначальником скорострельной артиллерии был французский генерал Ланглуа, когда во Франции была введены в армии 75 мм. полевые пушки.

Закипела работа и у нас и в конце девяностых годов на Путиловском заводе был разработан первый тип нашего 3-дюймового скорострельного орудия образца 1900 года. На его испытаниях на главном артиллерийском полигоне всегда неизменно присутствовал Великий Князь и, надевая на себя солдатский фартук, разбирал и собирал систему, пока ее не усвоил. Позже появился более совершенный образец 1902 года того же полевого 3-дюймового орудия и 3-дюймовая горная пушка. Заботе Великого Князя

мы обязаны также введением в полевые мортирные дивизионы 48-линейных гаубиц и созданием полевой тяжелой артиллерии в виде 6-дюймовых гаубиц и 42-линейных дальнобойных пушек.

Великий Князь, зорко следивший за развитием артиллерийского дела, организовал под председательством ген. Дельвига комиссию из выдающихся командиров нашей артиллерии, полковников Гобята, Пащенко, Беляева и Ханжина и командировал их во Францию для практического изучения скорострельной артиллерии. Ценная работа этой комиссии много способствовала усовершенствованию конструкции нового орудия и практическим приемам его обслуживания.

Первое боевое крещение наша скорострельная пушка получила в Русско-Японскую войну. В боях, на полях Маньчжурии, выковывалась новая тактика артиллерии, автоматическими проводниками которой были выдающиеся боевые генералы (тогда полковники) Слюсаренко, Пащенко, Гобята и Али-Ага Шихлинский.

На Путиловском заводе и, особенно, на главном артиллерийском полигоне, где делались испытания в поле и составлялись новые руководства по стрельбе, Великий Князь всегда присутствовал и принимал деятельное участие в этой большой работе опытных специалистов.

Новая материальная часть и ее боевое применение вызвало в свое время большой интерес в армии. Военные авторитеты усиленно полемизировали по вопросу основных принципов тактики артиллерии и в числе их был и Великий Князь Сергей Михайлович, подписывавший свои статьи в "Русском Инвалиде" — С. М. Мысли его были всегда выражены в ясной и сжатой форме. Вопросы "укрытия", "ураганного огня" и "не прямой наводки" сильно волновали умы. Новая артиллерийская тактика встретила сильный отпор, в особенности, не артиллеристов. Ее считали опасным увлечением, грозящим подрывом принципов воинской добродетели. Особенно жестоко критиковали "укрытое расположение батарей" и "щиты". Великий Князь горячо отстаивал свои взгляды, собирал у себя цвет офицерства и организовывал военные игры, где на конкретных примерах изучались вопросы артиллерийской тактики ("Русск. Инвалид", 1939 г. № 136-137).

В области боевой подготовки артиллерии труды Великого Князя неоценимы. Офицерские кадры артиллерии комплектовались артиллерийскими училищами, выпускавшими образованных офицеров, подготовленных командовать и управлять огнем в боевой обстановке. Михайловская артиллерийская академия давала кадры хороших техников во всех областях артиллерийского снабжения. Офицерская артиллерийская школа давала подготовку старшим капитанам перед получением назначения их на должность командира батареи, краеугольного камня артиллерии. Обладая незаурядной памятью и зная многих офицеров в лицо, Великий Князь умело подбирал командный состав.

Всем артиллеристам памятны ежегодные объезды Великого Князя артиллерийских полигонов, где на практических стрельбах он давал свои ценные указания. При всей казавшейся чрезмерной требовательности, сторгости и суровости Великого Князя, приводивших в немалое волнение командный состав, на манер державшего важный экзамен и испытание, чувствовалась в нем любовь к родному для него артиллерийскому делу и доброта к своим подчиненным. Ниже приводятся три случая, достаточно красочно говорящие об этом.

При посещении Великим Князем в 1910 году Владикавказского полигона им был вызван для смотровой стрельбы 2-й дивизион 21-й артиллерийской бригады. После хорошо проведенной стрельбы батареи дивизиона были пропущены церемониальным маршем перед Великим Князем, стоявшим на полигонном валу. Когда проходила 6-я батарея, Великий Князь, неожиданно для всех присутствующих, пришел в сильный гнев и обратился к сделавшему заезд и ему отсалютовавшему командиру батареи полковнику Петренко:

—В каком виде вы представляете батарею на смотру?

Видя недоумение командира батареи, Великий Князь указал, что на передке первого орудия нет одного номера.

Полковник Петренко, отсалютовав, доложил, что вверенная ему батарея проходит в полном составе и на передке первого орудия все места заняты, ибо пустующее место принадлежит бомбардиру-наводчику Агафону Никитину, геройски погибшему во славу русской артиллерии при взятии крепости Геок-Тепе в 1881 году и по Высочайшему повелению на вечные времена зачисленному в списки 6-й батареи 21-й артиллерийской бригады.

Этот доклад достойно был оценен Великим Князем и он, спустившись с вала, пожал руку командиру батареи, а батарею горячо поблагодарил за отличную стрельбу.

Следующее свое посещение Владикавказского полигона в 1912 году Великий Князь приурочил ко дню Св. Ольги 11 июля, дню праздника 21-ой артиллерийской бригады, шефом которой была усопшая еще в 1891 году его матушка, Великая Княгиня Ольга Федоровна. Естественно, в бригаде все всполошились, чтобы достойно отметить такое радостное событие.

Намечены были молебен в лагерной церкви, а затем парад и завтрак. На торжества были приглашен не только комадный состав артиллерийского лагерного сбора, но и всех частей владикавказского гарнизона; были приглашены и видные представители города. Не имея по штату своего священника, но желая придать более торжественности богослужению, пригласили совершить таковое известного местного златоуста, пастоятеля кафедрального собора, отца Капитона Александрова.

Перед началом молебна о. Капитон сказал слово, приведшее присутствующих в недоумение, а Великого Князя в справедливый гнев. Приблизительно, он сказал следующее:

— Осиротелая двадцать первая артиллерийская бригада! Был у вас шеф и теперь его не стало. Жить

без шефа часть не может, — и, обращаясь к Великому Князю, добавил:

— Кому же как не вам, ваше императорское высочество, быть теперь шефом этой одной из славных кавказских частей, бригады? Помолимся об этом мы теперь Господу Богу...

Взволнованный Великий Князь вышел из церкви и, не приняв парада, уехал. Следовавшему за ним командиру бригады он мягко и сочувственно сказал, что такие речи произносить нельзя, а всем, кто этого не понимает, нужно объяснить, что быть назначенным шефом воинской части большая честь и делается не по желанию того кто становится шефом, а по Высочайшей воле...

Излишне говорить, что парад и обед прошли в подавленном у всех настроении, подобно тому, когда в доме находится покойник.

В этот же злополучный приезд Великого Князя в 1912 году на смотровую стрельбу была вызвана 2-я батарея 3-го Кавказского мортирного дивизиона. Батарея выехала на позицию перед полигонным валом, на котором находился Великий Князь и весь высший командный состав лагерного сбора.

Стрельба прошла более чем хорошо, но вдруг внимание Великого Князя остановилось на одном из орудий батареи, у которого среди орудийной прислуги энергично и весело подносил снаряды мальчик-подросток, одетый в матроску. На вопрос Великого Князя, кто это, ему доложили, что мальчик — сын командира батареи, который не пропускает ни одной стрельбы батареи и очень увлекается артиллерийской службой. Великий Князь резко заметил, что он прибыл сюда, чтобы произвести смотр батареи, а не присутствовать на игре в солдатики.

После этого замечания Великого Князя мальчик куда-то исчез. Но, когда батарея, взявшись в передки, проходила мимо Великого Князя, мальчик оказался сидящим на передке одного из орудий и по команде "равнение направо", с гордостью и радостью смотрел на Великого Князя разгоревшимися детскими глазами. Великий Князь на этот раз уже не рассердился, а горячо благодарил батарею за отличную стрельбу.

Великий Князь Сергей Михайлович был пятым сыном Генерал-Фельдцейхмейстера Великого Князя Михаила Николаевича и Великой Княгини Ольги Федоровны. По окончании строевого образования в Михайловском артиллерийском училище он служил во 2-й Е. И. В. Генерал-Фельдцейхмейстера батарее Лейб-Гвардии Конно-артиллерийской бригады, сначала в должности обер-офицера, затем командира той же батареи и, наконец, командира бригады, до назначения в 1905 году на вновь учрежденную должность генерал-инспектора артиллерии.

Вот что пишет о нем в своих воспоминаниях его брат, Великий Князь Александр Михайлович.

"Великий Князь Сергей Михайлович (он был на три года моложе меня) радовал сердце моего отца тем, что вышел в артиллерию и в точности изучил артиллерийскую науку. В качестве генерал-инспектора артиллерии он сделал все, что было в его силах для того, чтобы в предвидении и неизбежности войны с Германией воздействовать на тяжелое на подъем русское правительство в вопросе перевооружения нашей артиллерии. Его советов никто не слушал, но впоследствии на него указывали в оппозиционных кругах Государственной думы, как на человека ответственного за нашу неподготовленность".

Великий Князь Сергей Михайлович погиб в ночь с 4 на 5 июля ст. ст. в Алапаевске почти одновременно, когда в Екатеринбурге были убиты Государь Император и его Семья. Тело Великого Князя было брошено в шахту в лесу вблизи Алапаевска (1). Принял смерть Великий Князь мужественно, но по дороге к шахте оказал сопротивление палачам и был убит ими выстрелом в голову.

При захвате этого района армией адмирала Колчака, тело Великого Князя Сергея Михайловича извлекли из шахты и перевезли для погребения в Пекин, где он покоится и поныне. Эти сведения даны генералом Глухаревым, бывшим помощником адмирала Колчака по гражданской части и были помещены в "Артиллерийском журнале" за 1930 год.

Не только офицеры артиллеристы, но и все русские люди должны чтить память Великого Князя Сергея Михайловича, творца и учителя нашей славной артиллерии, столь блестяще показавшей себя на полях сражений в Первую мировую войну.

---

(1) Одновременно с ним погибли Великая Княгиня Елисавета Федоровна, Князья Иоанн, Константин, Игорь Константиновичи и Князь Владимир Палей. — Прим. Ред.

В Добровольческой армии

П. Н. Шатилов

(Из воспоминаний)

Я прибыл в Екатеринодар из Тифлиса в середине декабря 1918 года и был зачислен в резерв Добровольческой армии. В результате свидания генерала Деникина с Донским атаманом генералом Красновым появился приказ об едином командовании и 26 декабря этот приказ был объявлен. Вот его содержание: "По соглашению с атаманами Войска Донского и Кубанского сего числа я вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России. Генерал-лейтенант Деникин".

Этот приказ вызвал неизбежность выделить Добровольческую армию из непосредственного ведения генерала Деникина. Он сохранил свой штаб в качестве штаба вооруженных сил на Юге России, а во

главе Добровольческой армии поставил генерала Врангеля. Как бы в оправдание этого назначения, генерал Деникин пишет в своем труде "Очерки русской смуты", что "в последних славных боях на Уруне, Кубани, под Ставрополем он (ген. Врангель) проявил большую энергию, порыв и искусство маневра". Армия ген. Врангеля получила название "Кавказской добровольческой" ввиду того, что добровольческие части, действующие на Дону, разворачивались также в армию, которой и дано было название "Добровольческой".

В Екатеринодаре я пробыл всего несколько дней. В последних числах декабря я получил телеграмму генерала Врангеля с просьбой прибыть в его распоряжение. Такую же просьбу от Врангеля получил и штаб главнокомандующего. Генерал Романовский дал свое согласие и я, быстро собравшись, отправился через Ставрополь к штабу ген. Врангеля.

Командирование в распоряжение моего боевого товарища и старого друга меня очень обрадовало. Выехал я из Екатеринодара 30 декабря и 31 прибыл в Ставрополь. Там я узнал, что штаб Врангеля находится в с. Петровском. Добраться туда скоро было не легко, несмотря на то, что это селение было связано со Ставрополем железной дорогой. Только на следующий день был составлен поезд, который должен был следовать на Петровское. Ехали мы бесконечно долго, останавливались часами на каждой станции и, наконец, добрались до цели нашего путешествия. По приезде я немедленно отправился в штаб генерала Врангеля (1).

Я его застал дающим своему молодому начальнику штаба полковнику Соколовскому какие-то распоряжения. Увидел я его после многих лет, в течение которых мы, находясь в разных участках нашего громадного фронта, совсем не встречались. Только один раз я надеялся встретиться с Петром Николаевичем, когда получил предложение в 1915 году от генерала Крымова принять один из полков его дивизии, в которой Врангель уже командовал Нерчинским полком. Однако, это мое назначение не состоялось, так как до меня еще не дошла очередь.

Увидев моего друга, я даже не успел его как следует разглядеть. Прекратив свой разговор с Соколовским, Врангель быстро подошел ко мне. Мы расцеловались и он мне сказал, что я прибыл более чем своевременно. Тут же немедленно он стал знакомить меня с общей обстановкой на фронте, с данной ему задачей и о распоряжениях, которые он давал своим частям. Я погрузился в карту и стал по ней следить за его словами. Затем он мне сказал, что поручает мне командование средним боевым участком его армейской группы, с назначением меня одновременно и начальником 1-й Конной дивизии, которой он недавно командовал сам. Он мне сказал, что завтра же он намерен перейти в наступление, почему предложил мне поскорее добраться к моему штабу. После этого Врангель опять подошел к подполковнику Соколовскому и стал проверять заготовленную директиву. Тут же она была подписана и стала размножаться для отправки по назначению. Здесь же мне был вручен этот боевой приказ.

Должен признаться, что у меня от всего перечувствованного в эти минуты положительно закружилась голова. Встреча с близким другом, ставшим тогда уже героем по ряду удачных боев на Северном Кавказе, поручение совершенно неожиданное, данное мне по прибытии моем в Петровское, ответственной роли боевого начальника, спешное мое отправление к месту моего командования, — все это вызвало во мне ряд сильных и разнообразных переживаний.

Правда, в глубине души я таил надежду, что меня назначат командовать дивизией, но фактически я получил в командование конный корпус, впредь до прибытия на фронт генерала Покровского, находившегося в Екатеринодаре.

Кроме того, мне было как-то странно не обмолвиться с моим другом — теперь моим командующим армией — хотя бы одним словом о всем том прошлом, которое нас разъединило физически на многие годы, столь насыщенные событиями. Видя мой озабоченный вид, Врангель подошел ко мне и спросил меня, что меня смущает.

— Поверь, — сказал он мне, — ты легко справишься с этим поручением. Обе твои дивизии имеют прекрасные части, а среди подчиненных ты встретишь храбрейших и умелых начальников.

Я ему ответил, что эта сторона меня нисколько не волнует, но я опасаюсь, что сам не оправдаю вполне оказываемое им мне доверие.

— Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь, — заявил мне мой друг, — твоя работа на Кавказе и твоя деятельность во время революции мне хорошо известны от тех лиц, кто непосредственно их видел. Одной нашей дружбы было бы для меня недостаточно, чтобы вызвать тебя к себе и поручить тебе ответственную роль. Смотри только, держи со мною связь всеми способами. Эта часть у нас сильно хромает.

Посмотрев на часы, он сказал мне, что мы заболтались и что мне нужно торопиться, чтобы к утру поспеть к своему штабу. Распрощавшись со своим другом и погрузив свое седло и чемодан на поданную мне подводу, я отправился в путь.

В этой нашей встрече полностью сказались внутренние качества Петра Николаевича, Петруши, как я его звал и как его звали родные. Для него прежде всего была его служба и ответственность перед ней. Так же как и мне, ему, конечно, хотелось многим со мной поделиться. Отношения у нас были исключительно близкие; не виделись мы давно — из рядовых офицеров стали ответственными начальниками. Было о чем поговорить, чем поделиться, но его мысли были поглощены завтрашним наступлением. Все остальное проходило мимо него. Когда же он не был связан временем, когда мысли его могли быть отвлечены, то он, скорее, был очень разговорчивым и всегда стремился узнать мнение своего собеседника в затронутом разговором вопросе. У него была даже манера вызывать у собеседника высказать его мнение вопросом — "что?", как будто бы он не расслышал того,

(1) Моя встреча с П. Н. Врангелем в Петровском и дальнейшие события записаны мною в 1919 г. — **П. Ш.**

что ему говорилось. Чужое мнение он уважал, с ним считался и был очень далек от упрямого отстаивания своих решений.

До моего штаба, который находился в с. Грушевское, было около 60 верст. Дороги были плохие и лошади с трудом плелись мелкой рысью. К моему счастью подполк. Соколовский назначил в мое распоряжение казака, который мне очень помог в пути. Прибывая в селения, через которые мы проезжали, нам с трудом удавалось находить смену лошадям, особенно ночью. Однако, благодаря расторопности казака мы все же утром добрались до Грушевского. Там я нашел моего временного предшественника, генерала Крыжановского, который ничего еще не знал о данной корпусу, задаче.

Части корпуса, без одной бригады 1-й Конной дивизии, находившейся в распоряжении ген. Улагая, действовавшего на Святокрестовском направлении, находились в районе Грушевское - Калиновка. Общая обстановка, как мне была объяснена ген. Врангелем, складывалась следующим образом.

Генералу Врангелю, как командующему армейской группой были подчинены: 1-й армейский корпус ген. Казановича, 1-й Конный корпус ген. Покровского, которым временно должен был командовать я, и отряд ген. Станкевича. Генералу Врангелю ставилась задача удерживать фронт от Маныча до Петровского, овладеть базой красных, Святым Крестом, и выйти в тыл группе советских войск, действовавших в районе Минеральных Вод. Во исполнение этой директивы ген. Врангель направил на Святой Крест дивизию Улагая, усилив ее бригадой 1-го Конного корпуса, моему же корпусу им было приказано овладеть Новосельцами и Александровским.

Еще в пути я изучил данную мне директиву и заготовил свой боевой приказ для наступления. Оставалось только его размножить и разослать по назначению в части. Наступать надо было немедленно, тем более, что Улагай, связанный с Врангелем телефоном, конечно, уже с утра начал свое движение на Святой Крест. Наше промедление могло бы поставить его в невыгодное положение. После удачных для нашего корпуса боев у Новосельцы и Александровское, согласно данной мне директиве, я направил бригаду 1-й Конной дивизии на Преображенское, куда отходили красные после их разгрома Улагаем под Святым Крестом. Там соединилась вся 1-я Конная дивизия, в командование которой я предназначался по прибытии генерала Покровского. Во главе с ген. Топорковым дивизия эта окончательно разгромила красные части, отходящие от Святого Креста.

В это время правофланговые части нашей армии вели бои под Минеральными Водами. В период этих боев большое значение приобрел город Георгиевск. Через него шли главнейшие пути отхода Минераловодской группы красных. При его захвате, до отхода их на восток, эта группа совершенно выводилась из строя. Только небольшие части, без обозов, могли расчитывать уйти через станицу Зольскую на Владикавказ. Учитывая это, ген. Врангель приказал мне напречь все силы, чтобы возможно скорее овладеть Георгиевском. Для выполнения этой задачи я направил 1-ю Конную дивизию долиной Кумы для удара по Георгиевску со стороны станицы Урухской, в обход его с востока. Бригаду 1-й Кубанской дивизии я направил на Обильное и с другой бригадой, назначенной в резерв, я пошел на Новозаведенное, чтобы иметь возможность усилить своевременно ген. Топоркова. Свой главный удар я направлял моим левым флангом. Начал я движение 5 января. Красные вначале не оказывали серьезного сопротивления и к вечеру мы овладели районом Отказное - Обильное - Урухская. Но если противник сопротивлялся слабо, то нам приходилось в этот день сделать громадные переходы.

Во время этого перехода я стал припоминать обстановку моей встречи с Врангелем. Меня удивило его обращение с младшими офицерами своего штаба. Он им задавал при мне вопросы существенного значения и, казалось, с интересом ждал их заключений. Его удивительная мягкость в отношениях с подчиненными была явно естественной. Я же ожидал встретить другое. Мне казалось, что всегда свойственная ему еще в молодости откровенность во взглядах и чрезвычайно образные выражения мыслей должны были бы вылиться теперь, при общей несдержанности, в известную резкость. Я скорее ожидал встретить трудного начальника, чем обаятельного и до крайности простого человека, каким я его нашел. С другой стороны, знакомясь с его директивой и последующими распоряжениями, я поражался их необыкновенной ясности и последовательности. В них ничего не было лишнего, но и ничего не было забыто. Первого моего с ним свидания было для меня достаточно, чтобы оценить его вполне.

6 января обе мои колонны повели наступление, продолжая движение согласно данным им указаниям. В то же время и со стороны красных появились значительные силы. Они повели против нас контрнаступление широким фронтом со стороны железной дороги и со стороны Александрийской. Несколько позже обозначилось наступление их от Зельской на Урухскую. 1-я Конная дивизия опрокинула эту группу и продолжала теснить красных к Георгиевску, отрезывая им путь отступления на восток.

Между тем, бригада Кубанской дивизии, направленная на Александровскую стала отходить под сильным напором красных. Генерал Крыжановский мне доносил, что скоро будет вынужден отойти на Обильное. Это меня вынудило, скрепя сердце, использовать бригаду резерва во главе с полковником Гетмановым, которую я предназначал в решительную минуту для усиления ген. Топоркова. С бригадой Гетманова я вышел сам и убедился, что, действительно, силы красных чрезвычайно велики.

Полк. Гетманова я направил в обход красных с севера. На моих глазах Гетманов развернул бригаду и лихо атаковал большевиков, отбросил их за Куму. При этом он захватил много пленных и несколько орудий. Я вернул затем эту бригаду к Обильному, а ген. Крыжановскому приказал перейти в наступление и занять Подгорную, что к вечеру и было выполнено.

Между тем, от ген. Топоркова не поступало никаких донесений. Однако, сильный артиллерийский огонь слышался почти целый день к югу от Урухской. Лишь к вечеру я получил донесение от посланного мною офицера, что дивизия, потеряв почти всю артиллерию, быстро отходит назад. Не зная еще тогда ген. Топоркова, я пришел в негодование. Я был удивлен, что он не потрудился до самого вечера прислать мне донесения, что не дало мне возможности использовать мою резервную бригаду. Для выяснения я попросил к себе в Обильное ген. Топоркова, который мне доложил, что он весь день вел упорные бои с противником, но к вечеру, не расчитав утомления людей, зарвался вперед и в конце концов оказался почти окруженным со всех сторон. Конная атака подошедшей против него дивизии красных Кочубеева вынудила его к отходу, причем он потерял несколько пушек. Но тут же ген. Топорков доложил мне, что дивизия его в полном порядке и что на следующий день он готов выполнить всякое данное ему поручение. Перед отъездом он просил дать ему на следующий день отдых, так как уже много дней дивизия была в боях и делала громадные переходы. Обещать я ему этого не мог, но на деле этот отдых оказался фактически осуществившимся.

На следующий день, 7 января, большевики, решившись пробиваться на восток, направили все свои силы на бригаду ген. Крыжановского, в помощь которому я опять был вынужден послать бригаду Гетманова. Он повторил вчерашний маневр, но уже не с тем успехом, так как силы красных все прибывали. Было ясно, что они решили во что бы то ни стало прорваться на Обильное. К полудню Подгорная перешла в руки противника, однако, дальше он продвинуться не мог. К этому времени я получил донесение, что передовые части Казановича, наступавшего правее меня, обнаружены к северу от Александрийской. Это дало мне возможность расчитывать, что Крыжановский справится с нажимом красных на Обильное и что с остальными частями корпуса я могу обрушиться на Георгиевск с востока. Но дни были коротки, стало темнеть и я не мог уже успеть сделать перегруппировку и начать наступление. Пришлось отложить атаку на 8 января.

В этот день рядом конных атак 1-я Конная дивизия ген. Топоркова опрокинула большевиков от Урухской на ст. Георгиевскую, перехватив железную дорогу на Прохладную. В этот же вечер бригада ген. Крыжанского овладела Подгорной, а в Александрийскую вступили части ген. Казановича. К полудню все мои части были уже пущены в бой, причем бригада Гетманова была мною послана на усиление Топоркова. Георгиевск был нами захвачен после боя у самого города. Число пленных и количество захваченной материальной части было очень велико, а 1-я Конная дивизия получила обратно свои пушки. В результате Минераловодская группа красных была нами перехвачена и взята в плен; только небольшим ее частям удалось уйти на Моздок и Владикавказ.

***

В Георгиевск прибыл генерал Покровский, которому я сдал командование 1 Конным корпусом, находившимся под моим начальством до его возвращения на фронт. Население города встретило нас как избавителей. Ликование его было вполне искренним. Меня наперерыв приглашали присутствовать на разных собраниях, но я от них отказывался, объясняя это тем, что скоро прибудет генерал Врангель.

Приняв меры к восстановлению временной власти в городе и посетив некоторые его части, я впервые столкнулся с тем страшным несчастьем, которое обрушилось сначала на красных, а затем и на нас. Это была эпидемия сыпного тифа. На вокзале я увидал буквально тысячи людей в солдатских шинелях, лежавших на полу и не проявлявших никакого внимания на окружавшую обстановку. Многие были без сознания, среди них было около трети мертвецов. Захваченным пленным было приказано убрать трупы и похоронить их в братских могилах. Разместить же больных по госпиталям не было никакой возможности — все они были переполнены больными. Все же коекак была налажена относительная санитарная помощь.

С прибытием ген. Покровского я вступил в командование 1-й Конной дивизией. В нее входили 1-й Екатеринодарский, 1-й Линейный, 1-й Запорожский и 1-й Уманский полки и Конно-артиллерийский дивизион. Командующий дивизией ген. Топорков получил Терскую дивизию, которая была отправлена на Донской фронт после ее формирования. Я оказался без лошади, так как до тех пор я пользовался одной из лошадей ген. Топоркова. В штабе дивизии мне дали лошадь одного из заболевших казаков. На следующий день, после выступления на восток, я пропустил дивизию мимо себя, знакомясь впервые с ее доблестными частями.

Подъезжая к Запорожскому полку, я был встречен его временным командиром в погонах есаула. Я его узнал не сразу, но после его доклада я опознал в нем того самого Павличенко, который был в свое время казаком-ординарцем из конвоя Наместника у моего отца в Тифлисе. Его военная карьера примечательна. Мы с ним расцеловались и он мне рассказал свою историю. Оказывается, после замещения моего отца генералом Мышлаевским Павличенко оставался ординарцем и при нем, а позже был отправлен урядником из конвоя Наместника на Кавказский фронт в Запорожский полк, где за боевые отличия был произведен в офицеры. Войну он кончил сотником и вместе с полком вернулся на Кубань. Когда Кубань была охвачена большевизмом, то перед вторым походом добровольцев на Кубань, он был привлечен большевиками к командованию полком, составленном из казаков. К нему был приставлен комиссар и он поневоле стал заниматься с казаками, расчитывая какнибудь передаться добровольцам. Как только начались боевые действия и он получил от своих разъездов донесение о соприкосновении с разъездами генерала Эрдели, Павличенко построил полк в резервную колонну и обратился к казакам с кратким заявлением, что до сих пор они были красноармейцами, а теперь он их поздравляет казаками. Грянуло ура и было приступлено к аресту комиссаров. На следующий день полк вошел в конницу ген. Эрдели. Павличенко

за это был произведен в есаулы и назначен командиром сотни, но скоро за боевые отличия был представлен к производству в штаб-офицеры и за выбытием из строя ранеными старших офицеров, уже при встрече со мной, временно командовал Запорожским полком.

*

Между тем, моя дивизия спешно продвигалась вдоль Терека. В одной из рекогносцировок, в первый же день нашего движения, когда я выехал вперед на линию наших головных частей, моя лошадь была убита и я вновь оказался спешенным. На помощь мне пришел Павличенко, который уступил мне своего коня. Но на следующий день при нашем столкновении впереди Моздока, когда я стоял на батарее, артиллерийским снарядом была сильно ранена и эта лошадь. Пришлось опять искать себе коня...

Действия нашего корпуса имели целью завершить разгром большевистских армий Северного Кавказа и их преследовать по единственно оставшемуся им пути на Кизляр и к Каспийскому морю, перехватывая в то же время все оставшиеся в долине Терека красные части. Правее нас действовали части Казановича и Эрдели. Моя дивизия наступала сначала прямо на Моздок, а затем двигалась долиной Терека. 1-я Кубанская дивизия Крыжановского двигалась левее меня. Поначалу красные не оказывали серьезного сопротивления, но у Моздока мне пришлось выдержать упорный бой. Комбинируя конные атаки с действием спешенных частей и используя меткость нашего артиллерийского огня, моя дивизия при содействии 1-й Кубанской дивизии овладела 15 января Моздоком, захватив несколько батарей и тысячи пленных.

От Моздока, в котором я не останавливался вовсе, мы продолжали наше преследование, мало заботясь уже о подсчете пленных и трофеев, которые были неисчислимы. Орудия красные бросали целыми батареями. Железнодорожные составы, переполненные всяким ценным имуществом, поневоле оставлялись на разграбление местным населением за полным отсутствием возможности привлечь к охране его и без того наши тощие части. К тому же, надо было безостановочно преследовать красных, чтобы не дать им возможности добраться до Каспийского моря. Помнится, в бою под Калиновкой моя дивизия захватила восемь броневых поездов, а по пути нашего следования мы насчитали до полутораста брошенных орудий, сотни пулеметов и бесконечное число походных кухонь. Число пленных достигало 20-30 тысяч. После станицы Мекенской наша дивизия двигалась уже без сопротивления со стороны красных. По пути поднимались терские казаки, собирались сходы, выбирались атаманы станиц, которые предлагали немедленно же выставить казаков на усиление моей дивизии. Я им заявлял, что необходимо выждать распоряжение войскового штаба из Владикавказа, к которому к тому времени подходили части генерала Шкуро. Красная армия Северного Кавказа в составе до 150-200 тысяч бойцов, за исключением ее частей оставшихся еще в долине реки Сунжи и в Чечне, прекратила свое существование, но новый враг стал опустошать наши ряды.

При вступлении в районы, занимавшиеся тылами красной армии, мы получили от них сыпнотифозную эпидемию. Она начала косить наши ряды настолько, что наши конные полки, обыкновенно страдавшие недостатком конского состава, терявшие его во время тяжелых переходов или от огня, имели теперь большое количество заводных лошадей, выбывших из строя по болезни казаков. Наряды для их сопровождения ослабляли число наших шашек.

У станицы Червленной обе дивизии нашего корпуса сблизились. Генерал Покровский послал 1-ю Кубанскую дивизию на Кизляр, а я следовал за ней. В это время прибыл к нам генерал Врангель. Приехал он на автомобиле, так как железная дорога еще не действовала. Считая совершенно достаточным для преследования большевиков к морю одной дивизии, он свернул мою дивизию к Грозному, к которому подходили части красных теснимые со стороны Владикавказа. Вместе с тем, ввиду особой задачи, возлагавшейся на мою дивизию, он подчинил ее в оперативном отношении непосредственно себе.

Взятие нами Грозного становилось крайне важным. Во-первых, были получены сведения, что на Грозный двигаются, якобы, под командою английских офицеров, какие-то дагестанские формирования и, во-вторых, туда же направились красные части, опрокинутые нами в районе Владикавказа.

Сосредоточив дивизию у станицы Червленной, я выступил на Грозный. По пути были два селения: чеченский аул и казачья станица, — оба были разрушены, не осталось камня на камне. Вообще, во всем районе между Тереком и Сунжей, где терские станицы вклинялись в чеченские аулы, они были совершенно уничтожены. В ответ на это, терские казаки уничтожали чеченские селения, окруженные станицами. Ни одного жителя в этих прежде населенных пунктах не осталось. Одни были убиты, другие бежали и укрылись у соседей. Между чеченцами и казаками, казалось, возобновилась борьба времен покорения Кавказа. Чеченцы то соединялись с большевиками, чтобы вместе с ними нападать на казаков, то действовали против красных, но избегали сотрудничества с казаками.

К вечеру я подошел к Грозному. Высланная разведка донесла о значительных силах, занимающих город. Перебежчики кроме того говорили, что кругом Грозного большевики установили на изоляторах провод, через который пущен ток высокого напряжения и малейшее прикосновение к проводу причиняло неминуемую смерть. На следующий день утром я повел наступление, охватывая город с двух сторон. К сожалению я не имел возможности применить здесь силу наших конных атак, так как красные не выходили в поле, из-за того же пресловутого провода с электрическим током. Однако, он не оказал красным никакого содействия. Проволока эта, разбитая в некоторых местах нашими снарядами, перестала быть препятствием и мои полки скоро ворвались в город. Часть красных отошла за Сунжу, другая же отсту-

шла на запад долиной Сунжи навстречу большевикам отходившим из Владикавказа.

Грозный был единственным промышленным центром Терской области. Будучи раньше лишь сильным опорным пунктом в нашей борьбе при покорении Чечни и Дагестана, он стал сравнительно большим городом с начала разработки вблизи него нефтяных промыслов. Уже с подходом к Грозному мы видели за ним на высотах громадное пламя и высокое облако черного дыма. Это горела часть нефтяных промыслов. По неосторожности ли, или здесь был умысел, но еще за несколько месяцев до нашего прихода начались эти пожары. Попытки большевиков потушить пожар не удалась. Огонь от горевших газов и разливающейся нефти достигал такой силы, что в Грозном ночью было совсем светло. Огонь то увеличивался, то уменьшался, но сила его всегда оставалась достаточной для яркого освещения большой площади около промыслов.

Среди населения города были представители промышленников, банкиров, чиновников старой администрации, купечества и рабочих. При большевиках население пострадало мало и зверств почти не было. В местной тюрьме мы нашли лишь небольшое число политических заключенных. Вступив в город, я назначил коменданта и просил Врангеля скорее прислать административный аппарат. Кроме коменданта, никаких других административных должностей я не создавал, было не до того, — надо было немедленно выступить долиной Сунжи на запад, чтобы встретить красных вышедших из Владикавказа.

В Грозном же я получил сообщение о болезни Врангеля. Еще при последнем с ним свидании, он мне жаловался на нездоровье, на сильную головную боль, но все же еще держался крепко. Сила воли проявлялась в нем в желании в ответственное время операций побороть болезнь. Но зимний наш бич,сыпной тиф, свалил и его. Он слег и, примерно, на месяц выбыл из строя.

Еще до занятия Грозного мой начальник штаба, капитан Петров, заболел сыпным тифом и я остался, по существу, без штаба. Наконец, ко мне в Грозный прибыл генерального штаба полковник Георгиевич, который и вступил в исполнение должности начальника штаба. Георгиевич был прекрасным помощником; не молодой уже, он был общителен, всегда в прекрасном веселом настроении и в то же время необычайно трудоспособный и храбрый офицер. Он быстро организовал штабную работу, что много облегчило мою прямую обязанность начальника дивизии. Мы с ним очень подружились и с тех пор его служба неизменно соприкасалась в том или ином виде с моей.

Не пробыв и дня в Грозном, я выступил с дивизией долиной Сунжи вдоль железной дороги. Проходя ряд станиц, мы встречали радостный прием казаков и ревностную подготовку к войсковым формированиям.

С первыми частями красных мы столкнулись у станицы Шамашинской. Опрокинув их конной атакой, мы двигались дальше и встретили сильное сопротивление у Михайловской станицы. Большевики имели сильную артиллерию и несколько бронепоездов, которые выдвигались вперед и наносили нам значительные потери. Было ясно, что все усилия красных были направлены к тому, чтобы пробиться через Грозный к Каспию. Они несколько раз переходили в наступление и я неизменно отбрасывал их конными атаками, которых они не выдерживали.

Волнистая местность позволила мне незаметно направить Уманский полк в обход станицы Михайловской с севера. Когда я расчитал, что обходная колонна Уманцев должна уже подходить к железнодорожному полотну, я повел остальные три полка в атаку и совместно с Уманцами мы совершенно разгромили большевиков, отобрав у них всю артиллерию, бронепоезда и захватив около 10 тысяч пленных. Остатки советского отряда бросились через Сунжу в Чечню, которая их приняла, вероятно, в благодарность за помощь, оказанную красными во время борьбы чеченцев с казаками. Путь во Владикавказ был открыт. Мне удалось ликвидировать и остаток владикавказской группы красных.

Вступив в командование 1-й Конной дивизией, прошедшей хотя и не долгую, но чрезвычайно интенсивную школу генерала Врангеля, я сразу понял те исключительные по результатам свойства конных атака, которым он научил свои полки. Строи применявшиеся моими полками для атаки противника были наиболее выгодными построениями для использования нашей ударной силы. Вместо развертывания в разомкнутые строи, полки для атаки пехоты принимали развернутые строи, стремя к стремени, и размыкались лишь поневоле перед самым столкновением для нанесения шашечных ударов рассыпающимся красным. Места командиров были впереди своих частей. Слабая сравнительно действительность артиллерийского и пулеметного огня красных способствовала возможности вести конные атаки развернутыми строями. Принятие же этих строев сохраняло части в руках своих начальников, что позволяло им немедленно после одной атаки итти против другого противника. При этом моральное впечатление от сомкнутой атаки было во много раз сильнее развернутого наступления на противника. Не легко генералу Врангелю было приучить свои полки к этим строям для конных атак, так как казаки любили пользоваться своими лавами, выливающимися нормально в одношереножные сильно разомкнутые строи. Школа генерала Врангеля передалась и в другие дивизии, которые почти все разновременно оказались в его подчинении. Переняли его тактику и большевики и по мере восприятия ими этих боевых порядков нам становилось труднее их одолевать.

После ликвидации у Михайловской красных частей, вышедших из Владикавказа, я расположил свою дивизию в двух группах, перекинувших свои передовые части на южный берег Сунжи. Одна часть в составе бригады была сосредоточена у Михайловской, а другая у Грозного. Промежуток занимался формировавшимися частями терцев. Передо мною возникла новая задача. Я должен был закончить очищение от остатков большевиков плоскостной Чечни и привести ее к повиновению. Для выполнения этой

задачи я был подчинен генералу Ляхову, недавно назначенному командующим войсками Терско-Дагестанского края. Скоро была сформирована в моем районе Терская пластунская бригада, которая была подчинена мне. Были переданы также в мое распоряжение еще несколько полков терцев. Я опять стал командовать корпусом.

Генерал Ляхов, однако, действуя по указаниям штаба главнокомандующего, все медлил началом моего наступления. В начале февраля от неизвестного мне Горского правительства явился его представитель и предложил передать ему в управление Грозненский район, вместе с самим Грозным. Я направил его к только что прибывшему, по назначению генерала Деникина, градоначальнику Грозного полковнику Миклашевскому, который ему ответил, что Горское правительство не признается нами и что власть в городе и его районе принадлежит ему, представителю Вооруженных сил на Юге России. Тогда Горское правительство для ведения переговоров назначило своего представителя к генералу Ляхову. Между ними начались переговоры, но ни к каким результатам они не привели. Не имея своих формирований в Дагестане, центре горских самостийников, возглавители их стремились найти опору в большевиках, засевших в Чечне, и при содействии их организовать защиту и борьбу. Но и мы уже в это время усиливали себя новыми формированиями терских казаков. В мое распоряжение были переданы только что сформированные две Терские пластунские бригады под командованием генералов Хазона и Драценко.

Во время перерыва в военных действиях жизнь в Грозном и в казачьих станицах стала постепенно налаживаться. Лично мне мало пришлось принимать участие в административной деятельности, так как градоначальник Грозного был подчинен Ляхову, а терские земли перешли в административное управление Терского правительства. Но по некоторым вопросам, касающимся общего положения, мне пришлось председательствовать в некоторых комиссиях. Так, под моим председательством решался вопрос о восстановлении нефтяной промышленности на грозненских промыслах. Вопрос имел для нас особо важное значение, так как Владикавказская железная дорога была приспособлена для нефтяной тяги. Нефть перестала поступать как из Баку, так и из Грозного. Поэтому приходилось пользоваться паровозами с угольной тягой. Но и поступление угля становилось не обеспеченным, ввиду того, что наши части вели бои в донецком бассейне, причем Донская армия, находившаяся правее нашей армии, в это время отходила на юг, что ставило под угрозу каменноугольный район. Надо было во что бы то ни стало восстановить грозненские промыслы. Для этого, в первую очередь, надо было потушить на них пожары. В комиссии обсуждался вопрос тушения и было решено прибегнуть к сверлению скважины вне досягаемости огня и жары пожара. Эта скважина должна было достигнуть основной скважины, выбрасывающей нефть и газы, загорающиеся на поверхности. Затем, надо было приступить к закупорке основной скважины, что являлось самой трудной задачей. По закупорке скважины и тушению на поверхности пожара нефть должна была временно выбрасываться через новый для нее ход. Затем должно было быть приступлено к открытию старой скважины, чем и заканчивалась операция. Все это было выполнено только через два-три месяца, когда я уже находился на Царицинском фронте.

В начале марта я, наконец, получил указание Ляхова перейти в наступление для приведения к покорности плоскостной Чечни. Я считал необходимым направить наш главный удар па аул Гойты, военный центр Чечни. Операция эта была выполнена следующим образом. Для атаки Алхат-Юрта я сосредоточил почти всю свою артиллерию, две пластунских бригады и четыре конных полка против аула Кулары на северном берегу Сунжи. У Михайловского и впереди Грозного я оставилэ лишь незначительные части для прикрытия наших флангов.

15 марта я выехал в расположение главных сил корпуса к станице Ермоловской. Обойдя расположенные здесь части, я вызвал генерала Хазова, чтобы с ним вместе пройти к Сунже и с нашего возвышенного берега указать ему направление его будущей атаки. Он должен был ночью форсировать Сунжу, выдвинуться вперед и дать возможность пройти через реку нашей коннице, артиллерии и бригаде генерала Драценко. Я уже заготовил свой боевой приказ и познакомил с ним генерала Хазова. Наш берег все время обстреливался чеченцами. Чтобы не привлекать их внимания, кроме ген. Хазова, я взял с собою только полковника Георгиевича, моего начальника штаба.

Подойдя к нашему возвышенному берегу Сунжи, я стал показывать ген. Хазову на некоторые особенности местности, овладение которыми, по моему мнению, представят трудности при его ночной атаке. Чеченцы по-прежнему нас все время обстреливали, но их огонь не превышал интенсивности обычной перестрелки. Однако, и этого огня оказалось достаточно, чтобы одной из пуль я был ранен в ногу. Пуля пробила мне щиколотку и я сразу же почувствовавл сильную боль. Так как наша рекогносцировка была закончена, то мы, как говорится, "поплелись" обратно. Я упирался на плечи Хазова и Георгиевича. Скоро мы дошли до полотна железной дороги, где стоял вагон, в котором я приехал из Грозного. Мне сейчас же была сделана перевязка.

Я рассчитывал продолжать командонать корпусом, но врач осмотревший мою рану заявил, что у меня несомненно раздроблено не мало мелких костей сустава и что мне необходима операция в Екатеринодаре. Я вызвал моего заместителя, генерал Драценко, чтобы передать ему командование корпусом до моего возвращения. Он уже был ознакомлен с моим приказом и должен был в эту ночь начать наступление.

На следующий день утром я выехал в Екатеринодар. Проезжая станицу Ермоловскую, около которой я был ранен, я увидел из окна вагона на берегу Сунжи штаб Драценко и наши части на другом берегу быстро продвигающиеся на Гойты. Как по-

том я узнал, в этот день около полудня аул Гойты был взят, а через шесть-семь дней вся Чечня изъявила покорность после жестоких боев, какие вел ген. Драценко в плоскостной ее части.

Со мной ехал в Екатеринодар тяжело раненый командующий Запорожским полком, есаул Павличенко. Во время одной из конных атак он с двумя сотнями своего полка врезался в отходившую колонну чеченцев и в происшедшей схватке получил несколько пулевых и шашечных ран, причем, обе руки его были прострелены. Но он оставался верхом и продолжал командовать своими Запорожцами.

По пути в Екатеринодар наш поезд обогнал поезд генерала Врангеля. Он сам только что вынес сыпной тиф в очень острой форме и, против ожидания врачей, после двух недель беспамятства, благодаря уходу баронессы Врангель, был положительно вырван из смертельной опасности. Он был еще очень слаб и направлялся на отдых в Сочи. Он пожелал есаулу Павличенко и мне скорейшего выздоровления, чтобы успеть ко времени переброски моей дивизии из-под Грозного стать во главе наших частей.

В Екатеринодаре я попал в госпиталь, в котором работал хирург, профессор Н. П. Алексинский. Узнав о моем прибытии в госпиталь, он немедленно провел меня в рентгеновский кабинет и, осмотрев мою ногу, сказал, что не считает нужным меня оперировать, так как те осколки костей, которые находятся в области раны или сами выйдут, или со временем рассосутся. Через некоторое время я получил из Сочи письмо ген. Врангеля, в котором он приглашал меня скорее вернуться к дивизии, которую предполагалось перебросить на Великокняжеское направление.

(Продолжение следует)

Мобилизация промышленности

И. Бобарыков

(Продолжение)

Глава четвертая

АВИАЦИЯ И АВТОМОБИЛИ

В начале нынешнего века человечеству удалось осуществить свою многовековую мечту — построить такую машину, на которой не только можно было бы подняться на воздух, но и свободно, по своему усмотрению, летать.

Хотя первые самолеты были довольно примитивны, но как только выяснилось, что они, оторвавшись от земли, могут, поднявшись на высоту, держаться в воздухе несколько часов и менять направление по усмотрению пилота, верхи армий больших государств обратили на них свое внимание.

Самолеты этого времени имели следующие технические данные: мощность моторов была в 60-120 лош. сил, скорость, редко превышала 100 кл. в час, потолок был 2500-3000 метров, продолжительность полета два-три часа, полезная грузоподъемность незначительна. При таких технических данных самолеты 1910-1914 годов были пригодны только для разведки.

Высшие штабы учли возможности самолета и несмотря на то, что самолеты не имели никакого вооружения, начали формировать специальные авиационные части.

Первые опыты участия авиации в военных действиях были произведены во время Итало-Турецкой войны 1911-1912 гг., в начале которой итальянская армия имела всего 7 самолетов. Очевидно, что результаты работы самолетов во время этой войны были таковы, что почти везде в больших армиях начали формироваться авиационные отряды. Уже в 1913 г. во время Балканской войны в болгарской армии состоял русский добровольческий авиационный отряд. Летчики вели разведку, корректировали артиллерийскую стрельбу, фотографировали позиции и тылы противника и даже были попытки бомбардировать войска противника. Для таких бомбардировок итальянские летчики пользовались бомбами весом в один килограмм, а русские в Балканской войне бросали уже десятикилограммовые бомбы.

За несколько лет до Первой Мировой войны началась работа по созданию авиационного ранцевого парашюта. Г. Е. Котельников в 1911 г. выработал систему ранцевого парашюта, с помощью которого летчик подбитого или потерпевшего аварию самолета, мог выброситься из аппарата и спуститься на землю. Но фактически этот парашют в начале войны был выдан только экипажам тяжелых самолетов, типа "Илья Муромец".

Вообще перед Первой Мировой войной авиация считалась вспомогательным родом оружия и не была вооружена. Единственное оружие, которое имел в воздухе летчик, это был его револьвер. Вопрос об вооружении самолета подымался в высших штабах, но только в первые месяцы войны выяснилась насущная необходимость такого вооружения, что заставило заняться этим вопросом незамедлительно.

Число самолетов в армиях было незначительно. Россия выступила в 1914 г. в войну, имея в авиационных отрядах 224 аппарата и в школах учебных 39. Франция в строю — 156 самолетов, Германия — 232, Австро-Венгрия — 65, Англия из всей наличности в 258 самолетов отправила на материк вместе с экспедиционным корпусом 30 самолетов, японская армия имела в строю только 38 аппаратов.

Война 1914 года сразу же показала, что летательные машины представляют собой не только сво-

его рода наблюдательный пункт, но что их можно легко приспособить и для выполнения и других важных в военных действиях задач. Необходимо было вооружить их соответствующим образом, увеличить подъемную силу и скорость. Авиационные конструкторы обратили большое внимание на выполнение этих задач. В результате новые самолеты, сконструированные во время войны, с успехом могли выполнять такие задачи, которые перед войной были совершенно немыслимы. Они не только вели воздушную разведку, но вели воздушные бои с авиацией противника и успешно принимали участие в наземных боевых действиях, атакуя скопления противника и его позиции бомбами все более тяжелого веса и силы, а иногда и пулеметом. Все действия авиации к концу войны были так значительны, что штабам пришлось согласиться, что авиация — это новый вид вооруженных сил, имеющий такое же значение, как и старые роды оружия. Ее действия выявили высшему военному начальству важное для будущих войн положение: "господство в воздухе является необходимым условием успеха всякой операции".

Выяснившееся во время войны боевое значение авиации повлекло широкое формирование авиационных частей, потребовавшее большое число различного типа самолетов. Кроме того, поддержание каждой боевой единицы в исправности требовало подачи на фронт большого количества разных материалов, начиная от различных мелких частей механизмов и кончая моторами и новыми аппаратами для замены окончательно выбывших из строя самолетов. Такая потребность в авиационных материалах вызвала сильное развитие авиационной промышленности и широкое приспособление ее работы к требованиям армии.

К началу Первой Мировой войны Франция уже имела большую авиационную промышленность. Только в районе Парижа находилось 22 предприятия, выделывавших авиационные моторы, 27 строили фюзеляжи, а 7 специализировались на выделке пропеллеров. Недостатком французской авиационной промышленности было слишком большое число маленьких заводов и связанная с этим многообразность выделываемых ими типов.

Такое положение сильно затрудняло организацию снабжения армии авиационной материальной частью. Приходилось дробить заказы, а затем получать самолеты различных типов и образцов, что создавало большие трудности, как в снабжающем ведомстве, так и в частях. Выход из такого положения был найден путем утверждения известных типов самолетов, оказавшихся на практике наиболее пригодными к выполнению различных задач боевой работы, и приказа авиационной промышленности заняться выделкой только этих утвержденных, испытанных на опыте, типов.

Эта реформа позволила наладить массовое производство самолетов и необходимых запасных частей и заняться дальнейшими усовершенствованиями.

Рассматривая прогресс французской авиации, полк. Ребуль отмечает ту особенность, которая была присуща ей во Франции. В усовершенствовании самолета почти не замечается мысли инженера-конструктора. Почти все улучшения обязаны своим появлением более летчику и старшему мастеру на заводе, чем инженеру. На деле замечалась некоторая рутина; были конструкторы, которые упорно отказывались от целого ряда улучшений, значительно повышавших боевые качества самолета, несмотря на то, что немцы повышали боеспособность своих аппаратов. Так, например, упорно остов крыльев делается из дерева, тогда как немцы перешли уже к дюраллюминию; покрышка крыльев делается из ткани, в то время как, принятая немцами, металлическая делала аппарат менее чувствительным к переменам погоды. Вообще замечается отсутствие научного подхода к требованиям выдвигаемых практикой и его влияния на усовершенствование самолета и его механизмов.

Но в самой постройке самолетов и выделке их составных частей, благодаря принятым мерам расширения производства, серийности и разделения труда, французы достигли больших успехов.

Так, увеличение выпуска во время войны фюзеляжей самолетов выражается следующими цифрами:

2-е полугодие 1914 года — 540; 1915 — 4.470; 1916 — 7.500; 1917 — 14.400; 1918 — 18.700.

Трудно было организовать производство достаточного количества авиационных моторов. Тип мотра принятый до войны был мало пригоден, так как не давал ни достаточной скорости, ни большой подъемной силы. Был сконструирован новый авиационный мотор, но он оказался не таким уже хорошим, так как быстро изнашивался, требовал постоянных переборок и в целом не выдерживал более 100 часов полета. Вследствие этого в 1916 году Франция принуждена, из-за недостатка моторов собственного производства, заказать известное число их в Англии.

Работа французской промышленности по постройке авиационных моторов выражается в следующих цифрах:

2-е полугодие 1914 геда — 900; 1915 — 7.150; 1916 — 16.800; 1917 — 22.800; 1918 — 33.200.

Но изнашивание авиационной материальной части было таково, что этого количества новых фюзеляжей и моторов едва было достаточно, чтобы постоянно иметь на фронте около 2.000 самолетов в полной боевой готовности.

*

Иное положение было в России. Окончательная программа организации военной авиации была установлена, так называемой, большой программой (закон 14 июня 1914 г.), разработанный в соответствии с общим планом усиления наших вооруженных сил. Согласно этой программе военная авиация должна была состоять из 40 корпусных авиационных отрядов, предназначенных для обслуживания корпусов, 10 армейских отрядов (обслуживание армий), 9 крепостных отрядов и 8 отрядов особого назначения. Базами-мастерскими этих всех отрядов должны были быть одновременно формируемые 11 авиационных рот.

Конечно, эта программа за недостатком времени

не могла быть выполнена полностью. Поэтому авиация русской армии в момент объявления войны состояла из 30 корпусных отрядов, одного полевого и 8 крепостных отрядов. Авиационных рот успели сформировать только 6. Эта авиация, вместе с военными школами, имела в своем распоряжении всего 263 аппарата (Козлов. Инженерное снабжение русской армии в войну 1914-1917 гг. Стр. 76).

Подготовительная работа по выполнению большой программы началась до ее утверждения. В мае 1914 года Главное Военно-Техническое управление заказало русским авиационным заводам 292 самолета, самых совершенных типов того времени, а именно: Сикорский, Фарман-бис, Вуазен и Моран. Кроме того 12 самолетов было заказано заграничным заводам.

Этот заказ должен был быть сдан в различные сроки, с 15 июня по 15 сентября 1914 г., но заводы запоздали, так как объявление войны задержало доставку некоторых материалов, получавшихся из заграницы. Кроме того, часть материалов, находившихся в этот момент в Германии, была конфискована немцами.

Необходимость усиления на фронте военной авиации вызвала целый ряд новых заказов. Так, со дня объявления войны по 1 января 1915 г. было заказано еще 300 самолетов. Вопросы усиления военной авиации рассматривались на целом ряде совещаний, происходивших под председательством Великого Князя Александра Михайловича. Эти совещания были созваны 22 февраля 1915 г. в Москве, в июне в Холме, 17 сентября в Петрограде и 21-22 сентября в Смоленске. Результаты этих совещаний принудили Главное Военно-Техническое управление сделать представление в Военный Совет о заготовке 1.505 самолетов.

К началу войны в России уже имелась известной мощности авиационная промышленность. Согласно условиям кредитов все выполнение большой авиационной программы, а также выполнение заготовок дальнейшей материальной части для поддержки военной авиации на известной высоте должно было быть поручено русским заводам.

Относительная мощность этих заводов видна из того, что они 292 самолета, заказанных 22 мая 1914 года, обязались сдать в срок от двух до четырех месяцев. Заказы времени войны должны были неминуемо вызвать значительное расширение этой промышленности.

Рассматривая имеющиеся в наших руках данные, мы не может не отметить того различного отношения к военным заказам, какое мы наблюдаем в действиях двух наших ведомств: артиллерийского и инженерного. В то время как первое, не ограничиваясь формальной стороной дела, принимало все меры для расширения производства старых заводов и привлечения новых к выработке боевого снаряжения и всячески помогало им в получении необходимого сырья, инженерное ведомство такой живой работы не проявило, вследствие чего авиационная промышленность не дала тех результатов, какие она могла бы дать при других условиях. Заказы 1915 года были распределены следующим образом:

Заводы	Наряды:		
	10 и 15 янв.	27 марта	12 дек.
Лебедева (Птргр.)	50	160	200
Щетинина (Птргр.)	50	80	150
Дукс (Москва)	120		300
Анатра (Одесса)	30	55	150
Слюсаренко		27	75
Терещенко			25
Итого	250	322	900

Таким образом по этим нарядам было заказано 1.472 самолета, кроме того приобретались за границей, где только возможно, готовые аппараты за наличный расчет.

Всего же Главным Военно-Техникеским управлением с начала войны по 1 января 1916 года было заказано и приобретено в России 1.970 самолетов. Все заказы давались вышеуказанным заводам и только "Ильи Муромцы" Сикорского строились Русско-Балтийским заводом в Петрограде.

Постройка заказанных самолетов шла довольно медленно, вследствие чего по 1 декабря 1915 года было сдано Главным Военно-Техническим управлением только 851 самолет. Фактически выпуск самолетов по сравнению с мирным временем не увеличился, а уменьшился. В середине 1915 г. русские заводы сдавали в месяц только 55 аппаратов, чего при наличии в строю 263 самолетов не хватало на покрытие месячной убыли равнявшейся 37%, то есть около 100 аппаратов.

Так как русские авиационные заводы оказались не в состоянии давать необходимое число самолетов, пришлось прибегнуть к заграничным заказам, а именно во Франции, которой с начала войны по 1 декабря 1915 года было заказано 586 самолетов. Из них к этой дате уже было сдано 306.

Еще хуже обстояло дело с заготовкой авиационных моторов. Производительность русских заводов была в высшей степени слаба. Они смогли выделывать незначительное количество и этим задерживался выпуск новых самолетов.

В России авиационные моторы изготовлялись заводами: О-во Гном и Мотор (Москва). Лебедева (Птргр.). О-во Мотор (Москва), Т-о Константинович и К° (Птргр.). О-во Сальмсон (Москва), О-во Русский Рено (Муром) и Ильин (Москва). За первый год войны этим заводам было заказано 1.720 моторов, из которых военному ведомству было сдано только 472.

Слабость этих заводов принудила уже с начала войны заказывать моторы за границей. За первый год войны было заказано во Франции 1.688 моторов, в Италии — 100 и в Англии — 140, а всего 1.928, из которых к 1 декабря 1915 г. было сдано 544 мотора.

К сожалению, мы не могли получить сведений о положении авиационной промышленности в позднейший период войны, но и имеющихся в нашем распоряжении данных достаточно для получения известных выводов.

При наличии авиационной промышленности до-

вольно большой мощности наше Главное Военно-Техническое управление не восприняло своевременно идеи необходимости форсирования фабричного производства для изготовления предметов необходимых действующей армии. Наличие в складах большого количества запасов инженерного снаряжения и отсутствие тревоги за него в кругах главного командования позволило руководителям технических заготовок спокойно относиться к тому, что данные заводы нормально выделывают недостаточное количество заказываемых предметов и видели выход из положения не в увеличении мощности данной промышленности, а в закупке и заказах за границей.

АВТОМОБИЛИ

Уже в Первую Мировую войну автомобильная промышленность сыграла большую роль в деле заготовки различных видов военного снаряжения. Автомобильные заводы, оборудованные большим числом всевозможных металлообрабатывающих станков-машин и имевшие в своем составе большое число опытных рабочих-металлистов, явились той удобной базой промышленной мобилизации, которую легко было широко расширить и приспособить для военного производства.

Действительно, автомобильные заводы Франции и Англии, во время войны, кроме работ на армию по своему прямому назначению — выделке разного типа автомобилей, броневиков и танков — выпускали всевозможные предметы вооружения. Они изготовляли винтовки, пулеметы, малокалиберные орудия, вытачивали снарядные стаканы и, наконец, выделывали авиационные моторы.

Война показала всю важность автомобильного транспорта. Быстрота и удобство этого средства сообщения значительно облегчили снабжение фронта разного рода довольствием. Великолепная дорожная сеть французского фронта позволила почти целиком заменить конский транспорт автомобильным. К последнему прибегали в затруднительных случаях и для переброски с одного участка фронта на другой не только отдельных воинских частей, но и целых дивизий вместе с их артиллерией. Наконец, в середине войны были сфабрикованы боевые бронированные машины, сперва колесные, а затем гусеничные. Последние получили название танков и играли главную роль в выигрыше сражений 1917 и 1918 годов.

Французская армия вышла на фронт, имея в своем распоряжении всего несколько тысяч автомобилей. Закончила же она войну, располагая наличностью около 100.000 машин различного назначения. Выделка и поддержание такого числа самоходных машин не потребовала от французской автомобильной промышленности особых усилий, так как мощность ее к началу войны была довольно велика.

Известные затруднения вызвало создание типа боевого самохода. Броневые автомобили и танки потребовали затраты большого труда, как в своем конструировании, так и в фабрикации. Главная трудность заключалась в разработке прототипа самохода-бронированной машины, имеющей достаточное вооружение, которая не только могла бы двигаться без дорог, но и преодолевать различные препятствия в виде рвов и заграждений и вообще удовлетворять всем требованиям поставленным реальными условиями войны.

Нужно отметить, что машины обыкновенного гражданского пользования не соответствовали фактически требованиям армии. Даже машины специальных типов, построенные по указаниям фронта, при постоянном движении сплошь и рядом по плохим дорогам, а то и без дорог, быстро изнашивались и требовали замены.

Потери же в боях бронированных машин показывает сражение в августе 1918 года под Амьеном. В первый день этого сражения в бою участвовало 415 танков, на второй день их осталось 145, а на третий — только 57. Остальные были или подбиты, или по механическим причинам вышли из строя. Мощная промышленность Франции легко возмещала все эти потери.

Наличие перед войной автомобилей в России было совсем незначительно. Согласно справки министерства внутренних дел, полученной мобилизационным отделом генерального штаба, в 1910 году население Российской империи имело всего 3.188 легковых и грузовых автомобилей и 1.180 мотоциклетов.

Действительно, в начале войны согласно военно-автомобильной повинности было взято в армию 475 грузовиков и 3.552 легковых машины различных типов.

Вопрос о введении в русской армии машин-самоходов рассматривался за несколько лет до войны и уже к весне 1914 года было сформировано 5 автомобильных рот, 6 отдельных команд и одна учебная автомобильная рота.

По утвержденному перед самой войной плану реорганизации вооруженных сил должны были быть в течение пяти лет сформированы автомобильные части в виде 44 отдельных автомобильных рот с 5 армейскими и 39 корпусными транспортами, 1 запасный автомобильный батальон, 1 запасная автомобильная рота и 1 автомобильная школа. Фактически выполнение этой программы пришлось проводить уже во время войны, которая вскоре выдвинула вопрос о создании боевых машин в виде бронированных колесных машин и далее гусеничных вездеходов, получивших название танков.

Развертывание и пополнение всего необходимого для армии автомобильного парка должно было лечь целиком на заграницу, так как собственной автомобильной промышленности Россия не имела. Только один Русско-Балтийский вагоностроительный завод пытался выделывать автомобили, но его производительность равнялась всего сотне машин в год. Министерство торговли и промышленности за несколько лет до войны обращалось к промышленникам с призывом построить в России автомобильный завод, но дельцы непременным условием своего согласия ставили гарантию правительства продажи 40.000 машин в год. Опыт постройки гарантированных правительством частных железных дорог в 70-х и 80-х годах прошлого века показал отрицательное влияние на дело

подобных гарантий, почему им в этом и было отказано. Так же обстояло дело и с мотоциклетами.

Поэтому, уже с самого начала войны пришлось прибегнуть к массовой закупке автомобилей, мотоциклетов велосипедов на заграничных заводах. В этот момент Главное Военно-Техническое управление полагало, что потребность русской армии во всем этом материале выражается в 9.748 автомобилей (грузовиков и легковых), 6.152 мотоциклетов и 7.200 велосипедов.

Война сразу показала, что этого недостаточно, поэтому до июня 1916 г. было заказано еще 14.778 автомобилей, 10.303 мотоциклета и 16.705 велосипедов. Таким образом наши заграничные закупки этих машин, почти за два года войны с 1 августа 1914 г. по 1 апреля 1916 г., выражаются в следующих числах:

грузовых и легковых автомобилей . . .	24.526
мотоциклетов	16.455
велосипедов	23.905

общей стоимостью на круглую сумму в 300 миллионов рублей.

Самые же большие затруднения встретились с заказом бронированных боевых машин, проект которых был разработан нашими специалистами в начале войны. Было намечено сформировать 13 броневтомобильных дивизионов, по одному на армию. Каждый дивизион состоял из трех отделений. Всего же в дивизионе было три пушечных броневика вооруженных 37 мм. орудиями и девять пулеметных машин.

Автомобильные заводы союзных стран, ознакомившись с заданиями, отказывались принять заказы. Первый согласился построить соответствующие автомобили английский завод "Аустин". Бронировать же построенные автомобили пришлось Путиловскому заводу в Петрограде и только в конце 1916 года начали поступать бронированные автомобили, изготовленные итальянской фирмой "Фиат".

Отсутствие в России автомобильных заводов тяжело отозвалось на снабжении армии транспортными и боевыми машинами. Мы не могли выработать типы этих машин, соответствующих условиям русского театра военных действий, и во всем зависели от заграничных заводов. Оплата же всех этих автомобилей и других заграничных заказов стоила огромных сумм денег.

Суммы истраченные Россией только за первый период войны показывает насколько непредусмотрительны были руководители нашей промышленной политики. Своевременная затрата нескольких миллионов рублей на насаждение автомобильной промышленности не только спасло бы нас от такого вывоза валюты и золота за границу, но и дало бы России могущественное индустриальное орудие, как для промышленной мобилизации, так и для выработки типа транспортного самохода и боевой бронированной машины, наиболее соответствующих условиям нашего театра военных действий.

(Продолжение следует)

Андрей Николаевич Карамзин

(1814 — 1854)

Ю. Топорков

Имя А. Н. Карамзина хорошо известно пушкиноведам благодаря письмам семейного архива Карамзиных, найденным в Нижнем Тагиле и относящимся к дуэли и смерти А. С. Пушкина. Известно имя А. Н. Карамзина и в военной истории по неудачному поиску нашего кавалерийского отряда возглавляемого им в 1854 г. на Дунае. Пушкиноведы подробно разобрали и изучили вновь найденные материалы о Пушкине. Военные историки детально исследовали несчастный эпизод «Каракальского дела», но ни те и ни другие не останавливались подробно над личностью А. Н. Карамзина. Попросту, — до сих пор не было в печати достаточно «полной» его биографии. Еще до «тагильской находки» я начал собирать сведения относящиеся к жизни А. Н. Карамзина и в 1944 г. составил печатаемый ниже биографический о нем очерк, передав его в исторический архив Александрийского гусарского полка. В 1955 г. покойный мой брат, С. А. Топорков, прочитал этот очерк на одном из докладов, устроенных Обществом Любителей Русской Военной Старины. — **Ю. Т.**

Андрей Николаевич Карамзин родился 24 октября 1814 г. Он был старшим сыном известного историографа Н. М. Карамзина от брака с его второй женой, Екатериной Андреевной, рожденной Колывановой, сводной сестрой поэта князя П. А. Вяземского.

Ровно и безмятежно прошли детство и отрочество Андрея в родительском доме, где все носило отпечаток благополучия и довольствия. Карамзины жили в это время в Москве у Арбатских ворот на углу Воздвиженки. Литературная известность автора "Бедной Лизы", заслуженная слава "Истории Государства Российского", близость ко двору, связи, высокое родство и просто всеобщее уважение привлекали в дом Карамзиных большой круг друзей и знакомых, стоявших высоко не только по своему общественному положению, но и по своему духовному содержанию.

В этой атмосфере домашнего благополучия и почитания пользовавшегося всеобщим уважением отца росли Андрей и младший его брат Александр. Дети пользовались родительскими заботами, любовью и лаской.

Двенадцатилетним мальчиком Андрей лишился отца, о котором он на всю жизнь сохранил трогательные воспоминания. Впоследствии он рассказывал, как маленьким мальчиком очень часто, по уходе отца из дома, забирался он с братом Александром в отцовский кабинет и из лежавших на столе листов бумаги, исписанных рукою отца, они делали себе тре-

угольные шляпы и, иногда поссорившись, рвали их в рукопашном бое на мелкие куски. "Мы никогда не слыхали от отца", — вспоминал Андрей Николаевич, — "ни брани, ни упреков, ни вспоминок. Добродушный отец спокойно отправлялся в кабинет и смиренно начинал воспроизводить уничтоженное. После нескольких таких проделок маман всегда запирала кабинет, когда отец уходил из дому, а нам, вместо бумажных треугольных шляп, купили красные гусарские кивера" (А. Старчевский. Воспоминания литератора. "Историч. Вестн.", 1888, окт., 125).

В тринадцатилетнем возрасте Андрей заболел, он страдал глазами. Все в доме за ним ухаживают. Его старшая сестра, Софья Николаевна, (дочь Н. М. Карамзина от его первого брака на Елизавете Ивановне Протасовой), обожавшая маленького Андрея, не отходит от него, развлекает его, читая ему интересные книги. Чтением развлекают больного и другие близкие друзья. "Я тоже читала", — вспоминает А. О. Смирнова, — "но вскоре Екатерина Андреевна просила меня не ходить в комнату больного: он сильно страдал глазами и носил зеленый зонтик". И далее Смирнова добавляет: "У Андрея проснулась чувствительность, он был влюблен в меня и потому было воспрещено входить мне в его комнату". (Из записок А. О. Смирновой. "Русск. Архив", 1895, т. 2, стр. 453-454).

Болезнь глаз Андрея не прошло бесследно и он остался на всю жизнь близоруким.

В 1832 г. Андрей Карамзин с братом Александром уехали в Дерпт, где оба поступили в университет по кафедре дипломатики. В университете Андрей Николаевич близко сошелся с поэтом Н. М. Языковым. Большинство дерптских студентов были прибалтийские немцы, жившие замкнуто в своих студенческих корпорациях. Андрей Карамзин и Языков основали свою, русскую, корпорацию, дав ей название "Рутения" (латинское название России).

В течение двух лет длилось пребывание Карамзиных в университете. В конце 1833 г. они покинули Дерпт и поступили на военную службу, определившись в гвардейскую конную артиллерию — в "конные громовержцы", как писал своим друзьям по этому поводу поэт Жуковский, близко стоявший к семье Карамзиных ("Русск. Стар." 1896, июль, стр. 98).

Нельзя сказать, что военная служба всецело увлекла Андрея Николаевича и что он нашел в ней свое призвание. Продолжая жить в родном доме, он оставался в атмосфере иных интересов чем военная служба. Вся семья Карамзиных после смерти Николая Михайловича переехала из Москвы в Петербург, где жила тогда у Пустого рынка по Моховой улице в доме Бибикова, занимая второй и третий этажи, причем Андрей с братом Александром занимали в третьем этаже несколько комнат отлично меблированных и обставленных со вкусом. Большое общество по-прежнему посещало карамзинский дом, двери которого всегда были гостеприимно открыты. Здесь, как и в Москве, собирался кружок состоявший из цвета тогдашнего литературного и театрального мира: Жуковский, Пушкин, Вяземский, Лермонтов, Глинка, Каратыгин, Драгомыжский, словом все, что носило известное имя в искусстве, прилежно посещало этот радушный высокоэстетический дом. Поэтесса Е. П. Ростопчина, постоянная посетительница его, в стихотворении "Где мне хорошо", посвященном Е. А. Карамзиной, написала так:

К приюту тихому беседы просвещенной,
К жилищу светлых дум дорогу знаю я...
Там говорят и думают по-русски...

Андрей Николаевич близко общается с этим кругом людей. Литературные вкусы привитые ему еще с детства, а, может быть врожденные, не заглохли в нем, когда он носил военный мундир. Он много читает, следит за новинками западной литературы. Сохранился рассказа, как однажды, находясь в карауле, А. Н. Карамзин с увлечением читал новый французский роман. Приезжает вел кн. Михаил Павлович и застает Карамзина сидящим за книгой. Великий князь обрушивается на него за чтение романов в карауле и отдает его под арест. Несколько дней спустя вел. князь после учения бригады вызвал Карамзина. Карамзин подошел. "Я хотел тебе сказать, что вышел новый французский роман у Беллизара... Интересный, советую прочесть, но только не в карауле". (Кн. Мещерский. Мои воспоминания. СПб. 1897).

К этой же поре относится, между прочим, временное увлечение Андрея Карамзина графиней Е. П. Ростопчиной. Двадцатипятилетняя поэтесса, очень живая и умная, она была одарена необыкновенною памятью и знала иностранную литературу как свою отечественную. Окруженная толпою поклонников, эта молодая красивая женщина тоже была увлечена молодым красавцем, каким был Андрей Карамзин. По свидетельству современника А. Н. Карамзин был красив, хотя в его наружности были заметны следы его татарского происхождения. Сам он говорил, что предок их был татарский князь Карам-Мурза, первый русский потомок которого был Кара-Мурзин и что фамилия их для краткости и благозвучия превратилась в Карамзина (А. Старчевский, "Ист. Вестн." 1888. окт., стр. 125).

Вскоре неожиданно у Андрея Карамзина появились признаки туберкулеза и весною 1836 г. он получил длительный заграничный отпуск для излечения болезни в Германию, Швейцарию, Францию и Италию (1).

Вернувшись из заграничного путешествия, Карамзин продолжал военную службу в гвардейской конной артиллерии. Будучи невольно заражен общим духом литературных интересов карамзинского кружка он сам стремится к совершенствованию своих познаний и это толкает его к более серьезным занятиям. В русском обществе это была эпоха стремления к установлению близких отношений между славянами и в 1843 году Андрей Карамзин прилежно принимается за изу-

(1) К этому пребыванию за границей относится и та обширная переписка его с родными, которая обогатила новыми документальными материалами обстоятельства дуэли и смерти Пушкина. (См. И. Андронников. Тагильская находка. «Новый мир» 1956 г. и Пушкин в письмах Карамзиных 1836-37 г.г. М.-Л., 1960).

чение славянских наречий. Дававший ему по этому предмету уроки А. В. Старчевский передает так о ходе этих занятий.

"Андрей Николаевич произвел на меня прекрасное впечатление. Он был военный и состоял при ком-то адъютантом. Первое знакомство сблизило нас и я пользовался полным его расположением и радушием.

"Сначала я занялся с ним польским языком: он не замедлил обнаружить необыкновенные лингвистические способности: после нескольких уроков он уже прекрасно читал по-польски. Затем он прочитал со мною всего Мицкевича и так вник в дух языка, что мне изредка лишь приходилось подсказывать ему значение какого-нибудь слова. Достаточно было двух месяцев и мы покончили с польским языком. Приступили к чешскому, который ему не понравился. За чешским языком мы просидели целых четыре месяца. Андрею Николаевичу хотелось знать, чем отличается чешский язык от словакского, словинского или хорутанского и от верхнелужицкого наречий, не говоря уже о моравском. После чешского языка пошел в ход сербский, на котором мы и покончили, потому что Карамзину было дано какое-то служебное поручение и он должен был на время оставить Петербург" (А. Старчевский. Восп. литерат. "Ист. Вестн." 1888 г.).

Действительно, А. Карамзин в марте 1844 г. отправился на Кавказ, куда в это же время "должны были отправиться и флигель-адъютанты до полковничьего чина" (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. II, СПб., 1886, стр. 198). На Кавказе Карамзин участвовал в делах против горцев и "отличился — в аул ворвался с восемью солдатами", как писала о нем, по дошедшим в Петербург слухам, та самая А. О. Смирнова, в которую еще мальчиком был влюблен Андрей (Письмо Смирновой В. А. Жуковскому. "Русск. Архив", 1902, т. II, стр. 108).

Пробыл, однако, А. Н. Карамзин на Кавказе не долго, всего лишь несколько месяцев. Уже в январе 1845 г. та же Смирнова писала Жуковскому: "Наш Андрей Карамзин вернулся героем, с подвязанной рукой и в скуфейке: дурно то, что он страдает головой, впрочем это всегда от контузии" (Там же, стр. 110).

В 1846 г., числившийся в военной службе в гвардии, Карамзин был назначен состоять адъютантом при шефе жандармов графе А. Ф. Орлове, но вследствие контузии у него открылись сильные головные боли и Карамзин в 1847 г. оставил военную службу, выйдя в отставку.

Прошел год со времени приезда Карамзина с Кавказа, и личная жизнь его меняется. Встречи с удивительной своими духовными качествами женщиной, известной красавицей Авророй Карловной Демидовой, рожденной Шернваль, вдовой богатого Демидова, привели ко взаимной любви. Андрей Николаевич сделал предложение и, несмотря на некоторые препятствия, это предложение было принято. Известие о помолвке и предстоящем браке было значительным событием в том круге петербургского общества, к которому принадлежали и невеста, и жених. В жизни же Карамзина наступила новая эпоха, почему следует более подробно остановиться на том, кто стал избранницей его сердца.

Как было сказано выше, А. К. Демидова была рожденная Шернваль. Шернваль — старая шведская фамилия, ведущая свое происхождение с VII века. Отец Авроры, Карл Шернваль, был военным и служил в Финляндии. В 1799 г. он женился на дочери абоского губернатора, барона фон Виллебранда, Густаве. От этого брака были дети: сын Эмиль и две дочери — Аврора и Эмилия. Аврора родилась 3/15 августа 1808 г. в Бьернборге. Карл Шернваль впоследствии был губернатором Выборгской губернии и в этой должности скончался в 1815 г. Вдова вступила во второй брак с бароном Валленом, тоже впоследствии выборгским губернатором.

Аврора воспитывалась отчасти в Петербурге, отчасти в Або, отчасти в Гельсингфорсе. Она была необыкновенно красива и, когда вступила в гельсингфорский свет, то имела в нем большой успех. В 20-х годах прошлого столетия военным губернатором Финляндии был А. А. Закревский, при "дворе" которого в Гельсингфорсе на пышных балах блистали две звезды — его жена, А. Ф. Закревская, и А. К. Шернваль. У Авроры Карловны было много поклонников и ею одно время был сильно увлечен, находившийся в Финляндии, поэт Боратынский посвятивший "Авроре" известные стихи: "Выдь, дохни нам упоеньем, соперница зари..."

При посещении императором Николаем I в 1830 г. Гельсингфорса красавица Аврора была назначена фрейлиной к императрице Александре Федоровне и должна была потом прибыть в Петербург. В 1832 г., как фрейлина, она прибыла в столицу вместе со своею младшей сестрой Эмилией (графиней Мусиной-Пушкиной), была милостиво принята при дворе и блистала там, как одна из первейших звезд. В Петербурге же она обручилась с полковником А. А. Мухановым, адъютантом генерала Закревского. Свадьба была уже назначена, но Муханов скоропостижно скончался. Аврора облеклась в глубокий траур и целый год провела в имении родителей Муханова.

Через год она вернулась в Петербург ко двору. Много поклонников искало ее руки, но императрица уговорила ее дать согласие на брак с известным миллионером, владельцем округа Нижнетагильских заводов на Урале с лучшею на свете железною рудою, с золотыми россыпями и платиновыми приисками, — гофмейстером Павлом Николаевичем Демидовым. При несметном богатстве Демидов, хотя и не старый — ему было сорок лет, — был больной, изнуренный человек. Свадьба была назначена у Валлена, отчима Авроры, в Гельсингфорсе, но из-за болезни жениха пришлось свадьбу отложить. Внезапно, 9 ноября (это было в 1836 г.) больной почувствовал себя лучше, и в тот же день была поспешно отпразднована свадьба. Больного жениха, почти паралитика, не могшего сделать ни шага, обносили на стуле вокруг аналоя. После свадьбы молодые уехали за границу, где пробыли четыре года.

Пребывание в теплых краях не могло помочь П. Н. Демидову: он скончался в Майнце в 1840 г. Вдова вернулась в Россию и жила то в Финляндии, то в Пе-

тербурге, в великолепном Демидовском дворце на Большой Морской. В Финляндии она обыкновенно жила в Эсбо, в виле Трескенда, которую ее отчим Валлен предоставил ей, когда Аврора Карловна стала вдовой.

В 40-х годах в летние месяцы Гельсингфорс и его окрестности были переполнены фешенебельной публикой, приезжавшей из Петербурга. Поочередно — у Юсуповой, Гагариной, Урусовой, Мусиной-Пушкиной — устраивались частые праздники, увеселения, загородные поездки. Участниками их были конечно Аврора Демидова и Андрей Карамзин, который вскоре серьезно увлекся ею.

В семействе Карамзиных давно оценили Аврору Карловну и ничего не имели против женитьбы. Покровительствовал этой любви, между прочим, поэт Ф. И. Тютчев. Но родственники невесты были недовольны: Андрей Николаевич был не достаточно богат и не имел положения при дворе. Городская молва присоединилась к этому мнению. Говорили также, будто жених чуть ли не десятью годами моложе невесты, что было не точно: он был моложе всего на шесть лет.

В 1846 г. свадьба все-таки состоялась. "Любовь востооржествовала над супротивною силою", писал кн. П. А. Вяземский Жуковскому, сообщая, что Аврора Демидова идет за Андрея Карамзина и замечая, что она "была и будет примерною женою".

Свадьба была 10 июля в Шереметьевской церкви и кроме свидетелей никого не было. Посаженные были у Авроры Карловны гр. Строганова и гр. Протасов, шафер — гр. Строганов; у Карамзина — кн. Вяземский, кн. Мещерская и шаферы: Нелидов и Самарин. Анатолий Демидов, брат П. Н. Демидова, умершего первого мужа Авроры Карловны, на свадьбу не приехал. Он был против этого брака; ограничился лишь визитом к Авроре Карловне, причем о свадьбе не упомянул ни слова (2).

В тот же день после свадьбы молодые вечером уехали в Финляндию в Эсбо, где была их вилла Трескенда. Андрей Николаевич писал, что "плавает в счастьи" ("Русск. Арх." 1896, т. I, стр. 361).

С этого времени потекла богатая и счастливая жизнь Андрея Карамзина. Аврора Карловна тоже полюбила избранника своего сердца и обрела ту полноту счастья, которй до сих пор не знала. Жили они то в Финляндии, то в Петербурге в Демидовском палаццо, где при них находился и сын Авроры, Павел Демидов, от ее первог брака с П. Н. Демидовым.

Посетили они и Урал, в частности Нижне-Тагильский завод, принадлежавший прежде Демидову, — целый городок с населением в двадцать тысяч. Карамзины живо заинтересовались жизнью рабочих этого городка и старались улучшить быт заводского люда. Это посещение оставило у тамошних жителей добрую память. Много лет спустя — в 80-х годах — одно лицо, посетившее Нижне-Тагильский завод, говорит, что имя А. Н. Карамзина произносилось там с большим уважением и ему даже был поставлен "монумент на площади" (См. Записки Н. Ф. Бунакова. 1837-1905. СПб. 1909, стр. 128, а также Мамин-Сибиряк. Собр. сочинений, т. XI).

А. Н. КАРАМЗИН

1846-1847 гг.

Литография A. Legrand по портрету Rossi.

А. Н. Карамзин был причастен к делам благотворительности и в самой России. Так, в Петербурге он был товарищем председателя правления общества посещения бедных, вошедшее в 1848 г. в состав "Императорского Человеколюбового общества".

***

Началась война с Турцией, вызвавшая во всех кругах русского общества сильное патриотическое чувство, и в начале 1854 года А. Н. Карамзин оставляет любимую жену, богатую и счастливую жизнь, поступает вновь на военную службу и отправляется в действующую армию. Что вызвало в нем решение сделать этот шаг? Объясняли по разному его поступок. Существует версия, что Карамзин, будто бы, решил « donner un peu de vigueur au vieux maréchal ».

Вялость ведения на Дунае кампании и нерешительность престарелого фельдмаршала кн. Паскевича вызвала неудовольствие в патриотично настроенных кругах высшего петербургского общества. К этому кругу принадлежал и Карамзин, который высказывал мысль, что нельзя заниматься в салонах только разговорами, а надо перейти от слов к делу: надо отправиться в действующую армию и совершить там

(2) А. Н. Демидов был женат на дочери Жерома Наполеона и носил фамилию Демидова Сан Донато.

подвиг, который придал бы куражу престарелому фельдмаршалу. Для совершения этого подвига он чувствует призвание, а отъезд его в армию послужит, как бы, демонстрацией наиболее патриотично настроенных кругов Петербурга. (См. статью анонимного автора, напечатанную в немецком военном журнале и сообщенную Н. Шильдером в "Русск. Старине" 1875, авг., стр. 619-620).

Вряд ли можно объяснить поступок Карамзина, приняв на веру эту версию, кстати исходящую из иностранного источника. Хотя Карамзин и недолго служил на военной службе, но невозможно предположить, что он, как бывший военный был убежден или считал, что своей деятельностью, в сравнительно скромном чине и должности, мог бы повлиять на действия нашей армии, находившейся в ведении всесильного князя Варшавского, пользовавшегося безграничным доверием императора Николая Павловича.

Решение Карамзина отправиться в армию объясняли по-иному — влиянием его жены Авроры Карловны.

Один современник, знавший Андрея Николаевича, который, по его словам, "был личностью симпатичною, благородною, можно сказать, великолепною", говорит, что причиной отъезда было честолюбие Авроры Карловны. Как фрейлина она имела доступ ко двору, которого не имел ее муж — для этого нужно быть флигель-адъютантом, свитским генералом или всего лучше генерал-адъютантом, а добиться этих званий в мирное время не так-то легко. Этот пункт составлял источник семейных недоразумений. Когда же возгорелась война, то Карамзин один из первых ринулся в действующую армию (Записки В. А. Инсарского", "Русск. Старина" 1895, янв., стр. 110-112).

Нам кажется мало правдоподобной и эта версия. Множество лиц очень близко знавших А. К. Карамзину, как женщину бесконечно высоких душевных качеств, нигде, ни в переписке, ни в своих воспоминаниях не делают ни намека на какие-либо семейные недоразумения, существовавшие между супругами. Невероятным нам кажется честолюбие Авроры Карловны, которое заставила Андрея Карамзина искать флигель-адъютантских эполет среди опасностей войны. Наше представление о светлом и обаятельном образе Авроры Карловны, которая глубоко и страстно любила своего мужа, как-то не вяжется с объяснением этой версии.

Отъезд Андрея Карамзина в действующую армию объясняется проще: глубоким чувством любви к России; чувство это было привито ему с молодых лет и объяснение его поступка, нам кажется, очень верно выражено в одном из писем И. С. Аксакова, который говорит, что "поступление (Карамзина) в военную службу без всякой надобности, предпочтение оказанное им трудам военным пред роскошными удобствами жизни были следствием его искренних русских убеждений" (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина; кн. 13, СПб. 1899, стр. 74-75).

Надо заметить, что с богатой женитьбой появилось и некоторое изменение в характере Карамзина. Лица сталкивающиеся с ним в эту пору отмечают, что Карамзин стал не тот, что был прежде. Простота в обращении с посторонними как-то стушевалась: он стал, как говорится, важничать. Я. К. Грот, однажды навестивший его (это было в 1851 году), так описывает оказанный ему прием четой Карамзиных.

"Она (Аврора Карловна) обошлась со мною, как всегда довольно приветливо и на вопросы мои отвечала учтиво. Между тем он (Андрей Николаевич) сидел развалившись в кресле и положив одну ногу каблуком сапога на колено другой своей ноги. В этом положении просидел он все время, рассуждая с величайшей самоуверенностью о своих лошадях и о средствах истребления комаров...; деньги так полновесны, что изменяют даже обыкновенные гражданские отношения" (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. СПб. 1886, стр. 550).

Вследствие ли чужой зависти или тому виной был сам Карамзин, но в столице появились его недоброжелатели, которые, вероятно, и породили различного рода толки о причинах отъезда его в действующую армию. Быть может и была у Карамзина затаенная мысль совершить на войне подвиг и отличиться заслужив высокую награду (у кого из военных такой мысли нет?), но главным побуждением его отъезда мы считаем то искреннее желание стать в ряды защитников отечества, какое проявили в ту пору многие русские люди, отправившиеся добровольно на театр военных действий.

**

Приказом по военному ведомству от 18 февраля 1854 г., "уволенный из капитанов лейб-гвардии конной артиллерии полковником" Карамзин был определен в Гусарский генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича Эриванского полк подполковником. Через месяц по выходе этого приказа, 16 марта, Карамзин выехал из Петербурга. Многочисленные друзья пожелали ему благополучия и успеха, а кн. Вяземский напутствовал его посланием, где были такие строки:

> Счастливый путь, под ядра роковые...
> Когда зовет сынов своих Россия
> Откликнуться ей должен Карамзин.
> Не даром был ты с самого рожденья
> Огнем души родительской согрет,
> Уразумел ее ты вдохновенья,
> Ты оправдал отца святой завет...

Обращаясь затем к супруге Карамзина, Вяземский писал:

> А ты ему зарею беззакатной
> Блеснувшая на жизненном пути
> Не унывай, верь в Промысл благодатный
> И скорбь свою надеждой просвети...

В начале апреля подполковник Карамзин прибыл в г. Краово (в Малой Валахии) в котором был расположен Александрийский гусарский полк, носивший

в то время имя своего шефа, фельдмаршала князя Варшавского и состоявший в отряде ген.-лейт. Липранди.

По прибытии в полк Карамзин был назначен командиром 2-го дивизиона (3 и 4 эскадроны), который принял от подполковника А. Н. Сухотина, подавшего рапорт о болезни и прошение об увольнении в отставку. Через короткое время по принятии дивизиона Карамзин был произведен в полковники.

Серьезная и изящная наружность Карамзина, его прекрасные нравственные качества, обнаруживщиеся при первом же знакомстве с ним, делали его чрезвычайно для всех симпатичным. Командир полка гр. Ф. Д. Алопеус, встретил его как старого товарища по гвардии. Правда, при поступлении Карамзина со стороны в Александрийский полк офицеры сначала посмотрели косо, как это всегда бывало при поступлении старшего в чине офицера со стороны. Но вскоре ровный и симпатичный характер Карамзина заставил офицеров забыть, что он им "сел на шею". Познакомившись, он очаровал всех своим умом и любезностью. Между ним и офицерами быстро начали устанавливаться товарищеские отношения и та интимность, для установления которой нужны годы в обыкновенное время, но которая созревает гораздо скорее в военной обстановке (3).

Карамзин полюбил свой дивизион. Гусары любили и уважали Сухотина и сожалели, что он их оставляет, но вскоре видя, что Карамзин добрый и обходительный начальник так же полюбили и его.

В начале мая отряд ген. Липранди получил приказание отступить из Краиово к г. Слатину. Как с нашей так и турецкой стороны проявлялось очень мало деятельности. Вся служба нашего отряда состояла в том, что по заведенной очереди один из дивизионов Александрийского или Ахтырского гусарских полков, с казаками, отправлялся на полдня версты за три от Слатина по направлению к Краиову и Каракалу и от известного пункта раставлял свои посты и посылал разъезды для наблюдения за движениями турок. К ночи дивизион передвигался ближе к Слатину. В этих ночных дежурствах Карамзин еще больше сблизился с офицерами своего дивизиона. По целым ночам просиживали многие в палатке Карамзина, слушая его интересные рассказы про заграничную жизнь, Кавказ, Урал... В его рассказах проглядывал проницательный ум, светлый взгляд на вещи, начитанность. С собою на войну он привез большую библиотеку. Иногда, пользуясь теплой ночью, бродили по берегу Ольты, на другой стороне которой были турки.

Наш лагерь спит. Огни в палатках погашены, только храп спящих на коновязях лошадей да по временам глухой грохот орудий под Силистрией нарушали тишину. В эти минуты Карамзин говорил иногда со вздохом: "Почему меня там нет? Там теперь более опасности, но зато и более жизни!" Бездействие отряда, однообразная аванпостная служба видимо сильно тяготили его. Ему приходили на память разговоры с друзьями в Петербурге о войне, на которую он так стремился и где искал живой деятельности. Образ оставленной горячо любимой жены не покидал его. Однажды, в одну из таких ночей его посетил один из офицеров. Поговорив немного, Карамзин сказал показывая на стоявшие вокруг палатки экипажи с его имуществом: "Я могу много потерять, могу даже всего лишиться, так как случайностей войны предвидеть невозможно, но вот эту заветную, драгоценную для меня вещь у меня отнимут только с жизнью". И Карамзин показал висевший на его груди на золотой цепочке медальон с портретом его жены, Авроры Карловны.

Так проходили однообразные дни. Между тем, турки все еще не занимали оставленного нами Краиова и лишь высылали туда разъезды и партии для фуражировки, которую производили почти на глазах отряда. Кроме того, турки постоянно говорили жителям,

А. Н. КАРАМЗИН

1854 г.

Портрет карандашом, сделанный М. В. Карамзиной в 1939 г. по литографии Л. Вагнера.

---

(3) Один из офицеров, сослуживцев в то время Карамзина, даже категорически опровергает тенденциозный рассказ о том, что старшие офицеры недружелюбно приняли Карамзина в полку. «В полку было заведено радушно принимать прибывающих вновь достойных товарищей, без задней мысли, что садятся на шею, тем более этого не было относительно Карамзина». (Заметка ген.-м. Дика «Русск. Стар.» 1878, т. 23, стр. 710-711).

что скоро в этот пункт прибудет значительный отряд. Это дало мысль ген. Липранди произвести со своим отрядом нечаянное нападение на турок в Кранове в том случае, если бы туда действительно двинулись неприятельские подкрепления. Этот наступательный порыв Липранди был сдержан фельдмаршалом Паскевичем, который разрешил ему предпринять быстрое наступление лишь в том случае, если турки приблизятся к Слатину. Но Липранди еще до получения этих распоряжений главнокомандующего решил приступить к осуществлению своего плана и 9 мая он приказал ген.-м. Салькову, командиру Ахтырского гусарского полка, произвести рекогносцировку к Каракулу и Кранову.

В отряд подчиненный ген. Салькову были назначены четыре конных орудия, сотня казаков, два дивизиона Ахтырских гусар и 2-й дивизион Александрийцев с его дивизионером Карамзиным.

Карамзин воспрянул духом. Наконец-то вперед против турок! В пять часов утра отряд двинулся к Кранову. Пройдя верст двадцать, части отряда вошли в небольшую валахскую деревню. Крестьяне бросились к нашим с непокрытыми головами и, низко кланяясь, горько жаловались, что турки, шедшие из Каракула, забрали у них силою фураж и провиант и ушли к Кранову. К этому они добавляли, что так как турки и лошади были очень тощи и изнурены, то мы легко можем их догнать, взять в плен и возвратить награбленное. Лицо Карамзина прояснилось, он ждал, что сейчас будет отдано приказание следовать на рысях за турками. Но из деревни наш отряд вышел шагом и вскоре остановился. Присланный от ген. Салькова ординарец привез приказание кормить лошадей.

Карамзин изменился в лице: он не мог скрыть своего явного неудовольствия. Не владея собою, он громко роптал, порицая нерешительность Салькова. На привале, как обычно, начали закусывать. Фургон Карамзина был переполнен всякими яствами. Все офицеры его дивизиона собрались вокруг него.

"Для чего же я сюда приехал", — продолжал Карамзин, — "неужели лишь для того, чтобы быть свидетелем подобных распоряжений? По моему мнению, это более нежели благоразумная осторожность со стороны Салькова. Если он не надеется на успех, так пускай бы отрядил меня одного с моим дивизионом Александрийцев. Я вполне убежден, что со своими молодцами я разобью на голову эту черномазую дрянь".

После двухчасового отдыха весь отряд тронулся; но вместо Каракула пошел к Кранову по следам ушедших туда турок. К вечеру отряд расположился в деревне. По ту сторону, за рекой, виднелись турецкие аванпосты. Едва стала заниматься утренняя заря, как отдано было приказание "мундштучить" и "садиться". Заметя движение в нашем расположении, турки выстроились в колонны и, повидимому, ждали нашей атаки. Их было около шестисот всадников регулярной кавалерии без артиллерии. Наш отряд на рысях переправился через широкий мост и конные орудия сделали несколько выстрелов по турецкой колонне. Турки, видя, что снаряды до них не долетают, стояли неподвижно. Ген. Сальков приказал затем прекратить огонь и отходить. Отряд наш обратно направился в Слатин.

Карамзин был вне себя от досады, почему не было приказано атаковать турок, почему не разбить эту "черномазую дрянь?" В дурном расположении духа, расстроенный бесплодными результатами этой рекогносцировки прибыл Карамзин в Слатин. Он почувствовал себя нездоровым и запиской на имя начальника штаба отряда, кн. Васильчикова, уведомил, что он болен — у него обнаружились признаки лихорадки. Несколько дней он решил не выходить из своей палатки и даже слег в постель.

Снова лагерная жизнь в Слатине пошла своим обычным порядком. Трубачи играли, лошади в коновязях фыркали, дневальные гусары по временам громко покрикивали на них, кошевары то и дело суетились около котлов, офицеры в странных костюмах шмыгали из палатки в палатку, пели, играли в карты и пили молдаванское вино из туземных баклаг.

Так прошла неделя. Карамзин все это время был как-то невесел, хандрил, чувствуя себя по-прежнему не совсем здоровым и из палатки своей не выходил.

Между тем, генерал Липранди получил сведения, что около г. Каракула и в разных местах по р. Ольтец появились турецкие кавалерийские партии. Чтобы удостовериться в действительных силах турок, Липранди решил снова отправить за Ольту кавалерийский отряд. В этот летучий отряд были назначены: три дивизиона Александрийских гусар, 1-й — подполковника Дика, 3-й — подполк. Бантыша и 4-й — подполк. Хрущевского, четыре орудия конной № 10 батареи и сотня казаков Донского № 38 полка — всего в числе около семисот человек.

2-й дивизион, командиром которого был полковник Карамзин, в этот поиск назначен не был, т. к. дивизиону этому была очередь нести аванпостную службу.

Начальствование над отрядом, естественно, должен был принять командир Александрийского полка гр. Алопеус, но этот последний заболел и временно службу нести не мог. Следующий старший штаб-офицер, полковник Карамзин, также числился больным, он даже не мог идти со своим дивизионом на аванпосты. Неучастие Карамзина в предстоящем поиске, как начальника отряда, даже совпадало с желанием начальства. Кн. Васильчиков, начальник штаба ген. Липранди, не желал, чтобы Карамзин командовал отрядом, так как знал, что Карамзин недолгое время был военным и плохо знал кавалерийскую службу. Генерал же Липранди решительно не хотел доверить Карамзину начальство над отрядом ("Русск. Стар." 1878, т. 23, стр. 155-156). Поэтому, было предположено подчинить отряд подполковнику К. Е. Дика, старому и опытному кавалерийскому офицеру.

Между тем, Карамзин, узнав о предстоящей рекогносцировке, подал рапорт о выздоровлении и уведомил начальство, что желает, как старший, идти во главе отрада. Кн. Васильчиков старался уговорить его остаться по болезни дома. Но Карамзин отправился к ген. Липранди и упросил послать его в

командировку и не подвергать его тяжкой обиде; он не хотел уступить честь исполнить столь важное поручение. Липранди уступил и полковник Карамзин был назначен начальником отряда.

Карамзин сожалел, что с ним не будет его 2-го дивизиона и попросил даже командира полка назначить на аванпосты какой-нибудь другой дивизион. "Я хочу, чтобы мои молодцы были в деле со мной", говорил он. Но гр. Алопеус не согласился на том основании, что лошади 2-го дивизиона будто бы тощее других эскадронов, 2-й дивизион ходил 9 мая с генералом Сальковым слишком далеко, да и прежде второму дивизиону как-то больше других выпадало на долю нести боевую службу.

Карамзин, как начальник летучего отряда 15 мая получил из штаба предписание:

«Выступив 16 мая в 6 часов утра, двигаться к селению Владулени, остановиться на ночлег близь речки Ольтец и выслать сильный разъезд к г. Каракалу, чтобы удостовериться, не занят ли он неприятельским отрядом... Ежели разъезд посланный в Каракул, возвратясь оттуда, донесет, что вблизи этого города нет значительных неприятельских сил, то 17 числа перейти Ольтец и направиться правым берегом сей реки в тыл неприятелю, могущему занимать с. Балаш. Если же там не встретится неприятель, то... расположиться на ночлег у Мерилы или Горгош, а 18 числа возвратиться в г. Слатино. Как при движении, так и на ночлегах принимать самые строгие меры осторожности. Судя по полученным сведениям и смотря по обстоятельствам, командующему отрядом предоставляется право несколько изменить направление движения отряда, но ни в коем случае не иметь ночлега на правом берегу р. Ольтец». (Приказание по войскам Маловалахского отряда от 15 мая 1854 г., № 13).

Последнее требование служило как бы указанием на возможность встречи превосходных сил турок и должно было несколько связывать чрезмерный пыл неопытного Карамзина.

Поздно ночью он пригласил к себе троих дивизионеров и всех эскадронных командиров на совещание, с целью ознакомить их с задачей предстоящего похода. Совещание длилось недолго: ссылаясь на ранний поход, большинство из присутствовавших просилось хотя немного отдохнуть — до выступления осталось лишь несколько часов.

В 5 часов утра 16 мая, эскадроны были готовы к выступлению и, по неимению места выстроиться в колонну, стояли перед коновязями, разбитыми в разных местах как позволяла местность. Люди были уже на лошадях и офицеры на своих местах. Подполковник Дика подъехал к палатке Карамзина и вместе с ним направился к фланговому эскадрону. Карамзин тотчас пустил лошадь в карьер, обскакал все эскадроны и поздоровался с гусарами. Затем, поручив вести отряд подполк. Дика, сам он поехал вперед к начальнику дивизии ген.-лейт. фон Финбаху с докладом, а в городе около моста встретил отряд и поехал впереди его.

Не доходя до р. Ольтец, отряд встретил молдаванский обоз вышедший накануне из Каракула. Возчики сказали, что видели там четыреста человек турецкой кавалерии.

Прошли деревню Владулени. Перед мостом через Ольтец был сделан привал. Казаки стали за речкой на аванпостах, были отправлены разъезды вправо и влево. Покормили лошадей. Солдаты поели сухарей. Офицеры прилегли около своих эскадронов и тоже закусили тем, что было захвачено с собою вестовыми эскадронных командиров.

Карамзин ничего не ел. Был сосредоточен, о чем-то думал и не дотронулся даже до чая, который очень любил, так что его камердинер Василий крайне этому удивился. Зато Карамзин приказал вдоволь накормить своих ординарцев, унтер-офицеров и вестовых.

Находившийся при отряде генерального штаба штабс-капитан М. Г. Черняев (впоследствии главнокомандующий в Сербии) предложил выслать разъезд в Каракул для разведки и один эскадрон в виде заслона к с. Доброславени на р. Тезлуй. Но Карамзин отвечал, что не следует делать этого, чтобы не встревожить неприятеля, что он со всем отрядом пойдет в Каракул, вытеснит оттуда всех турок и возвратится к ночи за р. Ольтец. Так как в инструкции данной Карамзину ему было разрешено изменить ее сообразно обстановки, то он и решил в тот же день исполнить свое намерение. Штабс-капитан Черняев с казаками уехал вперед и условился с Карамзиным прислать ему донесение.

На привале отряд отдыхал четыре часа. Едва ли прошло полчаса после ухода Черняева, как Карамзин приказал мундштучить коней и отряд пошел далее прибавленной рысью. Рысь, которою шел головной эскадрон, была так велика, что эскадроны, не поспевая, растянулись и задние отделения шли галопом. Была сильная жара.

Через несколько верст отряд догнал Черняева. Он был очень удивлен преждевременным движением отряда и примкнул к нему со своими казаками. Казаки передали, что в Доброславени они открыли неприятельский пикет из десяти человек регулярной турецкой кавалерии, который, подав сигнал выстрелами, умчался в Каракул. Черняев доложил начальнику отряда, что следовало бы донести об этом в Слатин, но Карамзин отвечал: "Мы дадим о том знать по возвращении на ночлег".

Тем же усиленным аллюром (пройдено было уже десять верст) отряд дошел до Тезлуя, узкой речке с топкими, болотистыми берегами. Через речку был перекинут мост — узкий, на высоких сваях, без перил. Карамзин скомандовал "стой". Наскоро было сделано совещание и тут же Карамзин решил перейти через этот мост, говоря, что в случае отступления легко можно переправиться вброд. Черняев был против перехода через Тезлуй, но Карамзин не послушал его и сказал Черняеву: "Не думаю, чтобы с таким известным своею храбростью полком нам пришлось отступить. С этими молодцами надобно идти всегда вперед".

От моста шел отлогий подъем. Поднявшись на него, отряд вдруг увидал перед собою боевую линию турецкой кавалерии, стоявшей впереди Каракула тылом к городу. Турок было до четырех тысяч человек, построенных в четыре колонны. Наш отряд дви-

гался по ровной местности и был совершенно открыт. Турки ясно видели силу нашего отряда.

Встретив такое превосходство турок, Карамзин спросил дивизионеров, на что надо решиться. Подполковники Дика и Бантыш, бывавшие во многих делах, советовали не начинать боя. Черняев тоже подал совет отступить. В это время к Карамзину подскакал командир конно-артиллерийского дивизиона штабс-капитан Малиновский и попросил позволить ему выпустить по туркам те снаряды, которыми орудия уже были заряжены. После некоторого колебания Карамзин согласился и построил гусар в боевой порядок — эскадроны Дика на правом фланге, Бантыша — на левом.

До тех пор турки стояли неподвижно, но первые артиллерийские выстрелы были как бы сигналом к началу их наступления. Развернувшиеся турецкие колонны начали быстро наступать на наши фланги. Командир 8-го эскадрона майор Раздеришин, храбрый офицер, попросил разрешения Карамзина атаковать подвигавшихся на него турок. Карамзин разрешил, и это было последним его распоряжением. В этот момент весь наш отряд "вдруг словно с неба" был атакован неприятелем. Из обоих флангов, стоявших против нас турецких войск, выскочили густые толпы иррегулярной кавалерии. Арнауты, албанцы, черкесы с криком: "Алла!" — наскочили на гусар. В высоких чалмах и тюрбанах, в расшитых шнурами куртках ярких цветов, на всем скаку стреляя из своих длинных винтовок, они, видимо, стремились отрезать нам единственный путь отступления — мост через Тезлуй.

Еще при наступлении от р. Ольтец наши гусарские и артиллерийские лошади, идя по приказанию Карамзина на рысях более десяти верст при сильной жаре были страшно утомлены. Подполк. Бантыш с левого фланга произвел несколько атак, чтобы дать время артиллерии отойти за мост, но видя невозможность устоять против несравненно превосходных сил турок, стал отступать по мосту за речку.

Одновременно с этим турки бросаются на дивизион подполк. Дика. Эскадроны Дика неоднократно в свою очередь атакуют турок, но их свежие силы вливаются в бой и снова обтекают наши фланги. "Турки лезли вперед настойчиво и смело, они были под влиянием вина или вернее гашиша", вспоминал потом подполковник Дика.

Наступил тяжелый момент отступления. Гусарские кони были измучены, потери были большие. Дика со своими эскадронами пробился к мосту, но перейти его не мог и гусары перешли болотистый Тезлуй вброд. Уже два орудия завязшие в болоте, были оставлены. Дивизион Бантыша тоже пробился через гущу турок, которых много легло под ударами гусарских сабель. Около двух остальных орудий происходила буквально сеча; пришлось бросить и их. Здесь был ранен храбрый подполковник Бантыш.

Карамзин отходил последним с эскадронами Бантыша. На самом мосту чистокровная лошадь Карамзина взвилась от давки на дыбы и опрокинулась назад. Он вовремя вынул ноги из стремян, уклонившись в сторону. Когда лошадь встала, Карамзин уже не мог сесть на нее — во время падения она порвала подперсья и седло съехало к самому ее хвосту. Она начала бить задом до тех пор, пока не сбила совсем седла. Скакавший мимо Карамзина унтер-офицер 2-го эскадрона Кубарев, видя такое положение своего начальника, остановился, схватил за узду пробегавшую вблизи турецкую лошадь и подвел ее к Карамзину. Но она была слишком мала для его большого роста, слабосильна и ленива. Пришпоривая ее, Карамзин вместе с нею упал в болото. Подскочившие турки — их было человек двадцать — окружили Карамзина. Они сорвали с него золотые часы, начали шарить по карманам, сняли кивер, серебряную лядунку, кушак, саблю, пистолет. Начали срывать с него одежду. Карамзин был как бы в забытьи... Один из башибузуков увидал на шее у него медальон на золотой цепи — на нем был портрет его жены. Карамзин побледнел. Зажав в одной руке медальон, он другою рукою выхватил у ближайшего арнаута ятаган и ударил им его со всего размаха. Грабитель упал. Другой бросился к нему — Карамзин перешиб ему руку. Тогда остальные турки, освирепев, бросились разом на него и закололи его пиками и саблями, нанеся восемнадцать ужасных ран.

Подполковник Дика, оставшийся старшим, отвел отряд к Слатину. До р. Ольтец турки безуспешно преследовали приведенных в порядок гусар, после чего преследование прекратилось.

Согласно турецким сведениям Карамзин имел дело с рекогносцировочным отрядом генерального штаба полковника Искандер-бея (польский эмигрант граф Ильинский), одного из выдающихся офицеров оттоманской армии, в состав которого входил 2-й Румелийский кавалерийский полк под командою Хаджи-Мехмет-бея. В отряд этот входило и свыше двух тысяч иррегулярной конницы. Потери турок простирались до трехсот человек (А. Зайончковский. Восточная война 1953-56 гг. СПб., 1913, т. 2, стр. 925).

Дело 16 мая у Каракула, в котором был проявлен целый ряд отдельных подвигов мужества и самопожертвования, делающих честь Александрийским гусарам и артиллеристам конной № 10 батареи, стоило и нам больших потерь — 10 офицеров, 101 гусар и 30 артиллеристов выбыли из строя; четыре орудия были оставлены туркам.

Не вернулся в лагерь с поля битвы и павший геройской смертью, виновник несчастья, храбрый полковник Карамзин. Пустой стояла его палатка в лагере в Слатине. Все в ней напоминало недавнее присутствие Карамзина: недопитый стакан чая стоял на складном его столе, в пепельнице лежала недокуренная сигара, тут же открытая книга французского журнала "Ля Ревю де Де Монд", на постели валялись халат, в углу брошенные туфли... Тело его осталось на месте боя.

Офицеры сговорились с жителями, заплатили им и те через неделю после этого несчастного дела доставили тело Карамзина. Рано утром молдаванская телега запряженная двумя волами въехала со скрипом в лагерь в Слатин. На ней лежали обезображенные, черные как уголь три трупа: полковника Карамзина, поручика Брошневского и юнкера князя Петра

Голицына, ординарца Карамзина. Правая рука Карамзина висела на одной только жилке. Черты его лица были неузнаваемы и его труп был опознан по признакам, которые безошибочно доказывали тождество привезенного тела с телом Карамзина. У последнего были бакенбарды с проседью и он носил их довольно оригинально, подбривая вровень с углами рта. Такие же бакенбарды оказались и на щеках найденного труппа, когда с них смыли запекшуюся кровь. На ноге раненной еще на Кавказе Карамзин носил повязку, которая была на ноге найденного трупа ("Русск. Стар." 1895, август, стр. 131).

Прибытие этих трупов в лагерь произвело грустное впечатление — все как-то говорили шепотом.

Дело у Каракула произвело на фельдмаршала Паскевича удручающее впечатление. Он признавал произведенный поиск бесцельным и ставил в вину ген. Липранди как назначение Карамзина начальником отряда, так и то, что последнему не было отдано приказание не переходить р. Ольтец. Эта неудача побудила Паскевича предписать о производстве строжайшего расследования, кто именно был виноват в этом несчастьи. Результаты расследования показали, что Липранди, поручая войска Карамзину, полагал, что подобная инструкция ему данная могла служить достаточным ручательством от всех случайностей. Но Карамзин, вопреки инструкции, зашел далее нежели следовало, принял бой на весьма невыгодной позиции, имея в тылу болотистую речку, текущую в глубоком овраге и утомив войска движением на рысях на протяжении более десяти верст. В нужный момент усталые гусарские лошади были негодны для хорошей и стремительной атаки, что не пришло в голову Карамзину, незнакомому с бытом кавалерийской службы.

Весть о каракульском деле пришла в Петербург. "С горестным чувством читал донесение о несчастном деле Александрийского полка", писал Государь, "дай Бог, чтобы подобное не повторилось, ибо ничего для меня нет прискорбнее как подобная бесплодная трата драгоценного войска от глупости или неосторожности начальников". (Имп. Николай I — фельдмарш. Паскевичу 1 июня 1854 г.).

Быстро распространилась весть в столице о гибели А. Н. Карамзина. Как громом были поражены этой вестью его близкие друзья, весь карамзинский кружок. М. П. Погодин записал (2 июня) в своем дневнике: "Андрей Карамзин убит. Горестное известие!", а 4-го числа отметил: "Написал о смерти Карамзина и плакал" (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 13. СПб. 1899, стр. 74-75).

"Как жаль Андрея Карамзина!" — писал И. С. Аксаков своим родителям, — "бедная Аврора! Она его страстно любила!" Князь Вяземский записал в своей "Старой записной книжке": "Я был зловещим поэтом, Бог не благословил моей песни. Грустно и тяжело". Действительно, поэтическое предсказание не оправдалось. Люди когда-то шептавшие, что Аврора приносит несчастие своим избранникам, оказались правы: смерть жениха А. А. Муханова, смерть первого мужа П. Н. Демидова и трагическая кончина А. Н. Карамзина, как будто бы подтверждали это.

Ф. И. Тютчев писал с ужасом: "Можно представить, что этот несчастный Андрей Карамзин должен был испытать. Вероятно в ту решительную минуту, на незнакомой земле, среди отвратительной толпы готовой его изрубить в его памяти пронеслася как молния вся та жизнь, такая приятная, богатая, полная ласки". "Я еще вижу его, как если бы это было вчера, — на здешней станции железной дороги, когда он прощался с нами в солдатской шинели".

Если смерть Карамзина произвела такое тяжелое впечатление на его друзей, то для его жены Авроры Карловны это было сильным ударом. Тот же Тютчев писал: "Я только что вернулся из Петергофа. Я ездил повидать бедную Аврору Карловну. Она долго держала меня в объятиях, рыдая. Тотчас же начала она говорить о нем и меня вызнала на то же, и это перед его большим портретом, который был в двух шагах от нас и смотрел на нас своим печальным и кротким взором, словно с нами был он сам. Глядя вновь на черты и на фигуру Андрея Карамзина, я думал о ужасных изувечиях, которым ему суждено было подвергнуться и которые он совсем не предвидел. Завтра, 18 июля, мы приглашены на печальный обряд похорон бедного Андрея Карамзина; его тело однажды уже похороненное и вырытое только что прибыло сюда ("Русск. Арх." 1899, т. 1, стр. 272 и 274).

Погребен был Карамзин в Петербурге в Карамзинской церкви во имя Божьей Матери всех скорбящих радости Новодевичьего монастыря. На его могильном памятника были начертаны слова: "Карамзин Андрей Николаевич, полковник, родился 24 октября 1814 года, убиен во брани за веру и отечество против турок 16 мая 1854 года. Блажени милостиви яко тии помилованы будут".

3 августа того же года состоялся приказ по военному ведомству: "Исключается из списков убитый в сражении против турок Гусарского генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича — Эриванского полка — полковник Карамзин" ("СПб. Вед." 1854 г. № 173).

Смерть любимого мужа была не только сильным ударом для Авроры Карловны, которая долго и горячо оплакивала его, но произвела решительный перелом в самом характере ее. Увлекавшись прежде роскошью, блестящею светскою жизнью, не задумывавшаяся о смысле жизни, не обращая большого внимания на религию, А. К. Карамзина не находит теперь уже полного счастья в такой жизни; в характере ее начинает преобладать тихая грусть, она склоняется к религии, становится более сосредоточенною в самой себе и горячо предается благотворительности. Некоторое время она продолжала еще жить в Петербурге, где удостоилась принадлежать к тому тесному придворному кружку, к которому император Николай I и в особенности император Александр II относился с любовью и полным доверием. Лето же Карамзина проводила обыкновенно в Финляндии в вилле Трескенда, где проявила щедрую благотворительность.

В 1863 г. император Александр II прибыл в Гельсингфорс на открытие сейма. Следующий за открытием сейма день был одним из лучших дней в жизни Карамзиной: ее посетил император, которого она принимала у себя в вилле Трескенда с редким велико-

лением. В 1866 г. праздновалось бракосочетание наследника цесаревича с принцессою датскою Дагмарой. По особому приглашению в Петербург поехала по этому случаю и Карамзина, бывшая тогда статс-дамою.

С 1868 г. Карамзина, окончательно удалившись от света, навсегда поселилась в Финляндии и, проживая то в Треcканде (вилла эта сгорела в 1888 г.), то на Карамзинской даче или вилле Хагазунд. Впоследствии эта вилла была перестроена и ныне в красивом двухэтажном доме, окруженном парком, на берегу Телеского залива, находится городской музей и улица идущая от него называется в память ее — Аврориноскою.

Посвятив себя исключительно разнообразной и широкой благотворительности: помощи бедным, поддержке разных обществ, поощрению искусств и литературы, А. К. Карамзина основала больницу при общине сестер милосердия в Гельсингфорсе, дом для немощных бедных в Эсбо, народную школу и народную библиотеку в Трескенда и дешевую столовую в Теле. На удивление, долго сохранила Карамзина как духовные, так и телесные силы. У нее было обыкновение совершать продолжительную прогулку пешком и эту привычку 93-летняя статс-дама сохранила чуть ли не до самой смерти.

Скоро наступил для А. К. Карамзиной последний час: выздоровив было от перенесенного ею воспаления легких, она в полном сознании скончалась от упадка сил у себя на Карамзинской даче 30 апреля 1902 года, то есть не дожив только трех месяцев до 94 лет. Погребена она была в Гельсингфорсе.

**

Отсутствие в печати собранных воедино биографических сведений о А. Н. Карамзине породило много различного вида толков и рассказов на его счет. Как пример, ниже помещается версия о гибели Карамзина из книги Б. Штерна "Интимная жизнь Романовых", ссылающегося на книжку князя Г., изданную в 1866 г. на английском языке. Не делая своего заключения об исторической ценности этого рассказа, мы приводим его здесь в том виде, в каком он был сообщен С. А. Топоркову ген.-майором А. А. Шмидт, к сожалению, не указавшим ни места, ни года издания книги Б. Штерна.

"В то время когда император Николай I усмирял бунтующие войска на Сенатской площади, недалеко от Зимнего дворца красавица молодая графиня Владиславская дала жизнь младенцу мужского пола и сама от родов скончалась. Император Николай Павлович познакомился с гр. Владиславской в доме М. А. Нарышкиной, возлюбленной императора Александра I. Знакомство перешло в нежную связь.

Когда бунт был подавлен, Николай Павлович поинтересовался судьбой Владиславской и узнал, что она скончалась, а младенца увезли неизвестно куда. Его увезла сестра Владиславской, которая замуж не вышла, а посвятила свою жизнь воспитанию ребенка и всячески вселяла в него дух ненависти к императорскому дому. Мальчик по католическому обряду получил имя Богуслава и фамилию Миклашевского, по крестному отцу.

Пяти лет от роду мальчик был в Варшаве свидетелем восстания. В юных летах он примкнул к польским революционерам и, когда Европа вся пылала, он принимал деятельное участие с Герценом, Бакуниным и др. в революционном движении в Германии. Вернувшись на родину, он за эти дела был на границе арестован и сослан в Вятку. Его тетушка, гр. Владиславская, выдавая его за своего сына, обращается к императору Николаю I с мольбою помиловать Богуслава во имя покойной сетры. Император кладет резолюцию: "Послать на Кавказ солдатом, пусть выслужится". Эта резолюция исполнена не была, т. к. Богуслав вместе с другими ссыльными бежали. Богуслав находит приют в староверческом ските и староверы, недовольные правительством, дают Богуславу возможность перебраться через австрийскую границу. Богуслав поселяется в Париже и в Восточную войну поступает в польский легион Зелинского и от его руки надаеж в бою полковник Карамзин.

После смерти императора Николая I и по заключении мира с Турцией Богуслав хлопочет о разрешении вернуться в Польшу, власти дают согласие, но его опять арестуют и отправляют в ссылку. Однако, император Александр II из документов отца узнает о существовании брата и шлет ему помилование. Известие это застает уже умирающего от лишений Богуслава".

**

В поэме "Аврора" посвященной Андрею и Авроре Карамзиным, изданной в 1923 г. (автор Георгий Маслов, доброволец в армии адм. Колчака, умер от тифа в 1920 г.) тоже есть различного рода неправильности и ошибки биографического характера.

Наконец, в книге, вышедшей в издании советской академии наук в 1960 г. "Пушкин в письмах карамзиных 1936-1937 годов" в небольшой биографической справке о А. Н. Карамзине говорится, что в деле 16 мая 1854 г. "вместе с ним (Карамзиным) погибло 19 офицеров..." Это неверно: в Александрийском полку, который составлял главные силы отряда, из офицеров были убиты трое — полк. Карамзин и поручики Бронневский и Винк ("Русск. Инв." № 174, 1854). Многие офицеры были ранены, но впоследствии все продолжали службу в строю, а не "погибли".

Что же касается статьи Н. Ф. Винтенгофа — А. Н. Карамзин в деле 16 мая 1854 г. ("Русск. Стар." 1878, т. 23, кн. 6, стр. 196-216), на которую почти всегда ссылаются авторы описывающие дело у Каракула, к ней надо относиться с большой осторожностью ввиду ее тенденциозного характера: она вызвала в свое время ряд опровержений в "Русской Старине" современников и участников каракальского дела (кн. Васильчиков, Дика, Вязмитинов). Автор статьи, Винтенгоф, еще до написания ее принужден был уйти из полка "не по своему желанию".

К ИКОНОГРАФИИ А. Н. КАРАМЗИНА

В полковом собрании Александрийских гусар в Самаре находился портрет А. Н. Карамзина (в раме

овальной формы), сделанный маслом по цветной фотографии, с тою только разницей, что на фотографии он был изображен в фуражке. Другой портрет маслом находился (1939 г.) у г-жи фон Эттер в ее имении в Финляндии (г-жа фон Эттер, рожд. гр. Клейнмихель и внучка кн. Е. Н. Мещерской, дочери историографа Н. М. Карамзина). Этот портрет, по непроверенным сведениям, находится ныне в городском музее в Гельсингфорсе.

Кроме известной литографии Л. Вагнера, сделанной в Карлсруе, существуют еще две: А. Н. Карамзин стоит оперпись на письменный стол перед портретом А. К. Карамзиной, подписана: Copiert Kriehuber 1855. Geb. bei Jas. Stoufs. Wien и воспроизводимая здесь, подписанная: Lith. par A. Legrand d'aprés Rossi — Imp. par Auguste Bry. 134, rue du Bac.

Гибель военного транспорта „Императора Александр II"

Я. И. Кефели

В середине августа 1916 года я получил телеграмму от генерала Шварца с вызовом меня в Трапезунд для доклада о ходе лех строительных работ по оздоровлению Карса, которыми я ведал в качестве начальника его канцелярии.

Строительство в крепости и городе Карсе оставалось в ведении генерала Шварца и после его назначения в Трапезунд начальником укрепленного района и генерал-губернатором.

В двадцатых числах я и главный инженер Тернавский прибыли в Батум и ждали оказии, чтобы морем переправиться в Трапезунд. Вечером 24 августа из Батума в Трапезунд направлялся реквизированный французский пароход общества "Мессажери Маритим" с большим числом солдат, предназначенных на пополнение правого крыла Кавказской армии. Для охраны этого транспорта в пути его должен был сопровождать эскадренный миноносец. Командир батумского порта, адмирал, мой соплаватель по Дальнему Востоку в войну с Японией, предложил мне и Тернавскому идти не на "французе", а на этом миноносце пассажирами.

С заходом солнца мы вышли в море. Хотя ветер был небольшой, но море было бурным. Шла мертвая зыбь, очевидно, после бушевавшего где-то шторма. Ночь была безлунная, совершенно темная: звезд не было видно.

Так как все офицеры были наверху на своих постах, в кают-компании оставались мы двое. В 9 часов подали нам чай, после которого мы прилегли отдохнуть. Качало. Вскоре мы оба задремали.

Вдруг среди ночи внезапно затих обычный резкий шум машины, и я тотчас же от этого проснулся. Качка еще больше усилилась. Волна била в борт судна. Меня поразила необычайная тишина. С палубы издали доносились какие-то командные крики.

Пошатываясь от качки, я бросился на трап, чтобы выйти на верхнюю палубу и узнать, в чем дело. В это время проснулся Тернавский и с вопросом: "Что случилось? Что случилось?" — набросил на себя китель и тоже поспешил за мною наверх.

Когда мы вышли на палубу, по близости никого из команды не было. Ночь была по-прежнему очень темной, но на горизонте виден был луч прожектора. Сначала я подумал, что это атака подводной лодки, но — кто светил и для чего? — нельзя было понять.

Вдруг прыснули пучком яркого света прожектора с нашего миноносца и, покачиваясь по небу и волнам, залил полосой яркого света волнующееся море в сторону прожектора на горизонте. Оба луча встретились и слились на чем-то.

Придерживаясь обеими руками за бортовые поручни, пушки и стоявших около них матросов, по узеньким дорожкам-мосткам, в полной тьме, мы стали пробираться к носу миноносца, к командному мостику, и тихо обменивались отдельными словами, стараясь не мешать тревожному вниманию окружающих, устремивших свои взоры в сторону далекого кусочка черно-зеленого волнующегося моря, освещаемого нашим качающимся прожектором.

Подойдя к мостику, мы заметили, как сильно нас качало... С нами вместе то высоко над водой поднимался, то летел вниз весь нос миноносца. А с носом миноносца так же качался командный мостик, на котором можно было различить темные силуэты командира миноносца, вахтенного начальника и сигнальщиков, смотревших в бинокли в освещенное прожекторами пятно на горизонте.

У левого борта, где мы остановились, держась за пиллерсы мостика и ведущий на него трап, огромные черные волны, от которых несло холодом, лизали палубу и опять уходили в бездну. Брызги воды слегка попадали нам на лица.

Из ясно слышных нам слов командира и реплик окружающих его на мостике мы узнали, что еще не известно, что произошло. Несколько минут тому назад транспорт с войсками, который мы сопровождали, идя, как и мы, без огней, столкнулся, по всей вероятности, с каким-то пароходом, которого сейчас, как будто уже не видно. Может быть, он тонет или уже затонул.

Всматриваясь, мы разглядели на горизонте в лучах нашего прожектора какие-то точки. Возможно, это плавали вещи или люди с погибавшего парохода.

Команда, спавшая на палубе одетой, теперь стояла по-боевому у пушек и минных аппаратов, которые были направлены в обе стороны на невидимого неприятеля, каждую минуту могущего обнаружиться

в виде перископа или движущейся на нас мины. Стоявшие же ночью у орудий дежурные комендоры рассказали нам, что минут пять тому назад с моря послышался глухой удар. Они подумали, что это взрыв мины, пущенной с вражеской подводной лодки в сопровождаемый нами транспорт, и тотчас, разбудив тут же спавшую остальную прислугу орудий, приготовились к отражению минной атаки. Поэтому, в первые минуты и командир миноносца опасался светить прожектором, но остановил машину, чтобы осмотреться в ночной темноте.

Наш миноносец шел мористее транспорта, который мы сопровождали. Все тотчас же увидели в темноте в сторону берега неясные очертания как бы другого судна вблизи большого силуэта, сопровождаемого нами. Его большое темное пятно (наш транспорт) стало отходить от второго, а это последнее начало быстро уменьшаться и исчезать. Заподозрели, не произошло ли столкновение?

Вскоре на крупном пятне вспыхнул прожектор и стал ощупывать своим лучом море. Все говорило о столкновении. Второго судна, однако, сейчас не могут найти и прожектором.

Так описали нам происшедшее комендоры.

Вдруг к нам стали доноситься отдаленные не то крики, не то вой или стоны. Шум волн, однако, все заглушал. Надо было прислушиваться.

Наш миноносец дал ход, повернул в сторону криков и стал освещать прожектором место происшествия, все время идя на сближение. Вскоре все мы увидели в лучах прожектора, как нам все еще казалось — далеко в море, на оливково-черном фоне воды белые точки, которые то скрывались, то вновь появлялись. Волные громадного размера, без пены, волны мертвой зыби, то прятали их от нас то четко их обнаруживали. Стоны, крики и вой стали явственными.

Миноносец то гасил прожектор, то вновь пускал его в эту очень широко рассеянную кучу человеческих голов. Боялись появления подводной лодки, которые оперировали в этом районе действия наших транспортов, связывавших Трапезунд с ближайшим русским портом Батумом. Прожекторы могли привлечь внимание неприятеля. На этом переходе немецкие подводные лодки утопили не одно русское судно. Не так давно здесь погиб наш госпитальный корабль.

Очень скоро мы вошли в гущу плавающих. Матросы с обоих бортов стали бросать спасательные пояса, буйки, доски, чтобы дать возможность плавающим продержаться на воде. Нос миноносца был ближе к плавающим. Благодаря низкобортности миноносца бросали концы, подтаскивали их из воды на палубу, ловя момент, когда борт судна вследствие качки опускался в воду.

Команда стала перекликаться с плавающими. Все это были бодрые, веселые голоса. Не верилось, что этих людей только несколько минут тому назад постиг смертельный удар судьбы и они случайно избежали рокового конца. Никто из плавающих, видимо, в эту минуту не думал о своих товарищах, уже скрывшихся в морской бездне со своим кораблем, и о других, еще изнемогающих в борьбе за жизнь и захлебывающихся в пучинах Черного моря.

Не было возможности вытащить всех сразу. Толпа голов сбилась в воде у носа миноносца.

— Тащи скорей! Надоела мне эта холодная ванна, — закричал какой-то молодецкий голос из воды.

Его вытащили. Оказалось, что этот неунывающий мореход тонет уже в третий раз в эту войну. И пока удачно...

В большинстве, все это были коммерческие моряки, матросы с парохода Русского общества пароходства и торговли "Александр II", реквизированного во время войны и плававшего под именем военного транспорта "*№ 28*".

Всех спасенных спустили в носовой кубрик и стали отпаивать ромом. Простывшие пошли в кочегарки и стали сушить промокшую одежду. Команда миноносца роздала спасенным свои бушлаты и одеяла.

Быстро начался общий оживленный разговор, из которого выяснилось, что они шли курсом обратным нашему, из Трапезунда в Батум. Ночь была страшно темная и шли, конечно, без огней.

Вдруг обнаружилась перед носом большая тень корабля. Не успели положить руля, как встречная тень врезалась в кормовую часть, и "Александр II" почти сию же минуту стал тонуть, разрезанный надвое. В поднявшейся суматохе некоторые из команды и пассажиров "Александра II", находившихся на верхней палубе, успели перескочить на палубу врезавшегося в них судна. Пассажиры же первого класса, ехавшие в отпуск офицеры, повидимому, все погибли, — они не могли выбраться из кают.

Из опасения подводных лодок прожектор то погашали, то снова пускали в ход, ища тонувших. Около двух-трех часов мы, медленно продвигаясь по месту несчастия разыскивали возможных одиночек, державшихся на воде. Все это время миноносец переговаривался по семафору со сопровождаемым транспортом.

Оказалось, что у "француза" разворочен нос, но нет серьезных повреждений и он может продолжать путь. Встречный же транспорт, по их словам, очень скоро пошел ко дну. Некоторые солдаты, в панике, те, которые были на французском пароходе, боясь, что их транспорт утонет, сами стали с борта бросаться в воду и, несомненно, утонули.

Часа в четыре ночи, потеряв надежду кого-либо еще найти на поверхности воды, мы медленно двинулись в направлении Трапезунда, все еще в полной тьме. Не прошло и десяти минут, как с левого борта к нам стал доноситься отдаленный, протяжный вой. Мы стали прислушиваться. Вой то затихал, то опять усиливался. Откуда-то, издалека в море, неслось жуткое, заунывное: уу... уу... ууу...

Стоявший около нас матрос побежал на мостик доложить командиру. Остановили ход. Пустили прожектор, который, о ужас, поймал несколько точек. Мы двинулись к ним навстречу.

Это были тоже с "Александра II", которые какимто образом оказались вне района наших спасательных действий. Я, как врач, пошел к носовому кубрику, чтобы осмотреть новых спасенных. Вижу, кучка

матросов, ранее вытащенных из воды, обернутых в мешки и одеяла, с голыми головами, руками и ногами, сидя на корточках, в полутьме режется в карты, бросая их на палубу и не обращая никакого внимания на окружающее. Это, подлинно, были люди, которым море по колено...

Мы пришли на Трапезундский рейд с большим опозданием, уже среди дня, все время опасаясь дневной атаки подводных лодок.

Выяснилось, что в этой военно-морской катастрофе погибло более полутораста человека, почти исключительно с "Александра II". При этом, офицеры в числе около пятидесяти, ехавшие в каютах первого класса, погибли все. Удар пришелся как раз в место выхода из первого класса.

Нашим миноносцем было спасено 36 человек — все с "Александра II". Если бы не "француз" ударил в бок "русского", а наоборот — "русский" ударил бы переполненного солдатами "француза", — погибли бы тысячи.

В этой катастрофе едва не погиб известный писатель С. Р. Минцлов со всей семьей. Он собирался 24 августа, со всей своей семьей, ехать в Батум, но генерал Шварц, который был его начальником, задержал его на несколько дней по служебным делам в Трапезунде. И Минцлов 27 августа занес в дневник следующее:

"Вчера вечером вернулся из трехдневной поездки по округу, и дома встретили недобрые вести. Транспорт № 28, на котором мы должны были ехать, в ночь на 25 число где-то под Ризе столкнулся с № 43 и в десять секунд пошел ко дну. Спаслись только те, кто был на палубе... С ними погибло несколько знакомых, ехавших в отпуск... Заведующий нашими мастерскими прапорщик Фатьянов, ... собиравшийся ехать в Батум, опоздал к отходу последней шлюпки на транспорт и долго бегал по пристани, ища хоть какую-нибудь лодку. Таковой не оказалось, и Фатьянов, ругая всех и вся, остался на берегу..." ("Трапезундская эпопея", стр. 95).

Несмотря на то, что акулы-подводные лодки всегда рыскали в этих водах, мне пришлось совершить шесть или семь поездок в Трапезунд морем и столько же обратно. Одну поездку в оба конца совершила со мною моя семья.

Не знаю, можно ли винить кого-либо в происшедшей морской трагедии, или же это была "неизбежная в море случайность"?

Был ли суд, обязательный для такого случая по морскому уставу Петра Великого, и каково было его решение, — не знаю. После этого несчастия, однако, наши суда, совершавшие почти правильные и почти ежедневные ночные — по-боевому, без огней — рейсы между Батумом и Трапезундом, шли в одном направлении ближе к берегу, а в обратном — мористее. Он этом не подумали раньше.

О моей службе Лейб-Гвардии в Егерском полку

(1895 - 1901 гг.)

Генерал Б. В. Геруа

(Окончание)

По возвращении в Петербург после коронации в полку могли сосредоточиться на подготовке к столетнему юбилею, до которого оставалось всего пять месяцев. В этой подготовке была отведена роль и мне.

Кроме хозяйственных хлопот, связанных с улучшением обстановки офицерского собрания, на офицеров неожиданно выпала забота по срочному составлению и изданию к юбилею истории полка. Материалы к ней начали собирать после войны 1877-78 гг., но решили приступить к обработке их лишь в 1893 году, т. е. за три года до юбилея. Написать историю взялся полковник генерального штаба Н. А. Орлов, профессор академии, составивший себе имя как военный писатель. В полку с ним познакомились офицеры, когда он отбывал в нем ценз летнего командования батальоном; они были подкуплены жизнерадостностью и видимым талантом этого круглолицего и румяного человека в баках. Между прочим, он был неподражаемый рассказчик и увеселял офицеров после хорошего обеда анекдотами, запас которых у него казался неистощимым.

В результате своей популярности Орлов получил предложение написать историю полка. Охотно согласившись, он назначил размер вознаграждения — три тысячи рублей. В его распоряжение дали офицера для дальнейшего собирания архивных материалов. Офицер этот переходил из одного архива в другой, ездил в Москву, где хранились многие документы, вообще усердно работал. Другой офицер, не менее усердно, приступил к рисованию форм одежды полка за сто лет. Но после заключенного условия прошло два года, а Орлов не начинал писать историю. В полку, наконец, встревожились. Образовали историческую комиссию, которая потребовала от Орлова отчета в том, что им сделано. Оказалось, что к началу 1896 года у него была готова лишь первая глава истории. Другие он поручил составить своему помощнику по собиранию материалов. Это был поручик А. П. Косаговский. Времени, однако, оставалось так мало, что Орлов попросил дать ему еще помощников. Дали еще двух офицеров, которые состояли тогда в академии, а затем прибавили еще трех из строя. Первым из этих последних еще в декабре 1895 года был назначен я. Предполагалось, что мы будем собирать материалы и передавать их для обработки Орлову.

Однако, последний в высшей степени упростил свое участие в деле. Когда мы докладывали ему, что

выполнили свою задачу по отношению к заданной нам главе истории, он говорил: "Ну, вот и отлично. Теперь приступайте к писанию".

Помню, я поразился такому доверию к моим писательским способностям — я едва сошел со школьной скамьи, но возражать не приходилось. Написав часть главы, я принес ее Орлову на показ. Он предложил мне прочесть написанное вслух, сделал два замечания и опять сказал: "Ну, вот и хорошо. Продолжайте дальше". Так же поступал он с работами остальных авторов.

Стало совершенно очевидно, что история будет составлена при таком порядке не Орловым, а группой офицеров полка и что единственная глава, принадлежавшая перу Орлова, не могла дать ему право называться автором истории полка.

Снова призвали Орлова в историческую комиссию под председательством самого командира полка и объявили, что невыполнение им условий договора заставляет полк отказаться от его дальнейших услуг. Случился этот разрыв вскоре после коронационных торжеств и времени впереди было так мало, что являлся вопрос, возможно ли вообще успеть закончить и издать историю к ноябрю? Но это чудо мы совершили благодаря энергии А. П. Косаговского, двигавшей всех сотрудников и взявшего на себя при этом львиную долю работы.

Сотрудники были в значительной степени освобождены от занятий. Для написания ответственного периода участия полка в войне 1877-78 гг. и в бою под Телишем очень удачно пригласили талантливого подполковника генерального штаба Е. П. Мартынова, который потом тоже, как и Орлов, командовал у нас для ценза батальоном. В какие-нибудь два-три месяца Мартынов отлично справился со своей задачей, представив дельное, исчерпывающее и живо написанное военно-научное исследование.

Напряженно трудились и все остальные. Целые дни, особенно зимой, проводил я в архивах Главного Штаба Гвардейского корпуса, в Публичной библиотеке. А вечерами писал, рисовал виньетки, держал корректуры как своих глав, так и приложений к истории, вроде списков офицеров полка за сто лет.

В. А. Чемерзин лихорадочно заканчивал свои рисунки форм пером. Н. Н. Бунин рисовал виньетки и обложку для истории. П. А. Тихонович, изумительный чертежник, чертил планы тражений. Лично на мою долю выпали две главы истории: время царствования Александра I после Отечественной войны и Александра II с начала войны 1877-78 гг. исключительно.

Какова была спешка показывает, что к середине августа смогли отпечатать только 13 печатных листов из 66, приходившихся собственно на текст, не считая приложений и что последняя напечатанная страница, предисловие к истории, помечено 4-м ноября. А юбилей должен был праздноваться 9-го, т. е. через пять дней! Оставалось еще сброшюровать издание и переплести. Удалось и это вовремя.

Получился увесистый том большого формата с золотым обрезом и в красивом переплете с отлично исполненным рисунком нового юбилейного знамени, включенного в воинскую арматуру. Многочисленные планы и карты были выделены в особую дополнительную папку.

При нарядной внешности, множестве иллюстраций, красивой бумаге, история полка оказалась на высоте и по содержанию. При составлении ее был принят научно-исторический метод, дававший в основу, по возможности, первоисточники; текст сопровождался тщательными ссылками; ряд документов был напечатан в приложениях; список офицеров за сто лет не ограничивался сухим перечислением имен Лейб-Егерей, а сообщал также биографические о них сведения, собрание которых представило немало труда.

Составители понимали, что в условиях чрезвычайной спешки издания были неизбежны недочеты, за каковые и попросили извинения у читателей в предисловии. Но, в сущности, эти недочеты совершенно незаметны, и я теперь, спустя много лет, не нахожу особых пропусков, неувязок и ошибок в этом труде. Ничто не говорит о его поспешности. Наоборот, книга является превосходным историческим источником и не уступает другим подобным трудам, потребовавшим гораздо больше времени.

Удивительнее всего то, что даже индивидуальный стиль изложения глав, отражающий авторов, не нарушил общего единства. Это последнее достигалось отчасти тем, что главы, составлявшиеся авторами-новичками, по мере их написания громко читались в соединенном заседании сотрудников. Во время таких чтений вносились поправки согласно замечаниям слушателей и иногда перестраивались целые пассажи.

Главной штаб-квартирой изготовления истории являлся кабинет А. П. Косаговского, который жил в офицерском флигеле казарм на Рузовской улице, одним этажем выше над квартирой, где помещались мы с братом и П. А. Московю В квартире этой, как и у Косаговского, тоже шла работа все напряженнее и бойче по мере приближения юбилея; тоже на всех столах лежали исписанные и чистые листы, карты, корректуры; так же часто звонил звонок и деньщик появлялся с новым пакетом из типографии: одним из условий нашего конечного успеха было не задерживать корректур и, по возможности, возвращать с тем же мальчиком, который принес их из типографии. Квартирная близость к Косаговскому превратила меня в его помощника по издательским заботам; поэтому мне приходилось ездить иногда в типографию и исполнять другие поручения.

Вспоминаю с удовольствием весь этот кипучий период, оторвавший меня временно от роты и строя, но окунувший в литературное и печатное дело. Я открыл в себе, между прочим, настоящее призвание корректора! Глаз мой ловил самую хитрую опечатку, скрывшуюся под видом похожей буквы или цифры. Чтение длиннейших корректур никогда меня не утомляло, скорее занимало. Косаговский скоро уверовал в мою надежность по части сличения пробных оттисков с подлинниками и в мое искреннее отвращение к мелким опечаткам, сохранившееся, кстати, по сей день. Поэтому я сверял не только свои собственные

рукописи, но и держал почти все последние корректуры, уже в гранках. Я всегда находил в них ошибки, пропущенные авторами в прежних корректурах.

Вспоминаю появление ранним утром в зимние холодные дни в дверях моей спальни Косаговского, в пальто с башлыком и в фуражке. Девять часов утра; он уже отправляется на работу в какой-нибудь архив или в библиотеку, а я еще сплю своим крепким сном двадцатилетнего подпоручика. Сквозь сон все же сначала слышу в соседней комнате знакомый басок Косаговского, который спрашивает моего денщика: "Встал ли твой барин?" Узнав, что денщику не удалось побудить своего барина к вставанию, Косаговский отправляется сам на подмогу. И вот, в дверях ввиде упрека стоит высокая и худая его фигура.

Как когда-то старик Довяковский будил кадета 3-го класса фразой: "Борис, со сном борись", так теперь Косаговский говорил строгим тоном и коротко: "Бобка-лентяй, вставай!" Вставать было холодно и противно, но Бобка покидал свою походную койку и собирался в дорогу, в тот или другой архив...

Приятны были вечера у Косаговского, когда мы слушали новую главу истории. Впоследствии эти деловые заседания в уютной атмосфере небольшого кабинета со стильными старинными вещами, за чаем, подаваемым в хороших чашках, превратились в еженедельные литературные собрания. Когда покончили с полковой историей, читали чьи-нибудь произведения — прозу, стихи, исторические отрывки. На огонек этих суббот приходили проветривать свой интеллект не одни бывшие сотрудники по истории полка и вокруг нашего ядра вскоре образовался небольшой литературный кружок.

Памятно было появление в свет, наконец и к сроку, объемистого тома полковой хроники, плод дружных совместных трудов нескольких офицеров. "Ну, вот это егерство!" — сказал бы бывший командир Х. М. Долуханов.

***

День юбилея приходился на 8-е ноября. Накануне в Зимнем дворце, в Николаевском зале, состоялась торжественная прибивка нового знамени, а вечером отслужили в полковой церкви Св. Мирона панихиду по всем Лейб-Егерям, павшим в боях и умершим. Прибивка заключается в том, что каждый должен был ударить молотком по одному из очередных гвоздей, которым полотнище знамени прикрепляется к древку. Конечно, оно уже было фактически прибито, но все делали вид, что своим ударом загоняют золоченный гвоздь в дерево. Первый гвоздь вбивал Шеф полка — Государь, потом Императрица и члены императорской фамилии. После них, все офицеры полка, начиная с командира.

На другой день — парад в Михайловском манеже и церемония пожалования юбилейного знамени, во время которой Государь после молебна вручал знамя командиру; последний должен был стать на одно колено, принимая "полковую святыню", как мы называли и как действительно чтили эту эмблему.

Старое знамя как бы увольнялось на покой. Да и было пора: от шелкового полотнища оставались одни лохмотья. Теперь отслужившее знамя будет стоять в полковой церкви на амвоне против алтаря.

Зато юбилейное знамя было великолепно, одно из первых этого рода, пожалованных по новому рисунку. На одной стороне образ масляными красками Святителя Мирона (работы своего офицера Н. Н. Бунина), на другой — шитый золотом массивный вензель Николая II-го. Все края тоже зашиты золотым узором. Под двуглавым массивным орлом, венчавшим древко, подвязаны ленты, голубая андреевская, юбилейная, и георгиевская, пожалованная за Бородино.

Темнозеленый шелк полотнища, по цвету четвертого полка, сложен вдвойне. С массою золотого шитья это делало полотнище тяжелым; носить в распущенном виде его было труднее чем старое знамя и знаменщика нужно было выбирать из очень сильных и ловких людей. И сила, и сноровитость требовались в особенности при салютовании знаменем Государю, когда полагалось его опустить к земле, а затем снова поднять — либо в вертикальном положении (стоя на месте), либо положить на левое плечо (на ходу).

Знамя выглядело щеголски пока оно было новехонькое. В 1916 году, во время войны, я видел его в последний раз на полковом празднике. За двадцать прошедших лет оно, хоть и не превратилось в лохмотья, потеряло все же нарядность. Шелк заметно износился и полинял, шитье почернело и в некоторых местах вследствие своей тяжести слегка свисало с ослабевшего полотнища.

После парада полк вернулся в казармы, где для солдат было устроено праздничное угощение, а офицеры и все старые Егеря получили приглашение на завтрак в Зимний дворец. Здесь, по заведенному порядку, провозглашались тосты, гремела музыка, кричали ура, а затем в соседней небольшой зале Государь и Государыня обходили офицеров и с некоторыми разговаривали.

Императрица Александра Федоровна никогда не могла побороть своей застенчивости на людях; на втором же году царствования она еще не научилась скрывать свое смущение и еще не овладела как следует русским языком. Было видно, что необходимость быть разговорчивой хозяйкой была Императрице в тягость. Как угадать, к кому можно обратиться на придворном французском языке или на родных немецком и английском?

Но вот, Государыня видит в толще офицеров знакомое лицо! Это ее первый камер-паж. То же неизменившееся длинноносое безусое лицо. Это — Геруа, которому, она лично вручила не так давно приказ о производстве в офицеры на Царском валике в Красном Селе...

Императрица направилась решительно в гущу офицеров и с милой улыбкой подошла ко мне через образовавшийся корридор. Она подала мне руку для поцелуя, как это делала в мое камер-пажеское время, и задала два-три вопроса по-французски. Что именно — не помню, но это и не имело никакого значения

при обходах. Окружающие отмечали только факт: Царица удостоила улыбкой, разговором, дала поцеловать руку.

Едва Государыня отошла, как около меня оказалась высокая фигура Великого Князя Михаила Николаевича. Раздвинув офицеров, он бодрым военным шагом подошел к этому подпоручику, отмеченному вниманием Императрицы.

— Смотри, не зазнавайся, молокосос, — шутливо-грозно сказал он и крепко взял меня при этом за нос. Очевидно, большой нос мой напрашивался на это проявление дружбы старшего Лейб-Егеря. Великий Князь, фельдмаршал и фельдцейхмейстер, зачисленный в списки полка со дня рождения, т. е. 62 года тому назад, сейчас был в егерском мундире; фамильярный жест его от этого показался милым и товарищеским. Михаил Николаевич, единственный из великих князей, продолжал обращаться ко всем на ты, как это было принято вплоть до царствования Александра III. Великий Князь спросил затем мою фамилию и пошутил еще.

После ужина, когда перешли из столовой в залу пить кофе — под "кофе" подразумевается и многое другое — гостям был предложен приятный сюрприз. Примерно в полночь раскрылись те двери, которые вели в комнату прямо с лестницы, и в залу вошли цыгане "маленькой толпой", хотя и "нешумной". Мы пригласили один из лучших хоров, славившийся в Новой Деревне, с известными солистками и солистами

Цыгане оставались и пели долго, то собираясь в установленном чинном порядке посредине зала, то рассыпаясь между столами и подсаживаясь к гостям. Многие генералы, которые, было, начинали поглядывать на часы, приободрились и досидели до конца. А конец наступил тогда, когда свет бледного зимнего утра начал пробиваться сквозь оконные портьеры.

Полковые дамы, однако, посмотрели на этот цыганский эпизод не так благосклонно: некоторые считали, что следовало пригласить на ужин их и что предпочтение, оказанное цыганкам, было оскорбительно. Особенно доставалось бедным мужьям!

Напрасно они ссылались на традицию: в Егерском полку женщина никогда не переступала порог офицерского собрания.

— А цыганки не женщины? — возражала обидчивая супруга.

**

Я носил форму Л.-Гв. Егерского полка десять лет и переменил ее на мундир генерального штаба летом 1905 года, когда я был на театре войны в Манчьжурии. Я мог вскоре вернуться в строй полка для годичного командования ротой, но по домашним обстоятельствам предпочел исполнить требуемый ценз в Киеве ,где служил после русско-японской войны.

Летом 1913 года я, однако, опять состоял в рядах родного полка, командуя в чине полковника первым, т. е. тоже родным батальоном. За протекшие восемь лет в полку произошли заметные перемены к лучшему по сравнению с сонным чекмаревским временем. Улучшился подбор офицерской молодежи, благодаря внимательному участию в этом важном вопросе общества офицеров. Прежде он решался всецело командиром полка и зависел от его личного вкуса или безвкусия.

Ряд удачных командиров (Спрелпус, Зайончковский, оба генерального штаба, и Яблочкин, способный и ловкий георгиевский кавалер за Японскую войну, а также природный оратор), сильно подбодрили и подтянули полк в строевом отношении. По стрельбе он сделался едва ли не первым в гвардии, без былого нащелкивания процентов и имел призовой кубок за лучшую стрельбу в округе.

Видимым признаком Высочайшей милости к полку за эти годы было назначение в 1909 году командира роты Его Величества капитана В. И. Квицинского флигель-адъютантом, а в 1911 году командира полка ген.-майора Яблочкина в Свиту Его Величества.

Было приятно снова принимать участие в красносельской лагерной жизни; видеть ежедневно великана Тита Гостилова, теперь возмужавшего и потолстевшего, окунуться в знакомую "егерскую" атмосферу... Водить первый батальон к маленьким лагерным победам, на смотрах и маневрах!

Интересно и, казалось мне, продуктивно наладились полевые занятия с унтер-офицерами батальона, которых я старался посвятить в нехитрые тайны мелкой тактики и подготовить быть заместителями офицеров.

В последний день больших маневров, заключавших лагерный сбор, я временно командовал Егерским полком. Яблочкин уехал незадолго перед тем в отпуск, а старший полковник вывихнул ногу и не мог сесть на лошадь. Следующим по старшинству оказался я и должен был вступить в командование полком, накануне "решительного боя".

Разыгрался он на подступах к Царскому Селу. Лейб-Егеря с батареей сотавляли отдельную колонну и имели назначение совершать переход в определенный район. Колонна была атакована во фланг на походе. Вместо возможноро решения по букве: заслониться и итти дальше по своему назначение, я развернул все силы и перешел в контратаку. Маневр этот очень понравился Великому Князю Николаю Николаевичу, которых как раз к этому времени подъехал к нам на автомобиле, желая видеть как будет решена задача. Оставшись "отменно доволен". Великий Князь на этом ходе поставил точку и дал общий отбой.

Забавное совпадение: атаковал меня мой брат Саша со своим 7-м Финляндским стрелковым полком. Но у меня было четыре батальона против его двух, и победу признали за мной. В полку назвали этот эпизод "братоубийственной войной".

Конец

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL : MAI ET NOVEMBRE

N° 34

НОЯБРЬ 1969 год

СОДЕРЖАНИЕ

•

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление Общества с глубокой скорбью сообщает о кончине члена Правления

Константина Владимировича

Хвольсона

последовавшей 4 июня сего года.

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию Г. М. Гринев — Villa Riegler, 2542 Kottingbrunn.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Максимилиана Васильевича Штенгера: M. Stenger, 6 sq. Emmanuel Chabrier, 75 - Paris (17).

Переписку редакционного характера просят направлять по адресу Юрия Александровича Топоркова: G. Toporkoff, « Le Jardin », Landévennec, 29S - Argol.

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя): A. Stchitkoff, 156, Bd Voltaire, 92 - Asnières.

ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

На складе Общества имеются еще нижеследующие издания Об-ва:

1. — **«Записка о службе А. В. Суворова»** (изд. 1947 г.). Цена 1,00 фр. или 0,25 долл., или 1,15 франка.

2. — Номера **«В.-И. Вестника»**, начиная с № 8. Цена номера — 3,50 фр. или 1.00 ам. доллар или 4,00 франка.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на медали: 1) Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2) С.-Петербурга (1703-1953), 3) Обороны Севастополя (1855-1955), 4) Полтавской победы (1709-1959), 5) Отечественной войны (1812-1962), 6) 50-летия начала Добровол. Армии (1917-1967) и 7) 200-летия учреждения ордена св. Георгия. Прием заказов на медаль 50-летия начала первой мировой войны (1914-1964) прекращен.

Цены на бронзовые медали: Гвардии или Петербурга — 29 фр. или 6.90 америк. долл. или 34 фр.; Севастополя или 1812 года — 19 фр. или 4.50 долл. или 22.50 фр.; Полтавской — 17 фр. или 4.00 долл. или 20 фр.; Добров. Армии — 20 фр. или 4.70 долл. или 23.50 франка. Цена медали Добр. Армии посеребренной на 3 фр. или 0.50 долл. дороже. Цены медали св. Георгия: бронзовой — 29 фр. или 6.90 америк. доллара или 34 фр.; бронз. посеребр. — 33 фр. или 7.80 долл. или 38 фр., а позолочен. — 38 фр. или 8.80 долл. или 44 фр.; серебряной — 102 фр. или 22.00 долл. или 116 фр., а серебр. позолоч. — 111 фр. или 23.90 долл. или 126 франка.

В настоящее время заказы на медали выполняются в зависимости от имеющегося запаса и, таким образом, между получением заказа и отправкой заказанного может пройти от нескольких дней до, в худшем случае, двух месяцев.

Заказы надлежит направлять на имя А. В. Щиткова или А. Ф. Долгополова (адреса см. выше).

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

Суммы, поступившие в счет Издательского Фонда с 1 июля 1967 года по 1 июля 1968 года во франках (предыдущий список см. в № 33 «В.-И. Вестника»):

Г. А. Бороздин — 5.00, кн. С. С. Оболенский — 8,00, Б. Ф. Козлянинов — 5.00, П. В. Ден — 10.00, Л. Ф. Ира — 4.00, И. Н. Горяинов — 3.00, М. А. Лютовский — 7.00, Е. С. Молло — 5.00, Б. В. Богдан — 6.00, А. Ф. Долгополов — 12.21, И. Д. Синеоков — 7.33, Е. Б. Курбанова — 23.53, П. Н. Манюкин — 5.00, А. Ф. Долгополов — 17.05, Л. Л. Родцевич-Плотницкий — 19.47, Г. В. Иванов — 15.00, С. С. Булацель — 2.50, Б. Ф. Козлянинов — 9.00, отец Ф. Бокач — 12.00, В. И. Гранберг — 8.00, Л. А. Гринберг — 40.00, Л. Л. Родцевич-Плотницкий — 12.17, С. Н. Ряснянский — 24.34, П. Е. Ковалевский — 2.50, П. В. Ден — 20.00, Ю. А. Топорков — 10.00, Л. Ф. Ира — 2.50, М. А. Лютовский — 14.97, Н. Л. Пашенный — 30.00, А. Н. Васильев — 33.80, М. В. Штенгер — 40.00, Н. М. Витте — 12.00, К. П. Кондзеровский — 15, Ф. С. Шленский — 3.60, М. М. и М. А. Джаншиевы — 100.00, кн. Н. Н. Оболенский — 15.00, М. В. Лелянов — 9.75, Л. А. Кривошеев — 4.45, И. В. Рооп — 9.00 и В. И. Васильев — 13.60.

Правление приносит искреннюю благодарность всем вышеуказанным лицам, а также всем членам и друзьям Общества, которые сочли возможным внести членский взнос или плату за «В.И. Вестник» в увеличенном, в сравнении с установленным, размере.

Некоторые памятные даты в 1970 году

325 ЛЕТ. — Кончина царя Михаила Федоровича (12 июня 1645 г.) и начало царствования царя Алексея Михайловича.

275 ЛЕТ. — 1-й Азовский поход царя Петра в 1695 г.

225 ЛЕТ. — Рождение М. И. Кутузова (5 сент. 1745 г.).

200 ЛЕТ. — Победы гр. П. А. Румянцова у Рябой Могилы (17 июня 1770), на Ларге (7 июля), на Кагуле (21 июля). Победа гр. А. Г. Орлова при Чесме (24-26 июня). Победа ген. Ф. В. Боура под Карталом (23 июля). Взятие гр. П. И. Паниным Бендер (16 сентября).

150 ЛЕТ. — Основания Михайловского артиллерийского училища (1820 г.).

125 ЛЕТ. — Даргинский поход (16-20 июля 1845 г.). Основание полков: 74 пехотн. Ставропольского, 76 пех. Кубанского, 82 пех. Дагестанского и 83 пех. Самурского (16 декабря 1845 г.).

75 ЛЕТ. — Основание полков: 19 драгунского Архангелогородского и 16 гусарского Иркутского (12 сентября 1895 г.).

50 ЛЕТ. — Расстрел большевиками адмирала А. В. Колчака в Иркутске (25 января 1920 г.). Оставление армией генерала барона П. Н. Врангеля Крыма (3 ноября 1920 г.).

Мои личные воспоминания о службе в рядах славной Лейб-Гвардии Конной артиллерии (1898-1914 гг.)

Великий Князь Андрей Владимирович

(Продолжение)

В апреле 1906 года я был отчислен от Александровской Военно-юридической академии обратно в строй. В академии я пробыл четыре года — три слушателем и год в прикомандировании.

Когда я вернулся в строй, 5-й батареей командовал полковник Степан Васильевич Гладкий. Четырехлетнее отсутствие из строя меня несколько выбило из колеи, и Гладкий меня сразу посвятил в самую гущу нашей строевой жизни, во все наши горести и радости. Осень 1905 года была особенно тревожна. Однажды наша батарея получила приказ немедленно идти в Петергоф, где в то время находился Государь и было опасение, что из восставшего Кронштадта будет послан десант. Батарея спешно забрала боевой запас снарядов и в темноте двинулась в путь. Однако, все обошлось благополучно; в Петергофе все было спокойно и батарея, простояв там недолго, вернулась в Павловск.

Гладкий мне рассказал, что самое тяжелое для батареи время началось с весны этого года, когда начали в буквальном смысле забрасывать батарею разными прокламациями, призывая солдат к восстанию, говоря им о тягости казарменной жизни, о несправедливости начальства и прочем.

Когда я вернулся в батарею, то не проходило ночи чтобы наутро не подбирали бы кучу прокламаций разных революционных организаций; бывали дни, что их находили сотнями. Нижние чины, конечно, их читали, а потом сдавали вахмистру, как это было приказано. Как всякая запрещенная литература она несомненно имела для них особую прелесть, но особого впечатления на них не производила. Чтобы парализовать возможное дурное влияние прокламаций и отшибить охоту читать их, Гладкий взял за систему, время от времени, когда появлялась новая прокламация, читать ее на вечерней перекличке солдатам и комментировать ее, что он делал мастерски и с большим свойственным ему юмором. Эти комментарии вызывали у нижних чинов дружный хохот; этим, конечно, влияние пропаганды парализировалось.

Несмотря на все принятые меры ни разу не удалось поймать тех, кто разбрасывал прокламации. Наш вахмистр Чаппа был того мнения, что агитаторы имели несомненно сообщников среди чинов батареи, которые по ночам разбрасывали прокламации, так как постороннего человека можно было бы всегда заметить.

В Красном Селе было несколько случаев, когда какие-то агитаторы подбирались к столовой нижних чинов во время обеда. Столовая была расположена сзади батареи, на склоне в сторону вокзала, у самой проселочной дороги, проходившей сквозь расположение батареи, по которой постоянно толкался народ.

По сведениям полиции в разных местах кругом Красного Села происходили митинги, куда проникали и нижние чины. В эти места посылались разъезды, но только, кажется, раз удалось накрыть такой митинг. Были сведения, что подобные сборища происходят по временам на кладбище между Главным и Авангардным лагерями, находившимися недалеко от нашего расположения. Однажды, офицеры решили лично ночью устроить облаву на этом кладбище, но без нижних чинов. После ужина, когда уже стемнело, вооружившись револьверами и электрическими фонарями, мы двинулись в путь, разделившись на две партии. Каждая партия должна была войти на кладбище с противоположной друг другу стороны, чтобы цепями идти навстречу. Белые кресты над могилами, помню, зловеще мерцали в темноте, вспыхивали огоньки электрических фонарей и когда обе цепи начали сходиться, то каждая предполагала, что вот это и есть скрывающиеся агитаторы и все притаились. В результате, мы ничего не нашли и когда сошлись, было немало комических сцен, — каждый думал, что перед ним злой агитатор. Этого опыта мы больше не повторяли.

Несмотря на усиленный напор со стороны революционеров на наши батареи, среди нижних чинов никаких колебаний ни разу не было и дисциплина не нарушалась. Но все же офицеры переживали все это время очень тревожно. Приходилось напрягать все внимание, чтобы нигде никаких промахов не было, и день и ночь надо было быть начеку, ибо всякий пустяк мог вызвать осложнение.

Однажды командиру батареи Гладкому доложили, что в столовой нижние чины заволновались, найдя в щах червяка. Гладкий, со свойственным ему хладнокровием, пошел в столовую опросить всех, в чем дело. Удостоверившись, что мясо было хорошего качества и в нем не могло быть червей, он потребовал, чтобы ему показали виновника всего этого шума и громко рассмеялся, когда ему показали червяка: он оказался лиственным червяком, упавшим в миску, вероятно, с соседнего куста. Тогда Гладкий принялся осмеивать тех, которые подняли шум, приняв невинного лиственного червяка за мясного гнилостного. Поднялся всеобщий хохот и все стали трунить над теми, которые из такого пустяка подняли такой шум. Не будь на-

ходчивости Гладкого, солдаты остались бы при убеждении, что им дали гнилое мясо.

В это тревожное время офицеры лучше изучили своих людей, наблюдая за ними внимательно и часто беседуя с ними. Надо признать, что и нижние чины прониклись общим тревожным настроением и отлично понимали лежавшую на всех чинах батареи ответственнсть за внутренний порядок и дружно помогали офицерам, отвечая им большим доверием. Обходя ночью один, как дежурный, расположения 4-й и 5-й батарей, я проверял караул, часовых, дежурных и дневальных. Я их всех постоянно опрашивал, все ли у них благополучно, не замечались ли подозрительные лица кругом? По их ответам было видно, как бдительно они следили за всем(что происходило кругом, видно было, что они действительно оберегали порядок, а главное, честь батареи, чтобы не попасть под замечание начальства и чтобы не говорили, что у нас не все в порядке.

Был ли в батерее подозрительный элемент, я не знаю, но если и был, то он был парализован общим настроением всех остальных. Во всяком случае, ни один из нижних чинов батареи за все то тревожное время не нарушил порядка.

***

Вскоре после Японской войны началась вводиться новая система назначения армейскими командирами гвардейских частей. Было решено назначать наиболее отличившихся в минувшую войну. Все они были, действительно, герои войны и доблестные офицеры, но по своему происхождению, да и по воспитанию, они совершенно не подходили к гвардии. Они принесли много знаний и опыта, но, к сожалению, они принесли свои методы воинского воспитания. Они думали, что теми же мерами, как и в армии, они смогут достичь таких же результатов и в гвардии. Мы все тогда думали, что таким командирам было поручено вытравить ту халатность и недостаточно внимательное отношение офицеров к службе, какое обнаружилось в одном из полков. К счастью, лишь пехота получила армейских командиров, кавалерии и артиллерии эта мера не коснулась. Но косвенно мы это почувствовали, когда командиром Гвардейского корпуса был назначен генерал-лейтенант Данилов, вместо уволенного князя С. И. Васильчикова. Генерал Данилов отличился во время Японской войны во главе одного из Восточно-Сибирских стрелковых полков, чуть ли не того, шефом которого был Государь. Ему несомненно была поставлена задача подтянуть Гвардейский корпус.

Вскоре после назначения командиром корпуса генерал Данилов начал объезд всех частей, находившихся в то время в лагере. Сперва он объехал пехоту, потом кавалерию, а мы уж попали в последнюю очередь, почему уже знали его взгляд на службу и его требования, Среди офицеров уже эти объезды вызывали значительную критику и с иронией говорили о его речах перед офицерами и солдатами.

Наконец, дошла очередь и до нас. После обычного опроса претензий, генерал Данилов приказал батареи распустить, а офицерам, вахмистрам и взводным собраться вместе. Сразу же он начал экзаменовать взводных фейерверкеров, спрашивая их, сколько у каждого людей во взводе, какого они поведения, за кого можно ручаться, за кого нет и почему? Просматривая штрафной журнал, распрашивал, почему и за что был наказан, исправляется ли провинившийся и т. д. Все эти вопросы клонили к тому, чтобы определить, насколько взводный знает людей своего взвода. Взводные, конечно, были немного захвачены врасплох, когда он спрашивал, например, кого взводный назначит в ответственный наряд. До сих пор все наряды вел вахмистр, в списках взводов числились люди, как, например, мастеровые, которых взводный мало знал и вопросы Данилова были для взводных стеснительны. Но, в общем, корпусный командир остался довольным экзаменом, но потребовал, чтобы у каждого взводного была бы записная книжка с полным списком людей взвода и с пометками против каждого его личных качеств.

Говоря потом отдельно с офицерами, Данилов подчеркнул еще раз, что взводный является первым звеном строевой части, почему он и требует, чтобы взводный знал людей своего взвода. Конечно, подобные же требования он предъявил и офицерам-взводным командирам, но все же центр внимания он обратил на взводных фейерверкеров. Необходимо отметить, что на самих взводных все это произвело большое впечатление. Корпусный командир, делая их ответственными за взвод и предъявляя им новые для них требования, тем самым выдвигал их вперед на особое положение и взводные были очень этим горды.

Это нововведение было многим офицерам непонятно и оно стало подвергаться с их стороны критике. Но справедливость требует сказать, что по духу устава в этих требованиях нового ничего не было, все это уставом требовалось всегда, но почему-то было забыто.

Затем в собрании 4-й и 5-й батарей состоялся завтрак, на который был приглашен генерал Данилов. В ответной речи на провозглашенный в его честь тост, Данилов изложил основы своих требований к офицерам. Общий смысл этой речи сводился к тому, что Россия сейчас переживает тяжелые времена, революционеры стремятся проникнуть в казармы, чтобы распропагандировать войска — оплот государства. Чтобы предотвратить эту опасность офицеры должны принести жертву и уделить службе больше времени и сократить свои досуги. Закончил он свою речь пожеланием, чтобы офицеры ближе изучили людей ,вошли бы в их нужды и чаще беседовали с ними.

Речь эта была произнесена с большим убеждением и сердцем, но простоватым языком. Она вызвала много критики и иронических замечаний: находили все эти требования излишними и даже неуместными.

Хотя на первых порах офицерство и критически отнеслось к этой речи, но, как это часто бывает,

критика эта была лишь позой. Внутренне офицеры не могли не согласиться с правильностью требований корпусного командира и сильно подтянулись. Подтянулось и наше ближайшее начальство; все, ничего не говоря, постепенно стали уделять больше времени службе и таким образом знать, что делается в ротах. Генерал Данилов несомненно принес Гвардейскому корпусу большую пользу, подтянув строевую службу и подняв авторитет взводных. К сожалению он часто облекал свои требования в грубоватую форму, что вызывало против него, в особенности в пехоте, большое неудовольствие. Это чувство ярко проявилось, когда Данилов покинул должность корпусного командира и когда был поднят вопрос о поднесении ему от корпуса шашки. Это предложение было отклонено исключительно гвардейской пехотой.

Отличительным качеством генерала Данилова было его гражданское мужество. Он, например, потребовал, чтобы офицеры постоянно носили при себе заряженный револьвер и, если они встретят в расположении своей части агитатора, то приказывал стрелять в него без колебаний. На вопрос офицеров, имеют ли они на это право и не будут ли они отвечать, как за самоуправство, генерал Данилов ответил, что берет на себя всю ответственность за свой приказ.

По этому поводу я вспоминаю следующий случай, происшедший во время командования мною 6-ю батареею. Мы стояли на биваке недалеко от Лигова, принимая участие в ночном маневре. После ужина казаки сидели вокруг костра и попевали песни, когда к ним подсела какая-то неизвестная личность, вступившая с ними в разговор, а потом начавшая поносить Государя бранными словами. Вахмистр пришел и доложил мне об этом. Я приказал неизвестного арестовать и сдать в волостное правление, а о случившемся донес по начальству, как это полагалось. Когда это дошло до корпусного командира, то Данилов остался очень недоволен моим распоряжением и сказал мне, что агитатора следовало бы тут же на биваке высечь хорошенько нагайкой и отпустить, не подавая рапорта. На мое возражение, что я поступил точно по закону, а если бы я его высек, то это было бы самоуправство с моей стороны, Данилов мне ответил, что мне надо было поступить быстро и крyто и просил настойчиво меня в следующий раз делать так, как он приказывает.

После генерала Данилова командиром Гвардейского корпуса был назначен Владимир Михайлович Безобразов, бывший лейб-гусар. С ним все вздохнули свободнее, это был свой человек, знавший хорошо гвардию, и все его полюбили.

⁂

На юге Франции в г. Канн 5 декабря 1909 г. скончался на 78-ом году жизни Генерал-Фельдмаршал и Генерал-Фельдцейхмейстер Великий Князь Михаил Николаевич — двенадцатый и последний Фельдцейхмейстер. Для перевезения тела почившего в Россию во Францию был послан крейсер «Богатырь», который доставил тело в Севастополь. Из Севастополя траурный поезд в тот же день отбыл в Петербург. По прибытии его в столицу тело почившего было перевезено с Николаевского вокзала в Петропавловскую крепость. По пути следования печальной процессии, по особому Высочайшему повелению, следовало и старое артиллерийское знамя 1745 года, несомое помошником начальника Главного артиллерийского управления генералом Леховичем.

Дабы дать возможность чинам 2-й батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады хоронить своего Августейшего шефа, было решено тело почившего Великого Князя перевезти с вокзала не на катафалке, а на лафете 2-й батареи и нарядить от батареи команду для опускания гроба в могилу.

Погребение Великого Князя состоялось 23 декабря, в присутствии Государя и всей Императорской Фамилии, представителей иностранных государств, бесчисленного множества различных депутаций от шефских частей и от частей, в которых числился покойный. Весь петербургский гарнизон отдал последние почести.

Еще в 1905 году 2-я батарея получила, по случаю 50-летия шефства Великого Князя, на погоны шифр «М», а после его кончины батарея была переименована во 2-ю Его Императорского Высочества Генерал-Фельдцейхмейстера Великого Князя Михаила Николаевича батарею Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады.

В полугодовой день кончины Великого Князя, 5 июня 1910 г. наша бригада отслужила в Петропавловском соборе панихиду и над его могилой возжгли неугасимую лампаду. Эта лампада, сделанная Фаберже, изображала жертвенник на треножнике. В самой урне была устроена лампада, а снаружи были помещены шифр Великого Князя с пушками и соответствующая надпись: внизу между ножками — военные аттрибуты, а в цоколе была устроена выдвижная пластинка с выгравированными на ней фамилиями всех принявших участие в сооружении этой лампады.

⁂

В 1908 году, 13 апреля, Гвардейской Конной Артиллерии была возвращена старая форма ранней эпохи царствования Императора Александра II. Исключением были каски, которые в гвардии были заменены вновь изобретенными киверами, совершенно неудачными и исторически необоснованными.

Уже много раньше до этого среди офицеров ходили слухи о перемене формы одежды и это их очень радовало. Одновременно разгорались и страсти, и фантазии. Многим очень хотелось, чтобы новая форма была непременно «гусарского» образца, черного сукна по типу формы английской конной артиллерии, формы, действительно, очень красивой. Тут главным образом сказалось постоянное стремление иметь такую форму, которая совершенно бы отличалась от пешей — этот вечный антагонизм между пешей и конной артиллериями. Пешая артиллерия всегда стремилась походить на конную

и иметь для этого хотя бы серо-синие рейтузы — мечта всякого «пижоса», как конники называли пеших. Конники же с своей стороны стремились, чтобы их не смешивали с пешими.

Чтобы иметь понятие, какова будет форма сделанная по типу английской конной артиллерии, один из наших офицеров, С. К. Война-Панченко заказал себе такой образец. К сожалению, я этого образца не видел, но С. В. Гладкий, который любил над всем подшутить и посмеяться, рассказывал нам потом, что Война-Панченко был совершенно похож на укротителя диких зверей, одевающихся всегда в «гусарскую» форму, — не хватало только, уверял Гладкий, длинного бича в руках... По-видимому, вышло нечто очень безобразное и от этой идеи скоро отказались. Вернулись снова к старой затее, о которой я писал выше, — изменить цвета тульи фуражки по цвету тех полков, при которых состояли батареи. Но, в конце концов, отказались и от этого, — была бы некрасивая пестрота, когда батареи сходились бы вместе. Тогда снова поднялся вопрос о цвете рейтуз. Почему-то наши офицеры были убеждены, что при перемене формы пешая артиллерия добьется серо-синих рейтуз и в этом случае решили поднять вопрос о введении у нас рейтуз крапового цвета, по примеру армейских гусар. Но все эти опасения оказались излишними: пешая артиллерия сохранила темно-зеленые шаровары. Единственно чего добилась пешая артиллерия, это то, что ее переименовали из «пешей» в «легкую».

Новостью, и надо признать неудачною, явился довольно некрасивый кивер. Те из офицеров, кои носили в старину каски, стояли за возвращение каски, считая их наиболее практичным, прочным и выносливым головным убором. Было мнение, что наши каски были заимствованы у немцев, тогда как на самом деле немцы взяли каски у нас. Государь был тоже решительным противником каски, может быть, потому, что каски не нравились его покойному отцу, Императору Александру III, который их и отменил. Полевой конной артиллерии в этом отношении подвезло, ей дали каски потемкинского типа, с поперечным волосяным гребнем, как у Конно-Гренадер, чисто русское изобретение.

Те кивера, которые в конце концов были даны всей гвардии (пехоте, артиллерии и саперам) были изобретены Великим Князем Петром Николаевичем. Долго вопрос о головных уборах держался в глубокой тайне и никто даже не знал, какие проекты представляются Государю.

Совершенно случайно моему брату Борису и мне пришлось проникнуть в эту тайну. Мы как-то раз заехали в Интендантский музей что-то посмотреть. Проходя по разным комнатам музея, мы нашли в отдельной комнате целую коллекцию различного типа киверов. На наш вопрос, что это за кивера, нам сказали, что это образцы выработанные Великим Князем Петром Николаевичем, которые представляются Государю, но большинство их уже забраковано и Великий Князь вырабатывает новые образцы.

По всем этим образцам видно было, что все попытки выработать новый головной убор вертелся вокруг старого кивера Николаевских времен, но уменьшенного и облегченного образца, так как старый кивер был очень высок, тяжел и неуклюж. Первые прототипы были очень безобразны, то слишком приплюснутые, то узкие, то высокие и т. д. Окончательно выработанный тип, наилучший из всех по своим пропорциям, все же нельзя назвать удачным.

По-моему, неудачной была сама идея дать не один тип головного убора всем частям, а каждой свой, т. е. с полковой расцветкой, причем на генеральском кивере был особый галун. Кроме того, при парадной форме полагались кутасы, которые при обыкновенной снимались, что было технически сложно и кропотливо. В общем, кивер оказлся непрактичным и дорогим. На войне силою вещей пришлось вернуться к каске, правда, стальной для защиты головы. Пришли к тому исходному положению, почему в старину была введена каска, т. е. для защиты головы, а потом каска сохранилась только как парадный головной убор.

Вторая новинка введенная немного позже, в 1910 или 1911 гг., был вицмундир. Рисунок и описание его были составлены у нас в бригаде и мы принимали в этом участие. Ввиду того это это была совершенно новая форма для нас, то каждая деталь подробно обсуждалась. Много было споров из-за воротника, делать ли его бархатным, как на сюртуках, или суконным с петлицей, как на шинелях, с пуговицей или без нее. Для выяснения всех этих деталей я несколько раз ездил в Интендантский музей осматривать старинные вицмундиры армейских кавалерийских полков Николаевского времени. По всем этим данным и описаниям, наконец, было установлено, что воротник должен быть суконным с двумя бархатными петлицами, с красным кантом вокруг, как на шинели, и с пуговицами.

При осмотре этих старых вицмундиров мы заметили, что у разреза рукава, повыше обшлага, была маленькая пуговица обшитая сукном. В старину, можно было растегнуть пуговицу и засучить рукав при чистке лошадей. Мы очень настаивали, чтобы эта, хотя и малозначительная, деталь была бы сохранена, несмотря на то, что мы не предполагали растегивать рукава. Эту пуговицу мы поместили и на нашем вицмундире, тем более, что она относилась к эпохе Императора Николая I, который, интересуясь всеми мелочами формы, недаром установил эту подробность.

Последним новшеством, обрадовавшим, может быть, больше всего офицеров, было дарование права носит:, только вне строя, саблю кавалерийского образца. При парадной бальной форме сабля носилась на золотой портупее поверх мундира, что было очень изящно.

Но из смешения всех этих преобразований в форме одежды получился один забавный результат, а именно, никто больше в точности не знал, какая комбинация из всех предметов обмундиро-

вания правильна для данного случая. У нас был китель, названный походным мундиром, и мундир. Оба имели свою «обыкновенную» и «парадную» форму с бесчисленными вариантами: в строю, вне строя, в лагере, в городе, праздничная, повседневная, служебная, бальная, в общем тринадцать разных комбинаций; к этому надо прибавить — кивер парадный (с кутасами) и кивер обыкновенный (без кутас), фуражка зимняя, фуражка летняя, сабля, шашка, револьвер, рейтузы длинные, укороченные и чакчиры. Все это давало возможность варьировать комбинации до бесконечности.

Хотя и были изданы сложнейшие таблицы правил формы одежды на все, казалось, случаи жизни, но тем не менее, когда собирались на парады и выходы, не было случая, чтобы не возникали споры, кто правильно одет, кто нет. Начальство делало офицерам замечания, что они неправильно одеты, а те ссылались на толкование такого-то пункта приказа и т. д. Чтобы избежать несправедливых замечаний, многие носили при себе копии приказов и циркуляров, которые при первом же споре извлекались из карманов в виде аргумента или доказательства.

Само интендантское ведомство просило части представить точные таблицы форм одежды, над которыми мы все работали, но все же оказалось невозможным предвидеть все случаи, в особенности тогда, когда в приказах относительно некоторых предметов обмундирования было сказано — «разрешается носить», почему один носил, а другой не носил. В некоторых случаях приходилось в приказе по бригаде точно указывать, как офицерам надлежит быть одетым для данного случая, чтобы получилотсь однообразие в форме хотя бы одной части.

⁂

В среду 27 апреля 1911 г. в Царском Селе на площадке Большого дворца Гвардейская Конно-Артиллерийская биргада праздновала свой первый бригадный праздник в Высочайшем присутствии, в конном строю. Это знаменательное событие в жизни нашей бригады требует некоторых объяснений, без которых трудно понять все его историческое значение.

До 1910 года Гвардейские Артиллерийские бригады собственных бригадных праздников не имели. Существовал один общий праздник для «всей Гвардейской артиллерии», который праздновался искони веков 6 августа, в день праздника Преображенского полка, вероятно потому, что при полку существовала «бомбардирская рота», родоначальница Гвардейской артиллерии. Ежели Государь присутствовал в этот день на празднике Преображенцев, то и Гвардейская артиллерия тоже принимала участие в этом параде, в противном случае Гвардейская артиллерия этот день вовсе не праздновала и ничем особенным не отмечала.

Однако, каждая батарея в отдельности имела свой батарейный праздник. Гвардейские батареи, в силу установившейся традиции, принимали участие в парадах в Высочайшем присутствии с полками гвардии, с которыми их праздники совпадали: так, 6 декабря 4-я батарея участвовала на параде со Стрелками Императорской Фамилии; 8 ноября 5-я батарея участвовала на параде с л.-гв. Московским полком; 1-я же батарея, праздник которой приходился 25 ноября, праздновала этот день обыкновенно 21-го с л.-гв. Семеновским полком; 6-я батарея принимала участие на параде с 1-м Стрелковым Его Величества батальоном 17 апреля.

5-й батарее только раз пришлось быть на параде в Высочайшем присутствии, когда л.-гв. Московский полк прибыл для этого дня в Царское Село из Петербурга. Но когда парады бывали в Петербурге, то батарею туда не вызывали. Таким образом, некоторые батареи имели возможность бывать на парадах, другие нет или очень редко. Но бригады, как я сказал выше, своего праздника, общего для всех батарей, не имели, почему в полном своем составе представиться Государю не могли.

Осутствие бригадных праздников объясняется исторически. Основной единицей в артиллерии со времен Императора Павла I была батарея (прежде рота), представлявшая вполне самостоятельную часть, как в смысле строевом, так и в хозяйственном, где она была приравнена к полку; батарея сносилась со всеми довольствующими ее инстанциями, как всякий другой полк, непосредственно. Ввиду этого командиры батарей назначались Высочайшим приказом наравне с командирами полков или отдельных батальонов.

В старое время батареи наши жили вполне самостоятельно и очень далеко друг от друга: две батареи стояли в Петербурге, одна в Новгородской губернии, одна на мызе Пелла. При таких условиях расквартирования общей жизни между батареями не могло существовать, не было естественно и общей бригадной жизни. Лишь в 70-х годах прошлого столетия наши батареи были подтянуты к Петербургу и размещены в Павловске и Стрельне и таким образом стала возможна общая бригадная жизнь.

В конце царствования Императора Александра II и в начале царствования Императора Александра III гвардейским артиллерийским бригадам стали постепенно придавать характер отдельной части, когда ввели «бригадные суды» (полковые,) суды чести для офицеров и, наконец, офицерские собрания для общения офицеров между собою. Все эти меры, вносившие в бригаду полковую организацию, придавали ей характер отдельной части. Примером того, насколько в гвардейских артиллерийских бригадах отсутствовал характер отдельной части, показывает то, что до 1867 года нумерация батарей была не по бригадам, а шла через все три бригады, т. е .была общая для всех трех бригад. Все эти причины, общие для всех гвардейских артиллерийских бригад, побудили их командиров возбудить ходатайство об установлении для каждой бригады своего бригадного праздника, наравне с полками гвардии.

Инициативу в этом вопросе взяли на себя ко-

мандиры 1-й и 2-й л.-гв. Артиллерийских бригад, генералы Головачев и Лехович. В 1909 году после парада в Гатчине по случаю праздника Преображенского полка и гвардейской артиллерии Головачев и Лехович обратились к Государю с просьбой установить для гвардейских артиллерийских бригад отдельные бригадные праздники, на что Государь выразил согласие. Вследствие этого из штаба войск гвардии и петербургского военного округа поступило представление в управление Генерал-Инспектора артиллерии. Великий Князь Сергей Михайлович, придя в Главное артиллерийское управление вызвал генерала Леховича и, передавая ему сношение штаба округа, сказал: «Вы это придумали, так извольте составить обоснованный доклад по этому вопросу».

Почти весь 1910 год ушел на совещания всех командиров гвардейских артиллерийских бригад, результатом которых явился Всеподданейший доклад, составленный генералом Леховичем, который и был утвержден в конце года. Совещание решило ходатайствовать об установлении бригадных праздников в следующие дни.

Для л.-гв. 1-й Артиллерийской бригады — 9-го ноября, в память дня основания Гвардейского артиллерийского батальона (1796 г.).

Для л.-гв. 2-й Артиллерийской бригады — 3-го февраля, в память дня разделения Гвардейского артиллерийского батальона на две отдельные гвардейские бригады (1816 г.).

Для л.-гв. 3-й — 6-го декабря.

Для Гвардейской Конной артиллерийской бригады — 27-го апреля, в память дня выделения Гвардейской Конной артиллерии из состава Гвардейского Артиллерийского батальона (1805 г.).

Наш командир бригады генерал-майор Николай Алоизович Орановский перед тем чтобы установить день праздника для нашей бригады, стал собирать исторический материал, на основании которого можно было бы определить такой день, какой имел значение в истории бригады. Кроме того он обратился за справками к историку Гвардейской артиллерии генералу П. Потоцкому и к полковнику генерального штаба А. Т. Борисевичу, которому было поручено составление истории нашей бригады. Задача сводилась к тому, чтобы найти в истории бригады такое событие, которое имело крупное историческое значение. На этой почве между Потоцким и Борисевичем возник горячий, но интересный спор. У каждого из них были свои веские данные, основанные на целом ряде исторических материалов и каждый защищал свои доводы и выводы. Этот спор представляет настолько большой интерес для истории нашей бригады, что необходимо привести тут взгляд каждого из них.

Генерал Потоцкий находил, что единственным подходящим для нашего праздника днем является 9-е ноября. В этот день, в 1796 году, Император Павел I, на третий день своего восшествия на престол, образовал л.-гв. Артиллерийский батальон из всех артиллерийских частей, составлявших Гатчинскую артиллерию, и из состоявших при гвардейских полках, причем из конной роты Гатчинской артиллерии, пополненной из полевых конных рот, была сформирована первая гвардейская конная рота при батальоне. Эта рота в дальнейшем послужила основанием для большинства гвардейских конных батарей и тем самым и Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады.

Веским аргументом в пользу этого дня, на который главным образом ссылался Потоцкий был тот, что эта дата уже получила Высочайшую санкцию тем, что 9 ноября 1896 года, когда праздновалось столетие со дня формирования л.-гв. Артиллерийского батальона, четыре наши батареи: 1-я, 2-я, 3-я и 5-я получили юбилейные георгиевские серебряные трубы с юбилейными андреевскими лентами. Генерал Потоцкий указывал при этом, в подтверждение своего мнения, на годы обозначенные на лентах, которые были следующие: для 1-й батареи — «1796-1896»; для 2-й батареи — «1796-1811-1896»; для 3-й батареи — «1796-1817-1896» и для 5-й батареи — «1796-1875-1896».

Первое число обозначает год старшинства батареи, второе число — год формирования, а последнее число — год юбилея. Таким образом для всех четырех батарей старшинство считалось с 9 ноября 1796 г. Действительно, аргумент был очень сильный в пользу этой даты. Оспаривать это число было тем более трудно, что оно получило Высочайшую санкцию не только на юбилейных лентах, но и на Высочайших грамотах, при коих трубы были переданы в батареи.

Несмотря на все эти формальные трудности полковник Борисевич выдвинул свои соображения в пользу двух других дат в истории нашей бригады. Первая историческая дата относится к 25 марта 1805 года, когда было повелено Гвардейскую конную роту переименовать в л.-гв. Конную Артиллерию и выделить одновременно из л.-гв. Артиллерийского батальона в самостоятельную часть.

Вторая историческая дата относится к 27-му апреля 1805 года, когда л.-гв. Конная артиллерия была выделена фактически из л.-гв. Артиллерийского батальона в самостоятельную роту. На эту дату Борисевич особенно указывал и привел очень интересный исторический материал, который он потом издал под заглавием: «27-е апреля в истории Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады». Доводы полковника Борисевича в пользу этой даты были следующие.

Хотя, действительно, 9 ноября 1796 г. была сформирована из Гатчинской конной роты Гвардейская конная рота при л.-гв. Артиллерийском батальоне, но она возникла, как самостоятельная часть лишь 25 марта 1805 г. В этот день Высочайше был утвержден доклад инспектора всей артиллерии, графа Аракчеева, о «довольстви конной роты Гвардейского Артиллерийского батальона особо от оного» и о переименовании роты в л.-гв. Конную Артиллерию.

Получив повеление выделить Гвардейскую конную роту из батальона, Аракчеев приказал начать изготовление сдаточных ведомостей и аттестатов

и, когда все это было готово, то представил их при рапорте Цесаревичу Константину Павловичу 26 апреля 1805 года, испрашивая повеления о «назначении принятия денежных сумм распиской в батальонных книгах».

Но Цесаревич никаких повелений не отдал, а просто, на следующий день, именно в день своего рождения, 27 апреля, лично прибыл в батальон и собственноручно расписался в «приеме по книгам» денежных сумм. Этим моментом обрывалась фактическая связь роты с батальоном и с этого момента рота становилась самостоятельной частью, как в строевом, так в особенности в хозяйственном отношении. Так это понимал Цесаревич, что он изложил в предписании командиру роты полковнику Костенецкому в следующих выражениях: «На основании Высочайшего конфирмированного доклада», об отделении роты от л.-гв. Артиллерийского батальона, «впредь оной роте в Гвардейский Артиллерийский батальон ни о чем не относиться ко мне, поелику рота принята мною на законном основании и с сего числа совсем уже отчислена».

Эта, на вид, простая формальность приобретает особое еще историческое значение, если принять во внимание, что она была совершена именно в самый день рождения Цесаревича, который, как будто торопился закончить все эти формальности именно в этот день и тем осуществить свою уже давнишнюю мечту — видеть роту самостоятельной частью.

В результате всех этих исторических справок были отмечены три исторические даты: 9 ноября 1796 г., день формирования Гвардейской Конной роты; 25 марта 1805 г., день переименования роты в Л.-Гв. Конную Артиллерию и, наконец, 27 апреля 1805 г., день когда рота фактически была выделена из батальона, совпадающая кроме того с днем рождения Цесаревича Константина Павловича которому исполнилось в этот день 26 лет.

Оставалось выбрать из этих трех дать наиболее подходящую. Но первая дата, 9 ноября, отпадала как уже избранная по справедливости л.-гв. 1-й Артиллерийской бригадой для своего праздника. Вторая дата, 25 марта, день Благовещения тоже отпадала, как совпадающая с днем праздника л.-гв. Конного полка. Оставалась лишь третья дата, 27 апреля, которая, по мнению полковника Борисевича, наиболее из всех трех подходила для праздника бригады. когда л.-гв. Конная артиллерия была фактически отделена от л.-гв. Гвардейского Артиллерийского батальона и стала отдельною гвардейскою частью; кроме того эта дата совпадала с днем рождения Цесаревича Константина Павловича. благодаря энергии и настойчивости которого была создана л.-гв. Конная Артиллерия. Недаром Великий Князь Михаил Павлович в своем духовном завещании называет Цесаревича «основателем гвардейской конной артиллерии», а сам Цесаревич называл себя «коренным начальником л.-гв. Конной артиллерии», т. е. первым ее начальником.

Дата 27 апреля 1805 г. и была окончательно избрана нами, а в конце 1910 г. этот день праздника был Высочайше утвержден.

(Продолжение следует)

Святой Великомученик и Победоносец Георгий

А. Волков

(КО ДНЮ ДВУХСОТЛЕТИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЕННОГО ОРДЕНА СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ)

Легенда о святом Георгии, пострадавшем во времена гонения на христиан при римском императоре Диоклетиане (284 - 305), дошедшая до нас в виде неполных отрывков на греческом палимпсесте IV-V века, является в сущности апокрифом: тем не менее, все же, в позднейших вариантах эта легенда распространилась как среди христиан, так и среди мусульман.

Святой Георгий происходил родом из Каппадокии и служил трибуном (полковником) в римских войсках. Легенда говорит следующее.

Однажды, очутившись в городе Силене (Ливия), он встретил плачущую девушку дочь местного царя. Остановив ее, он узнал, что в ближайшем большом озере живет огромный змей, который на все население наводит страх и своим дыханием умерщвляет того, кто ему попадается на пути. Чтобы умилостивить его, народ отдавал ему ежедневно две овцы, но когда овец уже не стало, начали приносить в жертву юношу или девушку. И вот, в этот день дочь царя шла в слезах, как очередная жертва к озеру.

Святой Георгий сказал ей: «Не бойся ничего, именем Христа я помогу тебе». Сев на коня и сотворив крестное знаменье, он смело кинулся в бой на появившегося змея и копьем повалил его, и девушке сказал: «Накинь свой пояс на шею змея». Исполнив это, она спокойно повела змея в город, откуда в ужасе бежали жители. Святой Георгий остановил народ, сказав: «Не бойтесь, Господь по-

зволил мне освободить вас от этого чудовища. Уверуйте во Христа, примите крещение и я убью вашего мучителя». Все жители крестились, а святой Георгий убил змея.

Эта легенда впоследствии послужила темой для изображения на византийских иконах святого Георгия, пронизающего копьем змея и тут же часто изображалась царевна в короне, стоящая на скале или у ворот башни, олицетворяюшей город. Из Византии это иконописание на протяжении веков проникало в северную Европу (Навгород) и в Италию, где послужило впоследствии темой для писания картин в XV-м веке. Икона с изображением святого Георгия на белом коне, поражающего змея, на Руси в народе получила название: «Чудо Георгия со змием». Реже изображался св. Георгий на русских иконах в виде пешего воина, написанного в рост в боевых доспехах, с мечом и копьем.

В правление Диоклетиана его префект Даций особенно ревностно истреблял верующих во Христа. Видя это, святой Георгий, облачившись в одежду христианина, вышел на борьбу с язычниками. Даций велел его схватить и предал его на мучения.

Первоначально тело его рвали железными крючьями, но на следующую ночь святому Георгию явился Христос и утешал его и все страдания показались мученику легкими. После дали чашу с ядом, но святой Георгий, осенив себя крестом, выпил и остался невредим. Тогда привязали его к колесу, утыканному ножами, но при вращении колесо рассыпалось. Видя все это, жена Дация, Александра, стала христианкой, за что муж ее лишил жизни и на следующи' день приказал отрубить голову святому Георгию. Когда же Даций возвращался с места казни, огонь с неба уничтожил его с приближенными.

В Сирии в городе Эзра, одном из первых принявшем христианство, в храме Святого Георгиия, построенном в 410 году, покоятся около алтаря мощи святого Георгия. Могила проста, беден и храм. Христиане и магометане чтут и молятся ему. Наша церковь ежегодно 23 апреля поминает эти страдания и смерть Великомученика Святого Георгия, а 26 ноября, по завету святителя Илариона чтит память сооружения в 1037 году при князе Ярославе Мудром Георгиевской церкви в Киеве в память победы его над печенегами.

Одним из памятников древней русской литературы является известный «Стих о Егории Храбром», свидетельствующий о том, насколько имя святого Георгия было популярно на Руси. В этом духовном «Стихе», сложившимся на основании церковных преданий и апокрифических сказаний о подвигах и мучениях святого Георгия есть и чисто русский народный вымысел, ставящий Егория Храброго в ряды русских былинных богатырей. Он не только утверждает на Руси христианство, но и делает страну обитаемой; он представляется как бы первым цивилизатором диких и непроходимых пустынь, населенных чудовищами, хищными зверями и змеями, которых он приводит в повиновение.

На Руси св. Георгий (Егорий, Юрий) является не только «поборником царей», «пленных свободитель и нищих защититель, немощствующих врач», как характеризуется он в тропаре, который поется в церкви 23 апреля в день св. Георгия, но и покровителем скотоводства и земледелия. По верованию славянских народов св. Георгий на белом коне 23 апреля невидимо выезжает в поле и охраняет, выгнанные в первый раз после зимы, стада от нападений, падежа и болезней. В этот день был обычай выносить икону с изображением св. Георгия в поле и обносить ею стада.

Надо также отметить, что культу св. Георгия отвечает народное поклонение и по сие время на Кавказе, где грузины, армяне, абхазцы, осетины и другие народности благоговейно чтят Святого.

Наши цари издавна чтили св. Георгия, как покровителя своего воинства и царства. Князь Ярослав Мудрый при крещении был наречен Георгием и в честь этого он основал город Юрьев, а затем близ Новгорода построил большой храм, впоследствии знаменитый Юрьев монастырь. Уже при нем стали изображать св. Георгия на княжеских печатях и на монетах.

Великий князь Иван III, женившись на племяннице византийского императора Консатнтина Палеолога Софье, принял для герба Московского царства византийский герб, где в середине на щите поместил изображение св. Георгия Победоносца.

В царствование Федора Ивановича существовал уже обычай нашивать на рукав или на шапку большую серебряную монету с изображением св. Георгия для наиболее отличившихся воинов. Впоследствии, в 1769 году 26 ноября императрица Екатерина II учредила военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия.

Как свидетельствует запись в журнале заседаний Георгиевской Думы 1833 года, георгиевская лента должна была изображать цвета пороха и огня, черно-оранжевая, то есть, состоящая из трех черных и двух оранжевых полос, а самый крест — с накладной белой эмалью.

Император Николай I повелел считать государственными цветами — черный, желтый и белый. Те же указы были и при императора Александре II, и во время коронации в 1856 году вся Москва была украшена черно-желто-белыми флагами. Впоследствии эти цвета сохранились в императорском штандарте, как и военные кокарды, офицерские шарфы и темляки на офицерском холодном оружии.

По утверждению исследователей, наравне с цветами Московского герба надо рассматривать цвета финифти российского двуглавого орла: черный византийский орел, щит золотой и главная эмблема — изображение св. Георгия в серебряных доспехах и на серебряном коне. Иными словами, наши государственные цвета должны быть черно-желто-белыми.

Еще в указе императрицы Анны Иоанновны, данном в 1731 г. 17 августа сказано: «Шарфы делать... по Российскому гербу: штаб-офицерам из

черного шелка с золотом, а обер-офицерам из черного с желтым шелка».

Только в царствование императора Александра III в 1893 г. Высочайшим повелением была создана комиссия из представителей академии наук и различных министерств и был Высочайше утвержден национальным русским флагом бело-сине-красный. Повидимому комиссия руководствовалась теми соображениями, что еще при царе Алексее Михайловиче на первом русском военном корабле «Орел» в 1667 году был поднят бело-сине-красный флаг. Впоследствии Император Петр I отдал этот флаг на хранение в Архангельский собор и для военных судов учредил андреевский флаг (1).

В Западной Европе почитание св. Георгия уже издавна послужило к созданию, либо религиозных, либо военных орденов, носивших его имя. Известно существование их в Австрии (в средние века при Рудольфе Габсбургском), в государствах Германской империи (Бавария, Ганновер) и в государствах Италии (Генуя, Папское государство, Равенна, Неаполь, Лукка), но, по тем или иным причинам, большинство из них прекратило свое существование. Англия до сих пор считает своим духовным покровителем св. Георгия и изображение его, сидящего на коне и поражающего копьем дракона, находится на знаке ордена Подвязки.

(1) О русских государственных цветах более подробно говорится в статье Н. Л. Пашенного «К вопросу о русских государственных цветах», напечатанной в «Военно-Историческом Вестнике», № 22, ноябрь 1963. **Примеч. редакции.**

Несколько неизданных портретов кавалеров ордена Святого Георгия

(К 200-летию учреждения ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия)

К двухсотлетию учреждения ордена св. Георгия мы считаем небезынтересным опубликовать несколько старых портретов кавалеров этого ордена. Впервые публикуемые, эти портреты являются не только своего рода документацией и историческим материалом для русской военной истории, но и делают вклад в «русские портреты XVIII и XIX столетий», которым посвящено не мало особых печатных трудов и по поводу которых в свое время устраивались специальные выставки, с изданием подробных описательных каталогов.

Федор Васильевич БАУР

(Орден Св. Георгия 2-й степени, Кагул, 1770 г.)

Ф. В. Баур родился 26 декабря 1731 года в графстве Ганау и происходил из шведской дворянской фамилии. Получив хорошее образование в математических науках, он готовился посвятить себя горному делу, но с началом Семилетней войны он волонтером поступил в войска герцога Фердинанда Брауншвейгского и принял с ними участие в военных действиях против французов. В 1760 г. по рекомендации герцога был принят Фридрихом Великим в прусскую армию, с чином инженер-майора и с званием квартирмейстера, причем получил в командование пионерный батальон и фельдъегерский корпус. По заключении мира вышел в отставку и поселился вблизи Франкфурта на Майне. Здесь он обработал и привел в порядок, известные в то время ученому свету, планы сражений походов герцога Фердинанда Брауншвейгского.

При начале войны с Турцией императрица Екатерина II пригласила Баура на русскую службу, назначив его в армию графа Румянцова, «с чином ге-

Федор Васильевич
БАУР
1731 - 1783
Гуашь. Из собрания Ю. А. Топоркова

нерал-майора и званием генерал-квартирмейстера».

Выбор Екатерины был удачен и в штабе Румянцова он был правою его рукою и одним из самых энергичных участников в известных сражениях в 1770 г. при Ларге и Кагуле. При Кагуле Баур командовал одним из пяти каре, на которые была разделена русская армия, и, когда турки были разбиты, ему было поручено их преследовать. За Ларгу (7 июля) он был награжден орденом св. Анны I степени, а за Кагул (21 июля) орденом св. Георгия 2-й степени. Это были единственные его боевые награды.

В 1771 г. Екатерина II вызвала Баура в Петербург и поручила ему устройство солеваренных заводов в г. Старая Руса, что он с успехом исполнил. Затем ему были поручены разного рода гидротехнические работы в Москве, в Рижском и Кронштадтском портах и в Петербурге (набережная и улубление Фонтанки). В 1773 г. он был произведен в генерал-поручики, а в 1777 г. пожалован орденом св. Александра Невского. В 1780 г. был произведен в генерал-иженеры.

В начале 1783 г. Екатерина III назначила его начальником Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса (впоследствии второй кадетский корпус) и пожаловала ему орден св. Владимира 1 степени, но ни это назначение, ни этот орден не застали его в живых — он скончался в том же, 1783-м, году в Петербурге.

Ф. В. Бауру принадлежит издание первой хорошей карты Молдавии и части Валахии. Известный писатель Коцебу был в молодости некоторое время домашним секретарем Ф. В. Боура.

(Источники: П. А. Румянцов. Документы. Том II. Москва, 1953 и Военный экциклопедический лексикон. СПб., 1838).

⁂

Игнатий Иванович ГИЖИЦКИЙ

(Орден св. Георгия 4-й степени. Кобылка, 1794 г.)

Фамилия Гижицких происходит от вотчины Гижицы в Сохачевской земле Плоцкого воеводства. У Яна Гижицкого, переселившегося из Литвы в Белоруссию, было два сына — Онуфрий и Игнатий; последний родился в 1752 году. В 1770 г. Игнатий Янович Гижицкий польским королем Станиславом Августом был пожалован камергером королевского двора и в этом звании он несколько раз был посылаем от польского короля к русскому двору императрицы Екатерины II.

В Петербурге Гижицкий встречался с канцлером князем Безбородко, который склонил его перейти на русскую службу. Он был произведен в чин надворного советника и назначен заседателем верхнего суда в Могилевской губернии (в 1780 г.), но в 1782 г. по собственному желанию перевелся на военную службу, с чином подполковника. Сначала он был определен в Лейб-Кирасирский полк, а затем «перечислен» в Ямбургский драгунский полк (этот полк был упразднен в 1800 г.), а оттуда был переведен в 1785 г. в Рижский карабинерный полк.

В 1787 году, когда императрица Екатерина совершала свое знаменитое путешествие на Юг России и в Крым, она пожелала, чтобы И. И. Гижицкий был в сопровождавшей ее свите. Во время своего дежурства Гижицкий предотвратил какую-то опасность и императрица в награду за это пожаловала ему брошь с изображением своего вензеля, усыпанного бриллиантами. Эту брошь Гижицкий вделал в свою саблю, которая впоследствии передавалась старшему в роде.

Игнатий Иванович

ГИЖИЦКИЙ

Миниатюра. Из собрания Н. В. Гижицкого

В 1790 г. Гижицкий был переведен в Александрийский легко-конный полк и произведен в полковники. В том же году с этим полком он принял участие во взятии крепости Килии, а в 1792 г. — в начавшейся войне с поляками. В сражении при Крупчицах, где Суворов командовал русскими войсками, под Гижицким «лошадь девятью пушечными выстрелами картечами была ранена и убита» (Из формулярного списка 1797 г.). В сражении у Бреста Гижицкий снова оказал «отличную храб-

рость». В этом сражении он был ранен ружейною пулею в левую ногу и под ним была убита лошадь. За Крупчицы и Брест Гижицкий был награжден орденом св. Владимира 3 степени.

Не оправившись еще от раны, Гижицкий принимает участие в сражении при сел. Кобылка. За это сражение он награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Вот текст Высочайшего рескрипта на его имя:

Нашему полковнику Гижицкому

Усердная ваша служба и отличное мужество оказанные вами 15-го октября в сражении противу мятежников польских при местечке Кобылке, где вы, едва излечившись от раны в деле при Бресте полученной, атаковали конницу неприятельскую правого крыла, опрокинули оную стремительным ударом и преследуя великое нанесли ей поражение, учиняют вас достойным военного Нашего ордена Святого и Великомученика Георгия на основании сего Мы вас кавалером ордена сего четвертого класса Всемилостивейше пожаловали и знаки оного, при сем доставляя, повелеваем вам возложить на себя и носить по узаконению. Удостоверены Мы впрочем, что Вы, получа сие со стороны Нашей ободрение, потщитися продолжением службы нашей вящше удостоиться Монаршего Нашего благоволения. В Санктпетербурге генваря 22 дня 1795 года. Екатерина.

В царствование императора Павла I Гижицкий 16 июля 1797 г. был произведен в генерал-майоры и назначен шефом Александрийского гусарского полка, в звании коего состоял до 26 декабря 1798 г. Вследствие поданного им прошения он был уволен от военной службы и последние дни свои проживал в своем имении в Херсонской губернии.

(Составлено по материалам переданным Н. В. Гижицким полковнику С. А. Топоркову в полковой архив Александрийского гусарского полка).

⁂

Карл Густавович ШТРАНДТМАН

(Орден св. Георгия 4 ст. Фершампенуаз, 1814 г. и 3-й ст. — Варшава, 1831 г.)

Из Лифляндских дворян, сын генерала Густава Эрнеста Штрандтмана командира отдельного сибирского корпуса и всей пограничной линии, К. Г. Штрандман родился 17 марта 1786 г. в Ревеле. Воспитывался в доме своей бабки баронессы Штакельберг в замке Розенберг в Эстонии.

Поступив в Пажеский корпус, а затем в Кавалергардский полк, Штрандтман оставался в нем недолго. При начавшейся в 1806 году войне с турками он по собственному желанию перевелся прапорщиком в, формировавшийся генералом Зассом, Переяславский драгунский полк. С этим полком он участвовал в занятии крепости Килии и блокаде Измаила, где во время одной из неприятельских вылазок отдал лошадь генералу Зассу, который потерял свою убитой, и пеший, подвергаясь ежеминутной опасности быть схваченным турками, юный Штрандтман спасся только тем, что примкнул случайно к одному из пехотных полков.

Густав Карлович
ШТРАНДТМАН

Холст, масло. Исполнен Лукашевичем

Из собрания члена О-ва Р.Р.В.С. Е. С. Молло

В 1809 г. участвовал во вторичной блокаде Измаила и взятии этой крепости. В 1810 г. — во взятии крепости Туртукая, где находился во главе охотников. К этому времени прапорщик Штрандтман получил редкие для этого чина награды: Анну 3-й, Владимира 4-й и Анну 2-й степени.

В 1810 г. участвоваэ при штурме Рущука и Журжи, а в 1811 г. — в сражениях при Калафате и взятии крепостей Тульчи, Исакчи, Разграда и др. За эти два года походов он был произведен в чин подпоручика, а затем поручика.

В Отечественную войну 1812 г. Переяславский полк находился в армии адмирала Чичагова и Штрандтман участвовал в военных действиях на Бе-

резине и в преследовании французских войск. В 1813 году он был при блокаде крепости Торн, где взял приступом блокгауз; за этот подвиг Штрандтман был награжден золотою саблею с надписью «за храбрость».

Переведенный в том же году в Л.-Гв. Уланский полк, Штрандтман участвовал в сражениях под Бауценом, Дрезденом и Кульмом. Семь раз в этом бою гвардейские уланы ходили в атаку и под штабс-ротмистром Штрандтманом было убито две лошади. За это дело он был произведен в ротмистры и награжден прусским орденом «Железного Креста». В 1814 г. он участвует в сражениях под Бриенном, Монмирале, Суассоне и при дер. Сомменпюи, где со своим эскадроном атаковал, остановившуюся на ночлег артиллерию арьергарда маршала Мормона, захватил 14 орудий и 300 пленных и заклепал остальные 12 орудий. В сражении же при Фер-Шампенуазе взял 6 орудий и пленных. За эти два подвига Штрандтман был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, прусским орденом «Пур ле мерит» и баварским орденом Максималиана.

При сформировании в Варшаве в 1817 г. л.-гв. Уланского Его Императорского Высочества Цесаревича полка Штрандтман был переведен в этот полк. Произведенный в 1821 г. в полковники, он получил назначение формировать л.-гв. Гродненский гусарский полк, которым он командовал с 1824 по 1835 год. В 1827 г. был произведен в генерал-майоры. С гродненскими гусарами участвовал в Польской войне 1830-31 гг., и за бой при Рационже был награжден орденом св. Анны 1-й степени, а за участие в штурме Варшавы был награжден орденом св. Георгия 3-й степени.

(Источники: Ю. Елец. История л.-гв. Гродненского гусарского полка. Т. I. СПБ., 1890. М. Богданович. История войны 1814 года во Франции. СПБ, 1865).

***

Князь Алексей Яковлевич

ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

(Орден св. Георгия 4-й степени. Варна, 1828)

Родился в 1795 г. и уже в 1802 г. был записан юнкером в Московский архив иностранных дел. В 1805 г. был переведен в коллегию иностранных дел и в 1812 г. служил в общей канцелярии военного министерства. В 1814 г. перешел на военную службу в Александрийский гусарский полк в чине поручика, был назначен адъютантом к графу Воронцову, принимал участие в военных действиях во Франции и в том же году перевелся в л.-гв. Гусарский полк. В 1819 г. назначен адъютантом к князю Волконскому, а в 1823 г. произведен в полковники.

В 1826 г. кн. Лоабнов-Ростовский получил в командование 2-й Сводный гвардейский легкий кавалерийский полк. Во время Турецкой войны 1828-29 г.г. при осаде крепости Варны отличился и был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, произведен в генерал-майоры и зачислен в Свиту. В 1833 г, пожалован в генерал-адъютанты и в 1837 г. произведен в генерал-лейтенанты. Скончался кн. А. Я. Лобанов-Ростовский в 1848 г.

Князь Алексей Яковлевич

ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

1795 - 1848

Миниатюра Росси, 1828 г.
Из собрания члена О-ва Р.Р.В.С. М. Л. Бродского

(Источники: «Русский Биографический Словарь», изд. Импер. Русского Историч. Общества. Том: «Лабзин - Ляшенко». СПб, 1914). Репродукцию портрета кн. А. Я. Лобанова-Достовского в более позднее время см. изд. Вел. Кн. Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX в.в.», том 4-й, № 63).

Сообщил **Ю. Топорков**

Посещение Императором Александром III Пажеского Корпуса. Похороны Императора Александра III

(К 75-летию кончины Царя-Миротворца)

Флигель-адъютант В. Ф. Козлянинов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В 2 часа 15 минут 20-го октября 1894 года в Ливадийском дворце в Крыму тихо в Бозе почил Император Александр Александрович Самодержец Всероссийский. В этот памятный для всей России день я уже был в Пажеском Его Императорского Величества корпусе пажом 4-го класса в третьей роте. Видел я всего раз в жизни Императора, когда он приезжал в корпус в феврале или марте, уже не помню, 1893 года.

В жизни пажей посещение корпуса Государем являлось событием первостепенной важности. Кроме искренней радости увидеть Царя, это посещение приносило нам, пажам, еще и другую радость: прекращение занятий на три дня, прощение наказаний и отпуск домой.

О дне приезда Государя в корпус, конечно, никто предупрежден никогда не был, но ввиду того, что посещение военно-учебных заведений обыкновенно начинались в марте месяце или в конце февраля, то в это время все уже были начеку и гадали, когда наступит желанный день. И этот день настал.

Как молния разнеслась по всему корпусу весть: «Государь приехал!» Никто уже не хотел больше слушать лекций. Преподаватели лишь умоляли пажей тихо сидеть и не убегать из классов, ибо они твердо знали, что все их попытки прибегнуть к мерам наказания и штрафа в этот день не произведут своего устрашающего действия. Волновались и воспитатели, и отделеные офицеры, и сам директор Генерал Дитерихс, а уже о пажах и говорить не приходится.

Обыкновенно, Государь приезжал вместе с Императрицей. Так было и в этот раз. Обойдя все здание корпуса и посетив по своему выбору занятия в двух или трех классах, Императорская Чета через главный подъезд отбыла в Аничковский дворец в открытых санях, запряженных парой вороных рысаков покрытых сеткой. На запятках находился дворцовый казак.

В наш третий класс Император не заходил и мы его увидели, увы, в санях, когда нам удалось прорвать кордон из пажей младшего специального класса, построенных у входных дверей, дабы не пропускать нас за ограду корпусного сада на Садовую.

Хотя распоряжения были категоричны — никого из младших классов на улицу не пропускать, ибо «официально» Государь не желал, чтобы за его санями по улице с криками ура бежали пажи, но тем не менее и старший, и младший классы прекрасно чувствовали и знали, что в душе Императорская Чета ничего не имела против того, чтобы их сопровождали пажи. Все же, дальше Публичной библиотеки бежать не разрешалось. Обычно царские сани ехали тихо, так что можно было поспевать в уровень с ними, а наиболее бойкие пристраивались к запяткам. Конечно, бежали в одних мундирах, без фуражек; на мороз не обращали внимания, какой бы он не был; но в этот день, я помню, хотя и было много снега, но не очень холодно.

Я помню, как, сбежав по главной лестнице, я наткнулся в прихожей на цепь пажей младшего специального класса, заграждавшую нам путь к входным дверям, пока Государь с Императрицей садились в сани. Я попал в объятия пажа Пашкова (он вышел в кавалергарды), но несмотря на это мне все же удалось ловко его миновать и выбежать на двор, где уже Государь и Императрица усаживались в сани и казак застегивал полость. Всякая дисциплина исчезла, вокруг уже была толпа пажей, кричавших ура.

Государь улыбался. Было ясно, что ему было приятно видеть такое проявление искреннего обожания. Медленно царские сани двинулись к выходу из сада и выехали на Садовую улицу, взяв направление к Невскому проспекту. Тем, кому не удалось прицепиться на ступеньку сзади саней, пришлось бежать с боков и хвататься на сетку, которой были покрыты лешади. Казалось, что привычные к этому рысаки не обращали на нас никакого внимания. Государь приказал ехать тихо и мы, хотя и сильно запыхавшиеся, все же не отставали и бежали в уровень с санями.

Меня не могла не поразить громадная и величественная фигура Императора. Рядом с ним, Императрица казалась совсем маленькой, и мы как-то больше смотрели на него, чем на нее. Добежав до угла, где находится Публичная библиотека, по знаку Государя все отстали и в радостном настроении возвратились в корпус, а затем отправились на три дня по домам. Это единственный раз, когда я видел Государя. Следующий раз я уже прощался с ним, когда он лежал в гробу.

***

Перевезение тела Государя с Николаевского вокзала в Петропавловскую крепость, в собор-усыпальницу всех Российских Императоров, состоялось 1-го ноября. От нашего корпуса был наряд для сопровождения тела. Я был назначен в этот наряд.

Обыкновенно, занятия в корпусе начинались в

восемь часов утра. Для экстернов, кои, как я, жили довольно далеко от корпуса, приходилось вставать ежедневно в шесть часов утра. Пока оденешься, просмотришь уроки, напьешся кофе, смотришь уже время отправляться в корпус, где надо быть за четверть часа до восьми. В день же перенесения праха Государя Императора все было изменено. Пришлось прибыть в корпус к шести часам утра. Было еще темно, когда нас вывели на Садовую улицу и посадили в конку, которая доставила нас на Николаевский вокзал.

Здесь нас выстроили и объяснили нам наши обязанности. Необычная обстановка, проникнутая торжественностью минуты, боязнь ошибиться и не так исполнить преподанные объяснения, все это вместе взятое мешало мне замечать все то, что происходило вокруг меня. Помню, мы шли с большими свечами в руках по сторонам траурной колесницы и я все время смотрел за тем, чтобы равняться с моей парой, шедшей по другую сторону колесницы. Так мы дошли до Петропавловского собора. Здесь нас опять собрали, построили, и затем, усадив в конку, привезли в корпус. Затем нас всех отпустили по домам.

Погребение состоялось 7-го ноября. Все эти дни тело Императора в открытом гробу стояло посредине собора на возвышенном катафалке. Народ толпами бесконечной вереницей приходил проститься со своим Государем. Наш корпус тоже ездил в Петропавловскую крепость прощаться с прахом Государя. Опять было приказано собраться в шесть часов утра и в особо для нас наряженных конках мы поехали в крепость. Там нас выстроили и, справа по одному, мы стали подходить к открытому гробу.

Вокруг было столько лиц, стоявших на дежурстве в почетном карауле, было столько венков, подушек с царскими регалиями и орденами, что от всего этого необычного зрелища невольно разбегались глаза и попервоначалу трудно было увидеть гроб и сосредоточить на нем свое внимание. Очень медленно в полумраке собора подходили мы к катафалку. Вдруг и я очутился перед открытым гробом, в котором лежал почивший Император. Приложившись, как полагалось, я следовал в затылок шедшему впереди меня пажу и стал на свое место. Что меня сильно поразило и что сохранилось в памяти на всю жизнь, это то впечатление, какое произвел на меня вид головы Государя. На подушке покоилась маленькая, высохшая, почти коричневого цвета голова, так не похожая на ту полную и крупную голову, какую я видел в прошлом году и какую представлял себе в своем воображении.

Я не хочу здесь описывать всю торжественность и великолепие похорон Русского Императора. Это было и без меня много раз описано. На самой церемонии погребения наш класс не участвовал. Помню только, что из нашего дома были ясно слышны пушечные выстрелы, если не ошибаюсь — сто один выстрел, произведеные в момент опускания гроба в склеп.

Император Александр III был последним русским Монархом, умершим в подобающей ему обстановке и похороненным согласно издавна установленному церемониалу.

Париж. 1938 г.

Мобилизация промышленности

И. Бобарыков

(Окончание)

Глава 5-я

Инженерное снабжение

Саперный и шанцевый инструмент

До Первой мировой войны мало обращали внимания на возможность утраты шанцевого и саперного инструмента во время военных действий. Как будто полагали, что этот инструмент представляет собой нечто вечное, неизнашиваемое и, ни замены, ни пополнения не требующее.

В мирное время военно-инженерное ведомство заготовило его в достаточном количестве, чтобы снабдить ими все мобилизованные части и, кроме того, в его складах остался значительный запас на случай необходимой замены. Война принудила изменить и это мнение. Губительность машинного огня принудила солдата зарываться быстро в землю и доказала всю важность наличия у каждого бойца соответствующего инструмента. Громадные потери в людях не могли не отозваться на наличие в частях этого инструмента. Пополнениям прибывающим в части приходилось вместо утраченного выдавать новый. Небольшой запас этого инструмента, оставшийся в складах после мобилизации, быстро был израсходован. Необходимо было заняться изготовлением нового.

Казалось, что заготовка его не представит особых затруднений, но на деле она оказалась не такой уже легкой. Шанцевый инструмент выделывается определенных типов и определенного веса, большей частью, штамповальным способом. Замена его другим, обыкновенным, повлечет за собою, как не-

удобство в работе, так и вызовет известную перегрузку и до того нагруженного до пределов солдата.

Выделка же принятых в армии типов на заводах, до того не занимавшихся этим производством, требует прежде всего приобретения и установки соответствующего машинного оборудования.

Полковник Ребуль (см. т. I, стр. 78), рассматривая снабжение французской армии всяким саперным инструментом, жалуется, что в течение всей войны тыл никогда не мог вовремя снабдить им фронтовые части. Всегда выполнение требований запаздывало. Он объясняет эти запоздания отсутствием надлежащей связи между командованием и промышленностью, а также слабостью и недостаточным оборудованием соответствующих отраслей французской промышленности.

Величина работы в этой отрасли французских заводов, а также представление об утрате инструмента видны из следующих цифр (Полк. Ребуль. Цит. соч. т. I, стр. 78): общее количество носимого инструмента в 1914 году в армии — 4.200.000 штук и в запасе — 1.100.000 штук; подано же в действующую армию за все время войны — 18.400.000; кроме того отослано в армию во время войны саперного возимого инструмента: лопат — 3.200.000, кирок — 1.700.000 и ломов — 350.000.

***

В России до русско-японской войны шанцевый инструмент изготовлялся в Финляндии на заводе расположенном подле Гельсингфорса. После первой революции, вследствие того особенного положения, какое заняла Финляндия, было решено перенести изготовление его в Россию и заказы стали даваться заводам, расположенным в Лифляндии и в Царстве Польском.

Только за пять лет до войны было обращено внимание на неудобство изготовления этого инструмента в приграничных западных губерниях и военное ведомство обратилось в Горный департамент с просьбой организовать заготовку саперного и шанцевого инструмента на одном из казенных уральских заводов и кроме того стали давать заказы частному Смеловскому заводу, находившемуся вблизи Нижнего Новгорода.

Состояние саперного и шанцевого инструмента русской армии в момент объявления войны было следующее:

лопат малых	1.321.000	топоров легких	214.000
топоров малых	303.000	топоров тяжелых	41.000
кирко-мотыг малых	257.000	кирко-мотыг легких	83.200
лопат саперных	450.000	киркомотыг тяжелых	30.000

На складах Главного Военно-Технического управления состояло:

лопат саперных	835.428	топоров тяжел. плотн.	190.588
лопат малых	927.522	топоров-колунов	68.454
топоров легк. пехотн.	235.977	кирко-мотыг малых	224.092
топоров легк. кавалер.	53.937	кирко-мотыг легких	708.192
топоров легк. саперн.	469.722	кирко-мотыг тяжелых	249.826

Фактически русская армия имела большой запас шанцевого и саперного инструмента.

Первое полугодие непрерывных боев и маршей повлекло за собою большую порчу и утрату всех видов этого инструмента. Части обратились к тылу с требованиями пополнения всего утраченного.

Эти требования, совершенно до войны не предвиденные, но требовавшие немедленного исполнения в 1915 году ежемесячно, в среднем, достигали следующих цифр (См. Козлов. Инженерное снабжение русской армии в войну 1914-17 гг., стр. 117):

саперных лопат	110.000
малых лопат	360.000
всяких топоров	170.000
всяких кирко-мотыг	165.000

Выполнение этих требований быстро исчерпывало имевшиеся запасы и принуждало принять известные меры к усиленной заготовке всех видов этого инструмента. Эта заготовка велась Главным Военно-Техническим управлением в нескольких направлениях. Были полностью использованы два русских завода, выполнявших подобные заказы до войны, затем дали заказы нескольким новым заводам, как в России, так и в Финляндии, а также скупали весь имевшийся на рынке инструмент. В результате, за первые полтора года войны требования войск на саперный инструмент были своевременно почти полностью выполнены.

	Требования войск с начала войны по 1 января 1916 г.:	Отправлено на фронт:
лопат саперных	1.975.790	1.899.790
лопат малых	6.466.470	6.466.470
топоров малых пехот.	1.601.221	1.601.221
топоров легких	867.340	666.935
топоров тяжелых	638.196	462.476
топоров лесорубных	87.554	81.554
топоров кавалерийских	60.000	49.840
кирко-мотыг малых	1.666.782	1.666.782
кирко-мотыг легких	843.785	749.525
кирко-мотыг тяжелых	417.523	311.623

Сравнение этих цифр с наличностью инструмента в частях после мобилизации показывает, какое ее количество теряется во время боев и походов и подтверждает необходимость учитывать производство этого инструмента при разработке плана промышленности.

Колючая проволока

Особенно серьезным и неодолимым вопросом для русской промышленности оказался вопрос организации производства колючей проволоки. Разрешить его было еще тем более трудно, что в России эта проволока очень мало применялась в частной жизни и производство ее было ничтожно.

Довоенные предположения учитывали необходимость иметь известное количество ее на снаряжения войск, но, основываясь на ошибочных предположениях о характере и продолжительности войны, штабы не смогли предусмотреть ни возможно-

го расхода этой проволоки, ни подготовить соответствующее ее производство.

Согласно расписания мирного времени должно было быть заготовлено для обороны крепостей и фактически находиться в них 541.750 пудов (9.029 тонн) колючей проволоки. Кроме того, полевая армия должна была иметь запас в размере 6.000 пудов (100 тонн) на армейский корпус.

Всего же в запасе крепостей и полевой армии должно было находиться 731.750 пудов (12.195 тонн). В действительности в крепостном запасе была нехватка 154.784 пудов, т. е. почти одной трети.

Первые месяцы военных действий особых требований на колючую проволоку не поступало. Только в середине декабря 1914 г. начальник генерального штаба сделал указание Главному Военно-Техническому управлению о необходимости иметь к весне 1915 г. запас колючей проволоки величиною в один миллион пудов. В марте того же года Главное управление генерального штаба определяло месячную потребность армии в 300-400 тысяч пудов колючей проволоки. В конце мая эта потребность увеличивается до одного миллиона пудов и к середине августа достигает до двух миллионов пудов.

Производительность заводов существовавших в России была очень незначительна. При усиленной работе всех имевшихся в наличии станков можно было изготовить не более 60.000 пудов в месяц. Кроме того производительность варшавского промышленного района равнялась 40.000 пудов в месяц.

Необходимо было предпринять известные меры для увеличения выделки колючей проволоки. Главное Военно-Техническое управление решило прежде всего использовать станки, находившиеся на секвестрированных заводах, которым оборудованы вновь устроенные мастерские. Затем Главное Военно-Техническое управление заказало Коломенскому заводу 200 и в Америке 10 станков для выделки колючей проволоки. Эти станки давались в пользование заводам подписавшим контракты на ее поставку. Этими мерами достигли к декабрю 1915 г. увеличения ежемесячного выпуска до 300.000 колючей и 260.000 пудов мягкой проволоки. Дальнейшее расширение производства и даже полное использование уже достигнутой мощности задерживалось недостатком сырой катаной проволоки.

Всего за 1915 год русские заводы выпустили 2.500.000 пудов колючей проволоки, т. е. немного больше потребности одного месяца. В Америке же было заказано 25.000.000 пудов.

В общем же с начала войны по 1 мая 1916 г. в действующую армию было подано 14.234.000 пудов колючей проволоки, из которой русскими заводами было изготовлено только 3.785.000 пудов. Эти данные показывают, что даже с таким простым производством как выделка колючей проволоки русская промышленность не смогла справиться. Попытка быстрого расширения производства останавливалась недостатком полуфабриката, а выделка последнего, если бы она даже была организована, наткнулась бы на недостаток сырого металла.

Средства связи

Начало войны выдвинуло во всей своей величине важность и значение надлежащей организации связи в современном бою. Первые же боевые столкновения показали, что пехота не может взять без артиллерийской поддержки позицию, обороняемую автоматическим оружием. Эта же поддержка могла быть обеспечена только при условии наличности постоянной и быстрой связи с передовыми линиями. Только при хорошей организации этой связи поддерживающие пехоту батареи могли своевременно направлять огонь на выявившиеся препятствия и, уничтожая их, открывать путь пехоте.

Эта важность быстрой и хорошей связи не была предусмотрена перед войной и средства связи в частях были незначительны.

Французский пехотный полк выступил в 1914 г. на войну, имея всего 7 телефонных аппаратов и 6 километров провода, причем, в стремлении сохранить подвижность аппараты избраны были легкие, но несовершенные и быстро портящиеся. Французская батарея имела два телефонных аппарата и 500 метров провода. (См. Полк. Ребуль. Цит. соч. стр. 81-82). Это все то, что было в дивизии. Штабы корпусов имели в своем распоряжении саперное отделение с несколькими телефонными и телеграфным аппаратами. Установки беспроволочного телеграфа были присвоены только армиям и крупным соединениям конницы.

Первые же бои показали необходимость более богатого снабжения частей средствами связи. Полки и батареи посылают в Париж офицеров для закупки за свой счет небходимого телефонного материала, но избыть этим способом беду было невозможно, так как запасы частной торговли были не велики.

Необходимо было не только наладить достаточно производство средств связи, но и во все время войны расширять его, так как каждый период войны не только повышал требования на обыкновенные средства связи, но принуждал изобретать и доставлять в армию новые. Применение искрового телеграфа значительно расширилось. Верденские бои вызвали появление земляного беспроволочного телефона и оптической сигнализации, газы — звуковой сигнализации.

Постановка широкого производства всех видов материала связи во Франции натолкнулась на целый ряд затруднений. Прежде всего, нужно было отыскать рабочих специалистов, которые работали бы раньше в этой отрасли промышленности, так как таких рабочих невозможно подготовить в короткий срок. Встретились затруднения и в заготовке сырья. Производство аппаратов связи и проводов требовало больших количеств цветных металлов, какие требуются при выделке различных видов боевого снаряжения; добыча же этих металлов была незначительна.

Наконец, нужно было организовать постоянную работу военно-технической мысли, которая, следя за работой фронта, беспрерывно приспособляла и усовершенствовала бы средства связи сообразно с условиями данного момента.

Все затруднения, которые встретили французы при организации производства средств связи полк. Ребуль классифицирует следующим образом (там же, стр. 88).

1) Необходимость прибегать к научным данным и исследованиям.

2) Трудность питания мастерских сырьем.

3) Трудность набора рабочего персонала, знакомого с условиями производства.

Несмотря на все эти трудности французам удалось сравнительно быстро наладить соответствующее производство.

Насколько была увеличена мощность соответствующих фабрик и заводов видно из сравнения величины месячного производства в 1914 и 1917 г.г.

Месячное производство в	1914 г.	В конце 1917 г.
Полевой провод	3.000 клм.	12.000 клм.
Легкий провод	4.000 клм.	20.000 клм.
Голый провод	4.000 клм.	14.000 клм.
Телефон. аппараты	750 шт.	3.500 шт.
Распределит. доски	250 шт.	2.000 шт.

Но еще более показательно сравнение наличности средств связи в армии в начале войны с тем их количеством, которое было подано за все время войны (там же, стр. 89).

При мобилизации в арми было:		Подано во время войны:
Легкий провод	300 клм.	800.000 клм.
Полевой провод	400 клм.	500.000 клм.
Голый провод	300 клм.	500.000 клм.
Подземный (свинцовая изол.)	900 клм.	100.000 клм.
Телефон. аппараты	2.000 шт.	200.000 шт.
Телефон. станции	0 шт.	150.000 шт.
Оптич. сигн. аппараты	0 шт.	70.000 шт.
Посты беспроволочн. телеграфа автом. уст.	50 шт.	25.000 шт.
Земляной телеграф	0 шт.	10.000 шт.

***

Русская армия была богаче снабжена средствами связи чем французская, но война сразу показала, что и этого недостаточно. Так, в момент объявления войны в войсковых частях состояло телеграфных аппаратов 1.353, телефонных — 10.279, телефонно-телеграфного кабеля 23.664 версты. Кроме того в инженерных складах имелся запас телеграфных аппаратов 495, телефонных — 5.854 и кабеля 11.084 версты (св. Козлов. Инженерное снабжение в 1914-1917 г.г., стр. 97).

При объявлении войны прежде всего пришлось снабдить средствами связи кавалерийские части, которые до этого их не имели. Затем с фронта стали поступать постоянные и все увеличивающиеся требования на всевозможные материалы связи. Удовлетворяя поступающие требования из своего запаса, Главное Военно-Техническое управление немедленно приняло необходимые меры. Прежде всего были загружены заказами до полного исчерпания своей мощности все предприятия, которые до войны были его поставщиками. Затем были даны заказы и другим предприятиям работавшим в этой отрасли промышленности. Наконец, были расширены и казенные мастерские, в частности телефонная мастерская при I-м Телеграфном батальоне в Москве.

В общем, с начала войны и по 1 января 1916 г. Главное Военно-Техническое управление заказало различным русским промышленным предприятиям:

	Заказано	Сдано заводчиками по 1 янв. 1916 г.
Телеграфных аппаратов	3.897	1.947
Телефонных аппаратов	123.913	51.485
Кабеля (верст)	**332.837**	**160.425**

Потребность же армии в этих средствах с начала войны по 1 мая 1916 г. выразилась так.

Требования на:		Выслано в армию:
Телеграфные аппараты	2.872	3.056
Телефонные аппараты	62.342	85.788
Кабель (верст)	134.064	289.049

(см. Козлов. Там же стр. 97)

Единственно чего опасалось Главное Военно-Техническое управление при выделке аппаратов связи — это присоединение Швеции к блоку Центральных держав, так как последняя поставляла нам некоторые особо чувствительные части микрофонов, почему и были сделаны соответствующие заказы в Америке. Кроме того, пришлось заказывать в Америке медный кабель со стальной жилой внутри, так как выделка его в России была налажена только в 1916 году.

Нужно отметить, что уже в первый период войны по 1 января 1916 года русская промышленность под руководством Главного Военно-Технического управления блестяще справилось с задачей организации выделки срeств связи. К сожалению, нам не удалось отыскать каких-либо данных о дальнейшем развитии этого производства вплоть до революционной эпохи.

Рассматривая вопрос о снабжении армии, мы поражаемся тем количеством инженерного имущества, которое было затребовано фронтом и едва ли можно себе представить, как могут возрасти эти требования при дальнейшем развитии авиации и моторизированных войск.

***

Подводя итоги сделанному нами краткому обозреванию мобилизации промышленности во Франции и в России, мы можем ясно представить те главные причины, которые сильно замедляли и затрудняли эту мобилизацию. Господствовавшее убеждение о кратковременности современной войны,

для ведения которой будет достаточно заготовленных в мирное время всякого рода запасов и связанное с этим отсутствие каких-либо подготовительных работ по организации усиленной выделки как оружия и боевых припасов, так и других необходимых запасов, привело правительства к тому неизбежному критическому моменту, когда эти запасы были исчерпаны. Ни теоретически, ни практически промышленность не была подготовлена к выполнению выпавшей на ее долю задач.

Прежде всего пришлось натолкнуться на несоответствие и недостаток машинного оборудования. Производство оружия и боевых припасов требует специально приспособленных станков и машин, так как точность требуемая при выделке всего этого доходит от сотых долей миллиметра до притирки. В 1916 году наша артиллерийская приемочная комиссия посланная в Соединенные Штаты Америки потребовала прислать из Петрограда подкрепление в виде старших мастеров и их помощников, которые показали бы и передали бы американцам свой навык для получения необходимой точности.

Если во Франции, сохранявшей всегда хорошую связь с Англией и Америкой, получение точных станков и машин было вопросом недель, то в России, в которой не существовало заводов выделывающих такие станки, приходилось ожидать получение их в 6-12 месяцев после заказа.

Очень большие затруднения в проведении мобилизации промышленности вызвал призыв в армию всех возрастов военнообязанных. Вследствие этого все специалисты до 43-летнего возраста были сняты с производства и заменить их новыми было очень трудно.

Очень существенным явился вопрос сырья. Выделка всякого вида военного снаряжения, оружия и боевых припасов требует такого количества сырых материалов, что во всех государствах мы встречаемся с большим их недостатком. Нужно отметить, что, если некоторые виды этого сырья и можно заменять чем-либо другим, то другие, в особенности некоторые металлы, оставались незаменимыми. Все усилия, например, увеличить выплавку как черных, так и цветных металлов дали сравнительно незначительные результаты — увеличение выхода только в 30%. Единственно Испания, которая участия в войне не принимала, а поставляла державам Согласия медь, смогла увеличить выплавку ее до 62%. Да это неудивительно, так как постройка новой доменной или мартеновской печи требовала минимум полтора года. Производительность же печи можно увеличить очень мало, так как ни количество руды закладываемой в печь, ни самый процесс выплавки металла нельзя изменить. Во Франции для полного выполнения всех требований армии ежемесячно не доставало 150.000 тонн стали, а в России нехватка равнялась 150.000 тонн стали и 100.000 тонн чугуна.

Не мало влияло на затруднения и отсутствие системы и организации. Мобилизация промышленности проходила как бы самотеком. В одних отраслях она проходила успешно, в других, наоборот, топталась на месте. Целый ряд самостоятельных организмов руководил этими отраслями. Ни во Франции, ни в России не было создано такого аппарата, который сосредоточивал бы в своих руках руководство как мобилизацией заводов, так и мобилизованной промышленностью. В результате, деятельность руководителей различных отраслей промышленности сталкивалась между собою и из-за этого сосздавались лишние трения и затруднения.

Наконец, существенным следствием не подготовленного заранее перевода гражданской промышленности на военное производство явилось значительное ухудшение качества выпускаемых фабрикатов. Здесь, в пользу количества пришлось поступиться качеством. Мы уже рассказывали о том облегчении кондиций приема снарядов, которое сопровождало во Францию дачу заказов на снаряды гражданским заводам. Об этом же говорит и ген. Маниковский, рассказывая о значительном уменьшении срока службы изготовленных во время войны пушек и меньшей эффективности снарядов из чугуна с примесью стали.

Немалое значение во Франции имело и единодушиие всех слоев общества. Все понимали необходимость вести войну до конца, необходимость довсти ее до победы и всеми своими действиями старались облегчить работу правительства. Замечательно, что закончило войну правительство, во главе которого стоял левый, бывший коммунар, Клемансо. В России же разрыв образованного класса с правительством вместо единодушной работы в интересах войны и армии, часто искусственно, создавал громадные трения, затруднявшие работу правительственных органов и замедлявшие весь ход промышленной мобилизации.

Однако, несмотря на все затруднения, к началу 1917 года России удалось не только изжить те недостатки в оружии и боевых припасах, которые были так чувствительны в 1915 и в начале 1916 годов, но и накопить известный запас артиллерийских выстрелов и ружейных патронов.

О мощности русского военного производства перед самой революцией показывают следующие данные: в январе 1917 г. русские заводы выпустили 128.000 винтовок, 1.200 тяжелых пулеметов, 600 новых трехдюймовых орудий и 300 исправленных. Патронные же и снарядные заводы изготовили 157,7 миллионов ружейных патронов и 3.000.000 трехдюймовых выстрелов, 48-линейных — 380.000. 42-линейных — 75.000 и 6-дюймовых — 175.000.

Известная экономия в расходовании и увеличение производства заводов позволило артиллерийскому ведомству к январю 1917 года составить запас в 16.311.294 трехдюймовых выстрелов для полевых орудий и в 987.685 выстрелов для горных. По ходу увеличения заготовки выстрелов этот запас еще бы увеличился на несколько миллионов к началу кампании 1917 года.

Все те трудности, с которыми пришлось встретиться при переводе гражданской промышленности на военное положение, а также огромные потребности нынешних многомиллионных армий, поста-

вили правительства перед определенным положением. В настоящее время невозможно вести большую войну с запасами заготовленными в мирное время, а также нельзя полагаться на закупки сырья и готового оружия за границей, так как в последнем случае вопрос закупок и заказов будет всецело зависеть от усмотрения властей стран этих заводов.

Такое положение побуждает государства, одновременно с подоготовкой армии к войне, принимать соответствующие меры для подготовки мобилизации своей промышленности и готовить ее организацию на случай войны. Все это вызывает необходимость совершенно пересмотреть вопрос мобилизации военнообязанных. Перед войной в 1914 году общей мобилизацией были призваны в ряды армии люди состоявшие в запасе армии, в ополчении 1-го и 2-го разрядов до 42-летнего возраста, за исключением ратников 1-го разряда, «синебилетников», зачисленных в ополчение по семейной льготе и никогда не проходивших учебных сборов. Законом 1915 года они тоже были призваны в армию. Таким образом, при призыве последних все мужское население страны, за исключением негодных к военной службе, оказалось в рядах армии.

Такая полная мобилизация отрицательно отозвалась прежде всего на работе административного аппарата империи, так как кроме полиции во всех правительственных учреждениях на своих местах остались только лица, занимавшие генеральские должности (от 5-го класса и выше) и, конечно, по условиям гражданской службы имевшие соответствующий возраст. Фактически, настоящих работников не осталось, так что центральные учреждения принуждены были обратиться в военное министерство с просьбой освободить вновь призванных чиновников-ратников что и было выполнено через несколько недель.

Еще хуже отозвалась общая мобилизация на проведении мобилизации промышленности. Все специалисты и заводские рабочие до 42-летнего возраста были призваны в армию и генеральный штаб отказывал в возврате на заводы необходимых специалистов, считая, что это произведет дурное впечатление на солдатскую массу. Пришлось небольшое число оставшихся, негодных к военной службе специалистов и возвратившихся на заводы стариков, превратить в своего рода учителей, которые обучали пришедших на заводы женщин и молодежь к новой точной работе, а это требовало много времени и сильно замедляло мобилизацию промышленности.

Ныне при раззработке планов мобилизации приходится предвидеть также мобилизацию промышленности и связанное с ней освобождение от призыва целого ряда специалистов, которые, оставаясь на заводах, составят ядро рабочей армии, обеспечивающей фронту заготовку необходимого вооружения, боевых припасов и снаряжения.

(Конец)

Конная атака 3-го эскадрона 4-го Уланского Харьковского полка 11-го октября 1914 года

Из моих записок о войне 1914-17 г. г.

(Памяти Владимира Гвидовича фон Рихтера)

С. Булацель

В начале октября наш полк работал на южном конце Мазурских озер и немецкие части, теснимые нашей пехотой, медленно отходили на Лык.

Вместе с наступающей нашей пехотой Харьковские уланы тоже продвигались вперед, прикрывая левый фланг пехотных частей и к 11-му октября в районе полка создалась следующая обстановка.

Полк был, как я сказал, левее наступающей пехоты, а 3-му эскадрону было приказано находиться левее полка, чтобы обеспечить его от возможного обхода, к которому обыкновенно прибегали немцы.

Для прикрытия двух орудий 7-й Конной батареи, которыми командовал штабс-капитан Сергей Иванович Бако, был назначен 6-й эскадрон; им командовал в то время ротмистр Якобсон 1-й, а офицерами в эскадроне были: штабс-ротмистр Булацель 3-й (Сергей) и поручик Войцеховский.

Исполняя полученное приказание, 3-й эскадрон под командою ротмистра барона фон Кнорринга, на рысях прошел мимо нас. В этом эскадроне находились поручики фон Рихтер и Булацель 4-й (Юрий), который был в светлом офицерском пальто, а также корнет Черников 1-й. Офицер этого же эскадрона, штабс-ротмистр Булацель 2-й (Илья) еще рано утром был послан в разъезд. Попав под артиллерийский огонь, разъезд его понес большие потери. Сам он был контужен и его собственная лошадь получила несколько сильных ранений.

У нас в 6-м эскадроне, находившемся в прикрытии конных орудий, было спокойно и уланы, пользуясь этим, по нескольку человек, ходили в недалеко стоявшую от нас халупу и варили там чай. Тем не менее, штабс-капитан Бако все время наблюдал в артиллерийскую трубу, направленную в сторону противника. Вдруг, неожиданно, он скомандовал — «огонь».

Батарея послала несколько очередей и штабс-капитан Бако остановил стрельбу. Он нам сказал, что

он видел движение группы немцев, а потом конную атаку.

После этого прошел приблизительно час времени, как к нам подъехал корнет Черников и что-то сказал ротмистру Якобсону, поручику Войцеховскому и штаб-капитану Бако, у которых, как я заметил, лица переменились. Затем корнет Черников подошел ко мне и сказал, что брат мой Юрий ранен. Я его спросил:

— Убит?

Но он опять мне ответил:

— Ранен...

Однако, по лицам офицеров я понял, что брат мой Юра убит.

О действиях 3-го эскадрона я буду придерживаться тех сведений, какие я получил впоследствии от ротмистра Владимира Гвидовича фон Рихтера, участника атаки 3-го эскадрона. Хотя он меня и предупредил, что из-за своей контузии память ему стала сильно изменять, но лично я придаю его рассказу более ценности, чем другим сведениям, полученным уже в эмиграции. Вот что рассказал мне В. Г. фон Рихтер.

«В нашем 3-м эскадроне, стоявшем на левом фланге полка, было спокойно. Эскадрон стоял во взводной колонне и было даже приказано у коней отпустить подпруги. Наблюдательные разъезды высланы вперед не были и поручик Булацель (Юрий) обратился к командиру эскадрона ротмистру барону фон Кноррингу, сказав ему, что он поедет вперед посмотреть что там впереди делается. Барон фон Кнорринг сказал: «Хорошо», и поручик Булацель поехал только в сопровождении своего вестового.

«Прошло довольно много времени и вдруг мы увидели какую-то фигуру, идущую пешком, спотыкающуюся и с трудом перевалившую последний холм. Скоро в этой фигуре мы распознали вестового поручика Булацеля. Вестовой был ранен и он, наконец, крикнул, что поручик ранен и его уносят немцы.

«И тут произошло следующее. Весь эскадрон, без команды офицеров, вскочил на коней, развернулся в лаву и бросился вперед через холмы. Но оказалось, что между холмами, и справа, и слева по линии атаки находились болота и командир эскадрона ротмистр барон фон Кнорринг справа, а корнет Черников слева — отстали от середины эскадрона. Эскадрон, поэтому, представлял из себя движущийся треугольник, в вершине которого оказался я со скачущими со мною уланами.

«Перевалив последний холм», — говорил мне В. Г. фон Рихтер, — «мы увидали, что справа четыре немца уносили на шинели раненого Юрия Булацеля, а перед собою — шоссе, в придорожной канаве которого лежала цепь немцев, густо стрелявшая по нас. Мы начали рубить и колоть пиками, но в этот самый момент нас начала крыть шрапнельными очередями какая-то артиллерия.

«Часть немцев бросилась к себе назад, но были и бежавшие в нашу сторону, среди которых, я помню, бежал бородач-немец, волоча за собою уланскую пику, застрявшую у него в ранце. Как потом оказалось, это была рота германского гвардейского ландвера.

«Раненого Юрия Булацеля уланы понесли на попонке. У него была поперек пробита грудь; он очень сильно страдал и скоро скончался. Немцы успели с него снять шашку, револьвер, бинокль и всю прочую амуницию. Его собственная лошадь тоже пропала.

«Никто тогда эскадроном не командовал и эскадрон действоал эмоционально; уланы бросились отбивать любимого офицера и доблестно достигли своей цели».

Повторяю, что описание этой конной атаки сообщил мне В. Г. фон Рихтер, но я считаю своим долгом добавить от себя, что первый, кто достиг цели и первый, кто орудовал в этой атаке — это был поручик В. Г. фон Рихтер со своим взводом.

За эту атаку, когда был отбит от немцев мой раненый брат Юрий, ротмистр барон фон Кнорринг, поручик фон Рихтер и корнет Черников были награждены орденом св. Анны 4-й степени, с надписью «за храбрость». Впоследствии, в 1916 году, будучи прикомандированным по своему желанию к 37-му Сибирскому стрелковому полку, В. Г. фон Рихтер был награжден в этом полку за удачные разведки Георгиевским оружием и орденом св. Георгия 4-й степени.

Вверительная грамота Императора Александра I 1807 г.

Божіей поспѣшествующею милостію Мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій и Подольскій, Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогицкій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Бятскій, Болгарскій и иных, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витепскій, Мстиславскій и всея Сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскія, Карталинскія, Грузинскія и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ наслѣдный Государь и Обладатель. Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій и Государь Еверскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ черезъ сіе всѣмъ кому о томъ вѣдать надлежитъ, что понеже Нашего Императорскаго Величества и Его Султанова Величества пре-

изрядныхъ Султановъ Великаго и Почтеннѣйшаго Королей Лѣпотнѣйшаго, Мекскаго и Мединскаго и защитителя Святаго Іерусалима и Короля и Императора пространнѣйшихъ Провинцій поселенныхъ въ странахъ Европейскихъ и Азіатскихъ и на Бѣломъ и на Черномъ морѣ, Свѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго и Величайшаго Императора, Султана Сына Султанова, и Короля и Сына Королей, Султана Мустафы Хана Сына Султана Абдулъ Хамидъ Хана, есть взаимное желаніе и склонность къ прекращенію настоящей между обоими Государствами нашими продолжающейся войны и къ возстановленію мира чрезъ уполномочиваемыхъ съ обоихъ сторонъ повѣренныхъ особъ, того ради по общему соглашенію, Мы восхотѣли опредѣлить въ качествѣ нашихъ полномочныхъ, по нашей къ ихъ искуству вѣрности и усердию къ нашей службѣ довѣренности намъ люебзновѣрныхъ: первым Михайло Милорадовича нашего генерала лейтенанта, шефа Апшеронскаго мушкетерскаго полка и орденовъ Святаго Александра Невскаго, Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3 класса, Святыя Анны I класса Кавалера, Державнаго ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго Командора и Королевско-Сардинскаго Святаго Маврикія и Лазаря большаго Креста Кавалера. Вторымъ Сергѣя Лашкарева Нашего Тайнаго Совѣтника и орденовъ Святыя Анны I класса и Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра 3 степени Кавалера и Державнаго ордена Святаго Іоанна Іерусалимскагое Командора; и третьимъ Николая Пизанія нашего Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и ордена Святаго Равноапостальнаго Князя Владиміра 3 степени Кавалера, яко же Мы через сіе дѣйствительно опредѣляемъ помянутыхъ Михайло Милорадовича, Сергѣя Лашкарева и Николая Пизанія нашими полномочными, давая имъ полную мочь и именно повелѣвая вступить въ переговоры и соглашаться съ уполномоченными Блистательной Оттоманской Порты равномѣрною жъ полною мочью снабдѣнными, о постановленіи мирнаго трактата и оный заключить, подписать и печатьми своими утвердить, обѣшая Императорскимъ Нашимъ словомъ за благо принять, твердо и непоколебимо навсегда содержать и точно исполнять все, что помянутыми Нашими полномочными Михайломъ Милорадовичемъ, Сергѣемь Лашкаревымъ и Николаемъ Пизаніемъ, или кѣмъ-нибудь однимъ изъ нихъ за болѣзнію и отлучкою другого, въ силу сей полной мочи постановлено, заключено и подписано будетъ, да и дать на то Императорскую Нашу ратификацію въ соглашаемый срокъ въ увѣреніе чего Мы сію полную мочь и повелѣли утвердить Государственною Большою печатью Нашею.

Дано въ Санктпетербургѣ августа 3 дня 1807-го, а Государствованія Нашего седьмаго года.

А Л Е К С А Н Д Р Ъ

Управляющий министерством иностранных дел министр внутренних дел. (Подпись не разобрана). Государственный секретарь (Подпись не разобрана)

С октября 1806 года Россия была в войне с Турцией и русские войска заняли Молдавию и Валахию. Когда в 1807 г. между Россией и Францией был заключен Тильзитский мир, то Наполеон принял на себя посредничество примирить Россию и Турцию, и по одной статье Тильзитского договора было определено, что русские войска выступят из занятых ими княжеств Молдавии и Вакахии. Но Император Александр I и Наполеон, кроме того, словесным соглашением условились «не возвращать русской армии из княжеств, доколе Порта не согласится на посредничество Франции в мире с Россией, не назначит полномочных для переговоров, не обяжется вывесть свои войска из Молдавии и Валахии и не занимать обеих княжеств потом, пока не будут назначены ратификации мирного договора».

На основании этих условий Император Александр повелел главнокомандующему русскими войсками в Турции генералу от кавалерии И. И. Михельсону начать с турками переговоры о перемирии и, если таковое состоится, то вывести из занятых турецких областей русские войска. Если же турки не согласятся на все вышеупомянутые условия, то повелено было продолжать военные действия.

Задачу вести мирные переговоры с турками Император Александр возложил на командовавшего корпусом в армии Михельсона генерал-лейтенанта М. А. Милорадовича, а в помощь ему дал из министерства иностранных дел двух опытных дипломатов: тайного советника Сергея Лазаревича Лашкарева (1739-1814), еще в 1791 году с князем Безбородко подписавшего Ясский мир, и действительного статского советника Николая Антоновича Пизани, бывшего прежде драгоманом русского посольства в Константинополе (сидел вместе с Я. И. Булгаковым в Семибашенном замке) и хорошо знавшего турецкий язык. В то же самое время Наполеон отправил из Тильзита в Бухарест полковника Гильемино и поручил ему поддерживать при переговорах русские интересы. По предварительному соглашению с турками все отправились для переговоров в Слободзею (в нескольких верстах от Журжи), где их ожидал турецкий уполномоченный Галиб-эффенди.

12 августа перемирие было заключено на следующих условиях: 1) прекратить военные действия на суше и на море и немедленно назначить уполномоченных договариваться о мире; 2) если мир не состоится, не начинать военных действий прежде 3 апреля будущего 1808 года; 3) русским войскам очистить все принадлежащие Порте земли и крепости в течение 35 дней, считая со дня перемирия и не увозить с собою артиллерии и военных снарядов, находившихся там до вступления русских войск в княжества; 4) туркам отступить из Молдавии и Валахии на правый берег Дуная, имея гарнизоны в Измаиле и Браилове, но не занимая крепостей, оставляемых русскими; 5) русскому флоту возвратить туркам взятый им стров Тенедос; размен плен-

ных произвести без всякого выкупа и возвратить военные и купеческие корабли, взятые во время войны одною державою у другой.

Во время переговоров о перемирии внезапно, 5 августа, скончался главнокомандующий Михельсон. В ожидании назначения Императором Александром нового главокомандующего, начальствование над армией по праву старшинства принял командир корпуса, блокировавшгео Измаил, генерал от кавалерии барон Мейендорф. Когда через шесть дней Лашкарев прислал ему подписанное в Слободзее перемирие, то Мейендорф ратифицировал его и немедленно приступил к исполнению условий перемирия. Он приказал русской армии отступить, срыть все укрепления, построенные нами, а флотилии на Дунае плыть в Одессу. Но едва русская армия начала отступление, как турки нарушили перемирие и стали вслед за ней переходить небольшими отрядами на левый берег Дуная.

Получив известие о смерти Михельсона, Император Александр назначил на его место князя А. А. Прозоровского. Когда же через несколько дней пришло известие о заключении Слободзейского перемирия и об отходе нашей армии, то Александр выразил большое неудовольствие Мейендорфу за то, что тот, не снабженный полномочием на утверждение дипломатических актов, ратифицировал перемирие. Государь считал невыгдными две статьи договора: возвращение взятых нами во время войны турецких кораблей и постановление прекратить перемирие не раньше апреля 1808 года, если мир не будет заключен. Вместе с тем Император Александр велел генерала Мейендофра отставить от службы за то, что, вступив после смерти Михельсона в командование армией единственно по причине своего старшинства, «не имел он отнюдь никаких поручений относительно мирных переговоров, следственно и не был уполномочен ратификовать или утверждать перемирие, ибо доверия и полномочия даются лицу, а не званию кем-либо носимому; легко может быть главнокомандующим один, а полномочным к заключению каких-либо договоров — другой», как писал канцлер граф Румянцев фельдмаршалу князю Прозоровскому по поводу этого дела (2 сентября 1807 г.). Почему для утверждения договора был уполномочен младший в чине Милорадович, а не главнокомандующий Михельсон и почему Милорадович не принял участия в ратификации этого договора — нам неизвестно.

⁂

Этот редкий исторический документ, содержание которого публикуется впервые, посчасливилось приобрести одному из членов нашего Общества. Бумага этой грамоты белая. Водяные знаки на ней: изображение пчелиного улья, на постаменте надпись « Honig » ; ниже — J. H. & Z, дальше — J. Honig & Zoonen. Наверху и с двух сторон грамоты находится золотой орнамент. Сургучовая печать растопилась, оставив бесформенное коричневое пятно.

Сообщил **А. Долгополов**

К этому номеру В.И.В. приложена фотокопия этого документа. Редакция приносит глубокую благодарность Члену Общества Ревнителей Русской Военной Старины Нине Борисовне Мяч за отлично исполненные и предоставленные «Военно-Историческому Вестнику» фотокопии этого интересного исторического документа.

К вопросу о попытке Бонапарта поступить на русскую службу

К двухсотлетию рождения Наполеона Бонапарта

(1769—1969)

Ю. Топорков

В этом году в связи с двухсотлетним юбилеем рождения Наполеона Бонапарта (4/15 августа 1769 г.) появилось и появляется, особенно во Франции, в книжной и периодической печати много работ, различных по своему содержанию и по своей исторической ценности, посвященных жизни и деятельности этого необыкновенного человека, игравшего столь значительную роль в судьбах Европы в начале прошлого века. Отдавая этой юбилейной литературе, своего рода, «дань», «Военно-Исторический Вестник» тоже в небольшой заметке хочет напомнить своим читателям один из эпизодов жизни Бонапарта — вопрос о попытке его еще молодым офицером поступить на русскую службу во время царствования императрицы Екатерины Второй.

Этот эпизод рассказан генералом И. А. Заборовским, а редактор журнала «Русский Архив», Петр Бартенев, опубликовал его в 1866 году. Но прежде чем привести здесь текст этого сообщения, скажем в кратких словах, кто такой был Заборовский.

Генерал-лейтенант Иван Алесандрович Заборовский (1735-1817), был участником еще Семилетней войны; он отличился в первой войне императрицы Екатерины с Турцией занятием Андрианополя. При начавшейся в 1787 году второй войне с Турцией было предположено послать Балтийский флот под начальством адмирала Грейга в Средиземное море и для командования десантом предназначался генерал Заборовский, но враждебная позиция занятая Швецией и Англией заставила Россию удержать свою эскадру в Балтийском море. Однако идея открыть военные действия против турок в Средизем-

ном море не была оставлена и вскоре было приступлено к организации корсарских флотилий с иностранными командами под начальством русских морских офицеров. «Желательно было бы, чтоб с славянами, албанцами, корсиканцами и греками до 10 тысяч набрать было можно...», как говорилось в инструкции, данной адмиралу Грейгу по этому поводу.

Принять начальство над организацией этих флотилий был назначен Заборовский. Еще будучи бригадиром, Заборовский особенно отличился во время первой Турецкой войны при императрице Екатерине II. В 1774 году, находясь под командою генерал-поручика Каменского, он разбил турецкий отряд, охранявший сообщение Шумлы с Константинополем, взял в плен командовавшего им пашу и очистил таким образом путь русским войскам к Адрианополю. Вот почему выбор Заборовского был сделан лично Екатериною, которая при этом сказала: «Заборовский ближе всех был к Константинополю от Балкан, а это внушило мне мысль послать его теперь с другой стороны, чтобы он по дошел еще ближе» (Сборник Русск. Историч. Общ. Т. 1, стр. 99). Получив соответствующие инструкции Заборовский отбыл в Италию. После заключения мира он состоял наместником Владимирским и Костромским; в царствование императора Павла был назначен сенатором.

Теперь обратимся к тому сообщению, какое сделал П. Бартенев в «Русском Архиве» (1866 г., стр. 1375).

«Стариком И. А. Заборовский любил вспоминать про один чрезвычайно любопытный случай из своей жизни. Будущий император Наполеон, в то время 20-летний артиллерийский офицер, находясь на своей родине на острове Корсике и заслышав, что русский генерал вызывает добровольцев, желающих служить под русскими знаменами, а именно из его соотечественников, подал просьбу о вступлении на русскую службу. Определение не состоялось, потому что за несколько дней перед тем Заборовский получил приказание не принимать иностранцев тем же чином, а Наполеон не соглашался на понижение чином.

«Предание это, со слов Заборовского, записано Н. Т. Иванчиным-Писаревым в книжке его «Спасоандроников монастыр:», Москва, 1842, стр. 101. (В этом монастыре находилась могила И. А. Заборовского. Прим. Ю. Т.).

«Покойный граф Д. Н. Блудов рассказывал, что император Александр I во время своей коронации обращался к Заборовскому с вопросом, соответствует ли истине слух, будто 1-й консул желал поступить на нашу службу? Заборовский ответил утвердительно.

«Любопытно было бы знать, не сохранилось ли в наших архивах, в делах Заборовского, самого прошения, поданного человеком, который потом вступил в наше отечество завоевателем?» — заканчивает вопросом свою заметку П. Бартенев.

Однако, после опубликования этого сообщения никто, видимо, не пытался сделать архивные розыски, но эпизод этот вошел в некоторые исторические иследования, связанные с Наполеоновской эпохой. Так, например, на этот эпизод ссылается (правда, с оговоркой, — «если можно верить рассказу генерала Заборовского»), — французский историк К. Валишевский в своем труде «Вокруг трона. Екатерина II» (K. Waliszewski. Autour d'un trône. Catherine de Russie. Paris, 1894, p. 62), замечая при этом о том, какие бы могли быть последствия в ходе истории, если бы это поступление Бонапарта на службу в русскую армию могло осуществиться.

Занимался ли кто-нибудь после опубликования Бартеневым рассказа Заборовского (по записи Иванчина-Писарева) мы, как скаазно выше, не знаем, но раньше, независимо от этого рассказа существовало свидетельство и другого лица — свидетльство исходившее от графа Ф. В. Ростопчина (1763-1828). Ссылается он, однако, не на Заборовского, а на устный рассказ русского дипломата Василия Степановича Тамары (1740-1813). В 1823 году, в Москве была издана книжка Ф. В. Ростопчина «Правда о пожаре Москвы», позже вошедшая в собрание его сочинений, изданное в 1855 г. в Петербурге А. Смирдиным. Вот что пишет Ростопчин.

«Я очень часто сожалел, что генерал Тамара, имевший препоручение, в 1789 году, во время войны с турками устроить флотилию в Средиземном море, не принял предложения Наполеона о приеме его в русскую службу; но чин майора, которого он требовал, как подполковник Корсиканской национальной гвардии был причиною отказа. Я имел это письмо много раз в своих руках».

Французский историк Л. Пэнго опубликовал это свидетельство Ростопчина «Французы в России и русские во Франции» (L. Pingaud. Français en Russie et Russes en France. Paris, 1886, p. 193), приняв его, очевидно, на веру, так как свое сообщение Пэнго, как и упомянутый выше историк Валишевский, сопроводил тоже рассуждением о том, как бы изменилось течение истории для Франции и для России, если бы Наполеон Бонапарт был принят на службу в русскую армию.

В сообщении Ростопчина есть некоторая неточность. В. С. Тамара, служивший по дипломатической части, действительно, во время второй турецкой войны, в чине генерала, был послан в Средиземное море и командовал там флотилией. Но не на него было возложено Екатериною II формирование флотилии и набор для нее добровольцев, а на генерала Заборовского, о чем было сказано выше. Почти вся служба Тамары протекла по гражданскому ведомству. В 1768-74 гг. он был дипломатическим представителем в Венеции. В 1783 г. был послан к грузинскому царю Ираклию с проектом договора о признании Грузией покровительства России. Затем был послан в Персию и в 1797 г. Тамара был назначен посланником в Турцию. В 1802 г. он вышел в отставку и умер в 1813 году (Дипломатический словарь. Т. 3, М. 1964).

С другой стороны, в сообщении Ростопчина есть очень важное свидетельство, как будто бы,

доказывающее, что было даже письмо, которое он держал «много раз в своих руках».

В свидетельстве же дочери Ростопчина, Н. Ф. Нарышкиной (1797-1866), которая в своих воспоминаниях «Граф Ростопчин и его время» (на французском языке, изд. 1912 г.) упоминает, по рассказу Тамары, о попытке Бонапарта поступить на русскую службу, обнаруживается тоже неувязка. Нарышкина пишет, что в ноябре 1814 года Ростопчины временно жили в Петербурге в доме Головиных, куда каждый вечер приходил с женой В. С. Тамара. Но в 1814 году Тамары не было в живых — известно, что он умер в 1813 году...

Таковы устные предания современников, в общем, сходные между собою и эти свидетельства — Тамары, Ростопчина и Заборовского — долгое время, казалось, были приняты историками на веру. Только значительно позже граф Павел Сергеевич Шереметев, член комитета 1812 года, принялся серьезно за исследование этого вопроса и старался подкрепить его документальными данными. В журнале «Летопись Историко-Родословного Общества в Москве», М., 1910, вып. 4(24), он поместил очень интересную статью: «Бонапарт и русские в 1789 году и о Заборовском».

Шереметев прежде всего правильно высказывает мысль, что нужна справка о местопребывании Бонапарта в интересующую нас эпоху. Это приводит Шереметева к изучению ранних годов жизни Бонапарта и он делает ряд ссылок на французскую историческую литературу, посвященную Наполеону. В результате — прямых данных о намерении Бонапарта поступить на русскую службу не отыскалось.

Затем Шереметев использовал русские печатные источники, относящиеся к назначению Заборовского командовать русской флотилией в Средиземном море и к пребыванию его в Италии. Было установлено, что Заборовский, получив назначение, выехал из России в мае 1788 года и прибыл в Триест в конце июня, как о том писал графу А. А. Безбородко 19 июля оттуда: «Я приехал сюда в конце прошлого месяца».

Использовал Шереметев и бумаги, хранившиеся в архиве министерства иностранных дел. Среди них он обратил особое внимание на те документы, в которых речь шла о наборе корсиканцев и приводит выдержку из данной Заборовскому «инструкции». В ней впервые упоминается о корсиканцах на русской службе и говорится: «Учредя таким образом в Триесте, отправитесь в Тоскану и там приложите старание собрать всех корсиканцев, бывших в английской службе; составя же сей корпус, прежде всего пошлите его в Сиракузу к флоту капитану бригадирского ранга Псаро».

Сохранилась, между прочим, в архиве ведомость об издержках Заборовского за декабрь 1788 г., в которой сказано: «По ордеру г. адмирала Грейга отправляющемуся из Петербурга в Тоскану для набора корсиканцев бригадиру князю Мещерскому выдано 2400 червонцев». О солдатах-корсиканцах нашлось несколько следующих данных в письме Заборовского из Венеции от 19/30 июля 1788 г. к Безбородко: «Находящиеся на английской службе корсиканцы, не соглашаясь на сделанные предложения, чтоб жалованье получать по одному червонцу в месяц, требуют, чтоб оное производилось им наравне с нашими солдатами; но чтобы при вступлении в службу выдано было каждому по шести червонцев не в щот жалованья. И как они твердо о том настояли, и я не видел, чтоб сие сделало великую разницу для казны, то и предписал бригадиру князю Мещерскому, чтоб заключил с ними договор на сем условии».

Чтобы дать представление о том, в каком настроении находились корсиканцы в описываемое время, Шереметев приводит выдержку из, сохранившегося в том же архиве, письма некоего корсиканца Анжело Франчески. В апреле 1789 г. этот корсиканец писал находившемуся на русской службе контр-адмиралу Гиббсу о том, что он рожден корсиканским дворянином и происходит от семьи, которая всегда с достоинством служила в государстве, сам же он сражался на стороне корсиканского патриота генерала Паоли и отказывается признавать владычество французов над Корсикой.

В одном из донесений контр-адмирала Гиббса графу Безбородко от 2 ноября 1789 г. из Сиракуз сказано: «Из набранных бригадиром князем Мещерским в службу нашу корсов осталось после кампании Архипелагской 50 человек, при них три капитана, один поручик и три прапорщика. Сверх вышеописанных находится на судах 10 человек принятых в чины прапорщиков и с дозволения генерала и кавалера Заборовского носят офицерский мундир». Но это донесение относится к тому времени, когда Заборовский уже уехал из Италии. Храповицкий записал в своем дневнике: 1 июня 1789 года: «Возвратился Заборовский. Отозвались, что сия экспедиция не удалась».

Таким образом розыски Шереметева в архиве министерства иностранных дел тоже не обнаружили прямых данных о намерении Бонапарта поступить на русскую службу. Но он все же высказывает мнение, что Бонапарт мог обратиться с подобной просьбой. В 1789 году Бонапарт на Корсике и ему 20 лет. Что он требовал того же чина и не мог помириться на понижение, это вполне согласуется с его характером. Он сам говорит: «Мое рождение предназначило меня к службе: я уже был лейтенантом артиллерии за четыре года до революции. Никогда я не получал чина с большим удовольствием, как этот».

Как же отозвались на эту статью французские историки, знатоки жизни Наполеона? В 1912 году известный историк А. Шюкэ (Arthur Chuquet) в книге посвященной Бонапарту (Etudes d'Histoire. Bonaparte sous les drapeux russes. Paris, 1912) самым категорическим образом отрицает возможность, что Бонапарт мог, либо видеть Заборовского, либо писать ему. Установлено, что Заборовский прибыл из России в Триест 30 июня 1788 года; 30 июля он переехал в Венецию, а 6 октября — в Ливорно. В следующем — 1789-м — году, 3 мая он отправля-

ется во Флоренцию, чтобы оттуда вернуться в Россию. Где же находится Бонапарт в это время?

В первый раз Бонапарт приезжает в отпуск на Корсику 15 сентября 1786 года. Этот отпуск длился почти двадцать месяцев — до 1 июня 1788 года, когда он возвратился во Францию. В это самое время Заборовский как раз прибывает в Триест. «Я прибыл сюда», пишет Заборовский графу Безбородко 19 июля 1788 г. из Триеста, — «в конце прошлого месяца». Сопоставляя эти даты, действительно, надо согласиться, что свидание Бонапарта с Заборовским не могло иметь места в это время.

Предположим, говорит А. Шюкэ, что Бонапарт писал Заборовскому и письмо это исчезло. Если письмо дошло до Заборовского, то он получил его в промежутке времени между июнем 1788 и маем 1789 года. В этот период Бонапарт и не думает покидать Францию и, особенно, оставить Корсику, где находится его мать с многочисленной семьей, испытывавшей большую материальную нужду. Запутанные денежные дела семьи Бонапарт приводит в порядок; путем строгой экономии старается увеличить денежные ресурсы, хлопочет о казенной стипендии брату Луи и о месте в суде брату Жозефу. Трудно предположить, чтобы в голове Бонапарта явилась в эту пору мысль покинуть свою родную Корсику.

Ростопчин относит намерение Бонапарта поступить на русскую службу к 1789 году и говорит, что Бонапарт, будучи в чине подполковника, претендовал на чин майора. Однако, известно, что он прибыл во второй раз в отпуск на Корсику в сентябре 1791 года в чине лейтенанта и только в апреле 1792 года он избирается в подполковники Айячского батальона волонтеров Корсиканской национальной гвардии. В это время войны России с Турцией уже не было, так как в декабре 1791 г. был заключен Ясский мир.

Каково же происхождение рассказа Заборовского? А. Шюкэ объясняет это так. Заборовский впоследствии часто вспоминал о том времени, когда ему было поручено вербовать в Италии среди корсиканцев волонтеров. Когда же Наполеон достиг высшей власти и стал императором Франции, когда вокруг его имени стало складываться множество самых невероятных рассказов и легенд, то и Заборовский вообразил, что среди корсиканцев, просящих принять их на русскую службу, был и молодой Бонапарт. Вся эта легенда — плод воображения Заборовского. Такое объяснение дает историк А. Шюкэ.

С гипотезой А. Шюкэ, повидимому согласились и другие французские историки, так как ни Л. Маделен (Louis Madelin) в своей книге « La jeunesse de Bonaparte », изд. 1937 г., ни А. Кастело (André Castelot) в недавно вышедшем труде « Bonaparte », изд. 1968 г., ни словом уже не упоминают, как это делали Валишевский и Пэнго, о намерении молодого Бонапарта поступить на русскую службу.

В русской исторической литературе, ни Шильдер, ни Великий Князь Николай Михайлович, тоже ни словом не упоминают об эпизоде, переданном Заборовским, Ростопчиным и Тамарой

Может быть, когда-нибудь в русских архивах будут открыты новые данные по этому вопросу, но пока надо считать, что никакой попытки Бонапарта поступить на русскую службу в действительности никогда не было.

В Добровольческой армии

(Из воспоминаний)

(Продолжение)

П. Н. Шатилов

ОТ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ДО ВЗЯТИЯ ЦАРИЦЫНА

Ко времени моего возвращения в Грозный из Екатеринодара, куда я ездил из-за моего ранения, моей дивизии уже были поданы поездные составы и она начала погрузку. Поезда следовали один за другим с полным использованием провозоспособности дороги. Не теряя времени, я выехал вперед, получив предварительно все указания для действий дивизии на новом фронте. По пути, я получил распоряжение о подчинении моей дивизии генералу Кутепову, командующему одной из групп Манычского фронта. Моя рана давала еще о себе знать и я мог ходить только при помощи костыля, упираясь другой рукой на палку. Однако, верхом я уже ездил свободно.

В таком виде я явился Кутепову. Это была моя первая с ним встреча во время Гражданской войны. Кутепов встретил меня очень радушно и сказал, что ждал меня с нетерпением, так как положение у него на фронте было довольно тяжелое. С прибытием же моей дивизии, которая еще при Врангеле проявила свои блестящие качества, он надеется, что обстановка сложится для нас более благоприятно. Он передал мне в подчинение конную бригаду генерала Говорушенко, бывшего моего сослуживца в молодых годах по Хоперскому казачьему полку и предложил на следующий же день опрокинуть красных за Маныч, чтобы затем форсировать эту реку. Он намеревался, на плечах моей дивизии, перебросить за Маныч. свои пехотные части, стоявшие по обе стороны железной дороги у Торговой.

На это я ему возразил, что необходимо отложить наступление на одни сутки, так как я не успею обстоятельно ознакомиться с обстановкой и так как половина моей дивизии еще не прибыла к Торговой и должна будет прямо из вагонов начать наступление, что является крайне нежелательным. Но генерал Кутепов мне ответил, что начало наступления на следующий день является категорическим приказанием генерала Деникина и что общая обстановка, особенно в Каменноугольном районе, не позволяет ни дня отсрочки. Я должен был подчиниться и больше не возобновлял своей просьбы об отсрочке. В качестве директивы Кутепов дал мне определенную задачу, а способы использовать мои части оставил полностью на мне. Он произвел на меня в эту первую встречу очень благоприятное впечатление (1).

К этому времени, то есть к середине апреля 1919 года, обстановка на фронте вооруженных сил Юга России представлялась следующим образом. На Манычском направлении действовала 10-я советская армия в составе до 25 тысяч под командою бывшего офицера генерального штаба Егорова. Она имела недавно сформированные по особым штатам три регулярные дивизии очень сильного сотава. Дивизии имели по три бригады, по три трехбатальонных полка в каждой. При каждой дивизии имелись бригада артиллерии и дивизионная конница.

Кроме того в состав армии входила сильная конная группа Думенко. Отдельный отряд этой армии действовал на Ставропольском направлении. Прочие части ее действовали от Бараниковской до Дона. Ко времени прибытия моей дивизии на Манычский фронт 10-я армия переправлялась через Маныч и угрожала железной дороге Ростов-Тихорецкая. От района Батайска и далее по Дону и Донцу действовала 9-я советская армия в составе 25-28 тысяч. Далее, огибая Лихую, Юзово и Мариуполь, действовали 8-я, 13-я и 14-я советские армии в составе до 75 тысяч бойцов.

С нашей стороны на Манычском фронте действовала группа под непосредственным командованием генерала Деникина. На правом ее фланге находилась впереди Дивного конница генерала Улагая (1-я дивизия), в центре — отряд генерала Кутепова в составе 6-й дивизии слабого состава (около 6 тысяч), мои 6 конных полков, Астраханская конная бригада генерала Зыкова и слабая Горская конная дивизия генерала Гревса. На левом фланге сосредоточивались два конных полка Донцов.

На фронте впереди Дона действовали Донская армия генерала Сидорина, сильно ослабленная дизертирством и потерями (около 12 тысяч), конные корпуса генералов Покровского и Шкуро (около 6 тысяч) и далее до Азовского моря — добровольцы генерала Май-Маеввского (около 12 тысяч).

В середине апреля после жестоких боев и блестящих действий нашей конницы и добровольцев в Каменноугольном районе, казавшийся уже совершенно разбитым, фронт Донской армии был восстановлен и постепенно наши части занимали потерянные ими участки. Лишь только в Камменоугольном районе Май-Маевский должен был оставить Юзово и отойти на всем участке своего фронта. На Манычском фронте положение для нас тоже становилось весьма тяжелым. Мы потеряли даже сильную своими естественными свойствами преграду реки Маныч.

К вечеру 20 апреля я добрался в экипаже до штаба генерала Говорушенко, которого еще из Торговой попросил по телефону созвать ко времени моего приезда всех командиров полков, как его бригады, так и моей дивизии, прибывавшей в этот день в район его расположения. В штабе Говорушенко я нашел всех в сборе, кроме одного командира полка, полк которого еще не разгрузился. Ознакомив всех с общей обстановкой и приказом, полученным мною от генерала Кутепова, я отдал свои распоряжения для атаки, назначенной на следующий день. Так же как и я, мои командиры стали просить дать им хотя бы день на подготовку и, так же как и я, прекратили свои просьбы, узнавши, что обстановка не позволила генералу Кутепову дать нам отсрочку.

На следующий день, развернув на рассвете все мои шесть полков, я их повел вперед. Большевики не выдержали нашего удара и откатились назад, оставив в наших руках много пленных. Красные отошли за Маныч и не успели испортить две переправы через реку, что нам облегчило дальнейшие действия.

Еще в период нашего наступления на Царицынском направлении я оказался опять без начальника штаба. Георгиевич заболел в Грозном сыпным тифом, вскоре после моего ранения, и был эвакуирован в Екатеринодар. Там я его навестил в госпитале, когда он стал поправляться. Заменить его даже на время кем-нибудь другим я не хотел, но и расчитывать на его скорое полное выздоровление было также мало шансов. Пришлось, поэтому, обходиться без помощника.

Мне предстояло теперь выполнить вторую из поставленных мне целей — форсировать Маныч. Это была не легкая задача. Вода на реке напротив всего участка моего отряда и далеко по сторонам не превышала в это время года одного аршина. Но под водой стояла липкая засасывающая грязь глубиною аршина на полтора. О переправе всадников на коне, а тем более орудий, пулеметов и повозок, не могло быть и речи. Как только мы подошли к Манычу, я послал разъезды далеко в сторону вверх по течению, чтобы выяснить проходимость реки вне огня противника. Разъезды мне донесли, что они могли перебраться на другую сторону только спешившись, причем не все лошади смогли вынести переправу по манычской грязи. Одну из лошадей нельзя было вытащить и она затонула в грязи. Все разъезды доносили одно и то же и невозможно было установить, где выбрать наилучшее место для

---

(1) Более подробно об этой встрече см. статью ген. Шатилова «Мои встречи с генералом Кутеповым» в книге «Генерал Кутепов. Сборник статей». Париж, 1934; стр. 223-225. Примеч. — **Ю. Т.**

переправы. Приходилось сообразовываться исключительно с положением красных частей на северном берегу, и я наметил следующий план действий. Произвести переправу я решил ночью, верстах в восьми к востоку от сильно обороняемой большевиками Бараниковской переправы. Переправляться должны были только всадники, оставив под небольшим прикрытием, всю артиллерию, пулеметы и обозы в селении Бараниковском. Затем я предполагал атаковать левофланговые части 10-й советской армии, оборонявшей Бараниковскую переправу, при содействии огня нашей артиллерии и пулеметов, расположенных на левом берегу Маныча, после чего переправить их на другой берег по сохранившейся переправе.

Через день, ночью, я выступил со всеми своими полками, стараясь незаметно подойти к месту избранному для переправы. Еще до рассвета я начал переправлять полки на широком фронте, так как опыт показал, что с проходом даже небольшой части грязь Маныча становилась еще более засасывающей и глубокой. Все решительно офицеры и казаки раздевались и вели своих лошадей в поводу по грязи. Люди проходили имея воду на высоте груди, но лошади погружались более глубоко. Чтобы пройти реку, имевшую всего около тридцати саженей, приходилось тянуть лошадей почти в течение часа.

С моей еще незажившей раною я не мог итти со всеми по грязи и в воде и я решил переправляться на своем коне, выслав вперед других лошадей, чтобы в пути пересаживаться на них. Но это оказалось ненужным. Мой конь в четверть часа вынес меня на другой берег. Этого коня я приобрел еще в Грозном. Нам там передался офицер бежавший от большевиков. Прибыл он верхом и попросился в строй, но так как он был пехотинцем, то его назначили в Терский пластунский батальон. Свою же лошадь он захотел продать и, так как у меня в то время не было ни одной лошади, то мой адъютант по хозяйственной части, купил ее для меня за 250 рублей. Повидимому это была строевая лошадь Тверского драгунского полка. Она была прекрасно выезжена. Выносливости она была исключительной, что она и доказала при переправе через Маныч. За всю свою службу в коннице я не имел лучшей строевой лошади.

Переправа заняла у нас около двух часов. Со стороны большевиков не было оказано почти никакого сопротивления. Только небольшой их разъезд, быстро отогнанный нами, сделал по нас несколько выстрелов. Переправа закончилась уже когда солнце ярко светило. Выслав вперед разведку, я повел затем полки узким фронтом на запад, примыкая левым флангом к Манычу. Скоро стали поступать донесения о присутствии противника к востоку от Бараниковской переправы. Местность была открытой, никаких селений до самой железной дороги не было. Впереди Бараниковской переправы находилась небольшая высота, с которой должна была быть видна вся окружающая местность. Я наметил ее местом своего пребывания и направил бригаду 1-й Конной дивизии против красных, оборонявших Бараниковскую переправу, с приказанием, чтобы, по ее освобождении, немедленно были высланы вся артиллерия, пулеметы и санитарный обоз на правый берег Маныча. Бригаду Говорушенко я направил правее указанной мною высоты навстречу каким-то конным частям, о движении которых доносила разведка. Вторую же бригаду моей дивизии я оставил в резерве при себе.

На моих глазах лихо развернулись Запорожский и Уманский полки и пошли свежим аллюром в атаку. Большевики, открыв против них сильный огонь, при приближении атакующих не перестроили своего боевого порядка и продолжали его держать фронтом на юг, откуда их громила, с другого берега Маныча, наша артилерия и поливали сильным огнем пулеметы. Увидев атаку Запорожцев и Уманцев, наша артиллерия усилила огонь, что сильно облегчило этим полкам совершенно разгромить большевиков. Много их было порублено, но еще больше было захвачено. Уже при первой атаке мы захватили полностью две батареи. Главные усилия выпали в этой атаке на долю Запорожцев во главе с Павличенко, который вылечившись от ранения, уже владел обеими руками и рубил большевиков наравне со своими казаками.

После этой атаки я имел возможность продвинуться на высоту, которую избрал для своей стоянки. Она была оставлена небольшой частью конницы красных. Генерал Говорушенко также продолжал движение вперед, гоня перед собою красную конницу. Бригада резерва подошла ко мне и стала в резервном порядке, скрывшись за высотою. Когда Запорожцы и Уманцы приостановили атаку для сбора пленных и приведения своих сотен в порядок, я приказал им продолжать наступление на запад, выделивши из резервной бригады один полк, который направил правее Уманцев для охвата с тыла расположения большевиков, которые продолжали держать фронт по Манычу, не производя никакой перегруппировки при наших атаках. К этому времени наша артиллерия и пулеметы быстро переправились по гати через Маныч и присоединились к своим частям. Вторая атака моих трех полков была уже поддержана артиллерией, действовавшей вместе с ними и эта атака дала те же результаты. Тысяча пленных и несколько орудий опять попали в наши руки. Так как начинало темнеть, я отвел полки немного назад, оставив впереди сильное охранение. Но к вечеру уже было видно с моей высоты как сосредоточивались значительные силы красных со стороны Великокняжеской.

Еще с утра, после переправы, я послал донесение генералу Кутепову с просьбой поддержать мое наступление. По освобождении Бараниковской переправы я снова доносил о достигнутых успехах, но предупредил, что один на северном берегу Маныча я развить успеха не могу. До вечера я ожидал перехода в наступление пехоты Кутепова и находившейся у него Горской дивизии и Астраханской бригады, но так этого и не дождался. Ночью полил дождь. Укрыться от него было нигде, кроме моей

собственной бурки, которой я покрылся. Огня зажечь почти было невозможно, почему с трудом расшифровывали донесения промокавшие в папахах доставлявших их казаков. На утро дождь уменьшился, но видимость была плохая.

Между тем, генерал Говорушенко, заночевав в поле, продолжал с утра наступление и его артиллерия стала уж обстреливать станцию Эльмут. Наступление моего левого фланга пришлось задержать, так как со стороны Великокняжеской стали появляться значительные силы красных, а от генерала Кутепова все не было никаких сообщений о содействии моему наступлению. Когда же дождь совсем прекратился и погода значительно улучшилась, я понял ясно, что большевики, наконец, принимают против меня меры.

Около десяти тысяч пехоты, при поддержке сильной артиллерии, открывшей огонь по всему нашему расположению, перешли против нас в наступление от Великокняжеской. Конница красных, не менее двух тысяч, двигалась вразрез между частями Говорушенко и высотой, где я находился. Кроме того, против генерала Говорушенко так же было обнаружено наступление сильного отряда пехоты и конницы. Соотношение сил было слишком неравное. Со стороны Торговой никакой поддержки я не имел. Моих трех с половиной тысяч шашек стало недостаточно, чтобы развить достигнутые нами успехи. Однако, я все же решил действовать активно. Генералу Говорушенко я приказал оставить заслон против наступающих со стороны Эльмута большевиков и направил ему в поддержку последний полк моего резерва, а трем полкам моей дивизии приказал атаковать противника, наступающего от Великокняжеской правым берегом Маныча. Части Говорушенко опрокинули большевистскую конницу, а на моем левом фланге мои три полка разбили ближайшие к нам, выдвинувшиеся вперед красные части, захватив новые трофеи.

Наступление большевиков на время захлебнулось, но и мы не имели больше возможности продолжать наше наступление. Слишком большое численное превосходство было на стороне красных, да, кроме того, и открытая местность не позволяла сделать скрытых перегруппировок. Но я, все же, ожидал помощи со сторны Торговой. Однако, оттуда я даже не имел никаких ответов на мои донесения. К вечеру наступление большевиков продолжалось с большой интенсивностью. Мы окружались с трех сторон. Под давлением красных генерал Говорушенко стал отходить. Вынужден был отходить и Павличенко со своими Запорожцами. Все это вынудило меня решить переправиться на левый берег Маныча в расчете быть усиленным стоявшими там, как мне казалось, без всякого боевого использования 6-й пехотной и Горской дивизиями и Астраханской бригадой.

К ночи я переправил свои полки на левый берег Маныча и сосредоточил их в селении Бараниковском. На следующий день я донес подробно обо всем происшедшем генералу Кутепову. В ответ на это донесение я получил распоряжение прибыть в Торговую к генералу Деникину для личного доклада. Деникина я тогда лично совсем не знал. Это была у меня первая с ним встреча. В разговоре с главнокомандующим я ему доложил о полной возможности повторить мой маневр, но что для полного успеха операции за Манычем надо значительно усилить переправляющиеся части и одновременно содействовать переходом в наступление со стороны Торговой. На это генерал Деникин передал в мое распряжение еще Горскую дивизию генерала Гревса и пластунскую бригаду генерала Хазова. Ввиду их очень слабого состава и небольшой, по моему мнению, боеспособности, я высказал сомнение в достаточности этих сил, но обешал принять все меры, чтобы выполнить даваемое мне задание по овладению Великокняжеской и оттеснению красных за Маныч.

Вернувшись в Бараниковское я был обрадован прибитием Георгиевича. Наконец-то я получил прекрасного начальника штаба. Но первая радость встретить вновь своего друга и сотрудника сменилась огорчением. Георгиевич был еще так слаб, что по ночам я не позволял его будить, а затем, когда я переправился опять за Маныч, каждый вечер я посылал его отдыхать в деревню, принимая сам все ночные донесения.

Подготовка к новой переправе шла совершенно подобно первой. Я решил переправиться на старом месте, опять ночью, опять без артиллерии и пулеметов. По прибытии ко мне пластунов и горцев генерала Гревса я выступил со своей конницей ночью, насколько помню, 26 апреля. К утру мы были на том берегу. Место старой переправы отмечено было 20-30 трупами лошадей, затянутых липкой грязью при первом переходе через реку. На этот раз число погибших лошадей было несколько меньше. Наиболее слабые кони уже отпали.

Закончив переправу, я отправил 1-ю Конную дивизию левым берегом, бригаду генерала Говорушенко в Эльмут, а сам с Горской дивизией шел за 1-й Конной дивизией. Эта дивизия ударила по большевикам, действовавшим против Бараниковской переправы. Дивизей временно командовал полковник Тутов, выдающийся офицер. Я его хорошо оценил еще во время операций в Терской области. Первое впечатление он произвел на меня самое неблагоприятное. При первой же встрече с ним он начал себя расхваливать так, как другой бы постеснялся делать это. В то время он командовал Уманским полком, замещая только что убитого командира полка. Я сказал ему, что сам увижу, чего он стоит. И я это увидел уже на следующий день. Он несомненно был блестящий командир полка. Хотя Павличенко блистал своей необычайной отвагой, то Тутов был хорошо подготовленный, образованный и очень храбрый офицер. При подчинении мне под Манычем нескольких дивизий я сдал командование своей дивизии полковнику Тутову. Командира Екатеринодарского полка полковника Муравьева я назначил командиром бригады, а на место Муравьева вступил в командование Екатеринодарским

полком молодой полковник Лебедев, офицер большого порыва и редкой храбрости.

То напряжение, какое давали в Гражданскую войну конные полки, видно из тех потерь в командном составе, которые понесла моя дивизия. После моего ранения в командование дивизией вступил Пушкин, который был убит в Чечне. Принявший дивизию при командовании мною конницей на Маныче генерал Оленич был ранен при рекогносцировке, которую мы с ним вели у Бараниковской переправы накануне моего вторичного перехода за Маныч. Во главе полков находились временно командующие за выбытием командиров из-за ранений. Когда я, спустя несколько дней после атаки у Великокняжеской, был назначен командиром корпуса, то мне с трудом удалось провести в начальники моей дивизии полковника Тутова, но в первый же день его командования дивизией он был убит в атаке. На его место был назначен полковник Муравьев.

Атака 1-й Конной дивизии дала блестящие результаты. Бараниковская переправа была освобождена и левофланговая, кажется, 28-я дивизия красных опять сильно пострадала. Пленные прибывали на Бараниковскую переправу в большом количестве. Генерал Говорушенко наступал на Эльмут, тесня большевиков. Дивизию генерала Гревса я расположил за высотой, с которой я наблюдал за боями. С очищением правого берега Маныча я перевел через него артиллерию, пулеметы и терских пластунов генерала Хазова. Я их направил на усиление правого фланга Тутова. Наступила ночь. Погода нам не благоприятствовала. Моросил дождь. Никаких укрытий не было. Казаки мне приволокли какую-то будку на колесах, в которой, по крайней мере, можно было прочитывать донесения. За ночь нам удалось несколько продвинуть наши передовые части.

На утро я приказал возобновить наступление. Тутов должен был продолжать двигаться правым берегом Маныча, а Говорушенко наступать между Эльмутом и Великокняжеской. Погода стала улучшаться, начало проглядывать солнце. В это время ко мне подъехал на автомобиле английский генерал с небольшой свитой, командированный на наш фронт английской военной миссией. На его глазах 1-я Конная дивизия перешла в атаку против частей 28-й дивизии красных и опрокинула подходившие от Великокняжеской подкрепления. В результате этих атак и наших прежних столкновений 28-я дивизия была почти уничтожена и потеряла всю свою артиллерию. Генерал Говорушенко отбивал атаки большевиков наступавших от Эльмута. Англичане любовались нашими быстрыми перестроениями, развертыванием и лихими атаками. К вечеру бои стихли по всему фронту и мы остались на занимаемых нами местах.

Однако, на следующее утро обстановка для нас сильно ухудшилась. Со стороны Великокняжеской стали наступать весьма значительные силы пехоты и конницы красных. От Эльмута на Говорушенко красные тоже повели наступление сильными частями пехоты и конницы, что заставило его поспешно отходить. Искусно маневрируя полковник Тутов своими конными атаками несколько раз опрокидывал большевиков, но понеся большие потери, должен был тоже податься назад и отойти почти до Бараниковской переправы. Пластунская бригада генерала Хазова оказывала ему некоторую поддержку огнем справа. В это время мимо меня проходила пулеметная команда одного из полков генерала Говорушенко, которую я остановил на занимаемой мною высоте, так как на нее направлялось около трех полков конницы красных.

Дивизию генерала Гревса я не трогал. Я мало верил в ее боеспособность, несмотря на уверения Гревса в ее боевых качествах. Гревс в Японскую войну служил в Терско-Кубанском полку сформированном из горцев Северного Кавказа и, не зная еще качеств своих горских полков, расценивал их по опыту Японской войны. Я же смотрел иначе. Пока горцы были у меня в резерве, они представляли некоторую силу. Они знали, что они всегда могут быть поддержаны целой дивизией. Противник же должен был считаться с наличием у меня нетронутой дивизии в резерве, которую он мог легко заметить. Однако, положение складывалось так, что нужно было рискнуть использовать казавшийся мне ненадежным резерв.

Генерал Гревс стоял со мной на высоте. Я к нему обратился с приказанием атаковать наступающую на нас конницу. При этом я ему сказал, что пойду вместе с ним в атаку. Гревс сел на коня и поскакал к дивизии. Мне было видно, как он отдавал приказания своим командирам полков, как эти последние поскакали к своим частям, как дивизия села на коней, как были вынуты шашки и, как один, вся дивизия пошла прямо на меня.

Лишь только генерал Гревс проходил мимо меня, я , уже заранее сев на коня, пошел вместе с ним галопом. За нами шли горские полки. Было видно, как остановились большевики и стали собираться в более сомкнутые строи. Скоро со стороны красных начался артиллерийский огонь. Батареи 1-й Конной дивизии тоже перенесли огонь на стоявших против нас красных. Огонь большевиков стал усиливаться и несколько разорвавшихся шрапнелей вывело из строя не мало горцев. Мы с Гревсом продолжали итти галопом. После новых очередей я оглянулся назад и, к своему огорчению, увидел, что моя оценка боеспособности горцев оправдалась. Горцы скакали в обратном направлении. Мы с Гревсом остановились и я приказал ему собрать дивизию и вновь подвести ее к занимаемой мною перед атакой высоте.

Большевики, увидя бегство горцев, снова пошли на нас быстрыми аллюрами. Я вернулся к высоте и приказал пулеметной команде занять на ней широкую позицию. От 1-й Конной дивизии я не мог ничего потребовать, так как она была втянута в жестокий бой со значительно ее превосходящими силами красных. Генерал Говорушенко так же втянул в бой все свои силы. Пластуны генерала Хазова отражали атаки пехоты. Резерв свой я потерял в пять минут... Но пулеметная команда обешала

выполнить то, что не удалось мне с горцами. Подпустив конницу на близкое расстояние, наши пулеметы, все одновременно, открыли огонь и, нанеся чувствительные потери атаковавшим, заставили красную конницу повернуть: так же стремительно, как сделали это горцы.

Внутренние фланги частей Говорушенко и Тутова были освобождены от проникновения неприятельской конницы и положение наше было восстановлено, но ненадолго. В промежутке между расположением генерала Говорушенко и полковника Тутова со стороны железной дороги появились вновь новые силы красной пехоты вперемешку с конными частями и артиллерией. Я ясно видел, что сил моих недостаточно. Бой завязался по всему фронту. Наше преимущество в использовании конных атака стало уменьшаться. Приходилось спешиваться. Против нас действовала во много раз сильнейшая артиллерия. О Горской дивизии я не имел никаких сведений. Оказалось, что горцы понеслись к месту нашей переправы, где их собирал генерал Гревс. Но не малая их часть оказалась уже на левом берегу Маныча. На наступление со стороны Торговой я расчитывать не мог. В тылу у меня была только одна переправа.

К этому времени я стал получать донесения от Говорушенко и Тутова о тяжелом их положении. Хорошо зная обоих начальников, я не сомневался, что силы их на исходе и что расчитывать на их активность я не могу. Сначала я отвел генерала Говорушенко, оставив на правом фланге пластунов генерала Хазова. Затем стал постепенно отводить части полковника Тутова, приказав ему направить одну батарею на поддержку пластунов. После переправы 1-й Конной дивизии я отправил бывшую при мне пулеметную команду и сам стал отходить на переправу.

Терские пластуны доблестно сдерживали атаки красной конницы и постепенно отходили на переправу. Но один из батальонов не выдержал одной из конных атак большевиков и побежал. Он частью был порублен, большая же часть была захвачена красными. Разгром этого батальона поставил в крайне тяжелое положение нашу батарею, которая их поддерживала. Она уже не могла пробиться на Бараниковскую пеперправу и поскакала прямо на Маныч. Я в это время находился у самой переправы, через которую только что прошли последние батальоны пластунов и устраивал их на позиции за переправой. Батарея на моих глазах подскочила к реке. Я был готов увидеть тяжелую картину оставлошадей под огнем красных через грязь Маныча. Но ничуть не бывало. Командир, офицеры, прислуга спешились и повели лошадей в реку. Ездовые же остались верхом. В десять минут батарея была на нашем берегу! Вот что можно сделать напряжением всех сил. Позор брошенных орудий не дал возможности командиру батареи решиться на этот шаг. Совершилось чудо. После этого я решил, что при следующей переправе я потребую этого «чуда» от всех батарей и пулеметных двуколок. Правда, что наша переправа через Маныч отмечена была многими десятками трупов лошадей втянутых в трясину реки, но, все же, была явно доказана возможность переправить по этой трясине и артиллерию.

В пылу распоряжений по обратной переправе через Маныч я не сразу заметил присутствие у переправы генерала Деникина и его штаба. Накануне ему рассказывал английский генерал о наших блестящих атаках и главнокомандующий решил отправиться к Бараниковской переправе, чтобы самому наблюдать за нашими действиями. Но ему пришлось видеть мое отступление. Мало того, красные подвезли к Бараниковской несколько батарей и стали очень интенсивно обстреливать весь район за переправой. Скоро был убит шрапнельной пулей офицер команды связи главнокомандующего. Шрапнели рвались безостановочно. Я тогда обратился к генералу Деникину с просьбой выехать обратно к своему штабу, заявив ему, что опасности в отношении возможности переправы большевиков на наш берег нет никакой, но что у меня сейчас настолько много дела, что я не могу уделить ему должного внимания. Спустя некоторое время генерал Деникин сел в автомобиль и уехал в Торговую.

Итак, моя вторая переправа не дала того результата, какого от нее ожидали. Но, все же, мы почти окончательно разгромили целую дивизию красных, то есть, третью часть их 10-й армии, отняли всю ее артиллерию, облегчив тем наши дальнейшие действия. Кроме того, стало ясно и генералу Деникину, что моих полутора дивизий, не считая малобоеспособных горцев, совершенно недостаточно, чтобы разгромить всю 10-ю армию большевиков. Это принудило его притянуть к Бараниковской еще 1-й Конный корпус Покровского, Астраханскую бригаду генерала Зыкова, два полка донцов, так называемой Атаманской бригады, в составе Калединского и Назаровского полков и авиационный отряд генерала Ткачева. Во главе всей этой конницы стал генерал Врангель.

(Продолжение следует)

Военно - Исторический Вестник

Messager de l'Histoire Militaire

SEMESTRIEL: MAI ET NOVEMBRE

N° 35 и 36

МАЙ и НОЯБРЬ 1970 год

СОДЕРЖАНИЕ

●

«Военно-Исторический Вестник» выходит два раза в год — в мае и ноябре.

Настоящий номер вышел под редакцией **Ю. А. Топоркова.**

Париж.

От правления Общества Ревнителей Русской Военной Старины

Правление Общества с глубокой скорбью сообщает о кончине Почетного члена, редактора «Военно-Исторического Вестника»

ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

ТОПОРКОВА

последовавшей 4 августа сего года.

Юрий Александрович Топорков родился 22 сентября 1895 года в Екатеринодаре, где и кончил гимназию, директором которой был его отец. По окончанию Николаевского Инженерного училища (ускоренный выпуск), служил в Саперных частях, как до революции, так и в Добровольческой Армии, где был тяжело ранен в голову, результатом чего была потеря одного глаза.

После оставления Крыма, началась новая эмигрантская страница его жизни. Через Константинополь он направляется в Германию, где оканчивает в Бингене на Рейне Инженерную школу. Переехав в Париж, он работает все время — до своей отставки в 1963 году и переезда из Парижа в Бретань — чертежником у большого французского архитектора.

Одновременно с работой Ю. А. с увлечением отдается русской военной старине, употребляя даже свой короткий перерыв на завтрак на поиски всякого рода документов (особенно книг и автографов), относящихся к Русской Военной Истории. Нет ничего удивительного, что Ю. А. был привлечен к активной работе, как член Правления, — которым он неизменно переизбирался затем все время, — в образовавшийся в 1946 году в Париже «Кружок Любителей Русской Военной Старины». В 1947 году «Кружок» издает сборник «Русская Военная Старина», в котором мы находим первую заметку Ю. А. («К Суворовской библиографии»). В следующем году, под редакцией Ю. А. и А. К. Савицкого, выходит в свет первый номер журнала «Русский Военно-Исторический Вестник», который с № 3 становится официальным органом Кружка (переименоваавнного в 1952 году в Об-во Л.Р.В.С.).

После выхода № 11 «Р. В.-И. В.», на смену его, в мае 1953 года начинает выходить «Военно-Исторический Вестник». За исключением нескольких номеров этих изданий, Ю. А. остается все время (до самой своей кончины) их редактором. Почти в каждом номере мы находим статьи или заметки Ю. А. всегда интересные и содержательные и всегда вносящие что-нибудь новое и часто очень ценное в русскую военную историю. Тема их необычайно обширна: от истории целых эпох, войн и сражений, истории полков, до сведений о наших военачальниках и отдельных военных и их современников (напр., Лермонтове, Карамзине-сыне, Гумилеве и т. п.). В 1963 году Общее Собрание Об-ва выбрало Ю. А. в Почетные члены.

В своей редакторской работе Ю. А. отличался чрезвычайной добросовестностью, тратя на нее очень много времени и сил, (особенно последнее время, когда он начал болеть), что не мешало ему однако вести все время большую переписку с лицами, которые обращались к нему с различного рода вопросами. У всех знавших Ю. А. осталась память о нем, как о человеке спокойном, скромном, доброжелательном, прямолинейном, но не безхарактерном, большом знатоке и истинном любителе нашего военного прошлого.

Его кончина явилась чрезвычайно тяжелой потерей для нашего Об-ва и очень большим горем для его друзей.

Правление приносит вдове Юрия Александровича и его сестре глубокое и искреннее соболезнование всех членов Об-ва в постигшей их утрате. Вечная ему память! И да будет ему легка приютившая его земля.

"В. И. ВЕСТНИК" можно получать вне Франции по нижеследующим адресам:

АВСТРАЛИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австралию П. М. Перекрист — 31, Roberts Avenue. Randwick-Sydney (N.S.W.).

АВСТРИЯ. — Член Об-ва и его представитель на Австрию Г. М. Гринев — Villa Riegler, 2542 Kottingbrunn.

С. А. ШТАТЫ. — Член Об-ва и его представитель на С.А.Ш. — А. Ф. Долгополов — **A. Doll, 31676 Jewel Ave., South Laguna, Calif. 92677.**

Переписку по делам Общества просят направлять по адресу Максимилиана Васильевича Штенгера: M. Stenger, 6 sq. Emmanuel Chabrier, 75 - Paris (17).

Заказы на все издания и медали Общества, а также все денежные переводы просят направлять по адресу Александра Васильевича Щиткова (на его почтовый текущий счет Paris № 13694.00 или чеками на его имя): A. Stchitkoff, 156, Bd Voltaire, 92 - Asnières.

«В.-И. ВЕСТНИК»

Номера «В.-И. Вестника», начиная с № 8. Цена 3.50 фр. или 0.75 долл., или 4.00 фр. Начиная с № 30 — 4.00 фр. или 0,85 долл., или 4.50 фр. Цена настоящего № 35 — 5.00 фр. или 1.00 долл., или 5.00 фр.

МЕДАЛИ ОБЩЕСТВА

Продолжается прием заказов (с обязательным приложением соответствующей суммы) на медали: 1) Гвардии и Нарвы (1700-1950), 2) С.-Петербурга (1703-1953), 3) Обороны Севастополя (1855-1955), 4) Полтавской победы (1709-1959), 5) Отечественной войны (1812-1962), и 6) 200-летия учреждения ордена св. Георгия.

Цены на бронзовые медали: Гвардии или Петербурга — 29 фр. или 6.90 америк. долл. или 34 фр.; Севастополя или 1812 года — 19 фр. или 4.50 долл. или 22.50 фр.; Полтавской — 17 фр. или 4.00 долл., или 20 фр. Цены медали св. Георгия: бронзовой — 29 фр. или 6.90 америк. доллара или 34 фр., бронз. посеребр. — 33 фр. или 7.80 долл. или 38 фр.; серебряной — 102 фр. или 22.00 долл. или 116 фр.

Примечание. Во всех вышеуказанных ценах, первая цена относится к Франции и зоне франка, вторая — ко всем заокеанским странам и третья — ко всем остальным странам. В указанные цены входит стоимость пересылки.

Мои личные воспоминания о службе в рядах славной Лейб-Гвардии Конной артиллерии (1898-1914 гг.)

Великий Князь Андрей Владимирович

(Продолжение)

В связи с установлением нашего бригадного праздника пришлось решить еще и другой вопрос, а именно об иконе. Каждая часть в день своего праздника молилась перед своим образом, который привозился обыкновенно к месту парада к молебну. У нас такого образа не было и возник вопрос, изображение какого святого должно быть на этом образе, так как 27 апреля не празднуется ни один святой. После долгих споров и колебаний было, наконец, решено остановиться на св. Равноапостольном Царе Константине, в память Цесаревича Константина Павловича, родившегося 27 апреля 1779 года, «основателя Гвардейской Конной артиллерии» и «коренного ее начальника», хотя память св. Константина празднуется 21 мая. Но протопресвитер военного и морского духовенства, когда ему были доложены наши сомнения и колебания в выборе святого, с нашими доводами согласился в пользу св. Равноапостольного Царя Константина.

Образ был заказан известному в Петербурге серебряных дел мастеру Владимирову и был им прекрасно выполнен в серебряной позолоченной оправе, размерами 31 на 19 сантиметров, и очень хорошего письма. После праздника к обратной стороне иконы была прикреплена серебряная позолоченная дощечка со следующей надписью:

«Перед этой иконой Гв. Конно-Артиллерийская бригада молилась в день своего первого бригадного праздника на Высочайшем параде в Царском Селе 27-го апреля 1911 года».

Здесь уместно упомянуть о судьбе этой иконы и о ее чудесном спасении из России после переворота.

По мобилизационному плану, все ценные вещи, находившиеся в офицерском собрании на Виленском переулке, складывались в отдельную комнату. После переворота 1917 года, предвидя возможность разграбления собрания, В. К. Неведомский, Сергей Гершельман и еще несколько офицеров взяли из собрания и хранили у себя на квартирах все то, что было ценно как память. В начале большевизма, с усилением террора все постепенно стали разъезжаться, кто решил пробираться на юг, кто в Финляндию. При отъезде, вещи собрания передавались на хранение остающимся. Одним из последних покинул Петербург, в феврале 1919 года В. К. Неведомский и у него на квартире, в доме № 42 по Шпалерной улице, принадлежавшей М. Б. Огаревой, накопилось много собранных вещей, портреты шефов, альбомы, кубки и проч. Тут была и наша икона. Между прочим, из его квартиры бежали на Охту и дальше через лес в Финляндию дочери Великого Князя Павла Александровича, под охраной Сергея Гершельмана; все были переодеты молочниками.

Когда Неведомский покидал свою квартиру, то в ней оставалась горничная матери жены Неведомского. Оосенью того же года, когда Северо-Западная армия была под Петербургом, Неведомский посылал курьера на Шпалерную улицу проведать квартиру, и оказалось, что все было еще цело и в порядке.

Через три года, в 1922 году, отец жены Неведомского, известный профессор физики, генерал Корольков, оставшийся при эвакуации в Новороссийске, приехал в Петербург и нашел квартиру Неведомского уже разграбленной подвальными жильцами, что вероятно произошло в 1920 году, когда умерла горничная генерала Королькова, на попечении которой квартира была оставлена. Среди всякого хлама и мусора, оставшегося после разгрома квартиры, ген. Корольков совершенно случайно нашел за шкапом нашу икону и взял ее с собой в Москву.

Четыре года ген. Корольков хранил икону при себе и лишь в 1926 году, отвинтив предварительно дощечку, он послал по почте икону своей дочери в Литву, где она жила в то время. Икона дошла по назначению. Золоченую дощечку с надписью привезла из Москвы одна родственница В. А. Неведомской, зашив дощечку в платье, нелегально пробравшись из Москвы в Литву.

В 1929 г. В. А. Неведомская проживала в Праге и передала дощечку А. Д. Щербачеву с просьбой передать мне. В том же году Щербачев прислал мне эту дощечку с оказией из Праги. Самый же образ, как мне писал Щербачев, будет послан с другой оказией. Везти образ из Праги взялась г-жа Седлак, но на пограничном гор. Кель во Франции образ был задержан на таможне, т. к. никто не мог определить, какую пошлину следует взыскать с образа и какой пробы была серебряная оправа. Г-же Седлак была выдана расписка от таможни на задержанную икону и эту расписку она мне прислала по приезде в Париж. Чтобы получить с таможни икону, мне пришлось обратиться письменно к министру финансов, с просьбой выдать мне эту икону, которая никакой особой цены не представляет, кроме ценной для нас всех памяти.

Никакого ответа от министра финансов я не получил. Прошел год с тех пор, как совершенно

неожиданно я получил в июле 1930 года через международную транспортную контору Зеемюллера и Ко в Страсбурге, довольно объемистый и тяжелый пакет с наложенным платежом в размере 50 франков, застрахованный в 5 тысяч франков. Вскрыв пакет, я, к моему большому удивлению и радости, нашел в нем нашу дорогую икону в полной сохранности. На обратной стороне иконы, на бархате, был след от дощечки. Примерив находившуюся у меня дощечку, я увидал, что она приходилась как раз по следу и я ее привинтил на свое место.

Через несколько дней 6(19) июля все проживающие в Париже офицеры л.-гв. Конной Артиллерии собрались в нижней церкви на рю Дарю, это было в субботу, где икона сперва была освящена, а затем был отслужен благодарственный молебен перед нашей святыней, столь чудесно спасенной. С тех пор в день нашего праздника, 27 апреля, икона красуется каждый раз в церкви на молебне, как и в первый раз в 1911 году.

❦

Теперь вернемся к нашему первому бригадному празднику в 1911 году. К этому дню вся бригада прибыла в Царское Село в конном строю и была выстроена на площадке Большого дворца в порядке номеров батарей. Строевой состав бригады в этот день был следующий. Командир бригады — генерал-майор Николай Алоизович Орановский; командиры дивизионов: 1-го — полковник Константин Константинович Пилкин и 2-го — полковник Николай Васильевич Ивашинцов. Командирами же батарей: 1-й — полк. князь Александр Николаевич Эристов; 2-й — полк. Александр Николаевич Виноградский; 4-й — полк. Михаил Алексеевич Бер; 5-й — флигель-адъютант, полк. Великий Князь Андрей Владимирович и 6-й — временно командующий капитан барон Владимир Иванович Велио. Бригадный адъютант — штабс-капитан Борис Петрович Огарев.

Для полного состава бригады не хватало лишь 3-й батареи, которая находилась в Варшаве.

День нашего первого праздника, 27 апреля 1911 года выпал на редкость чудесным. После молебна, батареи прошли церемониальным маршем мимо Царя, парад прошел прекрасно и Государь остался доволен. После парада все офицеры были приглашены к Высочайшему столу в Большой дворец. Мы остались в строевой форме, было приказано лишь снять револьверы. По окончании завтрака Государь беседовал о офицерами; во время этой беседы генерал Орановский, заручившись предварительно согласием высшего начальства, обратился к Государю с просьбой от имени всех офицеров, осчастливить бригаду своим присутствием на ужине в собрании вечером, на что Государ: охотно согласился.

В собрании в этот день полагалось быть в вицмундирах, длинных рейтузах при коротких сапогах, но ввиду того, что Государь не любил длинные рейтузы и короткие сапоги, всем было приказано надеть шаровары при высоких сапогах.

В назначенный час Государь прибыл из Царского Села в Петербург в собрание бригады, на Виленский переулок, дом № 17-й, на моторе. Вечер прошел очень удачно, программа была выбрана подходящая и Государь остался вполне доволен, просидев в собрании до двух часов утра.

В предвидении возможности посещения собрания Государем распорядительный комитет работал уже недели три. Надо было составить программу увеселительной части вечера, выбрать номера, переговорить и пригласить артистов, составить меню обеда и обсудить целый ряд хозяйственных вопросов в связи с вечером.

За несколько дней до праздника была собрана вся прислуга, как нашего петербургского, так и павловского собраний, а также часть офицерских денщиков, умевших подавать за столом. Полковник Линевич всех разбил на партии по числу блюд, в каждой партии было указано каждому что нести и какой участок стола обслуживать. Отдельная команда была отобрана для разливки вина; каждому дан был свой участок стола, который он должен был обслуживать с точным указанием в каком порядке подавать вина.

После распределения ролей производилась репетиция, чтобы каждый знал точно, куда и как итти без лишней суеты. Потом Линевич репетировал, как после окончания обеда быстро убрать столы для увеселительной части вечера. Между офицерами тоже были распределены роли, встречать артистов, отводить их в предназначенные им комнаты, руководить порядком вечера, ведать песенниками, трубачами и т. д.

В смысле охраны, все собрание было тщательно осмотрено офицерами и все лишние в этот вечер двери заперты, чтобы посторонние не попадали на парадную лестницу, которая обслуживала офицерские квартиры. Все здание собрания было оцеплено часовыми, чтобы посторонние не могли приблизиться к собранию через сад. Всей этой охраной велал дежурный офицер с особым назначенным в этот день нарядом.

За несколько часов до прибытия Государя появились чины дворцовой охраны из команды полковника Спиридовича. Часть чинов, носившая форму, была назначена для внешней охраны. Они осмотрели подробно все здание собрания, лестницы, чердаки, подвалы и всю местность кругом и поставили свои посты. Другая часть чинов охраны прибыла под видом поваров для наблюдения за кухней и поварами, а некоторые были переодеты в форму собранской прислуги' Все это было сделано так умело, что никто, кроме хозяина собрания и некоторых старших офицеров, не знал и не подозревал этого. Мы были очень рады всем этим мерам, принятым дворцовой охраной, которые обеспечивали лучше безопасность и порядок; с нас же снималась большая ответственность.

Помню я, как много споров вызвал вопрос, какое шампанское подавать за ужином, — русское или французское. Мы знали, что Государь выразил желание, чтобы в офицерских собраниях пользовались, по примеру большого двора, удельным шампанским «Абрау-Дюрсо», которое значительно дешевле французского, а по качеству и вкусу не хуже его. Но офицеры уверяли, правда ли это была или нет, что в большинстве полковых собраний, когда бывал в них Государь, под видом «Абрау-Дюрсо» подавали настоящее французское шампанское, переклеивая этикетки, или заворачивая бутылки туго в салфетки, чтобы скрыть марку вина. По мнению офицеров, (таков был снобизм того времени) «Абрау» пить нельзя, это плохое вино, а то, которое подавали при дворе, было особой марки, которую в продаже найти нельзя. Это ошибочное мнение было основано на том, что на пробках «Абрау», подававшегося при дворе, была марка «А», которую все считали особой маркой, предназначенной только для Государя. По этому поводу я говорил с кн. В. С. Кочубеем, главным начальником уделов, который разъяснил мне, что марка «А» на пробке вовсе не является особой маркой, специально для двора, а лишь отличием одного из вариантов «Абрау» и что вино с такой маркой имеется в продаже и не является исключением.

Но офицеры все же настаивали на французском вине, говоря, что неудобно будет, если потом Государь скажет, что его угостили плохим вином, не подозревая к каким ухищрениям прибегали в полковых собраниях других частей. Попросту говоря, все сводилось к тому, чтобы обмануть Государя и обойти его желание некрасивым способом.

Чтобы положить конец всем этим спорам, я предложил в распорядительном комитете следующее: лучше надуть офицеров, нежели обмануть Государя, а для этого сказать всем, что будет подано за столом французское вино, а не «Абрау». На самом же деле подать «Абрау», а чтобы никто ничего не заметил, то вместо того, чтобы ставить на стол бутылки, заморозить в широких кувшинах воду до сплошной льдины, примерно на треть вместимости, и перед подачей залить кувшины простым «Абрау», но скрыть это от офицеров, чтобы они думали, что это французское шампанское. Если же они спросят, почему подают вино в кувшинах, то ответить, что в этом виде вино будет холоднее, нежели в бутылках, заморозить которые в большом количестве трудно. Государю и высшим чинам было решено подавать вино в бутылках и конечно настоящее «Абрау», — пусть офицеры думают, что мы переклеили ярлыки.

Так мы и поступили; на столы были поставлены замороженные кувшины, вино было холодное и все пили его с удовольствием, думая, что это настоящий «Мум». Да такой степени нам удалось всех надуть, что после отъезда Государя, когда офицеры, экономии ради, решили перейти на «Абрау», то они с видом знатоков говорили: «Какая разница во вкусе этих вин, за обедом мы пили хороший «Мум», а теперь — простое «Абрау»...

Вот что значит снобизм. Но мы достигли цели: Государя не обманули.

Но продолжу описание нашего праздника. Государь прибыл из Царского Села на моторе. В этих случаях за царским мотором всегда шел запасной пустой и два другие: один с должностными лицами, а другой с чинами охраны, которые во время остановок оставались с моторами. В этот день Государя сопровождал князь В. Н. Орлов, заведывающий дворцовым гаражом, и дежурный флигель-адъютант. Князь Орлов всю ночь просидел в моторе и, несмотря на приглашение зайти в собрание, любезно отказался от этого, не желая беспокоить Государя. Это было очень деликатно с его стороны.

Все офицеры во главе с командиром бригады собрались на подъезде встречать Государя. Привилегия снять пальто Государя было предоставлено вахмистру батареи Его Величества. По уставу, как только Государь снимет пальто, первым к нему подходит дежурный офицер с рапортом, а потом уже командир бригады. Государь обошел всех офицеров и каждому подал руку. Гости, все наши бывшие офицеры, были собраны наверху в гостиной и библиотеке. Закуска была подана в двух комнатах — для высших гостей в гостиной, а для остальных в бильярдной комнате.

Праздник прошел, как я сказал, очень удачно. Программа увеселительной части не была перегружена, все номера были удачные и веселые. Государь, видимо, остался очень доволен. Он не любил, когда увеселительные программы были длинны, понимая, что это вызывает непосильные для офицеров расходы и выражал ясно свое желание, чтобы программы были скромны. Он любил хорошее пение русских и цыганских романсов, но больше всего хороших рассказчиков, это его всего больше забавляло. В прежнее время он часто наслаждался знаменитым Горбуновым, рассказы которого Государь любил вспоминать и передавать эти рассказы, что он делал мастерски. Он очень любил и ценил чистый русский язык, понимал все его тонкости, почему и слушал с удовольствием хорошего рассказчика. Таких мы находили среди артистов Александринского театра, которые всегда очень охотно соглашались приезжать на эти вечера.

Песенники тоже приняли участие в вечере. Особенно хорошо пели песенники 2-й батареи, которых обучал специально приглашенный артист. Их можно было только упрекнуть, что они слишком уже хорошо пели и переходили в разряд концертного пения, чем немного терялась прелесть солдатской песни.

Мы, офицеры, тоже приняли меры, чтобы Государю не было скучно. Всегда можно было опасаться, что старики, находясь вблизи Государя, не

давали другим к нему подойти. Мы так устроили, чтобы они сменялись около Государя по очереди, таким образом, никто не был обижен, но скучных сменяли чаще, а тех, кого Государь слушал с интересом, оставляли подольше. За этим мы зорко следили. Когда собеседник, по нашему мнению, начинал надоедать, мы подводили другого старика, говоря, примерно, так «Ваше Величество, вот этот (называя фамилию) вас помнит тогда-то и там-то». Тот, кто сидел вблизи Государя, должен был, естественно встать и уступить место новому, а у Государя, таким образом, была готовая тема для начала разговора. Результат получался превосходный и многие из стариков очень его заинтересовывали своими разговорами.

За последние годы до войны, когда передвижения стали для Государя уже безопасными, то он стал широко пользоваться приглашениями гвардейских частей. Он, видимо, был рад душой отдохнуть от тяжелых государственных забот в знакомой и привычной ему офицерской среде, побеседовать за стаканом вина, вспомнить старину, послушать музыку, пение и рассказы или позабавиться хорошим фокусником. Офицерские собрания давали ему то, чего он не мог иметь у себя во дворце. В Царском Селе он часто бывал запросто у гусар и стрелков Императорской Фамилии вне праздников этих частей. Время от времени ему устраивали особые вечера, более интимные, без гостей. В своем дневнике он однажды записал: «Было уютно и весело, отдохнул душой». Это было после одного вечера у стрелков Императорской Фамилии.

Бедный Государь, ему так хотелось иногда отдохнуть душой, и так редко ему это удавалось.

Высочайшим приказом от 29 августа 1910 года я был назначен командиром 5-й батареи. Приказ этот застал меня еще в Офицерской Артиллерийской школе, в Луге, когда я заканчивал там прохождение ее курса. Батарея на это лето была прикомандирована к этой школе и тоже находилась в Луге. Поэтому, прием мною батареи был отложен до моего окончания курса в школе и возвращения батареи на зимние квартиры в Павловск, и я вступил в командование батареею лишь 10 сентября.

Порядок приема батареи довольно сложный. Кроме приема личного состава и опроса претензий, новый командир должен принять по ведомостям все сложное батарейное имущество, лично все проверить, а также принять хозяйство и всю денежную отчетность. Если при приеме оказался бы недочет, то отвечал старый командир и об этом полагалось донести по начальству. Если принимать на веру, а потом оказался бы недочет, то отвечал уже новый командир.

Однако, прием мною батареи произошел гораздо проще. Прослужив в батарее одиннадцать лет, я хорошо знал личный состав. Имущество и хозяйство батареи мне было еще лучше известно, так как я заведовал хозяйством почти три года и состояние его и весь цейхгауз знал наизусть. При этих условиях, прием был чисто формальный: я расписался в приеме батареи и подал соответствующий рапорт о вступлении в командование.

Принял я батарею, насколько мне помнится, не лично от старого командира, Семена Эммануловича Муромцева, а от комиссии. Незадолго до этого было введено новое правило, по которому, если в случае старый командир получал новое назначение и не мог дожидаться прибытия нового, то он сдавал батарею комиссии из трех офицеров, которая, в свою очередь, сдавала батарею новому командиру.

Насколько, повторяю, мне помнится, я принял батарею от комиссии. Старший офицер представил мне личный состав, а комиссия сдала мне хозяйство и всю денежную отчетность.

С. Э. Муромцев, после командировки в Персию, долго состоял при Гвардейском экономическом обществе. Все мы думали, что он там и останется и в строй не вернется, так как он там занимал очень высокое положение с хорошим окладом и всей душой отдался этому делу, которому принес много пользы, развив его очень удачно. Но наши расчеты оказались ошибочными и он вернулся в строй, как только дошла до него очередь получить батарею, чтобы откомандовать ею для ценза. Он командовал два года 5-ю батареею и потом снова вернулся в «Экономку», как мы все называли это заведение. Это было его бесспорное право, но раз он не собирался служить дольше в строю, он этим перебил многим из нас дорогу и затормозил на два года движение к командованию батареею.

Мне хочется сказать несколько слов о моих ближайших помощниках, на которых держалась вся батарея. Это были, — вахмистр батареи Карл Карлович Чаппа и старший писарь Василий Иванович Чернов. Обоих я застал в этих должностях еще в 1899 году, когда поступил в батарею.

Чаппа был вахмистром с 90-х годов. Не помню точно, какой он был губернии, думается, Эстляндской, так как оттуда он получал какую-то газету на непонятном для нас всех языке, курил только цигарки и весь уклад его жизни напоминал немецкий по своей аккуратности. Чистота в его квартире была замечательная. По своему развитию он был много выше остальных чинов батареи, импонировал нижним чинам, и пользовался исключительным у них авторитетом. Меня всегда поражало его умение держать себя по отношению людей и выдерживать между собой и ими известную дистанцию, которую все чувствовали. Даже со взводными, его ближайшими подчиненными, он держал себя как начальник, никакого панибратства он не допускал. С замечательным умением и тактом он справлялся с буйными пьяницами, чтобы не подвергнуть себя и взводных случайному оскорблению. Людей он знал поразительно хорошо.

При назначении в учебную команду или для

замещения разных должностей в батарее без его советов мы не обходились; за всю его многолетнюю службу, надо ему отдать справедливость, он очень редко ошибался в оценке людей. Когда я уже был в батарее старшим офицером, в тяжлые годы смуты, сколько раз приходилось с ним вдвоем по душам беседовать о том, что делается кругом, говорить о состоянии умов нижних чинов в связи с постоянно разбрасываемыми прокламациями, о наших подозрениях и т. д. Его суждения были всегда ясны и здравы. Он, как и мы все, подозревали сообщников в батарее, которые разбрасывают прокламации, но ручаться за то, кто виновен, было нельзя, так как с поличным никого не поймали. Но Чаппа всегда ручался за спокойствие и порядок в батарее. Он был глубоко убежден, что, если кто из нижних чинов и разбрасывал листовки, то он это делал не по своим революционным убеждениям, а из-за денег, и наверное это был глупый и тупой солдат, не понимавший что он делает. Через взводных он отлично знал что делается в батарее и ручался, что в батарее никакой пропаганды не делается. И он оказался безусловно прав, за все эти смутные времена порядок в батарее не нарушался и нижние чины вели себя все время выше всяких похвал.

В вопросах хозяйственных Чаппа был просто незаменим. Будучи по натуре чрезвычайно аккуратным, он и в вопросы хозяйственности вносил аккуратность, инициативу и изобретательность. Когда я принял амуничник и цейхгауз, где висела артиллерийская упряжь и хранилась всякая мелочь, полагавшаяся к укладке в обоз при мобилизации, то с его помощью и советами мы перестроили все, чтобы каждой повозке соответствовало особое место и каждая вещь была бы на виду для проверки. Перестроили стелажи и разделили их на клетки разнообразных размеров в соответствии с величиною и количеством предметов. Это он выполнил с нашими плотниками весьма аккуратно. В результате наш амуничник и цейхгауз блистали изяществом и удобством на случай мобилизации. При инспекторских смотрах мы всегда получали благодарность за примерное содержание казенного имущества, которой я был обязан во многом вахмистру.

Каждое лето, во время ремонта помещений, часть печей по очереди перекладывалась, так как при топке кирпичи через известное время рассыпались. Чтобы продлить существование этих недолговечных печей, я однажды воспользовался изобретением моего бывшего учителя математики Владимира Степановича Янушевского, служившего в то время на Николаевской железной дороге. Печи его, той же формы как и казенные складывались из огнеупорного кирпича с винтообразным дымоходом. Эта увеличенная длина дымохода при топке увеличивала и площадь нагрева, печи требовали меньше дров и давали больше тепла. Чаппа с любовью следил за кладкой этих новых печей, а потом делал опыты для сравнения расхода дров. Печи вполне себя оправдали и дали прекрасные результаты.

В старину манеж в Павловске освещался простыми керосиновыми лампами, которые находились в ведении нашей батареи. В конце учебного года расход керосина раскладывался между каждой частью пропорционально часам пользования манежем с освещением. Расчеты были довольно сложны, чтобы вычислить, сколько каждая часть сожгла керосину. Когда я, как заведывающий хозяйством, вычислял расход керосина, беря общий расход и часы горения ламп, то всегда у меня выходила невязка. Вахмистр сам над этим вопросом работал и через несколько дней доложил мне, что он все точно вычислил, определил сколько каждая лампа расходует в час. Удивленный, я его спросил, как это он вычислил. Оказалось сделал он очень просто. Чаппа налил в лампу полностью керосину и взвесил. Через час горения снова взвесил лампу и таким образом получил расход в час времени. Этот опыт он проделал в течение пяти часов и получил точную цифру расхода в час. Действительно, просто, но только вахмистр Чаппа додумался у нас до этого.

С расходом дров он тоже придумал способ контроля. Он предложил сделать особые талоны на каждую печь, каждый талон равнялся суточному расходу дров. Каждый день взводные отрывали талоны на каждую печь и посылали талоны заведывающему дровяным двором, который и отпускал столько дров, сколько ему присылали талонов. Благодаря этому я знал сколько дров было затребовано в батарею, а заведывающий дровяным двором отчитывался передо мною своими талонами. Этим мы сэкономили много дров и предотвратили возможные хищения, соблазн которого был большой при отсутствии действительного контроля.

Вторым столпом батареи, но уже в области хозяйственной, являлся старший писарь батареи Василий Иванович Чернов.

Чтобы понять и оценить все значение старшего писаря, надо знать, что батарея в своей хозяйственной организации была приравнена к полку и была совершенно независима от бригады. Батарея непосредственно сносилась со всеми довольствующими ее ведомствами, артиллерийским, инженерным и интендантским, посылая им свои требовательные ведомости и получая от них непосредственно же все предметы снаряжения, снабжения и продовольствия, а через государственное казначейство денежные отпуски по ассигновкам. По всем этим видам довольствия батарея сама отчитывалась перед государственным контролем.

По закону всем делопроизводством в батарее ведал офицер, делопроизводитель, но фактически молодому офицеру, совершенно неопытному, какового назначали обыкновенно на эту должность, было не под силу вести это сложное дело, которое требовало много лет опыта. Ввиду этого вся работа ложилась на старшего писаря, который го-

дами работал над этими вопросами, приобретая огромный опыт. Иметь хорошего старшего писаря была главная забота каждого командира батареи. Чтобы удержать его на сверхсрочной службе, командир батареи выдавал старшему писарю пособие из хозяйственных сумм и частью из своих средств, ибо казенное содержание было очень незначительно. Как сверхсрочному ему полагалась квартира и он мог быть женатым. Часто в военных журналах можно было прочесть: такое объявлени: такой-то командир ищет хорошего старшего писаря. Хороший старший писарь расценивался на вес золота, так как без него можно было легко попасть в ответ перед контролем и нажить себе много неприятностей. Таким идеальным старшим писарем был В. И. Чернов, скромный, честный, аккуратный и трудолюбивый работник. Сколько раз, проходя поздно вечером мимо окон канцелярии, я видел как он все еще сидел за работой.

Если роль старшего писаря в ведении батарейного хозяйства была очень значительна, то это еще не значит, что роль заведывающего хозяйством была легка. Он мог положиться на старшего писаря в ведении отчетности и в составлении требовательных ведомостей, но ведение самого хозяйства лежало исключительно на заведывающим хозяйством, от знания и искусства которого зависело благополучие батареи.

Главное затруднение, которое испытывало батарейное хозяйство, вызывалось требованием производить целый ряд расходов, как говорилось, «без расхода от казны». Чтобы покрыть эти расходы, приходилось изыскивать экономию на казенных отпусков. У нас главную статью дохода составляли дрова, казенный отпуск которых несколько провышал действительную потребность. Казна отпускала на штатное число печей в казармах определенное количество дров, которые поставлялись инженерными поставщиками прямо в батарею. Мы жгли меньше дров нежели полагалось, почему входили в соглашение с поставщиком дров и принимали меньше чем полагалось, а разницу брали от него деньгами по справочной цене. Поставщику от этого тоже была выгода, так как он освобождался от доставки некоторого количества дров.

В батарее была еще экономия от огорода, где мы сажали капусту, которая обходилась дешевле казенного отпуска. Выручали мы также доход от продажи колонистам навоза.

Довольно значительную экономию мы имели с сена. Интенданство ежегодно предоставляла частям заготовлять часть положенного им сена собственным попечением по справочной цене. Те части, которые выразили согласие принять поставку на себя вызывались в окружное интендантское управление на торги. Части представляли в запечатанных конвертах цену, за которую брали поставку на себя. Искусство заключалось в том, чтобы заявить такую цену, которая была бы на несколько копеек ниже справочной. С нашими поставщиками сена мы делали соглашение, что они будут поставлять сено на столько-то копеек ниже справочной. На этой разнице между заявленной ценой и той, по которой поставщик мог нам поставить сено по пониженной цене и была наша экономия.

Перед днем торгов, все старшие писаря совещались между собою, ездили в соседние части выяснить, какую цену они заявят и обыкновенно на торги приезжали все заведывающие хозяйством со своими старшими писарями и с заготовленными бумагами, но без обозначения еще цен; тут же шли последние совещания, на которых окончательно выясняли цену и в самую последнюю минуту прописывали ее, клали бумаги в конверт и запечатывали его. Сколько было волнений в ожидании объявления справочной казенной цены, от которой зависело батарейное хозяйство. Я лично присутствовал на этих торгах и видел эту своеобразную биржу. Счастливец был тот, кто угадывал верно цену.

В хозяйственном отношении не все части были в одинаковых условиях. Например, Преображенский полк владел значительным имуществом в городе, из которого он извлекал немалые доходы. У других частей этих возможностей не было и их «экономия» была незначительна. Но все же каждая часть делала более или менее экономии, из которых она и удовлетворяла те нужды, на которые отпусков от казны не полагалось, но без которых обойтись было невозможно.

Хозяйство в 5-й батарее было образцово поставлено Степаном Васильевичем Гладким, который принял его в довольно хаотическом состоянии. За несколько лет он поставил хозяйство на прочную ногу и привел его в блестящее состояние, проявив в этом отношении много инициативы и таланта. Затем он два года командовал батареею, что дало ему возможность еще улучшить ее благосостояние. Когда я должен был принять хозяйство, то он меня подготовил к этой трудной задаче своими советами и указаниями. В виде руководства он составил прекрасную записку как вести хозяйство с целым рядом блестящих практических советов.

После С. В. Гладкого батарею принял С. Э. Муремцев, тоже блестящий хозяин, и к моменту принятия мною батареи, ее хозяйство стояло на примерной высоте. Например, известной экономией удалось скопить в цейхгаузе комплект новых сапог на случай мобилизации.

Вспоминая прошлое, мне хочется сказать несколько слов о нашем медицинском персонале и его начальстве.

При бригаде, в мое время, состоял старший врач Владимир Николаевич Клементьев и при нем его помощник, младший врач. Зимою Клементьев ведал петербургскими батареями и тамошним лазаретом, а младший врач павловскими батареями и нашим приемным покоем. Над ними начальствовал корпусный врач, а высший инстанцией яв-

лялся для них окружной военно-медицинский инспектор.

Таким образом, непосредственно касались нижних чинов наши врачи, они же лечили солдат в наших лазаретах. Ежели болезнь оказывалась серьезной, то больного отправляли в ближайший военный госпиталь. Все это регулировалось соответствующими инструкциями и положениями и строевое начальство в эту область не вмешивалось. Справедливость требует сказать, что наш медицинский персонал был на высоте своего призвания и работал умело, добросовестно и с большим сердцем.

Кроме врачей при батарее состояли один старший и два младших медицинских фельдшера. На второй год службы каждая батарея посылала одного канонира на фельдшерские курсы, откуда они возвращались младшими медицинскими фельдшерами и могли оставаться на сверхсрочной службе. В лазаретах под наблюдением врачей они оказывали первую помощь, делали перевязки и ухаживали за больными, лежавшими в лазаретах. Между ними вырабатывались специалисты своего дела и они широко практиковали среди офицерства, в особенности в тех случаях, когда по роду болезни офицеры стеснялись обращаться к доктору. Нижние чины питали к ним, что довольно понятно, большое доверие, так как были одной среды и лучше понимали друг друга.

Новобранцы, особенно в первое время, часто натирали себе ноги от непривычной для них верховой езды, и если рана была серьезной и болезненной, то врач временно освобождал их от верховой езды, пока рана не залечится. Люди старались часто продлить этот период освобождения от занятий и нарочно не следовали предписаниям врача. Если симуляция была ясна, то чтобы отучить от нее, врач предписывал продолжать езду. Симуляция была разнообразная, но наши фельдшера довольно ловко ее определяли.

Больше всего возни было с отправкой нижних чинов в госпиталь. У них искони веков сложилось убеждение, что раз отсылают в госпиталь, то значит, что безнадежно болен и здоровым не вернешься. В больших госпиталях они чувствовали себя оторванными от родной части и в непривычной и чуждой им обстановке затерянными среди множества других больных. Поэтому они постоянно просили, чтобы их оставляли в лазарете, где они чувствовали себя дома, да и земляки могли их навещать и развлекать их. Чтобы утешать нижних чинов отправляемых в госпиталь, мы всегда обещали их навещать, что постоянно и делали. Кроме офицеров в госпиталь ездили вахмастры и взводные. Эти посещения не всегда нравились госпитальному начальству, которое видело в этом вмешательство во внутренние дела его, но это служило в некотором отношении контролем, так как в случае жалобы больного на дурной уход, мы могли рапортом об этом донести по начальству. Бывали случае, что по случаю непорядков назначались целые следствия, если строевое начальство считало госпитальных врачей повинных в печальных исходах лечения. Самым опасным для солдат были случаи перелома и неправильного сращивания костей, что делало их неспособными к труду.

У меня в 5-й батарее был случай перелома ключицы, перелом пустяшный. Из госпиталя мне вернули больного с пометкой, что подлежит увольнению в запас, так как солдат перестал владеть рукою. Я поехал в госпиталь узнать, как это могло случиться, что дали кости неправильно срастись; ясно было что тут была небрежность. Доктор оправдывался тем, что перелом был исключительно неудачный, что были приняты все меры, но ничего нельзя было сделать. Я этому не поверил и послал канонира в Ортопедический институт доктора Вредена. Вреден мне прямо ответил, что тут никакого особого случая перелома ключицы нет, а что это результат небрежности госпитального врача, неправильно наложившего повязку; все это легко исправить и доктор Вреден сам берется это сделать. Через некоторое время Вреден вернул мне канонира с совершенно здоровой рукой, которой он владел свободно, как будто перелома и не было вовсе.

Ветеринарная часть у нас обслуживалась бригадным ветеринарным врачом и батарейными ветеринарными фельдшерами, которые проходили специальные курсы. На этих последних, собственно говоря, лежала вся тяжесть ухода за больными лошадьми и их лечение. Из этих ветеринарных фельдшеров вырабатывались прекрасные практики. В нормальное время работы у них было мало, но когда появлялась эпидемия инфлюэнцы, то работы было много. В этих случаях заболевало сразу несколько лошадей, которых отправляли в ветеринарный лазарет, где уход за ними требовался очень внимательный.

Самым опасным было появление сапа. За всю мою службу был лишь один случай в 5-й батарее. Как он туда был занесен, никто не знал. В виде предосторожности батарея была на полгода совершенно изолирована от других батарей и летом даже не пошла в лагерь. Заболевших лошадей и заподозренных в болезни совершенно изолировали во временных бараках; люди за ними смотревшие носили белые халаты, чтобы не занести заразу дальше. Уход за сапными лошадьми был очень опасен и для людей, так как человек зараженный сапом был почти неизлечим. Явно сапных лошадей приходилось пристреливать, как неизлечимых.

(Окончание следует)

Генерал-адъютант Владимир Николаевич Данилов

(1852 — 1914)

Л.-Гв. Преображенского полка Капитан Тимченко-Рубан

В «Военно-Историческом Вестнике» (ноябрь, № 34) в статье Великого Князя Андрея Владимировича «Мои личные воспоминания в рядах славной Лейб-Гвардии Конной артиллерии (1898-1914)», на страницах 4-й и 5-й я усмотрел целый ряд неточностей, касающихся биографических данных о командире Гвардейского корпуса генерал-адъютанте Данилове.

Генерал Данилов происходил из потомственных дворян Херсонской губернии, а не «неизвестного происхождения», как пишет Великий Князь. Окончив Николаевскую реальную гимназию и 2-е Константиновское военное училище, он вышел в 1873 году Лейб-Гвардии в Егерский пок. В 1876 году, 24-летним подпоручиком он отправился добровольцем в отряд генерала Черняева в Сербию, где с этим отрядом принимал участие в военных действиях против турок. Заболев тифом, он по выздоровлении уехал, с объявлением войны Турции в 1877 году, в Болгарию, где формировал батальоны болгарских ополченцев, еще до прибытия нашей Гвардии на фронт, с которыми воевал до окончания войны в 1878 году.

После заключения мира он остался в Болгарии в должности инструктора болгарских войск, но после смерти князя Александра Баттенбергского и вступления на Болгарский престол в 1887 году — против воли России — князя Фердинанда Кобургского, В. Н. Данилов в числе других русских офицеров был отозван русским правительством в Россию.

В. Н. Данилов вернулся в ряды своего родного л.-гв. Егерского. В 1898 году, в чине полковника, он был назначен командиром 96-го пехотного Омского полка, квартировавшего в Пскове. Командование этим полком продолжалось до марта 1903 года, когда, произведенный в генерал-майоры, он был назначен в распоряжение Приамурского генерал-губернатора ген.-лейт. Субботича на Дальний Восток.

С объявлением Русско-Японской войны ген. ген. Данилов был назначен командиром бригады в 6-ю Восточно-Сибирскую стрелковую дивизию, а не во главе одного из Восточно-Сибирских стрелковых полков, как пишет Великий Князь. Этой дивизией командовал ген.-лейт. гр. Келлер, бывший командир Стрелков Императорской Фамилии и директор Пажеского Е.И.В. корпуса. После смерти гр. Келлера генерал Данилов, произведенный в чин генерал-лейтенанта, вступил в командование дивизией и за блестящие бои под его командованием был награжден георгиевским оружием и орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степени, а также мундиром доблестного 21-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, первого полка его дивизии, которым командовал полковник Шипов, бывший Преображенец, награжденный также за храбрость георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени. Причем, шефом этого полка была Государыня Императрица Александра Феодоровна, — а не «Государь Император», как пишет Великий Князь.

В одном из боев дивизии ген. Данилов, наблюдая за действием своей дивизии, был ранен ружейной пулей в ногу, а его малиновый значок начальника дивизии был изрешетен пулями. Этот значок всегда висел в кабинете ген. Данилова в Петербурге.

В своих воспоминаниях офицер генерального штаба гр. А. А. Игнатьев, впоследствии наш военный агент во Франции, пишет: «Наши войска по всей линии (под Ляояном) дрались с беззаветной храбростью. Начальник 6-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, генерал Данилов, поражал всех своим безразличным отношением к японским пулям и снарядам, буквально осыпавшим его позицию. «Что? Что вы говорите?» — переспрашивал он, когда, обращая его внимане на свист пуль, ему советовали сойти с гребня» (50 лет в строю. М. 1952. Стр. 281).

После окончания Русско-Японской войны он был назначен комиссаром в Японию для репатриации русских военнопленных. По окончании этой миссии он был назначен, как выдающийся боевой генерал и бывший гвардейский офицер, начальником 2-й Гвардейской пехотной дивизии и вскоре командиром Гвардейского корпуса (а не как «армейский офицер», как пишет Великий Князь). Одновременно с этим назначением ген. Данилов получил звание генерал-адъютанта Е.И.В.

Во время командования Гвардейским корпусом Государь послал ген.-адъют. Данилова в Сибирь, чтобы быть представителем Его Величества на юбилейных торжествах Забайкальского казачьего войска, во время которых казачий съезд присудил ген.-адъют. Данилову звание почетного старика войска, дававший ему право носить их воинский мундир, который Данилов не раз надевал.

В своей статье Великий Князь прав в том смысле, что ген. Данилов в должности командира корпуса навел порядок в частях Гвардии, подтянул солдат и офицеров, заставил их более тщательно относиться к своим служебным обязанностям и тем спас положение в 1906 году от назревавших революционных событий.

В 1912 году, больной сердцем и почти оглохший, ген.-адъют. Данилов сдал командование корпусом генералу от кавалерии Безобразову и был назначен начальником Александровского комите-

та помощи больным и раненым воинам, но вскоре получил назначение пожизненного коменданта Петербургской, или как ее называли, Петропавловской крепости.

При уходе его с должности командира Гвардейского корпуса ему была поднесена шашка (георгиевское оружие) от всех полков Гвардии, кроме Л.-Гв. Павловского полка, по неизвестным мне причинам. Мы, Преображенцы, пригласили ген.-адъют. Данилова на торжественный прощальный завтрак, во время которого командир полка Свиты Е.И.В. ген.-майор Гулевич, блестящий офицер, указал на выдающуюся роль ген.-адъют. Данилова в должности командира Гвардейского корпуса в смутные дни 1906 года, пресекшего в корне всякие революционные выступления в войсках Гвардии. Проводы носили самый сердечный и теплый характер и мы с грустью расставались с нашим боевым начальником.

С объявлением войны 1914 года ген.-адют. Данилов, по его просьбе у Государя, был назначен в действующую армию командиром 23-го армейского корпуса; в период формирования этого корпуса, после разгрома наших армий в Восточной Пруссии, в состав которого входила 3-я Гвардейская пехотная дивизия. Государь оставил за ген.-адъют. Даниловым пожалованную пожизненную должность коменданта Петербургской крепости.

В последовавших блестящих боях его корпуса на Висле и под Ловичем ген. Данилов был награжден орденом Св. Александра Невского.

5-го ноября 1914 г. не стало старика — он скончался на фронте на своем посту от болезни сердца и его прах был перевезен в Петербург и похоронен в ограде крепости среди могил ее комендантов у подножия Петропавского собора, усыпальницы Русских Царей. Так кончилась жизнь генерал-адъютанта Данилова, доблестного, бесстрашного и честного воина, посвятившего всю свою жизнь служению своим Царям и Родине не за страх, а за совесть.

Первые годы моей службы в Балтийском море

(1899 — 1900 гг.)

Ф. В. Северин

После окончания Морского корпуса и назначения меня в 3-й Флотский экипаж я воспользовался, полагавшимся по закону, трехнедельным отпуском. Сперва я сделал друзьям и знакомым визиты, а затем, когда жизнь начала постепенно сглаживать все впечатления и переживания от производства в первый офицерский чин, я решил покинуть Петербург и отправиться в провинцию к тетке, которая в то время жила в имении недалеко от Витебска. Помню, что по приезде туда мне очень хотелось заняться охотой. Пошел однажды с ружьем на охоту, но, конечно, неопытный в этом деле, ничего не взял и никакой дичи не видел. В результате, эта охота закончилась у одного однодворца завтраком: была подана громадная сковорода с малороссийской колбасой, зажаренной в яичнице. С аппетитом ее поели (охота вызывает аппетит...), хорошо и выпили. Этим и закончились мои охотничьи опыты.

До конца отпуска оставалось у меня дней двенадцать, как я неожиданно получил от отца телеграмму, вызывавшую меня в Петербург. Я сейчас же собрался и выехал с первым поездом. Оказывается, отцу удалось меня устроить на крейсер «Громобой», который еще достраивался в Петербурге и должен был позднею осенью перейти в Кронштадт, а на следующий год уйти в заграничное плавание.

Я немедленно явился командиру, капитану I ранга Карлу Петровичу Иессену, и старшему офицеру, капитану 2 ранга Петру Войновичу Римскому-Корсакову. Однако, ввиду того, что «Громобой— должен был начать: кампанию лишь в первых числах октября 1899 года, мне пришлось продолжать нести службу в 3-м Флотском экипаже, расположенном в Галерной гавани в конце Большого проспекта Васильевского острова. Командовал экипажем в ту пору капитан 1 ранга Кирсанов, славный, добрый старик маленького роста. Более подробно о нем я скажу дальше.

Один раз мне пришлось дежурить по экипажу. Все обязанности сводились к рапортам и, сидя в дежурной комнате, приходилось подписывать какие-то ведомости, не зная в точности их содержания и своих прямых обязанностей. Это было мое первое дежурство по экипажу.

Вскоре вышел приказ о начале кампании «Громобоя» и я опять явился по начальству. Пришлось мне ежедневно вставать в половине шестого и быть к семи часам утра на набережной у Сенатской площади, откуда катер Балтийского завода отвозил командира и офицеров на корабль. Бедному отцу приходилось раньше обыкновенного вставать и будить меня. Осенью в Петербурге в такой ранний час еще темно и трудно было найти извозчика. Иной раз принужден был прямо бежать, чтобы не опоздать, ибо, если не поспеешь к отходу катера, то опоздаешь к подъему флага, а добраться до Галерной гавани было сложно, особенно в ту пору.

Корабль был в периоде спешной достройки и на нем было больше мастеровых всех цехов, чем матросов. Было и небольшое число офицеров. Изо дня в день мы ожидали подъема воды, который мог быть вызван только ветром с юго-запада.

Наконец, если не ошибаюсь, числа 8-го ноября

задул свежий, этот долгожданный, юге-западный ветер. Вода поднялась и мы пошли в Кронштадт на буксире портовых катеров, хотя машины на корабле были готовы дать ход в любой момент.

Неожиданно ветер изменился, перейдя к северу, и стало морозить. Когда вы вышли из дамб, веховое ограждение не было уже видно из-за слоя льда, который за несколько коротких часов успел образоваться. Корабль сильно вылезал из воды, так как на нем не было ни орудий, ни орудийного снаряжения, ни угля. Между тем, ветер задул довольно сильный, который стал прижимать высокий корпус корабля к откосу канала, и на траверзе Стрельны мы стали...

Чтобы нас не заносило больше на мель, то при помощи портовых катеров был заведен стоп-анкер на толстом стальном тросе и были отданы оба якоря.

Как я сказал выше, на достраивающемся «Громобое» в это время число комады было сильно ограничено и офицеров было мало, но зато было много заводского персонала — рабочих и инженеров Были на корабле и чины компасной обсерватории, в задачу которых входило наладить, хотя бы в общих чертах, компасы. Видя положение корабля, братья Оглоблинские, специалисты компасного дела, воспользовались одним портовым катером и ушли на нем обратно в Петербург. Они, конечно, сообщили там кому следует о происшедшем, так как беспроволчного телеграфа в те поры у нас не было.

Мне пришлоть стать на вахту в 8 часов вечера до 12 ночи. Теплого пальто у меня не было и лейтенант Иван Михайлович Сергеев, которого я сменял, дал мне на время вахты свое пальто на вате.

Мы стояли крепко во всех отношениях: с носу два якоря, с кормы стоп-анкер, а всем левым бортом лежали на откосе. Было прохладно. Хотя северный ветер стал менее сильным, но весь лед напирал на правый борт. Наша задача теперь была — не давать корме сдвигаться больше на мель, чтобы не повредить лопасти винтов; для этого вахтенный начальник должен был внимательно следить за стальным тросом. Этот четырех или шестидюймовый перлинь был натянут как струна и в результате он не выдержал и лопнул. Слава Богу, все обошлось без членовредительства. Когда такой перлинь лопается, то он взвивается с невероятною силою и все метет на своем пути.

На следующий день показался ледокол «Ермак». В бинокль на нем увидали на мостике адмирала Макарова, главного командира Кронштадтского порта. «Ермак» шел, как ему и полагалось, под торговым флагом и по морским правилам должен был салютовать нашему андреевскому флагу, приспуская свой кормовой флаг три раза. Этого, однако, сделано не было, чем наш командир, капитан 1 ранга Иессен, был видимо сильно возмущен. Он считал, что одно присутствие адмирала Макарова на «Ермаке» не позволяло делать такую некорректность по отношению к военному кораблю.

Когда «Ермак» к нам приблизился, адмирал Макаров по рупору разговаривал с нашим командиром. Затем с «Ермака» была спущена шлюпка-сани и адмирал прибыл к нам. Здесь начались переговоры, в которых я, конечно, участия не принимал. Но потом нам стало известно, что Макаров советовал Иессену заполнить несколько отсеков водой для того, чтобы посадить корабль еще крепче и этим предохранить его от дальнейшего сдвига дальше на мелкое место. Иессен был против этого совета и не последовал ему, так как хотел во что бы то не стало вырваться из этого неприятного положения и не оставаться всю зиму в «Маркизовой луже» на высоте Стрельна-Петергоф.

Около 11 часов адмирал Макаров прошел в нашу кают-кампанию и, видя, что там приготовляются к обеду, сказал командиру: «Ну, закусим чем Бог послал». Эта фраза опять видимо сильно возмутила Иессена, так как в кают-кампанию адмирала никто не звал. Кают-кампания по морскому уставу пользуется особыми привилегиями, куда начальствующие лица могут входить по приглашению и с общего согласия офицеров. Кроме того вопрос провизии в это время был очень деликатен, так как в течение нескольких дней было большое количество столующихся инженеров, находившихся на корабле, на которых не была расчитана провизия.

Около двух часов дня «Ермак» пошел обратно в Петербург. Суточный лед препятствием ему не был и он шел как по открытой воде.

Мы все время продолжали следить за высотой воды. Как только замечали, что вода поднималась на полтора-два фута как давался ход машинам, чтобы винтами размывать ил и освободиться. Бывало, что я ночью часто просыпался от работы машин, так как моя каюта была над левым винтом. Все же на следующий день нам, наконец, удалось вырваться собственными средствами и направиться в Кронштадт. Кораблю пришлось местами делать большие усилия, чтобы преодолевать торосы, которые успели образоваться за сравнительно короткую пору.

В это время снова появился «Ермак», шедший из Петербурга. Когда он подошел ближе, мы просили его дать нам угля. Но он нам не дал ни одного мешка, не знаю, какой был для этого предлог. Далее, вместо того, чтобы пойти впереди нас и разбивать торосы, что казалось было бы нормальным, «Ермак» шел вслед за нами.

Когда мы подошли к Кронштадту, нам с морского телеграфа дали сигнал: «стать на малом рейде на якорь». Все это нас очень удивило и нельзя было иначе объяснить, как недружелюбным отношением адмирала Макарова к нашему командиру капитану 1 ранга Иессену. Как потом я узнал, объяснялись эти трения между ними следующим.

Адмирал Макаров, создатель «Ермака», считал,

что его создание совершенство. С другой же стороны, Иессен, будучи еще капитаном 2 ранга, отводил построенный в Англии ледокол «Надежный» во Владивосток и находил, что дорого стоющий «Ермак» не дает того результата как дешевый «Надежный», который во Владивостоке держал всю зиму навигацию свободной. Вот корни тех частых недоразумений, какие происходили между Макаровым и Иессеном, когда им приходилось общаться в служебной обстановке.

Переночевали без инцидентов на малом рейде и утром при помощи портовых буксиров вошли в гавань. Но не долго пришлось оставаться на корабле; через два-три дня кампания была окончена и офицеров, и команду списали с корабля на берег, а корабль снова был передан в руки инженеров и мастеровых всех специальностей для окончательной достройки.

***

Очутившись на берегу, у меня сразу возник вопрос о квартире, ибо я решительно не знал, как и где устраиваться. В первый раз в жизни мне пришлось самому разрешать эту задачу, да. к тому же, большую роль играла денежная сторона. Я посоветовался об этом волновавшем меня вопросе с лейтенантом Сергеевым, который мне покровительствовал. Он предложил мне поселиться в квартире, которую занимал он и лейтенант Дмитрий Всеволодович Ненюков. У них была свободная комната, но пустая. Я, конечно, с удовольствием принял это предложение. Взял на прокат коекакую мебель, обставил ею пустую комнату и в результате всем нам троим жилось там довольно уютно.

По выходе приказа об окончании кампании я опять явился командиру 3-го Флотского экипажа капитану 1 ранга Кирсанову, который за время нашего «пребывания во льдах Маркизовой лужи» успел перебраться из Петербурга в Кронштадт со всем своим экипажем. Тут же Кирсанов мне объявил, что я назначен исполняющим должность экипажного адъютанта.

В корпусе, когда мы были гардемаринами, нас береговым адъютантским обязанностям не обучали и молодой мичман. назначенный на береговую должность, чувствовал себя первое время как в лесу. Так было и со мною. Мне казалось, что адъютант является только лицом состоящим при командире экипажа. Но что он в то же время несет обязанности начальника канцелярии по строевой части, то об этом я понятия не имел.

Поместился я за большим письменным столом и мне начали приносить бумаги для подписи и скрепы. Насколько верно и точно было содержание этих бумаг я не отдавал себе ясного отчета. Ежемесячно к первому числу надо было представлять в штаб дивизии ведомость с указанием расхода людей. Суточный же расход велся ежедневно одним писарем-«расходчиком». Этот писарь показался мне ловким парнем и одна его внешность показывала, что он жуликоват. Просматривая эту ведомость перед тем как подписать ее, мне показались некоторые цифры немного странными; я поинтересовался деталями этой ведомости и мне удалось выяснить, что в ней были отмечены вестовые у тех офицеров, которые никаких вестовых на самом деле не имели. Но мне так и не удалось установить, где на самом деле находились эти люди.

Через несколько дней после занятия мною адъютантской должности командир экипажа, выходя в перерыв занятий из своего кабинета, пригласил меня к себе позавтракать. Я отправился к нему с ним же. Он меня познакомил со своей женой Ольгой Михайловной, особой значительно моложе его. Оба они были очень милые и гостеприимные люди. Ели они очень хорошо и на столе была всегда хорошая марсала. Эти завтраки дали мне значительную экономию в моем скромном мичманском бюджете, ибо на сорок рублей в месяц не особенно разгуляешься...

В день именин хозяина, 6-го декабря, у Кирсановых был званый обед: были начальствующие лица со своими женами и несколько адмиралов. Во время этого торжественно обеда Кирсанов встал и произнес несколько любезных слов по моему адресу, прочитал приказ начальника 1-й Морской дивизии, здесь же присутствовавшего, об утверждении меня в должности адъютанта экипажа и передал при этом мне коробку с аксельбантами. Этот жест старика Кирсанова меня глубоко тронул.

У Кирсановых детей не было, но были две собачки по имени «Босик» и Красавчик» — две белые болонки, ничего из себя не представлявшие. Кирсановы же их очень любили. Бывало довольно забавно видеть чету Кирсановых на прогулке по Екатерининской улице: оба небольшого роста и при них эти две собачки. У проходящих невольно появлялась улыбка на лице...

Не помню уже причины, почему наш офицер по адмиралтейству, коему было поручено заведывание новобранцами, ушел из экипажа и вот на меня была возложена еще одна обязанность — заведование новобранцами. И здесь опять по неопытности я не знал, за что браться и в результате всецело оказался в руках старшего обучающего. Это был ,хотя и с хитрецой, но бравый стрелок сверхсрочной службы, окончивший Ораниенбаумскую стрелковую школу. Что проделывал он и его помощники за моей спиной я не ведал, но почему-то мне казалось (у меня из головы не выходили эти «мертвые души»-вестовые), что действия их в отношении новобранцев тоже были не вполне законны.

Хотя я жил в пяти минутах от казарм экипажа, но выходя из дому — шика ради, или просто из-за лени ходить пешком — брал за десять копеек вейку и доезжал к месту службы. К этому времени во дворе уже шло обучение новобранцев и при моем появлении раздавалась команда «смирно». Признаюсь, что по молодости лет мне вся-

кий раз было как-то не по себе и я чувствовал себя несколько сконфуженным, когда видел перед собою несколько сот новобранцев, моих однолеток, вытянувшихся передо мною и «пожиравших» меня своими глазами. Я здоровался с новобранцами: «Здорово, молодцы!» и отдельно со старшим обучающимся.

В эту зиму мне довелось быть один раз начальником караула на, так называемой, Загородной гауптвахте. Это был собственно говоря караул при морских пороховых складах, находившихся на Кронштадтской косе и на них караул держался морскими частями. Заранее были подобраны люди, которых пришлось натаскивать по караульной службе. Да и мне самому надо было перелистать эту скучнейшую книжонку — «Устав внутренней службы». Когда все люди, назначенные в караул, собрались на дворе, я повел их к сборному пункту всех караулов, морских и сухопутных, и там мы поступили в подчинение офицера-начальника караулов всего Кронштадтского гарнизона. Нам передали «пароль» и «отзыв» и я повел свой караул за город.

Я должен был сменить моего товарища мичмана Екимова. Однако, вместо Екимова оказался какой-то армейский подпоручик. Потом я узнал, что мичман Екимов, вероятно, под влиянием нервного припадка пустил себе пулю в лоб. Я не знаю, какова была истинная причина, побудившая Екимова на этот поступок, но мне кажется, что унылая обстановка этого Загородного караула сыграла немалую роль и только усилила его мрачные мысли. Действительно, когда слышишь как завывает ветер в этом мрачном месте, то невольно чувствуешь как тебя охватывает ужасная тоска...

Придя в свою караульную комнату, я сперва ознакомился со всеми распоряжениями и правилами, вывешенными на стенах. Среди этих бумаг я усмотрел табель постов, а также ведомость охраняемых зданий и замков. Я сравнил эту табель с запиской, которую мне передал мой караульный унтер-офицер. Оказалось, что число зданий и замков совершенно не соответствует действительности. Это меня так озадачило, что я хотел по этому поводу подать рапорт по начальству. Я рассказал потом об этом друзьям, и они мне советовали этого не делать, ибо, по их мнению, это могло бы вызвать большой скандал и я сам буду не рад тому, что затеял. В результате, я махнул рукой на это дело, утешая себя мыслью, что в этом карауле я был в первый и последний раз, а в дальнейшем — начальство само разберется во всем этом.

Зимнее сидение в Кронштадте не веселое, в особенности, если не играешь в карты и, вдобавок, нет знакомых. Морское собрание — прекрасное здание посередине Екатерининской улицы между офицерскими флигелями. Внутри уютно и комфортабельно. Большой танцевальный зал со сценой для театральных представлений. В этом зале был прекрасный и особенно ценный паркет, почему в обыкновенное время он был покрыт парусиновым чехлом. Далее шла столовая и в отдельной комнате буфет. Здесь же в столовой в стороне стояли кожаные кресла и ломберные столы для игры в карты. Затем шла бильярдная, с тремя бильярдами и с высокими диванами вдоль стен. В буфетной комнате находился небольшой столик на четырех и называвшийся почему-то «Мысом Доброй Надежды». За этим столиком обыкновенно приятели засиживались основательно и редко расходились до закрытия собрания, причем некоторые уходили иногда с «большим креном».

Если подняться по широкой красивой лестнице наверх, то можно с уверенностью сказать, что наткнешься на столы картежников. Это завсегдаи собрания — капитаны первого и второго ранга, живущие под боком в флигелях, а также отставные адмирали, генералы и чиновники морского ведомства. Мне как-то рассказывали, что один шутник, войдя однажды в карточную комнату, обратился к играющим в карты со словами: «Здорово, мониторы!» Такое приветствие, конечно, не особенно льстило играющим — это были все командиры судов, стоявших в порту разоруженными, но еще из списков не исключенные; для большинства из них этим, только номинальным, командованием заканчивалась морская карьера и вся служба их заключалась теперь лишь в получении ежемесячно столовых денег... Суда эти были канонерские лодки: «Бурун», «Смерч», «Вьюга», «Снег» и другие, а также старые, ни к чему не пригодные мониторы.

Приходилось и мне иной раз «играть» в бильярд, то есть, попросту говоря, катать шары. Когда случайно попадешь шаром в лузу, то приятели неизменно говорили: «Ну и доминиковский игрок!» — намекая с иронией на то, что лучшие игроки бильярда собирались на Невском у «Доминика» против Казанского собора в Петербурге.

Во время Великого поста в собрании устраивались лекции и доклады на темы преимущественно морские и технические. Я иногда их посещал. Как я говорил, зимою пребывание в Кронштадте было очень неинтересное и меня лично там удерживала только моя служба. Для развлечений все помыслы обыкновенно были направлены на Петербург. Ездить туда можно было только с разрешения командира экипажа, а согласие его получить было несложно.

Во время навигации переезд в Питер до Николаевского моста брал, на более или менее сносном пароходе, около полутора часа. В зимнее же время до больших морозов ледоколы ходили до Ораниенбаума, а когда залив окончательно замерзал, то существовало сообщение с Ораниенбаумом на лошадях. Этот последний переезд брал около сорока минут, но надо было основательно кутаться, так как зимою обыкновенно дул сильный, пронизывающий ветер.

Помню однажды я решил поехать в Петер-

бург до Ораниенбаума на пароходе-ледоколе, который уходил очень рано утром. Едва начало рассветать когда я прибыл на пристань и, чтобы укрыться от холода, пошел в буфет. Время приближалось к отходу. Вижу в буфет спускается и подходит к стойке старший механик парохода, здоровый и мускулистый мужчина, и обращается к буфетчику: «Ну, Иваныч, зубочистку, пожалуйста, да с огурчиком...— Ему налили основательную рюмку водки, он опрокинул ее в рот, обтер губы рукавом своего бушлата и сказал: «Ну, теперь можно давать ход!»

**

В эту же зиму в Зимнем дворце в Петербурге давался придворный бал и я удостоился получить входной билет После моего недавнего производства в офицеры моя форма была еще совершенно новенькая и я мог пойти на этот бал. Поехал в Питер с чемоданом и, переодевшись в доме родителей в парадную форму, отправился. Меня очень забавляло, что, выйдя из подъезда дома, буду нанимать извозчика — «В Зимний дворец!». Подъезды Зимнего дворца для приглашенных военных были заранее назначены по родам оружия и там находились адъютанты, которые проверяли билеты. Мне надо было входить в дворец через Комендантский подъезд. Сняв шинель, я поднялся по лестнице и сразу передо мной открылась очень красивая картина.

Во-первых самый зал, освещенный бесчисленными огнями, был величествен и великолепен. А затем живописное зрелище представляли разнообразные формы нашей гвардии, мундиры придворных чинов в расшитых золотом мундирах и представители иностранных держав и их военные и морские атташе. Перед этим был другой, не очень большой, зал, где были устроены буфеты, обслуживаемые придворными лакеями в красных кафтанах, коротких шелковых панталонах, белых чулках и туфлях. Здесь было шампанское, крюшон, фрукты и конфеты, всего в изобилии.

Присутствующие ожидали, когда с противоположной стороны откроется дверь. Это должен был быть Высочайший выход и это означало, что бал открыт.

Открылась дверь и под звуки полонеза из оперы «Жизнь за царя» появилось блестящее шествие, впереди которого шел гофмаршал со своим жезлом. За ним следовала Государыня с турецким послом, старшим из членов дипломатического корпуса, затем Государь в мундире Преображенского полка со статс-дамою Нарышкиной, у которой через плечо была надета лента ордена св. Екатерины. Я стоял в группе морских офицеров и недалеко от иностранных военных атташе. Наша морская форма, сама по себе скромная, но красивая, совершенно бледнела перед мундирами нашей гвардейской кавалерии, чинов придворного ведомства и разнообразными формами иностранцев военных атташе.

После первого выхода состоялся второй, но порядок этого шествия менялся и знатоки подобных церемоний мне говорили, что порядок в шествии зависел от иностранной политики российского правительства в данный момент. Насколько это верно, я не знаю.

После третьего выхода начались танцы. В них приняли участие, конечно, избранные, а остальные только любовались этой красивой картиной. Был один вальс и один контрданс. Затем последовал ужин для всех приглашенных. В одном из зал был стол для Государя с Государыней и царской фамилии. Остальные рассаживались по способности и мне удалось с одним приятелем раздобыть место в соседнем с Царем зале. Столы были красиво убраны; много цветов, канделябры, серебряные столовые приборы. Подавали придворные лакеи. Меню состояло из бульона с пирожками, жаркого, пломбира, фруктов; вино — шампанское. В первом часу начался разъезд.

**

С появлением весенних лучей солнца в Кронштадте замечалось оживление. В экипажах приступают к формированию судовых команд. На вооружение судов посылаются люди для различных работ; в порту чаще видишь офицеров, сидевших в зимнюю пору по домам. В двадцатых числах апреля, придя как обычно утром в экипаж, я был встречен дежурным писарем, который передал мне телефонограмму из штаба. В ней говорилось, что такие-то офицеры, в том числе и я, должны немедленно отправиться в Либаву на суда кадетского отряда, чтобы их отвести для нужд Морского корпуса в Кронштадт. У нас во флоте приказания исполняются быстро — все срочно, экстренно и немедленно. Сейчас же мне было дано предписание, деньги и я, отправившись в Петербург, в тот вечер отправился с Балтийского вокзала в Либаву.

Приехало нас несколько человек. Явились мы командиру порта контр-адмиралу Ирецкому, который, увидя нас, немного удивился нашему приезду и сказал, что нам надо ждать еще несколько дней до начала кампании, т. к. лед у Кронштадта еще очень сильный и суда парусного отряда не могут пока туда идти. Пришлось жить на берегу на свой счет. Я вспомнил, что в Либаве была квартира товарища моего отца доктора Гензеля, которая пустовала, но в которой все же находилась прислуга. Гензель бывал в Либаве лишь наездами; он давно бросил врачебную практику и больше занимался торговыми делами, в которых много преуспевал, нажив большие средства.

Расположившись удобно в этой квартире, я только ночевал в ней и каждое утро отправлялся в порт. Я был назначен ревизором на «Верный». Вооружение на судах шло полным ходом, но нас к этим работам не привлекали, т. к. мы были присланы лишь для плавания на время перехода в Кронштадт. Чтобы убить время, «толка-

ли» в собрании бильярдные шары, читали, а после ужина возвращались в город.

Командиром «Верного» был капитан 2-го ранга Юнг, впоследствии погибший в Цусимском бою, а старшим офицером лейтенант Заборовский, тот самый, с которым я плавал в предшествущее лето, будучи корабельным гардемарином. В качестве ревизора я должен был заботиться о продовольствии команды. Кроме того, кают-компания возложила на меня обязанности кают-компаньона, т .е. взять на себя кормление кают-компании. Пришлось, по неопытности в этом деле всецело довериться буфетчику и баталеру.

Однажды командир вызвал меня к себе и приказал поехать в хлебопекарню и расплатиться за забранный хлеб. Хозяин хлебопекарни дал мне два счета, а деньги взял по счету на меньшую сумму. На корабле отдал я эти два счета и сдачу командиру и, по наивности, долго не мог понять назначение этих двух счетов. Только впоследствии уяснил себе, что один счет официальный со справочной ценой, а другой, с меньшой ценой, для сведения... Заведенным исстари этим обычаем собирались таким образом на корабле, так называемые, экономические суммы, о которых много говорилось и печаталось в газетах, в особенности в революционное время.

Наконец, наступил день нашего выхода. Отдали швартовы и при содействии портовых катеров вышли из бассейна в канал, а дальше, уже под своей машиной, в открытое море, взяв курс на север. На мою долю выпала очередь стоять на вахте от 12 до 4 утра. После ужина я сейчас же завалился спать, чтобы на предстоящей вахте чувствовать себя по возможности вполне бодрым, — ведь это будет моя первая самостоятельная вахта на ходу корабля в открытом море!

Наступило время приема мною вахты. Сменявшийся объяснил мне обстановку вокруг корабля, все видимые огни, курс по главному компасу, курс по путевому компасу, скорость, число пройденных миль, число оборотов, число котлов под парами, какое отделение на вахте, какой катер приготовлен к спуску на случай тревоги и все распоряжения командира. Затем он ушел вниз, а я, оставшись один, начал всматриваться в горизонт, проверил курс по компасу, заглянул на карту и вышел из рубки на мостик, где стал в одном углу его, а вахтенному сигнальщику указал находиться на другом крыле мостика. Так шло все спокойно до половины второго ночи. Корабль от зыби наклонялся то в одну, то в другую сторону. Вдруг ко мне подходит сигнальщик и докладывает:

— Так что, ваше благородие, виднеется справа какой-то огонь.

Я перешел на правый борт и, всматриваясь в бинокль в горизонт, действительно, увидал огонь. Следуя распоряжению командира, я сейчас же послал к нему старшего унтер-офицера доложить, что «виден справа огонь». Командир вышел сейчас же и, поднявшись на мостик, сразу же сделал мне замечание, — почему я не снял пальто, раз он, командир, без пальто. Очень сконфуженный этим замечанием я тотчас же снял пальто. Спросив затем меня, на каком месте горизонта был виден огонь, я ему показал, а он, вглядевшись, сказал мне: «Это звезда!» Действительно, этот огонь через некоторое время отделился от горизонта и поднимался все выше и выше. Новый, еще больший для меня получился конфуз в эту первую мою вахту на корабле в открытом море. Переусердствовал, думалось мне, а вернее, — не было еще опыта.

Когда мы пришли на кронштадтский рейд, нас встретили портовые катера и сейчас же втянули в гавань. Так как «Верному» надо было принять кадет дней через десять, то нам, «гастролерам», т. е. временно находившимся на кораблях пришлось принять участие в спуске брам-реи и брамстеньги. Старший офицер, лейтенант Заборовский, часто был без голоса; было ли это от влияния выпитого пива или от другой причины, не знаю, но во всяком случае он не мог командовать во время этого аврала. Вызвав меня на мостик, он мне сказал: «Будьте моим мешком с криком...» Он мне говорил командные слова, а я их, как попугай, повторял во весь свой голос.

Недолго мне пришлось пожить на берегу. Вскоре вышел приказ о моем назначении на посыльное судно «Славянка». Эта посудина — бывшая яхта — в 150-200 тонн, винтовая, с двумя машинами, служила как бы флагманским кораблем для заведующего отрядом миноносок Петербургского порта. Команды было всего 26 человек. Командиром был капитан 2-го ранга Осинский, переведенный из Черного моря. Я был единственным офицером.

На следующий день я явился командиру и начал свою службу. Мы стояли в гавани и заканчивали окраску, после чего пошли в Петербург. Мой командир не знал фарватера, да при этом не всегда хорошо умел разбираться в картах, поэтому, для безопасности, он предпочел взять лоцмана. Обыкновенно, суда, нуждающиеся в лоцмане, поднимают лоцманский флаг и тогда лоцвахта посылает очередного лоцмана. Так как один лишь подъем «Славянкой» лоцманского флага, идущей в Петербург, вызвал бы на всех судах стоявших в порту иронические замечания и даже смех, то Осинский, чтобы его затея прошла незаметно, отправился сам утром на лоцвахту и попросил дать ему человека провести «Славянку» в Петербург. Таким образом пошли мы, даже не Морским каналом, прямо в Питер и стали на якоре на взморье против Большого проспекта Васильевского острова. За труд лоцмана Осинский заплатил из собственного кармана, а не дал, как это обыкновенно делается, расписку в проводе корабля, по которой лоцманское ведомство получает из портовой конторы казенные деньги.

Здесь мы простояли около одной недели. Хотя корабль был и очень невелик, но довольно богато обмебелирован. На верхней палубе и впереди тру-

бы была большая рубка, крыша которой служила походным мостиком: сама же рубка была обита темно-зеленой кожей, стоял стол и вдоль стен диваны. Из нее вниз — каюты командира и заведывающего (в чине штаб-офицера) механизмами миноносок отряда. Моя миноносная каюта, находившаяся в кормовой части, была настолько мала, что приходилось открывать дверь, если хочешь вытянуть ноги. Кают-компания тоже была очень миниатюрная: в ней был стол красного массивного дерева, два кресла и два стула обитые голубою кожею. Столовался я в передней рубке вместе с командиром.

Первую половину кампании мининоски были угольные, а вторую нефтяные. В первую половину кампании отрядом командовал капитан 1 ранга Броницкий, который был затем назначен командиром броненосца «Император Александр II-й» в Средиземном море.

Сперва мы прошли до Бьерке-зунда и стали на якорь в бухте против Кирки Койвисто. Это был наш самый большой переход в открытом море. Погода была прекрасная, грело солнце, море — как зеркало, и «Славянка» гордо разрезала воду. На мою долю пришлось все время стоять на мостике, так как Осинский больше дремал в рубке, чем поднимался наверх. Чувствовал я себя героем: веду самостоятельно, хотя и небольшой, но все же корабль.

По заранее выработанной программе миноноскам надо было практиковаться в стрельбе из своих пятиствольных 37 мм. орудий Гочкиса и в маневрировании. На второй или третий день этих маневрирований командир одной миноноски, лейтенант Сергей Андреевич Посохов, заболел и меня назначили на время упражнений в маневрировании временно командующим его миноноски. Рано утром я отправился на миноноску, а после подъема флага начал выводить ее из середины тесной группы других миноносок. Вывел ее так, что никого не толкнул. После совершенных эволюций в море я вернулся на «Славянку».

Из Бьерке мы затем пошли этапами до Ганге. Все время шли шхерами, беря на каждом переходе от лоцвахты до лоцвахты лоцманов. В шхерах по пути нашего следования фарватер был от 24 до 6 футов. Мы на «Славянке» шли, насколько помню, 19-футовым фарватером и только один раз, направляясь к Экнесу, прошли 12-футовым. Прохождение шхерами производило на меня большое впечатление; было такое изобилие красивых пейзажей, какое редко где можно встретить. Иногда между островами проходы были такие узкие, что казалось через них не пройдет корабль. Часто на берегах небольших заливов и бухт попадались, среди холеных садов, красивые виллы. Водный спорт очень развит у финнов и в шхерах в хорошую погоду встречались парусные яхты, которые еще больше оживляли эту, и без того, красивую местность». «Славянка», как военное судно, конечно, не могла допустить, чтобы на финских яхтах был поднят финский — красный с золотыми львами — флаг и при мне было два случая, когда нам пришлось отнять подобные флаги; этим и оканчивалась наша репрессивная мера.

Когда мы пробирались до Экнеса, то в милях 6-8 у одной из миноносок случилось что-то в механической части и мы стали на якорь против одной очень красивой виллы. Через некоторое время я увидел, что к нам подходит лодка, в которой сидел офицер в белом кителе и в фуражке Семеновского полка, а рядом с ним дама. Офицер обратился ко мне и просил разрешени осмотреть корабль. Мы, конечно, их с удовольствием приняли, обошли весь корабль, показав все что было там для них интересно, а когда гости готовились уходить, то мы их пригласили в нашу рубку-столовую, где им предложили вино и фрукты. Оказалось, что барышня была сестрой полковника фон Эттер. При прощании оба они просили от имени их матери пожаловать сегодня же вечером к ужину.

Командир был по натуре нелюдим и чуждался общества, поэтому он под каким-то предлогом отказался от приглашения. Поехали командиры миноносок и я. Для такого случая была спущена на воду наша парадная шлюпка четверка и мы в сюртуках при белых жилетах отправились. На пристани нас встретил полковник и выразил нам радость видеть у себя представителей российского флота. Поднявшись по широкой каменной лестнице, мы очутились в роскошном цветнике, устроенном с большим вкусом. У входа в виллу стояли два лакея в ливреях, они взяли наши накидки. Мы прошли в гостиную, окна которой выходили на бухту, где виднелась наша маленькая «Славянка», на стенах гостиной много ценных картин. Тут же в глубоком кресле сидела пожилая дама — мать полковника, который нас представил ей. Здесь находилась и ее дочь.

Минут десять шел разговор на общие темы, нас распрашивали о жизни на корабле, качает ли часто и прочее. Старик лакей с баками и в сюртуке спросил хозяйку, можно ли подавать? Она кивнула головой и просила нас к столу. Ужин был очень изысканный: начали со свежей икры, была какая-то дичь, затем форель и мороженое, к блюдам подавали соответствующие вина и закончили шампанским. Старик лакей обслуживал хозяйку и сам накладывал ей на тарелку с блюд, подаваемых молодыми лакеями в ливреях. Кофе и ликеры разных сортов пили в гостиной.

Тем временем стемнело, из окон виднелись скромные огни масляного освещения «Славянки» и миноносок. Посидели еще минут пятнадцать и распрощались с гостеприимными хозяевами, причем полковник проводил нас до нашей шлюпки. Если не ошибаюсь, этот полковник фон Эттер впоследствии, во время Великой войны, командовал л.-гв. Семеновским полком.

На следующий день снялись с якоря и продолжали свой путь. Между тем приблизилось время возвращаться к своим базам. Миноноски были от-

пущены одни и «Славянка» без них пошла в Кронштадт. Оставя шхеры, мы вышли в открытое море. Погода была довольно ветреная и была очень большая зыбь, особенно чувствительная для «Славянки». Чтобы уменьшить размахи, поставили триселя; эти паруса увеличили наш ход и мы шли с рекордной для «Славянки» скоростью, доходившей до 12-13 узлов.

Около 3 часов подошли к Кронштадту и, войдя в гавань, стали на две бочки — с носа и кромы. Как только швартовы были закончены, командир ушел к себе в каюту переодеться, чтобы съехать на берег. Мне пришлось остаться на корабле, хотя моим желанием было как можно скорее пробраться на «Громобой», навестить его командира или старшего офицера и выяснить, насколько велики мои шансы быть назначенным на этот корабль.

В Кранштадтском порту был порядок: когда вечером выходил приказ, то по морскому телеграфу поднимался сигнал «прислать писарей». Так это было и в день нашего прихода. Я послал нашего человека, который через час-полтора вернулся, и передал мне приказы. Я начал их просматривать и вдруг — прямо не поверил глазам — читаю: «3-го флотского экипажа мичман Северин назначается на крейсер 1-го ранга «Громобой» младшим штурманским офицером».

Я был на седьмом небе. Во-первых, я уходил от моего мало симпатичного командира Осинского, а во-вторых, и это было главное, был назначен на первоклассный крейсер новейшей постройки, уходивший в заграничное плавание, да еще на должность младшего штурмана, то есть быть занятым тем делом, которое больше всего из морских специальностей меня интересовало. Сложил я приказы так, как они были мне доставлены и положил их командиру на его место, где он всегда сидит, а затем с легким сердцем пошел спать, т. к. у нас не было заведено, чтобы после спуска флага встречать командира.

Наутро я встал как всегда в 7 часов и пошел в 7 1/2 пить чай в рубку. Командир уже был там и просматривал приказы. Поздоровавшись со мной, он мне говорит: «Вы уже назначены на «Громобой», можете туда перебираться». Подняли флаг и я затем спустился в свою каюту, собрал свои вещи, надел мундир, пошел откланяться командиру «Славянки» и на шлюпочке со своим багажом перебрался на «Громобой».

Таким образом закончилась моя первая офицерская служба и начиналась новая — служба на боевом корабле, уходящим в плавание за границу. Но об этом я расскажу в следующий раз.

Парижские военно-научные курсы генерала Головина

И. Бобарыков

Великая мировая война 1914-1918 гг., а затем три года Гражданской войны не могли не отразиться на уровне командного состава Русской армии. Потери кадрового состава были огромны. Пехота потеряла почти всех кадровых младших офицеров, уцелели только счастливчики. Ротами, батальонами, а иногда и полками командовали офицеры, прошедшие во время войны сокращенный четырехмесячный курс военных училищ и, иногда даже, произведенные за отличие из вольноопределяющихся. В кавалерии и артиллерии положение было лучше, но тоже весь младший офицерский состав состоял из офицеров ускоренных выпусков со слабой теоретической подготовкой и с полным незнанием условий службы мирного времени.

Опыт Мировой войны был неизвестен, так как на русском фронте она закончилась фактически в момент революции. Во время же Гражданской войны изучать этот опыт и делать соответствующие выводы было невозможно.

По уходе Белой армии за границу командование ее стало думать о возможном будущем. Все были уверены, что коммунистическая власть не сможет долго продержаться. Рано или поздно она будет свергнута и тогда, как в конце 1917 года, в России воцарится анархия, тогда-то Русская армия, возвратившись на родину, займется наведением порядка и восстановлением мощи российского государства.

Восстановление военной мощи и полная реорганизация Красной армии потребовало бы большое число офицеров достаточно осведомленных как об опыте Мировой войны, так и современном состоянии военной науки. Тем более, что они должны были бы воспитать новый офицерский корпус, так как командный состав Красной армии, учитывая его комплектование и подготовку, мог оказаться в своей массе мало пригодным.

После ухода армии за границу в распоряжении генерала барона Врангеля осталось мало офицеров, имеющих высшее военное образование, а он вполне сознавал, что при отсутствии достаточно подготовленного офицерского кадра невозможно будет навести порядок в России и восстановить ее военную мощь. Поэтому уже в 1921 году, когда он начал переводить части своей армии из Галлиполи и Лемноса в славянские страны, ген. Врангель предполагал открыть в Сербии, в Белграде, русскую академию генерального штаба. Тогда-то он обратился к генералу Головину с предложением

организовать такую академию и принять на себя руководство ею.

Ген. Головин представил ген. бар. Врангелю всю несостоятельность такового начинания, указывая, что опыт мировой войны еще не изучен. выводы из него не сделаны, какие бы-то не было пособия для изучения этого опыта отсутствуют, а затем нет и достаточно подготовленных руководителей, которым можно было бы поручить преподавание. Ген. бар. Вренгель согласился с этими доводами и поручил ген. Головину заняться подготовкой всего необходимого для открытия этой академии.

Полковник Николай Николаевич Головин принадлежал к той группе молодых профессоров Императорской Николаевской академии генерального штаба, которые на основании опыта русско-японской войны боролись с рутиной преподавания в нашей военной академии и считали, что оно должно быть поставлено возможно ближе к практике, а также, что наши уставы должны быть пересмотрены и в основу их положен не старый ударный принцип, а новый, доказанный войной, огневой принцип, ибо «кровью машину не остановить», а уничтожить возможно только машиной.

Военный министр ген. Сухомлинов счел такие идеи вредными, приказал полк. Бонч-Бруевичу составить новые уставы на основе ударного принципа, а профессоров, осмелившихся думать иначе, чем он, разогнал по полкам. Полк. Головин был назначен командиром 20-го драгунского Финляндского полка, а затем командующим л.-гв. Гродненским гусарским полком, с которым и вышел на войну. Мировая война доказала, что правы были новаторы, а не военный министр.

Ко времени предложения ген. бар. Врангеля ген. Головин приобрел большую известность как военный ученый и исследователь. Зимой он преподавал в Парижской Ecole de Guerre, а летом ездил по приглашениям высших военных школ и университетов разных стран читать лекции об опыте войны 1914-18 гг.

Получив предложение подготовить открытие высшей военной школы, ген. Головин со всей душой занялся этим делом. Он посвятил несколько лет всестороннему исследованию опыта Мировой войны. Изучив в мельчайших подробностях действия каждого рода войск, он наметил какие изменения необходимо внести в его организацию и как должны быть составлены войсковые части, чтобы можно было наилучше использовать в бою их огненную мощь. Результат этой работы выразился в книге: «Мысли по устройству будущей российской вооруженной силы».

В составлении этого труда большое участие принимал Великий Князь Николай Николаевич, который просматривал и фактически редактировал каждую главу этой книги (1).

Одновременно с этой работой ген. Головин с помощью ген. бар. Врангеля основывает в центрах расселения русской военной эмиграции кружки военного самообразования, которые получали печатные оттиски отдельных глав этого труда по мере их написания. В 1922 году эти кружки были объединены в «Заочные курсы высшего военного самообразования». В 1926 году таких кружков было до 52 с 550 участниками.

В 1925 году во главе русской военной эмиграции стал Великий Князь Николай Николаевич, который увеличил материальную поддержку заочных военно-научных кружков и принял деятельное участие в подготовке открытия «Высших военно-научных курсов» в Париже; эта подготовка потребавала почти два года.

В начале зимы 1926-27 гг. ген. Головин решил прочесть пять публичных лекций в Галлиполийском собрании в Париже. Эти лекции оказались событием в жизни русской военной эмиграции. С первой же лекции зал был переполнен. Слушатели не только стояли в проходах, но и заполняли находящуюся перед залом прихожую. То же происходило и на последующих лекциях. Было видно, что присутствующие с большим интересом воспринимают предлагаемый им материал. Этот интерес и создал уверенность, что, если открыть в Париже «Высшие военные курсы», слушателей будет достаточно. После соответствующего доклада ген. Головина Великий Князь дал свое согласие на открытие этих курсов.

«Давая свое согласие, Великий Князь в числе основных распоряжений отдал три следующие:

1) положением о курсах должно служить положение о бывшей Императорской Николаевской академии в редакции 1910 года, причем окончившим курсы присваивается право на причисление их к Генеральному штабу будущей Российской армии;

2) с целью подчеркнуть насколько близко было его сердцу создание «Высших военно-научных курсов» Великий Князь предрешил включить в академический знак, присваеваемый успешно окончившим курсы, вензеля Великого Князя с императорской короной;

3) именовать курсы — «Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Головина».

Целью эмигрантской высшей школы ген. Головин поставил: 1) поддержание трудами учебного персонала русской военной науки на уровне современных требований: 2) создание кадра русских офицеров с современным высшим военным образованием, способных мыслить и творить во всех вопросах связанных с военным делом; 3) распространять военные знания среди русской военной эмиграции» (2).

Уже по окончании третьей лекции ген. Головин объявил о решении открыть в ближайшем будущем высшие военно-научные курсы в Париже.

Все офицеры, желающие поступить на эти кур-

---

(1) Ген. Шуберский. К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов генерала Головина в Белграде. Ментона, 1955. Стр. 8.

(2) Ген. Шуберский, стр. 9.

сы, должны были до известного срока подать рапорт о зачислении их в число слушателей. К этому рапорту необходимо было приложить сведения о прохождении службы и рекомендацию командира или старшего представителя его части или объединения.

При открытии курсов действительным слушателями были зачислены все офицеры, окончившие во время войны военные училища. Так как довольно большое число рапортов было подано офицерами, произведенными за отличия из вольноопределяющихся, ген. Головин для них немедленно учредил «военно-училищные курсы», окончание которых давало право на поступление на высшие военно-научные курсы. Два слушателя военно-училищных курсов, имевшие высшее образование, были одновременно допущены к прохождению курса высших военных курсов в качестве вольнослушателей, с тем, что по окончании военно-училищных курсов они автоматически перечисляются в действительные слушатели.

Впоследствии на военно-училищные курсы принимались молодые люди, получившие среднее образование за границей и состоявшие в русских молодежных организациях. По приказу председателя Обще-воинского союза ген. Миллера им по окончании военно-училищных курсов присваивался чин подпоручика и тогда они на общем основании могли поступить на высшие курсы.

К весне 1927 года подготовительная работа по организации курсов была закончена и 22 марта 1927 года ген. Головин торжественно открыл их своей вступительной лекцией.

Работа высших военных курсов сразу привлекла к себе внимание военной эмиграции. Вскоре был поднят вопрос о желательности создания подобных курсов в другом русском военном центре — в Сербии.

Учитывая это желание, ген. Головин в конце 1930 года предложил ген. Шуберскому, жившему в Белграде, заняться подготовкой организации отделения парижских военно-научных курсов согласно программе этих курсов и с принятыми на них методами преподавания. Четыре месяца спустя ген. Шуберский сообщил ген. Головину о произведенной работе и получил разрешение открыть под своим руководством «Зарубежные военно-научные курсы генерала Головина в Белграде, которые и были открыты 31 января 1931 года.

В основу органияации высших военно-научных курсов была положена, как это и указывал Великий Князь Николай Николаевич, организация Николаевской военной академии. Все прохождение курсов было расчитано на пять лет и разделено на три курса: младший, старший и дополнительный, как это было и в старой академии. Для практических занятий каждый курс в свою очередь разделялся на классы с составом не более двенадцати слушателей. Посещение занятий было обязательным.

В конце выполнения плана занятий каждого курса происходила проверка приобретенных слушателями знаний. Для этой проверки ген. Головин назначал по каждому предмету специальную комиссию. Слушатели решали на дому большей частью тактическую задачу, а затем проходили устный экзамен. Только получившие удовлетворительную отметку переводились на следующий курс.

Прегрaмма курсов по своему объему соответствовала программе высших военных школ больших государств. Она состояла из следующих военных дисциплин: органазации всех родов оружия и их тактика; общая тактика; служба генерального штаба; начала стратегии; военная история, фортификация и военно-инженерном дело; тыл и его организация; служба связи; военная химия; военная психология; промышленность и ее мобилизация и, наконец, высшая тактика и стратегия.

Во время изучения всех этих предметов главное внимание руководства было обращено не на отвлеченное заучивание предлагаемых слушателям положений, а на усвоении их как напримерах опыта войны, так и на решениях тактических задач.

Недельные занятия курсов были распределены следующим образом. По вторникам читалась открытая публичная лекция, с обязательным присутствием всех слушателей курсов, независимо от того, к какому курсу они принадлежали; в четверг же и пятницу закрытые занятия по классам на каждом курсе.

Особое внимание ген. Головина было обращено на открытую лекцию по вторникам. Чтобы возможно шире распространить сведения о современном положении военной науки, он сделал эту лекцию общедоступной. Всякий желающий ее послушать допускался наравне со штатными слушателями курсов и вносил одинаковую с ними плату. Эти посторонние слушатели заполняли большой зал Галлиполийского собрания и часто превышали числом слушателей курсов. Многие из них не пропускали ни одной лекции, касающейся его рода оружия.

Во время прохождения курсов первым выпуском, все курсовые лекции были прочитаны на этих общедоступных занятиях, а по окончании этого выпуска, они были перенесены на закрытие занятия по четвергам и пятницам. Лекции же по вторникам, оставаясь общедоступными, получали темой новые вопросы и теории, появлявшиеся в военной науке и литературе; тогда же разбирались и труды офицеров, окончивших курсы и работавших в «Институте по изучению проблем войны и мира». Так, и автору этой статьи, по исполнении порученной ему работы по исследованию работы промышленности в России и Франции во время войны 1914-18 гг., пришлось прочесть две лекции по истории и теории мобилизации промышленности на опыте Мировой войны, а позже проследить влияние трудов ген. Маниковского, ген. Святловского и других советских исследователей войны на разработку планов первой и второй пятилеток.

Нужно отметить, что за все время существования военно-научных курсов ни одна вторничная лекция не была повторена.

Широкая посещаемость этих лекций посторонними слушателями позволила ген. Головину в разговоре с начальником Белградских военно-научных курсов ген. Шуберским неосторожно выразиться: «Парижские курсы — это своего рода — народный университет». Эта фраза, как это впоследствии выяснилось во время моей личной беседы с ген. Шуберским, была понята последним буквально. А это вызвало две капитальные ошибки в его книжке «К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов генерала Головина в Белграде». В ней он написал, что на Парижские высшие военно-научные курсы вместе с военными принимались и гражданские лица и что курсы были организованы на началах народного университета. Подробно изложенные мною, как правила приема на высшие военно-научные курсы в Париже, так и описание их организации, отличающейся от Белградской только лишней общедоступной по вторникам лекцией, ясно показывают всю ошибочность этих утверждений. Ген. Шуберский должен был признать свою ошибку.

Единственным недостатком курсов было отсутствие знакомства с действиями бронированных войск. Но русская армия фактически вышла из войны раньше широкого их появления на Западном фроте. Изучение их боевых действий было только начато и строить какую-либо теорию на разногласии различных журнальных статей было невозможно. Все же ген. Головин хотел поставить изучение и этого вопроса. Он последовательно пригласил для преподавания этого курса двух офицеров, служивших в бронированных частях Русской и Добровольческой армий, но их вступительные лекции оказались настолько малосодержательными, что начальник курсов не нашел возможным поручить им преподавание.

Как завершение изучения высшей тактики и стратегии, в течение нескольких недель в дополнительном курсе происходила двухсторонняя военная игра. Слушатели курса делились на две группы и, располагая теоретически армейским корпусом, каждая вела операцию, пока какая-нибудь сторона не поставит другую в тяжелое положение. В каждую группу в качестве посредника и наблюдателя назначался старший руководитель. Перед каждым занятием он давал своей группе данные о противнике, достаточные для очередного хода игры, и наблюдал, чтобы все командные посты на каждом занятии были заняты разными лицами. Все приказы и приказания этих лиц обязательно излагались в письменной форме и, собранные посредником, служили основанием подготовки следующего хода игры. Главный руководитель, если он это находил нужным, во время занятия делал краткий разбор предыдущего хода, чтобы указать участникам на важные упущения или ошибку. По окончании игры начальник курсов в публичной лекции делал подробный разбор всей военной игры с указанием всех недочетов в решениях и приказах участников.

Завершение курсов ознаменовалось сдачей выпускных письменных работ и устных экзаменов — сдачей устной темы. Выпускные письменные работы в два приема делались слушателями на дому и состояли из тактической задачи на дивизию. При решении этой задачи должно было подробно разработать действия всех входящих в дивизию войск, а также детально организовать тыл и снабжение входящих в дивизию частей.

Вторая письменная работа (это была письменная тема) — своего рода письменный доклад на полученную тему. Ученый комитет курсов заготовил большой сборник тем для того, чтобы ни одна тема не была повторена ни в письменной, ни в устной форме. Письменная тема должна была быть разработана возможно полно, но без лишнего многословия и в готовом виде не превышать одного листа.

Более трудной была устная тема. Слушатель получивший эту тему имел 15-20 минут для ее обдумывания и затем возможно ясно и полно в течении не более 15 минут должен был доложить ее экзаменационной комиссии. Обыкновенно ген. Головин за пять минут до срока предупреждал об этом докладчика.

Выпускной экзамен 1-го выпуска был очень торжественно обставлен. Ген. Головин пригласил принять участие в экзаменационной комиссии двух профессоров военной академии, проживавших в соседних государствах и последнего начальника морской академии адмирала Русина. Таким образом, за экзаменационным столом, кроме старших руководителей курсов, находилось шесть специалистов по высшему военному образованию, прошедших академию до революции. По окончании экзаменов они единогласно пришли к заключению, что знания окончивших курс не уступают ни в чем знаниям офицеров, окончивших военную академию до 1914 года.

Состав руководителей курсов был блестящий. Начальником курсов и преподавателем стратегии был профессор ген.-лейт. Головин, инсцектором классов — ген.-лейт. Репьев, помощником по учебной части полк. Зайцев. Старшими руководителями были: проф. ген. Гулевич — военная история и военная экономика; ген. Доманевский — история войны 1914-18 гг. и тактика кавалерии; ген. Виноградский — организация артиллерии и ее тактика; проф. полк. Зайцов — пехота, ее тактика, общая и высшая тактика; ген. Баранов — организация и тактика военно-воздушных сил; инж.-ген. Ставицкий — фортификация, военно инженерное дело и передвижение войск; ген. Краснов — военная психология; инж.-полк. Трикоза — служба связи; полк. Иванов — военная химия.

Познакомившись со всей работой произведенной слушателями во время прохождения курсов, можно с уверенностью сказать, что знания приоб-

ретенные ими вполне соответствовали по своему объему требованиям старой академии генерального штаба. Отсутствовали только практические занятия на поле: топографические съемки и решение тактических задач.

Полк. Зайцов попытался было устроить полевую поездку на поле сражения при Марне. Но появление на бывшем поле сражения группы штатских с листами карт местности привлекло такое внимание жандармов, что пришлось ее немедленно прекратить и возвратиться в Париж, не выполнив намеченной работы.

Отсутствие полевой практики нельзя считать очень существенным, так как все слушатели имели достаточный боевой опыт, будучи участниками одной или двух войн.

Большое внимание обратил начальник курсов на создание у своих учеников «единой школы», другими словами, старался так воспитать их, чтобы они в боевой обстановке приходили к одинаковым решениям. Ген. Головин особенно подчеркивал важность этого единства, указывая на яркий пример гибели 2-й армии Самсонова. Командиры немецких корпусов, учтя создавшуюся обстановку, вместо выполнения приказа командующего армией ген. ф. Притвица отойти за Вислу, самостоятельно направили свои дивизии так, что охватили армию ген. Самсонова. Ген. Гинденбург, назначенный на место отрешенного ген. ф. Притвица, в своем первом приказе командующего армией уже post factum фиксировал их решения.

Такая единая школа достигается знанием всем командным составом военной доктрины, вырабатываемой генеральным штабом для каждой возможной войны, принимая во внимание военную мощь противника, организацию его армии и, наконец, подготовку его командного состава. Все боевые решения должны руководиться, прежде всего, вопросом — «чего я хочу» и лишь затем подумать, чем мне может помешать противник. Всякое решение должно приниматься не теряя времени. Часто посредственное решение вовремя принятое давало победу, а запоздавшее отличное решение приносило поражение.

Пятилетнее пребывание на курсах при большой самостоятельной научной работе и при требовании строгой дисциплины совершенно перерождали мысли слушателей. Чувствовалось, что находишься в хорошей военной среде. Вел. Кн. Андрей Владимирович во время одного из посещений курсов обратил на это внимание и спросил ген. Головина: «У вас есть тоже занятия по дисциплине?»

Естественным отбором явилась трудность совместить занятия с работой для жизни. Обыкновенно, из всех, подавших рапорты, только одна треть проходила полный курс. Многие были не в силах посвящать свои свободные от работы часы изучению курсовых лекций и работ. Они постепенно отставали, а ко времени переводных испытаний, совершенно исчезли. Оканчивали же курс наиболее трудоспособные и упорные.

Ген. Головин очень внимательно следил за работой каждого слушателя и задолго до окончания курсов намечал кто из них может оказаться способным для дальнейшей научной работы. Лучшие сразу по окончании прикомандировывались к кафедрам в качестве ассистентов, а затем через год-два по выполнении известных работ и пробной лекции назначились на кафедры самостоятельными преподавателями.

Таковыми, кроме автора этой статьи, были: полковники Н. В. Пятницкий и Е. В. Кравченко, подполк. С. А. Прокофьев, кап. А. М. Петров, шт.-кап. А. В. Осипов, подпоручики Н. Я. Галай, А. А. Власов и К. В. Хвольсон.

Организация в Париже военно-научных курсов с программой академии генерального штаба не могла не обратить на себя внимания советского представительства. Есть большие основания предполагать, что один из слушателей 1-го выпуска, штаб-офицер, бежавший, по его словам, в 1923 году из Советской России, прослушавший весь курс и успешно сдавший все работы и испытания, за одну-две недели до выпуска исключенный из списков курсов и бесследно исчезнувший из Парижа, был послан на курсы советской властью. Это предположение тем более основательно, так как впоследствии информационный листок организации Вел. Кн. Кирилла Владимировича оповестил своих членов, что названный штаб-офицер — советский тайный агент.

Когда занятия на курсах наладились советский полпред заявил протест французскому правительству и потребовал их закрытия. Ген. Головин, узнав об этом требовании, обратился за содействием к маршалу Фошу. Последний вместе с ген. Головиным поехали к председателю совета министров. В беседе с ним маршал Фош указал, что вторая война с Германией неизбежна, а русская военная эмиграция была широко допущена во Францию, как великолепный обстрелянный кадр, могущий оказаться очень ценным для Франции и что нелепо мешать этому кадру поддерживать на известной высоте свои военные знания. Выход из положения был найден в том, что курсы будут продолжать свою работу под названием «Институт по изучению проблем войны и мира».

Курсы просуществовали до начала оккупации немцами в 1940 году и произвели несколько выпусков. Всего окончило свыше 80 человек, многие из них приняли участие в войне против немцев в рядах французской армии, а затем против Советов в армии ген. Власова.

Медаль 1785 года „Слава России“

(НУМИЗМАТИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ)

А. Долгополов

В свою поездку летом 1969 года на Аляску я встретил американца Вильяма Джоргенсена, который интересуется ранней историей Аляски. Во время войны в 1942 году на одном из Алеутских островов он обнаружил у потомка индейского вождя сильно потертую серебряную медаль с дыркой. Владелец сообщил, что командир судна, изображенного на медали, выдал ее его предку и что медаль эта с тех пор хранилась в его семье. Теперь он стар и семьи у него нет. Американцу удалось выменять медаль у индейца. Заинтересованный этой находкой, после долгих поисков, я смог установить ее историю.

***

Императрица Екатерина II-я, желая продолжить дело Петра, была заинтересована открытиями и исследованиями Северных морей и приказала снарядить «Северо-восточную секретную географическую и астрономическую экспедицию». Подготовка к экспедиции Виллингса-Сарычева 1785-1793 гг. для исследования северо-восточных берегов Сибири и Америки протекала в совершенном секрете, несмотря на то, что главой экспедиции был назначен англичанин, состоявший на русской службе, поручик И. Биллингс. Главной причиной назначения было его участие в должности помошника астронома в третьей экспедиции капитана Кука в 1776-1780 гг. и уже плававшего в тех морях, куда отправлялась экспедиция. В 1783 году он был принят в чине мичмана на русскую службу. Секретарь его, англичанин Мартин Сауер, опубликовал в 1802 году в Англии на английском языке подробный отчет экспедиции, с картами и рисунками, приписывая всю заслугу успеха экспедиции своему начальнику, человеку довольно ограниченному и нерешительному (1).

Вся тяжесть организации экспедиции — перевозка грузов через Сибирь, набор команды, постройка судов, снаряжение, плавание и составление карт — легла на молодого морского офицера, Гаврилу Андреевича Сарычева.

В своей книге Сауер упоминает о медали, но не описывает ее. Видимо, для того, чтобы скрыть организацию секретной экспедиции было извещено, что медаль выбита в честь «Заведения флота на Черном море», согласно объяснению Археографической комиссии 1840 года в издании «Собрание русских медалей». Начало заведения Черноморского флота нужно считать с 1778 года, когда после заключениз мира с Турцией была построена в Херсоне верфь и в 1779 году на ней был заложен первый линейный корабль «Слава Екатерины». В книге маркиза Милфорд Хавен «Морские медали— говорится, что эта медаль была выбита в честь «Заведение флота в Каспийском море» (2). Такое объяснение создания этой медали, очевидно, было дано английскому послу, который ревниво следил за всеми успехами русского флота.

Русские корабли плавали по Каспийскому морю с 17-го века. Первые карты Каспийского моря составила экспедиция Ван-Вердена и Ф. И. Сойmонова в 1719-1720 годах. Капитан 2-го ранга Войнович, командовавший эскадрой на Каспийском море в 1781-82 годах составил подробные карты, промеры и описание берегов. Обследуя острова у Апшеронского полуострова, он обнаружил и описал существующие в этом районе подводные нефтяные источники.

Вышеприведенные исторические данные указывают на стремление правительства скрыть истинное назначение медалей, давая различные объяснения цели их чеканки, что ускользнуло от внимания русских и иностранных нумизматов.

В редкой книге: «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю, Восточному океану, в продолжении осьми лет, при Географической и Астрономической морской Экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год», СПб, 1802, описана медаль и приведен указ «Нашей адмиралтейств коллегии», подписанный Екатериною II 8 августа 1785 года в Царском Селе. В параграфе 10-м сказано: «... отпуск новоделаемых медалей тойнам или страшинам, или лучшим и почетным из числа жителей дать сделанные на таковой случай медали, что носили на шее в знак всегдашней к ним дружбы России...»

Сарычев описывает медаль таким образом: «... на сих медалях имелось: с одной стороны изображение Ея Императорского Величества, а на другой — судна «Слава России» и носилась она на шее, на цепочке...»

По приказу Императрицы на Петербургском Монетном дворе для экспедиции были отчеканены медные, серебряные и золотые медали для раздачи вождям племен вновь открытых земель и островов. Медали диаметром 52 мм., на лицевой стороне поясной портрет Екатерины II, вправо обращенный, по кругу надпись: ЕКАТЕРИНА II IМПЕР. И САМОД. ВСЕРОСС.; внизу — «выр. 1785

(1) An account of a geographical and astronomical expedition to the Northern parts of Russia, by Martin Sauer. London, 1802.

(2) Naval Medals. Marquess of Milford Haven. London 1928. Vol. II, 116.

г. Тимофей Иванов». На оборотной стороне — идущее вправо (т. е. на восток) под полными парусами трехмачтовое военное судно, под Андреевским флагом. Сверху надпись: СЛАВА РОССИИ. В обрезе, ниже корабля, инициалы резчика — П. Б. Главный корабль экспедиции, построенный в Охотске, носил такое название.

По мысли Г. И. Шелихова, основателя русских колоний в Америке, предполагалась постройка столицы Русской Америки — города Славороссия. Такой город был создан продолжателем дела Шелихова — А. А. Барановым в 1804 году на острове Ситха (иначе «остров Баранова»). Но Баранов назвал его Ново-Архангельском, а не Славороссией, как того хотел Шелихов.

На острове Св. Матвея был назван экспедицией «Мыс Слава России», сохранивший свое название до сих пор — « Glory of Russia ». На юге Кенайского полуострова около Якутата была построена в 1795 году крепость «Слава России», потом переименованная в «Новороссию».

***

Таким образом, этим сообщением еще одна медаль добавилась к числу перечисленных в № 31-м «Военно-Исторического Вестника» в статье «Нумизматические памятники Русской Америки».

Несколько нумизматических памятников семилетней войны

В. Г. фон Рихтер

Лондонская нумизматическая фирма «Болдвин», скопившая сотни тысяч монет и медалей за свое долгое существование, была дважды разгромлена немецкими бомбами. Как-то, в 1944 году я перебирал эту тьму кромешную серебряных и медных кружочков, сваленную в десятки грязных ящиков, и между прочим, наткнулся на продырявленную, заржавевшую медальку, очаровавшую меня надписью: « Fridrich, der grosse Held, hat die **Russen** geiaget aus dem Feld bey Custrin, Aug. 25 1758 ». (описана ниже под № 7). Как только обстоятельства позволили, я задал вопрос одному старому гамбургскому знакомцу, торговцу медалями, известны ли ему медали в память побед над русскими в Семилетнюю войну. Он ответил: «Таких медалей у меня нет и я сомневаюсь в их существовании...» Ободренный, я настойчиво продолжал пополнять эту серию. В данном этюде я описываю только ту небольшую часть серии, которая является несомненной «Россика», т. е. медали, в надписях или изображениях которых, встречается что-либо непосредственно относящееся к русской истории.

А. Русские медали.

№ 1. Медаль (их две, с разными оборотными сторонами) в честь фельдцейхмейстера гр. Петра Шувалова (оригинальная, работы Дассье, а не копия, описанная в каталоге Смирнова; серебряная). На ее лицевой стороне — бюст Шувалова влево, в парике, латах, с орд. св. Андрея Первозванного. Надпись: « PETRUS COMES DE SCHUWALOW » (внизу: « DASSIER »). На оборот. стор.: гений вой-

ны, с копьем в правой руке, сидя на мортире, положил левую руку на дуло «шуваловского единорога», вокруг — воинские аттрибуты; надпись: «TOGA SAGOQUE. MDCCLVIII.» Диаметр: 56 мм. Гр. Петр Иванович был родственником Ивана Ивановича Шувалова (фаворита Императрицы Елисаветы, предполагаемого отца княжны Елисаветы Таракановой, которую он посетил в Италии); его любимым детищем была артиллерия, о действиях которой в рассматриваемую эпоху, Керсновский («История русской армии») говорит: «она была многочисленна и стреляла превосходно...» С точки зрения медалистики надо упомянуть о следующем забавном эпизоде: на медали 1855 г. в память столетия Московского университета, по ошибке изображен фельдцейхмейстер, а не его родственник, Иван Иванович, учредитель и куратор этого университета.

№ 2. Наградная, для ношения нижним чинам,

серебряная медаль аз победу при Франкфурте на Одере (Куннерсдорф). Лиц. ст.: бюст И-цы Елисаветы вправо. По окружности надпись: «Б. М. ЕЛИСАВЕТЪ I — IМПЕРАТ. IСАМОД. ВСЕРОСС.», (под изображением) — «ТИМОФЕЙ I. F.». Обор. ст.: изображение античного воина, с российским знаменем в левой и копьем в правой руках, переходящего р. Одер, аллегорически представленную опрокинутой урной с текущей водой и надписью — «р. Одер». На поле брани — трупы бойцов, оружие и знамена с монограммой: «F R», вдали укрепления Франкфурта. Надписи, по верху: «ПОБЕДИТЕЛЮ» (под обрезом) «НАДЪ ПРУССАКАМИ. АВГ. 1 Д. 1759». Слева над обрезом: «Т. I». Диам. 39 мм. Это отличие выдавалось, как медаль для ношения (т. е. с ушком) и как «наградной рубль» (без ушка, нестроевым?). И потому, эта не особенно редкая медаль часто встречается с припаянным ушком. У моего же экземпляра ушко (со следами долгого ношения) сделано следующим образом: вверху медали, в гурте, просверлено отверстие, в которое впаян один конец толстой серебряной проволоки, а другой конец завернут, образуя ушко. (Первой наградной медалью, вычеканенной одновременно с ушком, является отличие за Чесменский морской бой 1770 г., и я имел их два экземпляра). Изображенный на обор. стор. Куннерсдорфской медали воин олицетворяет главнокомандующего гр. Салтыкова — «Победителя над пруссаками». Это отличие было посвящено ему и он получил его (одновременно с фельдмаршальским жезлом) в золоте, осыпанном бриллиантами; разданные же нижним чинам, чеканились на тех же штемпелях, но в серебре и носились на голубой (Андреевской) ленте .

№ 3. Настольная серебряная медаль, работы Вехтера, в память канцлера гр. Бестужева-Рюмина, руководившего политикой России последние 16 лет царствования И-цы Елисаветы. Строго придерживаясь «системя Петра Великого», преклоняясь перед Австрией и наневидя Пруссию, он пережил семь царствований и успел испытать все прихоти судьбы — от высшей государственной должности до смертного приговора. Посвященные ему три медали редки; их штемпеля в архиве Петербургского Монетного двора не сохранились и маститый Ю. Б. Иверсен посвятил этим медалям специальное исследование.

№ 4. Одна из пяти разных медалей, выбитых на кончину И-цы Елисаветы, работы Скотта. С ее смертью закончилась война между Россией и Пруссией, и Фридрих Великий мог откровенно сознаться, что он спасен. На русский престол взошел Голштинский принц: в его честь Россия не чеканила медалей, но зато в Берлине была выбита медаль 1762 г. в память заключенного союза меж-

ду королем Фридрихом и его поклонником — И-ром Петром III-м. На лицевой стор. — бюст И-цы вправо; по окружности надпись: «Б. М. ЕЛИСАВЕТЪ ІМПЕРАТ. І САМОДЕР. ВСЕРОСС.» (под изображением: « B. SCOTT. F. ». На оборот. стор.: олицетворенный женщиной, с лучезарным звездным венцов — Дух Императрицы, возносясь на облаке ввысь, выпавшим из рук скипетром, указывает на щит с вензелем (монограмма из букв « P » и « F ») воцарившегося Императора Петра III, находящийся слева на пьедестале; справа внизу — двое плачущих детей, стоящих близ щита с российским гербом. Надпись по верху: «ВЪ НЕМЪ НАЙДЕШЪ И МЕНЯ И ДЕДА». Под обрезом: «РОДИЛАСЬ ДЕК. 18 ЧИС. 1709 ПРЕСТ. Д. 25 Ч. 1761 Г.». Серебряная, диаметр — 42 мм.

Б. «Россика»

№ 5. Медаль в память побед Фридриха Великого 1757 г., настольная. Лиц. стор.: бюст короля

Фридриха вправо, в лавровом венке и латах. По окружности надпись: « FREDERICUS. BORUSSORUM. REX ». На обрезе плеча « G » (работы Георги). Оборотн. стор. — изображение Геркулеса (олицетворяющего короля), замахивающегося палицей на поверженного на землю четырехрукого (коалиция четырех союзников: России, Австрии, Франции и Швеции) мохнатого дьявола, тоже отбивающегося палицей; сзади — опрокинутая урна, по земле — разбросаны корона, цепь, ордена, ключи и пр.; справа распустившийся цветок, сзади — укрепленный город. Надписи: по верху — » NEC PLURIBUS IMPAR. ». (Под обрезом): « GALL. AUSTR. RUSS. ET SUEC. UNDIQUE. PROFLIGATIS. MDCCLVII. » Диаметр — 41 мм. Эта медаль, а также №№ 8, 9, 10, 11 и 12 — прусской фабрикации; №№ 6 и 7 — английской чеканки. Англия, союзница Пруссии, поддерживала ее не только из-за политических причин, но и из-за религиозных; на одной из моих медалей английской чеканки надпись гласит: « Protestant-Defender. 1757 ».

№ 6. В память побед Фридриха Велик. 1757 г., медаль настольная. Лиц. стор. — конная фигура короля вправо. По окружн. надпись: « THE. MOST

HEROIC. G. F. III. K. OF PRUSSIA » (под обрезом): « WHO CONQ-^D THE AUSTRIANS — RUSSIANS FRENCH IMPERIALISTS A SVEDES. » На оборот. стор. — изображение богини Правосудия, попирающей ногою поверженного на землю дьявола, со змеею в правой руке и прикованного к ядру левою. По окруж. надпись: « SPARES THE HUMBLE & SUBDUES THE PROUD. 1757. » (т. е. «Оберегает приниженных и подчиняет гордых»); опять религиозная тема: «оберегаются» протестанты в католических Франции и Австрии и «подчиняются» гордые католики. Примечательная ошибка на лицев. стор.: « G. F. III » т. е. « Great Frederick III » (sic !).

№ 7. В память побед Фридриха Велик. над русскими при Кюстрине (Цорндорфе) 1758 г. — настольная. Лицев. стор. — Конная фигура короля

влево; справа латники фон-Зейдлица преследуют уходящую влево русскую конницу; на заднем плане — крепость Кюстрин. По окруж. надпись: « FRIDRICH DER GROSSE HELD. AUG. 25 1758 ». На оборотн. стор. — изображение того же кавалерийского боя на фоне Кюстрина в дыму; над крепостью цифра «53.000» (хотя русских было там 42.000). Надписи по окружн.: « HAT DIE RUSSEN GEIAGET AUS DEM FELD BEY CUSTRIN. » Диаметр — 41 мм.

№ 8. В память освобождения Кюстрина и Цорндорфа от русских в 1758 гь; серебряная, настольная, работы M. HOLTZHEY (отца). Лиц. стор. — бюст Фридриха Вел. вправо, в лавровом венке и латах. Оборот. стор.: изображение сложной «зоологической» сцены; на фоне обезглавленных деревьев, в центре, стоит лев (олицетворяющий Пруссию) с высоко поднятым, закрученным длинным хвостом; в его пасти «русская» собака, вокруг сво-

ра яростно нападающих псов, заклейменных геральдическими знаками; справа — борзая с клеймом из двуглавого орла (Австрия); ближе к зрителю — дворняжка с восьмиконечным крестом (Лотарингия); левее — пуделек с лилией (Франция); слева — сзади — положив передние ноги на «Саксонию» (клеймо из перекрещенных мечей), стоит «Швеция» (собачка с клеймом «короной»). Надписи по окружности: « NEC QUANTITATE NEC QUALITATE VINCENDUS ». Под обрезом: « PRALE PROPE ZORNDORFIUM ET CUSTRINO RUSS. OBSID LIBERATO XXV AUG. MDCCLIIX ». Справа на обрезе: «H». Диаметр — 49 мм.

№ 9. В память побед Фридриха Велик. 1758 г., настольная, работы Георги. Лицев. стор. — тождественна с лицев. стор. вышеописанной медали

№ 5. Оборт. стор. исполнена со штемпеля, похожего на таковой оборот. стор. медали № 5, но дата: «MDCCLVIII». Диаметр — 41 мм.

№ 10. В память побед Фридриха Велик. 1758 г., и сатира на И-цу Австрийскую Марию-Терезию.

настольная. Лицев. стор. — конное изображение Фридриха Велик. влево, попирающего ногами коня поверженного на землю четерехрукого дьявола (налогичного с изображением на оборот. стор. медалей № 5 и № 9), на заднем фоне палаточный лагерь. Надпись: « FREDERICUS BORUSSORUM REX 1858 ». Оборот. стор. — изображение горько плачущей женщины, облокотившейся левой рукой на «пустой» щит (герб отсутствует); с ее головы сваливается корона; сзади — поле и вид города. Надпись по верху: » REGINA INGRATA ». Диаметр 43 мм.

№ 11. На кончину Фридриха Велик., настольная, серебряная, работы J. G. HOLTZHEY (сына). Эта исключительно удачная медаль, как и выше-

описанная под № 8, описаны в роскошном немецком издании 1901 г. по заглавием: « Schaumünzen des Hauses Hohenzollern ». На лицев. стор. превосходно исполненный бюст Старого Фрица, короля — философа в знаменитой треуголке, парадном кафтане, при звезде и ленте. Надпись по окружности: « FRID. INCOMPARABILIS DEI GRATIA REX BORUSSORUM etc... » ; на обрезе плеча: « J. G. H. ». На оборт. стор. сложная композиция из воинских, художественных и научных аттрибутов. Надпись по верху: « RESTABAD ALIUD NIHIL », (под обрезом) — « NATUS XXIV JAN. MDCCXII. DENATUS XVII AUGUST MDCCLXXXVI ». Среди изображенных трофеев — штандарт с цифрой «XIII», числа одержанных побед. Диам. 45 мм.

№ 12. На кончину Фридриха Великого; настольная, серебряная, работы « LOOS », родоначальника серии берлинских резчиков медалей. Ли-

цев. стор. — вправо, обращенное погрудное изображение Фридриха Велик. в железной короне. По окружн. — надпись: « FRIDLRICUS II BOROSSORUM REX TERRIS DATUS d. XXIV JAN. MDCCXII »; на обрезе шеи: « LOOS ». На оборотн. стороне изображена коленопреклоненная, коронованная «Пруссия» перед возжженным жертвенником, на котором изображен одноглавый орел. Слева и справа надпись: « SIS BONNIS O FELIXQUE TUIS и под обрезом: « CAELO REDDITUS D. XVII AUGUST. MDCCLXXXVI ». Диам. — 42 мм.

Столь просвещенный покровитель художеств, как Фридрих Великий оставался равнодушен к медалям. Когда ему навязали неудачливого медальера Георги, он сказал: « Er kann das machen wie Er will !! ». В письме же к Вольтеру в 1772 году он писал: « Vous savez que ne me faisant jamais peindre, ni mes portraits ni mes médailles ne me ressemblent. Je suis vieux, cassé, goutteux, suranné, mais toujours gai et de bonne humeur. D'ailleurs les médailles attestent plutôt les époques qu'elles ne sont fidèles aux ressemblances. »

Джигитовка в Михайловском манеже

Ген. В. И. Фарафонов

В первый же год службы моей Лейб-Гвардии в Казачьем Его Величества полку на меня было возложено заведование джигитами всего полка, выбранными из лучших казаков-джигитов в сотнях. Эта команда показывала свое искусство в Михайловском манеже на конских состязаниях петербургского гарнизона при громадном стечении публики, в присутствии членов Императорской фамилии, высшего начальства и избранного петербургского общества. Здесь надо было представляться во всем своем блеске и лихости и стараться лучшему джигиту взять золотые часы с золотой цепочкой, с двуглявым орлом на крышке и выгравированной надписью — «Приз за джигитовку». Право ношения цепочки на груди объявлялось в приказе по полку. Приз этот оспаривался достойными соперниками нашей гвардейской бригады, — Л.-Гв. Атаманским и Л.-Гв. Сводно-Казачьим полками.

Итак, три полка стали деятельно готовиться, чтобы во взаимном соревновании взять в полк золотые часы. Повел я своих молодцов на репетицию в Михайловский манеж, где мы встретились со своими соперниками; никто из нас не показывал чужому полку своего полного искусства. Джигиты только приноравливаются, делают «проскачку» вдоль манежа, проделывают без напряжения свой номер, присматриваются, приглядываются. Коронный номер, на котором можно заработать золотые часы это — «вертушка». Опытным взором мы приметили, что в Атаманском полку трубач, легко и шутя, проскакав только половину манежа, делает три «вертушки». По нашему расчету этот казак на дистанцию всего манежа должен бы сделать семь «вертушек», а у нас, Лейб-Казаков, на такой же дистанции на полковом дворе казак Ноздрин может делать только шесть. Больше «вертушек» Ноздрин делать не может из-за резвости своего коня. Он уже третий год подряд берет первый бригадный приз — золотые часы с цепочкой, в Царском Селе, в присутствии Государя Императора.

Мои казаки загрустили: вырвут в этом году у нас приз! Что делать?

— Ваше высокоблагородие, чем бы нам перебить? Все перебрали! Какой номер придумать?

— Есть, братцы, номер очень опасный. Это — на карьере пролезть под брюхом коня. Это рискованно, так как можно получить удар задним копытом в голову, а если конь упадет, то и кости все переломает.

— Я пролезу, но как это?, — не задумываясь, сказал приказный Ревин.

И вот, мы стали тайно готовить этот номер. Приходили после вечерней переклички на конюшню, и как заговорщики, работали там над конем Ревина. Сначала подвязывали мешок с сеном под брюхо коня, причем понадобилось много терпения, чтобы конь начал спокойно скакать с таким мешком. Потом стали приучать и самого Ревина, хорошего гимнаста. Надо было сделать приспособление, чтобы ноги Ревина при спускании с седла не падали на землю, иначе они непременно были бы перебиты. Для ног надо было сделать поддержку, приспособить круговую петлю. Привлекли к делу полковых шорников, сделали по ремню под животом коня. Все шло гладко. Раза два Ревина «чирикнуло» на карьере копытом по голове до крови, но он от своего номера не хотел отказываться и делал его мастерски. Как заговорщики сохраняли мы нашу тайну и смеялись, веря теперь в нашу победу.

Завтра состязание. Я приказал не упражняться в канун дня джигитовки, — надо набраться сил. Стал волноваться сам. Получил вечером приказание явиться немедленно на квартиру командира полка, генерал-майора Родинова. Невольно задал себе вопрос, — что такое случилось? Командир полка встречает словами:

— Какой номер к завтрашней джигитовке вы приготовили?

— Это секрет джигитов, ваше превосходительство.

— Какой может быть у вас секрет от вашего командира полка? Верно ли, что будет номер пролезания под животом коня!?

— Так точно, ваше превосходительство...

— Потрудитесь этого не делать, тем более, что завтра будет присутствовать Великий Князь Николай Николаевич!

— Но тогда мы, Лейб-Казаки, не возьмем золотые часы...

В охватившем меня горе моя собственная жизнь стала мне не мила. Пошел я к своим джигитам, рассказал все. Казаки с грустью поникли головами и говорят: «Ваше высокоблагородие, тогда пропали наши лейб-казачьи часы и все наши труды...» На глазах у них навернулись слезы. Я не выдержал и говорю: — Делай свой номер, Ревин!

— Да вам же за это, — месяц ареста...

— Ради славы полка и ради вас, — отсижу...

Казаки сразу повеселели, покачивали головами, рассуждая о моем предполагаемом аресте. Спали ночь скверно.

Вот, на следующий день, мы и в манеже. Идет состязание на препятствиях. Народу — тысячи... В главной ложе Великий Князь и все начальство. Временно я отвлекаюсь от своих джигитов, так как сам сейчас выступаю в офицерских состязаниях по рубке. Манеж весь заставлен лозой, глиняными

пирамидами, туго сплетенными соломенными жгутами, висящей на проволоке картошкой, маленькими дисками, стоящей на земле маленькой головы сирены. Рубка с прыжками на барьере, рубить надо налево и направо двадцать различных предметов. Все участвующие в состязаниях офицеры в полной походной форме. В программе напечатано, что я иду вне конкурса, так как имею уже призы в таких-то годах, а потому я должен рубить в полтора раза больше других. Я перекрестился...

Растворившиеся двери выпустили меня на арену. Мои казаки побежали смотреть мой номер. Поскакал. Слышно пофыркиванье моего жеребца, да стальной звук клинка при рубке. Последний укол головы сирены... Я резко склонился на правую сторону, публика ахнула, думая, что падаю, но голова сирены уже на острие шашки, а всадник, — в седле. В манеже взрыв аплодисментов. Казаки бегут ко мне, хлопают по шее моего жеребца: «Дюже здорово! Мы все глядели, — ни одного промаха...» Короткий промежуток, затем звонок в предманежнике. Из председательской ложи сообщают, что за мной первый приз и мне надо выехать в манеж. Проскакиваю кругом под гром аплодисментов. Казаки мои ликуют.

Теперь казачья джигитовка. Для публики это самое интересное состязание. Сильно стало биться сердце, — страшный, запрещенный номер! Вышел я в манеж и командую: «Горячев, — перелеты, пошел! Затямин, — уральский прыжок, пошел! Ноздрин, — вертушка, пошел! Ревин, пошел!» Впился в него глазами. Смотрю, разгорячился казак, забыл предупреждение о плавности движений, резко нырнул под брюхо скачущего коня... Споткнулся конь... Сердце мое замерло. Вскрикнула публика. Но устоял донской конь, — спас жизнь своему хозяину! Середина манежа, вот главная ложа, а Ревин уже в седле и отдает честь Великому Князю. Снова аплодисменты. Наш конкурент, трубач Атаманец, сделал семь «вертушек».

Состязание окончено. Кому приз? Неужели же напрасно сидеть под арестом? Звонят в предманежник, зовут меня и приказного Ревина в главную ложу к Великому Князю. Около Великого Князя стоит мой командир полка, лицо суровое. Я с самого утра избегал с ним встречи, чтобы не спросил о джигитовке. Представляю приказного Ревина. Великий Князь протягивает мне руку и благодарит за прекрасную подготовку джигитов и, обращаясь к Ревину, говорит: «А ты, за свой отличный номер, получай золотые часы!»

Все казаки-джигиты получили по три рубля. Командир полка отошел в сторону. Я теперь подошел к нему поздороваться и получить обещанную «награду», но я услыхал: «После того как Великий Князь поблагодарил вас за подготовку джигитов, я не могу посадить вас под арест...» Пошел я к своим казакам поздравить Ревина, а в лице его и всех, с призом. Казаки же стоят, как провинившиеся и не радуются победе Ревина, стоявшего уже с золотой цепочкой на груди. Первый их вопрос был, — что сказал командир полка о моем аресте? Не успел я досказать, как был поднят на руки с криком ура.

В Добровольческой армии

(Из воспоминаний)

П. Н. Шатилов

(Продолжение)

О назначении генерала Врангеля на Манычский фронт я узнал на следующий день, 2 мая. Тогда же я был уведомлен о подходе к Бараниковской корпуса генерала Покровского и астраханцев. В этот же день к обеду в Новоманычское прибыли генералы Врангель и Покровский. Там собрались еще генералы Зыков, Гревс и я. Ознакомив генерала Врангеля с общей обстановкой на нашем фронте, я доложил ему также о моих двух предшествовавших переправах. Не упустил я случая ему сообщить о быстрой переправе батареи без всякой посторонней помощи. Я предложил повторить прежний маневр, то есть переправить с конницей лишь небольшую часть орудий и пулеметов, а остальные притянуть уже после овладения Бараниковской переправы. Но Врангель предпочел более осторожный план. Он наметил для переправы более отдаленный от Бараниковской участок Маныча и пожелал перевести с конницей всю артиллерию и все пулеметные команды. Для облегчения же переправы он приказал заготовить сбитые из деревянных заборов щиты, по которым, уложив их на дно, и переводить пушки и пулеметные двуколки. Все собравшиеся начальники были очень рады иметь Врангеля во главе нашей конной группы. Сам Врангель был также, видимо, очень доволен вступить в командование большой массой конницы.

С прибытием генерала Врангеля началась подготовка к новой переправе через Маныч. Бараниковская лишилась всех своих заборов. Все они пошли на заготовку щитов, которые начали свозить по ночам к месту будущей переправы. Эти щиты укладывались на дно реки покрытое до полутора аршина липкой грязью. Полки проверяли ковку, седловку, осматривали и смазывали ручное оружие, винтовки и пулеметы.

С подходом корпуса генерала Покровского я навестил 2-й Черноморский полк, большая часть которого состояла из моих бывших казаков 1-го Черноморского полка, которым я командовал на Кавказском фронте. Я с ними радостно встретился и взял к себе моего бывшего вестового. Мне привели одну из моих лошадей, которых я отправил в свое время с полком на Кубань.

4 мая генерал Врангель нам сообшил о блестящей победе генерала Улагая, действовавшего в 125 верстах восточнее нас. Он совершенно разгромил стоявшую против него группу красных и при встрече с шестью полками конницы Думенко, которые считались лучшими, разбил их в конной встрече, захватив всю их артиллерию. Эти атаки Улагая выявили его как выдающегося кавалерийского начальника. Они протекали в условиях специфического кавалерийского столкновения двух масс конницы по шести полков каждая. Это было кавалерийское столкновение, уже не повторившееся ни разу в Гражданскую войну, когда обе стороны приняли атаку и когда успех одной стороны был решен непосредственным столкновением и ударом холодного оружия. По свидетельству участников этого боя генерал Улагай посреди своих полков сам направлял их на несущиеся эскадроны Думенко. Все держалось на нем, он руководил всеми. В этом он проявил исключительный блеск своего умения вести полки в конный бой.

С вечера в этот же день началась переправа через Маныч. Сначала перешли разведывательные сотни, а на рассвете 5 мая начали переправу наши корпуса. подошедшие ночью. К полудню оба наши корпуса были уже на том берегу. В Бараниковской я оставил Горскую дивизию Гревса. Моя группа, в составе 1-й Конной дивизии и бригады генерала Фостикова, который сменил генерала Говорушенко только что назначенного начальником дивизии в корпусе Улагая, наступала левым берегом Маныча. Генерал Покровский наступал по обе стороны большой дороги на Великокняжескую. В резерве у генерала Врангеля оставалось три полка конницы генерала Зыкова. Подходя с востока к Бараниковской переправе, я атаковал своими шестью полками красных, построившихся на этот раз фронтом на восток. Лихим ударом мои кубанцы сбили красных перед Бараниковской и ко мне после этого присоединился со своими горцами генерал Гревс, перейдя Маныч уже по освобожденной переправе.

Перед генералом Покровским противник спешно отходил в направлении на Великокняжескую. Ночь нас застала на высоте Бараниковской. На следующий день мы продолжали наступление, вернее, возобновляли свои конные атаки, направляя их то в одну, то в другую сторону. Бои велись в том же самом районе, в котором я действовал при моих двух прежних переправах, с тою только разницей, что, где ранее действовала бригада, теперь атаковывал корпус, вместо генерала Говорушенко оказался генерал Покровский и вместо полковника Тутова атаковал мой корпус; вместо же горцев Гревса в резерве оказалась такая же неподготовленная к активным действиям бригада астраханцев генерала Зыкова. Но импульсивность и настойчивость генерала Врангеля чувствовались повсюду. Не успевали мы покончить с одной группой красных, как летело приказание Врангеля атаковать другую группу.

Как и при прошлых моих переправах, наибольшая тяжесть боев легла на левый наш фланг, то есть на полки 1-й Конной дивизии. Зато нам достались и большие трофеи — орудия, пленные, пулеметы. С полудня появились наши аэропланы. Они производили разведки тылов красных и бросали бомбы на их скопления. К вечеру обстановка для нас стала труднее. Три полка генерала Зыкова были высланы Врангелем обезпечить правый фланг Покровского, который успешно продвигался в промежутке между Великокняжеской и Эльмутом. Но Зыкову пришлось столкнуться с конницей Думенко, прибывшего, после его разгрома Улагаем, на Великокняжеский фронт. Думенко атаковал в конном строю генерала Зыкова, бывшего на много слабее его. Астраханцы и черкесы не выдержали удара и стали откатываться назад. Генерал Врангель, получивший об этом донесение от раненного генерала Зыкова, сел в автомобиль и быстро полетел к генералу Покровскому, чтобы повернуть его корпус на Думенко. Изменение направления корпуса Покровского остановило движение конницы Думенко по нашим тылам. Но Думенко, видимо не забывший своего разгрома кубанцами Улагая, удара не принял и отошел назад.

В это самое время я атаковал снова в направлении на Великокняжескую, причем мои полки захватили почти целиком два большевистских полка и батарею. Выбытие бригады Зыкова оставило генерала Врангеля без резерва. По его просьбе генерал Деникин направил в помощь ему Атаманскую донскую бригаду и до ее прибытия генерал Врангель воздержался от нанесения большевикам в этот день конечного удара. Наступил вечер и мы остались на занимаемых нами участках.

Уже которую ночь мне приходилось проводить без сна. Генерал Георгиевич все еще был очень слаб и я его по ночам не тревожил; приходилось за него выполнять обязанности начальника штаба. На утро пришли Атаманцы и мы перешли в наступление. На этот раз обстановка у генерала Покровского была тяжелее моей. Против него стояла конница Думенко и подведенные части красных снятые с нижнего Маныча. Основные же дивизии 10-й армии стоявшие передо мною уже были сильно мною потрепаны за все время трех переправ за Маныч. Около полудня, когда было обнаружено движение новых частей на поддержку красных стоявших против меня, я вновь атаковал большевиков, опрокинул их и подошел к Великокняжеской на три-четыре версты. В предвидении последнего решительного удара я направил Горскую дивизию Гревса, которую держал все время в резерве, за место разлива Маныча и приказал ей двигаться между этим разливом и основным руслом реки на Великокняжескую для

прикрытия моего левого фланга, отошедшего уже на много верст от основного русла.

К вечеру ко мне подъехал генерал Врангель. Перед этим, он выслал воздушную разведку на Великокняжескую причем приказал самолету снизиться по окончании разведки у моей стоянки, где летчику будут сигнализировать маханием георгиевского значка командующего. Между тем, генерал Покровский задерживался со своим наступлением и не мог, поэтому, использовать замешательства в рядах красных, произведенного бомбометанием нашей эскадрильи. Генерал Врангель прибыл ко мне от генерала Покровского и сообщил мне, что весь успех нашей операции будет зависеть от решительности моей атаки, направленной прямо на Великокняжескую.

Я уже собрал около себя все мои шесть полков и построил их в резервном порядке, имея впереди две свои батареи. Как раз в это время снизился у самой нашей стоянки самолет. По его денесению красные рыли окопы к северу от Великокняжеской, фронтом на нас и выставили большое количество орудий. Летчик довольно точно определил крайний левый фланг позиции красных. Но для моей атаки объектом не мог служить весь советский фронт, так как я намерен был вести полки сомкнутыми строями, общий фронт которых не мог охватить всю большевистскую позицию. Направление атаки я наметил на северную оконечность Великокняжеской. Генерал Врангель мне приказал развернуть штандарты и собрать трубачей. Было уже около пяти часов вечера. Светлого времени оставалось не много. Надо было торопиться.

Распростившись с генералом Врангелем, я стал строить свой боевой порядок. Две сотни были высланы вперед, чтобы прикрывать мои батареи, которые двигались уже быстрыми аллюрами и готовились сняться на открытых позициях возможно далее впереди. Затем я приказал 1-й Конной дивизии построить боевой порядок в линии колонн, выслав один полк уступом назад для прикрытия левого фланга. Бригаду генерала Фостикова я развернул во второй линии уступом справа. Когда было закончено построение боевого порядка, скрытое от противника складками местности, наши батареи уже открыли огонь.

По моему сигналу все шесть полков пошли сперва рысью, а затем перешли на галоп. Я пошел впереди генерала Фостикова. Оглянувшись назад, я увидел генерала Врангеля тихо следовавшего к Бараниковской переправе. Когда я его потом спросил, почему он не дождался результата атаки, он мне ответил, что ему достаточно было видеть боевой порядок, места начальников и принятые строи, чтобы знать, что Великокняжеская уже в наших руках.

Как только полки вышли из-за скрывавшей их складки местности, артиллерия красных открыла сильный огонь. Такого огня мне не приходилось испытывать давно, со времени галицийских боев. При этом меткость стрельбы была необычайной. Сплошь и рядом шрапнели рвались над самыми нашими строями, выводя из него не мало людей и лошадей. Но мы шли безостановочно, все время увеличивая аллюр. Большевики не выдержали нашей атаки и побежали. Скоро и их артиллерия прекратила огонь. Все, что было впереди нас у Великокняжеской и к северу, бросило свои позиции. Целые батареи оставлялись со своими запряжками. Лишь наступившая скоро темнота не позволила захватить всех рассыпавшихся красных. Но и нам было не легко собрать свои части, увлеченные преследованием.

Лишь на рассвете я мог дать себе отчет о результате нашей атаки и собрать свои полки. Между тем, наступление корпуса генерала Покровского встретило большие затруднения. Вечером он столкнулся с конницей Думенко и значительными частями пехоты, причем его левофланговые части понесли большие потери. Но большевики не использовали этих затруднений Покровского. Результаты атаки моих полков вырвали из сознания «товарища» Егорова возможность дальнейшего сопротивления и он принужден был признать себя разбитым. Вместе с разгромленными частями ночью стал отходить и Думенко и те части большевиков, которые действовали против генерала Покровского, перешедшего на рассвете в наступление на Эльмут.

Прибыв в Великокняжескую, я поручил своему начальнику штаба генералу Георгиевичу собрать здесь все полки дивизии. Сам же я немедленно улегся спать. Я не спал уже, кажется, восемь ночей. Заснул я как убитый. Скоро к моему штабу приехал генерал Врангель. Узнав, что я сплю, он выслушал доклад Георгиевича и не приказал меня будить. Но на обратном пути он встретил главнокомандующего, с которым вернулся обратно в мой штаб. На этот раз меня разбудили. Вышел я к генералу Деникину совсем сонный, с сильно обгоревшим носом. Я боялся, что он мог подумать о том, что я не отказываю себе в излишестве употребления спиртных напитков, к которым я был всю жизнь более чем равнодушен. Поблагодарив меня за работу моих частей, генерал Деникин поздравил меня с чином генерал-лейтенанта и назначил командиром корпуса постоянного состава. Затем генерал Врангель мне сообщил, что мой корпус остается пока в резерве и что я могу продолжать свой отдых. Я проспал целые сутки.

Царицынская операция

После взятия Великокняжеской, организации соединений воинских частей, действовавших на Манычском фронте, был дан нормальный вид. Войска эти образовали Кавказскую армию, во главе которой был поставлен генерал Врангель. Генерал Улагай был назначен командиром корпуса с подчинением ему, находившихся в его отряде, двух Кубанских дивизий и Пластунской бригады; генерал Покровский сохранил в своем корпусе Кубанскую и Терскую дивизии и мне были подчинены 1-я Конная и Горская дивизии, а затем и прибывшая ко мне Кубанская Пластунская бригада. Временно у генерала Врангеля находились еще в под-

чинении Сводно-Донской корпус и Атаманская бригада. Это была штатная организация, но с первого же дня она была нарушена.

Так как большивики находились еще в низовьях р. Сала, то генерал Врангель направил Сводный корпус Донской армии на станицу Марьинскую с тем, чтобы овладев течением Дона в этом пункте, перейти Дон и поступить в распоряжение Донской армии. Вместе с тем, другому сводному корпусу под командой генерала Гревса с Горской дивизией и бригадою Атаманцев было приказано опрокинуть красных, находившихся за Салом, западнее железной дороги. После этой операции ген. Гревс должен был отпустить в состав Донской армии Атаманские полки. Мне была подчинена на время Астраханская дивизия. Генералу Покровскому приказывалось преследовать красных, отходивших вдоль железной дороги. Генералу Улагаю, — действовать по тылам противника, отходившего перед корпусом ген. Покровского, оставив заслон к востоку за Салом. Мой корпус составлял резерв командующего армией. После горячего боя 12 мая у Сала соединенными усилиями генералов Покровского и Улагая Сал был форсирован и красные стали откатываться далее на север.

После овладения линией Сала ген. Врангель, усилив ген. Улагая 6-й пехотной дивизией, Астраханцами и одной бригадою ген. Покровского, отправил его преследовать красных, отходивших от Сала. Ген. Покровский наступал между Доном и железной дорогой, а ген. Гревс прикрывал наш фланг слева, двигаясь берегом Дона. Он только что разбил у Красноярского хутора, отходившие берегом Дона, красные части, захватил свыше 20 орудий и большое количество пленных. Горская дивизия, наконец, проявила свою боеспособность. Я, по-прежнему, оставался в резерве с 1-й Конной дивизией и Кубанскими пластунами.

Генерал Улагай 15-го мая занял Котельниково, что на полпути от Великокняжеской до Царицына, а ген. Покровский перешел Аксай 17-го мая ниже Курмоярского и опрокинул большевиков у Верхне-Яблочного. В этот день красные в первый раз проявили свою активность после великокняжеского разгрома. Они перешли в наступление против главных сил ген. Улагая. Большим количеством пехоты и кавалерии они обрушились на шедшую вдоль полотна железной дороги нашу 6-ю пехотную дивизию и почти ее уничтожили. Она потеряла всю свою артиллерию. Ее начальник, ген. Патрикеев, и его штаб, старавшиеся удержать свои части от пагубного отступления, были зарублены

На выручку этой дивизии со своей дивизией пошел ген. Бабиев. Но он так же вынужден был отойти. К месту боя подходил со штабом ген. Улагай. Сразу оценив положение, он собрал случайно находившиеся около него части, в том числе и высланных мною квартирьеров, вернул все потерянные орудия и заставил красных быстро отойти в исходное положение.

Генералы Улагай и Покровский 20-го мая подошли к Есауловскому Аксаю. Ген. Гревс присоединился ко мне. Противник у Есауловского Аксая подготовил хорошие укрепленные позиции, овладеть которыми коннице было трудно. Тут сказались положительные черты военачальника генерала Покровского. Не обладая порывом генерала Улагая, он способен был проявить исключительное упорство и хорошо знал тактику спешенных частей. В то время как ген. Улагай не мог опрокинуть красных с их позиций за Аксаем, ген. Покровский лихо атаковал их комбинированными конными и пешими атаками и опрокинул их с укрепленной линии за рекой. Перейдя немедленно в наступление, он гнал большевиков на протяжении 50 верст, в то время как красные не сдавали своих позиций перед Улагаем. Но встретив свежие части и ослабленный продолжительным преследованием, ген. Покровский должен был отойти к Аксаю. Сопротивление красных стало сильнее. Истомленные большими переходами, при полном отсутствии в проходимом районе селений, не получая уже десять дней хлеба, не имея возможности хоть немного отдохнуть, так как при каждой остановке на ночлег приходилось искать корма лошадям, срывая траву в полях, наши части не могли уже дать того напряжения, какое они давали раньше.

Одна только 1-я Конная дивизия резерва оставалась нетронутой тяготами боев. Генералу Врангелю пришлось ее использовать вместе с Горской дивизией. Обе они составляли мой корпус. Он и направил меня в промежуток между Улагаем и Покровским.

Все три корпуса атаковали Аксай 24 мая. На этот раз противник сдал и мы погнали его перед собой. К вечеру, безостановочно атакуя красных, мои части заняли селение Ивановку на речке Машкова. Ген. Покровский также достиг течения этой реки. Ген. Улагай овладел на железной дороге станцией Гнилоаксайской.

Наши части 26 мая подошли к укрепленной позиции красных за рекой Царица, причем терцы ген. Покровского овладели железнодорожным мостом через Дон у Рычкова. Позиция за рекой Царицей являлась первой заранее укрепленной линией, защищавшей «красный Верден» — Царицын. На следующий день мы отбросили противника от р. Царицы, а 29-го подошли к реке Червленной, которую и перешли с боем. На нашем левом фланге Покровский овладел Карповкой.

В этот день ген. Врангель вызвал к себе ген. Улагая и меня. Он нам изложил всю обстановку так, как она ему представлялась. Он предупредил нас, что на подход обещанных нам технических средств и пехоты в ближайшее время надежды нет. С другой стороны, по его словам, имелись точные данные о безостановочном подходе к Царицыну сильных подкреплений красных. Они шли туда со всех сторон: из-под Астрахани, из центральных губерний России и даже с фронта адмирала Колчака. Одновременно, красные энергично произво-

дили фортификационные работы на подходах к Царицыну. Ожидалось прибытие новых вооруженных судов на пополнение речной флотилии большевиков. От пленных поступали сведения о прибытии на усиление Думенко шести конных полков Жлобы. Учитывая все эти данные, мы согласились на желательность немедленной атаки Царицына с напряжением всех наших сил.

Наши три корпуса 30 мая перешли в наступление. Красные оборонялись с ожесточением, но мы за этот день, все же, продвинулись вперед, причем ген. Улагай подошел к Волге. Там он был встречен сильнейшим огнем судовой артиллерии, вооруженной тяжелыми пушками, что сильно затрудняло движение его корпуса. Это его вынудило доложить ген. Врангелю, что он не считает возможным справиться, при этих условиях, с поставленной ему задачей овладеть Царициным с юга и предложил передать большую часть своих частей мне, чтобы атаковать Царицын с юго-запада, где мой корпус не будет иметь таких затруднении, с какими пришлось встретиться ему.

Произвели необходимую перегруппировку. Ген. Врангель направил меня с четерьми дивизиями и пластунской бригадой на линию Воропаново - Гумрак с целью овладеть ею, а, затем, с этой линии наступать на Царицын. Ген. Покровский обеспечивал мое наступление слева, а ген. Улагай справа.

Я перешел 1 мая в решительное наступление. Фронт красных у реки Яголной был прорван и мои части вышли на железную дорогу. Продолжая атаки пластунами и конницей, я овладел к вечеру станцией Воропаново, куда ко мне прибыл ген. Врангель. С двух сторон от Царицына и от Гумрака на нас были направлены бронепоезда. К вечеру части моей конницы подошли к Гумраку, то есть, почти в тыл у Царицына.

К этому времени ген. Врангель получил донесение ген. Покровского, который сообщал, что значительные силы красных сосредоточиваются на моем левом фланге. Ночью бой затих. Я оставался на станции Воропаново. На следующее утро я продоелжал атаки, но ожидаемого успеха они не имели. Снаряды были на исходе, люди утомлены чрезвычайно, резервов — никаких, потери — громадны. Было ясно, что сил наших недостаточно, что красные оправились после великокняжеского разгрома, что они значительно превосходят нас численностью войск, артиллерией и техническими средствами.

В дни 2 и 3 июня бои стихли, 4-го большевики перешли сами в наступление, потеснив наших пластунов. Конные атаки восстановили положение, но нужных сил для развития успеха у нас недоставало. Ген. Врангель отвел наши корпуса за Червленную.

Когда мой штаб находился в Воропаново, к нам перебежал из Царицына прекрасно одетый красноармеец, заявивший, что он офицер Лейб-Бородинского полка. Он служил в интендантстве 10-й Советской армии и ночью сумел добраться до наших передовых частей. Его привели ко мне и я стал его опрашивать. Как служивший в центральном учреждении, он должен был дать для нас весьма ценные показания. Я тогда стал его расспрашивать о Бородинском полку. Он дал полные сведения. Кое-кого из офицеров этого полка я знал по Юго-Западному фронту и он также их знал. Но когда я спросил его, какое военное училище он окончил, то он мне ответил, что выпущен из Александровского училиша в Петербурге. Оно же находилось в Москве. Затем я стал задавать ему вопросы о прохождении курса в училище и скоро выяснил, что никакого военного училища он не кончил. Уличенный во лжи ,он, в конце концов, сперва сознался, что в Лейб-Бородинском полку он был только писарем, а затем и в том, что выслан к нам советской разведкой. В результате он дал нам ценные сведения, которые нам немало помогли установить силы и расположение красных частей.

После нашего отхода на Червленную, второе наступление ген. Врангеля началось в ночь на 16 июня. На этот раз ген. Врангель решил нанести решительный удар. Еще раньше нам стало известно, что в ближайшие дни к нам прибудут подкрепления: 7-я пехотная дивизия, бронепоезда и шесть танков, которые закончили свою перевозку к 15 июня. Наличие бронепоездов с тяжелыми пушками и танков, имевших свои базы у железной дороги, заставил командующего армией принять объектом для главного удара, своим правым флангом, южный сектор царицынской позиции, чтобы использовать в полной мере приданные нам технические средства. Для наступления вдоль Волги ген. Врангель назначил почти все свои силы — два конные корпуса ген. Улагая и мой, 7-ю пехотную дивизию, танки, бронепоезда и авиацию. Во главе этой группы он поставил генерала Улагая. Корпусу ген. Покровского было приказано обеспечить левый фланг и действовать в охват с севера, наступая через Гумрак.

Перед рассветом мы закончили сосредоточение наших частей. Ген. Улагай подчинил мне оба конных корпуса с приказанием сосредоточить их на запад от железной дороги, у селенья Копани. Правее меня находилась 7-я дивизия и танки. Бронепоезда подошли к самой Волге.

Еще было темно, когда я услышал шум моторов танков, пулеметный огонь красных и стрельбу бронепоездов. Видимо, сильно укрепленная позиция большевиков. была прорвана. Стало светать, а я еще не получил никаких указаний; однако, в приказе ген. Улагая мне указывалось, где я должен был сосредоточить свои корпуса. Не ожидая распоряжений, я решил начать продвигаться вперед. По пути, мы увидали следы прохождения танков, смятые ими проволочные заграждения и значительные группы пленных большевиков. Невольно задерживаясь на только что захваченных нашей пехотной позиции красных, я повел конницу даль-

ше на север, в направление на Воропаново, чтобы содействовать слева 7-й пехотной дивизии в ее движении на Царицын.

В это время ко мне подъехал ген. Вранрель, который приказал мне направить 2-й Конный корпус (ген. Улагая) к Волге и утвердил мое решение атаковать Воропаново. Тогда же я получил донесение, что пять-шесть конных полков красных показались со стороны Басаргина, против моего левого фланга. Вместе с подошедшими бронепоездами я перешел против них в наступление и, отбросил их сравнительно легко, занял после этого Воропаново.

На правом фланге одна из дивизий ген. Улагая овладела селением Бекетовка. На левом — ген. Покровский, после упорного боя, занял Карповку и Бабуркин. Ген. Врангель направил туда нашу авиационную эскадрилью, которая забросала большевиков большим количеством бомб, которые внесли в ряды их большое расстройство, но наступившая темнота вынудила прекратить наши действия.

Побывавший у меня в Воропаново ген. Врангель приказал мне, с утра, атаковать Гумрак, сказав, что сам он переезжает на правый фланг к ген. Улагаю. На рассвете он туда прибыл и тотчас приказал ген. Улагаю немедленно перейти в наступление и овладеть городом. После жаркого боя, поддержанный бронепоездами, самолетами и сильным огнем наших полевых батарей, ген. Улагай ворвался в Царицын.

К этому времени мои полки овладели Гумраком, перерезав единственный оставшийся от Царицына железнодорожный путь. Мы захватили громадные запасы подвижного состава, крайне нам необходимого в то время. В атаке Гумрака приняли участие горцы ген. Гревса. Мой друг, к которому я всегда питал самые искренние чувства дружбы, был необычайно доволен, что на моих глазах своими лихими атаками его горцы заслужили забвение своего бегства впереди Маныча.

Не задерживаясь в Гумраке, я пошел на Дубовку, чтобы перехватить красные части, отходящие по Волге. Вскоре Волга оказалась перед нами. Выход на эту реку, которую мои казаки и я увидели впервые, был нами воспринят с необычайным подъемом. Казаки запели волжские песни. Настроение было радостное, так как уже вполне ощущался нами разгром красных. Не имея еще сведений о действиях под Царицыным, нам было ясно, что участь его решена.

Утомление конского состава было необычайным; при подходе к Дубовке кони плелись с трудом, но здесь красные оказали слабое сопротивление. Однако, на реке Пичуге пришлось еще с боем овладеть ее течением. Пленных было много, материальной части было захвачено тоже большое количество.

К вечеру 19 июня я перенес свой штаб в Дубовку, на Волгу. Донося о занятии Дубовки, я одновременно осведомлял ген. Врангеля о том, что на несколько дней я вынужден ограничиться лишь разведкой и охранением, так как конский состав полков истощен до крайности. Но в этом районе мы, наконец, могли пользоваться местными средствами питания и подкормит людей и лошадей. Захваченные у красных боевые запасы обеспечивали нас на долгое время. Возникал лишь вопрос об их подвозке в случае нашего дальнейшего наступления.

За поход от Великокняжеской до Царицына Кавказская армия потеряла шесть начальников дивизий, двух командиров бригад и одиннадцать командиров полков. Убыль в частях дошла до того, что полки обратились в сотни.

С генералом А. В. Шварцем в Одессе

Я. И. Кефели

ОСЕНЬ 1918 — ВЕСНА 1919 ГГ.

Осенью 1919 года военный инженер генерал-лейтенант Алексей Владимирович Шварц, уезжая со своей женой из Константинополя во Францию, передал моей жене опечатанный сургучной печатью пакет бумаг.

«Вы живете более оседло, сохраните мои документы о событиях в Одессе, связанных с моим именем», сказал он.

Жена хранила их в большом сундуке, где находились и мои бумаги об этих событиях. Когда мы переехали в 1926 году в Париж, перевезли и этот пакет в том же сундуке. В конце 1928 года мы вынуждены были оставить нашу квартиру (10, рю де ля Кавалери), а все крупные вещи сложили в домовом погребе. После кончины моей жены (17 апреля 1942) я обнаружил, что все было выкрадено из сундука. Пропали и все документы.

Это побудило меня написать воспоминания о событиях, происходивших в моем поле зрения в Одессе с осени 1918 до весны 1919 года Я. К.

Десантная армия для захвата Петрограда, замышленная А. И. Гучковым.

До Первой мировой войны Александра Ивановича Гучкова я знал только по газетам. Увидел его впервые незадолго до этой войны на складах Красного Креста под Петербургом. Представителям военного и морского ведомства (я был от морского) демонстрировались новые заготовки Красного Креста в присутствии Александра Ивановича. Мы были ему представлены, однако, дело кончилось только безмолвными рукопожатиями.

На всех нас А. И. Гучков произвел самое лучшее впечатление: спокойный, самоуверенный, медленно цедящий слова, знающий себе цену, он, видимо, хорошо знал военно-санитарное дело и боевую обстановку, мне также хорошо известную по обороне Порт-Артура. Его черно-масляные глаза «факира» медленно останавливались на собеседнике и глубоко пронизывали человека.

Познакомился же я ближе с Гучковым в декабре 1916 года в Трапезунде, где в это время я был городским головою. В ту пору Гучков объезжал Кавказский фронт, ведя таинственные разговоры с высшим начальством.

Генерал Алексей Владимирович Шварц, начальник Трапезундского укрепленного района, по телефону поручил мне посетить бывшего председателя Государственной Думы и сделать ему доклад о городских делах. Я не застал вечером Гучкова на квартире, а на утро поехал его провожать на пристань. Там были все начальствующие лица, во главе с генералом Шварцем. Генерал представил меня Гучкову, он задал мне несколько вопросов о городских делах.

После отъезда Гучкова по городу стали ходить слухи, что он подготовляет базу для предстоящих «перемен». Спросить прямо об этом своего генерала я не считал удобным, несмотря на наши дружеские и давние отношения. А главное, не хотел активно делать шага по этому пути.

Под новый, 1917-й, год во дворце знатной турецкой фамилии Немли-заде, резиденции начальника укрепленного района, был большой прием. Было более сотни приглашенных, военных и гражданских властей края, местных нотаблей, многочисленного и разнообразного духовенства и консульских представителей. В многочисленных речах и веселых разговорах, как будто, чего-то ждали хорошего и значительного в наступающем году. Под шумок поговаривали и о миссии Гучкова.

Когда ужин окончился, стали курить и публика разбрелась по разным смежным залам дворца. В одной из гостиных я увидел, что генерал Шварц сидит один. Подойдя к нему, я присел и сказал:

— «Желаю вам, Алексей Владимирович, в нынешнем году быть военным министром в кабинете Гучкова».

Он улыбнулся, но ничего не ответил. С моей стороны это было и искреннее пожелание. Я верил в его умение и пригодность, но в некоторой степени это была и проба на слухи о роли Гучкова при объезде им всех видных генералов на обоих фронтах.

Лакмусовая бумажка дала положительную реакцию. Я тотчас отошел. Не было сомнения, что смутные слухи о роли Александра Ивановича были верны. Это был визит буревестника и к нам в Трапезунд, сеющего ветер и для нас всех. Вскоре мы пожали февральские бури, а за ними восемь месяцев развала великой империи и оказались у пропасти рухнувших надежд.

Затем с Гучковым мне пришлось встретиться уже в Петрограде в ноябре 1917 года, после захвата большевиками Зимнего дворца.

Я возвратился с Кавказа в Петроград за неделю до большевистского переворота на старую службу в морском министерстве и бывал у генерала Шварца, занимавшего в то время должность начальника Главного технического управления. Жили Шварцы в казенной квартире на Садовой улице, около Невского проспекта.

В первые дни после переворота морское и военное министерства не перешли на сторону Ленина и жили своей изолированной жизнью вплоть до 16 ноября. По существу, уже никакой службы и быть не могло — развал достиг крайнего предела. На службе мы обсуждали текущие мрачные события и вопросы продовольствия.

В этот период как-то возвращался я из адмиралтейства домой по Невскому проспекту. Навстречу шел, возвращаясь с фронта, полк велосипедистов. Шел он еще на подобие строя, ведя свои велосипеды. Публика, заполнявшая тротуары, обменивалась фразами с солдатами и задавала им вопросы? «Вы за кого? Кто вы»». Солдаты отвечали, но ответы были неопределенные.

Только что полк прошел — послышалась откуда-то трескотня ружей, затем пулемета. Началась суета, но вскоре улеглась.

Я зашел к Шварцам. В этот день у них я видел и А. И. Гучкова. Он забежал на несколько минут и исчез, очевидно боясь преследования, ибо в это время его уже искали большевистские заправилы.

После ухода Гучкова Антонина Васильевна Шварц сказала мне, что они ищут, где бы мог Александр Иванович укрыться на насколько дней и переночевать в случае надобности. Так как я жил одиноко, семья моя оставалась в Тифлисе, то Антонина Васильевна спросила, не могу ли я и свою квартиру зачислить в число тех, где Александр Иванович мог бы скрываться в случае надобности. Я охотно согласился и приготовил у себя все необходимое. У нас не было швейцара, место было скромное — на Гулярной улице, против Народного Дома. Но до моего отъезда на Кавказ 16 ноября Гучков ко мне не зашел.

В следующий раз с Александром Ивановичем я встретился в Одессе, кажется, в декабре 1918 года. Гучков приехал в Одессу от генерала Деникина, который еще в то время не развернулся в

мощную силу и был на Северном Кавказе. Гучков хотел видеть генерала А. В. Шварца.

В это время генерал Шварц, прибывший в Одессу из Киева при наступлении большевиков, за отсутствием свободных помещений в переполненном беженцами городе, поселился с женой на время в квартире моего отца, старшего газзана караимской кенассы, помещавшейся в доме караимского джемата. Там же жили и мы с женою и сыном с тех пор, как, возвращаясь с Кавказа в Петроград, застряли в Одессе вследствие целого ряда переворотов на Украине.

Свидание Гучкова со Шварцем произошло на квартире моего отца. Шварц просил, чтобы никто не знал об этом свидании. Поэтому моя мать всех приходивших к отцу по делу и всех гостей выпроваживала под разными предлогами. Совешание Шварца с Гучковым продолжалось несколько часов подряд; о чем они говорили — нам не было слышно.

Потом Гучков, Шварц с женой и мы все, а также мой отец, мать братья и сестры вместе обедали. Все обратили внимание, что Гучков очень любил каленые орехи и,как заметил наш сын-мальчик, съел всю тарелку. За столом никаких разговоров о военных делах не было, но обед прошел очень весело.

По уходе Гучкова, Шварц позвал меня к себе и рассказал о содержании своего разговора с Гучковым.

Гучков получил согласие генерала Деникина органияовать десантную армию из военнопленных, находившихся в Германии и Австрии, для захвата Петрограда с моря и последующего молниеносного движения на Москву. В это время число русских пленных у противника исчислялось в три миллиона.

Гучков предложил Алексею Владимировичу пост командующего десантной армией. Предполагалось, что наступление будет вестись с трех пунктов: со стороны Прибалтики, где в это время уже действовал генерал Юденич, с севера, где формировалась какая-то армия, главный же удар должен был быть нанесен с моря, для чего и намечалась эта десантная армия.

Шварц дал согласие Гучкову и начал тайно формировать свой штаб и управление различных служб армии.

Начальником штаба был приглашен генерального штаба генерал-майор Прохорович, бывший начальником штаба у ген. Шварца в Ивангороде, а затем помощником военного министра на Украине.

Адмирал Хоменко, который тоже находился в это время в Одессе, был приглашен Гучковым для командования десантным флотом.

Не помню всех начальников управлений армии, но помню, что начальником артиллерии был назначен какой-то виднейший русский генерал, начальником автомобильной части — военный инженер полковник Собин. Начальником санитарной части ген. Шварц предложил быть мне. В число своих четырех адъютанттов он взял и моего самого младшего брата Михаила, саперного прапорщика.

Невольно возникает вопрос, почему Гучков, намечая на высший пост десантной армии достойного, остановил свой выбор на генерале Шварце?

Генерал А. В. Шварц получил широкую известность в эту войну блестящей защитой крепости Ивангород в качестве ее коменданта. С Гучковым же был знаком лично еще в мирное время, когда Шварц был профессором фортификации в Николаевской Инженерной академии. В это время в армии проводились широкие реформы. Государственная Дума принимала в них большое участие. Гучков был в числе первых среди членов Думы, интересовавшихся и действующих в этом направлении.

Профессор Шварц, порт-артурец, георгиевский кавалер и талантливый военный инженер; свою диссертацию он посвятил вопросу о новшествах в устройстве крепостей, на основании опыта Порт-Артура. Я хорошо помню его защиту в Инженерной академии, куда он пригласил и меня. Отзывы оппонентов были восторженные. Помню выступление старого севастопольца, полного генерала Рерберга, с трясущейся головою. Кроме того, Шварц принимал участие в военной литературе. Он писал в «Военном Голосе», тогда умеренно-либеральной газете, был одним из четырех редакторов «Военной Энциклопедии» Сытина и вообще был известен в широких военно-научных и передовых кругах. Помню однажды Шварц пригласил меня пойти вместе с ним на политическое собрание в дом князя Горчакова, где было не менее ста человек приглашенных, среди которых выступали депутаты-славяне австрийского парламента. Блестящую речь на этом собрании произнес зять кн. Горчакова — А. Н. Брянчанинов. Собрание, не называя никого по имени, в очень деликатных выражениях все же порицало деятельность правительства. Поэтому я туда больше не ходил, считая, что мне, как военнослужащему и, как караиму, в политику соваться не следует.

Контакт же между Гучковым и Шварцем начался на почве деятельности Государственной Думы.

Второй причиной и, возможно главной, заставившей Гучкова остановиться на генерале Шварце, было то, что Шварц, хотя и случайно был одним из основателей красной армии. В средине 1918 года он бежал от большевиков и прекрасно знал условия и обстановку их деятельности. Произошло это следующим образом.

Большевистский переворот застал генерала Шварца в должности начальника Главного технического управления. Когда немцы двинулись на Петроград, чтобы раздавить большевиков, Троцкий предложил генералу Шварцу организовать заново переставшую существовать русскую армию,

так как не было надежды на красную армию, составленную из рабочих. Политические умеренные партии, тайно действовавшие еще в столицах при большевиках, узнав о сделанном Шварцу предложении, тотчас уведомили его, что они просят это предложение принять и со своей стороны окажут ему содействие .

Шварц предложение принял, поставив Троцкому некоторые условия в отношении дисциплины и офицерского состава. Троцкий согласился, Тогда Шварц обратился с воззванием к офицерам, приглашая их немедленно вступить в ряды войск для спасения родины от внешнего врага. Офицерство довольно широко откликнулось. Однако события мировой политики шли гигантскими шагами. Только были заложены первые камни для создания этой армии, политика Германии изменилась. Немцы остановили свое наступление на Петроград и вступили в переговоры о мире с большевиками.

Брест-литовский мир сделал ненужными для большевистской власти услуги генерала Шварца по созданию армии, как и услуги адмирала Шастного, ставшего во главе флота. Большевистская власть расстреляла Щастного. Очередь была за Шварцем. Он был вызван, по примеру Щастного, к Троцкому из Петрограда в Москву, но благодаря случайностям, воспользовался украинскими документами ,как уроженец Екатеринослава, и со своей женой, скромной Антониной Васильевной, с одним чемоданчиком тайно проскочил в Киев.

В это время я как раз находился в Киеве и жил в гостинице «Франция», где помещалось украинское морское министерство, руководимое адмиралом Максимовым, бывшим порт-артурцем, нашим общим приятелем. Я был вызван из Одессы в Киев для составления устава о воинской повинности для предполагавшейся гетманской армии. В это время я был в должности санитарного инспектора корпуса морской обороны Черного моря. Во главе же этого корпуса стоял контр-адмирал Свиты Его Величества С. С. Фабрицкий.

⁂

По плану, составленному генералом Шварцем вместе с начальником его штаба, предполагалось организовать десантную армию в 210.000 человек. Особенно должна была быть сильной автомобильная часть. Вооружение и снаряжение должны были дать союзники, на что, по словам Гучкова, было получено согласие маршала Фоша.

Десантный флот для перевозки армии и ее снаряжения должен был состоять из всех русских судов, разбросанных по портам Балтийского моря и Европы. Военный флот, прикрывающий десант, должна была дать Англия. Авиацию целиком с личным составом должны были дать англичане и французы. Одежду и экипировку — французы. Предполагалось, что на французскую форму мы наденем только русские погоны и кокарды. Всю подготовительную операцию: комплектование, формирование и обучение предполагалось проделать в два-три месяца на островах Эзель и Даго. Удар должен был быть направлен возможно ближе к Петрограду, с высадкой где-нибудь возле Ораниенбаума.

Политическая ситуация в местностях будущих действий этой армии представлялась командованию вполне удовлетворительной для успешности операций. Поэтому, после захвата Петрограда, предполагалось немедленно двинуться на Москву, чтобы захватить головку большевистской партии. Командование считало, что вся территория будущих действий является уже подготовленным тылом, так как население в большинстве поддержало бы наступающих. Легко можно было бы не только организовать снабжение, но и пополнить кадры выбывших и даже увеличить армию на счет местных средств и контингентов. К этому времени коммунистический террор и хаос уже достаточно надоели местному населению, которое перестало верить в коммунистический рай, обещанный Лениным.

Десантная армия должна была состоять из нескольких пехотных дивизий. В каждой дивизии -- по три бригады; в каждой бригаде — по три полка; в каждом полку — по три батальона. Генерал Прохорович объяснил мне, что все эти особенности суть последние практические выводы войны, которые они считают важным применить в создаваемой армии. Тройное последовательное деление некоторых войсковых групп давало начальникам больше самостоятельной активности в бою, ибо каждому из них предоставляло свои усиленные резервы.

Были изменения и в организации кавалерии, артиллерии, сапер, службы связи, танков, интендантской части и проч. Я был с ними тогда еще мало ознакомлен, да и позабыл уже многое из того, что знал.

Особое внимание командования было обращено на автомобильную часть. Расчеты подвижного состава значительно превосходили самые широкие нормы, полученные на опыте войны нашей армией. Число грузовых автомобилей должно было доходить до трех тысяч. Благодаря такому количеству подвижных сил, эта армия приобрела бы необыкновенную подвижность и стала бы тем, что теперь называется моторизованной армией. На это мне указывали полковник Собин, а также мой товарищ по курсу, доктор Спасский, который был привлечен мною для разработки планов по санитарной службе, намечавшейся армии' Он в течении войны служил в Главном военно-санитарном управлении в Петрограде, в мобилизационном отделе, и был вполне в курсе этого рода вопросов.

Вспоминаю из моих разговоров с генералом Шварцем, что столь широкий размах в техническом оборудовании, сравнительно небольшой для российских просторов, армии зиждeлся не только на платонических пожеланиях достичь совершен-

ства, но и на реальной возможности обрести это без особого труда и в кратчайший срок.

В это время почти вся Европа производила демобилизацию своих бесчисленных вооруженных сил. Технические материалы и вооружение, самое совершенное по тому времени, было в огромном количестве и у Англии и у Франции. Кроме того, они разоружали Германию. При искренности в желании помочь своим союзникам, им не изменившим даже в столь тяжелых обстоятельствах, сделать это было очень легко. Техническое совершенство, как и созвучная мораль армии, были главными условиями успеха.

Когда штаб был сформирован и основные черты армии были установлены, всем начальникам отдельных служб было поручено составить по своему усмотрению небольшие комиссии из доверенных лиц для разработки детальных планов, каждому по своей части, исходя из директив командования.

В числе прочих начальников управлений будущей армии и я составил, по директиве начальника штаба, план действий и расчетов по санитарной части. Кроме доктора Спасского, я пригласил и другого моего товарища по курсу в Императорской Военно-медицинской академии — доктора Неймана. Оба они за время войны побывали в должностях и главных врачей госпиталей, и дивизионных врачей, изучили войну на опыте и знали свое дело.

Так как ведению моему в санитарном отношении должны были подлежать части не только десантной армии, но и десантного транспортного, очень многочисленного, флота, то в моем управлении был намечен и этот отдел. Эвакуация в тыл всех раненых и больных была направляющей идеей в наших расчетах. Почти все наши санитарные установления были намечены под автомобильную тягу и расчитаны на большую скорость передвижения.

Как участник русско-японской войны (оборона Порт-Артура), я старался применить все новшества и усовершенствования в сухопутной и морской службе, которые в течение десяти предшествующих лет моей службы в Морском министерстве упорно проводились во флоте и через посредство Главного санитарного инспектора флота тайн. сов. Зуева — и в нашей армии. Укажу на три из них, касающихся боевой санитарной службы.

1. — Мы наметили сортировку раненых при помощи путевых ярлыков, которая была принята в русском флоте по моему предложению и неоднократно испытана на маневрах в Балтийском и Черном морях. Система эта была премирована на Международном съезде Красного Креста в Лондоне в 1913 году. Съезд постановил поручить своему постоянному органу в Женеве сделать предложие всем державам, подписавшим Женевскую конвенцию, ввести ее в армиях всех стран, чтобы путем однообразия обозначений на ярлыках, облегчить участь раненых, попавших к неприятелю.

Вопрос о введении этой системы сортировки раненых обсуждался также и в нашей армии, в особой комиссии под председательством лейб-хирурга проф. Е. В. Павлова. Комиссия эта состояла при военно-санитарном Ученом комитете. Членами ее были от армии — порт-артурец хирург, доктор медицины В. Б. Гюббенет, впоследствии начальник санитарной части фронта, и профессор Императорской Военно-медицинской академии — хирург Р. Р. Вреден. От флота же: два порт-артурца — хирург доктор Кинаст и я.

Несмотря на то, что эта комиссия единогласно признала необходимым ввести эту систему и в нашей армии и, не взирая на то, что запрошенные военные округа также высказались за эту систему, дело затягивалось. Главный военно-санитарный инспектор Евдокимов, видимо, был шокирован тем, что инициатива реформы для армии исходила от флота.

Вскоре началась война. При наступлении немцев на Варшаву газеты писали о крайней неудовлетворительности эвакуации и скоплении большого количества раненых на железнодорожных станциях, остающихся без помощи по несколько дней. В «Новом Времени» появились две статьи двух виднейших его сотрудников — Меншикова и Столыпина. Один из фельетонов Меншикова «Должны победить» был целиком посвящен моей системе сортировки раненых. Оказалось, что Меншиков и Столыпин были инспирированы по этому поводу проф. лейб-хирургом Е. В. Павловым, который, как председатель комиссии, признавшей эту систему необходимой и для нашей армии, был возмущен отношением Евдокимова к этому вопросу. Он лично отвез экземпляры написанной мною по этому поводу брошюры Меншикову и Столыпину. Меншиков возмущался, что Военное ведомство до сих пор не ввело у себя эту систему. Аналогичную статью поместил и Столыпин.

2. — Затем, в нашей тайной комиссии мы решили снабдить десантную армию, помимо индивидуальных пакетов, даваемых каждому воину, также и готовыми повязками для артиллерийских ран и для ожогов. Эти повязки были приняты в нашем флоте также по моему предложению, на основании опыта в Порт-Артуре. Они предназначались лишь для санитарного персонала и полевых санитарных установлений. Цель этих повязок — дать возможность фельдшеру и врачу в бою наложить стерильную повязку немытыми руками, ибо опытом доказана полная невозможность достигнуть стерильной чистоты рук у санитарного персонала в районе совершающихся военных действий вплоть до операционного стола. На санитарной выставке в Петербурге в 1913 году повязки эти были премированы большой серебряной медалью.

3. — Третьим новшеством, которое мы наметили для будущей десантной армии, тоже на основании опыта в Порт-Артуре, был принцип свободного обмена носилками между всеми частями ар-

мии: раз положенного на носилки раненого по возможности не перегружать в другие носилки вплоть до операционного стола.

В общем, все эти наши соображения были продиктованы необходимостью крайнего ускорения эвакуационных действий.

Что касается вопроса о комплектовании армии солдатами, то командование полагало, что условия для этого будут благоприятные. Солдаты могли бы быть набраны из людей соответственного возраста, хорошего здоровья и вполне надежных в отношении морали и политической ориентации. Из трех миллионов пленных надо было отобрать только двести тысяч человек. Для этого была образована особая комиссия под председательством контр-адмирала Ислямова, известного мусульманского деятеля. Думали, что надежнейшим элементом при вербовке будут татары.

Командный состав решено было навербовать в Одессе, где скопилось, как думали, до 30.000 офицеров. Для этого были открыты вербовочные бюро. Предполагалось, что бюро будут тайными. На самом деле, они были совершенно явными. Решено было набрать до 5.000 офицеров.

Весь офицерский состав имели в виду отправить на особых пароходах морем, сначала во Францию и оттуда морем же на острова Эзель и Даго. Записывались очень охотно, тем более, что большинство было в крайне тяжелом материальном положении.

Когда подготовительные мероприятия были разработаны и началась вербовка офицерского состава, в гостинице, где остановился Гучков, состоялось несколько совещаний начальствующих лиц. На некоторых из этих совещаний был и я.

Помню одно, на котором было человек около двадцати. Кроме генерала Шварца и Филатьева, бывшего помощника Гучкова по его должности военного и морского министра при первом Временном правительстве, было еще несколько генералов, фамилии которых я позабыл. На этом же заседании было три адмирала: адмирал Канин и вице-адмиралы Покровский и Хоменко.

Тайна плохо соблюдалась. Такое собрание, конечно, не могло быть незамеченным, тем более, что во главе был сам Гучков. Потом уже оказалось, что в этой же гостинице находилась и тайная организация большевиков.

Кого следовало бы винить в этой неосторожности, я сказать затрудняюсь, но полагаю, что в этом был повинен скорее сам Гучков, не понимавший степени большевистского задора и значительности своей особы в революционных судьбах российского государства. Всюду его можно было видеть и со всеми его можно было встретить разговаривающим. Собрание же в номере гостиницы столь значительного числа настоящих и бывших начальствующих лиц в военной форме скорее можно было назвать предумышленностью, мне непонятной, чем осторожностью.

Сам Гучков наметил день своего отъезда в Париж с генералом Филатьевым, чтобы подготовить операцию в штабе маршала Фоша. Намечены были также сроки отъезда генерала Шварца с его штабом. В Германию выехала комиссия с адмиралом Ислямовым для вербовки.

Все эти приготовления неожиданно рухнули, благодаря обстоятельству, которое я опишу в следующей главе.

(Продолжение следует)

Библиография

НОВАЯ КНИГА ЧЛЕНА ОБ-ВА Р.Р.В.С. СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА АНДОЛЕНКО

Генерал С. П. Андоленко, к 155-летнему завершению Наполеоновских войн, выпустил на французском языке, в издательстве «Еримприм», в Париже, большой исторический труд «Орлы Наполеона против Царских знамен».

Плод долголетней кропотливой работы и тщательных розысков в архивах и библиотеках, труд этот подробно разрабатывает, по сей день только частично затрагивавшийся историками, вопрос: какие, где, когда и при каких обстоятельствах были отбиты французами русские знамена, а также какими французскими и союзными знаменами овладели русские войска.

Тщательно исследуя все, что ему удалось отыскать и преследуя только одну цель: установление фактов, т. е. исторической правды, он разбирает все известные труды. как русских так и французских авторов и разрушает много живучих легенд.

Перед читателем встают в новом освещении русско-французские войны 1799-1815 г.г. Так, например, мы узнаем, что Аустерлицкий погром повлек за собой потерю всего нескольких русских знамен, что в Фридландской, несомненно победе Императора Наполеона русские войска знамен не теряли, но взяли три орла, что при уничтожении Великой Армии в 1812 г., французы спасли большую часть своих орлов и ,что, наконец, в победоносной для России войне 1814 г., не мало русских знамен было отбито французами, со своей стороны потерявших только одного орла.

Труд этот несомненно заинтересует всех любителей военной истории и вызовет, надо надеяться, отзывы историков.

Книга издана роскошно, при содействии Французского Национального Центра Научных Исследований, с предисловием генерала де Коссэ-Бриссака, начальника Исторической Секции Французского Генерального Штаба. Формат 24 × 33, переплет с золотым тиснением. 300 страниц текста. Многочисленные иллюстрации в красках и черным. Цена 105 фр.